ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG SIGILLVM
ET
VE RI TS
CHRISTO ECCLESIAE

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ LXXI. — ТОМЪ CDXIII. — 1/14 МАЯ 1906.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1906

3528

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 5.
МАЙ, 1906.
ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1906.

Подписка на годъ, полугодіе и вторую четверть 1906-го года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

ИЗЪ

ДНЕВНИКА

НА ВОЙНѢ 1877—78 ГОДОВЪ.

1878-ой годъ

1-ое января — 17-ое апрѣля.

III *).

21 января — 13 февраля.

21 января. — Вчера днемъ и всю ночь пришлось усиленно работать надъ составленіемъ срочнаго отчета Государю, и сегодня утромъ читалъ его Великому Князю, который по обыкновенію остался чрезвычайно доволенъ и нѣсколько разъ выражалъ удивленіе моей способности схватывать на лету его мысли и указанія и такъ быстро писать. Теперь надо весь день и всю ночь самому переписывать отчетъ, ибо завтра ѣдетъ курьеромъ въ Петербургъ ординарецъ Великаго Князя, поручикъ Рыдзевскій.

Погода уже четвертый день стоитъ чудная: тихо, тепло, солнце сіяетъ такъ ласково. Работаю при открытыхъ окнахъ.

2 часа Великій Князь давалъ обѣдъ турецкимъ уполномо-ъ, на который и я былъ приглашенъ. По обѣ стороны о Князя сидѣли Серверъ и Намыкъ паши; противъ него—

*) ... выше: апр., 489 стр.

подписавшіе перемиріе генералы Неджибъ и Османъ паши, а по обѣ стороны ихъ—Непокойчицкій, Радецкій, Гурко и адріанопольскій генералъ-губернаторъ Свѣчинъ. Никакихъ тостовъ не было. Послѣ обѣда я поспѣшилъ уйти, чтобы успѣть окончить переписку отчета.

Вечеромъ, когда пришелъ къ Великому Князю, надо было расшифровать двѣ депеши:

1) Отъ князя Горчакова, 16-го января:

„Шуваловъ телеграфируетъ, что въ прощальной аудіенціи Бёканану австрійскій императоръ неодобрительно отозвался о нашихъ мирныхъ условіяхъ“.

Какое намъ до этого дѣло?!

2) Отъ Государя, 18-го января (отвѣтъ на просьбу Великаго Князя отъ 14-го):

„Приказалъ составить соображеніе о средствахъ для амбарваціи одной дивизіи въ Севастополѣ, но, признаюсь, недоумѣваю, возможно ли рѣшиться на подобное предпріятіе въ виду турецкаго флота. Притомъ, желаю знать цѣль и мѣсто высадки“.

На эту телеграмму немедленно былъ составленъ, зашифрованъ и отправленъ слѣдующій отвѣтъ Великаго Князя:

„13-ю дивизію я полагалъ посадить на суда и двинуть къ Босфору, къ тому времени, когда, въ случаѣ непринятія Портою мирныхъ основаній, военныя дѣйствія привели бы насъ съ сухого пути къ Царьграду и Босфору. Полагалъ высадить эту дивизію на Малоазіатскій берегъ, съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать на Скутари. По полученнымъ свѣдѣніямъ, Игнатьевъ долженъ выѣхать изъ Бухареста 23-го числа“.

Нельзя не сказать, что объясненіе это довольно слабое, и нѣтъ сомнѣнія, что мысль о дессантѣ на малоазіатскій берегъ Босфора останется безъ послѣдствій. Едва ли и самъ Великій Князь будетъ на этомъ настаивать: мысль мелькнула внезапно, а теперь она его больше не занимаетъ.

Кромѣ вышеприведенной отвѣтной телеграммы, послана Государю еще слѣдующая:

„Послѣ небольшой перестрѣлки у Хиседжи и затѣмъ боя у Хасанлара, гдѣ турки ожидали нашихъ на позиціи, 15-го января, отрядъ нашъ сбилъ непріятеля, вечеромъ подошелъ къ Разграду, и 16-го января утромъ занялъ его уже безъ боя. Патронная фабрика и пороховой заводъ достались въ наши руки.

„Сегодня я давалъ обѣдъ турецкимъ уполномоченнымъ. Тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ русскіе ордена, явились, имѣя ихъ на себѣ.

„Всѣ они вообще были чрезвычайно любезны и внимательны.

„Сандро [1]) прибылъ нынче ночью благополучно сюда, совершенно здоровъ.—Адріанополь, 21-го января, 9 ч. вечера".

22 января.—Сегодня отправленъ съ поручикомъ Рыдзевскимъ слѣдующій *Отчетъ Государю:*

„Имѣю счастіе поздравить Ваше Величество съ славнымъ окончаніемъ военныхъ дѣйствій. Непріятель склонилъ голову передъ силою побѣдоноснаго русскаго оружія: 18-го января турецкіе уполномоченные заявили мнѣ, что покоряются нашимъ условіямъ, а 19-го, ровно черезъ мѣсяцъ послѣ ташкисенскаго боя, подписали предварительныя условія мира и подробныя условія перемирія. Текстъ этихъ послѣднихъ условій имѣю счастіе представить при семъ Вашему Величеству.

„Въ настоящемъ отчетѣ я долженъ представить Вашему Величеству обзоръ тѣхъ мѣръ, которыя я предполагалъ принять на случай продолженія военныхъ дѣйствій и того положенія, въ которомъ заключеніе перемирія застало войска [2]).

„Всѣ вообще войска, а отрядъ генералъ-адъютанта Гурко въ особенности, были крайне утомлены форсированными маршами по распустившимся отъ проливныхъ дождей дорогамъ. Одежда изношена и истрепана. Вмѣсто фуражекъ, нѣкоторые—въ болгарскихъ шапкахъ и даже въ чалмахъ. Обувь въ самомъ жалкомъ видѣ: у кого сапоги безъ подошвъ, у кого опанки, а у многихъ ноги обернуты разнымъ тряпьемъ. Бѣлья почти нѣтъ. Палатокъ давно уже нѣтъ: или сгнили отъ дождей, или пошли на онучи и портянки. Обозъ далеко позади: войска западнаго отряда не видали его съ тѣхъ поръ, какъ выступили изъ Орханіи. Вслѣдствіе этого даже большинство офицеровъ имѣли при себѣ лишь то, что̀ могли унести на себѣ сами или увезти въ кабурахъ сѣдельныхъ лошадей. Артиллерія всѣхъ колоннъ на половину оставлена позади, такъ какъ дожидаться спуска ея съ горъ было некогда. О паркахъ и говорить нечего: всѣ отстали на нѣсколько переходовъ. Запасъ зарядовъ ограничивался лишь тѣмъ, что помѣщается въ передкахъ орудій и передкахъ зарядныхъ ящиковъ: задніе ходы ящиковъ почти всѣхъ батарей пришлось оставить за горами, въ виду невозможности ихъ везти.

---

[1]) Уменьшительное имя принца Александра Баттенбергскаго.

[2]) За симъ слѣдуетъ подробное перечисленіе, на нѣсколькихъ страницахъ, бригадъ, батальоновъ, ротъ, драгунскихъ полковъ, казачьихъ сотенъ и т. д., съ наименованіемъ мѣстечекъ ихъ расположенія; опускаемъ эти подробности, какъ не представляющія въ настоящее время никакого интереса для читателя журнала. — *Ред.*

Запасъ патроновъ — не менѣе 100 на ружье, а въ нѣкоторыхъ частяхъ — до 150-ти. Боевая сила слабая: у пѣхоты — вслѣдствіе большого числа отсталыхъ, неизбѣжнаго при столь неимовѣрно-быстромъ движеніи; у кавалеріи — отъ усиленной и продолжительной развѣдывательной и сторожевой службы и отъ энергическаго преслѣдованія непріятеля по труднымъ горнымъ дорогамъ и тропинкамъ, при гололедицѣ. Среднимъ числомъ было по 500 штыковъ въ баталіонѣ и по 80 всадниковъ въ эскадронѣ.

„Но, несмотря на все это, бодрость въ людяхъ удивительная. Духъ офицеровъ и солдатъ превосходный.

„Состояніе здоровья, благодаря обильному продовольствію на счетъ средствъ страны и захваченнымъ турецкимъ запасамъ, въ особенности же благодаря обильной мясной дачѣ — хорошо. Даже большинство отсталыхъ были совершенно здоровые люди, которые не могли идти лишь по недостатку обуви или потому, что обморозили ноги еще на Балканахъ. Поэтому, еслибы дать войскамъ продолжительный отдыхъ, необходимый для сбора отсталыхъ, исправленія одежды и обуви, ковки и поправки лошадей, и для того, чтобы подтянуть артиллерію, обозы и парки, то войска могли бы скоро быть приведены въ состояніе настолько хорошее, какъ нельзя было даже ожидать послѣ тѣхъ невѣроятныхъ трудовъ и лишеній, которые онѣ вынесли.

„Но дать этотъ отдыхъ, по моему крайнему убѣжденію, было нельзя. Турки, послѣ неожиданнаго для нихъ перехода нашего черезъ Балканы, послѣдовательнаго спуска нашего съ горъ въ разныхъ мѣстахъ, еще болѣе неожиданнаго плѣненія шипкинской арміи и быстраго появленія нашихъ войскъ въ тылу Сулеймана на пути къ Адріанополю, были поражены какъ громовымъ ударомъ. Всюду распространился паническій ужасъ. Все мусульманское населеніе забалканской Болгаріи почти поголовно бѣжало: или къ Константинополю, забравъ все, что можно, съ собой и уничтожая все остальное; или вооруженными шайками въ горы, къ югу отъ Самакова и Филиппополя. Разгромленная армія Сулеймана-паши бѣжала вразсыпную къ Эгейскому морю.

„Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, я твердо рѣшился продолжать самое энергическое наступленіе къ Константинополю, не ожидая ни сбора отсталыхъ, ни исправленія обуви, ни артиллеріи, ни парковъ, а идти безостановочно впередъ, съ тѣмъ, что есть подъ рукою, чтобы не дать туркамъ времени ни оправиться отъ овладѣвшей ими паники, ни организовать оборону столицы, ни собрать и подвезти туда моремъ остатки разбитой

арміи Сулеймана и другія войска. Именно въ это время турки стягивали все, что̀ могли, къ Константинополю, на линію укрѣпленій Дэркосъ-Чекмеджи, уклоняясь при отступленіи отъ всякихъ столкновеній даже съ нашими разъѣздами.

„Я приказалъ: авангарду и кавалеріи наступать безостановочно, а главнымъ силамъ начать общее наступленіе тотчасъ, какъ только соберется къ Адріанополю весь отрядъ генералъ-адъютанта Гурко, т.-е. 19-го января. Затѣмъ, въ виду разлива Марицы и сноса мостовъ, и происшедшей оттого задержки въ движеніи войскъ между Херманли и Адріанополемъ, я отсрочилъ начало общаго наступленія до 21-го января.

„Въ настоящемъ же положеніи войска останутся теперь нѣсколько дней, отдохнутъ, приведутъ въ исправность одежду и обувь и затѣмъ будутъ поставлены по квартирамъ, на все время перемирія, такъ, чтобы сочетать удобства размѣщенія съ полною готовностью къ возобновленію военныхъ дѣйствій на случай, если бы миръ не состоялся. Я еще не рѣшилъ окончательно, какъ расположу для этой цѣли войска; пока могу лишь сказать, что постараюсь какъ можно скорѣе вывести бо̀льшую часть ихъ изъ Адріанополя, такъ какъ скученное расположеніе въ этомъ городѣ можетъ породить эпидемическія болѣзни, которыхъ до сихъ поръ, слава Богу, не было. Въ Адріанополѣ я оставлю только 5-ю пѣх. дивизію и бугскій уланскій полкъ. Управленіе этимъ городомъ и всѣми санджаками Адріанопольскаго вилайета, находящимися въ нашей власти, я ввѣрилъ, съ 17-го января, командиру 9-го арм. корпуса ген.-лейт. Свѣчину, на правахъ военнаго генералъ-губернатора. Помощникомъ его назначилъ начальника штаба того же корпуса, генералъ-маіора Липинскаго.—Адріанополь, 22-го января 1878 г.“.

Отъ Государя получена сегодня слѣдующая телеграмма, поданная въ Петербургѣ 19-го января въ 12 ч. 40 м. пополуночи.

„Сообщаю тебѣ телеграмму султана, полученную сегодня вечеромъ, и мой отвѣтъ:

„Его Величеству Императору Всероссійскому. Константинополь, 30-го января 1878. Мое правительство телеграфировало 24-го сего мѣсяца моимъ уполномоченнымъ о принятіи главныхъ основаній, предложенныхъ Е. И. В. Великимъ Княземъ Николаемъ для заключенія перемирія и возстановленія мира. Съ тѣхъ поръ прошло шесть дней, но мое правительство все еще не получило отвѣта на это сообщеніе. По принятіи моимъ правительствомъ главныхъ основаній перемирія и мира, продолженіе воен-

ныхъ дѣйствій уже не вызывается необходимостью и не можетъ имѣть другихъ послѣдствій, кромѣ увеличенія страданій моихъ подданныхъ, уже подвергшихся столь тяжкимъ испытаніямъ. Посему я обращаюсь къ человѣколюбивымъ чувствамъ В. И. В. и прошу—соблаговолите повелѣть командующимъ арміями прекратить враждебныя дѣйствія.—Абдулъ Гамидъ".

„Мой отвѣтъ:

„Его величеству султану, въ Константинополь.

„Я еще не имѣлъ извѣстія о полученіи уполномоченными вашего величества въ главной квартирѣ согласія вашего на принятіе главныхъ основаній перемирія. Когда уполномоченные объ этомъ заявятъ — братъ мой уполномоченъ согласиться на перемиріе. Ваше величество можете быть убѣждены, что я искренно раздѣляю ваше желаніе мира, но мнѣ нуженъ, я скажу даже, *намъ* нуженъ миръ прочный и солидный.—Александръ".

Изъ этой телеграммы ясно видно, до какой степени султанъ дрожалъ за свою судьбу, и какъ плохо, слѣдовательно, чувствовали себя турки все послѣднее время.

Вечерняя обычная телеграмма Великаго Князя Государю была сегодня очень коротка:

„Новаго ничего нѣтъ. По донесенію отъ 18-го января, генералъ Столѣтовъ занялъ Котелъ послѣ ряда безпрерывныхъ стычекъ. Въ одной изъ нихъ тяжело раненъ въ руку флигель-адъютантъ полковникъ князь Вяземскій. Сегодня отправилъ къ тебѣ курьеромъ ординарца моего Рыдзевскаго съ журналомъ и условіями перемирія.—Адріанополь, 22-го января, 8 ч. вечера".

23 января. — Я совсѣмъ забылъ упомянуть, что вчера Великій Князь давалъ большой обѣдъ, къ которому были приглашены всѣ находящіеся въ Адріанополѣ старшіе начальники, до командировъ отдѣльныхъ частей войскъ и начальниковъ дивизіонныхъ штабовъ включительно. Передъ этимъ обѣдомъ, разбирая вновь полученныя газеты, я нашелъ въ нихъ письмо командира прусскаго гвардейскаго корпуса, принца Августа Виртембергскаго, къ нашему Государю, и прочелъ его Великому Князю, который велѣлъ мнѣ, подъ конецъ обѣда, прочесть это письмо вслухъ всѣмъ приглашеннымъ. По окончаніи чтенія, Великій Князь всталъ и провозгласилъ тостъ за здоровье вѣрнаго друга нашего Государя, императора германскаго, и „ура" ему. Музыка заиграла германскій гимнъ, который былъ выслушанъ стоя и покрытъ криками „ура".

Сегодня Великій Князь приказалъ составить двѣ благодарственныхъ телеграммы: французскую—императору Вильгельму и нѣмецкую—принцу Августу Виртембергскому. Составленіе первой взялъ на себя самъ Непокойчицкій, а вторую — приказалъ составить мнѣ. Вотъ онѣ обѣ:

1) „Берлинъ. Его величеству императору.

„Вчера узналъ изъ полученныхъ мною изъ Петербурга газетъ о чудномъ письмѣ, которое принцъ Августъ Виртембергскій послалъ, съ вашего соизволенія, отъ своего имени и отъ лица блистательнаго геройскаго корпуса прусской гвардіи, — моему брату Государю Императору, поздравляя его съ побѣдами дѣйствующей арміи, въ составъ которой входитъ и гвардія. Письмо это было прочитано въ присутствіи начальниковъ частей войскъ, находящихся въ Адріанополѣ, въ томъ числѣ и гвардейскихъ, собравшихся у меня къ обѣду. Взрывъ восторга былъ необычайный. Дружелюбныя чувства несравненныхъ собратій по оружію заставили забиться всѣ сердца и долго не умолкало наше „ура" во славу вашу и вашей арміи. Какъ отъ себя, такъ и отъ лица всей арміи, и въ особенности гвардейскаго корпуса, я счастливъ выразить вашему величеству чувства нашей живѣйшей благодарности. Да сохранится навсегда взаимное чувство братства, во славу обѣихъ армій и на процвѣтаніе обѣихъ имперій".

2) „Берлинъ. Принцу Августу Виртембергскому, командиру гвардейскаго корпуса.

„Ваше королевское высочество. Только вчера мы имѣли неожиданное удовольствіе прочесть ваше столь дорогое для насъ письмо Государю Императору нашему, отъ имени прославленной прусской гвардіи. Благодаря случаю, письмо было получено именно въ то время, когда всѣ начальники частей войскъ, въ томъ числѣ и гвардейскихъ, собрались ко мнѣ къ обѣду. Это доставило мнѣ радость прочесть ваше письмо вслухъ представителямъ нашей гвардіи и провозгласить здравицу дорогому и вѣрному другу Россіи, великому императору Вильгельму и его славной гвардіи и арміи. Послѣдовало восторженное, нескончаемое „ура". Дай Богъ, чтобы наши взаимно-дружескія чувства и наше старинное, уже много десятковъ лѣтъ продолжающееся братство по оружію—оставалось незыблемо и впредь. — Главнокомандующій".

Государю было донесено объ этомъ особою телеграммою, и кромѣ того послана слѣдующая:

„Циммерманъ доноситъ, что послѣ дѣла 14-го января турки ночью очистили Базарджикъ и, оставивъ тамъ склады оружія и артиллерійскаго имущества, отступили въ Варну. Три мечети,

армянскую церковь и провіантскій складъ въ болгарской церкви турки подожгли, но жители потушили пожаръ. Въ Базарджикѣ остался госпиталь „Красной Луны“ съ 250 тяжело ранеными турками и египтянами и 70 больными. Городъ не разоренъ; укрѣпленія, весьма сильныя, также цѣлы.—Адріанополь, 23-го января 8 ч. вечера“.

Уже по отправленіи этой телеграммы, была получена слѣдующая телеграмма Государя отъ 9 ч. 55 м. вечера 20-го января: „Послѣднее извѣстіе изъ Константинополя о согласіи Порты на наши условія послано оттуда 12-го числа, но до сихъ поръ не имѣю отъ тебя извѣстія, начаты ли переговоры о перемиріи. По общимъ политическимъ соображеніямъ, желательно ускорить заключеніе перемирія и не давать предлога къ толкованію, будто мы нарочно тянемъ переговоры, чтобъ ближе подойти къ Царьграду. Такое желаніе отнюдь не должно входить въ наши виды, коль скоро Порта приняла наши условія“.

Изъ этого видно, какъ запаздываютъ телеграммы: 20-го, вечеромъ, Государь не зналъ даже о началѣ переговоровъ, тогда какъ 19-го вечеромъ они уже были кончены.

24 января.—Сегодня только получена телеграмма Государя, поданная въ Петербургѣ 18-го января, въ 5 ч. 40 м. дня.

„Телеграммы твои по прибытіи въ Адріанополь получилъ только сегодня. Радуюсь радушному пріему и блестящему состоянію, въ которомъ нашелъ гвардію. Повтори ей мое спасибо за молодецкую службу. На чемъ остановились переговоры? Правда ли, что турки приняли наши условія? Желательно весьма ускорить устройствомъ телеграфной линіи до Адріанополя“.

Не знаю, что̀ отвѣтилъ Великій Князь. Вечеромъ сидѣлъ у него очень долго. Были еще графъ Шуваловъ и принцъ „Сандро“ Баттенбергъ (третьяго дня пріѣхавшій); Великій Князь разспрашивалъ его о разныхъ подробностяхъ петербургской придворной жизни, о тамошнемъ настроеніи и т. п. Между прочимъ, принцъ разсказалъ, что Государь послалъ его для участія во второмъ забалканскомъ походѣ (онъ участвовалъ и въ первомъ), никакъ не ожидая, что онъ будетъ законченъ такъ быстро. При дворѣ, по словамъ принца, ожидали, что мы подойдемъ къ Адріанополю лишь позднею весною. Такимъ образомъ, быстрый захватъ всей забалканской Болгаріи долженъ былъ быть для Государя полнымъ сюрпризомъ. Впрочемъ, это было сюрпризомъ и для насъ самихъ.

Получена сегодня еще депеша отъ князя Милана сербскаго,

изъ Ниша, отъ 22-го января (3-го февраля), въ отвѣтъ на увѣдомленіе о перемиріи:

„Принося благодарность Вашему Императорскому Высочеству за августѣйшее сообщеніе о перемиріи, которымъ вы меня удостоили и которое я получилъ только сегодня, 22-го, послѣ обѣда,—я почтительно довожу до высокаго свѣдѣнія вашего, что я поспѣшилъ послать всѣмъ начальникамъ приказаніе: немедленно прекратить военныя дѣйствія и войти въ сношеніе съ оттоманскими начальниками объ установленіи демаркаціонной линіи сообразно съ инструкціями, которыя будутъ мною даны по прибытіи офицера, спеціально посланнаго Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ. Я особенно тронутъ тѣмъ благосклоннымъ вниманіемъ, съ которымъ Ваше Императорское Высочество изволили сообщить мнѣ, что Его Величество Государь Императоръ, нашъ августѣйшій покровитель, великодушно удостоилъ взять интересы Сербіи подъ свое могущественное покровительство.—Князь Миланъ Сербскій“.

25 января. — Получены двѣ сильно запоздалыя телеграммы Государя:

1) Отъ 4 ч. пополудни 20-го января:

„Крайне сожалѣю о пожарѣ казармы, въ которой помѣщался л.-гв. московскій полкъ, и о погибшихъ людяхъ и знамени 4-го баталіона. Прикажу имъ выдать новое. Понять не могу, что не получилъ еще извѣщенія о принятіи турками нашихъ условій“.

2) Отъ 3 ч. 30 м. дня 21-го января:

„Телеграмму твою отъ 19-го числа о заключеніи перемирія только-что получилъ, и благодарю Бога за достигнутый результатъ. Условія насчетъ крѣпостей признаю весьма выгодными. Сообщи мнѣ, положенъ ли срокъ перемирію? Желаю, чтобы ты разрѣшилъ сыновьямъ моимъ возвратиться сюда на нѣкоторое время“.

На вторую телеграмму Великій Князь немедленно отвѣтилъ въ $9^1/_2$ ч. вечера:

„Срокъ на перемиріе не назначенъ. Они просили, но я отклонилъ, потому что нахожу, что выгоды отъ этого не было бы никакой, а выговорено, что перемиріе продолжается до заключенія мира или до перерыва переговоровъ. Такъ что если увижу, что переговоры будутъ затягиваться, то я всегда волёнъ имъ назначить срокъ, и если ихъ не окончатъ къ тому времени, то буду всегда въ состояніи прервать переговоры. Всѣмъ тремъ племянникамъ далъ немедленное приказаніе выѣхать въ Петербургъ“.

Еще до полученія телеграммы Государя, Великій Князь телеграфировалъ ему сегодня слѣдующее:

„Турки ждутъ съ нетерпѣніемъ скорѣй покончить дѣло и заключить миръ. Про Игнатьева еще ничего не знаю, гдѣ онъ. Турки весьма любезны и во всемъ до крайности предупредительны. Сегодня войска мои выступаютъ изъ Адріанополя для занятія болѣе удобныхъ мѣстъ и чтобъ приблизиться къ демаркаціонной линіи. Здоровье войскъ пока самое удовлетворительное".

Наслѣднику Цесаревичу послана телеграмма въ Брестовацъ:

„Государь приказалъ мнѣ васъ троихъ немедленно отпустить на нѣкоторое время въ Петербургъ. Поэтому, на время твоего отсутствія, прошу тебя передать командованіе восточнымъ отрядомъ Тотлебену, а Ванновскому вернуться къ своему корпусу. Дай знать мнѣ, когда полагаете всѣ трое выѣхать".

Затѣмъ Государю послана еще одна телеграмма, составленная по полученнымъ въ теченіе дня свѣдѣніямъ:

„Цесаревичъ сообщаетъ, что къ 21-му января окончательно обложилъ Рущукъ и готовился уже потребовать черезъ парламентера сдачи крѣпости, а въ случаѣ отказа начать усиленное бомбардированіе, какъ получилъ мою телеграмму о заключеніи перемирія и посему пріостановилъ дѣйствія.

„Циммерманъ доноситъ, что 19-го января высланный имъ летучій отрядъ охотниковъ кинбурнскаго драгунскаго полка, капитана Раховича, разрушилъ динамитомъ на протяженіи двухъ верстъ желѣзную дорогу, въ 17 верстахъ отъ Варны, сжегъ станцію Гебеджи и испортилъ двѣ телеграфныя линіи".

Великому князю Михаилу Николаевичу въ Тифлисъ:

„Крѣпости турки должны очистить, со дня полученія на мѣстѣ начальниками ихъ на то приказанія, въ семидневный срокъ. Орудія и имущество остаются за турками и, если не могутъ быть вывезены въ назначенный срокъ, то принимаются нашими властями на храненіе по инвентарю, въ двухъ экземплярахъ описей. Продовольственные припасы, подверженные порчѣ, могутъ быть проданы турками или уступлены намъ, по взаимному соглашенію. Блокада портовъ Чернаго моря снимается, торговое плаваніе возстановляется. О Батумѣ ничего пока не выговорено.—Адріанополь, 25-го января, 9½ ч. вечера".

Сегодня же получены двѣ интересныхъ телеграммы:

1) Отъ князя Карла Румынскаго, изъ Бухареста, отъ 4-го февраля (23-го января), 2 ч. пополудни:

„Я получилъ депешу, которою Ваше Императорское Высочество извѣщаете меня о заключеніи перемирія. Прежде всего по-

здравляю отъ всего сердца васъ и доблестную императорскую армію съ блестящими успѣхами и достигнутыми славными результатами. Очень сожалѣю, что въ Петербургѣ не приняли во вниманіе нашу просьбу о допущеніи румынскаго уполномоченнаго къ участію въ заключеніи перемирія, въ качествѣ представителя союзной воюющей націи. Это ставитъ мое правительство въ весьма затруднительное положеніе передъ страною. Принимая въ соображеніе это незаслуженное устраненіе, я прикажу приготовиться къ занятію Виддина и Бѣлградчика и удержу эти крѣпости и прочіе города дунайскаго побережья въ видѣ залога, впредь до уплаты военныхъ издержекъ и вознагражденія, которое Турція должна уплатить Румыніи. — Карлъ".

Замѣчательная притязательность! Конечно, не самъ князь Карлъ сочинилъ эту телеграмму, а его первый министръ Братіано. Турки смотрятъ на румынъ (и совершенно правильно), какъ на возмутившихся вассаловъ, а румыны возмнили себя равноправною намъ воюющею державою. Не только желаютъ наравнѣ съ нами участвовать въ мирныхъ переговорахъ, но еще убѣждены въ своемъ правѣ требовать отъ Турціи уплаты денежныхъ издержекъ за свое возстаніе противъ ея верховной власти. Какое самомнѣніе! Они даже забыли, что независимость Румыніи еще должна быть оформлена мирнымъ договоромъ и признана всѣми державами.

Сомнѣнія нѣтъ, что турецкіе уполномоченные наотрѣзъ отказались бы вести мирные переговоры съ румынами.

Черногорскіе орлы, которые никогда не были подвластны туркамъ, не выражаютъ претензіи участвовать въ мирныхъ переговорахъ, а румынскіе индюки уже надулись и распустили хвосты. Вотъ что телеграфируетъ князь черногорскій изъ Даниловграда, отъ 6 ч. вечера того же 4-го февраля (23-го января):

„Въ лагерѣ у Подгорицы, 22-го января, я имѣлъ честь получить депешу Вашего Императорскаго Высочества. Съ безграничною радостью мы узнали о подписаніи предварительныхъ мирныхъ условій, полагающемъ конецъ жертвамъ благородной русской арміи и столь славно вѣнчающемъ усилія главнокомандующаго. Отъ всего сердца благодарю, что Ваше Высочество приняли въ этомъ случаѣ подъ свое покровительство интересы Черногоріи. Ожидаю съ величайшимъ довѣріемъ подробностей, которыя Ваше Императорское Высочество соблаговолили послать мнѣ съ ординарцемъ, въ увѣренности, что за участь Черногоріи безпокоиться нечего, ибо она въ слишкомъ хорошихъ рукахъ. Отдаю немедленно приказанія начальникамъ моихъ передовыхъ постовъ условиться съ турецкими начальниками насчетъ прекра-

щенія военныхъ дѣйствій, на основѣ сохраненія обѣими сторонами своихъ позицій. — Николай".

Доблестный вождь геройскаго независимаго народа не предъявляетъ никакихъ претензій, а Румынія, всего четверть вѣка тому назадъ полуосвобожденная отъ многовѣковаго турецкаго ига— мнитъ себя нашею равноправною союзницею. Впрочемъ—румыны уже теперь убѣждены, что они взяли Плевну,—и еслибъ не ихъ опереточныя войска, то мы бы пропали.

26 января.—Никакихъ свѣдѣній ниоткуда не получено, кромѣ извѣстія о предстоящемъ прибытіи Игнатьева. Великій Князь въ 9 часовъ вечера телеграфировалъ Государю:

„Сегодня вечеромъ жду Игнатьева: онъ уже ѣдетъ по желѣзной дорогѣ изъ Сейменли.

„Сегодня утромъ Серверъ и Намыкъ уѣхали въ Константинополь за инструкціями, съ тѣмъ, чтобы на дняхъ вернуться".

27 января. — Сегодня рано утромъ прибылъ Игнатьевъ. Я его еще не видалъ, но вечеромъ за чаемъ Великій Князь разсказывалъ, что Государь желаетъ по возможности заключить сепаратный миръ съ Турціей и предоставляетъ Великому Князю съ Игнатьевымъ и Нелидовымъ выяснить путемъ переговоровъ, расположены ли къ этому сами турки, или нѣтъ. Ничего существенно-новаго въ инструкціяхъ Игнатьева нѣтъ, кромѣ трехъ пунктовъ: 1) Болгарія должна сдѣлаться не автономною провинціею, а вассальнымъ государствомъ; посему въ ней не должно вовсе быть турецкихъ войскъ, а слѣдовательно и Шумла должна быть отъ нихъ очищена; 2) часть дани, которую вассальная Болгарія должна платить султану, должна быть, въ теченіе 38 лѣтъ, уплачиваема Россіи въ вознагражденіе за военныя издержки; 3) Турція должна возвратить свободу болгарамъ, сосланнымъ въ Малую Азію: все это цвѣтъ интеллигенціи, необходимый Болгаріи для начала новой жизни.

Границы будущаго княжества Болгарскаго уже намѣчены въ предварительныхъ условіяхъ мира.

Румыны просили Государя, черезъ Игнатьева, о передачѣ имъ Виддина со всѣмъ его имуществомъ. Князь Горчаковъ уже сообщилъ Великому Князю, что со стороны Государя препятствій нѣтъ (notre auguste Maître n'a rien contre), но Великій Князь находитъ, что этого сдѣлать нельзя: по условіямъ перемирія турки вправѣ вывезти изъ всѣхъ очищаемыхъ ими крѣпостей весь

военный матеріалъ въ семидневный срокъ, а что не успѣютъ вывезти—все-таки остается ихъ собственностью.

Со словъ Игнатьева, Великій Князь полагаетъ, что турки согласятся на всѣ наши условія. Сомнѣваюсь: Игнатьевъ слишкомъ извѣстенъ своимъ оптимизмомъ, а Великій Князь слишкомъ часто смѣшиваетъ свои желанія и даже иллюзіи съ дѣйствительностью.

Мысль о переселеніи на берегъ Мраморнаго моря лелѣется Великимъ Княземъ попрежнему. Еще третьяго дня великій князь Николай Николаевичъ Младшій поѣхалъ съ Галломъ въ Селиврію и Родосто на развѣдку. Сегодня Великій Князь сказалъ, что Игнатьевъ также сочувствуетъ его мысли о переѣздѣ, находя весьма важнымъ быть, во время переговоровъ, поближе къ Константинополю.

По моему, доводъ несостоятельный. Близость Селивріи къ Константинополю—только геометрическая. Изъ Адріанополя всего 4 — 6 часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ и обезпеченное телеграфное сообщеніе, а Селиврія—въ 45 верстахъ отъ Константинополя (Родосто—еще дальше) и въ 30-ти верстахъ отъ ближайшей телеграфной станціи. Дорога такъ плоха, что хоть новую строй, а телеграфъ на 30 верстъ надо устраивать вновь. Единственное удобное сообщеніе, да и то невполнѣ, — моремъ. Но у Селивріи мелководно, такъ что пароходы близко подойти не могутъ, да ихъ пока и нѣтъ. Однимъ словомъ—переѣзжать изъ Адріанополя не разсчетъ, съ какой стороны ни поверни.

Скалонъ, Чингисханъ и я высказали все это Великому Князю и упрашивали его не спѣшить переѣздомъ, приказать устроить сперва дорогу и телеграфъ и привести пароходы, а переѣзжать уже на готовое. Великій Князь слушалъ, не возражая, но, конечно, не намъ его переубѣдить: мысль о скорѣйшемъ переѣздѣ въ Селиврію засѣла слишкомъ крѣпко.

Великій Князь разсказалъ еще, что разспрашивалъ Игнатьева объ обстоятельствахъ предполагавшагося назначенія Обручева начальникомъ штаба къ Цесаревичу. По словамъ Игнатьева, Цесаревичъ просилъ назначить графа Воронцова-Дашкова, но Государь отказалъ наотрѣзъ и предложилъ Цесаревичу, по совѣту Милютина, взять въ начальники штаба Обручева. Цесаревичъ, по совѣту графа Воронцова-Дашкова, согласился. Послѣ этихъ предварительныхъ переговоровъ, назначеніе Обручева было предложено Великому Князю уже какъ ходатайство Цесаревича.

Точность этого разсказа—на отвѣтственности Игнатьева, но

Великій Князь повѣрилъ вполнѣ и долго разсуждалъ сегодня вечеромъ съ нами на эту тему.

Отъ Государя получена телеграмма, посланная 22-го января въ 4 ч. 45 м. дня:

„Телеграмма твоя отъ 18-го дошла до меня сегодня, а вчера вечеромъ (т.-е. 21-го) получилъ письмо твое отъ 11-го января. Всѣ распоряженія твои вполнѣ одобряю. Сегодня отслужили молебенъ и былъ потомъ у отличнаго развода выборгскаго полка. Мы должны остаться наготовѣ, пока не достигнемъ прочнаго и достойнаго Россіи мира".

Государю донесено:

„17-го января войска наши заняли Эски-Джуму, гдѣ нашли картину страшнаго разрушенія. Городъ въ разныхъ мѣстахъ горѣлъ, а у околицы валялось болѣе 200 труповъ зарѣзанныхъ и изувѣченныхъ женщинъ и дѣтей. Изъ Эски-Джумы войска наши продвинулись впередъ до Эски-Стамбула и Вербицы, но когда, 23-го января, было получено въ Эски-Джумѣ извѣстіе о перемиріи, то войскамъ немедленно приказано было очистить Эски-Стамбулъ и Вербицу и отойти за демаркаціонную линію.

„Сегодня рано утромъ прибылъ графъ Игнатьевъ.—Адріанополь, 27 января, 8 ч. вечера".

29 января. — 24-го января было, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя, засѣданіе Георгіевской кавалерской думы.

Въ засѣданіи этой кавалерской думы вышелъ слѣдующій рѣдкій случай. При обсужденіи вопроса о фонъ-Раабенѣ, котораго князь Святополкъ-Мирскій представилъ къ георгіевскому кресту за послѣдній шипкинскій бой, Великій Князь возразилъ, что за одно и то же дѣло нельзя давать крестъ двоимъ. Представленіе фонъ-Раабена было обусловлено тѣмъ, что онъ развѣдалъ обходный путь лѣвой колонны и провелъ ее, а между тѣмъ за это уже получилъ георгіевскій крестъ Соболевъ. Князь Мирскій возразилъ, что Соболевъ былъ при его колоннѣ только волонтеромъ, и онъ его къ кресту не представлялъ. Дѣйствительно, Великій Князь поторопился, представивъ Соболева телеграммою къ Георгію самъ: онъ *думалъ*, что Соболевъ велъ лѣвую колонну, а мысль эта засѣла у него въ головѣ потому, что еще въ началѣ декабря Соболевъ доказывалъ въ главной квартирѣ легкость обхода праваго фланга турокъ, а Дмитровскій съ нимъ спорилъ, напоминая Великому Князю, что Соболевъ ѣздилъ по этой дорогѣ любителемъ и лѣтомъ, когда непріятеля не было, а теперь—зима и противъ насъ турки. Тогда кончилось тѣмъ, что Собо-

левъ былъ командированъ въ распоряженіе князя Мирскаго, и Великій Князь остался подъ впечатлѣніемъ, что онъ проведетъ лѣвую колонну.

Когда въ думѣ дѣло выяснилось, Соболевъ уже былъ украшенъ георгіевскимъ крестомъ за подвигъ, котораго не совершалъ. Тѣмъ не менѣе, Великій Князь настойчиво отвергалъ представленіе фонъ-Раабена. Долго длился горячій споръ между Великимъ Княземъ и княземъ Мирскимъ. Наконецъ, послѣдній заявилъ: если фонъ-Раабену нельзя дать креста согласно представленію, то онъ заслужилъ его вторично за бой 27-го декабря. А именно: онъ, князь Мирскій, сражаясь цѣлый день одинъ и потерявъ надежду на условленное содѣйствіе колонны Скобелева, уже рѣшилъ ночью отступить—и если этого не сдѣлалъ, то только по усиленному настоянію фонъ-Раабена. А еслибъ онъ отступилъ, то на слѣдующій день, 28 декабря, Скобелеву тоже пришлось бы сражаться одному, и сдача турецкой арміи не могла бы состояться.

Этотъ неотразимый аргументъ подѣйствовалъ, и фонъ-Раабену былъ присужденъ георгіевскій крестъ. Рѣдкій начальникъ рѣшился бы завинить самого себя, только чтобъ добиться заслуженной награды подчиненному. Великій Князь вполѣ оцѣнилъ благородный поступокъ кн. Мирскаго и тутъ же, въ думѣ, выразилъ ему это.

Погода уже нѣсколько дней дивная, совсѣмъ лѣтняя, и не только днемъ, но и вечеромъ.

Вернулись великій князь Николай Николаевичъ Младшій и Галлъ, ѣздившіе на Мраморное море выбирать мѣсто для главной квартиры. Къ большому моему удовольствію оказалось, что удобнаго мѣста нѣтъ. Помѣщеній очень мало и всѣ „безпечныя“. Съ продовольствіемъ трудно, а фуража вовсе нѣтъ. Дороги (отъ ближайшихъ желѣзнодорожныхъ станцій) къ Родосто, Селиври и Эрекли невозможно плохи. Эти свѣдѣнія значительно охладили стремленіе къ переѣзду: дастъ Богъ, ничего изъ этого не выйдетъ.

Вечеромъ получена отъ Сервера-паши (министра иностранныхъ дѣлъ) изъ Константинополя очень серьезная телеграмма, возвѣщающая начало англійскаго вмѣшательства въ наши дѣла. По настоящему, на эту телеграмму слѣдовало бы отвѣтить движеніемъ нашихъ войскъ впередъ къ Константинополю, но понятно, что послѣ состоявшагося перемирія Великій Князь этого не можетъ сдѣлать. Пришлось ограничиться донесеніемъ Государю. На шифровку депешъ ушелъ весь вечеръ.

Прежде всего Государю была послана предупредительная

телеграмма слѣдующаго содержанія, составленная Великимъ Княземъ лично:

„Немедленно за симъ посылаю тебѣ депешу, полученную мною отъ Порты, и мой отвѣтъ, составленный въ убѣжденіи, что въ этомъ случаѣ, поддерживая ее, я дѣйствую въ смыслѣ твоихъ намѣреній, и что въ томъ же духѣ ты приказалъ вліять на кабинеты въ Петербургѣ".

Затѣмъ, уже послѣ полуночи, началась передача Государю слѣдующей депеши (помѣченной посему 30-мъ января), составленной по-французски и зашифрованной Нелидовымъ, отъ имени Великаго Князя:

„Получилъ сегодня вечеромъ (т.-е. 29-го) слѣдующую депешу:

„Отъ Сервера-паши: Британское посольство въ Константинополѣ и комендантъ Дарданеллъ увѣдомили насъ вчера вечеромъ (т.-е. 28 января), что шесть судовъ англійскаго флота получили приказаніе пройти проливъ. Черезъ нѣсколько часовъ комендантъ снова телеграфировалъ намъ для свѣдѣнія, что вслѣдствіе его заявленія о неимѣніи отъ Порты приказа на разрѣшеніе пропуска — суда эти возвратились въ Безику. Оттоманскій посолъ въ Лондонѣ телеграфируетъ намъ съ своей стороны, что лордъ Дэрби заявилъ въ парламентѣ объ отданномъ адмиралу Горнби приказаніи идти съ шестью судами къ Константинополю, для защиты англійскихъ подданныхъ, и что о рѣшеніи этомъ сообщено правительствамъ Россіи и другихъ европейскихъ державъ. Оставаясь вѣрною духу своихъ обязательствъ, Блистательная Порта считаетъ долгомъ довести вышеизложенное до вашего свѣдѣнія и поспѣшаетъ заявить, что безопасность столицы не оставляетъ ничего желать, и что она будетъ настаивать передъ британскимъ правительствомъ объ отмѣнѣ упомянутой мѣры".

„*Я отвѣтилъ*: „Благодарю васъ за сообщеніе о попыткѣ англійскаго флота войти въ проливъ. Отвѣтъ Порты тѣмъ болѣе одобряю, что еслибы я опасался за христіанъ и соотечественниковъ нашихъ въ столицѣ султана, то счелъ бы своею обязанностью прибѣгнуть къ подобнымъ же мѣрамъ. Во всякомъ случаѣ, принимая въ соображеніе то стѣсненное положеніе, въ которомъ окажется Порта вслѣдствіе присутствія въ столицѣ иностранной вооруженной силы, попирающей традиціонный принципъ закрытія проливовъ, и имѣя въ виду то прискорбное вліяніе, которое можетъ быть оказано давленіемъ этого рода на ходъ нашихъ переговоровъ,—я счелъ долгомъ донести объ этомъ Государю Императору на случай, если и я буду вынужденъ обезпе-

чить безопасность нашего соглашенія принятіемъ соотвѣтствующихъ гарантій".

Очевидно, англичане заварятъ кашу, расхлебать которую будетъ нелегко.

30 января. — Цѣлый рядъ важныхъ телеграммъ. Настроеніе напряженное. Будущее становится загадочнымъ.

Государь телеграфируетъ отъ 12 ч. 20 м. дня 25-го января (телеграмма эта шла только до Ески-Загры, а оттуда — съ нарочнымъ):

„Всѣ телеграммы твои до 20-го числа включительно до меня дошли. Сегодня (25-го) отправляется къ тебѣ полковникъ Боголюбовъ, а завтра или въ пятницу (27-го)—фельдъегерь съ моимъ письмомъ. Обращаю особенное вниманіе твое на шифрованную телеграмму вчера (24-го) Нелидову. Вчера утромъ, при пріемѣ просителей, одна нигилистка выстрѣлила почти въ упоръ въ бѣднаго Трепова и причинила ему весьма серьезную рану".

Вслѣдъ за этою телеграммою была получена и та шифрованная телеграмма князя Горчакова Нелидову, отъ 24-го января; эта телеграмма сообщаетъ, что, въ виду грабежей и убійствъ башибузуками въ Эпирѣ и Ѳессаліи, греческій король ввелъ туда свои войска для защиты подданныхъ; но императоръ далъ ему совѣтъ немедленно вывести войска обратно, такъ какъ это можетъ повредить заключенію мира; Турціи же предложено прекратить безпорядки и не вступать въ борьбу съ греками.

Это намѣреніе Греціи пристроиться къ намъ по окончаніи войны—напоминаетъ Крыловскаго зайца, явившагося къ дѣлежу шкуры убитаго медвѣдя. Надо надѣяться, что „инцидентъ исчерпанъ".

Великій Князь отвѣчалъ собственноручно:

„Получилъ твою телеграмму отъ 25-го числа только сегодня ночью. По шифрованной телеграммѣ будетъ все исполнено. Очень жаль бѣднаго Трепова. Все благополучно. Здоровье войскъ покуда хорошо, но очень боюсь весны, потому что по всему краю валяются во множествѣ падаль и мертвыя тѣла, какъ послѣдствіе рѣзни турками болгаръ при уходѣ первыхъ изъ селеній и мести болгаръ туркамъ. Хотя приняты мѣры для уборки и погребенія тѣлъ, но число ихъ такъ велико, что, боюсь, можетъ развиться зараза".

Кромѣ этой телеграммы, Государю послана сегодня еще слѣдующая:

„Войска генерала Циммермана, до полученія приказанія моего

насчетъ перемирія, заняли 22-го января Бальчикъ, Козлуджу и Праводы. Генералъ-адъютантъ Манзей вступившій туда съ кинбурнскими драгунами и бѣлорусскими гусарами, былъ встрѣченъ жителями съ хлѣбомъ-солью. Непріятель передъ нимъ бѣжалъ. По полученіи извѣстія о перемиріи, Циммерманъ послалъ 23-го января въ Варну полковника Повало-Швейковскаго и капитана Гершельмана, которые и были приняты принцемъ Гассаномъ весьма любезно. Несмотря на то, что онъ имѣлъ лишь полуоффиціальное извѣщеніе о перемиріи, принцъ Гассанъ изъявилъ готовность назначить на другой же день офицеровъ для проведенія демаркаціонной линіи. Видѣнныя нашими офицерами, египетскія войска всѣ имѣютъ отличную военную выправку, прекрасно одѣты и строго дисциплинированы.

„25-го января, также еще до полученія извѣстія о перемиріи, генералъ Чернозубовъ съ казанскимъ драгунскимъ и 30-мъ донскимъ полками занялъ Гіумурджину на берегу Эгейскаго моря, въ то время, когда въ сосѣднемъ портѣ Карагачъ садились на суда остатки арміи Сулеймана. Генеральнаго штаба подполковникъ Сухомлиновъ съ трубачомъ и двумя казаками въѣхалъ въ Гіумурджину и потребовалъ отъ каймакама сдачи города еще тогда, когда на дворѣ каймакама стояло около полусотни кавалеристовъ конвоя Сулеймана. Каймакамъ, пораженный неожиданнымъ появленіемъ нашего офицера, безпрекословно покорился, а турецкіе всадники ускакали въ Карагачъ. Отрядъ нашъ занималъ Гіумурджину около 24 часовъ, а затѣмъ, получивъ, черезъ Галлиполи и Константинополь, телеграмму генерала Шнитникова, изъ Чорлу, о перемиріи, отошелъ за демаркаціонную линію, въ Местанлы. Самъ Сулейманъ-паша находился въ это время въ Галлиполи.

„Посланные мною въ Черногорію для проведенія демаркаціонной линіи генеральнаго штаба полковникъ баронъ Каульбарсъ 1-й и ординарецъ мой, поручикъ князь Платонъ Оболенскій, проѣхали туда черезъ Константинополь, гдѣ были встрѣчены чрезвычайно привѣтливо какъ турецкими властями и офицерами, такъ и населеніемъ. На станцію за ними прислали придворные экипажи, показывали городъ, катали ихъ по Босфору на каюкѣ военнаго министра. 27-го января, они выѣхали изъ Константинополя въ Рагузу на пароходѣ, вмѣстѣ съ назначенными для проведенія демаркаціонной линіи турецкими офицерами".

Вечеромъ получена телеграмма князя Горчакова отъ 26-го января; онъ сообщаетъ, что король греческій послѣдовалъ совѣту Государя.

1 февраля. — Вчера, въ 11 час. вечера, прибылъ Савфетъ-паша, уполномоченный султаномъ вести мирные переговоры съ гр. Игнатьевымъ.

Сегодня отправленъ Государю (съ подполковникомъ Сухотинымъ, возвращающимся въ Петербургъ окончательно) слѣдующій отчетъ:

„Немедленно по заключеніи перемирія, я послалъ повсюду телеграммы съ приказаніемъ прекратить военныя дѣйствія и остановиться для отдыха на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кого перемиріе застанетъ. Затѣмъ я далъ приказаніе, чтобы войска расположились на время перемирія слѣдующимъ образомъ [1])...

„Но такое расположеніе не всѣ еще войска занимаютъ: большая часть ихъ находится въ слѣдованіи, но въ концѣ этой недѣли будутъ всѣ на мѣстахъ, кромѣ 2-й бригады 1-й гвард. пѣх. дивизіи, которая придетъ немного позже.

„Генералъ-лейтенанту Скобелеву 2-му, на всякій случай, приказано быть готовымъ захватить линію укрѣпленій Дэркосъ-Чекмедже, по первому моему приказанію.

„Въ заключеніе, считаю долгомъ заявить Вашему Величеству, что турки вездѣ исполняютъ всѣ условія перемирія съ самою педантическою добросовѣстностью, какъ бы желая выказать этимъ свое искреннее желаніе быть съ нами въ дружбѣ".

Отъ Государя получена слѣдующая важная телеграмма (послана 30-го января, въ 5 ч. 40 м. дня).

„Вступленіе англійской эскадры въ Босфоръ слагаетъ съ насъ прежнія обязательства, принятыя нами относительно Галлиполи и Дарданеллъ. Въ случаѣ, еслибы англичане сдѣлали гдѣ-либо высадку, слѣдуетъ немедленно привести въ исполненіе предположенное вступленіе нашихъ войскъ въ Константинополь. Предоставляю тебѣ, въ такомъ случаѣ, полную свободу дѣйствій на берегахъ Босфора и Дарданеллъ, съ тѣмъ однако же, чтобы избѣжать непосредственнаго столкновенія съ англичанами, пока они сами не будутъ дѣйствовать враждебно".

Вслѣдъ за этою телеграммою получены еще двѣ:

Отъ Государя, отъ $9^1/_2$ ч. вечера 31-го января:

„Всѣ телеграммы твои, отъ 27-го до 29-го включительно, дошли до меня сегодня. Удостоенныхъ думою Георгіемъ 4-й степени утверждаю, равно и генерала Петрушевскаго — Георгіемъ 3-й степени. Жду съ нетерпѣніемъ пріѣзда Рыдзевскаго. Прика-

[1]) Слѣдующее засимъ самое подробное изложеніе расположенія войскъ опускаемъ по вышеизложеннымъ соображеніямъ (стр. 7).—*Ред.*

задъ тебѣ сообщить телеграмму султана и мой отвѣтъ отъ сегодняшняго числа".

Отъ князя Горчакова, отъ 30-го января:

„По высочайшему повелѣнію, я послалъ вчера (т.-е. 29-го января) нашимъ пяти посламъ слѣдующую телеграмму:

„Британское правительство, вслѣдствіе донесенія своего константинопольскаго посла, рѣшило воспользоваться недавно полученнымъ фирманомъ для отправки своего флота къ Константинополю, съ цѣлью обезпеченія жизни и безопасности британскихъ подданныхъ. Прочія державы приняли ту же мѣру по отношенію къ своимъ подданнымъ. Совокупность этихъ обстоятельствъ обязываетъ и насъ принять съ своей стороны мѣры для покровительства тѣмъ христіанамъ, жизнь и имущество коихъ могли бы быть угрожаемы, и, для достиженія этой цѣли, имѣть въ виду вступленіе части нашихъ войскъ въ Константинополь. — Горчаковъ".

Время уже упущено: теперь ничего изъ этого не выйдетъ. А можетъ выйти даже что-нибудь очень скверное для насъ же.

Получена еще телеграмма князя Карла изъ Бухареста, отъ 31-го января:

„Командующій виддинскою арміей обложенія представилъ мнѣ сегодня копію телеграммы, посланной оттоманскимъ военнымъ министромъ Реуфъ-пашою виддинскому коменданту Иззетъ-пашѣ объ очищеніи крѣпости. Согласно этой телеграммы, 5-й пунктъ условій перемирія гласитъ будто бы такъ:

„Оставляя крѣпость Виддинъ, оттоманскія войска отступятъ черезъ ущелье св. Николая съ оружіемъ, боевыми и вещевыми запасами и со всѣмъ тѣмъ матеріаломъ, который можетъ быть увезенъ на Акпаланку, Нишъ, Лесковацъ и черезъ Вранью или Приштину, смотря по тому, гдѣ легче будетъ дойти до желѣзной дороги. Какъ военный матеріалъ крѣпости, такъ и принадлежащій государству, со всѣмъ, что̀ къ нему относится, можетъ быть, по желанію, или увезенъ съ собой, или оставленъ подъ присмотромъ русскихъ военныхъ властей, которыя примутъ мѣры для его сохраненія впредь до заключенія мира, согласно двойного инвентаря за подписями обѣихъ сторонъ. Что касается до съѣстныхъ припасовъ, подверженныхъ естественной порчѣ, то они могутъ быть проданы или уступлены русской военной власти, по взаимному соглашенію. Крѣпость должна быть очищена не позже какъ въ семидневный срокъ, считая со дня полученія мѣстнымъ начальствомъ приказанія объ этомъ".

„Не получивъ еще сообщенія о перемиріи, обѣщаннаго мнѣ те-

леграммою Вашего Императорскаго Высочества съ особымъ курьеромъ, прошу мнѣ телеграфировать срочно: вѣрно ли переданъ телеграммою Реуфа-паши пунктъ пятый условій перемирія.—Карлъ".

Отвѣтъ Великаго Князя:

„Пунктъ пятый переданъ вполнѣ точно".

2 февраля. — Внѣшнія затрудненія продолжаютъ наростать. Сегодня получена слѣдующая телеграмма Государя отъ 12½ ч. дня 29-го января, т.-е. отправленная почти 30-ю часами раньше полученной вчера:

„Изъ Лондона получено оффиціальное извѣстіе, что Англія, на основаніи свѣдѣній, отправленныхъ Лейардомъ, объ опасномъ, будто бы, положеніи христіанъ въ Константинополѣ, дала приказаніе части своего флота идти въ Царьградъ для защиты своихъ подданныхъ. Нахожу необходимымъ войти въ соглашеніе съ турецкими уполномоченными о вступленіи и нашихъ войскъ въ Константинополь съ тою же цѣлью. Весьма желательно, чтобы вступленіе это могло состояться дружественнымъ образомъ. Если же уполномоченные воспротивятся, то намъ надобно быть готовыми занять Царьградъ даже силою. О назначеніи числа войскъ предоставляю твоему усмотрѣнію, равно какъ и выборъ времени, когда приступить къ исполненію, принявъ въ соображеніе дѣйствительное очищеніе турками дунайскихъ крѣпостей".

Сопоставляя содержаніе этой телеграммы и вчера полученной съ прежними руководящими указаніями (см. дневникъ 17-го января, телеграмму Государя отъ 12-го, въ отвѣтъ на телеграмму Великаго Князя отъ 10-го января, о необходимости безостановочнаго движенія къ Константинополю и Галлиполи), очевидно, что потеря трехъ недѣль времени теперь невознаградима. Что можно было сдѣлать съ налету раньше, теперь уже нельзя. Повѣривъ англичанамъ, мы ихъ не предупредили, а теперь, владычествуя на морѣ, они будутъ господами положенія. Да и турки, имѣя за собою англійскій флотъ, уже не будутъ такъ сговорчивы, какъ прежде. По соглашенію съ ними занять Константинополь не удастся, а занять его силою—теперь мудрено: сила наша вѣдь только призрачная, у насъ почти вовсе нѣтъ ни зарядовъ, ни патроновъ. Слава Богу, что этого никто, кромѣ насъ, не знаетъ.

Сегодня цѣлый день шли мирные переговоры между нашими турецкими уполномоченными.

3 февраля. — Тяжелый день во всѣхъ смыслахъ и отношеяхъ.

Во-первыхъ, получены копіи депешъ, которыми обмѣнялись Государь и султанъ по поводу рѣшенія Государя ввести наши войска въ Константинополь (см. дневникъ 1-го февраля).

Отправлены изъ Петербурга 1-го февраля. Вотъ онѣ:

Телеграмма султана отъ 12-го февраля (31-го января) Государю Императору:

„Депеша Вашего Императорскаго Величества отъ 11-го (т.-е. 30-го января) сего мѣсяца произвела на меня сильное впечатлѣніе. Я принялъ на себя обязательства по отношенію къ вашимъ уполномоченнымъ съ цѣлью возстановленія мира. Всѣ народы, подвластные моему скипетру, имѣютъ одинаковое право на покровительство и живутъ въ совершенной безопасности. Права моей имперіи поддерживаются, какъ Вашему Величеству несомнѣнно уже извѣстно, даже въ послѣднемъ дарданельскомъ инцидентѣ, ибо англійскій флотъ удалился тотчасъ же по полученіи напоминанія моего правительства, что вступленіе его противно договорамъ. Посему я не могу ни на одну минуту предположить, чтобы Ваше Величество, будучи уже, конечно, освѣдомлены о дѣйствительныхъ подробностяхъ инцидента, могли привести въ исполненіе мѣры, указанныя въ вашей депешѣ“.

Телеграмма Государя Императора султану отъ 31-го января:

„Только-что получилъ телеграмму вашего величества отъ полудня сего числа. Остаюсь въ томъ же дружелюбномъ и миролюбивомъ настроеніи, но мнѣ трудно согласовать ваше желаніе съ тѣмъ сообщеніемъ, которое я получилъ отъ англійскаго правительства. Оно дало мнѣ знать, что, несмотря на отказъ въ фирманѣ, часть англійскаго флота все-таки вступитъ въ Босфоръ для огражденія жизни и имущества британскихъ подданныхъ. Если англійская эскадра вступитъ въ Босфоръ, мнѣ невозможно не приказать части моихъ войскъ вступить временно въ Константинополь. Ваше величество въ слишкомъ высокой степени обладаете чувствомъ собственнаго достоинства, чтобы не сознавать: если вышесказанное вступленіе осуществится, то и мнѣ невозможно дѣйствовать иначе“.

Султанъ отвѣчалъ Государю Императору сегодня, 15-го (т.-е. 3-го февраля):

„Я получилъ отвѣтъ Вашего Величества 12-го, вечеромъ, и рѣшился написать королевѣ англійской, настаивая на отмѣнѣ мѣры, влекущей за собою неисчислимыя несчастія для человѣчества. Я все еще надѣюсь, что Ваше Величество соблаговолите содѣйствовать результату, достойному возвышенныхъ чувствъ ва-

шихъ, къ которымъ я взываю. Я прошу только отсрочки, достаточной для полученія отвѣта на мою депешу".

Государь отвѣчалъ султану:

„Я получилъ телеграмму вашего величества отъ 13-го. Я всегда готовъ содѣйствовать огражденію человѣчества отъ несчастій. Я обожду результата сношеній вашихъ съ королевою англійскою".

Получены еще три телеграммы Государя:

Отъ 1-го февраля, 2 ч. 30 м. дня: „Присутствіе Тотлебена здѣсь признаю необходимымъ. Прикажи ему сдать командованіе Дондукову и отправиться немедленно сюда.

„Телеграммы мои султану должны служить руководствомъ и тебѣ".

Отъ 2-го февраля, 12 ч. 50 м. дня: „По свѣдѣніямъ изъ Лондона, англійской эскадрѣ предписано во всякомъ случаѣ идти къ Константинополю, хотя бы и безъ согласія султана. Сообразно сему и намъ слѣдуетъ дѣйствовать, какъ мною приказано на этотъ случай".

Рядъ этихъ телеграммъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Великій Князь, серьезно озабоченный, отвѣчалъ нижеслѣдующими телеграммами, посланными одна за другою: 1-я—около 2-хъ ч. дня, 2-я—въ 5 ч. 40 м. дня.

1) „Телеграммы твои всѣ получилъ, до 1-го числа включительно. Также и князя Горчакова—до 31-го включительно. Все будетъ исполнено. Все пока спокойно; переговоры съ Савфетомъ идутъ пока хорошо. Для принятія Рущука сегодня отправляется коммиссія".

2) „Получилъ сейчасъ твою телеграмму отъ сегодня 2 час. 40 м. дня. Все будетъ исполнено, какъ тобою приказано. Сейчасъ получилъ извѣстіе, будто англійская эскадра прошла Дарданеллы, но въ Босфоръ еще не вступала. Турецкимъ уполномоченнымъ повторилъ предупрежденіе. Они очень взволнованы и опечалены нахальствомъ англичанъ, понимаютъ въ этомъ вопросъ дружества съ нами, послали объ этомъ извѣстить султана. Переговоры идутъ безостановочно и хорошо. Рущукъ и Силистрія принимаются нашими коммиссіями. Вездѣ учтивы и привѣтливы, и въ Силистріи, у турокъ за обѣдомъ, пили твое здоровье".

Сегодня вечеромъ за чаемъ, когда зашла бесѣда о натянутомъ, обостренномъ положеніи дѣлъ, я не задумался высказать Великому Князю свой взглядъ въ присутствіи князя Евгенія Максимиліановича (сегодня пріѣхавшаго), Скобелева 1-го, Чингисхана, Струкова и Скалона. По моему, запоздалое занятіе

Константинополя неминуемо приведетъ къ разрыву съ Англіей, а быть можетъ и съ Австріей. Въ послѣднемъ случаѣ будемъ имѣть противъ себя и Румынію, представители которой глубоко оскорблены недопущеніемъ ихъ къ участію въ мирныхъ переговорахъ и предстоящимъ отторженіемъ отъ Румыніи устьевъ Дуная. Мы не можемъ доводить дѣло до европейской войны: флота у насъ нѣтъ, большая часть нашихъ войскъ въ Турціи, тылъ—въ Румыніи, обращенный къ сторонѣ Австріи. Въ Россіи осталось всего 17 дивизій, которыхъ не хватитъ даже для обороны береговъ и австрійской границы. А Польша? вѣдь подъ вліяніемъ зарубежныхъ польскихъ и венгерскихъ эмиссаровъ она можетъ возстать, если Австро-Венгрія станетъ во враждебное къ намъ положеніе.

Великій Князь возражалъ, что достоинство Россіи требуетъ нашего вступленія въ Константинополь, развѣ что передъ нимъ явятся эскадры англійская и другихъ державъ. Я отстаивалъ свое мнѣніе: это погоня за призракомъ. Если Турція будетъ на нашей сторонѣ, то наше присутствіе въ Константинополѣ безполезно; если она будетъ противъ насъ, то насильственное занятіе Царьграда будетъ сигналомъ къ европейской войнѣ. Если вдуматься хорошенько, то всѣ разсчеты наши на соглашеніе съ Турціей ни на чемъ не основаны, кромѣ голословныхъ, сомнительно-искреннихъ жалобъ турецкихъ уполномоченныхъ на англичанъ. Они говорятъ теперь, что имъ самимъ не разсчетъ пускать англичанъ въ Дарданеллы, а такъ какъ намъ пріятно этому вѣрить, то мы и вѣримъ. А если это только дипломатическая комедія? Можетъ быть, турки даже нарочно согласились на предварительныя условія мира и на перемиріе, чтобы выиграть время; можетъ быть, даже приходъ англійской эскадры—результатъ англо-турецкаго соглашенія, а протестъ Порты противъ пропуска въ Дарданеллы — притворный? Вѣдь туркамъ нѣтъ резона искать нашей дружбы, нечего отъ насъ и ждать: мы ихъ разгромили, разорили, придушили и, наступя на горло, заставили подписать мирныя условія, почти стирающія Турцію съ карты Европы. Ради чего же турки пойдутъ теперь рука объ руку съ нами? что̀ они могутъ этимъ выиграть? Очевидно, они насъ обманываютъ.

Это тѣмъ вѣроятнѣе, что самъ же Великій Князь сегодня разсказывалъ, какъ хитро турки повели переговоры. Они безпрекословно согласились очистить всѣ придунайскія крѣпости навсегда, но съ тѣмъ, чтобы границею Болгаріи были Балканы и чтобы всѣ забалканскіе болгары переселились въ сѣверную Бол-

гарію, а турки оттуда—въ южную. Предложеніе несообразное и неисполнимое, но вмѣстѣ съ тѣмъ дающее поводъ къ затяжкѣ переговоровъ, если только оно не будетъ безусловно отвергнуто.

Мысль о занятіи Константинополя лучше бросить, ибо занять его еще можно, но удержать нельзя. А скоро даже нельзя будетъ и занять безъ боя, когда подойдутъ войска изъ очищаемыхъ турками крѣпостей. У насъ ничего не подготовлено. Боевые запасы далеко позади, и неизвѣстно, когда подтянутся, а интендантской части вовсе нѣтъ. Жили мы до сихъ поръ, со дня перехода черезъ Балканы, исключительно мѣстными средствами, пользовались ими безсистемно и безпорядочно, а теперь и этого источника не предвидится. Мѣстность между Адріанополемъ и Константинополемъ рѣдко населена и средствами бѣдна: чѣмъ питаться будемъ, если война возобновится? Связи съ тыломъ у насъ не существуетъ, да и тылъ-то нашъ въ хаотическомъ состояніи. Дрентельнъ, на организаторскій талантъ котораго возлагались такія надежды, оказался совершенно безсиленъ, тѣмъ болѣе, что его начальникъ штаба Черкасовъ, главная его опора,—канцелярскій буквоѣдъ, хотя и честнѣйшій человѣкъ.

Однимъ словомъ, въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, турки, имѣя за спиною англійскій флотъ, непремѣнно ободрятся. Имъ достаточно оказать пассивное сопротивленіе, чтобы поставить насъ въ очень тяжелое положеніе. Сразу обнаружится, что мы пришли подъ Константинополь почти съ голыми руками.

Нѣтъ! если не захватили Царьграда и Галлиполи сразу, пока еще турки не опомнились и англичане не подошли, то теперь лучше и не пробовать: ничего путнаго изъ этого не выйдетъ. Въ виду появленія англійской, эскадры намъ выгоднѣе не занимать ни одной береговой позиціи, ибо вдали отъ берега мы для англичанъ неуязвимы.

Великій Князь выслушивалъ всѣ мои разсужденія не только терпѣливо, но вполнѣ милостиво. Сперва возражалъ, а потомъ только слушалъ, и когда я замолкъ, обратился къ присутствующимъ со словами: „Бѣдный Газенкампфъ! какъ онъ взволновался и встревожился!“ Я отвѣтилъ: „Какъ не встревожиться, когда намъ угрожаетъ европейская война, къ которой мы не готовы? Вѣдь это страшное дѣло!“

На это никто ничего не отвѣчалъ: всѣ, не исключая Великаго Князя, примолкли и призадумались. Минутъ пять еще посидѣли молча, затѣмъ всѣ встали и разошлись.

4 февраля, суббота.—Напряженно-тревожный день.

Утромъ Великій Князь послалъ за мной и передалъ для зашифрованія депешу Государю, которую самъ составилъ, приказавъ мнѣ сперва показать ее Непокойчицкому. Старикъ, прочитавъ ее, добродушно предложилъ мнѣ помочь зашифровать депешу, чтобы поскорѣе ее отправить. Вотъ ея содержаніе.

„Съ каждымъ днемъ занятіе войсками нашими Константинополя становится затруднительнѣе, въ случаѣ если Порта добровольно не согласится на наше вступленіе, потому что численность турецкихъ войскъ увеличивается съ каждымъ днемъ, войсками, привозимыми изъ оставляемыхъ ими крѣпостей. Предупреждаю объ этомъ для того, чтобы ты не считалъ занятіе Царьграда столь же легкимъ и возможнымъ, какъ то было двѣ недѣли тому назадъ. Затрудняетъ переговоры распущенный въ Царьградѣ слухъ о предполагаемой будто бы европейской конференціи, до исхода которой миръ не будетъ считаться окончательнымъ".

Во время шифрованія этой телеграммы Непокойчицкій сказалъ мнѣ, что на самомъ дѣлѣ Великому Князю положительно извѣстно, что мирный договоръ нашъ пойдетъ на разсмотрѣніе общеевропейской конференціи. Но такъ какъ онъ не извѣщенъ объ этомъ оффиціально, то и называетъ „слухомъ". Очевидно, слѣдовательно, что нашъ мирный договоръ ничего не будетъ стоить, пока его не признаютъ всѣ великія державы. Хороша перспектива!

Когда я представилъ Великому Князю вышеприведенную телеграмму къ подписи, онъ тотчасъ же далъ мнѣ для отправки уже составленную имъ самимъ вторую телеграмму, слѣдующаго содержанія:

„Сейчасъ получено извѣстіе, что четыре англійскихъ броненосца бросили якорь у Принцевыхъ острововъ въ часѣ разстоянія хода до Царьграда. Порта дала мнѣ знать, что желаетъ соглашенія съ нами по жгучему вопросу, но формальнаго приглашенія нѣтъ. Напротивъ: упрашиваютъ по возможности не входить. Мои войска находятся въ двухъ переходахъ отъ Царьграда. Испрашиваю: какъ желаешь смотрѣть на стояніе англійскаго флота у Принцевыхъ острововъ. Жду скорѣйшаго отвѣта".

Тотчасъ послѣ обѣда Великій Князь опять призвалъ меня и передалъ только-что полученную депешу Государя и уже готовый свой отвѣтъ, для отправки.

Телеграмма Государя, отъ сего 4 февраля, гласила:

„Всѣ донесенія твои и протоколы о переговорахъ прочелъ

я съ величайшимъ интересомъ и удовольствіемъ. Изъ сегодняшняго отвѣта моего султану [1]) ты увидишь, что я ни въ чемъ не измѣняю данныхъ тебѣ приказаній, въ шифрованной вчерашней моей телеграммѣ изложенныхъ [2]). Депеша Порты, о которой ты упоминаешь въ шифрованной телеграммѣ твоей отъ 29-го января [3]), была ли отправлена тобою по телеграфу или съ курьеромъ? Прошу тебя отвѣчать положительно на мои вопросы, а то я остаюсь въ недоразумѣніи".

Отвѣтъ Великаго Князя, отправленный въ 8 ч. 30 м. вечера, былъ слѣдующій:

„Большая телеграмма моя шифрованная, о которой упоминалъ, пошла не 29-го, а 30-го числа и отправлена по телеграфу, а не съ курьеромъ. Пока на всѣ дошедшія ко мнѣ отъ тебя телеграммы отвѣчалъ немедленно. Телеграммы твои сегодняшняго 4-го числа султану еще не получалъ, равно какъ и шифрованная твоя ко мнѣ отъ вчерашняго, т.-е. 3-го числа, еще не дошла. Многія депеши приходятъ непослѣдовательно: отправленныя позже—приходятъ раньше предыдущихъ, въ особенности шифрованныхъ, что̀ иногда сбивчиво. Происходитъ это отъ частой порчи линіи и перерыва сообщенія. Теперь кабель въ Дунаѣ положенъ и дѣйствуетъ".

Только-что была отправлена эта депеша, какъ пришла шифрованная Государя, отъ 10 ч. 40 м. вечера 3-го февраля. Великій Князь приказалъ мнѣ расшифровать ее сейчасъ же, при немъ. И вотъ что̀ мы прочли:

„Англійское министерство утверждаетъ, что эскадра, вступившая въ Босфоръ и Дарданеллы, имѣетъ мирное назначеніе; не допускаетъ, однако, что и съ нашей стороны вступленіе части войскъ въ Константинополь имѣло бы такой же характеръ. На это объявлено черезъ графа Шувалова, что временное вступленіе части нашихъ войскъ въ Константинополь, съ тою же мирною цѣлью, сдѣлалось неизбѣжнымъ. Но въ виду послѣдней уступки обѣщано Англіи, что мы не займемъ Галлиполи, если ни одинъ англійскій солдатъ не будетъ высаженъ на берегъ, ни на европейскій, ни на азіатскій. Сообщаю тебѣ объ этомъ"...

---

[1]) Ничего еще не получено.

[2]) Эта депеша тоже еще не получена.

[3]) Очевидно, Государь получилъ предупреждающую русскую депешу Великаго иязя (см. 29-го января) и не получилъ шифрованную французскую, въ которой общался текстъ телеграммы Сервера-паши о намѣреніи англійской эскадры Горнби юйти черезъ Дарданеллы—и текстъ отвѣта Великаго Князя Серверу.

На этихъ словахъ депеша обрывалась [1]).

Но и этого достаточно. Изъ сказаннаго въ телеграммѣ Государя ясно, что періодъ „недоразумѣній“ съ Англіей близится къ концу и переходитъ въ періодъ „пререканій“, изъ коихъ назрѣютъ „усложненія“, разрѣшатся „разрывомъ“ и наконецъ—новою войной.

Государь, очевидно, полагалъ, что вступленіе англійской эскадры въ турецкія воды налагаетъ на насъ обязанность занять Константинополь. Великій Князь того же мнѣнія. А по моему, разъ мы не заняли Константинополя и Галлиполи во время турецкой паники и до прибытія англійской эскадры, то дѣлать это теперь—не только безцѣльно, но и очень рискованно. Если же занимать что-либо теперь, то именно Галлиполи, а не Константинополь, такъ какъ первый—ключъ къ послѣднему.

Я не удержался, чтобы не высказать это мнѣніе Великому Князю. Онъ выслушалъ ласково, но остался при своемъ мнѣніи, что Константинополь занять слѣдуетъ, риска тутъ нѣтъ, Англія намъ войны не объявитъ.

Вернувшись къ себѣ, я засталъ Гурко у Левицкаго и сообщилъ о полученномъ извѣстіи. Гурко полагаетъ, что идти теперь на Константинополь—значитъ лѣзть въ ловушку, подставленную англичанами, которые насъ же обвинятъ въ томъ, что такимъ насиліемъ мы вызываемъ европейскую войну. Но, не входя даже въ чуждую намъ, военнымъ, область политики—наступленіе на Константинополь есть очень серьезный шагъ, который нельзя дѣлать, не подготовивъ его успѣха. А между тѣмъ у насъ нѣтъ ни зарядовъ, ни патроновъ, ни хлѣба, ни сухарей. Сторонники наступленія, на вопросъ, откуда все это возьмется, отвѣчаютъ: подвезутъ моремъ изъ Одессы. Отвѣтъ безсмысленный: англійскій флотъ уже въ Мраморномъ морѣ, а у насъ флота нѣтъ и негдѣ взять. Развѣ мыслимъ при такихъ условіяхъ какой-либо морской подвозъ и вообще морскія сношенія съ Россіей? Тѣмъ болѣе, что разрывъ съ Англіей неизбѣжно повлечетъ за собою и разрывъ съ Турціей, флотъ которой цѣлъ.

Гурко прямо отъ насъ пошелъ къ Непокойчицкому, чтобы

[1]) Окончаніе этой депеши, задержанное порчею телеграфа въ Казанлыкѣ во время передачи,—было получено на другое утро, 5-го февраля. Вотъ оно:

„...для руководства. Что же касается до Босфора, то надобно зорко слѣдить, чтобы не допускать англійскія суда, и въ случаѣ какой-либо попытки ихъ въ эту сторону—постараться занять, если можно съ согласія султана, нѣкоторыя изъ укрѣпленій европейскаго берега“.

переговорить серьезно. Едва ли только выйдетъ толкъ: Непокойчицкій всегда соглашается съ Великимъ Княземъ.

Одна надежда на Бога. Возобновленіе войны можетъ привести только къ потерѣ всего уже пріобрѣтеннаго.

5 февраля, воскресенье. — Сегодня былъ въ церкви. Меня очень успокоила и подкрѣпила проповѣдь на текстъ, какъ Спаситель на Геннисаретскомъ озерѣ повелѣлъ бурѣ утихнуть, и когда она утихла, обратился къ ученикамъ своимъ съ кроткимъ укоромъ: „Гдѣ вѣра ваша?“

Этотъ величавый евангельскій эпизодъ какъ нельзя болѣе подходитъ къ теперешнему положенію и глубоко запалъ мнѣ въ душу. Надо вѣрить несокрушимою вѣрою и умѣть претерпѣть до конца, чтобъ заслужить спасеніе.

Съ умиротворенною душою я засѣлъ за составленіе всеподданнѣйшаго отчета, и къ обѣду кончилъ его, несмотря на частые отрывы отъ работы. Но поздно вечеромъ, при чтеніи Великому Князю, въ немъ пришлось многое измѣнить и передѣлать, въ зависимости отъ полученныхъ сегодня извѣстій. А потому изложу сперва содержаніе сегодняшняго телеграфнаго обмѣна сношеній.

Прежде всего получена телеграмма Государя отъ 2 ч. 40 м. пополудни 3-го февраля, шедшая почти двое сутокъ, несмотря на помѣтку: „экстренно“:

„Шифрованная телеграмма твоя отъ 29-го января дошла до меня 1-го февраля, но заявленной въ ней другой телеграммы отъ того же числа не получалъ доселѣ, тогда какъ слѣдующія твои телеграммы, до 3-го февраля включительно, уже дошли. Еще разъ повторяю, что сообщаемыя тебѣ телеграммы къ султану должны служить руководствомъ и тебѣ. Необходимо поспѣшить пріемомъ крѣпостей и потребовать того же и въ Малой Азіи“.

На это Великій Князь отвѣчалъ немедленно, въ 12 ч. дня:

„Телеграммы твои всѣ получены, но по причинѣ неоднократнаго перерыва линій онѣ дошли непослѣдовательно. До сихъ поръ англійская эскадра въ Босфоръ не вступала и даже удалилась отъ Принцевыхъ острововъ, оставаясь въ Мраморномъ морѣ, а потому и я демаркаціонной линіи не переступалъ. Но войска готовы и стягиваются. Переговоры съ турками о дружественномъ вступленіи въ Константинополь продолжаю, но султанъ отъ вчерашняго числа просилъ меня подождать твоего отвѣта на его послѣднюю телеграмму, въ которой онъ обѣщаетъ дѣйствовать въ согласіи съ тобою и увѣдомлять тебя о случающемся. Имѣть же отсюда постоянное наблюденіе за англичанами

какъ на морѣ, такъ и на азіатскомъ берегу, и въ особенности предупредить ихъ въ Босфорѣ, какъ указано въ твоей шифрованной телеграммѣ отъ 3-го числа,—мнѣ при настоящемъ расположеніи войскъ физически невозможно, что и высказалъ тебѣ въ шифрованной депешѣ отъ 4-го числа".

Вскорѣ по отправленіи этой депеши, была получена шифрованная князя Горчакова, отъ 3-го февраля, сообщавшая телеграмму Государя къ султану, съ предупрежденіемъ, что проходъ англійской эскадры чрезъ Дарданеллы къ островамъ Принцевъ уполномочиваетъ и насъ ввести временно въ Константинополь отрядъ нашихъ войскъ.

Въ 6 час. 10 мин. Великій Князь отправилъ Государю слѣдующую шифрованную телеграмму:

„Только сегодня въ 5 часовъ вечера получилъ отъ князя Горчакова копію съ телеграммы твоей султану отъ 3-го числа, о необходимости вступленія нашихъ войскъ въ Константинополь, въ виду прохода англійской эскадры черезъ Дарданеллы и къ Принцевымъ островамъ. Поэтому сообщаю Савфету, что нахожусь вынужденнымъ сговориться съ султаномъ о вступленіи нашихъ войскъ въ Царьградъ. Депеша Горчакова ко мнѣ опоздала потому, что шла черезъ Константинополь и, по всей вѣроятности, была тамъ умышленно задержана. Прошу, если возможно, въ случаѣ посылки телеграммъ черезъ Одессу, приказать пересылать для большей вѣрности дубликатъ черезъ Кишиневъ—Зимницу".

Эта депеша была послана во время совѣщанія, созваннаго Великимъ Княземъ и продолжавшагося болѣе двухъ часовъ. Участвовали въ совѣщаніи только Непокойчицкій, Игнатьевъ и Нелидовъ. Одновременно шли и переговоры съ Савфетомъ-пашей. Результатомъ этого совѣщанія была слѣдующая шифрованная телеграмма Государю:

„Сейчасъ заявилъ Савфету, который немедленно послалъ съ нашимъ драгоманомъ Ону въ Константинополь Портѣ мое слѣдующее предложеніе: въ виду переполненія Царьграда бѣжавшими переселенцами и страшной болѣзненности въ столицѣ,—занять отрядомъ въ 10.000 человѣкъ не самый городъ, но Санъ-Стефано на берегу Мраморнаго моря, Кучукъ-Чекмедже и ближайшія деревни и казармы. Въ первое мѣсто переѣду самъ, гдѣ будутъ продолжаться переговоры, которые въ Адріанополѣ затрудняются большимъ разстояніемъ. Изъ Санъ-Стефано, составляющаго предмѣстье Константинополя, будетъ мнѣ возможно слѣдить за англійскимъ флотомъ. Есть надежда на принятіе Портою этого моего предложенія".

Вслѣдъ за окончаніемъ совѣщанія, закончившагося отправкою этой телеграммы, я пошелъ къ Великому Князю съ черновикомъ всеподданнѣйшаго отчета, но до чтенія его не дошло: Великій Князь отложилъ до завтра, ибо былъ, очевидно, слишкомъ всецѣло поглощенъ мыслью о переселеніи изъ Адріанополя въ Санъ-Стефано. Подошли еще князь Евгеній Максимиліановичъ, Струковъ, Чингисханъ и Скалонъ. Всѣхъ насъ Великій Князь угостилъ устрицами и артишоками, затѣмъ подали чай. Шла оживленная бесѣда, вертѣвшаяся исключительно на созданномъ англійскою наглостью осложненіи. Великій Князь разсказалъ, что въ виду настойчиваго требованія Государя занять Константинополь путемъ мирнаго соглашенія съ султаномъ и невозможности достигнуть этого соглашенія въ виду англійской эскадры—графъ Игнатьевъ придумалъ компромиссъ занятія Санъ-Стефано. Конечно, ни Великій Князь, ни мы даже не знали о существованіи такого „предмѣстья Константинополя", но Игнатьевъ увѣряетъ, что это—чудное мѣстечко на берегу Мраморнаго моря, что тамъ мы будемъ все равно что въ Константинополѣ, а между тѣмъ англичанамъ придраться не къ чему. Посмотримъ. Великій Князь очень доволенъ Игнатьевскимъ изобрѣтеніемъ, и уже рѣшилъ, что введетъ въ Санъ-Стефано л.-гв. преображенскій и семеновскій полки съ частью л.-гв. 1-й артиллерійской бригады, л.-гв. саперный баталіонъ и л.-гв. уланскій полкъ.

Сверхъ того, Великій Князь сообщилъ намъ: 1) англійскій флотъ отошелъ отъ Принцевыхъ острововъ въ бухту Муданія, на азіатскій берегъ Мраморнаго моря; дессантныхъ войскъ на судахъ нѣтъ; однимъ изъ судовъ эскадры командуетъ герцогъ Эдинбургскій, мужъ великой княгини Маріи Александровны. 2) Имѣется свѣдѣніе, что всѣ иностранныя эскадры, находящіяся въ водахъ Греціи и Леванта, спѣшатъ вслѣдъ за англичанами въ Мраморное море. 3) Султанъ, не возражая уже противъ вступленія нашихъ войскъ даже въ самый Константинополь, проситъ только обождать полученія имъ отвѣта на телеграмму, посланную королевѣ Викторіи. 4) Скобелевъ 2-й сообщаетъ изъ Чаталджи, что константинопольское населеніе подготовлено уже къ возможности появленія тамъ нашихъ войскъ и относится къ этому совершенно спокойно.

Пока шелъ этотъ разговоръ, получилось извѣстіе, что англійская эскадра вернулась къ Принцевымъ островамъ и что адмиралъ Горнби уже съѣзжалъ на берегъ въ Константинополѣ, а зачѣмъ—неизвѣстно.

Всѣ мы дали волю накопившемуся противъ англичанъ озлоб-

ленію. Великій Князь замѣтилъ, что по тону телеграммъ Государя видно, что онъ крайне раздраженъ англійскимъ лукавымъ вѣроломствомъ. Онъ повѣрилъ англійскому обѣщанію не вступать въ Босфоръ, если мы не займемъ Галлиполи и Константинополя, и остановилъ насъ, когда мы могли вступить туда съ разбѣгу и безъ выстрѣла. А теперь, по заключеніи перемирія, англичане прошли въ Мраморное море и говорятъ намъ: —Мы слово держимъ, въ Босфоръ не вступаемъ; поэтому и вы не имѣете права вступать въ Константинополь. А если вступите, то это будетъ нарушеніемъ перемирія и демаркаціонной линіи, а слѣдовательно и мы тогда свободны отъ даннаго обязательства не вступать въ Босфоръ.

Надо быть англичанами, чтобы придумать такую подлую дипломатическую передержку. Настоящіе политическіе шулеры!

Въ исходѣ 11-го часа разошлись по домамъ, страшно озлобленные противъ Англіи.

6 февраля.—Великій Князь, когда я явился съ черновымъ отчетомъ, сказалъ, что надо повременить впредь до выясненія результата переговоровъ съ турками, а теперь посылать не стоитъ.

Единственная извѣстная мнѣ телеграмма, отправленная Государю сегодня утромъ, была слѣдующая:

„Флигель-адъютантъ Шильдеръ былъ посланъ генералъ-адъютантомъ Тотлебеномъ къ командиру Рущука Ахмету-пашѣ съ предложеніемъ вывести турецкія войска пятью эшелонами, начиная съ 4-го февраля, по шумлинской дорогѣ, заранѣе очищенной нашими войсками. Комендантъ принялъ всѣ эти условія, и первый эшелонъ рущукскаго гарнизона уже выступилъ 4-го февраля утромъ. Наша телеграфная станція Левантъ-табія открыта въ тотъ же день вечеромъ. Нашъ гарнизонъ можетъ занять Рущукъ 8-го февраля. Штабъ восточнаго отряда выступаетъ изъ Брестовца въ Рущукъ 7-го февраля. Князь Дондуковъ еще не пріѣхалъ на смѣну Тотлебену“.

Полученныхъ телеграммъ—масса. Сегодня отъ нихъ отбою не было. Привожу длинный рядъ мнѣ извѣстныхъ:

1) Отъ Государя, отъ 9 ч. 30 м. вечера 4-го февраля (получена сегодня утромъ):

„Въ шифрованныхъ телеграммахъ моихъ отъ 29-го и 30-го января, 1-го и 3-го февраля ясно указано, какъ тебѣ слѣдуетъ дѣйствовать. Открытыя телеграммы мои къ султану также должны служить тебѣ руководствомъ, какъ я тебѣ неоднократно повторялъ объ этомъ. Удивляюсь твоему вопросу въ телеграммѣ твоей

отъ сегодняшняго числа. Отвѣчай: доходятъ ли къ тебѣ копіи съ моихъ телеграммъ султану?"

Высочайшее неудовольствіе, столь ясно и категорически высказанное, очевидно вызвано вопросомъ Великаго Князя въ телеграммѣ отъ 4-го февраля: „испрашиваю, какъ желаешь смотрѣть на стояніе англійскаго флота у Принцевыхъ острововъ?"

Что отвѣчалъ Великій Князь Государю—я не знаю.

2) Отъ князя Горчакова, отъ 4-го февраля:

„Телеграмма его величества султана Его Величеству Государю Императору 3 (15) февраля 1878 г. — Справедливо, что часть англійской эскадры, пройдя Дарданеллы, не взирая на протестъ моего правительства, стала на якорь у Принцевыхъ острововъ. Но, не получивъ еще отвѣта отъ ея величества королевы, я считаю появленіе англійскихъ судовъ въ Мраморномъ морѣ временнымъ. Во всякомъ случаѣ, я не премину, какъ уже обѣщалъ Вашему Императорскому Величеству, сообщить вамъ ея отвѣтъ немедленно по полученіи, дабы мы могли, по взаимному соглашенію, принять необходимыя соотвѣтствующія мѣры. Въ ожиданіи отвѣта, англійскій адмиралъ и англійская эскадра покинутъ Принцевы острова съ цѣлью избрать якорную стоянку, значительно болѣе удаленную отъ Босфора. Посему надѣюсь, что Ваше Императорское Величество изволите согласиться отказаться отъ мѣры, указанной въ концѣ вашей телеграммы. Заключаю увѣреніемъ, что сочту долгомъ постоянно сообщать Вашему Величеству о каждомъ моемъ шагѣ, съ цѣлью предотвратить всякое недоразумѣніе, могущее повлечь за собою гибельныя послѣдствія какъ для интересовъ человѣчества, такъ и для интересовъ моей имперіи".

„Телеграмма Его Величества Государя Императора его величеству султану. Петербургъ, 4-го февраля 1878 г. — Получилъ телеграмму вашего величества отъ 3-го. Теоретическій протестъ не помѣшалъ британской эскадрѣ пройти черезъ Дарданелльскій проливъ насильно. Прямое обращеніе вашего величества къ королевѣ не повлечетъ за собою удаленія эскадры. Посему предоставляю чувству вашей справедливости взвѣсить, возможно ли мнѣ отказаться отъ временнаго вступленія моихъ войскъ въ Константинополь. Ихъ присутствіе только облегчитъ вашему величеству поддержаніе общественнаго порядка".

3) Князя Горчакова, отъ 5-го февраля:

„Султанъ телеграфировалъ вчера (т.-е. 4-го февраля) Государю: „Я получилъ телеграмму Вашего Величества отъ 16-го. Сейчасъ узналъ, что англійскія суда уже удаляются въ Муданію,

за 50 миль отъ города, и что отвѣтъ изъ Лондона будетъ завтра вечеромъ (т.-е. 5-го) или послѣ-завтра (т.-е. 6-го). Довѣріе, оказанное мнѣ Вашимъ Величествомъ, не дозволяетъ мнѣ запаздывать обѣщаннымъ отвѣтомъ". Шуваловъ также телеграфируетъ отъ вчерашняго числа (т.-е. 4-го): „Англійская эскадра оставила Принцевы острова и удалилась въ заливъ Муданію".

4) Князя Горчакова, отъ 5-го февраля:

„Шуваловъ проситъ разрѣшенія сдѣлать заявленіе насчетъ Галлиполи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Подтверждаемъ обѣщаніе не занимать его и не вступать на линію Булаира, съ условіемъ, чтобы ни одна часть англійскихъ войскъ не была высажена ни на азіатскомъ, ни на европейскомъ берегу". Смыслъ, говоритъ онъ, тотъ же, но эта редакція успокоитъ насчетъ безопасности флота и предотвратитъ разрывъ, который безъ этого будетъ очень близокъ. Государь его уполномочилъ на это".

Изъ всѣхъ этихъ телеграммъ ясно, что Государь очень разгнѣванъ, а несчастный султанъ очень встревоженъ англійскою наглостью и, попавъ между двухъ огней, не знаетъ, какъ быть, и старается оттянуть наше вступленіе въ его столицу. Что же касается до предложенія нашего посла въ Лондонѣ, графа Шувалова, то оно совсѣмъ непонятно, ибо клонится къ успокоенію англичанъ, а не къ нашему. Довольно оригинально: англичане нагло нарушили трактаты, насильно пройдя въ Мраморное море, а мы имъ же обѣщаемъ не занимать ни Галлиполи, ни Булаирскія укрѣпленія. Я понялъ бы еще, еслибъ на этомъ условіи они совсѣмъ удалили свой флотъ и обѣщали больше не входить въ Дарданеллы. Но дѣлать такую уступку только за то, чтобы англичане не свозили на берегъ дессанта, который намъ совсѣмъ не страшенъ и котораго у нихъ даже и нѣтъ,—это что-то непостижимое.

5) Телеграмма Государя, отъ 4 ч. 40 м. дня 5-го февраля: „Шифрованная телеграмма твоя отъ 30-го января дошла до меня только сегодня утромъ. Отвѣтъ твой одобряю. Но необходимо строго изслѣдовать причину столь непростительнаго замедленія. Прошу извѣщать меня всякій разъ о полученіи моихъ шифрованныхъ телеграммъ. Куда направляешь ты гвардейскій экипажъ и какимъ путемъ? Завтра ожидаю трехъ моихъ сыновей [1])".

7) Отвѣтъ Великаго Князя:

„Телеграмма моя шифрованная, отъ 30-го января, за неимѣ-

---

[1]) Наслѣдника Цесаревича и великихъ князей Владиміра и Алексѣя Александровичей, изъ дѣйствующей арміи.

ніемъ тогда телеграфнаго сообщенія, была отправлена по казачьимъ постамъ на разстояніе болѣе 150 верстъ, въ самую грязь. Когда открылся телеграфъ въ Эски-Загрѣ, случилось поврежденіе на Шипкинскомъ перевалѣ, черезъ который проходитъ нашъ единственный телеграфный путь. Такъ что небрежности или умысла въ замедленія этой телеграммы я не допускаю. Такъ какъ дипломатическіе переговоры исключительно передаются на французскомъ языкѣ, то прошу приказать немедленно выслать ко мнѣ черезъ Одессу, пароходомъ, телеграфистовъ, знающихъ французскій языкъ основательно, а то телеграммы приходятъ страшно искаженныя. Получилъ сегодня въ 10 ч. утра отъ Горчакова четыре телеграммы: двѣ отъ четвертаго, №№ 673 и 674, и двѣ отъ пятаго, №№ 807 и 837. Гвардейскій экипажъ идетъ черезъ Тырновъ, Твардицу, Іени-Загру и по желѣзной дорогѣ сюда. Все благополучно. Эскадра англійская, по слухамъ, вчера пришла опять къ Принцевымъ островамъ".

7 февраля.—Утромъ получена телеграмма Государя отъ 4 ч. 10 м. дня 6-го февраля:

„Двѣ шифрованныхъ телеграммы твои отъ 5-го февраля получилъ сегодня утромъ. Распоряженія твои одобряю [1]). Запоздалыя телеграммы твои отъ 4-го также получилъ. Сыновья мои благополучно воротились".

Великій Князь отвѣчалъ:

„Благодарю за депешу, отъ 6-го числа, № 77. Радуюсь пріѣзду всѣхъ твоихъ трехъ молодцовъ. Пока изъ Константинополя отвѣта не получилъ. Погода чудная, весенняя".

Въ 11 ч. утра была получена отъ Государя вторая телеграмма, отъ 4 ч. 50 м. дня 6-го февраля:

„Миша телеграфируетъ, что турки не соглашаются очистить Батумъ. Я отвѣчалъ брату, что мы не можемъ настаивать на томъ, что̀ не вошло въ условія перемирія, и что необходимо установить демаркаціонную линію сообразно дѣйствительному расположенію обѣихъ сторонъ; уступка же намъ Батума должна войти въ окончательныя условія мира".

Отвѣтъ Великаго Князя отъ 11 ч. 30 м. утра:

„Получилъ твою телеграмму отъ 6-го числа, № 78. Миша меня уже давно спрашивалъ о Батумѣ, и я ему положительно сообщилъ, что въ предварительныхъ условіяхъ мира о Батумѣ ничего не выговорено".

[1]) Т.-е.—рѣшеніе занять Санъ-Стефано вмѣсто Константинополя и заявленіе Савфету-пашѣ объ этомъ.

Кромѣ того, Великій Князь телеграфировалъ Государю:

„Состояніе здоровья войскъ весьма удовлетворительно. Никакихъ болѣзней, слава Богу, нѣтъ. 6-го февраля выѣхалъ изъ Рущука муширъ [1]) Ахмедъ-Кейсерли-паша; сегодня 7-го выступаетъ оттуда послѣдній эшелонъ турецкаго гарнизона и сегодня же должны вступить въ Рущукъ наши войска, а 8-го вступитъ Тотлебенъ съ штабомъ. Я приказалъ навести Новогеоргіевскій мостъ у Рущука, дополнивъ его Петрошанскимъ, который снять совсѣмъ. Желѣзный же мостъ, части котораго находятся въ пути на всемъ протяженіи между Петербургомъ и Бухарестомъ, я приказалъ вернуть и собрать въ Новогеоргіевскѣ, такъ какъ на Дунай онъ все равно своевременно поспѣть не можетъ. Князь Дондуковъ до 8-го февраля долженъ остаться въ Разградѣ: раньше этого выѣхать на смѣну Тотлебена не можетъ. Очищеніе Дуная отъ минъ ниже Силистріи оказывается весьма труднымъ. Всѣ мины поставлены были при низкомъ уровнѣ воды, поэтому снять ихъ при полной водѣ весьма трудно, а до очищенія Дуная отъ льда даже невозможно. Вообще, свободное плаваніе по Дунаю, какъ полагаетъ Алексѣй, можетъ открыться нескоро.

„Подполковникъ генеральнаго штаба Шуруповъ, посланный Циммерманомъ въ Силистрію для переговоровъ о сдачѣ ея на основаніи условій перемирія, доноситъ, что комендантъ обѣщалъ очистить Силистрію въ семидневный срокъ, считая съ 4-го февраля, т.-е. къ 11-му февраля. Орудія, снаряды, порохъ турки могутъ увезти на судахъ по Дунаю. Продовольственные припасы, которые они не могутъ взять съ собой, будутъ проданы или уступлены намъ. Въ Силистріи находится 500 тысячъ окъ галетъ и 200 тысячъ кило ячменя и кукурузы. Турецкій гарнизонъ выступитъ въ Варну. Боголюбовъ еще не пріѣзжалъ".

Вечеромъ получена еще телеграмма Струкова изъ Чаталджи:

„Его высочество сынъ вашъ благополучно прибылъ въ часъ дня и немедленно выѣхалъ въ Селиври. Пребываніе всей главной квартиры въ Селиври почти невозможно".

Чтò, впрочемъ, было очевидно и раньше.

8 февраля. — Чтò насъ ждетъ: новая война, или скорый миръ? Вотъ вопросъ, пока неразрѣшимый. Отвѣта на предложеніе впустить насъ въ Санъ-Стефано все еще нѣтъ: ожидается сегодня вечеромъ. Турки умышленно затягиваютъ переговоры: вѣроятно, у нихъ опять какая-нибудь каверза на умѣ, внушенная

[1]) Полный генералъ.

англійскими интригами. Ведутъ нескончаемые споры о границѣ Болгаріи, торгуются насчетъ суммы вознагражденія за военныя издержки. Оспариваютъ многіе пункты, на которые уже согласились при заключеніи перемирія. Когда это было замѣчено Савфету-пашѣ, то онъ весьма откровенно отвѣчалъ: „Тогда было другое положеніе, тогда мы подписали бы все, что̀ вамъ угодно. Ну, а теперь еще поговоримъ: обстоятельства уже не тѣ".

Было бы лучше, еслибъ мы вовсе не затѣвали сепаратнаго мира и не ставили бы его своимъ вопросомъ чести. Подобный миръ имѣетъ значеніе лишь въ борьбѣ между равными; Турція же — открытое поле для общеевропейскихъ интригъ. Вѣдь если заключимъ сепаратный миръ, непріятный Европѣ,—Турція будетъ мѣшкать выполненіемъ его условій до тѣхъ поръ, пока не вмѣшаются другія державы. А безъ англійскаго и австрійскаго вмѣшательства не обойдется. Австрію еще можетъ сдержать старикъ Вильгельмъ I, единственный нашъ другъ. Но и эта заручка подъ вопросительнымъ знакомъ: дѣло можетъ такъ запутаться, что и Вильгельму будетъ неудобно открыто поддерживать насъ.

11 ч. вечера.—Переговоры въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ я думалъ. Изъ вечерняго разговора съ Великимъ Княземъ узналъ, что Савфетъ-паша, подписавъ вчера уступку намъ Карса, Баязета и Батума и условія, опредѣляющія границы Болгаріи и Черногоріи,—сегодня отъ всего этого отказался. Въ отвѣтъ на требованіе объяснить причину,—очень развязно заявилъ, что вчера онъ былъ утомленъ шестичасовымъ непрерывнымъ засѣданіемъ до потери сознанія, а сегодня очувствовался и передумалъ. Истинная причина—конечно, въ разсчетѣ на энергическую поддержку англичанъ: не даромъ же онъ получилъ сегодня изъ Константинополя четыре шифрованныхъ телеграммы.

Великій Князь послалъ Государю въ 7 ч. 20 м. вечера слѣдующую шифрованную телеграмму.

„*Экстренно.* Турецкое правительство имѣетъ намѣреніе теперь же послать къ тебѣ чрезвычайнаго посла, не кончивши дѣла здѣсь со мною. Игнатьевъ и я убѣдительно просимъ тебя отказать султану въ этомъ, ибо это только интрига и желаніе продлить переговоры. Могу ли заявить, что послѣ заключенія мира ты съ удовольствіемъ примешь посла? Прошу скорѣйшаго отвѣта".

Можетъ быть, оно такъ и слѣдуетъ, но на мой профанскій взглядъ—мирные переговоры ведутся крайне легкомысленно.

Игнатьевъ началъ переговоры съ турками, какъ о перемиріи,

такъ и теперь о мирѣ, не обмѣнявшись полномочіями, съ цѣлью скрыть свои, и, пользуясь этимъ, вымогать съ турокъ возможно бо̀льшія уступки. Но, по моему, онъ самъ попался въ свою же ловушку какъ въ январѣ, такъ и теперь. Намыкъ и Серверъ паши, какъ это стало извѣстно теперь, имѣли неограниченныя полномочія. Но такъ какъ обмѣна полномочіями до начала переговоровъ не было, то оба они имѣли возможность торговаться съ 8-го по 19-е января, безпрестанно ссылаясь на необходимость испрашивать приказанія изъ Константинополя.

Но тогда затяжка переговоровъ на неопредѣленное время была невыгодна для самихъ турокъ, потому что мы продолжали подвигаться впередъ.

Теперь обстановка иная. Имѣя за спиной Лейарда и англійскій флотъ, турки могутъ только выиграть отъ затяжки мирныхъ переговоровъ. А сегодняшнюю нахальную выходку Савфета-паши можно было даже предвидѣть, ибо онъ еще 4-го февраля отказался отъ нѣкоторыхъ статей предварительныхъ условій мира, подписанныхъ 19-го января.

Игнатьевъ тогда же, 4-го февраля, далъ туркамъ срокъ для подписанія мира до 12-го (почему именно до 12-го—не знаю), а сегодня—потребовалъ безусловнаго подтвержденія вчерашняго согласія на уступку намъ Карса, Баязета и Батума и на новыя пограничныя черты Болгаріи и Черногоріи. Это требованіе, облеченное въ форму ультиматума, не имѣетъ, однако, главнаго его признака: назначенія крайняго срока исполненія. Слѣдовательно, турки сохраняютъ и впредь полную возможность отказаться завтра отъ уступокъ, подписанныхъ сегодня. Могутъ подписать хоть весь мирный договоръ, а затѣмъ отъ него отказаться. Что̀ тогда дѣлать? возобновить военныя дѣйствія? Но тогда тотчасъ вмѣшаются Англія и Австрія. Турки же могутъ только выиграть отъ ихъ вмѣшательства, ибо тяжелѣе тѣхъ условій, которыя мы ставимъ имъ теперь—быть не можетъ. И выходитъ, что не стоило и задаваться сепаратнымъ миромъ, а лучше самимъ внести мирныя условія въ европейскій ареопагъ. Вѣдь хуже будетъ для насъ же, если намъ потомъ навяжутъ уступки - противъ мирныхъ условій, которыя будутъ выговорены теперь.

Вотъ еслибъ мы могли покончить войну съ Турціей безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, тогда—другое дѣло. Но мы этого не можемъ: сами заранѣе обѣщали, еще до войны, что не будемъ передѣлывать карту Турціи безъ общаго согласія всѣхъ великихъ державъ.

9 февраля. — Получено извѣстіе, что турки, подъ вліяніемъ англичанъ, перемѣнили министерство и послали Намыкъ-пашу прямо къ Государю. Великій Князь немедленно принялъ самыя энергическія мѣры: 1) приказалъ задержать Намыка въ Одессѣ и не пускать оттуда впредь до высочайшаго повелѣнія; 2) объявилъ турецкимъ уполномоченнымъ, что если къ 6 час. утра 11-го февраля не получитъ приглашенія вступить въ Санъ-Стефано, то займетъ его самъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—всѣ тѣ пункты, какіе найдетъ нужнымъ; 3) войскамъ приказано быть готовыми къ немедленному переходу въ наступленіе; 4) Гуркѣ—сегодня же ѣхать въ Чаталджу съ экстреннымъ поѣздомъ.

Великій Князь хотѣлъ-было выѣхать самъ туда завтра же, но Непокойчицкій убѣдилъ его подождать до 11-го. Это хорошо, но вотъ что̀ худо: стоя здѣсь съ 14-го января, мы не позаботились притянуть изъ-за Балканъ свободныя войска. Даже вчера, когда Левицкій сказалъ Непокойчицкому: „если есть основаніе ожидать возобновленія военныхъ дѣйствій, то надо теперь же распорядиться притянуть войска изъ-за Балканъ",—Непокойчицкій отвѣтилъ: „Да зачѣмъ, вѣдь ничего нѣтъ, съ чего вы взяли? Ничего не надо!"

Это было вчера, а что̀ случится сегодня? Что̀ будетъ дальше? Одному Богу извѣстно.

Во всякомъ случаѣ, жребій брошенъ.

Вотъ какія телеграммы получены и отправлены въ сегодняшнее тревожное утро.

1) Телеграмма Государя, отъ 11 ч. 35 м. утра 6-го февраля, получена сегодня, въ 10 ч. утра:

„Въ виду справедливыхъ опасеній, высказанныхъ тобою въ телеграммѣ отъ 4-го февраля, полученной мною только сегодня, нахожу необходимымъ ускорить исполненіе сдѣланнаго тобою Портѣ предложенія относительно занятія ближайшихъ къ Константинополю предмѣстій. Для сего нужно назначить кратчайшій по возможности срокъ для полученія согласія султана, и на случай его отказа приготовить достаточныя силы. По твоему сообщенію вообще предоставляю тебѣ дѣйствовать, не ожидая особыхъ моихъ разрѣшеній".

2) Отъ Государя, отъ 2 ч. 18 м. пополудни 7-го февраля, получена сегодня, въ 10 ч. утра:

„Всѣ телеграммы твои отъ сегодняшняго утра включительно получилъ. Обращаю особое вниманіе твое на сегодняшній отвѣтъ мой султану и на шифрованную телеграмму князя Горчакова къ тебѣ".

3) Князя Горчакова отъ 7-го февраля:

„Секретными путями узнали, что султанъ ищетъ соглашенія съ англичанами противъ насъ, и что его наружная любезность имѣетъ лишь цѣлью выиграть время“.

4) Князя Горчакова, отъ 1 ч. пополудни 7 февраля, получена сегодня, въ 1 ч. дня:

„Султанъ телеграфировалъ Государю отъ 6-го:

„Спѣшу увѣдомить Ваше Величество, что британское правительство приказало своему флоту отойти въ Муданію, за 50 миль отъ Константинополя, въ Мраморномъ морѣ, и рѣшило не вступать въ Босфоръ; окончательный отвѣтъ обѣщало мнѣ дать ко вторнику. Я отправляю, черезъ Одессу, особаго посла съ порученіемъ представить Вашему Величеству о грозящихъ мнѣ личныхъ опасностяхъ, и я надѣюсь на пріостановку до тѣхъ поръ предположеннаго вступленія императорскихъ войскъ. Я также отдалъ приказаніе, чтобы Савфетъ-паша постарался возможно скорѣе достигнуть заключенія предварительнаго мира, пребывая въ надеждѣ, что воля Вашего Величества дозволитъ уполномоченнымъ оставаться въ предѣлахъ принятыхъ основаній мира и въ предѣлахъ возможнаго. Я узналъ подробности, заставляющія меня предполагать непреодолимыя затрудненія. Устраненіе ихъ зависитъ отъ великодушія Вашего Величества“.

Государь отвѣчалъ султану сегодня (т.-е. 7 февраля):

„Какъ только Савфетъ-паша окончитъ переговоры съ графомъ Игнатьевымъ на принятыхъ вашимъ величествомъ еще до заключенія перемирія основаніяхъ и по утвержденіи результата этихъ переговоровъ санкціею вашего величества—отъ васъ будетъ зависѣть отправить ко мнѣ, черезъ Одессу, особаго посла. До тѣхъ поръ оно было бы безцѣльно. Что касается до временнаго вступленія въ Константинополь части моихъ войскъ, то оно не можетъ быть ни отмѣнено, ни отсрочено, въ виду того, что англійская эскадра осталась въ Мраморномъ морѣ, а не удалилась за Дарданеллы. Я одобряю соглашеніе, предложенное моимъ братомъ по этому вопросу“ [1]).

Великій Князь телеграфировалъ сегодня:

1) Государю, въ 11 ч. утра, шифромъ:

„Въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, о которыхъ сказано въ сегодняшней телеграммѣ Игнатьева Горчакову, я рѣшился объявить уполномоченнымъ, что если я не получу до 6-ти часовъ утра 11-го числа приглашеніе вступить въ Санъ-Стефано, то

---

[1]) Т.-е. занятіе Санъ-Стефано.

займу самъ его и тѣ мѣста, которыя найду нужнымъ. Телеграмму твою, шифрованную отъ 6-го числа, № 87, получилъ только сейчасъ. Ты видишь, что я предугадалъ твое приказаніе и дѣйствую согласно твоему желанію".

2) Государю, въ 11 ч. утра:

„Твою телеграмму отъ 7-го числа, № 39, получилъ сегодня".

3) Государю, въ 1 ч. дня:

„Только-что получилъ копіи съ депеши султана и твой отвѣтъ ему. Англійская эскадра не ушла, а крейсируетъ у Принцевыхъ острововъ. Турки послали еще 7-го числа Намыка-пашу въ Одессу и далѣе, въ Петербургъ. Далъ знать Семекѣ: его далѣе не пропускать безъ твоего приказанія. Турки медлятъ, сошлись съ Лейардомъ, учиняютъ намъ различныя козни. Я дѣйствую на Савфета-пашу энергично, съ угрозою".

4) Генералъ-адъютанту Семекѣ, въ Одессу, отъ 11 ч. 30 м. утра, шифромъ:

„Прошу посланнаго турецкаго, Намыка-пашу или какого другого турка, изъ Одессы въ Петербургъ не пропускать ранѣе, чѣмъ получите на то особое приказаніе отъ Государя".

Вечеръ провелъ у Великаго Князя. Онъ совершенно убѣжденъ, что турки покорятся и спокойно пропустятъ насъ въ Санъ-Стефано. Онъ разсказывалъ, что, принимая сегодня Савфетъ-пашу, прямо объявилъ ему, что Санъ-Стефано мы должны занять во чтò бы ни стало; что это еще уступка, которую онъ взялъ на себя, ибо Государь приказалъ занять Константинополь. Затѣмъ сказалъ Савфету, что увольненіе Сервера-паши принимаетъ за личное себѣ оскорбленіе. Въ „Daily-News" напечатано Макъ-Гахановъ, что Серверъ въ Казанлыкѣ говорилъ, что Англія втравила Турцію въ войну съ нами, продолжаетъ натравливать на насъ, и что все это можно доказать документами. За это его теперь и смѣнили. Но Великій Князь считаетъ это придиркой, ибо истинная причина смѣны, конечно, не газетная статья, а фактъ подписанія Серверомъ главныхъ основаній мира. А такъ какъ и онъ, Великій Князь, тоже подписалъ эти основанія, то и считаетъ увольненіе Сервера-паши обидою себѣ, тѣмъ болѣе, что оно состоялось по наущеніямъ Лейарда. Вліянію того же Лейарда Великій Князь приписываетъ и миссію Намыка-паши къ Государю, состоявшуюся безъ его вѣдома и вопреки ясно выраженной волѣ Государя не принимать никакихъ пословъ до заключенія мира. „Чтò же, — сказалъ Великій Князь Савфету, —

я долженъ думать о вашемъ правительствѣ, которое сегодня говоритъ одно, а завтра отказывается отъ своихъ словъ по наговору Лейарда?" Въ заключеніе Великій Князь объявилъ Савфету, для передачи султану, что онъ уже сдѣлалъ всѣ распоряженія для сосредоточенія войскъ, и 11-го февраля, въ 6 часовъ утра, выѣзжаетъ самъ, а его, Савфета, со всѣмъ посольствомъ, беретъ съ собою: вмѣстѣ поѣдемъ въ Чаталджу, и оттуда—въ Константинополь. „Отъ васъ зависитъ, какъ принять меня: я иду безъ намѣренія начинать военныя дѣйствія и самъ стрѣлять не буду; но если ваши начнутъ, то будемъ драться".

На это Савфетъ-паша съ жаромъ возразилъ: „Что касается до нашихъ, то увѣряю, что они стрѣлять не станутъ". Великій Князь отвѣтилъ: „Я васъ ловлю на словѣ. Вы говорите, что ваши стрѣлять не будутъ—очень радъ. Я сдѣлаю вотъ что̀: ваши офицеры пусть ѣдутъ во главѣ моихъ колоннъ, а вы поѣдете рядомъ со мною, верхомъ". Савфетъ поспѣшилъ увѣрить, что готовъ грудью заслонить Великаго Князя отъ всякой опасности, на что онъ отвѣтилъ, что ни въ какомъ заслонѣ не нуждается. Послѣ этого разговора турецкое посольство переполошилось: сегодня весь день посылали одну телеграмму за другою въ Константинополь. Будемъ надѣяться, что энергическая рѣчь Великаго Князя произведетъ и тамъ надлежащее впечатлѣніе.

Въ заключеніе, Великій Князь высказалъ, что не вѣритъ англійскимъ угрозамъ, убѣжденъ, что Англія намъ войны не объявитъ, и рѣзко бранилъ князя Горчакова за то, что онъ заранѣе согласился на европейскую конференцію. По словамъ Великаго Князя, конференцію предположено собрать въ Баденъ-Баденѣ.

Отъѣздъ нашъ назначенъ на 11-е февраля, въ 6 ч. утра, въ Чаталджу. Если, ко времени нашего прибытія туда, получимъ приглашеніе султана занять Санъ-Стефано, то поѣдемъ туда по желѣзной дорогѣ; если приглашенія не будетъ—двинемся обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ.

10 февраля.—Великій Князь получилъ отъ Савфета увѣреніе, что приглашеніе ему отъ султана вступить въ Санъ-Стефано непремѣнно будетъ.

Около 5 ч. дня получена телеграмма на франц. языкѣ изъ Константинополя отъ нашего перваго драгомана Ону, отъ 1 ч. 45 м. дня:

„Порта согласилась. Полковникъ князь Кантакузинъ, въ сопровожденіи Османа-паши, выѣхалъ сегодня въ Санъ-Стефано, для указанія тѣхъ сосѣднихъ мѣстностей, въ которыхъ располо-

жатся войска, сопровождающія Ваше Высочество. Подробности—съ особымъ курьеромъ, отправляемымъ сегодня вечеромъ къ Савфету-пашѣ. Относительно чисто-военныхъ вопросовъ полковникъ князь Кантакузинъ донесетъ прямо штабу. Санъ-Стефано вполнѣ готово къ пріему Вашего Высочества".

Игнатьевъ увѣряетъ, что миръ будетъ окончательно подписанъ 19-го февраля.

11 февраля.—Встали въ четыре утра, а въ шесть, еще въ совершенной темнотѣ, отошелъ изъ Адріанополя нашъ поѣздъ. Ѣхали очень медленно, такъ какъ поѣздъ былъ и очень великъ, и сильно перегруженъ. Въ Чорлу была остановка для обѣда, заказаннаго по телеграфу. Въ Чаталджу прибыли около 6 ч. вечера. Тамъ уже былъ выстроенъ весь корпусъ Скобелева. Великій Князь объѣхалъ его и поблагодарилъ. Тутъ мы узнали, что два передовыхъ поѣзда, отправленные еще вчера, со сводною гвардейскою ротою, конвоемъ Великаго Князя и багажемъ,—были остановлены турками на демаркаціонной линіи, за неполученіемъ приказанія о пропускѣ изъ Константинополя. Великій Князь разсердился. Подозвавъ къ себѣ турецкаго полковника Таиръ-бея, состоящаго при Скобелевѣ (къ которому онъ былъ присланъ Мухтаръ-пашою уже нѣсколько дней тому назадъ),—Великій Князь распекъ его и приказалъ: немедленно ѣхать вмѣстѣ съ подполковникомъ Соллогубомъ и корнетомъ Галломъ, на дежурномъ паровозѣ, на демаркаціонную линію и распорядиться пропускомъ обоихъ передовыхъ поѣздовъ; предупредить при этомъ, что онъ, Великій Князь, тотчасъ ѣдетъ слѣдомъ и требуетъ безотговорочнаго и безотлагательнаго пропуска. Это приказаніе Великій Князь заключилъ слѣдующими словами: „Quand j'ordonne quelque-chose, j'aime être obéis sur le champ. Dites leurs cela. Allez!" Бѣдный турокъ сконфузился и немедленно полетѣлъ впередъ со своими конвоирами, а мы усѣлись въ вагоны и, по полученіи телеграммы о прослѣдованіи черезъ демаркаціонную линію головныхъ поѣздовъ—тронулись вслѣдъ за ними, уже поздно вечеромъ. Прибыли въ Санъ-Стефано часовъ около 4-хъ утра, при чудномъ лунномъ свѣтѣ. На станціи уже ожидали Великаго Князя: военный министръ Реуфъ-паша, бывшій главнокомандующій Мехмедъ-Али-паша и мѣстное греческое духовенство. Великій Князь сѣлъ на коня и въѣхалъ въ Санъ-Стефано, предшествуемый греческимъ духовенствомъ съ иконами, хоругвями, зажженными свѣчами и хоромъ пѣвчихъ. Бѣдные паши, не имѣвшіе верховыхъ лошадей, должны были плестись за Великимъ Кня-

земъ пѣшкомъ. Къ ихъ счастію, приготовленный для Великаго Князя домъ оказался очень недалеко отъ станціи. Домъ великолѣпный, хотя не очень большой, но трехэтажный. Отдѣланъ и меблированъ роскошно: гармоническая смѣсь восточнаго и европейскаго стилей и комфорта. Домъ этотъ принадлежитъ богачу-армянину Дадіани. Въ столовой уже были приготовлены чай и закуска, что̀ было очень кстати. Реуфъ и Мехмедъ-Али-паши побыли недолгое время и, откланявшись, уѣхали въ Константинополь: Великій Князь былъ съ ними обаятельно-милъ и привѣтливъ.

Левицкому и мнѣ отвели большую и хорошо меблированную комнату въ нижнемъ этажѣ прекраснаго дома, на набережной Мраморнаго моря, всего въ 2-хъ минутахъ ходьбы отъ дома Великаго Князя. При домѣ—чудный садъ.

Только въ 7 ч. утра 12-го февраля мы могли улечься спать, но уже въ 10 ч. утра встали.

12 февраля.—Еще ночью я любовался, при лунномъ сіяніи, чарующимъ видомъ Мраморнаго моря, а сегодня окончательно осмотрѣлся въ Санъ-Стефано. Чудный городокъ, сильно напоминающій итальянскіе и болѣе всего—Палланцу. Вдали на горизонтѣ синѣетъ малоазіатскій берегъ, и среди Мраморнаго моря выдаются три горы съ бѣлѣющими на нихъ домиками: это Принцевы острова. Константинополь съ набережной не виденъ, но если выйти на мысъ, занятый теперь 16-ю орудіями л.-гв. 1-ой артилл. бригады, то сразу открывается восхитительный видъ: весь Царьградъ, Скутари и Босфоръ. Прелесть зрѣлища усугубляется темною зеленью громадныхъ кипарисовъ, лавровъ и миртовъ. Совершенно забываешь, что теперь еще зима.

Всѣ дома Санъ-Стефано принадлежатъ грекамъ, армянамъ, левантинцамъ и отчасти европейцамъ разныхъ націй. Это—дачное мѣсто константинопольцевъ. Большинство домовъ — отельнаго типа, т.-е. въ каждомъ этажѣ центральная зала и изъ нея — двери въ отдѣльныя комнаты. Домъ, гдѣ мы живемъ, трехъ-этажный, и въ каждомъ этажѣ по такой залѣ: вездѣ мебель, есть даже билліардъ и піанино, а въ бель-этажѣ—большой балконъ, откуда чудный видъ на Мраморное море.

Сегодня съ утра набралась въ Санъ-Стефано масса любопытной публики и разные торговцы изъ Царьграда. На улицахъ — нетолченая труба. У пристани, которая приходится наискосокъ противъ нашей квартиры, одни пароходы смѣняются другими: пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ любопытные. Въ числѣ ихъ

есть и турецкіе офицеры, но нашимъ офицерамъ строжайше воспрещено ѣздить въ Константинополь въ военномъ платьѣ, впредь до заключенія мира. Многіе, впрочемъ, уже раздобылись здѣсь статскимъ платьемъ и сегодня отправились смотрѣть Царьградъ.

Великій Князь донесъ Государю о своемъ прибытіи слѣдующею телеграммою:

„Прибылъ сегодня, 12-го февраля, въ 4 часа ночи въ Санъ-Стефано, съ согласія султана, по желѣзной дорогѣ. Сегодня вступаетъ преображенскій полкъ. Казаки съ Жуковымъ и конвойная рота со мною. Турки очистили намъ мѣсто. Встрѣчали меня на станціи греческое духовенство, Реуфъ и Мехмедъ-Али паши. Все обстоитъ благополучно. Войска въ отличномъ видѣ и здоровьи".

Эта телеграмма дошла необычайно быстро, такъ что спустя нѣсколько часовъ полученъ слѣдующій отвѣтъ:

„Радуюсь твоему благополучному прибытію съ согласія султана и хорошему состоянію здоровья въ войскахъ. Каковъ ты самъ? Отправилъ къ тебѣ письмо сегодня съ Бибиковымъ" [1]).

Великій Князь тотчасъ же отвѣчалъ:

„Благодарю очень за письмо твое отъ 26-го января и за сегодняшнюю телеграмму. Здоровье мое вее по прежнему: не могу долго стоять и ходить, но вообще порядочно себя чувствую".

Сегодня же получена слѣдующая телеграмма князя Горчакова отъ 10-го февраля:

„Шуваловъ телеграфируетъ отъ 9-го: Лейардъ сообщаетъ, что 30.000 русскихъ готовы вступить насильно. Условія мира оглушительны: сдача флота, изгнаніе всего мусульманскаго населенія. Султанъ подписать не можетъ, проситъ англійской помощи. Британскій кабинетъ очень встревоженъ. Если русскія войска войдутъ въ Константинополь безъ согласія султана, то британское правительство будетъ вынуждено отозвать своего посла изъ Петербурга и предложить созывъ конференціи. Дерби добавилъ, что создаваемое нами положеніе равносильно разрыву перемирія, но если султанъ согласится, то положеніе измѣнится".

Это извѣщеніе такъ возмутило Великаго Князя, что онъ немедленно телеграфировалъ прямо графу Шувалову въ Лондонъ:

---

[1]) Адъютантъ главнокомандующаго. Скончался въ должности начальника 2-ой гвард. пѣхотной дивизіи въ 1899 или 1900 г.

„Канцлеръ сообщилъ мнѣ содержаніе вашей телеграммы отъ 9-го. Сообщеніе Лейарда объ условіяхъ мира тенденціозно-ложное. Я прибылъ въ Санъ-Стефано съ согласія султана".

Вслѣдъ за симъ получены еще двѣ телеграммы князя Горчакова:

1) Отъ 10-го февраля:

„По высочайшему повелѣнію я телеграфировалъ Шувалову: „Мы еще не знаемъ въ точности условій адріанопольскихъ переговоровъ, вслѣдствіе перерыва телеграфнаго сообщенія съ 8-го февраля, но объявляемъ вполнѣ ложнымъ сообщеніе Лейарда, будто мы требуемъ изгнанія изъ Болгаріи всего мусульманскаго населенія. Рѣчь идетъ только о турецкихъ чиновникахъ и войскахъ. Британская эскадра прошла черезъ Дарданеллы, не взирая на протестъ Турціи. Между тѣмъ, въ случаѣ вступленія части нашихъ войскъ въ Константинополь, съ тою же цѣлью защиты христіанъ, но безъ согласія султана, британское правительство сочтетъ себя вынужденнымъ отозвать своего посла изъ Петербурга. Пусть дѣлаетъ, что хочетъ. Исторія, а быть можетъ и современники, произнесутъ свой приговоръ надъ столь полнымъ отсутствіемъ логики и надъ такимъ презрѣніемъ ко всеобщему миру".

2) Отъ сего 12-го февраля:

„Шуваловъ телеграфируетъ отъ 10-го: „Дерби выразилъ желаніе, чтобы вчерашній меморандумъ остался секретомъ обоихъ кабинетовъ. Декларація насчетъ Дарданеллъ принята къ свѣдѣнію". Я отвѣчалъ, что въ виду важности дѣла уже посланы сообщенія великимъ державамъ".

13 февраля. Въ 2 ч. 20 м. дня получена телеграмма Государя отъ сего числа, 11 ч. утра (рѣдкая быстрота передачи!):

„Поздравленія твои, телеграммы отъ 12-го получилъ. Благодарю за письмо отъ 31-го января съ полковникомъ Сухотинымъ, пріѣхавшимъ вчера вечеромъ. Всѣ распоряженія твои одобряю. Дошла ли шифрованная моя телеграмма отъ 9-го февраля? Передай моимъ уланамъ поздравленіе мое съ полковымъ праздникомъ и мое спасибо за молодецкую службу".

Великій Князь отвѣчалъ:

„Телеграмму твою отъ 13-го сегодня получилъ. Шифрованную отъ 9-го также получилъ своевременно. Реуфъ-паша былъ у меня сегодня: условился съ нимъ объ отводѣ всѣхъ турецкихъ войскъ съ бывшей демаркаціонной линіи, къ утру

четверга 16-го февраля. Тогда Скобелевъ перейдетъ со всѣмъ своимъ корпусомъ на линію Перенджикіой до Агачи, близъ Чернаго моря. У насъ погода чудная, на берегу моря играетъ музыка и гуляетъ публика, пріѣзжающая изъ Царьграда. Доѣзжалъ сегодня до турецкихъ форпостовъ, гдѣ разговаривалъ съ турецкимъ офицеромъ. Все благополучно.

Въ Санъ-Стефано необычайное оживленіе, вѣрнѣе—непротолкная. Наши офицеры и солдаты всѣхъ родовъ оружія, пріѣзжіе зѣваки изъ Константинополя, уличные торговцы, пѣвцы и музыканты, международныя дѣвицы легкаго поведенія,—все это съ утра до вечера толпится на улицахъ. Не только греки и армяне, но и сами турки относятся къ нашимъ войскамъ съ полнѣйшимъ дружелюбіемъ: выражаютъ открытую радость нашему приходу и даже сами спрашиваютъ, когда мы придемъ въ Константинополь? Греки и левантинцы изъ Перы и Галаты заговариваютъ по-французски съ нашими офицерами и дѣлаютъ подчасъ самые наивно-невѣжественные вопросы. Сегодня одинъ весьма элегантный господинъ, за которымъ слѣдовали разряженныя дѣти, остановилъ Сухомлинова на улицѣ вопросомъ: пришелъ ли уже нашъ „одноглазый“ полкъ,—и былъ очень разочарованъ, узнавъ, что такого полка нѣтъ. Ему передавали за вѣрное, что полкъ этотъ долженъ придти сегодня, и онъ нарочно привезъ своихъ дѣтей показать имъ эту диковинку.

На турецкихъ дипломатовъ нашъ быстрый переѣздъ въ Санъ-Стефано произвелъ благодѣтельное впечатлѣніе: они стали гораздо сговорчивѣе и уступчивѣе. Посмотримъ, что̀ будетъ дальше.

М. А. Газенкампфъ.

ВНѢ ЦЕХА

РОМАНЪ.

„Я покинулъ эти мѣста страданія, но еще и теперь мною овладѣваетъ ужасъ, когда я случайно вспоминаю о нихъ“.

Дюма.

I.

Въ Рамцахъ—поселкѣ, раскинутомъ въ верстѣ отъ желѣзнодорожной станціи того же названія,—царила тишина. Утро начиналось теплое, но по небу бродили тучи, мѣшавшія пробиваться солнечнымъ лучамъ, которые наканунѣ въ это же время заливали весь поселокъ и придавали каждой избушкѣ, каждому кустику зелени радостный, праздничный видъ. Теперь сѣрый тонъ лежалъ на всемъ, отчего проигрывали не только скромные маленькіе домики, но и „дворецъ“ мѣстнаго богача лѣсопромышленника Простоквашина, дѣти котораго учились уже въ гимназіи и обижались, когда имъ напоминали о дѣдѣ, ходившемъ въ лаптяхъ и сермягѣ.

Наискось отъ Простоквашинскаго дворца, черезъ шоссейную дорогу, стоялъ небольшой домикъ съ мезониномъ, принадлежавшій охотнику Герману Фрейману. Самъ Фрейманъ былъ почти всегда въ отлучкѣ, и въ роли хозяйки оставалась его племянница, золотокудрая Рита, выписанная изъ Риги Фрейманомъ для завѣдыванія хозяйствомъ и для присмотра за двумя двоюродными сестрами-сиротами. При дядѣ Рита сидѣла дома; когда же дяди не было, Рита предпочитала ходить по гостямъ, гулять или читать ро-

маны, предоставивъ все хозяйство наймичкѣ Марѳѣ, которая сама себя называла „находной работницей“. Но такъ какъ она часто была пьяна, то сиротки также часто оставались совсѣмъ безъ обѣда или ѣли бурду, которая предназначалась для собакъ, получавшихъ, по ошибкѣ Марѳы, дѣтскій супъ. Узнавъ про такой „казусъ“, Рита смѣялась, говорила: „ну, это ничего!“—и шла обѣдать къ кому-нибудь изъ знакомыхъ, чаще же всего наверхъ къ жильцамъ, которые обыкновенно кормили и сиротокъ, плакавшихъ отъ голода.

Мезонинъ нанималъ Ювеналій Никандровичъ Малаховъ. Онъ былъ писатель по профессіи, но бѣжалъ изъ столицы и поселился въ Рамцахъ. Въ мезонинѣ было всего три комнаты—одна большая и двѣ маленькія — и кухонка. Въ одной изъ комнатъ Ювеналій Никандровичъ работалъ, то-есть писалъ и столярничалъ; другая служила спальней для него и жены, которую звали Натальей Павловной,—а самая большая комната исполняла роль залы, гостиной и столовой. Здѣсь же работала на машинкѣ Наталья Павловна, умѣвшая шить и платья, и бѣлье. Большая комната была обставлена лучше другихъ: здѣсь стоялъ мягкій диванъ, два кресла, нѣсколько буковыхъ стульевъ и піанино. Обѣденный столъ, съ опускавшимися половинками, помѣщался обыкновенно у стѣны и лишь „по надобности“ водворялся на середину. Въ этой же комнатѣ находился и шкафъ съ книгами, которому не было мѣста въ кабинетѣ. Въ спальнѣ обстановка состояла изъ двухъ простыхъ кроватей, платяного шкафа, сундука и крошечнаго столика съ зеркаломъ, что̀, шутя, Малахова называла своимъ „будуарнымъ туалетомъ“. Кабинетъ Ювеналія Никандровича походилъ на комнату рабочаго или—если хотите—на келью инока. Въ переднемъ углу висѣлъ образъ Спасителя, благословляющаго дѣтей. Передъ образомъ всегда теплилась лампадка. У одной стѣны стоялъ длинный, даже не выкрашенный, сосновый столъ,—на немъ Малаховъ писалъ. У другой стѣны помѣщалась кушетка изъ ивовыхъ прутьевъ,—на ней онъ отдыхалъ послѣ писанія или послѣ работы за верстакомъ, стоявшимъ въ простѣнкѣ между окнами. Надъ верстакомъ, на стѣнѣ, въ простой рамѣ, сдѣланной самимъ Малаховымъ, висѣлъ портретъ Достоевскаго съ надписью: „Смирися, гордый человѣкъ! Потрудися, праздный человѣкъ!“ Надъ кушеткой висѣлъ портретъ Пушкина. Обоихъ писателей Малаховъ „обожалъ“, какъ выражался онъ самъ, и произведенія ихъ перечитывалъ чуть не ежедневно. Какъ-то жена спросила его:

— А котораго ты больше любишь?

— Право, не рѣшу,—отвѣтилъ Малаховъ,—оба дороги.

— Я думаю, все-таки Достоевскаго?

— Пожалуй, потому что я его зналъ лично и цѣню не только какъ писателя.

Прислуги Малаховы сначала не держали совсѣмъ; на кухнѣ помогала Натальѣ Павловнѣ находомъ вдова-солдатка, носившая воду во многіе дома. Потомъ Малаховы взяли крестьянскую дѣвочку-сиротку, которая болѣе нуждалась въ хозяевахъ, чѣмъ они въ ней. Но Катя оказалась дѣвочкой способной и хорошей. Она скоро многое переняла у барыни и стала ей помогать. Все-таки Наталья Павловна сама готовила, убирала комнаты, и только когда чувствовала себя слабой или несовсѣмъ здоровой—уборкой занималась Катя. Зато дѣвочка уже исключительно наблюдала за чистотой кухни и посуды. Дрова кололъ самъ Малаховъ. Онъ же носилъ воду изъ колодца, а съ рѣки—водоноска. Сначала и хозяинъ, и сосѣди удивлялись „скупости Малахова“, но потомъ поняли, что это дѣлалось по другой причинѣ.

— Хочется вамъ, баринъ, самимъ воду носить, да дрова колоть,—сказалъ какъ-то кузнецъ Андрей.

— Хочется, не хочется, а надо.

— Да чего же стоитъ, рубль какой-нибудь...

— Дѣло, братецъ, не въ рублѣ. За столомъ сидя, деньги достаю, а здѣсь да за верстакомъ аппетитъ добываю.

— Э-э, вотъ оно что̀... смекаю! А мы положили было всѣ...

И кузнецъ, не закончивъ фразы, засмѣялся.

Ради же здоровья Малаховъ ежедневно утромъ ходилъ гулять, какая бы погода ни случилась. Онъ принялъ за правило: дойти до станціи и обратно, если погода неважная, а въ хорошую—до мельницы Софрона, въ трехъ верстахъ отъ Рамцевъ. Ювеналій Никандровичъ шелъ обыкновенно ровнымъ шагомъ, „вольготно“, по его выраженію, и, отдохнувъ на лавочкѣ у мельницы, такъ же неспѣшно возвращался домой.

Вставалъ Малаховъ зимой почти всегда въ шесть часовъ, а лѣтомъ въ пять, ложась въ десять и ни въ какомъ случаѣ не позже одиннадцати. Конечно, исключительные случаи бывали, но такъ рѣдко, что даже сосѣди удивлялись, если видѣли огонь въ комнатѣ Малахова позже одиннадцати.

Въ то сѣренькое утро, съ описанія котораго начался настоящій разсказъ, Малаховъ проснулся въ половинѣ пятаго. „Рано еще“,—мелькнуло у него въ умѣ. Но спать ему не хотѣлось, и онъ всталъ, всунулъ ноги въ туфли, накинулъ парусинный халатъ и отправился въ сѣни, гдѣ лѣтомъ всегда умывался, об-

тирая себя всего холодной водой. Умывшись и облекшись въ легкую парусиновую пару, Малаховъ отправился колоть дрова. За колкой его застала Марѳа, пришедшая доить хозяйскую корову. Марѳа не была сегодня пьяна, и на лицѣ ея свѣтилась какая-то особенная радость.

Она поздоровалась съ Малаховымъ, который замѣтилъ выраженіе ея лица и промолвилъ шутливо:

— Ты сегодня именинница, Марѳа?

— Нѣтъ, баринъ. А почему вы такъ думаете?

— Да у тебя лицо такое веселое.

— А это потому, что у меня радость большая. Я теперь пить больше не буду.

— Дѣло хорошее! Да вѣдь ты и раньше бросала... да не удерживалась.

— Не могла все, а теперь брошу, потому нельзя теперь иначе: дала обѣщаніе на цѣлые три мѣсяца. Я вѣдь къ отцу Нилу ѣздила, тамъ насъ много было.

— Ну, дай Богъ!—сказалъ Малаховъ.

Марѳа подоила корову; Малаховъ, по обыкновенію, выпилъ кружку парного молока, снесъ наколотыя дрова наверхъ въ сѣни, принесъ два ведра воды изъ колодца и отправился на прогулку.

Поселокъ уже пробуждался. Отворялись ворота, и хозяйки выгоняли громко мычавшихъ коровъ; гдѣ-то невдалекѣ пастухъ наигрывалъ на рожкѣ, оповѣщая хозяекъ о своемъ приближеніи. На улицѣ появились бабы съ ведрами. Тихонько поплелся въ кузницу Андрей. По шоссе тянулись телѣги-одноколки съ корой,—ее везли крестьяне на станцію. Но Простоквашинскій дворецъ былъ еще погруженъ въ сонъ. Всѣ сторы въ окнахъ были спущены и балконная дверь наверху затворена. Самъ Простоквашинъ вставалъ въ шесть часовъ, но „барышни“ любили понѣжиться и въ позднемъ вставаніи видѣли несомнѣнный признакъ благородства.

Малаховъ, выйдя изъ калитки палисадника, постоялъ съ минуту на мостикѣ, перекинутомъ черезъ канаву, отвѣтилъ на поклонъ старика Андроныча, шедшаго мести „шоссею“, и направился на желѣзнодорожную станцію, чтобы прогуляться и заодно купить марокъ на утреннемъ почтовомъ поѣздѣ.

Облака рѣдѣли, открывая доступъ солнечнымъ лучамъ. „А денекъ-то разгуляется“,—подумалъ Малаховъ, поправляя соломенную шляпу.

II.

На половинѣ дороги ему попался мѣстный мясоторговецъ, Илья Ильичъ Ильинъ. Онъ поздоровался съ Малаховымъ.

— Прогуливаться изволите? Али на поѣздъ?

— Къ поѣзду,—отвѣтилъ Малаховъ.—Марокъ купить надо.

— Такъ-съ... И прогуляться, и по дѣлу... А за книжку очень благодаренъ... Можетъ быть, еще снабдите?

— Пора вамъ, Илья Ильичъ, свои покупать. Слава Богу, при капиталахъ...

— Дѣла не важны, Ювеналій Никандровичъ... А тутъ постройка... Вотъ газету рѣшилъ-съ... Съ іюля подписываюсь на „Свѣтъ"... Романы тамъ интересны... Дочь докучаетъ очень... Ну, а мнѣ политика... Тамъ ежели чтò... и книжку можно... Вы укажете... А все-таки, покамѣстъ, не откажите...

— Хорошо.

— Премного благодарны...

Черезъ нѣсколько шаговъ Малахову встрѣтился сапожникъ Абрамовичъ, „философствующій іудей", какъ называлъ его Ювеналій Никандровичъ. Абрамовичъ съ обычной улыбкой поклонился „господину Малахову" и освѣдомился насчетъ работы.

— Кажется, нѣтъ пока... а впрочемъ, это—вѣдомство жены,—отвѣтилъ Малаховъ.—Зайдите, спросите... Кстати, мы докончимъ давній разговоръ... Я кое-чтò подыскалъ для васъ въ книгахъ...

— Очень благодарю васъ, господинъ Малаховъ,—сказалъ Абрамовичъ, осклабляясь.—Какъ выйдетъ свободная минута... А какъ здоровье вашей супруги?

— Ничего, вашими молитвами здорова...

— Ну, слава Богу... Вы шутите, а чтò вы думаете? И развѣ я не желаю ея здоровья? Я всегда говорю: пошли Богъ ей здоровья... такая славная дама, ваша супруга... Я не забылъ, какъ она ласково обошлась съ моей дочкой... И кто о ней скажетъ дурное? Ха!

Онъ приподнялъ картузъ и пошелъ быстро, помахивая сапогами, которые держалъ въ лѣвой рукѣ.

Миновавъ поселокъ и выйдя на дорогу, упиравшуюся прямо въ желѣзнодорожное полотно, Малаховъ взглянулъ на часы и невольно воскликнулъ:

— Э, да я опоздаю!

Онъ ускорилъ шаги.

Ему попалось нѣсколько крестьянъ изъ поселка и ближайшихъ деревень. Они кланялись ему, и онъ отвѣчалъ имъ, снимая шляпу. Одному изъ нихъ онъ крикнулъ, не останавливаясь:

— Семенъ, зайди ко мнѣ потомъ! Я досталъ книгу, какую ты просилъ. Кстати, и женѣ ты зачѣмъ-то нуженъ.

— Хорошо, Ювеналій Никандровичъ,—промолвилъ крестьянинъ:—А Манька моя сегодня ягоды къ вамъ принесетъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Малаховъ подходилъ къ станціи. Шлагбаумъ былъ опущенъ.

— Скоро поѣздъ?—спросилъ Малаховъ у сторожа.

— Поопоздалъ что-то, Ювеналій Никандровичъ. А на вокзалѣ Митрій Алексѣичъ сидятъ, о васъ спрашивали.

— А-а! Мнѣ онъ тоже, кстати, нуженъ,—сказалъ Малаховъ, поднимаясь по лѣсенкѣ на платформу, по которой важно расхаживали жандармы въ ожиданіи поѣзда. Въ дверяхъ вокзала Малаховъ столкнулся съ начальникомъ станціи, толстякомъ съ добродушной физіономіей. Иванъ Григорьевичъ Горшковъ—такъ звали начальника станціи—сначала очень боялся Малахова, какъ писателя. Когда онъ узналъ, что сочинитель поселился у Фреймана, онъ произнесъ, махнувъ рукой: „Теперь бѣда! Начнетъ насъ критиковать, только держись! Помню я, жилъ тутъ одно лѣто корреспондентъ изъ „Листка"—всѣхъ „раскастилъ"... Но время шло, а Малаховъ никого не „пробиралъ". Начальникъ удивлялся. „Да что же онъ: не умѣетъ, что-ли?.." Воспользовавшись какимъ-то случаемъ, Горшковъ познакомился съ Малаховымъ, и они скоро сдѣлались добрыми пріятелями. Въ одну изъ откровенныхъ минутъ Горшковъ во всемъ признался Малахову, тотъ засмѣялся и сказалъ въ успокоеніе: „И не бойтесь! Я не для того живу здѣсь: у меня есть другое дѣло". Горшковъ окончательно успокоился.

— Ба! Вотъ кстати!—воскликнулъ онъ, здороваясь съ Малаховымъ.—Въ первомъ классѣ пьетъ чай Нееловъ: спрашивалъ о васъ... Идите туда.

Нееловъ обрадовался неожиданной встрѣчѣ съ Малаховымъ.

— Вотъ прекрасно! Ѣду въ Питеръ! Садитесь! Хотите чаю?

— Спасибо! Утромъ не пью.

— Ахъ, да, я и забылъ! Какао или солодовый кофе? да?

— Да.

— Ну, такъ садитесь и слушайте! Дѣло, кажется, выгоритъ. .. получилъ письмо отъ кузена. Въ министерствѣ проектъ въ ринципѣ одобренъ. Я былъ на дняхъ въ Новшинскѣ,—губернаоръ также ничего противъ не имѣетъ.

— Отлично,—произнесъ Малаховъ, снимая шляпу и вытирая лобъ платкомъ:—значитъ, можно надѣяться, что дѣти будутъ спасены?

— Да, да... А я вотъ ѣду въ банкъ. Заверну опять къ кузену... А вы-то когда же ко мнѣ? Жена сердится... Ну, что̀ вашъ романъ?

— Помаленьку подвигается.

— Я въ Петербургъ только дня на два. Знаете: возвращаясь, я заѣду за вами и вмѣстѣ ко мнѣ. Идетъ?

— Пожалуй.

Раздался звонокъ.

— Что̀ это: уже поѣздъ?—спросилъ Нееловъ, обращаясь къ лакею.

— Да-съ, вышелъ изъ Ямокъ.

Нееловъ бросилъ на столъ рублевку, всталъ и промолвилъ, взявъ подъ руку Малахова:

— Пойдемте на платформу... Такъ вотъ-съ, наше дѣло, то-есть, собственно, ваше, точнѣе,—на ходу. То-то будетъ злиться Патрикѣевъ! Упрямый старикъ! Да это вздоръ! Вѣдь въ сущности онъ добрякъ. Но упрямъ...

Поѣздъ несся стремительно, словно хотѣлъ промчаться мимо станціи. Но вотъ онъ весь вздрогнулъ и остановился, какъ вкопаный. Раздался свистокъ паровоза о дребезжащіе звуки станціоннаго колокольчика. Оберъ-кондукторъ лихо соскочилъ на платформу еще на ходу поѣзда и, дѣлая подъ козырекъ, подошелъ къ начальнику станціи.

— Мнѣ надо купить марокъ!—сказалъ Малаховъ.

— Пойдемте! У меня нѣтъ никакого багажа... Не люблю,—съ улыбкой произнесъ Нееловъ.

Вдругъ кто-то окликнулъ Малахова.

— Ювеналій Никандровичъ?!

Восклицаніе было сдѣлано въ формѣ вопроса.

Малаховъ, не оставляя руки Неелова, оглянулся. На платформѣ, шагахъ въ двухъ, стоялъ высокій, худощавый господинъ въ сѣрой пиджачной парѣ, въ шолковой шапочкѣ безъ козырька. Въ одной рукѣ онъ держалъ папиросу, а другая лежала на ремнѣ дорожной сумки. Малаховъ сразу узналъ въ немъ бывшаго товарища по газетѣ, Авенира Львовича Рощина.

— Откуда это?—воскликнулъ въ свою очередь Малаховъ.

Нееловъ отошелъ въ сторону. Малаховъ и Рощинъ обмѣнялись крѣпкимъ рукопожатіемъ. Они оба были рады встрѣчѣ.

— Откуда и куда?—повторилъ свой вопросъ Малаховъ.

— Изъ Одессы въ Питеръ.

— Надолго?

— Да какъ сказать... Возвращаюсь на старыя мѣста, съ югомъ покончено. Эхъ, какая досада: не зналъ я, что ты здѣсь! Мнѣ писали, что ты на Волгу уѣхалъ.

— Собирался.

— Ну вотъ... А то бы я взялъ билетъ до Рамцевъ и завернулъ бы къ тебѣ... Котиковъ писалъ, что ты здѣсь совсѣмъ осѣлъ и что будто бы....

— Погоди,—перебилъ Малаховъ:—да что̀ тебѣ теперь-то мѣшаетъ остаться? Ну, брось билетъ, разсчетъ небольшой.

— Конечно... а багажъ?.. Я вѣдь ѣду совсѣмъ: пудовъ десять...

— Пустяки! Что̀ нужно—возьми... я это устрою, а остальное пусть себѣ идетъ... До меня всего верста.

— Въ самомъ дѣлѣ, развѣ такъ сдѣлать...—въ нерѣшительности произнесъ Рощинъ.

— Нечего думать и терять время. Давай квитанцію. Что̀ тебѣ необходимо? Чемоданъ? Отлично! Герасимъ!—подозвалъ Малаховъ носильщика съ бляхой.—Вотъ тебѣ квитанція, возьми изъ багажа чемоданъ, пусть сдѣлаютъ отмѣтку на квитанціи, и найми лошадь.

Малаховъ обернулся къ пріятелю и произнесъ довольнымъ тономъ:

— Ну, значитъ, все устроено. Ахъ, да! Дмитрій Алексѣевичъ,—произнесъ онъ, обращаясь къ Неелову, продолжавшему стоять невдалекѣ:—позвольте васъ познакомить съ моимъ пріятелемъ, Авениромъ Львовичемъ Рощинымъ. Вѣроятно, читали?

— Какъ же-съ,—произнесъ Нееловъ, протягивая руку.—Вѣдь это вашъ романъ „Чужія дѣти"?

— Мой,—отвѣтилъ Рощинъ съ легкимъ наклоненіемъ головы.

— Читали вмѣстѣ съ женой... Очень пріятно! Однако, мнѣ надо садиться. Можетъ быть, мы еще увидимся,—обращаясь къ Рощину, добавилъ Нееловъ:—вы погостите у Ювеналія Никандровича?

— Конечно. Да мы къ вамъ вмѣстѣ и пріѣдемъ,—отвѣтилъ за пріятеля Малаховъ.

— Вотъ и отлично!

Раздался звонокъ. Нееловъ раскланялся и поспѣшилъ въ вагонъ, а пріятели отправились въ вокзалъ.

— Я умираю отъ жажды!—сказалъ Рощинъ.—Пива, что-ли, выпить?

— Съ утра-то, Господь съ тобой! Пей лучше чай или кофе.

— Все равно!

Они прошли къ свободному столику у окна. Рощинъ велѣлъ подать стаканъ чаю съ лимономъ.

— Неужели ты меня сразу не узналъ?—проговорилъ Малаховъ, когда они сѣли на диванчикъ.—Ты такъ неувѣренно окликнулъ меня.

— Ты ужасно измѣнился,—промолвилъ Рощинъ, сдвигая на затылокъ шапочку:—Батюшки! А мои вещи въ вагонѣ? Я и забылъ...

Онъ полетѣлъ, какъ стрѣла, изъ вокзала и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ пледомъ, подушкой и небольшимъ ручнымъ чемоданчикомъ.

— Вотъ бы чудесно-то было, если бы я все забылъ!—сказалъ онъ, кладя вещи на окно.—Впрочемъ, я уже потерялъ два пледа дорогой.

Онъ засмѣялся, сѣлъ возлѣ пріятеля и, отхлебывая изъ стакана чай, продолжалъ:

— Да, ты очень измѣнился за эти годы.

Онъ внимательно обвелъ взоромъ Малахова.

Пріятели совсѣмъ не походили другъ на друга. Малаховъ былъ мужчина за сорокъ лѣтъ, широкій въ кости, хотя и не изъ полныхъ. Лицо дышало свѣжестью, здоровьемъ; сѣрые глаза смотрѣли бодро, увѣренно; черные, коротко остриженные волосы, съ едва замѣтными серебринками, и большая борода такого же цвѣта еще болѣе оттѣняли свѣжесть лица, которое было хотя и неправильно, но симпатично; на немъ лежала печать спокойствія, силы, независимости. Рощину было не больше тридцати-пяти. Его нервное лицо съ землистымъ, нездоровымъ оттѣнкомъ ни на минуту не оставалось спокойнымъ. Линіи носа, рта—мягкія. Голубые глаза глядѣли грустно, или скорѣе—устало. Ничто не говорило о силѣ воли. Рощинъ весь былъ, такъ сказать, комокъ нервовъ. Это шло къ его худощавой фигурѣ съ длинными каштановыми волосами, волнообразно падавшими на плечи. Его движенія были быстры и нѣсколько суетливы.

— Что̀, постарѣлъ, скажешь?—спросилъ Малаховъ съ улыбкой.—Да, братъ, серебро показывается.

— Какое постарѣлъ!—воскликнулъ Рощинъ не то съ удивленіемъ, не то съ завистью: — Пожалуй, ты помолодѣлъ, сталъ свѣжѣе, возмужалъ, оплотнѣлъ, если только можно такъ выразиться. Ты сильно измѣнился... Я вѣдь сколько лѣтъ тебя не видалъ? Больше пяти?

— Сказалъ! Около десяти...

— Батюшки, въ самомъ дѣлѣ! И ты все здѣсь? А я гдѣ-гдѣ не былъ! Въ Москвѣ, въ Кіевѣ, въ Одессѣ, въ Казани, въ Харьковѣ, и вотъ опять ѣду въ Питеръ.

— А ты все такой же.

— Неужели не постарѣлъ?

— Да у тебя настоящей старости и не будетъ. Ты просто станешь вянуть, линять, уничтожаться...

— Ха, ха, ха!.. Выдумалъ тоже! Я, братъ, нервный — и очень, а вотъ ты...

— А что̀ я? Развѣ старое забылъ?

— Это правда. Такъ неужели ты здѣсь такъ измѣнился, благодаря деревнѣ? Котиковъ писалъ мнѣ о тебѣ, да такъ сбивчиво, но и восторженно... Онъ, братъ, тоже собирается покинуть Петербургъ и забиться въ глушь.

— И соберется тогда, когда его повезутъ на Волково.

— Развѣ онъ такъ плохъ?

— Измотался хуже твоего. Не мудрено! У него три дочери избалованныя, да жена—этакое сокровище. Весь изсохъ. Одни только кудри русыя остались... Да вѣдь это не жизнь, а каторга.

— Ну, а ты?—спросилъ Рощинъ.

— Я? Да вотъ смотри!

— Любопытно. Мнѣ надо съ тобой обо многомъ поговорить... Давно хотѣлъ...

— Это и видно... За девять лѣтъ чуть ли не всего два письма.

— Ну, ужъ это ты врешь, не два! Голубчикъ! Да я совсѣмъ замотался! Я разошелся съ женой. Ты это знаешь?

— Ты не писалъ, а слухи шли...

— Да, братъ, она осталась въ Москвѣ, а я укатилъ въ Кіевъ, и тамъ чуть новой семьей не обзавелся.

— Это какъ: жениться хотѣлъ?

— Ну, гдѣ тутъ!.. Одна вдовушка встрѣтилась... у нея дочь и сынъ, но она еще молодая, всего двадцать-восемь лѣтъ...

— Ну, и что же?

— Да испугался... Сдѣлалъ было объясненіе, да тутъ расплевался съ издателемъ и сбѣжалъ. А жаль, ей Богу!

— Ну, а что твой романъ съ телеграфисткой?

— Развѣ ты и это знаешь?

— Еще бы, слухомъ земля полнится. Вѣдь это было еще при женѣ, кажется?

— Да, да... Все покончилъ! Знаешь, не въ моемъ вкусѣ... Такъ увлекся... глаза больно хороши... что-то безумное такое,

захватывающее... Ну, да что объ этомъ толковать... Все кончено! Я теперь, братъ, все бросаю и засаживаюсь за рядъ романовъ. Чортъ побери! Года идутъ, а я еще ничего почти не выполнилъ изъ задуманнаго. Разсказы, разсказы! Нѣтъ, пора! Удивляюсь Рапотецкому: каждый годъ новая любовь, и каждый годъ романъ, а то и два! И свѣжъ, молодъ..: Ни одной сѣдинки!

— Ну, братъ, и ты этого можешь добиться. Только обратись къ любому куаферу. Не завидуй Рапотецкому,—въ недалекомъ будущемъ это разбитый конь на всѣ ноги. Форситъ, но кончитъ скверно...

— Вѣдь могъ бы быть богачомъ!

— Конечно, а кончитъ, чего добраго, подъ заборомъ, если не возьмется за умъ, пока не поздно. Да едва ли, очень ужъ онъ большой бабникъ,—пожалуй тебя за поясъ заткнетъ.

Подошелъ носильщикъ.

— Все готово-съ, Ювеналій Никандровичъ. Чемоданъ взялъ и лошадь приведена, только извините—телѣга. Такъ рано нельзя ничего найти.

— Все равно! Или ты не привыкъ къ телѣгѣ?—проговорилъ Малаховъ, обращаясь къ пріятелю.

— Да зачѣмъ ѣхать? Ты говоришь, всего верста... пусть вещи везутъ, а мы пройдемся.

— Отлично,—согласился Малаховъ.—Тогда Герасимъ,—добавилъ онъ, обращаясь къ сторожу,—и лошади не надо: эту мелочь ты привезешь на ручной телѣжкѣ.

III.

Небо почти совсѣмъ очистилось отъ тучъ, и солнечные лучи залили своимъ животворнымъ свѣтомъ поселокъ. Все оживилось и приняло веселый видъ. Воробьи радостно чирикали, порхая по деревьямъ садика и садясь на перила балкона. Они были такъ приручены Малаховымъ, что садились нерѣдко на самый край столика, за которымъ работалъ Ювеналій Никандровичъ. Если онъ вставалъ и шелъ за хлѣбомъ—они спокойно дожидались его возвращенія, прыгая по столу.

— Зачѣмъ ты ихъ пріучаешь?—говорила Наталья Павловна мужу:—вездѣ накрошено, напачкано... Бросай лучше прямо въ садъ.

— Что за важность! Хочешь, я самъ подмету. Вѣдь это прелесть—такая милая дружба!—возражалъ мужъ.

Наталья Павловна пожимала плечами и, уходя съ балкона, демонстративно говорила Катѣ:

— Подмети, пожалуйста, за друзьями барина!

Воробьи уже сидѣли на перилахъ балкона и чирикали, какъ бы вызывая своего друга. Но вмѣсто него въ дверяхъ показалась Наталья Павловна.

Это была полная, средняго роста, темнорусая женщина, съ карими живыми глазами и круглымъ, румянымъ лицомъ. Слегка вздернутый носъ придавалъ веселое выраженіе лицу. Волосы были причесаны гладко, съ проборомъ по срединѣ, а густая коса свернута узломъ на затылкѣ. Малахова была одѣта въ синюю сатинетовую юбку и въ такую же свободную кофту, обшитую по вороту и по краямъ узенькой бѣленькой тесемочкой въ нѣсколько рядовъ.

Наталья Павловна остановилась на порогѣ. Она замѣтила „друзей“ мужа, и улыбка скользнула на ея полныхъ розовыхъ губахъ. Зато воробьи, обманувшіеся въ своихъ ожиданіяхъ, съ шумомъ разсыпались по саду, оглашая его какъ бы недовольнымъ, протестующимъ крикомъ.

Малахова засмѣялась, обнаруживъ при этомъ крѣпкіе бѣлые, но неровные зубы.

— Что̀, воришки, не того ждали?—произнесла она, и начала съ наслажденіемъ вдыхать теплый воздухъ, напоенный запахомъ липъ, насаженныхъ въ саду.

— Барыня, а гдѣ будете пить кофе: на балконѣ или въ комнатѣ?

— Давай, Катя, сюда. Погода совсѣмъ разгулялась.

Наталья Павловна прищурилась, вглядываясь во что-то.

— Да, это Ювеналій, но съ кѣмъ онъ?—прошептала она, стараясь узнать спутника мужа. Но вотъ они оба подошли къ Простоквашинскому дворцу.

— Неужели это...

Въ этотъ мигъ Малаховъ что-то сказалъ спутнику, и тотъ, снявъ свою шапочку, раскланялся съ Натальей Павловной.

— Да это Рощинъ,—рѣшила она;—но откуда онъ взялся? Вотъ чудеса!

— Наташа, принимай гостя!—крикнулъ мужъ, отворяя калитку сада.

Рощинъ снова раскланялся съ Малаховой.

— Здравствуйте, да откуда вы?—смѣясь, проговорила она, привѣтливо отвѣчая на поклонъ.

— Блудный сынъ возвращается въ отчій домъ!—отвѣтилъ Рощинъ.

Они шли уже по саду.

— Наташа, не пить ли намъ кофе въ саду?—предложилъ Малаховъ.

— Нѣтъ, Ювеналій, я уже велѣла Катѣ подавать здѣсь.

— Ну, быть посему! Если женщина захочетъ...

— То мужчина долженъ ей повиноваться,—докончилъ Рощинъ.

— А ты это всегда дѣлаешь?

— Всегда! Потому что, если хочешь знать, въ любви самое лучшее... ты думаешь, власть? Нѣтъ! А подчиненіе женщинѣ изъ любви, по своей волѣ. Представь: левъ и маленькая дѣвочка, его укротительница, онъ ей и повинуется...

— Пока не разсвирѣпѣетъ и не разорветъ ее на куски,— засмѣявшись, досказалъ Малаховъ.—Ну, идемъ наверхъ, покорный левъ! Только ты, братъ, на льва-то мало похожъ.

— Всякіе бываютъ. Посмотрѣлъ бы ты на льва въ зоологическомъ саду... Больно становится—до того его замучили въ неволѣ. Вотъ и я...

Громадный песъ выскочилъ откуда-то и съ лаемъ бросился на незнакомаго человѣка. Рощинъ попятился.

— Ха, ха, ха! Левъ струсилъ передъ собакой! Полканъ, молчи!—прикрикнулъ Малаховъ.—Видишь—левъ, какъ ты смѣешь лаять!

— Это твой?—спросилъ Рощинъ, глядя на собаку, которая смолкла и привѣтливо завиляла хвостомъ.

— Нѣтъ, хозяйская, но онъ вѣренъ и мнѣ. Славный песъ! Стражъ на рѣдкость!

Обыкновенно серьезный, Малаховъ теперь былъ въ веселомъ настроеніи подъ вліяніемъ встрѣчи съ пріятелемъ, котораго хотя и называлъ безпутнымъ, но любилъ за искренность и открытый характеръ. Онъ всегда говорилъ про Рощина: „грѣховъ и недостатковъ у Авенира много, но одно хорошо: не ломается и не рисуется, весь нараспашку: каковъ есть, такимъ и бери!“

Пока Катя накрывала на столъ, Малаховъ показалъ пріятелю всѣ комнаты, не исключая и спальни, потому что тамъ уже все было прибрано.

— Да когда же вы встаете?—спросилъ Рощинъ, обращаясь къ Натальѣ Павловнѣ.

— Ювеналій лѣтомъ въ пять часовъ, а я не позже шести. Сегодня я встала раньше, точно знала, что будетъ гость.

— И эта „барышня“ успѣла все уже прибрать!—сказалъ Рощинъ, показывая головой на проходившую Катю.

— Комнату я убрала и вымела сама,—отвѣтила Малахова,

которая не нашла нужнымъ переодѣться для гостя и осталась въ томъ же простомъ костюмѣ.

— Сами? А кто же готовитъ кушанье, — тоже сами?

— Конечно, сама, не Катя же!

— Ну, а...

— А черныя работы—я!—досказалъ Малаховъ: — Я колю дрова, ношу воду...

Рощинъ пожалъ плечами.

— Удивительно! Зачѣмъ это? Вѣдь ты получаешь не мало. Послѣ этого, пожалуй, ты самъ и бѣлье стираешь?

Рощинъ захохоталъ, но сейчасъ же смутился, сообразивъ, что, можетъ быть, стираетъ Наталья Павловна, и потому смѣхъ неприличенъ.

— Стираетъ тутъ одна женщина,—отвѣтилъ спокойно Малаховъ, — у Наташи и такъ много дѣла, да и на это она неспособна, руки не выносятъ стирки.

— Ничего не понимаю, хоть убей! Чтò же это: толстовщина чтò-ли?

— Ничуть; и къ чему непремѣнно ярлыкъ. Да вотъ погоди, ты все поймешь, а теперь пойдемъ пить кофе. Или, можетъ быть, ты хочешь какао?

— Все равно,—отвѣтилъ Рощинъ разсѣянно, видимо пораженный всѣмъ, чтò слышалъ.

Онъ пошелъ за хозяиномъ на балконъ, и когда они вошли въ кабинетъ, произнесъ снова, оглядывая всю его обстановку:

— И здѣсь у тебя совсѣмъ не то, чтò раньше, въ Питерѣ. Куда ты дѣвалъ мебель?

— Лишнюю продалъ.

— Да чтò: ты, въ аскетизмъ ударился чтò-ли? Столъ этотъ...

— Моей работы,—не безъ гордости сказалъ Малаховъ.

— А сапоги не шьешь?

— Нѣтъ, не шью. Это занятіе нездоровое.

— А печки кладешь?

— Не кладу и печекъ,—не умѣю. Зато вотъ гряды копаю, деревья сажаю и вообще съ этого года огородничаю, потому что хозяинъ раздобрился и далъ уголокъ въ огородѣ.

— Этакъ ты, пожалуй, изъ писателей въ огородники перейдешь,—съ улыбкой сказалъ Рощинъ, садясь противъ Натальи Павловны.

— Зачѣмъ?—возразилъ Малаховъ.—Я потому все это и дѣлаю, что хочу остаться настоящимъ писателемъ. Да я имъ здѣсь только и сталъ.

— Вотъ какъ! А что же мы всѣ... Напримѣръ я, по твоему, не писатель?... Благодарю васъ, Наталья Павловна!

Рощинъ принялъ отъ Малаховой стаканъ, поставилъ его противъ себя и повторилъ, обращаясь къ пріятелю:

— Я-то писатель, или нѣтъ, по твоему?

— Ты? Ты..., какъ и многіе, пишущій аппаратъ. Ну, скажи, можешь ты не писать полгода, т.-е. не поставлять извѣстнаго количества строкъ?

— Конечно, не могу,—отвѣтилъ Рощинъ.—Нужно же мнѣ manger et boire. А моя семья? Я вѣдь, братъ, добросовѣстно исполняю всѣ обязанности.

— Ну, вотъ видишь. Значитъ, ты долженъ писать, и пишешь потому, что долженъ.

— А ты?

— А я—потому что хочу.

Рощинъ отхлебнулъ кофе и, получивъ разрѣшеніе у Натальи Павловны курить, досталъ портсигаръ изъ кармана пиджака.

— Да чѣмъ же ты будешь жить, если не будешь писать?— спросилъ онъ, закуривая папиросу.—Не отъ огорода же своего, надѣюсь?

— Мнѣ надо немного,—отвѣтилъ Малаховъ.—Это немногое я достану легко, если буду писать только тогда, когда хочу.

— А если у тебя желанія не явится цѣлый годъ?

— Этого не можетъ случиться,—промолвилъ Малаховъ, намазывая на хлѣбъ масло.—Вообрази: теперь я работаю почти ежедневно, именно потому, что могу работать и не работать. Всегда такъ! Это фактъ и психилогически объяснимый. А еслибы и такъ, какъ ты говоришь, то я могу смѣло прожить годъ. Ты сколько въ годъ тратишь?

— Всего? какъ тебѣ сказать... точно не подсчитывалъ, но тысячъ пять... Меньше не обернешься!

— А я самое большое—тысячу. Это максимумъ. Вѣрнѣе— рублей восемьсотъ, и тутъ уже все.

— Значитъ, ты себѣ во многомъ отказываешь?

— Нѣтъ, что надо, все есть. Ты видишь, я голода не испытываю; но я могу еще урѣзать расходы и, еслибы обстоятельства потребовали, жить на пятьсотъ рублей. Ну, а такую-то сумму я легко достану въ годъ.

Рощинъ ничего не отвѣтилъ. Задумавшись, онъ слегка барабанилъ пальцами по столу и пускалъ колечки дыма.

— А вотъ и твой багажъ прибылъ,—сказалъ Малаховъ, и, перегнувшись черезъ перила, крикнулъ:

— Герасимъ, въѣзжай во дворъ! Я сейчасъ скажу Катѣ...

Онъ всталъ и направился въ комнаты.

— Вы въ самомъ дѣлѣ въ Петербургъ совсѣмъ?—спросила Наталья Павловна у Рощина.

— Да, да! Я совсѣмъ разошелся съ издателемъ. Скотина! И то много терпѣлъ, давно бы надо было бросить, да нельзя.

— Чего нельзя?—спросилъ входившій Малаховъ.

— Я это насчетъ издателя. Говорю, давно бы нужно было бросить, да сразу оборвать не могъ. Куда бы дѣлся? А вотъ какъ только удалось мнѣ продать выгодно повѣсть, я и расплевался съ этимъ мерзавцемъ. Нѣтъ, братъ, какъ ни говори, а литератору можно жить только либо въ Петербургѣ, либо въ Москвѣ. Провинція — это яма! Писателю вдали отъ столицы — крышка!

— Только не беллетристу,—поправилъ Малаховъ.

— Да развѣ одной беллетристикой проживешь?—запальчиво возразилъ Рощинъ. — Тогда придется писать Богъ знаетъ что̀. Поневолѣ катаешь разныя статьи. Попробую опять пристроиться къ какой-нибудь газетѣ.

— Но этимъ ты размѣниваешься, — сказалъ Малаховъ.—Я не спорю, у тебя статьи горячія, но вѣдь согласись, что все-таки ты сильнѣе какъ поэтъ и беллетристъ, и все, что̀ ты дѣлаешь въ этой области, имѣетъ больше значенія.

— Можетъ быть, но пока пишешь повѣсть, въ это время...

— Въ Петербургѣ нельзя, а здѣсь можно. Вотъ же я устроился.

— Хотите еще?—обратилась къ Рощину Наталья Павловна.— Да вы ничего не кушаете?

— Нѣтъ, благодарю. Я съ утра не могу ѣсть. У меня, должно быть, катарръ желудка. Да чего у меня нѣтъ! Желудокъ варитъ скверно, нервы никуда не годятся, глаза шалятъ, сердце... чортъ знаетъ, что̀ такое! Что̀, Наталья Павловна, я очень измѣнился?—вдругъ закончилъ Рощинъ, обращаясь къ Малаховой.

— Такъ, съ виду, вы какъ будто не измѣнились,—отвѣтила она;—но вы похудѣли сильно, и мнѣ совсѣмъ не нравится цвѣтъ вашего лица. Вы жили на югѣ, а, право, въ Петербургѣ смотрѣли лучше.

— Моложе былъ, Наталья Павловна. На югѣ! Да я тамъ какъ въ котлѣ кипѣлъ. Непріятности... А разъѣздъ съ женой— вѣдь тоже чего-нибудь стоилъ. Вы вѣдь знаете, что я разошелся съ Олей?

— Да, слышала и пожалѣла васъ.

— Меня?

— По моему, Ольга Николаевна чудная женщина. Положимъ, я ее знала недолго, но это было видно. Я васъ во всемъ обвиняю.

Рощинъ махнулъ рукой и вскочилъ со стула.

— Простите, если я...—начала Малахова.

— Э, полноте, Наталья Павловна! Да я съ вами согласенъ: Ольга хорошій человѣкъ, но ей бы... вотъ бы ей замужъ за Ювеналія выйти... А у меня другая натура. Я не могу обудниться.

— Да вѣдь Ольга Николаевна васъ и не тащила въ деревню.

— Нѣтъ, но... но мы вообще разныхъ характеровъ. Ну, да, я безпутный, а она ужъ очень путная.

Рощинъ засмѣялся, но смѣхъ его вышелъ нѣсколько дѣланный. Онъ снова сѣлъ на стулъ и заговорилъ быстро:

— Одинъ знакомый докторъ мнѣ сказалъ: „Вы, Рощинъ, не стоите мизинца вашей жены". Можетъ быть! Я въ святые не лѣзу: знаю, что грѣшникъ. Я женину добродѣтель признаю и цѣню; мы не пара и—разстались. Но мы не враги. Я у нея бываю.

— А ваша дочь и сынъ?

— Безъ нихъ скучаю! Такая тоска возьметъ порой... Да вотъ было какъ: затосковалъ, захотѣлъ ихъ увидать и на одинъ день прискакалъ изъ Одессы въ Москву. Да я и по Ольгѣ тоскую... Да, да... Она хорошая! Но я ничего не могу подѣлать съ собой. Ужъ такой исковерканный я человѣкъ!

— Это вздоръ,—увѣренно сказалъ Малаховъ.—Никогда не поздно взять себя въ руки.

— Ты все по себѣ судишь. Другъ мой, у тебя другая натура, ты идеальный семьянинъ.

— Благодарю, — съ улыбкой промолвилъ Малаховъ. — Но вѣдь у меня было немало привычекъ, которыя я поборолъ. Правда, по твоему за бабами я не бѣгалъ, и въ этомъ отношеніи Наталья Павловна на меня претендовать не можетъ. Но по клубамъ и разнымъ избраннымъ кабачкамъ и я ѣздилъ. Курилъ я чертовски много, и если не пьянствовалъ, какъ покойный Линяевъ, или какъ твой пріятель Зудинъ, который пьетъ водку вмѣсто чаю и ругается вмѣсто молитвы, то все же я покучивалъ.

— Ну и что-жъ такое? Это все вздоръ! Это даже нужно для художника, это освѣженіе!—сказалъ Рощинъ.

— Опять все ложь, мой милый! Ни для кого такое освѣженіе не нужно. Всѣ эти кутежи и весь вашъ флиртъ даже съ эпилогами—просто поэтическій развратъ, и никогда онъ для ху

дожника нужнымъ быть не можетъ. Онъ грязнитъ человѣка, а слѣдовательно и художника, который долженъ быть чистъ. Вы выдумали это, чтобы оправдать свою разнузданность. Есть дурачки и дурочки, которые вамъ вѣрятъ... Да дѣло не въ этомъ. Вѣдь все, о чемъ я сейчасъ говорилъ, входило въ мой житейскій обиходъ, а теперь не входитъ. Значитъ: поборолъ я себя или нѣтъ?

— Еще бы здѣсь-то? — пожимая плечами, проговорилъ Рощинъ.

— Ты думаешь, пить здѣсь неудобно? Партнеры всегда къ услугамъ. Но я бросилъ, и все тутъ!

— И тебѣ не скучно здѣсь?

— Мнѣ здѣсь скучать некогда.

— Вотъ что̀, господа,—перебила Наталья Павловна: — вы здѣсь бесѣдуйте, а я пойду съ Катей за провизіей. Пора и обѣдъ готовить. Вѣдь вы, Авениръ Львовичъ, навѣрно хищникъ.

— То есть, какъ такъ?—съ изумленіемъ воскликнулъ Рощинъ.

— Ѣдите мясо?

— Разумѣется! А вы неужели вегетаріанцы?

И что-то похожее на ужасъ изобразилось на лицѣ Рощина.

— Полу-вегетаріанцы, если хочешь,—отвѣтилъ Малаховъ:— мы мяса ѣдимъ очень мало; оно служитъ приправой къ другому, а не наоборотъ.

Рощинъ всплеснулъ руками.

— Не ѣшь ли ты на ночь гречневую кашу, какъ мой дѣдъ?—спросилъ онъ съ улыбкой.

— Умный человѣкъ былъ твой дѣдъ,—произнесъ Малаховъ.— Гречневая каша—хорошее кушанье...

Онъ поднялся съ мѣста.

— Жена отправляется въ лавку,—продолжалъ онъ,—а мы съ тобой пойдемъ въ огородъ, я тебѣ покажу мой уголокъ.

— Наталья Павловна!—крикнулъ Рощинъ, выбѣгая въ гостиную, гдѣ была Малахова:—ради Бога, не дѣлайте для меня ничего особеннаго! Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ: могу ѣсть и кашу, и овощи... и акриды... все, что̀ угодно.

— Но если мой игуменъ велитъ,—отозвалась Наталья Павловна.

— Нѣтъ, нѣтъ! Хотя дня два я хочу подражать добродѣтельному игумену и игуменьѣ и тѣмъ спасти мою многогрѣшную душу. Ахъ, Господи!—воскликнулъ онъ:—за десять лѣтъ Ювеналій такъ измѣнился, что его узнать нельзя... Котиковъ правъ!

IV.

Огородъ Фреймана былъ невеликъ, но благоустроенъ. Грядки, парнички—приводили въ восторгъ человѣка, понимающаго дѣло и любящаго огородничество. Яблони, ягодные кусты—все обнаруживало, что владѣлецъ приложилъ немало старанія при уходѣ за ними.

— А вотъ и мой уголокъ, — сказалъ Малаховъ, показывая гостю на рядъ грядокъ между заборомъ и бесѣдкой.— Вотъ здѣсь морковь,— или ты не отличишь морковной зелени отъ свекольной?

— Ну вотъ, выдумалъ!

Тонъ, какимъ это произнесъ Рощинъ, ясно показывалъ, что всѣ разговоры объ огородничествѣ его нисколько не интересовали.

— Эхъ вы, кабинетные жители!—съ досадой и съ сожалѣніемъ произнесъ Малаховъ, съ любовью поправляя упавшій стебелекъ.— Вы и природу-то разучились любить, и чувствуете себя хорошо только за конторкой или въ отдѣльномъ кабинетѣ, гдѣ все прокурено дымомъ. А туда же пишете о природѣ, книжники и фарисеи!

— Какъ ты ни бичуй насъ,—проговорилъ Рощинъ, зѣвая,— а я не стану копать грядки и садить картошку... Да ты самъ, десять лѣтъ тому назадъ, смѣялся бы надъ этимъ. И что̀ тебя кинуло сюда? Скажи ты мнѣ, Бога ради. Это—бесѣдка?

— Да.

— Пойдемъ, сядемъ!

Они вошли въ бесѣдку, которая уже начала разрушаться, и сѣли на деревянную скамейку.

— Ну, скажи, пожалуйста,—продолжалъ Рощинъ: — почему ты ушелъ въ деревню?

— Почему? — промолвилъ Малаховъ. — Просто потому, что задыхаться сталъ въ Петербургѣ, вотъ и все. Нервы издергались, переутомился... Вѣдь хоть кого такая жизнь изломаетъ. Ну, какъ я жилъ?!

— Ты жилъ недурно, получалъ тысячи три, если не больше...

— Ты все о деньгахъ. Да развѣ въ этомъ жизнь? Жизни самой не было, пойми. Я писалъ о жизни, а самъ не жилъ. И когда было жить, если надо было писать и писать, поставлять столько-то листовъ беллетристики, столько-то публицистики. Развѣ Рапотецкій живетъ? Да это какой-то живой ремингтонъ! Когда тутъ

изучать жизнь? Когда читать? Писаніе и кабачки, да болтовня... Каторга, а не жизнь! Я до сихъ поръ не могу забыть этихъ минутъ... Являешься домой, тебѣ говорятъ: разсыльный пришелъ изъ редакціи. Что̀ такое, зачѣмъ? Ждетъ статьи. О, чортъ возьми! Дѣйствительно, нужна статья для газеты не позже, какъ черезъ два часа. О чемъ? И вотъ хватаешь газеты, ищешь случая, факта, чтобы придраться. Отыскалъ и катаешь. Помню, какъ я былъ радъ одному возмутительному убійству. Да, именно радъ. Оно спасло меня и дало мнѣ возможность накатать блестящій фельетонъ. А эти разсказы къ сроку?! Голова идетъ кругомъ, въ вискахъ стучитъ, усталъ, сюжеты всѣ истрепаны, а надо писать... Ни вдохновенія, ни даже расположенія писать, а садись и пиши... Ну, и садишься, пишешь, куришь, глотаешь кофе. На-дняхъ какого-то газетнаго беллетриста упрекнули за то, что онъ спуталъ имена героевъ. Это еще вздоръ. У меня лучше было: отравляется героиня, а хоронятъ героя. Такъ записался! Вспоминать тяжело и стыдно, самъ себѣ противенъ. Ну, вотъ, истомился я такъ, что хоть въ петлю полѣзай: началъ романъ, не пишется, а издатель, до окончанія, денегъ не даетъ. Что̀ дѣлать? Знакомый инженеръ выручилъ. Онъ нанялъ дачу здѣсь въ Рамцахъ и пригласилъ насъ гостить. И вотъ пріѣхали и мы сюда. Недѣли двѣ я пера въ руки не бралъ: гулялъ, купался, лежалъ на берегу рѣчки, ловилъ рыбу, по лѣсамъ бродилъ,—словомъ, вздохнулъ, какъ каторжникъ, вырвавшійся на волю. Отдохнулъ я и принялся писать. Словно не я писалъ, а кто-то другой. Чувствую, что языкъ не тотъ, краски другія. Такъ легко, пріятно пишется. На̀-сердцѣ хорошо. А бывало, какъ писать, такъ сейчасъ начинаешь злиться, готовъ всѣхъ разнести. Въ мѣсяцъ какой-нибудь кончилъ романъ... И не мудрено: писалъ ничѣмъ не отвлекаемый, не озабоченный, безъ перерывовъ. А въ Петербургѣ? — Начнешь большую повѣсть... Только-что разойдешься.. стопъ! Бросай и пиши статью туда, хронику сюда, фельетонъ въ третье мѣсто. Выскочишь изъ настроенія — опять входи въ него, и только-что пошло дѣло—снова стопъ! Опять надо куда-то поставить опредѣленное количество строкъ по заказу... Фу, ты, пропасть!.. А въ это лѣто я писалъ съ удовольствіемъ... Ну, кончилъ, прочелъ инженеру,—онъ въ восторгѣ. Отдалъ я переписать здѣсь одному юношѣ и повезъ романъ въ Питеръ. Отдаю издателю и прошу денегъ. Далъ часть, и съ гримасой, безъ всякихъ тонкостей, говоритъ: „Черезъ недѣльку заѣзжайте... Послѣдняя ваша повѣсть... того...“ — „Ладно, говорю, — этотъ романъ прочтите. — Пріѣхалъ я черезъ недѣлю. Издатель крѣпко

жметъ руку. „Прелесть“, говоритъ: „сочно, ярко, давно вы такъ не писали“. И сейчасъ же отдалъ остальныя деньги.

— Это какой же романъ?—спросилъ Рощинъ.

— „Господа Любимовы“.

— Это у тебя вещь превосходная! Сказать по правдѣ, я за эти десять лѣтъ изъ твоего только и читалъ вотъ этотъ романъ, да „Деревенскіе жанры“. Тоже славно! Жизнь такъ и прётъ... все такъ выпукло, смѣло, что̀ называется—выковано. Я даже подумалъ, читая: не пожалѣлъ онъ себя!

По губамъ Малахова скользнула улыбка, и на лицѣ отразилось внутреннее довольство.

— Ну, а живя въ Петербургѣ,—промолвилъ онъ,—я этихъ жанровъ написать бы не могъ. Многаго бы не видалъ, — не вышло бы колоритно и ужъ жизнь совсѣмъ бы не „пёрла“, какъ ты картинно выразился. Тамъ бы я спѣшилъ—и ужъ не могъ бы отдѣлывать, чеканить. Какъ написалъ — такъ и на станокъ. А здѣсь мнѣ ничто не мѣшаетъ: черезъ мѣсяцъ или черезъ годъ напишу — все равно. Есть у меня пятьсотъ рублей, и мнѣ не страшно чуть ли не въ теченіе цѣлаго года.

— Развѣ нельзя жить скромно въ Петербургѣ? Заберись ты на Выборгскую Сторону и скройся.

— Нѣтъ, братъ! Конечно, теперь, если бы меня кинула почему-нибудь судьба въ Питеръ (чего избави Богъ), я могу сдѣлать такъ, потому что уже выработалъ себѣ новыя привычки и другой обиходъ жизни, а тогда бы не могъ. Да и какъ: сегодня кто-нибудь зашелъ, завтра тоже, туда зовутъ, сюда надо... Все мѣшаетъ работѣ. А эти журъ-фиксы?.. Мнѣ Лобачевскій говорилъ: каждый журъ-фиксъ на худой конецъ стоитъ ему рублей пятьдесятъ. То да другое, и вотъ тебѣ постоянная трата денегъ и времени. И работаешь спѣша, кое-какъ, чтобы на все хватило и всѣ дыры были заткнуты. Ты говоришь, что за десять лѣтъ мало читалъ моего. Да вообще-то ты много читалъ?

— Не скажу,—признался Рощинъ.

— И не ты одинъ. Отъ книгъ шкафы ломятся, а читать некогда. Получилъ книгу и швырнулъ ее на полку неразрѣзанной. Вотъ здѣсь только я и принялся за чтеніе. Сколько прекрасныхъ сочиненій года̀ лежало неразрѣзанными, а по обязанности читалъ всякую гниль и самъ плодилъ ее.

— Такъ, стало быть, тебя деревня спасла? — спросилъ Рощинъ, откидываясь на стѣнку бесѣдки изъ дранокъ.

— Положительно.

— Значитъ, ты получилъ деньги за романъ и остался въ Рамцахъ?

Не захотѣлось ѣхать въ Питеръ и рѣшилъ отдохнуть здѣсь еще годъ-другой. А тамъ, какъ увидѣлъ, что̀ здѣсь за благодать, какъ хорошо живется и пишется, такъ и рѣшилъ не уѣзжать. Противенъ сталъ Петербургъ и вся прошлая жизнь показалась каторгой. Мнѣ и ѣздить-то въ Питеръ не хочется. Я бываю въ немъ очень рѣдко, только по самымъ важнымъ дѣламъ. Впрочемъ, вотъ былъ недавно въ оперѣ... Изъ Москвы пріѣзжалъ Шаляпинъ: не могъ я удержаться, чтобы не посмотрѣть игры и не послушать этого русскаго богатыря.

— Я съ тобой спорить не буду,—произнесъ Рощинъ, когда Малаховъ замолкъ:—можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ жить здѣсь хорошо и работать удобно. Убѣдился же ты, если такъ говоришь. Но вотъ что̀: какъ тебѣ не скучно безъ людей? Нельзя же безъ освѣженія, все работать и работать...

— Да откуда ты взялъ, что я здѣсь все работаю?—возразилъ Малаховъ.—Это въ Петербургѣ я только все строчилъ и строчилъ. Здѣсь я меньше работаю, пишу медленно, понемногу. Я здѣсь именно живу и не только наблюдаю жизнь, а и самъ въ ней участвую. Здѣсь я не только письменный аппаратъ какой-то, а и человѣкъ, какъ всѣ. Оттого жизнь и прётъ изъ моихъ разсказовъ—очень хорошо ты выразился. Въ чемъ по твоему освѣженіе? Гдѣ оно? Въ кабачкахъ, въ ресторанахъ? Или на этихъ писательскихъ журъ-фиксахъ? Ну-ка, скажи по правдѣ, много тамъ освѣженія? Ты бывалъ у Лобачевскаго на вторникахъ?

— Бывалъ частенько.

— Припомни, что̀ тамъ. Сплетни, ругань... все тѣ же разговоры о томъ, кто сколько получилъ, что̀ пишетъ... то же питье, жранье, карты, какъ и у всѣхъ. Помню я, какъ-то изъ деревни пріѣхалъ сюда Матвѣевъ,—знаешь вѣдь романиста Матвѣева? Ну вотъ, пріѣхалъ онъ къ Лобачевскому, посидѣлъ полчаса: вижу, человѣка коробитъ; еще помучился онъ съ часъ, не выдержалъ и задалъ тягу. На всякаго здороваго человѣка, живущаго настоящей жизнью, эти литературные журъ-фиксы производятъ такое же одуряющее впечатлѣніе. А сколько это злобы у людей, проповѣдующихъ любовь! Господи! Да, кажется, ни у кого ея больше нѣтъ, какъ здѣсь. И не мудрено: заѣзженной клячѣ какъ же не злиться?

Вдругъ гдѣ-то невдалекѣ послышалась пѣсня. Рощинъ повернулъ голову и началъ прислушиваться.

— Гдѣ это?—спросилъ онъ:—какой славный голосокъ!

— Это здѣсь за нами, на полянкѣ. За огородомъ оврагъ, а дальше полянка... Да это поетъ...

Малаховъ тоже прислушался съ минуту и добавилъ увѣренно:

— Да, это наша Рита поетъ, племянница хозяйская.

— Хорошенькая?

— Златокудрая.

— Да чтò ты! Дѣвочка?

— Нѣтъ, уже взрослая барышня.

— И златокудрая? Это чортъ знаетъ чтò! вѣдь это прелесть! Какъ бы ее повидать?—проговорилъ Рощинъ, оживляясь.

— Заслышалъ конь звукъ боевой трубы,—съ улыбкой сказалъ Малаховъ. — Успокойся, увидишь и познакомишься. Но предупреждаю: хорошенькая и пустая.

— Красота сама по себѣ уже много значитъ, я—поклонникъ красоты.

— Не совсѣмъ точно... Скажи:—и потребитель красоты.

— Фу, Ювеналій, какъ ты нынче выражаешься! Да что я... вѣдь ты знаешь, я именно поклонникъ, ну, а если иногда...

Рощинъ сдѣлалъ выразительный жестъ рукой.

— Если иногда и перейдешь черту, то это невольно; но главное, помнишь мои стихи: „И предъ твоею красотой я преклоняюсь богомольно"... Развѣ я способенъ лгать?

— Нѣтъ, ты искренно всегда начинаешь съ преклоненія, а кончаешь...

— Ювеналій, вѣдь она же чудесно поетъ,—перебилъ Рощинъ, не слушая товарища.—Пойдемъ туда.

— Она придетъ навѣрно скоро сюда. А впрочемъ, пойдемъ. На берегу хорошо теперь.

Они встали и вышли изъ бесѣдки.

V.

Черезъ палисадникъ они прошли на шоссе и съ него вскорѣ свернули на лѣсную копанную дорогу, съ канавами по сторонамъ.

— Какой здѣсь чудный воздухъ!—замѣтилъ Рощинъ, съ наслажденіемъ вдыхая его полной грудью.

— Еще бы, вѣдь по обѣимъ сторонамъ все сосны. Воздухъ смолой пропитанъ. Днемъ на солнцѣ она такъ и топится. Здѣсь чудесный воздухъ. Вотъ сюда надо.

Они повернули направо и пошли по тропинкѣ, которая вела къ рѣкѣ. Но прежде чѣмъ дойти до рѣки, они очутились на просторной круглой полянкѣ, покрытой травой и цвѣтами. Впереди лѣсъ, окаймлявшій поляну, росъ рѣдко и открывалъ взорамъ издалека пологій спускъ къ низменному берегу, близъ котораго разстилалась большая заливная луговина, также зеленѣвшая травой и пестрѣвшая цвѣтами.

— Вотъ тебѣ зеленое царство,—сказалъ Малаховъ:—а вотъ и лѣсная фея, которой голосъ тебя такъ плѣнилъ.

Онъ указалъ вправо. Въ нѣсколькихъ саженяхъ на травѣ сидѣла Рита и плела вѣнокъ, наклонивъ златокудрую головку.

— Что̀ за прелесть! — вполголоса произнесъ Рощинъ.— Подойдемъ къ ней.

Они направились къ Ритѣ.

Она повернула голову и, увидавъ Малахова, привѣтливо улыбнулась ему.

— Здравствуйте, Рита, — просто сказалъ онъ; — позвольте вамъ представить моего пріятеля, Рощина. Онъ услышалъ ваше пѣніе и захотѣлъ видѣть ту, у которой такой чудный голосокъ.

Рита вспыхнула и въ смущеніи отвѣтила на поклонъ Рощина.

— Что̀ вы это пѣли?—спросилъ онъ, подходя ближе къ дѣвушкѣ и наклоняясь надъ нею, какъ бы желая разсмотрѣть вѣнокъ.

— Такъ, стихъ одинъ,—застѣнчиво отвѣтила Рита, обыкновенно бойкая, но теперь невольно смутившаяся при видѣ незнакомаго человѣка.

— Вы прелестно поете! А кому этотъ вѣнокъ?

Рощинъ опустился на траву возлѣ дѣвушки.

— Никому, просто такъ.

Смущеніе еще не совсѣмъ прошло у Риты, но въ ней уже проснулось природное кокетство, которое она достаточно развила, вращаясь среди мѣстной станціонной молодежи.

— Слѣдовательно, можетъ быть, вы его подарите мнѣ?— сказалъ Рощинъ.

— Это съ какой стати?

— Да просто на память!

Рита расхохоталась.

— Недолга̀ же будетъ ваша память. Вѣнокъ завтра же завянетъ.

— Въ мірѣ все прекрасное непрочно, прелестная Гретхенъ!

Рита окинула Рощина такимъ взглядомъ, который не понравился Малахову.

„Дѣвочка портится“,—подумалъ онъ и обратился къ пріятелю.

— Вотъ чтò, Авениръ: пусть барышня доплетаетъ свой вѣнокъ, а мы пойдемъ лучше съ тобой и выкупаемся.

— Это недурно, особенно послѣ дороги,—согласился Рощинъ. Онъ поднялся съ травы.

— Значитъ, вѣнокъ мой?

— Ждите! — кокетливо отвѣтила Рита и засмѣялась.

— Прелестная Гретхенъ!—проговорилъ Рощинъ, когда они отошли нѣсколько шаговъ.

— Авенiръ,—сказалъ серьезно Малаховъ:—въ Петербургѣ такихъ прелестныхъ Гретхенъ немало. Оставь, пожалуйста, Риту! Она и такъ портится, не ускоряй дѣла.

— Чтò ты? Да развѣ я съ какой-нибудь дурной цѣлью... Я просто...

— Я знаю, знаю! Но брось! мнѣ искренно жаль ее.

— Она сирота?

— Да, она живетъ у дяди, а тотъ рѣдко дома... Надо будетъ серьезно заняться ею, пока не поздно.

Рощинъ пристально посмотрѣлъ на пріятеля.

— Знаешь,—произнесъ онъ, помолчавъ:—вѣдь ты же художникъ, а художникъ не можетъ не поклоняться красотѣ. Знаю это по себѣ.

— Хорошо вы поклоняетесь! Вы грязните красоту, приближаясь къ ней.

Они уже подходили къ рѣкѣ. Въ этотъ мигъ изъ воды вышелъ стройный юноша, брюнетъ, съ замѣчательно тонкими чертами лица. Онъ быстро добѣжалъ до бугорка, присѣлъ и началъ одѣваться.

— Какова вода, Яша? — спросилъ Малаховъ.

— Пріятная, — отвѣтилъ юноша.

— Отлично. Ну, Авениръ, хочешь въ перегонку?

— У-у! Да я, братъ, скверно плаваю, у меня грудь узка.

— А вы, Ювеналій Никандровичъ, не забыли, что сегодня спѣвка? — сказалъ юноша, уже совсѣмъ одѣвшись.

— Конечно, нѣтъ. Вы, Яша, пожалуйста скажите, чтобы всѣ собрались. Къ храмовому празднику надо хорошенько приготовиться. Пусть и барышни соберутся.

— Это чтò такое? — спросилъ Рощинъ, стаскивая модные штиблеты. — Ты развѣ здѣсь поешь гдѣ-нибудь?

— Не только пою, а и регентирую, устроилъ цѣлый хоръ,— отвѣтилъ Малаховъ.—До свиданія, Яша; такъ скажите же, пожалуйста!

— Хорошо-съ.

Юноша снялъ фуражку, раскланялся и сталъ подыматься на горку.

— Какой это хоръ? — спросилъ Рощинъ.

— Обыкновенный церковный хоръ. Вѣдь я регентировалъ еще въ гимназіи. Сначала въ хоръ пошли немногіе, особенно барышни стѣснялись, ну, а дальше да больше,—такъ, мало-помалу, дѣло наладилось, и вотъ мы теперь поемъ въ церкви.

— Кто же поетъ?

— Преимущественно молодежь обоего пола. Впрочемъ, есть одинъ пожилой машинистъ... И Рита поетъ...

— Нѣмка-то?

— Что-жъ такое? У насъ въ хорѣ дочь еврея Абрамовича поетъ.

— Въ православной церкви?

— Ну, да! И какой голосъ, лучшій въ хорѣ!

— Но какъ же позволяетъ отецъ?

— Онъ философъ. Погоди, вотъ я тебя познакомлю съ нимъ. Интересный экземпляръ.

— Да ты ужъ не хочешь ли его съ дочерью обратить въ православіе?

— Не имѣю въ виду, да его и не обратишь... А дочь... право, мнѣ сдается, что она когда-нибудь крестится, только я тутъ ни при чемъ. Это вообще странная дѣвушка: она любитъ читать, беретъ у меня книги, сама попросила Евангеліе. Впрочемъ, Евангеліе и отецъ читалъ, и мы съ нимъ потомъ долго спорили. Рахиль не любитъ спорить. Она больше молчитъ. Но это не овечка покорная, это — огонекъ подъ пепломъ.

— Э, да у васъ здѣсь въ самомъ дѣлѣ немало интереснаго,—сказалъ Рощинъ.—Златокудрая нѣмочка, философъ еврей, дочь его... вѣдь тоже, должно быть, хорошенькая?

— Красавица—жгучая брюнетка... Однако, что же это мы съ тобой: раздѣлись и въ такомъ интересномъ видѣ сидимъ и философствуемъ! Надо купаться. Догоняй... Ну!

Малаховъ вскочилъ и побѣжалъ къ рѣкѣ. Черезъ минуту онъ съ шумомъ бросился въ воду и поплылъ, дѣлая широкіе взмахи.

— Чудная вода! Бросайся, Авениръ!

Рощинъ тихо вошелъ въ воду и окунулся.

— Плыви! Давай гоняться на саженки! — крикнулъ Малаховъ.—Я днемъ не купаюсь, я люблю къ вечеру... Это я только съ тобой.

Его голосъ гулко разносился по водѣ.

Рощинъ поплылъ за пріятелемъ, но скоро вернулся обратно.

— Чтò же ты? — крикнулъ Малаховъ, который плылъ на спинѣ вдоль рѣки.

— Не могу, усталъ, — откликнулся Рощинъ и, поплескавшись еще немного, вышелъ на берегъ.

Онъ ужъ совсѣмъ одѣлся, когда подплылъ Малаховъ.

— Развѣ такъ купаются, — сказалъ онъ, выходя изъ воды.

— У меня сердце забилось... Эти проклятые перебои! Я ужасно ихъ боюсь.

За кустомъ послышались шаги. Малаховъ оглянулся. Къ рѣкѣ, со стороны поселка, подходилъ мужчина лѣтъ пятидесяти, одѣтый въ шаравары, забранные въ сапоги, и въ пиджакъ, изъ-подъ котораго виднѣлась ситцевая рубаха.

Онъ поклонился Малахову, снялъ фуражку съ большимъ околышемъ и промолвилъ:

— А я у васъ былъ... Супруга сказали, что вы въ огородѣ: я туда, а васъ и тамъ нѣтъ... Ну, вотъ я и пошелъ купаться.

— Вамъ зачѣмъ же надо меня? — спросилъ Малаховъ.

— Надо поговорить насчетъ каланчи... Вѣдь послѣ-завтра собраніе.

— Къ чему каланча, это ерунда, — сказалъ Малаховъ, застегивая жилетъ.

— Я того же мнѣнія, Ювеналій Никандровичъ, да вотъ Простоквашинъ со становымъ...

— А мы провалимъ ихъ предложеніе!

— Да удастся ли? Надо бы сговориться хорошенько.

— Ну, чтò же? Собирайте у себя. Я приду и поговоримъ.

Малаховъ одѣлся и всталъ.

— Такъ ужъ я буду на васъ надѣяться, Ювеналій Никандровичъ!

— Можете. До свиданія, Макаръ Ивановичъ!

— Чтò это у васъ за заговоръ?—спросилъ Рощинъ, когда пріятели отошли на нѣсколько шаговъ:—бунтъ противъ станового?

— Вотъ видишь, братъ, какіе мы радикалы: противъ начальства идемъ!

Малаховъ засмѣялся.

— Вотъ въ чемъ дѣло, друже,—продолжалъ онъ:—у насъ уже два года вольная дружина, и я въ ней состою.

— И тутъ?

— И тутъ, да я еще, братъ, во многихъ должностяхъ состою. Такъ, вотъ, Простоквашинъ, такъ сказать, нашъ брандмейстеръ и начальникъ, задумалъ устроить каланчу. Такъ какъ онъ

начальникъ дружины, носитъ штаны съ красными лампасами, то и воображаетъ себя генераломъ и хочетъ поставить на своемъ. Становой его поддерживаетъ... Каланча намъ не нужна: пускай ставитъ на свои средства, если желаетъ. И вотъ предстоитъ бурное собраніе, потому что многіе—противъ устройства каланчи.

Они вышли на старую полянку. Риты уже не было. Рощинъ выразилъ сожалѣніе.

— Увидишь, увидишь, не безпокойся!—въ утѣшеніе сказалъ Малаховъ.

Они прошли нѣсколько шаговъ молча.

— Однако,—заговорилъ Рощинъ,—ты такъ много тратишь времени на то и на другое, что тебѣ некогда писать.

— На все хватаетъ, друже! Это-то разное, постороннее, и помогаетъ мнѣ писать.

— Какъ такъ?

— Очень просто. Какъ бы иначе я могъ сблизиться со всѣми? Наблюдать со стороны—это не то. Вы, вотъ, со стороны-то наблюдаете, и что же выходитъ? Либо пуделяете, либо бьете ворону вмѣсто рябчика, либо лжете отличнымъ манеромъ въ одну и другую сторону. Вы продолжаете изучать народъ по Серебрянскому и Преображенскому, а онъ куда ужъ не тотъ... мысли, думы, порывы—все другое. Броженіе и на немъ отразилось. Говорятъ, что прежде писатели лучше знали народъ. Еще бы! Они какъ помѣщики жили съ нимъ, вмѣстѣ съ нимъ дѣлали дѣло, были свои люди, а не посторонніе наблюдатели. Ихъ не боялись, имъ вѣрили... А вы хотите, чтобы вамъ мужикъ всю душу выложилъ на ладонь... Шалите, милые!

— А тебѣ выкладываетъ?

— Да, но, думаешь, какъ писателю? Нѣтъ, а какъ человѣку, который ему нуженъ, какъ вотъ члену дружины, какъ письмоводителю ссуднаго товарищества, какъ секретарю попечительства, какъ хорошему знакомому; выкладываетъ не нарочно, между дѣломъ, а не какъ пріѣхавшему отмѣтчику. У насъ общія цѣли, нужды, интересы, заботы. Я въ гостяхъ у нихъ бываю, и они у меня; въ деревняхъ у меня живутъ кумы, кумовья,—это дѣло иное.

— Вотъ Красильниковъ купилъ-было тоже имѣніе, чтобы лучше узнать крестьянъ, да и бросилъ,—замѣтилъ Рощинъ.

— И глупость сдѣлалъ! Впрочемъ, онъ не беллетристъ, а передовикъ по натурѣ, деревни не любитъ, всѣ его увѣренія—только фразы. Землевладѣльцу, конечно, легче всего узнать, чѣмъ налетному бытописателю. Помѣщикъ—свой человѣкъ, хотя и ба-

ринъ. Много общихъ дѣлъ, въ которыхъ правда обнаружится противъ воли.

— Что же ты не купишь себѣ имѣнія?

— Денегъ еще нѣтъ такихъ, да и опытности мало. А ты думаешь, я объ этомъ не мечтаю? Сильно мечтаю! Вотъ отдѣлю плевелы отъ пшеницы, соберу всю пшеницу, удастся ее хорошо продать на книжномъ рынкѣ, тогда я куплю клочокъ земли и начну хозяйничать. Вотъ когда я осуществлю вполнѣ то, о чемъ думаю!

— Да ты про что? — спросилъ Рощинъ.

— Насчетъ полной независимости, которая дастъ возможность не жить литературнымъ трудомъ. Да, Авениръ: жить литературой — это ужасная ненормальность.

— Ты это что же — такъ же стыдишься брать деньги, какъ и Жуковъ? Помнишь, писалъ онъ гдѣ-то? Извини, по моему это сентиментальность и маленькое лицемѣріе.

— Я не стыжусь,—возразилъ Малаховъ,—ибо сказано: „трудящійся да ястъ", но скверно продавать литературу, какъ теперь ее продаютъ литераторы, живя исключительно на свой литературный трудъ. А тогда можно будетъ отдавать туда, куда хочешь, куда надо, не справляясь, гдѣ больше дадутъ. А если нужно, то и даромъ отдать. Впрочемъ, я и теперь уже могу кое-что въ этомъ отношеніи, гораздо больше, чѣмъ живя въ Питерѣ. Да, Авениръ, мнѣ это очень нравится: апостолъ Павелъ дѣлалъ палатки и этимъ жилъ, а слово свое и проповѣдь не продавалъ. Не надо, чтобы пастырь былъ въ тягость паствѣ содержаніемъ себя. Также и писатель — пусть онъ не будетъ въ тягость обществу, и тогда его слово получитъ болѣе силы, потому что его слово будетъ истекать изъ чистаго источника.

— Въ этомъ случаѣ ты сходишься съ Парѳеновымъ. Онъ для того и поступилъ на государственную службу, чтобы не жить литературнымъ трудомъ.

— Нѣтъ, Авениръ, это не то. Конечно, лучше такъ, чѣмъ вытягивать изъ себя строчки, но все-таки такое совмѣстительство я не одобряю. Надо себя всего отдать литературѣ, и уже ничему другому не служить и не подчиняться, а тѣмъ болѣе не подслуживаться.

— Но вѣдь и ты не можешь отдавать себя всего литературѣ, хозяйничая на землѣ,—возразилъ Рощинъ.

— Другъ мой, во-первыхъ, моя земля будетъ не столь велика, она не потребуетъ много моихъ силъ, и жена будетъ помогать, а въ самой черной работѣ, конечно,—тотъ же мужичокъ;

затѣмъ, зима вся въ моемъ распоряженіи, а главное—я независимъ. Живу только одними интересами, ничто меня не стѣсняетъ, не ограничиваетъ въ работѣ. Послѣ работы въ полѣ или въ огородѣ я буду съ наслажденіемъ писать; ну, а послѣ канцелярщины писать трудно. Нѣтъ, служба—это не то! Она отнимаетъ уже у писателя и время, и свободу, и силы. Я могъ бы служить, мнѣ предлагали недавно, но я хочу осуществить мечту, имѣть свой клочокъ земли.

— Покупай, и я къ тебѣ пріѣду,—сказалъ Рощинъ.

— Милости просимъ; только сбѣжишь вѣдь.

— Ну, тогда не сбѣгу, къ старости и я угомонюсь.

— Какъ сказать! Да и почему ты думаешь, что я такъ долго не соберусь купить? Я уже присматриваю... Постой: куда же мы теперь, домой или по шоссе еще пройдемся?

— Пойдемъ лучше домой, я что-то усталъ, ночь я спалъ плохо...

— Такъ иди, ложись до обѣда, отдохни. Впрочемъ, вѣдь скоро и обѣдъ. Мы рано обѣдаемъ—въ двѣнадцать часовъ, по-деревенски.

Они повернули къ дому.

VI.

Наталья Павловна хлопотала въ кухнѣ, черезъ которую надо было проходить въ комнаты.

— Не мясное?—спросилъ съ улыбкой мужъ.

— Да, вѣдь гость согласился. Предупреждаю, рыбы достать не могла.

— Все равно, все равно,—поспѣшно заявилъ Рощинъ.

— На третье—блинчики съ вареньемъ, хорошо?—отнеслась опять Малахова къ мужу.

— Отлично!

— А вамъ, Авениръ Львовичъ, подарокъ есть, — сказала Наталья Павловна вслѣдъ уходившимъ.—Рита принесла вѣнокъ... Онъ въ комнатѣ мужа.

Малаховъ посмотрѣлъ на Рощина. Этотъ отвѣтилъ довольнымъ смѣхомъ и поспѣшилъ въ кабинетъ.

— Какой изящный!—сказалъ Рощинъ, любуясь вѣнкомъ.—Эна—со вкусомъ! Наталья Павловна!—крикнулъ онъ, вбѣгая въ кухню.—Вѣнокъ прелесть! Я пойду, поблагодарю ее.

— Ея нѣтъ дома. Это не уйдетъ, вы успѣете.

Рощинъ вернулся въ кабинетъ.

— Знаешь, Ювеналій, вѣдь надо ей что-нибудь подарить! Найдутся у васъ тутъ конфекты?

— Конечно, найдутся, хотя, можетъ быть, и не важныя. Но лучше не дари ничего... Право, ты повредишь Ритѣ.

— Какой вздоръ!—возразилъ Рощинъ, махнувъ рукой.—Это просто долгъ вѣжливости.

— Во всякомъ случаѣ—успѣется. Ложись и отдыхай. На балконѣ удобное кресло, въ немъ можно лежать.

— Прелестная дѣвушка! — произнесъ Рощинъ, выходя на балконъ.

Съ балкона открывался прекрасный видъ на поселокъ, на рѣку. Вдали краснѣла крыша вокзала. По прямому шоссе глазъ различалъ даже ближайшее село Ямки съ церковью, крестъ которой ярко блестѣлъ на солнцѣ. Ароматный воздухъ пріятной волной вливался въ грудь, глаза отдыхали на зелени.

— Чортъ побери, а у тебя здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, не дурно!—сказалъ Рощинъ, принимая удобную позу въ креслѣ.—Пожалуй, ты благую часть избралъ, Ювеналій.

— Которая доступна и тебѣ.

Малаховъ сѣлъ на стулъ и облокотился на перила.

— Конечно,—отозвался Рощинъ.—Вотъ я лежу и наслаждаюсь, но... но я привыкъ къ городскому шуму, суетѣ... Отдохнуть въ деревнѣ три-четыре дня, ну, недѣлю—это хорошо, но жить—нѣтъ, это скучно. Гдѣ люди?

— А по твоему, здѣсь не люди живутъ что̀-ли?

— Это—*народъ*. Онъ хорошъ въ книгѣ, его надо изучать, онъ нуженъ для повѣстей, ну, и вообще безъ него жить нельзя, потому что Щедринъ правъ: мужикъ генерала кормитъ... но что̀ я съ нимъ буду дѣлать, о чемъ разсуждать?

— О чемъ угодно. Конечно, фразерничать онъ не умѣетъ, но онъ интереснѣе всякихъ столичныхъ говоруновъ. Да и почему ты полагаешь, что здѣсь только одинъ *народъ?* Здѣсь есть и твоя возлюбленная интеллигенція. На самой станціи живетъ желѣзнодорожный докторъ, два инженера; верстахъ въ двухъ—земскій пунктъ, тамъ опять врачъ. Затѣмъ, учитель—неглупый малый, учительница—превосходная дѣвушка, немного не въ вашемъ вкусѣ и некрасивая, прибавлю; аптекарь Вейнтраубе—человѣкъ интеллигентный; его жена—прекрасная женщина: образованная, симпатичная и очень недурно поетъ... Ну, кто еще? Да, забылъ главную—акушерку: это уже совсѣмъ вашего прихода. Изъ духовенства отецъ Михаилъ—человѣкъ простой, но думающій; жена его—славная женщина, пересудовъ не любитъ,

разсуждаетъ дѣльно, по-своему, а не съ чужого голоса... Дьяконъ... Это добрый малый, больше молчитъ... Но до чтенія охотникъ... Вотъ видишь, сколько интеллигентныхъ, не считая окрестныхъ помѣщиковъ.

— Да, но это все не то,—другая профессія, не тѣ интересы...

— Ахъ, вотъ чтò!—съ усмѣшкой промолвилъ Малаховъ.— Тебѣ близки интересы только твоего журнальнаго муравейника, его волненіями ты и живешь. Всѣ вы таковы. Въ сущности, къ жизни вы совершенно безучастны, индифферентны. Вы только кричите о широкихъ запросахъ, а живете узенькими интересами своего прихода, своей редакціи, да развлекаетесь романами съ похотливыми бабенками—вотъ и вся ваша жизнь, и внѣ ея вамъ скучно.

— Ты очень строгъ, Ювеналій,—отвѣтилъ Рощинъ, зѣвая.— Все на своемъ мѣстѣ. Прекрасны щи, жаркое, нò надо и пирожное. Нѣтъ, ты забываешь комфортъ. Въ деревнѣ хорошо лѣтомъ, а осенью, зимой? Вѣдь здѣсь непролазная грязь, сугробы,—это чортъ знаетъ чтò такое! Кромѣшная тьма! Ну, чтò ты дѣлаешь зимой?—спросилъ Рощинъ, оживляясь и даже приподымаясь на креслѣ.

— То же, чтò и лѣтомъ.

— Ну, какъ то же: вѣдь не сидишь же ты на балконѣ?

— Конечно, но это не суть важно, какъ говорилъ нашъ гимназическій учитель-французъ. Конечно, лѣтомъ хожу въ легкомъ пиджакѣ, а зимой—въ тулупѣ.

— У тебя прекрасная шуба. Развѣ не цѣла?

— Цѣла, но я ее надѣваю только для Петербурга, или когда въ морозы ѣду къ кому-нибудь изъ помѣщиковъ, а такъ я хожу въ романовскомъ тулупѣ.

— Подъ мужичка?

— Нѣтъ, просто потому, что удобнѣе. Кажется, ты не можешь заподозрить меня въ заигрываніи.

— Ну, хорошо, продолжай. Встанешь ты, наколешь себѣ дровъ, наносишь воды, ну, а дальше?

Рощинъ опять легъ въ кресло и вытянулся.

— Дальше? Дальше я гуляю, зимой такъ же, какъ и лѣтомъ, потомъ пью кофе, а тамъ—сажусь писать, если является желаніе, или отдѣлываю старое, а не то—читаю, столярничаю. Потомъ *народъ* ко мнѣ ходитъ съ просьбами, за совѣтами. Кого-кого не бываетъ! Вотъ одинъ крестьянинъ пришелъ ко мнѣ со своимъ произведеніемъ, цѣлую комедію написалъ; являлся ко мнѣ

даже штундистъ для диспута. Евреи бываютъ, споримъ... Приходится писать и прошенія, чтобы избавить темныхъ людей отъ „аблокатовъ"... Не видишь, какъ время летитъ. Вотъ и обѣдъ. Послѣ обѣда приносятъ газеты со станціи, я ихъ пробѣгаю; жена побрянчитъ; иногда она вслухъ читаетъ,—я слушаю; или я читаю,—она слушаетъ. Не забывай, что я состою въ разныхъ должностяхъ, къ намъ ходятъ гости, я хожу въ гости. Возьму иногда у кузнеца лошадь, прокатимся. Ты видишь—дня-то мало: чего же думать о томъ, чѣмъ его наполнять?

— А что̀ же дѣлаете въ гостяхъ, винтите?—не безъ ироніи спросилъ Рощинъ.

— Да, раза три въ годъ я винчу, но не больше, потому что картъ вообще не люблю. А вотъ мы задумали здѣсь устроить оркестръ изъ балалаечниковъ. Новое развлеченіе.

— Такъ что ты вполнѣ доволенъ? И Наталья Павловна не жалуется на скуку, и ей всего этого довольно?

— Не жалуется. Да вѣдь у нея же—дѣла̀. Во-первыхъ—хозяйство: то, другое надо пошить. Она дѣтей учитъ еще. Въ августѣ открывается здѣсь читальня отъ общества трезвости: два раза въ недѣлю, отъ четырехъ до шести часовъ, ея дежурство. Вотъ Нееловъ мечтаетъ устроить народныя чтенія... à propos,—жена его очень хорошая женщина, немолодая, но видно, что была красавица. Ну-съ, такъ вотъ видишь, сколько дѣла. Но вѣдь Наташа ѣздитъ въ Петербургъ, къ знакомымъ, въ оперу.

— Ага!—радостно воскликнулъ Рощинъ.—Не обходится же безъ столицы, тянетъ!

— Во-первыхъ, — добродушно засмѣявшись, сказалъ Малаховъ, — Наталья Павловна—не я, а во-вторыхъ, тутъ нѣтъ ничего страннаго. Конечно, потянетъ иногда въ столицу, но для чего?—вотъ вопросъ. А все-таки переселиться туда я не соглашусь.

— Не вѣрится мнѣ, Ювеналій, что ты сразу привыкъ къ здѣшней жизни. Неужели ты не втянулся въ городскую?

— Конечно, не сразу, ты правъ. Но вѣдь я тебѣ говорилъ уже, что я такъ усталъ, что на первыхъ порахъ Петербургъ совсѣмъ къ себѣ не тянулъ, т.-е., если хочешь, онъ и влекъ, но какъ только я пріѣзжалъ въ Петербургъ, мнѣ сейчасъ дѣлалось не по себѣ, все раздражало. Я чувствовалъ себя больнымъ и мчался скорѣй опять сюда. Теперь я спокойнѣе переношу его шумъ, суету, но все-таки я къ нему равнодушенъ. Конечно, повторяю тебѣ, Петербургъ остается умственнымъ центромъ и въ него приходится наѣзжать, но это—другое дѣло.

Въ столовой послышался шумъ.

— Идите, идите, нечего ломаться!—раздался голосъ Натальи Павловны.

Черезъ минуту на балконъ вошла Малахова, ведя подъ руку Риту, которая притворно сопротивлялась. Рита была разодѣта, на поясѣ висѣли на цѣпочкѣ золотые часики.

— Вотъ вамъ, Авениръ Львовичъ, та, которую вы хотѣли благодарить за подарокъ!

Рощинъ вскочилъ съ кресла и разсыпался въ благодарностяхъ передъ дѣвушкой. Она покраснѣла.

— Ну, чтò вы, Наталья Павловна... я зашла только спросить у васъ...

Рита путалась, хотя въ глазахъ у нея бѣгали „бѣсенки".

— И вы для этого такъ разрядились?—смѣясь, сказала Малахова.—Нечего, нечего, оставайтесь и обѣдайте съ нами.

Она съ улыбкой посмотрѣла на мужа. Тотъ неодобрительно покачалъ головой.

— Чтò за важность! — вполголоса возразила Наталья Павловна и добавила:—Господа, у меня все готово, не будемъ ли мы обѣдать? Авениръ Львовичъ, у васъ аппетитъ пробудился послѣ прогулки?

— Мнѣ все равно... Если вамъ угодно...

Онъ подсѣлъ къ Ритѣ и заговорилъ съ нею.

Катя накрыла на столъ и принесла миску съ борщомъ.

— Ну, господа, — сказала шутливо Малахова, принимаясь разливать:—за вкусъ не берусь, а горячо будетъ.

Постный борщъ оказался очень вкуснымъ. Рощинъ съѣлъ всю полную тарелку, хотя ранѣе увѣрялъ, что ему налили слишкомъ много.

— Вотъ чтò значитъ въ деревнѣ-то, да прогулка,—замѣтила Малахова.

— О, нѣтъ, Наталья Павловна! У васъ замѣчательно вкусный борщъ. Клянусь, я не могъ предполагать, что постный борщъ можетъ быть такимъ вкуснымъ. Онъ лучше мясного. Еслибы вы мнѣ еще немного дали...

— Сдѣлайте одолженіе, очень рада.

Рита тоже похвалила борщъ.

— Вотъ и вáсъ заставили постничать, — сказалъ ей Рощинъ.

— Такъ что же! Все хорошо, чтò вкусно.

— А вы сумѣете сварить такой борщъ?—спросилъ Рощинъ.

— Нѣтъ. Я умѣю только...

— Кушать, да?

Рита залилась громкимъ смѣхомъ.

— Риточка, это неладно, — сказала серьезно Малахова: — какъ же вы будете хозяйничать? И отчего вы не учитесь, когда я предлагаю вамъ?

— Я не люблю, Наталья Павловна; ну, право, скучно...

Она сдѣлала такую гримасу, что Малахова невольно улыбнулась.

Рощинъ заступился за Риту.

— Наталья Павловна, хозяйство—дѣло хорошее, но барышня создана не для этого.

— А вы полагаете, что я создана для кухни?—спросила Малахова.

— Накажи меня Богъ, если я такъ думаю!—съ шутливымъ ужасомъ воскликнулъ Рощинъ:—но у васъ въ натурѣ есть хозяйственныя наклонности, а мадемуазель Гретхенъ... Вы разрѣшите васъ такъ называть?—отнесся онъ къ Ритѣ.

— Пожалуйста,—отвѣтила та кокетливо.

— Позвольте, Авениръ Львовичъ, наклонности создаются, когда *надо*,—промолвила Малахова, подчеркивая послѣднее слово. —Въ Петербургѣ и я многаго не дѣлала, но если надо — дѣлаешь. Вѣдь и Рита выйдетъ не за графа, какъ говорится; ну, а какой-нибудь телеграфистъ не въ состояніи нанять и кухарку.

— Вы выходите развѣ за телеграфиста?—спросилъ Рощинъ съ улыбкой свою сосѣдку.

— Ни за что! Наталья Павловна, откуда вы это взяли?

— Я это къ примѣру, Рита.

Макароны съ грибнымъ соусомъ оказались также прекрасными.

— У васъ положительно геніальныя кулинарныя способности,—сказалъ Рощинъ, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Геній—вездѣ геній. Благодарю и за это.

Малахова была польщена, какъ хозяйка, но въ ея тонѣ прозвучало что-то похожее на обиду за признаніе ея способностей только въ области кухни. Рощинъ уловилъ это.

„О, женщина всегда останется женщиной!"—подумалъ онъ и произнесъ:

— Наталья Павловна, я вовсе не хотѣлъ сказать, что у васъ только способности хозяйки. Я помню вашу чудную игру, ваши мѣткія сужденія о литературѣ...

— Не нужно комплиментовъ, Авениръ Львовичъ. Я музыку

люблю, но я играю посредственно, а мои сужденія о литературѣ...

Она не кончила и улыбнулась.

Подали блинчики съ вареньемъ.

— Вотъ, попробуйте лучше блинчиковъ. Мое геніальное поэтическое произведеніе.

Рощинъ посмотрѣлъ на нее, потомъ на пріятеля, клавшаго въ это время блинчикъ себѣ на тарелку, и подумалъ: „Ну, братъ, ты немножко ошибаешься. Твоя Наташа совсѣмъ не такъ довольна деревенской жизнью, какъ ты, и если все дѣлаетъ и переноситъ, то, вѣроятно, только изъ любви къ тебѣ".

Его дальнѣйшимъ размышленіямъ помѣшала Рита, обратившаяся къ нему съ вопросомъ:

— Вы все ужъ осмотрѣли здѣсь?

— О, нѣтъ, мадемуазель Гретхенъ, мы были только на рѣкѣ.

— Ахъ, какъ я люблю кататься на лодкѣ!

— Да? Мы поѣдемъ съ вами! Лодку достать можно?

— Сколько угодно.

— А вы развѣ на спѣвку не придете?—спросилъ Малаховъ.

Рита по-дѣтски надула губки и посмотрѣла на Рощина.

— Да мы недолго, Ювеналій,—сказалъ онъ.—Я самъ хочу послушать пѣніе. Гдѣ будетъ спѣвка?

— Въ школѣ.

— Отлично. Прокатимся и вмѣстѣ съ мадемуазель Гретхенъ придемъ туда. Не безпокойся, мы не опоздаемъ.

Онъ подмигнулъ Ритѣ. Та засмѣялась.

— Рита, Рита!—раздался дѣтскій голосъ изъ сада.

— Что̀ тебѣ, Мина?

— Когда же мы будемъ обѣдать?

— Ахъ, эта Мареа!

— Развѣ она опять напилась?—спросилъ Малаховъ.

— Нѣтъ, но она ушла къ кому-то стирать и забыла приготовить обѣдъ

— Такъ что̀ же вы церемонитесь? — промолвила Наталья Павловна.—Развѣ такъ можно? Ведите сюда сестеръ!

Рита въ припрыжку побѣжала съ балкона.

— Чай послѣ обѣда будете пить? — спросила Малахова у гостя.

— Стаканъ— съ удовольствіемъ!

Въ саду залаялъ Полканъ.

— Вѣрно, кто-нибудь чужой!

Малахова встала и подошла къ периламъ. Въ калиткѣ стоялъ

низенькій, горбатый мужиченко, съ мѣшкомъ черезъ плечо, и отмахивался отъ собаки длинной палкой.

— Кого тебѣ? Молчи, Полканъ!

Собака притихла, но продолжала подозрительно смотрѣть на мужика.

— Писарь-то дома? Мнѣ яво нужно.

— Какой писарь?

— Да вотъ что тутъ живетъ,—Малаховымъ что-ли называли!

— Ювеналій, это онъ тебя такъ величаетъ. Спроси его, что̀ ему надо,—со смѣхомъ промолвила Наталья Павловна.

Малаховъ перегнулся черезъ перила и крикнулъ:

— Я—Малаховъ. Тебѣ что̀ надо?

— До тебя я, стало быть, за помощью. Идолы-то ничего не даютъ!

— Какіе идолы?

— А вотъ въ попечительствѣ которые. У попа былъ—никакого толку, къ земскому не допущаютъ, становой чуть въ шею не выгналъ, а этотъ толстомясый (мужикъ указалъ на домъ Простоквашина) обругалъ, да и говоритъ: „тебѣ помирать давно пора"... Чаво я ему помѣшалъ,—пущай самъ издыхаетъ! Гдѣ же я правду найду? Говори!

— Ты здѣшній?

— То-то и есть, что нѣтъ. Я издалека. Коли бы здѣшній, что̀ и толковать.

— Попечительство помогаетъ только здѣшнимъ.

— Вотъ тебѣ разъ! Значитъ, мнѣ съ внучкой-то околѣвать съ голоду? Христіанская душа я или нѣтъ?

Тонъ мужика дѣлался все задорнѣе,—видимо, неудачи и нужда его сильно озлобили.

— Это недурно,—промолвилъ Рощинъ, заинтересовавшійся мужикомъ, и перегнулся черезъ перила, чтобы хорошенько разсмотрѣть его.

А мужикъ продолжалъ:

— Нѣтъ, это не законъ! Нельзя христіанской душѣ погибать какъ псу. Да вотъ и песъ-то у тебя, гляди, какой откормленный, а я голодаю. Это какъ же? Я и попу это говорю.

— А что̀ же онъ?—вмѣшался Рощинъ.

Мужикъ взглянулъ на него и точно еще больше обозлился на что-то.

— А ему что̀? ему тепло! Самъ пироги жретъ, а мнѣ говоритъ: „иди, иди, ты—чужой"! Какой я чужой, если такой же

христіанинъ, какъ и всѣ! Нѣтъ, я не пойду, а ты меня накорми, подай мнѣ мое,—на что же тогда попечительство? Я и жалиться буду...

Рощинъ, видимо, былъ доволенъ такимъ протестомъ мужика и промолвилъ:

— Это отлично! Ювеналій, вѣдь онъ правъ!

Не слушая пріятеля, Малаховъ обратился къ мужику:

— Зачѣмъ ты говоришь вздоръ? Жаловаться некому, потому что попечительство не можетъ всѣхъ накормить, у него небольшія средства, ихъ едва хватаетъ на своихъ, здѣшнихъ; да и ты долженъ просить, а не требовать.

— Я и прошу. Вотъ, слышалъ, не даютъ мнѣ! Ты писарь, такъ и запиши мою просьбу.

— Гдѣ ты живешь и какъ твоя фамилія?

— Я живу въ Дрябовѣ, а зовутъ меня Хведоръ Лапа.

— Хорошо, я переговорю съ о. Михаиломъ и Простоквашинымъ и постараюсь что-нибудь сдѣлать для тебя.

— Безпремѣнно сдѣлай! Такъ и напиши... Какой же ты писарь, если не умѣешь написать? Все обскажи.

— Ты чего же бы хотѣлъ?

— Пущай на фатеру дадутъ, ну и на харчи воспособленіе. Я сбираю, да ноги болятъ, и глаза вотъ плохи, а Манька мала.

— Рубля три-четыре въ мѣсяцъ довольно?

— Четыре довольно.

— Ну, ладно, это, можетъ быть, и устрою.

— Ужъ сдѣлай милость—устрой. Я потому къ тебѣ, что, какъ мнѣ обсказывали, ты добёръ до бѣдныхъ,—ну, вотъ я и пошелъ.

Мужикъ повернулся, чтобы уходить.

— Погоди немного, дѣдъ!

Малаховъ досталъ изъ кошелька цѣлковый и хотѣлъ его бросить мужику.

Рощинъ остановилъ пріятеля:

— Присоедини, Ювеналій, и мою лепту.

Онъ досталъ изъ кармана брюкъ нѣсколько серебряныхъ монетъ и, не глядя, передалъ ихъ пріятелю. Ювеналій Никандровичъ завернулъ ихъ вмѣстѣ съ рублемъ въ бумажку и кинулъ старику.

Мужикъ поднялъ бумажку, развернулъ ее, и радостное удивленіе изобразилось на его лицѣ.

— Ну, вотъ, спаси васъ Богъ!—произнесъ онъ.—Меня по-

жалѣли, и васъ пожалѣетъ Богъ! Прости Бога-для, если что̀ грубо я тебѣ отвѣчалъ, потому обидно!—уже со смущеніемъ добавилъ мужикъ.

Онъ низко поклонился и пошелъ изъ сада, не надѣвая шапки.

— Вотъ мы и добродѣтель проявили,—сказалъ Рощинъ съ улыбкой.—А теперь чайку.

Въ комнату вбѣжала Рита съ соломенной шляпой и зонтикомъ.

— Готовы?

— Сейчасъ, мадемуазель Гретхенъ!

— А гдѣ же сестры?—спросила Наталья Павловна.

— Онѣ на кухнѣ.

— Надо же ихъ накормить,—сказала Малахова и пошла въ кухню.

VII.

Въ большой классной комнатѣ церковно-приходской школы собралось уже человѣкъ тридцать—взрослыхъ и дѣтей. Здѣсь были и нарядно одѣтыя „желѣзнодорожныя барышни", какъ зовутъ въ Рамцахъ дочерей служащихъ на желѣзной дорогѣ, и дочери мѣстныхъ жителей поселка, и даже двѣ крестьянскія дѣвушки изъ ближайшей деревни—Находное. Мужчины были одѣты по-деревенски: кто въ пиджакахъ, кто просто въ рубашкахъ-косовороткахъ; только сынъ мѣстнаго бакалейщика, первый франтъ въ поселкѣ, былъ въ крахмаленной сорочкѣ, въ цвѣтномъ галстучкѣ и даже въ чесунчовомъ пиджакѣ. Дѣти были одѣты какъ попало: большинство мальчиковъ—въ ситцевыхъ рубашкахъ, а дѣвочки—въ ситцевыхъ платьицахъ.

Съ Малаховымъ любители-пѣвчіе держались просто, какъ съ человѣкомъ, котораго считали своимъ. Явились охотники поболтать, но Ювеналій Никандровичъ поспѣшилъ приступить къ спѣвкѣ.

— А что же Рита не пришла?—обратилась съ вопросомъ къ Малахову Рахиль Абрамовичъ, черные жгучіе глаза которой сегодня отчего-то необычайно блестѣли и въ лицѣ дѣвушки было замѣтно особенное оживленіе.

— Она вздумала прокатиться съ моимъ гостемъ, но она скоро придетъ,—отвѣтилъ Малаховъ и добавилъ громче:—Ну-съ, господа, къ дѣлу!

Всѣ обступили регента тѣснымъ полукругомъ. Ювеналій Никандровичъ пропѣлъ имъ сначала самъ мелодію „Херувим-

ской"—Бортнянскаго, нумеръ шестой, потомъ заставилъ пѣвчихъ пѣть вмѣстѣ съ собою, для того, чтобы они запомнили мотивъ. Они пропѣли нѣсколько разъ, въ унисонъ съ нимъ и потомъ одни.

Послѣ этого онъ роздалъ ноты тѣмъ, которые ихъ уже знали, раздѣлилъ всѣхъ пѣвчихъ на партіи и пропѣлъ отдѣльно съ каждой партіей.

Пришла Рита съ Рощинымъ и заняла свое мѣсто, обмѣнявшись дружескимъ поклономъ съ Рахилью. Рощинъ сѣлъ на табуреткѣ у окна и впился взглядомъ въ красавицу-еврейку. Онъ нѣсколько разъ переводилъ свои глаза съ нея на Риту, и на его лицѣ выражалось явное недоумѣніе. Онъ даже пожалъ плечами. Видимо, онъ не могъ рѣшить: которая изъ нихъ лучше. У одной златокудрая головка и глаза-незабудки, а другая—чисто библейская красавица. „Конечно, еврейка красивѣе лицомъ,—рѣшилъ онъ наконецъ,—но у нея такое строгое выраженіе, и эти глаза... о, съ ней шутить нельзя! дорого поплатишься! Да, если еврейка героиня драмы, или, можетъ быть, даже трагедіи, то Рита какъ-разъ годится для веселой оперетки. Это удобнѣе и безопаснѣе!"—подумалъ онъ.

Партіи порознь были повторены, и тогда всѣ запѣли вмѣстѣ.

— Ахъ!—досадливо воскликнулъ Малаховъ, когда дисканты опередили всѣхъ на цѣлый тактъ.

Восклицаніе Малахова заставило вздрогнуть замечтавшагося Рощина. Онъ посмотрѣлъ на пріятеля и спросилъ:—Что̀ такое?

— Снова, господа... не торопитесь!—проговорилъ Малаховъ, оставляя вопросъ Рощина безъ отвѣта.

Но теперь альты неожиданно смолкли, сбившись на серединѣ.

— Да что̀ же это такое?—произнесъ регентъ и подумалъ: „Неужели ихъ стѣсняетъ Рощинъ?"

Онъ взглянулъ мелькомъ на пріятеля. Тотъ смотрѣлъ на Риту, которая словно почувствовала его взглядъ на себѣ, обернулась и улыбнулась.

— Не разсѣивайтесь, барышня,—замѣтилъ ей Малаховъ серьезно.

Рита вспыхнула и потупилась.

Запѣли снова.

Словно нарочно басы не взяли бемоля на *си*, въ словѣ „животворящій", на слогѣ *тво*.

Малаховъ начиналъ волноваться, но онъ побѣдилъ себя и, остановивъ пѣніе, указалъ на ошибку. Но басы ее повторили.

— Господа, что же это такое? такъ никогда не бывало! — не выдержавъ, воскликнулъ Малаховъ.

— Это господинъ Рощинъ сглазилъ насъ всѣхъ, — вполголоса замѣтила Рита, улыбаясь.

— Тебя, можетъ быть, только сглазилъ, — отвѣтила Ритѣ сестра вѣсовщика.

— Ну да! Это вотъ тебя фельдшеръ сглазилъ давно...

— Барышни, тише! — возвышая голосъ, строго сказалъ Малаховъ.

Онъ заставилъ пѣть однихъ басовъ подъ аккомпаниментъ фисгармоніи.

— Ну-съ, теперь всѣ! Пожалуйста внимательнѣе! — проговорилъ онъ, утирая платкомъ потъ, катившійся у него съ лица.

Хоръ пропѣлъ дружно и стройно.

— Ну вотъ, хорошо! — проговорилъ Малаховъ, облегченно вздыхая.

Теперь онъ былъ не прочь пошутить.

— Авениръ, въ самомъ дѣлѣ, это ты всѣхъ сглазилъ, — прежде никогда этого не случалось.

Малаховъ представилъ хору своего пріятеля. Рощинъ сдѣлалъ общій поклонъ и подошелъ къ Рахили. На комплиментъ ея голосу еврейка молча наклонила голову. Рита уже стояла рядомъ.

— Ахъ, Рахиль, какъ мы сегодня прекрасно прокатились на лодкѣ! Господинъ Рощинъ отлично правитъ! — съ восторгомъ произнесла она.

Рахиль еще не успѣла отвѣтить, какъ Малаховъ пригласилъ всѣхъ снова приступить къ пѣнію.

— У меня голова болитъ что-то, — сказала Рита Рощину: — пойдемте, прогуляемтесь.

— А спѣвка?

— Ну вотъ! я скажу сейчасъ...

Она подошла къ Малахову и объявила ему:

— Я ухожу, Ювеналій Никандровичъ, у меня заболѣла голова...

— Да, я вижу, что она у васъ кружится, — отвѣтилъ Малаховъ, не сдерживая улыбки, и, обратясь къ Рощину, добавилъ:

— Ты, конечно, пойдешь провожать Риту?

— Да, да! Мадемуазель Гретхенъ нездоровится...

Сестра вѣсовщика шепнула стоящей съ ней рядомъ рябоватой дѣвушкѣ, дочери семафорщика:

— Фу, какая безстыдная эта нѣмка! Такъ прямо при всѣхъ и уходитъ съ незнакомымъ мужчиной гулять.

— Точно это диво! Она давно потеряла стыдъ,—язвительно отвѣтила подруга, не любившая Риту за ея злой язычокъ.

Пѣніе началось снова.

Рита имѣла намѣреніе дойти съ Рощинымъ до Семеновской мызы, нарвать въ генеральскомъ саду розъ и вернуться домой. Но судьба безжалостно разбила ея планы.

При поворотѣ на шоссе, ее окликнулъ парень, ѣхавшій въ одноколкѣ, и передалъ письмо отъ дяди. Фрейманъ временно жилъ у барона Витберга, дрессируя его собакъ. Дядя въ формѣ приказа писалъ Ритѣ: „Немедля же нисколько поѣзжай въ сельцо Высокое, спроси у сторожа ключъ отъ барскаго дома, найди въ библіотекѣ эти двѣ книги (далѣе слѣдовало названіе двухъ нѣмецкихъ книгъ) и отправь завтра же съ Ильей сюда. Смотри, исполни точно и немедля". Дѣвушка знала, что дядя не любилъ шутить, и потому не посмѣла нарушить его приказаніе.

— Намъ нельзя идти на мызу,—сказала она грустно, обращаясь къ Рощину:—я должна сейчасъ ѣхать въ Высокое, за двадцать верстъ.

— На чемъ же вы поѣдете, на этой одноколкѣ?—спросилъ Рощинъ.

— Придется на ней.

Рита пожала плечами и сдѣлала гримасу.

— Да ужъ со мной, такъ и Германъ Дольфовичъ приказалъ,—сказалъ парень, услыхавшій вопросъ Рощина.

— Мнѣ надо переодѣться,—сказала Рита, и велѣла Ильѣ подъѣхать къ дому и подождать ее тамъ.

Дѣвушка была крайне недовольна приказаніемъ дяди и, не удержавшись, промолвила вслухъ:

— Зачѣмъ понадобились эти книги барону? Удивляюсь... Противный уродъ!

Прогулка разстроилась. Возвращаться въ школу Рощину не захотѣлось. Онъ пошелъ домой. Наталью Павловну онъ засталъ на балконѣ.

— Что же, понравилось вамъ пѣніе?—спросила она, откладывая въ сторону газету.

— Есть голоса недурные, а у еврейки положительно дивный голосъ. Но у мадемуазель Гретхенъ разболѣлась голова, и мы пошли прогуляться. Къ сожалѣнію, дорогой она получила письмо отъ дяди и сейчасъ уѣзжаетъ въ Высокое.

— А правда вѣдь, Рахиль очень хороша?—спросила Малахова.

— Это красавица въ полномъ смыслѣ слова, но она хочетъ казаться какой-то недоступной.

— Это не Рита,—съ улыбкой промолвила Малахова,—но она не рисуется, она очень серьезная дѣвушка. Не правда ли, вы не скажете, что это дочь сапожника?

— Да,—согласился Рощинъ, садясь противъ Малаховой.— У нея очень интеллигентное лицо, и она держится...

— Какъ настоящая барышня, — докончила Наталья Павловна.—Въ ней проглядываетъ что-то аристократическое. Я всегда любуюсь ею.

— Да-а,—задумчиво протянулъ Рощинъ и добавилъ, пытливо взглядывая на собесѣдницу: — А вы, Наталья Павловна, кажется, не такая демократка, какъ вашъ мужъ? И, вообще, вы многаго не раздѣляете съ нимъ...

— Однако, вы очень увѣренно рѣшаете,—засмѣявшись, промолвила Малахова, и Рощину показалось, что ей была досадна его догадка.

— Простите, если я...

— Тутъ нѣтъ ничего обиднаго ни для меня, ни для Ювеналія,—перебила Малахова.—Убѣжденія у всѣхъ могутъ быть свои, и нельзя же быть мужу и женѣ непремѣнно сколкомъ одного съ другого.

— Не сколкомъ, но... не знаю, помните ли вы любимое выраженіе Мерцалова: мужъ и жена—это двѣ половинки орѣха... Нельзя же, чтобы одна была отъ миндальнаго, а другая—отъ кедроваго. Это остроумно.

— Я не совсѣмъ согласна съ этимъ и не нахожу въ такомъ сравненіи ничего остроумнаго. Натуры разныя иногда сходятся даже лучше и счастье при такихъ условіяхъ прочнѣе. Конечно, разныя — до извѣстной степени. А потомъ сила чувствъ и, конечно, принципы все же общіе...

— Pardon, Наталья Павловна, значитъ, я угадалъ: вы больше изъ чувства къ Ювеналію соглашаетесь на многое?

Она откинулась на спинку стула и промолвила медленно, какъ бы что-то припоминая или обдумывая каждое слово:

— Видите: на литературу и на обязанности писателя я смотрю совершенно одинаково съ мужемъ. Но я люблю столицу, ея шумную жизнь, или, правильнѣе,—любила. Теперь что же: мои года...

— Что же ваши года?..

— Вы хотите, кажется, опять сказать мнѣ комплиментъ,— остановила Малахова:—я не охотница до нихъ. Конечно, я не

старуха, но все-таки же въ мои годы жизнь, полная шума, веселья, уже влечетъ не такъ, какъ раньше,—немножко и я устала. Однако, если бы все зависѣло отъ меня только, я и теперь жила бы въ Петербургѣ. Это правда.

— Значитъ, Ювеналій поступаетъ деспотически,—сказалъ Рощинъ съ улыбкой.

— Нисколько,—серьезно отвѣтила Малахова.—Еслибы я захотѣла, мы теперь жили бы въ Петербургѣ, но я этого не хочу.

— Любя ту жизнь больше?

— Да, любя ту жизнь больше,—повторила Наталья Павловна, подчеркивая слова.—Но вѣдь я же вижу, что та жизнь вредна Ювеналію, какъ писателю. Какъ же я буду настаивать? Онъ и самъ любилъ шумную жизнь. Въ первые годы нашей брачной жизни мы, буквально, „кружились", по его выраженію. Онъ—больше, чѣмъ я. И я видѣла, что онъ, какъ писатель, много теряетъ, что эта жизнь отражается на его талантѣ и здоровьѣ, я мучилась за него. Если хотите знать, я первая намекнула ему о необходимости отдохнуть въ глуши. Но сначала онъ не хотѣлъ этого и слышать; только ужъ крайность заставила его переѣхать въ Рамцы. И вотъ когда эта глушь оказалась для него такой цѣлебной во всѣхъ отношеніяхъ, когда онъ ее полюбилъ,—могу ли я его звать назадъ въ столицу?

— Но вѣдь здѣсь вы страдаете сами?

— Ужъ и страдаете,—зачѣмъ такъ сильно?! У меня немало дѣла, которое мнѣ нравится, которое я даже люблю. Правда, сначала я уставала физически, но теперь привыкла. Я здѣсь окрѣпла. Вѣдь наша жизнь вполнѣ гигіеническая.

— Но васъ вѣдь тянетъ въ Петербургъ, Наталья Павловна?

— Временами—да, очень. Такъ я же и ѣзжу: иногда съ Ювеналіемъ, иногда одна. Каждое лѣто мы путешествуемъ; здѣшняя дешевизна даетъ намъ возможность дѣлать поѣздки. Ныньче намъ пока не удалось, потому что Ювеналій ждетъ сестру съ дѣтьми. Она проживетъ у насъ до августа, а потомъ мы съѣздимъ недѣли на двѣ на югъ. Нѣтъ, вы преувеличиваете, Авениръ Львовичъ, воображая, что я—какая-то мученица.

Малахова улыбнулась.

— О, что̀ вы! Я этого не говорю. Но все же... вотъ я бы, напримѣръ, совершенно не могъ жить, какъ вы,—закончилъ Рощинъ.

— А вамъ это было бы полезно.

— Для здоровья—можетъ быть.

— Не только, а и какъ писателю.

— Не думаю. Мужичокъ не играетъ большой роли въ моихъ произведеніяхъ. Я—пѣвецъ города и, преимущественно, нашей мятущейся и нервной интеллигенціи. И въ стихахъ, и въ прозѣ я говорю о ней. Я и самъ плоть отъ плоти ея и кость отъ кости.

— А ваша повѣсть „Силантій"?

— Чтò же? Менѣе удачная, чѣмъ всѣ остальныя. Критика давно признала, что мнѣ удаются всего болѣе интеллигентные типы, и это вѣрно. Развѣ плохъ мой романъ „Честные безумцы"?

— Да, это лучшая ваша вещь.

— Вотъ видите! И вы правы. Но въ деревнѣ отдохнуть мнѣ было бы недурно. Я согласенъ. Я ужасно усталъ, переутомился. Мозгъ иногда отказывается работать. Просто, боишься за будущее.

— Вы много тратите денегъ, простите меня.

— А какъ же иначе? Семьѣ надо... А затѣмъ...

Малахова посмотрѣла на гостя внимательно и проговорила нерѣшительнымъ тономъ:

— Простите, Авениръ Львовичъ, я хотѣла бы сказать, но боюсь...

— Пожалуйста, Наталья Павловна! Я вѣрю въ ваше дружеское расположеніе ко мнѣ.

— При мужѣ я не хотѣла, а теперь безъ него...

— Говорите, пожалуйста!

— Отчего вы не сойдетесь съ женой? Вѣдь вы уже не юноша. Не все же вамъ такъ... летать отъ розы къ розѣ, простите за откровенность! Наконецъ, дѣти. Эти разломы отзываются на нихъ. Ольга Николаевна васъ любитъ. Вѣдь по душѣ вы—хорошій...

— Но безпутный, какъ говоритъ Ювеналій.

— Да, есть такой грѣхъ. Ну, такъ видите ли: вѣдь чѣмъ дальше, тѣмъ...

Она какъ бы затруднилась подыскиваніемъ подходящей фразы и остановилась.

— Блаженны миротворцы,—сказалъ Рощинъ шутливо.

Но шутка ему не удалась, да и видимо онъ ею хотѣлъ только замаскировать то грустное чувство, которое проснулось въ душѣ.

И онъ продолжалъ уже серьезнымъ тономъ:

— Вы правы, Наталья Павловна. Можетъ быть, и относительно Ольги правы. Мнѣ кажется, что она любитъ меня и все проститъ... но...

— Вамъ неловко примиряться, стыдно?

— Дѣло не въ этомъ! А для чего? Сойдемся, а совладаю ли я съ собой? Чтò, если я не удержусь и опять полечу къ другой

розѣ? Ольгѣ новыя страданія. Эти слезы... я вѣдь ихъ видѣлъ и, думаете, для меня женскія слезы—вода? Нѣтъ, онѣ мнѣ жгли сердце. Наталья Павловна, вы хорошая женщина, и я не стану передъ вами скрываться. Да, Ольга немало выстрадала. Я ее любилъ (и люблю, это не ложь), и заставлялъ ее страдать... Я рабъ своей натуры, но я мучился, болѣлъ... Бывали случаи, что я среди пирушки летѣлъ домой, терзаемый угрызеніями совѣсти. Я старался бороться съ собой—и не могъ. Не забыть мнѣ одного вечера. Съ одной барышней, довольно глупенькой, но очень хорошенькой, я отправился въ театръ. Я просидѣлъ два акта и ничего не слышалъ, не видѣлъ. Передъ глазами у меня стояла Оля, и точно кто клещами сжималъ мнѣ сердце. Нужно было бы уѣхать, но и барышню оставить было трудно. Нельзя же ее было бросить одну! И вотъ, въ слѣдующій антрактъ, я пошелъ въ буфетъ и залпомъ выпилъ нѣсколько рюмокъ коньяку. Ну, конечно, затуманило, закружилось все... Вернулся домой въ пятомъ часу утра, бросился въ кровать и, зарывшись въ подушки, старался заглушить рыданія. Значитъ, такова ужъ натура!

— Мнѣ жалко васъ!—проговорила искренно Наталья Павловна.

— Говорите прямо: жалкій вы человѣкъ, Авениръ Львовичъ. Это правда. Вотъ я говорю съ вами теперь, все сознаю,—явись сейчасъ Оля, я готовъ броситься передъ ней на колѣни и умолять простить и сойтись снова, а тамъ... Э, да что тутъ говорить!

Рощинъ всталъ и зашагалъ по балкону.

Малахова долго на него глядѣла молча, грустными глазами, наконецъ проговорила:

— Чѣмъ же все кончится? Неужели вы никогда не измѣнитесь?

— Должно быть такъ. Конечно, еслибы дожить до старости, тогда... ну, да вѣдь это не случится: раньше околѣю. И хорошо. Я страшно усталъ. А что будетъ дальше, когда станешь разбитой клячей? Вѣдь издатели выбросятъ, какъ выжатый лимонъ. На шею „Литературному фонду" садиться? Благодарю покорно! Да нѣтъ, не доживу, славу Богу. При такой каторгѣ не вытянешь. А-а! Вотъ и нашъ регентъ идетъ!—воскликнулъ Рощинъ, какъ бы обрадовавшись, что появленіе пріятеля положитъ конецъ невольно вызванному тяжелому разговору.

И онъ крикнулъ Малахову:

— Что, усталъ?

— Физически—да.

— А духовно?

— Освѣжился! Эхъ, жалко, что ты ушелъ! Какъ мы славно „Достойную" спѣли! Вотъ гдѣ освѣженіе-то, братъ!

— Счастливецъ! — со вздохомъ произнесъ Рощинъ.

Наталья Павловна поднялась съ кресла.

— Надо скорѣе самоваръ,—промолвила она.—Послѣ спѣвки мужъ всегда пьетъ чай.

VIII.

За чаемъ, который пили на балконѣ, просидѣли болѣе двухъ часовъ. Малаховъ съ увлеченіемъ говорилъ о своемъ хорѣ, радуясь тому, что дѣло укрѣпляется. Онъ не смотрѣлъ на него только съ личной точки зрѣнія. Конечно, оно ему доставляло удовольствіе, но устройство хора было важно главнымъ образомъ для жителей поселка и ближайшихъ деревень. Пѣніе развивало въ молодежи эстетическій вкусъ, задѣвало лучшія струны души, знакомило ихъ съ церковной музыкой, приближало къ церкви. Наконецъ, внося высшіе интересы въ жизнь, хоровое пѣніе освѣжало, облагораживало, отвлекало молодежь отъ всего дурного. Разумѣется, нельзя все сдѣлать сразу, да вѣдь сразу ничего и не дѣлается, постепенно—лучше, прочнѣе. Уже примѣръ дѣйствуетъ: слышно, что въ селѣ Бабкинѣ молодой торговецъ, кончившій городское училище, также устраиваетъ хоръ.

— Да,—произнесъ убѣжденно Малаховъ,—пора понять, что церковное пѣніе—могучая сила въ дѣлѣ просвѣщенія народа, и возставать противъ него могутъ только люди ничего не понимающіе. Кто обладаетъ хоть сколько-нибудь музыкальнымъ чутьемъ, тотъ не станетъ отрицать красоту церковныхъ напѣвовъ. Ты вѣдь любишь музыку, Авениръ?

— Очень! Я хотѣлъ-было просить Наталью Павловну...

— Я сыграю съ удовольствіемъ вамъ завтра,—промолвила Малахова.—Мнѣ надо посѣтить одну больную старушку, и я сейчасъ ухожу, а вернусь, вѣроятно, нескоро.

Она отдала приказаніе Катѣ и пошла одѣваться.

— Да, я знаю, что ты любишь музыку,—продолжалъ Малаховъ,—но не духовную...

— Напрасно ты такъ думаешь; я люблю церковное пѣніе.

— Мало любить,—перебилъ Малаховъ,—надо окунуться въ этотъ міръ несравненныхъ звуковъ, полныхъ строгаго величія, и тогда ты будешь любить эту дивную музыку. Нашъ народъ— музыкальный народъ. Я въ этомъ на ребятахъ убѣдился. И народъ любитъ церковную музыку... но у насъ не развиваютъ, а заглушаютъ эту любовь. Вѣдь пѣніе—одинъ изъ самыхъ необходимыхъ камней въ зданіи просвѣщенія.

— А народный театръ? Развѣ это не воспитательное средство?

— Но вѣдь въ представленіяхъ могутъ участвовать очень немногіе, большинство будетъ смотрѣть только,—а этого мало. Важно активное участіе,—это сильнѣе захватываетъ человѣка. Театръ театромъ—онъ нуженъ... но и пѣніе важно.

— А развѣ пѣть могутъ всѣ?

— Почти всѣ. Тѣмъ и хорошо хоровое пѣніе. Въ хорѣ можетъ всякій пѣть, у кого есть только какой-нибудь голосъ, хотя самыя посредственныя музыкальныя способности. Онъ за другими пойдетъ и надо добиться общаго пѣнія, всей церковью, помимо хора. О. Михаилъ согласенъ, и мы добьемся. Пусть какъ можно больше людей будутъ введены въ музыкальныя сферы. Вѣдь мы собираемся для пѣнія и свѣтскихъ пѣсенъ... Я—врагъ всего узкаго и однобокаго! Однако пойдемъ въ садъ, пока еще не сыро. Здѣсь скоро опускаются туманы.

— Тебѣ не пора спать?—спросилъ Рощинъ, поднимаясь со стула.

— Посидимъ съ часокъ. Я дождусь жены. Катя сдѣлаетъ тебѣ постель въ моемъ кабинетѣ. Да ты что̀ думаешь: я развѣ не могу иногда и просрочиться? Не заведенные же часы. Когда кто пріѣзжаетъ...

— А къ тебѣ часто пріѣзжаютъ?

— Не скажу. Сначала чаще пріѣзжали, теперь связи поослабли. Знаешь: съ глазъ долой и изъ сердца вонъ. Да и что̀ это за связи, строго говоря? Торчишь въ одной редакціи, вмѣстѣ пьешь, шляешься по ресторанамъ,—ну, и близки. А если не такъ—глядишь, чужіе. Все это фразы объ единеніи, солидарности,—однѣ фразы. Можно съ голода умереть, и никто не поможетъ изъ такихъ единомышленниковъ. Вообрази: у меня есть три друга...

— Въ числѣ ихъ, конечно, я?

— Ну, присутствующихъ исключимъ,—усмѣхнувшись, промолвилъ Малаховъ,—такъ вотъ у меня три друга. Одинъ совсѣмъ красный, я его такъ Робеспьеромъ и зову; другой—лѣсопромышленникъ, простой мужикъ, а башка министерская, какъ говоритъ о. Михаилъ; ну, а третій—еврей. Но это просто друзья, а не партійные соратники. Они бываютъ у меня чаще другихъ. Вотъ покойный Вороновъ заѣзжалъ незадолго передъ смертью...

— Славный былъ человѣкъ,—искренно промолвилъ Рощинъ:—вѣдь вы были близки?

Они спускались по лѣстницѣ, и Рощинъ чуть не поскользнулся на узкой ступенькѣ:

— Ты осторожнѣе,—предупредилъ его Малаховъ:—привыкъ къ столичнымъ широкимъ лѣстницамъ, а у насъ ходъ-то что на каланчу.

Они вышли въ садъ. Деревья стояли не шелохнувшись, точно замерли. Въ кузницѣ еще шла работа, и звуки стучавшихъ молотовъ ясно доносились въ садъ; слышались звонки бубенцовъ и колокольчиковъ, мычаніе коровъ, возвращавшихся съ поля. Гдѣ-то мужской голосъ тянулъ заунывную пѣсню. На крылечкѣ нижней террасы сидѣли двѣ дѣвочки и играли.

— Вотъ сиротки, двоюродныя сестры Риты,—замѣтилъ Малаховъ вскользь только потому, что онѣ попались на глаза, но, очевидно, занятый совсѣмъ другой мыслью.

И онъ перешелъ къ этой мысли, опускаясь на скамью у высокаго тополя.

— Да, когда-то мы были съ Петромъ Семеновичемъ очень близки. Мы не расходились, но послѣднее время Вороновъ держался какъ-то странно, точно таился чего-то. Ты правъ, онъ былъ славный человѣкъ—и вотъ сгорѣлъ до времени. Ему еще не было пятидесяти лѣтъ.

— Жаль мнѣ его,—сказалъ Рощинъ:—работникъ былъ хорошій!

— Да, очень жаль,—согласился Малаховъ,—а по правдѣ сказать, самъ виноватъ. Я его какъ звалъ сюда; потребности у него небольшія, жена на все согласна; взяли бы мы побольше домикъ и зажили бы вмѣстѣ отлично. Такъ нѣтъ, привыкъ къ городу, къ ярму журнальному, прельстился на полтораста рублей какіе-то и запрегся въ кабалу.

— Говорятъ, онъ одинъ весь журналъ наполнялъ,—правда?

— Одинъ, не одинъ, а почти такъ. Онъ все тамъ дѣлалъ: и редактировалъ, и писалъ, и корректуру правилъ, да, кажется, и личную переписку за Палаузова велъ; только-что его гардеробомъ не завѣдывалъ. Укатитъ Палаузовъ въ апрѣлѣ въ имѣніе на Волгу и охотится тамъ до октября, а Вороновъ одинъ отдувается за все. Какъ-то я заѣхалъ къ нему лѣтомъ. Двадцатиградусная жара. Сидитъ онъ въ какомъ-то подвалѣ, окна у самой панели—и пишетъ статью. Кругомъ—корректуры... Зову въ садъ пообѣдать. „Нельзя, говоритъ, работы по горло. Приду въ семь часовъ, жди меня“. Жду. Является въ одиннадцать часовъ ночи, утомленный, желтый, еле дышитъ.—Ѣдемъ, говорю, за городъ. Куда! Опять нельзя; пришелъ на часъ только, а тамъ снова въ типографію. Выпилъ чайку, надымилъ и, кряхтя, поплелся обратно. Да, это былъ вѣрный слуга, только кто же цѣнилъ его?

— Какъ же теперь жена и сынъ?

— Кажется, обѣщали помочь. Кое-что и мы сдѣлали...

— А Палаузовъ?

— Чтò Палаузовъ? Онъ говоритъ: Вороновъ работалъ, я платилъ, мы—квиты. Захотѣлъ ты у купца спрашивать сердца! Тутъ, братъ, все на аршинъ мѣряется.

— И вѣдь не одинъ Вороновъ такъ погибъ, — произнесъ Рощинъ со вздохомъ.—Мало ли ихъ!

Они начали припоминать погибшихъ, которые хотѣли въ храмъ славы попасть, а попали до срока на кладбище. Чтò сгубило ихъ? Каторжная жизнь: нервный трудъ, тяжелыя матеріальныя условія и ко всему этому у многихъ пристрастіе къ разгулу.

— Ужели и меня ждетъ такая участь?—въ раздумьи промолвилъ Рощинъ.

— Спасайся, пока не поздно,—отвѣтилъ Малаховъ.

— Неужели только въ деревнѣ спасеніе, Ювеналій? Вѣдь нельзя же всѣмъ уйти въ деревню, посуди самъ. Просто, надо жить скромнѣе въ Петербургѣ. Вѣдь вотъ Каранцевъ живетъ. Говорятъ, что онъ съ женой и двумя ребятами проживаетъ не больше семидесяти-пяти рублей въ мѣсяцъ.

— Ну, едва ли. Но что это за жизнь? Онъ никуда носа не показываетъ. Пишетъ, пишетъ, а гдѣ же наблюденія? И чтò такое онъ пишетъ? Послѣдняя повѣсть—изъ аристократическаго быта. Да вѣдь онъ и въ переднихъ-то у аристократовъ не бывалъ! Все это по книжкамъ... Вѣдь такъ же нельзя! Его графиня—чистая кухарка. Чтобы наблюдать эту жизнь въ Петербургѣ, надо иначе и жить.

— Ты правъ. Конечно, жить такъ нельзя, какъ Каранцевъ. Да вѣдь и ты живешь не такъ, какъ надо, — промолвилъ Рощинъ.—И у тебя, и у другихъ, у всѣхъ насъ хорошія картинки, но вѣдь это все уголки картинъ, а гдѣ же большая картина? Читаешь современныхъ беллетристовъ: все это этюды, иногда прелестные этюды; ну, а гдѣ же большое полотно? у кого, такъ сказать, всероссійская жизнь, грандіозное изображеніе всего общества? Этого нѣтъ. А отчего? Потому что нѣтъ такого широкаго знанія жизни. Вотъ ты забрался въ деревню, ее и знаешь; другой знаетъ желѣзнодорожный мірокъ... Нѣтъ, нужно такъ, чтобы писатель былъ свой человѣкъ и въ избѣ мужика, и во дворцѣ сановника. Нельзя безъ деревни и мужика, но нельзя и безъ столицы, безъ аристократіи умственной и сословной.

Рощинъ оживился и всталъ со скамейки.

— Все это вѣрно,—спокойно отвѣтилъ Малаховъ,—и для меня не новость. Но вѣдь ни мнѣ, ни тебѣ, ни Каранцеву это недоступно.

— Почему?

— Потому что для этого надо прежде всего такой громадный талантъ, которымъ мы, къ сожалѣнію, не обладаемъ, а затѣмъ нужны и такія условія, чтобы быть вездѣ своимъ человѣкомъ. Для этого надо обладать большими средствами и жить широко, не насилуя ни таланта, ни своихъ физическихъ силъ. Будь у меня необходимыя условія и почувствуй я себя талантомъ, которому такой полетъ подъ силу,—конечно, я не сталъ бы жить только въ деревнѣ, а жилъ бы вездѣ. Вѣдь прежніе писатели, наши колоссы, такъ и дѣлали. Отчего нѣтъ большого полотна? Тутъ много еще причинъ. Прежде писатели выходили по большей части изъ той среды, которая открываетъ доступъ въ верхніе слои, и кромѣ того, что они обладали матеріальными средствами, они всѣ были широко образованы. Они могли путешествовать, много заниматься, а теперешніе—въ большинствѣ разночинцы, учились мало, а доучиваться некогда, потому что обратили литературу въ хлѣбный заработокъ... Тутъ не до образованія, не до работы надъ собой. Дай Богъ, чтобы маленькую-то картину написать какъ слѣдуетъ. Многіе такъ устроились, что и для этого нѣтъ возможности. Вспомни Левитова: зачастую онъ продавалъ даже не очеркъ, а отрывокъ изъ очерка... Некогда было ждать, надо ѣсть... Когда же тутъ писать большую картину? Конечно, хорошо бы дать большое полотно,—ну, а если нѣтъ для этого силъ и подходящихъ условій, то лучше спасать то, что̀ есть, и служить имъ на пользу родинѣ.

— А вотъ Ладовъ. У него большое состояніе. Опять Клишинъ. Тотъ совсѣмъ чуть не милліонеръ. А гдѣ у нихъ большія картины?

— Ну, отъ Ладова ждать нечего. У него талантъ жидокъ для такого громаднаго произведенія, о которомъ ты говоришь. Денегъ однѣхъ мало,—безъ таланта никакія условія не помогутъ. Возьми Дилакторскаго. Онъ въ молодости прошелъ огонь и воду и мѣдныя трубы. Знаетъ онъ и бытъ „нищихъ и бродягъ", такъ же, какъ и образованныхъ классовъ. Теперь онъ по своему положенію бываетъ чуть не въ верхахъ. А большого полотна онъ не дастъ: талантъ малъ, да и безпутничаетъ сильно... А этюды его яркіе, потому что въ нихъ сама жизнь. Клишинъ — дѣло другое, но онъ еще молодъ. Можетъ быть, онъ и дастъ большое полотно, это вопросъ будущаго: только ему надо серьезно заняться собой.

— Говорятъ, онъ кутитъ.

— Ну вотъ! Недолго и весь свой талантъ прокутить. На этомъ скользкомъ пути многіе погибли. Большая ошибка думать, что однимъ талантомъ все можно взять. Нѣтъ! надо много работать, усидчиво работать, постоянно совершенствоваться, учиться, тогда будетъ толкъ. Вся наша бѣда, что мы не умѣемъ беречь свои таланты: мы или ихъ прокучиваемъ, или губимъ, какъ губятъ призовыхъ лошадей. Вѣдь это не только касается писателей, а и художниковъ, и артистовъ. Какіе у насъ чудные голоса гибли, только потому, что ихъ не берегли! У насъ артистъ какъ купеческій сынокъ живетъ: кутитъ, безобразничаетъ... И писатель такъ же. На Западѣ—не то. Тамъ пѣвецъ бережетъ свой голосъ, писатель работаетъ надъ собой,—и выходитъ другой коленкоръ, какъ говорилъ Лейкинъ. Да, братъ, мы еще мало культурны. Впрочемъ, есть и у насъ,—но такихъ мало,—которые не знаютъ обычной лѣни по мѣсяцамъ и работы наспѣхъ. Они серьезно относятся къ своему таланту и держатся девиза—nulla dies sine linea. Нельзя писать—можно подготовлять работу, набрасывать планы... Но не лѣниться, не прожигать жизнь.

— Но я увѣренъ, Ювеналій,—произнесъ убѣжденно Рощинъ,—что долженъ народиться у насъ богатырь-писатель, который и явится, такъ сказать, всестороннимъ, полнымъ отголоскомъ стремленій не одного сословія или прихода, а всей... ну, какъ бы сказать... всей совокупности народныхъ стремленій что-ли... Онъ и выразитъ тогда всю душу народа. И онъ долженъ быть самъ изъ народа... Помнишь, Достоевскій намекалъ на это въ своей рѣчи при гробѣ Некрасова.

— Я самъ хочу вѣрить, что такой великій писатель—выразитель народной мысли и думы—явится... Я вѣрю въ мощь народа... Но не смѣшивай, Авениръ, слова „народъ“ съ „простонародьемъ“. Это ошибка! Такой писатель не можетъ выйти изъ среды простонародной... А скорѣе изъ культурной... даже непремѣнно изъ нея... Но онъ окунется въ *народную жизнь*, въ жизнь массы... Это такъ...

Въ садъ вошла Наталья Павловна. Она приблизилась къ разговаривающимъ пріятелямъ.

— Ну что,—спросилъ ее мужъ:—какъ тамъ?

— Да ничего... ей лучше.

— Посидишь съ нами?

— Нѣтъ, я немного повожусь въ кухнѣ и лягу.

— Въ самомъ дѣлѣ, пора и тебѣ спать,—сказалъ Рощинъ пріятелю,—да и я усталъ съ дороги.

— Ну, что же, пойдемъ, — согласился Малаховъ. — Ты будешь спать на кровати моей работы, на той самой кровати, на которой спалъ великій критикъ Яблонскій, когда ночевалъ у меня.

— Фу ты, какая честь!

Въ кабинетѣ стояла приготовленная кровать, покрытая легкимъ пикейнымъ одѣяломъ.

— Только, предупреждаю,—не матрацъ, а сѣнникъ, — сказалъ Малаховъ.

— Это ничего... А я не упаду?—спросилъ Рощинъ, пробуя крѣпость кровати.

— Не бойся, ручаюсь, какъ мастеръ. Да ужъ если Яблонскаго выдержала, такъ тебѣ чего бояться. А лампадка тебѣ не помѣшаетъ? Можетъ быть, загасить?

— Нѣтъ, зачѣмъ, оставь. Въ дѣтствѣ я любилъ спать съ лампадкой.

Пріятели простились, пожелавъ другъ другу спокойной ночи.

Александръ Кругловъ.

П. І. ШАФАРИКЪ

ОЧЕРКЪ

ИЗЪ ЖИЗНИ РУССКОЙ НАУКИ, ПОЛВѢКА ТОМУ НАЗАДЪ.

„Въ земной семьѣ съ небесъ переселенцы,
Они средь насъ страдальцы и младенцы
Съ божественной отмѣткой на челѣ!“
Кн. Вяземскій.

I.

Въ общемъ ходѣ исторической жизни, полъ-вѣка—крохотный промежутокъ времени. Но въ жизни отдѣльныхъ группъ людей и отдѣльныхъ обществъ это — уже значительная сумма годовъ. Вспомнимъ только, что время, которому посвященъ настоящій очеркъ, и центральную фигуру его, изъ нашихъ современниковъ, изъ дѣятелей русской науки, помнятъ уже весьма немногія единицы.

Хотя еще недавно, но между нами нѣтъ уже академика А. Н. Пыпина, который съ особенно теплымъ чувствомъ любилъ, въ частной бесѣдѣ, воскрешать свое пражское время, т.-е. конецъ пятидесятыхъ годовъ въ Прагѣ, свои отношенія къ мѣстнымъ людямъ, съ В. Ганкою во главѣ. Но еще бодрствуетъ старшій современникъ Пыпина и его однополчанинъ по литературной дѣятельности, М. М. Стасюлевичъ, который и сейчасъ, въ недавнемъ случайномъ письмѣ къ автору настоящихъ строкъ, съ тѣмъ же интересомъ вспоминаетъ свое время въ Прагѣ. „Я у Ганки былъ

въ 1856 или 57 году, и теперь помню, какъ онъ встрѣтилъ меня: въ халатѣ, съ приколотымъ къ нему Станиславомъ или Анной — не помню... Впрочемъ, славный былъ онъ старикъ и интересный человѣкъ".

Но чувства того же уваженія былъ полонъ Стасюлевичъ, когда въ Прагѣ, прочтя замѣтку у Ганки своего стараго учителя, Мих. Куторги, отъ 6-го августа 1834 года, писалъ тому же чешскому дѣятелю на память: „Прошло 23 года, и къ вамъ явился ученикъ Куторги свидѣтельствовать, что и новое поколѣніе воодушевлено тѣмъ же уваженіемъ къ вамъ, которое привлекаетъ въ старую Прагу всякаго русскаго, всякаго, кому—nihil humani alienum".

Остальные, такъ сказать, русскіе сверстники ученика Куторги уже совсѣмъ далече... Конечно, и тамъ, на мѣстѣ, среди земляковъ Ганки и Шафарика, весьма жидкіе ряды: Томекъ, Иречекъ, Главка, Ранкъ, Патера... Но, естественно—бо́льшее число, чѣмъ у насъ, бѣдныхъ образованными людьми. Явились и поколѣнія, здѣсь и тамъ, о которыхъ нельзя еще повторить признанія Стасюлевича, особенно среди чеховъ, которые прямо издѣваются надъ памятью Ганки, конечно,—это извѣстная группа.

Съ молодыми годами дѣятельности Шафарика, съ его безкорыстными планами и надеждами—усвоить себя Россіи — русскій читатель познакомится въ нашей монографіи: „Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія" (1889). Настоящій очеркъ посвященъ закату дѣятельности того же историческаго человѣка въ кругу русскихъ отношеній. Мѣстами, будетъ рѣчь и о Ганкѣ, своеобразномъ соратникѣ Шафарика, для оттѣненія фигуры главнаго дѣйствующаго лица.

II.

Ганка и Шафарикъ, сверстники и однополчане (одинъ— библіотекарь земскаго музея, другой — университета), въ одномъ и томъ же году (1861) изъ пражской юдоли переселившіеся *туда*,—какъ въ своей личной жизни, такъ и въ своей научной дѣятельности, мало имѣли между собою общаго.

Коренастый, съ надеждой на Маѳусаиловъ вѣкъ,—какъ, шутя, выражался иногда въ пріятельскихъ письмахъ болѣзненный, высокій и худой, какъ настоящій словацкій пасторъ въ Венгріи, Шафарикъ о Ганкѣ,—практическій отъ первыхъ дней юности, съ момента появленія въ Прагѣ, въ началѣ прошлаго вѣка, въ жилищѣ бездомнаго учителя Добровскаго промѣнявшій посохъ на

славянскую указку, Ганка былъ человѣкомъ жизни и, обыкновенно, съ удачными экскурсіями въ нее. Въ извѣстной мѣрѣ добродушный и жизнерадостный, Ганка, озирая пройденную свою жизнь, могъ сказать о себѣ: — „младенцемъ“ не былъ. Его младшій современникъ, Рыбичка, хорошо знавшій пражскаго библіотекаря, довольно мѣтко сказалъ о немъ, что онъ умѣлъ прекрасно соединять извѣстную голубиную простоту со всяческою осторожностью змія [1]). Его „телѣга жизни“ катилась болѣе или менѣе плавно, по ровному пути.

Осторожный Ганка въ то же самое время не боялся (а это — цѣлый подвигъ) полиціи, съ нею не считался. Онъ въ своемъ музеѣ былъ предметомъ вниманія всѣхъ русскихъ путешественниковъ — отъ Михаила Бакунина и до императора Николая. Особенно онъ любилъ посѣщенія генераловъ. Мы однажды говорили въ юбилейной статьѣ о Ганкѣ, что не быть въ чешскомъ музеѣ, не быть у Ганки — для русскаго было невозможностью. Всѣхъ онъ принималъ просто, открыто, съ нѣкоторымъ подчеркиваніемъ. Храбро Ганка перенесъ опасные дни мятежа въ Прагѣ, въ іюнѣ 1848 года, устроеннаго рукою Бакунина, былъ въ своемъ музеѣ подъ пулями, но, какъ вѣрный стражъ, не отходилъ отъ него. „Не далеко было, — писалъ онъ черезъ годъ А. С. Норову на своемъ русскомъ языкѣ, — что меня пуля засягла“ [2]). Послѣ капитуляціи музея и Ганки, 12-го іюня, военный патруль пять разъ осматривалъ музей, копалъ въ немъ, пять разъ перекапывалъ дворовый садикъ, погреба, стучали въ стѣны — нѣтъ ли пустоты, и только подъ конецъ нашли — штыкъ. Еще тщательнѣе былъ осмотръ черезъ нѣсколько дней: перебрали всѣ рукописи, бумаги Ганки, а въ городѣ пошли толки, что найденъ цѣлый складъ посуды съ ядомъ: да, въ собраніи минераловъ были куски съ надписью: „арсеникъ“ [3]). Еще храбрѣе съ полиціей былъ Ганка при торжественной встрѣчѣ императора Николая, въ 1852 году, въ воротахъ музея. Но Ганка затѣвалъ и нѣчто бóльшее, болѣе смѣлое — на станціи желѣзной дороги встрѣтить императора рус-

---

[1]) Přední křisitele, I, 114. Гдѣ источникъ не указанъ, тамъ данныя взяты изъ *нашихъ матеріаловъ*, въ оригиналѣ (немногіе) или въ копіи, собранныхъ нами большею частью въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Конечно, копіи, обыкновенно, въ отрывкахъ.

[2]) Чтенія И. Моск. Общ., 1881, I, отт. 10.

[3]) Rittersberg, Kapesní slovníček novinářský..., I, Praha 1850, s. v. „Hanka“. Весьма любопытное изданіе; но, по вмѣшательству цензуры, далѣе перваго тома не выходило.

скимъ гимномъ, для чего собралъ своихъ учениковъ на Гиберискую улицу [1]).

Итакъ, въ стойкости, въ характерѣ Ганкѣ отказать нельзя: онъ смѣло, открыто и неизмѣнно, отъ перваго своего русскаго письма къ Бибикову въ Карлсбадъ еще въ 1821 году, исповѣдывалъ, не боясь нашептываній и доносовъ по пражской полиціи, чувства любви и преданности къ Россіи, любви ко всему русскому. Допущенный, въ 1849 году, въ университетъ, онъ открылъ свой курсъ церковно-славянскимъ языкомъ и грамматикой *великорусскаго* языка [2]). Въ этихъ чувствахъ Ганка воспитывалъ и воспиталъ плеяду учениковъ. Напомнимъ русскимъ читателямъ еще здравствующаго лексикографа Іос. Ранка (род. 1831), автора извѣстныхъ русскихъ словарей, который за порогъ Праги почти не переступалъ.

Ганковская наука — это уже совсѣмъ иное дѣло. О ней мы не будемъ говорить много. Еще въ 1836 году Шафарикъ, въ интимномъ письмѣ къ Погодину, несмотря на всю свою мягкость, откровенно отмѣтилъ, что Ганка блаженъ въ своемъ невѣдѣніи [3]).

Изданія старочешскихъ и церковно-славянскихъ памятниковъ были полны ошибокъ, и потому неудовлетворительны. Теоретическія свѣдѣнія въ области славянскаго языка были путанныя, поверхностныя, хотя авторъ „Карманнаго газетнаго словарчика“ и увѣряетъ, что Ганка зналъ 18 языковъ [4]). Образчикъ его русскаго языка мы имѣли выше. Какъ ни рѣзки до неприличія были отзывы о научной стоимости Ганки со стороны извѣстнаго вѣнскаго ученаго Копитара, а, по смерти, его ученика въ Вѣнѣ, Миклошича, но они подъ собою всегда имѣли фактическую подкладку. Его своеобразныя теоретическія построенія въ области языка головою выдаютъ и тѣ памятники, которыми онъ разсчитывалъ поднять уровень родной литературной старины. Припомнимъ классическое „ze vsia“. Недавно скончавшійся профессоръ М. Гаттала, ученикъ и продолжатель славянскихъ студій Шафарика въ Прагѣ, немало останавливался надъ этимъ выраженіемъ, чтобы спасти глашатая старины; но едва ли многіе пошли на его объясненія. А ужъ совсѣмъ наивенъ былъ пріемъ Ганки для извѣстнаго фальсификата „Жива“ въ „Mater Verborum“, когда-то, лѣтъ

[1]) Письма къ Норову, 7 окт. 1853 г.

[2]) Rittersberg, op. c., 572.

[3]) Письма къ Погодину изъ слав. земель, № 8.

[4]) Можно принять, но по счету à la Бодянскій въ первомъ письмѣ изъ Праги къ Погодину (Письма, стр. 9). Ср. отчаянныя ц.-слав. этимологіи еще въ 1857 г. (*кладязь* вм. *хладязь*) въ письмѣ къ Кеппену 11-го ноября, 22-го янв. 1858.

тридцать назадъ, достаточно объясненнаго нами въ нашихъ „Отчетахъ", въ „Запискахъ Имп. Новоросс. Университета". Позже и на мѣстѣ сняли печать молчанія: таить нельзя было уже больше фабрикатовъ.

Пожалуй, намѣренія были добрыя—ad majorem gloriam; только средства—совсѣмъ примитивныя [1]).

III.

Но совсѣмъ иначе катилась „телѣга жизни" другого пражскаго библіотекаря, Шафарика. Тотчасъ послѣ первыхъ немногихъ лѣтъ молодости и до конца дней она катилась, словно по осенней колоти русской грунтовой дороги — съ кочки на кочку.

Сухой, высокій, съ болѣзненной организаціей, непрактическій человѣкъ, къ которому вполнѣ примѣнимы строки русскаго поэта (кн. Вяземскаго)—„въ земной семьѣ съ небесъ переселенецъ, съ божественной отмѣткой на челѣ", Шафарикъ всю свою жизнь бился изъ-за куска, и, притомъ, самаго черстваго, хлѣба [2]). То оскорбляемый, то унижаемый, вольно или невольно, открыто или въ корректной формѣ (коллекта отъ друзей по переселеніи въ Прагу, но подъ условіемъ писать по-чешски), Шафарикъ въ своей личной жизни былъ мученикъ. Безъ умиленія нельзя читать его поздняго признанія предъ русскимъ другомъ въ мо-

---

[1]) Понять совсѣмъ нельзя, какимъ образомъ профессора пражскаго университета въ 1852 году, послѣ смерти Челаковскаго, могли выставить на каѳедру церковнославянскаго языка кандидатуру Ганки противъ знаменитаго знатока дѣла, Авг. Шлейхера, кандидата министра гр. Л. Туна... (Такъ, по крайней мѣрѣ, какъ новинку дня, сообщалъ изгнанному въ Тироль знаменитому чешскому публицисту К. Гавличку, знакомцу Ганки, его пріятель Краса въ окт. 1852 года (см. ниже). (Quis Lad., Korespondence K. Havlíčka Borovského, Praha, 1903, p. 708). Ср. ниже, сообщеніе Шафарика Погодину, изъ того же времени, о „новыхъ" профессорахъ.

[2]) Извѣстно впечатлѣніе, которое вынесъ Погодинъ при первомъ, въ 1836 г., знакомствѣ съ Шафарикомъ: вдохновенный мужъ временъ апостольскихъ! Извѣстно также, какъ пораженъ былъ Грановскій въ 1837 году величіемъ и бѣдностью Шафарика. Онъ участвовалъ въ коллектѣ Бодянскаго въ пользу Шафарика (Письма къ Погодину, стр. 50). Подъ вліяніемъ Грановскаго, его другъ, московскій гегеліанецъ, Станкевичъ, изъ Берлина заѣхалъ въ Прагу, чтобы познакомиться съ Шафарикомъ. „Вчера,—пишетъ онъ 12-го сентября 1837 г.,—прибыли мы въ Прагу... Дождь... не далъ мнѣ видѣть ничего, кромѣ Шафарика и оперы Меербера... Шафарикъ совсѣмъ не таковъ, какимъ я его себѣ представлялъ. Онъ среднихъ лѣтъ, высокаго роста, имѣетъ довольно (!) умное лицо..., простъ и обходителенъ" (Переписка, 219). Чрезъ два года, почти умирающій, Станкевичъ осенью 1839 г. еще разъ былъ въ Прагѣ и у Шафарика (ib. 304).

ментъ, когда старикъ свою единственную, высоко образованную дочь выдавалъ замужъ: „А моя Божена такая бѣдная дѣвушка“... [1]) Въ этихъ немногихъ словахъ сколько тяжелаго горя!.. Всю жизнь побираться крохами, и отъ чужого стола...

Старые друзья, какъ Палацкій, вполнѣ обезпеченный благодаря богатой женѣ и пріязни высшихъ чиновъ на сеймѣ, бьются всячески предъ правительствомъ—создать сколько-нибудь сносное матеріальное положеніе для Шафарика. Въ началѣ 1846 года Палацкій, въ дополненіе къ предположенію Шафарика, недавно возвратившагося изъ Берлина, куда онъ былъ вызываемъ для организаціи въ Пруссіи занятій по славяновѣдѣнію, объ устройствѣ славянской каѳедры въ Прагѣ, предъ тогдашнимъ намѣстникомъ Чехіи, эрцгерцогомъ Стефаномъ, прямо требовалъ назначить на новую каѳедру Шафарика—„необыкновеннаго человѣка“. „Знаніе,—писалъ Палацкій эрцгерцогу,—есть сила, и для нашей монархіи не можетъ быть безразлично—подымается или падаетъ у нея эта сила, особенно если она на своего сѣвернаго сосѣда, въ рукахъ котораго—гегемонія славянскихъ изученій—моментъ значительный и важный. Министръ Уваровъ уже нѣсколько разъ дѣлалъ блестящія предложенія Шафарику, желая пріобрѣсти его Россіи; а какія предложенія Шафарику изъ Пруссіи, извѣстно и при дворѣ“.

Какъ ни ехидно было указать на сѣвернаго сосѣда,—повидимому, козырь крупный; но и онъ на вѣнское правительство не подѣйствовалъ. Изъ Вѣны указывали одно: 400 гульденовъ, за-

---

[1]) Къ Погодину, отъ 1-го марта 1853 года (Письма, № 109). Дочь выходила замужъ за І. Иречка, тогда некрупнаго чиновника. Жила недолго, оставивъ дочь и сына, Константина, извѣстнаго южно-славянскаго историка, теперь профессора въ вѣнскомъ университетѣ, достойно воскресившаго собою дѣятельность своего безсмертнаго дѣда.—Нашъ Погодинъ, по обычаю, отличился въ своемъ отношеніи тогда къ Шафарику: самъ вызвалъ пражскаго друга на откровенность, чтобы за симъ отмолчаться... Онъ забылъ совѣтъ Шафарика еще отъ 1837 года, что, сидя въ Москвѣ, а не тратясь на заграничные разъѣзды въ погонѣ за наукой, и онъ, Погодинъ, могъ бы сдѣлать что-нибудь крупное (отъ 25-го октября, Письма, № 17). Прибавимъ, что однимъ изъ искреннихъ благодѣтелей Шафарика, но скромныхъ, былъ старый одесситъ, М. Кирьяковъ, рано умершій (27-го окт. 1839 г.). Познакомившись въ Карлсбадѣ, въ августѣ 1838 года, посѣтивъ затѣмъ Шафарика въ Прагѣ, давъ отчетъ о своемъ путешествіи среди южныхъ славянъ, сообщивъ нѣкоторые этнографическіе матеріалы о югѣ Россіи, Кирьяковъ, 13 (25-го) февраля 1839 г., изъ Одессы пишетъ Шафарику: „Не откажите принять прилагаемый вексель и употребить деньги, полученныя по оному, на изданіе трудовъ вашихъ, которые такъ близки къ сердцу насъ, русскихъ“. Узнавъ о смерти „благороднаго“ Кирьякова, Шафарикъ писалъ Погодину: „Слишкомъ рано для литературы, которую онъ любилъ столь преданно и которой столь *споспѣшествовалъ*... Честь его памяти!“ (Переписка, стр. 250).

требованныхъ Шафарикомъ при занятіи славянской каѳедры въ Прагѣ,—сумма чрезмѣрная, невозможная [1]). Иначе относились чины чешскаго сейма къ научнымъ потребностямъ своего исторіографа, Палацкаго [2]). Для Палацкаго все было готово къ услугамъ, и тотчасъ.

Многосемейный, вѣрный своему словацкому происхожденію, Шафарикъ, при воспоминаніи о своей протекшей жизни отъ береговъ нижняго Дуная и до убогой квартирки въ три комнатки на Стефанской улицѣ въ Прагѣ, и при взглядѣ на своихъ дѣтей, падалъ духомъ, былъ близокъ къ отчаянію: семья, семья... Что̀ ждетъ впереди его дѣтей, которыми онъ жилъ? И они повторятъ его, его жизнь?.. И черныя думы тѣмъ реальнѣе выступали предъ нимъ, что и дѣти, какъ онъ, были лютеранскаго исповѣданія, слѣдовательно, безъ правъ на вниманіе, безъ правъ на права, могли быть выключены изъ сколько-нибудь выдающихся должностей на государственной службѣ [3]) и просто изъ службы.

Профессура не состоялась, а скромная должность цензора, прежде всего для жалкаго литературнаго сметья — ничтожныхъ чешскихъ книгъ, была часто источникомъ тяжелыхъ душевныхъ волненій. Приведемъ одинъ примѣръ изъ воспоминаній сына Войтѣха.

Чиновникъ табачной монополіи въ Галиціи, Запъ, напечаталъ въ 1846 году въ Прагѣ по-чешски свои „Прогулки по Галиціи". Авторъ родомъ былъ чехъ. Его служебныя обязанности давали ему возможность познакомиться близко съ жизнью польскихъ помѣщиковъ и крестьянъ. Свои наблюденія онъ и помѣстилъ въ чешской книгѣ, а книгу одобрилъ къ печати Шафарикъ. Когда же книга попала во Львовъ (а Запъ былъ женатъ

---

[1]) Яр. Адамекъ, въ журналѣ „Čèská Revue", 1901, октябрь, II, 129. Ср. Quis Lad., Korespondence K. Havlicka Borovského, Praha, 1903, p. 756.

[2]) Ср. V. Nováček, Fr. Palackého Korrespondence a zápisky, I (изданіе Чешской академіи, Sbirka prumenův, II, 4), напр., подъ тѣмъ же 1846 годомъ. Ср. въ мемуарахъ Томка, въ разныхъ мѣстахъ. Авторъ былъ учителемъ дѣтей Шафарика. Тамъ же о квартирѣ.

[3]) Изъ своихъ младенческихъ лѣтъ старшій сынъ Войтѣхъ припоминалъ, что изъ дома ихъ въ Новомъ Садѣ, съ большимъ дворомъ, былъ виденъ Дунай; помнитъ, къ служанкѣ бѣгали за водой и стирать. Воспоминанія того же Войтѣха о душевномъ настроеніи отца въ 40-хъ годахъ въ Прагѣ — отчасти въ нашей статьѣ: „Miklosich und Safarik", въ юбилейномъ, 25-мъ томѣ „Archiv für slav. Philologie". „Чѣмъ хочешь будь, — говорилъ Шафарикъ сыну, — только не филологомъ, не учителемъ". „Когда я былъ,—припоминалъ однажды въ бесѣдѣ съ нами Войтѣхъ Шафарикъ,—стипендіатомъ въ Берлинѣ и учился химіи, я какъ-то заболѣлъ. Отецъ, узнавъ о моей болѣзни, былъ убѣжденъ, что меня отравили. Такъ потомъ передавали мнѣ мои. Манія преслѣдованія никогда не оставляла моего отца".

на полькѣ), она вызвала цѣлую бурю среди шляхты: оскорбленіе поляковъ, ложь, клевета, а гр. Дунинъ-Барковскій принесъ жалобу въ Вѣну, требуя преданія суду цензора, пропустившаго книгу. Намѣстникъ (бургграфъ) Хотекъ потребовалъ отъ Шафарика объясненія. Тотъ написалъ обширную промеморію. Прошло нѣсколько времени. Шафарикъ какъ-то повстрѣчался съ главнымъ цензоромъ [1]). „Ну, — привѣтствовалъ тотъ Шафарика, — бургграфъ читалъ вашу промеморію и сказалъ, что она сильнѣе самой книги Запа“. Впрочемъ, кляузное дѣло далѣе не пошло [2]).

Быть призваннымъ для великаго дѣла науки, быть вполнѣ вооруженнымъ для этой великой цѣли, а въ дѣйствительности едва прозябать среди оскорбительныхъ условій реальной жизни; для жалкаго гроша на хлѣбъ тратить время на цензированіе цѣлыхъ громадъ жалкихъ литературныхъ шпаргаловъ, плевелъ и сметья [3]), идти по этому „устланному терномъ пути“ затѣмъ только, чтобы, говоря словами самого Шафарика къ старѣйшему русскому другу, П. Кеппену, не умереть съ голоду, „vor dem Hunger geschützt sein“ [4]), — положеніе это становилось для него тѣмъ болѣе ощутительно, чѣмъ ближе подходила немощная старость.

Если еще въ 1843 году Шафарикъ признавался другу юности, Я. Коллару, что онъ уже полуглухой, неспособный къ умственному труду (k duchovním pracem neschopný), то каждая новая серія лѣтъ это состояніе только ухудшала. „Я, — писалъ онъ Кеппену 24-го октября 1847 года, — работаю медленно, все еще въ старомъ положеніи — intra spem et metum“.

Правда, революціонный 1848-й годъ улыбнулся-было Шафа-

---

1) Вѣроятно, Фр. Янко.

2) Среди бумагъ Шафарика въ Чешскомъ музеѣ этой любопытной промеморіи нѣтъ. По словамъ сына Войтѣха, въ началѣ 50-хъ годовъ польскій кляузникъ изъ Галиціи посѣтилъ Прагу. „Вы, чехи, — объяснялъ гр. Дунинъ-Барковскій одному изъ чешскихъ патріотовъ, — погибли, если не забудете вашего проклятаго Гуса“. — И какъ чиновникъ, Шафарикъ былъ честный служака, но съ симпатіями къ обездоленной массѣ, къ народу. Онъ поддерживалъ первые серьезные шаги на полѣ чешской публицистики знаменитаго Гавличка; по возвращеніи его изъ Москвы (Ср. признанія Гавличка въ письмѣ къ невѣстѣ, 25-го ноября 1845 года — Quis, Korespondence, p. 316; „Шафарикъ и Палацкій меня посѣтили на дому, а надо знать, что это большая честь“, ib. 324; вообще, Шафарикъ былъ близокъ къ новоявившемуся мощному и гордому критику и поэту, ib. 335; ср. упрекъ невѣсты, ib. 337). Ср. только-что вышедшіе мемуары Томка о поддержкѣ автора противъ юродствующей духовной цензуры, 217 (ср. ниже объ авторѣ). Лѣтомъ 1846 года Бодянскій проситъ Шафарика усмирить Гавличка, который и москвичей не щадилъ.

3) См. письмо къ Бодянскому въ 1854 году. Письма, изд. Лаврова, стр. 212.

4) Отъ 2-го мая 1847 года.

рику. Шафарикъ (раньше—только „кустосъ") сталъ библiотекаремъ пражскаго университета, ему увеличено содержанiе и дана казенная квартира. Пособiя со стороны, въ поддержку его ученыхъ трудовъ и печатныхъ изданiй, не были уже настоятельны, какъ это было недавно, раньше [1]). Шафарикъ выступилъ даже на политическое поприще, произнеся свою смѣлую рѣчь на славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ. Но улыбка жизни была мимолетнымъ явленiемъ. Наступившая вслѣдъ за революцiей реакцiя могла только заставить Шафарика сожалѣть объ откровенности въ произнесенной рѣчи, и, уже прежде замкнутый, сторонившiйся отъ текущей жизни, теперь онъ сталъ еще болѣе душевно-одинокимъ. „Я,—признавался онъ Погодину,—стою одинокiй и изолированный". Раньше, въ ноябрѣ 1850 г., онъ писалъ ему: „ученыя и литературныя работы должны спать и ожидать лучшихъ временъ" [2]).

Наконецъ, измѣнившiяся внѣшнiя условiя въ жизни Шафарика, подъ старость его лѣтъ, оказались, съ извѣстной стороны, совсѣмъ не въ пользу его. „Гнилой воздухъ университетскаго зданiя и стараго города,—пишетъ онъ Погодину,—это—мой смертельный врагъ" (отъ 27-го февраля 1854 г.). Если еще въ началѣ 70-хъ годовъ нельзя было равнодушно проходить между Прикопами и Думскою площадью—зловонiе одуряло,—то за двадцать лѣтъ раньше условiя были еще хуже. Университетское зданiе, съ

---

[1]) Припомнимъ любезное вниманiе нашей Академiи Наукъ. 17-го (29-го) сентября 1842 года она писала Шафарику: „Die Classe der K. Akademie der Wissenschaften für russische Sprache und Literatur hat mir auf Befehl S. Exc. des Herrn Ministers des off. Unterrichts 500 R. S. zugestellt, mit dem Auftrage diese Summe Ew. Hochwohlg. als Beitrag der Akademie *zur Herausgabe Ihrer Karte* der Verbreitnng der Slaven in Europe zu übersenden.—Indem ich mich dieses Auftrags durch Einschluss eines Wechsels von sieben hundert neun und zwanzig Gulden und sechs und zwanzig Kreuzer Conv. Mze aüf die Herren J. M. Müller et C. in Wien entledige, habe ich die Ehre... Fuss. № 1221. Иницiатива—Бодянскiй—Погодина. Ср. Барсуковъ, Погодинъ, XII, 375.

[2]) Въ письмѣ къ Погодину, № 105. Для характеристики политическихъ воззрѣнiй Шафарика не лишены интереса слѣдующiя воспоминанiя сына Войтѣха въ бесѣдѣ однажды съ нами объ отцѣ: „Я,— говорилъ старикъ,—не сомнѣваюсь, что мы, чехи, еще долго и долго будемъ держаться противъ германизацiи; но весь вопросъ—каково намъ придется жить? Несчастiе наше, что Прага—между Берлиномъ и Вѣной. Современная жизнь чеховъ, дѣйствительно, болѣе чѣмъ трудная. Впрочемъ, болѣе ограниченные среди чеховъ находятъ утѣшенiе, что славяне выше другихъ, что они всегда „руководились болѣе чувствомъ и совѣстью, чѣмъ разсудкомъ и авторитетомъ", какъ выразился ихъ добродушный писатель, Мелихаръ, въ своей „Къ исторiи нашего пробужденiя" (III, 128, Таборъ, 1889). Но проще: славяне—этнографическiй матерiалъ.

лѣвой стороны, выходило въ темный, грязный проулокъ, а тутъ и была казенная квартира Шафарика. Самъ старикъ признается своимъ друзьямъ, что за работой онъ и не выходитъ на воздухъ. Къ довершенію испытаній, темная дыра, т.-е. казенная квартира Шафарика, сдѣлалась сейчасъ же предметомъ алчности профессоровъ. Скверна была она,—стѣны жилища темнаго духа, по его выраженію,—но все же освобождала отъ многихъ заботъ: „этотъ ударъ,—признается онъ Погодину,—былъ бы для меня жестокъ" (отъ 8-го сент. 1850 года, № 104).

IV.

Итакъ, и въ послѣднее десятилѣтіе жизни Шафарика, десятилѣтіе старости († 1861), мы видимъ ту же картину: неуютную душевную жизнь, тѣ же тревоги, волненія, какъ и раньше. Чувство одиночества, безспорно, тяготило его. Онъ готовъ былъ думать, что и старые друзья, т.-е. русскіе, забываютъ его. Иначе было съ Ганкою: онъ былъ засыпаемъ русскими письмами, но, обыкновенно, безъ содержанія. Дѣйствительно, отъ нѣкоторыхъ изъ друзей, напр. Кеппена, цѣлые годы ни звука. Зато, насколько почувствовалъ себя обрадованнымъ Шафарикъ, когда въ іюлѣ или августѣ 1852 года, т.-е. спустя пять лѣтъ послѣ послѣдняго письма, онъ получилъ отъ Кеппена новое письмо. Съ этимъ письмомъ ранній старикъ пережилъ цѣлый рой воспоминаній изъ старины, рядъ минутъ, которыя оживили его падающій духъ.

„Высокочтимый дорогой другъ,—писалъ Кеппенъ изъ Петербурга 4-го (16-го) мая 1852 года.—Послѣ многихъ лѣтъ я вынужденъ снова привести себя вамъ на память. Это обусловливается посылкой вамъ моей, теперь наконецъ оконченной, этнографической карты Европейской Россіи. Пусть она, время отъ времени, напоминаетъ вамъ о нашихъ многолѣтнихъ дружескихъ отношеніяхъ и говоритъ о томъ, что время и пространство не могли потрясти моего почитанія васъ (nicht rüttern durften)". Далѣе Кеппенъ сообщаетъ, что по совѣту врачей онъ оставляетъ Петербургъ, гдѣ жизнь его въ опасности, сдѣлаетъ экскурсію въ Подолію и Бессарабію, а на зиму—на свою дачу на южномъ берегу Крыма, Карабагъ. „Какъ радъ былъ бы я,—продолжаетъ Кеппенъ,—получить тамъ, по старому обычаю, обстоятельное письмо отъ васъ. Скажите мнѣ, гдѣ и какъ вы живете, какъ велика ваша семья и съ кѣмъ вы чаще и охотнѣе всего общае-

тесь. Я услышалъ бы также охотно что-либо о вашихъ нынѣшнихъ работахъ".

На конвертѣ петербургскаго письма Кеппена рукою Шафарика отмѣчено: „NB. Я писалъ 22-го августа 1852 г. Надо писать другой разъ и послать образцы азбукъ". Августовское письмо предъ нами на лицо; что же касается предполагавшагося второго письма, то, кажется, оно не вышло далѣе предположенія, такъ что то письмо—финальное въ перепискѣ двухъ друзей на пространствѣ почти трехъ десятилѣтій. Въ бумагахъ Шафарика сохранилось еще письмо Кеппена, изъ Петербурга, отъ 12-го (24-го) января 1858 года. Но Шафарикъ уже не отвѣчалъ. Что же касается упоминанія объ азбукахъ, то еще съ конца сороковыхъ годовъ, до революціи, Шафарикъ былъ занятъ изготовкой новаго, „изящнаго" церковно-славянскаго шрифта, какъ кирилловскаго, такъ и глагольскаго [1]).

„Многоуважаемый другъ,—отвѣчалъ Шафарикъ 22-го (10-го) августа,—ваше драгоцѣнное письмо отъ 4-го (14-го) мая текущаго года, вмѣстѣ со всѣми приложеніями, именно, большой этнографической картой и напечатанными объясненіями, я исправно получилъ, нѣсколько времени назадъ, обыкновеннымъ путемъ, чрезъ академическаго коммиссіонера въ Лейпцигѣ, Л. Фосса. Примите же мою искреннюю сердечную благодарность за все, но болѣе всего за ваше, для меня безконечно дорогое, письмо, исполненное неоцѣнимыхъ живыхъ дружескихъ чувствъ.

„Я не могу достаточно изобразить предъ вами тѣхъ грустно-дружескихъ чувствъ, которыя пробудило ваше письмо во мнѣ и пробуждаетъ каждый разъ, когда я взгляну на него и читаю. Я думаю тогда о тѣхъ немногихъ часахъ, въ которые мы свидѣлись и лично сблизились, о томъ громадномъ протяженіи времени, которое лежитъ между, о тѣхъ чудовищныхъ разстояніяхъ, которыя съ тѣхъ поръ насъ раздѣлили и раздѣляютъ. Да, все это способно настроить мой духъ идиллически". Трудъ Кеппена корреспондентъ ставитъ высоко. „Я,—продолжаетъ Шафарикъ,—поздравляю васъ съ окончаніемъ вашего громаднаго и нелегкаго труда—этнографической карты. Насколько я знаю,—а извѣстны мнѣ, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія работы этого рода,—ни одна страна не можетъ похвалиться столь основательной работой, обязанной такимъ спеціальнымъ изслѣдованіямъ и изученіямъ. У васъ, при громадномъ протяженіи и при большомъ количествѣ народностей, трудности были несравненно бо́льшія, чѣмъ гдѣ-

[1]) Ср. письмо его къ Бодянскому отъ 27-го декабря 1847 года, Письма, № 64.

либо. Кто, тридцать или двадцать лѣтъ тому назадъ, могъ сколько-нибудь предчувствовать, что мы въ изобразительной этнографіи (in der darstellenden Ethnographie) пойдемъ такъ далеко!"

Переходя къ своей дѣйствительности, къ своему „нынѣшнему положенію и семьѣ", Шафарикъ указываетъ, что, „благодаря милости августѣйшаго монарха", онъ съ іюня 1848 года библіотекарь въ Клементинѣ, а въ непосредственной близости съ библіотекой пользуется „въ высшей степени удобной (!) казенной квартирой", при содержаніи, которое, „при столь ограниченныхъ потребностяхъ и желаніяхъ, какъ наши", было бы вполнѣ достаточно, еслибы не дороговизна [1]). Далѣе идетъ обстоятельный отчетъ о дѣтяхъ: „въ общемъ мы всѣ пользуемся лучшимъ здоровьемъ, чѣмъ въ прежніе годы".

„Правда, я часто страдаю болѣзнями находящей старости, хронически-нервными болѣзнями, но тѣмъ не менѣе я продолжаю работать съ неослабною энергіей (mit ungeschwächter Rührigkeit). Многоразличныя причины виною того, что я, послѣ столькихъ приготовительныхъ работъ, послѣ такой борьбы и усилій, былъ и остался столь мало плодовитъ. Въ болѣе ранніе годы я долженъ былъ принять на себя работы, которыя похищали время, а мало вознаграждали [2]). 1848-й годъ принесъ мнѣ также новыя работы и споры. Я былъ много разъ членомъ и руководителемъ ученыхъ коммиссій въ Вѣнѣ и здѣсь въ Прагѣ. Въ 1849 году мы сочинили словарь юридическо-политической терминологіи для австрійскихъ славянъ. Въ 1851—52 годахъ работали мы надъ нѣмецко-чешской научной терминологіей для чешскихъ гимназій и высшихъ реальныхъ училищъ: въ рукописи она готова и выйдетъ въ концѣ этого года". Теперь авторъ переходитъ къ своимъ настоящимъ занятіямъ.

„Несмотря на ежедневное, по должности, пятичасовое сидѣніе въ библіотекѣ, я отнюдь не оставляю безъ вниманія моихъ излюбленныхъ и дорогихъ slavica (meine erkorenen und erkiesenen Slavica). Я приготовляю особенный трудъ, состоящій изъ введенія въ общеславянское изученіе языка (in das gesammtsslavische Sprachstudium)—нѣкоторый родъ теоріи этимологизированія—и сравнительнаго словаря по корнямъ (Stammwörterbuch). Между прочимъ, я, кромѣ статеекъ въ журналъ Музея, издалъ

[1]) Авторъ письма, очевидно, былъ увѣренъ, что оно пройдетъ чрезъ мѣстный черный кабинетъ, почему и употребляетъ извѣстныя выраженія и прямо скрываетъ истину, называя свою темную дыру въ смрадномъ проулкѣ „äusserst bequem".

[2]) Конечно, имѣются въ виду работы по цензурѣ, да и по редакціи „Журнала Чешскаго Музея", до половины 40-хъ годовъ.

въ 1851 г. пробный выпускъ въ 13 листовъ большого формата, но только 125 экземпляровъ, подъ заглавіемъ: „Památky dřevního písemnictvé Jigoslovanův“... (слѣдуетъ перечень содержанія). Я могъ недавно послать въ Петербургъ пока два экземпляра; бо́льшее же число держу въ готовности для будущаго. Сейчасъ я приготовляю къ печати глагольскую христоматію: новый шрифтъ уже готовъ, и печатаніе начнется около новаго 1853 года. Но объ этомъ и тому подобномъ послѣдуетъ въ ближайшемъ времени отдѣльное письмо, съ коротенькими образцами“.

Сообщивъ о смерти Юнгмана, Коллара и Челаковскаго, что для славянской науки особенно дѣятеленъ теперь Миклошичъ въ Вѣнѣ [1]), а Ганка прилежно печатаетъ дальше, теперь—Остромирово Евангеліе, Шафарикъ свое обстоятельное письмо заключаетъ грустнымъ аккордомъ—скромной укоризною по адресу своихъ русскихъ друзей, что изъ Россіи пишутъ ему рѣдко и мало, что и другія отношенія того же рода вялы, безжизненны: „редакція посылаетъ мнѣ „Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія“, академія наукъ—свои „Bullet.“, равно какъ и „Извѣстія“ [2])—чрезъ г. Срезневскаго; но это и все“.

Дѣйствительно, русскія отношенія едва-едва уже теплились. Видимо, старикъ Шафарикъ приглашалъ своего корреспондента еще изъ Новаго Сада (Neusatz), отъ 1825 года, не забывать его, писать по-старому; старуха Шафарикова всегда, до послѣднихъ дней († въ 70-хъ годахъ), хорошо помнила Кеппена, называя его „настоящимъ русскимъ“, какъ бѣлокураго. Но Кеппенъ, полжизни проведшій въ почтовой телѣжкѣ, занимаясь то тѣмъ, то другимъ, менѣе всего могъ быть способнымъ выйти теперь навстрѣчу желанному оживленію русскихъ отношеній Шафарика: было отмѣчено, что послѣдующее, и послѣднее, письмо отъ Кеппена относится къ 1858 году, т.-е. имѣло мѣсто черезъ шесть лѣтъ.

Но у Кеппена былъ другъ и также академикъ, но съ интересами сосредоточенными, лично не знавшій пражскаго библіотекаря, но цѣнившій его давно, изрѣдка и письмами сносившійся съ нимъ. Этотъ другъ и рѣшился на попытку серьезно оживить русскія отношенія Шафарика, именно тогда, когда послѣдній такъ сѣтовалъ на свое забвеніе со стороны русскихъ. Но чтобы

---

[1]) О тепломъ, радушномъ отношеніи старѣющаго знаменитаго слависта къ подымающейся звѣздѣ славянской науки, Миклошичу въ Вѣнѣ, см. нашъ небольшой очеркъ въ юбилейномъ, 25-мъ, томѣ „Archiv für slavische Philologie“.

[2]) Т.-е. „Извѣстія 2-го Отдѣленія“, тогда, въ 1853 году, начавшія издаваться. Ср. ниже.

не дать повода къ недоразумѣнію, мы должны оговориться и объяснить, чего, какихъ русскихъ отношеній искалъ Шафарикъ?

Въ декабрѣ 1860 года Ганка, извѣщая Погодина о несчастной, въ минуту нервнаго разстройства, попыткѣ Шафарика на днѣ Волтавы (Молдавы) найти смерть, замѣчаетъ: „онъ—неслыханный трусъ; вы не повѣрите, какъ онъ *боялся* вашихъ писемъ“ (№ 25). Изъ контекста письма Ганки можно, пожалуй, вывести заключеніе, что Погодинскія писанія и были поводомъ къ попыткѣ на самоубійство. Но они прекратились въ 1858 году. Клепалъ ли Ганка? Нѣтъ, но онъ не понималъ Шафарика, ибо не могъ.

Мы видѣли, крайняя осторожность всегда сопутствовала Шафарику; въ вопросахъ политики эта осторожность шла до того, что въ стилистизаціи писемъ въ Россію онъ позволялъ себѣ уклоняться въ сторону отъ истины, чтобы только не дать повода къ какимъ-либо запросамъ, при перлюстраціи. Какъ примѣръ этого, мы видѣли на письмѣ къ Кеппену [1]). Эпоха, о которой идетъ рѣчь,—разгаръ реакціи, или, говоря языкомъ кн. Одоевскаго, эпоха „свинцоваго десятилѣтія“, когда люди изъ лагеря патріотовъ въ Чехіи гибли одинъ за другимъ. Вспомнимъ арестъ и ссылку въ Тироль великаго поэта-публициста Гавличка. Самъ могущественный Палацкій, недавно кандидатъ въ министры, имѣлъ крупныя непріятности по Чешскому музею съ полиціей. И вотъ, въ эту трудную эпоху, Шафарикъ получаетъ отъ Погодина письмо, гдѣ одна политика: Севастополь, надежды, получаетъ книги въ родѣ встрѣчи Кокоревымъ черноморцевъ въ Москвѣ (конечно, онѣ такъ и остались неразрѣзанными; мы ихъ перебрали въ музеѣ). Шафарикъ прямо заявлялъ въ своихъ письмахъ къ Погодину, что онъ не знаетъ политики; она—безъ пользы, а надо работать, заниматься наукой. Исключеніе—моментъ 1848 года, когда, въ пражскую революцію, онъ къ членамъ славянскаго съѣзда произносилъ съ энтузіазмомъ рѣчь. Ясно, что московскій ученый изъ своего Дѣвичьяго-Поля не различалъ Праги отъ Разгуляя, а потому, естественно, не одинъ разъ былъ виновникомъ непріятныхъ минутъ въ жизни Шафарика. Закаленный въ бояхъ Ганка съ своей точки зрѣнія былъ правъ, поклепа не дѣлалъ. Погодинъ не только Шафариковской, но вообще науки предложить Шафарику былъ не въ состояніи: онъ былъ начетчикъ въ

[1]) Еще въ 1831 году, на полѣ одной рукописи Шафарикъ замѣтилъ: „sed Шаффарикъ cauponatur veritatem, nunc timens С. С. (!), mox timiturus Н. П.“ (Николая Павловича?). См. бумаги въ Чешскомъ музеѣ, купленныя послѣ Шафарика отъ земства.

наукѣ и себѣ-на-умѣ. Другой москвичъ, нѣкогда ученикъ, былъ тяжелъ для Шафарика въ письмахъ своимъ семинарскимъ самомнѣніемъ, нѣкоторою отсталостью отъ движенія европейской науки, которою Шафарикъ всецѣло жилъ, наконецъ самымъ языкомъ своимъ [1]). Мы разумѣемъ Бодянскаго, въ другихъ отношеніяхъ заслуженнаго дѣятеля русскаго просвѣщенія.

Итакъ, Шафарикъ чувствовалъ и объявлялъ себя забытымъ потому, что не могъ получить того, за чѣмъ протягивалась его рука... Ему, вмѣсто науки, преподносилась политика. Зато, какъ искалъ онъ образованнаго В. И. Григоровича, даровитаго слависта изъ Казани; но тотъ былъ, благодаря своей изломанной натурѣ, неискрененъ, вѣчно на ходуляхъ, трудно уловимъ, слѣдовательно,—опять праздное исканіе. Что касается Срезневскаго, то онъ неуклонно держался Ганки, сначала какъ заискивающій ученикъ, позже—что-то вродѣ покровителя; Шафарика же не совсѣмъ долюбливалъ.

Издавъ, въ 1837 году, первый отдѣлъ своихъ классическихъ „Славянскихъ Древностей“ и, согласно обѣщанію предъ друзьями, на чешскомъ языкѣ, съ разрѣшеніемъ вопросовъ: кто и, отчасти, что̀ мы, славяне, съ какого времени въ Европѣ, т.-е. внѣшнихъ вопросовъ изъ нашего давно-минувшаго,—авторъ тогда же напечаталъ и проспектъ второго отдѣла или тома—о внутренней или духовно-бытовой исторіи славянъ [2]). Но извѣстныя намъ тяжелыя условія пражской жизни (матеріальная необезпеченность, заваленность работой) вынуждали откладывать выполненіе обѣщаннаго, не говоря уже о томъ, что первый отдѣлъ (томъ) вышелъ изъ печати такъ быстро потому, что вчернѣ онъ былъ готовъ еще въ Новомъ-Садѣ, а для бытовой исторіи, напримѣръ для миѳологіи, юридическаго быта и пр., необходимо было и собирать, и провѣрять матеріалъ. Труды Гримма были на лицо. Они должны были быть масштабомъ.

Но, отстраняя, по неволѣ, себя отъ выполненія цѣликомъ обѣщаннаго труда, авторъ „Древностей“ не могъ оберечь себя отъ запросовъ со стороны, отъ лицъ, неравнодушныхъ къ заявленному обѣщанію, и это было тѣмъ болѣе естественно, что Шафарикъ серіей разновременно появлявшихся въ концѣ 30-хъ и въ теченіе 40-хъ годовъ статей въ журналѣ Чешскаго Музея

[1]) Ср. письмо къ Погодину 2-го марта 1845 года, въ изв. изданіи.

[2]) Послѣ первой части Шафарикъ предполагалъ издать еще двѣ части: 1) бытъ и 2) языкъ и письмо. Для краткости обѣ неизданныя части мы обозначаемъ этимъ именемъ *второй* части.

и въ трудахъ Королевскаго Общества Наукъ, и прямо относящихся къ предположенному отдѣлу „Древностей", поддерживалъ это общее приподнятое чувство. А главное, онъ—признанный авторитетъ науки въ предѣлахъ всего образованнаго міра.

Правда, другой библіотекарь, Ганка, не только былъ готовъ, но уже и выступалъ давно, исподоволь, чтобы раздѣлить съ собою имя Шафарика.

Еще 13-го февраля 1831 года Сперанскій, близко познакомившись съ Ганкой въ Прагѣ лѣтомъ 1830 года, писалъ ему изъ Петербурга: „Государь императоръ, принявъ съ благоволеніемъ поднесенную отъ вашего имени грамматику богемскаго языка и доставленные прежде отъ васъ списки древнихъ славянскихъ законовъ, кои могутъ служить матеріалами для составляемой здѣсь „Исторіи древняго россійскаго законодательства", во изъявленіе высочайшаго его благоволенія къ *отличнымъ трудамъ вашимъ по части славянскихъ древностей* и письмянъ, всемилостивѣйше пожаловать васъ соизволилъ кавалеромъ ордена св. Владиміра 4-й степени"... Конечно, это признаніе было дѣломъ рукъ Сперанскаго [1]).

Подъ вліяніемъ того же чарующаго впечатлѣнія отъ Ганки, его „авторитета" и „по части славянскихъ древностей", и „древнихъ славянскихъ законовъ", Сперанскій, отправляя обѣ экспедиціи семинаристовъ въ Берлинъ, въ 1831 и 1833 годахъ, „обучаться юриспруденціи", препоручалъ ихъ вниманію Прагу, а въ Прагѣ—Ганку. Эпигоны Сперанскаго пошли еще дальше, какъ глашатаи его славы.

Племянникъ Сперанскаго, Алексѣй Андреевичъ Благовѣщенскій, благодаря Ганку, 6 іюля 1832 года, изъ пражской больницы, за его о немъ заботы, 6 сентября того же года пишетъ ему изъ Теплица: „Въ сообщеніи всего достопримѣчательнаго въ области чехской литературы или въ литературѣ другихъ славянскихъ поколѣній, я питаю сладкую надежду на васъ, какъ на такого мужа, который *обладаетъ всеобщимъ и непосредственнымъ познаніемъ всѣхъ явленій въ мірѣ славянскаго просвѣщенія;* прошу покорнѣйше токмо, при сообщеніи извѣстій мнѣ, обращать особенное вниманіе на *исторію, юриспруденцію*, богословію, философію, словесность—

[1]) Послѣ перваго знакомства съ Ганкой въ Прагѣ, лѣтомъ 1830 года, Сперанскій изъ Маріенбада, 17-го августа 1830 года, пишетъ ему: „...примите искреннюю мою благодарность за всѣ знаки доброй вашей пріязни, оказанной мнѣ въ бытность мою въ Прагѣ. *Никогда я ихъ не забуду*". Это письмо сопровождалъ листикъ съ книжными desiderata Сперанскаго, для его кабинетныхъ работъ, главнымъ образомъ юридическаго содержанія: Ганка какъ бы знатокъ въ области законовъ.

поэзію и прозу—и на языкоученіе въ филологическомъ и историко-философскомъ отношеніи". Онъ обѣщаетъ доставить Сперанскому книги отъ Ганки: первое изданіе этимологикона Добровскаго и „драгоцѣнное твореніе — „Исторія Чехіи" — ничего не потерпитъ въ переплетѣ" [1]).

Въ томъ же очарованномъ духѣ относился къ Ганкѣ и второй питомецъ Сперанскаго, Василій Знаменскій. Послѣ экскурсіи къ Ганкѣ, онъ пишетъ ему изъ Берлина, 25/13 августа 1832 года: „Мы ожидаемъ со дня на день прибытія сюда М. М. Сперанскаго, на пути его изъ Карсбада въ С.-Петербургъ... Если мы должны будемъ, по волѣ начальства, возвратиться въ С.-Петербургъ, въ такомъ случаѣ надѣюсь, что вы позволите мнѣ возобновить корреспонденцію съ вами, особенно по тому предмету, котораго вы касались при личномъ моемъ свиданіи съ вами, для меня незабвенномъ"—надо полагать—по древнимъ славянскимъ законамъ.

Извѣстный позже московскій романистъ, Н. И. Крыловъ, не отставалъ отъ товарищей. Въ письмѣ изъ Франценсбада (у автора уже „Францовы вари", почти по-чешски) отъ 14 іюля 1834 года, Крыловъ извиняется въ молчаніи—болѣзнь: „Теперь я наслаждаюсь здоровьемъ; богемскія воды, какъ родныя, очищаютъ славянскую кровь, заросившуюся отъ сухого нѣмецкаго воздуха и гнилыхъ припасовъ,... могу начать съ вами письменную бесѣду",— и открываетъ предлинную бесѣду, согласно обѣщанію, „съ любителемъ славянской литературы" о состояніи ея въ Россіи. Но Крыловъ извиняется: „Три года уже прошло, какъ я не дышу отечественнымъ воздухомъ; окруженный нѣмцами, я и вижу, и слышу, и читаю, и мечтаю — все чужое, нѣмецкое. Посему я не могу вамъ дать вѣрнаго и полнаго отчета... Даже самый предметъ, которому я намѣренъ посвятить жизнь мою, препятствуетъ мнѣ свободно слѣдить за ходомъ развитія слова человѣческаго. Изрѣдка заноситъ петербургскій вѣтеръ кой-какія литературныя извѣстія въ Берлинъ". Весь отчетъ въ приподнятомъ тонѣ, причемъ „писателей—бездна", но на первомъ мѣстѣ Булгаринъ; Пушкинъ не различается отъ Сенковскаго и пр.

---

[1]) Письмо изъ Маріенбада, 7 августа 1832, къ Ганкѣ Сперанскій, при посылкѣ 60 талеровъ для Благовѣщенскаго, заключаетъ по-латыни: „Convenias, velim, Dm. Friccium et meo nomine agas illi gratias pro collatis in *patruelem meum* (т.-е. Благовѣщенскому) beneficiis; nullus dubito quin cura eius et arte restitutus, feliciter caeterum convalescat. Vale et me tui semper studiosissimum tene. Сперанскій". Докторъ, извѣстный чешскій патріотъ, Фричъ, оперировалъ Благовѣщенскаго въ пражской больницѣ.

„Но и изъ сего обозрѣнія вы можете видѣть, что литература наша идетъ исполинскими шагами къ совершенству. За нею начинають шевелиться и другія отрасли наукъ“. Въ конечной припискѣ Крыловъ увѣдомляетъ, что генеральша Адлербергъ уѣхала; что „о Михайлѣ Михайловичѣ (Сперанскомъ) не слышно, гдѣ онъ теперь находится; я читалъ марьенскій (маріенбадскій) каталогъ гостей и его имени не нашелъ“; что книгу для Балугьянскаго о „Чешскомъ горномъ правѣ“ Ганка можетъ прислать къ нему вмѣстѣ съ книгою Мацѣёвскаго, т.-е. съ свѣжею славянскою новинкою въ области *права* [1]).

V.

Но уже настоящимъ учителемъ, а не полуруководителемъ, сдѣлался Ганка, именно въ той же области права, правовыхъ древностей, когда въ 1837 году явился въ Прагу одинъ изъ студентовъ Главнаго педагогическаго института, Иванишевъ. Пріемъ Сперанскаго—посылать на выучку семинаристовъ для русскихъ юридическихъ каѳедръ въ университетахъ—министръ просвѣщенія Уваровъ замѣнилъ своимъ—посылать изъ института (Иванишевъ, Лешковъ и др.). Срокъ первой отправки студентовъ кончался лѣтомъ 1838 года.

19/31 іюля 1838 года, Ганка пишетъ, не безъ нѣкоторой гордости, П. И. Кеппену въ Петербургъ: „При семъ рекомендую вамъ подателя сего письма, г. Иванишева, который подъ моимъ руководствомъ научился славянскимъ языкамъ и *изучилъ древніе памятники славянскихъ законодательствъ*. Я предполагаю вмѣстѣ съ нимъ издать сравнительный кодексъ древнихъ чеш-

---

[1]) Въ 1832—1835 г. извѣстный польскій романистъ и славянофилъ, Вацлавъ Мацѣёвскій, издалъ въ Варшавѣ: „Historya prawodawstw słowiańskich“, 4 тома: А. И. Куницынъ, Ѳедотовъ-Чеховичъ и Я. И. Баршевъ имѣли также отношенія къ Ганкѣ. Въ 1837 г. Крыловъ чрезъ отъѣзжавшаго въ Прагу Бодянскаго, перваго славянскаго магистра, пишетъ Ганкѣ: „Три года прошло, какъ я оставилъ славянскую землю, Прагу, со всѣмъ для меня милымъ, и вотъ уже два года, какъ я въ московскомъ университетѣ, представитель русскаго элемента. Я ни разу не писалъ къ вамъ; дѣлъ и хлопотъ по новому званію—бездна. Г. Бодянскій разскажетъ вамъ обо всемъ подробно и вѣрно. Съ нашей стороны есть до васъ просьба—ввести этого человѣка во всѣ славянскія тайны и доставить намъ классическаго профессора для чести всѣхъ славянъ и въ посрамленіе нѣмцевъ. Вы понимаете цѣну этой просьбѣ. Можетъ быть, черезъ годъ и я буду за границею; тогда не премину быть въ Прагѣ и у васъ... Прага и Вѣна для меня незабвенны; помню всѣхъ знакомыхъ... М. М. Сперанскій и М. А. Балугьянскій теперь вдалекѣ отъ меня, но полгода назадъ я ихъ видѣлъ“...

скихъ, моравскихъ и сербскихъ юридическихъ памятниковъ". Такимъ образомъ, ученикъ становился въ уровень съ учителемъ.

Въ видахъ предположеннаго сравнительнаго кодекса Ганка испросилъ у Уварова для Иванишева право остаться при немъ въ Прагѣ еще лишніе мѣсяцы. „Я,—писалъ Ганкѣ Уваровъ,—считаю долгомъ принести вамъ искреннюю мою благодарность за попеченіе ваше о дальнѣйшемъ образованіи находящагося въ Прагѣ студента Иванишева. Что-жъ касается до ходатайства вашего о дозволеніи ему участвовать въ изданіи памятниковъ древнихъ славянскихъ законодательствъ, то, принявъ съ удовольствіемъ таковое предложеніе ваше, я разрѣшилъ Иванишеву, чрезъ состоящаго при берлинской миссіи нашей ген.-адъют. Мансурова, остаться для сего еще на нѣсколько времени въ Прагѣ".

Какъ видно изъ дальнѣйшаго хода дѣла, задуманное Ганкою грандіозное изданіе памятниковъ внутренняго быта славянъ запада и юга не состоялось: и времени было мало, да и учитель едва ли годился. Иное дѣло—нашумѣть. Изъ всего сравнительнаго кодекса былъ готовъ переводъ чешскихъ (моравскихъ) законовъ—такъ называемая „Книга Товачовская" и др. Уже профессоръ въ университетѣ св. Владиміра, Иванишевъ 7-го марта 1840 года свидѣтельствуетъ о полномъ своемъ отказѣ. „Я,—пишетъ онъ Ганкѣ,—долженъ былъ совершенно прекратить свои занятія по части славянскихъ законодательствъ, и всѣ мои рукописи и *переводы богемскихъ законовъ* лежатъ запыленные неприкосновенно". Въ будущемъ, въ Россіи нѣтъ для задуманнаго дѣла никакихъ шансовъ: „Сколько я могу судить,—продолжаетъ Иванишевъ,—о нашей публикѣ, изданіе богемскихъ памятниковъ было бы совершенно неумѣстно и не нашло бы никакого участія"; и публика была бы права, такъ какъ только вчера услышала о появленіи какихъ-то своихъ законовъ: къ чему же ей еще заморскіе, да еще ветхозавѣтные. Иванишевъ оставилъ своего пражскаго „правовѣда" и благоразумно ограничился скромною домашнею задачею. „Я думаю прежде издать древности русскаго права, въ которыхъ можно ясно показать единство славянскихъ законодательствъ въ древнѣйшее время, ихъ внутреннюю связь и необходимость изучать всѣ, для объясненія одного изъ нихъ. Тогда можно бу-

[1]) Въ 1869 году мы встрѣтили старика Иванишева въ Прагѣ, именно въ Чешскомъ музеѣ, за чешскими юридическими рукописями. Мы же занимались тогда „Любушинымъ Судомъ", который вмѣстѣ съ „Всякъ отъ..." лежалъ во главѣ угла Ганковскихъ правовыхъ древностей, слѣдовательно и Иванишева. Старыя свои симпатіи Иванишевъ сохранилъ навсегда.

детъ приступить и къ изданію памятниковъ богемскихъ для русской публики".

Наука для Россіи была еще лишнею роскошью. Отношеніе „русской публики" къ наукѣ не могло не отражаться и на самихъ жрецахъ послѣдней. Въ противность увлекающемуся Н. Крылову, Иванишевъ, въ одномъ изъ писемъ къ Ганкѣ изъ Кіева. признается, что „наука въ Россіи, особенно у насъ въ Кіевѣ, *ползетъ медленно*, несмотря на все усиліе правительства; бóльшая часть профессоровъ работаетъ только для класса, не обнимая вполнѣ своей науки и не заботясь объ усовершенствованіи". Университеты 30-хъ годовъ вполнѣ подтверждаютъ грустное наблюденіе Иванишева [1]). Оно и естественно, если только выдающіеся умы держали тогда сторону науки, были въ тревожной заботѣ о лучшихъ условіяхъ для нея впереди.

Мы видѣли, какъ заботливо направлялъ Сперанскій своихъ семинаристовъ заграницу и, между прочимъ, въ Прагу, къ другу Ганкѣ. Грандіозная затѣя Ганки о сравнительномъ кодексѣ славянскаго права, объ изданіи его вмѣстѣ съ Иванищевымъ, нашла въ послѣднемъ редакторѣ университетскаго устава 1835 года сочувствіе, одобреніе. Лѣтомъ 1838 г., изъ Берлина, по пути въ Петербургъ на смотрины къ Уварову, Иванишевъ пишетъ своему ментору въ славянскомъ правѣ: „Письмо ваше, въ которомъ вы пишете о вниманіи Сперанскаго къ нашему труду, чрезвычайно меня обрадовало. Мои надежды встрепенулись и родили новыя намѣренія. На сихъ дняхъ я отправляюсь изъ Берлина въ Волфенбитель, гдѣ, говорятъ, есть много славянскихъ рукописей, оттуда поѣду въ область Познанскую, осмотрю тамошнія библіотеки". Но Иванишевъ былъ въ вѣдомствѣ лично Уварова. Разрѣшая остаться при Ганкѣ на нѣсколько мѣсяцевъ, министръ поставилъ условіе: чтобы Иванишевъ непремѣнно возвратился въ Россію, вмѣстѣ съ прочими его товарищами, къ назначенному сроку, т.-е. къ осени 1838 года. Встрепенувшіяся было надежды не пошли далѣе, а въ Кіевѣ наткнулись на затхлую дѣйствительность. Прося у Ганки новостей, которыя для него тоже, чтò лучъ солнца для заключеннаго въ темницу, говоря, что никакъ нельзя отыскать пути, при помощи котораго можно бы получить изъ Праги какую-нибудь газету,—Иванишевъ изъ Кіева заключаетъ свою грустную исповѣдь признаніемъ: „изъ

---

[1]) Ср. нашу книгу: „Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія", о московскомъ университетѣ, и статью „Гр. Сперанскій и унив. уставъ 1835 года" („Вѣстн. Европы", 1894, май).

заграничныхъ газетъ мы только и получаемъ прусскую на *весь университетъ*". Скудость умственнаго спроса безспорная.

Но тотъ человѣкъ, который, при уваженіи вообще къ чехамъ, такъ высоко поставилъ-было научный авторитетъ своего пражскаго друга въ области славянскихъ древностей, въ частности—права, онъ же его и развѣнчалъ, лишь только ближе познакомился съ научною стоимостью Шафарика. Къ сожалѣнію, это знакомство имѣло мѣсто уже незадолго до смерти знаменитаго государственнаго человѣка Россіи, почему скромнаго Шафарика едва коснулось. Но для нась интересенъ самый фактъ отличія ученаго „съ божественной отмѣткой на челѣ", не со словъ другихъ, а послѣ самостоятельнаго знакомства съ его трудами [1]). Свидѣтельство того мы имѣемъ въ словахъ того же Иванишева, который, по возвращеніи въ Петербургъ, благодаря рекомендаціи Ганки (Иванишевъ привезъ для высокаго русскаго друга послѣднюю тетрадь извѣстнаго чешскаго Словаря старика Юнгмана), сталъ духовно-близкимъ человѣкомъ къ Сперанскому.

„Въ Петербургѣ,—пишетъ Иванишевъ Ганкѣ изъ Кіева, вспоминая свое послѣднее пребываніе тамъ,—я встрѣтилъ людей, которые весьма интересуются славянизмомъ и славянами. Покойный Сперанскій († февраль 1839) долго перебиралъ листки Юнгманова Словаря, котораго тетрадь, какъ вы помните, я передалъ ему отъ васъ. *Онъ очень интересовался Шафарикомъ* и весьма жалѣлъ, что переводъ его ученаго сочиненія [2]) такъ плохъ, что *отбиваетъ охоту читать*. „Какой-то московскій профессоръ,—говорилъ онъ,—не зная ни русскаго, ни чешскаго языка, вздумалъ переводить довольно тяжелое по языку сочиненіе Шафарика" [3]). Онъ даже хотѣлъ помочь Шафарику деньгами, „*под-*

---

[1]) Въ трудѣ бар. Корфа славянскія симпатіи Сперанскаго пройдены вскользь и съ крупными ошибками. Давно желательна новая біографія на мѣсто этого выхолощеннаго, чиновничьяго труда. Благодаря заботамъ И. А. Бычкова, кое-какія новыя страницы изъ труда Корфа появились въ свѣтъ.

[2]) Т.-е., первый томъ его „Славянскихъ Древностей". Переводъ, безобразный, Бодянскаго, и изданъ Погодинымъ на скверной бумагѣ. Оба Погодина, московскій и украинскій, сошлись во вкусахъ.

[3]) Сужденіе правильное: языкъ точный, безъ лишняго слова, но тяжелый. Погодинъ съ Бодянскимъ оказали медвѣжью услугу труду Шафарика. Извѣстно, какъ убѣждалъ авторъ не торопиться, какою ехидною замѣткой встрѣтилъ Сенковскій переводъ: повторилъ отзывъ Сперанскаго. Вѣроятно, Сперанскій зналъ чешскій языкъ. Вспомнимъ требованіе отъ Ганки, еще въ 1830 году, чешской библіи. Прибавимъ, что тогдашній нашъ посолъ въ Вѣнѣ, умный Татищевъ, устраняя обвиненіе Ганки въ сообщеніи яко бы ему неприличнаго мѣста изъ пражской оффиціальной газеты Челаковскаго и рѣчи имп. Николая въ Варшавѣ, писалъ тому: „газету прагскую я получаю и *языкъ ческой разумѣю*".

писавшись на нѣсколько сотъ экземпляровъ его сочиненія". Конечно, эти сотни были излишни; но Сперанскій остановился на этомъ пріемѣ, какъ на приличномъ средствѣ матеріально помочь нуждавшемуся автору. Сперанскій пошелъ далѣе: „Онъ,—продолжаетъ Иванишевъ,—велѣлъ мнѣ сходить къ секретарю Россійской Академіи, Языкову, и предложить, чтобы Академія съ своей стороны присоединила что-нибудь; Языковъ сказалъ, что у нихъ отобрали сумму, но что онъ сдѣлаетъ предложеніе Академіи. Но изъ этого ничего не вышло. Сперанскій заболѣлъ, и я, сколько разъ ни ходилъ къ нему, не могъ его видѣть". Поддержка послѣдовала позже со стороны министра Уварова. Въ февралѣ того же 1839 года, Иванишевъ увѣдомлялъ Ганку, что, по увѣренію чиновниковъ министерства просвѣщенія, онъ и Шафарикъ получатъ денежное вознагражденіе „за усердіе къ русскимъ молодымъ ученымъ"; что онъ, по требованію Уварова, описалъ обстоятельства ихъ жизни. Замѣтимъ, что продажа „Славянскихъ Древностей" шла туго. А. Терещенко, „ученый" фланёръ на казенныя деньги, по возвращеніи изъ Галиціи въ Берлинъ, жалуется Ганкѣ, что глубоко сожалѣетъ,—онъ не имѣетъ „Славянскихъ Древностей" Шафарика: „здѣсь (т.-е. въ Берлинѣ) негдѣ купить" (октябрь 1838 г.). Конечно, знаменитая книга была малодоступна по языку. Кое-кто изъ современныхъ польскихъ писателей предпочелъ бы видѣть ее изданной на родномъ языкѣ автора, т.-е. по-словацки, такъ какъ языкъ венгерскихъ словаковъ много ближе къ польскому языку, чѣмъ къ чешскому [1]).

VI.

Дѣло съ славянскимъ правомъ у Ганки не выгорѣло. Новыя ученыя его предпріятія въ области литературной старины, какъ изданія только-что открытаго Реймскаго Евангелія и Славянская Грамматика („Начала св. языка"), по меньшей мѣрѣ, не прибавили къ его ученому имени ничего. Молодой тогда акад. Куникъ встрѣтилъ новое Ганкинское изданіе „невѣжливой статьей" въ „С.-Петербургскихъ нѣмецкихъ Вѣдомостяхъ", и Ганка счелъ

[1]) Напр., усердный корреспондентъ Ганки, Росцишевскій во Львовѣ, въ письмѣ отъ 18-го іюня 1836 года, при подпискѣ на книгу Шафарика, говоритъ: „Сочиненіе Шафарика о славянствѣ будетъ, конечно, какъ все, что только выходитъ изъ-подъ его пера, совершеннымъ, и мы завидуемъ вамъ..." Ѳ. Булгаринъ рекомендуетъ Терещенку Стороженкѣ въ Варшавѣ: „онъ ѣдетъ собирать по Европѣ матеріалы для исторіи нашей святой Руси". („Кіевская Старина", 1886, окт., 316).

нужнымъ жаловаться министру Уварову: „Куникъ—грубый нѣмецъ, и Богъ съ нимъ! — какъ говорятъ русскіе въ подобныхъ случаяхъ; въ другихъ отношеніяхъ онъ, можетъ быть, лучшій человѣкъ, но я его знаю только по этой статьѣ". Вина же этого „грубаго нѣмца" заключалась въ томъ, что онъ указалъ негодность историческихъ комбинацій Ганки, да и послѣдній самъ признается въ жалобѣ своей Уварову, что онъ никого не принуждаетъ вѣрить тому, что̀ въ книгѣ его стоитъ: „мнѣ не посчастливилось найти указанія въ лѣтописяхъ, а впрочемъ скажу свое мнѣніе; я это сказалъ *простосердечно...*"

Но въ наивной борьбѣ съ Куникомъ Ганка находилъ одно утѣшеніе—въ сознаніи, что якобы русскіе приняли и принимаютъ его книгу совсѣмъ иначе, чѣмъ „невѣжливый" Куникъ, и „вопреки неучтиваго тщанія г. Куника".

Дѣйствительно, неудачливый авторъ имѣлъ право заблуждаться на свой счетъ и пренебрегать Куникомъ [1]). Прежде всего его искушалъ и соблазнялъ другъ-ученикъ Срезневскій. „Какъ бы хорошо было, — пишетъ онъ ему въ началѣ 1842 года по поводу новыхъ отрывковъ Реймскаго Евангелія,—еслибы Остромиръ печатался у васъ",—другими словами, еслибы старикъ Востоковъ, эта гордость русской науки, тогда именно приготовлявшій свое классическое изданіе знаменитаго новгородскаго кодекса XI вѣка, былъ замѣненъ Ганкою. Срезневскій торопитъ друга: „Реймскіе отрывки не медлите печатать; ваше новое открытіе чрезвычайно важно; и какъ бы сдѣлать, чтобы эта ваша книга могла быть подана Академіи для Демидовской преміи—не напишете ли вы объ этомъ Кеппену?" Засимъ, утѣшителемъ Ганки явился нѣкто А. Яновскій.

Сообщая о критикѣ не въ его пользу въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.", октябрь, 1846, онъ указываетъ, что критики пишутъ часто для того только, что и они-молъ кое-что смыслятъ, а о справедливости не заботятся. Правда, тотъ же корреспондентъ передаетъ печальную новость, что въ виду того, что адъюнктъ Куникъ „раскритиковалъ" изданіе Ганки, министерство болѣе 60 экземпляровъ взять не можетъ, несмотря на все настояніе акад. Устрялова; но иное заботливый издатель о своемъ праж-

---

[1]) Впрочемъ, 22-го ноября 1847 года, извѣстный казанскій славистъ, В. И. Григоровичъ, благодаря Ганку за его „милостивое письмо" и сообщая о мнѣніи Востокова, что Реймское Евангеліе можетъ быть древнѣйшимъ памятникомъ кирилловскаго письма, писалъ ему: „признаюсь, я несогласенъ теперь съ этимъ мнѣніемъ; но все-таки удивляюсь, что г. К. (т.-е. Куникъ) послѣ сего мнѣнія выразился, какъ извѣстно", т.-е. рѣзко.

скомъ дѣтищѣ могъ слышать изъ русской провинціи: и деньги будутъ, нечего горюниться!

Извѣстный впослѣдствіи своимъ краснорѣчивымъ пусторѣчіемъ профессоръ университета св. Владиміра, А. И. Селинъ, начало 1845 года проведшій въ Прагѣ надъ чешскимъ языкомъ [1]), въ ноябрѣ 1846 года, уже изъ Кіева, благодаритъ Ганку за присланныя „Начала священнаго языка". Профессоръ въ нѣкоторомъ восторгѣ отъ новаго труда Ганки: „заглавіе весьма умѣстно и значительно, особенно у насъ, въ дому св. Владиміра, гдѣ долго существовало невѣжественное равнодушіе къ святому языку; я роздалъ ихъ и русскимъ, и полякамъ; буду имѣть удовольствіе написать вамъ объ этомъ подробнѣе, ибо намѣренъ скоро склонить студентовъ къ тому, чтобы они купили эту прекрасную книжечку". Но, кромѣ „дома св. Владиміра", была еще оброчная статья; это — среднія учебныя заведенія, и на нихъ было обращено вниманіе Селина. „Я,—продолжалъ Селинъ,—говорилъ съ Иванишевымъ, который прежде соглашался просить попечителя разослать эти „Начала" по гимназіямъ цѣлаго округа и ввести въ руководство при изученіи священнаго языка; но онъ на первый случай былъ остановленъ примѣрами изъ Остромирова Евангелія и сказалъ, что это не тотъ языкъ, слишкомъ древній, а ученикамъ нуженъ языкъ новѣйшаго евангелія". Но профессоръ обѣщалъ лично говорить съ попечителемъ, а экземпляры Реймскаго Евангелія раздать сейчасъ же,—какъ раздаютъ въ Кіевѣ иконки отъ св. Варвары, пока же указалъ поправки для второго изданія: „я примусь и за Реймское Евангеліе, и за „Начала"; Богъ дастъ, васъ отъ души будутъ благодарить русскіе славяне, когда въ ихъ рукахъ будетъ приличное количество экземпляровъ".

Еще ранѣе Селина, тотъ же ободряющій тонъ пронесся изъ Харькова. „Я,—пишетъ Срезневскій,—получилъ ваше Реймское Евангеліе и грамматику. Хотѣлъ было предложить университету и округу; но, къ сожалѣнію, министръ уже предупредилъ меня; остается предлагать знакомымъ и студентамъ. Я возьму ихъ въ

[1]) Буслаевъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, припоминаетъ, что Селину была отъ природы дана способность оригинальничать, вѣчно играть роль, всегда позировать, съ голосомъ замогильнымъ („Вѣстн. Европы", 1890, октябрь). Но къ чести Селина надо замѣтить, что онъ съ любовью учился чешскому языку, такъ что въ Прагу Ганкѣ, Франтѣ Шумавскому писалъ длинныя письма по-чешски. Правда, этотъ чешскій языкъ правописанія былъ ужаснаго; но все же понимать можно. Иначе давался чешскій языкъ сослуживцу Селина, кіевскому оффиціальному славнсту, Яроцкому: въ Прагѣ еще помнятъ, какъ онъ зубрилъ грамматику.

слѣдующемъ академическомъ году въ руководство для себя и, разумѣется, нѣсколько экземпляровъ сбуду, но навѣрно не всѣ. Покамѣсть продалъ только одинъ".

Но изданіе Реймскаго Евангелія Ганки стало сейчасъ же и излишнимъ: почти одновременно кодексъ выходилъ въ Парижѣ, въ роскошномъ литографированномъ видѣ, подъ наблюденіемъ Сильвестра; 300 экземпляровъ его было предоставлено министерству народнаго просвѣщенія, для учебныхъ заведеній. Благодаря Ганку за экземпляръ „Царедворской рукописи", Уваровъ, въ маѣ 1843 года, извѣщалъ его, что къ концу настоящаго года, при пособіи, дарованномъ государемъ императоромъ, должно быть приготовлено въ Парижѣ самимъ Сильвестромъ палеографическое изданіе этого церковно-славянскаго памятника. Дѣйствительно, уже въ іюнѣ 1844 года Уваровъ послалъ по экземпляру парижскаго изданія Ганкѣ и Шафарику, а въ библіотеку музея въ Прагѣ черезъ австрійскаго посла, Коллоредо - Валдзее. Впрочемъ, позже гр. Уваровъ, вѣроятно подъ вліяніемъ настойчивыхъ ходатайствъ акад. Устрялова, заступника Ганки въ Петербургѣ, смилостивился и надъ изданіями Ганки, и въ мартѣ 1846 года извѣщалъ его, что онъ далъ циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ пріобрѣсть для своихъ учебныхъ заведеній и Реймское Евангеліе, и „Начала священнаго языка славянъ", перваго—92 экземпляра, второго—150, по курсу за 180 р. 64 коп.

VII.

Если къ половинѣ сороковыхъ годовъ замыкалась для Ганки дѣятельность издательская, т.-е. лично для него болѣе или менѣе механическая, то дѣятельность строго научная была для него уже давно закрытой: его „Начала" наложили послѣднюю печать на нее. Но естественный недочетъ въ одной области обильно возмѣщался въ другой. Мы имѣемъ въ виду обширное поле общественно-политическихъ отношеній и всегда въ одномъ направленіи — съ широкими всегда симпатіями къ Россіи. Мы слышали сочувственное припоминаніе стараго Стасюлевича. Припомнимъ признаніе юнаго племянника Хомякова, извѣстнаго, рано умершаго, Д. Валуева. „Вы,—пишетъ онъ *нашему* Ганкѣ въ февралѣ 1844 года,—неизгладимо врѣзаны въ мое воспоминаніе и сердце". Панъ Вацлавъ, по Востокову, „почтеннѣйшій Іацлавъ Іацлафовичь",—такъ протитуловалъ его нѣкто гр. Сергій Сумароковъ (письмо 6 августа 1860 года), — Ганка былъ каждую

минуту къ услугамъ русскихъ,—почему онъ среди русскихъ друзей упоминался съ почетной прибавкой: „нашъ“,—шло ли дѣло о покупкѣ элегантныхъ перчатокъ на фешенебельной улицѣ Праги (Прикопы) для русской дамы, или о поставкѣ изъ чеховъ недостающаго профессора для все вдовствующей славянской каѳедры въ кіевскомъ университетѣ, по настоятельной просьбѣ русскаго министра просвѣщенія, который лѣтомъ 1844 года благодаритъ Ганку за готовность, съ которою онъ взялъ на себя трудъ—пріискать изъ числа своихъ соотечественниковъ ученаго слависта для Кіева [1]). Съ полною готовностью Ганка шелъ на встрѣчу сокровеннымъ просьбамъ наивныхъ славянофиловъ изъ Москвы по политической пропагандѣ — по раздачѣ московскихъ изданій „по библіотекамъ въ Венгріи“, по возможно большему распространенію тамъ же стиховъ Хомякова, съ прибавкой и Черногоріи (почему?), и — „славянскихъ облатокъ“, которыхъ, какъ удостовѣрялъ въ довольно наивномъ письмѣ извѣстный намъ Д. Валуевъ, отъ 23 іюля 1844 года, „за разъ было заказано въ Москвѣ на 500 рублей“. Надо полагать, заказчики разсчитывали, что эти дѣтскія облатки въ Австріи сыграютъ роль іерихонской трубы. Конечно, юный Валуевъ не былъ герольдомъ исканій своего дяди Хомякова, а дѣятелемъ самостоятельнымъ, такъ какъ наиболѣе яркія проявленія политической, въ панславянскомъ духѣ, музы Хомякова имѣли мѣсто уже послѣ смерти племянника († въ ноябрѣ 1845 года) [2]).

[1]) Изъ русскихъ дамъ писала къ Ганкѣ Лидія Шевичъ, рожден. граф. Блудова. Ср. о ней „Дневники Жуковскаго“, изд. Бычкова, 509.—Для славянской каѳедры въ Кіевѣ Ганкою былъ предложенъ докторъ медицины Подлипный, близкій знакомый посольскаго протоіерея Раевскаго въ Вѣнѣ. Подлипный тогда собирался поступить домашнимъ врачомъ къ Галагану въ кіевской губерніи. „Что касается моего кандидата въ Кіевъ, доктора Подлипнаго,—писалъ Уварову Ганка въ ноябрѣ 1844 года,—который, оставивъ медицину, теперь уже почти полъ-года занимается усовершенствованіемъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ, я бы покорнѣйше просилъ милостиво рѣшить это дѣло“. Въ петербургскомъ университетѣ славянскимъ профессоромъ былъ высокодаровитый Прейсъ, московскомъ — Бодянскій, харьковскомъ — Срезневскій, казанскомъ—Григоровичъ. Дѣло о Подлипномъ не пошло: ужъ очень смѣшно было. Въ 1847 г. былъ предназначенъ для славянской каѳедры, Кіева или Харькова, П. А. Кулѣшъ, который еще въ 1846 году писалъ Ганкѣ: „чуючи про васъ, чехôвъ, якъ вы щиро працюете, радуемось мы серцемъ; разложили вы середъ Славянщины таке огнище, що за вами да й насъ стало трохи виднѣйше“.

[2]) Имѣемъ въ виду пьесы: „Не гордись“ и „Беззвѣздная“. Обѣ написаны одновременно, въ 1847 году, въ сѣверной Чехіи, въ чешскомъ мѣстечкѣ Обржиствъ, около города Мельника, какъ ясно изъ берлинскаго письма Хомякова къ Ганкѣ отъ 7 сентября 1847 г. Издатель Полнаго собранія сочиненій А. С. Хомякова, томъ VIII, М. 1900, стр. 465, указанное *чешское* мѣстечко находитъ въ Познани, въ Пруссіи—Obrzysko. Вообще, изданіе съ ошибками. На стр. 322 того же VIII-го тома ини-

Итакъ, широкая столбовая дорога общественной дѣятельности, особенно въ области практическихъ русско-чешскихъ отношеній, всегда заботливо, какъ было замѣчено уже раньше, прокладывалась и поддерживалась Ганкой. Эта задача вполнѣ соотвѣтствовала живому характеру юркаго и себѣ на умѣ Ганки. Практическая общественная дѣятельность требовала, въ порядкѣ вещей, для себя массу времени отъ ея представителя. Уже въ виду этого неумолимаго условія вполнѣ понятно, что сфера научныхъ интересовъ должна значительно отодвигаться въ сторону, а если она еще проявляла себя, то ея выходы, естественно, должны были сопровождаться ошибками, быть отмѣчены малою стоимостью. Но Ганка не понималъ своего положенія, не признавалъ своего мѣста въ текущей жизни и шелъ въ соперничество съ Шафарикомъ, который былъ однимъ воплощеніемъ науки, науки строгой и застѣнчивой. Шафарикъ, именно, былъ неспособенъ къ тому, на что былъ такъ тароватъ Ганка — къ практической жизни. Мы видѣли, Ганка выступилъ не въ свойственной ему роли научнаго дѣятеля въ области славянскихъ древностей, въ области права, при занятіяхъ съ Иванишевымъ; но изъ всего, кромѣ праздныхъ словъ, не вышло ничего. Не та подготовка, да и не та голова, помимо всего другого, нужна была для выполненія очередной научной задачи.

VIII.

Явившіяся въ 1837 году „Славянскія Древности", въ границахъ начальной внѣшней исторіи славянскихъ народовъ, усвоили за авторомъ ихъ непререкаемое право на имя — авторитетное. Мы слышали Сперанскаго; видѣли, какъ, послѣ знакомства съ новымъ историческимъ трудомъ въ славянской западной литературѣ, знаменитый старикъ своими симпатіями обратился къ незнакомому до того Шафарику; какъ больно было ему видѣть дурной русскій переводъ. Чувства Сперанскаго къ скромному ученому въ Прагѣ немного позже вполнѣ раздѣлялъ Уваровъ, но уже не безъ участія тѣхъ впечатлѣній, которыя вынесли посланные имъ профессорскіе кандидаты на славянскую, утвержденную Сперанскимъ, каѳедру, съ неудачнымъ переводчикомъ „Древностей" во главѣ, т.-е. Бодянскимъ [1]).

ціали „Пр. и Ав.", т.-е. Пруссіи и Австріи, прочтены такъ: „*Православіи* и Австріи"!!!

[1]) Если довѣрять Сербиновичу, редактору „Журн. Министер. Народн. Просв.", въ письмѣ его къ Шафарику отъ 15 ноября 1839 года, то будущій петербургскій сла-

Съ особенною рельефностью это чувство высокаго уваженія къ авторитету Шафарика со стороны русскихъ людей высказалъ тотъ же Д. Валуевъ въ одномъ изъ своихъ откровенныхъ писемъ къ Ганкѣ. 17 февраля 1847 г. онъ писалъ ему изъ Москвы: „мой низкій поклонъ и почтеніе г. Шафарику и Палацкому и всему вашему блестящему созвѣздію, *освѣщающему путь намъ, еще темнымъ странникамъ на землѣ*". Этимъ словамъ нельзя отказать въ глубинѣ мысли, въ правильности пониманія дѣла. Чѣмъ была наша наука по древностямъ до Шафарика? Мечтаніями, наукой безъ научной подкладки. Вспомнимъ хоть Погодина, чтобы не ходить далеко [1]). Отъ человѣка, который въ современномъ движеніи исторической науки занялъ вполнѣ опредѣленное мѣсто учителя науки [2]), общество, неравнодушное къ начальному тому „Славянскихъ Древностей", неравнодушно ожидало выхода въ свѣтъ изъ-подъ пера того же авторитетнаго историка и послѣдующаго или послѣдующихъ томовъ. Извѣстенъ, какъ нами указано, былъ и планъ. Но прошелъ годъ-другой, а продолженія не было. Слышались просьбы; но прямого отвѣта не было.

Извѣстный кіевскій Максимовичъ, по выпускѣ первой книги своего „Кіевлянина", проситъ о помощи. „Не знаю,—пишетъ онъ въ апрѣлѣ 1840 года изъ Кіева, — дошла ли посланная мною вамъ и г. Ганкѣ 1-я часть моей „Исторіи Русской Словесности", въ которой многимъ я воспользовался изъ вашихъ древностей, сколько я моими слабыми глазами и недостаточнымъ знаніемъ чешскаго языка могъ прочесть ихъ... Кое-какъ напечаталъ первую книгу „Кіевлянина". Понемногу приготовляю и вторую. Каково ваше здоровье теперь и скоро ли мы увидимъ вторую часть вашего труда, который, по истинѣ, всѣ славяне мо-

вистъ, Прейсъ, до отъѣзда своего въ славянскія земли, приготовлялся было къ новому переводу „Славянскихъ Древностей". Можно только сожалѣть, что дѣло не пошло.

[1]) Имѣемъ въ виду его вступительную лекцію въ 1832 г. Если въ послѣднее время харьковскій славистъ Безсоновъ и генералъ Риттихъ оставили пріемы Шафарика, въ своихъ историческихъ домыслахъ доходили до крайнихъ предѣловъ, то на это можно только замѣтить, что пути фантазіи неизслѣдимы. О г. Риттихѣ см. „Труды рязанской ученой архивной коммиссіи", 1894 г., стр. XXXVIII.

[2]) Въ 1840 году умирающая Россійская Академія съ умирающимъ своимъ президентомъ Шишковымъ почтила Шафарика избраніемъ въ свои члены. По поводу этого почета знаменитый чешскій лексикографъ, старикъ Юнгманъ, писалъ (мартъ 1840 г.) другу Марку (оба—друзья Россіи): „это ему такъ же мало поможетъ, какъ мнѣ крестишка; подобныя вещи относятся къ пустячкамъ нашего столѣтія..." („Журналъ Чешскаго Музея", за 1886 г., 435). Мы видѣли, иначе желалъ было организовать вниманіе къ творцу „Славянскихъ Древностей" Сперанскій, помочь ему матеріально; онъ ткнулся было и въ академію Шишкова; но отвѣтъ былъ: „денегъ нѣтъ". Всегда сытый голоднаго не понимаетъ.

чуть назвать своею *сокровищницею*? Въ ожиданіи его я обращаюсь къ вамъ съ слѣдующей просьбою. Наша русско-славянская миѳологія такъ мало воздѣлана, что мы не имѣемъ еще яснаго понятія даже о семи богахъ кіевскихъ. О первыхъ четырехъ кое-что еще извѣстно; но о Хорсѣ, Мокошѣ, Симарглѣ вовсе неизвѣстно,—*и только вы можете дать свѣтъ намъ объ этомъ предметѣ*. Изъясненіе семи боговъ, коимъ поставлены были шесть кумировъ Владиміромъ Великимъ на храмѣ Перуновомъ, прямо относится къ кіевской древности; поэтому мнѣ пришла мысль просить васъ покорнѣйше удѣлить нѣсколько часовъ вашихъ собственно для насъ и сообщить нашей публикѣ, посредствомъ моего изданія, результаты вашихъ изысканій надъ славянской миѳологіей относительно семи боговъ кіевскихъ, хотя въ краткой статьѣ. Симъ весьма обязали бы вы насъ всѣхъ" [1]). Но что было отвѣчать автору „Славянскихъ Древностей" на это милое, но нѣсколько наивное приглашеніе редактора русскихъ „Древностей"? Вѣдь въ томъ же своемъ письмѣ Максимовичъ извиняется предъ Шафарикомъ, что онъ не могъ выслать ему, необходимыхъ для „изысканій", такихъ русскихъ книгъ, какъ Сахарова и Снегирева („Русскіе въ своихъ пословицахъ"), вышедшихъ недавно, такъ какъ ссудилъ ихъ, во Львовъ, Вагилевичу, но заказалъ ихъ въ Москвѣ. Ясно, что Шафарику предлежала одна непосредственная задача—пополнять и пополнять матеріалы для предстоящаго воскрешенія былой духовной и матеріальной жизни славянъ, прежде чѣмъ дать имъ литературную форму; но за простой русской книжкой проходили годы, раньше чѣмъ онъ могъ получить ее [2]). Въ иномъ положеніи былъ онъ при работѣ

---

[1]) Въ 1840 г. вышло „Начертаніе славянской миѳологіи" Касторскаго. Книга не глубокая, но судъ о ней Гоголя (V, 370), въ письмѣ къ Погодину, рѣзокъ и поверхностный. Серьезный опытъ Костомарова и обстоятельный трактатъ Срезневскаго о святилищахъ, въ предѣлахъ внѣшняго богопочитанія, относится къ половинѣ 40-хъ годовъ.

[2]) Изъ бумагъ Шафарика мы видимъ, что онъ пользовался, за неимѣніемъ русскихъ книгъ, посѣщеніемъ Праги со стороны того или другого изъ русскихъ путешественниковъ, чтобы выудить у нихъ кое-что для себя. Такъ, въ 1835 году, на основаніи словъ Погодина онъ составилъ для себя списокъ современныхъ русскихъ писателей и ученыхъ, съ біографическими данными и указателемъ трудовъ, расположивъ ихъ по городамъ. Характерное явленіе; такъ примитивны были средства „для умственнаго между нами и Шафарикомъ употребленія", говоря языкомъ Валуева въ письмѣ къ Ганкѣ. Въ 1839 г., въ началѣ, былъ въ Прагѣ изъ Полтавы извѣстный фантастъ П. Лукашевичъ, не хорошій этнографъ. Онъ для Шафарика составилъ статью о „баснословныхъ преданіяхъ малороссіянъ" и „систему рѣкъ, впадающихъ въ Днѣпръ въ странѣ кривичей". Обѣ въ особой тетради. Въ концѣ этой тетради уже рукою Шафарика написанъ „указатель именъ, извлеченныхъ изъ Подробной карты".

надъ внѣшнею начальной исторіей славянъ или первою частью „Славянскихъ Древностей": западная ученая литература была вся подъ рукой. Одновременно, нѣсколько аналогичная просьба поступила изъ Одессы: „нѣтъ ли, — пишетъ пр. Мурзакевичъ Шафарику, — какихъ сочиненій касательно славянской миѳологіи и нумисматики; свѣдѣніе о нихъ очень хочется имѣть". Мѣсто очеркнуто краснымъ карандашомъ.

Мы видѣли, Ганка пытался-было проконкуррировать съ Шафарикомъ въ разработкѣ права у славянъ, при занятіяхъ съ Иванишевымъ. Но, строго говоря, и въ этомъ эпизодѣ изъ начальной дѣятельности будущаго кіевскаго юриста, виновникомъ занятій, опытнымъ руководителемъ былъ собственно Шафарикъ: онъ далъ матеріалъ, надъ которымъ самъ работалъ, готовилъ для будущаго. Объ этомъ мы имѣемъ интересное письмо Шафарика къ Ганкѣ (переписка между ними была рѣдка), отъ 22-го марта 1838 года. Шафарикъ разрѣшаетъ Иванишеву, для будущаго, затѣяннаго Кодекса, дѣлать выписки изъ рукописей извѣстнаго Законника сербскаго царя Душана, половины XIV в., вывезенныхъ еще изъ Новаго Сада, и употреблять для своихъ работъ; „но,—пишетъ радушный владѣтель,—мнѣ было бы непріятно, если бы Иванишевъ сдѣлалъ копіи съ тѣхъ рукописей и напечаталъ ихъ въ Россіи". Почему? „Навѣрное, я самъ, еще въ этомъ году, на счетъ новаго сербскаго митрополита [1]) эти сербскіе законы съ переводомъ и комментаріемъ дамъ напечатать. Поэтому я усердно прошу васъ—эти рукописи благоволите прочесть возможно скорѣе съ г. Иванишевымъ и мнѣ возвратить. Вполнѣ довѣряю и полагаюсь на васъ, что вы не откажете удовлетворить мою просьбу. Если же г-ну Иванишеву окажется необходимымъ объясненіе нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ, я охотно къ его услугамъ — пусть обратится ко мнѣ. Помимо этихъ законовъ среди всего сербскаго народа, нѣтъ болѣе ничего для права. Тутъ альфа и омега".

Выясненіе темныхъ мѣстъ стоило немало труда. Онъ ищетъ ключа и кое-что находитъ въ Черногоріи. Русскій консулъ въ Дубровникѣ (Ragusa), сербъ Ер. Гагичъ, еще въ 1832 году, на запросъ Шафарика о словѣ „меропхъ" указываетъ въ одномъ старомъ петербургскомъ словарѣ (1794) на слово „меропшена", слобода, хуторъ. Другой разъ, тотъ же корреспондентъ объясняетъ, что слова: старъ, глотина и ступъ, до сихъ поръ употребляются въ Черногоріи, какъ мѣра для зерна, ячмень съ овсомъ и очи-

---

[1]) Вѣроятно, Бѣлградскаго.

щенный отъ камня кусокъ земли. О словѣ же „сокя“ Гагичъ говоритъ, что теперь его никто не знаетъ, но архимандритъ черногорскій, Петръ Петровичъ, будущій митрополитъ-государь, полагаетъ, что оно значитъ сочиво, чечевица.

Ясно, что вездѣ мы видимъ заботливую заготовку матеріала для будущей части „Древностей“, предположенной въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, не исключая и языка, характера жизни, въ названіяхъ. Но особенно затруднительна была заготовка матеріала относительно Россіи.

Правда, сношенія Шафарика къ сороковымъ годамъ сдѣлались живѣе; его имя пріобрѣтало извѣстность и далѣе кабинета Сперанскаго. Особенно ревностнымъ глашатаемъ его имени былъ въ Петербургѣ профессоръ М. М. Касторскій. Еще въ началѣ 1839 года онъ хвалится предъ Ганкой о своихъ славянскихъ успѣхахъ среди студентовъ въ университетѣ, благодаря Шафарику. По его увѣренію, симпатіи къ славянству растутъ видимо; онъ для перваго опыта, подлѣ исторической каѳедры, занимаетъ еще каѳедру славянскихъ древностей и литературы, въ количествѣ одной лекціи въ недѣлю: „ее я всегда умѣю сдѣлать интересною, благодаря книгѣ Шафарика, *котораго я благословляю* ежечасно; все шевелится; студенты со мною спорятъ, шумятъ и все-таки ходятъ въ большомъ количествѣ на лекціи, несмотря на то, что оффиціальныхъ слушателей по бѣдности отдѣленія только семь человѣкъ“. Для указанія роста этихъ симпатій Касторскій ссылается на двухъ „записныхъ любителей славянщины“, какъ онъ выражается—на министра Уварова и попечителя кн. Дондукова-Корсакова.

Черезъ Касторскаго Шафарикъ сталъ близокъ „Журналу Мин. Нар. Просвѣщенія“, его редактору, К. Сербиновичу. Благодаря впередъ за статьи, которыми „украсятся книжки Журнала“, лукавый Сербиновичъ († 1874) извиняется за вынужденное молчаніе (сентябрь 1839 г.), самъ же онъ „можетъ истинно назваться однимъ изъ самыхъ искреннихъ почитателей“. „Достигнувъ, — поясняетъ далѣе редакторъ, — заслугами своими первенства между учеными дѣятелями на обширномъ поприщѣ исторіи и литературы славянскихъ племенъ, вы давно уже привлекли къ себѣ общее вниманіе и пріобрѣли общее уваженіе вашихъ *сѣверныхъ соплеменниковъ*, и несмотря на разстояніе мѣста вы очень, очень близки къ нашему сердцу. Съ умиленіемъ взираемъ на труды, приносимые вами на алтарь общаго

славянскаго просвѣщенія, и столь же живо сочувствуемъ тому одушевленію, съ какимъ и прочіе чешскіе писатели подвизаются на одномъ съ вами поприщѣ, къ славѣ и чести земли своей". Это мотивированное признаніе русскаго редактора могло быть пріятно. Пріятна была и посылка черезъ посольскаго протоіерея въ Вѣнѣ, Меглицкаго, полнаго экземпляра „Журнала Министерства", съ основанія, съ обѣщаніемъ дальнѣйшей высылки. Но не могло не затруднить и безъ того обремененнаго работами приглашеніе быть постояннымъ его сотрудникомъ.

„Всегдашнее мое желаніе,— продолжаетъ Сербиновичъ,— было—раскрывать въ министерскомъ журналѣ картину всей литературной дѣятельности славянскихъ племенъ. Этого старался я достигнуть разными путями; но достигнуть во всей полнотѣ невозможно безъ содѣйствія западныхъ нашихъ соплеменниковъ". Онъ проситъ Шафарика принять на себя трудъ поручить кому-либо, но подъ своимъ руководствомъ, составлять для журнала библіографическій указатель по нарѣчіямъ славянскихъ книгъ, выходящихъ въ свѣтъ изъ всѣхъ славянскихъ типографій, съ рецензіей болѣе замѣчательныхъ изъ нихъ для „Журнала Чешскаго Музея", „откуда мы можемъ сами переводить", и обозрѣніе болѣе любопытныхъ статей во всѣхъ славянскихъ журналахъ и газетахъ. Лѣтъ пять тому назадъ, въ 1834—1835 годахъ, Шафарикъ, изъ-за куска хлѣба, издавалъ въ Прагѣ иллюстрированный журналъ „Свѣтозоръ", отчасти съ подобными обозрѣніями; но возвращаться ему назадъ, при новыхъ условіяхъ дѣла,—такая перспектива едва-ли была возможна. Въ другомъ письмѣ, чрезъ отъѣзжавшаго въ Прагу Срезневскаго, Сербиновичъ повторяетъ предложеніе, что, по указанію, статьи могутъ печататься и безъ подписи,—„или сообщите намъ иной способъ, чтобы мы могли печатать ваши новости, никогда ни въ чемъ не компрометируя васъ".

Очень поздно, лѣтомъ 1840 года, отвѣчалъ Шафарикъ Сербиновичу съ оттисками статей изъ музейнаго журнала и изъ „Древностей", какъ отмѣчаетъ Сербиновичъ; но старая просьба повторяется. „Для перевода статей съ разныхъ славянскихъ нарѣчій, — писалъ онъ, въ послѣдній день 1840 года,—редакція журнала имѣетъ сотрудникомъ адъюнкта с.-петербургскаго университета по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій, г. Касторскаго". Но насколько этотъ сотрудникъ былъ силенъ въ своемъ предметѣ, видно изъ просьбы редактора—перекладывать заглавія съ латинскимъ шрифтомъ на русскій шрифтъ, иначе „можетъ легко

вкрасться немалая ошибка", — чистосердечно пояснялъ Сербиновичъ [1]).

Итакъ, изъ отношеній къ Сербиновичу одна польза: у Шафарика свой экземпляръ „Журнала Мин. Нар. Просв.", да нѣкоторый гонораръ. Но русскихъ необходимыхъ изданій все нѣтъ, матеріалъ по старому случайный, отъ случайныхъ русскихъ путешественниковъ или знакомыхъ на мѣстѣ, т.-е., примѣняя удачное выраженіе Ганки относительно библіотеки Чешскаго музея, — все русско-славянское у Шафарика по милости Божіей: книжка, карта, кто что дастъ [2]).

IX.

Не великъ (если не меньше) былъ заработокъ Шафарика отъ обновленныхъ сношеній съ необновленною Россійской Академіей дряхлаго Шишкова.

Въ октябрѣ 1836 года, Шафарикъ получилъ отъ князя А. М. Горчакова, тогда совѣтника посольства въ Вѣнѣ, извѣщеніе, за № 418, что Академія препроводила къ нему для доставленія въ Прагу письмо и золотую медаль, при просьбѣ подписаться на одинъ экземпляръ „издаваемаго сочиненія подъ заглавіемъ: Slowanske Starizitnosts", т.-е. на извѣстныя „Древности". Конечно, 50 червонцевъ представляли хоть нѣкоторую матеріальную цѣнность (медаль и Ганка получилъ); но полученныя затѣмъ ученыя изданія Академіи мало стоили, какъ Словарь Академіи въ шести частяхъ, или на нѣмецкомъ языкѣ Сравнительный Словарь двухъ сотъ языковъ самого Шишкова. Впрочемъ, отъ самого слѣпого президента Шафарикъ вмѣстѣ съ его трудомъ получилъ и ученое письмо, съ изложеніемъ его взгляда на значеніе „словенскаго" языка: каждый другой языкъ, съ знаніемъ его, „почерпнулъ бы многія свѣдѣнія" и о себѣ; Аделунгъ напрасно занимался ошибочными словопроизводствами, тогда какъ могъ черпать изъ *нашего* языка „ближайшее и вѣрнѣйшее". Предъ нами совсѣмъ XVIII-ый вѣкъ, вѣкъ Аделунга и имп. Екатерины. „Я, — заключаетъ свое исповѣданіе Шишковъ, — упраж-

---

[1]) О Сербиновичѣ пишетъ Срезневскій въ 1839 году: „милый и обходительный, даже очень вѣжливый человѣкъ; но это—олицетворенная хитрость, если не болѣе...; самъ онъ величиною немногимъ болѣе мыши" („Путевыя письма", стр. 24).

[2]) Ганка пріятелю Арношту Высокому, 12 мая 1855 г.: „вообще, что касается славянскихъ книгъ въ музеѣ, то все это отъ милости Божіей, когда кто туда что пожертвуетъ". (Письмо, по-чешски, оригиналъ, изъ нашего собранія).

няюсь въ томъ давно, и хотя привелъ многія тому доказательства, но нашелъ бы ихъ еще болѣе, еслибы болѣзни и лишеніе зрѣнія не отняли у меня возможности упражняться въ сихъ, требующихъ великаго труда, изслѣдованіяхъ". Это письмо, отъ 27-го декабря 1838 года, было подписано собственноручно слѣпымъ президентомъ—крупными каракулями черезъ всю страницу. При всей нелѣпости воззрѣнія на связь языковъ въ эпоху Боппа, Гримма, Шафарика, тѣмъ не менѣе нельзя безъ нѣкотораго сердечнаго умиленія читать эту исповѣдь почти столѣтняго старца († 1841 г.), умиравшаго съ своимъ „словенскимъ" языкомъ на устахъ. Научный интересъ для Шафарика представили лишь немногія изданія, посланныя отъ Академіи, какъ-то: второе изданіе Книги большому чертежу, Путешествія къ татарамъ (изданія секретаря Д. Языкова), Акты археографической экспедиціи (по первому разу, съ недостающими страницами), Оборона лѣтописи Буткова, Влахо-болгарскія грамоты со снимками Венелина. Пославъ Венелина, секретарь Академіи, Языковъ, долженъ былъ извиняться предъ Шафарикомъ, т.-е. извинять свою неопытность, чтобы не сказать больше: „ваша правда, — отвѣчаетъ Языковъ на письмо отъ 4-го апрѣля 1838 года; — нѣсколько литографованныхъ листовъ съ Влахоболгарскихъ грамотъ, собранныхъ Венелинымъ, не суть полные, а только fac-simile; полные же печатаются, и когда изданіе кончится, я поспѣшу доставить вамъ одинъ экземпляръ". Но кусочки грамотъ такъ и остались кусочками, во вкусѣ покойнаго Венелина. Ясно, что когда настоящая, европейская наука, въ лицѣ Шафарика, дотронулась до русской Академіи, послѣдняя не устояла.

Болѣе полезныя отношенія установились тогда же у Шафарика съ только-что открытою археографическою коммиссіей въ Петербургѣ.

Уже въ сентябрѣ 1839 года Шафарикъ былъ утвержденъ корреспондентомъ коммиссіи.

„Ваша любовь къ славянскимъ древностямъ, ваши постоянные ученые труды по части славянской археологіи и намѣреніе издать собранныя вами „Monumenta Illyrica" даютъ мнѣ, — писалъ предсѣдатель коммиссіи въ октябрѣ 1839 года, князь Ширинскій-Шихматовъ,—право думать, что вы не затруднитесь принять на себя званіе корреспондента и сообщать ей свѣдѣнія, которыя могли бы быть для нея полезны".

Толчкомъ къ избранію, повидимому, была присылка книжки „Monumenta Illyrica", съ предложеніемъ издать самые сербскіе

памятники, которые хранились въ архивѣ похороненной нами на вѣнскомъ конгрессѣ югославянской республики—въ Дубровникѣ (Ragusa) и копіи которыхъ прошли къ Шафарику чрезъ посредство нашего консула Гагича (о немъ упомянуто было раньше). Правда, изъ предложенія вышло одно—неожиданное поученіе со стороны главнаго редактора коммиссіи, протоіерея I. Григоровича (еще изъ кружка канцлера Румянцева), какъ надо издавать; коммиссія должна удостовѣриться, гдѣ хранятся тѣ памятники и, при невозможности ихъ получить, „имѣть, по крайней мѣрѣ, засвидѣтельствованіе отъ кого-либо изъ *извѣстныхъ ученыхъ* о вѣрности каждаго списка". Письмо о. протоіерея пошло почти одновременно (15-го октября) съ извѣщеніемъ князя. Какъ видно изъ послѣдующаго, Шафарикъ вопросъ отложилъ въ сторону, а академикъ Бередниковъ, изъ тверскихъ купцовъ, тогда же спокойно издавалъ лѣтописи, не всегда умѣя правильно прочесть ихъ [1]).

Сношенія на нѣсколько лѣтъ прервались. Только съ возвращеніемъ въ Россію преданнѣйшаго ученика Шафарика, Бодянскаго, они возобновились и именно въ желанномъ для истомленнаго отъ бѣдности русскихъ матеріаловъ чешскаго ученаго направленіи. Желанныя русскія изданія посыпались. „По отзыву проф. Бодянскаго о желаніи вашемъ, для окончанія *второй* части сочиненія о Славянскихъ Древностяхъ, къ полученнымъ уже изданіямъ археографической коммиссіи, имѣть и продолженіе ихъ, я, — пишетъ кн. Ширинскій-Шихматовъ, теперь товарищъ министра просвѣщенія, 30-го ноября 1842 года,—сдѣлалъ распоряженіе о доставленіи вамъ указателя къ юридическимъ актамъ, трехъ томовъ актовъ историческихъ, перваго тома актовъ на иностранныхъ языкахъ и третьяго тома Собранія лѣтописей". Секретарь Озеровъ изъ Вѣны препроводилъ книги въ Прагу „дилижанцомъ" (правописаніе подлинника), но уже въ августѣ

---

[1]) Изъ переписки Шафарика съ сербскимъ литераторомъ въ Пештѣ, Іос. Миловукомъ, видно, что еще въ концѣ 1833 и въ началѣ 1834 годовъ Шафарикъ носился съ мыслью объ изданіи „Сербскихъ памятниковъ": Миловукъ, 5 января 1834 г., проситъ прислать нѣсколько экземпляровъ на случай изданія. Извѣстно, что позже австрійское правительство сербскія грамоты изъ архива Дубровника перевело въ вѣнскій, и въ Вѣнѣ, въ 1858 г., извѣстный славистъ, Ф. Миклошичъ, ихъ, вмѣстѣ съ другими, издалъ—„Monumenta Serbica". Въ рукописяхъ, оставшихся послѣ Шафарика (теперь въ Чешскомъ музеѣ), есть два тома: съ сербскими надписями, грамотами, а во второмъ—отдѣльная папка и на ней рукою Шафарика—„Srbské listiny". Онѣ начинаются грамотою бана Кулина 1189 года. 6 февраля 1832 г., Гр. Гагичъ пишетъ Шафарику (по-сербски), что онъ постарается вскорѣ послать еще кое-что для его „Monumenta Serbica".

1843 года. Въ мартѣ 1843 года, послѣдовала новая посылка „для собственной Вашей библіотеки" (Акты историческіе 4 и 5 т.т., два тома Актовъ на иностранныхъ языкахъ), въ 1844 г. — двѣ посылки (Выходныя книги русскихъ царей), въ 1845 г.—Остромирово Евангеліе, въ 1846 г.—опять одна посылка (Дополненія къ Актамъ историческимъ и др.). Въ отвѣтъ на это любезное вниманіе Шафарикъ выписалъ цѣлый рядъ статей, по указанію коммиссіи, изъ латинской, такъ называемой Дзиковской рукописи [1]). Прибавимъ, что въ 1843 году виленскій губернаторъ А. Семеновъ послалъ свое собраніе древнихъ документовъ по исторіи Литвы, при любезномъ французскомъ письмѣ, „какъ ученому, который столь преданно занимается историческими изысканіями и которому мы столько обязаны въ этомъ отношеніи".

Такъ собирались матеріалы для славянскаго права, для славянскаго духовнаго быта,—съ трудомъ и весьма медленно. Но вторая часть „Славянскихъ Древностей" своею широкой программою захватывала и вопросы языка, нарѣчій, и область мѣстныхъ именъ, съ значеніемъ историческаго источника для славянской психологіи, славянскаго искусства и художества, наконецъ, вопросъ о письмѣ [2]). И здѣсь надо было собирать матеріалы и разбираться среди нихъ.

X.

Живя среди сербовъ въ Новомъ-Садѣ (Uj-Videk), тогда почти чисто сербскомъ городѣ, образованный словакъ Шафарикъ (раньше подписывался Шафари) сталъ скоро настоящимъ сербомъ. Жена, хотя и словачка, но изъ южной Венгріи, внесла въ домашнюю жизнь сербскій языкъ; и даже въ Прагѣ, въ семьѣ,

---

[1]) Въ бумагахъ Шафарика осталась замѣтка, что другая рукопись изъ Дзикова, Кормчая XVI в., въ іюлѣ 1842 г. отослана на время въ археологическую коммиссію; что собственникъ обѣихъ рукописей—гр. Тарновскій въ Галиціи; что обѣ рукописи разсмотрѣлъ клерикъ Вагилевичъ, извѣстный позже галицко-русскій дѣятель, который, послѣ смерти Прейса, мечталъ быть даже его преемникомъ на каѳедрѣ, весьма лестно рекомендуя самого себя предъ Погодинымъ („Письма къ Погодину", стр. 650).

[2]) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, намъ пришлось побывать на островѣ Рюгенѣ, нѣкогда у славянъ—Руяна. Среди массы интересныхъ для историка мѣстныхъ именъ, какъ Цирквицъ, Саснипъ, встрѣтилось и *Доллемостъ*, т.-е. долгій мостъ, по произношенію у мѣстныхъ нѣмцевъ. Эти славянскія имена—отъ XII—XIII столѣтій. Ясно, что искусство строить мосты было хорошо извѣстно тогдашнимъ славянамъ острова.

разговорнымъ языкомъ былъ всегда сербскій. Но практическое знаніе не удовлетворяло, и его научная пытливость уже очень рано была направлена въ самыя темныя и спорныя области сербской этнографіи; таковы пограничныя полосы между сербами и болгарами на востокѣ, или вопросъ македонскій. Не будучи въ состояніи предпринимать лично экскурсіи (скудость средствъ, должность) онъ искалъ поученія на сторонѣ.

Сохранились любопытныя письма, еще отъ половины двадцатыхъ годовъ, къ Шафарику отъ извѣстнаго знатока сербской этнографіи, Вука Караджича, съ матеріаломъ для разрѣшенія недоумѣній Шафарика.

По знаменитой аккерманской конвенціи 1826 года (причина турецкой войны у насъ 1828 года), Турція обѣщала возвратить Сербіи отторгнутые раньше округа (отдѣльный актъ), т.-е. на границѣ съ Болгаріею и Старой Сербіей (Лесковацъ). Объ этихъ частяхъ и обратился Шафарикъ съ вопросомъ къ Вуку—каковъ ихъ этнографическій характеръ? Равнымъ образомъ, онъ просилъ сообщить и названія поселеній.

Изъ Вѣны, 10 іюня 1827 года, Вукъ отвѣчалъ присылкой пѣсни и названій, съ просьбой—ни то, ни другое никому не сообщать, но—„сохраните у себя для вашихъ надобностей". Въ другомъ письмѣ, 4-го сентября, Вукъ посылаетъ добавочный списокъ названій и заключаетъ просьбой-указаніемъ: „теперь я хочу обратить ваше вниманіе на одну вещь—не обращать сербовъ *въ болгаръ* (не мојте ви србе бугарити); не только жители Лесковца и Приштины не болгаре, но даже жители Видина, Кипрова и Пирота по языку ближе къ сербамъ, чѣмъ къ болгарамъ, хотя правильно не говорятъ ни на одномъ языкѣ; не дайте себя въ обманъ кое-какимъ болгарскимъ лавочникамъ (тьифтама), которые, какъ и всякій человѣкъ, рады увеличить свой народъ".

Еще труднѣе было разобраться въ этнографическомъ характерѣ Македоніи—сербы тамъ, или болгары? И теперь этотъ вопросъ—жгучій. Мы видѣли, какъ заботливо Вукъ оберегалъ Шафарика не увеличивать число болгаръ на счетъ сербовъ. Но Вукъ не заходилъ въ Македонію и дать указаній не могъ. Въ розыскахъ же своихъ Шафарикъ наткнулся на любопытный этнографическій мемуаръ, отъ второй половины XVIII вѣка. Это—„Описаніе провинцій Турецкія державы, оныхъ наипаче, яже около Адріатическаго моря находятся, по взору якоже географическому, тако и политическому, чрезъ патріарха сербскаго Василія Бркича, послѣдняго въ Пекской патріаршіи, на

вопросы россійскаго адмирала Орлова, лѣта 1777-го, въ Ливорнѣ сочиненное". Знаменитый позже православный патріархъ въ Карловцахъ, Степанъ Стратиміровичъ, получилъ этотъ мемуаръ въ Вѣнѣ, для снятія копіи, отъ директора Буяновскаго, въ послѣднихъ годахъ XVIII-го столѣтія.

Вотъ главнѣйшія показанія пекскаго патріарха о составѣ населенія бывшей его епархіи. О скопльскомъ краѣ онъ говоритъ, что по селамъ весьма мало турокъ, населеніе—болгаре и сербы; о вельбуджскомъ—„по деревнямъ мало турковъ находится, но все сербы и болгаре"; о Македоніи,—что въ селахъ болгаре и турки; но „такъ какъ болгаровъ много больше чѣмъ турковъ, то во всей Македоніи всѣ турки болгарскій языкъ умѣютъ"; въ частности объ Охридѣ,—что албанцевъ и грековъ мало, но „большая часть болгары и влахи" (румыны).

О сербскомъ сотрудничествѣ русскаго консула Гагича была рѣчь выше. Здѣсь же мы отмѣтимъ, что онъ былъ посредникомъ въ мѣстныхъ научныхъ интересахъ между Шафарикомъ и черногорскимъ владыкой Петромъ Петровичемъ. Въ письмѣ 4 января 1834 г. онъ сообщаетъ Шафарику, что владыка очень сожалѣлъ, что, возвращаясь изъ Россіи чрезъ Прагу, онъ, по незнанію, не посѣтилъ его. Но свое вниманіе къ научнымъ интересамъ Шафарика нѣсколько позже митрополитъ выразилъ тѣмъ, что въ началѣ 1840 года чрезъ Гагича послалъ ему брошюрку: „Названія поселеній въ Черногоріи". Самъ Шафарикъ отмѣтилъ на ней, что черногорскій владыка приказалъ напечатать этотъ указатель въ своей типографіи въ Цетиньѣ „собственно для меня".

Не съ меньшею готовностью Шафарикъ получалъ матеріалы и отъ словинскихъ патріотовъ, изъ Штиріи, Краины, Каринтіи: отъ проф. Метелка, Враза и др. Отъ послѣдняго онъ получилъ цѣлую тетрадь съ топографическимъ и этнографическимъ обозрѣніемъ славянъ Штиріи, вмѣстѣ съ письмомъ, гдѣ сообщаются названія рѣкъ и потоковъ на пути изъ Клагенфурта (Целовецъ) въ Целье, который былъ совершенъ авторомъ пѣшкомъ, и съ замѣчаніемъ о языкѣ, что его весьма нелегко понимать остальнымъ словинцамъ, что̀ на равнинѣ.

Въ болѣе затруднительномъ положеніи былъ Шафарикъ относительно матеріаловъ для Польши и Россіи, гдѣ предполагалъ онъ его почему-то въ массахъ. Намѣреніе молодого Шемберы въ Ольмюцѣ заняться этнографіей Моравіи Шафарикъ встрѣтилъ съ восторгомъ. „Предпріятіе ваше,—я разумѣю этнографію и географію Моравіи,—писалъ онъ Шемберѣ, въ декабрѣ 1840 г.,

—какъ бы вышло прямо изъ моего сердца. Мною всегда овладѣваютъ жалость и скорбь, когда я вспомню, какая масса этнографическихъ и географическихъ трудовъ выходитъ у поляковъ и русскихъ, въ то время, какъ наша чешская литература тонетъ въ мизерныхъ повѣстушкахъ. А между тѣмъ Моравія и край словаковъ въ Венгріи, менѣе Чехія, хранятъ въ себѣ безцѣнныя сокровища для географа и этнографа. Дай вамъ Богъ здоровья и силъ для выполненія такого труда" [1]). Замѣтимъ, что когда Шафарикъ, по переселеніи изъ Новаго-Сада въ Прагу, изъ-за куска хлѣба сталъ издавать „Свѣтозоръ" (совсѣмъ наше „Живописное Обозрѣніе" Плюшара), то въ немъ съ особенною охотою онъ давалъ мѣсто историко-этнографическимъ статьямъ, напр. извѣстнаго Антона Марка (ср. „Журналъ Чешскаго Музея" 1890, стр. 349).

Но въ своемъ представленіи о богатствѣ польской и русской этнографической литературы Шафарикъ глубоко ошибался: и у поляковъ, и у насъ она была въ зачаточномъ состояніи; нѣсколько живѣе она проявляла себя на югѣ, у малороссовъ (въ-Олеска, Жегота, Максимовичъ, Лукашевичъ, Головацкій и др.). Вспомнимъ только, что о бѣлорусскомъ нарѣчіи онъ не могъ добиться свѣдѣній у Погодина въ Прагѣ, будучи предоставленъ въ распоряженіе фальшивымъ вымысламъ извѣстнаго

[1]) Кромѣ повѣстушекъ и разной поэтической дребедени, второю язвою развитія чешской литературы были непрерывные споры о *правописаніи*, à la проф. Брандтъ у насъ, и объ улучшеніи языка. „Что касается правописанія *au*—должно ли писать *ou* или ů, то я,—пишетъ Шафарикъ, въ 1841 г., Шемберѣ,—самъ еще не рѣшилъ. Я не скрываю, что ни еврейское *au*, ни волчье *ou* мнѣ не нравятся"... Въ современныхъ чешскихъ грамматикахъ склоненіе собственныхъ *иностранныхъ* именъ—верхъ нелѣпости и тупости: по правиламъ того языка, откуда имя. Чешскимъ ученикамъ неизвѣстны слова ихъ знаменитаго учителя, произнесенныя имъ еще болѣе 60 лѣтъ назадъ въ наставленіе юному Шемберѣ, при назначеніи его профессоромъ. Напомнимъ ихъ. „Съ сужденіемъ вашимъ,—пишетъ ему Шафарикъ 10 января 1840 года,—о состояніи и нуждахъ нашего языка совершенно согласенъ и отъ всего сердца хвалю вашу умѣренность и осторожность. Вообще я бы желалъ, чтобы мы всегда болѣе смотрѣли на дѣло, на нужды нашей бѣдной литературы, чѣмъ на одну форму, на постоянное грамматическое мудрованіе. Языки англійскій, французскій и нѣмецкій въ грамматическомъ отношеніи, навѣрное, стоятъ далеко ниже нашего; но это, однако, нимало не вредитъ ихъ литературѣ. У насъ же все, не безъ нашей вины, навыворотъ. Языкъ, и помимо воли нашей, будетъ совершенствоваться (brausiti) и облагораживаться, если только мы будемъ идти впередъ въ просвѣщеніи и наукахъ, въ словесности и въ реальныхъ знаніяхъ: это—единственная естественная дорога. Одно теоретическое, по извѣстнымъ апріорнымъ идеямъ, *выворачиваніе* языка введетъ насъ всегда въ новые безконечные споры, и литература наша затормозится при самомъ возникновеніи. Такъ я понимаю дѣло". Золотыя слова, и ли насъ желанныя, когда пошелъ дѣтскій споръ о правописаніи.

Греча, и только съ появленія въ Прагѣ, и на продолжительное время, Бодянскаго, онъ могъ почувствовать себя нѣсколько обезпеченнымъ со стороны нарѣчій русскаго языка. Немного позже явился на подмогу Максимовичъ, съ своей „Исторіей русской словесности“.

Благодаря своимъ старымъ и новымъ отношеніямъ въ различныхъ славянскихъ краяхъ, Шафарикъ былъ въ состояніи собрать столько нужнаго и надежнаго этнографическаго матеріала, въ видѣ устныхъ и письменныхъ сообщеній, въ видѣ книгъ, что къ началу сороковыхъ годовъ могъ разсматривать себя достаточно оснащеннымъ, чтобы приступить и къ обработкѣ, т.-е. къ выполненію одной изъ задачъ второй части „Древностей“. Но задержка была отъ болгаръ. Относительно ихъ давно уже предостерегалъ Шафарика Вукъ. Какъ быть съ ихъ этнографическою границею? Страна глухая, путешественники были рѣдки. Тутъ нѣкоторую помощь оказала старая Одесса.

Помимо болгаръ-колонистовъ нашего юга, въ Одессѣ 30-хъ годовъ было много болгаръ-торговцевъ, выходцевъ изъ разныхъ мѣстъ Турціи (и по сейчасъ здравствуетъ г. Рашеевъ). О нихъ вспомнилъ Шафарикъ, и чрезъ пріятеля своего Бодянскаго, проф. Мурзакевича, въ Одессѣ, попытался опросить ихъ и тѣмъ помочь себѣ.

„По просьбѣ вашей, — отвѣчаетъ Мурзакевичъ, 5-го мая 1839 года, на осеннее письмо Шафарика 1838 года, — о повѣркѣ болгарскихъ названій на вашей картѣ, я обращался къ нѣкоторымъ болгарамъ, живущимъ въ Одессѣ; все, что они могли исправить, при семъ письмѣ посылаю вамъ. Многое неисправлено, потому что одесскіе болгаре иныхъ мѣстъ сами не знаютъ. Писали въ свою Болгарію; но, по трудности и медленности сношеній, отвѣта и до сихъ поръ нѣтъ. Если пришлютъ исправленное, я немедленно представлю вамъ“. Осенью Мурзакевичъ предлагаетъ снова свои услуги. „Если время, — пишетъ онъ 23 ноября,—позволяетъ промедлить, не благоугодно ли будетъ копію вашей карты переслать ко мнѣ; я покажу ее болгарамъ, моимъ знакомымъ. Конечно, и они что-либо въ ней пополнятъ“.

Такимъ путемъ, и болгарская часть была приведена къ коекакому концу [1]). Въ началѣ 1841 года, болтливый Мурзакевичъ

[1]) Нелѣностнымъ помощникомъ Шафарика по выработкѣ этнографическихъ отношеній юга Россіи или Новороссійскаго края былъ больной Кирьяковъ. „По желанію вашему и по обѣщанію моему, я,—писалъ онъ къ Шафарику 13-го февраля 1839 г.,—собиралъ свѣдѣнія для этнографической карты славянъ, вами составлен-

еще разъ спрашиваетъ: „каково спѣетъ трудъ вашъ надъ картою Болгаріи?“ Правда, это мѣсто письма отмѣчено было Шафарикомъ и, по обычаю, краснымъ карандашомъ; но едва ли былъ отвѣтъ на сдѣланный вопросъ, такъ какъ уже 17 февраля онъ писалъ Шемберѣ: „моя этнографическая карта хотя уже и *готова*, но не можетъ быть издана, такъ какъ я еще не готовъ съ печатью сочиненія къ ней“.

Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ была готова и печать. Тяжело собирался матеріалъ, тяжело рождалась и самая книга—классическая „Славянская Этнографія“, причинивъ ея знаменитому автору массу заботъ и хлопотъ.

„Непреодолимая судьба,—жалуется Шафарикъ своему этнографическому ученику Шемберѣ,—привела меня къ тому, что я, на старости лѣтъ (na stará kolena), долженъ не только сочинять книги, но и ими торговать. Настоящая моя работа стоила мнѣ столько и труда, и издержекъ (я вошелъ въ долги), что охотно желалъ бы, какъ можно скорѣе и путемъ самымъ короткимъ, освободиться отъ долговъ, но при этомъ безъ акушерской помощи книгопродавцевъ. Вотъ почему я и осмѣливаюсь просить и васъ, многоуважаемый патріотъ, не вмѣнить себѣ въ трудъ собирать въ вашемъ кругу, лично или чрезъ посредство другихъ, выразившихъ на то желаніе, подписку на сочиненіе, которое, по минованіи срока на подписку, не только будетъ много дороже, но и нельзя будетъ его достать и за большія деньги. Деньги, собранныя до 1-го іюня, благоволите прислать по почтѣ не позже 15-го іюня; тѣмъ же путемъ вы немедленно получите и книги

ной. Вамъ уже извѣстны мѣста, по которымъ живутъ нѣмецкіе колонисты въ херсонской и екатеринославской губерніяхъ. Остальное все пространство, отъ р. Днѣстра на востокъ до береговъ моря, исключая Крымскаго полуострова, т.-е. до Перекопа, занято роднымъ словенскимъ племенемъ. Весь Крымскій полуостровъ занятъ татарами, мѣстами—деревни русскія, но ихъ очень мало. По берегу Азовскаго моря, между Молочными-Водами и Бердою живутъ ногайцы и поселены знаменитыя менонитскія колоніи. Въ Таганрогѣ и Маріуполѣ, а также въ ихъ окрестностяхъ, поселены большею частью греки, въ Нахичевани и Ростовѣ—армяне. По лѣвому берегу Днѣстра, отъ моря до Ягорлыка, много уже молдаванъ; но они живутъ такъ смѣшанно съ русскими, что число ихъ трудно опредѣлить. Это—переходъ къ Бессарабіи, которая, начинаясь у праваго берега Днѣстра, населена въ сѣверной части почти исключительно (!) молдаванами, а въ южной, такъ-назыв. Буджакѣ, многими болгарскими и отчасти русскими деревнями или слободами. Вотъ все, чтó я могу вамъ сообщить для вашихъ этнографическихъ занятій“. Свѣдѣнія не вполнѣ точныя,—они пробрались и въ карту,—наприм., массы грековъ у Азовскаго моря.

съ картами. Такъ какъ книга идетъ по самой дешевой цѣнѣ, поэтому, при значительной подпискѣ, пересылка не будетъ тяго-стна. Я барыша отъ этой книги не ищу, но хлопочу лишь о томъ, чтобы наши люди получили въ свои руки „на память“ книгу, пріятную имъ и ихъ потомкамъ, а дастъ Богъ,—и въ доброе воспоминаніе обо мнѣ“.

Но скромный авторъ напрасно жаловался на свою непри-вѣтливую судьбу, наградившую его на старость лѣтъ новыми, незнакомыми раньше, коммерческими заботами: онъ могъ обой-тись совсѣмъ безъ грошовой коммерціи и быть спокойнымъ въ виду денежныхъ затратъ на изданную книгу: „Славянская Этно-графія“,—то-есть, исполненная въ извѣстномъ смыслѣ одна изъ статей второй части „Славянскихъ Древностей“,—превзошла всѣ ожиданія. Впечатлѣніе отъ нея было огромное, и книга сейчасъ же по выходѣ въ свѣтъ была распродана. Но послушаемъ раз-сказъ самого, все же нѣсколько осчастливленнаго, автора. „По-мимо всѣхъ надеждъ и ожиданій,—пишетъ онъ Шемберѣ 29 іюня 1842 г.,—случилось то, что моя „Этнографія“ сейчасъ же по вы-ходѣ разобрана, и ея не хватило для всѣхъ абонатовъ; говорю, сверхъ ожиданій, потому что, правда, я не сомнѣвался, что пред-назначенные къ продажѣ 550 экземпляровъ быстро разойдутся; но, право, я и не предчувствовалъ, чтобы дѣло пошло такъ быстро и путемъ подписки“. Онъ успокаиваетъ, что послѣдуетъ вскорѣ второе, безъ перемѣнъ, изданіе, фактъ—довольно круп-ный въ исторіи только-что подымавшейся чешской ученой лите-ратуры. Второе изданіе могло удовлетворить всѣхъ, и черезъ два года осталось на рукахъ у автора всего нѣсколько десят-ковъ. „У меня,—пишетъ онъ въ началѣ іюня 1844 г. тому же корреспонденту,—лежитъ еще 60—70 экземпляровъ „Этногра-фіи“. Книгопродавцамъ охотно я не даю, а у меня рѣдко кто спрашиваетъ. Не могъ ли бы я послать вамъ экземпляровъ 5?“

Мы не будемъ говорить объ ученой сторонѣ книги. Во всякомъ трудѣ есть недочеты, и тогда же вышедшая критика молодого И. И. Срезневскаго, въ „Журналѣ Мин. Народн. Просвѣщенія“, могла бы указать ихъ и безъ приподнятаго тона. Иначе поступилъ Бодянскій, который поспѣшилъ перевести ее, а чрезъ „Москви-тянинъ“ бросить въ обращеніе русской публики нѣсколько со-тенъ этнографической карты Шафарика. Для насъ, русскихъ, книжка могла быть полезна тѣмъ, что разсѣивала наше этногра-фическое невѣжество, нашедшее свой пріютъ даже въ попу-лярномъ, въ свое время, учебникѣ географіи акад. К. Арсеньева (въ 1835 г. — 12-е изданіе, а всего — 20 изданій). Арсеньевъ

утверждалъ († 1865), что славянское населеніе имперіи составляютъ: русскіе (господствующій народъ), *казаки* (донскіе, черноморскіе, уральскіе и сибирскіе) и поляки, составляющіе *главное* населеніе въ Царствѣ Польскомъ и въ губерніяхъ, отъ Польши *присоединенныхъ*. Книжка вполнѣ отвѣчала настроенію минуты славянскихъ народностей, ихъ стремленію къ взаимности, къ культурному подъему, особенно тамъ, гдѣ жизнь исподоволь давно приготовляла почву для умственнаго броженія на Западѣ. Она говорила имъ: „Смотрите, вотъ это вы; правда, вы пока великаны на картѣ; но будущее ваше можетъ быть обезпечено". Книга предлагала массы полезныхъ свѣдѣній, лингвистическихъ, географическихъ, статистическихъ, историко-литературныхъ [1]), объединенныхъ одною гуманною цѣлью — сблизить людей, поднять ихъ нравственное сознаніе. Въ извѣстномъ смыслѣ она стала „vade-mecum" для славянъ, ихъ дѣятелей. Наоборотъ, сторона противниковъ, давно слѣдившая за ученою дѣятельностью Шафарика, еще въ періодъ подготовительныхъ его работъ, уже давно затрубила объ опасности отъ него и отъ его картъ, по однимъ слухамъ.

Извѣстный Мицкевичъ, еще только готовясь занять славянскую каѳедру въ Парижѣ, созданную министромъ Кузенемъ въ подражаніе и противодѣйствіе намъ, получаетъ въ Лозаннѣ изъ Рима совѣтъ и напутственное предостереженіе отъ одного изъ учредителей будущаго монашескаго ордена воскресенія Польши (змартвыхвстанцы), Кайсевича. „Теперь,—пишетъ тотъ въ апрѣлѣ 1840 г., — когда ты долженъ сильнѣе заняться славянщиной, совѣтую тебѣ достать все, что написалъ Копитаръ" [2]). Кайсевичъ рекомендуетъ только-что изданную имъ книжку (Glossarium), именно тѣ страницы въ ней, гдѣ онъ говоритъ о Шафарикѣ, Палацкомъ, которымъ онъ въ глаза тыкаетъ то, что они образовали антикатолическую и политическую *конспирацію*, постоянно въ

---

[1]) Сколько легкомысленно-притязательный, столько и несвѣдущій въ исторіи и литературѣ славянъ, Гоголь проситъ у Погодина, по возвращеніи его отъ славянъ, книгъ „относительно славянской исторіи и литературы: „очень обяжешь и если можешь—въ двухъ, трехъ словахъ означить достоинство, какъ и въ какомъ отношеніи можетъ быть полезно". Погодинъ послалъ цѣлый каталогъ книгъ, сдѣланный Шафарикомъ, о славянскихъ племенахъ (Барсуковъ, „Погодинъ", IV, 333). Но книжки Шафарика по этнографіи еще не было: она какъ-разъ удовлетворила бы Гоголя, была бы ему полезна.

[2]) Замѣчательный славистъ въ Вѣнѣ, также извѣстный своимъ католическимъ фанатизмомъ, умеръ въ 1844 г. Высокій талантъ и жалкій скряга. Ссылаемся на письма его къ Добровскому въ изданіи академика Ягича—„Матеріалы для исторіи славяновѣдѣнія".

сношеніяхъ съ сѣверными „журавлями“ и получаютъ отъ нихъ посылки. „Шафарикъ издаетъ теперь большой историческій славянскій атласъ и пишетъ всѣ мѣстности, олатыненныя, онѣмеченныя, на языкѣ *каждой страны*“ [1]).

Дѣйствительно, можно сказать, что небольшая книжка съ картой, выпущенная изъ молчаливой лабораторіи великаго рабочаго въ Прагѣ, была иллюстрированнымъ обоснованіемъ панславизма, пожалуй, „панмедвѣдизма“, какъ любилъ выражаться немного позже язвительный Гавличекъ, чешскій Гейне, имѣя въ виду насъ, „сѣверныхъ журавлей“ [2]). Мы видѣли, съ критикой книжки поспѣшилъ выступить только-что оперившійся Срезневскій, изъ своего Харькова. Но онъ самъ сейчасъ же остановился на своемъ шагѣ, и, извиняясь передъ своимъ „незабвеннымъ и навсегда незабвеннымъ“ Ганкой по поводу одной клеветы въ газетѣ „Ausland“, признаетъ, что гораздо болѣе правъ сердиться на него имѣетъ Шафарикъ за статью его о „Славянской Этнографіи“, но „и въ его благородствѣ я вполнѣ увѣренъ“. Безспорно, подъ дѣйствіемъ книжки Шафарика Срезневскій тогда же носился съ мыслью издать нѣчто подобное, но въ своемъ вкусѣ, т.-е. нѣчто высшее. Извѣщая, въ началѣ 1843 года, о славянскихъ новостяхъ, что больной Прейсъ въ Петербургѣ работаетъ надъ Остромировымъ Евангеліемъ, что Казань посылаетъ въ славянскія земли „какого-то Григоровича, преподающаго армянскій языкъ“ [3]), Срезневскій сообщаетъ Ганкѣ, что онъ съ Бодянскимъ хотѣлъ-было издавать славянскій журналъ, но отложилъ: Бодянскій за-

---

[1]) Smolikowski P., Historya zgromadzenia Zmartwychwstania Pańskiego, II, 286—287. Шафарикъ, издавъ I-й томъ „Слав. Древностей“, собирался издать къ нему историческій атласъ по эпохамъ, почему такъ занятъ былъ получкой отовсюду географическихъ названій, дѣлалъ самъ списки и приготовилъ для себя Словарь изв. Ходаковскаго. Но далѣе опытовъ дѣло не пошло; гравировка остановилась (ср. письмо къ Погодину, 1839). Но не невѣроятно, что Кайсевичъ слышалъ объ изготовленіи славянской этнографической карты: ср.—названія „на языкѣ каждой страны“, какъ это на картѣ 1842 года, почему карта и была для читателя, напр. русскаго, нѣсколько затруднительна при употребленіи.

[2]) Въ началѣ 1844 г., изъ Харькова, Срезневскій пишетъ Ганкѣ, что „святая Русь“ не охладѣла къ нему, что съ возвращенія славистовъ лучше поняли „заслуги западно-славянскихъ ученыхъ и болѣе стали уважать“; что „называть васъ *Россіяниномъ* мнѣ въ голову не приходило“. Но мы увидимъ, что именно такъ называлъ себя самъ Шафарикъ—въ 50-хъ годахъ.

[3]) Конечно, это небылица. Но и чрезъ пятьдесятъ лѣтъ посылали Григоровича тогда же въ Римъ, снабдивъ его ореоломъ какого-то ясновидѣнія. Любопытно, что Григоровичъ хорошо помнилъ Срезневскаго еще въ бытность свою студентомъ харьковскаго университета, называя его въ частныхъ бесѣдахъ—украинскій щеголь. Какъ извѣстно, во внѣшнемъ нарядѣ своемъ Григоровичъ былъ довольно невзыскателенъ.

нялся составленіемъ грамматикъ, а онъ—приготовленіемъ образцовъ славянскихъ нарѣчій. „Мнѣ хотѣлось бы въ этомъ изданіи *подробно* охарактеризовать нарѣчія и въ *топографико-историческомъ* порядкѣ представить рядъ отрывковъ на всѣхъ нарѣчіяхъ съ объясненіями". Въ маломъ видѣ это мы имѣемъ у Шафарика, съ прибавкой статистики и литературныхъ очерковъ [1]).

Между тѣмъ книжка Шафарика у безстрастныхъ людей стороны вызывала на новыя мысли, на новые запросы. Преемникъ о. Меглицкаго при посольствѣ въ Вѣнѣ, популярный позже дѣятель, протоіерей М. Раевскій († 1884), писалъ Ганкѣ въ іюлѣ 1834 года изъ Вѣны: „кланяйтесь отъ меня всѣмъ добрымъ славянамъ, если можно — г. Шафарику. Я никогда себѣ не прощу того, что, бывъ въ Прагѣ, не познакомился съ нимъ. Теперь, получивъ отъ книгопродавца Венедиктова, я читаю его „Славянскую Народопись". Вы смотрите на славянскіе народы глазомъ историка; мнѣ интересно посмотрѣть глазомъ служителя вѣры православной. Не знаю только, изъ какихъ источниковъ лучше можно будетъ почерпнуть свѣдѣнія, напр., касательно церковной исторіи южныхъ славянъ, ихъ церковнаго управленія и т. п. Впрочемъ, эта мысль едва только родилась у меня, и то при чтеніи Славянской Народописи".

XI.

Позволительно думать, что „Славянская Этнографія" менѣе, чѣмъ у другихъ славянъ, имѣла дѣйствіе въ Россіи. Славянская аудиторія Бодянскаго, Срезневскаго, хотя и встрѣчала симпатіями своихъ профессоровъ (вспомнимъ воспоминанія Депуле о Харьковѣ), но для самостоятельной работы—одного чувства было мало. Уже Гавличекъ подъ Сухаревкой въ Москвѣ покупалъ чешскія изданія, получаемыя студентами отъ Бодянскаго. Первое препятствіе—языкъ книги Шафарика.

---

[1]) Журналъ долженъ былъ называться: „Новости словесности русской и инославянской", для взаимнаго знакомства славянъ и русскихъ, почему въ двухъ отдѣленіяхъ, въ каждомъ—литературныя обозрѣнія, библіографія съ критикой, стихи и, въ подлинникѣ, письма; отдѣленіе—книга въ 20 листовъ. Тогда же, въ началѣ 1843 года, Гавличекъ, тогда воспитатель у проф. Шевырева въ Москвѣ, сообщаетъ своему другу Запу во Львовѣ, что Бодянскій собирается для своихъ студентовъ создать *всеславянскую христоматію*, одинъ томъ народный, другой—высшій, что онъ желалъ бы отъ Головацкаго во Львовѣ получить галицкихъ пѣсенъ для этого изданія. Только черезъ 25 лѣтъ пѣсни Головацкаго были изданы Бодянскимъ въ изв. „Чтеніяхъ".

Извѣстный странствующій библіофилъ, Бецкій, получивъ отъ Ганки книжку Шафарика, благодаритъ его изъ Парижа (6 янв. 1845 г.), но сердечно извиняется, что онъ не достоинъ чести, ему оказанной, потому что онъ „еще долженъ учиться надъ сочиненіемъ славнаго Шафарика, учиться *языку*, чтобы вполнѣ оцѣнить его достоинства". Подтвержденіемъ того же мы находимъ и въ письмахъ Гавличка изъ Москвы: вначалѣ онъ могъ говорить съ однимъ Бодянскимъ, какъ знавшимъ его языкъ. Но главное — общій характеръ нашей жизни, и спеціально московской.

„О славянствѣ я,—пишетъ тотъ же воспитатель у Шевырева, —и не говорю: крику много, толку мало (malo vlny). Если бы не было Бодянскаго, давно бы я уже думалъ о томъ, какъ бы убраться въ Австрію съ тою же радостью и желаніемъ, съ какою летѣлъ я изъ Бродъ до Радзивилова. Единая моя утѣха— Бодянскій, и я весьма радъ тому, что, имѣя о немъ изъ Праги лишь посредственное мнѣніе, нашелъ больше, чѣмъ ожидалъ". Потомъ они разошлись, и Гавличекъ сейчасъ же побѣжалъ изъ Москвы назадъ, въ Австрію.

Но что̀ же и гдѣ же славянофилы? Послушаемъ разсказъ или трудную повѣсть объ „оппозиціи" того же даровитаго наблюдателя изъ Праги.

„Я,—пишетъ Гавличекъ,—имѣлъ счастіе попасть между лучшихъ людей. Въ нашемъ домѣ и у Погодина—средоточіе всего народнаго и искреннихъ стараній объ усовершенствованіи русской литературы. Хомяковъ, Павловъ, Кирѣевскій, Снѣгиревъ постоянно у насъ". Но, тѣмъ не менѣе, онъ свидѣтельствуетъ, что ученыхъ работъ очень мало, ибо „мало кто изъ русскихъ писателей имѣетъ, когда посидѣть и внимательно поработать: обѣды, вечера, собранія, визиты не даютъ имъ, бѣднякамъ, даже опомниться".

Въ другомъ, болѣе позднемъ, письмѣ Гавличекъ дѣлаетъ, между прочимъ, весьма рельефную характеристику славянофиловъ. „Здѣшняя славянская, т.-е. русская, или антипетербургская, партія сильно патріотствуетъ à la Rus; но по сю пору это патріотничанье выражается только въ продолжительныхъ и частыхъ рѣчахъ и спорахъ, на которые собираются, и эти споры такъ обширны, что оставляютъ имъ мало времени и силъ для дѣла. Между тѣмъ, ихъ патріотизмъ проявляется только въ томъ, что 1) приказываютъ себѣ шить фантастическія русскія платья и сами ихъ крестятъ, напр., святославка; и 2) что заказываютъ облатки для запечатанья и визитныя кар-

точки съ церковно-славянскими буквами, желая тѣмъ импонировать Петербургу—*соблазнять славянщиной Петербургъ*". Впрочемъ, подобными же пустяками отмѣчена была и современная эпоха чешскаго возрожденія, за порогомъ вліянія Шафарика. Дѣлая планы изъ Москвы на 1845 годъ, Гавличекъ обѣщаетъ заглянуть въ Прагу на два—три дня, послушать новыя патріотическія сплетни, узнать—сколько дѣвицъ уже выучилось чешскому правописанію, сколько студентовъ начинаетъ кропать стихи, „короче говоря—какъ *роятся патріоты*". Въ только-что вышедшихъ запискахъ высокоуважаемаго Нестора чешскихъ историковъ, когда-то учителя дѣтей Шафарика, В. Томка, не одна страница иллюстрируетъ замѣтки Гавличка. Но для нѣкоторыхъ, напр. для Д. Валуева, Гавличекъ дѣлаетъ исключеніе, что они кое-что и полезное дѣлаютъ, посылаютъ на коммиссію въ Прагу русскія книги, несмотря на крупные расходы по пересылкѣ, и др. [1])

Срезневскій, сообщая въ Прагу о скоромъ прибытіи туда изъ Казани мѣстнаго слависта, Григоровича, того, котораго онъ раньше сдѣлалъ армяниномъ, рекомендуетъ его Ганкѣ, какъ ученаго, который „уже прекрасно понимаетъ многія славянскія нарѣчія, уже написалъ два сочиненія о славянской литературѣ, между тѣмъ какъ мы (т.-е. авторъ и Прейсъ) и до сихъ поръ остаемся при мечтахъ, надеждахъ и ожиданіяхъ". Григоровичъ, по матери полякъ, какъ правильно назвалъ его тогда же Гавличекъ, притомъ изъ начальной базиліанской школы, сотоварищъ Еловецкаго, одного изъ первыхъ „змартвыхвстанцевъ", зналъ польскій языкъ, конечно, безукоризненно. Чешскія книги читалъ, ибо съ каѳедры объяснялъ такого труднаго чешскаго поэта, какъ Воцѣлъ († 1871), о чемъ и говоритъ Срезневскій. Но Срезневскій сейчасъ же дѣлаетъ логическій скачокъ и неправильное, поспѣшное заключеніе. „Сравнивая Григоровича съ нами,—пишетъ онъ,—въ то время, когда мы къ вамъ явились, вы увидите, что славянство у насъ fait de progrès pas endormant" [2]).

---

[1]) Какъ вездѣ, мы пользуемся и здѣсь, въ письмахъ Гавличка, своими выписками изъ оригиналовъ, что̀ въ Пражскомъ Музеѣ. Молодой Ѳ. В. Чижовъ, послѣ славянскаго путешествія, въ октябрѣ 1847 года пишетъ Гоголю: „молодые москвичи сильно мнѣ нравятся; одно меня въ нихъ немного отклоняетъ, это ихъ вражда къ европейскому... На враждѣ не выѣдешь"... („Русск. Старина", 1889, августъ, 378).

[2]) Странно утвержденіе Жихарева, въ его воспоминаніяхъ, что славянофильское ученіе распространялось съ удивительными, почти невѣроятными быстротою и повсемѣстностью („Вѣстн. Европы", 1871 г., сентябрь, 28). Въ самой Москвѣ онъ тяготѣлъ къ двумъ точкамъ: на углу Петровки и Газетнаго переулка, и у Красныхъ воротъ.

Но если специалисты только при мечтахъ, надеждахъ и ожиданiяхъ, то какъ далеко общество должно было быть отъ славянской реальности!.. Припоминаются слова Гавличка изъ Москвы —„много крику“. Не безъ основанiя и язвительныя замѣчанiя Гавличка о лекцiонной проповѣди, о постоянномъ выкрикиванiи съ каѳедры: „мы, славяне, уже тогда дали мiру то и то“, дѣлая небольшой подмѣнъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ *тогда* кое-кто изъ нихъ, славянъ, по его, нѣсколько гиперболическому выраженiю, грызъ еще желуди.

Нужны средства, нужны *знанiя*. Это могло бы быть только впереди, въ будущемъ, такъ какъ каждое, и самое малое, знанiе требуетъ труда, не дается однимъ хотѣнiемъ [1]). Гдѣ же этотъ быстрый прогрессъ, какъ онъ представлялся харьковскому другу Ганки? Славяне—какое-то привилегированное сословiе на землѣ; они всегда запаздываютъ своимъ появленiемъ въ лабораторiи человѣческаго труда, легко относятся къ этой первой задачѣ жизни: за нихъ-де кто-то другой сдѣлаетъ. Отсюда такая малая стоимость ихъ на мiровомъ рынкѣ. „Хотѣть и дѣлать, особенно у русскихъ патрiотовъ,—замѣчаетъ Гавличекъ въ одномъ изъ своихъ московскихъ писемъ разсматриваемаго времени,—большая разница“. Одно исключенiе составляютъ чехи: они безъ разлада между мыслью и дѣломъ. Суровая нянька-дѣйствительность, добрый примѣръ нѣмецкихъ сосѣдей — выработали у земляковъ Шафарика, исподоволь, привычку къ накопленiю труда, къ образованiю запасовъ его, которымъ они и дѣлятся съ тѣми, которые — въ положенiи дѣвъ евангельской притчи, оставшихся безъ елея, по своему неряшеству, нерадѣнiю, безпечности [2]). Мы

---

[1]) Прекрасное стихотворенiе Хомякова „Беззвѣздная полночь“ съ крупнымъ анахронизмомъ: на горѣ Петринъ, что̀ надъ Прагой, поэтъ видитъ храмъ св. Меѳодiя, а на дѣлѣ, на вершинѣ этой горы, рубили головы преступникамъ. Поэтому на этой горѣ и такъ называемая „кальварiя“.

[2]) Въ концѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка Мацѣевскiй освѣжилъ въ наукѣ вопросъ о православiи у славянъ Запада. На этомъ вопросѣ тотчасъ же, именно въ 1840 году, остановился знаменитый епископъ Иннокентiй Борисовъ, тогда ректоръ кiевской академiи. Чрезъ Иванишева онъ ищетъ *въ Прагѣ* полнаго списка необходимыхъ сочиненiй. „Я думаю,—пишетъ Иванишевъ Ганкѣ 3-го ноября 1840 г.,—что г. Шафарикъ не откажется также сообщить свѣдѣнiя объ этомъ предметѣ, для составленiя полнаго реэстра сочиненiямъ и памятникамъ. Онъ препоручилъ мнѣ также спросить васъ о трехъ церквахъ краковскихъ“... Чрезъ немного лѣтъ тотъ же вопросъ остановилъ вниманiе славянофиловъ. Другъ Валуева, В. Елагинъ, проситъ у Ганки такого же реестра, особенно изъ времени Гуса, съ выписками, возможно полной библiографiей: „всякое извѣстiе весьма важно для насъ, бродящихъ во мракѣ невѣдѣнiя по этому предмету“. Самъ же Валуевъ приписалъ объ условiяхъ: „если бы

видѣли выше примѣры обращенія съ нашей стороны къ Шафарику, по тому или другому вопросу; но они могли быть значительно увеличены. Да наконецъ вся огромная ученая дѣятельность Шафарика есть одинъ отвѣтъ на одинъ грандіозный вопросъ со стороны славянъ,—слѣдовательно, и со стороны насъ, русскихъ. Таково его учительское значеніе.

Александръ Кочубинскій.

кто изъ *настоящихъ* ученыхъ взялся разрабатывать этотъ предметъ или что другое, соприкасающееся съ нимъ, то 30 и болѣе гульденовъ"—за листъ. Думается, что деликатный Валуевъ имѣлъ въ виду Шафарика, говоря о *настоящихъ* ученыхъ и приглашая къ содѣйствію ему.

ЧЕЛОВѢКЪ ПОРЯДКА

РАЗСКАЗЪ.

Все, чтò я предсказывалъ—сбылось. Эта дѣвочка принесла намъ только одно горе. Конечно, странно было разсчитывать на благодарность. Развѣ теперь кто-нибудь считаетъ нужнымъ быть благодарнымъ? А, кажется, нашей-то Панѣ было бы за чтò.

„Паня!“ Все это выдумки жены. Окрестили ее Степанидой. Мать была прачкой—поденщицей; простудилась, умерла, а дѣвочку принесли къ намъ на кухню. Почему именно къ намъ—не знаю. И все бы обошлось прекрасно, еслибы, случайно, жена не услыхала крика ребенка и не узнала о всей этой исторіи. Я никогда не жалѣлъ, что у насъ не было дѣтей; жена тоже относилась къ этому обстоятельству довольно равнодушно,—но тутъ, въ одну ночь, съ ней совершился какой-то переворотъ. Ребенокъ былъ еще совсѣмъ крошечный, всего нѣсколькихъ мѣсяцевъ; что-то у него болѣло, и жена принялась лечить, кормить, рвать ему на пеленки какія-то старыя простыни. Я едва добился, чтобы она въ эту ночь легла спать. На другой день дѣвочка все еще была у насъ, а жена къ обѣду вышла съ красными, заплаканными глазами.

— Ни за что не отдамъ ее, пока она не выздоровѣетъ,—заявила она.—Въ воспитательномъ, говорятъ, и здоровыя дѣти мрутъ, какъ мухи,—гдѣ же выжить такой слабенькой? Не могу, не могу! Мнѣ все будетъ казаться, что я виновата въ ея смерти.

Прошло еще три-четыре дня, а дѣвочку и не думали увозить. У жены почему-то все болѣла голова, и она отказывалась

ѣхать куда-либо вечеромъ; а когда и я оставался дома, то не могъ не замѣчать, какъ она постоянно срывалась съ мѣста, бѣгала въ кухню, а возвратившись, къ чему-то тревожно прислушивалась и разсѣянно отвѣчала на мои вопросы.

— Когда же ее отправятъ?—спросилъ я, наконецъ.

Жена не то испугалась, не то разсердилась.

— Неужели она тебѣ мѣшаетъ? Вѣдь говорю же тебѣ, что она очень слабенькая и болѣзненная. И такая крошка! Вѣдь это надо быть жестокимъ, безсердечнымъ...

— Позволь! — но если ждать, когда она будетъ сильной и здоровой,... сколько же это придется ждать?

Жена поблѣднѣла и упрямо сжала губы.

Сколько я ни говорилъ, и сколько я ни убѣждалъ, я не могъ добиться отъ нея ничего, кромѣ слезъ и короткихъ восклицаній: „Боже мой! да кому она мѣшаетъ?“ — „Да вѣдь это ребенокъ, а не щенокъ!“ — „Да ты поди, взгляни на нее! взгляни!“

Черезъ недѣлю у ребенка была уже собственная комната, гдѣ прежде помѣщались гардеробы и сундуки жены; черезъ мѣсяцъ у него была собственная няня и самъ онъ ползалъ по свѣтлому ковру нашей гостиной... Ни одного дня не проходило, чтобы я не пробовалъ убѣдить и облагоразумить жену. Когда я говорилъ кротко, она молчала и поджимала губы; когда я сердился и грозилъ—она плакала. Она до такой степени измѣнилась, что я началъ опасаться, не больна ли она? Она была въ постоянной тревогѣ, точно въ постоянномъ испугѣ. Одинъ разъ, когда мы вмѣстѣ вернулись изъ театра, она быстро прошла въ комнату ребенка, но сейчасъ же бросилась бѣжать въ мой кабинетъ и остановилась передо мной блѣдная, какъ платокъ, съ трясущимися, тоже побѣлѣвшими губами. Я сильно испугался.

— Что съ тобой?

— Гдѣ Паня? —прошептала она.—Гдѣ? Это ты?.. ты?

— Я не знаю, какая Паня? что—Паня?

— Моя Паня! Моя дѣвочка... Отдай! Не будетъ ея, не будетъ и меня. О, я все время этого боялась! Я знала!

Я видѣлъ, что она близка къ обмороку или къ истерическому припадку, и серьезно растерялся, тѣмъ болѣе, что я понялъ, въ чемъ она подозрѣваетъ меня, но, на самомъ дѣлѣ, ни въ чемъ не былъ виноватъ. Къ счастью, это недоразумѣніе сейчасъ же разъяснилось: оказалось, что дѣвочку взяла къ себѣ горничная, такъ какъ новая нянька убѣжала куда-то изъ дома, какъ только мы уѣхали въ театръ. Боже мой! какъ обрадовалась жена! И въ этотъ вечеръ она уже не молчала. Ласкала и

умоляла меня простить ее за ея опрометчивое обвиненіе; она призналась, какъ мучилась все время боязнью, что у нея могутъ отнять ея дѣвочку, что я не захочу оставить ее совсѣмъ. Она увѣряла, что не можетъ жить безъ нея, и все плакала, плакала... „Оставить ее совсѣмъ"! Эта мысль нисколько не улыбалась мнѣ, но отказать женѣ въ такомъ горячемъ ея желаніи у меня не хватило духу. Я опять сталъ разсуждать и увѣщевать, хотя уже отлично видѣлъ, что все, что̀ я говорю, не имѣетъ для нея никакого значенія. Она уже поняла, что отказать я ей не могу, и что если она будетъ продолжать настаивать, то дѣвочка останется у насъ совсѣмъ. И дѣвочка осталась.

Удивительная женщина—моя жена! Она маленькая, худенькая, бѣлокуренькая, и лицо у нея кроткое, даже какъ будто робкое по выраженію. Сто̀итъ на нее взглянуть, чтобы увидѣть, до чего она слаба, безпомощна, безвольна. На самомъ дѣлѣ трудно найти человѣка настойчивѣе ея. У нея какая-то особенная покорная настойчивость. Она не споритъ, не возражаетъ, но она борется за свою цѣль нѣмой, терпѣливой, скрытной борьбой, въ важныхъ случаяхъ продолжающейся цѣлыми годами. Въ первые годы послѣ женитьбы я не подозрѣвалъ въ ней этой черты и узналъ ее хорошо, увы, слишкомъ поздно! Потомъ я понялъ и увѣрился, что жена рѣшила оставить у себя Паню въ ту же первую ночь, когда ее принесли въ кухню; тогда же она намѣтила и всю ея послѣдующую судьбу, и съ тѣхъ поръ не переставала лелѣять свою мечту и дѣлать все возможное и невозможное для ея осуществленія. Надо сказать, что мнѣ она оказала слишкомъ мало довѣрія. Она никогда не говорила со мной о своихъ планахъ насчетъ дѣвочки, а я не разъ развивалъ при ней ту мысль, что воспитывать дочь прачки, какъ бы мы воспитали собственную дочь, вполнѣ нелѣпо и неблагоразумно, и что если мы не хотимъ сдѣлать ее несчастной и непригодной къ жизни, то не надо портить ее баловствомъ, излишними нѣжностями, а напротивъ, съ дѣтства пріучать ее къ труду, къ покорности, къ мысли о необходимости зарабатывать свой хлѣбъ собственными руками.

— Пусть сперва доростетъ до того, чтобы что-нибудь понимать,—смѣясь, сказала жена.—Пока ей нуженъ только физическій уходъ, а онъ ни нашей дочери, ни дочери прачки повредить не можетъ.

Появилась новая степенная няня. Появилась полная обстановка дѣтской комнаты: кроватка, ванночка, игрушки. Нерѣдко, въ гостиной, или даже у себя въ кабинетѣ, я поднималъ съ пола какую-нибудь резиновую куклу, кошку, крошечный вязаный баш-

мачокъ или даже цѣлую пеленку. Иногда это раздражало меня. Особенно было мнѣ непріятно то, что жена вдругъ разлюбила выѣзжать и стала замѣтно тяготиться самыми элементарными обязанностями свѣтской женщины. Она забывала отдавать визиты, отказывалась отъ приглашеній, которыя необходимо было принять. Одинъ разъ я не выдержалъ.

— Такъ нельзя!—замѣтилъ я.—Я не могу допустить, чтобы наши отношенія къ людямъ, наши личные вкусы, привычки, словомъ, вся наша жизнь ставилась въ зависимость отъ подкидыша, отъ дочери нашей поденщицы. Я требую, чтобы этого не было!

Жена стала осторожнѣе, но, тѣмъ не менѣе, я не могъ не замѣтить, какъ ребенокъ все сильнѣе и сильнѣе захватывалъ мой домъ въ свою власть. Случилось какъ-то такъ, что мы переѣхали на другую квартиру, и въ этой новой квартирѣ ему отвели большую, свѣтлую комнату. Въ швейцарской стояла колясочка, въ которой дѣвочку катали по улицамъ. На мой вопросъ, дома ли барыня, прислуга отвѣчала мнѣ:—„онѣ въ комнатѣ барышни“, или: „онѣ ушли гулять съ барышней“. Знакомыя дамы говорили мнѣ: „ваша прелестная малютка“... и, какъ я узналъ, привозили моей „малюткѣ“ игрушекъ и конфетъ.

— Чтò ты хочешь сдѣлать изъ дѣвчонки?—спрашивалъ я жену.—Ты держишь ее такъ, будто ты совершенно забыла, кто она. Впослѣдствіи у нея будетъ фальшивое положеніе. Не думаешь же ты воспитать ее барышней, пріучить ее къ довольству, скажу даже—къ богатству, а затѣмъ предоставить ей зарабатывать кусокъ хлѣба.

— Но какъ же она будетъ зарабатывать, если я не позабочусь о томъ, чтобы она была здоровой, образованной?

— Однако, ея мать обошлась безо всякаго образованія.

Жена поджала губы. Она дѣлала это каждый разъ, какъ я упоминалъ о матери ребенка.

— Хорошо обошлась!—тихо сказала она.—Да и, наконецъ, не все ли равно, кѣмъ была мать Пани? Ея нѣтъ, а вмѣсто нея—я. Мать Пани сдѣлала бы для дочери все, чтò могла бы, а я сдѣлаю, чтò я могу.

— Нѣтъ, это неправильно!—возразилъ я.—Совсѣмъ не все равно, кѣмъ была мать дѣвочки. Ея происхожденіе должно руководить тобой въ дѣлѣ воспитанія ребенка. Сдѣлай изъ своего пріемыша честную прислугу, хорошую работницу—и ты исполнишь добровольно взятый на себя долгъ. Но если ты привьешь ей вкусы и привычки барышни, если ты будешь учить и разви-

вать ее, ты принесешь ей вредъ, одинъ несомнѣнный и непоправимый вредъ.

Когда дѣвочка была еще очень мала, я только случайно и мелькомъ видѣлъ ее; когда она стала ходить и бѣгать, ее уже трудно было удержать въ одной комнатѣ, и наши встрѣчи стали болѣе частыми и продолжительными. Тутъ я услыхалъ, что она называетъ мою жену „мамой“.

— Зачѣмъ это?—возмутился я.—Какъ это нетактично!

— А кто же ей больше мать, чѣмъ я?—заволновалась жена.—И чѣмъ она мнѣ не дочь? Богъ не далъ мнѣ собственныхъ дѣтей, но послалъ мнѣ эту. И кто знаетъ, кто кому больше нуженъ: я ли ей, или она мнѣ?

Я понялъ, что повліять на жену, при ея страстной привязанности къ дѣвочкѣ, я не въ силахъ, и хотя и продолжалъ дѣлать необходимыя, по моему мнѣнію, замѣчанія, но уже ни во что не вмѣшивался и предоставилъ женѣ полную свободу дѣйствій. Она дѣлала одну глупость за другой. Сперва къ дѣвочкѣ была взята гувернантка, потомъ ее отдали приходящею въ частную гимназію.

— А какъ ея фамилія?—спросилъ я какъ-то.

Жена нахмурилась.

— Гимназія частная!—нéхотя отвѣтила она.—Тамъ ея фамилія—наша.

Каждый день я видѣлъ Паню за обѣдомъ. Когда я входилъ въ столовую, она всегда стояла за своимъ стуломъ, присѣдала мнѣ издали, а я кивалъ ей головой и иногда шутилъ съ ней. Она была хорошенькая и, кажется, очень веселая и шаловливая, но при мнѣ она всегда держала себя очень сдержанно, какъ будто стѣснялась или побаивалась меня. Мнѣ нравилось, что у нея совсѣмъ черные волосы, смуглый цвѣтъ лица и при этомъ голубые глаза. Это—рѣдкое сочетаніе. Черты лица ея были очень неправильны, но не рѣзки, и общее впечатлѣніе получалось пріятное. Я иногда любилъ ее подразнить, и тогда она краснѣла и смущалась. Я зналъ, что училась она очень хорошо, но увѣрялъ, что до моего свѣдѣнія дошло, что она не знала урока и была наказана. Или я просилъ ее не оглушать меня своей болтовней, тогда какъ она молчала, какъ обыкновенно молчала при мнѣ. Вообще, я всегда былъ съ ней ласковъ, но никогда не удавалось мнѣ вызвать ни ея смѣха, ни отвѣтной шутки. Она или робѣла, или поднимала на меня такіе серьезные вдумчивые глаза, что мнѣ даже становилось любопытно: что̀ она думаетъ обо мнѣ? какъ она относится ко мнѣ? Одинъ разъ, тоже за обѣдомъ, она

долго, пристально глядѣла на меня, думая, что я не замѣчаю этого, потомъ перевела свой взглядъ на жену, потомъ опять на меня. Она будто что-то искала понять, разрѣшить. Я окликнулъ ее, и она покраснѣла до слезъ. Въ концѣ концовъ, не скрываю, я привязался къ ней, привыкъ къ ея присутствію въ домѣ, и мнѣ было бы скучно, еслибы ея молодое, привлекательное лицо не оживляло нашего однообразнаго обѣденнаго часа. Жена уже давно начала прихварывать и гости въ нашемъ домѣ стали большой рѣдкостью. У меня вошло въ привычку ѣздить по вечерамъ въ клубъ, а такъ какъ днемъ я сидѣлъ на службѣ, мнѣ было некогда, да и не было желанія поддерживать прежнее многочисленное знакомство. Послѣ обѣда я любилъ отдыхать, и поэтому всегда обѣдалъ дома. Присутствіе Пани было мнѣ тѣмъ болѣе пріятно, что, признаюсь, мнѣ было немного тяжело глазъ на глазъ съ моей женой. Что̀ сдѣлалось съ ней—я не знаю, но она такъ измѣнилась по отношенію ко мнѣ, что еслибы не постепенность этой перемѣны, я бы, конечно, постарался узнать о ея причинѣ и основаніи. Но эта постепенность такъ сгладила впечатлѣніе, что, по совѣсти, я долго ничего не замѣчалъ, а когда замѣтилъ, то уже почти привыкъ къ нашимъ новымъ отношеніямъ и понялъ, что стараться измѣнить ихъ было бы уже поздно. Почему-то мы стали совсѣмъ чужіе другъ другу. Намъ даже не о чемъ стало говорить. Ее не интересовало то, что̀ интересовало меня, и ея равнодушіе отбивало у меня всякую охоту дѣлиться съ ней моими служебными впечатлѣніями, надеждами, мечтами. Когда я передавалъ ей какой-нибудь сенсаціонный слухъ, или даже достовѣрную новость изъ той области, которая по моему общественному положенію больше всего занимала меня, она говорила: „а!“—и по лицу ея я видѣлъ, что она думаетъ о чемъ-то другомъ, о своемъ. Но о̀ чемъ о своемъ? Я всегда былъ убѣжденъ, что это такіе пустяки, о которыхъ не стоитъ говорить: какія-нибудь хозяйственныя распоряженія, какія-нибудь заботы о модныхъ тряпкахъ. Словомъ, женскія мелкія будничныя мысли, несомнѣнно необходимыя, но незначительныя. Допытываться о нихъ мнѣ казалось совершенно лишнимъ. Мы стали молчать. Свою болѣзнь она тоже долго скрывала отъ меня, и я узналъ о ней случайно, замѣтивъ, что она принимаетъ за обѣдомъ лекарство. Это даже обидѣло меня! На мои упреки она промолчала, но когда я выразилъ опасеніе, что она недостаточно заботится о своемъ леченіи, у нея вдругъ покраснѣли вѣки и она отвѣтила съ непонятной горечью:

— О, нѣтъ! я слишкомъ хочу жить! слишкомъ! На этотъ счетъ ты можешь быть спокоенъ.

Говорятъ, что подъ старость годы идутъ необычайно быстро. Это вѣрно. Я почти не замѣтилъ, какъ прошло настолько много лѣтъ, что жена стала едва не старушкой, а Паня—молодой, красивой дѣвушкой. Впрочемъ, жену состарили не столько годы, сколько болѣзнь. Она очень похудѣла, и поэтому лицо ея избороздилось морщинами, волосы порѣдѣли, а глаза приняли усталое, разсѣянное выраженіе. Паня стала еще болѣе серьезной и сдержанной. Я уже не дразнилъ ее, какъ прежде, и она уже не впивалась въ меня своимъ пристальнымъ вопросительнымъ взглядомъ. Неожиданно я нашелъ въ ней умненькую, внимательную собесѣдницу. Правда, что сама она очень мало высказывалась, но жадно слушала всѣ слухи и толки, которые я ей передавалъ. Время настало такое живое и горячее, что я не удивлялся, что такая молоденькая дѣвушка, какъ Паня, не чужда и общественнымъ и политическимъ вопросамъ, что она за всѣмъ слѣдитъ, все читаетъ и даже старается найти какую-то собственную точку зрѣнія. Я опасался, что, по своей крайней молодости, она увлечется слишкомъ распространенными опасными и вредными идеями, и старался повліять на ея умъ и дать ему надлежащее направленіе. Меня всегда раздражало отсутствіе благоразумія, возбужденность и, вообще, все безпокойное и неуравновѣшенное въ человѣкѣ. Я нахожу, что для жизни прежде всего необходимъ порядокъ, а для порядка необходимо, чтобы люди знали свое мѣсто, свое дѣло и свою цѣль. Изъ безпорядка никогда ничего не выйдетъ и не можетъ выйти, кромѣ того же безпорядка, и поэтому его надо устранять. Я люблю людей и жалѣю ихъ, когда имъ плохо, но не приведу нищаго въ свой кабинетъ и не буду угощать его сигарами, потому что это прежде всего глупо. Не менѣе глупо увлекаться идеями и дѣлать изъ-за нихъ непоправимыя ошибки, потому что идеи мѣняются, а потребность человѣка пользоваться возможно бо̀льшими благами жизни остается неизмѣнной. Я съ удовольствіемъ излагалъ всѣ эти трезвыя мысли опытнаго и уравновѣшеннаго человѣка, а она слушала и предлагала мнѣ иногда очень забавные, неожиданные вопросы:

— Кто опредѣляетъ мѣсто человѣка? Что̀ такое порядокъ?

Я спокойно и терпѣливо отвѣчалъ ей на все, и мнѣ даже было пріятно, что она еще такъ наивна и искренна. Я могъ разсчитывать оказать на нее немалое вліяніе. Это всегда лестно, а Паня, такая красивая и оригинальная, положительно начинала не на шутку нравиться мнѣ. Правда, меня иногда затрудняло

объясненіе какого-нибудь вопроса, потому что моя ученица не удовлетворялась моими доводами и отказывалась признать извѣстныя положенія. Такъ было, когда мы обсуждали, правы ли или неправы тѣ, кто рискуетъ жизнью изъ-за увлеченія идеей.

— Когда рискуютъ жизнью укротители звѣрей или воздушные гимнасты въ циркѣ, я ихъ понимаю и жалѣю,—сказалъ я;—ихъ толкаетъ нужда. Когда это дѣлаютъ студенты, курсистки и т. д., я ихъ тоже жалѣю, по человѣчеству, но я не сочувствую имъ. Нѣтъ! Я вижу въ нихъ тотъ элементъ безпорядочности, возбужденности, неосмысленности, который мнѣ уже потому противенъ, что онъ нарушаетъ порядокъ жизни безъ всякой пользы.

— Всякій протестъ безполезенъ?—спросила Паня.

— Отчего же?—нѣтъ! Если протестъ разуменъ, если протестующіе заслуживаютъ довѣрія...

— А кто заслуживаетъ довѣрія?

— Люди, уже зарекомендовавшіе себя. Не какіе-нибудь юнцы, или неудачники, или Богъ знаетъ кто.

— Значитъ, только тѣ, кому не изъ-за чего протестовать?

— Нѣтъ, Паня, тѣ, которые не будутъ этого дѣлать изъ-за невозможнаго.

— А развѣ юнцы, неудачники и тѣ, кого вы назвали „Богъ знаетъ кто", требуютъ только невозможнаго?

— Дѣло въ томъ, что они не имѣютъ права ничего требовать, и поэтому то, что̀ они требуютъ, пожалуй невозможно.

— А имъ дадутъ это право, если они не будутъ протестовать? Кому же оно и нужно, какъ не тѣмъ, кто во всемъ нуждается и ничего не имѣетъ? Пусть возможное перестанетъ для нихъ быть невозможнымъ.

Какъ я ни бился, доказывая ей, что давать людямъ право требовать хотя бы возможное можетъ разрушить весь порядокъ жизни, она не поняла.

— Я думала, что порядокъ въ жизни—это то, когда въ ней все хорошо, справедливо,—когда нѣтъ обиженныхъ, лишенныхъ правъ.

— Порядокъ—это прежде всего то, когда призванные къ власти—властвуютъ, а обреченные повиноваться—повинуются.

— Кто же ихъ призвалъ? Кто обрекъ?

Я съ недоумѣніемъ замѣчалъ, что у взрослой дѣвушки нѣтъ ни малѣйшаго понятія о самыхъ основныхъ положеніяхъ строя жизни. Ей казались страннымъ и невозможнымъ то, что̀ было вполнѣ обыкновенно и даже неизбѣжно, и наоборотъ, ей пред-

ставлялось необходимымъ то, что въ практикѣ жизни считалось недопустимымъ. Я не могъ не обвинить жену въ такой непростительной небрежности къ ея внутреннему міровоззрѣнію. Она должна была понять это изъ моихъ взглядовъ и заключеній, но никогда не вмѣшивалась въ нашъ разговоръ, и только, почему-то, принимала такой угнетенный и страдающій видъ, будто я каждымъ словомъ своимъ причинялъ ей невыносимую боль.

Отъ Пани не было скрыто ея происхожденіе. Я настоялъ на этомъ, да женѣ и трудно было бы скрыть, еслибы она даже и захотѣла этого. Тѣмъ не менѣе, дѣвушка продолжала звать ее „мамой", и я видѣлъ въ ихъ отношеніяхъ близость и нѣжность настоящаго кровнаго родства. Удивляло меня то обстоятельство, что жена моя, располагавшая собственными средствами, какъ будто и не собиралась обезпечить ими свою пріемную дочь и, вообще, совсѣмъ не заботилась объ этомъ вопросѣ. Когда здоровье ея значительно ухудшилось, я ожидалъ, что она пожелаетъ сдѣлать духовное завѣщаніе, но ей какъ будто никогда и не приходила въ голову эта мысль. Такая беззаботность въ отношеніи къ ея любимицѣ даже удивила меня. Столько любви, щепетильности, сентиментальности, и такая небрежность къ самому главному! Я тогда же рѣшилъ, что непремѣнно буду помогать Панѣ. Пусть и она пойметъ, что въ жизни тревное отношеніе къ людямъ—самое правильное отношеніе.

Въ одинъ осенній день жена слегла и уже не вставала.

Близость роковой развязки была очевидна. Я старался чаще бывать дома и заѣзжалъ иногда въ такое время, когда меня никто не ждалъ. Паня въ этотъ годъ кончала курсъ гимназіи, но въ это время перестала посѣщать классы и неотлучно ходила за больной. За обѣдомъ мы оставались съ ней съ глазу на глазъ.

— Паня!—сказалъ я какъ-то:—не хорошо, что ты пренебрегаешь своими уроками. Мамѣ, я увѣренъ, это тоже непріятно. Чего же проще, какъ взять сидѣлку? Тогда жизнь не будетъ выбита изъ колеи и все придетъ въ порядокъ.

Дѣвушка вспыхнула, и я невольно залюбовался ею,—такъ она сдѣлалась красива.

— Я, Петръ Егоровичъ, больше въ гимназію не пойду,—сказала она.

— Какъ такъ? почему?

— Мамѣ плохо. Очень плохо. Когда ея не станетъ—я уѣду.

Меня это заявленіе серьезно взволновало.

— Да что ты, сумасшедшая! Куда? Зачѣмъ?

— Я могу получить мѣсто сельской учительницы. И мнѣ уже обѣщано.

— Да ты сумасшедшая! Какое тебѣ мѣсто? Тебѣ прежде всего надо кончить курсъ,—тогда у тебя будетъ дипломъ. У тебя будетъ возможность устроиться иначе: лучше, выгоднѣе. Неужели ты думаешь, что я допущу... позволю?

Она вскинула на меня свои странные серьезные глаза и пристально поглядѣла мнѣ въ лицо.

— Мы такъ рѣшили съ мамой. Такъ надо. Такъ будетъ.

Я швырнулъ салфетку. Я ужасно вспылилъ.

— Твоя мама... твоя мама всю жизнь жила фантазіями, сентиментами. Я называю это сентиментами, когда человѣкъ въ своемъ чувствѣ руководится не разумомъ, не практическими правилами жизни, а поэтическими выдумками, мечтами... Смыслъ этой послѣдней выходки для меня совершенно непонятенъ. Въ чемъ дѣло? Объясни, будь добра!

— Дѣло въ томъ, что мнѣ не на что будетъ жить, нечѣмъ платить.

Я нарочно сдѣлалъ испуганное лицо.

— Боже мой, какое несчастіе! А еслибы обратиться за помощью къ Петру Егоровичу? Нѣтъ? Нельзя? Ну, а если онъ самъ предложитъ, попроситъ даже?

Она опустила глаза и поблѣднѣла.

— Не будемъ говорить, пожалуйста. Я знала, что вы предложите. Но я не могу... Мнѣ не надо...

Она замолчала, и я тоже молчалъ и глядѣлъ на нее, ожидая какого-нибудь объясненія. Въ эту минуту, да проститъ меня Богъ, я ненавидѣлъ свою умирающую жену, я ненавидѣлъ ея вліяніе на эту дѣвушку, я ненавидѣлъ весь ея духовный, скрытый, жалкій міръ...

— Благодарю васъ!—наконецъ, съ горькой насмѣшкой, сказалъ я.—Благодарю васъ за ваше отношеніе.

Паня выпрямилась и опять въ упоръ поглядѣла на меня.

— Но почему бы я стала разсчитывать на васъ? Я, дочь прачки, могу быть учительницей. Развѣ это мало для меня? Развѣ я нуждаюсь въ сожалѣніи?—въ помощи? Развѣ это было бы въ порядкѣ вещей, еслибы я достигла еще бо́льшаго, лучшаго?

Опять начались эти несносные вопросы! Я невольно поморщился.

— Однако, насколько я понимаю, ваше положеніе, какъ дочери прачки, было до сихъ поръ довольно исключительное,—замѣтилъ я.

— Оно было исключительно благодаря мамѣ. Оно и будетъ такъ, благодаря ей. Съ нея все началось для меня и съ нею все кончается. Все, что я приняла бы отъ другихъ, было бы милостыней. Я не хочу. Мнѣ не надо.

Только тутъ я понялъ, что такое я былъ въ глазахъ Пани, въ глазахъ моей жены, и точно молнія на мигъ освѣтила все прошлое и показала мнѣ въ немъ такія картины, мимо которыхъ я прежде проходилъ, не замѣчая ихъ. Такъ вотъ она была какова, моя кроткая, молчаливая, безпомощная жена! Насколько постепенно и упрямо она сперва отстаивала положеніе Пани въ нашемъ домѣ, настолько же постепенно и упрямо она возстановляла дѣвочку противъ меня, изъ личной непріязни, изъ мести за то, что я, когда-то, протестовалъ противъ этого положенія. Она предпочла исковеркать всю судьбу дѣвушки, лишь бы не дать мнѣ возможности стать въ свою очередь полезнымъ и необходимымъ для нея. Она — все, я — ничто. Она—другъ, мать, я—врагъ, чужой, лишній.

Мы кончили обѣдъ въ тяжеломъ молчаніи, и я, по обыкновенію, ушелъ отдыхать, но заснуть мнѣ не удалось. То мнѣ хотѣлось пойти и сказать Панѣ при женѣ, что я не желаю больше ея присутствія въ домѣ; то, наоборотъ, мнѣ хотѣлось позвать Паню къ себѣ, пристыдить ее, растрогать и взять съ нея обѣщаніе, что она не уйдетъ на это дурацкое мѣсто учительницы, не обидитъ меня отказомъ принять отъ меня то, что принимала отъ жены. Я не сдѣлалъ ни того, ни другого, и, очень разстроенный, уѣхалъ въ клубъ.

Когда я вернулся, горничная сообщила мнѣ, что барынѣ плохо и что меня просятъ зайти къ ней. Я направился къ спальнѣ, очень встревоженный и огорченный, но когда я поспѣшно шелъ по корридору, дверь комнаты Пани быстро отворилась и сама Паня пошла ко мнѣ навстрѣчу.

— Она заснула теперь... Не ходите...—шепнула она.—Но, пожалуйста, Петръ Егоровичъ... Нѣсколько словъ.

Со свѣчой въ рукахъ, она быстро пошла впереди меня, завернула въ столовую и поставила свѣчу на столъ. Я никогда раньше не видалъ ее въ такомъ небрежномъ нарядѣ: на ней былъ какой-то узенькій, вѣроятно старенькій, застиранный капотъ, волосы ея были заплетены въ одну тяжелую косу, но не приглажены спереди, и поэтому все лицо ея было какъ бы оттѣнено безпорядочными, но очень живописными прядями естественныхъ завитковъ. Руки ея были немного красноваты, немного широки, и именно онѣ напомнили мнѣ въ эту минуту, что эта дѣвушка

не нашего круга, что ея происхожденіе не изгладится никакими заботами о ея воспитаніи. И тѣмъ не менѣе, въ эту минуту она нравилась мнѣ, какъ никогда.

— Ну, разскажи мнѣ,—началъ я,—что такое съ ней было? Звали доктора? Она сильно страдала?

Я сѣлъ, а она продолжала стоять и, отвѣчая на мои вопросы, ни разу не взглянула мнѣ въ лицо. И тонъ у нея былъ такой, будто то, что она говоритъ, очень мало интересно и важно, а если я спрашиваю, а она отвѣчаетъ, то дѣлается это только для соблюденія какой-то формальности. Меня это задѣло.

— А знаешь ли ты, — сказалъ я, — что ты меня сегодня очень обидѣла? Знаешь ли ты, что я не могъ не думать объ этомъ весь вечеръ?

Она слегка нахмурилась и отвернулась, а я взялъ ея руку, удержалъ ее въ своихъ силой, и продолжалъ говорить:

— Паня!—ты уже взрослая дѣвушка. Ты не можешь не наблюдать, не дѣлать своихъ заключеній. Что ты видишь? Ты видишь, что я и жена — люди чужіе другъ другу. Мою жену ты называешь матерью, ты многимъ обязана ей, ты любишь ее, и поэтому ты всецѣло на ея сторонѣ. Про меня ты думаешь: „онъ безсердеченъ, онъ эгоистъ", быть можетъ даже: „онъ самодуръ". Но прежде всего, Паня, я—благоразумный, опытный, мало увлекающійся человѣкъ. Я гляжу въ корень вещей. Я не могу позволить себѣ ни одного важнаго шага, не опредѣливъ предварительно, какія послѣдствія онъ можетъ повлечь за собой въ будущемъ. Я не позволяю себѣ увлекаться одной внѣшней красотой поступка, потому что я знаю, что эта красота, потѣшивъ мое тщеславіе, можетъ впослѣдствіи имѣть горькіе плоды. Я человѣкъ дѣла, Паня. Но зато на меня можно положиться, зато мои друзья никогда не имѣли повода сѣтовать на меня. Твоя названная мать никогда не хотѣла понять этого. У нея всегда была слишкомъ восторженная, слишкомъ возбужденная душа. И если ты видишь нашу отчужденность, то—видитъ Богъ!—не я создалъ ее, а она, и, вѣрь мнѣ, вѣрь!—эта отчужденность тяжела мнѣ и горька, и обидна...

Она, все-таки, вырвала у меня руку и отодвинулась отъ меня.

— Не надо мнѣ этого говорить, — холодно сказала она.— Зачѣмъ? Все равно.

— Затѣмъ, чтобы ты поняла... Затѣмъ, чтобы ты чувствовала, что ты обидѣла меня.

Тогда она повернулась ко мнѣ и взглянула мнѣ прямо въ лицо.

— Я обидѣла васъ тѣмъ, что отказалась принять отъ васъ помощь? Но, Петръ Егоровичъ, я отказалась не только потому, что предлагали ее именно вы, а потому, что она мнѣ вообще не нужна.

— Не говори пустяковъ!

— Она мнѣ не только не нужна, она мнѣ была бы тяжела, невыносима, ненавистна! — вдругъ, точно внезапно охваченная какимъ-то порывомъ, заговорила она, и лицо ея внезапно поблѣднѣло, и голосъ прозвучалъ сдержанными, вздрагивающими нотами.

— Паня!

— Развѣ вы знаете меня? Развѣ вы хотите помочь мнѣ изъ любви ко мнѣ, къ моимъ мечтамъ, къ моимъ идеаламъ? Развѣ между нами есть что-нибудь общее? Ахъ, да развѣ вамъ даже когда-нибудь приходило въ голову, что у меня могутъ быть свои мысли, свои убѣжденія, что у меня есть своя гордость?.. Вы видѣли меня каждый день и говорили при мнѣ, какъ говорятъ при попугаѣ, надѣясь, что онъ будетъ повторять заученныя на слухъ слова. Вы, кажется, вѣрили, что развиваете меня, ограждаете отъ пагубныхъ вѣяній и вліяній. Петръ Егоговичъ! — вы сами много заботились о томъ, чтобы я не забыла своего происхожденія, чтобы я не заняла чужого мѣста. И я не забыла. Я — дочь прачки, вы — для меня баринъ. Когда я еще была въ пеленкахъ, вы уже презирали во мнѣ мое плебейство. Помощь отъ васъ?.. Нѣтъ! Я хочу быть свободной въ своемъ личномъ отношеніи къ вамъ. Въ свою очередь я презираю всѣ ваши права и преимущества... Я хочу быть тѣмъ, что я есть. Я хочу быть свободной и самостоятельной, и никакія подачки не смутятъ и не прельстятъ меня.

Я слушалъ и не вѣрилъ своимъ ушамъ. Быть можетъ, я бы даже разсердился, еслибы не видѣлъ, что говоритъ все это ребенокъ, да еще такой красивый, оригинальный ребенокъ. И вмѣсто того, чтобы разсердиться, я разсмѣялся.

— Дорогая моя, ты очень наивна...

— Менѣе, чѣмъ вы думаете, — отвѣтила она мнѣ и серьезно, и насмѣшливо. — Вы навели меня на то, чтобы я высказалась. Теперь, не правда ли, все ясно? Но мнѣ надо обратиться къ вамъ съ просьбой...

— Вотъ какъ! — удивился я. — Послѣ вашей исповѣди это уже неожиданность, Степанида Андреевна. Но я такъ мало злопамятенъ, что мнѣ эта неожиданность даже доставляетъ удовольствіе. Приказывайте!

Она нахмурила брови, и я могъ наблюдать на ея выразительномъ лицѣ слѣды несомнѣнной внутренней борьбы.

— Хоть бы вы обманули ее! — прошептала она. — Ну, хоть бы обманули! Теперь это такъ легко!

— Не понимаю, Паня. Не понимаю. Кого мнѣ обмануть? Зачѣмъ?

Она неожиданно заплакала; тихо, трогательно.

— Ее... Вашу жену. Развѣ вы не видите? Она теперь точно довѣрчивый ребенокъ. Она всю жизнь любила васъ и ужасно мучилась. Еслибы не любила, то зачѣмъ бы она все это стала терпѣть? Вѣдь вы связали ее, скрутили на всю жизнь своими взглядами, вкусами, стремленіями. Она, „восторженная, возбужденная душа", какъ вы сейчасъ опредѣлили ее, она была обречена на сушь и холодъ вашего карьеризма. Она, отзывчивая, чуткая, честная, она всю жизнь просидѣла въ тюрьмѣ и только слѣдила за тѣмъ, какъ гдѣ-то яснѣетъ и загорается небо новой зарей, какъ летятъ весеннія птицы. О, какъ бы она сама пожила и порадовалась этой весной! Нѣтъ! Она прежде всего была ваша жена. Ей надо было оборвать слишкомъ прочную цѣпь, чтобы выйти на свободу. Не болѣзнь убила ее, а горе, пренебреженіе къ самой себѣ, безнадежность. А какъ бы она могла быть счастлива именно въ наше время! И вотъ она умираетъ. И ничего!.. никакого утѣшенія!.. Она знаетъ, что и вамъ она была ненужна. Господи! — до чего же это ужасно! Да разубѣдите вы ее хоть въ этомъ. Ну, притворитесь... Ну, я не знаю... Вѣдь говорю я вамъ: она теперь всему повѣритъ. Понимаете вы? Ласки ей надо, ласки! — чтобы жалѣли вы ее... Чтобы... ну, чтобъ поплакали вы, что-ли, съ ней.

— О, какъ мнѣ противно вамъ это говорить! — шопотомъ, съ настоящей злобой заключила она.

Никогда я не видалъ, чтобы женщина, а тѣмъ болѣе дѣвушка, такъ рѣзко и красиво переходила отъ одного настроенія къ другому, изъ одного тона въ другой. Я былъ искренно взволнованъ.

— Полно, Паня! — сказалъ я, и опять положилъ свою руку на ея. — Ты, ей-Богу, считаешь меня какимъ-то извергомъ. А вотъ, видишь... я и самъ готовъ заплакать. Я — тюремщикъ! Да, да! — вотъ то понятіе, которое составило обо мнѣ слишкомъ возбужденное воображеніе моей жены. Вотъ понятіе, которое она постаралась навязать тебѣ. Я — тюремщикъ. Я — извергъ. Теперь мнѣ все ясно. Теперь мнѣ ясно, почему ты съ такимъ отвращеніемъ отказалась отъ моей помощи. Но... будь покойна! Я

еще разъ докажу, что я незлопамятенъ. Если кому-нибудь нужно мое доброе, сердечное слово, я не откажу въ немъ и врагу. А ей, бѣдной... Да проститъ ей Богъ!

На прощаніе Паня протянула мнѣ руку, а я привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ первый разъ въ жизни. Она вспыхнула, вздрогнула. Одну минуту мнѣ казалось, что она или ударитъ меня, или сдѣлаетъ что-нибудь еще болѣе неожиданное. Но она схватила свѣчу и быстро ушла къ себѣ. Я еще остался въ столовой. Я сидѣлъ въ темнотѣ и переживалъ странное чувство: мнѣ казалось, что еслибы Паня захотѣла, я бы могъ сдѣлаться ея слугой, ея рабомъ...

Черезъ два дня жена умерла. Все это время я почти безотлучно провелъ около нея, и она это оцѣнила. Прерывая свою болѣзненную дремоту, она звала меня и спрашивала:

— Ты здѣсь?

И когда я подходилъ, она улыбалась жалкой благодарной улыбкой и глядѣла на меня до тѣхъ поръ, пока глаза ея не закрывались сами собой. Я отъ души простилъ ей все и старался только объ одномъ, чтобы ея послѣдніе часы были какъ можно менѣе болѣзненны и какъ можно болѣе счастливы. Паня не могла бы меня упрекнуть ни въ чемъ. Она тоже не отходила отъ больной и двѣ ночи подъ рядъ даже не ложилась спать. Личико ея осунулось, поблѣднѣло. Я замѣтилъ одну ея манеру, которая удивительно шла къ ней: она стискивала руки и зубы, сдвигала брови и глядѣла впередъ неподвижнымъ, пристальнымъ, ничего не видящимъ взглядомъ. Съ такимъ выраженіемъ она была похожа на умнаго, упрямаго ребенка, который не хочетъ, чтобы кто-нибудь замѣтилъ его слабость, который борется съ этой слабостью и уже не можетъ преодолѣть ее. Слабость Пани было ея горе, ея одиночество. Ея пріемная мать была еще жива, но было слишкомъ очевидно, что ея духовнаго существа уже не стало, что ея сознаніе теряется и гаснетъ. Вспыхивали еще отдѣльныя искры, прорывались еще мгновенныя просвѣтленія... Одинъ разъ она раскрыла глаза и долго глядѣла попемѣнно, то на меня, то на Паню.

— Я сдѣлала все, что могла,—вдругъ тихо сказала она.

Я понялъ, что она говоритъ о своей пріемной дочери, и, желая порадовать и успокоить ее, высказалъ то, что уже было тогда моимъ твердымъ намѣреніемъ.

— Да, другъ мой, ты сдѣлала все, что могла. И я благо-

даренъ тебѣ, что заботу о ея матеріальномъ обезпеченіи ты предоставила мнѣ. Будь увѣрена, что я оправдаю твое довѣріе.

Она глядѣла на меня широко раскрытыми глазами, какъ бы не понимая смысла моихъ словъ.

— Наша Паня никогда не будетъ нуждаться ни въ чемъ,— пояснилъ я.—Обѣщаю тебѣ это.

Она почему-то встревожилась.

— Нѣтъ, все твое... Все твое,—торопливо зашептала она.— Она ничего чужого не взяла и не возьметъ... Пусть теперь живетъ, какъ можетъ. У нея все... все, что по праву принадлежитъ... каждому человѣку. Она это понимаетъ. Она такъ хочетъ. У нея все: здоровье, умъ... образованіе. Надо бы еще... учиться. Не изъ-за правъ... Нѣтъ!—не изъ-за правъ... Но что жъ дѣлать?..

Она устала говорить и замолчала, но замѣтно было, что мысль ея продолжаетъ работать и напрягаться.

— Такъ—все въ порядкѣ,—вдругъ громко сказала она.— Мы были нужны другъ другу. Она мнѣ еще больше, чѣмъ я ей. У другихъ мы ничего не взяли. Пусть теперь, какъ можетъ... Я ей вѣрю.

Это были ея послѣднія вполнѣ сознательныя слова. Позже она какъ будто забыла о нихъ; забыла и всѣ вычурныя, надуманныя идеи, которыя такъ искажали всю жизнь ея умъ и сердце, и тогда каждое ея слово, произнесенное въ полубреду, стало мнѣ понятнымъ. Цѣлыми годами окружала она себя какимъ-то непроницаемымъ туманомъ скрытности, сентиментальности и возвышенныхъ бредней, но насталъ роковой часъ, и она инстинктивно, безсознательно отказалась отъ собственныхъ, всей жизнью взлелѣянныхъ мечтаній.

— Петруша!—не оставь Паню!—теперь просила она.—Не оставь!..

Она тосковала, металась и слезы лились по ея лицу.

— Маленькая, слабенькая... Петруша!—оставимъ ее у себя... совсѣмъ!.. Ты взгляни на нее!

Иногда она ненадолго успокаивалась и лицо ея принимало величественное, почти гордое выраженіе. Это уже было выраженіе смерти. Тогда она уже ничего не сознавала, ни о комъ и ни о чемъ не думала.

Паня тоже стала болѣе простой и понятной. Она плакала, цѣловала руки умирающей и иногда много разъ подъ рядъ тоскливо и трогательно звала ее:

— Мама! мама! мама!..

Меня она какъ будто не замѣчала, не видѣла; а когда,

черезъ нѣсколько минутъ послѣ смерти жены, я подошелъ къ ней и протянулъ ей руки, она, съ какимъ-то испугомъ, отшатнулась отъ меня и въ ея глазахъ промелькнуло выраженіе ненависти.

— И еще теперь ты не вѣришь мнѣ?—съ упрекомъ спросилъ я.—Не вѣришь?—не вѣришь, что ты теперь единственный близкій, дорогой мнѣ человѣкъ?

— У меня теперь нѣтъ близкихъ, дорогихъ мнѣ людей,— жестко сказала она.—Мы были чужіе и будемъ. Зачѣмъ лгать?

Но развѣ я лгалъ? И даже эта ненависть, которую я въ первый разъ ощутилъ на себѣ, ненависть взрослой, красивой, гордой дѣвушки, не оттолкнула меня отъ нея, не разсердила, а наполнила всю мою душу новымъ, почти торжествующимъ чувствомъ. Я былъ убѣжденъ, что Паня не можетъ обойтись безъ моей помощи. Я былъ убѣжденъ, что рано или поздно она должна будетъ смириться, покориться силѣ вещей. И тогда, я зналъ, не останется больше сомнѣній въ томъ, что возбужденная, хорохорящаяся идейность — только жалкое явленіе жизни, готовящее своимъ сторонникамъ гибель и пораженіе. Тогда, я надѣялся, Паня оцѣнитъ по достоинству духовное вліяніе ея пріемной матери и тотъ здравый смыслъ, о которомъ я ни на минуту не забывалъ въ своемъ личномъ отношеніи къ ней.

У моей жены не было друзей, но послѣ ея смерти о ней вспомнили всѣ, кто уже годами не бывалъ въ нашемъ домѣ. На панихиды съѣзжалось столько народу, что я былъ удивленъ и польщенъ. И почему-то всѣхъ, въ особенности дамъ, интересовала Паня.

— А гдѣ же ваша пріемная дочь? Вѣдь она съ вами?

— Какое счастье, что у васъ есть дочь! Вы не будете такъ одиноки.

— А ваша барышня останется при васъ? Вѣдь она уже взрослая дѣвушка? Бѣдняжка!—она, должно быть, ужасно огорчена?

Всѣ спрашивали о ней, всѣ хотѣли ее видѣть.

Паня сидѣла въ своей комнатѣ и выходила только тогда, когда никого изъ постороннихъ не было. Какъ я ни убѣждалъ ее, что это не принято, что это прямо неприлично, она упрямо молчала и качала головой.

— Паня! — убѣждалъ я: — изъ одного уваженія къ твоей пріемной матери...

— Какъ вы смѣете мнѣ говорить объ уваженіи къ ней! — вдругъ закричала она...

Я только пожалъ плечами. Конечно, естественно, что она чувствовала себя нервной, раздражительной.

Вечеромъ, передъ похоронами, она неожиданно вошла ко мнѣ въ кабинетъ.

— Вѣдь мнѣ же нужно имѣть какой-нибудь паспортъ? — спросила она. Есть онъ у васъ? Я знаю, что въ гимназію меня приняли безъ всякихъ бумагъ.

— Дѣточка! — улыбнулся я: — въ гимназіяхъ не требуютъ паспортовъ. Въ гимназіяхъ учатся дѣти...

— Петръ Егоровичъ! Ну, я не знаю... Однимъ словомъ: мнѣ нужно, чтобы у меня были какіе-нибудь документы.

— Вотъ то-то и есть, что совсѣмъ этого не надо.

— Не надо?—удивилась она.

— Конечно, потому что все останется по прежнему. Моя дѣвочка будетъ ходить въ гимназію, а когда кончитъ курсъ, тогда мы вмѣстѣ подумаемъ, обсудимъ...— Она опять упрямо покачала головой.

— Я завтра же хочу уѣхать. Завтра же! Я только пришла узнать: есть у васъ?..

Я всталъ, взялъ ее за руки и посадилъ на диванъ.

— Паня, поговоримъ серьезно. Я выслушалъ тебя, когда ты тогда, ночью, бредила о самостоятельности, свободѣ, гордости, ненависти... Да, дружокъ, это былъ бредъ! Бредъ разстроенной, наивной, неопытной души. Чего ты только не наговорила! Вы, говоритъ, презираете мое происхожденіе, а я презираю всѣ ваши права и преимущества. Голубчикъ мой!—прежде всего ты, конечно, ошибаешься, что я презираю тебя за что бы то ни было, потому что ты мнѣ дорога и близка; а затѣмъ ты ошибаешься, что красиво и гордо—презирать какія бы то ни было права и преимущества! Нѣтъ, это прежде всего глупо, потому что когда они у меня есть, то я ничего не теряю, а пріобрѣтаю. Это логично? Вся жизнь—борьба за права и преимущества. Никто не ищетъ, гдѣ хуже, а всякій—гдѣ лучше. Ты говоришь, что хочешь быть свободной и самостоятельной. Такъ вотъ тутъ-то, именно тутъ-то и нужны всѣ права и преимущества, потому что безъ нихъ человѣкъ—ничто, человѣкъ—рабъ. У тебя есть гордость. Это прекрасно. Я тоже гордъ. Я не понимаю человѣка безъ гордости. Такъ пусть же она ведетъ тебя вверхъ, а не внизъ. Пусть она поможетъ тебѣ, а не мѣшаетъ. Ну, не такъ ли? — не такъ ли?

Паня пристально смотрѣла на меня. Я рѣшилъ воспользоваться ея вниманіемъ.

— Ты упрекнула меня за то, что я, будто бы, настаивалъ

на томъ, чтобы тебя воспитывали не такъ, какъ бы я воспиталъ родную дочь, а сообразно твоему положенію. А развѣ я не былъ правъ? Развѣ я не доказалъ, что знаю свою жену лучше, чѣмъ она сама себя знала? Она отдала тебѣ все свое сердце. Прекрасно! А позаботилась ли она о существенномъ?—о существенномъ? Ничуть не бывало! Ну, а я...

Паня вдругъ поднялась рѣзкимъ, нетерпѣливымъ движеніемъ.

— Вотъ вы какъ все понимаете! — задыхаясь, заговорила она. — Вотъ какъ!.. И вы-то предлагаете остаться, жить, пользоваться вашими благодѣяніями. И тогда вы скажете, что это „вы" все для меня сдѣлали. Мама — ничего, потому что она даже не оставила мнѣ денегъ, а вотъ вы... вы!

Она взялась обѣими руками за спинку кресла и, слегка перегнувшись, глядѣла на меня блестящими злыми глазами.

— Я вамъ сейчасъ скажу въ послѣдній разъ. Я знаю, что вы меня считаете глупенькой и наивной, но, видите ли, быть такой умной и опытной, какъ вы — это умереть и разложиться заживо. О, не дай Богъ! И ваша жена, связанная съ вами и скрученная вами, понимала это, и не могла не понимать, такъ какъ она была слишкомъ чутка, чтобы вѣрить вамъ. Она вѣрила въ другую жизнь, она чувствовала ея приближеніе. Деньги! Зачѣмъ мнѣ деньги? Развѣ онѣ были бы у меня, если бы я выросла въ моей настоящей семьѣ, въ прачешной, среди нищеты? Развѣ у меня были бы какія-нибудь права и преимущества, которыя я не завоевала бы силой, трудомъ, горбомъ? Вы находили бы это достаточнымъ для меня. Вы находили бы это справедливымъ. Вы бы считали, что это—въ порядкѣ вещей. Ваша дочь... О, да!—ваша дочь имѣла бы и права, и преимущества, и „мѣсто" въ жизни. Помните, какъ вы часто толковали, что человѣкъ долженъ знать свое мѣсто? Мы съ мамой рѣшили, что я останусь на своемъ. Мы рѣшили, что намъ ничего не надо чужого. И знаете, почему?—знаете? А вотъ, чтобы имѣть право независимо, гордо смотрѣть вамъ въ лицо и говорить вамъ правду, какъ я сейчасъ говорю. И презирать васъ, какъ я сейчасъ презираю. И видѣть въ васъ врага. И смѣяться, что вы ничего не можете противъ насъ, ничего, ничего!..

Я былъ такъ пораженъ, что сразу даже не нашелся, что̀ сказать. И сейчасъ же я понялъ, что Паня внѣ себя, что у нея истерика. Но, все-таки, я былъ раздраженъ, озлобленъ.

— Ну, довольно,—сказалъ я, плохо владѣя собой.—Совершенно достаточно. Прекрасно. Очень хорошо.

— И мы примкнемъ къ другой жизни, враждебной вамъ.

Мы укрѣпимся на мѣстахъ, которыя вы не въ силахъ будете отбить у насъ, какъ отбивали все. Мы вооружимся оружіемъ, котораго нѣтъ у васъ.. Что̀ будетъ ваше „право“ противъ нашего, жизненнаго, неотъемлемаго? Что̀ будетъ ваша сила, противъ нашей, противъ силы правоты? Развѣ вы правы? развѣ вы справедливы? Развѣ не вы стали нашими врагами и вооружили насъ противъ себя? Мы были вашими жертвами, теперь мы тоже враги...

— Довольно! Прекрасно!

— Такъ поймите же вы все это...

— Степанида Андреевна!—возмущенно замѣтилъ я:—черезъ комнату отъ насъ тѣло вашей пріемной матери. Ея гробъ... Вашей пріемной матери и въ то же время моей жены. Я обѣщалъ ей, я поклялся передъ ея смертью заступить для васъ ея мѣсто, не оставить васъ. Она просила...

Паня отшатнулась и протянула передъ собой руки.

— Нѣтъ, нѣтъ! Она не просила. Вы лжете. Она не могла бы просить васъ. Она уже не сознавала...

— Однако, она это сдѣлала. Ея тѣло еще здѣсь... И я нахожу страннымъ, что вы избрали этотъ вечеръ для объясненій. Я думалъ бы...

Паня закрыла лицо руками и выбѣжала. Я слышалъ, какъ хлопнула дверь ея комнаты. Я слышалъ, какъ черезъ мою открытую дверь доносился невнятный, тягучій голосъ чтальщика. Я стоялъ у окна и смотрѣлъ на улицу. Ни на одну минуту мнѣ не приходило въ голову считаться со словами этой дѣвочки, но, признаюсь, я былъ ошеломленъ ея ненавистью, страстностью этой ненависти. И я тутъ же рѣшилъ, что не отпущу ее. Ни за что!

На похоронахъ всѣ опять справлялись о ней, удивлялись, что ея нѣтъ. Мнѣ пришлось объяснять, что дѣвочка — крайне нервная, что эта утрата такъ потрясла ее, что я вынужденъ былъ запретить ей присутствовать при такой печальной, потрясающей церемоніи. Но въ душѣ я самъ былъ возмущенъ. Передъ самымъ выносомъ я видѣлся съ Паней и убѣждалъ ее, что элементарное приличіе требуетъ ея присутствія, что ея образъ дѣйствій оскорбляетъ и память покойной, и меня. Она слушала меня съ какимъ-то каменнымъ, застывшимъ лицомъ, качала головой и только повторяла:

— Нѣтъ... нѣтъ...

Вотъ ея любовь и благодарность къ женщинѣ, которая замѣнила ей мать! Вотъ плоды воспитанія этой женщины, раз-

вившей въ ввѣренной ей молодой душѣ сѣмена неуравновѣшенности, мечтательности и возбужденности, съ которыми я такъ упорно воевалъ, когда я замѣчалъ ихъ въ ея собственномъ духовномъ существѣ. Можно было предвидѣть, что справиться съ Паней будетъ не такъ легко, но того, что случилось — я не ожидалъ. Возвратившись съ похоронъ, я не засталъ Паню дома: она куда-то ушла. Прошелъ день, но она не вернулась. На слѣдующее утро ко мнѣ пожаловалъ какой-то субъектъ въ формѣ, которая по нынѣшнимъ временамъ, кажется, служитъ эмблемой свободы и прогресса. Онъ потребовалъ отъ меня документы Пани, а когда я отказалъ, онъ осмѣлился пригрозить мнѣ какими-то неблаговидными обличеніями. О, какъ я жестоко ошибался, думая, что Паня—наивная, неопытная дѣвочка! Неужели я заразился хотя отчасти идеализмомъ моей жены? Какъ же я упустилъ изъ виду, что уже въ ту ночь, когда эту дѣвочку принесли изъ подвала въ нашу кухню, она уже была пропитана всѣми инстинктами, всѣми пороками своей среды! Она не могла быть „нашей", какъ змѣенышъ не можетъ стать ни менѣе ядовитымъ, ни болѣе благороднымъ, на чьей бы груди его ни отогрѣвали. Только низменная душа могла взвести такую возмутительную клевету на мои чувства и намѣренія. И все изъ-за одного поцѣлуя, въ ту ночь, когда она сама пожелала переговорить со мной. Какъ я былъ правъ! Какъ я былъ правъ, когда я говорилъ, повторялъ, утверждалъ, что нельзя игнорировать происхожденіе человѣка, что необходимо считаться и сообразоваться съ нимъ! Еслибы Паня осталась въ своей средѣ, еслибы жена не употребила всѣ усилія, чтобы развить и облагородить ее, съ ея стороны не было бы и рѣчи о такихъ щепетильностяхъ. Она считала бы счастьемъ нравиться мнѣ... И развѣ, въ сущности, она не была бы права?

Документы я отдалъ. Но какъ я объясню исчезновеніе Пани своимъ друзьямъ и знакомымъ? Не поднимутся ли толки, предположенія, сплетни? Кто повѣритъ, что эта сумасбродная дѣвчонка ушла изъ моего дома только изъ-за какой-то идейной гордости? И откуда у нихъ теперь эта гордость, и дерзость, и смѣлость? Мнѣ вспоминаются слова Пани: „мы будемъ смѣяться, что вы ничего не можете противъ насъ. Ничего! ничего!" Иногда мнѣ начинаетъ казаться, что это дѣйствительно такъ; что они уже смѣются. Мнѣ начинаетъ казаться, что, дѣйствительно, надвигается какая-то новая, непонятная жизнь, ненавистная мнѣ, какъ молчаливый, упорный протестъ жены; возмутительная— какъ неблагодарность и ненависть Пани, несправедливая, какъ

мое одиночество. Гдѣ же теперь мѣсто достойныхъ, зарекомендовавшихъ себя людей? Гдѣ привилегіи выслугъ и чиновъ? Гдѣ гарантіи порядка, столь необходимаго для нормальнаго теченія жизни?

Въ моей квартирѣ тихо и темно. Одна — умерла, другая — ушла. Я одинъ. У меня разстроены нервы. И когда до моего слуха доносятся звуки чужой внѣшней жизни, мнѣ чудится въ нихъ то угроза, то насмѣшка, то ликованіе.

Неужели она не вернется? Неужели тотъ порядокъ жизни, въ который я такъ вѣрилъ, не смиритъ и не покоритъ ее? Неужели, дѣйствительно, уже настало что-то новое, незнакомое, — и эти маленькіе, когда-то такіе робкіе и безотвѣтные людишки нашли возможность независимо поднять головы и объявить себя нашими врагами?

Въ моей квартирѣ тихо и темно. А мнѣ все кажется, что гдѣ-то тамъ.... смѣются...

Л. Авилова.

ПАЛАТА ЛОРДОВЪ

ВЪ

АНГЛІИ

Историко-политическій этюдъ

по вопросу:—одна или двѣ палаты?

Вопросъ о числѣ палатъ представляетъ для рѣшенія не мало трудностей, и самое обсужденіе его приводило до сихъ поръ къ прямо противоположнымъ результатамъ. Какъ характерны, напримѣръ, слова Ламартина въ національномъ учредительномъ собраніи 1848 г., въ концѣ длинной рѣчи, произнесенной имъ въ пользу одной палаты: „Когда я взошелъ на трибуну, я колебался между одной и двумя палатами; я хотѣлъ, собственно говоря, выложить предъ вами мои сомнѣнія; теперь я убѣждаюсь, что нужна одна палата“. Очень возможно, что подъ вліяніемъ послѣдующихъ событій поэтъ отъ убѣжденія, созданнаго потокомъ собственнаго краснорѣчія, вернулся къ первоначальнымъ колебаніямъ. Какъ замѣчательна, съ другой стороны, рѣчь Антони Туре, въ томъ же національномъ собраніи, гдѣ онъ свои возраженія защитнику двухпалатной системы, Дювержье де-Горавнь, началъ такъ: „У меня нѣтъ, конечно, остроумія предыдущаго оратора, но я утѣшаюсь тѣмъ — qu'on peut se passer d'esprit quand on a des principes“... Надобно думать, что догматическаго рѣшенія вопроса о преимуществахъ той или другой системы не можетъ быть, а возможно только приблизительное угадываніе того, что лучше для данной страны. Невозможность такого догматиче-

скаго рѣшенія побудила насъ приступить къ изученію практической дѣятельности отдѣльныхъ верхнихъ палатъ. Предлагаемый очеркъ написанъ на основаніи матеріаловъ, собранныхъ по каталогамъ Британскаго музея, при любезномъ содѣйствіи секретаря „National Reform Union“, M-r Arthur Symonds.

I.

По своему государственному устройству Англія въ началѣ XIX в., сто лѣтъ тому назадъ, была еще аристократичною. Законодательная власть принадлежала парламенту, т.-е. королю и двумъ палатамъ, но въ нихъ одинаково господствовали крупные землевладѣльцы: въ палатѣ лордовъ—непосредственно, въ палатѣ общинъ—чрезъ депутатовъ, избраніе которыхъ зависѣло отъ владѣльцевъ гнилыхъ мѣстечекъ и большихъ помѣстій.

Нынѣ же англійскій государственный строй вполнѣ демократиченъ. Крупные землевладѣльцы не распоряжаются болѣе выборами въ палату общинъ. Здѣсь представлены, кромѣ собственниковъ недвижимостей, всѣ квартирохозяева (householders и lodgers); имущественный цензъ хотя и остался, но представительствомъ пользуется столь обширный кругъ населенія, что практически избирательное право приближается ко всеобщему. Городскіе и сельскіе рабочіе настолько хорошо представлены, что до 1906 г. не составляло вопроса дня введеніе всеобщаго избирательнаго права, которое, однако, стояло на знамени „чартистовъ“ въ 1848 г. Въ 1902 году 6.891.093 гражданина могли имѣть своихъ представителей въ палатѣ общинъ.

Между тѣмъ палата лордовъ осталась по своему составу тѣмъ же, чѣмъ была въ XVII вѣкѣ. Въ 1902 г. ее составляли 590 пэровъ [1]). Изъ нихъ только 4 лорда—судьи (Law Lords, Lords of Appel in Ordinary) вошли въ составъ палаты въ силу судебной реформы 1876 г.; имъ дано было въ 1887 г. званіе пожизненныхъ членовъ (а не только на время судейской дѣятельности). 26 духовныхъ лордовъ (Lords Spiritual), въ томъ числѣ 2 архіепископа и 24 епископа англиканской церкви, си-

[1]) Термины „лордъ“ и „пэръ“ употребляются здѣсь какъ синонимы. Это не со- …мъ точно, но и установить точную терминологію невозможно. Такъ, пэры—соб- …венно говоря—наслѣдственные лорды; потому судебные лорды не пэры; однако, епи- …повъ также называютъ пэрами. Вѣрно только, что не всѣ пэры суть парламент- …е лорды; такъ, шотландскіе и ирландскіе пэры, не выбранные въ палату лордовъ, …ь только пэры.

дять въ палатѣ потому, что при самомъ ея возникновеніи въ XIII в. въ ней участвовало духовное сословіе (estate). Всѣ остальные 560 свѣтскихъ лордовъ (Lords Temporal) являются наслѣдственными членами законодательнаго собранія; одни сами получили свое званіе по наслѣдству, другіе вновь назначены короною, но послѣ тѣхъ и другихъ право на законодательное кресло перейдетъ вмѣстѣ съ званіемъ пэра къ старшему сыну. Впрочемъ, изъ этого общаго числа 16 шотландскихъ пэровъ попали въ палату не просто по личному праву, а какъ представители по избранію отъ всѣхъ остальныхъ шотландскихъ пэровъ; при созывѣ новаго парламента послѣдніе могутъ на ихъ мѣсто прислать другихъ 16 лордовъ. И, наконецъ, изъ того же общаго числа 28 ирландскихъ пэровъ пожизненно представляютъ по избранію всѣхъ прочихъ пэровъ Ирландіи. Изъ числа 560 нужно исключить нѣсколько малолѣтнихъ и женщинъ, которые носятъ пэрское званіе, но въ палатѣ не засѣдаютъ. Ничѣмъ не ограничено ни число пэровъ, которыхъ король можетъ вновь назначить, ни кругъ лицъ, откуда могутъ быть взяты эти новые пэры; обыкновенно это бывшіе чиновники, депутаты, военные, моряки, иногда выдающіеся ученые и литераторы, но и просто разбогатѣвшіе дѣльцы. Всѣ—болѣе или менѣе крупные землевладѣльцы. Въ 1893 г. изъ 67.500.000 акровъ земли Соединеннаго Королевства пэры владѣли 14.250.000 и получали ежегодную ренту почти въ 12.000.000 фунтовъ стерлинговъ [1]).

Участіе въ законодательномъ собраніи пэровъ наслѣдственно, какъ королевское право на престолъ. Но участіе короля въ законодательствѣ уже 200 лѣтъ какъ сводится къ одной формальности; король утратилъ право противопоставлять свое veto закону, принятому обѣими палатами. Между тѣмъ наслѣдственная палата лордовъ сохранила такое же прямое участіе въ изданіи законовъ, какъ и 200 лѣтъ тому назадъ; безъ ея согласія ни одинъ билль не можетъ стать закономъ.

---

[1]) Король ограниченъ только въ правѣ увеличенія числа шотландскихъ и ирландскихъ пэровъ. Въ 1719 г. лорды хотѣли разъ навсегда закрыть число пэровъ на 178; это имъ не удалось. Еслибы эта мѣра прошла, корона того времени лишилась бы возможности подкупать депутатовъ возведеніемъ ихъ въ пэры и чрезъ посредство новыхъ пэровъ давить на выборы въ палату общинъ; но тогда пэрство превратилось бы въ замкнутую касту, которая была бы достаточно сильна, чтобы бороться и съ короной, и съ народомъ. Реформу 1832 г. оказалось бы невозможнымъ провести путемъ угрозы назначить новыхъ пэровъ. Единственный случай, когда къ массовому назначенію пэровъ прибѣгли съ цѣлью получить большинство въ палатѣ лордовъ, относится къ царствованію Анны (1712 г.); назначено было 12 пэровъ, чтобы получить согласіе на Утрехтскій миръ.

Девятнадцатый вѣкъ далъ много новыхъ данныхъ для сужденія о преимуществахъ двухъ- или однопалатной системы. Палату лордовъ не обходитъ ни одно разсужденіе объ этомъ вопросѣ. Сперва она служила для творцовъ писанныхъ конституцій образцомъ. Когда въ первую половину XIX в. во Франціи и Бельгіи создавали верхнія палаты, то въ подражаніе палатѣ лордовъ считали необходимымъ дать во французской палатѣ пэровъ или въ бельгійскомъ сенатѣ представительство богатымъ классамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ссылка на палату лордовъ служила обычнымъ аргументомъ въ пользу верхнихъ палатъ по соображеніямъ законодательной техники. Позже палату лордовъ стали сопоставлять съ новыми верхними палатами, пожизненными и выборными; ее стали оцѣнивать, поскольку она удовлетворительно исполняетъ функціи верхней палаты. Но въ то время, какъ все кругомъ мѣнялось, палата лордовъ осталась по своему составу чѣмъ была: уцѣлѣвшею отъ среднихъ вѣковъ организаціею сословія пэровъ съ участіемъ въ законодательной власти.

Положеніе палаты, какъ сословной организаціи, становится все болѣе затруднительнымъ. Еще въ 60-хъ годахъ XIX вѣка аристократія, какъ классъ, была въ глазахъ англійскихъ массъ символомъ ума; ея престижъ былъ такъ великъ, что массы принимали на вѣру мнѣнія, которыя иначе не нашли бы въ нихъ отклика; и этотъ культъ знати выставлялся, какъ преимущество англійскаго общества, какъ спасеніе отъ болѣе низменнаго культа денегъ и отъ болѣе опаснаго фетишизма чиновничества. Но съ тѣхъ поръ массы сами получили доступъ къ власти; дѣятельность парламента стала непосредственно опредѣляться тѣми теченіями общественнаго мнѣнія, которыя господствуютъ въ массахъ. По мѣрѣ роста демократіи лорды становились все болѣе изолированными въ своей палатѣ. Если въ началѣ XIX в. еще можно было не считаться съ общественнымъ мнѣніемъ и открыто защищать свои классовые интересы, то теперь такая защита становится все менѣе возможной; становится прямо неловко противопоставлять интересамъ массъ выгоды кучки людей, власть которыхъ можетъ быть только объяснена исторически, но не оправдывается ничѣмъ мистическимъ. Доколѣ была возможность нушать массамъ, что интересы землевладѣнія суть интересы націи, палата лордовъ могла считать свое положеніе прочнымъ; о по мѣрѣ того, какъ стали выступать сперва интересы торго'аго класса, потомъ интересы рабочихъ, все труднѣе становиась защита организаціи узкихъ классовыхъ интересовъ, все енѣе терпѣливою и послушною становилась демократія. Отри-

цательныя заслуги пэрства,—то, что оно спасло націю отъ господства привилегированнаго дворянства въ континентальномъ смыслѣ и отъ господства плутократіи,—стали казаться недостаточными. Явилась новая идеологія для оправданія палаты лордовъ, и какъ разъ слабыя ея стороны оказались ея достоинствами: она наслѣдственна,—но зато она независима; она не представляетъ избирателей,—но зато она представляетъ націю въ цѣломъ. Однако, не вся демократія охотно признаетъ эту идеологію; призваніе къ отправленію законодательной дѣятельности въ порядкѣ наслѣдованія старшихъ въ родѣ кажется многимъ нелѣпостью, которая, по увѣренію одного агитаціоннаго памфлета, дѣлаетъ англичанъ смѣшными въ глазахъ всего свѣта.

Когда палата лордовъ возникла, она не была ни верхняя, ни вторая; она была одна. Теперь званіе члена палаты лордовъ есть преимущество; первоначально же явка по зову (writ of summons) короля для присутствія въ парламентѣ была для бароновъ и епископовъ обязательна; когда бароны требовали, чтобы Великая хартія гарантировала имъ этотъ призывъ, они желали только оградить себя отъ произвольнаго обложенія. Въ XIII и XIV вв. привилегія состояла не въ томъ, чтобы сидѣть въ парламентѣ, а чтобы освободиться отъ присутствія въ немъ. При первыхъ двухъ Эдуардахъ (1272—1327) барону посылалось приглашеніе на одинъ парламентъ и не посылалось при созывѣ слѣдующихъ; то королю могло быть нежелательно присутствіе даннаго барона или его потомства, то самъ баронъ не всегда желалъ являться; бывало, что потомки барона, засѣдавшаго въ парламентѣ, готовы были отрицать свое баронство. Еще при Эдуардѣ III (1327—1377) встрѣчаются примѣры, что явка въ парламентъ считается обузою, а при Ричардѣ II (1377—1399) парламентскій актъ объявилъ явку обязательною. Только когда короли стали злоупотреблять раздачею патентовъ на званіе герцоговъ, маркизовъ и даже бароновъ, старинные бароны начали отстаивать свое старшинство, а для этого пригодилась ссылка на мѣсто въ палатѣ лордовъ; это мѣсто стало видимымъ знакомъ мѣста пэра въ королевствѣ; получить призывъ короля въ парламентъ стало тогда правомъ. При Генрихѣ VIII (1509—1547) пэръ уже гордится тѣмъ, что его имя стоитъ на должномъ мѣстѣ въ протоколахъ палаты, а при Карлѣ I (1625—1649) лорды уже успѣли забыть, что предки ихъ могли уклоняться отъ явки въ парламентъ; тогда, по поводу одного частнаго случая, комитетъ палаты лордовъ объявилъ даже, что не было примѣра, чтобы пэру могли не послать призыва; однако

еще при Карлѣ I существовали штрафы за неявку или даже опозданіе. Только въ 1868 г. палата лордовъ отмѣнила право пэровъ вотировать чрезъ повѣренныхъ; первоначально можно было замѣнять себя повѣреннымъ, назначеннымъ на всю жизнь или для отдѣльныхъ случаевъ, и только въ XV в. стали требовать, чтобы повѣренный былъ самъ пэромъ.

Впервые общины—горожане вмѣстѣ съ рыцарями (мелкопомѣстными дворянами)—были призваны въ національное собраніе въ 1264 г., т.-е. почти на пятьдесятъ лѣтъ позже бароновъ. При Эдуардѣ I общины участвуютъ въ изданіи статутовъ, но встрѣчаются статуты и безъ ихъ участія; они только вотируютъ налоги, а на право инииціативы ихъ нѣтъ никакихъ указаній. Впервые ихъ инициатива упоминается въ 1327 г., но и то лишь въ смиренной формѣ петиціи. Только при Генрихѣ V (1413—1422) общины добились того, чтобы въ акты, составляющіе отвѣтъ на ихъ петиціи, не вносилось ничего помимо ихъ согласія; такъ установилось право инициативы палаты общинъ и необходимость согласія обѣихъ палатъ для изданія парламентскаго акта. Тогда исчезли и парламентскіе „ордонансы", которые отъ „актовъ" отличались тѣмъ, что изданы были не королемъ и всѣми тремя сословіями (духовными и свѣтскими лордами и общинами), а королемъ съ лордами или королемъ съ общинами. Неизвѣстно, когда лорды и общины стали засѣдать въ двухъ разныхъ палатахъ; несомнѣнно только, что оба собранія никогда не смѣшивались, но нельзя показать, когда между ними была проведена фактическая грань; отдѣльные протоколы палаты лордовъ начинаются при Генрихѣ VIII.

Палата лордовъ была сперва собраніемъ двухъ сословій (estate)—высшаго духовенства (епископовъ и аббатовъ) и свѣтскихъ бароновъ. При Генрихѣ IV (1399 — 1413) установился для обозначенія палаты терминъ — Lords Spiritual and Lords Temporal. Духовные лорды сидѣли въ палатѣ не въ силу своего духовнаго званія, а также только какъ держатели земель; оттого при Генрихѣ VIII могли утверждать, что составъ парламента состоитъ изъ трехъ частей: короля, какъ головы, лордовъ, какъ главныхъ органовъ тѣла, и общинъ, какъ второстепенныхъ органовъ. При Карлѣ I (1640) епископы были исключены изъ палаты лордовъ. Во время революціи (1649—1660) вмѣстѣ съ монархіей исчезла и палата лордовъ; чрезъ недѣлю послѣ казни [illegible]юля (6 февраля 1649), палата общинъ приняла единогласно [illegible]олюцію, что „палата пэровъ въ парламентѣ безполезна и [illegible]сна и должна быть уничтожена".

Вторая палата была возстановлена Кромвелемъ 20 января 1658 г.; онъ самъ назначилъ ея членовъ, но это не были пэры упраздненной въ 1649 г. палаты. При военномъ переворотѣ въ маѣ 1659 г. исчезла и реформированная палата лордовъ. Когда рѣшено было возстановить монархію и на 25 апрѣля 1660 г. созванъ былъ новый парламентъ, то одновременно съ палатою общинъ съѣхались безъ зова, но и безъ препятствій 10 старыхъ пэровъ; такъ воскресла и палата лордовъ. Въ 1661 г. въ нее возвратились и епископы.

Уже въ XVIII в. взглядъ эпохи Генриха VIII на конституціонное значеніе каждой изъ трехъ частей парламентскаго тѣла является анахронизмомъ. Въ теоріи обѣ палаты считаются равными вѣтвями законодательной власти. Каждая изъ палатъ имѣетъ право инціативы, каждая можетъ поправить или отвергнуть мѣру, принятую другою, и ни одна не имѣетъ конституціонной власти, чтобы принудить другую принять какую-либо мѣру. Правда, существуютъ вопросы, въ которыхъ одна изъ палатъ считаетъ себя болѣе компетентною; такъ, въ силу парламентскаго обычая, билли, касающіеся сословія пэровъ, должны вноситься сперва въ палату лордовъ и не могутъ быть измѣнены палатою общинъ, которая можетъ, однако, вовсе ихъ отвергнуть; такъ, съ другой стороны, палата общинъ въ теченіе второй половины XVII в. не разъ принимаетъ резолюціи, чтобы настоять на своемъ исключительномъ правѣ рѣшать всѣ вопросы о налогахъ (1661, 1671, 1678). Но за этими исключеніями обѣ палаты въ XVIII в. теоретически равноправны.

Въ дѣйствительности палата лордовъ уже въ XVIII в. играла въ парламентской жизни второстепенную роль, и это не смотря даже на преобладаніе аристократіи въ тогдашнемъ обществѣ. Уже тогда палата, какъ учрежденіе, была менѣе популярна и вліятельна, чѣмъ индивидуальные лорды. Первыя мѣста въ ней, какъ и во всякомъ собраніи, гдѣ идетъ свободный обмѣнъ мнѣній, занимали не люди съ громкими именами, а таланты, и потому представители родовитой аристократіи предпочитали не показываться въ палатѣ, чтобы не стушевываться предъ новыми лордами; имъ было удобнѣе дѣйствовать за кулисами въ палатѣ общинъ, гдѣ они располагали множествомъ депутатскихъ мѣстъ. Эта второстепенная роль палаты лордовъ вводила даже государственныхъ людей въ заблужденіе насчетъ ея долговѣчности; такъ, Питтъ находилъ, что палата лордовъ—наименѣе устойчивая часть конституціи, а Бёркъ отзывался о лордахъ: „fuerunt; имъ приходитъ конецъ". Тѣмъ не менѣе, въ теоріи равноправіе обѣ

ихъ палатъ въ сферѣ законодательства не подвергалось сомнѣнію.

Конституціонную роль палаты лордовъ въ корнѣ измѣнила реформа 1832 г., которая, однако, имѣла своимъ предметомъ только организацію палаты общинъ и палаты лордовъ не касалась. Послѣ этой реформы и теорія разстается съ представленіемъ о равноправіи обѣихъ палатъ. Палата лордовъ становится простымъ придаткомъ къ палатѣ общинъ; ея право иниціативы осуществляется все рѣже и рѣже; оно всецѣло переходитъ къ нижней палатѣ и къ кабинету. Палата лордовъ становится ревизіонной инстанціей съ только отсрочивающимъ veto. „Она,—какъ говоритъ Бэджготъ,—можетъ отвергать или измѣнять билли, принятіе которыхъ не требуется настойчиво палатою общинъ, и относительно которыхъ общественное мнѣніе еще колеблется. Veto лордовъ какъ бы условно. Когда они противятся какой-нибудь мѣрѣ, это все равно, какъ если бы они сказали: мы отвергнемъ билль разъ, и два, и даже три раза, но если вы будете настаивать, мы въ концѣ концовъ его примемъ. Палата лордовъ не вліяетъ болѣе, даже скрытымъ образомъ, на направленіе законодательства, но она можетъ только измѣнять предложенныя мѣры или на время ихъ отвергать". Роль палаты лордовъ, по словамъ Фримэна, сводится къ обструкціи. Нѣтъ такого писаннаго правила, которое мѣшало бы ей отвергать билль безконечное число разъ; но практика установила, что она вправѣ пользоваться своимъ правомъ обструкціи разумно и въ извѣстныхъ предѣлахъ, — доколѣ страна не высказалась совершенно опредѣленно въ пользу извѣстной реформы; когда за палатою общинъ стоитъ воля народа, лорды обязаны уступить. „Функція палаты лордовъ,—какъ выразился въ одной изъ своихъ рѣчей лордъ Сольсбери,—не въ томъ, чтобы противиться зрѣлому убѣжденію націи въ ея цѣломъ; въ англійскомъ обществѣ такое положеніе вещей не только неправдоподобно, но и невозможно". „Никто не осмѣлится обвинять палату лордовъ въ стремленіи доставить преобладаніе другому мнѣнію, кромѣ мнѣнія самой націи". „Выраженная въ одной фразѣ, функція палаты лордовъ, или, точнѣе, долгъ ея,—въ томъ, чтобы представлять постоянныя, въ отличіе отъ преходящихъ, чувства англійскаго народа".

Итакъ, когда страна настойчиво и несомнительно требуетъ реформы, палата лордовъ обязана уступить общественному мнѣнію принять то, что приняла палата общинъ. Но когда именно палата лордовъ обязана признать, что пора уступить? На этотъ вопросъ партійные вожди отвѣчаютъ каждый по своему. Лордъ

Сольсбери находилъ, что „палата лордовъ должна слѣдить за тѣмъ, чтобы окончательныя и безповоротныя измѣненія въ учрежденіяхъ страны совершались не прежде, чѣмъ народъ имѣлъ возможность всесторонне ознакомиться съ предложенною реформою и высказать свое зрѣлое и торжественное рѣшеніе о предметѣ". Сообразно съ этимъ, когда въ 1893 г. палата лордовъ отвергла второй билль объ ирландскомъ Home Rule, она находила, что это ея право—отвергать билли, которые не были въ виду избирателей, требовать, чтобы страна при новыхъ выборахъ высказалась по новому вопросу. Другими словами, странѣ палата лордовъ уступить обязана, палатѣ общинъ—нѣтъ. Это равносильно тому, что палата лордовъ вправѣ вынудить распущеніе нижней палаты, если министерство непремѣнно желаетъ провести отвергнутый лордами билль. Наоборотъ, Гладстонъ рѣшительно утверждалъ, что это—противная конституціи теорія. Распущеніе можетъ быть сдѣлано короною по совѣту отвѣтственнаго министерства; оно можетъ быть сдѣлано въ силу вотума палаты общинъ. Но распущеніе въ силу вотума палаты лордовъ—случай небывалый въ исторіи. „Это было бы грубое и чудовищное нововведеніе; самая мысль объ этомъ столь же нова, сколь и ненавистна; это — измѣна національному самоуправленію", потому что тогда палата лордовъ могла бы регулировать любой вопросъ и направлять ходъ законодательной политики. Палата общинъ выбирается на семь лѣтъ; лорды же претендуютъ на то, чтобы становиться между общинами и страною и возвращать депутатовъ къ избирателямъ, вмѣсто того, чтобы оставлять палату общинъ спокойно дѣлать свое дѣло. Если большинство въ палатѣ общинъ неправильно истолковало голосъ и мнѣніе страны, то призвать депутатовъ къ отвѣту вправѣ только народъ, приглашенный къ этому короною и министрами, а отнюдь не палата лордовъ. Дѣйствительно, нѣтъ прецедентовъ въ пользу полномочія палаты лордовъ отвергать билли подъ предлогомъ, что о нихъ не было сужденія во время выборовъ; напротивъ, въ рядѣ случаевъ мѣры первостепенной важности принимались палатою лордовъ безъ апелляціи къ странѣ. Такъ, актъ уніи между Англіей и Ирландіей былъ принятъ безъ обращенія къ голосу страны (1798); напротивъ, въ 1831 г. лорды хотѣли помѣшать распущенію нижней палаты, какъ разъ для того, чтобы голосъ страны не могъ быть услышанъ. Въ болѣе новыя времена, напримѣръ въ 1867 г., палата лордовъ приняла радикальную реформу избирательнаго права, предложенную консервативнымъ министерствомъ Дэрби-Дизраэли не спрашивая, что̀ думаетъ объ этомъ страна; наоборотъ, ре-

прессивный актъ для Ирландіи въ 1881 г. палата лордовъ приняла, хотя многіе въ странѣ были противъ исключительныхъ законовъ для Ирландіи. Такимъ образомъ конституціонная практика не даетъ палатѣ лордовъ права требовать, чтобы о неугодныхъ ей билляхъ высказалась сперва вся страна [1]. Вопросъ этотъ остается, однако, спорнымъ; такъ, Гатчевъ полагаетъ, что veto палаты лордовъ отнюдь не только отсрочивающее (суспенсивное), и что она обязана уступить палатѣ общинъ только когда по данному вопросу былъ спрошенъ народъ; но и это не юридическая норма, а политическая максима. Если это вѣрно, то отсюда вытекало бы, что въ отношеніи билля, который не былъ въ виду избирателей на общихъ выборахъ, палата общинъ уже совсѣмъ не вправѣ настаивать; нельзя, слѣдовательно, считать достаточнымъ показателемъ мнѣнія страны даже частичные дополнительные выборы, и такимъ образомъ юридически палата лордовъ вправѣ отвергать билли, о которыхъ не былъ спрошенъ народъ, безконечное число разъ. Обращаясь къ палатѣ лордовъ 18-го іюля 1905 г., лордъ Halsbury предлагалъ ей отвергнуть билль о трамваяхъ чрезъ лондонскіе мосты „такимъ большинствомъ, чтобы сдѣлать повтореніе такихъ попытокъ изъ года въ годъ невозможнымъ"; очевидно, по мнѣнію лорда, настойчивость палаты общинъ должна сдерживаться внушительностью большинства верхней палаты. Такимъ образомъ, доктрина, по которой палата лордовъ обязана въ концѣ концовъ подчиниться нижней палатѣ, не взирая на то, что къ народу по данному вопросу не обращались, не соотвѣтствуетъ какому-нибудь общепризнанному конституціонному соглашенію, а только апеллируетъ къ такту самой верхней палаты. Этотъ тактъ часто побуждалъ дѣлать изъ нужды добродѣтель. Исторія конфликтовъ между обѣими палатами съ 1832 г. до 1895 г. научила палату лордовъ умѣрять свое упорство.

До 1832 г. конфликты были рѣдки и не принципіальны; аристократіи принадлежало господство въ обѣихъ палатахъ, какъ и въ обществѣ; у нея не было ни стремленія, ни повода еще расширять свой авторитетъ. Возможность столкновенія устранялась уже тѣмъ, что въ нижней палатѣ лорды имѣли своихъ же ставленниковъ. 1831 — 32 гг. нанесли палатѣ лордовъ большой ударъ. Противясь реформѣ, лорды возстановили противъ себя націю; въ странѣ начиналась революція; они сдались только въ

[1] Общіе выборы стоютъ странѣ 2 милліона фунтовъ, и уже по этой причинѣ нельзя часто прибѣгать къ нимъ.

виду угрозы назначенія новыхъ пэровъ. Это расшатало престижъ палаты. Независимо отъ этого, въ тридцатыхъ годахъ XIX-го вѣка совершился переломъ въ англійской законодательной политикѣ. XVIII-ый вѣкъ и первыя три десятилѣтія XIX-го вѣка отличались въ Англіи господствомъ въ правящихъ сферахъ націоналистическаго самодовольства и оптимизма; подъ вліяніемъ крайностей французской революціи безобидное самодовольство перешло въ страхъ предъ всякимъ новшествомъ. Это была, такимъ образомъ, эпоха полнаго застоя въ законодательствѣ, сперва потому, что не видѣли надобности поправлять то, что̀ и такъ великолѣпно, а затѣмъ потому, что „перемѣны приводятъ не къ добру". При законодательной спячкѣ, откуда было явиться конфликтамъ между обѣими палатами? Но послѣ реформы 1832 г. политическая власть перешла къ среднимъ классамъ, идеалами которыхъ были индивидуализмъ и либерализмъ; благодаря пропагандѣ ученій Бентама, англійскими законодателями овладѣло горячее стремленіе къ реформамъ, и неизбѣжно начались столкновенія между обѣими палатами. Уже въ 30-хъ — 60-хъ годахъ бой былъ неравенъ. Въ 1846 г. кучка представителей землевладѣльческихъ интересовъ стояла лицомъ къ лицу противъ всей націи, требовавшей отмѣны хлѣбныхъ законовъ; только благодаря своему громадному авторитету среди лордовъ, Веллингтону удалось убѣдить ихъ не противиться реформѣ; такъ устраненъ былъ конфликтъ, послѣдствія котораго могли бы быть для палаты лордовъ гибельны. Въ 1860 г. палата лордовъ отвергла билль Гладстона объ отмѣнѣ налога на бумагу; въ результатѣ этой неосмотрительности она навсегда утратила возможность вліять на бюджетъ. Съ 1867 г., а еще болѣе съ 1885 г., борьба стала еще опаснѣе. Съ одной стороны 500—600 человѣкъ, въ большинствѣ пожилыхъ, мирныхъ и робкихъ; съ другой стороны — палата, говорящая отъ имени 6.000.000 полноправныхъ гражданъ. Ясно, что столкновенія не могли оканчиваться иначе, какъ капитуляціей палаты лордовъ. Въ 1884 г. она попробовала провалить билль Гладстона о расширеніи избирательнаго права, но предпочла не раздувать пламени и пошла на компромиссъ, сдѣлавшій начавшуюся въ странѣ агитацію излишнею. Такъ, обструкція, осуществляемая палатою лордовъ въ силу конституціи, вызывала въ странѣ раздраженіе и агитацію; обязанная, подъ напоромъ общественнаго мнѣнія, сдаваться, палата выходила изъ борьбы съ умаленнымъ престижемъ, всегда какъ побѣжденная сторона. Когда она упорствовала, на нее сердились или надъ ней издѣвались; „она годится только какъ помѣха

дѣлу", сказалъ о ней Рёскинъ; а когда она уступала, говорили, что запоздалое раскаяніе не заслуживаетъ благодарности. Словомъ, до 1895 г. казалось, что конституція обрекаетъ палату лордовъ на роль, которую не разъ добровольно играли въ исторіи представители умирающихъ режимовъ.

Чтобы имѣть ясное представленіе о томъ, что̀ вправѣ дѣлать палата лордовъ, нужно знать, чего она не вправѣ дѣлать. Она лишена всякаго вліянія на исполнительную власть, которая, однако, вопреки ученію Монтескьё о раздѣленіи властей, находится въ непосредственной зависимости отъ законодательной власти въ лицѣ палаты общинъ. Она не можетъ выразить недовѣрія министерству, чтобы тѣмъ вызвать министерскій кризисъ [1]); она не вліяетъ на образованіе новаго министерства. Отсюда ни внутреннее управленіе, ни внѣшняя политика, ни колоніальныя дѣла, ни армія и флотъ, ни война и миръ ея не касаются. Относительно финансовыхъ биллей права ея всегда были спорны. У общинъ были денежныя дѣла съ казною — торгъ о размѣрѣ воспособленія королю — раньше, чѣмъ онѣ получили парламентское представительство, и даже раньше, чѣмъ возникла палата лордовъ. Очевидно, не дѣло было лордовъ говорить, сколько должны платить общины. Съ другой стороны, и лорды, въ качествѣ феодаловъ, помогали казнѣ согласно съ условіями, на которыхъ они держали землю, и не дѣло было общинъ вмѣшиваться въ счеты короны съ лордами; они несли военную службу, но помогали казнѣ и деньгами. Отмѣна феодализма послѣ реставраціи Стюартовъ означала конецъ обязанности крупныхъ землевладѣльцевъ выставлять армію; всѣ повинности стали взиматься въ формѣ налоговъ. Лордовъ было немного; изъятіями отъ обложенія англійская аристократія не пользовалась никогда; общины представляли главную массу плательщиковъ налоговъ. Ясно, что лордамъ не было повода спорить противъ налоговъ, которымъ готовъ былъ подчиниться весь народъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ всякій билль долженъ былъ проходить чрезъ обѣ палаты, лорды имѣли голосъ и въ вопросахъ бюджетныхъ. Но они его утратили въ 1861 г., когда палата общинъ придумала посылать въ верхнюю палату бюджетъ въ формѣ единаго билля; внести хотя бы малѣйшую поправку въ билль — значитъ разстроить всю финансовую схему и рисковать, что государство останется на слѣдующій годъ безъ утвержденнаго бюджета. Предъ такою вѣроятностью всякая оппозиція со стороны группы на-

[1]) Недовѣріе, выраженное лордами, можетъ быть уравновѣшено довѣріемъ общинъ.

слѣдственныхъ законодателей, считающихъ себя къ тому же выразителями высшихъ, надъ-партійныхъ интересовъ страны, была бы безуміемъ. Такъ, хотя формально палата лордовъ имѣетъ право veto и въ финансовыхъ вопросахъ, но на дѣлѣ Англія съ 1861 г. управляется въ этомъ отношеніи только одною нижнею палатою. Роль палаты лордовъ окончательно свелась къ тому, чтобы ревизовать и задерживать не-финансовые законопроекты, принятые палатою общинъ.

II.

Какъ же функціонируетъ палата лордовъ на дѣлѣ? представляетъ ли она гарантіи тщательнаго, компетентнаго, безпристрастнаго пересмотра биллей? Обезпечиваетъ ли она отъ принятія поспѣшныхъ, незрѣлыхъ рѣшеній?

Лордовъ упрекаютъ, что ихъ сужденія при пересмотрѣ законопроектовъ страдаютъ односторонностью. За немногими исключеніями, это—богатые землевладѣльцы; они смотрятъ на вещи съ точки зрѣнія интересовъ крупнаго землевладѣнія и вносятъ въ сужденія чувства и предразсудки своего класса. Это откровенно призналъ, напр., и лордъ Сольсбери въ 1888 г., обращаясь къ палатѣ: „мы всѣ принадлежимъ слишкомъ уже къ одному классу, и потому по многимъ вопросамъ думаемъ всѣ одинаково; классы, богатство и сила которыхъ зависятъ отъ торговли и промышленности, здѣсь слабо представлены". Это отсутствіе представительства разныхъ воззрѣній, этотъ недостатокъ антагонизма — отражаются на дебатахъ: они слабы, апатичны, безжизненны; ораторы, прежде блиставшіе въ нижней палатѣ, здѣсь молчатъ, потому что никто не вызываетъ ихъ на возраженія; правда, что и говорить предъ пустою аудиторіей, какую обыкновенно представляетъ палата, нѣтъ охоты. Есть среди пэровъ немало людей, имѣющихъ спеціальныя познанія въ силу прежней государственной службы или политической дѣятельности, но у нихъ нѣтъ побужденія говорить. Масса же лордовъ не имѣетъ ни подготовки, ни расположенія къ законодательной работѣ. Молодые лорды чаще съ чисто-британскою серьезностью занимаются какимъ-нибудь спортомъ, и имъ не до законодательства. Въ общемъ это—собраніе свѣтскихъ людей средняго образованія и средняго ума. Нѣкоторые, впрочемъ, видятъ какъ разъ преимущество палаты въ томъ, что въ ней преобладаютъ просто образованные и свѣтскіе люди; въ противоположность профессіональнымъ поли-

тикамъ лорды могутъ имѣть кругозоръ пошире, отражать взгляды націи въ обширномъ смыслѣ, стоять выше интересовъ людей партіи и судить о дѣлахъ безъ всякой предвзятости.

Но именно это-то отсутствіе предвзятости и отрицаютъ противники палаты лордовъ, т.-е. вся либеральная партія. Дѣйствительно, всѣ пэры принадлежатъ къ той или другой изъ двухъ большихъ партій, къ консерваторамъ или къ либераламъ, причемъ первыхъ приблизительно девять противъ одного. Замѣчательно, что даже лорды, вновь назначенные при либеральныхъ министерствахъ, также большею частью примыкаютъ къ консерваторамъ. „Конечно,—говорилъ лордъ Розбери въ 1894 г.,—идея Сольсбери, что пэры приносятъ свѣжесть, невинность, непредубѣжденность сужденій къ разсмотрѣнію биллей, очень привлекательна; но вѣдь политическимъ овцамъ нуженъ и пастухъ, пастухъ же этотъ—не кто иной, какъ самъ лордъ Сольсбери; поэтому когда онъ ихъ рекомендуетъ за невинность и готовность слушаться убѣжденія, то мы знаемъ, чье убѣжденіе они готовы принять. Если же ихъ ведутъ и направляютъ, то безразлично, такъ ли они невинны и непредубѣждены, какъ говоритъ Сольсбери, или они—собраніе политическихъ наемниковъ“. Другой писатель, графъ Денрэвенъ, также невысоко цѣнитъ непредубѣжденность лордовъ; „большое и явное зло—въ томъ, что важные вопросы часто рѣшаются большинствомъ, составленнымъ изъ людей, мало интересующихся общественными дѣлами и рѣдко посѣщающихъ палату,—изъ людей, у которыхъ нѣтъ времени, здоровья или склонности посвящать себя общественному служенію, и которые сами никогда не мечтали бы о пріобрѣтеніи кресла въ парламентѣ,—но которые отправляютъ свою наслѣдственную привилегію по командѣ политическаго вождя“. Для законности засѣданія палаты достаточно присутствія трехъ лордовъ; фактически въ палатѣ сидитъ обыкновенно человѣкъ 10—20. Но когда нужно произвести впечатлѣніе, лидеръ консервативной партіи подаетъ сигналъ, whips (бичи) разсылаютъ приглашенія, и пэры съѣзжаются на торжественное засѣданіе; увѣряютъ, будто при этомъ происходятъ смѣшные qui pro quo, потому что привратники не знаютъ этихъ наѣзжихъ гостей въ лицо. Подавъ голосъ, пэры разъѣзжаются. Такъ, билль о гомрулѣ въ 1893 г. провалился при большинствѣ 419 противъ 41. Неужели,—спрашиваютъ,—эта иррегулярная армія, эта необученная орда, врывающаяся въ такихъ случаяхъ въ палату, способна оказывать благодѣтельное вліяніе на ходъ законодательства? Въ обыкновенное время масса лордовъ дѣлами не интересуется, а тѣ,

которые бываютъ на засѣданіяхъ, работаютъ съ поспѣшностью, которая также не доказываетъ ихъ любви къ дѣлу. Напримѣръ, въ 1890 г. 91 засѣданіе заняло всего 129 часовъ; самое длинное продолжалось восемь часовъ, самое короткое—пять минутъ, и только семь засѣданій были по два часа. Тамъ, гдѣ палата общинъ работаетъ недѣли, лордамъ довольно нѣсколькихъ дней; не оттого ли, говорятъ, что лорды одарены способностью быстрѣе соображать? Напримѣръ, въ 1871 г., билль о тайной подачѣ голосовъ занялъ въ палатѣ общинъ 26 дней, а лорды исчерпали предметъ и провалили билль въ одинъ вечеръ; билль о гомрулѣ въ 1893 г. палата общинъ обсуждала 82 дня, палата лордовъ провалила его черезъ четыре. Эта поспѣшность и малый составъ присутствующихъ стоятъ, очевидно, въ связи съ тѣмъ, что большинство пэровъ — тори: они просто раздѣляютъ мнѣніе своихъ единомышленниковъ въ нижней палатѣ и слѣдуютъ указаніямъ лидера партіи. Отсюда, жалуется Розбери, когда у власти консервативное министерство, палата лордовъ вовсе не пересматриваетъ биллей, и потому торійскія мѣры обезпечены отъ искаженія; „дѣло идетъ гладко и весело, словно подъ звонъ свадебнаго колокола"; когда же власть въ рукахъ либераловъ, палата искажаетъ билли поправками или отвергаетъ ихъ. Либеральному министерству приходится проектировать свои мѣры скорѣе примѣнительно къ тому, какъ отнесется къ нимъ палата лордовъ, а не палата общинъ; „оно,—выражается образно лордъ Розбери,— должно подносить реформы въ гомеопатическихъ дозахъ, не потому, чтобы сильныя были опасны, а потому что леченіе должно происходить подъ наблюденіемъ врага прописаннаго лекарства". Словомъ, палата лордовъ не только не выноситъ независимыхъ и непредубѣжденныхъ рѣшеній, а напротивъ, ея рѣшенія заранѣе составлены въ духѣ и въ пользу консерваторовъ.

Въ этой партійности палаты лордовъ либеральные обличители ея усматриваютъ серьезную опасность для государственной жизни Англіи. По мнѣнію графа Денрэвена, благодаря этому безсмѣнному господству въ палатѣ лордовъ одной партіи, нѣтъ конституціонныхъ ограниченій власти палаты; для того, чтобы либеральное правительство могло функціонировать, палатѣ приходится стираться или быть непослѣдовательной; она должна соглашаться на законодательство, которое ей не нравится, потому что иначе остановился бы весь правительственный механизмъ; ей приходится дискредитировать или себя самое, или конституцію. Такое положеніе вещей не только унижаетъ достоинство палаты лордовъ, но и деморализуетъ націю. Народъ знаетъ, что для

того, чтобы парламентъ санкціонировалъ мѣры, одобренныя избранными представителями, необходимо агитировать. Агитація же есть обращеніе къ физической силѣ. Но сознаніе, что агитація есть существенный элементъ правительственной системы, что она, а не какая-либо конституціонная преграда, сдерживаетъ абсолютную власть палаты лордовъ и консервативной партіи, — это сознаніе не содѣйствуетъ воспитанію въ народѣ уваженія къ законности и піэтета къ конституціи. Народъ правитъ, но на своемъ пути онъ встрѣчаетъ ненужное препятствіе въ палатѣ, гдѣ неизмѣнно господствуетъ только одна форма политическаго мнѣнія; народъ искушается править такъ, какъ правитъ деспотъ, — обращеніемъ къ физической силѣ. Ту же конституціонную опасность отмѣчаетъ и лордъ Розбери (1894): „палата лордовъ является призывомъ къ безпокойству и волненію; когда-нибудь чаша переполнится и произойдетъ революція. И могутъ ли либералы быть спокойны, когда законодательство, котораго они являются иниціаторами, подвигается впередъ только путемъ угрозы революціей. Торійское законодательство нисходитъ, какъ благодатный дождь съ неба, какъ плодоносное наводненіе Нила, какъ благосклонный даръ природы; либеральное приходитъ съ вѣтромъ и бурей, какъ ураганъ, какъ катастрофа и потрясеніе природы. Либералы не могутъ провести ни одной мѣры безъ угрозы громомъ и молніей; иначе нельзя убѣдить палату лордовъ, что нація не шутитъ. Выходитъ, что покойнѣе было бы ликвидировать вовсе либеральную партію и отдать всю законодательную власть въ руки тори или юніонистовъ".

Изъ этихъ жалобъ необходимо выбросить картины надвигающихся революціи и деспотизма; ихъ несомнѣнно слѣдуетъ отнести къ области реторики, такъ какъ у министерства всегда есть въ рукахъ мирное средство, испытанное въ 1832 г., — угроза назначить новыхъ пэровъ; опасность всегда угрожаетъ не народу, а лордамъ. Еще Бэджготъ замѣтилъ, что палата лордовъ не только отправляетъ свою ревизіонную функцію не съ тѣмъ совершенствомъ, какъ это возможно было бы въ странѣ, столь богатой талантами, какъ Англія, — но она еще отличается робостью; она боится страны; она много лѣтъ привыкла въ важныхъ вопросахъ поступаться собственными мнѣніями, и потому не умѣетъ пользоваться случаями, когда можно дѣйствовать по своей волѣ; да и стоитъ ли хлопотать, думаютъ многіе лорды, когда по важнымъ вопросамъ нельзя настоять на своемъ. Эту робость палаты порицаютъ, однако, не только тѣ, кто хотѣлъ бы видѣть ее болѣе мужественной, но даже тѣ, кому отъ этой

пассивности палаты только легче, укоряютъ ее въ трусливости и лицемѣріи, этихъ обычныхъ спутникахъ слабости. Дѣйствительно, помня опасность, которой она подвергалась въ 1832 г., палата лордовъ рѣдко отваживалась на открытую борьбу съ палатою общинъ; отвергая билли, она всегда обезпечивала себѣ линію отступленія. Обличители сравниваютъ ея пріемы съ хитростью птички, которая притворяется раненою, дабы отвлечь вниманіе охотника отъ своего гнѣзда. Отвергая мѣру, которая ей не нравится, но достоинствъ которой она не смѣетъ оспаривать, палата придумываетъ какой-нибудь предлогъ или приличное объясненіе для своей обструкціи. То она заявляетъ, что билль внесенъ поздно, черезуръ близко къ концу сессіи, такъ что она не можетъ подвергнуть его тщательному разсмотрѣнію; и это объясненіе производитъ на публику впечатлѣніе, что палата, дѣйствительно, добросовѣстно исполняетъ свои обязанности. Такъ, подъ этимъ предлогомъ она провалила въ 1871 г. билль о тайной подачѣ голосовъ; между тѣмъ лордамъ просто непріятна была отмѣна открытаго голосованія. Въ слѣдующемъ году они, ссылаясь на любовь англичанъ къ свободѣ и независимости, внесли въ билль поправку, что тайная подача голосовъ не обязательна, а факультативна; но это значило подорвать въ корнѣ смыслъ всего закона, ибо кто голосуетъ тайно, когда всѣ голосуютъ открыто, очевидно, не хочетъ, чтобы знали, за кого онъ подалъ голосъ. Или лорды заявляютъ, что нельзя разсматривать билль отдѣльно отъ другихъ, которые только еще намѣчены въ палатѣ общинъ; напр., въ 1884 г. они провалили билль о расширеніи избирательнаго права подъ предлогомъ, что правительство не внесло также и билля о новомъ распредѣленіи мѣстъ. Или они говорятъ, что въ предложенномъ биллѣ мѣстнаго значенія содержится новый принципъ, который слѣдуетъ разрѣшить по поводу билля болѣе общаго характера; напр., въ 1893 г. они отвергли мѣстный для Лондона билль о мелиораціяхъ, требуя, чтобы новый принципъ вознагражденія арендатора за улучшенія былъ обсужденъ въ связи съ мѣрою общаго значенія; между тѣмъ какъ все англійское законодательное творчество развивается постепенно, начинаясь обыкновенно съ мѣръ частнаго свойства. Или лорды вносятъ въ билль поправку, которую палата общинъ уже отвергла, т.-е. завѣдомо такую, которой послѣдняя не приметъ. Или они говорятъ, что не могутъ разсмотрѣть частной мѣры, не зная, какова вообще схема будущихъ реформъ въ данной области,—напр., въ 1871 г. они отклонили билль объ отмѣнѣ покупки мѣстъ въ арміи, въ дѣйствительности потому, что

мѣста занимаются ихъ сыновьями, а какъ предлогъ выставили то, что имъ нужно видѣть сперва всю схему предполагаемыхъ военныхъ реформъ. На этотъ разъ реформа была осуществлена королевскимъ распоряженіемъ; королева здѣсь воспользовалась своею прерогативою, и такъ какъ она въ этомъ случаѣ дѣйствовала за-одно съ палатою общинъ, то на вопросѣ о конституціонности мѣры не стали останавливаться, и тѣмъ только лишній разъ была подчеркнута второстепенная роль палаты лордовъ.

Итакъ, лорды, какъ законодатели, въ массѣ индифферентны, поверхностны, небрежны; ихъ сужденія односторонни, ихъ рѣшенія партійны, ихъ пріемы свидѣтельствуютъ о недостаткѣ мужества. Обличители идутъ еще дальше въ нагромождении обвиненій: лорды,—говорятъ они,—смѣлы только когда дѣло идетъ о малочисленномъ меньшинствѣ, о слабыхъ и обездоленныхъ. Впрочемъ, доказательства этого обвиненія берутся изъ временъ давно прошедшихъ. Такъ, палата лордовъ отвергла билль, который долженъ былъ прекратить возможность ограбленія жены-католички мужемъ, скрывшимъ при вступленіи въ бракъ, что онъ протестантъ; достаточно было ему доказать, что онъ въ теченіе года до брака былъ однажды въ протестантской церкви, чтобы его бракъ былъ признанъ недѣйствительнымъ. Но это случилось въ 1835 г. Палата лордовъ отвергла билль, по которому отецъ лишался права отказывать матери въ свиданіи съ дѣтьми, хотя бы отнятіе дѣтей сдѣлано было ради шантажа; палата нашла, что не стоитъ останавливаться на этой мелочи, когда нормы супружескаго права представляютъ такую массу другихъ злоупотребленій. Но въ палатѣ засѣдало въ тотъ разъ всего 22 лорда, и случилось это въ 1838 г. Или палата дважды отклонила билль, который долженъ былъ дать подсудимому, обвиняемому въ „felony“, право имѣть защитника; такъ, распространеніе фальшивой монеты въ 6 пенсовъ составляло „misdemeanour“, и защита здѣсь допускалась, а по дѣлу о 2-хъ шиллингахъ защита не допускалась. Но и это было въ 1835 г. Изъ болѣе свѣжихъ фактовъ противъ лордовъ приводятъ ихъ поведеніе въ еврейскомъ вопросѣ. Билли о предоставленіи евреямъ политическихъ правъ палата лордовъ отвергала и въ 1833, и въ 1834, и въ 1836, и въ 1841, и въ 1848, и въ 1853 гг.,—и только въ 1858 г. пропустила, но и то не прямо: она приняла законъ, измѣнившій форму присяги такъ, что ее могли произносить и евреи. Мотивы, по которымъ лорды отказывали евреямъ въ равноправности, правда, не блещутъ остроуміемъ: евреи-де надѣются вернуться въ Палестину; ихъ нравственныя и умственныя качества не опра-

вдываютъ устраненія ограниченій; не будучи христіанами, они не должны участвовать въ управленіи христіанскою страною; они вообще лишены естественныхъ чувствъ, одушевляющихъ истинно-британскихъ людей. Но и это все говорилось болѣе 50 лѣтъ тому назадъ, и для сужденія о теперешней палатѣ лордовъ это матеріалъ мало пригодный. Наиболѣе серьезнымъ и на первый взглядъ хорошо обоснованнымъ является упрекъ, что палата лордовъ постоянно задерживала самыя благодѣтельныя реформы и мѣшала устраненію многихъ злоупотребленій. Въ памфлетной литературѣ распространены длинные списки законовъ, которые вошли въ жизнь по милости лордовъ на много лѣтъ позже, чѣмъ этого желалъ народъ. Всего больше такихъ задержанныхъ реформъ — въ области ирландскихъ земельныхъ отношеній, церковнаго и муниципальнаго управленія; но и въ области гражданскаго и уголовнаго права и процесса, въ сферѣ соціальнаго законодательства и народнаго образованія палата тормозила работу народныхъ представителей, становясь поперекъ дороги стремленіямъ улучшить жизненныя условія народа. Обструкція оказывалась такимъ мѣропріятіямъ, которыя, войдя въ жизнь, не вызывали ни разу желанія вернуться назадъ. Но вслѣдствіе обструкціи или приходилось самой нижней палатѣ идти на компромиссъ и соглашаться на искаженія, лишь бы спасти главное; или же въ концѣ концовъ проходила мѣра болѣе радикальная, чѣмъ какая предполагалась сначала.

Чтобы правильно оцѣнить обвиненіе палаты лордовъ въ томъ, что она часто замедляла темпъ законодательнаго творчества, нужно имѣть въ виду, что въ Англіи вся законодательная работа, не одной палаты лордовъ, но и палаты общинъ, отличается крайнею медленностью. Напримѣръ, палату лордовъ упрекаютъ, что она тормозила реформу уголовной защиты. Но рядомъ съ вышеуказанными несообразностями существовала такая странность, какъ запрещеніе истцу или отвѣтчику давать лично предъ присяжными засѣдателями показаніе по своему дѣлу; но это запрещеніе отмѣнено было сперва только въ судахъ въ графствахъ въ 1846 г. и только въ 1869 г. относительно всѣхъ гражданскихъ дѣлъ; въ то же время въ канцлерскомъ судѣ дозволялось вызвать противника къ допросу, но самый допросъ допускался только въ письменной формѣ; и эта аномалія отмѣнена была окончательно только въ 1875 г., и не видно, чтобы въ этой медленности повинна была именно палата лордовъ. Въ Англіи законодательство стоитъ въ прямой зависимости отъ общественнаго мнѣнія, т.-е. отъ мнѣнія большинства англичанъ, пославшихъ въ палату

общинъ своихъ представителей. Это общественное мнѣніе въ Англіи измѣняется и наростаетъ медленно; въ его развитіи нѣтъ скачковъ, но нѣтъ и возврата назадъ; прогрессъ совершается медленно, но зато не бываетъ и реакціи. Англійское законодательство вообще подвигается впередъ преимущественно путемъ частныхъ поправокъ стараго, а не путемъ коренныхъ и принципіальныхъ реформъ. Такъ, разные процессуальные недостатки, на которые указывалъ еще Бентамъ въ 1827 г., отмѣнены только въ 1898 г. Начало фабричнаго законодательства было положено въ 1802 г., систематизировано оно только въ 1901 г. Только въ исключительныхъ случаяхъ и подъ давленіемъ какого-нибудь кризиса англійскіе законодатели рѣшаются однимъ взмахомъ пера провести широкій принципъ до его логическихъ и необходимыхъ выводовъ. Такъ, несомнѣнно образованные англичане уже въ XVIII в. не могли думать, что католицизмъ есть преступленіе и можетъ оправдывать ограниченіе политическихъ правъ; однако, уголовные законы противъ католиковъ смягчались только постепенно, — сперва въ 1778 г., потомъ въ 1791 г.; только въ 1829 г. католикамъ дано было политическое равноправіе, но и затѣмъ потребовалось еще нѣсколько парламентскихъ актовъ, чтобы устранить остатки старыхъ ограничительныхъ законовъ. Послѣднія ограниченія политическихъ правъ по религіознымъ основаніямъ пали только въ 1888 г. Вслѣдствіе предпочтенія къ частичнымъ поправкамъ вмѣсто принципіальнаго творчества современное рабочее законодательство есть плодъ болѣе чѣмъ 40 парламентскихъ актовъ. Для смягченія уголовныхъ законовъ потребовался длинный рядъ отдѣльныхъ актовъ объ отдѣльныхъ преступленіяхъ; такъ, смертная казнь со 160 случаевъ уменьшена теперь до двухъ, но для этого понадобился рядъ актовъ съ 1827 до 1861 гг. Въ 1882 г. была сдѣлана кодификація муниципальнаго законодательства, и при этомъ отмѣнено 68 старыхъ законовъ, остававшихся въ силѣ послѣ муниципальной реформы 1836 г., которая сама уже уничтожила много злоупотребленій.

При такой особенности англійскаго законодательнаго творчества позволительно сомнѣваться, чтобы дѣло обстояло существенно иначе, еслибы палата лордовъ не была наслѣдственною, еслибы въ ней не преобладали консерваторы и т. д. Когда все законодательство подвигается впередъ черепашьимъ шагомъ, то справедливо ли подымать столько шума изъ-за нѣсколькихъ десятковъ законовъ, которые въ концѣ концовъ все-таки приняты? Ясно, что въ глубинѣ всѣхъ обвиненій, можетъ быть и безсознательно для обличителей, лежитъ нетерпѣніе ростущей демократіи по

поводу обструкціи со стороны второй палаты вообще. Нетерпѣніе понятное, потому что еслибы вопросъ могъ быть поставленъ такъ, существуетъ ли въ Англіи надобность въ учрежденіи, котораго назначеніе—*предупреждать поспѣшность законодательства*, то на этотъ вопросъ не могло бы быть двухъ отвѣтовъ: отсрочивающее veto палаты лордовъ—тò же, что золотить золото; нечего замедлять то, чтò и безъ того движется медленно. Въ Англіи, какъ это показалъ Дайси въ своей послѣдней книгѣ „Law and public opinion", больше чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, больше чѣмъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ или во Франціи, законодательство есть прямой результатъ общественнаго мнѣнія; палата общинъ, со времени избирательныхъ реформъ 1832, 1867 и 1885 гг., вѣрно отражаетъ это общественное мнѣніе, и притомъ уже сложившееся, зрѣлое, скорѣе даже нѣсколько устарѣлое, чѣмъ только-что формирующееся мнѣніе. Отсрочивающее veto палаты лордовъ, какъ средство для того, чтобы общественное мнѣніе успѣло созрѣть, предполагаетъ, что законодатели въ нижней палатѣ ведутъ общественное мнѣніе за собою, тогда какъ въ дѣйствительности, напротивъ, общественное мнѣніе подталкиваетъ законодательство. Для того, чтобы какая-нибудь реформа была предложена въ палатѣ общинъ, нужно, чтобы въ странѣ образовалось теченіе общественнаго мнѣнія, достаточно сильное, чтобы найти себѣ парламентское представительство; для того, чтобы реформа была принята, нужно, чтобы данное теченіе стало господствующимъ. Никакое англійское министерство не въ силахъ навязать странѣ мѣру, которой не одобряетъ господствующее теченіе общественнаго мнѣнія. Сдерживать реформаторскіе порывы англійскихъ законодателей не приходится; опасности, что будетъ принятъ законъ, идея котораго еще не воспринята большинствомъ англійскаго общества, не существуетъ. Въ палату общинъ вступаютъ люди тридцати-сорокалѣтняго возраста, которые составили себѣ міровоззрѣніе прежде, чѣмъ получили доступъ къ законодательству; они проводятъ свои воззрѣнія въ жизнь въ качествѣ законодателей, когда въ обществѣ народились новые взгляды, которыми увлекается пока болѣе молодое поколѣніе и съ которыми законодатели, можетъ быть, и незнакомы; они проводятъ въ жизнь то, чтò въ сферѣ идей, быть можетъ, уже устарѣло, и чтò чрезъ нѣкоторое время будетъ затоплено новой идейной волной. Такъ, идеи Адама Смита о свободѣ торговли восторжествовали въ парламентѣ только въ 1846 г.; такъ, въ 60-хъ годахъ XIX в., въ палатѣ общинъ господствовалъ еще промышленный либерализмъ, когда въ обществѣ уже начинали

склоняться къ идеѣ государственнаго вмѣшательства въ экономическія отношенія, и прошло еще двадцать лѣтъ прежде чѣмъ и парламентъ сталъ на почву „соціализма безъ доктринъ". При такомъ положеніи дѣлъ отсрочивающее veto палаты лордовъ, безспорно, ни на что не нужно: палата общинъ и сама не спѣшитъ. Исключеніе подтверждаетъ правило: приводятъ случай, когда палата общинъ заспѣшила; но тогда и палата лордовъ не оказалась болѣе разсудительной. Въ 1850 г. папа назначилъ католическихъ епископовъ съ тѣми же титулами, какъ и англиканскіе прелаты; появился вдругъ католическій архіепископъ кентерберійскій. Палатою общинъ овладѣлъ паническій страхъ; она увидала призракъ возстановленнаго господства католицизма, и немедленно приняла билль противъ католическихъ церковныхъ титуловъ. Палата лордовъ еще больше испугалась: тамъ билль прошелъ также немедленно и при болѣе значительномъ большинствѣ, чѣмъ въ нижней палатѣ. Между тѣмъ этотъ законъ былъ настолько произведеніемъ минуты, что его даже не стали приводить въ дѣйствіе, а въ 1871 г. его отмѣнили и формально. Итакъ, какъ учрежденіе для пересмотра законопроектовъ, палата лордовъ мало удовлетворительна по своему составу; какъ учрежденіе, обезпечивающее отъ поспѣшности въ изданіи законовъ, она безполезна. Стало быть, не лучше ли ее уничтожить совсѣмъ? На самомъ дѣлѣ вопросъ о значеніи палаты лордовъ въ англійской конституціи и о реформѣ ея гораздо сложнѣе, чѣмъ это кажется на первый взглядъ.

III.

Больное мѣсто въ организація палаты лордовъ—наслѣдственность. Англичане упражняютъ свой humour насчетъ этой особенности: только въ сказкѣ или въ операѣ можно встрѣтить что-нибудь подобное, говорятъ они. Наслѣдственность составляетъ проклятіе для самихъ лордовъ,—по крайней мѣрѣ, для наиболѣе талантливыхъ изъ нихъ. Они не могутъ быть народными представителями въ палатѣ общинъ; исключеніе сдѣлано только для ирландскихъ пэровъ, которые могутъ быть депутатами отъ англійскихъ избирателей въ нижней палатѣ, если не состоятъ членами верхней по избранію отъ другихъ ирландскихъ пэровъ. Всѣ же англійскіе пэры [1]) могутъ быть только членами палаты лордовъ. Въ виду ея второстепенной роли, въ этомъ видятъ ущербъ для

[1]) Хуже всѣхъ положеніе тѣхъ изъ шотландскихъ пэровъ, которые не попали въ число 16-ти; они вовсе лишены возможности участвовать въ парламентѣ.

политической жизни страны: многіе таланты вовсе пропадаютъ; государственные дѣятели, блиставшіе въ нижней палатѣ, сходятъ со сцены, когда переходятъ въ палату лордовъ; и такой переходъ дѣлается не добровольно: старшій сынъ лорда обязательно, по смерти отца, теряетъ свое депутатское кресло.

Однако, ни насмѣшки, ни интересы талантовъ не могутъ побудить палату лордовъ разстаться съ принципомъ наслѣдственности. Въ 1856 г. сдѣлана была попытка назначить новаго пэра *пожизненно*; назначили бездѣтнаго старика. Но палата лордовъ рѣшительно возстала противъ такого новшества, отвергла ссылки на прецеденты и отказалась признать лорда Wensleydale; пришлось дать ему обычный наслѣдственный патентъ.

Въ 1867 г. пропасть между наслѣдственною палатою и народнымъ представительствомъ стала еще глубже: въ нижней палатѣ стали засѣдать депутаты отъ городскихъ рабочихъ, а верхняя продолжала оставаться нереформированной. Естественно было возобновить попытку реформы. Въ 1869 г. лордъ Россель предложилъ усилить пожизненный элементъ въ палатѣ; для этого слѣдовало бы предоставить коронѣ право назначать пожизненныхъ пэровъ, но числомъ всего не болѣе 28-ми и не свыше 4-хъ въ годъ. Но даже эта, по выраженію Брайта, „ребяческая заплата на законодательствѣ" осталась только проектомъ; послѣ третьяго чтенія въ палатѣ лордовъ билль былъ отвергнутъ. Это упорство лордовъ вызвало сожалѣніе въ друзьяхъ мирнаго развитія англійской конституціи; въ то время реформа могла совершиться спокойно, по иниціативѣ самихъ лордовъ; послѣ того, положеніе стало сложнѣе. Въ лицѣ усилившейся демократіи у палаты лордовъ выросъ противникъ, котораго нельзя удовлетворить простою заплатою.

Начало демократическихъ требованій относится къ 1884 г., когда лорды раздражили народъ своимъ отказомъ принять билль Гладстона, имѣвшій цѣлью распространеніе избирательныхъ правъ на сельскихъ рабочихъ. Раздраженіе особенно понятное, если вспомнить, что въ 1867 г. предоставленіе избирательныхъ правъ городскимъ рабочимъ прошло безъ всякихъ возраженій, потому что реформу проводило торійское министерство. Въ странѣ поднялась сильная агитація. Иниціаторомъ ея былъ Лабушеръ. Образовалась „Лига для уничтоженія наслѣдственной палаты лордовъ". Воззваніе ея къ гражданамъ гласило: „еще недавно вопросомъ дня было предоставленіе права голоса 2.000.000 правоспособныхъ гражданъ; теперь на очереди лишеніе голоса 500 безотвѣтственныхъ наслѣдственныхъ законодателей". Лига выработала проектъ петиціи

въ палату общинъ: „Имѣя въ виду, что въ парламентѣ существуетъ собраніе безотвѣтственныхъ законодателей, извѣстныхъ подъ названіемъ пэровъ; что члены этого собранія большею частью наслѣдственны, вступая другъ послѣ друга на основаніи генеалогіи или естественнаго преемства; что подобная легитимація для серьезнаго дѣла законодательства дѣлаетъ англичанъ смѣшными въ глазахъ всего свѣта; что эта аномальная палата въ теченіе столѣтій тяжко угнетала народъ этихъ острововъ, издавая дурные законы и отвергая или искажая явно полезные для общества; что въ блаженный періодъ республики палата общинъ въ своей мудрости приняла актъ объ уничтоженіи наслѣдственныхъ законодателей, какъ безполезныхъ и опасныхъ, и что вслѣдствіе этого нація получила величайшія нравственныя и матеріальныя выгоды внутри и извнѣ,—просители желаютъ, чтобы палата общинъ воскресила статутъ объ отмѣнѣ и предоставила пэрамъ, которыхъ народъ выберетъ, право засѣдать въ палатѣ общинъ". Лига, однако, успѣха не имѣла и скоро была закрыта. Отчасти это объясняется, вѣроятно, тономъ агитаціи, разсчитаннымъ скорѣе на улицу, чѣмъ на серьезную мысль. Такъ, одинъ изъ пропагандистовъ лиги писалъ, что когда будетъ уничтожена палата лордовъ, то реакціонеры навѣрное потребуютъ представительной второй палаты, но этому надо всячески противиться, ибо, какъ показываетъ-де исторія всѣхъ вторыхъ палатъ, онѣ—не что иное, какъ памятники стаднаго безумія человѣчества. Наряду съ этимъ безцеремоннымъ обращеніемъ съ исторіей въ памфлетѣ, выдержавшемъ, однако, не менѣе девяти изданій, противъ палаты полились рѣчи крупныхъ политическихъ дѣятелей. Тогда-то Чемберленъ далъ характеристику палаты лордовъ, которая теперь неизмѣнно цитируется всѣми ея врагами, словно выписка изъ классика: „палата лордовъ въ теченіе ста лѣтъ ни на іоту не прибавила народныхъ свободъ и ничего не сдѣлала для общественнаго блага; и во все это время она покровительствовала всякому злоупотребленію и защищала всякую привилегію; она отказывала въ правосудіи и откладывала реформы; она безотвѣтственна безъ независимости, упорна безъ мужества, произвольна безъ разсудка и дерзка безъ знанія". Тогда же, не ограничиваясь критикою, поставили на очередь конституціонный вопросъ,—какъ путемъ реформы сдѣлать палату лордовъ безвредною? Брадло откровенно заявилъ, что онъ не видитъ конституціоннаго средства уничтожить палату лордовъ, что для этого нужна революція. Но революція въ Англіи можетъ быть оправдана только если зло не просто невыносимо, но и не можетъ быть устранено другимъ

путемъ; агитація въ пользу уничтоженія палаты лордовъ—не шутка; не слѣдуетъ легкомысленно вызывать тѣнь революціи. Конечно, невыносимо, чтобы люди глупые, лѣнивые и порочные могли наравнѣ съ умными и порядочными наслѣдовать въ правѣ творить или тормозить законодательство. Положить этому конецъ нужно,—но не отмѣняя палату; нужно только лишить ее права veto или же превратить въ собраніе народныхъ представителей, въ выборный сенатъ. Тѣмъ хуже для лордовъ, если они и на это не пойдутъ; если они будутъ отвергать всякую реформу, ихъ безумie усилитъ сторонниковъ уничтоженія палаты, и тогда уже ни за что отвѣчать нельзя. „Я—за реформу, если это возможно, и противъ революціи, если это въ моихъ силахъ". Джонъ Брайтъ также опредѣленно высказался, что уничтожить палату лордовъ невозможно, но можно ограничить ея право veto. Королевское veto исчезло, но корона осталась и пользуется уваженіемъ и популярностью; то же можетъ быть и съ палатою лордовъ. Она должна сохранить право исправить билль и даже отвергнуть его, если палата общинъ не согласилась на ея поправки; но если въ слѣдующую сессію палата общинъ вторично приняла билль безъ поправки палаты лордовъ, то послѣдняя уже не вправѣ не принять его. Очевидно, что при такомъ условіи палата лордовъ и въ первую сессію не станетъ задерживать билль, потому что онъ все равно пройдетъ въ слѣдующую сессію. Тогда въ палатѣ лордовъ будутъ участвовать только тѣ, кто подготовленъ къ законодательной дѣятельности,—человѣкъ сто, не болѣе; тѣ же, которыхъ теперь созываютъ для голосованія, будутъ сидѣть по домамъ. Но какъ осуществить реформу и ограничить право veto лордовъ противъ ихъ воли,—на это Брайтъ отвѣта не даетъ. Тогда же появились и летучіе проекты учрежденія новой верхней палаты на мѣсто уже упраздненной въ воображеніи реформаторовъ палаты лордовъ; такъ, авторъ серіи памфлетовъ „Мысли для мыслящихъ", подъ псевдонимомъ Hinc Solon, рекомендовалъ учредить „палату сенаторовъ" изъ 150-ти членовъ, изъ которыхъ 106 выбирались бы палатою общинъ, 24 назначались бы короною и 20 представляли бы разныя правительственныя учрежденія. Но прежде всего надо уничтожить палату лордовъ, ибо сколько ни распѣвать пѣснь: „Никогда британцы не будутъ рабами", но пока британцы не въ силахъ сами сочинять для себя законы, надо поменьше хвастать свободой.

Но вся эта агитація противъ палаты лордовъ очень скоро улеглась. Въ слѣдующемъ году между Гладстономъ и лордами состоялось соглашеніе, и билль о расширеніи избирательнаго

права былъ палатою лордовъ принятъ. Она вышла изъ столкновенія съ уменьшеннымъ престижемъ, но все же невредимою. Отнынѣ она имѣла противъ себя еще 2.000.000 новыхъ избирателей. Въ 1885 г. вышла книжка, озаглавленная: „Радикальная программа", съ предисловіемъ Чемберлена; въ ней палата лордовъ трактуется уже не какъ врагъ, а какъ своего рода quantité négligeable: „Послѣднее, о чемъ думаютъ радикалы, это о реформированіи палаты лордовъ. Ея недостатки нераздѣльны отъ ея существованія. По существу она не вліяетъ на ходъ законодательства; она можетъ оттянуть принятіе важныхъ мѣръ, но не больше. Она—источникъ непріятностей и нетерпѣнія для серьезнаго реформатора; но она никогда не можетъ быть постояннымъ препятствіемъ на пути реформъ. Народное нетерпѣніе сдерживается сознаніемъ, что въ худшемъ случаѣ вторая палата можетъ только замедлить прогрессъ законодательства. Но еслибы явилось сознаніе, что палата лордовъ можетъ безконечно задерживать законодательство, тогда простая терпимость перешла бы въ дѣятельное недовольство ею. При такихъ условіяхъ нѣтъ надобности включать уничтоженіе палаты лордовъ въ радикальную программу. Если палата будетъ и впредь проявлять тѣ же качества, какъ и до сихъ поръ, радикаламъ нечего ею заниматься. Но, конечно, если она будетъ упорствовать въ отстаиваніи своей индивидуальности, то своимъ поведеніемъ она вызоветъ свою собственную гибель". Такъ, вопросъ о палатѣ лордовъ на время сошелъ со сцены. Только неугомонный Лабушеръ внесъ, въ 1886 г., въ нижнюю палату предложеніе резолюціи, что „несовмѣстимо съ представительнымъ правленіемъ, чтобы члены одной изъ палатъ имѣли право творить законы въ силу наслѣдованія". Но предложеніе провалилось. Ту же неудачу потерпѣлъ Лабушеръ вторично въ 1888 г.

Ничто извнѣ не побуждало болѣе лордовъ къ реформѣ своей палаты, и потому въ отвѣтъ на новые проекты изъ ихъ же среды они стали неизмѣнно отстаивать status quo. Въ 1888 г. лордъ Розбери предложилъ имъ избрать комитетъ для изслѣдованія устройства палаты; онъ взывалъ, между прочимъ, и къ интересу самихъ лордовъ, лишенныхъ доступа въ нижнюю палату. Но пэры отвергли самое предложеніе учредить комитетъ. Затѣмъ лордъ Денрэвенъ внесъ билль объ устройствѣ палаты лордовъ; онъ предлагалъ возстановить право короны назначать пожизненныхъ пэровъ; предоставить ей назначать пэровъ на срокъ по рекомендаціи совѣтовъ графствъ (органовъ мѣстнаго самоуправленія); предоставить нынѣшнимъ лордамъ выбрать изъ своей среды деле-

гацію изъ 180 пэровъ для законодательныхъ функцій; соотвѣтственно уменьшить число духовныхъ лордовъ. Билль не прошелъ. Наконецъ, лордъ Сольсбери въ томъ же году внесъ два билля— одинъ о созданіи пожизненныхъ пэровъ, другой—о правѣ короны не посылать приглашеній въ парламентъ лордамъ, осужденнымъ за позорное поведеніе,—но взялъ оба билля назадъ.

Съ тѣхъ поръ палата лордовъ не возобновляла попытокъ реформы хотя бы въ тѣхъ скромныхъ предѣлахъ, какъ намѣчали нѣкоторые изъ лордовъ, и, повидимому, нѣтъ надежды, чтобы она сама взяла на себя иниціативу реформы. Но въ 1893 г., когда она отвергла второй билль о гомрулѣ, агитація со стороны либеральной партіи поднялась съ новой энергіей. На этотъ разъ походъ повелъ „National Reform Union"; это—организація либеральной партіи для литературной пропаганды ея идей; ея главная квартира—въ Манчестерѣ, и она имѣетъ болѣе четырехъ-сотъ отдѣленій въ странѣ. Она выпустила рядъ памфлетовъ и летучихъ листковъ. Лозунгомъ борьбы взята была формула палаты общинъ 1649 г.: „палата лордовъ безполезна и опасна и должна быть уничтожена". Листокъ № 110 заявляетъ, что уничтоженіе палаты лордовъ есть первая, главная и непосредственная задача либеральной партіи, потому что эта палата не исполняетъ вовсе своихъ независимыхъ законодательныхъ функцій; когда у власти консервативное правительство, она только проводитъ мѣры, на которыя уже послѣдовало согласіе вождей; а когда у власти либералы, она пользуется своими законодательными функціями, чтобы мѣшать принятію мѣръ, за которыя стоитъ большинство избирателей; въ первомъ случаѣ палата безполезна, во второмъ она опасна, потому что лишаетъ народъ права самоуправленія чрезъ своихъ представителей. Какъ практическое средство листокъ рекомендуетъ, если билль будетъ искаженъ или отвергнутъ палатою лордовъ, — чтобы палата общинъ простою резолюціею постановила игнорировать этотъ поступокъ лордовъ и послать билль въ той формѣ, какъ его окончательно выработаетъ палата общинъ, на утвержденіе короны. Листокъ не даетъ, однако, отвѣта на то, какъ быть, если корона не признаетъ такое дѣйствіе конституціоннымъ. Листокъ № 112 цитируетъ только нѣсколько строкъ изъ талантливаго памфлета Демоса: „Пэры или народъ: кому управлять?", изданнаго тѣмъ же союзомъ,—чтобы показать богатство пэровъ; разсказавъ, сколько у нихъ земли, выписка добавляетъ, что они располагаютъ 4.800 церковными должностями и получаютъ въ видѣ пенсій и т. п. около 662.700 фунтовъ. Около 1.500.000 акровъ принадлежатъ родственникамъ

перовъ, засѣдающимъ въ палатѣ общинъ. Листокъ № 113 содержитъ квинтъ-эссенцію отзывовъ о палатѣ лордовъ: „она просто вѣтвь торійскаго каукюса [1]); просто орудіе торійской организаціи; клубъ торійскихъ лэндлордовъ; механическое большинство торійскаго каукюса“ (Чемберленъ); „флигель карлтонскаго клуба“ (Г. Джемсъ); „мертвецкая большинства либеральныхъ мѣръ“ (Розбери); „подавляющее господство предразсудковъ, лицемѣрія, слѣпого классоваго и партійнаго духа; непроницаема для аргументовъ, непреклонна предъ разсужденіемъ, недоступна для разсудка; и выгнать ее изъ ея наслѣдственной и устарѣлой траншеи можно не аргументомъ, не разумомъ, не разсужденіемъ, а только силой“ (Джонъ Морлей). Въ листкѣ № 118 доказывается, что палата лордовъ вовсе не функціонируетъ, какъ вторая палата или сенатъ; что это только одно изъ сословій феодальнаго королевства, которое теперь ослаблено вслѣдствіе паденія феодализма; что она никогда не дѣйствуетъ, какъ воображаютъ европейскіе политическіе архитекторы, какъ верхняя палата, ревизующая съ болѣе зрѣлымъ умомъ и въ безпристрастномъ духѣ поспѣшное или ультра-демократическое законодательство народнаго собранія. Листокъ № 120 содержитъ перечень отвергнутыхъ за 60 лѣтъ мѣръ и озаглавленъ: „Чаша несправедливости“. Памфлеты того времени, рѣчи Гладстона, Розбери,—все кипитъ негодованіемъ противъ лордовъ. На одномъ памфлетѣ на обложкѣ изображены Сольсбери и какой-то епископъ, вооруженные дубинами, ожидающими изъ-за угла приближенія двуногой фигуры, на туловищѣ которой надпись: „либеральный билль“; нѣсколько мертвыхъ „биллей“ валяется уже у ногъ свирѣпыхъ убійцъ. На оборотѣ—собраніе идіотскихъ физіономій съ надписью: „портреты нашихъ наслѣдственныхъ законодателей“.

Къ либеральной агитаціи присоединились протесты рабочихъ союзовъ. Въ томъ же 1893 г. палата лордовъ внесла въ билль объ отвѣтственности предпринимателей поправку, допускающую право сторонъ договариваться о непримѣненіи закона (contracting out); трижды палата общинъ отвергала эту поправку, и трижды палата лордовъ вносила ее вновь. Лордъ Сольсбери при этомъ имѣлъ еще неосторожность назвать трэдъ-юніоны, какъ и вообще радикальныя ассоціаціи, „жестокими организаціями“. Рабочіе выпустили тогда пламенный манифестъ: „13 лѣтъ сряду конгрессъ трэдъ-юніоновъ ежегодно единогласно высказывается противъ си-

---

[1]) Caucus—терминъ сперва насмѣшливый для обозначенія мѣстныхъ организацій либеральной партіи, возникшихъ въ срединѣ 80-хъ г.г.

стемы отмѣны договоромъ сторонъ парламентскаго акта. Правительство доказало свое желаніе исправить законодательство согласно съ требованіями рабочихъ. Однако, всѣ его труды уничтожены собраніемъ наслѣдственныхъ законодателей, дѣйствующихъ къ выгодѣ нѣсколькихъ промышленныхъ компаній, въ которыхъ многіе изъ нихъ лично заинтересованы. Мы приглашаемъ васъ сказать, позволите ли вы и впредь палатѣ лордовъ стоять на пути вашего промышленнаго прогресса, и вмѣстѣ съ тѣмъ подвергать опасности вашу жизнь и здоровье въ то время, какъ вы изо дня въ день работаете для обогащенія ихъ и націи? На что служитъ вамъ избирательное право? Какой для васъ толкъ отъ того, что большинство избранныхъ народныхъ представителей вотируетъ въ вашу пользу, когда привилегированный классъ имѣетъ возможность издѣваться и надъ избирательнымъ правомъ, и надъ правительствомъ? Теперь вамъ необходимо рѣшить, подчинитесь ли вы покорно этому презрительному обращенію, или же вы покажете палатѣ лордовъ, что она не можетъ безнаказанно противиться вашей волѣ. Вы имѣете случай теперь показать примѣръ противодѣйствія наглой и произвольной власти. Если палата лордовъ можетъ и впредь издѣваться надъ голосомъ избирателей и отвергать всякую мѣру, которая не согласуется съ ея интересами и симпатіями, то нужно уничтожить палату общинъ, какъ учрежденіе безполезное для выраженія національной воли". За манифестомъ послѣдовала колоссальная демонстрація въ Гайдъ-Паркѣ, гдѣ делегаты отъ союзовъ всей страны постановили требовать отъ правительства „принятія мѣръ къ полному уничтоженію палаты лордовъ и лишенію ея такимъ образомъ возможности противодѣйствовать народной волѣ".

Однако, и на этотъ разъ никакой революціи въ странѣ не произошло, и дальше энергичныхъ словесныхъ угрозъ дѣло не пошло. Острый періодъ возбужденія противъ палаты лордовъ скоро прошелъ, особенно послѣ того, какъ въ 1895 году страна на общихъ выборахъ, въ отвѣтъ на лозунгъ: „долой палату лордовъ", дала большинство... консервативной партіи. Торійское министерство провело рядъ реформъ, которыя провели бы сами либералы, еслибы власть была въ ихъ рукахъ; они могли досадовать, что палата лордовъ теперь реформамъ не противодѣйствуетъ, но осуждать ее не было уже возможности. Въ 1897 г. прошелъ новый законъ объ отвѣтственности предпринимателей, въ которомъ содержалось уже воспрещеніе contracting out, и такъ исчезъ тотъ поводъ къ недовольству рабочихъ, который вызвалъ ихъ возмущеніе въ 1893 г. Правда, нѣсколько позже

рабочій міръ получилъ новое основаніе для недовольства лордами, когда послѣдовало нѣсколько судебныхъ рѣшеній, понесшихъ чувствительный ущербъ свободѣ рабочихъ союзовъ; но то были рѣшенія, постановленныя судебными лордами, а не палатою лордовъ, какъ органомъ законодательной власти, и потому вопросъ о законодательномъ veto палаты лордовъ при этомъ оставался въ сторонѣ. Затѣмъ, при томъ же консервативномъ министерствѣ въ 1896 и 1903 г., сдѣланы были важные шаги для разрѣшенія ирландскаго земельнаго вопроса; въ 1898 г. проведена въ Ирландіи муниципальная реформа. Такимъ образомъ, многіе старые грѣхи палаты лордовъ были заглажены при ея же содѣйствіи противниками либераловъ. Въ настоящее время новое движеніе въ пользу реформы палаты лордовъ надо было бы создать искусственно; но для этого англійскій избиратель слишкомъ уравновѣшенъ. Теперь весь вопросъ о палатѣ лордовъ интересуетъ только профессіональныхъ политиковъ; жизненныхъ интересовъ націи онъ не касается. Въ 1905 г., когда палата лордовъ отвергла билль о трамваяхъ чрезъ лондонскіе мосты, газеты вытащили изъ грознаго словеснаго арсенала нѣсколько энергичныхъ выраженій, напомнили лордамъ, что отъ нихъ требуется mending or ending, т.-е. или исправиться, или исчезнуть, но вскорѣ опять все успокоилось, и палатою лордовъ перестали заниматься.

Не перестаютъ ею заниматься политическія организаціи либеральной партіи; для нихъ вопросъ о палатѣ лордовъ остается тлѣющимъ подъ пепломъ уголькомъ, который когда-нибудь можно будетъ раздуть въ яркое пламя. Еще въ началѣ 1894 г. въ Портсмутѣ состоялся съѣздъ делегатовъ отъ либеральныхъ организацій для обсужденія вопроса,—что сдѣлать съ палатою лордовъ? Что она не удовлетворяетъ требованіямъ, которыя можно предъявлять ко второй палатѣ; что она ничего не дѣлаетъ, когда у власти тори; что она смѣла только, когда знаетъ, что ей не грозитъ опасность быть уничтоженной (напр., она долго съ упорствомъ и безъ страха отвергала билль о дозволеніи жениться на сестрѣ умершей жены); что она не внушаетъ уваженія,—обо всемъ этомъ много разъ говорилось, все это стоитъ для либераловъ внѣ сомнѣнія; вопросъ только въ томъ, какъ съ нею справиться? Всѣ сошлись на томъ, что необходимо внести билль, воспрещающій или ограничивающій право veto. Но, какъ замѣтилъ лордъ Розбери въ одной изъ своихъ рѣчей, уничтожить veto — все равно, что уничтожить палату; она сама предпочтетъ послѣднее, потому что тогда пэры, по крайней мѣрѣ,

получать возможность засѣдать въ нижней палатѣ. Поэтому дѣло не въ томъ, что одну реформу провести трудно, а другую легко,— а въ томъ, чтобы провести реформу вообще, когда сами лорды реформы не желаютъ. Портсмутскій съѣздъ ограничился выраженіемъ увѣренности, что при настойчивомъ желаніи избирателей реформа будетъ проведена. Въ томъ же 1894 г. собралась въ Лидсѣ конференція представителей отъ союзовъ, входящихъ въ составъ „Національной либеральной федераціи", для обсужденія четырехъ возможныхъ направленій реформы: полное уничтоженіе палаты лордовъ; переустройство на избирательномъ основаніи; ограниченіе veto; полное уничтоженіе права veto. Съ тѣхъ поръ изъ года въ годъ на съѣздахъ „Національной либеральной федераціи" выносилась слѣдующая резолюція: „Собраніе остается при твердомъ убѣжденіи, что парламентъ не сдѣлается представительнымъ въ истинномъ смыслѣ, доколѣ палата лордовъ не будетъ лишена власти препятствовать прохожденію билля, одобреннаго нижнею палатою, а для этого у верхней палаты надлежитъ отнять право veto, которымъ она пользуется только, чтобы уничтожать или искажать законы, проведенные чрезъ нижнюю палату либеральнымъ правительствомъ".

„Отнять" право veto, „ограничить" его, „уничтожить" самое палату,—все это легко сказать, но какъ это сдѣлать? По конституціи для всякаго парламентскаго акта требуется согласіе трехъ частей парламента, — общинъ, лордовъ и короля; какъ провести реформу палаты лордовъ противъ воли самихъ лордовъ? Существуетъ только одно безспорное конституціонное средство: корона можетъ назначить новыхъ пэровъ, согласныхъ вотировать за реформу. Въ 1832 г. угроза прибѣгнуть къ этой мѣрѣ заставила лордовъ уступить. Думаютъ, что и для реформы палаты лордовъ въ духѣ либераловъ можно бы съ успѣхомъ испробовать то же средство. Но уже одно то обстоятельство, что дѣло идетъ о нѣсколькихъ стахъ назначеній заставляетъ сомнѣваться въ осуществимости средства. Надо бы прежде всего найти нѣсколько сотъ, можетъ быть даже 600 человѣкъ, которые согласились бы сыграть роль наемниковъ и палачей относительно учрежденія, членами котораго они вступятъ туда. Но если бы въ Англіи и нашлось 600 человѣкъ, способныхъ на такую мало почетную миссію, то надо бы еще получить согласіе короны на такое массовое назначеніе, а вынудить это согласіе безъ революціи нельзя. Поэтому мѣру эту слѣдуетъ считать неосуществимой, а потому и угроза ею лордовъ не испугаетъ. Одно изъ самыхъ новыхъ предложеній состояло въ томъ, чтобы либеральный лидеръ, ко-

тораго корона призоветъ для образованія министерства, согласился приступить къ составленію кабинета не прежде, чѣмъ король подпишетъ напередъ согласіе на назначеніе столькихъ новыхъ пэровъ, сколько понадобится для образованія большинства. Однако, Кемпбелль-Баннерманъ, призванный въ концѣ 1905 г. составить либеральный кабинетъ, какъ извѣстно, не послѣдовалъ этому совѣту бойкотировать короля. Все, что предлагается помимо угрозы назначеніемъ новыхъ пэровъ, было бы еще и формально противно конституціи. Такъ, передъ созывомъ новаго парламента секретарь короны могъ бы воздержаться отъ посылки лордамъ writs of summons, и тѣмъ самымъ молчаливо палата лордовъ была бы упразднена; или приглашенія можно бы послать только тѣмъ, которые завѣдомо согласны провести реформу. Но какъ заставить короля пойти на это? И затѣмъ, сами лорды могли бы заявить, собравшись и безъ writs of summons, что корона была по конституціи обязана пригласить каждаго изъ пэровъ, и что безъ этого парламентъ не парламентъ, и законъ— не законъ. Совсѣмъ никуда не годится предложеніе, чтобы палата общинъ отказала въ вотированіи бюджета, пока палата лордовъ не согласится на самоубійство или членовредительство; отказъ въ бюджетѣ ударитъ прежде всего по министерству; придется распустить нижнюю палату, тѣмъ временемъ управленіе будетъ парализовано, жизнь въ странѣ разстроится; предложеніе равносильно приглашенію къ революціи. Такъ же мало цѣны имѣетъ предложеніе включить въ билль о бюджетѣ резолюцію объ уничтоженіи veto лордовъ, дабы они убоялись оставить страну безъ бюджета,—и менѣе радикальное предложеніе—отказать въ вотированіи средствъ на содержаніе палаты лордовъ; самъ лордъ Кольриджъ, предлагающій послѣднюю мѣру, тутъ же добавляетъ, что это была бы политика, чуждая инстинктамъ британскаго народа.

Такимъ образомъ, никакими хирургическими средствами нельзя справиться съ палатою лордовъ, если желать оставаться на почвѣ конституціи. Остается давленіе со стороны общественнаго мнѣнія. Лордъ Розбери въ 1894 г. описалъ „процедуру путемъ резолюціи": палата общинъ, по иниціативѣ министерства, должна принять торжественную резолюцію объ ограниченіи права veto лордовъ; эта резолюція, означающая, что исполнительная власть совмѣстно съ палатою общинъ требуютъ пересмотра конституціи, „останется на вѣки въ протоколахъ палаты; ни одно правительство, какъ бы оно ни было смѣло или цинично, не рѣшится предложить ее вычеркнуть; и если эта резолюція будетъ

поддержана народомъ, то, несомнѣнно, лорды сдадутся“. Другими словами, въ концѣ концовъ рѣшитъ или патріотизмъ самихъ лордовъ, ихъ уваженіе къ общественному мнѣнію страны, — или страхъ лордовъ предъ революціей, предполагая, что англичанъ удалось бы до такой степени возбудить вопросомъ о правѣ veto палаты лордовъ.

Въ дѣйствительности нужно думать, что либеральная партія, несмотря на колоссальную побѣду свою на выборахъ 1906 года, останется, относительно палаты лордовъ, при своихъ вожделѣніяхъ, и что ей также мало удастся ограничить какимъ-нибудь парламентскимъ актомъ veto лордовъ, какъ и уничтожить самое палату. Безнадежны стремленія либераловъ прежде всего потому, что они сами еще не уяснили себѣ конечной цѣли реформы. Они готовы „оставить лордамъ ихъ титулы, ихъ костюмы, ихъ гербы, ихъ говорильню (debating club)“, только бы отнять у нихъ законодательное veto. Но въ такомъ случаѣ они желаютъ установленія законодательной власти единой палаты? На самомъ дѣлѣ они или и этого не желаютъ, или и сами не знаютъ, чего хотятъ. Такъ, Джонъ Брайтъ, выступившій въ 1884 г. съ наиболѣе умѣреннымъ предложеніемъ—*ограничить* право veto одною сессіею, говоритъ: „когда я былъ молодъ и читалъ книги по этому вопросу, я былъ рѣшительно за двѣ палаты; сознаюсь, что теперь у меня нѣтъ рѣшительнаго мнѣнія ни въ ту, ни въ другую сторону, но я не такъ твердъ въ убѣжденіи, что необходимы двѣ палаты. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно признать, что масса мыслящихъ людей въ странѣ не только не высказалась, но и не обнаружила никакого расположенія требовать единой палаты и полнаго уничтоженія второй“. „Не будемъ тратить время,— говоритъ авторъ памфлета, требующаго *уничтоженія* veto,—„на праздное разсужденіе о необходимости или полезности второй палаты. Лично я не вижу надобности во второй палатѣ. Но не всѣ такъ думаютъ, и потому пока возьмемъ то, что̀ взять можно“. Авторъ другого памфлета требуетъ полнаго *уничтоженія палаты* лордовъ; а потомъ? „Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли на мѣсто уничтоженной палаты лордовъ создать другую палату, не входитъ въ предѣлы нашей задачи. Возможно, что въ Англіи необходима вторая палата, на подобіе сената, и я даже думаю, что она необходима. Во всякомъ случаѣ, можно принять только сенатъ, основанный на представительномъ началѣ“. Самъ лордъ Розбери, который такъ торжественно описываетъ, какъ добиться уничтоженія veto, говоритъ: „Я откровенно сознаюсь, что я въ принципѣ сторонникъ двухъ палатъ; я всецѣло за вторую па-

лату; я такъ же мало стою за безконтрольное правленіе единой палаты, какъ и за безконтрольное правленіе одного человѣка. Я рѣшительно думаю, что опытъ подтверждаетъ необходимость второй палаты. Но если я колеблюсь между моимъ нерасположеніемъ къ единой палатѣ и сомнѣніемъ, лучше ли палата лордовъ, чѣмъ отсутствіе вовсе второй палаты, то это потому, что, по моему, палата лордовъ не есть вторая палата, а партійное собраніе". Это говорилось въ Брадфордѣ 27-го октября 1894 г., а 11-го декабря тотъ же лордъ Розбери говорилъ въ Девонпортѣ: „я слышу всякаго рода аргументы отъ сторонниковъ единой палаты и двухъ палатъ, но мы не можемъ уничтожить вторую палату безъ согласія этой самой второй палаты, и потому весь споръ объ одной или двухъ палатахъ я считаю однимъ изъ тѣхъ отвлеченныхъ разсужденій,—вродѣ того, слѣдовало ли казнить Карла I,—которыми могутъ заниматься въ литературныхъ кружкахъ нашихъ сельскихъ центровъ, но это не тема для практическихъ политиковъ". И даже авторъ одной изъ самыхъ послѣднихъ формулировокъ требованій либеральной партіи въ сборникѣ „Воззрѣнія либераловъ" (the Liberal view) куда-то торопится, и потому „не хочетъ здѣсь останавливаться на вопросѣ о необходимости второй палаты; какъ бы ни было желательно уничтоженіе палаты лордовъ, оно не входитъ въ сферу практической политики". Когда люди не могутъ не понимать послѣдствій той реформы, къ которой они стремятся, но въ то же время сами сомнѣваются въ желательности этихъ послѣдствій, или даже прямо не желаютъ ихъ, то они, очевидно, обречены на то, чтобы топтаться на мѣстѣ. Со стороны либераловъ палатѣ лордовъ опасность не угрожаетъ; имъ не удастся ни уничтожить ее самое, ни отнять у нея право veto, потому что вмѣстѣ съ водою они готовы выплеснуть и ребенка, насчетъ котораго они далеко не увѣрены, что имъ не станетъ его жаль.

Но если путемъ парламентскаго акта нельзя уничтожить палату лордовъ или даже только ея право veto, то отчего же не вступить на путь внутренней реформы палаты и не добиваться улучшенія ея состава? Можно бы уменьшить число наслѣдственныхъ пэровъ, распространивъ систему представительства шотландскихъ и ирландскихъ пэровъ на всѣхъ вообще, такъ чтобы въ палатѣ сидѣли не всѣ, а только достойнѣйшіе; можно бы постепенно, считаясь съ присущимъ народу уваженіемъ къ традиціямъ, перейти отъ наслѣдственнаго начала къ пожизненному, можно бы начать теперь уже вводить пожизненныхъ лордовъ и тѣмъ подготовить полное исчезновеніе наслѣдственности. Труднѣе

было бы сдѣлать дальнѣйшій шагъ—ввести въ палату выборный элементъ, въ видѣ ли представителей отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія или отъ иныхъ группъ населенія; но и такая реформа—въ предѣлахъ возможнаго. Направленіе, въ которомъ можно вести реформу, намѣчено, и въ проектахъ преобразованія нѣтъ недостатка, но оказывается, что какъ разъ тѣ, кто больше всего негодуютъ противъ палаты лордовъ, менѣе всего хотятъ внутренней реформы ея. Для нихъ ясно, что реформа, въ результатѣ которой изъ палаты изгнаны были бы бездѣльники и спортсмены, и въ ней остались бы только люди, по своимъ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ заслуживающіе уваженія народа,—что такая реформа должна поднять авторитетъ палаты. Если же въ палатѣ появятся еще въ большемъ числѣ назначенные пожизненно лорды, выдвинувшіеся своими талантами и знаніями, то съ такимъ авторитетнымъ собраніемъ дѣловыхъ людей палатѣ общинъ будетъ труднѣе ладить, чѣмъ съ лордами, которые не чувствуютъ подъ собою иной почвы, кромѣ уваженія народа къ старымъ учрежденіямъ и случайной индивидуальной популярности нѣкоторыхъ изъ пэровъ. Тогда начнутся столкновенія между обѣими палатами, которыя уже не будутъ такъ легко кончаться, какъ теперь, когда верхняя палата, поспоривъ, въ концѣ концовъ всегда уступаетъ. Члены реформированной палаты не будутъ мириться со своею второстепенною ролью и будутъ стараться такъ или иначе проявить себя; они будутъ претендовать на бо́льшую компетентность, чѣмъ у рядовыхъ народныхъ представителей; они будутъ больше работать, больше вникать въ работу нижней палаты, и уже въ этомъ одномъ будетъ лишній поводъ для столкновеній. Возникнутъ споры о томъ, которая изъ палатъ ближе выражаетъ мнѣніе избирателей. Словомъ, если теперь безспорнымъ властителемъ страны является палата общинъ, а не лорды и король, то послѣ реформы палаты лордовъ нижней палатѣ пришлось бы поступиться своею властью и, быть можетъ, вновь раздѣлить ее съ верхнею палатою. Кто же можетъ этого желать въ демократической палатѣ общинъ? Какъ можетъ демократія, которая достигла освобожденія отъ контроля высшихъ классовъ, стремиться къ тому, чтобы снова надѣть на себя ярмо? Многихъ пугаетъ примѣръ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ федеральный сенатъ является оплотомъ плутократіи; кто знаетъ, не создастъ ли преобразованіе палаты лордовъ въ учрежденіе съ выборными представителями новую классовую организацію, которая будетъ относиться къ массамъ враждебнѣе, чѣмъ относились пэры? Оправдаются ли эти

послѣднія опасенія или нѣтъ, но уже одной перспективы будущихъ конфликтовъ между обѣими палатами достаточно, чтобы послѣдовательные радикалы менѣе всего желали такой реформы, которая способна только поднять авторитетъ палаты лордовъ; и потому они предпочитаютъ, чтобы все оставалось по старому, въ надеждѣ, что палата лордовъ сама атрофируется отъ дряхлости. Къ числу такихъ послѣдовательныхъ людей принадлежитъ Чарльзъ Дилькъ. Онъ—сторонникъ единой палаты, хотя не отрицаетъ, что контроль надъ нею можетъ быть нуженъ, но только лучше, по его мнѣнію, организовать его въ формѣ плебисцита или референдума. Онъ откровенно предпочитаетъ, чтобы палата лордовъ оставалась, какъ она есть. Въ концѣ концовъ выходитъ, что для демократіи удобнѣе, чтобы палата лордовъ не реформировалась. Теперь она имѣетъ второстепенное значеніе; это еще Бэджготъ считалъ однимъ изъ преимуществъ англійской конституціи; двѣ равноправныя палаты тѣмъ, по его мнѣнію, опасны, что каждая изъ нихъ можетъ затормозить дѣятельность другой. Этой опасности теперь не существуетъ; она явилась бы въ результатѣ всякой реформы, которая улучшила бы составъ палаты лордовъ.

Все это либералы отлично понимаютъ, но вслѣдствіе того-то они и оказываются въ заколдованномъ кругу. Уничтожить право veto палаты лордовъ—то же, что уничтожить самое палату, а это равносильно тому, чтобы осталась безконтрольнымъ властелиномъ одна нижняя палата, но этого либералы или совсѣмъ не хотятъ, или хотятъ очень умѣренно. Въ такомъ случаѣ надо бы улучшить составъ верхней палаты; однако, и это опасно, потому что тогда можно очутиться въ положеніи лягушекъ, просившихъ себѣ царя. Изъ этого круга выхода нѣтъ, и такъ все должно оставаться по старому. Въ обществѣ нѣтъ теченія достаточно сильнаго, чтобы внутренняя реформа палаты лордовъ стала лозунгомъ на выборахъ и чтобы какая-нибудь партія стала добиваться осуществленія ея законодательнымъ путемъ. И потому всѣ проекты переустройства палаты не идутъ дальше кабинетовъ ихъ составителей; самихъ лордовъ, которымъ должна бы принадлежать инишатива билля, касающагося привилегій ихъ палаты, реформа не интересуетъ, а внѣ палаты лордовъ, въ странѣ, нѣтъ достаточно многочисленнаго класса людей, заинтересованныхъ въ такой реформѣ. Это не значитъ, что палата лордовъ останется навсегда въ роли ревизіонной палаты; возможно, что когда-нибудь она и утратитъ свое veto, но это можетъ случиться такъ, какъ утратила свое veto корона, безшумно, молчаливо, путемъ конституціоннаго подразумѣванія или соглашенія. Парламентскій же актъ,

который измѣнилъ бы составъ палаты или ея законодательныя функціи, пока представляется такъ же мало возможнымъ, какъ и актъ о полномъ ея уничтоженіи.

Однако, палата лордовъ сильна пока не только слабостью своихъ враговъ, которые разсчитываютъ на ея медленную, но вѣрную, по ихъ мнѣнію, смерть. Выборы 1895 г. показали, что у нея есть и друзья; страна прислала тогда въ нижнюю палату консервативное большинство, и тѣмъ доказала, что палата лордовъ въ 1893 г. предугадала ея настроеніе. Этимъ надолго обезпечено было сохраненіе status quo, котораго желаетъ прежде всего большинство самихъ лордовъ. Консерваторы никогда не считали аргументы противъ палаты лордовъ неотразимыми. Даже нападки на „наслѣдственность" палаты лордовъ кажутся имъ преувеличенными. Тамъ сидятъ, говорятъ они, не только праздные сыновья своихъ отцовъ,—туда вступаютъ и новые члены, бывшіе государственные дѣятели, вооруженные опытомъ и знаніями. Болѣе одной трети лордовъ или вновь назначены, или сидятъ по праву избранія, или наслѣдственны только по имени, потому что фактически не имѣютъ наслѣдниковъ. Особенно несправедливыми кажутся консерваторамъ возраженія противъ участія въ палатѣ епископовъ англиканской церкви; эти вѣдь не наслѣдственны; они скорѣе составляютъ демократическій элементъ въ палатѣ. Противники епископовъ возмущаются тѣмъ, что послѣдніе неизмѣнно вотируютъ заодно съ тори, и спрашиваютъ, почему, если дано представительство англиканской церкви, не представлены также и нонконформисты? Но и на это отвѣчаютъ, что въ англійской религіозной жизни такъ развито сектантство, что пришлось бы, считая хотя бы по одному представителю отъ секты, имѣть 150—200 лордовъ-сектантовъ. Что же касается дѣятельности палаты лордовъ въ сферѣ законодательства, то на обычныя обвиненія консерваторы возражаютъ: пусть, дѣйствительно, дѣлами въ палатѣ интересуется только небольшая группа лордовъ; пусть остальные только номинально состоятъ членами палаты; какой отъ этого ущербъ? Пусть въ важныхъ случаяхъ консервативное министерство созываетъ лордовъ, которые въ дѣлахъ ничего не смыслятъ, и заставляетъ ихъ вотировать по командѣ; какая отъ этого разница, если во всякомъ случаѣ, и безъ такого торжественнаго созыва, большинство всегда за тори? Вы хотите, чтобы тѣ 300—400 человѣкъ, которые играютъ роль статистовъ, были замѣнены дѣйствительными законодателями, людьми, близко интересующимися политикой? Но нужно ли, чтобы засѣданія ревизіонной палаты были такъ многолюдны? Пусть, дѣйствительно,

палата лордовъ пропускаетъ безъ возраженій консервативные билли и тормозитъ либеральные; но это оправдывается тѣмъ, что первые не порываютъ рѣзко съ прошлымъ; всякій разъ, когда палата задерживала либеральные билли, она знала, что ей сочувствуетъ значительная часть палаты общинъ и страны; но затѣмъ весь рядъ либеральныхъ биллей съ 30-хъ годовъ все-таки вѣдь прошелъ чрезъ палату лордовъ; слѣдовательно, въ концѣ концовъ она не помѣшала ихъ принятію. Консервативные лорды всегда поступались своими партійными предразсудками и даже убѣжденіями во имя того, что̀ они считали своимъ патріотическимъ долгомъ; когда они соглашались на реформу, они знали, что отвѣчаютъ обдуманному и окончательному рѣшенію народа; вслѣдствіе этого никогда не бывало реакціи; прогрессъ былъ медленный, но прочный. Лордовъ упрекаютъ, наконецъ, что, противясь реформамъ, они защищали свои классовые интересы; но вѣдь и тѣ, которые въ палатѣ общинъ проводили извѣстныя мѣры, также, въ свою очередь, часто отстаивали какіе-нибудь неудобоназываемые интересы.

Объ этой апологіи можно быть разнаго мнѣнія, но безспорнымъ останется то, что, при всѣхъ ея недостаткахъ, у палаты лордовъ есть одно рѣдкое преимущество—безусловная независимость ея членовъ. Вспомнимъ, что палата лордовъ—учрежденіе не законодательное, а ревизіонное; на ней лежитъ не выработка законовъ, а пересмотръ законодательныхъ работъ нижней палаты. Въ этой послѣдней не можетъ не быть борьбы интересовъ, но ревизіонная палата была бы идеальна, еслибы въ ней не было борьбы партій, и законы пересматривались бы съ тѣмъ же спокойствіемъ и безпристрастіемъ, какъ (предполагается) судебныя рѣшенія въ кассаціонномъ судѣ. Создать такую ревизіонную палату, однако, такъ же мудрено, какъ подобрать тѣхъ философовъ, которымъ Платонъ поручалъ управленіе республикой. Палата же лордовъ представляетъ ту особенность, что ее не создавали для ревизіи, а она сама превратилась въ ревизіонное учрежденіе и принесла для своихъ новыхъ задачъ вмѣстѣ со своими отрицательными свойствами одно положительное—свою независимость. Эту независимость высоко цѣнилъ уже Бэджготъ, писатель 60-хъ годовъ, когда еще не было и помину о тѣхъ сильныхъ партійныхъ организаціяхъ, которыя выросли въ 80-хъ годахъ. Бэджготъ находилъ, что палата лордовъ потому и возможна, и достаточно авторитетна, что она независима. Мнѣніе лордовъ можетъ быть ошибочно, но оно всецѣло ихъ собственное мнѣніе. Они недоступны никакимъ приманкамъ въ видѣ соціальныхъ отличій, но имъ

же не приходится и прислуживаться, и льстить избирателямъ. Они лучше кого другого могутъ составить себѣ незаинтересованное и обдуманное мнѣніе, и могутъ высказываться такъ, какъ имъ диктуетъ ихъ убѣжденіе. Нѣкоторые консервативные писатели увѣряютъ даже, что принадлежность большинства лордовъ къ тори есть также доказательство ихъ независимости; чѣмъ иначе объяснить, спрашиваютъ они, что лорды, назначенные либеральными министерствами, также становятся консерваторами, какъ не тѣмъ, что, вступивъ въ палату лордовъ, вчерашній членъ нижней палаты вновь пріобрѣтаетъ свою независимость и слушается своей совѣсти, вмѣсто того, чтобы прислушиваться къ мнѣніямъ своихъ избирателей. Нѣтъ надобности настаивать, что въ такомъ объясненіи много наивнаго, хотя нельзя отрицать и того, что теперь все затруднительнѣе становится пересмотръ законовъ съ точки зрѣнія классовыхъ интересовъ и все обязательнѣе онъ съ точки зрѣнія интересовъ массъ и народа въ цѣломъ. Но это, хотя бы и хромающее, объясненіе показываетъ, какъ высоко цѣнится то качество, которымъ лорды могутъ отличаться въ высшей степени,— независимость ихъ воззрѣній. Цѣнить же это качество научили особенно послѣднія двадцать лѣтъ, когда вслѣдъ за расширеніемъ избирательнаго права выросла система caucus'овъ. Слѣдствіемъ всемогущей организаціи партій являлось измѣненіе роли депутата въ палатѣ общинъ. Раньше считалось аксіомой, что депутатъ— представитель интересовъ народа, а не своихъ избирателей; никакимъ мандатомъ онъ не позволялъ себя связывать и ни къ какому отчету въ томъ, какъ онъ вотировалъ по тому или другому вопросу, онъ не считалъ себя обязаннымъ. Теперь все это перевернулось; депутатъ потерялъ свою самостоятельность и превратился въ ставленника своего избирательнаго комитета, который, въ свою очередь, подчиняется лидеру партіи. Изъ независимаго борца депутатъ сдѣлался строевымъ, послушнымъ партійной дисциплинѣ; выборы же стали такъ же мало свободны, какъ они были до 1832 г., съ тою лишь разницею, что тогда на избраніе депутата вліяли министерство и мѣстный лордъ, а теперь вліяютъ партійныя организаціи и партійные вожди; тогда—правительственные, теперь—общественные органы. При такомъ положеніи дѣла не безразлично имѣть группу людей, которые никого не боятся, никуда не стремятся, никого, кромѣ своей совѣсти, надъ собою не знаютъ, и могутъ, при желаніи, посвятить все свое время законодательной работѣ. Если этому идеалу удовлетворяютъ 2—3 десятка изъ 600, то этого совершенно достаточно, чтобы ревизіонное учрежденіе функціонировало, какъ

слѣдуетъ, особенно если некомпетентныя сотни тѣмъ не мѣшаютъ. Отъ палаты лордовъ не требуется ни иниціативы въ постановкѣ законодательныхъ цѣлей, ни разрѣшенія законодательныхъ задачъ; ея дѣло только наблюдать, чтобы вопросы были разсмотрѣны всесторонне, чтобы коренныя измѣненія въ государственномъ и общественномъ порядкѣ происходили не въ угоду внезапнымъ проявленіямъ народныхъ чувствъ, которыя могутъ быстро уступить мѣсто другимъ воззрѣніямъ; она обязана устанавливать нѣкоторое равновѣсіе между партіями въ палатѣ общинъ, чтобы обезпечивать устойчивость въ законодательныхъ измѣненіяхъ и непрерывность прогресса. Все это способны дѣлать тѣ нѣсколько десятковъ лордовъ, которые занимаются дѣломъ, и это въ концѣ концовъ понимаетъ и народъ,—и вотъ въ чемъ, быть можетъ, тайна того удивительнаго явленія, что теперь, черезъ десять лѣтъ послѣ вышеописанной агитаціи, палата лордовъ, хотя и имѣетъ противниковъ среди профессіональныхъ политиковъ, но въ массахъ она популярнѣе и можетъ считать свою позицію болѣе сильною, чѣмъ когда-либо съ половины XVII в.; во всякомъ случаѣ отъ атрофіи, которой для нея боялся Бэджготъ лѣтъ 50 тому назадъ, и которой съ злорадствомъ ожидали радикалы, писавшіе лѣтъ 10—15 тому назадъ, палата лордовъ обезпечена надолго. Англичане знаютъ, что въ человѣческихъ дѣлахъ идеалъ не достигается; можно желать, чтобы верхняя палата была совершеннѣе, чѣмъ палата лордовъ; но старая машина—хорошо ли, дурно ли, но работаетъ, и потому пускай ее работаетъ и дальше. Оглядываясь назадъ на періодъ англійской исторіи за послѣднія сто лѣтъ, самый радикальный представитель трудящагося класса, любой изъ новыхъ депутатовъ новой парламентской рабочей партіи, долженъ спросить себя: чему помѣшала эта дряхлая на видъ и отчасти смѣшная палата? Помѣшала ли она тому, чтобы изъ аристократической страны Англія сдѣлалась демократической,—чтобы отъ законодательства начала XIX в. ничего не осталось безъ измѣненій къ началу XX вѣка, и чтобы эти измѣненія, сдѣланныя сперва въ духѣ индивидуализма, смѣнились затѣмъ законодательствомъ, которое насквозь проникнуто идеей государственнаго вмѣшательства въ соціальныя и экономическія отношенія и ограничиваетъ индивидуализмъ во имя интересовъ народа въ цѣломъ? Если же палата лордовъ ничему этому не помѣшала, то стоитъ ли изъ-за разныхъ второстепенныхъ недочетовъ и промаховъ ломать старое учрежденіе и пускаться въ эксперименты съ новымъ и неизвѣстнымъ? Вотъ что должны думать разсудительные люди, образующіе въ рядахъ демократіи то

громадное большинство, которое не занимается политикой, какъ профессіей; и эти соображенія, вѣроятно, и дѣлаютъ положеніе палаты лордовъ прочнымъ. Измѣнится ли это отношеніе къ ней, если кругъ избирателей станетъ еще шире вслѣдствіе уничтоженія остатковъ имущественнаго ценза? Окажется ли менѣе терпѣливой и болѣе стремительной демократія, пополненная неимущими классами, болѣе пролетарскими, чѣмъ рабочіе, которые теперь платятъ за квартиру не менѣе 10 фунтовъ въ годъ? Безплоднымъ занятіемъ было бы отвѣчать на вопросъ, который пока представляетъ только академическій интересъ; но что Англія не можетъ отказаться отъ учрежденія, играющаго въ ея конституціи роль контрольнаго аппарата, за это говоритъ прежде всего особенность этой конституціи, — то, что она живетъ въ самихъ своихъ учрежденіяхъ, а не написана въ видѣ какого-нибудь устава съ раздѣлами, главами и параграфами. Въ Англіи нѣтъ законовъ, которые были бы неприкосновенны для законодателя, призваннаго дѣйствовать въ рамкахъ этихъ законовъ; въ каждую данную минуту законодательная власть можетъ измѣнить тѣ самые законы, которые ее же призвали къ жизни и работѣ. Мы уже видѣли, что еслибы вся польза отъ верхней палаты въ Англіи сводилась къ тому, чтобы сдерживать торопливость нижней палаты, то ее давно уже можно было бы упразднить, потому что никогда палата общинъ не спѣшила, а напротивъ, вырабатывала законы съ тѣмъ же медленнымъ темпомъ, съ какимъ назрѣвало требованіе реформъ въ общественномъ мнѣніи. Не потребности законодательной техники имѣютъ значеніе въ этомъ вопросѣ.

Въ Англіи нѣтъ различія между учредительною и законодательною властью. Вся полнота верховной власти принадлежитъ парламенту, т.-е. палатѣ общинъ, палатѣ лордовъ и коронѣ. Эта власть не знаетъ никакихъ ограниченій; нѣтъ такого закона, котораго не могъ бы издать парламентъ и которому кто-либо въ государствѣ, судъ или частное лицо, рѣшились бы не подчиниться подъ предлогомъ, что онъ противенъ конституціи. Парламентъ можетъ въ одну сессію сломать всю конституцію, уничтожить монархію, учредить республику, организовать военную диктатуру, уничтожить всѣ свободы; онъ можетъ продлить полномочія наличнаго состава палаты общинъ на рядъ лѣтъ дальше конституціоннаго семилѣтняго срока, можетъ объявить его безсмѣннымъ. Нѣтъ такого закона, котораго не могъ бы издать парламентъ, буде только это возможно по природѣ вещей. Юридически между парламентомъ и индивидуальнымъ деспотомъ нѣтъ

различія. Нужды нѣтъ, что палата общинъ состоитъ изъ народныхъ представителей; юридически народъ власти не имѣетъ; онъ призывается въ лицѣ своихъ избирателей разъ въ семь лѣтъ,—или чаще, но также только когда его позовутъ,—подать записки съ именами депутатовъ, и только. Затѣмъ, вплоть до новыхъ выборовъ онъ становится пассивнымъ объектомъ воздѣйствія парламента. Мы знаемъ уже, какъ неравномѣрно распредѣлена власть между тремя ōрганами парламента. Когда говорятъ о юридическомъ деспотизмѣ парламента, нужно имѣть въ виду тотъ ōрганъ, которому принадлежитъ иниціатива мѣропріятій,—палату общинъ. Палата лордовъ ей противорѣчитъ слабо, король всегда согласенъ съ тѣмъ, на что согласны обѣ палаты. Можно ли вообразить что-нибудь опаснѣе для народа? Но это еще не все.

Палата общинъ не есть что-либо однородное; тамъ представлены разныя мнѣнія, и все рѣшается согласно съ мнѣніемъ большинства. Юридически большинство—это половина + 1. То, что̀ постановила эта половина плюсъ одинъ, признается за постановленіе нижней палаты. Голоса другой половины минусъ одинъ молчаливо присоединяются къ голосамъ бо̀льшей половины, и хотя они были несогласны съ большинствомъ, въ итогѣ говорятъ: „палата приняла“, съ той же увѣренностью, какъ еслибы палата было одно лицо. Между тѣмъ, меньшинство въ палатѣ не всегда говоритъ то, что̀ думаетъ только меньшинство въ странѣ; и потому иногда бываетъ, что большинство въ палатѣ объявляетъ за постановленіе палаты то, противъ чего большинство въ странѣ. И если нѣтъ такого закона, котораго не могъ бы издать парламентъ, буде только этому не препятствуетъ природа вещей, то юридически нѣтъ того ужаса, въ который не могла бы ввергнуть страну половина + 1 народныхъ представителей въ палатѣ общинъ, если предположить, что верхней палаты нѣтъ, а король по старому обыкновенію не возражаетъ. Само собою разумѣется, что въ дѣйствительности нѣтъ основанія бояться парламента; извѣстно, что и восточный деспотъ дѣлаетъ не всѐ, что̀ ему вздумается; и онъ знаетъ, что есть предѣлы человѣческому послушанію; да и въ немъ самомъ, если онъ не сумасшедшій, есть достаточно задерживающихъ центровъ, чтобы самому не хотѣть дѣлать вещи, которыя, пожалуй, и можно было бы сдѣлать. Вслѣдствіе этого даже подъ властью восточнаго деспота можно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ чувствовать себя покойнымъ; тѣмъ болѣе можно быть убѣжденнымъ, что парламентское большинство, даже и безъ законнаго контрольнаго аппарата, не совершитъ тѣхъ безразсудныхъ дѣйствій, которыя юридически оно сдѣлать

вправѣ. Депутаты стоятъ въ такомъ тѣсномъ общеніи съ народомъ, что они и не могутъ постановлять ничего такого, чего не хотятъ избиратели; и еслибы когда-нибудь и случился разладъ между палатою и народомъ, то все же дальше ближайшихъ выборовъ онъ продолжаться не можетъ; это—прямое послѣдствіе представительнаго правленія. И тѣмъ не менѣе, разъ дѣло идетъ о конституціонномъ устройствѣ, о нормахъ дѣятельности верховной власти, вопросъ о гарантіяхъ не можетъ быть разрѣшаемъ иначе, какъ по соображеніямъ юридическимъ, а не только политическимъ. Лучшее средство противъ злоупотребленія властью со стороны отдѣльнаго лица или собранія—въ томъ, чтобы не давать имъ возможности злоупотреблять ею, и потому разъ въ Англіи нѣтъ писанной конституціи, которая ограничивала бы всевластіе парламента, контрольное учрежденіе составляетъ потребность первой необходимости. Контроль могъ бы быть организованъ и иначе, но въ Англіи онъ уже есть въ видѣ палаты лордовъ, и англичанамъ нужно было бы перестать быть самими собою, чтобы на ея мѣсто заводить у себя референдумъ или еще что-нибудь другое. Могутъ замѣтить, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ податное обложеніе, палата лордовъ не имѣетъ голоса; но это вѣрно только въ политическомъ смыслѣ; не можетъ быть, чтобы палата общинъ ввела налоги, противъ которыхъ—большинство избирателей, а потому палатѣ лордовъ нечего тутъ провѣрять; но еслибы такая невѣроятная вещь случилась, палата лордовъ вправѣ будетъ воспользоваться своимъ veto, которое юридически у нея вовсе не отнято въ отношеніи финансовыхъ биллей; сознавая себя болѣе правильною выразительницею воли народа, она не усомнится отвергнуть билль, хотя бы изъ-за этого разстроился бюджетъ. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ, гдѣ палата лордовъ осуществляетъ еще свое veto, она избавляетъ страну отъ законодательныхъ колебаній, какъ неизбѣжныхъ спутниковъ смѣны у власти разныхъ партій; всесильное консервативное большинство не можетъ простою резолюціею отмѣнить законъ, принятый въ свое время либеральнымъ большинствомъ, и наоборотъ. На ряду съ устойчивостью въ законодательствѣ упрочивается и то господство законности, которое такъ характеризуетъ англійскій строй; всякій понимаетъ разницу между постановленіемъ, за которое высказалась половина + 1 въ нижней палатѣ, и закономъ, который выражаетъ это же постановленіе, но проконтролированное другимъ, вполнѣ независимымъ собраніемъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки необходимость второй палаты для охраны народа отъ деспотизма законодатель-

ной власти составляетъ одинъ изъ символовъ политической вѣры. Во Франціи вопросъ объ уничтоженіи сената сошелъ со сцены; радикалы настолько примирились съ этимъ учрежденіемъ, что сами занимаютъ въ немъ кресла, и развѣ только въ мутныхъ слояхъ, представляемыхъ Рошфоромъ и еще нѣкоторыми націоналистами, можно встрѣтиться съ требованіемъ установленія власти одной палаты; не только для прогрессистовъ вообще, но и для радикаловъ-соціалистовъ и для соціалистическихъ партій разныхъ оттѣнковъ, вопроса о сенатѣ какъ бы больше не существуетъ. Между тѣмъ и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, и во Франціи существуютъ писанныя конституціи, и строго различается власть законодательная отъ власти учредительной, которая вправѣ пересмотрѣть конституцію. Въ Англіи потребность въ охранѣ народной свободы усугубляется отсутствіемъ писанной конституціи. Правда, нижняя палата въ Англіи не повинна въ такихъ заблужденіяхъ, какъ буланжизмъ или націонализмъ во Франціи; не возникало опасеній, что нижняя палата въ Англіи бросится въ объятія военнаго диктатора или авантюриста. Но примѣры того, что нижняя палата не выражала собою истиннаго мнѣнія большинства въ странѣ, бывали; повтореніе этого всегда возможно, а въ предѣлахъ возможнаго—и все дурное, чего на практикѣ ожидать не слѣдуетъ. При такихъ условіяхъ палата лордовъ,—старая машина, которую нельзя выбросить, не сломавъ всего зданія, но которая все еще работаетъ,—имѣетъ шансы на то, чтобы еще долго стоять на своемъ мѣстѣ.

Такъ исторія осиливаетъ доктринерскія построенія. Что можетъ быть болѣе противно истинному демократизму, чѣмъ сословная организація, аристократическое собраніе, синдикатъ землевладѣльцевъ? А между тѣмъ демократическая Англія не могла бы уничтожить эту организацію, не поставивъ на карту гарантій народной свободы. Интересы законодательной техники въ Англіи не требуютъ вовсе существованія верхней палаты, а конкретная, исторически сложившаяся верхняя палата не можетъ быть уничтожена безъ опасности для народной свободы. Если мы нѣсколько обобщимъ это наблюденіе, то должны будемъ сказать: верхняя палата можетъ быть не нужна тамъ, гдѣ ее обыкновенно считаютъ необходимою, и наоборотъ, она можетъ оказаться неустранимою тамъ, гдѣ она, казалось бы, совсѣмъ неумѣстна.

М. Брунъ.

ПОДЪ КОЛЕСОМЪ

ЭСКИЗЪ

по роману Германа Гессе: „Unter' m Rad". Berlin. Fischer, 1906 г.

I.

Іозефъ Гибенратъ, маклеръ и агентъ по торговымъ дѣламъ, не выдѣлялся среди своихъ согражданъ никакими особыми качествами и преимуществами. Подобно имъ онъ обладалъ плотною, широкоплечею фигурою, нѣкоторой торговою сметкой, связанною съ искреннимъ почитаніемъ денегъ, маленькимъ домомъ съ садомъ и семейною могилою на кладбищѣ. Еще у него имѣлись за душою весьма повывѣтрившееся религіозное чувство, достодолжное уваженіе къ Богу и властямъ и слѣпое преклоненіе передъ желѣзными законами буржуазныхъ приличій. Внутренній міръ его былъ чисто филистерскимъ: онъ гордился, какъ полагается, своимъ единственнымъ сыномъ, обдѣлывалъ дѣла; умственныя его потребности ограничивались чтеніемъ газеты и посѣщеніемъ разъ въ годъ общественнаго клуба или цирка. Словомъ, онъ могъ обмѣняться именемъ и жилищемъ съ любымъ изъ сосѣдей, и ничто не измѣнилось бы отъ этого. Какъ и у нихъ, въ глубинѣ души его смутно дремало недовѣріе ко всему незаурядному, болѣе тонкому, свободному и одухотворенному. Но у него былъ сынъ.

Гансъ Гибенратъ несомнѣнно принадлежалъ къ числу богато одаренныхъ дѣтей, какія рѣдко попадаются въ захолустномъ шварцвальдскомъ мѣстечкѣ. Богъ знаетъ, отъ кого онъ унаслѣдовалъ свои глубокіе глаза, умный лобъ и изящную походку.

Отъ матери, быть можетъ? Она скончалась нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и, по общему мнѣнію, въ ней не было ничего особеннаго; она часто хворала и казалась печальной. Кто же заронилъ свѣтлую искру въ это старое гнѣздо, изъ котораго за восемь столѣтій вышло много достойныхъ бюргеровъ, но ни одного геніальнаго или даже талантливаго человѣка? Ни у кого не было сомнѣній относительно даровитости Ганса; учитель, ректоръ, сосѣди, городской священникъ, товарищи — всѣ соглашались съ тѣмъ, что онъ—не такой, какъ всѣ; сообразно этому и жизненный путь его былъ заранѣе намѣченъ. Для способныхъ дѣтей въ Швабіи полагается одна дорога—въ семинарію, а оттуда—на амвонъ или на каѳедру.

Черезъ нѣсколько дней долженъ былъ состояться пріемный экзаменъ — ежегодная гекатомба, для которой избирался цвѣтъ школьниковъ. Изъ отдаленныхъ мѣстечекъ и деревень много возносилось за это время вздоховъ и молитвъ. Гансъ Гибенратъ былъ единственнымъ кандидатомъ своего городка, но эта честь не даромъ досталась ему. Помимо кончавшихся къ четыремъ часамъ классныхъ занятій, онъ занимался съ ректоромъ по-гречески, а въ шесть часовъ городской священникъ по добротѣ своей не отказывался прорепетировать съ нимъ латынь и законъ Божій. Кромѣ того, онъ дважды въ недѣлю занимался по вечерамъ со своимъ учителемъ математики; а для того, чтобы среди этихъ мірскихъ наукъ не пострадало и религіозное начало, Гансъ готовился по утрамъ къ конфирмаціи, и между страницъ его катехизиса зачастую можно было найти листки съ отрывками греческихъ и латинскихъ упражненій. Хотя отецъ и ворчалъ на чрезмѣрную трату керосина, но Гансу приходилось просиживать надъ письменными работами часовъ до двѣнадцати, если не позже. Въ рѣдкіе свободные часы Гансу рекомендовалось кое-что почитать и подзубрить грамматику. Въ мѣру, конечно! Одинъ-два раза въ недѣлю можно и погулять, въ хорошую погоду удобно захватить съ собою книжку: на вольномъ воздухѣ наука легче усвоивается. А главное—нужно не вѣшать головы.

Гансъ старался придерживаться этой программы и не вѣшать головы, но лицо у него было блѣдное, измученное, а подъ глазами синіе круги и онъ казался запуганнымъ.

— Гибенратъ выдержитъ экзаменъ, достаточно взглянуть на его лицо, оно—совсѣмъ одухотворенное,—торжествовалъ ректоръ, къ которому Гансъ зашелъ проститься наканунѣ отъѣзда въ Штутгартъ, и вмѣсто кучи наставленій получилъ благосклонное на-

путствіе и совѣтъ—пораньше лечь спать. Сегодня онъ можетъ не заниматься и погулять съ часокъ на сонъ грядущій.

Выйдя изъ школы, мальчикъ глубоко перевелъ духъ. Высокія липы отливали матовымъ блескомъ въ лучахъ заходящаго солнца; на площади журчали и сверкали два большихъ фонтана; надъ неправильною линіей крышъ поднимались ближайшія черно-синія, поросшія сосною горы. Мальчику показалось, что онъ давнымъ-давно ничего этого не видалъ, и все это явилось въ его глазахъ необычайно прекраснымъ и заманчивымъ. Правда, у него болѣла голова, но вѣдь сегодня ему уже не нужно учиться. Онъ медленно прошелъ по площади мимо старинной ратуши къ мосту и въ концѣ концовъ усѣлся на перила. Ему вспомнилось, сколько времени онъ проводилъ раньше на рѣкѣ за катаньемъ на лодкѣ, плаваньемъ и уженьемъ рыбы! Какъ онъ ревѣлъ въ прошломъ году, когда изъ-за экзаменовъ ему запретили удить! Уженье было лучшимъ его воспоминаніемъ за всѣ годы школьной жизни: сидѣть въ тѣни ивы, прислушиваться къ шуму мельничныхъ колесъ, глядѣть въ глубокую тихую воду... А игра свѣтотѣни на поверхности рѣки, колебаніе длинной удочки, волненіе при вытаскиваніи ея, своеобразное торжество, которое испытываешь, чувствуя въ рукѣ холодную, трепещущую, скользкую рыбу... Гансъ машинально вытащилъ изъ кармана кусочекъ хлѣба и принялся бросать въ воду хлѣбные шарики: сначала на поверхности ея появились увертливые ерши, плотва и всякая мелочь, жадно хватавшая хлѣбъ; затѣмъ выплыла медленно и осторожно большая уклейка, широкая темная спина которой слабо поблескивала. Она описала большой кругъ и потомъ, разинувъ круглый ротъ, сразу проглотила самый большой кусокъ. Отъ воды поднималась вечерняя прохлада, мельничный жерновъ скрипѣлъ,—Гансу вспомнились экзамены, разсѣянность, все чаще овладѣвавшая имъ за послѣднее время. Онъ поднялся съ мѣста и побрелъ домой. По дорогѣ ему встрѣтился сапожникъ Флейгъ, съ которымъ онъ, бывало, любилъ поговорить по вечерамъ,—человѣкъ неглупый, но подсмѣивавшійся иногда надъ „учеными", изъ-за чего Гансъ отчасти избѣгалъ его за послѣднее время. Нѣсколько далѣе мальчику попался навстрѣчу городской священникъ, слывшій за „прогрессиста",—говорили, что онъ будто бы отрицаетъ воскресеніе мертвыхъ. Священникъ выразилъ полную увѣренность въ томъ, что Гансъ выдержитъ экзаменъ. Но мальчику почему-то вдругъ сдѣлалось грустно. Тѣни облаковъ уже набѣгали на долину, солнце склонялось къ горамъ, и у Ганса явилось желаніе броситься въ траву и заплакать. Тоскливо пробрался онъ въ

садикъ при домѣ, гдѣ уже давно не бывалъ; прежде всего ему кинулся въ глаза домикъ, въ которомъ онъ раньше держалъ кроликовъ. Онъ самъ смастерилъ его, также какъ и водяное колесо на прудѣ, и все это доставляло ему въ давно прошедшія времена—два года тому назадъ—безконечное удовольствіе. Гансу вспомнился товарищъ его игръ — Августъ, поступившій ученикомъ къ механику: вѣроятно, и ему теперь не до забавъ. Съ тѣхъ поръ какъ ему запретили держать кроликовъ, мѣшавшихъ его научнымъ занятіямъ, онъ сюда не заглядывалъ, и теперь имъ вдругъ овладѣло такое сожалѣніе о прошломъ, что, схвативъ ручной топорикъ, онъ изо всей силы своихъ слабыхъ рукъ принялся рубить домикъ въ щепки, словно желая убить свою тоску по Августѣ и кроликамъ.

— Что ты такое дѣлаешь? — крикнулъ ему изъ окошка отецъ.

— Колю дрова!—отвѣтилъ Гансъ и, не прибавивъ ни слова, убѣжалъ на улицу. Онъ долго бродилъ по берегу, думая о томъ времени, когда онъ еще могъ удить, приносить капусту кроликамъ, когда у него еще не было ни головныхъ болей, ни заботъ. Къ ужину онъ вернулся усталый и сердитый, ѣдва отвѣчалъ на вопросы и скоро пожелалъ отцу покойной ночи.

Въ своей комнатѣ онъ долго просидѣлъ въ потьмахъ на постели, мечтая, строя неопредѣленные планы. Въ этой комнатѣ его впервые охватило гордое сознаніе своего превосходства надъ другими толстощекими, добродушными мальчуганами; въ немъ пробудилось честолюбіе, но теперь онъ объ этомъ не думалъ. Наконецъ, онъ улегся; медленно опустились вѣки надъ большими утомленными глазами, блѣдная голова склонилась къ худому плечу, тонкія руки устало вытянулись вдоль тѣла. Сонъ материнскою рукою утишилъ волненіе его дѣтскаго сердца и сгладилъ морщинки на красивомъ бѣломъ лбу.

Это было неслыханно! Самъ г. ректоръ, несмотря на ранній часъ, изволилъ пожаловать на вокзалъ. Гибенратъ-отецъ, одѣтый въ черный парадный сюртукъ, отъ гордости, радости и волненія не могъ устоять на мѣстѣ; онъ топтался по платформѣ, перекладывалъ ручной чемоданчикъ изъ правой руки въ лѣвую, ронялъ зонтикъ, такъ что можно было подумать: не ѣдетъ ли онъ въ Америку? Сынъ казался спокойнымъ, но тайное опасеніе сжимало ему горло.

Въ столицѣ Гибенратъ повеселѣлъ и пріободрился; зато на

Ганса произвела удручающее впечатлѣніе непривычная обстановка: чужія лица, высокіе дома, конки, уличный шумъ—пугали его и причиняли ему прямо физическую боль. Они остановились у тетки; отъ ея ласковости и словоохотливости, отъ долгаго безцѣльнаго сидѣнія въ гостиной съ пестрыми обоями и картинами на стѣнахъ, отъ постоянныхъ подбадриваній со стороны отца онъ окончательно впалъ въ удрученное состояніе; ему казалось, что прошла цѣлая вѣчность съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ изъ дома, и онъ успѣлъ за это время позабыть все, что онъ выучилъ съ такимъ трудомъ.

Послѣ обѣда онъ намѣревался еще разъ просмотрѣть латинскія вокабулы, но тетка предложила идти гулять, чему вначалѣ Гансъ обрадовался. Ему пришлось, однако, убѣдиться въ томъ, что городскія прогулки совсѣмъ не похожи на тѣ, которыя онъ любилъ предпринимать. Началось съ того, что тетка простояла двадцать минутъ на лѣстницѣ, разговаривая съ какою-то знакомою дамой, между тѣмъ какъ собачонка этой дамы все время скалила зубы на Ганса. Затѣмъ, тетка зашла въ магазинъ и пробыла тамъ очень долго, а Гансъ ожидалъ ее на троттуарѣ, гдѣ прохожіе толкали его, а мальчишки издѣвались надъ нимъ. Переполненный людьми вагонъ конки дотащилъ ихъ, наконецъ, до садика, въ которомъ билъ фонтанъ, красовались за рѣшеткою цвѣточныя клумбы и чинно расхаживала публика всѣхъ сортовъ, вдыхая пыльный, душный воздухъ. По счастью, Гансу удалось незамѣтно бросить въ траву купленный для него теткою шоколадъ, котораго онъ терпѣть не могъ, но не рѣшался въ этомъ сознаться. Изъ разговора тетки съ какимъ-то знакомымъ онъ узналъ, что къ пріемному экзамену прибыло сто-восемнадцать кандидатовъ, между тѣмъ какъ вакансій имѣется всего шестьдесятъ-пять; это извѣстіе такъ его поразило, что у него разболѣлась голова, и онъ заснулъ уже довольно поздно тяжелымъ, тревожнымъ сномъ.

На слѣдующее утро, покуда Гансъ пилъ кофе, не спуская глазъ съ часовой стрѣлки, дома многіе вспоминали о немъ. Сапожникъ Флейгъ, піэтистъ, читая молитву передъ завтракомъ въ кругу своей семьи и двоихъ подмастерьевъ, не забылъ помолиться о Гансѣ Гибенратѣ. Городской священникъ хотя и не молился о немъ, но сказалъ женѣ:

— Изъ этого мальчика навѣрно будетъ прокъ; я радъ, что могъ подсобить ему при изученіи латыни.

Классный учитель, передъ началомъ занятій, даже произнесъ передъ учениками маленькую рѣчь, съ пожеланіемъ успѣха Гансу

Гибенрату, „который заткнетъ за поясъ десятерыхъ такихъ лѣнтяевъ, какъ они“.

Должно быть, Гансъ чувствовалъ, что о немъ вспоминаютъ, такъ какъ, войдя со страхомъ въ большой, наполненный блѣдными мальчиками залъ, онъ понемногу успокоился и, получивъ отъ профессора текстъ письменнаго латинскаго упражненія, нашелъ его легкимъ до смѣшного. Онъ сдѣлалъ работу быстро и почти весело, аккуратно переписалъ ее и оказался однимъ изъ первыхъ, подавшихъ сочиненіе. Домой онъ вернулся въ веселомъ настроеніи и пообѣдалъ съ аппетитомъ. У знакомыхъ, къ которымъ потащилъ его отецъ, онъ встрѣтилъ мальчика, тоже пріѣхавшаго держать экзаменъ. Они съ любопытствомъ оглядѣли другъ друга.

— Какъ ты нашелъ латинское упражненіе? Легко, не правда ли?—спросилъ Гансъ.

— Страшно легко, но, пожалуй, все-таки къ чему-нибудь придерутся.

— Ты думаешь? А текстъ у тебя съ собой?

Мальчикъ изъ Гённингена притащилъ свою тетрадку, и они вдвоемъ, слово за словомъ, провѣрили всю работу. Новый знакомецъ Ганса оказался отличнымъ латинистомъ; онъ употребилъ два-три неизвѣстныхъ Гансу оборота.

Онъ освѣдомился: многіе ли изъ товарищей Ганса по школѣ экзаменуются вмѣстѣ съ нимъ?

— Никого больше нѣтъ, — отвѣтилъ Гансъ, — я — одинъ.

— А насъ, гённингенцевъ, цѣлыхъ двѣнадцать человѣкъ. Трое —совсѣмъ толковыхъ, они надѣются быть изъ первыхъ. Въ прошломъ году „примусъ“ былъ также изъ Гённингена. А въ случаѣ, если провалишься, ты будешь держать экзаменъ въ гимназію?

— Не знаю... Не думаю...

— Вотъ какъ? Нѣтъ, я буду во всякомъ случаѣ продолжать ученіе. Мать отвезетъ меня въ Ульмъ.

Гансъ почувствовалъ себя уничтоженнымъ. Двѣнадцать гённингенцевъ—и въ ихъ числѣ трое толковыхъ—прямо напугали его. Дома онъ принялся за глаголы. Въ латыни онъ былъ увѣренъ, но съ греческимъ языкомъ у него были осложненія. Гансъ очень его любилъ, восхищался имъ до тѣхъ поръ, покуда дѣло касалось чтенія. Ксенофонтъ былъ такъ прекрасенъ, свѣжо написанъ, звучалъ такъ весело, мощно и красиво, въ немъ ощущался такой свободный духъ, что его легко было понимать и усвоивать. Но когда Гансъ принимался за грамматику или переводъ съ нѣмецкаго на греческій, онъ чувствовалъ себя заблудившимся въ лабиринтѣ противорѣчивыхъ правилъ и формулъ.

На слѣдующій день былъ какъ-разъ экзаменъ изъ греческаго. Тема для сочиненія попалась сложная и длинная; съ десяти часовъ утра въ залѣ чувствовалась жара и духота; у Ганса оказалось плохое перо, и онъ испортилъ два листа бумаги, прежде чѣмъ переписалъ работу на-бѣло. При этомъ его мучилъ приставаньями назойливый сосѣдъ, подсовывавшій ему листокъ съ вопросами и толкавшій его локтемъ въ бокъ, требуя отвѣта. Общеніе съ сосѣдями было на-строго запрещено и влекло за собою исключеніе. Дрожа отъ страха, онъ написалъ: „оставь меня въ покоѣ!“—и повернулся къ вопрошавшему спиною.

Жара не уменьшалась; даже шагавшій по залѣ классный надзиратель то-и-дѣло утиралъ лицо платкомъ. Гансъ потѣлъ въ своемъ суконномъ, сшитомъ для конфирмаціи костюмѣ; у него разболѣлась голова, и онъ вручилъ свое сочиненіе съ сознаніемъ, что оно полно ошибокъ, и экзаменъ для него—дѣло конченное.

За завтракомъ онъ ничего не ѣлъ, а въ отвѣтъ на вопросы—только пожималъ плечами и дѣлалъ несчастное лицо. Отецъ и тетка тщетно пытались его утѣшить; но хуже всего было то, что въ два часа ему предстоялъ устный экзаменъ. Этого онъ больше всего боялся. Покуда онъ шелъ по раскаленнымъ улицамъ, ему дѣлалось худо; отъ боли, головокруженія и страха онъ ничего не видѣлъ передъ собою.

Цѣлыхъ десять минутъ просидѣлъ онъ передъ тремя экзаменаторами за зеленымъ столомъ; онъ перевелъ нѣсколько латинскихъ фразъ и отвѣтилъ на заданные вопросы. Другія десять минутъ онъ просидѣлъ передъ другими тремя экзаменаторами, также переводилъ и отвѣчалъ на вопросы, но уже по-гречески; въ заключеніе его спросили о какомъ-то неправильномъ аористѣ, но онъ промолчалъ.

— Можете идти, дверь направо.

Гансъ пошелъ къ двери, и по дорогѣ вспомнилъ аористъ. Онъ остановился.

— Идите же!—крикнули ему.—Или вамъ дурно?

— Нѣтъ, но я сейчасъ вспомнилъ аористъ.

Онъ прокричалъ его и увидѣлъ, какъ одинъ изъ профессоровъ разсмѣялся. Гансъ выбѣжалъ съ пылающимъ лицомъ. Дорогою онъ старался припомнить свои отвѣты, но все путалось у него въ головѣ; онъ видѣлъ лишь зеленую поверхность стола, серьезныя лица экзаменаторовъ и свою собственную дрожащую руку. Ему казалось, что онъ живетъ здѣсь уже цѣлыя недѣли и никогда ему отсюда не выбраться; родной домъ, садикъ, горы и рѣка представлялись ему чѣмъ-то безконечно отдаленнымъ.

Онъ купилъ себѣ булку и долго бродилъ по улицамъ для того, чтобы избѣжать разспросовъ. Когда онъ явился къ теткѣ, оказалось, что о немъ безпокоились; его накормили и пораньше отправили спать.

На слѣдующій день были экзамены по математикѣ и Закону Божію; все шло гладко, и Гансу это казалось жестокою ироніей судьбы: нужно же ему было оскандалиться вчера въ самомъ главномъ!

— Экзамены кончены, можемъ ѣхать домой,—объявилъ онъ по возвращеніи.

Отецъ пожелалъ остаться еще на день, съѣздить въ Каннштадтъ и напиться кофе въ курзалѣ, но Гансъ такъ молилъ отца отпустить его сегодня же домой, что тотъ согласился. Его проводили на вокзалъ, вручили ему билетъ, онъ получилъ отъ тетки поцѣлуй и провизію на дорогу и выѣхалъ изъ Штуттгарта совершенно измученный, безъ единой мысли въ головѣ. Лишь при видѣ черносинихъ горъ имъ овладѣло чувство радости и освобожденія. Онъ радовался старой служанкѣ, своей комнаткѣ, ректору, знакомой классной комнатѣ съ низкимъ потолкомъ, словомъ—всему.

На вокзалѣ не оказалось, по счастію, никого изъ знакомыхъ, и онъ со сверткомъ подъ мышкою незамѣтно прошелъ домой, гдѣ старая Анна встрѣтила его вопросомъ: хорошо ли ему было въ столицѣ?

— Хорошо? Неужели ты воображаешь, что въ экзаменахъ можетъ быть что-нибудь хорошее? Я радъ, что вернулся домой... Отецъ пріѣдетъ завтра.

Онъ выпилъ кружку парного молока, схватилъ купальные панталоны и побѣжалъ,—но не туда, гдѣ купались другіе, а за городъ, гдѣ рѣка глубока и медленно течетъ среди высокаго кустарника. Тамъ онъ раздѣлся, попробовалъ воду рукою, вздрогнулъ отъ ощущенія прохлады и сразу кинулся въ воду. Онъ медленно поплылъ противъ слабаго теченія, чувствуя, какъ тѣло его омывается отъ пота и трепета, а душа снова свободно стремится къ небу надъ его головою. Онъ плылъ то быстрѣе, то медленнѣе, объятый благотворною истомою и свѣжестью. Лежа на спинѣ, онъ прислушивался къ слабому жужжанію мошкары, рѣявшей золотистыми кругами, любовался рдѣвшимъ въ лучахъ заката небомъ, которое прорѣзывали въ своемъ полетѣ быстрыя черныя ласточки. Одѣвшись, онъ медленно побрелъ домой среди вечернихъ сумерекъ.

Отецъ пріѣхалъ на слѣдующій день къ полудню, очень довольный своимъ пребываніемъ въ столицѣ.

— Если ты выдержалъ экзаменъ, можешь попросить чего хочешь, и я исполню твое желаніе. Чего бы тебѣ хотѣлось?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я навѣрно провалился!

— Вздоръ. Лучше скажи, покуда я не раздумалъ.

— Мнѣ хотѣлось бы снова удить рыбу.

— Хорошо, если только окажется, что ты выдержалъ экзаменъ.

На слѣдующій день въ воскресенье шелъ дождь, и Гансъ просидѣлъ все время въ своей комнатѣ, проникаясь убѣжденіемъ, что ему не повезло изъ-за глупой головной боли. Возростающее чувство опасенія погнало его къ отцу.

— Послушай, отецъ, я хотѣлъ бы спросить тебя... относительно желанья. Ужъ я лучше откажусь отъ уженья...

— Почему же ты вдругъ раздумалъ?

— Потому что я... хотѣлъ спросить: нельзя ли мнѣ...

— Говори скорѣе. Чтò это еще за комедія?

— Нельзя ли мнѣ поступить въ гимназію, если я тутъ провалюсь?

Гибенратъ въ первую минуту онѣмѣлъ.

— Чтò такое? Въ гимназію? Ты — въ гимназію? — Да кто тебѣ это вбилъ въ голову?

— Никто. Я самъ.

Гансъ былъ блѣденъ какъ мертвецъ,—отецъ этого не замѣтилъ.

— Убирайся вонъ!—натянуто разсмѣялся онъ.—Ишь, какія у него фантазіи! Что я—коммерціи совѣтникъ, по твоему?

Гансъ просидѣлъ цѣлыхъ полчаса на подоконникѣ, стараясь представить себѣ, чтò съ нимъ будетъ, если ему не суждено продолжать ученіе? Его отдадутъ ученикомъ въ сырную лавку или въ контору и всю жизнь онъ проведетъ среди обыкновенныхъ жалкихъ людей, которыхъ онъ презиралъ и надъ которыми мечталъ возвыситься. Его красивое, умное личико исказилось гнѣвною гримасою; онъ схватилъ латинскую хрестоматію и изо всей силы швырнулъ ее объ стѣну. Затѣмъ онъ выбѣжалъ на дождь.

Въ понедѣльникъ онъ отправился въ школу. Ректоръ подалъ ему руку и спросилъ, какъ сошли экзамены? Гансъ повѣсилъ голову.

— Терпѣніе!—утѣшилъ его ректоръ:—по всей вѣроятности, мы еще сегодня получимъ извѣстіе изъ Штутгарта.

Время тянулось мучительно длинно; за обѣдомъ Гансъ давился каждымъ кускомъ, готовый расплакаться. Когда около двухъ

часовъ онъ снова явился въ школу, классный учитель уже былъ тамъ.

— Гансъ Гибенратъ!—громко окликнулъ онъ, и когда мальчикъ подошелъ, подалъ ему руку.

— Поздравляю тебя, Гибенратъ. Ты выдержалъ пріемный экзаменъ вторымъ.

Наступила торжественная тишина. Дверь отворилась и вошелъ ректоръ.

— Поздравляю. Ну, что̀ ты на это скажешь?

Мальчикъ былъ словно парализованъ отъ радости и неожиданности.

— Что̀ же ты молчишь?

— Если бы я зналъ!—вдругъ вырвалось у Ганса:—я бы могъ выдержать первымъ!

— Ну, ступай,—заключилъ ректоръ, — и скажи отцу... Въ школу тебѣ незачѣмъ ходить,—тѣмъ болѣе, что черезъ недѣлю наступятъ каникулы.

У мальчика кружилась голова, когда онъ вышелъ на улицу. Липы, освѣщенная солнцемъ площадь—все было прежнее, но все показалось ему красивѣе, значительнѣе, привѣтливѣе. Онъ выдержалъ! Онъ былъ вторымъ! Послѣ перваго порыва радости онъ преисполнился чувствомъ горячей благодарности. Теперь ему незачѣмъ бѣгать отъ городского священника! Нечего бояться прилавка или конторы! Онъ можетъ учиться. И удить рыбу ему тоже можно.

Въ дверяхъ ему встрѣтился отецъ, спросившій мимоходомъ:

— Ну что̀?

— Ничего. Меня отпустили изъ школы.

— Почему это?

— Потому что я теперь семинаристъ.

— Какъ? Развѣ ты выдержалъ? Удачно?

— Вторымъ ученикомъ.

Этого старикъ не ожидалъ. Онъ не зналъ, что̀ сказать, хлопалъ сына по плечу, смѣялся, раскрывалъ ротъ, качалъ головою и все не находилъ словъ...

— Громъ и молнія!—вырвалось у него наконецъ:—громъ и молнія!

Гансъ кинулся въ домъ, взбѣжалъ по лѣстницѣ на чердакъ, распахнулъ дверцы стараго шкафа и принялся рыться въ немъ, вытаскивая старыя коробки, пробки, веревки. Это были его рыболовные снаряды. Теперь ему только нужно вырѣзать хорошую

уду. Онъ побѣжалъ къ отцу за ножемъ, но тотъ, сіяя великодушіемъ, запустилъ руку въ карманъ.

— Вотъ тебѣ двѣ марки, можешь купить себѣ ножъ, только не ходи къ Ганфриду, а лучше возьми въ мастерской.

Гансъ помчался галопомъ. Хозяинъ мастерской, узнавъ о результатѣ экзаменовъ, выбралъ самый лучшій ножъ.

На берегу, гдѣ росли стройныя ольхи и орѣшники, Гансъ вырѣзалъ безукоризненную гибкую вѣтвь и, вернувшись съ нею домой, засѣлъ съ раскраснѣвшимся лицомъ и сіяющими глазами за изготовленіе снарядовъ, которые онъ любилъ почти не меньше, чѣмъ самую ловлю. Онъ сортировалъ, осматривалъ, распутывалъ узлы на цвѣтныхъ шнуркахъ, стругалъ и прикрѣплялъ пробки, подвязывалъ куски свинца, прикрѣплялъ крючки, которыхъ у него еще сохранился порядочный запасъ. Къ вечеру все было готово, и Гансъ зналъ, что ему нечего опасаться скуки за все время предстоящихъ каникулъ, такъ какъ съ удочкой въ рукахъ онъ могъ проводить на водѣ цѣлые дни.

II.

Такими и должны быть каникулы! Надъ горами—безоблачно голубое небо, цѣлыми недѣлями — одинъ лучезарно яркій день за другимъ, и время отъ времени—короткія сильныя грозы. Рѣка такъ нагрѣвалась, что можно было купаться поздно вечеромъ. Въ эту пору года городокъ принималъ совершенно сельскій видъ: вездѣ двигались возы съ сѣномъ, благоуханіе сѣна наполняло улицы, и еслибы не двѣ фабрики, можно было бы счесть себя въ деревнѣ.

Въ слѣдующій праздничный день Гансъ всталъ рано поутру и съ нетерпѣніемъ ждалъ на кухнѣ, покуда Анна приготовитъ кофе. Онъ помогъ ей растопить плиту, сбѣгалъ за хлѣбомъ и, наскоро напившись кофе, сунулъ кусокъ хлѣба въ карманъ и убѣжалъ. Покуда онъ ловилъ мухъ, которыхъ сажалъ въ жестяную коробку, мимо него пробѣжалъ поѣздъ съ раскрытыми настежь окнами и немногими пассажирами, оставивъ за собою весело развѣвавшійся въ видѣ знамени бѣлый дымокъ. Какъ долго онъ всего этого не видѣлъ! Гансъ вдыхалъ воздухъ жадными глотками, словно стараясь наверстать потерянное время. Сердце его билось и замирало отъ сладостнаго охотничьяго чувства, когда съ удочкою на плечѣ онъ подошелъ къ самому глубокому мѣсту рѣки, гдѣ, сидя подъ ивою, можно было удить

на свободѣ, не опасаясь помѣхи. Онъ отвязалъ шнурокъ, прикрѣпилъ приманку и широкимъ движеніемъ забросилъ лесу на самую середину рѣки. Началась обычная игра, мелкая рыба завертѣлась вокругъ нея, стараясь сорвать приманку съ крючка, затѣмъ осторожно клюнула и первая крупная рыба—Гансъ въ качествѣ опытнаго удильщика ощутилъ сотрясеніе въ кончикахъ пальцевъ. Ловкимъ движеніемъ онъ подался назадъ и принялся вытаскивать рыбу, оказавшуюся плотвой, которую легко узнать по широкому желтобѣлому сверкающему туловищу и по треугольной головѣ. Но покуда Гансъ соображалъ, какой можетъ быть въ ней вѣсъ, рыба, очевидно плохо клюнувшая, сдѣлала отчаянный прыжокъ и послѣ двухъ - трехъ всплесковъ исчезла подъ водою... Инстинктъ охотника пробудился въ Гансѣ. Глаза его уже не отрывались отъ шнура, щеки раскраснѣлись, движенія его были увѣренны, быстры... Вскорѣ онъ поймалъ еще плотву, потомъ — карпа и наконецъ—трехъ пискарей. Солнце поднялось высоко; надъ горою застыли маленькія ослѣпительно бѣлыя облачка. Ничто такъ не подчеркиваетъ жару свѣтлаго лѣтняго дня, какъ эти спокойныя облачка, застывшія по срединѣ синяго неба, до того пронизанныя насквозь свѣтомъ, что на нихъ больно смотрѣть. Безъ нихъ ни по яркой лазури небесъ, ни по блеску зеркальной поверхности рѣки нельзя было бы замѣтить, до какой степени жарко, и лишь при видѣ этихъ бѣлосвѣжныхъ полуденныхъ облаковъ невольно спѣшишь укрыться въ тѣни и проводишь рукою по влажному лбу...

Къ полудню рыба стала лѣнивѣе клевать. Гансъ стащилъ сапоги и опустилъ ноги въ воду. Было очень тихо; порою слышался стукъ проѣзжавшаго по мосту экипажа и отдаленный мельничный шумъ. Рядомъ съ Гансомъ стояло ведро, въ которомъ плавали и плескались пойманныя рыбы, отливавшія при каждомъ движеніи бѣлымъ, коричневымъ, зеленымъ, серебристымъ, блѣдно-золотымъ и другими оттѣнками. Греческій и латынь, грамматика и математика, всѣ мученія долгаго учебнаго года—словно канули куда-то въ этотъ дремотно-теплый часъ. Вдругъ Гансу вспомнилось, что онъ выдержалъ экзаменъ вторымъ,—онъ радостно заболталъ ногами въ водѣ, засунулъ руки въ карманы панталонъ и принялся насвистывать. Другіе сидятъ тѣмъ временемъ въ классѣ на урокѣ географіи! Онъ почувствовалъ такое презрѣніе къ этимъ „тупоголовымъ“, что даже пересталъ свистать для того, чтобы скривить ротъ въ пренебрежительную гримасу. Однако пора было идти обѣдать. За ѣдою онъ обмѣнялся съ

отцомъ лишь нѣсколькими замѣчаніями по поводу рыбной ловли,— было слишкомъ жарко для разговоровъ.

Около четырехъ часовъ, отправившись купаться, Гансъ встрѣтилъ шумную толпу возвращавшихся изъ школы товарищей.

— А, Гибенратъ! Тебѣ нынче хорошо!

— Да, ничего себѣ...

— Когда же ты въ семинарію?

— Не ранѣе сентября. Теперь каникулы.

Ему было пріятно возбуждать ихъ зависть, и насмѣшливыя замѣчанія и смѣшки — не трогали его. Тѣмъ временемъ мальчики раздѣлись; нѣкоторые прямо бросались въ воду, другіе валялись сначала по травѣ.

Среди нихъ оказался искусный ныряльщикъ, а также—трусишка изъ новенькихъ, котораго сзади подталкивали въ воду и онъ вопилъ: „Убиваютъ"! Мальчики боролись, гонялись другъ за другомъ, плавали, брызгали водою въ сидѣвшихъ на берегу. Надъ рѣкой стоялъ плескъ и гулъ и вся она сверкала влажными обнаженными тѣлами.

Вернувшись домой, Гансъ узналъ, что въ теченіе дня заходила съ поздравленіемъ масса знакомыхъ. Ему показали сегодняшнюю газету, гдѣ въ отдѣлѣ мѣстной хроники значилось:

„На пріемный экзаменъ въ семинарію низшаго разряда явился на этотъ разъ отъ нашего города лишь одинъ кандидатъ—Гансъ Гибенратъ. Къ нашему удовольствію, мы только-что узнали, что онъ выдержалъ экзаменъ вторымъ".

Гансъ сложилъ листокъ, сунулъ его въ карманъ и ничего не сказалъ, но сердце его переполнилось гордостью и восторгомъ. Вечеромъ онъ снова отправился на рыбную ловлю, а когда въ десять часовъ вечера онъ ложился спать, то чувствовалъ въ головѣ и во всѣхъ членахъ давно уже не испытанную имъ блаженную усталость. Онъ видѣлъ передъ собою длинный рядъ дней, въ которые предстоитъ купаться, ловить рыбу, бродить, мечтать. Только одно точило его: почему онъ выдержалъ экзаменъ не первымъ?

Часть пойманной рыбы Гансъ отнесъ въ подарокъ священнику. Тотъ увидѣлъ его изъ окна и позвалъ къ себѣ въ кабинетъ, мало походившій на кабинетъ провинціальнаго пастора. Среди богословскихъ книгъ виднѣлись въ большомъ количествѣ книги научно-философскаго характера, сочиненія новыхъ авторовъ. Чувствовалось, что за этою конторкою много работалось, но не столько надъ составленіемъ проповѣдей, сколько надъ

статьями для научныхъ журналовъ и матеріалами для собственныхъ сочиненій. Мечтательный мистицизмъ былъ изгнанъ изъ этихъ мѣстъ вмѣстѣ съ наивною теологіей сердца, которая склоняется въ любви и милосердіи къ жаждущей вѣры народной душѣ. Вмѣсто нея здѣсь практиковалась критика Библіи и поиски „историческаго Христа", который проскальзываетъ у современныхъ богослововъ между пальцевъ.

Священникъ, усадивъ Ганса на кожаный диванчикъ между окномъ и конторкою, заговорилъ съ нимъ объ изученіи Евангелія на ново-греческомъ языкѣ. Это откроетъ ему цѣлый новый міръ знанія; вначалѣ будетъ, конечно, трудновато, но затѣмъ дѣло пойдетъ легче, и это послужитъ Гансу большимъ подспорьемъ для его занятій въ семинаріи. За время каникулъ они успѣли бы прочесть двѣ главы Евангелія отъ Луки.

— Такимъ образомъ можно шутя изучить языкъ. Словарь я могу тебѣ дать. Позаймешься часокъ-другой, — не болѣе, конечно,—такъ какъ ты долженъ воспользоваться своимъ лѣтнимъ отдыхомъ. Разумѣется, это съ моей стороны только предложеніе,—я не хотѣлъ бы испортить тебѣ каникулы.

Гансъ согласился, хотя мысль о Лукѣ явилась легкимъ облачкомъ на безоблачной лазури его свободы.

Впрочемъ, при ближайшемъ обсужденіи, онъ остался доволенъ. Въ семинаріи ему придется работать еще настойчивѣе, если онъ желаетъ быть первымъ. Почему собственно онъ этого желаетъ— онъ и самъ не зналъ. Уже три года, какъ на него обратили вниманіе, и всѣ пришпориваютъ его и не даютъ вздохнуть. Все время изъ класса въ классъ онъ переходилъ первымъ, и наконецъ пришелъ къ убѣжденію, что иначе оно и быть не можетъ.

Конечно, каникулы все-таки лучше всего! Какъ удивительно хорошъ былъ лѣсъ въ эти утренніе часы! Стволъ къ стволу стояли сосны, какъ безконечный рядъ колоннъ. Роса уже высохла и подъ вѣтвями ощущалась та особая утренняя лѣсная прохлада, которая создается изъ солнечной теплоты, росистыхъ испареній, аромата сосновыхъ иглъ и мховъ, и дѣйствуетъ опьяняющимъ образомъ. Гансъ кинулся на мохъ; онъ прислушивался къ стуку дятла, къ кукованію ревнивой кукушки. Между исчерна-темными вершинами деревъ безоблачно синѣло небо и кое-гдѣ скользили по вѣтвямъ солнечные блики.

Давно уже Гансу хотѣлось предпринять дальнюю прогулку. Прежде онъ безъ устали могъ ходить часа три-четыре,—но теперь онъ чувствовалъ себя такимъ усталымъ! Пройдя съ сотню шаговъ, онъ снова повалился въ траву. Это — отъ воздуха...

Къ обѣду у него опять разболѣлась голова, и онъ сердито просидѣлъ дома; только купанье освѣжило его, но уже пора была идти къ священнику. Дорогою его окликнулъ сапожникъ Флейгъ.

— Куда, сынъ мой? Тебя совсѣмъ не видно.

— Я къ священнику.

— Какъ? Ты все еще къ нему ходишь? Развѣ экзамены не кончились?

Гансъ объяснилъ, въ чемъ дѣло; сапожникъ сдвинулъ шапку на затылокъ и собралъ лобъ въ толстыя морщины.

— Вотъ что я тебѣ скажу, Гансъ. До сихъ поръ я изъ-за экзамена все молчалъ, но теперь я хочу тебя предупредить. Ты долженъ знать, что пасторъ—невѣрующій; онъ станетъ тебѣ доказывать, что священныя книги—подложны, и ты кончишь тѣмъ, что утратишь вѣру.

— Но, г. Флейгъ, вѣдь рѣчь идетъ только объ изученіи новогреческаго языка.

— Зачѣмъ же ему учиться у невѣрующаго? Обѣщай мнѣ одно: что если у тебя явятся какія-нибудь сомнѣнія, ты придешь ко мнѣ, и мы потолкуемъ. Хорошо?

— Хорошо, г. Флейгъ.

Гансъ и ранѣе слышалъ подобные отзывы о священникѣ, но они не такъ пугали его, какъ Флейга, твердаго въ своей установившейся годами вѣрѣ и слывшаго знатокомъ и истолкователемъ текстовъ священнаго писанія. Собранія, на которыхъ онъ предсѣдательствовалъ, сильно посѣщались, но все же онъ былъ скромнымъ ремесленникомъ и человѣкомъ, по мнѣнію Ганса, ограниченнымъ.

Священникъ былъ, наоборотъ, не только краснорѣчивымъ проповѣдникомъ, но и настоящимъ ученымъ, и Гансъ съ почтеніемъ смотрѣлъ на его книгохранилище, чувствуя и себя пріобщеннымъ къ настоящей наукѣ.

Но, изучивъ грамматику и лексиконъ, онъ проработалъ цѣлый вечеръ, и вскорѣ занятія совсѣмъ захватили его: съ каждымъ урокомъ наука являлась ему все прекраснѣе, труднѣе и все болѣе достойной достиженія. Но утромъ онъ ловилъ рыбу, послѣ обѣда купался, остальное же время почти не выходилъ изъ дома. Пробудившееся честолюбіе не давало ему покоя. Снова онъ ощущалъ въ головѣ нѣчто особое — не боль, но какое-то напряженіе, торжествующее біеніе ускореннаго пульса и неудержимое стремленіе впередъ. Головная боль являлась уже позднѣе, но покуда длилась эта горячка, чтеніе и работа быстро подвигались: онъ шутя читалъ трудныя мѣста изъ Ксенофонта и безъ

словаря переводилъ цѣлыя страницы, вдохновенно угадывая ихъ смыслъ. За этою напряженною работою слѣдовалъ легкій, прерывистый сонъ съ удивительно ясными сновидѣніями. Когда онъ просыпался по ночамъ съ легкою головною болью, имъ овладѣло нетерпѣливое желаніе продолжать работу и гордость при мысли, что самъ ректоръ относится къ нему съ извѣстнымъ уваженіемъ.

Ректору доставляло истинное удовольствіе руководить этимъ благороднымъ честолюбіемъ, которое онъ сумѣлъ пробудить. Пусть не говорятъ о безсердечіи учителей и ихъ сухомъ педантизмѣ! Когда учитель видитъ, какъ подъ вліяніемъ серьезныхъ занятій изъ неуклюжаго увальня вырабатывается серьезный, почти аскетическаго вида мальчикъ, какъ лицо его становится все старше и осмысленнѣе, рука — все бѣлѣе и спокойнѣе, у него отъ радости и гордости занимается духъ. Долгъ его, порученная ему правительствомъ обязанность—обуздывать вложенную въ мальчика природою грубую стихійную силу и насаждать на ея мѣсто средніе, благонамѣренные идеалы. Безъ этихъ усилій со стороны школы многіе довольные судьбою бюргеры и старательные чиновники превратились бы въ безплодныхъ мечтателей или безудержныхъ новаторовъ.

Однажды вечеромъ и ректоръ самолично явился въ домъ Гибенрата и засталъ Ганса за чтеніемъ Евангелія отъ Луки. Похваливъ его за прилежаніе и посовѣтовавъ воспользоваться каникулами, онъ завелъ рѣчь о семинаріи, гдѣ Гансу предстоитъ изучать новые предметы. Пожалуй, ему придется трудновато: многіе ученики—особенно изъ среднихъ—успѣютъ за лѣтнее время подготовиться и какъ разъ обгонятъ тѣхъ, которые успокоились на лаврахъ.

Онъ вздохнулъ и пощипалъ свою рѣдкую бородку. Затѣмъ онъ предложилъ Гансу почитать съ нимъ Гомера, который откроетъ ему новый міръ; это будетъ хорошею подготовкою для семинаріи. Они займутся часъ-другой,—не болѣе, конечно.

Разумѣется, Гансъ выразилъ согласіе ознакомиться съ новымъ міромъ и поблагодарилъ ректора, но заключеніе было еще впереди. Ректоръ дружески замѣтилъ, что Гансъ—не дурной математикъ, но въ семинаріи ему придется проходить алгебру и геометрію, и нѣсколько подготовительныхъ уроковъ—не помѣшаютъ.

— Ко мнѣ милости просимъ — во всякое время. Для меня твой успѣхъ—дѣло чести, относительно же математики — пусть отецъ твой переговоритъ съ учителемъ. Три-четыре раза въ недѣлю...

— Да, г. ректоръ.

Работа снова пошла полнымъ ходомъ, и если Гансъ выходилъ на часокъ погулять или поудить рыбу, онъ уже чувствовалъ, что совѣсть у него неспокойна. Его обычный купальный часъ былъ избранъ самоотверженнымъ учителемъ математики для своего урока. Гибенратъ смотрѣлъ съ гордостью на прилежаніе Ганса; эта вѣтвь отъ его ствола должна была высоко подняться и прославить его.

Въ послѣднюю недѣлю каникулъ ректоръ и священникъ проявили вдругъ необычайную доброту и заботливость: они отсылали мальчика на прогулку, прекратили уроки и все время ставили ему на видъ, какъ важно явиться въ семинарію отдохнувшимъ, со свѣжею головою. Раза два Гансъ попробовалъ ловить рыбу, но голова у него болѣла, и онъ удивлялся: почему это онъ такъ радовался каникуламъ? Теперь онъ скорѣе радовался ихъ окончанію. Онъ ничего не поймалъ, и когда отецъ подшутилъ надъ этимъ, Гансъ снова забросилъ свои рыболовные снаряды на чердакъ.

Въ одинъ изъ послѣднихъ вечеровъ ему вспомнилось, что онъ такъ и не побывалъ у Флейга. Сапожникъ сидѣлъ на подоконникѣ, а на колѣнѣ у него помѣщался ребенокъ. Несмотря на открытое окно, комната была насквозь пропитана запахомъ кожи. Не безъ смущенія Гансъ вложилъ свою руку въ широкую жесткую руку мастера. Тотъ попрекнулъ его, что онъ все время не показывался. Развѣ онъ такъ много работалъ?

— Порядочно, г. Флейгъ. Ежедневно часъ у священника, два часа — у ректора и четыре раза въ недѣлю я еще ходилъ къ учителю математики.

— Теперь? Во время каникулъ? Но вѣдь это безуміе!

— Не знаю. Учителя находили, что такъ надо. А учиться мнѣ не трудно.

— Можетъ быть,—сказалъ Флейгъ, и схватилъ руку мальчика,—но посмотри, что у тебя за палочки вмѣсто рукъ? И почему лицо у тебя такое худое? Ты все еще страдаешь головными болями?

— Время отъ времени.

— Это безуміе, Гансъ, и сверхъ того — грѣхъ. Въ твоемъ возрастѣ необходимы воздухъ и движеніе, нужно хорошенько отдохнуть. Для чего же существуютъ каникулы? Не для того, чтобы торчать въ углу и зубрить. Вѣдь ты — кожа да кости.

Гансъ разсмѣялся.

— Смѣйся, смѣйся. А какъ насчетъ священника? Онъ не говорилъ съ тобою непочтительно о Библіи?

— Ни разу.

— Ну, это хорошо. Лучше пусть гибнетъ тѣло, но не душа. Ты самъ хочешь быть впослѣдствіи священникомъ. Это—великая и трудная обязанность. Тутъ требуются особые люди, не такіе, какъ большинство нашей молодежи. Быть можетъ, ты—избранъ для нея. Тебѣ предстоитъ быть пастыремъ душъ. Этого я желаю тебѣ отъ всего сердца, и объ этомъ стану молиться. Да благословитъ тебя Богъ. Аминь.

Онъ торжественно положилъ ему руки на плечо, но Гансъ ощутилъ лишь чувство стѣсненія; священникъ, прощаясь съ нимъ, не говорилъ ему ничего подобнаго.

Среди сборовъ и прощаній быстро и тревожно прошло еще два дня. Ящикъ съ бѣльемъ, платьемъ, книгами былъ отправленъ впередъ, и однажды прохладнымъ утромъ отецъ съ сыномъ выѣхали въ Маульброннъ. Было странно и жутко покидать родной городъ и переселяться изъ отцовскаго—въ чужой домъ.

III.

На сѣверѣ страны лежитъ среди лѣсистыхъ холмовъ и тихихъ озеръ монастырь Маульброннъ, съ чудно сохранившимися великолѣпными старинными постройками. Ворота въ высокой стѣнѣ ведутъ во дворъ, гдѣ бьетъ, окруженный старыми задумчивыми деревьями, родникъ воды; по сторонамъ высятся каменныя строенія, а въ глубинѣ — главный фасадъ церкви съ притворомъ въ позднѣйшемъ романскомъ стилѣ, чарующемъ необыкновенною граціей и красотою линій. На кровлѣ храма высится острая, какъ игла, башенка, до того воздушная, что даже непонятно: какъ она могла служить колокольней? Чудный крытый ходъ заключаетъ въ себѣ капеллу источника. Живописныя стѣны, ворота, закоулки, сады—оживляютъ строгую красоту зданій. На обширномъ дворѣ обыкновенно царитъ тишина; онъ оживляется лишь за часъ до обѣда, когда изъ монастыря высыпаетъ толпа молодежи, которая съ говоромъ и смѣхомъ разсыпается по лужайкѣ, порою—играетъ въ мячъ и черезъ часъ быстро и безслѣдно исчезаетъ за стѣнами.

Въ своей любвеобильной заботливости о гражданахъ, правительство отвело этотъ монастырь подъ протестантскую семинарію. Здѣсь, вдали отъ городскихъ впечатлѣній, вліянія семьи и развращающаго зрѣлища дѣйствительной жизни, молодые люди могутъ безъ помѣхи посвятить себя достиженію возвышенныхъ

чистыхъ идеаловъ, поставившихъ себѣ цѣлью жизни — изученіе древнихъ языковъ. Этому способствуетъ жизнь въ интернатѣ, необходимость обуздывать свои порывы. Правительство, на счетъ котораго живутъ и учатся семинаристы, вселяетъ въ своихъ питомцевъ тотъ особый духъ, по которому ихъ легко бываетъ узнать впослѣдствіи: это своего рода неуловимое клеймо, символъ добровольнаго самозакрѣпощенія. Люди бываютъ различными по природѣ, но правительство сглаживаетъ эти различія, снабжая ихъ одинаковою духовною ливреей или мундиромъ.

Всякій изъ новичковъ, привезенный сюда матерью, всю жизнь будетъ съ признательностью и растроганною улыбкой вспоминать прощаніе съ нею въ дортуарѣ семинаріи. У Ганса матери не было, и онъ наблюдалъ за чужими матерями.

Въ громадномъ, уставленномъ нумерованными шкафами корридорѣ стояли ящики и корзины, надъ разборкою которыхъ хлопотали родители. Тутъ же прогуливался классный надзиратель, дававшій порою добрые совѣты. Бѣлье и платье разглаживались, книги встряхивались, сапоги и туфли разставлялись рядами. Появились на сцену туалетныя принадлежности, которыя сейчасъ же отправлялись въ умывальную. Мальчики были возбуждены; отцы поглядывали на часы, но душою дѣла были матери. Онѣ старательно вынимали каждую вещь, разглаживали складки, поправляли тесемки и аккуратно убирали „приданое“ въ шкафъ, сопровождая все это совѣтами, увѣщаніями, ласками...

— Береги новыя рубашки, — онѣ обошлись по три марки пятьдесятъ пфениговъ штука...

— Бѣлье посылай домой каждый мѣсяцъ... Черную шляпу носи только по воскресеньямъ.

Какая-то толстуха, усѣвшись на высокомъ сундукѣ, учила своего мальчика искусству пришивать пуговки; другая, красивая, еще молодая дама гладила по щекѣ своего сына, широкоплечаго увальня. Онъ, видимо, конфузился и, смущенно улыбаясь, уклонялся отъ ея ласки, засунувъ обѣ руки въ карманы штановъ. Другіе, наоборотъ, растерянно глядѣли на матерей, какъ будто имъ хотѣлось вернуться съ ними домой. Инымъ хотѣлось бы разревѣться, но они удерживались и строили равнодушныя физіономіи. А матери улыбались.

Отецъ Ганса живо разобрался въ его вещахъ; затѣмъ, чувствуя необходимость въ напутствіи, онъ безсвязно заговорилъ о томъ, что сынъ „долженъ сдѣлать честь ихъ фамиліи“, и Гансъ, видя, что стоявшій вблизи священникъ улыбается отцовской рѣчи, сконфузился и поспѣшилъ отвести отца въ сторону. Оба они

скучали и чувствовали себя неловко. Гансъ принялся наблюдать за новичками, изъ которыхъ онъ никого не зналъ; его знакомый гённингенецъ должно быть срѣзался на экзаменѣ. Мальчики, принадлежавшіе преимущественно къ небогатому чиновничьему и промышленному классу, различались между собою такъ же, какъ покрой ихъ курточекъ. Тутъ были худощавые, неповоротливые шварцвальдцы, широкоротые, съ волосами соломеннаго цвѣта уроженцы при-эльбскихъ мѣстностей, живые, веселые нижнегерманцы, франтики-штутгартцы съ узкими носками и испорченнымъ, т.-е. утонченнымъ выговоромъ.

Палаты, занимаемыя воспитанниками, носили классическія наименованія: Форума, Аѳинъ, Эллады, Спарты, Акрополиса, и лишь самая маленькая и послѣдняя называлась Германіей. Ганса Гибенрата съ девятью другими помѣстили въ „Элладѣ", и странное ощущеніе овладѣло имъ, когда онъ впервые улегся на узенькую кровать въ громадномъ дортуарѣ, освѣщенномъ спускавшеюся съ потолка масляною лампою, которую надзиратель загасилъ въ десять съ четвертью часовъ. Лунные лучи падали изъ трехъ оконъ и озаряли кровати спящихъ мальчиковъ совершенно такъ же, какъ въ прежнія времена—ложе монаховъ.

На слѣдующій день, вслѣдъ за торжествомъ открытія, родители уѣхали, и тогда мальчики стали устраиваться по домашнему—раскладывались книги, въ чернильницы наливались чернила, въ лампы—масло. Новички оглядывали другъ друга, завязывали знакомства, кое-гдѣ уже раздавался смѣхъ, и къ вечеру всѣ они ближе знали другъ друга, нежели пассажиры—въ концѣ длиннаго морского пути.

Изъ девяти обитателей „Эллады" Гансъ отмѣтилъ четверыхъ, наиболѣе выдававшихся среди остальныхъ. Первымъ былъ сынъ учителя Отто Гартнеръ, даровитый, спокойный, выдержанный мальчикъ, хорошо сложенный и увѣренный въ себѣ. За нимъ слѣдовалъ Карлъ Гамель, сынъ сельскаго учителя, натура полная противорѣчій. Выйдя изъ спокойнаго состоянія, онъ проявлялъ большую необузданность, но затѣмъ снова прятался, какъ улитка въ свою раковину.

Не менѣе сложною натурою былъ и Германъ Гейльнеръ, шварцвальдецъ изъ хорошей семьи. Въ первый уже день о немъ знали, что онъ—поэтъ и философъ; онъ говорилъ много и оживленно, обладалъ прекрасною скрипкой, но, очевидно, подъ его беззаботной внѣшностью таилось нѣчто болѣе глубокое. Самымъ своеобразнымъ обитателемъ „Эллады" былъ Эмиль Луціусъ, скрытный, свѣтло-бѣлокурый человѣчекъ, упорный, трудолюбивый и

сухой, какъ старый крестьянинъ. Несмотря на свои годы и маленькую фигурку, онъ производилъ впечатлѣніе чего-то вполнѣ сложившагося, законченнаго; покуда другіе рѣзвились во время рекреацій, онъ, заткнувъ уши обѣими руками, зубрилъ грамматику. Скупость его внушала товарищамъ даже нѣкоторое уваженіе; онъ раньше всѣхъ отправлялся въ умывальную для того, чтобы воспользоваться чужимъ мыломъ и полотенцемъ, сберегалъ кусокъ сахара для того, чтобы обмѣнять его на тетрадку, и учился при свѣтѣ чужихъ лампъ для того, чтобы не тратить денегъ на масло. Онъ былъ абсолютно лишенъ слуха и музыкальныхъ способностей, но, полагая, что музыка полезна въ обиходѣ и ей можно научиться, какъ грамматикѣ, онъ пожелалъ учиться на скрипкѣ, причемъ у учителя музыки отъ ужаса волосы встали дыбомъ. Его отовсюду гоняли съ его скрипкой, но онъ бродилъ по всѣмъ закоулкамъ монастыря, какъ незнающій покоя призракъ, скрипѣлъ и пиликалъ, не смущаясь насмѣшками и бранью.

Гансъ ни съ кѣмъ близко не сходился; онъ прилежно работалъ и заслужилъ уваженіе всѣхъ товарищей, за исключеніемъ поэта Гейльнера. Дружба рисовалась ему въ яркихъ, заманчивыхъ краскахъ, но онъ былъ робокъ по натурѣ и привыкъ къ одиночеству. Карлъ Гамель предлагалъ ему свою, но безуспѣшно. Гейльнеръ тоже не могъ найти себѣ товарища по сердцу и съ записною книжкою бродилъ одиноко по живописнымъ окрестностямъ, читалъ въ тѣни желтѣющихъ деревьевъ, на берегу озера, „Пѣсни въ камышахъ“ Ленау и порою вписывалъ строчку или двѣ въ свою завѣтную книжку. Однажды въ ясный октябрьскій день Гансъ нашелъ его сидящимъ на перекинутомъ черезъ ручей мостикѣ. Сначала онъ сказалъ, что читаетъ Гомера, но затѣмъ сознался, что писалъ стихи, и пригласилъ Ганса сѣсть рядомъ. Было очень тихо; съ дерева безшумно падалъ листъ за листомъ въ темную воду; по блѣдно-голубому небу медленно плыли бѣлыя облака.

— Чудныя облака,—сказалъ Гансъ, любуясь ими.

— Да, Гибенратикъ,—вздохнулъ Гейльнеръ,—еслибы можно было стать облакомъ! Поплыли бы мы съ тобою надъ горами и долами, какъ корабли! Ты видалъ когда-нибудь корабль?

— Нѣтъ, Гейльнеръ, а ты?

— Много разъ! Но, впрочемъ, ты ничего въ этомъ не понимаешь. Тебѣ бы только учиться и преуспѣвать.

— Ты меня считаешь за осла?

— Я этого не сказалъ.

— Я совсѣмъ не такъ глупъ, какъ ты думаешь. Но разскажи мнѣ о корабляхъ.

Гейльнеръ такъ быстро обернулся, что едва не упалъ въ воду. Подперевъ рукою подбородокъ, онъ заговорилъ:

— Я видѣлъ корабли на Рейнѣ. Въ воскресенье на кораблѣ играла музыка и вечеромъ зажгли разноцвѣтные фонари. Огоньки отражались въ водѣ, и мы подъ музыку плыли внизъ по теченію. Мы пили рейнвейнъ, и на дѣвушкахъ были бѣлыя платья.

Гансъ закрылъ глаза, чтобы яснѣе представить себѣ все это, а Гейльнеръ продолжалъ говорить.

— Здѣсь не то: кругомъ—тупицы, скучняки, для которыхъ нѣтъ ничего выше еврейской азбуки. И ты такой же, какъ всѣ. Вотъ мы читаемъ Одиссею, какъ поваренную книгу—по двѣ строчки въ часъ, разжевывая слово за словомъ, покуда насъ не стошнитъ. А потомъ въ концѣ урока намъ говорятъ: „вы заглянули въ тайну поэтическаго творчества". Да вѣдь такимъ образомъ Гомера крадутъ у насъ. И вообще, къ чему намъ греки? Попробуй кто-нибудь изъ насъ жить по-гречески,—его сейчасъ же бы вышвырнули. Какая насмѣшка въ самомъ названіи нашей комнаты: „Эллада"! Почему не „бумажная корзина", не „клѣтка рабовъ"?

Гейльнеръ еще долго говорилъ на эту тему, и вечеромъ Гансъ много думалъ о немъ. Чтò это за человѣкъ? То, чтò интересовало и заботило Ганса—не существовало для него. У него были свои собственныя мысли и слова; онъ жилъ полнѣе и свободнѣе и презиралъ окружающее. Онъ понималъ красоту старинныхъ зданій и стѣнъ и обладалъ таинственнымъ даромъ пѣснопѣній. Онъ былъ независимъ, смѣлъ, острилъ, тосковалъ и наслаждался самымъ ощущеніемъ этой тоски.

Въ тотъ же вечеръ Гейльнеръ проявилъ себя съ особой стороны. Съ нимъ затѣялъ ссору забіяка—нѣкто Венгеръ. Сначала Гейльнеръ сдерживался, но потомъ далъ ему звонкую пощечину, и черезъ секунду, свившись клубкомъ, они уже катались по полу „Эллады", опрокидывая стулья, между тѣмъ какъ товарищи критически ожидали исхода боя. Черезъ нѣсколько секундъ Гейльнеръ поднялся, тяжело дыша, растерзанный, съ покраснѣвшими глазами, но когда противникъ захотѣлъ снова напасть на него, онъ надменно скрестилъ руки на груди и сказалъ:

— Я больше не дерусь,—ударь меня, если хочешь.

Венгеръ отошелъ, ругаясь, а у Гейльнера вдругъ покатились слезы изъ глазъ. Плакать—считалось у семинаристовъ самымъ позорнымъ дѣломъ; но когда Гартнеръ спросилъ: неужели ему

не стыдно?—плачущій отвѣтилъ, словно пробудясь отъ сна, громко и презрительно:

— Стыдно—передъ вами? Нѣтъ, голубчикъ.

Онъ отеръ лицо, сердито усмѣхнулся, загасилъ свою лампу и вышелъ. Гансъ Гибенратъ, молча наблюдавшій за этою сценой, отважился пойти за нимъ и нашелъ его сидящимъ въ корридорѣ въ глубокой оконной нишѣ. Видны были только его плечи и затылокъ. Онъ не шевельнулся, когда Гансъ остановился рядомъ съ нимъ, и только спросилъ хриплымъ голосомъ:

— Что̀ такое?

— Это я,—робко отвѣтилъ Гансъ.

— Что̀ тебѣ нужно?

— Ничего.

— Вотъ какъ! Можешь уходить.

Гансъ обидѣлся и хотѣлъ уйти, но Гейльнеръ удержалъ его. Они посмотрѣли другъ другу въ глаза, словно видѣлись въ первый разъ, и каждый старался представить себѣ, что подъ этимъ молодымъ лицомъ скрывается особая человѣческая жизнь, живетъ по особому человѣческая душа.

Гейльнеръ медленно опустилъ руку на плечо Ганса и притянулъ его къ себѣ, покуда ихъ лица не сблизились. Затѣмъ Гансъ съ изумленіемъ и страхомъ почувствовалъ, что губы товарища коснулись его губъ. Сердце его забилось съ непривычною силою. Въ этомъ свиданіи въ темномъ корридорѣ, въ этомъ поцѣлуѣ было что-то новое, „опасное"; ему пришло въ голову: какъ было бы ужасно, еслибы ихъ поймали! Такой поцѣлуй показался бы другимъ школьникамъ еще болѣе постыднымъ, чѣмъ слезы. Взрослый человѣкъ порадовался бы этому наивному объясненію въ дружбѣ, серьезному выраженію дѣтскихъ лицъ, уже принимавшихъ по временамъ выраженіе смѣлаго юношескаго задора и самоувѣренности.

Мало-по-малу всѣ мальчики передружились между собою, вмѣстѣ гуляли, занимались, помогали другъ другу въ работѣ; больше всего дивились, однако, сближенію Гейльнера и Ганса: перваго насмѣшливо называли „геніемъ", второго—„пай-мальчикомъ", и трудно было найти двѣ болѣе несхожихъ натуры. Для поэта дружба эта была роскошью, удобствомъ, капризомъ, для Ганса она являлась то сокровищемъ, то—тяжелымъ бременемъ. По вечерамъ онъ обыкновенно занимался, но приходилъ Гейльнеръ, бралъ у него книгу изъ рукъ—и занятія прекращались. Зачастую Гансъ опасался его прихода и работалъ съ удвоеннымъ рвеніемъ, но еще больнѣе ему было то, что другъ

его потѣшался надъ его прилежаніемъ и называлъ его „поденщиной“, „рабскимъ страхомъ“ передъ учителями. Не все ли равно: быть первымъ или двадцатымъ?

Гансъ содрогался, видя обращеніе друга съ книгами; взявъ у него однажды географическій атласъ, Гейльнеръ исчертилъ его каррикатурами и сатирическими стихами. Иногда Гансу казалось, что Гейльнеръ смотритъ на него какъ на любимую игрушку: нѣчто вродѣ ручного котенка. Какъ бы то ни было, поэтъ нуждался въ немъ; страдая отъ припадковъ безпричинной, не лишенной кокетства меланхоліи, онъ изливалъ передъ нимъ свои жалобы и жаждалъ утѣшенія, сочувствія и восхищенія. Свои Гейневскія и Оссіановскія настроенія, выражавшіяся въ рѣчахъ, вздохахъ и стихахъ, онъ изливалъ на неповинную голову Ганса.

Удрученный, взволнованный этими сценами, Гансъ возвращался къ своей работѣ, стараясь наверстать утраченное время. Головная боль уже не удивляла его, но его не на шутку начинала тревожить охватывавшая его по временамъ апатія: ему трудно было заставить себя сдѣлать необходимое. Гейльнеръ вводилъ его въ чуждый ему до сихъ поръ фантастически прекрасный и обманчиво капризный міръ поэзіи, и Гансъ былъ не въ силахъ устоять противъ этихъ чаръ, но дружба со страннымъ мальчикомъ истощала его, заронивъ въ душу больныя сомнѣнія.

Между тѣмъ наступили темные бурные ноябрьскіе дни, во время которыхъ Гейльнеръ всегда впадалъ въ мрачное настроеніе; однажды, бродя по крытому ходу, онъ наткнулся на пиликавшаго въ углу Луціуса, и когда тотъ, не взирая на его увѣщанія, продолжалъ скрипѣть, Гейльнеръ ударомъ ноги опрокинулъ пюпитръ. Ноты разлетѣлись, а пюпитромъ задѣло скрипача по носу, и онъ, взбѣшенный, закричалъ, что побѣжитъ жаловаться директору.

— И я съ тобой, но раньше дамъ тебѣ на дорогу пинка!

Луціусъ кинулся бѣжать, Гейльнеръ—за нимъ; они вихремъ неслись по корридорамъ и лѣстницамъ, и когда преслѣдователь, догнавъ врага у самой двери величаво-спокойнаго директорскаго жилища, собирался угостить его обѣщаннымъ пинкомъ, тотъ, не удержавшись, растворилъ головою дверь и влетѣлъ, какъ бомба, въ святая-святыхъ директора.

Это былъ неслыханный случай. На другой день директоръ прочелъ рѣчь о развращенности современнаго юношества, а Гейльнеръ былъ присужденъ къ непримѣнявшемуся здѣсь давно уже наказанію: заключенію въ карцеръ. Онъ выслушалъ приго-

воръ съ блѣднымъ лицомъ и вызывающимъ видомъ, не опуская глазъ передъ директоромъ. Втайнѣ многіе восхищались имъ, но никто не дерзнулъ приблизиться къ нему, и онъ остался въ сторонѣ, какъ зачумленный.

Не дерзнулъ подойти къ нему и Гансъ; онъ чувствовалъ, что это было его долгомъ, и стыдился своей трусости, но наказанный заключеніемъ въ карцеръ надолго становится въ семинаріи „отверженнымъ", и общеніе съ нимъ ложится пятномъ на добрую славу другихъ учениковъ. Благодѣянія, оказываемыя правительствомъ его питомцамъ, налагаютъ на нихъ извѣстныя обязательства. Гансъ зналъ это, и въ немъ происходила тяжелая борьба между дружбою и честолюбіемъ.

Гейльнеръ сейчасъ же это замѣтилъ. Онъ ощутилъ боль и гнѣвъ, передъ которыми поблѣднѣли всѣ его прежнія воображаемыя страданія. Остановившись передъ Гибенратомъ, онъ тихо и презрительно проговорилъ:

— Ты—жалкій трусъ, Гибенратъ, и ничего болѣе!

Къ счастью, приближалось Рождество, и мысли молодежи приняли другое направленіе. Выпалъ густой снѣгъ, и деревья стояли разубранныя инеемъ; на озёрахъ образовался твердый, блестящій ледъ; начались игры въ снѣжки и катанье на конькахъ. Даже угрюмый Гейльнеръ нѣсколько оживился, и у самыхъ образцовыхъ профессоровъ замѣчался оттѣнокъ снисходительности и благодушія. Изъ дому получались письма, предвѣщавшія сюрпризы и подарки, сообщалось о предпраздничныхъ приготовленіяхъ.

Передъ отъѣздомъ домой обитатели „Эллады" пережили забавный эпизодъ. Семинаристы рѣшили устроить для учителей музыкально-литературный вечеръ, который долженъ былъ состояться въ „Элладѣ", такъ какъ она была больше другихъ комнатъ. Предложили включить въ програму юмористическій нумеръ, и послѣ долгихъ споровъ пришли къ убѣжденію, что самое веселое было бы соло на скрипкѣ, исполненное Эмилемъ Луціусомъ. Силою просьбъ и убѣжденій у злосчастнаго скрипача выудили согласіе, и на программѣ, разосланной приглашеннымъ, значилось: „Тихая Пѣснь—мелодія для скрипки—исполнитъ г. Эмиль Луціусъ, камеръ-виртуозъ".

Этимъ титуломъ онъ былъ обязанъ тому обстоятельству, что музыкальныя упражненія его происходили обыкновенно въ отдаленнѣйшей изъ камеръ.

Директоръ, профессорà, репетиторы, учителя музыки и надзиратели—всѣ явились на торжество. У бѣднаго учителя музыки

выступилъ потъ на лбу, когда на эстрадѣ появился завитой, скромно улыбавшійся виртуозъ. Уже первый поклонъ его вызвалъ веселое настроеніе. Дважды онъ начиналъ „Тихую Пѣснь", обратившуюся подъ его смычкомъ въ раздирающую пѣснь отчаянія; онъ отбивалъ тактъ ногою и вообще работалъ какъ пильщикъ въ морозную погоду. Сбившись въ третій разъ, онъ опустилъ скрипку и извинился передъ слушателями:

— Не идетъ. Но я учусь только съ осени...

— Хорошо, Луціусъ!—воскликнулъ директоръ:—мы благодаримъ васъ за ваши старанія... Поступайте такъ же и впредь. Per aspera ad astra!

Двадцать-четвертаго декабря во всемъ домѣ стоялъ шумъ и гамъ. Морозъ разрисовалъ окна ледяными цвѣтами, по двору носился рѣзкій вѣтеръ, но никто объ этомъ не думалъ. Въ столовой дымились большіе кофейники, и послѣ завтрака, укутанные въ пальто и пледы, семинаристы отправились по снѣжному, слабо мерцавшему полю, черезъ молчаливый лѣсъ къ отдаленной станціи. Они хохотали, острили, но каждый втайнѣ берегъ про себя свои желанія и надежды. По окрестнымъ городамъ и селамъ всюду ждали ихъ въ тепло натопленныхъ, убранныхъ по праздничному комнатахъ отцы, матери и близкіе люди.

Путникамъ пришлось на холоду ждать поѣзда, но никогда имъ не было такъ хорошо вмѣстѣ, никогда они не были такъ дружелюбно настроены, какъ въ этотъ часъ. Только Гейльнеръ, выждавъ, покуда товарищи займутъ мѣста, одинъ вошелъ въ другой вагонъ. И Гансъ, среди чувства радостнаго волненія, ощутилъ мимолетное раскаяніе и стыдъ.

Дома онъ нашелъ улыбающагося, довольнаго отца и много подарковъ, хотя въ домѣ Гибенратовъ не было настоящаго праздника: недоставало присутствія матери, недоставало рождественской елки.

Всѣ нашли, что онъ имѣетъ плохой видъ, и спрашивали, хорошо ли кормятъ въ монастырѣ? Гансъ увѣрялъ, что все отлично, только голова у него часто болитъ. Священникъ замѣтилъ, что онъ самъ страдалъ въ эти годы головными болями, и на этомъ дѣло кончилось.

Рѣка замерзла, и Гансъ цѣлыми днями катался на конькахъ. Въ своемъ новомъ костюмѣ, въ зеленой шапочкѣ семинариста—онъ рисовался себѣ самому головою выше своихъ прежнихъ товарищей по школѣ.

IV.

Январь ознаменовался печальнымъ событіемъ: „Эллада" потеряла одного изъ своихъ обитателей — скромнаго бѣлокураго мальчика Гиндингера, сына сапожника. Не имѣя коньковъ, онъ отправился посмотрѣть, какъ катаются другіе, озябъ, забрелъ куда-то въ сторону и провалился подъ ледъ. Его нашли къ вечеру и положили на запорошенныя снѣгомъ носилки; семинаристы обступили ихъ, какъ испуганныя птицы; они дрожали и дули на свои посинѣвшіе пальцы, и лишь когда шествіе двинулось по снѣжному полю, ужасъ смерти оледенилъ ихъ смятенныя души.

Въ маленькой, дрожащей отъ холода, жалкой кучкѣ Гансъ оказался случайно рядомъ со своимъ бывшимъ другомъ Гейльнеромъ; повинуясь невольному порыву, онъ заглянулъ въ его блѣдное лицо и взялъ его за руку, но тотъ выдернулъ ее.

У входа въ монастырь всѣ учителя, съ директоромъ во главѣ, встрѣтили покойнаго Гиндингера, который, будь онъ живъ, убѣжалъ бы со страха при одной мысли о подобной чести, но на мертваго ученика учителя смотрятъ совсѣмъ другими глазами, чѣмъ на живого.

Весь этотъ вечеръ и весь слѣдующій день присутствіе маленькаго трупа дѣйствовало на живыхъ умиротворяющимъ образомъ: гнѣвъ, раздоры, шумъ и смѣхъ—все смолкло, все улеглось. Къ погребенію прибылъ отецъ, безпомощно стоявшій за гробомъ, подавляя слезы. Порою онъ съ робкою и неуклюжею ласкою касался крышки гроба.

Черезъ недѣлю послѣ похоронъ Гансъ посѣтилъ Гейльнера въ лазаретѣ, гдѣ тотъ лежалъ больной: онъ простудился во время поисковъ товарища. Сначала Гейльнеръ отвернулся къ стѣнѣ и не хотѣлъ съ нимъ говорить, но Гансъ не отставалъ. Онъ зналъ, что поступилъ подло, но вѣдь его цѣлью было попасть въ первые ученики,—онъ не зналъ другого идеала. Но теперь онъ скорѣе согласенъ стать послѣднимъ въ классѣ, чѣмъ отвернуться отъ него. Они покажутъ другимъ, что не нуждаются въ нихъ.

Тогда Гейльнеръ протянулъ ему руку, и они помирились. Возобновленіе этой дружбы очень поразило всѣхъ въ семинаріи, но друзья наслаждались своею близостью, и имъ никого не было нужно; сознаніе того, что Гейльнеръ никѣмъ не любимъ, придавало чувству Ганса особенную остроту, и онъ все болѣе отда-

лялся отъ школы и ея интересовъ. Превращеніе Ганса изъ образцоваго ученика въ какое-то загадочное существо испугало учителей. Гейльнеръ давно уже былъ отнесенъ ими въ разрядъ „геніевъ“ и кандидатовъ въ карцеръ; настоящій школьный учитель предпочитаетъ имѣть въ классѣ десять ословъ, нежели одного „независимаго“. Между нимъ и педагогомъ завязывается борьба, и кто изъ нихъ сильнѣе заставляетъ страдать другъ друга, въ комъ успѣшнѣе проявляется духъ мучительства—объ этомъ нельзя подумать безъ горечи. Всюду мы видимъ, какъ школа и государство стремятся изъ года въ годъ задушить въ отдѣльныхъ личностяхъ этотъ независимый духъ, но почему-то по преимуществу изъ ненавидимыхъ учителями, изгнанныхъ или сбѣжавшихъ—выходятъ люди, обогащающіе своими умственными сокровищами народъ. Другіе озлобляются и идутъ ко дну. И сколько такихъ—Богъ знаетъ.

Къ Гейльнеру и Гансу начали относиться съ особенною строгостью. Одинъ лишь директоръ, цѣнившій въ Гансѣ лучшаго ученика по еврейскому языку, сдѣлалъ попытку къ его спасенію. Онъ позвалъ его къ себѣ, въ свой удивительный кабинетъ—бывшее жилище настоятеля. Директоръ былъ недурной человѣкъ; онъ даже питалъ извѣстное благоволеніе къ своимъ питомцамъ, но, обладая громаднымъ самолюбіемъ, онъ не допускалъ возможности какой-либо ошибки съ своей стороны, какого-либо сомнѣнія въ непогрѣшимости своихъ сужденій. Роль друга и наставника, преисполненнаго отеческихъ чувствъ, онъ игралъ превосходно и немедленно вошелъ въ нее. Усадивъ Ганса, онъ принялся заботливо разспрашивать его. Почему за послѣднее время онъ занимается съ меньшимъ усердіемъ, особенно—по еврейскому языку? Развѣ онъ охладѣлъ къ нему? Нѣтъ? Въ такомъ случаѣ надо поискать другой причины. Не боленъ ли онъ? Видъ у него не особенно цвѣтущій. Быть можетъ, у него болитъ голова? Болитъ временами? Или ежедневныя занятія ему не подъ силу?

— О, нѣтъ, г. директоръ!

— Ты, можетъ быть, много читаешь?

— Нѣтъ, г. директоръ, я почти ничего не читаю.

— Тогда я не совсѣмъ понимаю, въ чемъ дѣло, мой другъ. Обѣщай мнѣ, что ты подтянешься!

Онъ милостиво протянулъ Гансу руку, и тотъ съ облегченіемъ пошелъ-было къ двери, но директоръ вернулъ его. Не друженъ ли онъ съ Гейльнеромъ? Да? Странно! Они до такой степени непохожи другъ на друга! Что̀ можетъ быть общаго между ними?

— Не знаю, но онъ—мой другъ.

— Ты знаешь, я не особенно люблю твоего друга. Въ немъ живетъ духъ безпокойства и тревоги. Онъ—даровитъ, но изъ этого ничего не выходитъ; на тебя же онъ имѣетъ пагубное вліяніе. Я желалъ бы, чтобы ты держался подальше отъ него.

— Это невозможно, г. директоръ.

— Невозможно? Почему?

— Потому что онъ — мой другъ. Не могу же я покинуть его.

— Гмъ! Но ты можешь сойтись еще съ кѣмъ-нибудь другимъ. Вѣдь ты—единственный, подпавшій подъ его вредное вліяніе, и послѣдствія этого уже сказались. Что же, собственно, тебя привязываетъ къ нему?

— Я и самъ не знаю, но мы дружимъ, и было бы недостойнымъ покинуть его.

— Такъ, такъ... Ну, я тебя не принуждаю, но я надѣюсь, что ты постепенно отстанешь отъ него. Я былъ бы этому радъ, я былъ бы очень радъ...

Въ заключительныхъ словахъ уже не слышалось прежняго благодушія. Гансъ вышелъ.

Гансъ снова засѣлъ за работу, но прежде онъ легко обгонялъ другихъ, теперь же ему съ трудомъ удавалось не отставать. Онъ сознавалъ, что отчасти причиною этому была его дружба, но она настолько согрѣвала и скрашивала его жизнь по сравненію съ прежнимъ сухимъ исполненіемъ долга, что онъ смотрѣлъ на нее, какъ на даръ свыше, а не какъ на помѣху. Съ нимъ происходило то же, что съ юными влюбленными: онъ жаждалъ геройскихъ подвиговъ и былъ неспособенъ на малыя дѣла. Въ сущности сердце у него лежало лишь къ Гомеру и къ урокамъ исторіи. Онъ ощупью приближался къ постиженію античнаго міра, а въ исторіи герои переставали быть для него именами и числами: они вдругъ воплощались передъ нимъ и, стоя совсѣмъ близко, глядѣли на него живыми глазами; у каждаго было свое собственное лицо, красныя уста, свои руки, у однихъ—грубыя, толстыя; у другихъ—тонкія, холодныя, словно мраморныя; у третьихъ—узкія, горячія, въ тонкихъ жилкахъ...

Читая Евангеліе на греческомъ языкѣ, онъ бывалъ порою пораженъ и потрясенъ удивительной явственностью и близостью этихъ видѣній. Такъ, при чтеніи шестой главы отъ Матѳея, когда говорится объ ученикахъ, которые, узнавъ Іисуса, идущаго по волнамъ, пошли къ нему, онъ самъ ясно увидѣлъ Сына Человѣческаго и узналъ Его не по лицу и фигурѣ, но по сіяющей

глубинѣ Его полныхъ любви очей, а также—по легкому призывному мановенію прекрасной, стройной, загорѣлой руки Христа, свидѣтельствовавшей о великой и мощной душѣ. На одно мгновеніе передъ нимъ появилось волнующееся озеро и корма тяжелой ладьи, а затѣмъ все исчезло, какъ паръ отъ дыханія на морозѣ...

Эти краткія видѣнія производили на Ганса такое впечатлѣніе, какъ будто земля становилась прозрачною, и самъ Господь являлся ему; такія мгновенія являлись неожиданно; онѣ посѣщали его, незванныя, и исчезали, подобно пилигримамъ и странникамъ, которыхъ нельзя удержать, ибо въ ихъ природѣ есть нѣчто божественное.

Гансъ ничего не говорилъ Гейльнеру о своихъ переживаніяхъ. У поэта меланхолія прежнихъ временъ превратилась въ рѣзкое отрицательное отношеніе ко всему окружающему, выражавшееся иногда въ необдуманныхъ выходкахъ, въ которыя, помимо воли, бывалъ вовлеченъ и Гансъ. Они очутились вдвоемъ на какомъ-то необитаемомъ островѣ, среди враждебныхъ волнъ. Если бы не смутный страхъ передъ директоромъ, Гансу даже нравилось бы такое положеніе; онъ все болѣе утрачивалъ интересъ къ занятіямъ, въ особенности—къ древне-еврейскому языку, любимому предмету директора.

Отношенія съ товарищами обострялись; теперь, когда онъ уже не мѣтилъ въ примусы, они давали ему понять, что его заносчивость ничѣмъ не оправдывается. Однажды, въ отсутствіе Гейльнера, Ганса порядкомъ поколотили; онъ умолчалъ объ этомъ, но проплакалъ всю ночь и съ тѣхъ поръ пересталъ разговаривать съ обитателями „Эллады".

Къ веснѣ, подъ вліяніемъ дождливой погоды и долгихъ сумерекъ — въ семинаріи образовались новыя теченія. Въ „Акрополисѣ", гдѣ имѣлись хорошій піанистъ и два флейтиста, начались музыкальные вечера; „Германія" открыла литературныя чтенія, а нѣсколько юныхъ піэтистовъ устроили „Библейскій кружокъ". Гейльнеръ предложилъ себя въ члены кружка литературныхъ чтеній, но былъ отвергнутъ и изъ мести пошелъ къ библейцамъ, которые тоже не желали его; онъ внесъ къ нимъ смятеніе своими кощунственными рѣчами, но это скоро ему надоѣло. Впрочемъ, на него мало обращали вниманія; первенствующую роль въ семинаріи игралъ въ это время одинъ изъ „спартанцевъ", прозванный Дунстаномъ, остроумный малый, прославившійся весьма оригинальномъ образомъ.

Однажды утромъ на дверяхъ умывальной комнаты появился

листъ, на которомъ — подъ заглавіемъ: „Шесть эпиграммъ изъ Спарты“ — были написаны остроумныя двустишія, высмѣивавшія очень зло и язвительно различныя слабости и грѣшки товарищей. Тутъ же фигурировали, конечно, и Гансъ съ Гейльнеромъ.

Въ маленькомъ царствѣ поднялось необычайное волненіе; около двери толпились, какъ у входа въ театръ. На слѣдующій день вся дверь была покрыта отвѣтами, нападками, возраженіями, но виновникъ скандала лишь потиралъ себѣ руки, довольный тѣмъ, что бросилъ искру въ пукъ соломы, доставилъ себѣ развлеченіе и разбудилъ мертвое царство. Впрочемъ, Дунстанъ не успокоился на этомъ, но затѣялъ сатирическій журналъ, подъ названіемъ „Ежъ“, и Гейльнеръ, сблизившись съ нимъ, принялъ живое участіе въ редактированіи этого органа, выходившаго дважды въ недѣлю и получавшагося въ количествѣ двухъ экземпляровъ на каждую комнату. Подписныя деньги шли на „увеселительный фондъ“.

Около этого времени съ Гансомъ произошелъ на урокѣ латинскаго языка странный случай. Учитель вызвалъ его — переводить изъ Тита-Ливія, но онъ не всталъ съ мѣста. Учитель сердито окликнулъ его. Гансъ сидѣлъ съ опущенной головой и полузакрытыми глазами. Окрикъ разбудилъ его, но онъ слышалъ его словно издалека; сосѣдъ толкнулъ его въ бокъ, но и это не подѣйствовало на него. Его окружали другіе люди, онъ слышалъ другіе голоса — тихіе, глубокіе голоса, рѣчи безъ словъ, похожія на журчаніе водъ. На него глядѣли чуждые, большіе, сверкающіе глаза, быть можетъ — глаза римской толпы, о которой онъ прочелъ сейчасъ у римскаго историка...

— Гибенратъ! — крикнулъ учитель: — спите вы что-ли?

Ученикъ открылъ глаза и покачалъ головою, удивленно уставившись на учителя.

— Вы спали! Можете вы сказать: на какомъ мѣстѣ мы остановились? Здѣсь? Вѣрно. Но почему же вы не встаете? Что все это значитъ? Посмотрите на меня.

Гансъ повиновался, но что-то въ его взглядѣ не понравилось учителю, и тотъ въ свою очередь удивленно покачалъ головою.

— Вы больны, Гибенратъ?

— Нѣтъ, г. профессоръ.

— Садитесь, и приходите послѣ урока ко мнѣ.

Гансъ сѣлъ и нагнулся надъ Ливіемъ. Онъ бодрствовалъ и все понималъ, но въ то же время умственный взоръ его слѣдилъ за удаляющимися призраками, покуда тѣ не скрылись мало-по-

мглу въ облакѣ тумана. И тогда сейчасъ же голосъ учителя и говоръ въ классѣ—снова приблизились къ нему, сдѣлались вполнѣ реальными. Скамьи, парты, каѳедра—все было на своемъ мѣстѣ, товарищи такъ же сидѣли на мѣстахъ, и многіе изъ нихъ любопытно и дерзко на него косились. Это испугало Ганса. Великій Боже, что̀ случилось?

По окончаніи урока, учитель увелъ его въ свою комнату и сталъ разспрашивать. Что̀ же, въ дѣйствительности, съ нимъ было? Онъ не спалъ, такъ почему же онъ не всталъ, будучи вызванъ?

— Я и самъ не знаю.

— Быть можетъ, вы не слышали? А если слышали, то почему же не встали? У васъ были такіе странные глаза! О чемъ вы думали?

— Ни о чемъ. Я хотѣлъ встать.

— Почему же вы не встали? Вамъ было нехорошо?

— Кажется—нѣтъ. Я не знаю, что̀ было.

— У васъ болитъ голова? Нѣтъ? Хорошо, ступайте.

Послѣ обѣда его снова позвали въ дортуаръ, гдѣ уже были директоръ и старшій врачъ. Снова его разспрашивали, осматривали — и ничего не поняли. Врачъ добродушно усмѣхнулся и отнесся ко всему слегка. Мимолетная слабость, нѣчто вродѣ головокруженія. Нужно молодому человѣку почаще бывать на воздухѣ. Отъ головной боли онъ пропишетъ капли.

Съ этого дня Гансу приказано было ежедневно гулять послѣ обѣда цѣлый часъ, но Гейльнеру настрого запретили сопровождать его. Одинокая прогулка доставляла Гансу удовольствіе. Было начало весны и холмы покрывались блѣдно-зеленою волною пробивавшейся травки; деревья утрачивали свой мертвенный видъ. Въ прежніе годы Гансъ наблюдалъ пробужденіе весны, но по иному. Онъ распознавалъ почки растеній, породы возвращавшихся съ юга птицъ, а въ маѣ его тянуло на рыбную ловлю. Теперь онъ уже не разбирался въ подробностяхъ; онъ только созерцалъ общее обновленіе, вдыхалъ запахъ молодой листвы и бродилъ по полямъ. Но онъ скоро утомлялся, ему хотѣлось лежать, и ему постоянно мерещилось что-то иное, не имѣвшее ничего общаго съ окружающимъ: странные, нѣжные, легкіе сны на яву. Онъ ступалъ словно не по землѣ, вдыхалъ особый прозрачно-чистый воздухъ, напоенный мечтаніями. А иногда его кидало въ жаръ, и онъ ощущалъ неуловимое прикосновеніе мягкой ласкающей руки. При работѣ онъ долженъ былъ дѣлать страшное усиліе надъ собою и съ отчаяніемъ замѣчалъ, что память начинаетъ измѣнять ему. Взамѣнъ этого ему постоянно прихо-

дили на умъ различныя воспоминанія изъ прошлыхъ лѣтъ; онъ мысленно переживалъ эпизоды прошлогодняго экзамена или видѣлъ себя сидящимъ съ удочкою въ рукахъ на берегу рѣки.

Однажды вечеромъ, когда они гуляли вдвоемъ по темному дортуару, Гейльнеръ неожиданно спросилъ его: ухаживалъ ли онъ ранѣе за какою-нибудь дѣвушкою, и затѣмъ признался, что у него самого есть возлюбленная: онъ какъ-то поцѣловалъ ее въ сумеркахъ.

— Что̀ же она сказала?

— Ничего. Она просто убѣжала.

— А что̀ было потомъ?

— Потомъ? Ничего!

Онъ вздохнулъ, и Гансъ посмотрѣлъ на него, какъ на героя, побывавшаго въ очарованномъ мірѣ.

Дѣла въ школѣ шли все хуже и хуже, учителя стали коситься на Ганса, директоръ былъ мраченъ, одинъ лишь Гейльнеръ ничего не замѣчалъ; на зло запрещенію, онъ вздумалъ сопровождать Ганса на прогулку. Вскорѣ это открылось, и, оставивъ Ганса на этотъ разъ въ покоѣ, директоръ всею силою своего негодованія обрушился на главнаго грѣшника. Гейльнеръ дерзко возразилъ, что никто не имѣетъ права воспрещать ему видѣться съ его другомъ. Въ результатѣ его приговорили къ двухчасовому аресту, а на другой день оказалось, что Гейльнеръ исчезъ изъ семинаріи. Его дѣятельно принялись разыскивать, хотя никто не думалъ, чтобы онъ что-нибудь сдѣлалъ надъ собою. Къ вечеру объ исчезновеніи его дали знать мѣстной полиціи, а также отправили телеграмму его отцу. Подозрѣвали, что Гансу извѣстно объ этомъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ другимъ, но у того—потрясеннаго и перепуганнаго—явилось предчувствіе, что онъ уже не увидитъ своего друга. Измученный горемъ, онъ наконецъ заснулъ.

Въ то же время Гейльнеръ лежалъ въ двухъ миляхъ отсюда, въ лѣсочкѣ... Онъ не могъ заснуть, но любовался звѣздами, быстро несущимися облаками, и не думалъ о томъ, что̀ съ нимъ будетъ? Онъ вырвался изъ проклятаго монастыря и показалъ директору, что воля его—сильнѣе приказаній и запретовъ.

Его нашли только на третій день и передали съ рукъ на руки только-что пріѣхавшему отцу его. Учительскій совѣтъ потребовалъ, чтобы онъ извинился, но онъ не пожелалъ, и это переполнило чашу. Его исключили съ позоромъ, дозволивъ проститься съ Гансомъ лишь молчаливымъ пожатіемъ руки, и въ тотъ же вечеръ онъ, въ сопровожденіи отца, навсегда покинулъ семинарію.

Какъ прекрасна и назидательна была рѣчь директора, обращенная къ питомцамъ по случаю этого прискорбнаго событія! Зато отчетъ его, посланный высшему начальству, былъ составленъ въ значительно смягченномъ тонѣ. Семинаристамъ запретили переписываться съ этимъ чудовищемъ развращенности, но онъ и самъ не подавалъ признаковъ жизни. Что же касается Ганса, то учителя окончательно лишили его своего благоволенія, а директоръ глядѣлъ на него съ презрительнымъ состраданіемъ фарисея къ мытарю. Гибенратъ уже не существовалъ для него.

V.

Подобно сурку, питающемуся собственнымъ запасомъ жира, Гансъ поддерживалъ нѣкоторое время свое существованіе, благодаря пріобрѣтеннымъ ранѣе познаніямъ. Затѣмъ началось жалкое прозябаніе, прерываемое безсильными потугами и стараніями, безуспѣшность которыхъ была очевидна до смѣшного. Наконецъ, онъ добровольно прекратилъ свои муки, забросивъ Гомера съ Ксенофонтомъ, древне-еврейскій и алгебру. Онъ уже не волновался, видя свое постепенное паденіе въ глазахъ учителей: изъ хорошаго ученика онъ превратился въ удовлетворительнаго, затѣмъ—въ посредственнаго и наконецъ совсѣмъ сошелъ на нѣтъ. На упреки онъ съ нѣкотораго времени отвѣчалъ добродушно-покорною улыбкою. Видрихъ, недавно поступившій молодой учитель, былъ единственнымъ, кому эта улыбка причиняла истинное страданіе, и онъ старался бережно обходиться съ выбившимся изъ колеи мальчикомъ. Порою преподаватели, стараясь пробудить его самолюбіе, говорили:

— Если вы не спите,—быть можетъ, вы дадите себѣ трудъ перевести этотъ отрывокъ?

Директоръ возмущался. Онъ приписывалъ большое вліяніе своему взгляду, и выходилъ изъ себя, когда, въ отвѣтъ на его грозное вращаніе зрачками, Гансъ улыбался ему своею покорною улыбкой.

— Чтò за безпричинно глупая улыбка! Вамъ бы скорѣе плакать надо.

Бòльшее впечатлѣніе произвело на Ганса письмо отца, который съ ужасомъ умолялъ его „исправиться". Письмо его было собраніемъ всевозможныхъ ободрительныхъ и нравоучительныхъ словъ, какія только имѣлись въ его распоряженіи, но подъ ними угадывалось нѣчто жалостное, растрогавшее Ганса.

Всѣ эти преисполненные сознаніемъ долга руководители юношества, начиная съ Гибенрата-отца и кончая директоромъ и педагогами, видѣли въ Гансѣ дурной элементъ, нѣчто упорное и лѣнивое, что̀ необходимо было вернуть силою на правый путь. Никто,—исключая, быть можетъ, сострадательнаго молодого учителя,—не видѣлъ за безнадежною улыбкою на исхудаломъ лицѣ мальчика—погибающую душу, которая съ тоскою и отчаяніемъ оглядывается вокругъ, тщетно ища спасенія. И никто не подумалъ о томъ, что варварское честолюбіе отца и нѣсколькихъ учителей—довели до такого состоянія хрупкое, утонченное существо, душою котораго они такъ безцеремонно распоряжались. Почему въ самые чувствительные, опасные годы развитія его заставляли ежедневно работать до поздней ночи? Почему у него отняли его кроликовъ, съ умысломъ отстраняли его отъ товарищей, запретили ему рыбную ловлю и шумныя игры, оставивъ ему взамѣнъ всего этого лишь узкій, жалкій честолюбивый идеалъ? Почему даже послѣ экзамена ему не дали воспользоваться заслуженными имъ въ полной мѣрѣ каникулами? Въ началѣ лѣта докторъ снова заявилъ, что все дѣло—въ нервномъ ослабленіи, происходящемъ главнымъ образомъ отъ роста; пусть онъ лѣтомъ хорошенько отдохнетъ, выправится — нужно хорошее питаніе и прогулки. Къ сожалѣнію, это не осуществилось. За три недѣли до каникулъ, когда учитель во время послѣобѣденнаго урока сильно разбранилъ Ганса, тотъ началъ дрожать всѣми членами и затѣмъ съ нимъ сдѣлался сильнѣйшій истерическій припадокъ, послѣ котораго онъ полдня пролежалъ въ постели.

Черезъ нѣсколько дней, на урокѣ математики, Ганса вызвали къ доскѣ, для того, чтобы онъ начертилъ геометрическую фигуру. Онъ вышелъ впередъ, но у доски, почувствовавъ головокруженіе, выпустилъ мѣлъ и линейку изъ рукъ, а когда онъ нагнулся, чтобы поднять ихъ, онъ упалъ на колѣни и уже не могъ встать.

Главный врачъ разсердился на своего паціента, сыгравшаго съ нимъ такую штуку, и посовѣтовалъ пригласить доктора по нервнымъ болѣзнямъ.

— Въ концѣ концовъ онъ еще заболѣетъ пляскою св. Витта,— шепнулъ онъ директору, измѣнившему немилостивое выраженіе своего лица на отечески-сострадательное.

Онъ немедленно написалъ отцу Ганса, совѣтуя ему взять сына домой. Гнѣвъ директора смѣнился озабоченностью. Что̀ скажетъ высшее начальство, уже обезпокоенное происшествіемъ съ

Гейльнеромъ? Въ послѣдніе часы онъ просто ухаживалъ за Гансомъ, хорошо зная, что тотъ уже не вернется въ семинарію, такъ какъ даже въ случаѣ выздоровленія онъ оказался бы чересчуръ отставшимъ отъ товарищей. Правда, директоръ простился съ нимъ ободряющимъ словомъ: „до свиданія!“—но когда, войдя въ „Элладу“, онъ увидѣлъ три опустѣвшихъ мѣста, у него сдѣлалось нехорошо на душѣ, и ему съ трудомъ удалось подавить сознаніе того, что въ исчезновеніи двоихъ способныхъ юношей отвѣтственность падаетъ отчасти и на него. Въ качествѣ нравственно сильнаго человѣка, ему удалось, однако, изгнать изъ души это безплодное и мрачное сомнѣніе...

Передъ путешественникомъ исчезали между тѣмъ зданія монастыря съ ихъ башнями, воротами, церквами, исчезали холмы и лѣса, а вмѣсто нихъ начинали развертываться плодоносныя поля баденской пограничной стороны, а затѣмъ — и синевато-черныя горы Шварцвальда. Гансъ зажмурилъ глаза, при видѣ знакомыхъ картинъ; его страшилъ ожидавшій его дома пріемъ. Онъ вспомнилъ прошлогоднюю поѣздку на экзаменъ. Къ чему все это было? Онъ зналъ такъ же хорошо, какъ и директоръ, что онъ уже не вернется туда, что онъ навсегда покончилъ съ семинаріей и всѣми честолюбивыми мечтаніями. Но ему было какъ-то все равно. Его страшилъ только гнѣвъ отца, ожиданія котораго онъ обманулъ; ему хотѣлось отдохнуть, выплакаться, выспаться, и онъ боялся, что именно этого желаннаго покоя онъ и не найдетъ дома. Со страха онъ едва не пропустилъ своей станціи.

Тамъ ждалъ его отецъ. Послѣднее письмо директора превратило его гнѣвъ на сбившагося съ пути сына въ тревогу и безграничный испугъ. Онъ ожидалъ найти въ Гансѣ ужасающую перемѣну, и у него нѣсколько отлегло отъ сердца, когда онъ увидалъ, что тотъ—хотя исхудалый и блѣдный—еще стоитъ на собственныхъ ногахъ. Тѣмъ не менѣе, нервное разстройство, о которомъ писалъ врачъ, было для него настоящимъ пугаломъ: въ ихъ семьѣ никто не страдалъ нервами; надъ этой болѣзнью подсмѣивались или съ презрѣніемъ говорили о неврастеникахъ, какъ о кандидатахъ въ желтый домъ, и вдругъ его Гансъ оказывается однимъ изъ нихъ!

Въ первый день юноша порадовался тому, что его избавили отъ упрековъ, но мало-по-малу онъ сталъ замѣчать тревожные взгляды, исподтишка бросаемые на него отцомъ, фальшивый тонъ его голоса, полный скрытой боязни, и это еще болѣе смутило Ганса, внушивъ ему неопредѣленный ужасъ: онъ самъ сталъ пугаться своего болѣзненнаго состоянія.

Въ хорошую погоду онъ по цѣлымъ днямъ лежалъ въ лѣсу, и это приносило ему облегченіе. Слабый отблескъ былыхъ дѣтскихъ радостей озарялъ по временамъ его измученную душу: онъ любовался цвѣтами, жучками, наслаждался вѣяніемъ вѣтерка и пѣніемъ птицъ. По бо̀льшей же части онъ лежалъ съ тяжелою головою, ни о чемъ не думалъ или грезилъ на яву. Онъ часто видѣлъ во снѣ своего друга Гейльнера—мертвымъ, лежащимъ на носилкахъ; затѣмъ онъ превращался въ маленькаго Гиндингера. Иногда онъ гонялся за нимъ по лѣсу, но тотъ исчезалъ съ вызывающимъ, задорнымъ смѣхомъ. Грезились также Гансу неправильные глаголы и еврейскія буквы, которыхъ онъ никакъ не могъ запомнить; тщетно бился онъ надъ ними, и холодный потъ выступалъ у него на лбу, а директоръ говорилъ: „Нечего такъ глупо улыбаться! Вамъ болѣе пристало бы плакать"...

Въ общемъ, въ положеніи Ганса оказывалось мало перемѣны къ лучшему, и докторъ, когда-то лечившій его мать, молча покачивалъ головою, не выражая своего мнѣнія. Только теперь юноша спохватился, что у него совсѣмъ не осталось друзей; за послѣдніе годы онъ ни съ кѣмъ изъ товарищей близко не сходился и у него не было съ ними ничего общаго. Раза два ректоръ сказалъ ему мимоходомъ пару дружескихъ словъ; священникъ при встрѣчѣ ласково кивалъ ему, но теперь, когда онъ уже не былъ сосудомъ для вливанія премудрости, они перестали интересоваться имъ. Можетъ быть, было бы хорошо, если бы священникъ принялъ въ немъ участіе, но онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ пастырей, къ которымъ приходятъ люди въ часы испытаній. Гибенратъ-отецъ тоже не годился для роли утѣшителя, какъ онъ ни старался скрывать отъ Ганса свое глубокое разочарованіе...

Мальчикъ чувствовалъ себя одинокимъ и нелюбимымъ. По цѣлымъ часамъ онъ сидѣлъ на солнцѣ въ своемъ садикѣ или лежалъ въ лѣсу и предавался мечтаніямъ и мучительнымъ мыслямъ. Онъ совсѣмъ не могъ читать, у него ломило голову и глаза: изъ каждой книги глядѣли на него призраки пережитыхъ имъ за послѣднее время страховъ и мученій.

Однажды въ сумеркахъ онъ сидѣлъ въ саду подъ деревомъ и безотчетно напѣвалъ про себя старинный куплетъ, слышанный имъ еще въ школѣ:

„Ахъ, какъ я усталъ!
Какъ я утомился!
За душою—ни гроша,
Я всего лишился!"

Гансъ мурлыкалъ старинную мелодію, не замѣчая, что̀ поетъ, и повторялъ ее безъ конца. Отецъ его, стоявшій у окна, услышалъ пѣніе и почувствовалъ ударъ прямо въ сердце. Это безсмысленное, безотчетное пѣніе было для его сухой натуры яснымъ показателемъ неизлечимаго ослабленія умственныхъ способностей, и впервые онъ понялъ, что ученая карьера Ганса Гибенрата — безповоротно кончена.

О. Ч.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Зарница.

Wetterleuchten von M. Bern.

Лучъ зарницы вечерней сверкнулъ
Въ потемнѣвшей небесной лазури
И безшумно навѣкъ потонулъ
Въ черныхъ тучахъ разсѣянной бури.
    Послѣ блеска багряныхъ лучей
    Облáка выплывали темнѣе,
    Ночь дохнула еще холоднѣй
    И тьма ночи казалась чернѣе.
Такъ любовь дорогая твоя
Мнѣ зарницею въ жизни сверкнула,
Лишь на мигъ озарила меня
И во мракѣ давно потонула.

Н. К. Мельниковъ.

КИППСЪ

ИСТОРІЯ ПРОСТОЙ ДУШИ.

H. G. Wells. Kipps. The Story of a Simple Soul. London. 1906 (Macmillan et C°).

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

До тѣхъ поръ, пока онъ не выросъ, Киппсъ никакъ не могъ понять, почему онъ жилъ и воспитывался у своихъ дяди и тети, а не у родителей, какъ другіе мальчики. Онъ смутно припоминалъ какую-то другую обстановку въ другомъ городѣ, окно, выходившее на бѣлые дома, женщину, которая говорила съ какими-то забытыми людьми; женщина эта была его мать, — это онъ зналъ. Лицо ея онъ забылъ, но ясно помнилъ, что она носила бѣлое платье въ цвѣточкахъ, съ широкимъ бѣлымъ шолковымъ поясомъ. Съ этимъ были связаны смутныя воспоминанія о ея слезахъ, о томъ, что и онъ плакалъ вмѣстѣ съ нею. Какой-то страшный высокій человѣкъ говорилъ что-то очень громкимъ голосомъ, и это имѣло прямое отношеніе къ слезамъ матери. Киппсъ помнилъ также, что или до, или послѣ этихъ сценъ онъ подолгу глядѣлъ изъ оконъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ, сидя около высокаго человѣка и матери. Онъ зналъ также, — хотя никто не говорилъ ему, — что портретъ въ плюшевой рамкѣ, стоявшій на каминѣ въ гостиной, былъ портретомъ его матери. Но портретъ не вызывалъ въ немъ никакихъ воспоминаній: на немъ изображена была совсѣмъ молоденькая дѣвушка съ локонами; такихъ хорошенькихъ и молодыхъ матерей онъ никогда

не видалъ—а женщина въ бѣломъ платьѣ, смутно жившая въ его памяти, была не совсѣмъ такой, хотя онъ и не могъ сказать въ точности, чѣмъ она отличалась отъ этой. Можетъ быть, она была только постарше, или же только иначе одѣта и причесана.

Одно было несомнѣнно — что именно она передала его на попеченіе тети и дяди въ Нью-Ромнэ, съ опредѣленными инструкціями, уплативъ соотвѣтственную сумму денегъ за его содержаніе. Повидимому, она понимала всю важность общественныхъ перегородокъ,—т.-е. того, чему суждено было сыграть потомъ большую роль въ жизни Киппса. Она не хотѣла, чтобы онъ учился въ коммунальной школѣ, какъ „простыя дѣти", опредѣлила его въ частную школу въ Гастингсѣ, въ „академію для дѣтей средняго класса". Ученики этой школы носили особаго фасона шляпы съ плоскими краями и на ихъ внѣшности былъ нѣкоторый отпечатокъ хорошаго тона, причемъ плата за ученіе была необыкновенно дешевая. Мать Киппса, повидимому, хотѣла сдѣлать все, что только было возможно для будущаго благополучія сына, и готова была для него на расходы, превышавшіе ея средства, какъ будто бы сынъ ея принадлежалъ къ болѣе высокому кругу, чѣмъ она сама. Она посылала ему отъ времени до времени деньги на карманные расходы, когда онъ поступилъ въ школу въ Гастингсѣ, но ее самое онъ больше никогда не видалъ.

Дядя и тетя Киппса были уже люди пожилые, когда мальчикъ попалъ къ нимъ. Для него они были сначала смутными фигурами на фонѣ привычныхъ обиходныхъ предметовъ въ домѣ, на дворѣ и на улицѣ, гдѣ стоялъ ихъ домикъ. Жизнь его проходила главнымъ образомъ въ стѣнахъ дома, гдѣ онъ зналъ каждый уголокъ; у него были тамъ любимыя мѣстечки, куда онъ забивался, забывая о всемъ внѣшнемъ мірѣ. Лавку дяди и тети, въ которую вела внутренняя дверь изъ жилыхъ комнатъ, онъ не такъ хорошо изучилъ: это былъ запретный для него міръ. Но все-таки онъ какъ-то умудрялся знать все, что тамъ дѣлалось.

Дядя и тетя были вообще всевластными богами міра, въ которомъ проходило дѣтство Киппса; подобно богамъ древняго міра, они тоже иногда спускались къ простымъ смертнымъ, муча ихъ своими властными приказаніями и чрезмѣрно строгими карами. Къ несчастью, приходилось также подниматься къ нимъ на Олимпъ и пребывать въ ихъ близости за обѣденнымъ столомъ. Нужно было читать молитву, держать ложку и вилку совершенно нелѣпымъ, неудобнымъ образомъ—только потому, что такъ „пола-

-талось"; нельзя было ѣсть „слишкомъ скоро" даже сласти. При малѣйшемъ уклоненіи отъ правилъ, тетя больно ударяла по пальцамъ,—а между тѣмъ дядя всегда доѣдалъ остатки соуса ножомъ. Или же иногда, когда мальчикъ предавался самымъ любимымъ играмъ, вдругъ появлялся съ трубкой въ зубахъ дядя—казалось, что онъ былъ гдѣ-то совсѣмъ далеко—и поднималъ неожиданный крикъ: „Да что этотъ дрянной мальчишка затѣялъ, скажите на милость!"—восклицалъ онъ и разстраивалъ игру. Или же у окна или въ дверяхъ появлялась тетя и превращала самую интересную бесѣду съ дѣтьми, которыя по какимъ-то невѣдомымъ причинамъ считались „неподходящей компаніей" для Киппса. Боги выходили почему-то изъ себя при малѣйшемъ шумѣ: если Киппсъ выбивалъ мелодію пальцемъ по подносу съ чайнымъ сервизомъ, или трубилъ въ кулакъ, или свисталъ въ ключъ, или побрякивалъ игрушечными жестяными ведрами въ лавкѣ, или барабанилъ по окну—что̀ можетъ быть невиннѣе этого? Иногда, впрочемъ, они становились добрѣе и давали ему разбитыя игрушки,—въ ихъ лавкѣ продавались, кромѣ всего прочаго, и игрушки. А все прочее заключалось въ книгахъ для чтенія, фотографическихъ снимкахъ мѣстныхъ видовъ, въ фарфоровой и стеклянной посудѣ. Можно было также купить въ лавкѣ письменныя принадлежности, галантерейный товаръ, а въ окнахъ и въ разныхъ углахъ разложены были плетеныя подстилки для половъ, табуреты, рамки, каминные экраны, удочки, купальные костюмы, палатки для сидѣнія на морскомъ берегу—и множество другихъ предметовъ, необыкновенно привлекательныхъ для дѣтскихъ глазъ и пальцевъ. Однажды тетя дала ему трубу, взявъ съ него слово, что онъ не будетъ трубить на ней, но потомъ все-таки отняла ее. Кромѣ того, тетка заставляла его учить катехизисъ и читать безконечныя молитвы по воскресеньямъ.

По мѣрѣ того какъ онъ подросталъ, дядя и тетя старѣли, и представленіе о нихъ незамѣтно мѣнялось у него изъ году въ годъ. Когда онъ выросъ, ему казалось, что они всегда были такими, какими онъ видѣлъ ихъ въ старости. Тетка представлялась ему всегда очень худой, съ слегка трясущейся головой, а дядя—плотнымъ старикомъ съ тройнымъ подбородкомъ и съ оторванными пуговицами на сюртукѣ. Они никогда не ходили въ гости, и у себя никого не принимали, такъ какъ относились съ недовѣріемъ къ сосѣдямъ и ко всѣмъ людямъ вообще. Они сторонились отъ „низшихъ" и относились злобно къ „зазнавшимся", т.-е. къ стоящимъ выше ихъ въ мѣстной іерархіи; поэтому они „держались особнякомъ", согласно національному идеалу англи-

чанъ. У мальчика тоже не было бы товарищей, если бы онъ не грѣшилъ иногда противъ заповѣди повиновенія. Онъ былъ очень общителенъ по природѣ. Выходя на главную улицу, всегда окликалъ проѣзжающихъ мимо велосипедистовъ, показывалъ языкъ дѣтямъ Кводлингамъ за спиной ихъ няни и вошелъ въ тѣсную дружбу съ Сидомъ Порникомъ, сыномъ сосѣда лавочника. Эта дружба, съ значительнымъ перерывомъ по срединѣ, длилась потомъ всю его жизнь.

Лавочникъ Порникъ былъ, по мнѣнію старика Киппса, несноснѣйшимъ существомъ: онъ не пилъ спиртныхъ напитковъ, принадлежалъ къ сектѣ методистовъ, вѣчно пѣлъ гимны и вообще являлся полной противоположностью идеаловъ стараго Киппса, насколько ихъ понималъ маленькій Киппсъ. Прежде всего, у Порника былъ зычный голосъ, и старикъ Киппсъ выходилъ изъ себя, когда сосѣдъ на весь домъ звалъ сына; кромѣ того, старика Киппса раздражало то, что по воскресеньямъ вся семья Порниковъ громко пѣла хоромъ гимны, что Порникъ разводилъ грибы, что въ воскресенье послѣ обѣда онъ громко стучалъ молоткомъ въ стѣну, раздѣлявшую ихъ два дома, считая ее повидимому своей собственностью, что онъ ходилъ въ тяжелыхъ сапогахъ внизъ и вверхъ по лѣстницѣ, не обитой ковромъ, что у него была черная борода, что онъ старался завести пріятельскія отношенія съ сосѣдомъ, и еще множество другихъ причинъ. Словомъ, старикъ Киппсъ очень не любилъ сосѣда. Больше всего Порникъ раздражалъ его своимъ ковромъ передъ дверью въ лавку. Старикъ Киппсъ никогда не выбивалъ свой коверъ, предпочитая не развѣвать по вѣтру пыли. А Порникъ дѣлалъ это очень часто, и Киппсъ увѣрялъ, что онъ всегда выжидаетъ такого направленія вѣтра, чтобы вся пыль летѣла въ лавку сосѣда и садилась тамъ на всѣ предметы. Столкновенія изъ-за этого доходили иногда до крупныхъ ссоръ.

Ихъ ссоры и послужили страннымъ образомъ началомъ дружбы между Киппсомъ и Сидомъ Порникомъ. Однажды оба мальчика стояли у воротъ передъ домомъ доктора и заспорили о козахъ, гулявшихъ тамъ по двору, о томъ, какой изъ козловъ сильнѣе другого. Въ пылу спора, Киппсъ сказалъ, что отецъ Сида—несноснѣйшее существо. Сидъ сталъ возражать, но Киппсъ настаивалъ на своемъ и сослался на авторитетъ дяди, сказавшаго это. Сидъ еще болѣе взбѣсился и пригрозилъ Киппсу, что онъ повалитъ его на земь одной рукой. Киппсъ выразилъ сомнѣніе, хотя и безъ внутренней увѣренности. Они продолжали препираться, но, вѣроятно, не перешли бы отъ словъ къ дѣлу, еслибы

мимо нихъ не прошелъ мальчикъ изъ мясной. Онъ сказалъ, что необходимо провѣрить заявленіе Сида. Поддавшись его убѣжденіямъ, мальчики сбросили куртки и начали правильную борьбу, длившуюся до тѣхъ поръ, пока мальчикъ изъ мясной рѣшилъ наконецъ, что ему пора отнести мясо покупательницѣ. Тогда, слѣдуя опять-таки его указаніямъ, борцы протянули другъ другу руки и помирились. Затѣмъ, со слѣдами слезъ на щекахъ и возбужденные похвалой мальчика изъ мясной (онъ ихъ назвалъ молодцами), они усѣлись въ самомъ концѣ забора, вытерли другъ у друга кровь, пролитую въ честномъ бою, и выразили взаимное уваженіе другъ къ другу. У обоихъ были разбиты до крови носы и подбиты синяки подъ глазами, и больше драться имъ не было охоты. Съ этихъ поръ они стали друзьями, никогда не спорили изъ-за родителей, не состязались въ силѣ своихъ кулаковъ. Еслибы нужно было еще какое-нибудь подкрѣпленіе ихъ дружбы, то такою оказалась бы ихъ общая нелюбовь къ старшему изъ Кводлинговъ. Онъ говорилъ пришепетывая, носилъ смѣшную соломенную шляпу, и у него было противное самодовольное румяное лицо. Они дразнили его, бросали въ него камнями, и когда онъ грозилъ пожаловаться на нихъ, они тѣмъ яростнѣе нападали на него и обращали его въ бѣгство. Потомъ они отбили голову у куклы сестры Сида, Анни Порникъ. Она съ плачемъ побѣжала домой, и когда Киппсъ прошелъ потомъ мимо ихъ лавки, м-ссъ Порникъ высунула быстро голову изъ двери и посмотрѣла на него, сердито грозя ему пальцемъ.

II.

Школа, которую избрала для сына исчезнувшая мать Киппса— Cavendish Academy—занимала старый домъ въ Гастингсѣ, вдали отъ моря. Большинство воспитанниковъ были сыновья родителей, живущихъ въ Индіи или въ другихъ, не менѣе отдаленныхъ мѣстахъ, откуда они не могли слѣдить за воспитаніемъ своихъ сыновей въ Гастингсѣ. Или же туда опредѣляли своихъ сыновей вдовы, которымъ хотѣлось, чтобы дѣти ихъ получили чуточку повыше воспитаніе, чѣмъ въ коммунальной школѣ—и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы это стоило не очень дорого. Другихъ же дѣтей посылали въ эту школу для доказательства того, что ихъ родители или опекуны принадлежатъ къ хорошему обществу.

Начальникъ школы былъ худой, высокій человѣкъ, очень раздражительный вслѣдствіе своего желудочнаго страданія. На до-

щечкѣ, прибитой къ дверямъ, значилось золотыми буквами: „Джорджъ Гарденъ Вудроу, д-ръ естественныхъ наукъ", — что доказывало, что онъ заплатилъ нѣсколько гиней за какой-то дипломъ. Школьная комната съ бѣлыми выштукатуренными стѣнами, старыми скамьями и потертой классной доской имѣла очень унылый видъ. На одной стѣнѣ висѣли двѣ желтыя устарѣвшія карты — одна Африки, другая Вильтшайра—онъ досталъ ихъ гдѣ-то на распродажѣ за дешевую цѣну. Въ его собственномъ кабинетѣ были еще другія карты и глобусы, но ихъ никто изъ учениковъ никогда не видалъ. А въ стеклянномъ шкафу въ корридорѣ стояло на нѣсколько шиллинговъ трубочекъ и химическихъ препаратовъ, треножникъ, стеклянная реторта и испорченная Бунзенова горѣлка—въ доказательство того, что „лабораторія", упомянутая въ объявленіи, дѣйствительно существуетъ.

Въ этомъ объявленіи, написанномъ очень широковѣщательно, но несовсѣмъ правильнымъ англійскимъ языкомъ, говорилось, что школа даетъ главнымъ образомъ солидную подготовку для коммерческой дѣятельности, но смутно намекалось и на подготовленіе къ военной, флотской и статской государственной службѣ. Упоминалось также въ очень туманныхъ выраженіяхъ объ успѣхахъ учениковъ школы на разныхъ конкурсныхъ экзаменахъ, причемъ, однако, Вудроу заявлялъ, что онъ—противъ „натаскиванія". Затѣмъ слѣдовало заявленіе о томъ, что въ число предметовъ преподаванія входятъ „искусство, новые языки, техника и естественныя науки". Большое вниманіе удѣлялось, судя по объявленію, развитію нравственныхъ принциповъ и религіозному преподаванію, „которое теперь въ загонѣ даже въ школахъ, пользующихся громкой репутаціей".—„Вотъ это непремѣнно подѣйствуетъ",—подумалъ м-ръ Вудроу, составляя объявленіе, и дѣйствительно, въ соединеніи съ аристократической формой шляпъ, заботы о религіи привлекали многихъ. Въ объявленіи обращалось вниманіе также на „материнскія попеченія" объ ученикахъ м-ссъ Вудроу; въ дѣйствительности же это была увядшая женщина съ грустнымъ лицомъ; она была такъ возвышенна, что презирала заботы о ѣдѣ. Объявленіе заканчивалось намѣренно-туманной фразой: „Ѣда въ неограниченномъ количествѣ и собственное молоко и продукты".

Въ воспоминаніяхъ Киппса объ этой школѣ преобладало впечатлѣніе затхлости, полнаго хаоса въ ученьи и скучнаго долбленія непонятныхъ правилъ. Онъ вспоминалъ книги въ разорванныхъ переплетахъ, чернильныя пятна повсюду, потертыя грифельныя доски, игру въ бабки, пинки и удары, мелкія придирки,

несправедливые выговоры и наказанія, когда м-ръ Вудроу былъ не въ духѣ. Ученіе заключалось главнымъ образомъ въ заучиваніи географическихъ названій, причемъ иногда Вудроу въ припадкѣ энергіи настаивалъ на томъ, чтобы отыскивать всѣ эти мѣста на картѣ. А одинъ разъ—только одинъ единственный—состоялся урокъ химіи, приведшій всѣхъ въ неописуемое волненіе: показывали стеклянные сосуды необыкновенной формы, распространился запахъ гнилыхъ яицъ, что-то въ чемъ-то кипѣло, потомъ лопнуло. М-ръ Вудроу произнесъ совершенно отчетливо,—они всѣ это припоминали потомъ въ дортуарѣ:—„Чортъ его побери!“ Послѣ этого онъ былъ еще болѣе строгъ съ учениками на слѣдующемъ урокѣ.

Но среди воспоминаній о тусклыхъ школьныхъ дняхъ были и яркія пятна—воспоминаніе о каникулахъ, когда Киппсъ проводилъ почти все время съ Сидомъ Порникомъ, несмотря на продолжавшуюся ссору между ихъ родителями. Это бывала пора „разбойничьихъ набѣговъ“ вдоль берега, осады воображаемыхъ крѣпостей, приключеній, связанныхъ съ вѣтряными мельницами, экскурсій къ далекому маяку. Мальчики чувствовали себя совершенно отдѣленными отъ дѣйствительности, мысленно преображаясь въ вооруженныхъ разбойниковъ съ той минуты, какъ уходили изъ дому. Небо въ эти дни было или сіяющее, лѣтнее, или покрытое грозными тучами во время весеннихъ и осеннихъ бурь, но всегда одинаково сулило радость маленькимъ „искателямъ приключеній“. А какая радость была купаться въ морѣ — тетя не позволяла этого, но ее можно было и не слушаться,—какъ вкусно было ѣсть взятый съ собой—съ разрѣшенія тети—холодный обѣдъ! А въ перспективѣ, вмѣсто мелкихъ придирокъ м-ра Вудроу, предстояло возвращеніе домой, къ тетѣ, очень доброй, несмотря на свое вѣчное командованіе. Она хоть и заставляла его каждое воскресенье читать катехизисъ, но кормила превкусными обѣдами и ужинами. И дядя въ концѣ концовъ былъ тоже ничего. Онъ былъ очень вспыльчивъ, но при своей толщинѣ не любилъ трогаться съ мѣста, и потому отъ него всегда легко было удрать.

Но главная прелесть каникулъ была свобода; это больше всего отличало ихъ отъ школьныхъ будней. Потомъ Киппсъ съ нѣжностью, почти со слезами вспоминалъ объ этой порѣ дѣтства, въ которой было столько свободы, столько простора, а также красоты, которой онъ тогда не сознавалъ.

Самымъ яркимъ и свѣтлымъ было послѣднее изъ воспоминаній дѣтства—и въ центрѣ его былъ образъ маленькой дѣвочки:

въ послѣднія каникулы передъ тѣмъ, какъ Киппсъ поступилъ въ большой магазинъ для практическаго обученія торговому дѣлу, онъ сдѣлалъ нѣсколько робкихъ шаговъ къ таинственному алтарю любви. Шаги были очень робкіе, потому что Киппсъ отъ природы былъ сдержанъ и чувства его оставались большей частью въ состояніи невысказываемыхъ порывовъ. Предметомъ его первыхъ сердечныхъ переживаній была та Анни Порникъ, у которой онъ и Сидъ сломали куклу въ раннемъ дѣтствѣ.

III.

Переговоры о поступленіи Киппса ученикомъ въ магазинъ мануфактурныхъ и галантерейныхъ товаровъ уже начались и соглашеніе уже состоялось, когда Киппсъ впервые замѣтилъ особый блескъ въ глазахъ Анни Порникъ. Занятія въ гастингской „академіи“ кончились навсегда, и сознаніе, что онъ уже никогда больше не будетъ ходить въ школу, преисполняло радостью сердце Киппса. Въ послѣдній день, какъ полагалось по традиціи, онъ „уплатилъ долгъ чести“, т.-е. отколотилъ всѣхъ своихъ школьныхъ враговъ, роздалъ неисписанныя тетрадки, книги, коллекцію бабокъ и свою форменную шляпу тѣмъ изъ мальчиковъ, съ которыми дружилъ, написалъ въ нѣсколько альбомовъ: „Помни Артура Киппса“, тайкомъ вырѣзалъ свое имя на стѣнѣ спальни и разбилъ окно въ кладовой. Онъ часто говорилъ товарищамъ, что будетъ капитаномъ, и даже самъ этому вѣрилъ. Но теперь онъ вернулся домой, и всякая мысль о дальнѣйшемъ ученіи, для поступленія во флотъ или куда бы то ни было, была сразу оставлена.

На слѣдующій день послѣ возвращенія домой, Киппсъ всталъ еще до шести часовъ и вышелъ во дворъ. Было яркое солнечное утро. Онъ принялся свистать особымъ способомъ на трехъ высокихъ нотахъ. Этотъ звукъ почему-то считался у мальчиковъ гастингской школы, а также у Киппса и Сида, подлиннымъ военнымъ кличемъ краснокожихъ. Потомъ Киппсъ принялъ равнодушный видъ, точно не онъ свисталъ, въ виду неладовъ между дядей и Порниками, и сосредоточился на внимательномъ и восторженномъ разглядываніи мусорнаго ящика, къ которому дядя придѣлалъ, за его отсутствіе, новую крышку. Но, конечно, эта слишкомъ наивная хитрость не обманула бы и только-что оперившагося птенца.

Со двора Порниковъ раздался отвѣтный свистъ. Тогда Киппсъ

запѣлъ: „Въ восемь часовъ—тра-ла-ла—въ переулкѣ за церковью, тра-ла-ли“. „Тра-ла-ла“ и „тра-ла-ли“ вставлялось для того, чтобы сдѣлать фразу непонятной для непосвященныхъ. Для большей конспираціи оба пѣвца, исполнивъ дуэтъ, просвистали еще разъ военный кличъ и, издавъ послѣдній, самый высокій звукъ, побѣжали каждый домой, разводить огонь въ кухнѣ и выполнять другія домашнія работы, какъ полагается мальчикамъ, пріѣхавшимъ домой на каникулы.

Въ восемь часовъ Киппсъ сидѣлъ на освѣщенномъ солнцемъ заборѣ въ концѣ длинной улицы, которая вела къ морю. Онъ раскачивалъ ноги и постукивалъ въ тактъ сапогами, изо всѣхъ силъ насвистывая при этомъ какую-то необыкновенно чувствительную мелодію. Вдругъ у стѣны церковнаго кладбища появилась дѣвочка въ коротенькомъ платьѣ; у нея были темно-каштановые волосы, свѣжій розовый цвѣтъ лица и темно-синіе глаза. Она очень выросла и была выше Киппса. Онъ едва узналъ ее—до того она перемѣнилась съ послѣднихъ каникулъ. Впрочемъ, онъ даже не помнилъ, видѣлъ ли онъ ее тогда. Теперь онъ почувствовалъ нѣкоторое волненіе при ея появленіи. Онъ пересталъ свистать и взглянулъ на нее, но сконфузился и не рѣшился заговорить.

— Онъ не можетъ придти,—сказала Анни, смѣло подходя къ нему.—Онъ занятъ.

— Сидъ не можетъ придти? Это почему?

— Отецъ велѣлъ ему сметать пыль въ лавкѣ. Отецъ сегодня очень сердитый.

— Вотъ тебѣ нà!

Наступило молчаніе. Киппсъ поглядѣлъ на Анни и опять не могъ рѣшиться заговорить. Она первая прервала молчаніе.

— Ты больше не пойдешь въ школу?—спросила она и, получивъ односложный утвердительный отвѣтъ, прибавила:—Сидъ тоже кончилъ ученіе.

Разговоръ не клеился. Анни положила руки на низкій заборъ и стала прыгать, дѣлая гимнастическія упражненія.

— Ты хорошо бѣгаешь въ запуски?—спросила она.

— Недурно. Тебя-то, во всякомъ случаѣ, обгоню.

— Хочешь, попробуемъ?

— Куда бѣжать?—спросилъ Киппсъ.

Анни подумала и указала на дерево, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ. Киппсъ принялъ вызовъ, великодушно позволилъ дѣвочкѣ сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы уравнять ихъ шансы, и они пустились бѣжать. Они прибѣжали къ дереву оба вмѣстѣ, раскраснѣвшись и едва дыша.

— Я первая!—крикнула Анни, откидывая рукой волосы съ лица.

— Нѣтъ, я выигралъ!—заспорилъ Киппсъ. Они стали препираться, но очень миролюбиво.

— Давай, побѣжимъ еще разъ,—сказалъ Киппсъ.

Они повернули къ забору, чтобы вторично помѣряться силами.

— Ты, однако, молодецъ,—сказалъ по дорогѣ Киппсъ.—Я вѣдь отлично бѣгаю, а ты не отставала.

Анни энергично отряхнула волосы.

— Ты далъ мнѣ нѣсколько шаговъ впередъ,—честно созналась она.

Въ эту минуту они замѣтили приближавшагося къ нимъ Сида.

— Чего ты тутъ застряла?—спросилъ Сидъ, обращаясь къ Анни безцеремоннымъ братскимъ тономъ.—Ужъ полчаса прошло. Комнаты не убраны. Отецъ сердится, и тебѣ достанется отъ него.

Анни повернулась, чтобы идти домой.

— А когда же бѣжать?—спросилъ Киппсъ.

— Что̀ это значитъ?—спросилъ Сидъ съ явнымъ возмущеніемъ.—Неужели ты бѣгалъ съ ней взапуски?

Анни быстро обѣрнулась къ Киппсу, поглядѣла ему въ глаза и быстро побѣжала домой. Киппсъ проводилъ ее глазами, потомъ обернулся къ Сиду.

— Я, конечно, пустилъ ее на много впередъ,—сказалъ онъ, какъ бы извиняясь. — Это вовсе не былъ настоящій бѣгъ взапуски.

Больше ничего не было сказано по этому поводу, но Киппсъ былъ разсѣянъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, и что̀-то тревожное проснулось въ его душѣ.

IV.

Они стали обсуждать вопросъ, какъ двумъ такимъ храбрымъ воинамъ лучше всего использовать ясное лѣтнее утро. Ясно, что путь имъ лежалъ къ морю.

— На берегъ выкинуло вчера потопленный корабль, — сказалъ Сидъ.—Отъ него страшно несетъ гнилью.

— Гнилью?

— Прямо-таки дурно дѣлается. Тамъ прогнившая пшеница.

Они заговорили о всякаго рода остаткахъ послѣ кораблекрушеній, и рѣчь зашла о броненосцахъ, войнахъ и тому по-

добныхъ чисто мужскихъ интересахъ. По дорогѣ къ морю Киппсъ замѣтилъ между прочимъ:

— Знаешь, сестра твоя — молодецъ.

— Да, ничего дѣвчонка,—скромно отвѣтилъ Сидъ и заговорилъ о чемъ-то другомъ, болѣе интересномъ.

На берегу, дѣйствительно, лежали остатки корабля съ прогнившимъ грузомъ пшеницы. Запахъ гнили былъ ужасающій, но мальчикамъ это было нà-руку, такъ какъ никто не оспаривалъ у нихъ ихъ добычи. Они захватили ее силой, по предложенію Сида, и имъ, конечно, пришлось тотчасъ же защищать присвоенную собственность отъ несмѣтныхъ полчищъ воображаемыхъ туземцевъ. Они отогнали ихъ, наконецъ, палками и громкими криками. Затѣмъ, по предложенію Сида, они сѣли на завоеванный корабль, отважно двинулись на встрѣчу соединеннымъ силамъ французско-нѣмецкаго и русскаго флота, и разбили всѣхъ нà-голову. Послѣ того, уже подплывая къ берегамъ, они потерпѣли кораблекрушеніе въ страшную бурю. Корабль ихъ былъ разбитъ, и они долго носились по волнамъ на уцѣлѣвшихъ его частяхъ.

Всѣ эти великія событія вытѣснили на время Анни изъ памяти Киппса. Но послѣ того какъ они уже долго носились по волнамъ безъ пищи и воды и глядѣли вдаль блуждающими глазами, тщетно высматривая какое-нибудь приближающееся судно, образъ дѣвочки снова мелькнулъ въ памяти одного изъ погибающихъ моряковъ.

— Недурно, однако, имѣть сестру,—сказалъ Киппсъ.

Сидъ повернулся къ нему, задумался, потомъ сплюнулъ въ сторону особымъ образомъ, какъ дѣлаютъ настоящіе моряки, жующіе табакъ, и сказалъ:

— Вздоръ! Сестры—неинтересный народъ. Вотъ барышни, это—дѣло другое.

— А сестры развѣ не барышни?

— Нѣ-ѣтъ,—сказалъ Сидъ съ невыразимымъ презрѣніемъ.— Впрочемъ, конечно, я не подумалъ. А скажи,—прибавилъ онъ, опять сплюнувъ, какъ морякъ,—ты еще ни за кѣмъ не ухаживалъ?

Киппсъ долженъ былъ сознаться, что нѣтъ, и почувствовалъ огромное превосходство Сида, очевидно уже опытнаго въ этомъ отношеніи.

— Знаешь, за кѣмъ я ухаживаю?—спросилъ Сидъ и, получивъ отрицательный отвѣтъ, почувствовалъ сильное желаніе подѣлиться съ другомъ своей тайной, которой онъ очень гордился. Взявъ съ Киппса торжественное обѣщаніе хранить его призна-

ніе въ секретѣ, — Киппсъ поклялся „молчать до могилы“, — онъ разсказалъ, что влюбленъ въ Модъ Чартерисъ, восемнадцатилѣтнюю дочь священника изъ Сентъ-Бавона. Кромѣ всѣхъ другихъ очарованій, у нея былъ еще велосипедъ. Лицо Киппса изобразило величайшее преклоненіе передъ Сидомъ, и онъ даже позволилъ себѣ усомниться въ томъ, что это дѣйствительно истина.

— А... она... знаетъ о твоей любви?—спросилъ онъ, глядя ему изумленно въ лицо и видя передъ собой какой-то новый міръ.

Сидъ густо покраснѣлъ и лицо его сдѣлалось строгимъ, почти суровымъ.

— Я готовъ умереть за эту дѣвушку,—сказалъ онъ.—Я бы исполнилъ все, что̀ бы она ни потребовала отъ меня,—сказалъ Сидъ.—Все, что̀ угодно. Скажи она, чтобы я бросился въ море, я бы бросился.—И взглянувъ Киппсу прямо въ глаза, онъ повторилъ:—Да, бросился бы.

Они оба замолчали, задумались, и потомъ Сидъ снова заговорилъ о любви. Киппсъ самъ тоже уже думалъ о любви, но ни съ кѣмъ еще не дѣлился своими мыслями. Многія стороны жизни открылись ему подъ кровомъ м-ра Вудроу, но о любви онъ тамъ ничего не узналъ. А Сидъ былъ мальчикъ съ горячимъ сердцемъ и радъ былъ теперь поговорить о своихъ чувствахъ съ другомъ, видимо понимавшимъ его порывы. Онъ вынулъ изъ кармана и показалъ Киппсу книгу—повѣсть, которая, очевидно, содѣйствовала пробужденію его сердечной жизни. Онъ далъ книжку Киппсу, обративъ его вниманіе на то, что герой повѣсти, нѣкій баронъ, удивительно какъ похожъ на него, Сида, по многимъ чертамъ характера. Баронъ этотъ былъ человѣкъ съ вулканическими страстями, которыя онъ скрывалъ подъ маской „ледяного цинизма“. Самое бо̀льшее, что̀ онъ себѣ позволялъ, когда въ сердцѣ его бушевали страсти, это—скрежетать зубами, и Киппсъ, дѣйствительно, замѣтилъ теперь, что Сидъ тоже, отъ времени до времени, скрежещетъ зубами. Они прочли вмѣстѣ нѣсколько страницъ, потомъ Сидъ снова заговорилъ о любви. Любовь онъ понималъ какъ нѣчто чрезвычайно возвышенное, состоящее изъ жажды подвиговъ, но въ то время какъ онъ говорилъ туманныя слова, Киппсъ представлялъ себѣ личико дѣвочки съ раскраснѣвшимся лицомъ и откинутыми назадъ волосами.

Такъ они готовились къ жизни, сидя на почернѣвшихъ доскахъ разбитаго корабля, на которомъ люди жили и умерли; такъ, глядя на море, они говорили о другомъ морѣ, по которому имъ предстояло скоро начать плаваніе.

Сидъ пересталъ говорить и снова принялся читать. Но Киппсъ

не умѣлъ читать такъ скоро, какъ онъ, и не хотѣлъ сознаться, что уступаетъ въ бѣглости чтенія Сиду, который учился въ коммунальной школѣ. Онъ, поэтому, бросилъ читать и сталъ мечтать вслухъ.

— Я бы тоже хотѣлъ ухаживать за кѣмъ-нибудь—имѣть подругу, съ которой можно говорить и все такое...

Они увидѣли въ это время плывущій по водѣ мѣшокъ, и это отвлекло наконецъ ихъ мысли отъ таинственнаго вопроса о любви. Они стали бомбардировать мѣшокъ камнями и вытащили его искусными маневрами на берегъ, увѣренные, что въ ихъ рукахъ теперь ключъ къ какой-то романтичной тайнѣ. Но въ мѣшкѣ оказалась мертвая кошка. Наконецъ они почувствовали голодъ и направились домой обѣдать. Весь обратный путь они шли молча, погруженные каждый въ свои мысли.

V.

Воображеніе Киппса сильно разгорѣлось отъ разговоровъ про любовь, и когда послѣ обѣда онъ встрѣтилъ Анни Порникъ на улицѣ, онъ совсѣмъ иначе поздоровался съ нею, чѣмъ при прежнихъ встрѣчахъ. Пройдя дальше, и она, и онъ обернулись назадъ и поймали на этомъ другъ друга. Киппсу очень захотѣлось, чтобы Анни была его подругой.

Потомъ вниманіе его было отвлечено локомобилемъ, который провозили по улицѣ, а послѣ того онъ ужиналъ съ аппетитомъ. Но когда онъ легъ спать, то чувство опять нахлынуло на него волной, и онъ тихо прошепталъ про себя:

— Я люблю Анни Порникъ!

Ему снилось, что онъ бѣгаетъ взапуски съ Анни, что они сидятъ вмѣстѣ на разбитомъ кораблѣ и что волосы падаютъ ей на лицо. Такъ они все сидятъ на разбитомъ кораблѣ, потомъ бѣгаютъ взапуски и очень, очень любятъ другъ друга. И ѣдятъ они только шоколадъ, финики и жареныя рыбки — такія, какъ тетя дала къ ужину.

На слѣдующее утро Киппсъ услышалъ пѣніе Анни изъ кухни Порниковъ, и рѣшилъ признаться ей въ своихъ чувствахъ. Подъ вечеръ того же дня, онъ встрѣтилъ ее у церкви, и хотѣлъ сказать ей очень много, но почему-то не рѣшался. Вмѣсто разговоровъ, они побѣжали вмѣстѣ, ловя жуковъ, и опять добѣжали до своего забора въ концѣ улицы. Анни сѣла на заборъ. Лицо ея раскраснѣлось и глаза блестѣли. Наступило молчаніе, и Киппсъ

почувствовалъ, что теперь непремѣнно долженъ сказать ей о своей любви.

— Анни,—сказалъ онъ,—я люблю тебя. Хочешь быть моей подругой?..

Анни не представилась удивленной. Она только задумалась на минутку, глядя Киппсу въ лицо, и сказала:

— Хорошо, Арти. Я согласна.

— Чудесно!—сказалъ Киппсъ, едва дыша отъ волненія.— Значитъ, рѣшено?

— Да,—сказала Анни.

Что-то странное какъ бы стало между ними въ эту минуту, и они не могли уже свободно взглянуть другъ другу въ лицо.

— Посмотри, что̀ за прелесть! — вдругъ вскрикнула Анни, вскочила и кинулась за жукомъ, который прожужжалъ у самаго ея лица. Они оба снова превратились въ дѣтей...

Ихъ новыя отношенія очень стѣсняли ихъ сначала; въ теченіе нѣсколькихъ дней они не упоминали о нихъ, хотя встрѣчались по два раза въ день. Оба чувствовали, что оставалось еще что-то невыполненное, безъ чего ихъ соглашеніе не можетъ считаться дѣйствительнымъ. Но какой теперь нужно было сдѣлать шагъ, они въ точности не могли рѣшить. Киппсъ говорилъ ей обо всемъ, что̀ ему приходило въ голову, и разсказывалъ главнымъ образомъ о томъ, что поступаетъ ученикомъ въ магазинъ въ Фолькстонѣ, что ему сшили, въ виду этого событія, два новыхъ костюма. Говоря обо всемъ этомъ, онъ думалъ, однако, о другомъ, и когда оставался одинъ, то становился въ мысляхъ очень предпріимчивъ. Онъ понялъ, что слѣдовало бы теперь взять Анни за руку и подержать ея руку въ своей; въ повѣсти, которую Сидъ давалъ ему читать, тоже говорилось о подобныхъ проявленіяхъ чувствъ.

Но потомъ онъ напалъ на нѣчто лучшее, вычитанное имъ подъ заглавіемъ „Знаки любви" въ какомъ-то случайно попавшемся ему нумерѣ газеты. Тамъ говорилось о сломанной на̀-двое шестипенсовой монетѣ. На это какъ-разъ у него хватало смѣлости. Онъ досталъ у тети ея лучшія ножницы, вытащилъ шестипенсовую серебряную монетку изъ копилки и искалѣчилъ себѣ пальцы, стараясь разрѣзать монету пополамъ. Сдѣлать это ему долго не удавалось. Онъ рѣшилъ не говорить Анни, пока ничего не выходило, но все-таки не выдержалъ и сказалъ. Онъ сталъ объяснять ей про сломанную на-двое монету и не могъ не разсказать о своей неудачной попыткѣ.

— Зачѣмъ же ломать?—спросила Анни.—Тогда она не будетъ годиться.

— Это—талисманъ.

— Какъ такъ?

— Половина останется у тебя, половина—у меня, а когда мы разстанемся, ты будешь смотрѣть на свою половинку, а я на свою, и мы будемъ вспоминать другъ о другѣ.

— Вотъ оно что! Такъ знаешь,—сказала она, — дай твою монетку мнѣ. Я знаю, гдѣ у отца лежитъ пила, и я распилю.

Киппсъ передалъ ей монету—и опять наступило молчаніе. Разглядывая монету вдвоемъ, онъ наклонилъ свое лицо къ лицу Анни, и вдругъ ему захотѣлось сдѣлать слѣдующій шагъ въ таинственный міръ любви.

— Анни,—сказалъ онъ, и самъ ужаснулся своей смѣлости,— Анни, я люблю тебя и готовъ ради тебя на все на свѣтѣ.

Она ничего не отвѣтила, но, повидимому, не разсердилась. Онъ подошелъ еще ближе къ ней, и его плечо коснулось ея плеча.

— Анни,—тихо сказалъ онъ,—позволь мнѣ поцѣловать тебя.

Киппсъ сказалъ это такъ робко, что просьба его показалась чѣмъ-то неисполнимымъ. Анни какъ-то почувствовала себя неподготовленной къ поцѣлую.

— Цѣловаться глупо,—сказала она; когда Киппсъ обнаружилъ запоздавшую предпріимчивость, она отбѣжала отъ него. Онъ попробовалъ ее убѣждать, говоря, что если она его подруга, то онъ долженъ имѣть право поцѣловать ее, но она продолжала утверждать, что цѣловаться глупо. Они направились домой, чувствуя нѣкоторое отчужденіе. На главную улицу они пришли и не вмѣстѣ, и все-таки не врозь. Они не обмѣнялись поцѣлуемъ, но грѣхъ поцѣлуя какъ будто бы былъ на ихъ совѣсти. Когда Киппсъ увидѣлъ издали у дверей лавки могучую фигуру дяди, онъ замедлилъ шаги, и разстояніе между нимъ и Анни увеличилось. Надъ лавкой Порниковъ открыто было окно, и у него показалась м-ссъ Порникъ; она высунула голову, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Киппсъ принялъ совершенно равнодушный видъ. Наконецъ онъ очутился лицомъ къ лицу съ дядей.

— Гдѣ это ты былъ, Арти?

— Гулялъ, дядя.

— Не съ этой вѣдь Порниковской дѣвчонкой?—спросилъ дядя, указывая трубкой на Анни.

— Нѣтъ,—очень тихо сказалъ мальчикъ.

— Иди домой.

Старикъ Киппсъ посторонился, мальчикъ быстро шмыгнулъ мимо него и исчезъ въ темнотѣ лавки. Затѣмъ старый Киппсъ принялся зажигать керосиновую лампу. Онъ всегда дѣлалъ это самъ для того, чтобы не было запаха керосина и копоти. Но старанія его были напрасны: лампа все-таки коптила.

Киппсу не хотѣлось оставаться въ комнатѣ съ теткой, и онъ поспѣшилъ къ себѣ на верхъ.—„Порниковская дѣвчонка",—сказалъ дядя. Киппсу казалось, что произошла истинная катастрофа. Тѣмъ, что онъ сказалъ „нѣтъ", онъ какъ бы сталъ самъ на сторону дяди и навсегда разлучился съ Анни. За ужиномъ у него былъ такой разстроенный видъ, что тетя спросила, здоровъ ли онъ, и только изъ боязни передъ леченіемъ и лекарствами онъ пересилилъ себя и притворился, напротивъ того, необыкновенно веселымъ.

Онъ долго потомъ лежалъ въ постели и не могъ заснуть, увѣренный, что все погибло, потому что Анни не позволила ему поцѣловать себя и потому что дядя обозвалъ ее „дѣвчонкой". Мальчику казалось, что онъ самъ такъ назвалъ ее. Послѣ того Анни на нѣсколько времени совершенно исчезла для него. Прошелъ день, два, три—и онъ ни разу не видалъ ее. Сида онъ встрѣчалъ нѣсколько разъ; они ходили вмѣстѣ удить рыбу и купаться. Сидъ далъ Киппсу читать еще два романа, но они ни разу не говорили за это время о любви. Киппсу все хотѣлось заговорить съ Сидомъ объ Анни, но онъ не рѣшался. Онъ увидѣлъ ее въ воскресенье вечеромъ; она шла въ методистскую часовню и была необыкновенно красива въ своемъ праздничномъ платьицѣ; но она сдѣлала видъ, что не видитъ его, такъ какъ была съ матерью. Онъ же рѣшилъ, что она нарочно отвернулась и никогда больше не будетъ разговаривать съ нимъ. Конечно, развѣ она могла простить, что ее обозвали „дѣвчонкой"!.. Онъ предался полному отчаянію и пересталъ даже ходить въ мѣста, гдѣ могъ бы встрѣтить ее...

Конецъ наступилъ съ ошеломляющей неожиданностью.

М-ръ Шальфордъ, хозяинъ большого магазина мануфактурныхъ и галантерейныхъ товаровъ въ Фолькстонѣ—къ нему Киппсъ долженъ былъ поступить въ ученики—выразилъ желаніе взять мальчика сейчасъ же и ознакомить его съ работой до начала осенняго сезона. Только наканунѣ отъѣзда Киппсъ ясно понялъ, что вещи его сложены и что онъ дѣйствительно долженъ уѣхать. Его охватило лихорадочное желаніе хоть одинъ разъ еще повидать Анни. Онъ вышелъ подъ какимъ-то глупымъ предлогомъ изъ дому, прошелъ нѣсколько разъ по улицѣ, уже безъ

всякаго предлога, и сталъ прямо глядѣть въ окна Порниковъ. Анни все не показывалась. Онъ сталъ приходить въ отчаяніе. Прошло съ полчаса, и на улицу вышелъ Сидъ.

— Это ты?—сказалъ Киппсъ.—Знаешь, я уѣзжаю.

— На мѣсто?

— Да.

Наступило молчаніе.

— Послушай, Сидъ,—рѣшился, наконецъ, сказать Киппсъ,—ты идешь теперь домой?

— Да, прямо домой.

— Ну, такъ, пожалуйста, скажи Анни...

— Что̀ сказать?

— Она ужъ будетъ знать.

Сидъ обѣщалъ, но Анни все-таки не вышла. Наконецъ показался дилижансъ, идущій въ Фолькстонъ, и Киппсъ долженъ былъ собраться въ путь. Тетка вышла провожать его; дядя помогъ ему вынести сундучокъ и чемоданъ. Киппсъ украдкой опять поглядѣлъ въ окна къ Порникамъ—Анни все не было видно. Она оставалась непреклонной въ своей жестокости. Кучеръ натянулъ возжи, и копыта лошадей уже застучали по мостовой. Нѣтъ, она не вышла попрощаться. Дилижансъ уже двинулся, и старикъ Киппсъ пошелъ назадъ въ лавку. Киппсъ смотрѣлъ въ пространство, стараясь себя увѣрить, что ему все равно. Вдругъ раздался звукъ быстро открывающейся двери, изъ лавки Порника выбѣжала маленькая фигурка въ розовомъ платьицѣ и бросилась догонять дилижансъ. При видѣ ея сердце Киппса усиленно забилось, но онъ не сразу показалъ, что узналъ ее.

— Арти,—крикнула она, запыхавшись,—Арти, вотъ, вотъ!

Дилижансъ уже ускорилъ движеніе; она оставалась позади, какъ вдругъ Киппсъ понялъ, о чемъ ему кричитъ Анни. Онъ заволновался, собралъ всю свою храбрость и сталъ просить кучера остановиться на одну минуту. Кучеръ заворчалъ, но все-таки исполнилъ его просьбу; дилижансъ остановился, и Анни подбѣжала къ нему. Она вскочила на колесо. Киппсъ увидѣлъ, что лицо у нея какое-то особенное—рѣшительное и серьезное. Онъ только на минуту встрѣтился съ ея взглядомъ, когда взялъ ее за руку. Онъ не умѣлъ читать во взглядахъ. Что-то было передано изъ руки въ руку такъ быстро, что кучеръ, который слѣдилъ за ними, ничего не увидѣлъ. Киппсъ не могъ выговорить ни слова отъ волненія, а она только сказала:—„Я это сдѣлала сегодня утромъ“.—Потомъ она спрыгнула, и дилижансъ поѣхалъ дальше.

Прошло секундъ десять, прежде чѣмъ Киппсъ опомнился.

Тогда только онъ вскочилъ съ мѣста и, размахивая своей новой шляпой, крикнулъ хриплымъ отъ волненія голосомъ:

— Прощай, Анни, не забывай меня!

Она долго глядѣла ему въ слѣдъ и махала рукой. Наконецъ, когда она исчезла изъ виду, онъ сѣлъ и поспѣшилъ прежде всего спрятать зажатую въ рукѣ монету въ карманъ панталонъ. Онъ искоса посмотрѣлъ на кучера, чтобы судить, видѣлъ ли онъ что-нибудь. Потомъ онъ крѣпко задумался, и рѣшилъ, что когда онъ на Рождествѣ пріѣдетъ въ Нью-Ромнэ, то во что̀ бы то ни стало поцѣлуетъ Анни. Тогда все будетъ чудесно, и онъ будетъ совершенно счастливъ.

VI.

Когда Киппсъ уѣхалъ изъ Нью-Ромнэ съ багажемъ, состоявшимъ изъ желтаго жестяного сундучка, маленькаго чемодана и новаго дождевого зонтика, и съ распиленной на-двое шестипенсовой монетой на память о своей подругѣ, ему было четырнадцать лѣтъ. Онъ былъ худощавый мальчикъ съ мелкими чертами лица и свѣтлыми глазами, которые иногда, впрочемъ, казались очень темными. Школьное воспитаніе внесло только полную путаницу въ его мышленіе, сдѣлало его конфузливымъ и скрытнымъ; онъ даже говорилъ невнятно отъ дикости. По опредѣленію неумолимой судьбы онъ призванъ былъ служить415 родинѣ на поприщѣ торговли и попалъ для начала въ руки м-ра Шальфорда, собственника „Фолькстонскаго Базара". Въ Англіи все еще принято обучать каждому дѣлу практически, пріучая съ самыхъ раннихъ лѣтъ къ профессіональной работѣ. Будь Киппсъ нѣмецъ, его бы отдали въ очень дорогую спеціальную школу,—такова нѣмецкая педагогика: онъ бы... но антипатріотическія разсужденія неумѣстны въ повѣсти. Слѣдуетъ только сказать, что м-ръ Шальфордъ далеко не былъ педагогомъ.

Это былъ вспыльчивый и энергичный человѣкъ маленькаго роста, съ руками, сильно обросшими волосами,—онъ ихъ постоянно закладывалъ подъ полы сюртука,—съ сіяющей лысиной во всю голову, съ тонкимъ горбатымъ носомъ и аккуратно подстриженной бородой. Онъ ходилъ легкими увѣренными шагами и всегда напѣвалъ про себя. Онъ отличался большими дѣловыми способностями, сумѣлъ извлечь пользу изъ банкротства, которое потерпѣлъ въ началѣ своей карьеры, потомъ выгодно женился, и теперь его магазинъ былъ самымъ виднымъ въ Фолькстонѣ; онъ занималъ три лавки подъ №№ 3, 5 и 7; на заголовкахъ счетовъ

онъ обозначалъ адресъ № 3—7, и, чтобы поражать прохожихъ размѣрами своего магазина, выкрасилъ фасадъ желтыми и зелеными полосами, видными на далекомъ разстояніи. Принявъ растерявшагося, совершенно подавленнаго Киппса у себя въ кабинетѣ, онъ сейчасъ же сталъ выхваливать свою „систему" и самого себя. Разсѣвшись съ величественнымъ видомъ въ креслѣ за письменнымъ столомъ, онъ обратился къ Киппсу съ цѣлой рѣчью:

— Мы надѣемся, молодой человѣкъ,—торжественно началъ онъ,—что вы будете стараться и научитесь служить нашимъ интересамъ.—Для большей важности онъ говорилъ во множественномъ числѣ, отъ лица фирмы.—Наша система—самая лучшая, какую только можно себѣ представить. Я ее составилъ, и потому, конечно, хорошо знаю. Я началъ съ первой ступеньки лѣстницы, когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, и знаю каждый шагъ—каждый шагъ. М-ръ Бухъ, который стоитъ вотъ тамъ у конторки, дастъ вамъ табличку съ правилами и обозначеніемъ штрафовъ. Подождите-ка минуту.—М-ръ Шальфордъ сдѣлалъ видъ, что внимательно разглядываетъ запыленный счетъ, который вынулъ изъ-подъ прессъ-папье на столѣ, а Киппсъ стоялъ какъ въ столбнякѣ и смотрѣлъ на лысину своего новаго хозяина.—Двѣ тысячи триста сорокъ семь фунтовъ,—проговорилъ м-ръ Шальфордъ довольно громкимъ шопотомъ, какъ бы забывъ о присутствіи Киппса.—Боже, какіе здѣсь совершаются обороты!

М-ръ Шальфордъ всталъ изъ за-стола и далъ Киппсу понести банку съ чернилами и листъ пропускной бумаги — только какъ знакъ его подчиненности, — такъ какъ никакой надобности въ этихъ предметахъ не было. Потомъ онъ вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ контору, гдѣ три клерка стали писать съ лихорадочной поспѣшностью какъ только хозяинъ вошелъ въ комнату.

— Бухъ, — сказалъ м-ръ Шальфордъ, — дайте, пожалуйста, таблицу правилъ.

Старичокъ съ очень истомленнымъ лицомъ, державшій въ одной рукѣ линейку, а во рту гусиное перо, протянулъ маленькую книжечку въ зеленой съ желтымъ обложкѣ. Прочтя ее потомъ, Киппсъ убѣдился, что все сводилось въ ней къ чрезвычайно умѣлому назначенію за все штрафовъ. Но онъ не зналъ, какъ ему взять книжку, такъ какъ руки его были заняты и всѣ глядѣли на него. Онъ простоялъ съ минуту въ нерѣшимости, прежде чѣмъ поставилъ чернильницу на столъ и освободилъ руку.

— Какъ можно быть такимъ неуклюжимъ! — сказалъ м-ръ Шальфордъ, когда Киппсъ наконецъ засунулъ книжечку съ правилами въ карманъ.—У насъ полагается быть проворнымъ. Идемъ,

идемъ.—Онъ приподнялъ полы сюртука, какъ дама подняла бы платье, и повелъ Киппса въ магазинъ. Киппсу показалось, что онъ попалъ въ какой-то лабиринтъ съ безконечнымъ количествомъ конторокъ, множествомъ безукоризненно одѣтыхъ молодыхъ людей и дѣвушекъ, имѣвшихъ видъ восточныхъ гурій. Всѣ они, къ ужасу Киппса, оглядывали его. Надъ головами, на протянутыхъ изъ конца въ конецъ прутьяхъ, качались то длинные ряды перчатокъ, то ленты, то дѣтское бѣлье. Молодая женщина маленькаго роста, въ черныхъ полуперчаткахъ, сводила счетъ съ покупательницей и видимо спуталась, почувствовавъ на себѣ орлиный взглядъ хозяина.

Плотный молодой человѣкъ съ лысой головой и круглымъ лицомъ, выражавшимъ большое пониманіе жизни, сосредоточенно и методично разставлялъ всѣ свободные стулья вдоль прилавковъ на совершенно одинаковыхъ разстояніяхъ. Отвлеченный отъ этого дѣла, онъ почтительно отвѣтилъ на нѣсколько совершенно ненужныхъ замѣчаній хозяина, сдѣланныхъ властнымъ наполеоновскимъ тономъ. М-ръ Шальфордъ сказалъ Киппсу, что имя молодого человѣка—м-ръ Буггинсъ, и что Киппсъ долженъ исполнять все, что̀ ему прикажетъ м-ръ Буггинсъ.

Повернувъ за уголъ, Киппсъ почувствовалъ запахъ, который въ теченіе долгихъ лѣтъ сталъ запахомъ, сопровождавшимъ жизнь Киппса,—это былъ не сильный, но опредѣленный запахъ манчестерскаго товара. Очень толстый человѣкъ съ большимъ носомъ выскочилъ—буквально, выскочилъ—имъ навстрѣчу и сталъ разворачивать свертокъ матеріи, какъ заведенный автоматъ.

— Каршотъ,—сказалъ м-ръ Шальфордъ,—займитесь этимъ мальчикомъ съ завтрашняго дня. Онъ еще очень неотесанъ. Пріучите его къ дѣлу.

— Слушаюсь,—отвѣтилъ Каршотъ, оглянулъ Киппса и продолжалъ свою работу съ неутомимымъ рвеніемъ.

— Слушайтесь м-ра Каршота, исполняйте все, что̀ онъ велитъ,—сказалъ Киппсу м-ръ Шальфордъ и пошелъ дальше. Каршотъ сталъ отдуваться съ чувствомъ облегченія.

Они прошли затѣмъ черезъ большую комнату, наполненную никогда невиданными Киппсомъ предметами. Онъ увидѣлъ пышно разряженныя дамскія фигуры, но вмѣсто головъ у нихъ торчали какія-то черныя деревянныя кнопки.

— Комната готовыхъ костюмовъ,—сказалъ Шальфордъ.

Входя туда, они услышали звуки двухъ женскихъ голосовъ, одинъ изъ которыхъ произнесъ рѣшительнымъ тономъ: „Неужели вы могли подумать, миссъ Мергль, что я способна поступиться

настолько женскимъ достоинствомъ?"... При входѣ ихъ, разговоръ оборвался; за столомъ сидѣли и писали двѣ молодыя барышни. Онѣ были выше ростомъ и красивѣе другихъ продавщицъ и на нихъ были черныя платья съ длинными шлейфами. Киппсу опять было сказано, что онъ долженъ исполнять распоряженія этихъ барышенъ. Итакъ, онъ долженъ былъ слушаться Буха, Буггинса, Каршота и этихъ барышенъ и быть расторопнымъ.

Они спустились затѣмъ въ погребъ, который назывался „складомъ", и Киппсу показалось, что онъ увидалъ дерущихся двухъ мальчиковъ. Но сверху раздался крикъ: — „Эй вы!" — и картина драки испарилась. Киппсъ увидѣлъ совершенно отчетливо двухъ мальчиковъ, которые дѣловито заворачивали свертки. Было совершенно ясно, что они только этимъ и могутъ быть заняты, и что даже нельзя себѣ представить, какъ бы это они дрались. Потомъ м-ръ Шальфордъ провелъ Киппса въ игрушечное и въ галантерейное отдѣленія и объяснилъ ему разныя ухищренія своей „системы", будто бы составляющія необыкновенную экономію времени и труда. Потомъ они прошли во дворъ, и м-ръ Шальфордъ указалъ на три каретки для развоза товаровъ; всѣ онѣ выкрашены были въ желтую и зеленую краски полосами. „Главное—имѣть систему. Всюду одинаковый цвѣтъ — зеленый, желтый",—продолжалъ похваляться Шальфордъ. Всюду были пристегнуты нелѣпыя надписи: „Эта дверь закрывается въ 7.30. Согласно приказу Эдвина Шальфорда". Эти слова не имѣли въ сущности никакого опредѣленнаго смысла, но Шальфордъ любилъ всякаго рода спеціальныя выраженія. Онъ считалъ, напримѣръ, что тайна умѣлаго веденія дѣла заключается, между прочимъ, въ умѣніи сокращать слова въ корреспонденціи, и проявлялъ въ этомъ отношеніи особую виртуозность. Она совершенно ошеломила Киппса, когда хозяинъ знакомилъ его съ своей „системой" въ подробностяхъ. Зато Шальфордъ никогда не жалѣлъ словъ, когда нужно было выказать почтеніе покупателямъ. На счетахъ онъ всегда „имѣлъ честь" предъявить, или, посылая образчики, „выражалъ свое глубокое почтеніе" и т. д. „Система" Шальфорда допускала также постоянныя ошибки на одинъ—два пенса при сведеніи счетовъ съ оптовыми поставщиками. Въ чекахъ, которыми онъ платилъ, онъ тоже, „ради удобства", пропускалъ пенсы.

Шальфордъ особенно гордился своимъ умѣньемъ писать заказы въ лондонскіе оптовые склады и показывалъ Киппсу письма съ сокращенными словами, которыхъ мальчикъ никакъ не могъ разобрать. Шальфордъ самодовольно смѣялся надъ его недогад-

ливостью, но объясненій не давалъ ему:—зачѣмъ сразу облегчать обученіе дѣлу!

— Ай-ай-ай! — говорилъ онъ только.—Жаль, что вамъ въ школѣ не даютъ коммерческой подготовки, а учатъ всякой книжной ерундѣ. Нужно будетъ теперь это наверстать, молодой человѣкъ, а то вы никогда не сумѣете писать заказы въ Лондонъ. А теперь наклейте-ка марки и отправьте письма. Только наклейте какъ слѣдуетъ и старайтесь воспользоваться случаемъ поучиться дѣлу у меня. Хорошо, что дядя и тетя опредѣлили васъ сюда. А то что̀ бы изъ васъ вышло?

Киппсъ, усталый и голодный, принимался съ яростью приклеивать марки.

VII.

Обязательства, которыя взялъ на себя Киппсъ, поступая къ м-ру Шальфорду, были тяжелыя: они устанавливали родительскую власть хозяина надъ ученикомъ и отдавали Киппса на семь лѣтъ въ полную собственность м-ру Шальфорду. Взамѣнъ этого даны были какія-то туманныя обѣщанія научить мальчика всѣмъ тайнамъ торговаго дѣла; но такъ какъ эти обязательства не были обезпечены никакими неустойками, то м-ръ Шальфордъ, какъ практическій дѣлецъ, считалъ ихъ пустыми словами и рѣшилъ вытянуть изъ Киппса какъ можно больше пользы и дать ему за это какъ можно меньше въ теченіе семи лѣтъ пребыванія Киппса въ его домѣ. То, что̀ онъ давалъ Киппсу, состояло главнымъ образомъ изъ хлѣба и маргарина, настойки изъ цикорія и изъ чайной пыли, солонины по три пенса за фунтъ, картофеля и сильно разбавленнаго водою пива. Но если Киппсъ покупалъ еще что-нибудь самъ въ придачу къ этому, то м-ръ Шальфордъ великодушно предоставлялъ ему возможность варить въ его кухнѣ, въ то время, когда тамъ топилась плита. Киппсу предоставлялось также мѣсто для спанья въ одной комнатѣ съ восемью другими приказчиками. Ему дана была постель, которую можно было — за исключеніемъ очень холодной погоды — болѣе или менѣе согрѣть при помощи пальто, пріобрѣтенныхъ за собственныя деньги простынь и большого количества газетной бумаги. Кромѣ того, Киппса заставили выучить наизусть таблицу штрафовъ, научили его завязывать пакеты, отыскивать товары въ систематически устроенныхъ складахъ м-ра Шальфорда, упираться руками въ прилавокъ и спрашивать:—„Что̀ я могу имѣть честь предложить?“ или „Радъ служить“,—и т. п. Онъ научился раскладывать, скла

дывать и отмѣривать всякаго рода матеріи, снимать шляпу на улицѣ при встрѣчѣ съ м-ромъ Шальфордомъ и выказывать почтеніе еще множеству другихъ лицъ. Но, конечно, ему ничего не говорили о дѣйствительной стоимости продаваемыхъ въ магазинѣ товаровъ и не давали никакихъ указаній относительно того, какъ покупать товаръ. Никто также не знакомилъ его съ домашнимъ обиходомъ потребителей того, что̀ продавалось въ „Фолькстонскомъ Базарѣ". Онъ не зналъ, на что употребляется и половина продаваемаго тамъ товара. Матерія для занавѣсей, кретоны, ситцы, скатерти и всѣ обиходные предметы благоустроеннаго дома, матеріи для дамскихъ платьевъ, подкладки, — на все это отъ начала и до конца своей службы онъ смотрѣлъ какъ на тяжелые тюки, которые нужно было развòрачивать, отмѣривать, отрѣзывать, послѣ чего все это исчезало, канувъ въ тотъ таинственный счастливый міръ, гдѣ живетъ покупатель. Сложивъ тюки столоваго бѣлья, тяжелаго какъ свинецъ, онъ шелъ ужинать на клеенчатой скатерти въ освѣщенной газомъ столовой, а потомъ, когда ложился спать, прикрываясь всѣмъ, что̀ только могъ собрать изъ одежды, онъ видѣлъ во снѣ теплыя одѣяла. Это, впрочемъ, давало ему случай вникать отчасти въ философію жизни.

Въ отплату за ту пользу, которую онъ будто бы извлекалъ изъ пребыванія у Шальфорда, Киппсъ работалъ такъ много, что обыкновенно отправлялся спать совершенно измученнымъ, съ распухшими отъ бѣготни ногами. День его начинался въ половинѣ седьмого, когда онъ сходилъ, немытый, въ старой курткѣ, обмотавъ шею шарфомъ, въ магазинъ и, зѣвая, сметалъ пыль съ ящиковъ, снималъ чехлы и протиралъ окна до восьми часовъ. Потомъ онъ въ полчаса кончалъ свой туалетъ, съѣдалъ къ завтраку кусокъ хлѣба съ маргариномъ и выпивалъ чашку цикорія, которую только сторонникъ колоніальной политики могъ бы признать кофеемъ. Послѣ этого онъ спускался въ магазинъ и принимался за дневную работу. Первымъ дѣломъ начиналась бѣготня, тасканіе досокъ, картонокъ и разнаго товара для выставокъ въ окнахъ. Это было дѣломъ Каршота, который, вслѣдствіе своей хронической болѣзни желудка, вѣчно брюзжалъ, какъ бы ни стараться угодить ему. Отъ времени до времени дѣлали перестановку въ окнѣ съ готовыми дамскими костюмами, и тогда Киппсу приходилось носиться черезъ весь магазинъ, изъ костюмнаго отдѣленія къ окнамъ, таская одну за другой дамскія фигуры, которыя онъ хваталъ самымъ безцеремоннымъ образомъ за единственную деревянную ногу. Въ тѣ дни, когда не было уборки оконъ, приходилось носить и поднимать тюки съ товарами и уста-

навливать ихъ въ ряды. Были и другія, еще болѣе трудныя работы: иные товары приходили сложенными, и нужно было дѣлать изъ нихъ свертки, — а многіе изъ нихъ почти не поддавались этому,—или, во всякомъ случаѣ, на это требовалось больше силы, чѣмъ было у Киппса. Иные товары, напротивъ того, принесенные изъ складовъ въ сверткахъ, нужно было развернуть и сложить, и складывать ихъ было очень трудно, и у молодыхъ учениковъ являлось страстное желаніе, чтобы всѣ эти тюки провалились къ чорту. Или же нужно было посылать образцы для новыхъ заказовъ, причемъ Каршотъ изготовлялъ пакеты для отправки съ быстротой фокусника, а Киппсу это давалось гораздо труднѣе. И Каршотъ брюзжалъ и ругался, какъ всегда. У него была къ тому же странная манера ругаться словами, относящимися къ его физическимъ недомоганіямъ:—„Ахъ, ты, сердце и печень, никогда не видалъ такого неповоротливаго мальчишку!"— говорилъ онъ. Часто даже, когда Каршотъ говорилъ съ покупателями, онъ бормоталъ про себя, но достаточно явственно для опытнаго слуха Киппса:—„Ахъ, ты, сердце и печень!"

Бывали блаженныя передышки среди однообразной работы Киппса,—это когда его посылали „подбирать" что-нибудь, т.-е. восполнять неожиданно изсякшій запасъ пуговицъ, лентъ, тесемокъ и всякаго приклада для шитья платьевъ. Ему давали списокъ, пристегивали къ нему образчики и выпускали его на свободу. Онъ могъ радоваться солнцу и принимать участіе въ жизни улицы до тѣхъ поръ, пока самъ не считалъ нужнымъ вернуться и держать отвѣтъ за долгую отлучку.

Во время этихъ хожденій „по дѣламъ службы" Киппсъ дѣлалъ замѣчательныя топографическія открытія; напримѣръ, онъ убѣдился, что самый лучшій путь изъ оптоваго склада м-ра Адольфа Дэвиса въ складъ Плумера, Редиса и К°—два главныхъ мѣста, куда его посылали, — вовсе не тотъ, какъ обыкновенно думаютъ, т.-е. внизъ по Сандгэтъ-Родъ, а напротивъ того, вверхъ по этой улицѣ, затѣмъ вокругъ Вестъ-Терэси, вдоль рѣки до элеватора; тамъ остановиться, посмотрѣть, какъ поднимается элеваторъ (два раза и никакъ не дольше,—а то скверно) затѣмъ обратно по берегу до пристани, тамъ простоять очень недолго, затѣмъ обогнуть кладбище и (уже бѣгомъ)—въ Черчь-Стритъ и домой. Если же погода особенно хороша, то путь ведетъ черезъ Рауноръ-Паркъ мимо пруда, гдѣ мальчики пускаютъ корабли, и гдѣ очень интересно наблюдать лебедей.

Когда онъ возвращался въ магазинъ, то уже заставалъ обыкновенно множество покупателей. Сейчасъ же нужно было при-

служивать старшимъ, носить свертки и счета по лавкѣ, убирать матеріи послѣ ухода покупательницъ, держать на рукахъ занавѣси такъ долго, что руки начинали ныть и—это было едва ли не самое трудное—стоять безъ дѣла и не глядѣть при этомъ въ лицо покупателямъ. Киппсъ тогда или мучительно скучалъ, или же уносился мыслями далеко-далеко, мысленно сражался съ врагами отечества или управлялъ фантастическимъ кораблемъ и велъ его въ невѣдомыя воды. И только окрикъ кого-нибудь изъ старшихъ:—„Эй, Киппсъ, возьми-ка это (ахъ, ты, сердце и печень)!"—призывали его къ дѣйствительности.

Въ половинѣ восьмого—изрѣдка, впрочемъ, и позже—начиналось быстрое запираніе магазина, и когда опускались послѣднія ставни, Киппсъ бросался, какъ изъ лука стрѣлы, набрасывать чехлы на разложенные товары, на прилавки, потомъ посыпалъ полъ мокрыми отрубями и выметалъ его.

Иногда публика не уходила еще довольно долго послѣ закрытія магазина. — „У Шальфорда въ магазинѣ не замѣчаешь, какъ проходитъ время", — говорили дамы, а пока онѣ болтали, запрещено было надѣвать чехлы и вообще принимать мѣры къ завершенію рабочаго дня. Нужно было ждать, пока всѣ уйдутъ. Киппсъ глядѣлъ на позднихъ покупательницъ откуда-нибудь изъ-за угла и мысленно насылалъ на нихъ разныя напасти. Обыкновенно все-таки немногимъ позже девяти онъ могъ идти ѣсть ужинъ, состоявшій изъ хлѣба, сыра и разбавленнаго водой пива; послѣ этого остатокъ дня былъ въ его полномъ распоряженіи: онъ могъ пользоваться имъ для чтенія, развлеченій и развитія своихъ умственныхъ способностей... Входная дверь закрывалась въ половинѣ одиннадцатаго, а газъ въ спальняхъ тушился въ одиннадцать.

VIII.

По воскресеньямъ ему полагалось ходить въ церковь одинъ разъ, но обыкновенно онъ ходилъ два раза, такъ какъ другого занятія у него не было. Онъ садился на какое-нибудь свободное мѣсто позади: участвовать въ пѣніи онъ не рѣшался и не умѣлъ слѣдить за богослуженіемъ по молитвеннику, проповѣдь же онъ большей частью не слушалъ. Но ему все-таки казалось, что легче жить, если ходишь въ церковь. Тетя уговаривала его готовиться къ конфирмаціи, но онъ все откладывалъ это.

Въ промежуткѣ между церковными службами онъ ходилъ по Фолькстону и точно искалъ чего-то. Но по воскресеньямъ въ

Фолькстонѣ было не такъ интересно, какъ въ будни, потому что лавки были закрыты. Пріятно было только гулять по берегу днемъ. Иногда товарищъ Киппса, стоявшій на одну ступень выше его въ іерархіи магазиннаго персонала, оказывалъ ему честь и шелъ гулять вмѣстѣ съ нимъ. Но когда тому оказывалъ честь приказчикъ, стоявшій еще на одну ступень выше, и приглашалъ его идти гулять съ собой, то они не звали Киппса съ собой— онъ не считался достойнымъ ихъ общества, такъ какъ носилъ еще готовое, а не сдѣланное на заказъ платье,—и долженъ былъ гулять въ одиночествѣ.

Иногда онъ уходилъ гулять за городъ, но приходилось спѣшить домой къ обѣду или къ чаю. Чаще всего онъ ходилъ слушать духовную музыку, тратя на билетъ въ концертъ почти весь шиллингъ, который выдавался ему на карманные расходы на цѣлую недѣлю старикомъ Бухомъ. Послѣ ужина онъ до изнеможенія ходилъ взадъ и впередъ по морской эспланадѣ, среди разряженной толпы. Ему такъ бы хотѣлось найти товарища, такого же одинокаго мальчика, но онъ никогда не рѣшался ни съ кѣмъ заговорить и не сводилъ ни съ кѣмъ дружбы. Къ концу дня, въ воскресенье, какъ и въ будни, у него болѣли ноги отъ безконечной ходьбы.

Книгъ онъ не читалъ, во-первыхъ, потому, что ихъ у него не было, а затѣмъ и потому, что м-ръ Вудроу не привилъ ему вкуса къ чтенію. Онъ даже не читалъ газетъ, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда ему попадался подъ руки какой-нибудь юмористическій листокъ. Его интеллектуальныя удовольствія ограничивались тѣмъ, что онъ восторгался возникавшими иногда за столомъ состязаніями въ остротахъ между Каршотомъ и Буггинсомъ. Ихъ шутки казались Киппсу верхомъ ума и остроумія, и онъ тщательно запоминалъ перлы ихъ юмора, чтобы воспользоваться ими впослѣдствіи, когда онъ сдѣлается такимъ, какъ Буггинсъ, и сможетъ такъ смѣло и увѣренно говорить при другихъ.

Иногда монотонная сѣрость будней прерывалась экстренными событіями,—напримѣръ, распродажей въ томъ или другомъ отдѣленіи. Это связано было съ добавочной работой иногда за полночь, но зато къ ужину появлялась жареная рыба и раздавали по нѣсколько шиллинговъ наградныхъ. И каждый годъ—не то чтобы иногда, а именно каждый годъ—м-ръ Шальфордъ, самъ восхищаясь своимъ великодушіемъ и вспоминая поэтому болѣе суровое время своего ученія,—предоставлялъ Киппсу десять дней каникулъ. Цѣлыхъ десять дней каждый годъ! Сколько бѣдняковъ,—говорилъ онъ,—позавидовали бы счастью Киппса!

Разъ въ годъ составлялся инвентарь, а отъ времени до времени происходила отмѣтка новыми пониженными цѣнами товара, предназначеннаго для дешевой распродажи. Въ эти дни м-ръ Шальфордъ бывалъ на высотѣ своей „системы" и сбивалъ съ ногъ всѣхъ служащихъ своими отрывистыми, несуразными, противорѣчивыми приказаніями. Каршотъ бѣгалъ по магазину совершенно растерянный, весь вспотѣвъ, поднявъ носъ кверху, не сводя своихъ маленькихъ глазъ съ м-ра Шальфорда, сморщивъ лобъ, шевеля губами и машинально повторяя про себя: „Ахъ, ты, сердце и печень!"—Проворный младшій приказчикъ и старшій ученикъ соперничали другъ съ другомъ въ проворствѣ и услужливости. Младшій приказчикъ мѣтилъ на мѣсто Каршота и, въ виду этого, подслуживался къ Шальфорду съ какимъ-то остервенѣніемъ. Всѣ они командовали Киппсомъ. Киппсъ держалъ наготовѣ пропускную бумагу, чернильницу и коробку съ этикетками, и его ежеминутно гнали то за тѣмъ, то за другимъ. Если онъ оставлялъ чернильницу, когда его посылали за чѣмъ-нибудь, то м-ръ Шальфордъ обыкновенно опрокидывалъ ее; если же онъ уносилъ ее съ собой, то м-ру Шальфорду она бывала нужна до его возвращенія.

— У меня положительно зубы болятъ изъ-за васъ,—заявлялъ м-ръ Шальфордъ.—Я чувствую начало невралгіи. Вы неспособны воспринять „систему".

Иногда Киппсъ уносилъ съ собой чернильницу; м-ръ Шальфордъ весь багровѣлъ отъ злости, вертѣлъ въ рукахъ высохшее перо и ругался. Каршотъ вторилъ ему и кричалъ; расторопный младшій приказчикъ бѣжалъ по магазину и тоже кричалъ, а старшій ученикъ бросался въ догонку Киппсу и кричалъ изо всѣхъ силъ:

— Эй, скорѣе, Киппсъ! Торопись же, чортъ возьми! Неси скорѣе чернила!

Въ эти бурные дни въ сердцѣ Киппса закипала безграничная ненависть къ Шальфорду и ко всѣмъ ему подобнымъ. Онъ чувствовалъ, что все, что̀ дѣлается вокругъ него, несправедливо и безсмысленно, но не понималъ причинъ. Если онъ и старался угождать старшимъ, то не изъ чувства долга, а съ цѣлью избавиться хоть отчасти отъ криковъ и ругани. Возмущеніе его еще усиливалось отъ боли въ ногахъ, которая входитъ, какъ неизбѣжный элементъ, въ воспитаніе англійскаго лавочника. Его старшій товарищъ, Минтонъ, юноша съ злымъ лицомъ, курчавыми черными волосами, перекошеннымъ ртомъ и черными, какъ чернила, усами, еще болѣе усиливалъ въ немъ злобу, растравляя его душевную боль своими мрачными предсказаніями.

— Когда человѣкъ состарится, — говорилъ онъ, — его выгоняютъ за негодностью. Сколько бывшихъ приказчиковъ становятся бродягами, нищими, или поступаютъ въ кучера омнибусовъ, лишившись употребленія ногъ!

— Почему же они не заводятъ потомъ собственной торговли?

— Откуда взять деньги? Развѣ приказчикъ можетъ скопить пятьсотъ фунтовъ для собственнаго дѣла? Нѣтъ, приходится служить у другихъ, вертѣться въ колесѣ до самой смерти.

У Минтона была только одна мечта—дать какъ-нибудь здороваго тумака Шальфорду и посмотрѣть, какъ онъ тогда поступитъ „по системѣ".

Эта угроза преисполняла Киппса радостными ожиданіями каждый разъ, когда Шальфордъ отправлялся въ отдѣленіе, гдѣ служилъ Минтонъ. Но, по какимъ-то ему одному извѣстнымъ причинамъ, Шальфордъ никогда не придирался къ Минтону такъ, какъ онъ придирался къ Каршоту; интересный опытъ Минтона такъ и не былъ произведенъ.

IX.

Иногда Киппсъ лежалъ въ постели, когда другіе уже давно спали и храпѣли, и не могъ заснуть, думая о будущемъ, какимъ его изображалъ Минтонъ. Онъ смутно чувствовалъ, что его захватили зубцы безсмысленнаго лавочнаго колеса, что онъ теперь въ чьей-то несокрушимой власти, что у него нѣтъ ни возможности, ни силы уйти отъ нея. Вотъ какая будетъ его жизнь до самаго конца—безъ событій, безъ славы, безъ малѣйшей перемѣны, безъ свободы. Мечты о любви и женитьбѣ казались ему несбыточными. Потомъ наступитъ конецъ: его прогонятъ, и онъ будетъ скитаться въ погонѣ за жалкимъ заработкомъ. Лежа безъ сна, Киппсъ каждую ночь рѣшалъ или убѣжать, или поступить въ солдаты, въ матросы, или же поджечь товарный складъ, или утопиться,—и каждое утро онъ вставалъ въ опредѣленный часъ и торопился внизъ, подъ угрозой штрафа въ шесть пенсовъ за опозданіе. И среди этой сѣрой, тоскливой жизни, въ воображеніи его мелькали иногда просвѣты, окошечки, черезъ которыя виднѣлось счастье, еще болѣе обаятельное тѣмъ, что казалось такимъ далекимъ. Во всѣхъ этихъ „окошечкахъ счастья" онъ видѣлъ маленькую фигурку Анни.

Ея жизнь тоже складывалась печально. Когда Киппсъ, въ

первый разъ послѣ того, какъ его отдали въ кабалу, поѣхалъ домой на Рождество, его рѣшимость поцѣловать Анни еще болѣе укрѣпилась въ немъ. Онъ поспѣшилъ на дворъ и свистнулъ. Отвѣта не послѣдовало. Вдругъ онъ услышалъ голосъ дяди, вышедшаго вслѣдъ за нимъ на дворъ:

— Нечего свистать, Артуръ, — сказалъ дядя громкимъ и яснымъ голосомъ, очевидно, желая, чтобы его услышали на сосѣднемъ дворѣ.—Твоихъ пріятелей нѣтъ. „Она“ поступила на мѣсто въ Ашфордъ—подгорничной. Въ наше время это называлось батрачкой, но теперь вѣдь народъ сталъ гордый. Удивительно, какъ это они не говорятъ, что камеристкой. Отъ нихъ и этого можно было ожидать.

— А Сидъ?

— Сида тоже нѣтъ. Поступилъ мальчикомъ въ велосипедный магазинъ.

— Вотъ какъ!—сказалъ Киппсъ, и у него больно-пребольно заныло въ груди. Онъ ничего больше не сказалъ, повернулся и быстро пошелъ домой. А старикъ-Киппсъ, не замѣтивъ его ухода, продолжалъ дѣлать ироническія замѣчанія по адресу Порниковъ.

Киппсъ пришелъ къ себѣ въ комнатку, сѣлъ на кровать и сталъ тупо глядѣть передъ собой. Вотъ и ихъ тоже захватило колесо! Всѣ пойманы. Жизнь превратилась въ нескончаемые будни. Краснокожіе навсегда исчезли, навсегда прошли дни на морскомъ берегу, теплые вечера, золотые закаты, игры въ разбойниковъ. Единственнымъ удовольствіемъ остатка праздничныхъ каникулъ было для Киппса сознаніе, что онъ не у Шальфорда въ магазинѣ. Но дни быстро таяли—и вотъ онъ опять въ прежнемъ колесѣ. Первые дни послѣ побывки дома были самыми тяжелыми. Киппсъ даже иногда рѣшался выражать въ письмахъ домой свои чувства и взгляды на безсмысленность своей работы, на печальное будущее, которое его ожидаетъ. Онъ приводилъ слова Минтона, но м-ссъ Киппсъ спросила его въ отвѣтномъ письмѣ, неужели онъ хочетъ дать право Порникамъ говорить, что изъ него не выйдетъ путный лавочникъ. Возможность такого позора имѣла рѣшающее вліяніе. Нѣтъ, конечно, онъ не дастъ имъ права злорадствовать на его счетъ.

Большой нравственной поддержкой были для Киппса проповѣди новаго священника, недавно прибывшаго изъ колоній. Онъ убѣждалъ исполнять какъ можно старательнѣе и лучше всякую работу, которую судьба давала въ руки. Внимательное чтеніе катехизиса передъ конфирмаціей тоже склоняло Киппса къ смиренію передъ волей Божіей, къ стремленію выполнять „свой

долгъ". Киппсъ начиналъ освоиваться съ своимъ положеніемъ; страданія его утратили первоначальную остроту и трагическій періодъ его молодости закончился. Онъ покорился судьбѣ отчасти подъ вліяніемъ церковныхъ назиданій, а главнымъ образомъ потому, что не видѣлъ выхода.

Первымъ облегченіемъ въ его судьбѣ было то, что ноги его освоились съ постояннымъ стояніемъ и бѣготней, и не такъ болѣли, какъ сначала. А затѣмъ неожиданнымъ подаркомъ судьбы было нѣсколько часовъ свободы по четвергамъ. М-ръ Шальфордъ поддался увѣщанію нѣкоторыхъ своихъ покупателей и присоединился къ „лигѣ сокращенія рабочихъ часовъ". Киппсъ могъ гулять цѣлыми часами, уходить куда угодно. Кромѣ того, пессимистъ Минтонъ, приводившій Киппса въ мрачное настроеніе, закончилъ ученіе и оставилъ магазинъ. Онъ поступилъ въ кавалерійскій полкъ, и его новая, тяжелая, но полная интересныхъ приключеній жизнь закончилась рано въ схваткѣ съ непокорными туземцами въ далекихъ колоніяхъ. Прошло еще немного времени, и Киппсъ уже пересталъ мыть окна по утрамъ. Онъ началъ прислуживать покупателямъ (сначала менѣе важнымъ), занялъ болѣе высокое мѣсто среди служащихъ. У него стали пробиваться усы, и подъ его началомъ были уже три младшихъ ученика, которыми онъ могъ полноправно распоряжаться и помыкать.

Затѣмъ наступила пора другихъ развлеченій, свойственныхъ молодости, и они отвлекли Киппса отъ печальныхъ думъ. Онъ сталъ интересоваться своимъ туалетомъ, поглядывалъ часто въ зеркало и обмѣнивался взглядами съ молодыми продавщицами. Въ вопросахъ туалета его руководителемъ сталъ Пирсъ, старшій приказчикъ, который славился своимъ щегольствомъ. Въ свободное время Киппсъ подолгу совѣщался съ нимъ относительно воротниковъ, галстуковъ, покроя панталонъ, фасона ботинокъ. Киппсъ уже не носилъ, какъ прежде, коротенькую курточку: ему заказали настоящій сюртукъ съ фалдами. Это его очень подбодрило, и онъ купилъ ужъ на собственныя деньги три стоячихъ воротника, для замѣны прежнихъ отложныхъ. Они были очень высокіе—въ три вершка,—выше воротниковъ самого Пирса; у Киппса болѣла отъ нихъ шея и сдѣлался красный рубецъ подъ ушами, но зато онъ чувствовалъ себя одѣтымъ по модѣ и не менѣе изящнымъ, чѣмъ самъ Пирсъ.

Лучшимъ лекарствомъ противъ міровой скорби оказалось то обстоятельство, что на него начали обращать вниманіе молодыя продавщицы. Съ тѣхъ поръ какъ онъ надѣлъ настоящій сюр-

тукъ, онъ уже не казался имъ „противнымъ мальчишкой“, какъ прежде. Прежде онѣ надменно кивали ему головой въ отвѣтъ на его поклонъ и держали его на почтительномъ разстояніи. Теперь же онѣ вдругъ стали находить, что онъ „очень милъ“, и видимо благоволили къ нему. Какъ ни грустно, но необходимо сказать, что его вѣрность Анни не устояла противъ этого перваго испытанія. Конечно, повѣсть вышла бы гораздо болѣе трогательной, еслибы Киппсъ остался вѣренъ своей первой любви. Но это была бы совершенно другого рода повѣсть. Впрочемъ, Киппсъ не измѣнялъ первой любви въ томъ смыслѣ, что не питалъ больше ни къ кому такого глубокаго чувства, которое въ любви къ Анни объединяло для него раскраснѣвшееся личико дѣвочки съ радостью и счастьемъ всей жизни. Но и позднѣйшія привязанности имѣли свою привлекательную сторону.

Первые знаки вниманія выказала ему одна изъ продавщицъ въ отдѣленіи дамскихъ костюмовъ. Она стала заговаривать съ нимъ, давала ему книжки для чтенія и обѣщала заботиться о немъ, какъ старшая сестра. Она разрѣшила ему сопровождать ее въ церковь, стала выказывать заботы о спасеніи его души, замѣтивъ въ немъ пагубное равнодушіе къ церкви, и взяла съ него обѣщаніе „исправиться“. Ея поведеніе подзадорило другую продавщицу, которая рѣшила отбить у нея Киппса. Она тоже принялась кокетничать съ нимъ, но ея пріемы были болѣе свѣтскіе. Она пригласила его на прогулку въ воскресенье, объяснила ему, съ какой стороны долженъ ходить кавалеръ, сопровождая даму, дала ему указанія относительно того, когда какія нужно носить перчатки, и посвящала его въ тайны свѣтскихъ приличій и законовъ. Потомъ соперницы поссорились изъ-за Киппса, и это очень подняло его въ глазахъ всего дамскаго служебнаго персонала. Онъ былъ признанъ достойнымъ предметомъ платонической любви, составляющей главный интересъ жизни во всѣхъ такого рода торговыхъ учрежденіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ Киппса пустило корни завѣтное желаніе всякаго молодого англичанина: быть или хоть казаться истиннымъ джентльменомъ, т.-е. идеаломъ внѣшней корректности. Онъ вскорѣ постигъ искусство флирта и нѣсколько позже,—благодаря главнымъ образомъ урокамъ Пирса,—сдѣлался настоящимъ сердцеѣдомъ. Вскорѣ у него объявилась невѣста, а въ теченіе двухъ послѣдующихъ лѣтъ онъ былъ шесть разъ женихомъ и кружилъ головы всѣмъ хорошенькимъ продавщицамъ. Впрочемъ, ухаживанія его были самаго невиннаго свойства, а помолвки вовсе не влекли за собой обязательство жениться. Въ кругу, къ которому принадлежалъ Киппсъ,

служа приказчикомъ въ магазинѣ, помолвки не имѣютъ такого практическаго и связывающаго характера, какъ въ богатой буржуазной средѣ. Барышнямъ пріятно и удобно имѣть жениха,—и Киппсъ очень подходилъ къ роли корректнаго, услужливаго кавалера. Женихъ сопровождаетъ невѣсту. въ церковь, ходитъ съ ней гулять, — и это болѣе прилично для барышни, чѣмъ ходить съ постороннимъ ухаживателемъ, какъ горничная въ праздникъ. Таково ужъ чувство гуманности и солидарности между людьми, что въ Англіи барышня, служащая въ магазинѣ, такъ же боится походить въ чемъ-либо на горничную, какъ журналистка—на конторщицу или продавщицу, а дѣвица изъ свѣтскаго общества—на женщину, живущую самостоятельнымъ трудомъ.

Но всѣ романы Киппса, связанные съ его пребываніемъ у м-ра Шальфорда, были очень поверхностные, чуждые всякой глубины. Все сводилось къ удовлетворенію тщеславія, къ соперничеству, къ комплиментамъ. Высшей степенью близости между влюбленными было болѣе продолжительное пожатіе руки, называніе другъ друга изрѣдка по имени. Сидя въ сумеркахъ на берегу съ „невѣстой", Киппсъ иногда рѣшался обнять ее за талію и прижать къ себѣ,—ему казалось тогда, что онъ совершаетъ непомѣрную дерзость. „Владычицы его сердца" мѣнялись, какъ пассажиры въ дилижансѣ. Дилижансъ ѣдетъ по дорогѣ; въ него входятъ и выходятъ проѣзжіе совершенно равнодушно. Но все-таки, конечно, эти романтическія переживанія вносили нѣкоторое разнообразіе въ жизнь Киппса и дѣлали болѣе сноснымъ время его службы въ „Фолькстонскомъ Базарѣ".

X.

Вотъ, напримѣръ, картинка, рисующая его настроенія въ это время.

Ясный воскресный день. Дѣйствіе происходитъ въ тѣнистомъ уголку, въ сторонѣ отъ эспланады на морскомъ берегу. Прошло четыре года съ тѣхъ поръ, какъ Киппсъ разстался съ Анни. На его верхней губѣ пробивается пушокъ; костюмъ его очень франтовской. Воротникъ такъ высокъ, что представляетъ опасность для подбородка; шляпа съ приподнятыми полями, галстукъ подобранъ со вкусомъ, сапоги на пуговицахъ. Онъ постукиваетъ палкой по камешкамъ и глядитъ искоса на Фло Батсъ, молодую кассиршу. На ней великолѣпная блуза и свѣтлая шляпа. Изящество ея костюма показалось бы весьма сомнительнымъ даже

съ утонченнымъ вкусомъ, но Киппсъ увѣренъ, что она одѣта лучше всѣхъ, и очень гордится тѣмъ, что онъ ея признанный ухаживатель и что ему разрѣшается называть ее иногда по имени.

Они разговариваютъ, и Фло все время улыбается. Ея обаяніе заключается главнымъ образомъ въ томъ, что она всегда въ хорошемъ настроеніи духа.

— Вотъ видите, вы все-таки не хотите понять, что̀ я хочу сказать,—говоритъ Киппсъ.

— Что̀ же вы хотите сказать?

— Совсѣмъ не то, что̀ вы думаете.

— Ну, такъ скажите.

— А,—это совсѣмъ другой разговоръ.

Молчаніе. Они многозначительно глядятъ другъ на друга.

— Какой вы, однако, хитрый!—говоритъ Фло.

— Ну, и вы тоже не изъ простушекъ.

— Вотъ какъ. Такъ я, по вашему, хитрая?

— Я этого не говорю, но...

Молчаніе.

— Что̀ „но"?

— Вы... вы—хорошенькая.

— Ахъ, ну васъ!—По тону ея, впрочемъ, нельзя предположить, что она разсердилась.

Она ударяетъ его по рукѣ перчаткой, потомъ вдругъ взгляды ихъ обоихъ останавливаются на кольцѣ, которое она носитъ на пальцѣ. Ея улыбка сразу исчезаетъ. Опять короткое молчаніе. Потомъ глаза ихъ встрѣчаются, и она снова улыбается.

— Хотѣлъ бы я знать...—говоритъ Киппсъ.

— Что̀ бы вы хотѣли знать?

— Откуда у васъ это кольцо?

Она поднимаетъ руку съ кольцомъ и начинаетъ сама его разглядывать.

— Вотъ какъ! вы бы хотѣли знать,—медленно говоритъ она и смѣется еще обольстительнѣе; она довольна собой и тѣмъ, что возбудила ревность Киппса.

— Я собственно догадываюсь,—говоритъ онъ.

— Нѣтъ, вы не можете догадаться.

— Неужели?

— Никоимъ образомъ.

— Дайте хоть взглянуть поближе.

Она позволяетъ. Молчаніе. Потомъ слышится сдержанный пискъ; легкая борьба,—она ударяетъ Киппса по рукаву. Издали

показывается прохожій, и она быстро отдергиваетъ руку; оба молчатъ, пока прохожій не исчезаетъ изъ виду.

XI.

Несмотря на флиртъ и заботы о туалетѣ, Киппсъ вовсе не былъ удовлетворенъ своей жизнью. Его охватывало временами острое недовольство,—онъ чувствовалъ, что ему недостаетъ чего-то самаго существеннаго. Ему казалось,—почему собственно, онъ самъ не зналъ,—что жизнь его не удалась, безнадежно не удалась. Его начинало мучить сознаніе своей необразованности. Онъ понималъ, что недостаточно еще носить перчатки и умѣть занимать барышенъ его круга,—зналъ, что есть нѣчто другое, болѣе нужное и глубокое, безъ чего нельзя достичь довольства. Прежде всего нужно быть образованнымъ человѣкомъ. Онъ чувствовалъ въ себѣ бездны невѣжества, и завидовалъ людямъ высшаго круга, которые знаютъ все, что̀ нужно, и поэтому никогда не смущаются. Къ нимъ поступила въ магазинъ модистка, говорившая по-французски и по-нѣмецки, и отнеслась къ нему свысока. Онъ мстилъ ей тѣмъ, что дразнилъ ее, говоря при каждой встрѣчѣ: „Parlez vous Francey", и натравилъ на нее младшаго приказчика съ той же неизмѣнной фразой, но внутренно онъ былъ очень пристыженъ и самолюбіе его страдало.

Онъ старался восполнить самоучкой кое-какіе пробѣлы, купилъ нѣсколько книжекъ,—Шекспира, Бэкона, стихи Геррика,—но чтеніе не давалось ему. Онъ не сомнѣвался, что все, что̀ написано въ этихъ книгахъ, замѣчательно хорошо, но не могъ понять, въ чемъ собственно дѣло, о чемъ тамъ говорится. Онъ зналъ, что въ литературныхъ произведеніяхъ есть скрытый смыслъ, но забылъ все, чему его учили въ школѣ, и не могъ понять этотъ скрытый смыслъ. Конечно, подобное недовольство собой вполнѣ понятно въ молодомъ человѣкѣ. Зрѣющій духъ стремится проявить себя. У многихъ начинается въ такихъ случаяхъ тяготѣніе къ религіи,—но Киппсъ не пошелъ по этому пути, такъ какъ никто не вліялъ на него въ этомъ смыслѣ. Иные влюбляются. Другіе даютъ обѣтъ читать по одной серьезной книгѣ въ недѣлю, перечитать Библію отъ начала до конца въ годъ, сдать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, изучить химію и никогда не произносить ни слова неправды. Киппса же внутреннее недовольство направило на занятія прикладнымъ искусствомъ.

Въ послѣдній годъ ученія у м-ра Шальфорда Киппсъ посту

пилъ въ фолькстонскій союзъ молодыхъ людей, гдѣ главную роль игралъ нѣкій м-ръ Честеръ Кутъ, очень богатый молодой человѣкъ. Онъ читалъ романы м-ссъ Гемфри Уордъ и интересовался соціальными вопросами. У него было блѣдное лицо съ голубыми глазами и большой, рѣзко очерченный носъ. Онъ былъ дѣятельный членъ разныхъ комитетовъ, организаторъ публичныхъ собраній, и появлялся на трибунѣ въ торжественныхъ случаяхъ. У него была единственная сестра и они жили вмѣстѣ. Онъ прочелъ разъ членамъ союза молодыхъ людей,—въ томъ числѣ, значитъ, и Киппсу,—интересную лекцію „о самопомощи", сказавъ, что стремленіе добиваться всего собственными силами составляетъ самую характерную и цѣнную національную черту англичанъ. При этомъ онъ сильно нападалъ на нѣмцевъ, которыхъ слишкомъ много учатъ и воспитываютъ въ школахъ. Одинъ изъ слушателей, нѣмецъ-парикмахеръ, сталъ было возражать и свелъ вопросъ къ ганноверской политикѣ. Что онъ собственно хотѣлъ сказать, никто такъ и не понялъ; всѣ стали смѣяться надъ его смѣшнымъ англійскимъ языкомъ, и Киппсу было тоже такъ смѣшно, что онъ забылъ свое личное дѣло и не спросилъ Честера Кута, какъ ему заняться самообразованіемъ въ немногіе часы досуга, допускаемые „системой" м-ра Шальфорда. Только поздно ночью, лежа въ постели, Киппсъ вспомнилъ о своемъ намѣреніи поговорить съ Кутомъ. Уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда м-ръ Шальфордъ назначилъ ему первое жалованье въ двѣсти фунтовъ въ годъ, Киппсъ сталъ опять подумывать о самообразованіи: онъ случайно прочелъ статью на эту тему въ случайно попавшейся ему въ руки газетѣ. Статья была написана очень горячо и побудила Киппса навести справки о мѣстныхъ курсахъ естественныхъ наукъ и искусствъ. Посовѣтовавшись почти со всѣми въ магазинѣ и рѣшивъ послѣдовать совѣту тѣхъ, которые сочувствовали его желанію, онъ записался на занятія. Сначала онъ посѣщалъ классъ „рисованія съ натуры", потому что этому учили въ дни ранняго закрытія магазина. Занятія уже шли на ладъ, какъ вдругъ произошла перемѣна въ распредѣленіи часовъ; въ началѣ весны поэтому Киппсъ сталъ учиться рѣзьбѣ по дереву. Вниманіе его сосредоточилось сначала на этомъ полезномъ занятіи, а потомъ еще болѣе на преподавательницѣ, руководившей его занятіями.

XII.

Классъ рѣзьбы по дереву посѣщался наиболѣе избранной публикой; занятіями руководила молодая дѣвица, по имени миссъ Вольшингэмъ, а такъ какъ ей суждено обучить Киппса гораздо большему въ жизни, чѣмъ только рѣзьбѣ по дереву, то читателю слѣдуетъ сразу составить себѣ о ней вѣрное представленіе. Она была на годъ или около того старше Киппса; у нея было блѣдное, очень интеллигентное лицо, темно-сѣрые глаза и черные волосы, которые она оригинально зачесывала, копируя прическу съ картины Росетти въ Кенсингтонскомъ музеѣ. Она была очень тонка и стройна; руки у нея были красивыя и казались особенно бѣлыми по контрасту съ руками, привыкшими къ грубому труду. Она носила свободныя одежды мягкихъ цвѣтовъ, которыя вошли въ моду въ Англіи въ періодъ соціалистически-эстетическаго движенія, и до сихъ поръ служатъ своего рода вывѣской для женщинъ, которыя читаютъ повѣсти Тургенева, презираютъ банальные модные романы и отличаются возвышеннымъ образомъ мыслей. Она была довольно хороша собой, а Киппсу казалась прямо красавицей. Она сдала экзаменъ при университетѣ и имѣла дипломъ, что̀ казалось Киппсу величайшимъ подвигомъ, а то, какъ она учила превращать хорошіе куски дерева въ какіе-то никому ненужные скучные орнаменты, приводило его въ восторгъ.

Сначала Киппсу было непріятно, что его будетъ учить барышня, тѣмъ болѣе, что незадолго передъ тѣмъ Буггинсъ высказался очень рѣзко противъ того, что женщинъ принимаютъ всюду на службу.

— Мы должны содержать женъ,—говорилъ Буггинсъ (онъ-то, между прочимъ, никакой жены не содержалъ),—а какъ же это возможно, если женщины отнимаютъ у насъ хлѣбъ?—Потомъ, поговоривъ съ Пирсомъ, Киппсъ измѣнилъ свой взглядъ и рѣшилъ, что, напротивъ того, учиться у молодой барышни—еще гораздо интереснѣе. Когда же онъ увидѣлъ свою учительницу, то былъ пораженъ ея красотой и уже ни о чемъ не разсуждалъ.

На уроки приходили двѣ молодыя дѣвушки и одна дѣвица очень зрѣлаго возраста. Это были пріятельницы миссъ Вольшингэмъ, и онѣ являлись скорѣе изъ желанія поддержать ее въ такомъ интересномъ предпріятіи, чѣмъ дѣйствительно для того, чтобы научиться рѣзьбѣ по дереву. Кромѣ нихъ приходилъ еще

одинъ молодой человѣкъ съ старообразнымъ лицомъ, въ очкахъ и съ черной бородой. Онъ никогда ни съ кѣмъ не говорилъ и былъ, очевидно, очень близорукъ; затѣмъ приходили еще маленькій мальчикъ, у котораго будто бы былъ талантъ къ рѣзьбѣ по дереву, и хозяйка меблированныхъ комнатъ; она каждую зиму записывалась на какія-нибудь вечернія занятія, считая это чѣмъ-то вродѣ укрѣпляющаго средства для здоровья.—„Это очень хорошо на меня дѣйствуетъ",—говорила она Киппсу. Иногда приходилъ м-ръ Честеръ Кутъ—будто бы по комитетскимъ дѣламъ, но на самомъ дѣлѣ для того, чтобы поговорить съ менѣе привлекательной изъ двухъ молодыхъ барышенъ. Часто въ самомъ концѣ урока являлся за сестрой братъ миссъ Вольшингэмъ, тонкій молодой брюнетъ съ блѣднымъ лицомъ.

Все это общество смущало Киппса своимъ превосходствомъ во всѣхъ отношеніяхъ, а сама миссъ Вольшингэмъ казалась ему существомъ изъ высшаго міра. Ихъ разговоры, ихъ увѣренность, за которой онъ чувствовалъ какую-то недосягаемую глубину всякаго рода знаній,—все это казалось ему отголоскомъ жизни высшаго порядка, невѣдомой и недоступной для него. Онъ представлялъ себѣ, что послѣ урока они уходятъ къ себѣ домой, гдѣ всѣ великолѣпно играютъ на роялѣ, гдѣ говорятъ на всѣхъ иностранныхъ языкахъ, и гдѣ на столахъ лежитъ множество интересныхъ книгъ. Обѣды и ужины у нихъ, вѣроятно, необычайно тонкіе и сложные. Они знаютъ всѣ правила этикета, знаютъ, что слѣдуетъ дѣлать и чего слѣдуетъ избѣгать въ обществѣ, говорятъ правильнымъ языкомъ. Киппсъ покупалъ книги съ правилами свѣтскаго обращенія, а все-таки ничего не зналъ, и, очутившись среди этихъ тонко воспитанныхъ людей, чувствовалъ себя такъ, точно изъ темноты попалъ неожиданно въ ярко освѣщенную комнату. Онъ внимательно слушалъ, какъ они говорили объ экзаменахъ, о книгахъ и картинахъ, „объ академической выставкѣ"—о ней они отзывались съ легкимъ пренебреженіемъ; въ самомъ концѣ урока м-ръ Честеръ Кутъ, молодой Вольшингэмъ и двѣ барышни заспорили о чемъ-то непонятномъ—о „Вагнерѣ" или „Варгнерѣ". Киппсъ сначала не могъ ничего разобрать, а потомъ сообразилъ, что рѣчь идетъ о какомъ-то сочинителѣ музыки (онъ никогда не слыхалъ его имени отъ Каршота и Буггинса). Потомъ Вольшингэмъ сказалъ что-то, и всѣ стали смѣяться и хвалить его шутку. Киппсъ ничего не понялъ, и чувствовалъ себя какимъ-то непрошеннымъ гостемъ въ слишкомъ высокопоставленномъ обществѣ. Онъ сначала улыбнулся, чтобы показать, что понялъ шутку, но сейчасъ же сдержалъ улыбку,

чтобы показать, что не слушаетъ, и чувствовалъ себя при этомъ въ высшей степени неловко, хотя никто не обращалъ на него вниманія.

Ясно было, что единственный способъ не выдавать своего бездоннаго невѣжества заключался въ молчаніи, и онъ устремилъ всѣ свои силы на занятія рѣзьбой и безконечное преклоненіе передъ миссъ Вольшингэмъ. Она подходила къ нему, дѣлала ему указанія, и онъ чувствовалъ, что она дѣлаетъ большое усиліе надъ собой, чтобы скрыть свое презрѣніе къ нему. Дѣйствительно, вначалѣ она смотрѣла на него только какъ на неуклюжаго молодого человѣка съ красными ушами. Но первое чувство униженнаго и нѣмого поклоненія миссъ Вольшингэмъ прошло у Киппса черезъ нѣсколько времени главнымъ образомъ благодаря хозяйкѣ меблированныхъ комнатъ, которой хотѣлось разговаривать во время работы; миссъ Вольшингэмъ и ея друзья были ей не по душѣ, молодой человѣкъ въ очкахъ былъ глухъ, такъ что она естественнымъ образомъ стала обращаться къ Киппсу и вывела его такимъ образомъ изъ состоянія невмѣняемости. И тогда онъ понялъ, что его отношеніе къ миссъ Вольшингэмъ имѣетъ характеръ влюбленности,—какъ ни дерзко было подобное чувство съ его стороны.

Конечно, его новая любовь не имѣла ничего общаго съ обычнымъ флиртомъ,—это Киппсъ почувствовалъ сразу. Блѣдное одухотворенное лицо въ рамкѣ темныхъ волосъ дѣлало миссъ Вольшингэмъ существомъ особаго міра, и всякая мысль объ ухаживаніи исчезала при одномъ ея появленіи. Все, къ чему онъ или вообще кто бы то ни было могъ стремиться—это къ праву приносить ей жертвы, погибнуть на ея глазахъ за нее. Это боготвореніе миссъ Вольшингэмъ поглотило всѣ другіе сердечные интересы Киппса. Онъ думалъ о своей прекрасной учительницѣ, когда складывалъ и отмѣривалъ кретонъ; образъ ея носился передъ его глазами, когда онъ пилъ чай; все другое исчезало изъ его кругозора. Онъ молчалъ, никого не замѣчалъ вокругъ себя и обращалъ общее вниманіе своей разсѣянностью. Онъ утратилъ въ значительной степени свою популярность въ отдѣленіи кружевъ и лентъ; „готовые костюмы“ стали говорить съ нимъ ледянымъ тономъ, а „шляпы“ перестали раскланиваться съ нимъ. Но ему было все равно. Корреспонденція съ Фло Батсъ, которая началась послѣ того, какъ она оставила мѣсто у м-ра Шальфорда и поступила куда-то, „поближе домой“, прекратилась въ виду того, что онъ пересталъ отвѣчать на письма. А когда онъ узналъ, что Фло—быть можетъ, въ отместку за его равно-

душіе—подружилась съ какимъ-то молодымъ фермеромъ, онъ ничуть не огорчился.

Каждый четвергъ онъ корпѣлъ надъ своимъ кускомъ дерева, вырѣзывая какіе-то круги и завитки, которые почему-то называютъ орнаментами, и поглядывалъ тайкомъ на миссъ Вольшингэмъ, когда она отворачивалась. Круги и линіи вслѣдствіе этого выходили кривыми и неровными. Онъ даже разъ, стругая дерево, порѣзалъ слегка палецъ—и чувствовалъ, что радъ былъ бы порѣзать всѣ пальцы, еслибы можно было этимъ способомъ выразить свои чувства. Высказать ихъ словами онъ не рѣшался, боясь, что въ разговорѣ все его глубокое невѣжество сразу сдѣлается очевиднымъ.

XIII.

Разъ какъ-то она не могла открыть одного окна въ классной комнатѣ. Человѣкъ съ черной бородой продолжалъ стругать, не обращая на нее вниманія. Киппсъ не могъ упустить такого благопріятнаго случая и подскочилъ къ ней. — Позвольте мнѣ,—сказалъ онъ. Но и онъ не смогъ открыть.

— Не безпокойтесь, пожалуйста,— сказала она.

— Какое же это безпокойство?—проговорилъ онъ, задыхаясь, и рванулъ окно изо всѣхъ силъ. Вдругъ рама подалась, и рука Киппса высунулась въ пустоту.

— Вотъ тебѣ нà!—сказала миссъ Вольшингэмъ, когда стекло съ оглушающимъ звономъ упало на землю во дворъ. Киппсъ высвободилъ руку и почувствовалъ рѣзкую боль: стекло сильно порѣзало ему руку. Онъ обернулся съ выраженіемъ полнаго отчаянія на лицѣ. — Простите, ради Бога! — сказалъ онъ, видя упрекъ въ глазахъ миссъ Вольшингэмъ.—Я не думалъ, что оно такъ разобьется!—Онъ такъ это сказалъ, точно оно могло разбиться иначе и лучше. Мальчикъ, обладавшій талантомъ къ рѣзьбѣ по дереву, поглядѣлъ на минуту въ лицо Киппсу, потомъ отвернулся, стараясь не расхохотаться.

— Вы порѣзали себѣ руку,— сказала одна изъ барышенъ, болѣе некрасивая, съ лицомъ въ веснушкахъ, и на лицѣ ея выразилась готовность помочь ему и ухаживать за нимъ. Киппсъ посмотрѣлъ на свою руку и увидѣлъ на ней струйку крови.

— Вы дѣйствительно порѣзали себѣ руку,—сказала миссъ Вольшингэмъ, и Киппсъ заинтересовался своимъ порѣзомъ. Всѣ присутствующіе, въ особенности дамы и хозяйка меблированныхъ

комнатъ, и старая дѣва — заволновались и стали суетиться вокругъ него.

— Нужно перевязать,—сказала миссъ Вольшингэмъ, а Киппсъ все продолжалъ извиняться. Кровь не унималась, — необходимо было перевязать рану, и миссъ Вольшингэмъ дала свой платокъ для перевязки. Она вмѣстѣ съ барышней въ веснушкахъ стала перевязывать ему руку, и лицо миссъ Вольшингэмъ, богини Киппса, наклонилось совсѣмъ близко къ его лицу.

— Вамъ не больно? — спросила она.

— Ничуть,—отвѣтилъ Киппсъ, и онъ бы сказалъ то же самое, еслибы она стала отпиливать ему руку.

— Мы вѣдь не спеціалисты по хирургіи, — сказала ея подруга.

— Какой ужасный порѣзъ! — воскликнула миссъ Вольшингэмъ.

— Пустяки,— сказалъ Киппсъ.— Вы слишкомъ добры, что безпокоитесь. Мнѣ такъ совѣстно, что я разбилъ окно. Право, не понимаю, какъ это случилось!

— Нужно перевязать какъ можно крѣпче, чтобы остановить кровотеченіе,— сказала барышня съ веснушками.

— Да это пустяки,—повторялъ Киппсъ.—Больше всего мнѣ непріятно, что я разбилъ окно.

— Продѣньте палецъ въ узелъ, милый другъ, — сказала барышня съ веснушками.

— Чтò? — сказалъ Киппсъ. — То-есть...

Барышни занялись узломъ, а Киппсъ очень покраснѣлъ и занятъ былъ обѣими барышнями.

— Опасность не въ самомъ порѣзѣ,—пояснила старая дѣва, — а въ зараженіи крови, которое можетъ произойти потомъ. Тогда наступаетъ омертвѣніе и нужно отнять руку.

— Отнять?—спросила съ ужасомъ хозяйка меблированныхъ комнатъ.

— Отнять,—повторила старая дѣва и принялась снова обрабатывать свой кусокъ дерева.

— Ну, вотъ,—сказала барышня съ веснушками.—Кажется, теперь хорошо. Только не слишкомъ ли туго?

— Нѣтъ, — сказалъ Киппсъ.

Онъ встрѣтился глазами съ миссъ Вольшингэмъ и улыбнулся, чтобы показать, что боль и раны ему нипочемъ. —Это сущіе пустяки,—сказалъ онъ. Старая дѣва подошла къ нимъ.

— Нужно было промыть рану, — сказала она. — Я какъ разъ говорила миссъ Колинсъ...—она стала разсматривать повязку

черезъ очки.—Повязка, кажется, сдѣлана неправильно,—сказала она. — Но, авось, и такъ сойдетъ. Вамъ не больно?

— Ничуть,—отвѣтилъ Киппсъ, улыбаясь какъ храбрый солдатъ въ госпиталѣ.

— Я увѣрена, что должно быть больно! — сказала миссъ Вольшингэмъ и прибавила, помолчавъ: — Работать вы ужъ сегодня не сможете.

— Я попробую,—сказалъ Киппсъ.—Мнѣ почти совсѣмъ не больно.

Онъ сталъ героически продолжать рѣзьбу съ перевязанной рукой. Миссъ Вольшингэмъ подошла къ Киппсу, и въ глазахъ ея отразился интересъ къ нему:—Оставьте, вамъ, кажется, очень трудно, — сказала она.

— Я все-таки могу кое-какъ работать,—отвѣтилъ Киппсъ.— Мнѣ жаль терять время. У рабочаго человѣка, какъ я, вѣдь мало досуга.

Миссъ Вольшингэмъ и ея подруга поражены были смиренностью Киппса; миссъ Вольшингэмъ почувствовала желаніе ободрить его, похвалила его работу и спросила, думаетъ ли онъ продолжать учиться. Киппсъ отвѣтилъ, что ничего опредѣленнаго сказать не можетъ, не зная, какъ устроится его жизнь, но что если онъ останется въ Фолькстонѣ и на будущую зиму, то непремѣнно будетъ посѣщать классъ рѣзьбы. Миссъ Вольшингэмъ не пришло въ голову спросить, почему его дальнѣйшія занятія искусствомъ зависятъ отъ пребыванія въ Фолькстонѣ. Она стала разспрашивать его о многомъ другомъ, и между ними завязался оживленный разговоръ, продолжавшійся и тогда, когда въ комнату вошелъ м-ръ Честеръ Кутъ. А когда наконецъ бесѣда кончилась, то Киппсъ не могъ не подумать, что порѣзъ руки былъ прямымъ счастьемъ для него.

Идя спать въ этотъ вечеръ, онъ въ двадцатый разъ сталъ вспоминать весь разговоръ, останавливаясь на самыхъ интересныхъ моментахъ, вставляя то, что̀ онъ могъ бы сказать миссъ Вольшингэмъ о себѣ, съ самыми туманными намеками на свое отношеніе къ ней. Онъ самъ не зналъ, чего желать: чтобы рука его еще продолжала болѣть, — это придало бы ему интересъ въ ея глазахъ, — или чтобы она сразу совершенно излечилась,—что̀ показало бы исключительную чистоту его крови.

XIV.

Исторія съ разбитымъ стекломъ произошла въ концѣ апрѣля, а уроки рѣзьбы кончились въ маѣ. Въ теченіе этого времени было только нѣсколько незначительныхъ инцидентовъ, а чувство Киппса разгоралось все сильнѣе. Если у читателя составилось впечатлѣніе, что Киппсъ скорѣе невзраченъ съ виду, то я виновенъ въ несправедливости къ нему. Напротивъ того, барышня съ веснушками обратила вниманіе Елены Вольшингэмъ на то, что у Киппса интересное лицо. Поговоривъ о немъ, обѣ подруги рѣшили, что въ немъ есть какое-то природное изящество, и что онъ въ общемъ симпатиченъ. Барышня съ веснушками рѣшила „заняться" Киппсомъ. Ей было девятнадцать лѣтъ; она любила покровительствовать и опекать слабыхъ, и „заняться" Киппсомъ ей было гораздо интереснѣе, чѣмъ рѣзать по дереву. Она сразу увидѣла, что Киппсъ влюбленъ въ Елену Вольшингэмъ; ей это показалось очень интереснымъ и романтичнымъ, и она рѣшила покровительствовать его любви. Благодаря ея участію, всѣ стали симпатизировать Киппсу. Всѣ знали, что онъ несчастенъ въ своей средѣ, гдѣ его „не понимаютъ". Онъ сказалъ своей покровительницѣ, что не умѣетъ угождать покупателямъ, а она вывела изъ этого, что „у него слишкомъ возвышенная душа для его профессіи". Въ немъ все болѣе росло недовольство судьбой, ужасное сознаніе своей невоспитанности и необразованности, но теперь эти чувства были не такъ мучительны. Напротивъ того, они доставляли ему даже нѣкоторое удовлетвореніе тѣмъ, что вызывали симпатіи его новой покровительницы. Однажды, за обѣдомъ, Каршотъ и Буггинсъ стали говорить о писателяхъ и о томъ, какъ легко имъ живется,—конечно, при удачѣ. Приводились знаменитые примѣры: Самуэля Джонсона, который пришелъ въ Лондонъ безъ сапогъ, а потомъ занялъ такое высокое положеніе въ обществѣ.

— И вѣдь какъ имъ легко, — сказала миссъ Мергль.—Попишутъ часокъ-другой, — вотъ и вся работа за день. Совсѣмъ какъ лорды.

— Ну, не такъ-то это легко, какъ вамъ кажется,—сказалъ Каршотъ.

— Я бы съ удовольствіемъ помѣнялся съ ними, — сказалъ Буггинсъ.—Хотѣлъ бы я видѣть, какъ бы эти знаменитые писатели справились здѣсь, провѣряя инвентарь съ хозяиномъ.

— Они, вѣрно, списываютъ много другъ у друга,—сказала миссъ Мергль.

— Еслибы и такъ, все-таки имъ много приходится писать собственными руками,—возразилъ ей Каршотъ.

Они продолжали говорить о литературной дѣятельности, о положенiи, которое она даетъ въ обществѣ, о томъ, какъ много удовлетворенiй она доставляетъ для самолюбiя.

— Всюду продаются портреты. Какъ только сошьетъ себѣ писатель новый сюртукъ, или писательница—новое платье, такъ ихъ сейчасъ фотографируютъ—почти какъ членовъ королевской семьи,—сказала миссъ Мергль.

Этотъ разговоръ произвелъ сильное впечатлѣнiе на Киппса. Вотъ, кажется, возможность перекинуть мостъ черезъ пропасть! Вотъ возможность, выходя даже изъ низшихъ классовъ, подняться на ту высоту общественнаго положенiя, которая составляетъ предметъ мечтанiй всякаго англичанина,—на ту высоту, когда чувствуешь себѣ ровней всякаго лорда! Онъ думалъ объ этомъ столько, что сталъ мечтать на яву. „Что̀, еслибы, скажемъ, написать книгу—подъ псевдонимомъ, оставаясь въ то же время приказчикомъ, и книга имѣла бы успѣхъ... Конечно, это невозможно; но что если...“ Онъ долго носился съ этой мечтой.

На слѣдующемъ урокѣ у миссъ Вольшингэмъ онъ сознался—послѣ долгаго допрашиванiя,—что его истинное призванiе—быть писателемъ, но что судьба не даетъ ему возможности слѣдовать своему призванiю. Послѣ этого Киппсъ замѣтилъ, что ему удалось возбудить интересъ къ себѣ. Всѣ смотрѣли на него какъ на талантъ, страдающiй отъ коварства судьбы, и это какъ бы уничтожало пропасть, отдѣлявшую его отъ миссъ Вольшингэмъ. Онъ былъ несчастенъ, жалокъ — но не такой, какъ „простые“. Даже и теперь, если ему помочь...

Обѣ дѣвушки, особенно барышня съ веснушками, старались поднять его энергiю, заставить его проявить свой талантъ. Обѣ были еще настолько молоды, что считали все возможнымъ для прiятныхъ молодыхъ людей,—въ особенности если они находятся подъ женскимъ влiянiемъ. Барышня съ веснушками была, такъ сказать, режисеромъ въ этомъ дѣлѣ, а миссъ Вольшингэмъ—божествомъ, во имя котораго все совершалось. Она и смотрѣла на Киппса взглядомъ собственницы. Онъ ей принадлежалъ всецѣло,—и она это знала.

Съ ней самой Киппсъ почти не говорилъ. Все, что̀ онъ намѣревался сказать ей смѣлаго и рѣшительнаго, онъ или совсѣмъ не говорилъ, или съ нѣкоторыми измѣненiями передавалъ ея по-

другѣ. Она тоже проникалась его боготвореніемъ Елены Вольшингэмъ и, возвращаясь съ нею домой, говорила ей, что она очаровательна, изумительна во всѣхъ отношеніяхъ, и что Киппсъ обожаетъ ее.

Всѣ эти сложныя и пріятныя отношенія закончились, однако, съ ошеломляющей быстротой. Киппсъ не думалъ о времени, о календарѣ, — и какъ разъ когда надежда стала расцвѣтать въ его сердцѣ, —пришелъ конецъ всему.

Посреди послѣдняго урока барышня въ веснушкахъ стала спрашивать его, что онъ будетъ дѣлать послѣ окончанія занятій, и выразила надежду, что онъ будетъ и дальше идти по пути самоусовершенствованія. Онъ обѣщалъ, но сказалъ, что не знаетъ, какъ доставать книги. Она научила его, какъ доставать книги изъ публичной библіотеки. Затѣмъ она ему сказала, что уѣдетъ на лѣто въ сѣверный Валлисъ. Это извѣстіе не особенно огорчило его. Онъ сказалъ, что будетъ продолжать учиться рѣзьбѣ по дереву съ осени, если...

Она не настаивала на продолженіи фразы изъ деликатности, и они замолчали, глядя оба на миссъ Вольшингэмъ.

Въ это время всѣ стали подниматься и складывать вещи, потомъ распрощались съ миссъ Вольшингэмъ, и Киппсъ очутился на лѣстницѣ съ учительницей и ея подругой. Онъ только тогда понялъ, что дѣйствительно кончился послѣдній урокъ. Наступило короткое молчаніе, и дѣвушка въ веснушкахъ зачѣмъ-то ушла обратно въ классъ и оставила въ первый разъ Киппса и миссъ Вольшингэмъ наединѣ. У Киппса захватило дыханіе. Она взглянула на него съ сочувствіемъ, отчасти съ любопытствомъ, и протянула ему свою бѣлую руку.

— Прощайте, м-ръ Киппсъ,—сказала она.

Онъ взялъ ея руку и задержалъ въ своей.

— Я готовъ на все,—сказалъ Киппсъ, но не имѣлъ достаточно смѣлости, чтобы прибавить: „для васъ". Онъ неловко запнулся, пожалъ ей руку и сказалъ:—Прощайте.

— Желаю вамъ пріятно провести лѣто,—сказала она.

— Я во всякомъ случаѣ вернусь на уроки въ будущемъ году,— храбро сказалъ Киппсъ, и сталъ уже спускаться съ лѣстницы.

— Надѣюсь,—сказала миссъ Вольшингэмъ.

— А вы этого желаете?—взволнованно спросилъ онъ, возвращаясь къ ней.

— Я надѣюсь, что всѣ возобновятъ занятія.

— Я во всякомъ случаѣ вернусь, — сказалъ Киппсъ. — Въ этомъ вы можете не сомнѣваться.

Онъ произнесъ это многозначительнымъ тономъ.

Они нѣсколько времени поглядѣли другъ на друга молча.

— Прощайте,—сказала она.

Киппсъ приподнялъ шляпу. Она повернулась къ дверямъ классной комнаты.

— Ну чтò?—спросила дѣвушка въ веснушкахъ, возвращаясь къ ней.

— Ничего, — сказала Елена. — Теперь во всякомъ случаѣ ничего.

Она стала энергично собирать разбросанные по столамъ инструменты. Дѣвушка въ веснушкахъ вышла на лѣстницу и постояла тамъ съ минуту. Вернувшись, она въ упоръ поглядѣла на свою подругу. Весь этотъ инцидентъ показался ей значительнымъ. Она видѣла воочію побѣду женскихъ чаръ надъ сердцемъ юноши, и каковы бы ни были обстоятельства, разница положеній— все-таки это казалось очень важнымъ, и она не могла внутренно не упрекнуть Елену въ чрезмѣрной жесткости характера.

Съ англ. З. В.

* * *

Сердце старое свободу ждать устало;
Умъ безсмыслицу разгадывать усталъ;
Позабыться бы душа моя желала;
Кой о чемъ бы я охотно помечталъ...

Но намъ выходы къ отрадамъ всѣ закрыты;
Всюду злобная дѣйствительность грозитъ;
Ею радости на родинѣ убиты,
Духъ довѣрія предательски убитъ.

Алексѣй Жемчужниковъ.

11-го марта 1906 г. Тамбовъ.

ПО ПОВОДУ
АГРАРНАГО ВОПРОСА

Письмо изъ Америки.

Посылаю вамъ нѣсколько страничекъ замѣчаній по поводу аграрнаго вопроса. Вамъ можетъ показаться слишкомъ смѣлымъ, что я изъ моего „прекраснаго далёка" рѣшаюсь писать о русскихъ дѣлахъ. Но я думаю, что по нѣкоторымъ, до сихъ поръ чисто теоретическимъ, вопросамъ я достаточно освѣдомленъ, получая *всѣ* крупные русскіе журналы и выписывая *всѣ* относящіяся къ нимъ отдѣльныя изданія и брошюры [1]). Кромѣ того, вопросъ этотъ имѣетъ всемірный характеръ, и мое „западничество" невольно возмущается той обособленностью, которая придается русскому малоземелью лучшими русскими людьми.

Съ большимъ интересомъ прочелъ я, между прочимъ, въ одной изъ петербургскихъ газетъ платформу новой у васъ партіи, подъ которой нашелъ имена нѣсколькихъ очень симпатичныхъ мнѣ людей. Я перевожу здѣсь всѣ эти новыя русскія платформы на англійскій языкъ, дабы знакомить съ ними нашу американскую публику. Простите меня великодушно, если и по поводу этихъ платформъ я рѣшусь высказать нѣсколько замѣчаній, прежде нежели перейду къ моему главному предмету.

Во-первыхъ, всѣ онѣ слишкомъ длинны и детальны. Политическій опытъ Америки учитъ насъ, что политическая платформа партіи, дабы быть эффективной, *должна быть коротка*. Дабы партія могла имѣть успѣхъ, нельзя взнуздывать ея членовъ слишкомъ коротко. А это

---

[1]) Съ своей стороны, можемъ сказать, что авторъ, удалившійся 25 лѣтъ тому назадъ въ Америку, новое свое отечество, не только долго передъ тѣмъ жилъ, но и дѣйствовалъ среди насъ, а потому условія нашей жизни ему вполнѣ извѣстны.—*Ред.*

именно то, что̀ дѣлаютъ *всѣ* ваши платформы. Взнузданность вызываетъ разрозненность, расколъ. А русскимъ либераламъ теперь необходимо прежде всего единство. Дѣленіе на группы вслѣдствіе разногласій относительно деталей не слѣдуетъ выносить въ публику. Это должно быть домашнимъ дѣломъ, иначе оно ослабляетъ платформу и по главнымъ пунктамъ. Всѣмъ либеральнымъ фракціямъ слѣдовало бы объединиться на общей, краткой и ясной платформѣ, не превышающей 10—12 пунктовъ. Парламентарная свобода еще не установлена въ Россіи, и вамъ предстоитъ тяжелая борьба прежде всего за ея установленіе. Если вы разрознены изъ-за академическихъ тонкостей, вы сами себя побьете на выборахъ въ Думу. Необходимо отбросить детали, поступиться разногласіями по ихъ поводу и объединить *всѣхъ* либераловъ по тѣмъ главнымъ пунктамъ, по которымъ *должно* добиться соглашенія. Это то, что̀ у насъ называется practical politics, то, безъ чего побѣда оказывается невозможной на опытѣ. А вы съ теченіемъ времени дробитесь все больше и больше. 59 пунктовъ въ политической программѣ—это 59 поводовъ къ дробленію. Опытъ покажетъ вамъ, что такая платформа *непрактична*. Уговоритесь въ главномъ, а компромиссъ въ будущемъ уладитъ детали. Если же вы и эти детали обращаете въ заповѣди, вы умышленно уменьшаете свою силу. Помните „Матреновцевъ“ въ Тургеневскомъ „Дымѣ“? Именно къ этому и приведетъ васъ детальность вашихъ политическихъ платформъ, какъ ни симпатичны онѣ могутъ быть сами по себѣ.

Еще разъ простите за смѣлость, но я пишу все это только потому, что думаю, что теперь вамъ нелишни именно *практическія* соображенія, которыя вырабатываются только опытомъ, котораго у васъ такъ мало; а засимъ—перехожу къ моему дѣлу.

I.

Въ числѣ многихъ жгучихъ современныхъ русскихъ экономическихъ потребностей вопросу о крестьянскомъ малоземельи, безспорно, принадлежитъ первое мѣсто. Уже много лѣтъ русская печать занималась его констатированіемъ и описаніемъ, оказываясь, какъ и во всемъ остальномъ, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; событія послѣдняго времени внезапно перенесли его съ исключительно теоретической почвы на практическую, потребовали положительнаго и немедленнаго отвѣта, и, повидимому, сдѣлаютъ изъ него тотъ краеугольный камень, на которомъ въ политико-экономическомъ отношеніи, а возможно—и въ политическомъ, будетъ основано все будущее Государственной Думы. Самъ по себѣ, вопросъ этотъ, конечно, не только созрѣлъ, но и

давно перезрѣлъ настолько, что, къ сожалѣнію, вызванная этой его перезрѣлостью острая политическая его сторона, въ смыслѣ необходимости быстраго удовлетворенія такъ опаснаго въ настоящее время крестьянскаго недовольства, должна будетъ болѣе или менѣе влiять на законодателя и отуманивать его мудрость и безпристрастіе. Острота требованій минуты и „злобы дня" можетъ повліять крайне существенно на способы его разрѣшенія въ томъ или другомъ смыслѣ. Онъ такъ долго и упорно содержался правительствомъ подъ сукномъ, что правильное и постепенное его разрѣшеніе сдѣлалось чрезвычайно труднымъ, а при общемъ возбужденномъ состояніи умовъ крайне опаснымъ и, можетъ быть, даже недостижимымъ. При нормальныхъ условіяхъ, земельное законодательство какой бы то ни было страны вообще крайне неповоротливо, и воздѣйствіе его медленно,—тѣмъ болѣе необходима осторожность при какихъ-либо радикальныхъ его переустройствахъ. Поэтому всяческія соображенія по его поводу особенно умѣстны именно теперь. Намъ пришлось познакомиться съ крестьянскимъ малоземельемъ на практикѣ еще тридцать-пять лѣтъ тому назадъ до нашего переселенія въ Америку, когда оно уже начало давать себя чувствовать, какъ неизбѣжный результатъ недостаточности надѣловъ по Положенію о крестьянахъ 19 февраля 1861 года, и съ тѣхъ поръ мы всегда съ особеннымъ интересомъ слѣдили по мѣрѣ возможности за его постепеннымъ развитіемъ и обостреніемъ.

Въ январьской книжкѣ „Журнала для всѣхъ" за текущій годъ помѣщены г. В. В. чрезвычайно поучительныя „Статистическія таблицы" о современномъ состояніи землевладѣнія въ 49 губерніяхъ европейской Россіи—безъ царства польскаго и нѣкоторыхъ другихъ окраинъ. Таблицы эти опредѣляютъ все количество удобной къ воздѣлыванію земли на этомъ пространствѣ въ 184 милліона десятинъ, лѣсовъ въ 151 м. д., изъ нихъ около ²/₃ въ пяти сѣверныхъ губерніяхъ, такъ что на всѣ остальныя 44 губерніи приходится всего 57 м. д. лѣса—въ томъ числѣ 10 м. д. въ крестьянскихъ надѣлахъ,—и такъ какъ быстрая вырубка лѣсовъ и такъ уже успѣла нанести русскому земледѣлію самый существенный ударъ, то едвали возможно принимать ихъ въ соображеніе; небольшое, сравнительно, оставшееся ихъ пространство должно быть сохранено во что бы то ни стало. Слѣдовательно, обсужденію можетъ подлежать только распредѣленіе удобной къ воздѣлыванію земли въ настоящее время, т.-е. 184 милліона десятинъ. Изъ тѣхъ же таблицъ оказывается, что изъ нихъ находится во владѣніи донского и оренбургскаго казачествъ 15 милліоновъ, въ крестьянскихъ надѣлахъ 110 м., въ частномъ крестьянскомъ владѣніи 15 м., и во всѣхъ остальныхъ родахъ частнаго владѣнія, включая казну и удѣлъ, 44 милліона десятинъ. О малоземельи донскихъ ка-

заковъ было немало самыхъ вѣскихъ свидѣтельствъ въ русской печати послѣднихъ лѣтъ, и, въ общемъ разсужденіи о распредѣленіи земли, казачьи земли ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ крестьянскихъ надѣловъ; причисляя ихъ къ нимъ, оказывается, что въ крестьянскомъ владѣніи уже находится въ настоящее время 140 м. д. изъ общаго пространства въ 184 м., то-есть, нѣсколько болѣе, чѣмъ $^3/_4$ всего, и только меньше $^1/_4$ въ пользованіи всѣхъ остальныхъ родовъ частнаго землевладѣнія.

Какъ на одно изъ существенныхъ средствъ къ уменьшенію крестьянскаго малоземелья печать указываетъ на необходимость обращенія удобныхъ къ воздѣлыванію земель казны и удѣла, теперь составляющихъ оброчныя статьи, во владѣніе крестьянъ. Но ихъ оказывается всего 4,6 м. д., и изъ нихъ больше половины—около 2,4 м. д.—въ тѣхъ же 5 сѣверныхъ губерніяхъ и въ 3 заволжскихъ, т.-е. именно тамъ, гдѣ крестьянское малоземелье еще не дошло до острой формы. Остальные 2,2 м. д. составляютъ всего нѣсколько больше 1% всего пространства и значительно меньше 2% уже находящагося въ крестьянскомъ владѣніи, да и распредѣлены они крайне неравномѣрно, преимущественно на окраинахъ, въ центрѣ же, гдѣ малоземелье особенно чувствительно, ихъ почти совсѣмъ нѣтъ. На 8 среднихъ земледѣльческихъ губерній, съ населеніемъ около 20 милліоновъ душъ, ихъ приходится всего около 175.000 десятинъ—меньше, чѣмъ капля въ морѣ. Кромѣ того, всѣ эти земли и такъ уже находятся цѣликомъ въ пользованіи крестьянъ, правда, какъ оброчныя статьи, т.-е. за извѣстную арендную плату, и передача ихъ въ постоянное крестьянское владѣніе измѣнитъ, слѣдовательно, только форму, а не сущность дѣла. Та же печать серьезно обсуждаетъ вопросъ объ отчужденіи всѣхъ родовъ частнаго землевладѣнія и передачѣ ихъ во владѣніе крестьянъ. Платформы нѣкоторыхъ политическихъ партій предлагаютъ ту же мѣру въ той или другой формѣ. Само собой разумѣется, что такое разрѣшеніе вопроса о крестьянскомъ малоземельи прежде всего потребуетъ радикальной реорганизаціи всего юридическаго положенія о правѣ собственности. Затѣмъ, это будетъ патернализмъ, классовое законодательство,—на нашъ взглядъ, совершенно несовмѣстимое съ самыми основами понятія о равноправности всѣхъ гражданъ страны передъ закономъ. Всякое такое классовое законодательство только продолжитъ и усилитъ обособленность крестьянства какъ сословія, отдѣлитъ его интересы отъ остальныхъ классовъ общества и не только поддержитъ, но и усилитъ сословную рознь, факторъ наименѣе желательный при обновленіи политической организаціи государства на принципахъ права, равенства и справедливости. Уменьшится производительность этихъ 44 м. десятинъ приблизительно на одну треть,

такъ какъ многочисленными свидѣтельствами печати за послѣдніе года доказано, что производительность крестьянскихъ надѣловъ повсемѣстно отстаетъ, въ среднемъ, въ этой пропорціи отъ земель, находящихся въ частномъ владѣніи. Наконецъ, или совершенно остановится, или затормазится въ самой значительной степени всякій прогрессъ въ сельскомъ хозяйствѣ вообще, такъ какъ при настоящемъ положеніи крестьянскаго хозяйства прогрессъ этотъ и происходитъ, и распространяется только по иниціативѣ именно частнаго землевладѣнія. Отсталость и малая производительность русскаго сельскаго хозяйства и такъ уже провербіальны, съ уничтоженіемъ же частнаго землевладѣнія оно совершенно застынетъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторый, довольно значительный періодъ времени, и тогда именно, когда ужасающія потери страны въ разныхъ формахъ за послѣдніе два года требуютъ наивозможнаго напряженія всѣхъ ея производительныхъ силъ.

Допустимъ, однако, что Государственная Дума измѣнитъ существующія теперь политико-экономическія основы государства, установитъ принципъ государственнаго соціализма, отчудитъ всю поземельную собственность, находящуюся въ частномъ владѣніи, и передастъ ее въ пользованіе крестьянъ. Радикальнѣе этого предположенія нельзя ничего и выдумать. Это—maximum того, о чемъ можетъ мечтать современное русское крестьянское малоземелье.

Въ такомъ случаѣ, къ тѣмъ 140 м. д., которыми уже пользуются теперь крестьяне, прибавится еще 44 м., т.-е. нѣсколько меньше одной четверти того, чѣмъ они уже владѣютъ. Если же признать, что они уже и такъ въ сущности владѣютъ оброчными землями казны и удѣла, пропорція эта еще уменьшится, и будетъ 144,6 къ 39,4.

Въ распредѣленіи частновладѣльческихъ земель по районамъ и губерніямъ замѣчается та же крайняя неравномѣрность, что и въ вышеописанномъ уже распредѣленіи удобныхъ къ воздѣлыванію земель казны и удѣла. Отношеніе частно-владѣльческихъ земель къ крестьянскимъ надѣламъ гораздо выше на окраинахъ, въ губерніяхъ прибалтійскихъ, литовскихъ, бѣлорусскихъ и заволжскихъ, чѣмъ въ центрѣ, въ районахъ среднемъ земледѣльческомъ и промышленномъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ это отношеніе въ нѣсколько разъ выше, чѣмъ въ другихъ. Оно особенно низко именно въ губерніяхъ съ наибольшимъ крестьянскимъ малоземельемъ. Дабы достигнуть хотя бы приблизительной равномѣрности, придется самымъ существеннымъ образомъ перетасовать все крестьянское населеніе европейской Россіи, прибѣгнуть къ массовымъ переселеніямъ изъ одного района въ другой. Мы склонны думать, что въ практическомъ смыслѣ это окажется совершенно неразрѣшимой задачей, если поставить себѣ цѣлью отвѣ-

чающее дѣйствительнымъ потребностямъ равномѣрное распредѣленіе, а не канцелярско-бумажное теоретическое псевдо-рѣшеніе [1]).

Допустимъ, однако, что и этотъ, несомнѣнно крайне трудный въ смыслѣ практическаго осуществленія, вопросъ будетъ удовлетворительно разрѣшенъ. Окажется, что цѣной небывалаго въ лѣтописяхъ всего міра по своей грандіозности и рискованности государственнаго эксперимента настоящій крестьянскій надѣлъ увеличится меньше, чѣмъ на одну четверть. Какъ распредѣлить это увеличеніе? Кому именно дать прибавку? Всему ли крестьянству, или только той его части, которая страдаетъ отъ малоземелья наиболѣе, напр. сидящимъ на минимальныхъ надѣлахъ или на „дарёнкѣ"? Какъ опредѣлить эти границы, и на чемъ основать такое опредѣленіе? Дабы разрѣшить эти вопросы хоть сколько-нибудь основательно, не такъ очевидно поверхностно, какъ было разрѣшено простымъ „быть по сему" раздѣленіе Россіи на полосы и опредѣленіе въ нихъ размѣровъ надѣловъ Положеніемъ 19-го февраля 1861 года, необходима прежде всего обширнѣйшая государственная кадастровая работа, потребующая огромныхъ силъ и многихъ лѣтъ, дабы справиться съ ней хоть сколько-нибудь удовлетворительно. Правда, въ нѣкоторыхъ земскихъ губерніяхъ уже много лѣтъ существуютъ статистическія бюро, имѣются многія цѣнныя мѣстныя изслѣдованія, но всѣ подобныя работы, отличающіяся строго индивидуальнымъ характеромъ, предпринимались не по одному какому-либо опредѣленному плану, а сообразно различнымъ вѣяніямъ времени и личнымъ взглядамъ руководителей, тормазились всячески въ громадномъ большинствѣ случаевъ неблагосклоннымъ къ нимъ отношеніемъ центральной и мѣстныхъ властей, и потому едвали могутъ оказать въ настоящемъ случаѣ хоть сколько-нибудь существенную помощь. За доказательствами ходить недалеко. Даже для составленія такихъ общихъ „Статистическихъ таблицъ", какъ вышеуказанныя, г. В. В. долженъ былъ обратиться для нѣкоторыхъ ихъ графъ къ даннымъ 1887 и даже 1877 годовъ,—теперь, конечно, совершенно уста-

[1]) Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки за послѣднее десятилѣтіе были открыты для заселенія безземельными гражданами одна за другой нѣсколько бывшихъ индѣйскихъ резервацій, суживаемыхъ отъ времени до времени за вымираніемъ индѣйцевъ. Практическія трудности безпристрастнаго распредѣленія земель вызвали примѣненіе очень своеобразнаго и грубаго метода. Резерваціи эти предварительно размежевываются на равные участки извѣстной величины, и въ задолго заранѣе опредѣленный и опубликованный во всеобщее свѣдѣніе день и часъ, по выстрѣламъ на извѣстныхъ пунктахъ границъ, охраняемыхъ дотолѣ войсками, впускаютъ желающихъ занять эти участки, причемъ происходитъ настоящее состязаніе толпы, какъ на бѣгахъ или гонкахъ. Это, въ сущности, право перваго захвата. Но, конечно, государственный соціализмъ не можетъ допустить такого вульгарно-практическаго метода.

рѣнымъ. Ничего систематическаго и хоть сколько-нибудь точнаго, отвѣчающаго настоящей цѣли, русская статистика собою не представляетъ.

II.

Но допустимъ опять, что и всѣ эти, кажущіяся намъ совершенно непреоборимыми, трудности будутъ-таки въ концѣ концовъ такъ или иначе разрѣшены. Окажется на очереди вопросъ о возможномъ минимумѣ крестьянскаго надѣла для различныхъ мѣстностей. Одна исторія голодовокъ хотя бы послѣднихъ 15 лѣтъ доказываетъ безусловно, что ни одинъ районъ 49 губерній европейской Россіи отъ нихъ не застрахованъ, а что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онѣ сдѣлались чуть ли не нормальнымъ періодическимъ явленіемъ. Отъ нихъ, очевидно, не свободны даже мѣстности съ максимумами современныхъ крестьянскихъ надѣловъ. Отсюда ясно, что всякая такая нормировка минимумовъ неизбѣжно будетъ крайне опасной, даже если только поставить себѣ цѣлью одно избѣжаніе голодовокъ; а неужели тотъ потрясающій весь цивилизованный міръ переворотъ, который теперь переживаетъ Россія, неужели тѣ страшныя жертвы, которыя уже поглощены и еще будутъ поглощены имъ, могутъ удовольствоваться только такой цѣлью? Въ Россіи не было періодическихъ народныхъ переписей, но едвали подлежитъ сомнѣнію, что, со времени нарѣзки настоящихъ надѣловъ, произведенной, въ среднемъ, около сорока лѣтъ тому назадъ, крестьянское населеніе, несмотря на всѣ обуревавшія его за этотъ періодъ хроническія невзгоды, по крайней мѣрѣ удвоилось, и что за то же время потребности его значительно поднялись, тогда какъ производительность земли уменьшилась. Согласно всѣмъ имѣющимся на лицо даннымъ, крестьянское благосостояніе, въ среднемъ, падало и все еще падаетъ почти повсемѣстно. Задачей должна быть не только остановка этого паденія, но и поворотъ въ противоположную сторону. Если въ политико-экономическомъ отношеніи главной причиной этого положенія является малоземелье, дальнѣйшая искусственная нормировка надѣловъ,—то-есть, то же средство, благодаря абсолютной несостоятельности котораго мужикъ обнищалъ,—должна быть безусловно отвергнута. Если и максимумъ надѣла не ограждаетъ его отъ грозящей каждый годъ опасности голодовки, то какъ же рѣшиться опредѣлить минимумъ? Дробленіе крестьянскихъ надѣловъ во многихъ мѣстностяхъ уже дошло до абсурдно мелкихъ предѣловъ, по своей незначительности прямо исключающихъ возможность благосостоянія, хотя они и привязываютъ къ себѣ мужика. Задача, конечно, состоитъ

не въ томъ, чтобы дать каждому клочокъ земли, не обращая вниманія на то, способенъ ли этотъ клочокъ дать средства средней семьѣ вести человѣческое существованіе. Именно благодаря такимъ-то отеческимъ искусственнымъ нормамъ во всей его жизни, мужикъ и былъ обреченъ на вѣчную нищету и невѣжество. Дабы вывести его изъ нихъ посредствомъ радикальной земельной реформы, минимумъ надѣла долженъ не только обезпечить его отъ хроническаго недоѣданія и періодическихъ голодовокъ, а и дать ему возможность умственнаго и нравственнаго роста. А для этого такой минимумъ долженъ быть, очевидно, даже больше настоящихъ максимумовъ. Иначе реформа будетъ мертворожденной, иначе игра не будетъ стоить свѣчъ. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ и не было такихъ нормировокъ, и въ Россіи онѣ оказались никуда негодными при ихъ недостаточности, а экспериментировать далѣе въ этомъ же направленіи, очевидно, можно только при самомъ существенномъ ихъ увеличеніи.

Тѣмъ не менѣе, допустимъ, что, несмотря на всѣ эти соображенія, Государственная Дума найдетъ-таки основанія къ опредѣленію такихъ минимумовъ. Это будетъ или такое же по существу „быть по сему", какимъ руководствовалось, 45 лѣтъ тому назадъ, Положеніе 19 февраля 1861 г., или, въ лучшемъ случаѣ, компромиссъ, обманчивый палліативъ, ограниченный возможностями всего положенія. Такіе минимумы, дабы имѣть смыслъ, должны будутъ, по крайней мѣрѣ, отвѣчать возможности веденія на нихъ самостоятельнаго хозяйства; въ то же время, они будутъ ограничены тѣмъ фактомъ, что максимумъ могущаго подлежать распредѣленію пространства удобной къ воздѣлыванію земли ограниченъ 44 м. д., еще находящихся въ частномъ владѣніи. По имѣющимся у насъ даннымъ и свидѣтельствамъ печати, процентъ совершенно безземельныхъ крестьянъ повышался за послѣднее время очень быстро по всей Россіи вообще, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ особенности. Община не спасала слабыхъ своихъ членовъ отъ обезземеливанія, и процентъ ихъ особенно высокъ именно въ страдающихъ отъ малоземелья губерніяхъ. Мы не будемъ далеки отъ истины, если предположимъ, что бо́льшая половина этихъ 44. м. десятинъ должна неизбѣжно уйти только на удовлетвореніе этихъ безземельныхъ предполагаемыми минимумами, причемъ неизбѣжно явится безусловная необходимость самой широкой финансовой помощи массѣ имѣщихъ заново организоваться поселеній. Одинъ этотъ пунктъ, по громадности и необезпеченности потребныхъ затратъ, заставляетъ насъ крайне сомнѣваться въ его осуществимости. Остающаяся за этимъ удовлетвореніемъ безземельныхъ меньшая часть 44 м. д. можетъ поступить на увеличеніе минимальныхъ настоящихъ надѣловъ, причемъ какого-либо существеннаго увеличенія ихъ, за громадностью

потребности и незначительнымъ, сравнительно, свободнымъ пространствомъ, ожидать, конечно, нельзя. Затѣмъ, большинство крестьянскихъ надѣловъ, за совершеннымъ истощеніемъ запаса, должно будетъ остаться въ ихъ настоящихъ размѣрахъ [1]).

III.

Изъ всего вышеизложеннаго ясно, что всей могущей пойти въ распредѣленіе удобной къ воздѣлыванію земли, въ количествѣ 44 м. десятинъ, еще находящейся въ частномъ владѣніи, совершенно недостаточно для того, чтобы сколько-нибудь существенно уменьшить наросшее зло крестьянскаго малоземелья. Это былъ бы временный палліативъ, неизбѣжно и неравномѣрно распредѣленный, который обошелся бы государству въ совершенно непосильную цѣну и улучшилъ бы положеніе только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на нѣкоторое, сравнительно очень короткое время. При нормальномъ ростѣ крестьянскаго населенія, если всѣ другія политическія и политико-экономическія жизненныя его условія не измѣнятся, если производительность земли не будетъ быстро и внезапно поднята, если мужикъ останется мужикомъ, страна еще на глазахъ настоящаго поколѣнія опять окажется въ состояніи такого же остраго кризиса малоземелья, какъ и сегодня. Мы даже думаемъ, что вліяніе этой мѣры совершенно исчезнетъ въ какія-нибудь 20—30 лѣтъ даже въ наиболѣе облагодѣтельствованныхъ ею мѣстностяхъ, и что на большинствѣ пространства 49 губерній европейской Россіи даже въ теченіе этого, чрезвычайно короткаго въ историческомъ смыслѣ, періода времени кризисъ этотъ будетъ существовать и продолжать подтачивать и разлагать крестьянское благосостояніе, притомъ быстрѣе и дѣйствительнѣе, чѣмъ онъ это успѣвалъ дѣлать до сихъ поръ. А когда онъ опять обострится, новаго

[1]) При этомъ необходимо имѣть въ виду, что, благодаря всей политикѣ правительства за послѣднія двадцать лѣтъ, въ смыслѣ поддержки дворянскаго сословія, земля, находящаяся въ частномъ владѣніи, была искусственно поднята въ цѣнѣ до совершенно абсурдныхъ размѣровъ. Ея производительность отнюдь не соотвѣтствуетъ ея настоящей цѣнности, вызванной именно крестьянскимъ малоземельемъ и тѣмъ обособленнымъ, подчиненнымъ положеніемъ, которое занимаетъ мужикъ въ общемъ строѣ государства. Тѣмъ не менѣе, отчужденіе пришлось бы произвести именно по этой, искусственно приподнятой оцѣнкѣ, такъ какъ громадное большинство ихъ заложено и уже оплачено государствомъ въ формѣ сословныхъ банковъ. Крестьянамъ, которые воспользовались бы этими землями по ихъ распредѣленіи, пришлось бы уплачивать очень высокую, совершенно несообразную съ ихъ производительностью ренту, и эффективность распредѣленія была бы, само собой разумѣется, урѣзана, благодаря этому факту, самымъ существеннымъ образомъ.

распредѣленія земель сдѣлать будетъ нельзя, такъ какъ весь ихъ запасъ уже будетъ истощенъ настоящимъ. Повторится басня о Тришкиномъ кафтанѣ въ самомъ грандіозномъ масштабѣ.

Кризисъ крестьянскаго малоземелья не только существуетъ, но и несомнѣнно обострился уже до того, что приходится, повидимому, разсчитывать на чудеса, дабы справиться съ нимъ. Но секретъ его успѣшнаго разрѣшенія, по нашему крайнему разумѣнію, лежитъ совсѣмъ не въ насильственномъ захватѣ земель частнаго владѣнія, патернальномъ классовомъ законодательствѣ, нормировкѣ максимумовъ и минимумовъ надѣловъ и тому подобной опекѣ. Такая-то именно опека и вызвала настоящій кризисъ, и лечить его тѣми же методами прямо неразумно, какъ бы благожелательны они ни были. Почти вся Западная Европа и нѣкоторые восточные штаты Сѣверной Америки населены, конечно, гораздо гуще самыхъ густо населенныхъ русскихъ губерній, но ихъ гораздо бо̀льшее, сравнительно, малоземелье отнюдь не требуетъ не только радикальныхъ, но и никакихъ мѣръ. Народы превосходно съ нимъ справляются. Русское же крестьянское малоземелье только потому и представляетъ собою такую острую и въ то же время такую неразрѣшимую проблему, что оно—крестьянское. Уничтожьте крестьянство, обратите мужика въ обыкновеннаго человѣка, и онъ, конечно, и самъ справится съ своимъ малоземельемъ, такъ какъ оно перестанетъ быть насильственно пріуроченной къ нему невзгодой, а обратится въ общее, народное явленіе. Мужикъ страдаетъ не отъ абстрактнаго факта малоземелья, а отъ того, что оно къ нему прикручено безнадежно цѣлой массой самыхъ разнообразныхъ цѣпей. По нашему крайнему разумѣнію, успѣшное разрѣшеніе современнаго русскаго аграрнаго вопроса зависитъ не отъ какого-либо спеціальнаго законодательства именно въ этомъ направленіи, а исключительно и всецѣло отъ общей государственной реорганизаціи. Уничтожьте понятіе о мужикѣ и все то, что̀ нагромождено въ русскомъ законодательствѣ благодаря существованію этого понятія. Отрѣшитесь отъ идеи, что онъ—нѣчто особенное, нѣчто требующее спеціальнаго порядка вещей, спеціальныхъ учрежденій и чиновъ. Дайте ему свободу дѣйствія и передвиженіи, не зависящія ни отъ земскаго начальника, ни отъ волостного писаря, ни отъ общины. Избавьте его какъ отъ государственнаго, такъ и отъ общиннаго гнёта. Если дворянинъ, священникъ и купецъ судятся у мирового судьи, пусть и мужикъ судится у него же. Если онъ желаетъ ѣхать въ Петербургъ, въ Сибирь или въ Америку,—не требуйте отъ него спеціальныхъ увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ десятка учрежденій и лицъ. Не навязывайте ему ни отечески-насильственно, ни снисходительно-покровительственно ничего такого, чего онъ самъ не желаетъ. Словомъ, не выдѣляйте его, не окружайте

его специальными благодѣяніями, которыя, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, только портятъ ему жизнь, не давая ожидаемыхъ отъ нихъ результатовъ. Ему нужна только свобода и осязательное сознаніе того, что онъ можетъ ею пользоваться. Разъ онъ почувствуетъ это, онъ справится съ своимъ малоземельемъ и безъ чьей бы то ни было помощи. Повидимому, даже лучшіе русскіе люди не могутъ отдѣлаться отъ того фатальнаго предубѣжденія, что для крестьянина нужна особая политика, особая политическая экономія, что ему нужно не то, чѣмъ живетъ весь остальной міръ, а нѣчто особенное, спеціально для него приготовленное. Крестьянинъ, конечно, отсталъ, его мышленіе тяжело, его логика своеобразна. Но вѣдь и земледѣльческіе классы во всѣ времена и у всѣхъ народовъ отставали и отстаютъ отъ своихъ горожанъ. Нѣмецкій бауэръ, французскій пэйзанъ, американскій фермеръ—самымъ существеннымъ образомъ отличаются отъ своихъ городскихъ согражданъ. Но всѣ они, пользуясь только равноправностью передъ закономъ и тѣмъ фактомъ, что все государство страдаетъ одинаково отъ малоземелья, давно справляются съ нимъ съ большимъ успѣхомъ разнообразными способами. Вездѣ существуетъ частное землевладѣніе, нигдѣ нѣтъ нормировокъ, и всякій отлично понимаетъ, что дробленіе поземельнаго имущества разумно только въ извѣстныхъ предѣлахъ, съ достиженіемъ которыхъ излишекъ населенія долженъ уходить. Извѣстныя мѣстности, уже достигшія таких предѣловъ дробленія, ежегодно выдѣляютъ изъ состава своего населенія извѣстный процентъ, которому тамъ дѣлать нечего. И русскій крестьянинъ давно понялъ, что это—самый вѣрный и разумный практическій выходъ изъ малоземелья; но, не пользуясь равноправностью и будучи по рукамъ и по ногамъ спутанъ различными правительственными соображеніями, или фискальнаго характера, или вызываемыми себялюбивыми интересами другихъ классовъ, и начальническимъ произволомъ,—въ дѣлѣ переселенія онъ до сихъ поръ долженъ былъ ограничиваться самоуправствомъ, только рѣдко, сравнительно, удававшимся. Въ то же время, въ смыслѣ владѣнія свободными землями, Россія обставлена безконечно лучше любого западно-европейскаго государства, такъ какъ и на нѣкоторыхъ окраинахъ, и въ Средней Азіи, и въ Сибири, имѣются огромныя пространства и удобной къ воздѣлыванію земли, и такой, которая можетъ быть сдѣлана удобною съ самыми незначительными, сравнительно, затратами,—десятки и даже сотни милліоновъ десятинъ, гораздо больше, чѣмъ находится въ частномъ владѣніи на всемъ пространствѣ европейской Россіи. Казенная переселенческая система формальна, какъ всѣ чисто кабинетныя измышленія, тяжела, какъ весь бюрократизмъ, неповоротлива и неотзывчива, и, главное, произвольна. Мы надѣемся, что Государственная Дума, установивъ равно-

правность крестьянина и уничтоживъ связывающія его путы, не будетъ искать спасенія въ старыхъ, избитыхъ канцелярскихъ методахъ, а предоставитъ детали исполненія общественной самодѣятельности, и что дѣло переселенія изъ малоземельныхъ мѣстностей сразу и само собой встанетъ на дѣловую ногу и отвѣтитъ на всѣ требованія острой нужды. Такое рѣшеніе современнаго аграрнаго вопроса будетъ и правильнѣе, и легче, а главное, гораздо цѣлесообразнѣе какихъ-либо радикальныхъ мѣръ, могущихъ, въ лучшемъ случаѣ, имѣть только временное значеніе. Когда не будетъ мужика, сами собой исчезнутъ и спеціальныя мужицкія нужды, и какъ ни остра самая важная изъ нихъ, малоземелье,—и она исчезнетъ вмѣстѣ съ другими весьма быстро передъ дружнымъ разумнымъ напоромъ соединенныхъ свободныхъ народныхъ силъ.

П. А. Тверской.

Лосъ-Анжелесъ,
Калифорнія

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1906.

Условія, при которыхъ открывается Государственная Дума.—Ближайшія ея задачи.— Необходимость поставить на очередь аграрный вопросъ.—Проектъ новой редакціи основныхъ законовъ.—Законъ 14-го и 18-го марта.—„Клубъ независимыхъ“ и московское особое присутствіе.—„Нужны ли Россіи демократическія реформы“?

Когда эти строки появятся въ печати, въ Таврическомъ дворцѣ будетъ уже засѣдать Государственная Дума. Тяжелымъ окажется ея положеніе, если она встрѣтится лицомъ къ лицу съ министерствомъ, навлекшимъ, въ послѣдніе полгода, столько бѣдъ на Россію. Производительная работа будетъ осложнена неизбѣжными личными счетами; много времени и силъ придется потратить на борьбу съ препятствіями, которыя такъ легко было бы устранить перемѣной, хотя бы и запоздалой, въ составѣ и настроеніи правительства. Увѣренность въ томъ, что Думѣ удастся найти выходъ изъ окружающихъ ее затрудненій, поддерживается въ насъ, однако, результатомъ выборовъ. Почти безнадежной могла казаться еще недавно побѣда прогрессивныхъ элементовъ, стѣсненныхъ, связанныхъ, отданныхъ во власть большихъ и маленькихъ сатраповъ. Нуженъ былъ неисчерпаемый запасъ оптимизма, чтобы вѣрить въ торжество права и правды. Мало освѣдомленными, разъединенными, заранѣе заподозрѣнными избиратели шли къ урнамъ, подъ бдительнымъ надзоромъ безцеремонной, безотвѣтственной администраціи. И все-таки, за рѣдкими, сравнительно, исключеніями, имъ удалось столковаться между собою, отличить друзей отъ враговъ и провести въ Думу сомкнутые ряды защитниковъ народнаго блага и народной свободы. Въ этомъ мы видимъ залогъ дальнѣйшаго успѣха. Оппозиціонное большинство Думы явится той организованной силой, которой до сихъ поръ не видала передъ собою всемогущая бюрократія. Противъ него нельзя будетъ пустить

въ ходъ обычныхъ пріемовъ застращиванья и замалчиванья; не найдется противъ него орудій ни въ старомъ положеніи объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, ни въ новыхъ, поспѣшно изданныхъ правилахъ, номинально—регламентирующихъ, на самомъ дѣлѣ — парализующихъ свободу. Останется только одно, крайнее средство—распущеніе Думы: но рискъ, съ нимъ сопряженный, такъ великъ, что обращеніе къ нему, по крайней мѣрѣ на первое время, очень мало вѣроятно.

Есть еще одно обстоятельство, позволяющее смотрѣть безъ слишкомъ большой тревоги на ближайшее будущее. Связующей нитью между составными частями думскаго большинства послужитъ не только отрицательное отношеніе къ министерству Витте - Дурново, но и одинаковость взгляда на главныя задачи народнаго представительства. Для крестьянъ, которыхъ въ Думѣ будетъ очень много, на первомъ планѣ стоитъ, конечно, аграрный вопросъ: его разрѣшенія нетерпѣливо ждетъ народная масса. Широкое мѣсто отводятъ ему и требованія конституціонно-демократической партіи, и программы группъ, наиболѣе къ ней близкихъ. Нельзя, поэтому, сомнѣваться въ томъ, что онъ будетъ выдвинутъ Думой, независимо отъ того, какъ отнесутся къ нему въ правительственныхъ сферахъ. Съ другой стороны, для общества, такъ долго задыхавшагося въ тискахъ молчанія и бездѣйствія, особенно цѣнна политическая свобода, во всѣхъ ея видахъ и формахъ; но сознаніе ея важности проникло въ ширь и глубь, и сторонники ея насчитываются теперь не тысячами, а милліонами. Народу не чужда болѣе мысль, что основой *благосостоянія* можетъ служить только *право*, прочное, огражденное отъ произвольныхъ нарушеній. Эта мысль созрѣвала въ тиши, не подавляемая, а наоборотъ, обостряемая усиленнымъ гнетомъ послѣднихъ десятилѣтій. Ее высказывали представители крестьянства уже въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ 1902-го года; съ еще бо̀льшею яркостью она выступила на свѣтъ въ заявленіяхъ избирателей и выборщиковъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ крестьянахъ - членахъ Думы найдутъ поддержку всѣ предложенія, направленныя къ рѣшительному разрыву съ старой правительственной системой, къ расширенію полномочій народнаго представительства, къ обезпеченію личной и общественной свободы.

Возможно ли, однако, поставить на первую очередь аграрный вопросъ? Вѣдь онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые могутъ быть разрѣшены по готовымъ образцамъ, безъ предварительныхъ изслѣдованій на мѣстахъ, безъ кропотливой разработки деталей. Нетрудно, напримѣръ, составить новыя правила о собраніяхъ и союзахъ или о личной неприкосновенности: русская жизнь не представляетъ

такихъ особенностей, которыя мѣшали бы примѣненію къ ней, въ этой области, общихъ нормъ, давно испытанныхъ въ конституціонныхъ государствахъ. Совсѣмъ не то—продолженіе дѣла, начатаго 19-го февраля 1861-го года. Здѣсь намъ ничего не можетъ дать примѣръ западноевропейскихъ государствъ; весьма немногое можно почерпнуть и изъ исторіи преобразованія, произведеннаго у насъ почти полвѣка тому назадъ, при существенно иной обстановкѣ. Нѣтъ готовыхъ статистическихъ данныхъ, сколько-нибудь достовѣрныхъ; нѣтъ исходныхъ точекъ, принимаемыхъ безъ спора всѣми сознающими необходимость рѣшительнаго шага. Все нужно создать вновь, все нужно начать съ начала, съ собиранія самыхъ элементарныхъ свѣдѣній. Въ различныхъ частяхъ государства, иногда даже въ различныхъ частяхъ губерніи или уѣзда совершенно различно положеніе крестьянъ, различны, слѣдовательно, и мѣры, необходимыя для его улучшенія. Не ясно ли, затѣмъ, что много понадобится времени и труда, прежде чѣмъ можно будетъ приступить къ проведенію аграрной реформы?

Мы смотримъ на дѣло иначе и думаемъ, что ларчикъ открывается весьма просто. Нельзя, конечно, теперь же внести въ Думу законопроектъ, исчерпывающій всѣ стороны земельнаго вопроса; но вполнѣ возможно установить, безъ замедленія, главныя основы рѣшенія, которое онъ долженъ получить въ ближайшемъ будущемъ. Отъ конечной цѣли зависятъ и средства: ею обусловливаются свѣдѣнія, которыя должны быть собраны, работы, которыя должны быть исполнены на мѣстахъ. Пока неизвѣстно, къ чему слѣдуетъ идти, нельзя опредѣлить дорогу, которой слѣдуетъ держаться. Возьмемъ, для примѣра, программу партіи демократическихъ реформъ, въ той ея части, которая касается аграрной политики. Высказываясь за надѣленіе землею безземельныхъ поселянъ, за увеличеніе площади землепользованія малоземельныхъ и за обращеніе на этотъ предметъ, въ необходимыхъ размѣрахъ, не только земель казенныхъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ, но и частновладѣльческихъ, программа рекомендуетъ приближеніе, по возможности, къ такому размѣру землепользованія, при которомъ земля можетъ быть обработываема собственными силами земледѣльца, ведущаго хозяйство по системѣ господствующей въ данной мѣстности. Изъ этого общаго начала, еслибы рѣшено было положить его въ основу новыхъ земельныхъ порядковъ, неизбѣжно вытекалъ бы цѣлый рядъ изысканій, направленныхъ къ установленію высшей нормы дополнительнаго надѣла. Та же программа опредѣляетъ условія, при которыхъ частновладѣльческая земля не подлежитъ принудительному отчужденію; необходимо было бы, слѣдовательно, привести въ ясность, въ какой мѣрѣ эти условія имѣются на лицо въ каждой данной мѣстности и насколько уменьшается отъ того запасъ земли для дополнительныхъ

надѣловъ. Аналогичныя замѣчанія можно сдѣлать и по поводу всѣхъ другихъ программъ, въ чемъ бы онѣ ни заключались.

Въ исторіи нашего законодательства есть одинъ прецедентъ, вполнѣ примѣнимый къ занимающему насъ вопросу. Когда правительство императора Александра II-го убѣдилось въ томъ, что зданіе стараго суда, въ конецъ расшатанное и сгнившее, требуетъ не починки, а ломки, когда были признаны недостаточными робкія полумѣры Блудовскихъ проектовъ, и оказалось необходимымъ коренное преобразованіе,—къ составленію подробныхъ судебныхъ уставовъ было приступлено не сразу: рѣшено было установить сначала основныя положенія реформы. Разсмотрѣнныя въ законодательномъ порядкѣ, онѣ были утверждены 28-го сентября 1862 года—и тѣмъ самымъ создана благопріятная обстановка для всей дальнѣйшей работы. Безпримѣрно быстрое и успѣшное ея окончаніе зависѣло, въ значительной степени, именно отъ отсутствія сомнѣній и колебаній, заранѣе устраненныхъ: оставалось только вывести заключенія изъ готовыхъ предпосылокъ и облечь ихъ въ надлежащую форму. Тѣмъ же путемъ, какъ намъ кажется, слѣдовало бы теперь двинуть впередъ земельный вопросъ. Въ Думу долженъ быть внесенъ законопроектъ, отвѣчающій, въ общихъ, но вполнѣ опредѣленныхъ чертахъ, на всѣ стороны вопроса. Когда онъ получитъ силу закона, на лицо будетъ имѣться твердая почва для длиннаго ряда работъ, завершеніемъ которыхъ послужитъ стройное аграрное законодательство, проникнутое однимъ и тѣмъ же духомъ и согласное съ требованіями жизни. Совершенно недостаточнымъ суррогатомъ основныхъ положеній аграрной реформы была бы простая программа изслѣдованій, ни для кого не обязательная, слишкомъ легко поддающаяся измѣненіямъ. Ничего не предрѣшая, оставляя открытыми всѣ дороги, всѣ направленія, она не могла бы успокоить глубоко взволнованную крестьянскую массу. Осуществленіе реформы потребуетъ, въ лучшемъ случаѣ, немало времени: чтобы терпѣливо выжидать ея окончанія, нужно быть увѣреннымъ въ томъ, что будетъ достигнута желанная цѣль. Такая увѣренность немыслима, пока не провозглашена допустимость и настоятельность принудительнаго, при извѣстныхъ условіяхъ, отчужденія частновладѣльческихъ земель. Нельзя забывать, что принципіально отвергается, съ разныхъ сторонъ, мысль о такомъ отчужденіи. „Земельная собственность, какъ и всякая другая",— читаемъ мы, напримѣръ, въ „постановленіяхъ всероссійскаго съѣзда русскихъ людей" (засѣдавшаго въ Москвѣ въ первой половинѣ апрѣля),— „должна быть неприкосновенна. Никакія мѣры, направленныя къ успокоенію возникшей смуты, не должны касаться права собственности. Всѣ безпорядки, именуемые аграрными, никакого отношенія къ встрѣчающемуся въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ малоземелью не имѣютъ.

Грабежи и погромы надо считать исключительно результатомъ преступной агитаціи". Еслибы эти „постановленія" выражали собою только мнѣніе небольшой, во всѣхъ отношеніяхъ ничтожной группы, ихъ можно было бы оставить безъ вниманія; но они находятъ—или, по крайней мѣрѣ, еще недавно находили—точку опоры въ правительственныхъ сферахъ. Необходимо, поэтому, чтобы теперь же былъ услышанъ авторитетный голосъ Государственной Думы, чтобы крестьяне, входящіе въ ея составъ, заявили свой взглядъ на отношеніе между аграрными безпорядками и малоземельемъ, чтобы представители землевладѣльческаго класса засвидѣтельствовали свою готовность пойти на встрѣчу требованіямъ массы, чтобы софизмамъ о неприкосновенности земельной собственности былъ данъ отпоръ во имя справедливости и права. Все это станетъ возможнымъ и неизбѣжнымъ, какъ только на разсмотрѣніе Думы поступятъ, въ видѣ законопроекта, основныя начала аграрной реформы. Если такой законопроектъ будетъ внесенъ министерствомъ, не сходящимъ съ почвы старыхъ административныхъ традицій, его предложеніямъ должны быть противопоставлены другія, идущія отъ самой Думы.

Тяжелое впечатлѣніе произвелъ проектъ новой редакціи основныхъ законовъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ, вопреки намѣренію его составителей, въ первой половинѣ минувшаго мѣсяца. Если утвержденію его не помѣшаетъ пріемъ, встрѣченный имъ въ обществѣ и въ печати, онъ можетъ до крайности обострить отношенія между правительствомъ и Государственной Думой и затруднить безъ того уже нелегкую, при данныхъ условіяхъ, законодательную работу. Начнемъ съ замѣчаній формальнаго свойства, вполнѣ достаточныхъ для того, чтобы оправдать отрицательное отношеніе къ проекту. Манифестъ 20-го февраля существенно умалилъ права народнаго представительства, установивъ, что починъ пересмотра основныхъ законовъ принадлежитъ исключительно верховной власти. Сила этого правила распространялась, однако, только на тѣ законы, которые дѣйствовали, въ качествѣ основныхъ, въ моментъ изданія манифеста. Всѣ остальные законы, существовавшіе въ этотъ моментъ, должны были подлежать измѣненію, дополненію и отмѣнѣ на общемъ основаніи, т.-е. безъ ограниченія, по отношенію къ нимъ, иниціативы Государственной Думы. Расширить сферу основныхъ законовъ и уменьшить, тѣмъ самымъ, права Думы можно было не иначе, какъ съ соблюденіемъ порядка, безповоротно установленнаго манифестомъ 17-го октября, т.-е. съ согласія Думы. Само собою разумѣется, что на одобреніе Думою той редакціи основныхъ законовъ, которую они получили подъ рукой совѣта министровъ, разсчитывать было нельзя—и вотъ, предпринимается попытка

обойтись безъ ея согласія. Посмотримъ, чего хотѣло достигнуть, этимъ путемъ, министерство Витте-Дурново.

„Государь Императоръ, по ст. 11-ой проекта, въ порядкѣ верховнаго управленія издаетъ, *въ соотвѣтствіи съ законами* (подчеркнутыя слова, по мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, слѣдуетъ исключить), указы и повелѣнія, необходимые для исполненія законовъ, для устройства частей государственнаго управленія, для огражденія государственной и общественной безопасности и порядка, а также для обезпеченія народнаго благосостоянія". Если бы эта статья была измѣнена согласно съ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, она прямо упразднила бы предшествующее ей правило, въ силу котораго законодательная власть осуществляется императоромъ „въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой"; но почти тотъ же, въ сущности, результатъ — т.-е. отправленіе законодательныхъ функцій безъ участія народныхъ представителей—можетъ быть достигнутъ и при редакціи, одобренной большинствомъ совѣта министровъ. Замѣтимъ, прежде всего, что ст. 11-ая имѣетъ въ виду не какія-нибудь экстраординарныя усложненія, а нормальное теченіе дѣлъ, не промежутокъ между двумя сессіями Думы, а любую данную минуту. Это видно изъ того, что образъ дѣйствій правительства при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, возникшихъ во время прекращенія занятій Государственной Думы, предусмотрѣнъ другою (40-ою) статьею проекта, основанною на манифестѣ 20-го февраля [1]). Итакъ, параллельно и одновременно съ законодательною дѣятельностью трехъ властей (императора, Государственнаго Совѣта и Государственной Думы) можетъ существовать законодательная дѣятельность одной изъ нихъ—безспорно *законодательная*, потому что нельзя же назвать иначе устройство государственнаго управленія, огражденіе безопасности и порядка, обезпеченіе народнаго благосостоянія. Все это, въ правовомъ государствѣ, несомнѣнно регулируется законами, именно и только законами. Въ формѣ повелѣнія, направленнаго къ „устройству частей государственнаго управленія", можетъ быть проведено, напримѣръ, ограниченіе круга дѣйствій земскихъ учрежденій, въ формѣ повелѣнія, ограждающаго государственную безопасность—расширеніе административной власти въ ущербъ судебной, въ формѣ повелѣнія, обезпечивающаго народное благосостояніе—новый видъ опеки надъ народной массой. Получатся, такимъ образомъ, два законодательныхъ пути, конкуррирующіе между собою; Совѣтъ министровъ усвоитъ себѣ пріемы, выработанные, въ недавнемъ прошломъ, комитетомъ министровъ,

---

[1]) Это постановленіе манифеста подробно разобрано нами въ апрѣльскомъ обозрѣніи.

какъ соперникомъ Государственнаго Совѣта; произойдетъ длинный рядъ столкновеній, несовмѣстныхъ съ мирнымъ теченіемъ государственной и общественной жизни... При конституціонномъ образѣ правленія указы и повелѣнія монарха могутъ имѣть только одну цѣль: регулировать исполненіе законовъ, „не отсрочивая и не уничтожая ихъ дѣйствіе“ (слова конституціи итальянскаго королевства, одной изъ самыхъ благопріятныхъ для монархической власти), ничего къ нимъ не прибавляя, ни въ чемъ ихъ не замѣняя.

По ст. 18-ой проекта, Государю Императору принадлежитъ объявленіе мѣстностей россійской имперіи на военномъ или исключительномъ положеніи. И въ этой статьѣ нѣтъ указанія на *время* принятія чрезвычайной мѣры; предполагается, слѣдовательно, что она допустима и во время законодательной сессіи. Болѣе вопіющую аномалію, чѣмъ объявленіе военнаго положенія безъ согласія находящейся на лицо Государственной Думы, нельзя себѣ и представить... Ни въ этомъ случаѣ, ни вообще при изданіи актовъ верховнаго управленія не требуется, притомъ, обязательной скрѣпы министра—или министерства,—возлагающей на него отвѣтственность за принимаемую мѣру. Отвѣтственными министры признаются, по ст. 69-ой проекта, только передъ императоромъ. Правда, ст. 70-ая говоритъ объ уголовной и гражданской отвѣтственности ихъ „за нарушеніе долга службы“; но судебная отвѣтственность—далеко не то же, что политическая, да и порядокъ привлеченія къ ней министровъ, опредѣленный дѣйствующимъ закономъ, фактически равносиленъ безотвѣтственности и безнаказанности.

По истинѣ поразительна первая часть ст. 15-ой проекта, въ томъ видѣ, въ какомъ она принята большинствомъ совѣта министровъ. Государь Императоръ, за силою этой статьи, назначаетъ должностныхъ лицъ, если для нихъ не установлено закономъ иного порядка назначенія; *власти его предоставляется увольненіе отъ государственной службы всѣхъ безъ изъятія должностныхъ лицъ*. Значеніе этихъ послѣднихъ словъ становится еще яснѣе, если сопоставить съ ними редакцію меньшинства: „Государь Императоръ назначаетъ и *увольняетъ* должностныхъ лицъ, если для нихъ не установлено закономъ иного порядка назначенія и *увольненія*“. Итакъ, подлежащими увольненію по усмотрѣнію верховной власти большинство министровъ признаетъ *всѣхъ безъ изъятія* должностныхъ лицъ, какой бы ни былъ установленъ *закономъ* порядокъ ихъ увольненія. Однимъ почеркомъ пера упраздняется здѣсь *несмѣняемость судей*, провозглашенная судебными уставами императора Александра II-го и поколебленная, но не отмѣненная закономъ 1885-го года. Что̀ признавалось возможнымъ въ эпоху безусловнаго господства неограниченной власти, то оказывается неудобнымъ въ моментъ перехода къ конституціонной монархіи! Еслибы текстъ проекта

не былъ оглашенъ въ печати, еслибы подлинность его въ теченіе цѣлой недѣли не осталась безъ опроверженія, мы затруднились бы допустить возможность подобнаго посягательства на одну изъ главныхъ основъ правосудія, уцѣлѣвшую, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, въ самый разгаръ реакціи, въ самый расцвѣтъ произвола.

Не менѣе замѣчательна, въ другомъ родѣ, вторая часть ст. 15-ой, не возбудившая разногласія въ совѣтѣ министровъ: „власти Императорскаго Величества принадлежитъ опредѣленіе окладовъ содержанія и назначеніе размѣровъ пенсій тѣмъ должностнымъ лицамъ, коимъ таковые не установлены закономъ, а также *пожалованіе служащимъ усиленныхъ окладовъ и назначеніе усиленныхъ пенсій и пособій служащимъ и ихъ семействамъ*". Никогда, кажется, истинный характеръ нашей отживающей бюрократіи не обнаруживался такъ ясно, какъ въ этихъ послѣднихъ словахъ. Свое притязаніе на великія и богатыя милости она стремится закрѣпить *основнымъ государственнымъ закономъ*, возвести на степень незыблемаго и непререкаемаго права. На порогѣ новой жизни, въ критическую минуту, самую важную, быть можетъ, изъ всѣхъ пережитыхъ Россіей, она заботится о своихъ карманныхъ интересахъ, о сохраненіи наименѣе почетной, но, вѣроятно, наиболѣе пріятной для нея прерогативы. Не слѣдуетъ забывать, что эта прерогатива эксплуатировалась и эксплуатируется верхушками бюрократіи. Для мелкой чиновничьей братіи достаточными всегда признавались законные оклады содержанія и пенсіи, хотя именно для нея они были крайне скудны. Исключенія изъ общаго правила допускались тѣмъ чаще и тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ выше было служебное положеніе лица, въ пользу котораго они испрашивались... Для насъ не совсѣмъ ясно, кого имѣетъ въ виду 15-ая статья проекта, когда говоритъ о должностныхъ лицахъ, оклады которыхъ не установлены закономъ; но мы едвали ошибемся, если скажемъ, что предметомъ заботы и здѣсь служатъ высшія ступени бюрократической лѣстницы. Особыми распоряженіями опредѣляется, напримѣръ—въ большинствѣ случаевъ—окладъ содержанія вновь назначаемыхъ членовъ Государственнаго Совѣта.

Существенно важныя ограниченія правъ и власти народнаго представительства создаются и другими отдѣлами разбираемаго нами проекта. За силою ст. 49-ой, постановленія по строевой, технической, хозяйственной и военно-судебной частямъ издаются въ порядкѣ, установленномъ въ сводахъ военныхъ и военно-морскихъ постановленій, если только они не касаются предметовъ общихъ законовъ и не вызываютъ новаго расхода изъ казны или же вызываемый ими новый расходъ покрывается ожидаемыми сбереженіями по финансовой смѣтѣ военнаго или морского министерства. Цѣлыя области законодательства должны остаться, такимъ образомъ, изъятыми изъ общаго порядка. Вопросы

войскового хозяйства, вопросы военнаго суда имѣютъ, несомнѣнно, общегосударственное значеніе: ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ нельзя оправдать выдѣленіе ихъ изъ круга дѣйствій Государственной Думы. При прежнемъ режимѣ военный совѣтъ и адмиралтействъ-совѣтъ мало чѣмъ отличались отъ государственнаго совѣта; вопросъ о пути, которымъ законопроектъ дойдетъ до верховной власти, представлялся сравнительно неважнымъ. Совсѣмъ не то теперь: между Государственной Думой и такими учрежденіями, какъ военный или адмиралтействъ-совѣтъ, нѣтъ ничего общаго, и замѣнить первую послѣдніе ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Оговорки, сдѣланныя въ ст. 49-ой, не устраняютъ основного ея недостатка. Проектъ, вносимый въ военный или адмиралтействъ-совѣтъ, легко можетъ быть составленъ такъ, чтобы не касаться, *повидимому*, „предмета общихъ законовъ"; но, въ сущности, въ область общихъ законовъ входитъ всякое правило, установляющее, хотя бы только для одной области государственной жизни, новую обязательную норму... Средства для покрытія новаго расхода всегда найдутся въ *ожидаемыхъ* сбереженіяхъ — а если ожиданіе не оправдается, то съ расходомъ, уже произведеннымъ, придется считаться какъ съ совершившимся фактомъ.

Еще серьезнѣе правоограниченія, установляемыя, какъ нѣчто постоянное и неизмѣнное, ст. 57, 58 и 60 проекта. При обсужденіи проекта государственной росписи не могутъ быть исключаемы или измѣняемы такіе доходы и расходы, которые внесены въ роспись на основаніи дѣйствующихъ законовъ, положеній, штатовъ, росписаній, а также *Высочайшихъ повелѣній, въ порядкѣ верховнаго управленія воспослѣдовавшихъ* (какъ широко раздвигается проектомъ сфера такихъ повелѣній—это показано нами выше). Кредиты на расходы министерства императорскаго двора въ суммахъ, не превышающихъ ассигнованій по государственной росписи на 1906-ой годъ, обсужденію не подлежатъ. Если государственная роспись не будетъ утверждена къ началу смѣтнаго періода, то остается въ силѣ послѣдняя, установленнымъ порядкомъ утвержденная роспись, съ тѣми лишь измѣненіями, какія обусловливаются исполненіемъ послѣдовавшихъ послѣ ея утвержденія узаконеній. Всѣ эти правила, вмѣстѣ взятыя, легко могутъ парализовать, de facto, бюджетное право народнаго представительства... Ст. 65-ая имѣетъ цѣлью увѣковѣчить, путемъ внесенія въ основные законы, ограниченіе права запроса одними *незакономѣрными* дѣйствіями министровъ и другихъ должностныхъ лицъ, т.-е. устраненіе контроля народнаго представительства надъ цѣлесообразностью и внутреннею правильностью административныхъ распоряженій.

По статьѣ 1-ой дѣйствующихъ основныхъ законовъ, „императоръ всероссійскій есть монархъ самодержавный и неограниченный; пови-

новаться верховной его власти не токмо за страхъ, но и за совѣсть, самъ Богъ повелѣваетъ". Соотвѣтствующая (4-ая) статья проекта изложена такъ: „императору всероссійскому принадлежитъ верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его не только за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ". Неограниченною властъ императора перестала быть съ момента изданія манифеста 17-го октября; понятно, что съ исчезновеніемъ понятія должно было исчезнуть и соотвѣтствующее ему слово. Слово *самодержавный* сохраняетъ теперь только значеніе независимости монарха отъ какой бы то ни было внѣшней, иноземной власти. Измѣнился самъ собою и смыслъ выраженія: *верховная власть*; оно можетъ означать только высокое положеніе монарха, облеченнаго правами, которыми, кромѣ него, не обладаетъ въ государствѣ ни одно отдѣльное лицо, но отнюдь не свободу отъ исполненія законовъ—свободу, которой, въ теоріи, не имѣетъ даже государь неограниченный. Не понимать столь простыхъ истинъ—или притворяться не понимающимъ ихъ—могутъ только „истинно русскіе люди", пишущіе въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ"... Большой ошибкой, въ виду коренной перемѣны въ положеніи монарха, было бы сохраненіе въ основныхъ законахъ указанія на источникъ повиновенія его власти. Давно уже ставшее архаизмомъ, оно держалось до сихъ поръ лишь въ силу традиціи, видѣвшей въ немъ какъ бы освященіе незыблемой основы русскаго государственнаго строя. Теперь эта основа измѣнилась, и нѣтъ основанія оставлять въ свѣтскомъ законодательствѣ призывъ къ совѣсти, для которой обязательны только велѣнія совершенно иного рода.

Въ ст. 21-ой перечислены тѣ постановленія дѣйствующихъ основныхъ законовъ, которыя должны остаться въ силѣ. Только недосмотромъ можно объяснить, что сюда отнесены правила о присягѣ подданства и самый текстъ присяги, давно требующій обновленія и явно не соотвѣтствующій новымъ условіямъ русской государственной жизни. Не могутъ остаться безъ измѣненія и статьи, касающіяся вѣры. Съ истинной свободой совѣсти несовмѣстно понятіе о *господствѣ* православной церкви (ст. 40), съ самостоятельностью церкви—понятіе о государѣ, какъ о хранителѣ догматовъ и о блюстителѣ правовѣрія (ст. 42). Гораздо болѣе широко и точно, чѣмъ въ ст. 44 и 45, должны быть опредѣлены права иновѣрцевъ.

Будетъ ли приведенъ въ исполненіе планъ совѣта министровъ, получитъ ли утвержденіе составленная имъ новая редакція основныхъ законовъ—это мы узнаемъ черезъ нѣсколько дней; но если въ намѣреніяхъ правительства и произойдетъ перемѣна, проектъ, нами разсмотрѣнный, останется знаменательнымъ памятникомъ настроенія, го-

сводствовавшаго въ высшихъ административныхъ сферахъ наканунѣ открытія Государственной Думы.

Не только не прекратившаяся, но въ послѣднее время даже усилившаяся законодательная дѣятельность старыхъ учрежденій сохраняла до конца тотъ же характеръ отсталости, какимъ она отличалась и прежде. Доказательствомъ этому служитъ, между прочимъ, законъ 14-го марта, измѣнившій вторую главу уголовнаго уложенія—о нарушеніи ограждающихъ вѣру постановленій. Необходимость такого измѣненія была предрѣшена указомъ 17-го апрѣля прошлаго года, направленнымъ „къ укрѣпленію началъ вѣротерпимости". И что же? Осталась въ силѣ статья 90-ая уложенія, явно несовмѣстная съ этими началами. Она назначаетъ заключеніе въ крѣпости (на срокъ не свыше одного года) или арестъ за произнесеніе или чтеніе, публично, проповѣди, рѣчи или сочиненія, а также за распространеніе или публичное выставленіе сочиненія или изображенія, возбуждающихъ къ переходу православныхъ въ иное вѣроисповѣданіе или *ученіе* [1]), или секту, если эти дѣянія учинены съ цѣлью совращенія православныхъ. Подъ эту статью можетъ быть подведено простое изложеніе вѣрованій, несогласныхъ съ доктриной православной церкви, разъ что въ немъ подчеркнута сущность несогласія и объяснены его причины. Наличность преступной цѣли можетъ быть выведена изъ настойчивости, съ которою авторъ проводитъ свою мысль, изъ одушевленія, которымъ проникнута его аргументація. Наказуемымъ можетъ оказаться, слѣдовательно, даже обращеніе къ единовѣрцамъ, предпринятое вовсе не въ видахъ пропаганды. Пора было бы, впрочемъ, отбросить страхъ и передъ пропагандой и предоставить самой православной церкви духовную борьбу съ ея противниками, безъ вмѣшательства свѣтской власти, безъ помощи уголовныхъ каръ... Оставлены безъ измѣненія, далѣе, ст. 88 и 89 уложенія, предусматривающія нарушеніе родителями или опекунами обязанности воспитывать своихъ дѣтей или питомцевъ въ правилахъ христіанской—или православной—вѣры; между тѣмъ, такое нарушеніе естественно, почти неизбѣжно, разъ что родители—или лица, заступающія ихъ мѣсто—сами, пользуясь предоставленнымъ имъ теперь правомъ, перестали быть христіанами или православными. Еще менѣе соотвѣтствуетъ общему духу указа 17-го апрѣля сохраненіе уголовной отвѣтственности духовныхъ лицъ инославныхъ христіанскихъ исповѣданій (съ которыми уравнены теперь настоятели и наставники

---

[1]) Въ первоначальномъ текстѣ уложенія здѣсь стояло слово *расколоученіе*; замѣна его словомъ *ученіе*—единственная поправка, сдѣланная въ данной статьѣ.

старообрядческихъ согласій и сектантскихъ общинъ) за совершеніе брака между завѣдомо православными (ст. 94-ая, пун. 2-ой). Аналогичныя замѣчанія можно сдѣлать и по поводу новой редакціи ст. 93-ей и пун. 1-го ст. 94-ой... Пересмотръ второй главы уложенія вовсе не коснулся тѣхъ ея постановленій, которыми назначаются страшно суровыя кары за богохуленіе и оскорбленіе святыни. Задача, намѣченная указомъ 17-го апрѣля, исполнена, такимъ образомъ, только въ самой малой ея части; до-реформенныя учрежденія оставили ее въ наслѣдство Государственной Думѣ, которой придется, вѣроятно, заняться переработкой всего уголовнаго уложенія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ оно могло казаться шагомъ впередъ, хотя бы нерѣшительнымъ и робкимъ; теперь оно въ значительной степени устарѣло и „отцвѣло, не успѣвши расцвѣсть".

Не менѣе характеренъ для отжившаго режима законъ 18-го марта, озаглавленный: „о мѣрахъ къ сокращенію времени производства наиболѣе важныхъ уголовныхъ дѣлъ", но, въ сущности, направленный главнымъ образомъ къ ускоренію и упрощенію судебной расправы съ политическими преступниками. Средства для достиженія этой цѣли— передача нѣкоторыхъ дѣлъ, до сихъ поръ разсматривавшихся судебными палатами съ участіемъ сословныхъ представителей, въ вѣдѣніе окружныхъ судовъ, также съ участіемъ сословныхъ представителей; изложеніе приговоровъ по дѣламъ, рѣшеннымъ съ участіемъ сословныхъ представителей, безъ мотивовъ, на подобіе вердиктовъ присяжныхъ засѣдателей; необязательность предварительнаго слѣдствія, какъ бы тяжко ни было обвиненіе; отмѣна процедуры преданія суду; сокращеніе сроковъ на подачу разныхъ заявленій (о вызовѣ свидѣтелей и т. п.) и на изготовленіе приговоровъ въ окончательной формѣ. Особенно опаснымъ представляется освобожденіе короннаго суда отъ обязанности мотивировать свои приговоры. Ничего подобнаго не зналъ до сихъ поръ нашъ уголовный процессъ. До такого пренебреженія къ требованіямъ правосудія, какимъ проникнутъ законъ 18-го марта, министерство юстиціи не доходило ни при Н. А. Манасеинѣ, ни при Н. В. Муравьевѣ. Вмѣсто того, чтобы облегчить трудную задачу Государственной Думы, послѣднія произведенія стараго порядка все больше и больше ее усложняютъ, увеличивая число преградъ, подлежащихъ устраненію съ пути прогресса.

По стопамъ высшихъ правительственныхъ учрежденій идутъ, какъ всегда, подчиненные òрганы власти. Типичнымъ примѣромъ ихъ усердія можетъ служить недавнее постановленіе московскаго особаго городского по дѣламъ объ обществахъ присутствія, образованнаго въ

силу „временныхъ“ правилъ 4-го марта (его составъ—градоначальникъ, помощникъ градоначальника, губернскій предводитель дворянства, управляющій казенной палатой, предсѣдатель прокуратуры, предсѣдатель губернской управы, городской голова и членъ отъ городской думы). На разсмотрѣніе присутствія былъ внесенъ уставъ „клуба независимыхъ“, основаннаго въ Москвѣ кн. В. М. Голицынымъ и кн. Е. Н. и Г. Н. Трубецкими. Въ этомъ уставѣ признается, между прочимъ, что верховная власть въ Россіи принадлежитъ монарху и народному представительству, имѣющему ближайшей задачей проведеніе въ жизнь демократическихъ началъ и организованному на основахъ двухпалатной системы. Большинство присутствія нашло эти положенія не соотвѣтствующими существующему нынѣ въ Россіи государственному устройству, дѣйствующимъ основнымъ законамъ и манифесту 20-го февраля. Уголовное уложеніе 1903-го года установляетъ наказуемость участія въ сообществахъ, поставившихъ цѣлью своей дѣятельности измѣненіе существующаго въ государствѣ общественнаго строя—а правила 4-го марта не допускаютъ обществъ, преслѣдующихъ воспрещенныя уголовнымъ закономъ цѣли. Воспрещаются, также, общества, угрожающія общественному спокойствію—а съ общественнымъ спокойствіемъ несовмѣстно, по мнѣнію большинства присутствія, предположенное клубомъ независимыхъ активное участіе, законными способами и средствами, въ политической и общественной жизни страны и въ предвыборной агитаціи. По этимъ основаніямъ присутствіе, большинствомъ голосовъ, отказало въ регистраціи устава клуба. И это постановленіе состоялось за мѣсяцъ до открытія Государственной Думы! Въ странѣ, гдѣ законодательная власть уже раздѣлена между монархомъ и народнымъ представительствомъ, не можетъ существовать общество, исходной точкой котораго служитъ признаніе этого факта! Въ странѣ, начинающей жить новою жизнью, не допускается закономѣрное участіе общества въ политической дѣятельности! Въ странѣ, гдѣ открыто происходила и происходитъ предвыборная агитація, она провозглашается угрожающей общественному спокойствію! Можно было бы подумать, что большинство московскаго особаго присутствія живетъ внѣ времени и пространства, еслибы не было другого, болѣе простого объясненія для его образа дѣйствій. Вѣрное бюрократическимъ завѣтамъ, оно присматривается не столько къ ходу событій, сколько къ отраженію ихъ въ мнѣніяхъ и поступкахъ начальства. Оно видитъ, что въ высшихъ административныхъ сферахъ безнаказанно примѣняются старые пріемы, попрежнему процвѣтаетъ произволъ—и это приводитъ его къ убѣжденію, что запрещенное въ недавнемъ прошломъ продолжаетъ быть недопустимымъ и въ настоящую минуту. Во что обратились бы наши партіи, еслибы

къ нимъ была примѣнена точка зрѣнія московскаго присутствія? Во что обратился бы государственный и общественный строй, разъ навсегда объявленный неподвижнымъ и неизмѣннымъ?.. Въ толкованіи уголовнаго уложенія присутствіе опередило даже наиболѣе усердныхъ судей, расширяющихъ до крайнихъ предѣловъ сферу дѣйствій узаконеній о смутѣ: оно замѣнило слово *ниспроверженіе*, употребленное въ ст. 126-ой уложенія, словомъ *измѣненіе*—и этимъ путемъ пришло къ заключенію о преступности цѣли, преслѣдуемой миролюбивымъ и спокойнымъ „клубомъ независимыхъ“.

Программа партіи демократическихъ реформъ, напечатанная, три мѣсяца тому назадъ, въ „Вѣстникѣ Европы“, подверглась критическому разбору въ брошюрѣ г. А. Зиновьева, озаглавленной: „Нужны ли Россіи демократическія реформы?“ Самое заглавіе брошюры показываетъ, что она направлена не только противъ одной партіи, но противъ цѣлаго настроенія, обнимающаго собою широкія и разнообразныя общественныя группы. Съ точки зрѣнія этихъ группъ, демократическій строй общества и государства долженъ быть созданъ у насъ въ ближайшемъ будущемъ; по мнѣнію автора брошюры, онъ уже имѣется на лицо, его завѣщало наше историческое прошлое. Приведя изъ словаря Литтре два опредѣленія демократіи: „общественное устройство, исключающее организованную аристократію, но не монархію“ и „политическій режимъ, охраняющій интересы массъ или претендующій на ихъ охрану“,—г. Зиновьевъ утверждаетъ, что и подъ то, и подъ другое подходила уже дореформенная Россія; „организованной аристократіи у насъ никогда не было, а политическій режимъ всегда покровительствовалъ или, по крайней мѣрѣ, считалъ себя покровительствующимъ интересамъ массы“. Во всѣ эпохи своего государственнаго развитія „Россія по существу, хотя быть можетъ и безсознательно, всегда оставалась строго демократической страной... Если это такъ, то едва ли можетъ быть рѣчь о внѣдреніи демократическихъ элементовъ въ организмъ, ихъ уже вѣками въ себя всосавшій“. Съ нашей точки зрѣнія демократическія реформы должны быть предприняты не для „внѣдренія“ демократическихъ элементовъ, а для постановки народнаго организма въ условія, соотвѣтствующія его характеру и духу. Да, попытки привить къ Россіи аристократическія начала всегда терпѣли неудачу—но это не мѣшало ихъ повторенію, настойчивому, упорному, тяжело отзывавшемуся на судьбѣ населенія. Онѣ слѣдовали одна за другою въ теченіе послѣдней четверти вѣка, угнетая и унижая крестьянство, портя земство, деморализуя дворянство, разбрасывая на вѣтеръ народныя средства. Еще раньше онѣ вели къ укрѣ-

пленію крѣпостного права, къ возведенію его въ систему и въ перлъ созданія. Екатерина II-ая, размножая крѣпостныхъ, Николай I-ый, охраняя крѣпостничество, едвали считали себя, въ силу этого, покровителями „интересовъ массы". Если не во второй половинѣ XVIII-го, то ужъ конечно въ первой половинѣ XIX-го вѣка для правительства не былъ тайной страшный вредъ, приносимый рабствомъ—но оно не рѣшалось наложить на него руки, потому что меньше заботилось о рабахъ, чѣмъ о рабовладѣльцахъ, полезныхъ ему, притомъ, въ качествѣ „даровыхъ полицій́мейстеровъ".

Сдѣлать невозможнымъ возвращеніе къ политикѣ, благопріятствующей меньшинству въ ущербъ массѣ—не единственная задача демократическихъ реформъ. На мѣсто „покровительства интересамъ массы"—мнимаго или хотя бы дѣйствительнаго—должно быть поставлено *служеніе* этимъ интересамъ. Оно возможно только при такомъ государственномъ строѣ, при которомъ свободно раздается голосъ народа и прочно обезпечено вліяніе народнаго представительства. Оно требуетъ, далѣе, такого распоряженія средствами народа, которое не налагало бы тяжкаго бремени на неимущихъ и малоимущихъ; оно требуетъ такого вмѣшательства въ экономическую жизнь, которое ограждало бы права труда, въ различныхъ его видахъ и формахъ. Во всѣхъ этихъ областяхъ предстоитъ громадная творческая работа, тѣмъ болѣе громадная, чѣмъ короче были періоды преобразованій, чѣмъ продолжительнѣе —періоды реакціи и застоя. Г. Зиновьевъ полагаетъ, что нужно только очистить „демократическій механизмъ" отъ чуждыхъ ему элементовъ и дополнить его частями, „отсутствіе которыхъ мѣшаетъ его плавному и стройному дѣйствію"; мы думаемъ, что „демократическій механизмъ" долженъ быть весь созданъ заново, изъ имѣющагося на лицо, но до сихъ поръ почти не использованнаго матеріала.

Отъ общихъ замѣчаній о демократіи и о демократическихъ элементахъ русскаго общества г. Зиновьевъ переходитъ къ детальной критикѣ нѣкоторыхъ пунктовъ программы партіи демократическихъ реформъ. Отлагая до другого раза разборъ этого отдѣла его брошюры, остановимся на одной статьѣ „Русскаго Государства", основная мысль которой, соприкасаясь отчасти съ аргументаціею г. Зиновьева, еще гораздо болѣе парадоксальна. „Русскіе самодержцы-Романовы"—говоритъ сотрудникъ оффиціозной газеты—„отъ первыхъ дней до настоящаго времени были властителями либеральными, а не реакціонными... Не Аракчеевъ, а Сперанскій былъ выразителемъ взглядовъ Александра I-го; не Муравьевъ былъ близкимъ человѣкомъ къ Александру II-му, а гуманные люди, подготовившіе крестьянскую реформу... Указываютъ на царствованіе Николая I-го, какъ настоящій идеалъ самодержавія. Но если внимательно всмотрѣться въ порядки

внутренней жизни Россіи при Николаѣ I, то открывается очень любопытный фактъ: тогдашняя Россія дѣлилась на двѣ неравныя половины: дворянскую и крестьянъ-крѣпостныхъ. Первая—единственно активная и заключавшая въ себѣ всю тогдашнюю интеллигенцію, вовсе не была безправной: вся внутренняя жизнь Россіи, ея администрація и судъ, были въ рукахъ дворянъ, и не только на основаніи ихъ дворянскихъ привилегій, но и на основѣ выборнаго начала. Тогда выбирались становые (до 40-хъ годовъ) и исправники, т.-е. вся полиція; выбирались хозяева уѣздовъ и губерній—предводители; выбирались предсѣдатели и члены уголовныхъ и гражданскихъ палатъ и уѣздныхъ судовъ. Судъ былъ выборный и несмѣняемый". Цѣль, преслѣдуемая авторомъ, похвальна: онъ хочетъ вырвать почву изъ-подъ ногъ „истинно русскихъ людей" грингмутовскаго типа, доказавъ, что самодержавіе никогда не было тѣмъ, чѣмъ они его выставляютъ—но средство выбрано имъ черезчуръ неудачно. Не Сперанскій, удаленный въ ссылку послѣ четырехъ лѣтъ далеко не полнаго могущества, а Аракчеевъ, неизмѣнно остававшійся близкимъ къ императору, наложилъ свою печать на царствованіе Александра I-го. Слишкомъ скоро прекратилось вліяніе „гуманныхъ людей, подготовившихъ крестьянскую реформу"; съ 1866-го по 1880-ый годъ, а отчасти и раньше, не имъ принадлежалъ рѣшающій голосъ въ совѣтахъ Александра II-го. Невѣрно, что дворянство заключало въ себѣ всю тогдашнюю интеллигенцію (чтобы убѣдиться въ противномъ, достаточно назвать Полевого и Бѣлинскаго)—но и дворянство, властное по отношенію къ „низшему роду людей", было безправно передъ бюрократіей. Хозяиномъ губерніи былъ не предводитель, а губернаторъ; выборные полицейскіе чины зависѣли отъ него ничуть не меньше, чѣмъ назначенные; выборные судьи были несмѣняемы, пока ихъ не удаляли отъ должности. Надъ дворянами, какъ и надъ всѣми другими сословіями, тяготѣлъ произволъ жандармовъ и третьяго отдѣленія; никто не могъ быть увѣренъ, что завтра же не очутится въ тюрьмѣ или ссылкѣ... Нѣтъ, никакими софизмами не удастся доказать, что русскіе самодержцы были „властителями либеральными". У нѣкоторыхъ изъ нихъ были фазисы либерализма, бо̀льшею частью весьма короткіе и скоро уступавшіе мѣсто реакціи или, въ лучшемъ случаѣ, застою; въ правленіи другихъ не было и такихъ свѣтлыхъ промежутковъ. Иначе, въ сущности, и быть не можетъ: либерализмъ неограниченной власти мыслимъ лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія.

ПО ПОВОДУ

статьи г. Воропонова: „Крестьянскій банкъ и его начало“.

Г-нъ Воропоновъ въ статьѣ своей „Крестьянскій банкъ и его начало“ (Вѣстникъ Европы“, декабрь 1905 года) упоминаетъ, между прочимъ, и о томъ, какъ отнеслось московское губернское земство въ 1879 году къ вопросу объ учрежденіи земскаго банка для оказанія содѣйствія крестьянамъ при покупкѣ ими земли. При этомъ, г. Воропоновъ касается участія въ этомъ дѣлѣ моего покойнаго отца, Д. Ѳ. Самарина, и характеризуетъ его отношеніе къ этому дѣлу такими выраженіями, которыя могутъ подать поводъ къ совершенно неправильному представленію, какъ о взглядахъ моего отца на крестьянскій земельный вопросъ вообще, такъ и о положеніи, занятомъ имъ при обсужденіи этого вопроса въ московскомъ губернскомъ земствѣ.

„Общественное движеніе показывало, — говоритъ г. Воропоновъ, —что идея земельной помощи крестьянству распространялась очень успѣшно и сочувствіе ей росло, но въ то же время иниціаторы мѣстами встрѣчали еще сильную оппозицію представителей противоположныхъ тенденцій, которые кое-гдѣ и проваливали возникавшія предложенія. Особенно замѣчательны были проявленія оппозиціи въ Москвѣ и Тамбовѣ. „Не первая, не вторая и даже не третья“ въ крестьянскомъ дѣлѣ, Московская губернія отличилась тѣмъ, что въ губернскомъ земскомъ собраніи оппозиція, подъ руководствомъ Д. Ѳ. Самарина (братъ извѣстнаго почтеннаго дѣятеля крестьянской реформы, Юрія Ѳедоровича), называя вопросъ о земельной помощи крестьянамъ „вздорнымъ“, „раздутымъ литературою“,—добилась обращенія земскаго рѣшенія въ другую сторону: вмѣсто земельныхъ добавокъ заняться неопредѣленными агрономическими опытами на нѣсколькихъ крестьянскихъ надѣлахъ — авось они, дескать, наведутъ на какой-нибудь новый выходъ! Разумѣется, изъ этихъ опытовъ ничего не вышло, но вѣдь оппозиціи только и нужно было отдѣлаться отъ опасности принятія собраніемъ рѣшенія сколько-нибудь практически полезнаго для крестьянства“ („Вѣстникъ Европы“, декабрь, 1905 г., стр. 523).

Итакъ, г. Воропоновъ утверждаетъ, что при разсмотрѣніи проекта земскаго банка въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи оппозиція, которою руководилъ Д. Ѳ. Самаринъ, называла вопросъ о земельной помощи крестьянамъ „вздорнымъ“ и „раздутымъ литерату-

рою". Кому принадлежатъ выраженія, поставленныя въ ковычкахъ, г. Воропоновъ не говоритъ, но по связи рѣчи можно думать, что онъ приписываетъ ихъ Д. Ө. Самарину, или, по крайней мѣрѣ, хочетъ сказать, что Д. Ө., какъ руководитель оппозиціи, ихъ одобрялъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности Д. Ө. Самаринъ не только не называлъ вопросъ о земельной помощи крестьянамъ „вздорнымъ" и „раздутымъ литературою", но совершенно опредѣленно заявилъ о своемъ несогласіи съ тѣмъ изъ членовъ губернскаго земскаго собранія, который дѣйствительно высказалъ нѣчто въ этомъ родѣ. Въ этомъ г. Воропоновъ могъ убѣдиться, справившись, по журналамъ земскаго собранія, съ рѣчью, произнесенною Дмитріемъ Өедоровичемъ въ засѣданіи 19-го декабря 1879 года при обсужденіи доклада о содѣйствіи крестьянамъ въ покупкѣ земель. Вотъ существенныя мѣста изъ этой рѣчи [1]).

„Московскій уѣздъ—сказалъ Д. Ө. въ началѣ своей рѣчи—возбудилъ вопросъ объ упадкѣ крестьянскаго благосостоянія и о способахъ улучшенія его. *Такой постановкѣ вопроса я безусловно и вполнѣ сочувствую.* Большая заслуга московскаго уѣзднаго земства, что оно поставило этотъ вопросъ на очередь. Дѣйствительно, въ послѣднія 19 лѣтъ почти ничего не предпринималось [2]), какъ будто пришли къ заключенію, что достаточно одной реформы 19-го февраля 1861 года, чтобы вполнѣ и безусловно разрѣшить вопросъ о благосостояніи крестьянъ... Между тѣмъ, я полагаю, что вопросъ объ улучшеніи (быта) крестьянъ... никогда окончательно не будетъ рѣшенъ. Это вопросъ, который постоянно и постоянно возбуждается, и постоянно нужно бороться и изыскивать средства для его рѣшенія. Въ этомъ смыслѣ... (какъ) попыткѣ рѣшить вопросъ, я придаю значеніе докладу уѣздной земской управы... Вопросъ поставленъ такимъ образомъ: экономическое положеніе крестьянъ Московской губерніи въ упадкѣ... Я не думаю отрицать этого и полагаю, что дѣйствительно должны быть приняты мѣры, чтобы содѣйствовать крестьянамъ выйти изъ такого поло-

---

[1]) Журналы Московскаго губернскаго земскаго собранія, декабрь 1879 г., стр. 251—254. Это — стенографическій отчетъ о засѣданіяхъ московскаго губернскаго земскаго собранія. Къ сожалѣнію, стенографическая запись издана безъ предварительной обработки ея текста для печати въ редакціонномъ отношеніи. Этимъ объясняются многочисленныя повторенія и неправильные въ стилистическомъ отношеніи обороты рѣчи. Поэтому оказалось невозможнымъ перепечатать рѣчь Д. Ө. Самарина цѣликомъ и пришлось ограничиться лишь выдержками изъ нея. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ для ясности добавлены отдѣльныя слова, очевидно пропущенныя въ текстѣ; всѣ подобныя вставки отмѣчены скобками. Извлеченіе изъ той же рѣчи приведено въ „Сборникѣ Постановленій Московскаго губернскаго земскаго собранія", изданномъ въ память Д. А. Наумова, т. III, стр. 59.

[2]) Очевидно, *для* устройства быта крестьянъ и для обезпеченія ихъ благосостоянія.—Ө. С.

женія и улучшить свое благосостояніе. Но я предлагаю вопросъ составителямъ проекта: есть ли это явленіе общее, замѣченное и подтвержденное статистикой относительно всей губерніи и вообще всѣхъ крестьянъ? Я спрашиваю, служитъ ли проектъ (представленный московской земской управой) отвѣтомъ на вопросъ, поставленный въ такой широкой и общей формѣ? Я полагаю, что нѣтъ. Я нисколько не думаю отрицать извѣстной степени важности величины надѣла для благосостоянія крестьянъ. Довольно трудно было бы и странно поддерживать [1]) въ принципѣ такого рода положеніе, будто величина надѣла не имѣетъ никакого значенія для благосостоянія крестьянъ, потому что при 10 дес. земли будетъ не то же благосостояніе, какъ при 3 дес.... Но мнѣ представляется, что (предлагаемая) мѣра — покупка земли — будетъ имѣть весьма незначительное примѣненіе на дѣлѣ. Если же она будетъ имѣть незначительное примѣненіе на дѣлѣ по многимъ и многимъ причинамъ, то будетъ ли она въ существѣ содѣйствовать подъему общаго благосостоянія крестьянъ и можетъ ли поэтому эта мѣра быть выдвигаема, какъ существенная коренная мѣра, способствующая подъему благосостоянія крестьянъ? Мнѣ кажется, нѣтъ. Общимъ отвѣтомъ на общій вопросъ она не можетъ быть. Мнѣ кажется, далѣе, что самой этой мѣрѣ — пріобрѣтенію земель для крестьянъ, *которому я безусловно сочувствую и безусловно не раздѣляю здѣсь сказанную, что крестьяне не желаютъ этого пріобрѣтенія и даже покидаютъ землю*,—что, вполнѣ сочувствуя ей, не слѣдуетъ придавать ей того значенія, котораго она въ дѣйствительности не имѣетъ и не можетъ имѣть. Мнѣ кажется, что пріобрѣтеніе земель въ сущности больше содѣйствуетъ упроченію (быта) крестьянъ въ будущемъ, чѣмъ служитъ отвѣтомъ на довольно острое болѣзненное явленіе, которое мы замѣчаемъ въ настоящее время—на упадокъ благосостоянія крестьянъ... Повторяю, что сочувствую покупкѣ земель, какъ отдѣльной мѣрѣ, но отрицаю, какъ общую мѣру. Общая, мнѣ представляется, заключается въ содѣйствіи улучшенію земледѣлія крестьянъ"...

Изъ этого видно, что Д. Ѳ. Самаринъ не только не считалъ вопросъ о содѣйствіи крестьянамъ въ пріобрѣтеніи земли „вздорнымъ", но безусловно сочувствовалъ этой мѣрѣ, только не придавалъ ей того значенія, которое ей многіе склонны придавать. Онъ не видѣлъ въ ней радикальнаго средства для улучшенія благосостоянія крестьянъ, смотрѣлъ на нее, какъ на мѣру частную, имѣющую неодинаковое значеніе для различныхъ мѣстностей и разрядовъ крестьянъ, а на

---

[1]) Въ печатномъ текстѣ стоитъ, очевидно, ошибочно: „отвергать", вопреки общему смыслу и связи рѣчи.

первый планъ, какъ мѣру общую, выдвигалъ содѣйствіе улучшенію земледѣлія. Что таково было воззрѣніе Д. Ѳ., о томъ свидѣтельствуетъ также докладъ избранной московскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ 1879 г. коммиссіи по изысканію мѣръ къ поднятію уровня крестьянскаго благосостоянія. Въ докладѣ этомъ, который былъ составленъ Д. Ѳ—чемъ, представленъ былъ на утвержденіе земскаго собранія проектъ правилъ о производствѣ ссудъ сельскимъ обществамъ на пріобрѣтеніе ими въ собственность земель и предложено было для выдачи такихъ ссудъ „отчислить на первый разъ изъ запаснаго капитала 50.000 рублей".

Предложенія коммиссіи были приняты, и мѣры, ею выработанныя, получили осуществленіе. Всего этими ссудами воспользовались до 1885 г., какъ видно изъ доклада губернской управы, 17-ть сельскихъ обществъ, которымъ выдано 48.492 руб. и которыми пріобрѣтено 2.289 дес. 897 саж. Съ открытіемъ въ 1886 году дѣятельности крестьянскаго банка въ московской губерніи выдача ссудъ отъ земства пріостановилась, и возбуждался лишь вопросъ о выдачѣ сельскимъ обществамъ дополнительныхъ ссудъ при покупкѣ ими земли съ помощью крестьянскаго банка. Такимъ образомъ, мѣропріятія земства по содѣйствію крестьянамъ въ покупкѣ земель получили въ московской губерніи, по почину Д. Ѳ. Самарина, приблизительно ту же постановку, какая имъ была дана въ тверскомъ земствѣ, которое, по словамъ г. Воронова, первое выступило въ этомъ дѣлѣ, ассигновавъ 10.000 руб. на выдачу крестьянамъ ссудъ для дополнительной прикупки земли къ ихъ надѣламъ. На примѣръ тверского земства Д. Ѳ. неоднократно ссылался при обсужденіи этого дѣла въ земскомъ собраніи.

Придавая такимъ образомъ существенное значеніе расширенію площади крестьянскаго землевладѣнія, Д. Ѳ. находилъ, однако, нецѣлесообразнымъ прибѣгать для достиженія этой цѣли къ банковымъ операціямъ: надѣльную землю онъ считалъ землею общественною и полагалъ, что увеличеніе ея площади, какъ задача по преимуществу политическаго свойства, не можетъ быть осуществляема финансовымъ учрежденіемъ, отношеніе котораго къ этому дѣлу неизбѣжно должно страдать односторонностью. Изъ этого взгляда исходили возраженія Д. Ѳ. противъ проекта земскаго банка, составленнаго московскимъ уѣзднымъ земствомъ въ 1879 г. Та же мысль была развита Дмитріемъ Ѳедоровичемъ, нѣсколько лѣтъ спустя, въ статьяхъ его по поводу пересмотра устава крестьянскаго банка.

Основная мысль только-что передъ тѣмъ одобренной Государственнымъ Совѣтомъ реформы состояла въ томъ, что государство само выступило, какъ покупатель земель для удовлетворенія извѣстныхъ потребностей государственныхъ, причемъ главною цѣлью этой опера-

ціи поставлено было—содѣйствіе расширенію землевладѣнія крестьянъ *безземельныхъ* или владѣющихъ *неполными* надѣлами, а сверхъ того выражено намѣреніе покупать земли на окраинахъ для перепродажи ихъ крестьянамъ по преимуществу русскаго происхожденія. По этому поводу Д. Ѳ. высказался слѣдующимъ образомъ:

„Нельзя не сочувствовать этимъ двумъ цѣлямъ, и надобно признать, что иначе и достигнуть ихъ нельзя, какъ посредствомъ *покупки* земель самимъ государствомъ. Дѣйствительно, путемъ банковой операціи этого сдѣлать нельзя. Десятилѣтняя дѣятельность крестьянскаго поземельнаго банка въ этомъ достаточно убѣждаетъ. По своему уставу, онъ имѣлъ задачей „облегченіе крестьянамъ всѣхъ наименованій способовъ къ покупкѣ земли *въ тѣхъ случаяхъ*, когда владѣльцы земель пожелаютъ продать, а крестьяне пріобрѣсти оныя. До сихъ поръ крестьянскій банкъ признавалъ своею задачей приходить на помощь денежною ссудой всѣмъ вообще крестьянамъ, пріискавшимъ землю для покупки. При такомъ условіи, покупка земли крестьянами была дѣйствительно дѣломъ *случая*. Если землю для покупки находили крестьяне, и безъ того вполнѣ обезпеченные землею, то банкъ оказывалъ имъ такое же денежное пособіе, какъ и крестьянамъ съ плохимъ земельнымъ надѣломъ и дѣйствительно нуждавшимся въ увеличеніи его. Различія въ этомъ отношеніи уставъ не дѣлалъ никакого. Но на практикѣ, въ силу того, что банкъ обязанъ былъ озабочиваться тѣмъ, чтобы заемщики его исправно вносили свои ежегодные платежи, онъ охотнѣе утверждалъ сдѣлки такихъ крестьянъ, которые часть денегъ за приторгованную ими землю вносили отъ себя и просили у банка въ ссуду не всю сумму, которую требовалось уплатить продавцу. Чѣмъ меньше требовалось приплаты отъ банка, тѣмъ охотнѣе онъ выдавалъ деньги въ ссуду. По закону, когда земля покупалась выше нормальной оцѣнки, банкъ даже не вправѣ былъ выдавать въ ссуду болѣе 75% со спеціальной оцѣнки. Были примѣры, что банкъ отказывалъ въ выдачѣ полной ссуды даже въ тѣхъ случаяхъ, когда земля покупалась по нормальной оцѣнкѣ. Такимъ образомъ, самая возможность покупки земли вполнѣ зависѣла отъ *случая*, выпадавшаго на долю безразлично какъ зажиточныхъ, такъ и бѣдныхъ крестьянъ, а въ дѣйствительности банкъ оказывалъ пособіе для покупки земли преимущественно состоятельнымъ крестьянамъ. Слѣдовательно, главная задача, которая хотя и не была высказана въ уставѣ, но несомнѣнно имѣлась въ виду и при учрежденіи крестьянскаго банка — придти на помощь преимущественно тѣмъ крестьянамъ, земельный надѣлъ которыхъ требовалось увеличить — эта задача не могла быть выполнена банкомъ. Ее можетъ выполнить государство только въ томъ случаѣ, если у него самого будетъ такой земельный

запасъ, которымъ оно вправѣ располагать безъ согласія третьяго лица. Точно также немыслимо водворять на окраинахъ русское населеніе, если государство не будетъ имѣть тамъ своей собственной земли. Какъ могло бы правительство направлять переселеніе изъ центральной полосы Россіи, гдѣ населеніе сравнительно густо и принадлежитъ къ великорусскому племени, на Кавказъ и въ Западный край, если тамъ нѣтъ казенныхъ земель! Помимо двухъ указанныхъ цѣлей, государству полезно имѣть въ своемъ распоряженіи извѣстный земельный фондъ для удовлетворенія и другихъ потребностей государственныхъ, связанныхъ съ землевладѣніемъ. Къ сожалѣнію, имѣвшійся у государства земельный фондъ въ значительной степени расхищенъ, по крайней мѣрѣ, въ Европейской Россіи. Поэтому, въ настоящее время нѣтъ другого средства возстановить его, какъ путемъ покупки земли самимъ государствомъ.

„Вполнѣ сочувствуя, по этимъ причинамъ, означенной мѣрѣ, я полагаю однако, что было бы крупною ошибкой возложить на крестьянскій банкъ операцію покупки земель и распоряженія купленными участками.

„Очевидно, что цѣли, которыхъ желаетъ достигнуть правительство посредствомъ покупки земель, имѣютъ значеніе *политическое*. Вопросы, касающіеся землевладѣнія, вообще не могутъ быть разсматриваемы исключительно съ экономической точки зрѣнія. Весьма часто, при разрѣшеніи этихъ вопросовъ, приходится давать перевѣсъ соображеніямъ политическимъ предъ соображеніями свойства исключительно экономическаго“ [1]).

Пояснивъ эту мысль нѣсколькими примѣрами, Дмитрій Өедоровичъ переходитъ затѣмъ къ доказательству того положенія, что и самое *надѣленіе* крестьянъ землями, купленными при содѣйствіи правительства, нельзя возлагать на банковыя учрежденія.

„Дѣйствительно, правительство, надѣляя крестьянъ нужнымъ количествомъ земли изъ государственнаго земельнаго фонда и возлагая на нихъ за это извѣстныя повинности, можетъ принимать всякія мѣры для взысканія этихъ повинностей, за исключеніемъ одной: продажи той самой земли, которою оно признало нужнымъ надѣлить крестьянъ. Не можетъ правительство примѣнять эту мѣру взысканія, потому что ею упразднялось бы то самое дѣло, для осуществленія котораго оно рѣшается теперь приступить къ операціи покупки земель. Между тѣмъ крестьянскій банкъ, въ силу того, что онъ—банкъ, выдающій деньги въ ссуду подъ обезпеченіе земли, покупаемой крестьянами, *долженъ* продавать эту землю, когда на крестьянахъ накопляются недоимки

---

[1]) Д. Ө. Самаринъ. Собраніе статей, рѣчей и докладовъ. Томъ I, стр. 328—330.

выше положенной нормы. Иначе сказать, возлагая означенное дѣло на крестьянскій банкъ, законъ поручилъ бы его такому учрежденію, на обязанности котораго лежало бы также упразднять его. Въ одномъ отдѣленіи крестьянскаго банка производились бы дѣла о надѣленіи крестьянъ землей изъ того земельнаго фонда, на образованіе котораго государство стало бы затрачивать свои средства, а въ другомъ отдѣленіи производились бы дѣла о продажѣ съ публичнаго торга этихъ же самыхъ земель, за неплатежъ возложенныхъ на крестьянъ повинностей" [1]).

Если таковъ былъ въ дѣйствительности взглядъ Д. Ѳ. Самарина на вопросъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, то, очевидно, нельзя утверждать вмѣстѣ съ г. Воропоновымъ, что Д. Ѳ. относился безусловно отрицательно къ увеличенію площади надѣльной земли,— и будто „руководимой имъ оппозиціи", когда она возражала противъ внесеннаго московскимъ уѣзднымъ земствомъ проекта земельнаго банка, „только и нужно было отдѣлаться отъ опасности принятія собраніемъ рѣшенія, сколько-нибудь практически полезнаго для крестьянства". Эти обвиненія, поскольку они касаются Д. Ѳ., должны пасть, какъ совершенно голословныя и противорѣчащія фактамъ. Что же касается „тѣхъ неопредѣленныхъ агрономическихъ опытовъ на нѣсколькихъ крестьянскихъ надѣлахъ", которыми оппозиція будто бы предлагала заняться вмѣсто земельныхъ добавокъ и изъ которыхъ будто бы ничего не вышло, то надо замѣтить, во-первыхъ, что предлагалось заняться агрономическими опытами не *вмѣсто* земельныхъ добавокъ, а однимъ наряду съ другимъ, ибо одновременно съ докладомъ о мѣрахъ къ подъему земледѣлія и тою же коммиссіею былъ внесенъ въ московское губернское земское собраніе и вышеупомянутый докладъ о содѣйствіи крестьянамъ при покупкѣ земель; во-вторыхъ, какъ бы ни относиться къ выработаннымъ комиссіей мѣрамъ, едва ли можно назвать ихъ „неопредѣленными опытами", ибо онѣ исходили изъ обстоятельнаго изученія дѣла и въ основу ихъ была положена совершенно ясная практическая задача: *содѣйствовать увеличенію въ крестьянскомъ хозяйствѣ кормовой площади за счетъ зерновой.* Если предложенныя коммиссіей мѣропріятія не получили *на первыхъ же порахъ осуществленія,* то въ этомъ вина падаетъ не на коммиссію и не на Д. Ѳ., какъ главнаго инициатора этихъ предложеній, а на московскую губернскую земскую управу того времени. Однако мысль Д. Ѳ. Самарина, какъ вполнѣ жизненная и практически цѣлесообразная, не осталась безплодной. Съ 1886 года въ московскомъ губернскомъ земствѣ снова обращено было вниманіе на изысканіе мѣръ къ поднятію

[1]) Тамъ же, стр. 333.

уровня крестьянскаго благосостоянія, и собраніе вскорѣ стало на ту самую точку зрѣнія, которую проводилъ въ 1879 и 1880 гг. Д. Ѳ. А именно, было признано, что главною задачею земскихъ агрономическихъ учрежденій должно быть выясненіе мѣръ къ приведенію въ соотвѣтствіе кормовой и зерновой площади въ крестьянскомъ хозяйствѣ („Сборн. постановленій москов. губ. зем.", т. III, стр. 72). Въ результатѣ, при содѣйствіи земства, на общинныхъ земляхъ въ московской губерніи стало широко распространяться полевое травосѣяніе. Едвали можно утверждать поэтому, что изъ опытовъ, предпринятыхъ въ 1879 году земствомъ, ничего не вышло.

Можно, конечно, оспаривать точку зрѣнія, которую проводилъ Д. Ѳ. въ своихъ работахъ по крестьянскому дѣлу, но никакъ нельзя утверждать, будто онъ не придавалъ никакого значенія увеличенію площади крестьянской надѣльной земли и совершенно не сочувствовалъ мѣрамъ, къ этому направленнымъ. Точно также въ высшей степени несправедливо обвинять его въ томъ, будто бы мѣры, направленныя къ улучшенію земледѣлія на крестьянскихъ земляхъ, предлагались имъ не въ силу дѣйствительнаго убѣжденія въ ихъ первостепенной важности, а лишь для того, чтобы какъ-нибудь „отдѣлаться отъ опасности принятія... рѣшенія, сколько-нибудь практически полезнаго для крестьянства". Такое обвиненіе не имѣетъ подъ собой никакой почвы, и едвали его можно поддерживать далѣе при сколько-нибудь добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу.

Ѳедоръ Самаринъ.

Москва,
12 апрѣля 1906 г.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1906.

I.

— Адамъ Олеарій. Описаніе путешествія въ Московію и черезъ Московію въ Персію и обратно. Введеніе, переводъ, примѣчанія и указатель А. М. Ловягина. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1906.

„Наше изданіе Олеарія,—говорится въ предисловіи отъ издателя,—преслѣдуетъ тѣ же цѣли, какъ изданные нами ранѣе „Альбомъ Мейерберга" (1903), сочиненіе Флетчера „О государствѣ русскомъ" (1905) и предпринятое и заканчиваемое нынѣ изданіе „Дневника" Корба. На этотъ разъ мы даемъ не только новый переводъ текста, но и первое точное воспроизведеніе рисунковъ, цѣнныхъ потому, что они чертились при участіи самого автора книги". Русское изданіе, несомнѣнно, желательный вкладъ въ нашу историко-бытовую литературу, тѣмъ болѣе, что выполнено оно съ внѣшней стороны чрезвычайно старательно: обстоятельная вступительная статья А. М. Ловягина, большой и въ достаточной степени полный подборъ рисунковъ, новый переводъ, текстъ книги въ рамкахъ и съ замѣтками на поляхъ—какъ это печаталось въ наиболѣе раннихъ изданіяхъ — все это производитъ благопріятное впечатлѣніе. Къ сожалѣнію, цѣна за книгу назначена непомѣрно высокая, что̀, вѣроятно, отразится на распространеніи ея среди широкихъ круговъ читающей публики.

Редактирована книга весьма внимательно, что̀, въ связи съ новымъ, болѣе точнымъ, переводомъ, выгодно отличаетъ ее отъ изданнаго г. Суворинымъ сочиненія Флетчера „О государствѣ русскомъ", представляющаго простую перепечатку злополучнаго изданія 1849 г. Такъ какъ переводъ книги Олеарія уже существовалъ и до появленія настоящаго изданія, то передъ переводчикомъ естественно возникалъ

вопросъ: чѣмъ настоящій переводъ отличается отъ предыдущаго. „Олеарій,—говоритъ г. Ловягинъ,—писатель, по языку своему, не относящійся къ числу легкихъ. Онъ происходилъ изъ Саксоніи, гдѣ говорили по верхне-нѣмецки, служилъ въ нижне-нѣмецкой Голштиніи и былъ женатъ на эстляндской уроженкѣ. Во время посольства онъ окруженъ былъ лицами, говорившими на разныхъ діалектахъ... Этими обстоятельствами легко объясняется отсутствіе единообразія въ формахъ словъ у него и въ связи съ нею (?) и причудливость орѳографіи. Очень многіе изъ оборотовъ его, напр., счелъ необходимымъ отмѣтить въ своемъ большомъ словарѣ Зандерсъ. Настоящій переводъ, являющійся вторымъ въ русской литературѣ, уже по этому одному долженъ представлять собою попытку пойти дальше перваго перевода, исправить то, что̀ было неточнымъ въ предыдущемъ, и разъяснить то, что̀ оставалось неяснымъ для перваго переводчика".

Жаль, что при книгѣ нѣтъ такого очерка общаго характера, который имѣлъ бы въ виду средняго читателя и имѣлъ бы цѣлью ввести его въ историческую перспективу. Книга Олеарія представляется для такой цѣли достаточно изслѣдованной, а съ другой стороны внести коррективъ въ нѣкоторыя неправильныя и ложныя представленія Олеарія было бы не безполезно. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ русское изданіе книги Олеарія заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

Маленькая, но характерная подробность: книга озаглавлена „Описаніе путешествія въ Московію и черезъ Московію въ *Персію* и обратно",—цѣлой половины труда Олеарія—описанія Персіи—нѣтъ въ изданіи г. Суворина. Этому пропуску посвящено нѣсколько скромныхъ строчекъ, брошенныхъ вскользь въ текстъ вступительной статьи г. Ловягина, о томъ, что въ данномъ изданіи не воспроизводятся карты Персіи, „такъ какъ онѣ относятся къ опущенной въ настоящемъ изданіи части сочиненія Олеарія—къ описанію Персіи".

II.

— **Сборникъ товарищества „Знаніе" за 1906 г. Книга девятая. Спб. 1906.**

Девятая книжка сборника „Знаніе" открывается новой пьесой г. Горькаго „Варвары" (сцены въ уѣздномъ городѣ). Мирная и сонная обывательщина уѣзднаго города Верхополье была нарушена въ одинъ прекрасный день появленіемъ новыхъ, еще не виданныхъ тамъ людей—инженеровъ, пріѣхавшихъ соединить рельсами Верхополье со всѣмъ культурнымъ міромъ. Обыватели отнеслись къ этому событію раз-

лично: купцы заволновались хищными мечтами о подрядахъ, дамы и барышни замечтали о новыхъ романическихъ комбинаціяхъ,—многіе отнеслись болѣе или менѣе безразлично,—только Павлинъ, отвратительный субъектъ, мѣстный шпіонъ и доносчикъ, каркаетъ о своихъ опасеніяхъ, какъ бы новые люди не испортили прекрасно наладившагося бытія, да Дунькинъ мужъ, личность неопредѣленная, философствуетъ въ обычно-пессимистическомъ духѣ насчетъ того, что „дороги строятъ, а итти человѣку некуда“. А городъ Верхополье, достопримѣчательный, по словамъ того же Дунькина мужа, одними „аграмадными раками“,—типичный захолустный городишка, какіе еще далеко не перевелись на святой Руси, съ застывшими вѣковыми формами чисто-россійскаго мѣщанства, съ купцами чванными и подличающими, съ сантиментальничающими дамами, съ акцизными и казначейскими чиновниками, съ кулаками, произрастающими изъ вчерашнихъ мужичковъ, съ обширными садами, пыльными улицами—словомъ, со всѣмъ, что есть въ каждомъ добромъ россійскомъ городишкѣ, отъ котораго, во времена Гоголя, и въ три года никуда доскакать было невозможно. Но то, что казалось невозможнымъ во времена Гоголя, становится возможнымъ при г. Максимѣ Горькомъ: новая жизнь неизбѣжно закипитъ въ городѣ и все поставитъ вверхъ дномъ: инженеры—первыя ласточки приближающагося новаго уклада, и на встрѣчѣ ихъ съ сонной обывательщиной Верхополья построена вся пьеса.

Бытовая сторона, по обыкновенію, превосходно представлена г-мъ Горькимъ уже въ самомъ началѣ перваго дѣйствія, и изъ характернаго діалога Ивакина съ Матвѣемъ и Дунькинымъ мужемъ возбуждается живой интересъ къ развитію дѣйствія. Но дѣйствія этого такъ и не дождется читатель: пьеса вся построена на внѣшнихъ сцѣпленіяхъ, поминутно открывающихъ сухой голый остовъ авторскаго замысла. Наиболѣе интересное здѣсь—это представители самоновѣйшей интеллигенціи, въ отношеніи къ которой у г. Горькаго намѣчаются нѣкоторыя новыя точки пониманія, служащія какъ бы продолженіемъ того, что было намѣчено имъ въ „Дѣтяхъ солнца“. Поэтому на изображеніяхъ изъ этого міра и слѣдуетъ остановить свое вниманіе; все прочее — только фонъ, только темная масса, давнымъ давно знакомая по прежнимъ произведеніямъ г. Горькаго. На этомъ фонѣ отчетливо выдѣляется нѣсколько фигуръ, и прежде всего—инженеры.

Оба они—каждый въ свою очередь—личности примѣчательныя. Одинъ изъ нихъ—Черкунъ — грубоватый, прямой, рѣзкій,—онъ весь энергія и трудъ. Онъ вышелъ изъ крестьянъ и прошелъ тяжелую школу жизни, вынеся изъ нея несокрушимую вѣру въ возможность строительства жизни. Идеалъ его—быть въ центрѣ кипучей дѣятель-

ности, и Верхополье для него слишкомъ ничтожное поприще. „Я не люблю маленькіе города, — говоритъ онъ.—Среди нихъ застываетъ энергія. Въ большихъ городахъ она кипитъ день и ночь. Тамъ неустанно треніе враждебныхъ силъ, тамъ никогда не прерывается битва за жизнь. Горятъ огни. Звучитъ музыка. Тамъ все, чѣмъ жизнь красна. Я хочу жить много, жадно... Я видѣлъ, я испыталъ все пошлое, все тяжелое. Было время — меня унижали только за то, что я хотѣлъ ѣсть. А вы не знаете, какъ унижаютъ человѣка за то, что у него не чистое бѣлье и не острижены во-время ногти?.. Мнѣ очень нужно посчитаться съ людьми за прошлое, очень! Во мнѣ нѣтъ жалости, нѣтъ снисхожденія къ тѣмъ жаднымъ и тупымъ животнымъ, которыя командуютъ жизнью... И безсиліе тѣхъ, которые подчиняются, меня приводитъ въ ярость". Безжалостно относясь ко всякой слабости, Черкунъ не испытываетъ состраданія и къ своей женѣ Аннѣ, женщинѣ пассивной, недалекой и неглубокой, любящей мужа той кроткой и беззавѣтной любовью, которая требуетъ только одного — позволенія любить, но любить постоянно, на вѣки. Черкунъ едва терпитъ подлѣ себя присутствіе Анны, и нужна вся его сдержанность, чтобы ихъ жизнь не превратилась въ сплошную сѣть ссоръ, недоразумѣній, упрековъ. Анна такъ оттѣняетъ Лидію, молодую женщину, съ которой встрѣтился Черкунъ въ Верхопольѣ, женщину чувства и воли, рвущуюся на просторъ къ какой-то новой и болѣе сознательной жизни!

Черкунъ чувствуетъ родственную себѣ натуру, не можетъ не остановить на ней своего вниманія, и увлеченіе его Лидіей служитъ источникомъ безконечныхъ страданій для Анны. Между ними происходитъ объясненіе, рѣзко очерчивающее ихъ натуры: „Она мнѣ нравится, съ ней интересно", говоритъ Черкунъ.—Вѣдь я люблю тебя, люблю! Я все тебѣ прощаю,—отвѣчаетъ Анна.—„Прощенья мнѣ не нужно... Я скучный, я обыкновенный человѣкъ"...—Я знаю это, да! Но я люблю тебя... И не могу я безъ тебя... Я не могу. Развѣ за это можно презирать? Развѣ можно... такъ жестоко...—„Я тебя не презираю... Это неправда. Но я уже не люблю тебя. Вотъ правда"...—Но ты любилъ меня... Нѣтъ... Подожди! Ты ошибаешься.—„Это сгорѣло... А не любя живутъ съ женами только развратники или лгуны"...—О, подожди! Подожди... Дай мнѣ время... я попробую, быть можетъ, я буду другой! Быть можетъ, я не буду такой неинтересной... — „Эхъ, Анна! Стыдись. Какъ можно отрекаться отъ себя?"—Мой дорогой, любимый мой... Я не могу жить безъ тебя...—„А я съ тобой"... Въ этомъ чисто-ибсеновскомъ діалогѣ сказался весь Черкунъ, съ его стремленіемъ къ полнотѣ жизни, въ которой только, по его мнѣнію, и заключена правда, дающая личности осмысленную полноцѣнность и красоту.

Да, именно такъ поймутъ, вѣроятно, Черкуна представители того

моднаго міропониманія, которое основано на остовѣ вульгарно представляемаго ницшеанскаго индивидуализма, съ огромной и жадной пастью ненасытной акулы. Черкунъ любитъ кипучую дѣятельность большихъ городовъ: борьбу за уравненіе правъ, центръ умственной и культурной жизни? Нѣтъ, тамъ (въ большихъ городахъ) „треніе враждебныхъ силъ", перемѣшанное съ огнями и музыкою, со всѣмъ, чѣмъ „жизнь красна"—въ этомъ смыслѣ понимаетъ, очевидно, Черкунъ и борьбу жизни. Выбившись изъ мужиковъ, онъ готовъ посчитаться съ людьми—но на какой почвѣ?—на почвѣ уязвленнаго самолюбія за несвѣжее бѣлье, за неостриженные ногти... О, можно себѣ представить, какую новую жизнь внесетъ въ верхопольскія дебри этотъ строитель желѣзныхъ путей, котораго вольный пересказъ афоризмовъ великаго нѣмецкаго мыслителя отрѣшилъ отъ всѣхъ условностей общежитія, вродѣ моральныхъ обязанностей къ ближнимъ, лежащихъ на порогѣ его идеала свободной и красивой жизни! Не свернуть бы ему на старую, весьма старую дорогу, которую прежде звали дорогой нравственной загрубѣлости и чудовищнаго эгоизма. Всмотритесь въ отношенія Черкуна къ Аннѣ. Анна слаба, безпомощна, безвольна, и Черкунъ поэтому-то и презираетъ ее. Но вѣдь она, можно думать, и всегда была такой, и тогда, когда Черкунъ, если не полюбилъ ее (что̀ онъ цинически отрицаетъ), то влюбился, говорилъ ей о любви, ласкалъ и ухаживалъ за нею... Теперь онъ требуетъ отъ нея протеста. „Зачѣмъ ты позволяешь? Протестуй", говоритъ Черкунъ Аннѣ, когда она ему ставитъ на видъ его ухаживаніе за другой,—словно въ протестѣ все дѣло, а не въ томъ, что онъ просто разлюбилъ ее и, обманывая себя, стремится, подъ видомъ въ корнѣ фальшивой честной прямоты, освободить себя отъ послѣднихъ требованій деликатности въ отношеніи къ покинутому человѣку. То ницшеанство, которое такъ соблазнительно для нѣкоторыхъ отыскивать у людей, подобныхъ Черкуну, старо, какъ міръ. У всѣхъ народовъ и во всѣ вѣка оно появлялось всякій разъ, когда у здороваго и сытаго самца, полнаго жадныхъ аппетитовъ, въ угоду самообожествленной личности, на пути къ красивой и молодой Лидіи, появлялась слабая и выдохшаяся Анна...

Другой инженеръ, Цыгановъ, куда мельче калибромъ, но и онъ для Верхополья — невиданный, экзотическій цвѣтокъ. Онъ цинично-галантенъ, поверхностенъ, пропитанъ легкомысленнымъ скептицизмомъ большого города, насыщенъ атмосферой безпринципности и презрѣнія ко всему, съ чѣмъ сталкивается его капризное, разслабленное самолюбіе. Все его міросозерцаніе укладывается въ имъ же самимъ разсказанный анекдотъ о трехъ мудрецахъ: „Было три мудреца. Первый доказывалъ, что міръ есть мысль, другой утверждалъ противное... я,

право, не помню, что именно... Но я навѣрное знаю, что третій соблазнилъ жену перваго, укралъ у второго рукопись, напечаталъ ее, какъ свою, и его увѣнчали лаврами". Въ городишкѣ Цыгановъ ведетъ себя, приспособляясь къ обывательскому уровню. „Сержъ Цыгановъ,—говоритъ ему Лидія,—гурманъ и левъ, еще недавно законодатель модъ,—напивается"... Когда онъ влюбляется — поверхностно себялюбиво—у него нѣтъ ничего, что̀ бы онъ могъ обѣщать любимой женщинѣ, кромѣ поѣздки въ Парижъ! „Маркизы, графы, бароны—всѣ въ красномъ... И у васъ будетъ все, что̀ вы захотите... я все дамъ"... „Вы дивная, вы рѣдкая... страшная! И я люблю васъ—повѣрьте мнѣ! Люблю, какъ юноша... Вы... сила! Сколько счастья, сколько наслажденій ждетъ васъ"... И онъ говоритъ это серьезно, тогда какъ его возлюбленная, при всей ея неразвитости и духовномъ убожествѣ, инстинктомъ чувствуетъ, что настоящей любви Цыгановъ не дастъ ей и что любви не купишь ни въ какомъ Парижѣ. Смѣясь надо всѣмъ, Цыгановъ не прочь и себя представить въ комическомъ положеніи. Послѣ неудачнаго выстрѣла своего соперника, Цыгановъ насмѣшливо обращается къ своей возлюбленной: „Ну, вы довольны, наконецъ? Все какъ въ романѣ: любовь счастливая, штуки три несчастныхъ... попытка выпалить изъ револьвера... кровь... Хорошо?" Въ этой способности во всемъ отыскивать смѣшную сторону сказывается не столько игра холоднаго скептическаго ума, сколько привычка къ постоянному ni fois ni lois, къ питерски-презрительному отношенію къ жизни и къ людямъ, не исключая самого себя.—Все на свѣтѣ ничтожно, и я такъ же ничтоженъ, какъ и все,—какъ бы хочетъ сказать Цыгановъ всѣмъ своимъ существомъ.

И этотъ строитель жизни едвали создастъ вокругъ себя что-либо, кромѣ хмельного угара. Онъ, чего добраго, возьметъ свою долю въ хищеніяхъ подрядчиковъ Притыкиныхъ — надо же на какія-нибудь деньги покупать ликеры и совершать увеселительныя поѣздки въ Парижъ,—развратитъ не одну Надежду Поликарповну, по дорогѣ не одного человѣка сдѣлаетъ несчастнымъ и безплодно окончитъ свое дрянное существованіе отъ чужой или собственной пули, а вѣрнѣе всего—отъ паралича или бѣлой горячки. И это—весьма старый путь, который былъ до послѣдней черты извѣданъ людьми до открытія желѣзныхъ дорогъ. И Цыгановъ—такой же варваръ жестокой средневѣковой эпохи, какъ Черкунъ, какъ Рѣдозубовъ, какъ Притыкинъ, а можетъ быть и хуже, несмотря на игру ума, на тѣ проблески свѣтлой человѣческой мысли, которые указывали на угасшую въ Цыгановѣ возможность сознательной жизни.

Два слова еще объ одномъ изъ героевъ. Съ инженерами пріѣхалъ и студентъ Степанъ Лукинъ, изъ мѣстныхъ подгородныхъ крестьянъ,

фигура блѣдно очерченная, долженствующая, по замыслу г. Горькаго, изобразить соціалъ-демократа новѣйшей формаціи, съ шаблонными рѣчами: „Вотъ построимъ новую дорогу и разрушимъ вашу старую жизнь", и т. д., и т. д. Ему внимаетъ Катя, дочь мѣстнаго самодура, городского головы Рѣдозубова, которая, словно по волшебству, превращается изъ невоспитанной дурочки, швыряющей камнями въ „рыжаго" Черкуна, изъ мести за Анну,—въ пламенную прозелитку идей Лукина, въ „сознательную личность", собирающуюся, противъ воли отца, на курсы.

Что же вышло изъ столкновенія всѣхъ этихъ „дѣтей солнца" съ дѣтьми неумытой верхопольской земли?

Пока медленно и скучновато тянутся четыре дѣйствія пьесы, проходитъ, по ремаркамъ автора, нѣсколько мѣсяцевъ. Инженеры, вмѣстѣ со Степаномъ, что-то вычисляютъ, надъ чѣмъ-то работаютъ, но передъ зрителями тянется безконечная вереница выпивокъ, закусокъ, полупьяныхъ и пошлыхъ рѣчей, и только по временамъ, по особому заказу, словно изъ другого міра, врываются голоса объ иной, лучшей жизни, здоровой, сильной и дѣятельной, но тонутъ въ общей мглѣ взаимнаго непониманія, безформеннаго самообмана и хмельного угара. Мы уже упоминали вскользь, почему намъ казалось неинтереснымъ останавливаться на фабулѣ: она спутанна, механична, кончается револьверными выстрѣлами, и къ ней вполнѣ примѣнима насмѣшливая характеристика Цыганова, которую мы привели выше. „Все, какъ въ романѣ... Любовь счастливая... Штуки три несчастныхъ... Попытка выстрѣлить изъ револьвера... Кровь..." Въ этой пьесѣ „все есть, коли нѣтъ обмана": и драка, и любовь, и вино, и благородные герои, и заѣдающая среда, а въ результатѣ — пуфъ: пріѣхали инженеры, набѣдокурили... и... ничего! Старой жизни не сломили, только внесли въ нее муть, сдѣлали ее еще болѣе сумбурной, а какова будетъ та жизнь, которую построятъ эти новые люди, такъ и осталось неяснымъ, и все, что они могли бы сказать, все сводится къ самымъ неопредѣленнымъ обѣщаніямъ, къ ряду возможностей, не открывающихъ никакихъ болѣе или менѣе осязательныхъ перспективъ...

Въ подробностяхъ пьесы, далеко не одинаково обработанной, г. Горькій остался, конечно, прежнимъ мастеромъ діалога, художникомъ быта, рѣзко очерченныхъ типовъ, но условность въ распредѣленіи ролей слишкомъ даетъ себя чувствовать и вызываетъ впечатлѣніе чего-то черезчуръ ужъ надуманнаго и преднамѣреннаго. Застывшая и застывающая отечественная буржуазія, обрывки идей, брошенныя на ея поверхность, молодые побѣги, тянущіеся къ солнцу, и тучи, сквозь которыя прорываются на землю несмѣлые, блѣдные проблески, и здоровый юморъ крѣпколобой мужицко-мѣщанской смётки, и культъ

человѣка, и чисто русское „наплевать" на все, модернизованное соотвѣтственной діалектикой, — все это такъ обычно у г. Горькаго, но во всемъ этомъ чувствуется гораздо меньше сочности, меньше красокъ и жизни, чѣмъ когда-либо.

Удачнѣе всего въ пьесѣ г. М. Горькаго—заглавіе. Что его инженеры „варвары"—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но что они, подобно древнимъ германцамъ, разрушая, созидаютъ, этого мы не видимъ. Всѣ эти провиденціальные люди, которые однимъ только своимъ присутствіемъ разрушаютъ старую жизнь, двумя, тремя фразами производятъ переворотъ въ чужой душѣ, уже порядочно пріѣлись съ легкой руки того же г. Горькаго. Тамъ, гдѣ есть акцизный чиновникъ, почтмейстеръ и докторъ,—двое инженеровъ, у которыхъ желѣзная дорога еще лежитъ въ папкѣ, еще не являются такими сверхъобывательскими фигурами, чтобы около нихъ немедленно начали разбиваться старыя формы, увлекая за собой жизнь и счастье окружающихъ. Повторяемъ—все это схематично и шаблонно, и всѣ другія лица пьесы толкутся на сценѣ не для того, чтобы показать, что „такова жизнь", но что таково „сочиненіе" на задуманную тему съ лицами, взятыми на прокатъ изъ своихъ же собственныхъ пьесъ и разсказовъ.

Кромѣ пьесы г. Горькаго, въ этомъ томѣ „Сборника" помѣщено нѣсколько разсказовъ гг. Телешева, Серафимовича, Сулержицкаго и стихотвореній гг. Бунина и Скитальца. Впечатлѣніе отъ разсказовъ получается блѣдное, хотя всѣ они посвящены событіямъ и настроеніямъ самой горячей современности; симпатичны нѣкоторыя стихотворенія г. Бунина.

III.

— Розановъ, В. Около церковныхъ стѣнъ. Т. II. Спб. 1906.

Наша замѣтка о первомъ томѣ сочиненій г. В. Розанова была уже напечатана, когда вышелъ второй томъ, и намъ только пришлось пожалѣть, что мы должны были поневолѣ ограничиться неполнымъ разсмотрѣніемъ настоящаго изданія сочиненій этого автора. Второй томъ однообразнѣе перваго по выбору статей, но онъ настолько интереснѣе, настолько углубленнѣе въ разработкѣ темъ, характеризующихъ сущность философскаго міросозерцанія г. Розанова, что мы считаемъ своею обязанностью дополнить нашу замѣтку указаніемъ на высокое, по нашему мнѣнію, значеніе этого тома среди книгъ, появившихся въ последнее время. Во второй книгѣ г. Розановъ является въ полномъ блескѣ своихъ затаенно-простодушныхъ откровеній, хитроумной діа-

лектики и, вмѣстѣ, неотразимой искренности и простоты, про
каннаго убѣжденія и младенческой обыденности своихъ воскрыле
къ Богу. Сила г. Розанова—въ задушевности его обращенія къ чи
телю, въ упрощеніи сложнѣйшихъ вопросовъ богоощущенія, въ умѣ
такъ освѣтить реальную жизнь, во всѣхъ ея мелочахъ, съ религіозн
точки зрѣнія, чтобы она показалась безъ этого освѣщенія ничтожн
и темной. Но еще бо̀льшая сила—въ томъ, что̀ мы уже въ прошл
замѣткѣ назвали бродильнымъ сокомъ его творчества: здѣсь г. Ро
новъ возвышается до той степени протестующаго, истинно-револ
ціоннаго чувства, которая, въ области вопросовъ религіи и церк
дѣлаетъ его однимъ изъ дѣятельныхъ идейныхъ участниковъ сов
менной освободительной борьбы. Составляя психологическую загад
своимъ участіемъ въ нѣкоторыхъ реакціонныхъ изданіяхъ, г. Розано
духомъ своимъ перешелъ въ лагерь непримиримыхъ враговъ реакц
и вотъ уже нѣсколько лѣтъ неутомимо подтачиваетъ основы тѣ
еще недавно казавшихся неприступными, твердынь, которыя указ
ваютъ его видимую, осязательную сущность.

И какъ же отошелъ по своимъ воззрѣніямъ г. Розановъ, въ само
дѣлѣ, отъ того г. Розанова, который печатался, лѣтъ пятнадцать н
задъ, въ „Русскомъ Вѣстникѣ"! Приведемъ характерный образчи
Въ 1891 году въ упомянутомъ журналѣ г. Розановъ писалъ о То
стомъ, набрасываясь на него съ грубой фамильярностью завзята
ортодокса: „...Цѣлый міръ ты взволновалъ, — говорилъ Розановъ,
своей „суетой", этими изданіями безъ авторскихъ правъ, другими
съ правами автора, „Хозяиномъ и работникомъ" отъ двугривенна
до трехъ копѣекъ и „Oeuvres complets" съ портретами твоихъ ра
ныхъ возрастовъ и даже парковъ, домовъ, гостиныхъ, гдѣ ты разм
шлялъ, читалъ, создавалъ свои творенія... И тебя, бѣднаго, въ го
слабѣющей души, эта слава (европейская) потянула, и ты прислуш
ваешься, что̀ нужно тамъ, чтобы знать, что̀ говорить здѣсь („Царст
Божіе внутри васъ есть"). Ты знаешь великое „противленіе", подн
тое міромъ противъ церквей Божіихъ; ты знаешь, что это противлен
здѣсь поднятое, будетъ привѣтствуемо тамъ"... и т. д. Но прош
пятнадцать лѣтъ, и г. Розановъ постигъ и уразумѣлъ Толстого; пре
няя оцѣнка его — не просто легкомысліе, но грубое и неприличн
заблужденіе, и да простится оно автору за слѣдующія слова, сказа
ныя имъ въ одной изъ статей настоящаго, второго тома: „Толстой, п
полной наличности ужасныхъ и преступныхъ (допустимъ — съ точ
зрѣнія г. Розанова) заблужденій, ошибокъ и дерзкихъ словъ, ес
огромное религіозное явленіе, можетъ быть — величайшій феноме
религіозной русской исторіи за XIX-й вѣкъ, хотя и искаженный". Э
написалъ г. Розановъ по поводу пресловутаго отлученія Л. Н. То

стого синодомъ, и, можно думать, ни въ одну изъ статей, по достоинству оцѣнившихъ такое богоугодное дѣяніе, не было вложено столько разрушительнаго элемента, сколько сумѣлъ вложить этотъ оригинальный писатель въ свою замѣчательную характеристику нашего, единственнаго въ своемъ родѣ, приказа духовныхъ дѣлъ. Святѣйшій синодъ, по словамъ г. Розанова, можетъ быть святымъ по личностямъ, его составляющимъ, но если вдуматься въ исторію его учрежденія, то онъ является чѣмъ-то удивительно канцелярскимъ и мертвымъ. „Синодъ не есть религіозное учрежденіе, почти не есть, очень мало есть. И не имѣетъ ни традицій, ни формъ, никакихъ способовъ религіозное религіозно судить. Отсюда прозаичность бумажки о Толстомъ, имъ выпущенной: синодъ не умѣетъ религіозно говорить". Напомнивъ о разсказѣ Толстого „Чѣмъ люди живы", гдѣ является образъ ангела („густота размышленія уплотнилась до осязательности этого образа",— по выраженію нашего автора), г. Розановъ и къ синоду обращается съ требованіемъ знаменія его боговдохновенности, — ибо вѣрующіе требуютъ знаменій, какъ ученые доказательствъ. „У синода есть доказательства, а вотъ знаменій нѣтъ; и онъ въ одной части есть административное учрежденіе, а въ другой — философская академія, безъ всякаго „помазанія". Г. Розановъ допускаетъ отлученіе *„отъ себя* только, отъ вѣрующихъ, безъ универсальнаго тезиса", но лишь какъ результатъ оскорбленія въ народѣ вѣры или даже суевѣрія, и пусть бы самъ народъ, толпа, съ разгорѣвшимися отъ гнѣва глазами и поднятыми руками, извергла оскорбителя изъ своей среды, — въ этомъ еще былъ бы смыслъ! Но въ поступкѣ синода авторъ отказывается видѣть что-либо иное, кромѣ кощунства по существу, а по формѣ бумаги и номера. „Это кощунство, а не серьезный фактъ; и менѣе всего— фактъ *церковной жизни*".

Глубокаго вниманія заслуживаютъ статьи г. Розанова, гдѣ онъ говоритъ о догматизмѣ христіанства или характеризуетъ отношенія истинно-религіозныхъ людей къ пестрой жизненной практикѣ, никакъ не укладывающейся въ безжизненныя рамки догматическаго предписанія („Оптина пустынь"); нѣкоторые очерки проникнуты тихой поэзіей вѣры, мягкими проблесками нѣжныхъ и кроткихъ богоощущеній („Огни священные"). Спаситель, по словамъ г. Розанова, не далъ догмата,— „самого духа его, этой таблицы умноженія религіозныхъ истинъ": „христіанство въ глубинѣ его, въ чарующихъ его особенностяхъ создано уже никакъ не умами отъ Оригена до Лепорскаго, труды которыхъ знаютъ только академики, а оно вышло все изъ *народныхъ* вздоховъ, народнаго умиленія къ Богу, изъ такихъ молитвъ, какъ Херувимская"... Благодаря догматизму — „мы угасили духъ пророчества въ себѣ. Бытіе догмата угасило возможность пророчества. Мы чрезвы-

чайно обѣднѣли даже сравнительно съ ветхозавѣтнымъ еврействомъ. Въ Евангеліи Троица свѣтится такимъ особеннымъ, богатымъ и безконечнымъ свѣтомъ, что и я, и всякій могли бы еще обратиться къ Отцу Небесному въ нужномъ случаѣ жизни, не повторяя слова Іисуса, „не приводя текста", но свое новое творя слово. Ибо Іисусъ говорилъ къ Отцу, но Онъ не закрылъ Отца передъ людьми. Я говорю, что слово каждаго изъ насъ могло бы быть вдохновенно"... „По моему представленію, историческія судьбы христіанства—тайна. Тайна эта заключается въ такой великой иллюзіи, выше которой никогда не создавалась; и въ такой не отвѣчающей этому комической дѣйствительности, ниже которой, пожалуй, тоже ничего не создавалось. Взять только дивныя пророчества мессіанскія, о сѣмени жены—стершемъ главу змія, о конечной побѣдѣ надъ діаволомъ: посмотрите—вѣдь это небо стелется въ словахъ и земля вся зацвѣтаетъ въ какомъ-то невыразимомъ обиліи, счастьи, красотѣ, славѣ. И представьте, эти Собакевичи намъ твердятъ, что все уже сбылось, что патока течетъ по землѣ, и нѣтъ ни пьяницы, рѣжущаго ради трехъ цѣлковыхъ товарища—„чтобы опохмелиться", ни скопцовъ съ отрѣзанными органами, ни ежевыхъ рукавицъ миссіонерства, ни пресловутыхъ „дѣлъ" духовныхъ консисторій. Легла овца около тигра! Сбылось! Да позвольте, не вправѣ ли робкое и честное сердце сказать: „не сбылось! ничему не вѣрю! Маленькій я человѣкъ и маленькое во мнѣ сердце: но и имъ я сужу, что на землѣ—Содомъ и Гоморра, а не „миръ и искупленіе", и что предо мною не ягненокъ около льва, а нѣсколько злобныхъ крысъ, пожирающихъ одна другую въ зловонной клѣткѣ"...

Отстаивая ту мысль, что церковь есть собраніе вѣрующихъ, а не учрежденіе, г. Розановъ мѣтко и образно характеризуетъ расколъ, который неизбѣжно долженъ былъ возникнуть между церковью, въ ея оффиціальномъ пониманіи, и интеллигенціей. Страницы, посвященныя этому вопросу, — однѣ изъ замѣчательнѣйшихъ въ книгѣ. „Церковь есть поклоненіе прошлому—вотъ основной фактъ и коренной духъ ея, который произвелъ разрывъ между нею и интеллигенціей, представительницею и выразительницею настоящаго и, особенно, будущаго. Нельзя не замѣтить, что глубочайшими своими принципами церковь неумолимо, гнѣвно и, наконецъ, мстительно разошлась съ глубочайшими же принципами интеллигенціи. Ей противенъ не только фактъ интеллигенціи, но и самый *духъ* ея; духъ *недовольства*, духъ *движенія* и *исканія*, духъ сомнѣнія относительно настоящаго и лучшихъ надеждъ въ будущемъ. День церкви прошелъ: это—Христосъ, это—святые; окрестъ себя и особенно впереди себя она видитъ только Ночь, которой не умѣетъ сочувствовать, съ которою не можетъ не бороться. Отсюда разумъ она называетъ „лжеименнымъ" (излюбленное слово),

искусство — развращающимъ; прогрессъ — „бѣсовскимъ", языческимъ явленіемъ. Церковь есть поклоненіе гробамъ... Уподобиться мощамъ, перестать вовсе жить, двигаться, дышать, въ особенности—волноваться, есть общій и великій идеалъ церкви. Всякое волненіе—„отъ лукаваго". А прогрессъ есть волненіе, а цивилизація есть движеніе. Поверхностно, на минуту, ради любезности между духовенствомъ и интеллигенціей какъ будто есть миръ, согласіе, взаимопониманіе; но это миръ и любезность двухъ смертельно разошедшихся враговъ".

Много старыхъ грѣховъ зачтется г. Розанову за эти прекрасныя страницы, и читатель съ глубочайшимъ сочувствіемъ отвѣтитъ на обращенный къ нему меланхолическій привѣтъ автора, выраженный въ послѣднихъ словахъ предисловія, гдѣ авторъ подводитъ итогъ тѣмъ тревогамъ духа, которыми сопровождались его исканія религіозной истины.

IV.

— Сергѣй Рафаловичъ. „Свѣтлыя Пѣсни". Изд. „Содружества". Спб. 1905.

Такъ какъ г. Рафаловичъ издаетъ уже не первый сборникъ своихъ вдохновеній, и передъ нами не то третья, не то четвертая книжка его стиховъ, то мы чувствуемъ себя невольно обязанными исправить свою вину предъ читателями и остановиться на ней нѣсколько подробнѣе, чѣмъ, можетъ быть, она того заслуживаетъ. Въ виду многаго, уже написаннаго г. Рафаловичемъ, легко можно предположить на минуту, что г. Рафаловичъ—писатель, въ нѣкоторыхъ кругахъ небезызвѣстный. Но намъ ближе другое предположеніе, — что нашимъ читателямъ онъ извѣстенъ мало, а можетъ быть и вовсе неизвѣстенъ, и вотъ, чтобы сразу познакомить ихъ съ поэтическимъ обликомъ г. Рафаловича, поскольку онъ не могъ не отразиться въ его стихахъ, постараемся разсмотрѣть ихъ съ точки зрѣнія субъективныхъ чертъ автора. Это, впрочемъ, будетъ и наилучшимъ методомъ ихъ изученія, такъ какъ стихи эти всѣ окрашены субъективно-лирическимъ колоритомъ и такимъ своеобразіемъ индивидуальныхъ чертъ, которое дѣлаетъ поэзію г. Рафаловича если и не весьма замѣтной на современномъ Парнассѣ, то, во всякомъ случаѣ, весьма отъ другихъ поэтовъ отличительной.

Ни по формѣ, ни по содержанію поэзію г. Рафаловича нельзя назвать отсталой или старомодной. Напротивъ. Она—послѣдній крикъ современныхъ эстетствующихъ и ницшеанскихъ настроеній, и въ стихахъ г. Рафаловича небрежной рукой прихотливаго виртуоза разсѣяна цѣлая энциклопедія утонченнѣйшаго модернизма. Чувствуя себя абсо-

лютно-свободнымъ въ нарушеніи граней, налагаемыхъ моралью и особенно законами человѣческаго разумѣнія, г. Рафаловичъ въ развитіи отдѣльныхъ моментовъ модернизма доводитъ ихъ до тѣхъ ступеней, на которыхъ они теряютъ всякіе признаки своего первоначальнаго значенія, и тѣмъ самымъ дискредитируютъ все то, что̀ несомнѣнно составляло обаяніе и свѣжесть теперь уже повидимому отживающаго модернизма. Да, модернизмъ отживаетъ. Ядро его налилось, созрѣло и выпало изъ колоса, оставляя пустые пожелтѣлые стебли да шелестящую костру и шелуху, пока не придетъ вѣтеръ и не унесетъ ихъ въ безвозвратную даль. Такова и поэзія г. Рафаловича. Вся она какая-то вывѣтренная, шелестящая, сухая, она—внѣшняя оболочка модернизма, и кто по ней захотѣлъ бы составить себѣ понятіе объ этомъ теченіи современной литературы, тотъ убѣжденно возненавидѣлъ бы его. Г. Рафаловичъ—его разложеніе и тлѣнъ. Онъ прилѣпился къ модернизму, какъ будто за тѣмъ, чтобы обнаружить его умираніе и пустоту. Г.г. Рафаловичи—первые факельщики увядающихъ литературныхъ теченій. Тамъ, гдѣ они появляются, жди могильщиковъ съ заступами и „вѣчную память"...

Первый столпъ модернизма — крайнее возвеличеніе своего *я*; оно привело къ идеямъ богоборчества и къ цинизмамъ самообожествленія, породившимъ на европейской почвѣ, отчасти и у насъ, красивые цвѣты эстетическихъ утонченностей и изступленныхъ лирическихъ изліяній. Г. Рафаловичъ вынулъ сердцевину изъ этого столпа и превратилъ его въ пустую пеструю картонку, обклеенную самыми кричащими этикетками. И потому та мучительная поэзія скорби, которою дышитъ вся афористика Ницше, возбуждаетъ при чтеніи „Свѣтлыхъ Пѣсенъ" г. Рафаловича — невольную улыбку и мысль о пародіи. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Г. Рафаловичъ неоднократно удостоиваетъ Бога своей бесѣдой. Онъ говоритъ Ему (пишемъ *Ему* съ большой буквы, чтобы отличить Бога отъ г. Рафаловича):

Себя познавъ, Тебя не знаю,
Тебѣ себя не покорю;
Тебя разумный отвергаю
И что отвергъ, боготворю.
Но,—человѣкъ, не рабъ безславный,—
Хочу любить Тебя, какъ равный.

Хуже всего, что каждое слово этихъ виршей говоритъ о поразительномъ равнодушіи ихъ автора къ тому, что̀ составляло источникъ величайшихъ страданій для геніальныхъ безумцевъ скепсиса и аморализма конца только-что изжитого вѣка. И потому ихъ богоборчество какъ-то вырождается у г. Рафаловича въ безсодержательную и безцвѣтную реторику, которая не оскорбляетъ только потому, что она уж очень безсодержательна и безцвѣтна.

Стало пустынно. Лишь небо... Лишь степь...
Тихо спускается длинная цѣпь...
Смѣло хватаю руками звено...
Небо приблизить къ землѣ мнѣ дано,
Землю поднять къ небесамъ Ты бы могъ.
Гдѣ дерзновеніе? Кто изъ насъ Богъ?
Въ мірѣ единомъ мы будемъ вдвоемъ;
Будемъ мы вѣчно двойнымъ бытіемъ,
Гранью одинъ для другого. Во-вѣкъ
Бога въ себѣ не вмѣститъ человѣкъ,
Пусть разойдутся пути, какъ сошлись,
Дальше, все дальше, мой въ даль, а твой въ высь.

И такъ, не рѣшивъ для себя вопроса, кто изъ нихъ—Богъ, г. Рафаловичъ не сомнѣвается, однако, что порядокъ мірозданія устроенъ не имъ, иначе все на землѣ было бы гораздо лучше. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы должны понимать то лирическое изліяніе г. Рафаловича, гдѣ онъ упрекаетъ Создателя въ непослѣдовательности. Гдѣ же справедливость?—спрашиваетъ онъ:

Все отъ Бога: зло на стражѣ
Воли хилой, и слова
Искушенія, и даже
Отрицанье Божества.
А межъ тѣмъ Онъ совѣсть будитъ
И за то, что создалъ Самъ,
Онъ судомъ насъ грознымъ судитъ,
Карой угрожая намъ.

Дѣйствительно, г. Рафаловичъ не просилъ Бога о своемъ созданіи, а вотъ благодаря роковой случайности, самопроисшелъ—и мучится. На почвѣ этого недовольства возникло у него даже стихотвореніе, посвященное видимымъ виновникамъ подобныхъ самопроисшествій:

Когда въ порывѣ озвѣренья
Разсудка робкій свѣтъ угасъ,
Два сочетались вожделѣнья,
Двѣ плоти сблизились на часъ;
И, покоряясь чуждой власти,
Горѣли жадностью огня,—
Рабы безвольныхъ сладострастій,—
Въ тотъ мигъ вы создали меня.

Дѣлать было нечего. Поэту пришлось примириться съ фактомъ, и въ то время, какъ всѣ добрые родители, по своему родительскому недоразвитію, радовались появленію новой жизни, душа поэта исполнилась гнѣвнаго,—но, увы! запоздавшаго протеста:

Пусть такъ! Предъ вами чѣмъ сокрытѣй
Преемство чиселъ и временъ,
Тѣмъ въ неизбѣжности событій
Властнѣй невѣдомый законъ;

И не принявъ его сознаньемъ,
Въ тупой бездумности толпы
Не со смиреньемъ, съ ликованьемъ
Вы преклонились, какъ рабы.
Но рабству нѣтъ въ рабахъ предѣла:
Цѣпями тяжкими звеня,
Вы ихъ хватаете несмѣло,
Чтобъ дотянуть ихъ до меня.
Чрезъ васъ таинственныхъ свершеній
Передалась глухая вѣсть...
И долженъ я изъ всѣхъ сближеній
Сближенье съ вами предпочесть?
И не за то-ль, что страсть крылами
До васъ дотронулась шутя,
Я преклонюсь совмѣстно съ вами,
Рабовъ случайное дитя?

Такому выраженію бунта противъ злостнаго предопредѣленія, постигшаго и г. Рафаловича, позавидовалъ бы и самъ Гартманъ, еслибы этому философу не суждено было высказать прозаическимъ способомъ то, что въ стихахъ г. Рафаловича походитъ не то на безсильную претензію, не то на ядовитую пародію, не то просто на каррикатуру. Несомнѣнно одно только, что этотъ второй столпъ модернизма въ поэзіи г. Рафаловича извращенъ такъ же основательно, какъ и первый.

Мы видѣли уже выше, что г. Рафаловичъ умѣетъ обращаться съ Богомъ совсѣмъ за панибрата, борется съ нимъ, а иногда даже останавливается на мысли собственнаго божественнаго перевоплощенія. Это самовозвеличеніе принимаетъ у него подчасъ такіе размѣры, что невольно является подозрѣніе, ужъ не дѣлаетъ ли онъ это нарочно, ужъ не выступаетъ ли онъ сознательнымъ врагомъ модернизма, намѣренно принявшимъ обличье самаго записного ницшеанца-декадента, и не рѣшилъ ли на смерть поразить тѣхъ представителей европейскаго модернизма, которые стремятся обвѣять обаяніемъ тайны всѣ малѣйшіе моменты человѣческой жизни, всѣ мельчайшія случайности, отражающіяся трепетомъ неповторяющихся ощущеній или мельканіемъ мысли. Тайной менѣе всего вѣетъ отъ поэзіи г. Рафаловича. Вмѣсто священнаго трепета она возбуждаетъ уныніе и скуку, особенно въ сопоставленіи его *я* со Христомъ:

Какъ нѣкогда познавъ Христосъ
Предѣлъ въ безбрежности мученій
И крестъ безропотно понесъ
Путемъ послѣднихъ отреченій,
Въ любви постигъ я мѣру силъ,
Узрѣлъ невидимыя грани
И безпредѣльность ощутилъ,
Склонясь надъ бездною страданій.

Какъ Онъ, я молча поднялъ крестъ,
Огонь страстей отвергъ покорно,
И съ нимъ избралъ изъ всѣхъ невѣстъ
Ту, чье лобзанье неповторно.

Если нѣтъ у г. Рафаловича обаянія тайны, то что же останется отъ его стиховъ, въ которыхъ онъ, какъ истый подражатель модернизма, возводитъ въ культъ отрицаніе разума, что, впрочемъ, не сегодня уже перестало быть моднымъ. Смѣясь надъ разумомъ (конечно, въ философскомъ смыслѣ), который много разъ „обманывалъ" поэта,—г. Рафаловичъ приходитъ къ заключенію, игриво выраженному въ такихъ веселыхъ строчкахъ:

Коль въ мудрости—отрада,
То стыдъ ей не къ лицу
И совѣсти не надо,
Ни правды мудрецу,—

еще разъ доказывающихъ, съ какою легкостью вырываются изъ груди г. Рафаловича признанія, бывающія даже у дюжинныхъ натуръ предметомъ глубокихъ разочарованій и нравственныхъ потрясеній. А г. Рафаловичъ словно по клавишамъ бѣгаетъ, отбивая веселенькія рулады.

Въ такихъ руладахъ, напримѣръ, нашло свое выраженіе и обожествленіе плоти—тоже одинъ изъ видныхъ признаковъ модернизма (напомнимъ изъ русской литературы хотя бы статьи г.г. Мережковскаго и Розанова). Г. Рафаловичъ не можетъ удержаться на скользкой поверхности, касаясь этихъ крайне-деликатныхъ и требующихъ большой душевной осторожности темъ, и, привыкнувъ разрушать всѣ грани между возможнымъ и невозможнымъ, онъ является настоящимъ enfant terrible и этой стороны модернизма:

Не въ подвижничествѣ строгомъ
Правды благостной зерно,
И я вѣрю, что не Богомъ
Намъ смиренье внушено.
Безразсудно отреченье,
Плоть божественна, какъ духъ,
Мысль тревожная—какъ зрѣнье,
Вѣра тихая—какъ слухъ,
Нѣтъ въ твореніи разлада,
Нѣтъ грѣховной красоты,
И во всемъ, что жизни радо,
Лучъ божественной мечты.

Итакъ, отъ внутренняго содержанія модернизма не осталось ничего въ стихахъ г. Рафаловича, а внѣшніе пріемы, усвоенные имъ, привели его къ созданію ряда смѣшныхъ и жалкихъ пародій на модернизмъ. Той же цѣли послужила и внѣшняя форма изліяній г. Рафаловича: въ вѣкъ утонченнѣйшей техники авторъ представилъ уд-

вительные образцы той деревянной гладкости и трафаретной ритмичности стиха, въ которыхъ гораздо больше неустрашимости и топота, чѣмъ музыки; автору совершенно недоступна область тѣхъ тонкихъ и нѣжныхъ переливовъ рѣчи, той высшей гармоніи, связующей каждое предыдущее съ послѣдующимъ, которая составляетъ тайну не только истинной поэзіи, но даже мало-мальски чуткаго стихосложенія. Приведенныхъ образцовъ уже достаточно. Прибавимъ къ нимъ развѣ еще одинъ, поразительный по своей жестокой прозаичности. Вотъ начало стихотворенія „XVIII вѣкъ“:

Карты, женщины и войны
И побѣды тутъ и тамъ;
Мадригалы непристойны,
Сладострастны рѣчи дамъ.

Вьются кудри, блещутъ взоры,
И на красныхъ каблукахъ
Позолоченыя шпоры
Что-то шепчутъ впопыхахъ.

И тутъ же, безъ всякаго нарушенія эффекта, невольно хочется впопыхахъ продолжать знаменитымъ подборомъ латинскихъ предлоговъ:

Ante, apud, ad, adversus,
Circum, circa, citra, cis и т. д.

Многіе находили заучиванье этихъ предлоговъ дѣломъ безсмысленнымъ, но, по сравненію со стихами г. Рафаловича, оно могло имѣть нѣкоторое практическое примѣненіе, а зачѣмъ пишетъ свои стихи этотъ авторъ, представляется необъяснимымъ.

Впрочемъ, даже и въ этой трафаретной деревянности своего стихотворчества г. Рафаловичъ далеко не безгрѣшенъ; особенно вопіющими являются промахи въ тѣхъ стихотвореніяхъ, гдѣ авторъ пытается подражать народному стилю, можетъ быть, не безъ задней мысли оказать и послѣднему ту же медвѣжью услугу, какую съ такимъ успѣхомъ ему удалось оказать модернизму. За образцами ходить недалеко:

Сжегъ Степанъ-пропойца хату,
Отомстилъ, хмѣльной, врагу;
Ужъ давно твердилъ онъ брату:
—„Подожгу, да подожгу“.

Все сгорѣло: скарбъ убогій,
Скотъ, *на мужикѣ кафтанъ*;
И въ дыму среди дороги
Ликовалъ хмѣльной Степанъ.

—„Нѣтъ, сосѣдъ, ты мнѣ не жалокъ!
Это дѣло не спроста:
Ты ссудилъ мнѣ сотню палокъ,
Отплатилъ я, *на-ко-ста*“.

Полагаемъ, что поэтическій обликъ г. Рафаловича опредѣлился изъ этой книги достаточно отчетливо, и право жаль, что такое симпатичное книгоиздательство, какъ „Содружество", печатаетъ рядомъ, напримѣръ, со стихами г. С. Маковскаго творенія г. Рафаловича.

V.

— Гр. Павелъ Шереметевъ. Замѣтки. М. 1905.

Въ книжкѣ этой собраны разныя мелочи, мысли кстати и некстати, черновики экспромптовъ, произносившихся гр. Шереметевымъ, „по должности уѣзднаго предводителя", при открытіи школъ, земскихъ собраній, освященіи зданій и т. п. Всѣ эти мелочи могутъ имѣть значеніе относительно людей, пріобрѣтшихъ право на благодарную память потомства и исключительный интересъ къ своей личности во всѣхъ ея мелочныхъ проявленіяхъ, и мы не рѣшаемся утверждать, что незнакомство наше съ заслугами автора не заставило бы насъ пройти мимо этой нѣсколько интимной книжки, еслибы насъ не остановило одно соображеніе. Насколько можно судить по этой книжкѣ, въ ней отразилось одно изъ характерныхъ для нашего времени культурно-историческихъ міросозерцаній, которое какъ-то особенно оформилось за послѣдніе два года общественной борьбы. Представители этого міросозерцанія могли быть вполнѣ либеральны въ эпоху Лаврецкихъ и Лежневыхъ, но въ наши годы въ нихъ выразилась вся типичная идеологія гибнущаго дворянскаго начала и чисто по-русски просвѣщеннаго консерватизма.

Судите сами. Съ одной стороны, гр. Шереметевъ—искренній приверженецъ земства послѣднихъ пяти лѣтъ. „Именно теперь,—говоритъ онъ,—при усиленіи прискорбнаго и гибельнаго для Россіи недовѣрія правительства къ земству и неуклонномъ желаніи многихъ умалить его достоинства и права, оно (земство) такъ необходимо и драгоцѣнно". Въ 1902 г. мы встрѣчаемъ еще болѣе радикальныя мысли: „Если правительство будетъ слишкомъ давить, такой исходъ (политическая борьба со стороны земства) болѣе чѣмъ вѣроятенъ. Кажется, въ настоящее время такая борьба начинается. Она имѣла мѣсто въ прежніе годы и теперь вновь привлекаетъ вниманіе многихъ земскихъ силъ. Нельзя не признать съ полной откровенностью, что это стремленіе законно и объяснимо". Неоднократно высказывается авторъ за автономность областныхъ учрежденій, отстаивая ихъ противъ вмѣшательства административнаго усмотрѣнія, и въ этомъ смыслѣ выражаетъ, напримѣръ, свое мнѣніе по одному изъ частныхъ вопр

совъ въ исторіи нашей народной школы. Пожалуй, еще большаго вниманія заслуживаютъ слова автора, свидѣтельствующія объ извѣстной наблюдательности его въ сферѣ вопросовъ, возникающихъ на почвѣ развитія недовольства въ народѣ. Указавъ на прискорбную роль администраціи въ дѣлѣ подавленія началъ свободнаго органическаго развитія народной жизни, гр. Шереметевъ говоритъ: „Оно (освободительное движеніе) опирается на общее недовольство. Въ броженіи принимаютъ участіе сознательныя силы общества. Борьба съ нимъ голой силой невозможна. Сильная сторона движенія въ томъ, что на его сторонѣ есть правда“.

Однако дальнѣйшее изложеніе обезличиваетъ даже эти устарѣлыя либеральныя вольности и обнаруживаетъ далеко не столь привлекательную оборотную сторону медали. Либерализмъ гр. Шереметева оказывается узко-мѣстнымъ, узко-сословнымъ, не возвышающимся надъ барски-благожелательнымъ (и въ общественномъ смыслѣ мало полезнымъ) отношеніемъ къ вопросамъ мѣстнаго благополучія помѣщиковъ и крестьянъ, добрыхъ господъ и благодарнаго пейзанства. Такъ, компетенцію уѣзднаго земства, какъ и земства вообще, гр. Шереметевъ ограничиваетъ исключительно интересами мѣстнаго хозяйства, быть можетъ тая въ душѣ идеалъ областного самоуправленія, съ пріоритетомъ областныхъ властей, которымъ, безъ сомнѣнія, виднѣе, какъ слѣдуетъ опекать ввѣряемый ихъ благожелательной заботливости край, чѣмъ, напримѣръ, изъ Петербурга, города бездомныхъ карьеристовъ и иностранцевъ, чуждыхъ интересамъ земли. На этой почвѣ и развивается у гр. Шереметева недовѣрчивое и враждебное (не очень, впрочемъ!) отношеніе къ административному усмотрѣнію, давящему извнѣ. Только дѣйствіемъ подобнаго взаимоотношенія авторъ могъ договориться въ бесѣдѣ съ фонъ-Плеве до того, что земству ничего не нужно, кромѣ „благожелательнаго отношенія“ со стороны правительства: „бери, молъ, все наше; подари намъ лишь свою улыбку...“ Признавая „правду“ за элементомъ броженія въ странѣ, гр. Шереметевъ не видитъ, однако, связи между этой „правдой“ и соціалистическими ученіями, которыя опредѣляются имъ, какъ „нелѣпыя измышленія разнузданной журналистики“. Но еще характернѣе то обстоятельство, что гр. Шереметевъ не усматриваетъ другой, болѣе наглядной связи,— связи столь презираемой имъ бюрократіи и столь обожаемаго имъ самодержавнаго режима. И въ этомъ отношеніи, если еще и возможно было бы простить автору шаткость его общественной мысли въ періоды Сипягиныхъ и фонъ-Плеве, то уже специфическій колоритъ пріобрѣтаетъ „убѣжденіе“, высказанное имъ, въ февралѣ прошлаго года, въ существованіи миѳической связи между самодержавіемъ и народомъ, безъ посредства представительнаго начала и даже бюрократіи:

„сохраненіе управленія на началахъ исключительно бюрократическихъ пагубно отражается на самой идеѣ Самодержавія, ореолъ котораго, благодаря чрезмѣрному развитію этой системы управленія, блѣднѣетъ все болѣе и болѣе"... Вся эта путаница понятій чрезвычайно типична еще и въ томъ отношеніи, что на ней выросли новѣйшія программы всевозможныхъ „союзовъ русскихъ людей", преимущественно изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, и что въ нихъ сказались послѣднія изъ потерпѣвшихъ неудачу попытокъ спасти угасающій режимъ потугами дворянскаго суемудрія.

Можно соглашаться и не соглашаться съ общественно-политическими взглядами гр. Шереметева, но и помимо ихъ въ книгѣ его немало истинъ, которыхъ нельзя не признать безспорными. Онѣ высказывались авторомъ преимущественно, какъ то и подобаетъ его высокому положенію въ уѣздѣ, въ случаяхъ оффиціальныхъ и особо торжественныхъ. Тутъ есть и чувствительное „привѣтствіе", начинающееся словами: „Мы только-что совершили молитву о благословеніи новаго жилища" и т. д., есть и мудрыя, весьма основательныя, хотя и краткія разсужденія о пользѣ церковнаго пѣнія, о томъ, что „развитіе способностей (къ пѣнію) принесетъ много радости родителямъ учениковъ, а связь родителей со школой всегда желательна". Даже относительно буквы *ѣ* тутъ авторъ высказалъ столь же безусловно вѣрныя сужденія.

По всему этому читатель вправѣ заключить, что передъ нами вполнѣ трезвая и благонамѣренная книжка, къ сожалѣнію устарѣлая при самомъ своемъ появленіи.—Евг. Л.

VI.

— М. Я. Герценштейнъ. Аграрный вопросъ. СПб. 1905 г.

Аграрный вопросъ затронутъ авторомъ широко, такъ какъ онъ разсматриваетъ и тѣ пути, какіе ранѣе указывались, и тѣ, которые указываются и въ настоящее время для его рѣшенія, а именно: націонализація земли, расширеніе площади крестьянскаго землевладѣнія при помощи крестьянскаго банка, и затѣмъ наиболѣе, по его мнѣнію осуществимый путь—выкупъ.

Въ главѣ о націонализаціи земли авторъ особенно подробно останавливается на критикѣ положеній Томаса Спенса, Генри Джорджа, Льва Толстого; въ общихъ чертахъ касается вопроса о націонализаціи земли съ точки зрѣнія защитниковъ существующаго капиталистическаго строя и послѣдовательнаго соціализма—и, наконецъ, указавъ в

практическую неосуществимость идеи національзаціи земли при современныхъ условіяхъ нашей дѣйствительности, въ конечномъ результатѣ приходитъ къ выводу, что „національзація земли, независимо отъ теоретической оцѣнки, не принадлежитъ къ тѣмъ практическимъ мѣропріятіямъ, которыя могли бы вывести насъ изъ переживаемыхъ нами аграрныхъ затрудненій“. Такой категорическій выводъ, повидимому, мало обоснованъ авторомъ. Авторъ критикуетъ главнымъ образомъ тѣ изложенія теоріи національзаціи земли, которыя не чужды большей или меньшей степени утопичности, не всегда съ полной объективностью выдѣляя осуществимыя стороны данной теоріи. Совершенно игнорируя возможность постепеннаго проведенія земельной реформы по плану національзаціи, авторъ очень подробно рисуетъ всѣ трудности и отрицательныя послѣдствія одновременной ломки существующаго аграрнаго строя. Такъ, главнымъ практическимъ затрудненіемъ для осуществленія данной реформы авторъ считаетъ финансовую ея грандіозность; чтобы выкупить, напримѣръ, частновладѣльческія земли, „нужно было бы, — говоритъ онъ, — затратить капиталъ, который по самому скромному разсчету будетъ составлять большіе милліарды; такая финансовая операція по своей грандіозности превосходила бы все, что намъ приходилось до сихъ поръ встрѣчать, и я не знаю, можно ли было бы на нее рѣшиться“ (стр. 82). Но затѣмъ, въ главѣ о выкупной операціи, авторъ говоритъ, что „операція эта въ значительной степени облегчается существованіемъ огромнаго долга, лежащаго на частномъ землевладѣніи“ (стр. 63). „Ясно, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 177),—что чѣмъ выше задолженность, тѣмъ легче можетъ совершиться выкупная операція, потому что тѣмъ большая часть долга можетъ быть переведена на подлежащую выкупу землю. Какъ въ 1861 г. существованіе ипотечнаго долга облегчило выкупную операцію и уменьшило сумму подлежащихъ выпуску выкупныхъ свидѣтельствъ, такъ и теперь финансированіе представитъ еще меньше затрудненій, такъ какъ задолженность приняла съ тѣхъ поръ болѣе крупные размѣры“. И затѣмъ рисуются тѣ практическіе — и дѣйствительно цѣлесообразные — пути, какими можно ослабить финансовыя затрудненія при выкупѣ частновладѣльческихъ земель. Но спрашивается: почему трудное и даже невозможное въ одномъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о національзаціи земли, оказывается возможнымъ и далеко не столь труднымъ, когда авторъ излагаетъ свою теорію—о дополнительномъ надѣленіи крестьянъ путемъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель? Казалось бы, по существу дѣла въ способахъ финансированія той или другой операціи нѣтъ большой разницы.

Многіе изъ доводовъ, которые старательно собираетъ авторъ про-

тивъ опровергаемой имъ теоріи, не отличаются убѣдительностью. „Мнѣ представляется, — говоритъ проф. Герценштейнъ, — что при представительномъ образѣ правленія въ высшей степени желательно, чтобы капиталисты имѣли въ палатѣ противовѣсъ въ лицѣ землевладѣльцевъ. По крайней мѣрѣ, исторія фабричнаго законодательства, хотя бы въ Англіи, блистательно доказываетъ, какое вліяніе можетъ оказать антагонизмъ, существующій между землевладѣльцами и капиталистами. Землевладѣльцы, мало заинтересованные въ сохраненіи тяжелыхъ условій фабричнаго труда, легко проводятъ реформы фабричнаго и вообще рабочаго законодательства; напротивъ, капиталисты гораздо легче смотрятъ на аграрныя реформы, чѣмъ землевладѣльцы, и охотно проводятъ законы, которые никогда не могли бы проходить, еслибъ не существовало антагонизма между капиталистами и землевладѣльцами". Въ противовѣсъ ссылкѣ автора на Англію можно указать на не менѣе блистательный примѣръ Германіи съ далеко не благотворнымъ вліяніемъ здѣсь аграріевъ. Да и вообще— можно ли защищать извѣстный экономическій строй въ качествѣ цѣлесообразнаго средства парламентской борьбы, обращая такимъ образомъ самую цѣль—въ средство?

Не болѣе убѣдительно указаніе на значеніе частнаго землевладѣнія для самоуправленія. „Можетъ быть, съ теченіемъ времени выростутъ, кромѣ землевладѣльцевъ, другіе слои сельскаго населенія, способные нести общественную службу, но сейчасъ такого контингента нѣтъ... Кто же, какъ не землевладѣльцы, можетъ нести службу въ земствѣ? На кого можно возложить работу, лежащую на органахъ самоуправленія? Когда выростутъ новыя силы и окрѣпнутъ нарождающіяся силы, когда составъ органовъ самоуправленія измѣнится, частное землевладѣніе перестанетъ выполнять свою историческую миссію,—но эта пора не наступила, и я не знаю, въ чьихъ интересахъ наносить ударъ тому институту, который въ настоящее время не можетъ быть замѣненъ другимъ. Опять же—едва ли кто думаетъ произвести капитальную ломку въ одинъ прекрасный день и даже часъ, по мановенію волшебнаго жезла; такая глубокая, коренная реформа могла бы осуществиться не такъ ужъ быстро, а потому она не взорветъ на воздухъ теперешнія интеллигентныя земскія силы. Можно быть увѣреннымъ, что тѣ земскіе элементы, которые дѣйствительно связаны съ земской дѣятельностью, останутся при ней при всякихъ условіяхъ; если теперь дѣятельность ихъ облегчается матеріальной обезпеченностью, то, и получивъ выкупъ за землю, они также не были бы разорены и, можетъ быть, къ тому же обратили бы свои капиталы на различныя производительныя земскія цѣли. Уйдутъ изъ земства главнымъ образомъ тѣ, кто и теперь смотритъ на него лишь съ эгоистической точки

зрѣнія; объ этомъ жалѣть не только не приходится, но нужно даже желать этого. Если ближе присмотрѣться къ составу многихъ теперешнихъ земствъ, то нужно согласиться, что очистка ихъ отъ чуждыхъ земскому дѣлу элементовъ, въ смыслѣ большей демократизаціи земскихъ силъ, необходима настоятельно и какъ можно скорѣе. А затѣмъ — неужели такъ-таки свѣтъ клиномъ сошелся на однихъ землевладѣльцахъ? Неужели и теперь, помимо ихъ, не нашлось бы полезныхъ работниковъ въ сферѣ земской дѣятельности? Эти рабочія силы до сихъ поръ къ земской дѣятельности почти не допускались, но это не значитъ, что ихъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ.

Указываетъ профессоръ Герценштейнъ и на культивирующую роль помѣщичьяго хозяйства; послѣднее „является въ настоящее время во многихъ случаяхъ культурнымъ центромъ какъ въ смыслѣ техники, такъ и въ смыслѣ распространенія всякаго рода знаній и умственнаго развитія. Нельзя же не признать, что во многихъ мѣстностяхъ сельско-хозяйственныя машины, улучшенный сѣвооборотъ, новыя производства и промыслы, дающіе заработокъ населенію, и цѣлый рядъ другихъ улучшеній обязаны своимъ происхожденіемъ частному землевладѣнію". Пусть это и такъ, но тѣхъ же результатовъ и еще бо̀льшихъ можно достичь и другими, менѣе дорогими, средствами—школами, опытными полями и фермами и т. д.

Выдвигаетъ профессоръ Герценштейнъ и „ту смуту, которая возникла бы въ крестьянскихъ умахъ, еслибы попытались объявить ихъ земли государственными. Могутъ ли крестьяне примириться съ тѣмъ, что государство во имя доктрины, правильность которой едва ли можетъ быть ими понята, еслибы даже она и признавалась вѣрною, лишитъ ихъ собственности на землю, которая была имъ отведена на началахъ собственности, которую они привыкли считать своею, или лишитъ ихъ земли, которую они пріобрѣли чрезъ посредство крестьянскаго или другихъ банковъ? Я не могу себѣ представить, чтобы благоразумный законодатель рѣшился на такую мѣру, а между тѣмъ она прямо вытекаетъ изъ принципа націонализаціи земли".

Все это не такъ страшно, какъ кажется. Изъ постановленій крестьянскихъ сходовъ и резолюцій крестьянскихъ организацій мы видимъ, что идея націонализаціи земли не только не чужда крестьянамъ, но даже, можно сказать, вожделѣнія ихъ въ значительной мѣрѣ направлены въ ея сторону,—такъ что именно насчетъ смуты въ крестьянскихъ умахъ можно, повидимому, быть вполнѣ спокойнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы предпринятая въ интересахъ трудящейся массы аграрная реформа отвѣчала ея интересамъ, то неужели крестьянскій умъ не уразумѣлъ бы своей пользы? Правда, при осуществленіи крестьянской реформы имѣли мѣсто недоразумѣнія на почвѣ народнаго

невѣжества; но и тогда явленія эти были далеко не повсемѣстными, а вѣдь съ тѣхъ поръ прошло уже почти полъ-вѣка.

Авторъ сомнѣвается, „чтобы государство въ состояніи было въ настоящее время справиться съ такою большою площадью культурныхъ земель", какая окажется въ его фондѣ съ національзаціей земли. „Я не думаю, — говоритъ онъ, — чтобы государство могло справиться съ такою задачею, какъ эксплоатація частновладѣльческихъ земель, еслибы онѣ сразу теперь же перешли въ его руки... Думаю, что казенное управленіе, не только то, которое выросло въ прежнихъ традиціяхъ, но и то, которое можетъ создаться въ иныхъ политическихъ условіяхъ, не могло бы въ ближайшемъ будущемъ справиться съ такою задачею". Это совершенно вѣрно, если говорить о централистическомъ завѣдываніи земельнымъ фондомъ такого обширнаго государства, какъ Россія; но почтенный профессоръ совершенно упускаетъ изъ виду возможность, — указывавшуюся уже въ литературѣ по аграрному вопросу, — передачи завѣдыванія земельнымъ фондомъ областнымъ организаціямъ, которыя, конечно, сумѣютъ поступить съ этимъ фондомъ не по централистско-бюрократическому шаблону, а соотвѣтственно ближайшимъ потребностямъ трудящагося населенія.

Не буду разсматривать другихъ, также малоубѣдительныхъ, доводовъ автора противъ націонализаціи земли. Имъ собрано не все, что̀ можно сказать и что̀ говорится по этому поводу; но то, что̀ говоритъ онъ самъ, не опровергаетъ данной теоріи. Критика ея ведется съ чрезмѣрной прямолинейностью и имѣетъ слишкомъ теоретическій характеръ. Хотя авторъ и самъ сознаетъ, что „если говорить о націонализаціи, какъ о практическомъ мѣропріятіи, то не слѣдуетъ представлять себѣ эту операцію въ томъ видѣ, какъ ее представлялъ себѣ Джорджъ или даже Уолесъ", но затѣмъ, въ пылу полемики, онъ, къ сожалѣнію, забываетъ это положеніе и беретъ идею націонализаціи земли больше въ ея чистомъ видѣ, въ прямолинейномъ, теоретическомъ развитіи ея постулатовъ, причемъ она, конечно, легко выступаетъ въ видѣ совершенно неосуществимой утопіи. Такъ ничего нельзя доказывать, — и, даже не будучи вовсе сторонникомъ націонализаціи земли, мы должны признать, что общее заключеніе профессора Герценштейна о ней, — что она, „независимо отъ теоретической оцѣнки, не принадлежитъ къ тѣмъ практическимъ мѣропріятіямъ, которыя могли бы вывести насъ изъ переживаемыхъ нами аграрныхъ затрудненій", — покоится на довольно шаткихъ основаніяхъ. Отъ почтеннаго профессора мы вправѣ ожидать болѣе глубокаго и объективнаго изслѣдованія столь важнаго вопроса.

Совершенно иной характеръ имѣетъ остальная часть книги — о крестьянскомъ банкѣ и выкупной операціи. Съ большимъ знаніемъ

дѣла авторъ доказываетъ, что настоятельная нужда крестьянъ въ землѣ не можетъ быть удовлетворена при помощи банковаго кредита вообще и крестьянскаго банка въ частности; частноправный характеръ, положенный въ основаніе кредитныхъ учрежденій, будетъ ли то государственный банкъ или частные банки, служитъ непреодолимымъ препятствіемъ къ выполненію широкихъ аграрныхъ задачъ; на почвѣ частныхъ соглашеній между землевладѣльцами, желающими продать, и крестьянами, желающими пріобрѣсти землю, возникаетъ крайне опасная спекуляція, которая гонитъ цѣны вверхъ; самый объемъ дѣятельности кредитныхъ учрежденій крайне недостаточенъ... По мнѣнію автора, вопросъ кореннымъ образомъ можетъ быть рѣшенъ лишь въ томъ случаѣ, когда вмѣсто частноправнаго начала въ основу аграрной политики будетъ положенъ принципъ государственной необходимости и вмѣсто банковъ будутъ созданы выкупныя учрежденія для дополнительнаго надѣленія крестьянъ землею путемъ принудительнаго отчужденія части частновладѣльческихъ земель.

И эта часть книги не чужда нѣкоторыхъ недостатковъ. Авторъ, напримѣръ, утверждаетъ, что крестьянскій банкъ „не требуетъ отъ государства никакихъ субсидій“ (стр. 97), что „стоимость кредита крестьянскаго банка нормирована такимъ образомъ, что государство не дѣлаетъ никакихъ приплатъ, не несетъ никакихъ жертвъ. Правда, въ пользу банка дѣлаются отчисленія изъ выкупныхъ платежей, но эти отчисленія имѣютъ особое назначеніе: они поступаютъ на образованіе собственнаго капитала, а не на пониженіе платежей“ (стр. 131). Это не совсѣмъ такъ. Производимыя въ пользу банка отчисленія изъ выкупныхъ платежей на образованіе собственнаго капитала идутъ на пополненіе убытковъ банка, которые не могутъ быть отнесены на счетъ запаснаго капитала; но убытки только по курсовой разницѣ процентныхъ свидѣтельствъ банка не только поглощаютъ весь запасный капиталъ, но и захватываютъ часть собственнаго капитала банка. Такъ, за послѣдній отчетный 1903 годъ убытокъ этотъ покрытъ исчерпаннымъ полностью запаснымъ капиталомъ въ суммѣ 3.524.000 р. и частью собственнаго капитала въ суммѣ 493.000 руб.; съ паденіемъ курсовой стоимости бумагъ этотъ послѣдній капиталъ долженъ скоро исчезнуть, дальнѣйшее же пополненіе его за отмѣной выкупныхъ платежей невозможно, и тогда для пополненія курсовой разницы придется уже прибѣгнуть непосредственно къ рессурсамъ казны. Это весьма не мѣшаетъ помнить, когда рѣчь идетъ о расширеніи дѣятельности крестьянскаго банка, симпатіи къ которому покоятся, между прочимъ, на томъ недоразумѣніи, что онъ будто бы не требуетъ затратъ изъ общебюджетныхъ средствъ государства; на самомъ же дѣлѣ

это учрежденіе оказывается дорогимъ не только для крестьянскаго населенія, но даже и для казны.

При указанныхъ нами недостаткахъ, книга проф. Герценштейна имѣетъ однако большой интересъ и значеніе. Даже въ наиболѣе слабой своей части — въ главѣ о національзаціи земли — она даетъ много отличнаго и разнообразнаго матеріала, который прочтется всѣми съ интересомъ. Дальнѣйшія же главы — это одни изъ наиболѣе блестящихъ страницъ въ аграрной литературѣ послѣдняго времени; если читатель и не во всемъ согласится здѣсь съ авторомъ, то онъ во всякомъ случаѣ вынесетъ отсюда много цѣнныхъ фактическихъ свѣдѣній, основанныхъ на дѣйствительномъ знаніи предмета, въ области котораго авторъ работаетъ уже, кажется, около двадцати лѣтъ.

VII.

— Проф. Михаилъ Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа. Изданіе второе, дополненное. Спб. 1906 г. I—VIII. 1—512.

Крайне неудовлетворительная постановка у насъ преподаванія отечественной исторіи стала уже избитымъ мѣстомъ, такъ же, какъ получили уже вполнѣ опредѣленную оцѣнку знаменитые учебники Иловайскаго, изъ которыхъ черпали историческую мудрость цѣлыя поколѣнія. Этимъ и объясняется громадный успѣхъ появившихся въ послѣдніе годы популярныхъ курсовъ исторіи, по которымъ бывшіе питомцы школы впервые начали знакомиться съ исторіей. Но и большинство даже лучшихъ курсовъ русской исторіи страдаетъ однимъ недостаткомъ — слишкомъ отрывочнымъ, эпизодическимъ изложеніемъ исторіи Украйны. Въ этомъ отношеніи почти во всѣхъ курсахъ установился крайне курьезный шаблонъ: украинскій народъ появляется на сцену лишь тогда, какъ рѣчь идетъ о казацкихъ войнахъ и о присоединеніи Малороссіи, а затѣмъ такъ же неожиданно и случайно исчезнетъ въ неизвѣстности, какъ и появился. Племя, жившее обособленною, содержательною жизнью въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, выработавшее особый національный бытъ, міровоззрѣніе, культуру, — оказывается, если судить по существующимъ курсамъ русской исторіи, лишь случайнымъ, эпизодическимъ ферментомъ въ образованіи общаго сплава русской исторической жизни, и съ этой точки зрѣнія не заслуживаетъ болѣе внимательнаго отношенія историковъ.

Профессоръ львовскаго университета Мих. Грушевскій, въ своемъ вышеназванномъ курсѣ украинской исторіи (курсъ этотъ читанъ имъ въ Парижской школѣ общественныхъ наукъ и представляетъ сокра-

щеніе его многотомной работы на украинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ) отрѣшается отъ этихъ обычныхъ воззрѣній на русскую исторію и ея построеніе, которыя онъ называетъ „пережитками давно отжившихъ пріемовъ исторической работы, удерживаемыми донынѣ лишь по долгой привычкѣ къ нимъ“, и имѣетъ въ виду въ своемъ „Очеркѣ“ дать картину исторической эволюціи украинскаго народа на всемъ протяженіи его историческаго существованія, представить взаимную связь различныхъ эпохъ и столѣтій въ его историческихъ судьбахъ, установить непрерывность его жизни, изъ которой обыкновенно предлагаются лишь отрывки, вырванные болѣе или менѣе механически.

Опредѣливъ границы украинской колонизаціи и ея историческихъ измѣненій, указавъ общія черты украинскаго этническаго типа и украинской исторіи, авторъ начинаетъ исторію украинскаго народа съ первыхъ элементовъ культуры и быта, съ начала торговыхъ сношеній и государственной организаціи на югѣ — на территоріи кіевскаго государства. „Конечно,—объясняетъ по этому поводу авторъ въ предисловіи къ книгѣ, — въ IX—X в.в. не существовало украинской народности въ ея вполнѣ сформированномъ видѣ,—какъ не существовало и въ XII — XIV в.в. великорусской или украинской народности въ томъ видѣ, какъ мы ее теперь себѣ представляемъ. Но я и каждый другой историкъ, ставящій своею задачею прослѣдить эволюцію народа, долженъ исходить изъ первыхъ зачатковъ его развитія, и съ этой точки зрѣнія культурная, экономическая и политическая жизнь южной группы восточно-славянскихъ племенъ, изъ которыхъ сложилась украинская народность, необходимо должна войти въ исторію украинскаго народа — во всякомъ случаѣ, съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ съ какимъ „кіевскій періодъ“ включается въ общепринятую исторію великорусской государственности, называемой „русской исторіей“.

Поставивъ себѣ задачей прослѣдить эволюцію народа, авторъ не ограничивается политическими элементами исторіи и удѣляетъ много мѣста общественной и культурной эволюціи, останавливается, насколько это возможно безъ нарушенія общаго плана изложенія, на соціально-экономическихъ отношеніяхъ, которыми собственно и опредѣляется ходъ исторіи украинскаго народа, поставленнаго на исторической аренѣ между молотомъ московскаго абсолютизма и наковальней безпредѣльныхъ эксплуататорскихъ притязаній польской шляхты; особенно полно изложены судьбы главнаго общественнаго элемента украинской исторіи — крестьянства.

Животрепещущій интересъ современности имѣютъ послѣднія главы „Очерка“: XXIII (украинское возрожденіе въ Россіи), XXIV (украинское возрожденіе въ Австро-Венгріи), XXV (современное состояніе

украинства въ Австро-Венгріи) и XXVI (современное состояніе украинства въ Россіи). Послѣдніе четыре очерка значительно расширены сравнительно съ первымъ изданіемъ, появившимся года два тому назадъ, когда по извѣстнымъ условіямъ многаго нельзя было касаться. Эти главы даютъ хотя и сжатый, но очень яркій очеркъ положенія украинскаго вопроса въ Россіи и Австріи и съ большимъ интересомъ будутъ прочитаны всѣми, кто интересуется этимъ вопросомъ.

Исходя изъ исторической обособленности украинскаго племени и коренныхъ отличій его въ культурной, бытовой и экономической жизни, авторъ является убѣжденнымъ сторонникомъ идеи украинской національно-территоріальной автономіи. „Только автономія,—говоритъ онъ,—можетъ сочетать потребности части съ потребностями цѣлаго, интересы области съ интересами цѣлости государства. Только національно-территоріальная автономія обезпечитъ свободное развитіе отдѣльныхъ національностей въ составѣ государства, создастъ надлежащій modus vivendi между ними и устранитъ ихъ центробѣжныя стремленія. Только она можетъ превратить народы Россіи изъ невольниковъ, насильственно прикованныхъ къ колесницѣ побѣдителя, въ свободныхъ сотрудниковъ, озабоченныхъ сохраненіемъ и развитіемъ силъ ихъ общаго отечества, — того „отечества", котораго они не имѣли и не имѣютъ доселѣ. И поэтому принципъ національно-территоріальной автономіи долженъ быть проведенъ рано или поздно въ интересахъ самого государства. И чѣмъ ранѣе онъ будетъ осуществленъ, тѣмъ менѣе будетъ потрачено силъ и тратъ на національную борьбу, на центробѣжныя стремленія".

Оглядывая объективнымъ взглядомъ историка прошлую и современную жизнь украинской народности, авторъ находитъ здѣсь опредѣленные элементы, которые заставляютъ его не сомнѣваться въ дальнѣйшей судьбѣ родного племени. „Народность настолько крупная, настолько богатая содержаніемъ и жизненными силами, не разбитыми столѣтіями насильственнаго подавленія, не можетъ быть приведена къ небытію гнетомъ и запрещеніями,—такъ заключаетъ онъ свое изслѣдованіе.—Всѣ эти стѣсненія могутъ только задержать ея развитіе, но не болѣе, и въ концѣ концовъ она не можетъ не взять свое. Факты послѣдняго времени утверждаютъ въ непоколебимомъ убѣжденіи, что широкое и всестороннее развитіе украинской народности лишь вопросъ времени, вѣроятно—очень недалекаго времени".—А. Лотоцкій.

VIII.

— **Страхованіе рабочихъ. Отдѣлъ I. Страхованіе на случай болѣзни въ Германіи и Австріи. Обработано Е. М. Дементьевымъ. Спб. 1906. Ц. 3 р.**

Общественное движеніе въ Россіи послѣднихъ лѣтъ заставило наше правительство усиленно заняться подготовкою законовъ, касающихся трудящихся классовъ населенія,—и однимъ изъ признаковъ оживленія бумажнаго дѣлопроизводства служитъ Высочайшій указъ правительствующему сенату 12 декабря 1904 г., въ которомъ предписывается, между прочимъ, „озаботиться“ введеніемъ государственнаго страхованія рабочихъ. Сумѣетъ или успѣетъ ли это правительство выполнить данную задачу—весьма сомнительно; но оно, по крайней мѣрѣ, подготовляетъ часть матеріала для будущихъ дѣятелей, въ видѣ переводовъ иностранныхъ законодательствъ и инструкцій по данному предмету. Соотвѣтствующее изданіе, подъ редакціей извѣстнаго изслѣдователя нашей фабричной промышленности (преимущественно съ санитарной и врачебной сторонъ), д-ра Дементьева, будетъ состоять изъ четырехъ томовъ, обнимающихъ дѣйствующее законодательство о страхованіи на случай болѣзни, несчастій, инвалидности и старости и выработанные, но еще не утвержденные проекты законовъ въ Швейцаріи, Франціи и другихъ государствахъ. Первый убористый томъ этого изданія, названный въ заголовкѣ настоящей замѣтки, уже вышелъ въ свѣтъ; онъ посвященъ страхованію на случай болѣзни въ Германіи и Австріи. Кромѣ текстовъ законовъ и административныхъ правилъ, интересныхъ для спеціалистовъ, разсматриваемое изданіе заключаетъ общій очеркъ системы страхованія рабочихъ въ названныхъ государствахъ на случай болѣзни и результатовъ ихъ примѣненія за всѣ годы дѣйствія законовъ. Этой своей стороной трудъ г. Дементьева (изданіе министерства торговли и промышленности) примыкаетъ къ числу изданій, имѣющихъ болѣе общій интересъ.

Иниціаторомъ въ дѣлѣ государственнаго страхованія рабочихъ была Германія; австрійскій же законъ о страхованіи отъ болѣзней есть „сколокъ съ германскаго“ (съ нѣкоторыми, впрочемъ, отличіями); поэтому мы остановимся на практикѣ этого закона въ первомъ государствѣ. Обязательному страхованію отъ болѣзней подлежатъ въ Германіи всѣ постоянные рабочіе и служащіе въ индустріи (кромѣ домашней промышленности), въ транспортныхъ, торговыхъ предпріятіяхъ, въ строительномъ дѣлѣ, у нотаріусовъ, въ страховыхъ учрежденіяхъ, въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ и въ техническихъ заведеніяхъ морского и военнаго вѣдомства, при условіи, если служащіе

и техники получаютъ вознагражденіе не выше 6⅔ марокъ въ день или 2.000 марокъ въ годъ. Узаконеніями отдѣльныхъ государствъ германской имперіи или постановленіями общинъ обязательное страхованіе можетъ быть распространено на рабочихъ по временнымъ занятіямъ, на домашнихъ промышленниковъ, на сельско-хозяйственныхъ и лѣсныхъ рабочихъ и, наконецъ, на членовъ семей предпринимателя. Къ участію въ кассахъ обязательнаго страхованія допускаются, по ихъ желанію, и лица, изъятыя отъ обязанности страховаться. Имперскій законъ не распространяетъ обязательности страхованія на одинъ крупный отдѣлъ труда—домашнюю прислугу; этотъ пробѣлъ для нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствъ пополненъ соотвѣтствующими постановленіями мѣстныхъ правительствъ. — Страховые капиталы составляются взносами страхуемыхъ и работодателей; первые уплачиваютъ отъ 1 до 4% съ суммы заработка, вторые—половину этого. Членскіе взносы рабочихъ вносятся предпринимателями, вычитающими ихъ изъ заработной платы при разсчетѣ съ рабочими.

Въ послѣднемъ отчетномъ, 1902-мъ, году въ Германіи находилось въ дѣйствіи 23.214 кассъ обязательнаго страхованія; въ нихъ было застраховано около 10 милліоновъ лицъ, что̀ составляетъ почти ⅕ часть населенія. 7,5 милл. застрахованныхъ принадлежатъ мужскому полу, 2,5 милл.—женскому. При 50-ти-милліонномъ населеніи германской имперіи, распадающемся приблизительно поровну на мужчинъ и женщинъ, и при равныхъ доляхъ въ составѣ этого населенія производительнаго и непроизводительнаго возрастовъ, можно сказать, что изъ всего числа взрослыхъ мужчинъ застраховано отъ болѣзней около 60%, а изъ женщинъ—около 20%. Средній годовой взносъ съ одного застрахованнаго рабочаго равняется 12 маркамъ, работодатель платитъ за него 6 марокъ. Эти взносы составляютъ страховой капиталъ, изъ котораго выдаются пособія заболѣвшимъ. Пособія эти заключаются во врачебной помощи, медикаментахъ и другихъ медицинскихъ средствахъ, а въ случаѣ утраты трудоспособности—еще въ денежныхъ выдачахъ не менѣе половины заработной платы въ теченіе времени не долѣе полугода. При помѣщеніи заболѣвшаго въ больницу—денежная выдача (въ помощь его семьѣ) сокращается. Если неспособность заболѣвшаго къ работѣ продолжается долѣе полугода, то онъ переходитъ на попеченіе кассъ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ (если болѣзнь имѣетъ такое происхожденіе) или инвалидности. Ежегодно заболѣваетъ, съ утратою трудоспособности, нѣсколько болѣе третьей части застрахованныхъ: мужчинъ относительно больше, чѣмъ женщинъ. Среднее число дней полученія денежнаго пособія составляетъ 17 для мужчинъ и 19—для женщинъ; средняя сумма этого пособія (вмѣстѣ съ платой за содержаніе въ больницѣ)—около 30 марокъ. Здѣсь сосч-

таны и расходы на возстановленіе временной утраты работоспособности путемъ помѣщенія выздоравливающихъ въ санаторіи и т. под. учрежденія. Кромѣ пособій заболѣвшимъ, страховыя кассы выдаютъ денежныя пособія родильницамъ, въ теченіе тѣхъ шести недѣль послѣ родовъ, когда онѣ по закону лишены права наниматься на работу въ различныя заведенія. Кассы выдаютъ еще пособія на погребеніе. Страховыя кассы оказываютъ помощь и семьямъ застрахованныхъ рабочихъ или безъ приплаты, или за особые взносы.

Главнѣйшія отличія австрійскаго законодательства о страхованіи отъ болѣзней отъ страхованія германскаго заключаются въ томъ, что оно знаетъ лишь страхованіе по закону, а не по постановленіямъ общинъ, и что обязательное страхованіе распространяется на всѣхъ рабочихъ и служащихъ подчиненныхъ ему предпріятій безъ различія ихъ вознагражденія; но работодатели приплачиваютъ половину взноса лишь за рабочихъ и за служащихъ, получающихъ содержаніе менѣе 1.200 гульденовъ. Число застрахованныхъ рабочихъ здѣсь 2,6 милліоновъ; заболѣваютъ съ утратою трудоспособности около половины застрахованныхъ. Средняя продолжительность заболѣваній такова же, какъ и въ Германіи; среднее денежное пособіе заболѣвшему — нѣсколько выше.

IX.

— Ал. Лосицкій. Выкупная операція. Спб. 1906. Ц. 30 к.

Эта статистическая работа г. Лосицкаго, составленная еще въ 1904 г. и первоначально напечатанная въ періодическихъ изданіяхъ, является весьма кстати, какъ своего рода комментаріи манифеста 3-го ноября, уменьшающаго окладъ выкупныхъ платежей крестьянъ въ 1906 г. на половину и совершенно отмѣняющаго эти платежи съ 1907 г. Въ силу этого манифеста, давнишняя мечта русской интеллигенціи объ отмѣнѣ разорительнаго для крестьянъ налога получаетъ, наконецъ, осуществленіе, и совершенно естественнымъ представляется вопросъ о томъ, что̀ значитъ эта отмѣна, насколько она есть льгота одной категоріи плательщиковъ за счетъ государственнаго казначейства или, что̀ тоже, за счетъ другихъ плательщиковъ; каковъ въ дѣйствительности балансъ выкупной операціи? Само правительство выставляетъ отмѣну выкупныхъ платежей, какъ актъ особой милости и отеческой заботливости своей о крестьянахъ; но г. Лосицкій, за годъ до этой отмѣны, на основаніи своихъ подсчетовъ, показалъ, что бывшіе помѣщичьи крестьяне погашаютъ окончательно свой долгъ за отошедшія къ нимъ земли въ 1905 г., и что дальнѣйшее взиманіе

съ нихъ выкупныхъ платежей не должно бы имѣть мѣста. Въ виду этого манифестъ 3-го ноября вызываетъ въ авторѣ не тѣ мысли, на какія онъ, собственно говоря, разсчитывалъ. „Манифестъ 3-го ноября,— говоритъ г. Лосицкій,—продолжилъ взиманіе выкупныхъ платежей и на 1906 годъ, уменьшивъ окладъ ихъ до половины. Изученіе вопроса показываетъ, что правительство не имѣло на это права, за полной уплатой выкупного долга къ 1-му января 1906 года. Съ этой точки зрѣнія продленіе выкупныхъ платежей на 1906 годъ есть актъ голаго произвола". Это заключеніе автора о полной уплатѣ крестьянами своего долга за землю въ 1905 г., тогда какъ, согласно Положенію о крестьянахъ, выкупные платежи, разсчитанные на погашеніе выкупныхъ ссудъ въ теченіе 49 лѣтъ, должны прекратиться—смотря по моменту выхода крестьянъ на выкупъ—въ періодъ времени отъ 1911 до 1956 гг.—выведено на основаніи того, что авторомъ принята во вниманіе и зачислена въ уплату выкупного долга вся экономія въ расходахъ выкупного дѣла, бывшихъ послѣдствіемъ финансовыхъ операцій правительства. Выкупная операція была, какъ извѣстно, разсчитана такимъ образомъ, что крестьяне должны въ теченіе 49 лѣтъ вносить за свой надѣлъ опредѣленную, изъ года въ годъ неизмѣнную сумму, достаточную для уплаты 5% интереса на числящійся на нихъ долгъ, 1/2% на погашеніе этого долга и 1/2%—на расходы, остатки которыхъ должны быть также употреблены на погашеніе долга. Болѣе быстрое, сравнительно съ предположеннымъ, погашеніе выкупного долга произошло по слѣдующимъ причинамъ. Изъ 897 милліоновъ рублей выкупного долга бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ—319 милл. рублей относятся на долю помѣщичьихъ долговъ бывшимъ государственнымъ кредитнымъ установленіямъ, переведенныхъ на крестьянскіе надѣлы, а 578 милл. руб.—на тѣ суммы, которыя государство выдало помѣщикамъ не чистыми, однако, деньгами, а процентными бумагами, подлежащими погашенію. Ежегодные выкупные платежи назначены были въ разсчетѣ на описанныя выше условія выкупной операціи (5% интереса и 1/2% погашенія); между тѣмъ какъ въ дѣйствительности разсчеты выкупной операціи производились, или должны были производиться, на условіяхъ менѣе обременительныхъ. Такъ, помѣщики по своему долгу, до его перевода на крестьянъ, должны были платить интереса 4, а не 5%; и хотя правительство погашало впослѣдствіи эти долги (т.-е. платило самому же себѣ) по разсчету изъ 5%, и не приняло во вниманіе погашенія части долга еще до освобожденія крестьянъ, но это есть, очевидно, совершенно произвольная, невыгодная для крестьянъ операція; а если уплатить этотъ долгъ, согласно условіямъ его заключенія, то онъ окажется погашеннымъ въ 1894 году, и послѣдующіе платежи крестьянъ по этой статьѣ должны быть обращены на по-

гашеніе другой части ихъ выкупного долга. Другимъ источникомъ экстреннаго погашенія выкупного долга крестьянъ служатъ сбереженія въ расходахъ, происходившія вслѣдствіе пониженія процента по государственнымъ долгамъ, въ томъ числѣ и по обязательствамъ выкупной операціи и превращенія различныхъ бумагъ въ непогашаемую 4%-ную государственную ренту. „Если при конверсіи бумагъ частныхъ земельныхъ банковъ,—говоритъ авторъ,—правительство помѣшало имъ эгоистически воспользоваться плодами этой операціи, а побудило обратить полученную экономію въ расходѣ на пониженіе платежей заемщиковъ, то тѣмъ менѣе допустимо присвоеніе правительствомъ плодовъ конверсіи въ отношеніи правительства къ крестьянской массѣ. Но такъ какъ пониженія выкупныхъ платежей въ связи съ конверсіей произведено не было, то единственнымъ исходомъ остается зачисленіе полученнаго избытка доходовъ въ погашеніе выкупного долга. Благодаря этому, на погашеніе выкупного долга должна была идти не та сумма, которая первоначально предполагалась (1/2%), а тройная сумма (такъ какъ процентные платежи правительства по этому долгу съ 5 уменьшились до 4%). Третьимъ источникомъ экстреннаго погашенія выкупного долга крестьянъ служитъ экономія въ расходахъ по выкупной операціи. На этотъ предметъ крестьяне платили ежегодно 1/2%, между тѣмъ какъ расходы не превышали 0,135%, а со временемъ опустились до 0,05%. Благодаря всѣмъ описаннымъ обстоятельствамъ, экономія расходовъ правительства составила всего 277 милл. руб., а за покрытіемъ недобора выкупныхъ платежей (въ теченіе 1880—94 гг.) въ 104 милл. руб.,—на экстренное погашеніе крестьянскаго долга остается 173 милл. руб. При такомъ разсчетѣ выкупные взносы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, начавшіеся въ 1862 г., въ 1905 г. составили сумму въ 1.544 милліона рублей, вполнѣ погашавшую выкупной ихъ долгъ правительству (897 милл. руб.). Мы не беремъ на себя провѣрку правильности разсчетовъ г. Лосицкаго, приводимыхъ во всѣхъ подробностяхъ въ его брошюрѣ. Скажемъ лишь, что со времени опубликованія этого разсчета прошло больше года, и возраженій на него оффиціальныхъ сферъ, которыхъ онъ касается, не появлялось. Изъ этого можно заключить, что въ этомъ разсчетѣ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, грубыхъ ошибокъ, и что заключенія автора о погашеніи крестьянами выкупного долга казнѣ приблизительно вѣрны.

Въ заключеніе мы не можемъ не указать на непріятную дисгармонію съ серьезностью содержанія и тона небольшого, но цѣннаго статистическаго изслѣдованія г. Лосицкаго о выкупныхъ платежахъ— помѣщенныхъ въ той же брошюрѣ газетныхъ, повидимому, замѣтокъ совершенно иного содержанія и характера. Замѣтки касаются вопроса о правахъ крестьянъ на надѣльную землю послѣ освобожденія отъ

съ нихъ выкупныхъ платежей не должно бы имѣть мѣста. Въ виду этого манифестъ 3-го ноября вызываетъ въ авторѣ не тѣ мысли, на какія онъ, собственно говоря, разсчитывалъ. „Манифестъ 3-го ноября,—говоритъ г. Лосицкій,—продолжилъ взиманіе выкупныхъ платежей и на 1906 годъ, уменьшивъ окладъ ихъ до половины. Изученіе вопроса показываетъ, что правительство не имѣло на это права, за полной уплатой выкупного долга къ 1-му января 1906 года. Съ этой точки зрѣнія продленіе выкупныхъ платежей на 1906 годъ есть актъ голаго произвола“. Это заключеніе автора о полной уплатѣ крестьянами своего долга за землю въ 1905 г., тогда какъ, согласно Положенію о крестьянахъ, выкупные платежи, разсчитанные на погашеніе выкупныхъ ссудъ въ теченіе 49 лѣтъ, должны прекратиться—смотря по моменту выхода крестьянъ на выкупъ—въ періодъ времени отъ 1911 до 1956 гг.—выведено на основаніи того, что авторомъ принята во вниманіе и зачислена въ уплату выкупного долга вся экономія въ расходахъ выкупного дѣла, бывшихъ послѣдствіемъ финансовыхъ операцій правительства. Выкупная операція была, какъ извѣстно, разсчитана такимъ образомъ, что крестьяне должны въ теченіе 49 лѣтъ вносить за свой надѣлъ опредѣленную, изъ года въ годъ неизмѣнную сумму, достаточную для уплаты 5% интереса на числящійся на нихъ долгъ, ½% на погашеніе этого долга и ½%—на расходы, остатки которыхъ должны быть также употреблены на погашеніе долга. Болѣе быстрое, сравнительно съ предположеннымъ, погашеніе выкупного долга произошло по слѣдующимъ причинамъ. Изъ 897 милліоновъ рублей выкупного долга бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ—319 милл. рублей относятся на долю помѣщичьихъ долговъ бывшимъ государственнымъ кредитнымъ установленіямъ, переведенныхъ на крестьянскіе надѣлы, а 578 милл. руб.—на тѣ суммы, которыя государство выдало помѣщикамъ не чистыми, однако, деньгами, а процентными бумагами, подлежащими погашенію. Ежегодные выкупные платежи назначены были въ разсчетѣ на описанныя выше условія выкупной операціи (5% интереса и ½% погашенія); между тѣмъ какъ въ дѣйствительности разсчеты выкупной операціи производились, или должны были производиться, на условіяхъ менѣе обременительныхъ. Такъ, помѣщики по своему долгу, до его перевода на крестьянъ, должны были платить интереса 4, а не 5%; и хотя правительство погашало впослѣдствіи эти долги (т.-е. платило самому же себѣ) по разсчету изъ 5%, и не приняло во вниманіе погашенія части долга еще до освобожденія крестьянъ, но это есть, очевидно, совершенно произвольная, невыгодная для крестьянъ операція; а если уплатить этотъ долгъ, согласно условіямъ его заключенія, то онъ окажется погашеннымъ въ 1894 году, и послѣдующіе платежи крестьянъ по этой статьѣ должны быть обращены на по-

гашеніе другой части ихъ выкупного долга. Другимъ источникомъ экстреннаго погашенія выкупного долга крестьянъ служатъ сбереженія въ расходахъ, происходившія вслѣдствіе пониженія процента по государственнымъ долгамъ, въ томъ числѣ и по обязательствамъ выкупной операціи и превращенія различныхъ бумагъ въ непогашаемую 4%-ную государственную ренту. „Если при конверсіи бумагъ частныхъ земельныхъ банковъ,—говоритъ авторъ,—правительство помѣшало имъ эгоистически воспользоваться плодами этой операціи, а побудило обратить полученную экономію въ расходѣ на пониженіе платежей заемщиковъ, то тѣмъ менѣе допустимо присвоеніе правительствомъ плодовъ конверсіи въ отношеніи правительства къ крестьянской массѣ. Но такъ какъ пониженія выкупныхъ платежей въ связи съ конверсіей произведено не было, то единственнымъ исходомъ остается зачисленіе полученнаго избытка доходовъ въ погашеніе выкупного долга. Благодаря этому, на погашеніе выкупного долга должна была идти не та сумма, которая первоначально предполагалась (½%), а тройная сумма (такъ какъ процентные платежи правительства по этому долгу съ 5 уменьшились до 4%). Третьимъ источникомъ экстреннаго погашенія выкупного долга крестьянъ служитъ экономія въ расходахъ по выкупной операціи. На этотъ предметъ крестьяне платили ежегодно ½%, между тѣмъ какъ расходы не превышали 0,135%, а со временемъ опустились до 0,05%. Благодаря всѣмъ описаннымъ обстоятельствамъ, экономія расходовъ правительства составила всего 277 милл. руб., а за покрытіемъ недобора выкупныхъ платежей (въ теченіе 1880—94 гг.) въ 104 милл. руб.,—на экстренное погашеніе крестьянскаго долга остается 173 милл. руб. При такомъ разсчетѣ выкупные взносы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, начавшіеся въ 1862 г., въ 1905 г. составили сумму въ 1.544 милліона рублей, вполнѣ погашавшую выкупной ихъ долгъ правительству (897 милл. руб.). Мы не беремъ на себя провѣрку правильности разсчетовъ г. Лосицкаго, приводимыхъ во всѣхъ подробностяхъ въ его брошюрѣ. Скажемъ лишь, что со времени опубликованія этого разсчета прошло больше года, и возраженій на него оффиціальныхъ сферъ, которыхъ онъ касается, не появлялось. Изъ этого можно заключить, что въ этомъ разсчетѣ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, грубыхъ ошибокъ, и что заключенія автора о погашеніи крестьянами выкупного долга казнѣ приблизительно вѣрны.

Въ заключеніе мы не можемъ не указать на непріятную дисгармонію съ серьезностью содержанія и тона небольшого, но цѣннаго статистическаго изслѣдованія г. Лосицкаго о выкупныхъ платежахъ—помѣщенныхъ въ той же брошюрѣ газетныхъ, повидимому, замѣтокъ совершенно иного содержанія и характера. Замѣтки касаются вопроса о правахъ крестьянъ на надѣльную землю послѣ освобожденія ея отъ

съ нихъ выкупныхъ платежей не должно бы имѣть мѣста. Въ виду этого манифестъ 3-го ноября вызываетъ въ авторѣ не тѣ мысли, на какія онъ, собственно говоря, разсчитывалъ. „Манифестъ 3-го ноября,—говоритъ г. Лосицкій,—продолжилъ взиманіе выкупныхъ платежей и на 1906 годъ, уменьшивъ окладъ ихъ до половины. Изученіе вопроса показываетъ, что правительство не имѣло на это права, за полной уплатой выкупного долга къ 1-му января 1906 года. Съ этой точки зрѣнія продленіе выкупныхъ платежей на 1906 годъ есть актъ голаго произвола". Это заключеніе автора о полной уплатѣ крестьянами своего долга за землю въ 1905 г., тогда какъ, согласно Положенію о крестьянахъ, выкупные платежи, разсчитанные на погашеніе выкупныхъ ссудъ въ теченіе 49 лѣтъ, должны прекратиться—смотря по моменту выхода крестьянъ на выкупъ—въ періодъ времени отъ 1911 до 1956 гг.—выведено на основаніи того, что авторомъ принята во вниманіе и зачислена въ уплату выкупного долга вся экономія въ расходахъ выкупного дѣла, бывшихъ послѣдствіемъ финансовыхъ операцій правительства. Выкупная операція была, какъ извѣстно, разсчитана такимъ образомъ, что крестьяне должны въ теченіе 49 лѣтъ вносить за свой надѣлъ опредѣленную, изъ года въ годъ неизмѣнную сумму, достаточную для уплаты 5% интереса на числящійся на нихъ долгъ, 1/2% на погашеніе этого долга и 1/2%—на расходы, остатки которыхъ должны быть также употреблены на погашеніе долга. Болѣе быстрое, сравнительно съ предположеннымъ, погашеніе выкупного долга произошло по слѣдующимъ причинамъ. Изъ 897 милліоновъ рублей выкупного долга бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ—319 милл. рублей относятся на долю помѣщичьихъ долговъ бывшимъ государственнымъ кредитнымъ установленіямъ, переведенныхъ на крестьянскіе надѣлы, а 578 милл. руб.—на тѣ суммы, которыя государство выдало помѣщикамъ не чистыми, однако, деньгами, а процентными бумагами, подлежащими погашенію. Ежегодные выкупные платежи назначены были въ разсчетѣ на описанныя выше условія выкупной операціи (5% интереса и 1/2% погашенія); между тѣмъ какъ въ дѣйствительности разсчеты выкупной операціи производились, или должны были производиться, на условіяхъ менѣе обременительныхъ. Такъ, помѣщики по своему долгу, до его перевода на крестьянъ, должны были платить интереса 4, а не 5%; и хотя правительство погашало впослѣдствіи эти долги (т. е. платило самому же себѣ) по разсчету изъ 5%, и не приняло во вниманіе погашенія части долга еще до освобожденія крестьянъ, но это есть, очевидно, совершенно произвольная, невыгодная для крестьянъ операція; а если уплатить этотъ долгъ, согласно условіямъ его заключенія, то онъ окажется погашеннымъ въ 1894 году, и послѣдующіе платежи крестьянъ по этой статьѣ должны быть обращены на по-

гашеніе другой части ихъ выкупного долга. Другимъ источникомъ экстреннаго погашенія выкупного долга крестьянъ служатъ сбереженія въ расходахъ, происходившія вслѣдствіе пониженія процента по государственнымъ долгамъ, въ томъ числѣ и по обязательствамъ выкупной операціи и превращенія различныхъ бумагъ въ непогашаемую 4%-ную государственную ренту. „Если при конверсіи бумагъ частныхъ земельныхъ банковъ,—говоритъ авторъ,—правительство помѣшало имъ эгоистически воспользоваться плодами этой операціи, а побудило обратить полученную экономію въ расходѣ на пониженіе платежей заемщиковъ, то тѣмъ менѣе допустимо присвоеніе правительствомъ плодовъ конверсіи въ отношеніи правительства къ крестьянской массѣ. Но такъ какъ пониженія выкупныхъ платежей въ связи съ конверсіей произведено не было, то единственнымъ исходомъ остается зачисленіе полученнаго избытка доходовъ въ погашеніе выкупного долга. Благодаря этому, на погашеніе выкупного долга должна была идти не та сумма, которая первоначально предполагалась (½%), а тройная сумма (такъ какъ процентные платежи правительства по этому долгу съ 5 уменьшились до 4%). Третьимъ источникомъ экстреннаго погашенія выкупного долга крестьянъ служитъ экономія въ расходахъ по выкупной операціи. На этотъ предметъ крестьяне платили ежегодно ½%, между тѣмъ какъ расходы не превышали 0,135%, а со временемъ опустились до 0,05%. Благодаря всѣмъ описаннымъ обстоятельствамъ, экономія расходовъ правительства составила всего 277 милл. руб., а за покрытіемъ недобора выкупныхъ платежей (въ теченіе 1880—94 гг.) въ 104 милл. руб.,—на экстренное погашеніе крестьянскаго долга остается 173 милл. руб. При такомъ разсчетѣ выкупные взносы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, начавшіеся въ 1862 г., въ 1905 г. составили сумму въ 1.544 милліона рублей, вполнѣ погашавшую выкупной ихъ долгъ правительству (897 милл. руб.). Мы не беремъ на себя провѣрку правильности разсчетовъ г. Лосицкаго, приводимыхъ во всѣхъ подробностяхъ въ его брошюрѣ. Скажемъ лишь, что со времени опубликованія этого разсчета прошло больше года, и возраженій на него оффиціальныхъ сферъ, которыхъ онъ касается, не появлялось. Изъ этого можно заключить, что въ этомъ разсчетѣ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, грубыхъ ошибокъ, и что заключенія автора о погашеніи крестьянами выкупного долга казнѣ приблизительно вѣрны.

Въ заключеніе мы не можемъ не указать на непріятную дисгармонію съ серьезностью содержанія и тона небольшого, но цѣннаго статистическаго изслѣдованія г. Лосицкаго о выкупныхъ платежахъ—помѣщенныхъ въ той же брошюрѣ газетныхъ, повидимому, замѣтокъ совершенно иного содержанія и характера. Замѣтки касаются вопроса о правахъ крестьянъ на надѣльную землю послѣ освобожденія ея отъ

съ нихъ выкупныхъ платежей не должно бы имѣть мѣста. Въ виду этого манифестъ 3-го ноября вызываетъ въ авторѣ не тѣ мысли, на какія онъ, собственно говоря, разсчитывалъ. „Манифестъ 3-го ноября,— говоритъ г. Лосицкій,—продолжилъ взиманіе выкупныхъ платежей и на 1906 годъ, уменьшивъ окладъ ихъ до половины. Изученіе вопроса показываетъ, что правительство не имѣло на это права, за полной уплатой выкупного долга къ 1-му января 1906 года. Съ этой точки зрѣнія продленіе выкупныхъ платежей на 1906 годъ есть актъ голаго произвола". Это заключеніе автора о полной уплатѣ крестьянами своего долга за землю въ 1905 г., тогда какъ, согласно Положенію о крестьянахъ, выкупные платежи, разсчитанные на погашеніе выкупныхъ ссудъ въ теченіе 49 лѣтъ, должны прекратиться—смотря по моменту выхода крестьянъ на выкупъ—въ періодъ времени отъ 1911 до 1956 гг.—выведено на основаніи того, что авторомъ принята во вниманіе и зачислена въ уплату выкупного долга вся экономія въ расходахъ выкупного дѣла, бывшихъ послѣдствіемъ финансовыхъ операцій правительства. Выкупная операція была, какъ извѣстно, разсчитана такимъ образомъ, что крестьяне должны въ теченіе 49 лѣтъ вносить за свой надѣлъ опредѣленную, изъ года въ годъ неизмѣнную сумму, достаточную для уплаты 5% интереса на числящійся на нихъ долгъ, ½% на погашеніе этого долга и ½%—на расходы, остатки которыхъ должны быть также употреблены на погашеніе долга. Болѣе быстрое, сравнительно съ предположеннымъ, погашеніе выкупного долга произошло по слѣдующимъ причинамъ. Изъ 897 милліоновъ рублей выкупного долга бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ—319 милл. рублей относятся на долю помѣщичьихъ долговъ бывшимъ государственнымъ кредитнымъ установленіямъ, переведенныхъ на крестьянскіе надѣлы, а 578 милл. руб.—на тѣ суммы, которыя государство выдало помѣщикамъ не чистыми, однако, деньгами, а процентными бумагами, подлежащими погашенію. Ежегодные выкупные платежи назначены были въ разсчетѣ на описанныя выше условія выкупной операціи (5% интереса и ½% погашенія); между тѣмъ какъ въ дѣйствительности разсчеты выкупной операціи производились, или должны были производиться, на условіяхъ менѣе обременительныхъ. Такъ, помѣщики по своему долгу, до его перевода на крестьянъ, должны были платить интереса 4, а не 5%; и хотя правительство погашало впослѣдствіи эти долги (т.-е. платило самому же себѣ) по разсчету изъ 5%, и не приняло во вниманіе погашенія части долга еще до освобожденія крестьянъ, но это есть, очевидно, совершенно произвольная, невыгодная для крестьянъ операція; а если уплатить этотъ долгъ, согласно условіямъ его заключенія, то онъ окажется погашеннымъ въ 1894 году, и послѣдующіе платежи крестьянъ по этой статьѣ должны быть обращены на по-

гашеніе другой части ихъ выкупного долга. Другимъ источникомъ экстреннаго погашенія выкупного долга крестьянъ служатъ сбереженія въ расходахъ, происходившія вслѣдствіе пониженія процента по государственнымъ долгамъ, въ томъ числѣ и по обязательствамъ выкупной операціи и превращенія различныхъ бумагъ въ непогашаемую 4%-ную государственную ренту. „Если при конверсіи бумагъ частныхъ земельныхъ банковъ,—говоритъ авторъ,—правительство помѣшало имъ эгоистически воспользоваться плодами этой операціи, а побудило обратить полученную экономію въ расходѣ на пониженіе платежей заемщиковъ, то тѣмъ менѣе допустимо присвоеніе правительствомъ плодовъ конверсіи въ отношеніи правительства къ крестьянской массѣ. Но такъ какъ пониженія выкупныхъ платежей въ связи съ конверсіей произведено не было, то единственнымъ исходомъ остается зачисленіе полученнаго избытка доходовъ въ погашеніе выкупного долга. Благодаря этому, на погашеніе выкупного долга должна была идти не та сумма, которая первоначально предполагалась (1/2%), а тройная сумма (такъ какъ процентные платежи правительства по этому долгу съ 5 уменьшились до 4%). Третьимъ источникомъ экстреннаго погашенія выкупного долга крестьянъ служитъ экономія въ расходахъ по выкупной операціи. На этотъ предметъ крестьяне платили ежегодно 1/2%, между тѣмъ какъ расходы не превышали 0,135%, а со временемъ опустились до 0,05%. Благодаря всѣмъ описаннымъ обстоятельствамъ, экономія расходовъ правительства составила всего 277 милл. руб., а за покрытіемъ недобора выкупныхъ платежей (въ теченіе 1880—94 гг.) въ 104 милл. руб.,—на экстренное погашеніе крестьянскаго долга остается 173 милл. руб. При такомъ разсчетѣ выкупные взносы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, начавшіеся въ 1862 г., въ 1905 г. составили сумму въ 1.544 милліона рублей, вполнѣ погашавшую выкупной ихъ долгъ правительству (897 милл. руб.). Мы не беремъ на себя провѣрку правильности разсчетовъ г. Лосицкаго, приводимыхъ во всѣхъ подробностяхъ въ его брошюрѣ. Скажемъ лишь, что со времени опубликованія этого разсчета прошло больше года, и возраженій на него оффиціальныхъ сферъ, которыхъ онъ касается, не появлялось. Изъ этого можно заключить, что въ этомъ разсчетѣ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, грубыхъ ошибокъ, и что заключенія автора о погашеніи крестьянами выкупного долга казнѣ приблизительно вѣрны.

Въ заключеніе мы не можемъ не указать на непріятную дисгармонію съ серьезностью содержанія и тона небольшого, но цѣннаго статистическаго изслѣдованія г. Лосицкаго о выкупныхъ платежахъ—помѣщенныхъ въ той же брошюрѣ газетныхъ, повидимому, замѣтокъ совершенно иного содержанія и характера. Замѣтки касаются вопроса о правахъ крестьянъ на надѣльную землю послѣ освобожденія ея отъ

съ нихъ выкупныхъ платежей не должно бы имѣть мѣста. Въ виду этого манифестъ 3-го ноября вызываетъ въ авторѣ не тѣ мысли, на какія онъ, собственно говоря, разсчитывалъ. „Манифестъ 3-го ноября,— говоритъ г. Лосицкій,—продолжилъ взиманіе выкупныхъ платежей и на 1906 годъ, уменьшивъ окладъ ихъ до половины. Изученіе вопроса показываетъ, что правительство не имѣло на это права, за полной уплатой выкупного долга къ 1-му января 1906 года. Съ этой точки зрѣнія продленіе выкупныхъ платежей на 1906 годъ есть актъ голаго произвола". Это заключеніе автора о полной уплатѣ крестьянами своего долга за землю въ 1905 г., тогда какъ, согласно Положенію о крестьянахъ, выкупные платежи, разсчитанные на погашеніе выкупныхъ ссудъ въ теченіе 49 лѣтъ, должны прекратиться—смотря по моменту выхода крестьянъ на выкупъ—въ періодъ времени отъ 1911 до 1956 гг.—выведено на основаніи того, что авторомъ принята во вниманіе и зачислена въ уплату выкупного долга вся экономія въ расходахъ выкупного дѣла, бывшихъ послѣдствіемъ финансовыхъ операцій правительства. Выкупная операція была, какъ извѣстно, разсчитана такимъ образомъ, что крестьяне должны въ теченіе 49 лѣтъ вносить за свой надѣлъ опредѣленную, изъ года въ годъ неизмѣнную сумму, достаточную для уплаты 5% интереса на числящійся на нихъ долгъ, ½% на погашеніе этого долга и ½%—на расходы, остатки которыхъ должны быть также употреблены на погашеніе долга. Болѣе быстрое, сравнительно съ предположеннымъ, погашеніе выкупного долга произошло по слѣдующимъ причинамъ. Изъ 897 милліоновъ рублей выкупного долга бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ—319 милл. рублей относятся на долю помѣщичьихъ долговъ бывшимъ государственнымъ кредитнымъ установленіямъ, переведенныхъ на крестьянскіе надѣлы, а 578 милл. руб.—на тѣ суммы, которыя государство выдало помѣщикамъ не чистыми, однако, деньгами, а процентными бумагами, подлежащими погашенію. Ежегодные выкупные платежи назначены были въ разсчетѣ на описанныя выше условія выкупной операціи (5% интереса и ½% погашенія); между тѣмъ какъ въ дѣйствительности разсчеты выкупной операціи производились, или должны были производиться, на условіяхъ менѣе обременительныхъ. Такъ, помѣщики по своему долгу, до его перевода на крестьянъ, должны были платить интереса 4, а не 5%; и хотя правительство погашало впослѣдствіи эти долги (т. е. платило самому же себѣ) по разсчету изъ 5%, и не приняло во вниманіе погашенія части долга еще до освобожденія крестьянъ, но это есть, очевидно, совершенно произвольная, невыгодная для крестьянъ операція; а если уплатить этотъ долгъ, согласно условіямъ его заключенія, то онъ окажется погашеннымъ въ 1894 году, и послѣдующіе платежи крестьянъ по этой статьѣ должны быть обращены на по-

гашеніе другой части ихъ выкупного долга. Другимъ источникомъ экстреннаго погашенія выкупного долга крестьянъ служатъ сбереженія въ расходахъ, происходившія вслѣдствіе пониженія процента по государственнымъ долгамъ, въ томъ числѣ и по обязательствамъ выкупной операціи и превращенія различныхъ бумагъ въ непогашаемую 4%-ную государственную ренту. „Если при конверсіи бумагъ частныхъ земельныхъ банковъ,—говоритъ авторъ,—правительство помѣшало имъ эгоистически воспользоваться плодами этой операціи, а побудило обратить полученную экономію въ расходѣ на пониженіе платежей заемщиковъ, то тѣмъ менѣе допустимо присвоеніе правительствомъ плодовъ конверсіи въ отношеніи правительства къ крестьянской массѣ. Но такъ какъ пониженія выкупныхъ платежей въ связи съ конверсіей произведено не было, то единственнымъ исходомъ остается зачисленіе полученнаго избытка доходовъ въ погашеніе выкупного долга. Благодаря этому, на погашеніе выкупного долга должна была идти не та сумма, которая первоначально предполагалась (½%), а тройная сумма (такъ какъ процентные платежи правительства по этому долгу съ 5 уменьшились до 4%). Третьимъ источникомъ экстреннаго погашенія выкупного долга крестьянъ служитъ экономія въ расходахъ по выкупной операціи. На этотъ предметъ крестьяне платили ежегодно ½%, между тѣмъ какъ расходы не превышали 0,135%, а со временемъ опустились до 0,05%. Благодаря всѣмъ описаннымъ обстоятельствамъ, экономія расходовъ правительства составила всего 277 милл. руб., а за покрытіемъ недобора выкупныхъ платежей (въ теченіе 1880—94 гг.) въ 104 милл. руб.,—на экстренное погашеніе крестьянскаго долга остается 173 милл. руб. При такомъ разсчетѣ выкупные взносы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, начавшіеся въ 1862 г., въ 1905 г. составили сумму въ 1.544 милліона рублей, вполнѣ погашавшую выкупной ихъ долгъ правительству (897 милл. руб.). Мы не беремъ на себя провѣрку правильности разсчетовъ г. Лосицкаго, приводимыхъ во всѣхъ подробностяхъ въ его брошюрѣ. Скажемъ лишь, что со времени опубликованія этого разсчета прошло больше года, и возраженій на него оффиціальныхъ сферъ, которыхъ онъ касается, не появлялось. Изъ этого можно заключить, что въ этомъ разсчетѣ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, грубыхъ ошибокъ, и что заключенія автора о погашеніи крестьянами выкупного долга казнѣ приблизительно вѣрны.

Въ заключеніе мы не можемъ не указать на непріятную дисгармонію съ серьезностью содержанія и тона небольшого, но цѣннаго статистическаго изслѣдованія г. Лосицкаго о выкупныхъ платежахъ—помѣщенныхъ въ той же брошюрѣ газетныхъ, повидимому, замѣтокъ совершенно иного содержанія и характера. Замѣтки касаются вопроса о правахъ крестьянъ на надѣльную землю послѣ освобожденія ея отъ

выкупного долга. Между прочимъ, авторъ иронизируетъ надъ взглядами своихъ политическихъ противниковъ относительно права крестьянъ на надѣльную землю. И такъ какъ сила этой ироніи покоится не на аргументахъ, а на ея соотвѣтствіи опредѣленной точкѣ зрѣнія, то, будучи умѣстной въ партійной газетѣ, предназначенной для единомыслящихъ читателей, она производитъ довольно комичное впечатлѣніе въ трудѣ, одинаково интересномъ „и для эллина, и для іудея". Впечатлѣніе это тѣмъ менѣе выгодно для автора, что онъ заявляетъ въ качествѣ непреложной истины, что русская революція снесетъ не только „весь сословный строй и всѣ ограниченія крестьянъ въ правѣ распоряжаться своимъ имуществомъ", но, конечно, и ограниченія права крестьянина распоряжаться его землей. „И полное осуществленіе земельныхъ правъ крестьянъ на надѣлъ несомнѣнно порадуетъ всѣ прогрессивные элементы Россіи съ соціально-политической точки зрѣнія". Когда набирались эти строки, сознательная часть крестьянства, соединявшаяся въ единый союзъ, громко заявляла требованіе того, чтобы вся земля Россійской Имперіи обращена была въ собственность всего народа, и чтобы ни одно лицо не имѣло исключительныхъ правъ на этотъ видъ недвижимаго имущества. Г-нъ Лосицкій, правда, можетъ изъять сознательное крестьянство изъ категоріи прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества; но врядъ ли его предсказаніе получитъ отъ того въ глазахъ читателя бо́льшую убѣдительность.—В. В.

Въ апрѣлѣ, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Алибеговъ, И. — Елисаветпольскіе кровавые дни передъ судомъ общества. Завравшійся публицистъ и его общественные сподвижники. Тифл. 906. Ц. 30 к.

Алтаевъ, Ал. — Подъ знаменемъ башмака. Историч. пов. изъ XVI вѣка. Спб. 906. Ц. 50 к.

Амигинъ, Анат.—Въ предразсвѣтномъ туманѣ. Разсказы. Спб. 906.

Аперть, Э.—Геологическая карта Зейскаго золотоноснаго района. Спб. 906.

Арсеньевъ, К. К. — Салтыковъ-Щедринъ. Литературно-общественная характеристика. Съ 5-ью фототипическими портретами Салтыкова, факсимиле его автобіографическаго письма и библіографіей произведеній Салтыкова и отзывовъ о нихъ. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Бебель, А.—Соціалъ-демократія и всеобщее избирательное право. Спб. 906. Ц. 25 к.

Бобриковъ, В. И.—Очерки народнаго быта деревни. Спб. 906. Ц. 50 к.

Богоявленскій, Ник. Вяч., бывшій консулъ въ Зап. Китаѣ. — Западный застѣнный Китай. Его прошлое, настоящее состояніе и положеніе въ немъ русскихъ подданныхъ. Спб. 906. Стр. 418.

Браунсъ, д-ръ.—Царство минераловъ. Описаніе главныхъ минераловъ, ихъ

мѣсторожденія и значеніе ихъ для промышленности. Драгоцѣнные камни. Съ нѣм. В. Леманъ, п. р. А. А. Иностранцева. Спб. 906. Вып. 10-ый.

Браунъ, Лили.—Женскій трудъ и домашнее хозяйство. Спб. 906. Ц. 10 к.

Буркгардтъ, Як.—Культура Италіи въ эпоху Возрожденія. Перев. С. Бриліанта. Т. I и II. Спб. 906. Ц. 5 р.

Бухъ, Л. К.—О государственныхъ финансахъ. Спб. 906. Стр. 86. 16°. Цѣна 25 коп.

Бѣлоконскій, И. П. — Отъ деревни до парламента. Роль земства въ будущемъ строѣ Россіи. Рост.-на-Дону. 906. Ц. 6 к.

Веберъ, К. Т.—Японія—сейчасъ. Впечатлѣнія и факты. 100 оригин. фотографій. Спб. 906. Ц. 1 р.

Веселовскій, Юр.—Въ царствѣ рутины и гнета. М. 906.

——— Шиллеръ и современная Германія. М. 906.

Волонтеръ.—Русско-японская война. Причины, ходъ и послѣдствія. Спб. 905. Ц. 50 к.

Гершензонъ, М.—Соціально-политическіе взгляды А. И. Герцена М. 906. Ц. 15 к.

Глѣбовъ, Н. Н.—Замѣтки объ искусствѣ администрированія. II. Спб. 906.

Дерюжинскій, В. Ѳ. — Новыя явленія въ развитіи англійской демократіи. Спб. 906. Ц. 15 к.

Добровольскій, Дм.—„Въ подозрѣніи". По поводу диспута 9 мая 1905 г. въ Новоросс. университетѣ. Спб. 906.

Дурново, Н. Н.—Какъ установить каноническое управленіе русской церкви? М. 906.

Дюпріе, Д.—Государство и роль министровъ въ Англіи. Съ франц., п. р. А. Г. Спб. 906. Ц. 60 к.

Жоресъ, Ж., и *Лафаргъ*, П.—Идеалистическое и матеріалистическое пониманіе исторіи. Спб. 905 Ц. 8 к.

Жуковскій, Ю. Г. Деньги и Банки. Матеріалы для исторіи нравственной и экономической культуры XIX-го вѣка. Спб. 906. Ц. 2 р.

Ивановичъ, В. — Россійскія партіи, союзы и лиги. Сборникъ программъ, уставовъ и справочныхъ свѣдѣній о россійскихъ политическихъ партіяхъ. Спб. 906. Ц. 1 р.

Исаевъ, А. А., проф.—Вопросы соціологіи. Спб. 906.

Каверзневъ, В. Н. — Стихотворенія 1904 года. Спб. 905. Ц. 1 р.

Каутскій, Карлъ.—Очередныя проблемы международнаго соціализма. Сборникъ статей. Съ нѣм. В. Величкина и Н. Ульянова. Спб. 906. Ц. 1 р.

Костомаровъ, Н. И.—Собраніе сочиненій. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга 8-ая: т.т. XIX, XX и XXI. Изд. Литературнаго фонда. Спб. 906. Ц. 4 р. 50 к. Всѣ 8 т.—25 руб.

Красножснъ, проф. М.—Современные вопросы. Юр. 905.

——— Тернія и плевелы въ нашихъ университетахъ. Юр. 905. Ц. 50 к.

——— Къ вопросу о свободѣ совѣсти и вѣротерпимости. Юр. 905.

Лавеле, де, Эм. — Парламентаризмъ и демократія. Съ франц., п. р. И. Тарасова. М. 906. Ц. 20 к.

Ларенко, П.—Страдные дни Портъ-Артура. Хроника военныхъ событій и жизни въ осажденной крѣпости съ 26 января 1904 г. по 9-е января 1905 г. въ 2 ч. Съ 365 иллюстр., план. города и крѣпости. Ч. I. Спб. 906. Ц. 2 р. 50 к.

Левитскій, В. Ф. — Аграрный вопросъ въ Россіи, съ точки зрѣнія основ-

ныхъ теченій въ развитіи современнаго народнаго хозяйства. Харьковъ. 906. Цѣна 50 к.

Леруа Болье, Анатоль.—Христіанство и демократія; христіанство и соціализмъ. Съ франц. С. Троицкій. Спб. 906. Ц. 20 к.

Липковскій, І. І.—Революція или эволюція? Краткій экономическій и политическій обзоръ настоящаго положенія Россіи. Спб. 906. Ц. 50 к.

Липскій, В. И.—По горнымъ областямъ русскаго Туркестана (Тянь-Шяня). Спб. 906.

Лиссагаре.—Исторія Коммуны 1871 года. Съ франц. Ч. II.

Лосскій, Н.—Обоснованіе интуитивизма. Пропедевтическая теорія знанія. Спб. 906. Ц. 2 р.

Македоновъ, Л. В. — Хозяйственное положеніе и промыслы населенія станицъ Астраханскаго Казачьяго войска. Спб. 1906 г.

Малышевъ, Кронидъ. — Гражданскій законъ Калифорніи, въ сравнительномъ изложеніи съ законами Нью-Іорка и другихъ восточныхъ штатовъ и съ общимъ правомъ Англіи и сѣверной Америки. Т. I. Спб. 906. Ц. 5 р.

Мартенсъ, Б.—Практическая математика. Спб. 906.

Мельшинъ, Л. (П. Ф. Якубовичъ).—Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Т. II. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Мережковскій, Д.—Гоголь и Чортъ. М. 906. Ц. 1 р. 80 к.

Мукаловъ, М.—Дѣти улицы. I. Малолѣтнія проститутки. Спб. 906. Ц. 50 к.

Мякотинъ, В. А. — Изъ исторіи русскаго общества. 2-е изд. Спб. 906. Ц. 1 р. 25 к.

Некрасовъ, Н. А.—Основы общественныхъ и естественныхъ наукъ въ средней школѣ. Спб. 906. Ц. 20 к.

Николай Михаиловичъ, Великій Князь.—Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи, по донесеніямъ пословъ императора Александра и Наполеона. 1808—1812. Т. IV. Спб. 906.

Оленинъ, К. И.—Стихотворенія. М. 906.

Оленовъ, Мих.—Государство и страхованіе рабочихъ. Спб. 906.

Орловъ, М.—Нужды русскаго лѣсного хозяйства. Спб. 906.

Пестель, П. И.—Русская правда. Наказъ Временному Верховному Правленію. Спб. 906. Ц. 1 р.

Погребовъ, А. Н. (Старовѣръ).—Этюды о русской интеллигенціи. Сборникъ статей. Спб. 906. Ц. 1 р. 20 к.

Ратгаузъ, Д. — Полное собраніе стихотвореній. Спб. и М. 906. Т. I, II. Ц. 2 р.

Рейтенфельсъ, Як.—Сказанія Свѣтлѣйшему Герцогу Тосканскому Козьмѣ III о Московіи. Падуя, 1680 г. Съ латинск. перев. А. Станкевичъ. М. 906. Ц. 1 р. 40 к.

Рожковъ, Н. — Историческіе и соціологическіе очерки. Сборникъ статей. М. 906. Ц. 2 р.

Роландъ-Ульстъ, Генріетта. — Всеобщая стачка и соціалдемократія, съ предисл. К. Каутскаго. Спб. 906. Ц. 40 к.

Рыбаковъ, Ѳ.—Душевныя разстройства въ связи съ послѣдними политическими событіями. М. 906. Ц. 20 к.

Савичъ, Г. Г.—Къ вопросу о мелкой земской единицѣ: село Павлово и его общественное устройство. Спб., 906. Стр. 17?. Съ сводною таблицею данныхъ по селу Павлову за 1891—1905 гг. Ц. 1 р.

Святловскій, В. В.—Къ исторіи политической экономіи и статистики въ

Россіи. Сборникъ статей. Книгоиздательство „Начало". Спб., 906. Стр. 200. Ц. 1 р.

Свѣчниковъ, полковн.—Набѣгъ на Инкоу. Спб. 906. Ц. 1 р.

Тимофеевъ, П.—Чѣмъ живетъ заводскій рабочій? Спб. 906. Ц. 40 к.

Тхоржевскій, П. И.—Tristia. Изъ новѣйшей французской лирики переводъ: Сюлли Прюдомъ, Верленъ, Метерлинкъ, Роденбахъ и др. Спб. 906. Ц. 60 к.

Тюшовъ, В. Н.—По западному берегу Камчатки. Спб. 906. (Записки Имп. Русск. Геогр. Общества, по общей географіи, т. XXXVII, № 2, п. р. и съ предисловіемъ К. П. Богдановича).

Фаусекъ, В.—Біологическія изслѣдованія въ Закаспійской области. Спб. 906.

Чаттерджи, Бэкманъ.—Сокровенная и религіозная философія Индіи. Предисловіе и переводъ съ франц. Е. П. Калуга, 906. Ц. 70 к.

Черновъ, В. — Марксизмъ и аграрный вопросъ. Истор.-крит. очеркъ. Спб. 906. Ц. 75 к.

——— Марксъ и Энгельсъ о крестьянствѣ. М. 906. Ц. 25 к.

Четвериковъ, Н.—Изъ деревни. По поводу реформъ. Маріуп. 905. Ц. 15 к.

Шарвинъ, В. В.—Какъ создается наука. Воззрѣнія Эрнста Маха. М. 906. Ц. 50 к.

Шульговскій, Н. Н.—Право на жизнь. Спб. Ц. 30 к.

Щаповъ, А. П.—Сочиненія. Т. II. Спб. 906. Ц. 2 р. 50 к.

Якимовъ, Василій.—Голодъ. Въ пользу голодающихъ рабочихъ и крестьянъ. Спб. 906. Ц. 15 к.

Энгельсъ, Фридрихъ. Людвигъ Фейербахъ и конецъ нѣмецкой классической философіи. Перев. съ нѣм. подъ ред. и съ предисловіемъ В. В. Святловскаго. Спб. 906. Стр. 50. Ц. 20 к.

— Библіотека юнаго читателя: 1) Среди японскихъ бѣглецовъ, съ англ. Э. Пименова, ц. 25 к.; 2) Томасъ Альва Эдисонъ, его жизнь и изобрѣтенія, ц. 20 к. Спб. 906.

— Библіотека свободнаго воспитанія: 1) Л. Н. Толстой, какъ школьный учитель, Эрн. Кресби. Ц. 40 к. 2) Освобожденіе ребенка, К. Н. Вентцеля. Цѣна 10 к. 3) Воспитаніе, основанное на психологіи ребенка, П. Лашомбъ. Съ франц. М. 905. Ц. 30 к.

— Годишникъ на Софийския университетъ. Annuaire de l'Université de Sophia. I: 1904—5. София. 905.

— Земля и Трудъ. Вып. 1. Спб. 906. Ц. 7 к.

— Декабристы: 86 портретовъ и два вида. Біографич. текстъ П. М. Головачева. Вступленіе В. Мякотина. М. 906. Ц. 12 р.

— Извѣстія Имп. Русск. Географическаго Общества, изд. п. р. А. Достоевскаго. Т. XLII, 1906, вып. 1. Спб. 906.

— Краткій обзоръ дѣятельности Рижской Городской Управы за 1905 г. Рига, 906.

— Литературно-художественный сборникъ, п. р. Г. Пекаторесъ и П. Герцо-Виноградскаго, съ иллюстр. Од. 906. Ц. 1 р.

— „На памятникъ Чехову". Стихи и проза. Спб. 906. Ц. 1 р.

— Научный театръ. Популярныя лекціи по естествознанію, исторіи и обществовѣдѣнію, п. р. В. Битнера. Часть вторая: В. Бельша. Побѣда жизни. Лекціи по біологіи. Спб. 906.

— Нужны ли Россіи демократическія реформы? Спб. 906.

— Образовательная Библіотека, сер. VII, № 1: Антонъ Мензеръ, Право на полный продуктъ труда. Спб. 906. Ц. 25 к.

— Общи резултати отъ прѣброяване на населението въ Княжество България на 31 декалеврий 1900 година. Кн. II. София, 906.

— Отчетъ по выкупному долгу и выкупнымъ платежамъ всѣхъ разрядовъ крестьянъ за 1903 годъ. Спб. 906.

— Отчетъ по Главному Тюремному Управленію. 1904 г. Спб. 906.

— Переселеніе въ Степной край въ 1906 г. Области Акмолинская и Семипалатинская. Съ картою. Спб. 906. Ц. 15 к.

— Политическая энциклопедія. П. р. Л. З. Слонимскаго. Въ трехъ томахъ, двѣнадцать вып. Ц. 9 р., въ перепл. 12 руб. Т. I: вып. 1 (Ааргау—Антисемитизмъ). Спб. 906.

— Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Т. CXXI и CXXII. Спб. 906. Ц. по 3 р.

— Современная Библіотека: 1) И. Д. Новикъ, Государственный строй Англіи. Ц. 15 к. 2) В. М. Хвостовъ, Общественное мнѣніе и политическія партіи. Ц. 15 к. М. 906.

— Справочная книжка о переселеніи за Уралъ въ 1906 г. Съ 2 карт. Спб. 906. Ц. 10 к.

— Статистическій Ежегодникъ Московской губерніи за 1905 г. Ч. I и II. М. 906.

— Темы жизни. № 1, вып. 2: В. Тотоміанцъ, Профессіональные союзы рабочихъ. Спб. 906. Ц. 5 к. № 1, вып. 1: А. Луначарскій, Очеркъ развитія интернаціонала. Спб. 906. Ц. 10 к. № 104: С. Сергѣевъ-Ценскій, Садъ, разск. Спб. 906. Ц. 12 к. № 1, вып. 1: А. Ельницкій, Г. В. Плехановъ. Спб. 906. Ц. 7 к.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1906 г.

Странная роль нынѣшней русской дипломатіи.—Проектъ созыва новой конференціи въ Гаагѣ.—Марокскій вопросъ, франко-русская дружба и русскій заемъ.—Волненія рабочихъ во Франціи.—Вопросъ о реформахъ въ Австріи и новое министерство въ Венгріи. — Конституція въ Черногоріи.

Послѣ севастопольскаго погрома наша дипломатія хорошо сознавала совершившуюся перемѣну въ международномъ положеніи Россіи; она скромно воздерживалась отъ прежняго дѣятельнаго участія въ общихъ европейскихъ дѣлахъ, ссылаясь на необходимость для страны придти въ себя, возстановить свои силы и залечить свои внутреннія болѣзни. „La Russie ne boude pas,—elle se recueille", какъ формулировалъ это положеніе князь Горчаковъ. Только три года спустя, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ призналъ возможнымъ заявить оффиціально, что „Россія выходитъ изъ того положенія сдержанности, которое она считала для себя обязательнымъ послѣ крымской войны". Совершенно иначе чувствуетъ себя, повидимому, нынѣшняя наша дипломатія послѣ сокрушительныхъ ударовъ, нанесенныхъ оффиціальной Россіи не коалиціею великихъ европейскихъ державъ, а одною лишь Японіею: она нисколько не понизила своего тона по отношенію къ другимъ государствамъ, не устранилась отъ участія въ активномъ международномъ „концертѣ", а напротивъ, старалась удивить Европу своимъ непоколебимымъ апломбомъ, самоувѣренностью и внѣшнею авторитетностью. Не прошло еще и года со времени Мукдена и Цусимы, когда наше правительство взялось разыграть роль могущественнаго заступника Франціи на марокской конференціи и выступило съ предложеніемъ созыва новаго международнаго совѣщанія въ Гаагѣ.

Этотъ послѣдній проектъ, внушенный, конечно, самыми возвышенными идеями справедливости и человѣчности, выдвинутъ былъ какъ-разъ въ эпоху полнаго разгула безчеловѣчныхъ и беззаконныхъ кровавыхъ расправъ внутри Россіи, когда массы русскаго населенія, цѣлыя области и города отдавались въ безконтрольное распоряженіе разнузданнымъ представителямъ самовластія и когда въ странѣ водворилась какая-то неслыханная вакханалія повальныхъ избіеній, экзекуцій, разстрѣловъ, произвольныхъ арестовъ и высылокъ. Слащавыя дипломатическія фразы о пользѣ миролюбія, о смягченіи ужасовъ

войны, объ охранѣ частной собственности на морѣ и объ установленіи ограничительныхъ правилъ относительно бомбардированія портовъ, городовъ и т. п., предлагались великимъ державамъ въ то самое время, когда русская артиллерія безпрепятственно дѣйствовала противъ русскихъ же городовъ и селъ, разрушая частные дома и имущество обывателей подъ предлогомъ усмиренія скрытыхъ или явныхъ враговъ негоднаго правительственнаго строя, и когда даже оказаніе врачебно-санитарной помощи раненымъ наказывалось какъ преступленіе. Можно подумать, что наша дипломатія, обращаясь къ иностраннымъ правительствамъ съ своимъ благожелательнымъ проектомъ, не отдавала себѣ отчета ни въ своемъ собственномъ положеніи предъ лицомъ культурнаго міра, ни въ значеніи и смыслѣ тѣхъ внутреннихъ нашихъ дѣлъ, которыя служили предметомъ напряженнаго вниманія всей заграничной печати. Приводимъ здѣсь этотъ своеобразный дипломатическій документъ, свидѣтельствующій о необыкновенномъ благодушіи и самодовольствѣ русской дипломатіи въ самую тяжелую пору политическаго кризиса, вызваннаго страшными пораженіями и разочарованіями русско-японской войны:

„Съ Высочайшаго соизволенія, россійскимъ представителямъ въ иностранныхъ государствахъ, 16 марта 1906 г., предписано было передать правительствамъ, при коихъ они аккредитованы, слѣдующую тождественную ноту по вопросу о второй конференціи мира въ Гаагѣ.

„Принимая на себя почннъ созыва второй конференціи мира, императорское правительство имѣло въ виду необходимость дать дальнѣйшее развитіе человѣколюбивымъ принципамъ, положеннымъ въ основу трудовъ знаменательнаго международнаго собранія 1899 г.

„По мнѣнію императорскаго правительства, предстояло привлечь къ участію въ предположенной конференціи возможно большее число державъ, и выказанное къ этому призыву сочувствіе указываетъ, насколько въ настоящее время глубоко укоренилось сознаніе общей солидарности въ дѣлѣ осуществленія идей, направленныхъ ко благу всего человѣчества.

„Первая конференція закрылась въ убѣжденіи, что труды ея будутъ дополняемы въ будущемъ путемъ постепеннаго и правильнаго развитія въ народахъ просвѣщенія, а также по мѣрѣ накопленія указаній опыта. Важнѣйшее созданіе конференціи—международная палата третейскаго суда—доказало на дѣлѣ свою жизнеспособность, объединивъ въ одномъ высшемъ учрежденіи всемірно уважаемыхъ юристовъ. Выяснилось также, какое благотворное значеніе имѣютъ международныя слѣдственныя коммиссіи для разрѣшенія несогласій между государствами.

„Тѣмъ не менѣе необходимо внести нѣкоторыя улучшенія въ кон-

венцію „о мирномъ разрѣшеніи международныхъ столкновеній". По случаю происходившихъ въ послѣднее время третейскихъ разбирательствъ, юристы, принимавшіе въ нихъ участіе въ качествѣ судей, возбудили нѣкоторые частные вопросы, которые слѣдовало бы разрѣшить, внеся въ упомянутую конвенцію необходимыя дополненія. Представляется, между прочимъ, желательнымъ, чтобы были установлены твердые принципы по вопросу о языкѣ судопроизводства, для устраненія затрудненій, которыя могли бы возникать въ будущемъ по мѣрѣ умноженія случаевъ обращенія къ третейской юрисдикціи. Необходимо также внести нѣкоторыя усовершенствованія въ порядокъ дѣятельности международныхъ слѣдственныхъ коммиссій.

„Что касается установленія законовъ и обычаевъ сухопутной войны, то рѣшенія по сему предмету первой конференціи слѣдовало бы, равнымъ образомъ, дополнить и придать имъ большую опредѣленность, дабы устранить всякія недоразумѣнія. Что касается морской войны, законы и обычаи которой для отдѣльныхъ странъ не во всѣхъ отношеніяхъ сходятся между собою, то слѣдуетъ установить твердыя правила въ соотвѣтствіи съ необходимостью согласовать права воюющихъ съ интересами нейтральныхъ. По этимъ вопросамъ необходимо выработать конвенцію, составленіе которой явилось бы одною изъ наиболѣе важныхъ задачъ предстоящей конференціи.

„Вслѣдствіе сего, полагая, что въ настоящее время надлежитъ заняться разсмотрѣніемъ лишь вопросовъ, съ особенною настоятельностью поставленныхъ на очередь опытомъ послѣднихъ лѣтъ,—не затрагивая тѣхъ, которые могли бы коснуться ограниченія морскихъ и сухопутныхъ силъ,—императорское правительство предлагаетъ, какъ программу для предположеннаго собранія, слѣдующіе главные пункты:

1) Усовершенствованіе постановленій „конвенціи о мирномъ рѣшеніи международныхъ столкновеній" въ тѣхъ частяхъ ея, которыя касаются палаты третейскаго суда и международныхъ слѣдственныхъ коммиссій.

2) Дополненіе постановленій конвенціи о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны, между прочимъ, касательно открытія военныхъ дѣйствій, правъ нейтральныхъ на сушѣ и т. п. Въ виду истеченія срока одной изъ декларацій 1899 г.—вопросъ о ея возобновленіи.

3) Выработка конвенціи о законахъ и обычаяхъ морской войны, по слѣдующимъ вопросамъ: особыя средства морской войны, какъ-то: бомбардированіе портовъ, городовъ и селеній морскими силами, постановка минъ и т. п.; обращеніе торговыхъ судовъ въ военныя; частная собственность воюющихъ на морѣ; льготный срокъ для выхода торговыхъ судовъ изъ нейтральныхъ и непріятельскихъ портовъ послѣ открытія военныхъ дѣйствій; права и обязанности нейтраль-

ныхъ на морѣ. Между прочимъ, вопросы о контрабандѣ, положенія судовъ воюющихъ въ нейтральныхъ портахъ; уничтоженіе, въ случаѣ крайней необходимости, нейтральныхъ торговыхъ судовъ, взятыхъ въ качествѣ призовъ. Въ проектируемую конвенцію могли бы быть включены тѣ правила сухопутной войны, которыя въ то же время приложимы къ морской войнѣ.

4) Дополненія къ конвенціи 1899 г. о примѣненіи къ морской войнѣ началъ Женевской конвенціи 1864 г.

„Пренія предположеннаго собранія, подобно тому, какъ и на конференціи 1899 г., очевидно, не должны касаться ни политическихъ отношеній между державами, ни порядка вещей, установленнаго трактатами, ни вообще вопросовъ, которые не войдутъ прямо въ границы одобренной правительствами программы.

„Императорское правительство считаетъ важнымъ отмѣтить, что сообщеніе настоящей программы и возможное принятіе ея разными государствами не предрѣшаетъ, конечно, взглядовъ, которые могли бы быть высказаны на конференціи касательно самаго разрѣшенія поставленныхъ на обсужденіе вопросовъ. Равнымъ образомъ, отъ предположеннаго собранія будетъ зависѣть опредѣлить порядокъ разсмотрѣнія вопросовъ и форму, въ которую будутъ облечены принятыя рѣшенія, смотря по тому, признано ли будетъ предпочтительнѣе включить нѣкоторыя изъ нихъ въ новыя конвенціи, или же присоединить, въ видѣ дополненія, къ конвенціямъ, уже существующимъ.

„Устанавливая вышеизложенную программу, императорское правительство по мѣрѣ возможности приняло во вниманіе пожеланія, выраженныя первою конференціею мира, а именно—касательно правъ и обязанностей нейтральныхъ, частной собственности воюющихъ на морѣ, бомбардированія портовъ, городовъ и т. п. Оно надѣется, что (такое-то) правительство увидитъ въ совокупности поставленныхъ на обсужденіе пунктовъ выраженіе желанія приблизиться къ тому высокому идеалу международной справедливости, который является постоянною цѣлью всего цивилизованнаго міра. — По приказанію моего правительства, имѣю честь сообщить вамъ о вышеизложенномъ, присовокупляя, что временемъ собранія конференціи въ Гаагѣ могла бы быть вторая половина будущаго іюля (нов. ст.), каковой срокъ и нидерландскому правительству представляется наиболѣе подходящимъ".

Эта трогательная заботливость нашего правительства объ урегулированіи мирныхъ и военныхъ отношеній между государствами въ самый разгаръ административно-военныхъ репрессій и насилій внутри страны возбудила вполнѣ естественное недоумѣніе за границею; многіе находили, что прежде всего мы должны были бы урегулировать наши собственныя ненормальныя отношенія, и что вмѣсто того, чтобы хл-

потать о миролюбіи, справедливости и „благѣ человѣчества“ въ международныхъ дѣлахъ, слѣдовало бы придерживаться началъ человѣколюбія и справедливости у себя дома, относительно своихъ собственныхъ согражданъ. Планъ созыва конференціи на одинъ изъ лѣтнихъ мѣсяцевъ встрѣтилъ также формальное возраженіе со стороны вашингтонскаго кабинета, въ виду предстоящаго лѣтомъ этого же года „панамериканскаго конгресса“—съѣзда представителей всѣхъ странъ Америки для обсужденія общихъ дѣлъ материка. Русскій проектъ конференціи былъ, по необходимости, отложенъ на неопредѣленное время, и слѣдовательно даже съ чисто внѣшней стороны онъ оказался недостаточно обдуманнымъ; самая поспѣшность иниціативы въ такомъ щекотливомъ для насъ вопросѣ общечеловѣческой филантропіи является довольно характерною для нашего дипломатическаго вѣдомства. Русская дипломатія хотѣла показать передъ цѣлымъ міромъ, что она осталась такою же, какою была въ 1899 году при созывѣ первой Гаагской конференціи, что она вовсе не утратила своего авторитета и могущества, и что она охотно готова попрежнему брать на себя руководящую роль въ серьезныхъ международныхъ совѣщаніяхъ, какъ будто никакой русско-японской войны не было,—подобно тому какъ и въ отношеніяхъ къ своему отечеству и народу наши правители дѣлали видъ, что ничто не измѣнилось послѣ позорныхъ военныхъ катастрофъ, что все должно остаться по старому и что сторонники спасительныхъ государственныхъ перемѣнъ должны быть признаваемы врагами родины, крамольниками, подлежащими безпощадному истребленію. Что касается западно-европейскаго общественнаго мнѣнія, то оно въ господствующей своей части давно перестало руководствоваться чисто нравственными мотивами и въ сущности ничего не имѣло бы противъ полнаго политическаго упадка и развала Россіи при дальнѣйшемъ неограниченномъ владычествѣ бюрократіи; единственное, что̀ еще заставляетъ иностранцевъ дѣйствительно интересоваться нашими судьбами,—это забота о курсѣ нашихъ процентныхъ бумагъ, размѣщенныхъ въ огромной массѣ за границею. Иностранные кредиторы Россіи представляютъ собою ту реальную силу, на которую сочло нужнымъ опереться русское правительство въ своей борьбѣ съ отечественною оппозиціею, и это обстоятельство отчасти объясняетъ нѣкоторыя странныя особенности нашего современнаго международнаго положенія.

Наша дипломатія, вопреки всѣмъ обрушившимся на нее ударамъ, приняла активное участіе въ новѣйшихъ международныхъ вопросахъ, з трогивающихъ интересы Франціи, и обнаружила особенную энергію и настойчивость въ обсужденіи марокκскихъ дѣлъ; конференція въ

Алжесирасѣ, имѣвшая свое послѣднее засѣданіе 7 апрѣля (нов. ст.), окончилась миролюбивымъ соглашеніемъ, безобиднымъ для французовъ, преимущественно благодаря дипломатическимъ усиліямъ Россіи и Англіи. Съ нашей стороны громко возвѣщалась въ нужный моментъ рѣшимость неуклонно поддерживать взгляды и предложенія французскаго правительства; въ томъ же смыслѣ высказывалась и Англія, солидарная въ этомъ случаѣ съ Франціею, и какъ французы, такъ и англичане, были одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы голосъ Россіи сохранялъ все свое прежнее значеніе въ глазахъ Германіи и поддерживавшихъ ее державъ. Французская оффиціозная пресса выставляла на видъ безусловную необходимость сохраненія франко-русскаго союза и указывала на непоколебимую вѣрность этому союзу со стороны Россіи; республиканскіе министры и политическіе дѣятели краснорѣчиво разсуждали о тѣсной франко-русской дружбѣ, какъ о главнѣйшей гарантіи внѣшней безопасности Франціи, и радикальный министръ иностранныхъ дѣлъ, Леонъ Буржуа, не встрѣтилъ серьезныхъ протестовъ въ палатѣ, когда отозвался по этому поводу въ восторженномъ тонѣ о могущественныхъ оффиціальныхъ союзникахъ французской республики.

Почему французскіе правительственные радикалы и даже соціалисты допускаютъ такую близость съ оффиціальной Россіей, истинный характеръ которой имъ хорошо извѣстенъ? Какъ могутъ они сохранять интимныя политическія связи съ правительствомъ, противъ котораго самоотверженно борется вся прогрессивная часть русскаго общества? Безполезно было бы говорить о безпринципности французскихъ республиканцевъ, о равнодушіи ихъ къ чужимъ народнымъ бѣдствіямъ и стремленіямъ, о мелочной буржуазной разсчетливости, побуждающей ихъ забывать иногда о высшихъ идеалахъ и о „благѣ человѣчества". Французы не могутъ теперь отречься отъ Россіи по одной весьма вѣской причинѣ: огромное количество обывателей обладаетъ русскими фондами и очень дорожитъ поддержаніемъ ихъ цѣнности и доходности; отрицать политическій авторитетъ русскаго правительства въ томъ видѣ, какъ оно теперь существуетъ, значило бы подрывать и финансовый его кредитъ, который для иностранцевъ совпадаетъ съ финансовымъ кредитомъ русскаго государства; а паденіе русскаго кредита могло бы сразу уничтожить массу французскихъ сбереженій и капиталовъ, помѣщенныхъ въ русскія процентныя бумаги. Такихъ бумагъ находится во Франціи на сумму около семи или болѣе милліардовъ франковъ, и еслибы какой-нибудь министръ вздумалъ игнорировать интересы многочисленныхъ владѣльцевъ этихъ цѣнностей, то онъ доказалъ бы этимъ только свое непростительное легкомысліе и сдѣлалъ бы себя невозможнымъ въ качествѣ члена правительства: фран-

цузская публика неумолима, когда дѣло идетъ объ ея денежныхъ интересахъ.

Мароккская конференція дала нашей дипломатіи случай помочь французамъ въ крайне трудномъ и щекотливомъ спорѣ съ Германіею; эта услуга, вызвавшая противъ насъ неудовольствіе берлинскаго кабинета, оживила во Франціи идею франко-русскаго союза и подготовила почву для крупнаго займа, о которомъ давно уже велись переговоры въ разныхъ мѣстахъ. Съ другой стороны, успѣхъ этого займа нуженъ былъ и для французовъ, такъ какъ имъ обезпечивалось погашеніе краткосрочныхъ обязательствъ нашего государственнаго казначейства, реализованныхъ на довольно значительную сумму во Франціи, и притомъ удовлетвореніе денежной потребности русскаго правительства предупреждало для него острый финансовый кризисъ, который могъ бы пагубно отразиться на курсѣ русской ренты; этотъ же русскій заемъ долженъ былъ служить для покрытія другихъ срочныхъ уплатъ иностраннымъ кредиторамъ и вообще предназначался преимущественно для заграничнаго денежнаго рынка, которому шли на пользу и разорительныя для насъ условія этого займа. Чѣмъ тяжелѣе были обязательства, вытекавшія изъ этой кредитной операціи для должника, тѣмъ крупнѣе были выгоды для пріобрѣтателей-кредиторовъ; а имѣло ли правительство нравственное право, до созыва народнаго представительнаго собранія, заключать такой колоссальный заемъ (на два съ половиною милліарда франковъ) и на столь тягостныхъ условіяхъ, съ переплатою неслыханныхъ суммъ банкирамъ и биржевымъ спекулянтамъ,—это вопросъ, который мало интересовалъ иностранцевъ и не имѣлъ для нихъ практическаго значенія, ибо даже при полной перемѣнѣ государственнаго строя не устраняется обязательность заключенныхъ уже заемныхъ обязательствъ для государства. Такимъ образомъ, заграничные владѣльцы нашихъ процентныхъ бумагъ по необходимости, ради своихъ же интересовъ, поощряютъ дальнѣйшія финансовыя комбинаціи для пополненія недочетовъ русской казны, и наша властвующая бюрократія всегда можетъ въ крайнемъ случаѣ разсчитывать на услужливость иностранныхъ кредиторовъ, которые въ свою очередь сильно заинтересованы въ искусственномъ поддержаніи политическаго и финансоваго кредита оффиціальной Россіи. Французы, хлопотавшіе о русскомъ займѣ, дѣйствовали не какъ республиканцы или реакціонеры, не какъ безпринципные аферисты, а какъ представители многочисленныхъ классовъ французскаго общества, имѣющихъ непосредственный реальный интересъ во внѣшнемъ благополучіи русскихъ финансовъ; отвѣтственность же за условія и размѣры займа, за его ростовщическій характеръ, за своевременность или поспѣшность его заключенія, падаетъ всецѣло на нашихъ отечественныхъ

устроителей, стремившихся во что бы то ни стало, при помощи занятыхъ денегъ, поднять свой престижъ передъ первымъ русскимъ парламентомъ. Въ этомъ отношеніи нельзя серьезно обвинять въ чемъ-либо французскихъ или иныхъ заграничныхъ государственныхъ людей, такъ какъ въ ихъ компетенцію не могъ входить надзоръ за внутренними дѣлами и финансовыми предпріятіями чужого правительства...

Волненія и забастовки рабочихъ въ различныхъ мѣстностяхъ Франціи ставятъ въ крайне трудное положеніе такихъ убѣжденныхъ демократовъ, какъ нынѣшніе республиканскіе министры. Въ качествѣ представителей свободнаго самоуправляющагося государства, французскіе администраторы не имѣютъ ни права, ни возможности смотрѣть на волнующихся рабочихъ, какъ на враговъ, относительно которыхъ допустимы насильственныя или военныя дѣйствія; напротивъ, они обязаны внимательно прислушиваться къ требованіямъ и домогательствамъ трудящихся массъ, ограничиваясь лишь необходимыми мѣрами для огражденія внѣшняго уличнаго порядка и общественной безопасности. Поводы къ неудовольствію и раздраженію рабочихъ всегда существуютъ; матеріалъ для этого постоянно доставляется фактическими условіями и обстановкою наемнаго труда; но по временамъ происходятъ вспышки, разгорающіяся до степени пожара и затѣмъ опять потухающія. Недавняя катастрофа въ каменноугольныхъ копяхъ Куррьера произвела впечатлѣніе какого-то стихійнаго бѣдствія; больше тысячи человѣкъ остались въ глубинѣ шахтъ и погибли подъ вліяніемъ внезапно распространившихся зловредныхъ газовъ; другіе спускались потомъ для поисковъ и также не возвращались обратно; нѣкоторые изъ заживо погребенныхъ спаслись какимъ-то чудомъ и были вытащены изъ подъ-земли въ полу-безсознательномъ состояніи; трупы рабочихъ постепенно поднимаются наверхъ, такъ что въ двадцатыхъ числахъ апрѣля (нов. ст.) было поднято уже 424 тѣла, а оставалось еще въ шахтахъ 676. Германское правительство прислало отрядъ своихъ рудокоповъ-санитаровъ, которые оказали большую помощь своимъ французскимъ товарищамъ; нѣмецкій союзъ каменноугольныхъ рабочихъ организовалъ въ Германіи подписку въ пользу спасшихся жертвъ куррьерской катастрофы и собралъ для нихъ болѣе двухсотъ тысячъ марокъ, которыя и были переданы французскому правительству. Международная солидарность въ дѣлахъ простого человѣколюбія сказалась тутъ во всемъ блескѣ; нѣмцы искренно пришли спасать пострадавшихъ французовъ, въ то время какъ еще не затихли отголоски взаимной непріязни, умышленно возбужденной изъ-за раздутаго марокскаго спора. Но рабочіе ближайшихъ и отдаленныхъ

каменноугольныхъ районовъ не могли успокоиться при мысли, что имъ всегда можетъ угрожать несчастіе, подобное случившемуся въ Куррьерѣ, и что въ сущности они не просто работаютъ въ шахтахъ, а ежедневно и ежечасно рискуютъ своею жизнью; отсюда легко было сдѣлать выводъ, что кромѣ справедливой платы за тяжелый подземный трудъ они должны еще получать вознагражденіе за рискъ, связанный съ ихъ работою. Рудокопы повысили цѣну своей работы на десять или двадцать процентовъ; они стали предъявлять соотвѣтственныя требованія своимъ хозяевамъ, которые однако, не обнаружили готовности идти имъ на встрѣчу; на этой почвѣ возникла и разрослась стачка каменноугольныхъ рабочихъ въ сѣверныхъ округахъ Франціи. Руководство движеніемъ взяли на себя мѣстные синдикаты рабочихъ, во главѣ которыхъ стоятъ извѣстные защитники рабочаго класса, старые и опытные дѣятели, или напротивъ, новые искатели популярности; рядомъ съ умѣреннымъ синдикатомъ прежняго типа дѣйствуетъ новый, болѣе крайній, и ихъ соперничество выражается въ разныхъ афишахъ и манифестахъ, предлагающихъ рабочимъ держаться твердо, но спокойно, въ предѣлахъ законности, или наоборотъ, показать владѣльцамъ свою силу, не опасаясь вмѣшательства полиціи или войска.

Знаменитый Клемансо̀, очутившись въ положеніи министра внутреннихъ дѣлъ, поступаетъ такъ, какъ нигдѣ въ мірѣ не дѣлаютъ министры внутреннихъ дѣлъ: онъ ѣздитъ въ наиболѣе безпокойные пункты, лично выслушиваетъ рабочихъ, посѣщаетъ ихъ жилища, побуждаетъ ихъ точно формулировать свои желанія и затѣмъ обращается къ управляющимъ каменноугольныхъ кампаній; тѣмъ и другимъ онъ совѣтуетъ искать полюбовнаго соглашенія; протестующихъ и раздраженныхъ рабочихъ онъ старается успокоить добрымъ словомъ; иногда онъ попадаетъ въ толпу, которая съ красными флагами и съ воинственными возгласами провожаетъ его, въ видѣ шумной свиты, отчасти даже рискованной для министра внутреннихъ дѣлъ. Клемансо̀ отнесся съ недовѣріемъ къ руководителямъ старыхъ рабочихъ синдикатовъ, приписывая имъ отвѣтственность за организацію стачки и за ея упорство; между тѣмъ эти именно дѣятели, вродѣ депутата Бали, настаиваютъ на соблюденіи порядка и спокойствія и оказываютъ вообще умиротворяющее вліяніе на рабочихъ. Обвиняя министра въ томъ, что онъ будто бы обнаружилъ больше вниманія къ крайнимъ, чѣмъ къ умѣреннымъ элементамъ, газета „Temps“ ставитъ ему въ упрекъ ненужное личное вмѣшательство, поощряющее только смуту и безпорядки; во многихъ мѣстахъ рабочіе, увѣрившись въ полной безнаказанности, прибѣгли къ насиліямъ противъ тѣхъ, которые не хотѣли присоединиться къ стачкѣ; случаи ограбленія магазиновъ, лавокъ и частныхъ квартиръ повторялись все чаще, и правительство вынуждено было двинуть противъ ра-

бочихъ значительные военные отряды. Но, согласно инструкціямъ Клемансо, войска повсюду должны внушать уваженіе однимъ своимъ присутствіемъ и не могутъ употреблять оружіе даже при нападеніи толпы; вслѣдствіе этого получается совершенно исключительная картина: военные отряды подвергаются бомбардировкѣ камнями и кирпичами, но сами только изрѣдка грозятъ шашками, и потому раненые и даже убитые бывали только между военными. Въ массѣ рабочихъ просыпается какъ будто старинное, унаслѣдованное отъ прежнихъ режимовъ, враждебное чувство къ полицейской или военной силѣ, выступающей противъ гражданъ отъ имени государства; но роли теперь измѣнились,—армія перестала служить орудіемъ враждебныхъ народу интересовъ и не оправдываетъ уже прежняго недовѣрія или озлобленія обывателей; она не стрѣляетъ въ толпу даже тогда, когда сама выдерживаетъ обидныя и несправедливыя аттаки, которыя во всей странѣ вызываютъ горячее сочувствіе къ самоотверженнымъ солдатамъ и офицерамъ. Конечно, лучше было бы вовсе не ставить людей въ такое тяжелое положеніе, особенно когда нѣтъ возможности каждое посягательство частныхъ лицъ преслѣдовать предъ судомъ. Сами рабочіе сознаютъ, что нападать на военные отряды при подобныхъ условіяхъ недостойно свободныхъ гражданъ; они невольно проникаются уваженіемъ къ рыцарскому поведенію войскъ, и злобные инстинкты мало-по-малу уступаютъ мѣсто болѣе человѣчнымъ порывамъ и желаніямъ. Совершенно иное произошло бы, еслибы къ нѣсколькимъ пострадавшимъ солдатамъ и офицерамъ прибавились десятки или сотни жертвъ изъ среды рабочаго населенія, ради поддержанія военной чести или достоинства военнаго мундира.

Рабочее движеніе вскорѣ перешло отъ каменноугольныхъ копей къ металлургическимъ предпріятіямъ и постепенно охватило самыя разнородныя отрасли промышленнаго производства; обычнымъ лозунгомъ было установленіе восьмичасового рабочаго дня и повышеніе заработной платы. Эти требованія связывались также съ празднованіемъ 1-го мая, когда предполагались многочисленныя и шумныя демонстраціи для внушенія спасительнаго страха капиталистамъ и хозяевамъ. Но французская буржуазія стойко и прямолинейно оберегаетъ свои права и интересы; она не расположена къ постепенной и благоразумной уступчивости, и въ этомъ отношеніи она существенно отличается отъ англійскаго промышленнаго класса, съ его традиціями компромисса и соглашенія. Во Франціи не видно средняго пути между непреклонными и узкими взглядами хозяевъ-капиталистовъ и столь же односторонними стремленіями и идеями рабочихъ; оттого при всякомъ рабочемъ или промышленномъ кризисѣ высказываются два діаметрально противоположныя направленія — откровенно-буржуазное и

откровенно-соціалистическое. Публицисты и ораторы перваго оттѣнка не понимають и не могутъ себѣ представить другого порядка вещей, кромѣ промышленно-капиталистическаго; дѣятели и теоретики второго типа не допускаютъ другихъ способовъ разрѣшенія соціальной проблемы, кромѣ полнаго упраздненія капитализма. Такъ и теперь: умѣренныя газеты удивляются широкимъ притязаніямъ рабочихъ синдикатовъ и ихъ вождей, и ядовито высмѣиваютъ ихъ утопіи; а Жоресъ въ своей „Humanité“ дразнитъ буржуазную публику разсужденіями о томъ, что существуетъ одно только могучее средство избавиться отъ всѣхъ соціальныхъ золъ,—это именно отмѣна всякой вообще частной собственности. Среди этихъ непримиримыхъ противорѣчій рабочій вопросъ въ его практической постановкѣ крайне туго подвигается впередъ, несмотря на безраздѣльное господство свободныхъ политическихъ учрежденій.

Въ Австріи министръ-президентъ Гаучъ не могъ справиться съ реформаторскимъ движеніемъ, которому онъ далъ такой сильный толчокъ своимъ проектомъ всеобщаго избирательнаго права. Антагонизмъ между нѣмцами и славянами, между поляками и другими народностями, не позволяетъ выработать и установить извѣстные общіе принципы, а требуетъ цѣлаго ряда частичныхъ соглашеній, сложныхъ комбинацій и компромиссовъ, которыхъ трудно достигнуть при обыкновенномъ ходѣ вещей. Баронъ Гаучъ поочередно оттолкнулъ отъ себя и австрійскихъ нѣмцевъ, и чеховъ, и поляковъ; послѣдніе съ наибольшею энергіею возставали противъ широкой избирательной реформы, и министръ потерялъ всякую надежду на скорое осуществленіе своего плана. Баронъ Гаучъ уступилъ мѣсто князю Гогенлоэ-Шиллингсфюрсту.

Въ Венгріи удалось, наконецъ, устроить временное соглашеніе между короною и соединенною оппозиціею; баронъ Фейервари исполнилъ свою миссію и могъ съ спокойною совѣстью удалиться на покой. Образовалось самое блестящее и значительное по составу министерство, какое только можно было придумать при данныхъ условіяхъ: въ него вошли всѣ главные вожди коалиціи — Францъ Кошутъ, графъ Альбертъ Аппоньи, графъ Юлій Андраши и графъ Аладаръ Зичи. Главою кабинета является Александръ Векерле, бывшій уже нѣкогда премьеромъ и успѣвшій въ свое время провести законъ о гражданскомъ бракѣ. Графъ Андраши занялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ; графъ Альбертъ Аппоньи получилъ портфель народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ; Францъ Кошутъ, глава партіи національной независимости, довольствуется скромнымъ положеніемъ министра торговли; Геза Полоньи назначенъ министромъ юстиціи; вождь клерика-

ловъ, графъ Аладаръ Зичи,—министромъ королевскаго двора въ Вѣнѣ; Игнатій Дараньи—министромъ земледѣлія; генералъ Павай де-Вайна—министромъ народной обороны, и д-ръ Раухъ—министромъ Хорватіи. Новое министерство, которое по общему своему характеру можетъ быть названо національнымъ, включаетъ въ свою програму осуществленіе принципа всеобщаго избирательнаго права и устройство прочныхъ экономическихъ и торговыхъ соглашеній съ Австріею. Новые парламентскіе выборы, происходившіе съ 28-го апрѣля по 8-ое мая (нов. ст.), какъ и слѣдовало ожидать, доставили громадное большинство національной партіи Кошута и его союзниковъ.

Очень немногіе обратили у насъ вниманіе на крупную политическую перемѣну, совершившуюся въ послѣднее время въ Черногоріи: князь Николай Черногорскій, котораго императоръ Александръ III когда-то назвалъ „единственнымъ другомъ" Россіи, даровалъ своему народу конституцію и торжественно отрекся за себя и за своихъ наслѣдниковъ отъ исконныхъ правъ самодержавія. Еще въ октябрѣ прошлаго года, почти одновременно съ манифестомъ 17-го октября, онъ обратился къ своимъ „дорогимъ черногорцамъ" съ воззваніемъ, въ которомъ просто и ясно изложилъ свое намѣреніе измѣнить устарѣлый строй государства. „Всякій человѣкъ, принадлежащій къ культурному обществу, — говорится въ этомъ воззваніи, — долженъ быть въ то же время свободнымъ гражданиномъ". Въ началѣ декабря того же года князь Николай прочелъ свою тронную рѣчь въ первомъ выборномъ представительномъ собраніи Черногоріи. Эта рѣчь заключаетъ въ себѣ обстоятельный и очень интересный обзоръ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній страны въ прошедшемъ и настоящемъ.

„Форма правленія въ нашемъ государствѣ была до сихъ поръ самодержавная,—заявляетъ князь Николай въ своемъ обращеніи къ депутатамъ,—но ни мои славные предки, ни я, никогда не считали себя, подобно нѣкоторымъ другимъ самодержцамъ, безотвѣтственными, и мы не предполагали, что наша воля составляетъ единственный законъ страны. Мы не смотрѣли на это государство, какъ на наше помѣстье, но мы заботливо завѣдывали его дѣлами и остерегались давать поводъ къ несогласіямъ, которыя могли бы отдѣлить насъ отъ черногорцевъ. Нѣтъ, мы не были деспотами, а скорѣе были мучениками за благо народа. Примѣняя свою верховную власть, мы сами ограничивали ее и всегда признавали себя отвѣтственными не только передъ Богомъ, но и передъ націею. Доказательствомъ этого служатъ многочисленныя сходки, замѣчательныя скупштины и собранія, которыя мои предки и я созывали для совмѣстнаго съ нами обсужденія общихъ вопросовъ, так-

какъ у насъ всегда исключалась мысль объ устраненіи нашей отвѣтственности; довѣріе, которое намъ всегда оказывалъ черногорскій народъ, подтверждаетъ, что наша власть никогда не была самовластіемъ, а представляла собою прямое уполномочіе или делегацію народной воли. Безъ этой народной воли, безъ этого безусловнаго довѣрія народа къ своимъ государямъ нельзя было бы основать ничего прочнаго... Исходя теперь изъ убѣжденія, что время самодержавія уже прошло для Черногоріи, и имѣя въ виду духъ современной эпохи, я рѣшилъ дать странѣ новую форму правленія, благодаря которой мой народъ займетъ мѣсто въ первомъ ряду образованныхъ націй и будетъ быстро идти впередъ по пути развитія и совершенствованія. Это осуществится путемъ призыва выборныхъ людей, которые своими совѣтами и содѣйствіемъ будутъ участвовать вмѣстѣ со мною въ обновленіи родины. Я установляю и опредѣляю это содѣйствіе основнымъ закономъ; этотъ законъ есть конституція. Вотъ даръ, который я обѣщалъ своему дорогому народу... Конституція—пусть всѣ это знаютъ—не была дѣломъ одного дня, случайнымъ результатомъ новѣйшихъ обстоятельствъ; она была плодомъ моего личнаго убѣжденія, предметомъ моихъ давнишнихъ желаній, отчасти либеральнымъ наслѣдіемъ моихъ предковъ, которые сильнѣе кого бы то ни было дорожили политическою свободою. Я горячо желаю направить мой народъ на путь дѣйствительной конституціи и научить моего сына, какъ онъ долженъ идти рука объ руку съ народомъ по пути прогресса, гдѣ встрѣчаются всѣ передовые народы. Съ этого дня наше государство становится конституціонною монархіею"... Если явятся противники законности и прогрессивнаго развитія страны, то князь Николай обѣщаетъ въ этомъ случаѣ, вмѣстѣ съ лучшими элементами націи, „возстать на защиту конституціи и охранять благо народа всѣми силами". Ближайшей скупштинѣ предстоитъ разсмотрѣть внутренній уставъ собранія, избирательный законъ и законъ объ отвѣтственности министровъ; сверхъ того, народу дана свобода печати, такъ какъ „печать есть длительное отраженіе человѣческаго слова, а слово имѣетъ цѣну только когда оно свободно и искренне; печать есть органъ мысли, при ея помощи мысль сообщается и распространяется, и какъ мысль, печать должна быть независима и свободна". Представивъ затѣмъ подробный отчетъ о внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ страны, князь Николай въ заключеніе говоритъ депутатамъ: „Я и народъ, мы обязываемся взаимно соблюдать эту конституцію. Безъ всякихъ колебаній я отказался отъ традицій самодержавія, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго... Будемъ идти въ согласіи по новой дорогѣ и съ конституціею въ рукахъ направимся къ осуществленію нашихъ національныхъ идеаловъ. И въ под-

твержденіе я приношу предъ собраніемъ народа настоящую присягу на вѣрность конституціи".

Въ этихъ торжественныхъ заявленіяхъ личность князя Николая Черногорскаго обрисовывается съ самой выгодной и симпатичной стороны: въ его словахъ нѣтъ ничего недосказаннаго, неяснаго или двусмысленнаго; здѣсь чувствуется сознательное отношеніе къ обязанностямъ правителя, слышится искренній, сердечный тонъ, проявляется прямодушіе, стремленіе договорить всякую мысль до конца и поставить точку на і; не видно здѣсь внутренняго разлада между личными желаніями и склонностями съ одной стороны, и интересами и пользами государства—съ другой. Князь Николай ввелъ конституцію не подъ вліяніемъ какихъ-нибудь тяжелыхъ внѣшнихъ ударовъ и событій и не подъ давленіемъ постороннихъ или случайныхъ обстоятельствъ, а по свободному внутреннему убѣжденію, для блага родины, безъ преувеличенной заботы о своихъ личныхъ правахъ и удобствахъ, безъ напрасныхъ опасеній и колебаній, въ силу яснаго пониманія необходимыхъ основъ разумнаго государственнаго управленія. Съ этой точки зрѣнія авторъ статьи, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ „Revue Slave",—откуда мы заимствуемъ приведенныя выше указанія,—г. Владиміръ Племенинъ, справедливо называетъ нынѣшняго черногорскаго князя однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ славянскихъ государей.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

James Huneker. Iconoclasts. A book of dramatists. Стр. 430. London, 1906 (T. Werner, Lauric edit).

Джэмсъ Гунекеръ — американскій критикъ, авторъ интересныхъ очерковъ о современномъ театрѣ и о музыкѣ. Въ нихъ проявляется, главнымъ образомъ, интересъ къ идейному содержанію искусства. Формальная сторона, какъ въ драматическомъ творчествѣ современниковъ, такъ и въ музыкѣ самыхъ своеобразныхъ новыхъ мастеровъ, отходитъ у Гунекера на второй планъ. Это не критика спеціалиста, занятаго анализомъ и оцѣнкой „техники", т.-е. того, что почти исключительно занимаетъ профессіональную драматическую критику въ западной Европѣ. Спеціализація театральной критики особенно замѣтна въ отзывахъ европейскихъ литературныхъ судей о драмѣ, нарушающей общепризнанныя нормы и правила сценическаго искусства. Стоитъ европейскому театральному критику прочесть или увидѣть на сценѣ, напр., пьесу Чехова, чтобы сейчасъ же принять наставническій тонъ и повторять азбучныя истины о необходимости движенія на сценѣ, о томъ, что драматическій узелъ долженъ быть вполнѣ ясный и опредѣленный и т. д. Европейскіе критики — въ особенности авторитетные, т.-е. пишущіе въ авторитетныхъ газетахъ и журналахъ — спеціалисты своего дѣла и не терпятъ отступленій отъ правилъ, не признаютъ свободу творчества, органическую связь между новизной внутренняго замысла и столь же независимыми техническими пріемами. „Это не драмы", говорятъ они о пьесахъ Чехова и Горькаго, вмѣсто того, чтобы сказать: „Это драмы непривычнаго для насъ типа". Такъ изрекаютъ приговоры „спеціалисты" и въ Германіи, и во Франціи, и въ Англіи.

Пріятно поэтому встрѣтиться съ критикой иного рода, представленной книгой амерканца Гунекера, „Иконоборцы" (Iconoclasts). Оговоримся сейчасъ же: во всѣхъ европейскихъ странахъ есть критики съ широкимъ кругозоромъ, не связанные рутиной и предвзятыми техническими правилами, критики, сужденія которыхъ отражаютъ продуманное философское міросозерцаніе. Но мы говоримъ не объ отдѣльныхъ писателяхъ, а о типичной профессіональной критикѣ, рѣшающей судьбы драматическаго произведенія, опредѣляющей его успѣхъ или

неудачу у публики. Она почти вся во власти рутинныхъ предразсудковъ.

Джэмсъ Гунекеръ—тоже профессіональный критикъ. Онъ въ теченіе многихъ лѣтъ состоялъ и, кажется, состоитъ и теперь музыкальнымъ и драматическимъ критикомъ нью-іоркскихъ газетъ и журналовъ. Кромѣ того, онъ музыкантъ, учился во Франціи и въ Германіи и стоялъ одно время во главѣ музыкальной школы у себя на родинѣ. И все-таки въ книгѣ его не чувствуется узкій спеціалистъ. Напротивъ того, та или другая форма художественнаго творчества—музыкальное или драматическое произведеніе—важна для него главнымъ образомъ какъ выраженіе духовныхъ исканій, связанныхъ съ идейной жизнью даннаго времени, или съ обособленной индивидуальностью художника, будь то писатель, музыкантъ или живописецъ. Свое техническое пониманіе музыки и свое прекрасное знаніе европейской драмы Гунекеръ примѣняетъ къ выясненію именно внутренней стороны искусства, того, „съ чѣмъ пришли" и „что̀ дали" художники въ смыслѣ идейнаго прогресса. Интересна въ этомъ отношеніи книга Гунекера, вышедшая въ прошломъ году, „Overtones". Она составлена преимущественно изъ очерковъ, посвященныхъ композиторамъ и отдѣльнымъ музыкальнымъ произведеніямъ. Но вовсе не нужно быть музыкантомъ, чтобы прочесть съ интересомъ то, что̀ онъ пишетъ о Рихардѣ Штраусѣ, современномъ ницшеанцѣ въ музыкѣ, о „Парсифалѣ" Вагнера и т. д. Задача Гунекера заключается въ томъ, чтобы объединить исканія художниковъ и мыслителей данной эпохи, показать, что всѣ они, идя разными путями, выражаютъ тѣ же духовныя стремленія и созидаютъ вмѣстѣ идейный храмъ своего времени. Такъ, говоря о Рихардѣ Штраусѣ, — онъ намѣчаетъ его отношеніе къ литературѣ новѣйшаго времени, указываетъ на вліяніе, которое оказалъ на него Достоевскій, и главнымъ образомъ приводитъ его музыку въ связь съ философіей Ницще. Гунекеръ доказываетъ, что всѣ оркестровыя произведенія Штрауса проникнуты идеями Ницше, выражаютъ самоутвержденіе и волю къ власти сильнаго человѣка — или сверхъ-человѣка. Штраусъ, по словамъ Гунекера, пишетъ для гордыхъ душъ, которыя не хотятъ „опроститься", слѣдуя ученію Толстого. Штраусъ—въ болѣе тѣсномъ общеніи съ Ибсеновскимъ Брандомъ, нежели съ Левинымъ Толстого; онъ—лирическій философъ того же типа, какъ Ницше. Всѣ музыкальныя характеристики Гунекера—въ такомъ же родѣ, и по приведенному образцу можно видѣть, что онъ является до нѣкоторой степени посредникомъ и между музыкой, самой обособленной областью искусства, и литературой, т.-е. наиболѣе полнымъ отраженіемъ идейнаго міра.

Новая книга Гунекера, „Иконоборцы", состоитъ изъ очерковъ о наиболѣе крупныхъ европейскихъ драматургахъ нашего времени. Уже

перечень авторовъ, о которыхъ говоритъ Гунекеръ, а затѣмъ и тѣ вопросы, которые онъ обсуждаетъ въ связи съ ихъ творчествомъ, заставляютъ читателя снова отмѣтить фактъ, который всегда бросается въ глаза при изученіи современной литературы. Мы переживаемъ періодъ новаго расцвѣта драмы. Мысли, вдохновляющія художественное творчество нашего времени, высказываются преимущественно драматургами. Правду сильнаго и свободнаго человѣка провозгласилъ Ибсенъ; прозрѣнія души, обращенной къ внутреннимъ переживаніямъ, открылъ Метерлинкъ въ своихъ безплотныхъ, но столь полныхъ истинной жизни драмахъ; оргіазмъ язычески-свободныхъ страстей воспѣлъ въ своихъ красочныхъ трагедіяхъ пламенный эстетъ д'Аннунціо. И все другое по срединѣ этого круга воплотили въ пластичныхъ сценическихъ образахъ Гауптманъ, постигшій и муки „одинокихъ людей", и наивную, при всей своей сложности, душу толпы, французы съ ихъ разработкой болѣзненныхъ соціальныхъ вопросовъ, новые русскіе драматурги съ ихъ прозрѣніемъ той глубокой искренности, которую культурная Европа уже почти не можетъ понять. Всѣ эти струны современности, всѣ эти откровенія и побѣды современнаго ищущаго духа отразились главнымъ образомъ въ драмѣ. Отвлеченная философія нашего времени наиболѣе тѣсно сплелась съ драмой,— быть можетъ, потому, что это—самая яркая форма воздѣйствія на умы. Передъ силой современной драмы блѣднѣютъ другія формы художественнаго творчества, — въ особенности романъ, такъ сильно упавшій въ западной Европѣ.

Наиболѣе интересны въ книгѣ Гунекера очерки о скандинавской драмѣ въ лицѣ ея двухъ крупнѣйшихъ представителей, Ибсена и Стриндберга. Взглядъ Гунекера на Ибсена очень широкій. Онъ разсматриваетъ его главнымъ образомъ какъ носителя философіи, проникающей все идейное творчество современности, т.-е. какъ индивидуалиста, выдвигающаго на первый планъ проблему воли. Гунекеръ подходитъ къ пониманію Ибсена самымъ вѣрнымъ путемъ, когда ставитъ въ немъ идейнаго борца выше художника. „Ибсенъ любитъ истину больше, чѣмъ красоту",—говоритъ онъ, и изъ этого положенія выводитъ дальнѣйшую характеристику Ибсена какъ автора „драмъ духа", т.-е. какъ изобразителя борьбы человѣка съ жизнью во имя самоутвержденія личности. Жизнь для Ибсена опредѣляется не нуждами и требованіями общества, какъ цѣлаго, а противодѣйствіемъ индивидуальныхъ мотивовъ интересамъ большинства. По словамъ Барреса, единственный діалогъ для стоящаго на высотѣ духа—это діалогъ между двумя „я": тѣмъ, которое есть въ настоящую минуту, и тѣмъ, къ проявленію котораго мы стремимся. Всѣ проблемы Ибсена опредѣляются этимъ. Такъ какъ въ центрѣ его драмъ стоитъ само-

опредѣляющаяся воля, то для него важнѣе наростаніе духа, чѣмъ стояніе на какомъ бы то ни было, хотя бы самомъ возвышенномъ пунктѣ. Онъ вѣритъ въ волю какъ разрѣшеніе всѣхъ жизненныхъ задачъ, доказываетъ, что еслибы человѣчество сознательно мыслило, оно бы создало новый міръ. Носителями этого „евангелія воли" Ибсенъ изображаетъ не свѣтлыхъ идеальныхъ героевъ съ образцовыми качествами души, а борцовъ, отстаивающихъ пядь за пядью свои права на свою истину—прежде всего истину, наперекоръ всему, всѣмъ требованіямъ и условіямъ благополучія на землѣ. И въ это евангеліе воли и истины входитъ у Ибсена еще одно очень существенное положеніе: то, что всякій долженъ самъ создать свой нравственный міръ, своей волей достичь своей истины, которая не можетъ быть преподана никому никѣмъ. „Учителя истины", идущіе къ людямъ съ цѣлью ихъ исправлять, кажутся Ибсену смѣшными и наивными:—въ лицѣ Грегора Верле въ „Дикой Уткѣ" онъ безпощадно высмѣялъ ихъ и ихъ задачи.

Опредѣливъ такимъ образомъ философскую основу всего творчества Ибсена—опредѣленіе несомнѣнно вѣрное и выясняющее идейное значеніе норвежскаго драматурга—Гунекеръ ставитъ вопросъ, занимавшій всѣхъ критиковъ Ибсена: пессимистъ ли онъ, слѣдуетъ ли признать въ его творчествѣ прежде всего разрушающую, разъѣдающую силу? И этотъ вопросъ Гунекеръ разрѣшилъ съ чуткимъ пониманіемъ задачъ современности: онъ видитъ въ Ибсенѣ мятежнаго разрушителя устоевъ, анархиста, бичующаго всѣ предразсудки и условности общественнаго устройства, смѣлаго психолога, открывающаго бездны нравственнаго паденія на глубинѣ мнимыхъ добродѣтелей общественной порядочности,—„иконоборца" въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Но двигающей силой этого иконоборства онъ считаетъ не пессимизмъ, не отчаяніе въ человѣческой природѣ, а напротивъ того, глубокую вѣру въ созидающую творческую силу человѣческой воли—когда она становится орудіемъ просвѣтленнаго жаждой истины духа. Ибсенъ, обличитель „столповъ общества", безпощадный къ тому же и по отношенію къ слабосильнымъ „учителямъ правды", каковъ и Грегоръ Верле, и докторъ Штокманъ, къ мечущимся среди безвольныхъ хотѣній натурамъ вродѣ Гедды Габлеръ,—этотъ Ибсенъ, по твердому и ясно, убѣдительно мотивированному убѣжденію критика—идеалистъ: „Онъ пророкъ и ясновидящій,—говоритъ Гунекеръ,—а не узко партійный соціалистъ, обличающій существующій общественный строй. Кругозоръ Ибсена обнимаетъ и все мелкое зло жизни, но онъ проникаетъ въ глубину человѣческой души и медленно, но твердо поднимается на высоты, съ которыхъ видно его „третье царство". Подобно Моисею, однако, онъ не достигаетъ самъ обѣтованной страны—царства истины,

открывающейся свѣтлой волѣ человѣка,—куда ведетъ его творчество. Въ этомъ смыслѣ, какъ „ясновидящій пророкъ, указатель путей", Ибсенъ идетъ во главѣ современнаго идеализма, связаннаго съ развитіемъ проблемы воли, съ индивидуализмомъ, опредѣляющимъ пути и цѣли современной философіи. Американскій толкователь Ибсена устанавливаетъ также тѣсную связь между идеализмомъ Ибсена—понимаемымъ именно какъ путь къ безграничнымъ откровеніямъ духа и подвигамъ просвѣтленной свободной воли—и его реализмомъ. Ибсенъ—мощный реалистъ, изображающій дѣйствительность во всей ея оголенности: иногда она ужасаетъ у него своей плоскостью и уродствомъ, иногда поражаетъ своей неотразимой чистотой, силой простыхъ искреннихъ переживаній. Но въ этомъ возсозданіи реальной дѣйствительности Ибсенъ и является, по толкованію Гунекера, наибольшимъ идеалистомъ. Отрицая всѣ условныя цѣнности и критеріи переживаній, Ибсенъ доказываетъ, что сама дѣйствительность—созданіе творческой воли—какъ бы произведеніе искусства,—такъ что каждый создаетъ міръ для себя. Счастье поэтому—самый путь достиженія, а не результатъ стремленій, не цѣль переживаній. Цѣня Ибсена главнымъ образомъ какъ одного изъ созидателей современнаго идейнаго міра, Гунекеръ объясняетъ и его значеніе какъ художника, для котораго всѣ событія, всѣ зрѣлища жизни—живые образы, одухотворенные символическимъ значеніемъ формъ. Гунекеръ говоритъ о красотѣ образовъ Ибсена, о красочности и сосредоточенности его символическаго языка, о широтѣ его поэтическаго вдохновенія, и такимъ образомъ показываетъ, что хотя для Ибсена истина идетъ впереди красоты — все же для отраженія своихъ замысловъ онъ создалъ образы, обаятельные прежде всего своей поэзіей, своей сдержанно-сосредоточенной силой жизни. Разборъ отдѣльныхъ драмъ въ книгѣ Гунекера подтверждаетъ общую характеристику Ибсена на примѣрахъ Ибсеновскихъ героевъ и героинь—борцовъ за свое пониманіе истины, строителей, поднимающихся на высоты и при паденіи съ вершины торжествующихъ побѣду своихъ стремленій, порывовъ, безконечныхъ усилій духа. Герои, какъ образцы гармоничнаго развитія силъ, какъ цвѣтъ человѣчества, какъ тѣ, чьи свѣтлые подвиги, чья красота выражаетъ достигнутый идеалъ человѣчества, эти герои классическаго искусства уже не кажутся намъ носителями нашихъ желаній, нашихъ требованій отъ жизни. Намъ ближе Ибсеновскіе борцы съ ихъ неосуществимой жаждой, съ ихъ неизсякаемыми порывами.

Переходя къ другому сѣверному драматургу, къ шведу Августу Стриндбергу, Гунекеръ сталкивается съ другими проявленіями мятежныхъ современныхъ исканій. Онъ тоже очень чутко опредѣляетъ связь безудержной, иногда болѣзненно-возбужденной фантазіи Стриндберга

съ культомъ свободной и властной личности въ современной философіи и въ современномъ искусствѣ. Стриндбергъ прежде всего дѣйствуетъ силой своего таланта. Цѣня художественное и философское значеніе его произведеній или возставая противъ него, всѣ чувствуютъ въ немъ личность, подавляющую своей творческой самобытностью— въ искусствѣ и въ жизни. Гунекеръ приводитъ любопытный въ этомъ отношеніи фактъ со словъ Эмиля Шеринга, переводчика Стриндберга на нѣмецкій языкъ. По разсказу Шеринга, на письменномъ столѣ у Ибсена стоитъ—или стояла—фотографическая карточка Стриндберга, который долгое время былъ открытымъ врагомъ Ибсена. Какой-то посѣтитель выразилъ удивленіе, увидѣвъ карточку, и Ибсенъ, поглядѣвъ нѣсколько времени на карточку Стриндберга, сказалъ: „Вотъ человѣкъ, который хочетъ сдѣлать больше, чѣмъ я".—Интересныя слова, за которыми сквозь иронію чувствуется признаніе силы. А Ибсенъ, кажется, не славится великодушіемъ и безпристрастіемъ въ своихъ отношеніяхъ и отзывахъ. Нужно припомнить къ тому же, что Стриндбергъ выступалъ противъ Ибсена съ самыми рѣзкими, иногда дикими нападками и инсинуаціями, объясняющимися его болѣзненной подозрительностью, — особенно въ острые періоды нервнаго разстройства. Такихъ періодовъ было нѣсколько въ жизни Стриндберга, но онъ оправлялся отъ нихъ и на его художественномъ творчествѣ они никогда не отражались разрушающимъ образомъ. Безумія въ драмахъ и повѣстяхъ Стриндберга нѣтъ. Всѣ его произведенія представляютъ органическое цѣлое; иногда въ нихъ чувствуется болѣзненная напряженность настроенія или мысли, дерзость замысла, граничащая съ безуміемъ, т.-е. съ распаденіемъ связнаго мышленія и творческой силы воображенія. Но на этой границѣ Стриндбергъ всегда удерживается какимъ-то чудомъ. Поэтому все, что̀ онъ пишетъ, задѣваетъ самое больное въ человѣческой душѣ, пугаетъ своей смѣлостью, ранитъ своей сатанинской гордостью и презрѣніемъ ко всему человѣчному, манитъ своей безудержной фантазіей въ миръ безграничной свободы страстей, желаній и мыслей,—но никогда не отталкиваетъ, уклоняясь отъ контроля разума. Безуміе Стриндберга, сказывавшееся въ припадкахъ ненормальнаго нервнаго возбужденія, не набросило тѣнь на его творчество, а сказывалось только въ жизни. Гунекеръ приводитъ, между прочимъ, образчикъ его болѣзненной подозрительности, сказавшейся именно въ отношеніяхъ къ Ибсену. Когда появилась въ печати „Дикая Утка", Стриндбергъ, прочтя ее, пришелъ въ бѣшенство: для него было ясно, какъ день, что въ этой драмѣ „знаменитый норвежскій шпіонъ, выдумавшій сумасшедшую теорію равенства (обвиненіе индивидуалиста Ибсена въ демократизмѣ, въ проповѣди равенства, само по себѣ доказываетъ всю безразсудность этой выходки Стриндберга)",

написалъ сатиру направленную противъ него, Стриндберга, съ намеками на его семейную драму: фотографъ Хьялмаръ, очевидно,—онъ, а жена, которая поддерживаетъ лѣнтяя мужа своей работой и т. д.—пасквиль на его жену, занимавшуюся одно время литературной работой. Очевидно, что только больное воображеніе могло усмотрѣть что-либо общее между тунеядцемъ Хьялмаромъ и Стриндбергомъ, который поражаетъ прежде всего своей неутомимостью, огромнымъ количествомъ всякаго рода и литературныхъ, и научныхъ работъ. Нѣтъ также ни малѣйшаго соотношенія между первой женой Стриндберга, урожденной баронессой, и Гиной Экдаль, образъ которой Ибсенъ взялъ изъ народной среды. Этотъ инцидентъ характеренъ для психологіи Стриндберга, который былъ очень несчастенъ въ жизни—въ особенности въ бракѣ (онъ былъ женатъ три раза) и, вѣроятно, былъ самъ въ значительной степени виноватъ въ своихъ несчастіяхъ, вызывая ихъ своей подозрительностью относительно другихъ, также какъ относительно себя самого. Въ третій разъ Стриндбергъ былъ женатъ на знаменитой актрисѣ, Гарріэтъ Боссе, „скандинавской Дузе". Для нея онъ написалъ историческую драму „Королева Христина". Въ образѣ знаменитой королевы онъ изобразилъ сложную психологію актрисы, обаятельной соединеніемъ противоположныхъ душевныхъ свойствъ. Героиня драмы женственно мягка и вкрадчива, и въ то же время обладаетъ чисто мужской рѣзкостью и суровостью; это безсердечный демонъ и нѣжная дѣва, молящая о нѣжности и сочувствіи; она—то дикая кошка, то вторая Мессалина, то безумная, безстрастная мучительница, которая наслаждается своей властью. Всю сложность этого характера Стриндбергъ будто бы вычиталъ въ психологіи своей третьей жены. Онъ написалъ для нея блестящую роль—и послѣ этого они разошлись: „Столкновеніе столь противоположныхъ характеровъ мѣшало свободному развитію каждаго въ отдѣльности", говоритъ біографъ Стриндберга въ объясненіе третьяго развода Стриндберга, надѣлавшаго (съ годъ тому назадъ) много шума въ литературныхъ и артистическихъ кругахъ Стокгольма. Біографъ Стриндберга прибавляетъ, что на этотъ разъ — въ противоположность разрывамъ съ первой и второй женой — супруги разстались друзьями: Гарріэтъ Боссе только добивалась свободы для своей артистической карьеры, и потому сочла необходимымъ порвать семейныя узы. Стриндбергъ уступилъ ея желаніямъ. Онъ уже теперь очень немолодъ; его творчество стало въ послѣдніе годы болѣе уравновѣшеннымъ и жизненныя бури уже не захватываютъ его съ такой силой. Исторія семейныхъ драмъ Стриндберга имѣетъ большое значеніе для характеристики его творчества. Вопросъ о женщинѣ, о ея правахъ, о ея захватѣ вліянія въ семьѣ и въ обществѣ стоитъ въ центрѣ большинства произведеній Стринд-

берга. Онъ былъ жестокимъ врагомъ женщинъ въ своихъ первыхъ повѣстяхъ, доходилъ до пламенной фанатической вражды къ женщинѣ, какъ къ началу зла въ жизни,—въ романѣ „Inferno“, въ „Исповѣди безумца“, вездѣ, гдѣ отражаются его личныя острыя страданія, причиненныя ревностью, оскорбленнымъ самолюбіемъ, муками любви, вѣчно подозрѣвающей измѣну. Въ сущности, на такихъ „мизогиновъ“, какъ Стриндбергъ, и женщины, и защитники феминизма во всѣхъ его видахъ не должны смотрѣть какъ на врага. Напротивъ того, своей яростью онъ подтверждаетъ силу своего врага; слишкомъ чувствуя эту силу—этотъ соблазнъ,—онъ не умѣетъ освободиться изъ-подъ ея ига, не можетъ установить отношеній равенства, и хочетъ—тщетно—скрыть безсиліе подъ маской превосходства и презрѣнія.

Гораздо сильнѣе, чѣмъ въ лирическихъ проявленіяхъ своей вражды къ женщинѣ, Стриндбергъ въ своихъ драмахъ—въ особенности въ цѣломъ рядѣ одноактныхъ трагедій. Къ нимъ примѣнимы въ особенности слова, которыми Гунекеръ опредѣляетъ все творчество Стриндберга, говоря, что это человѣкъ, который „отправился въ поискахъ за Богомъ и нашелъ дьявола“. Дьявола, т.-е. все мучительное, разъѣдающее, кошмарное въ душѣ человѣка, Стриндбергъ, дѣйствительно, нашелъ. Онъ чувствуетъ, какъ никто, соблазнъ паденій, притягательную силу безднъ, святотатственнаго издѣвательства надъ жаждой чистоты и святости, присущей каждой живой душѣ. И никто, какъ онъ, такъ остро не чувствуетъ противоположнаго, — т.-е. стремленія вверхъ, любви къ далекому, недосягаемому совершенству. Между этими двумя крайностями, болѣзненно обостренными, борются въ трагическомъ безволіи герои и героини Стриндберговскихъ драмъ и трагедій. И эти мучительныя драмы духа происходятъ въ самой страшной своимъ уродствомъ, своей удушливостью атмосферѣ—среди царящей вокругъ пошлости. Въ изображеніи пошлости Стриндбергъ обнаруживаетъ огромный натуралистическій талантъ.—Гунекеръ разбираетъ одну изъ самыхъ типичныхъ и самыхъ сильныхъ короткихъ драмъ Стриндберга, „Fräulein Julie“ („Графиня Юлія“), и показываетъ съ какой силой тамъ завязанъ узелъ борющихся высшихъ и низшихъ силъ человѣческой души,—и какъ вѣрно Стриндбергъ доказываетъ, что побѣждаетъ въ этой трагической борьбѣ то, что̀ есть самаго страшнаго въ жизни—сила пошлости. Трагическое—рвущаяся вверхъ и падающая на дно бездны душа — гибнетъ. Живетъ и побѣждаетъ правда пошлыхъ будничныхъ людей.

Не слѣдуетъ, конечно, подписываться подъ выводами пессимиста Стриндберга, раздѣлять его пессимистическіе приговоры дѣйствительности. Но что въ его трагической схемѣ есть много глубокой правды—съ этимъ нельзя не согласиться.

Кромѣ разобранныхъ нами интересныхъ очерковъ о скандинавской драмѣ, въ книгѣ Гунекера есть интересныя характеристики англійскаго драматурга Бернарда Шоу, тоже „иконоборца“, разрушающаго кумиры англійской респектабельности, и нѣкоторыхъ новѣйшихъ нѣмецкихъ, французскихъ и итальянскихъ драматурговъ. Интересны статьи о Гауптманѣ, о Метерлинкѣ, о д'Аннунціо.—З. В.

ЗАМѢТКА.

Книга г. Волжскаго: „Изъ міра литературныхъ исканій“. Спб. 1906 г.

I.

Въ литературѣ нашей все чаще и чаще раздаются голоса о Богѣ и христіанствѣ... Сказалась ли въ этомъ духовная жажда, замирающая на время, возникла ли реакція послѣ мучительныхъ лѣтъ сомнѣнія и отрицанья, но исканіе Бога снова стало лозунгомъ той части нашего общества, міросозерцаніе которой такъ долго противополагалось позитивному мышленію, не склонному принимать на вѣру то, что̀ не можетъ быть подвергнуто осязательному опыту. Но изъ какого бы источника ни исходило исканіе высшихъ началъ жизни, оно бываетъ знаменательно въ эпохи господства грубыхъ инстинктовъ и ужасовъ, неизбѣжныхъ при горячей освободительной борьбѣ. Въ эпохи, подобныя нашей, — это исканіе неизбѣжно ведетъ или къ удаленію изъ стана борющихся и погибающихъ, или къ подвигамъ самопожертвованія и евангельской любви. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ оно можетъ быть искреннимъ и глубокимъ и можетъ порождать явленія самаго разнообразнаго свойства.

Говорить о Богѣ—дѣло великое, и не всякому оно по плечу. Оно, кромѣ того, бываетъ и дѣломъ важнымъ, когда въ обществѣ ощущается какая-то коллективная потребность уберечь сокровенное души отъ надвигающагося мѣщанства, и когда какъ-то особенно сознается, что люди не утверждаютъ и не отрицаютъ ученіе Бога и ученіе Христа, а просто, вмѣстѣ съ заботой о душѣ, откладываютъ въ долгій ящикъ своей повседневности попеченіе о нихъ, конфузливо прикрываясь колеблющейся надеждой вернуться къ нимъ. Но для многихъ это время не наступитъ никогда, а потребность религіозныхъ ощущеній продолжаетъ существовать въ обществѣ и находитъ выраженіе въ особыхъ натурахъ, которыя чувствуютъ себя призванными установить высшее, для даннаго момента, религіозное пониманіе Бога, осмыслить въ новыхъ образахъ высшія ступени духовнаго порыва въ сферѣ религіознаго ощущенія. Люди эти повторяютъ старыя и, повидимому, вывѣтрившіяся слова евангельскаго ученія, но съ такимъ пламеннымъ убѣжденіемъ и вмѣстѣ съ такой умилительной простотой и мудрой наивностью, что невольно подчиняютъ себѣ тѣхъ, кто чуждъ имъ и по чувствамъ, и по мысли, и, не обращая ихъ въ свою вѣру, во всякомъ случаѣ, заставляютъ ихъ переживать глубокія, нѣжныя и зачастую

поэтическія ощущенія, отрывая, хотя на мгновеніе, духовныя очи отъ низинъ человѣческаго бытованія. Таковъ былъ Владиміръ Соловьевъ въ его отношеніяхъ къ людямъ самаго различнаго духовнаго склада. Религія и поэзія сливались у него въ одно нераздѣльное міроощущеніе, которое налагало одинъ и тотъ же таинственный отпечатокъ на все, къ чему онъ ни прикасался, будь то соціальный вопросъ, будь то эстетическое переживаніе, или мгновенная мечта о грядущихъ судьбахъ человѣчества. Объ этомъ прекрасно сказано у г. Волжскаго въ первомъ очеркѣ его книги. „Религіозно-настроенный,—говоритъ г. Волжскій о Соловьевѣ, — онъ хочетъ вдохнуть въ душу человѣка божественное содержаніе, хочетъ сдѣлать его не только обаятельно прекраснымъ въ идеалѣ, но могучимъ и сильнымъ въ *дѣйствительности*"...

„Преодолѣвая отвлеченность всѣхъ одностороннихъ и историческихъ переживаній философіи, самъ Соловьевъ стремился вдохнуть одухотворяющее его положительное начало своего ученія, общій смыслъ своихъ религіозно-философскихъ увлеченій, — въ жизнь, въ дѣйствительность, снести огонь съ неба *на землю къ живущему и страдающему конкретному человѣку* въ „единой полной и всецѣлой истинѣ Богочеловѣчества".

Мы нарочно остановились на этой характеристикѣ. Въ ней, повидимому, сказалась та высшая и, для даннаго момента, идеальная точка религіознаго міропониманія, которая должна, судя по многому, опредѣлить и конечную цѣль стремленій г. Волжскаго. Онъ, какъ и Соловьевъ, стремится претворить религіозный элементъ своего міропониманія въ жизненно-конкретное,—„въ жизнь, въ дѣйствительность, снести огонь съ неба на землю къ живущему и страдающему конкретному человѣку".

Г. Волжскій хотѣлъ бы осуществить это стремленіе, но какъ, съ какими данными, приступаетъ онъ къ выполненію своей задачи?—вотъ вопросъ, посильному разъясненію котораго пусть послужитъ настоящая замѣтка.

Религіозная настроенность—первая черта, которая сообщается читателю уже при начальномъ, самомъ бѣгломъ знакомствѣ съ писаніями г. Волжскаго. Кажется, что и онъ стремится обратить взоры людей къ божественному, небесному. Останавливаясь по преимуществу на явленіяхъ художественной и философской мысли, г. Волжскій прежде всего направляетъ свое вниманіе на отношеніе ихъ къ божественному началу, которое служитъ для него основнымъ и единственнымъ критеріемъ ихъ художественной и этической цѣнности. Одинъ и тотъ же пріемъ примѣняетъ г. Волжскій къ опредѣленію творческой сущности столь различныхъ дарованій и умовъ, какъ Глѣбъ Успенскій и г. Баль-

монтъ, какъ Мопассанъ и Мечниковъ, какъ Метерлинкъ и г. Короленко. Если вѣрно, какъ полагаетъ г. Волжскій, что все значеніе мистической философіи Вл. Соловьева сводилось къ поднятію простой вѣры нашихъ отцовъ на степень разумнаго сознанія, то столь же естественно ожидать отъ него вывода, что этой вѣрой, этимъ просвѣтленнымъ тяготѣніемъ къ Богу опредѣляется и положительный смыслъ разумно-нравственнаго бытія, внѣ котораго жизнь является сцѣпленіемъ безконечныхъ случайностей, источникомъ всяческой духовной неудовлетворенности, страданій и томленій. Такова и есть жизнь въ тѣхъ ея отрывкахъ, которые находитъ г. Волжскій въ литературныхъ отраженіяхъ нашихъ большихъ и малыхъ властителей думъ. Цѣлое море человѣческихъ существъ мятущихся, страдающихъ, бродящихъ во тьмѣ, ибо имъ невѣдомо истинное познаніе Бога...

Такъ, весь Леонидъ Андреевъ объясняется у г. Волжскаго отсутствіемъ Бога. Въ творчествѣ этого писателя „звучатъ мотивы безысходнаго пессимизма, тревожно возвѣщающаго о *гибели Бога*, міра и смысла жизни, — *атеизма*. Онъ не принимаетъ *ни Бога*, ни міра, и хочетъ, какъ Иванъ Карамазовъ, „жить бунтомъ", но бунтомъ не только противъ міра, какъ Карамазовъ, но и *противъ Бога*".

Также и Горькій не владѣетъ, по мнѣнію г. Волжскаго, истиной, и въ этомъ коренной источникъ его философско-этическихъ заблужденій. „Вмѣсто Бога у г. Горькаго обоготворяется природа, и, ради нея, принижается человѣкъ... У Горькаго, какъ и у Ницше, мораль аморализма, религія атеизма... Религіозная жажда утоляется (у Горькаго) исповѣдываніемъ нуля, религіозно-нравственнымъ нигилизмомъ, принятымъ „за высочайшее откровеніе"... Дѣло Горькаго *было бы*, дѣйствительно, дѣломъ громадной общественной и моральной важности; но въ настоящихъ размѣрахъ задача эта *могла бы* быть выполнена при *иныхъ* религіозно-нравственныхъ предпосылкахъ, которыхъ *чуждо* художественно-философское творчество Горькаго". Точно также и г. Бальмонту немногаго не хватаетъ, чтобы быть истиннымъ философомъ и поэтомъ постиженія христіанскихъ началъ. А Бальмонтъ, по г. Волжскому, наиболѣе полный выразитель философіи декаданса. „Отпавши *отъ Бога и нравственности* въ автономную эстетику уединенныхъ, обожествляющихъ себя индивидуальныхъ мгновеній, декаденство, *отступая отъ Бога*, порывая съ людьми, преступая *нравственный законъ*, въ дерзновенной прелести своего отъединенія, хочетъ обожествить себя"... И далѣе: „Въ глубинахъ своего языческаго культа человѣко-бога, точнѣе сверхчеловѣка, еще точнѣе—бога индивидуальнаго мгновенія,—декадентское движеніе есть движеніе *антихристіанское*... Величайшій грѣхъ декадентскаго движенія—грѣхъ отъединенія, кощунственнаго обожанія каждаго мгновенія индиви-

дуальнаго „я". Грѣхъ этотъ можетъ быть осознанъ и понятъ только *на религіозной* почвѣ".

Не удовлетворяетъ въ этомъ отношеніи г. Волжскаго и Метерлинкъ. „Метерлинкъ, по его словамъ, ищетъ примиренія съ міромъ грозной тайны, пытаясь переселить туда идеальное начало добра, пытаясь связать этотъ таинственный міръ, лежащій по ту сторону человѣческаго сознанія, съ „идеей христіанскаго Бога". Но „идея христіанскаго Бога" оказывается внѣ сферы непосредственнаго обаянія художественнаго творчества Метерлинка.

Если у г. Короленка г. Волжскій и готовъ признать кое-какія соотношенія съ Богомъ, на почвѣ любви къ природѣ и личности, любви, находящейся подъ контролемъ моральнаго волевого начала, то соотношенія эти представляются г. Волжскому „сдержанными". Даже идея вѣчности, какъ она выражается у Короленка, кажется г. Волжскому „относительною". Гораздо хуже обстоитъ дѣло съ Глѣбомъ Успенскимъ и Мечниковымъ. Первый, оказывается, стремится „устроиться внѣ Бога и внѣ Христа", второй изобрѣтаетъ „антирелигіозную сыворотку", „освобождаетъ человѣчество отъ религіозной страсти", „упраздняетъ вопросъ о безсмертіи и Богѣ, о цѣли и смыслѣ жизни", словомъ, творитъ такіе кощунственные ужасы, что становится въ своемъ религіозномъ ослѣпленіи гораздо ниже г. Бальмонта и чуть-чуть не падаетъ на степень Метерлинка.

Но и они не доходятъ до той бездны паденія, куда низвергается, вѣроятно, самъ того не подозрѣвая, г. Розановъ. „Какъ ни страшно смѣло, какъ ни отвѣтственно наше утвержденіе здѣсь,—говоритъ г. Волжскій,—все же антихристово слышится намъ порою въ смутномъ мистическомъ шопотѣ Розанова, въ его мистеріяхъ плоти, изначально святой, а не во Христѣ святящейся, въ его сложномъ, сложно маскирующемся, лукаво извивающемся отказѣ не только уже отъ христіанства, а и отъ Христа, съ именемъ котораго, какъ и съ внѣшностью пантеизированнаго христіанства, онъ все еще не разстается, хотя уже давно въ мистическомъ пантеизмѣ своемъ, чуя сатанинскія глубины, идетъ не ко Христу".

Трудно себѣ представить, чтобы г. Розановъ зналъ то, что написано о немъ г. Волжскимъ, и не ужаснулся, и не обратился къ нему во имя спасенія своей грѣшной души и русской литературы съ мольбой отчаянія и надежды,—указать ему, какъ найти истиннаго Бога и тотъ путь къ истинному христіанству, по которому съ г. Волжскимъ идутъ столь немногіе избранники. Не то иныхъ смутитъ боговдохновенное откровеніе г. Волжскаго, относительно г. Розанова, и заставитъ, чего добраго, предположить, не есть ли г. Розановъ и впрямь тотъ погубитель человѣческаго рода, о коемъ сказано въ Писаніи, что, когда

исполнится тысяча лѣтъ, онъ „будетъ освобожденъ изъ темницы своей и выйдетъ прельщать народы Гога и Магога“.

II.

Этотъ вопросъ могъ бы задать, впрочемъ, не одинъ г. Розановъ, а и всѣ тѣ писатели, которыхъ г. Волжскій обличаетъ въ ущербѣ религіознаго сознанія. И это было бы такъ естественно: вы говорите, могли бы они сказать г-ну Волжскому, что мы не знаемъ истиннаго Бога,—раскройте же передъ нами его сущность;—что мы не тяготѣемъ къ христіанству, что наши порыванія полны заблужденій,—укажите же намъ тотъ единственно вѣрный путь, которымъ вы сами дошли до вершины богопознанія и по которому вы, какъ пастырь добрый, поведете за собой все человѣчество. Вы говорите и, можетъ быть, тысячу разъ вы правы, что мы ничтожны, жалки, исполнены противорѣчій, жестоки и въ то же время слабы,—и все это происходитъ оттого, что мы не съ Богомъ, что мы отказываемся „не только отъ христіанства, но и отъ Христа“, что мы вообще, въ отношеніи „истинной нравственности“, глухи и слѣпы.

Обличеніе тяжкое, и когда оно обращается съ церковной паперти къ толпѣ, къ христіанамъ вообще,—всякому изъ насъ, погруженному въ религіозныя раздумья, разрѣшительно относить его къ нашимъ сосѣдямъ справа и слѣва, или смиренно отдаваться общей покаянной молитвѣ и сокрушенію о грѣхахъ. Но когда проповѣдникъ обратится къ такому-то имя-рекъ и скажетъ, что это именно вы, Иванъ Петровичъ, или Петръ Ивановичъ, вы-то и есть тотъ врагъ церкви Христовой, о которомъ много написано нелестнаго въ Писаніи,—каждый Иванъ Петровичъ, хотя бы онъ дѣйствительно не соблюдалъ постовъ и не каждый годъ бывалъ у исповѣди, имѣетъ право вздрогнуть отъ непріятной неожиданности и въ свою очередь поставить въ упоръ вопросъ: а есть ли у васъ для сего, батюшка, достаточныя основанія?

Тѣмъ болѣе категорическую форму можетъ и долженъ принять этотъ вопросъ, вызванный обличеніемъ, сдѣланнымъ не въ церкви, гдѣ оно въ извѣстныхъ случаяхъ составляетъ какъ бы часть самого богослуженія, а въ формѣ чрезвычайно неопредѣленной, безотносительной къ пространству и времени, не дающей возможности сдѣлать какія-либо заключенія о томъ, какое конкретное содержаніе кроется за нимъ у самого обличителя. О какомъ Богѣ говоритъ онъ? О какой „религіозной почвѣ“? Гдѣ его храмъ, этого Бога? И какими путями открываетъ онъ себя тѣмъ людямъ, которымъ, подобно г. Волжскому, дано несказанное счастье признать его истинную сущность? Кто его жрецы?

„Не сотвори себѣ кумира",—заповѣдалъ нѣкогда библейскій Богъ чрезъ Моисея, а между тѣмъ—какъ отличить кумиръ отъ того живого Бога, котораго или носитъ, или представляетъ себѣ каждый истинно-вѣрующій человѣкъ? Богъ г. Волжскаго—не Богъ Спинозы или Ницше, не Богъ Метерлинка или г. Розанова—что же онъ такое? Пониманіе Его у г. Волжскаго не дается сразу. Его нужно отыскивать, нужно собирать,—какъ ни страненъ можетъ быть методъ собирательства для опредѣленія высшаго изъ началъ, владѣющихъ нашей душой. Однако, и эти исканія приводятъ къ ничтожному результату, если мы не допустимъ предположенія, что выраженное въ этой области г. Волжскимъ есть лишь слабая тѣнь того, что составляетъ реальную сущность религіознаго самосознанія г. Волжскаго. Основываясь же на фактахъ литературнаго изображенія, приходится признать, что Богъ г. Волжскаго—недалеко ушелъ отъ Бога богословія и церковности, который вотъ ужъ сколько вѣковъ обращенъ къ людямъ какъ бы одной внѣшней оболочкой, какъ бы одной небесной лазурью, а сущность истинная, міросозидающее и божественно-духовное ядро, такъ же скрыта отъ людей подъ этой оболочкой, какъ скрыты въ яркій солнечный день безчисленные міры въ глубинахъ небесной лазури. Въ статьѣ о г. Розановѣ, напримѣръ, г. Волжскій обнаруживаетъ приверженность къ догматическому пониманію Божества. Говоря объ „ересяхъ" г. Розанова въ отношеніи Голгоѳы къ Виѳлеему, Бога-Отца къ Богу-Духу,—г. Волжскій всегда остается на почвѣ древне-византійскихъ представленій,—и этого не укрыть ему никакими цитатами изъ Ницше, никакими яркими лоскутками моднаго суесловія на библейскомъ рубищѣ. Языкъ г. Волжскаго пестритъ всяческими „безднами" и „трагизмами", открываемыми имъ въ такихъ библейскихъ сюжетахъ византійскаго толкованія, какъ грѣхопаденіе первыхъ людей, изгнаніе изъ рая (неизмѣнно именуемаго Эдемомъ), и въ другихъ довольно мелкихъ подробностяхъ богословскаго суемудрія. „Глубоко проникая,—говоритъ г. Волжскій,—въ смыслъ первой Божественной Ипостаси, Отчества, Бога-Отца, Розановъ точно совсѣмъ не чувствуетъ, вѣрнѣе, не хочетъ чувствовать, въ страхѣ отворачивается отъ второй Божественной Ипостаси, Сына Божія. Ликъ Христовъ отодвигается имъ въ темный уголъ его молельни и становится вовсе невидимъ тамъ". Отстаивая монастыри, онъ какъ бы противополагаетъ христіанство бытующей жизни и хочетъ связать утвержденіе личнаго начала,—по существу враждебнаго христіанству,—съ христіанствомъ догматическаго толка. Къ г. Волжскому вполнѣ приложимо въ этомъ отношеніи то, что говоритъ онъ о В. В. Розановѣ: онъ, г. Волжскій, „отошелъ прочь отъ Христа, хотя внѣшнимъ образомъ руки его про-

стираются къ Нему, и уста его шепчутъ старыя, затверженныя слова, чтутъ' и славословятъ".

Богъ г. Волжскаго—это чистѣйшая абстракція; г. Волжскій не согрѣваетъ этимъ понятіемъ ничего конкретнаго, и вслѣдствіе этого его пониманіе Бога отзывается чѣмъ-то безжизненнымъ, безконечно холоднымъ. Если искать Бога въ художественныхъ произведеніяхъ со сложнымъ жизнепониманіемъ и разнообразной психологіей, то несомнѣнно симпатична та коренная особенность г. Волжскаго — исканіе Бога и вообще религіозной подпочвы въ тѣхъ художественныхъ воплощеніяхъ, которыя признаются имъ положительными, — съ точки зрѣнія ихъ этической и философской цѣнности. Но г. Волжскій обращается къ такимъ изображеніямъ, которыя даютъ ему возможность построенія безформеннаго идеалистическаго начала, питающаго мечту о достиженіи совершенства въ отдаленномъ будущемъ, *не указывая никакихъ путей* къ осуществленію реальнаго достиженія. Вотъ почему онъ неминуемо станетъ въ большое затрудненіе передъ тѣмъ вопросомъ, который предложатъ ему обличаемые имъ писатели: Богъ г. Волжскаго хорошо знакомый имъ Богъ по учебникамъ Закона Божія, и благо—имъ, если они не остановились на мертвой догмѣ и пошли каждый по своему пути, направляя на исканіе весь трудъ своей души, напрягая всю свою волю и мысль.

Если ихъ вѣра при этомъ горяча и намѣренія согрѣты любовью къ жизни и людямъ, они, можно легко допустить, окажутся ближе къ божественной истинѣ, чѣмъ г. Волжскій, со своимъ безстрастнымъ и небеснымъ Богомъ.

Г. Волжскій приводитъ изъ сочиненій г. Розанова слѣдующую характерную сценку: „Простая женщина все клала длинные поклоны: и долго-долго каждый разъ голова ея лежала на ступенькѣ, ведущей къ ракѣ. Когда она отошла (чтобы прикладываться), дерево ступеньки было такъ закапано слезами, точно тутъ немного полили изъ лейки. Такъ удивительно это было видѣть. Я незамѣтно сталъ на ея мѣстѣ и, положивъ земной поклонъ, поцѣловалъ эти слезы. Еслибы даже кто не любилъ Бога, какъ не полюбить эту любовь къ Богу?! Чудное дѣло— религія: какъ-то умѣетъ же человѣкъ самое насущное свое, боли, страданія, горести, поименныя, ежедневныя.—связать съ самымъ далекимъ, неосязаемымъ, вездѣсущимъ. И молится вотъ о „болящемъ Ванѣ" Тому, Кто держитъ міры подъ десницею и покровительствуетъ Вѣчности: какъ будто такая даль можетъ видѣть такую малость! Но видитъ она! *А главное человѣкъ вѣритъ, что видитъ, и живъ этою вѣрою. И святъ же человѣкъ молящійся: еслибы даже „тамъ", въ небесахъ, и было пусто, какъ непремѣнно хотятъ скептики, то все равно*

слезы человѣчества уже сами по себѣ суть религія и вызываютъ къ себѣ религіозное умиленіе".

Прочитавъ эту выдержку, едвали возможно согласиться съ г. Волжскимъ, что г. Розановъ такой уже противникъ христіанства, какъ его пытается представить г. Волжскій. Непосредственное чувство—за г. Розанова: въ его писаніяхъ ощущается именно кровное общеніе съ той жизнью духа, которымъ проникнуто христіанство, въ его простотѣ, смиреніи, въ его умиленіяхъ и въ сладостномъ душевномъ трудѣ повседневной конкретной жизни. И, сколько бы г. Розановъ ни выдвигалъ личное начало, онъ представляется тому же непосредственному чувству гораздо ближе къ постиженію истиннаго духа Христова, чѣмъ г. Волжскій, становящійся на стражу христіанства. Дѣйствительно, г. Волжскій вноситъ большіе и малые коррективы въ христіанское сознаніе г. Розанова, а между тѣмъ какъ далека отъ христіанства холодная, разсудочная религіозность г. Волжскаго, какой безжизненной схоластикой вѣетъ отъ нея! Отъ этого у г. Волжскаго, кромѣ формальнаго призыва, нѣтъ для братьевъ-писателей живого, горячаго, братскаго слова, въ которомъ онъ самъ раздѣлилъ бы съ ними участь людей, страстно, всѣми силами души ищущихъ Бога и не вѣдающихъ, гдѣ тотъ лучезарный храмъ, въ которомъ, какъ эллины съ іудеями, сойдутся для одной общей молитвы и общаго славословія и Ницше, и Мечниковъ, и Метерлинкъ, и Розановъ. Оттого-то, когда г. Волжскій упрекаетъ Горькаго, что тотъ не основываетъ своей страстной апологіи личности на „*иныхъ* религіозно-нравственныхъ основаніяхъ", онъ ни однимъ словомъ не проговаривается, въ чемъ же заключены эти *иныя*, истинныя, по его мнѣнію, основанія, и не проговаривается потому, что за этими словами не скрывается у самого г. Волжскаго живого, реальнаго содержанія...

Исканія г. Волжскаго сводятся къ методамъ, а методы къ словамъ, значеніе которыхъ вывѣтрилось уже давнымъ-давно...

III.

При всей наклонности упрощать постановку самыхъ сложныхъ задачъ, сводя ихъ къ апріорнымъ бездушнымъ схемамъ, г. Волжскій не избѣгъ, однако, глубокихъ и непримиримыхъ противорѣчій, наглядно обнаруживающихъ его внѣшнее отношеніе къ христіанству.

По различнымъ поводамъ г-ну Волжскому приходилось говорить о личности и ставить ея проблему до извѣстной степени въ зависимость отъ тѣхъ условій, при какихъ она развивалась у тѣхъ или иныхъ писателей. Здѣсь г. Волжскій уже не навязываетъ своего схе-

матическаго пониманія основныхъ, осмысливающихъ началъ жизни, старается внести коррективъ и въ эту частность ихъ индивидуальныхъ воззрѣній. И въ вопросѣ о личности, для того, чтобы обнаружить истинное положеніе г. Волжскаго, относительно этого вопроса, мы должны снова упомянуть г. Розанова. Розановъ, по словамъ г. Волжскаго,— „противъ христіанства выдвигаетъ *личность*, *личное* начало; между тѣмъ въ основѣ его собственнаго міропониманія... *отрицается личное*, интимно-*индивидуальное*, не повторяющееся; въ конкретно-жизненномъ, въ любовно-земномъ отношеніи къ жизни преодолѣвается боль невозвратимой, неискупимой гибели личности, въ кровномъ растворяется, затемняется *едино*кровное, въ вѣчно-живомъ скрывается лично-гибнущее, въ рожденіи—смерть, въ пантеизмѣ—*абсолютная цѣнность личности*, единосущій *личный* Богъ, абсолютно *единственный ничѣмъ незамѣнимый ликъ Христа*... Все божественное, все родное здѣсь у Розанова, все роднится, святится и свѣтится въ мистическихъ узлахъ, въ глубочайшихъ сплетеніяхъ животныхъ, вѣчно-рождающихъ нѣдрахъ природы, но нѣтъ *Едино*-роднаго, *Едино*-спасающаго, нѣтъ и не надо его"...

Вопросъ у г. Розанова поставленъ совершенно правильно: *культъ личности прямо противоположенъ христіанству* и уничтожается имъ. Принимая эту постановку вопроса у г. Розанова, г. Волжскій въ то же время двоится въ направленіи и къ христіанству, и къ культу личности въ ихъ соотношеніяхъ. Онъ старается найти примирительное начало между тѣмъ и другимъ, и это примиреніе удается ему, только благодаря его внѣшнему пониманію тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ складываются эти, въ глубинѣ сущности своей противоположныя, начала. Но если ясно отношеніе г. Волжскаго къ христіанству, то каково же частное отношеніе къ вопросу о личности? На разборѣ уже много разъ поминавшихся писателей можно убѣдиться, что культъ личности составляетъ одну изъ коренныхъ чертъ міросозерцанія г. Волжскаго, настолько, что въ своемъ индивидуализмѣ онъ является болѣе ярымъ индивидуалистомъ, чѣмъ самые крайніе представители этого воззрѣнія. Немудрено поэтому, что лишь немногіе могутъ удовлетворить г. Волжскаго въ этомъ отношеніи. Даже у Горькаго находитъ г. Волжскій отрицаніе личнаго начала. „Протестующая личность Горькаго,—говоритъ онъ,—часто *принижаетъ* достоинство личности человѣка своимъ крайнимъ искривленнымъ *индивидуализмомъ*, *превозмогающимъ личность*, полагая *выше ея самой* отдѣльныя особенности и свойства, и своимъ *аморализмомъ*, опрокидывающимъ моральный смыслъ самого ея протеста, выставляя его, какъ голый фактъ безъ нравственныхъ основаній, какъ силу, не освященную правомъ". Даже индивидуализмъ г. Бальмонта нуждается въ исправленіи г. Волжскаго. Въ

художественно-философской концепціи г. Бальмонта „надъ человѣческой личностью ставится нѣчто сверхличное, какъ высшая сверхчеловѣческая цѣнность, человѣческая личность превзойдена, сброшена съ Тарпейской скалы индивидуальности во всепоглощающія волны моря всеобщности".

Самъ Ницше подвергается такому тонкому и углубленному истолкованію г. Волжскаго, что философъ совершенно теряется въ этомъ истолкованіи, въ которомъ г. Волжскій является положительно plus royaliste que le roi. Г. Волжскій открылъ въ индивидуализмѣ Ницше такія сверхъ-индивидуальныя стороны, какихъ никогда не предполагалъ и самъ германскій Заратустра. „Ученіе Ницше, — говоритъ г. Волжскій,—провозглашаетъ такимъ образомъ не автономію личности и личной воли, оно провозглашаетъ автономію всякаго индивидуальнаго настроенія этой личности, всякаго мгновеннаго порыва этой личной воли. Ему цѣнно и дорого *личное въ личности*, ея исключительное, особенное, индивидуальное; ему цѣнно и дорого все это какъ сверхличное, сверхчеловѣческое. Человѣкъ, человѣческая личность здѣсь уже *превзойдены* въ высшихъ цѣнностяхъ; это уже обезцѣненныя цѣнности... *Личное отдѣляется здѣсь отъ личности, личность* превзойдена въ прихоти индивидуальныхъ хотѣній". Личность въ ученіи Ницше „презрительно отдается для унавоживанія почвы, на которой надлежитъ произрастать сверхчеловѣческой индивидуальности". Такимъ образомъ, личное начало является несомнѣнно глубокимъ органическимъ началомъ его философскаго міровоззрѣнія,—началомъ, которое кажется для него наиболѣе цѣнно, такъ цѣнно и дорого, что, ради его торжества, онъ положительно готовъ пожертвовать всѣмъ, что идетъ въ разрѣзъ съ свободнымъ развитіемъ этого начала. Мы видѣли уже, что въ развитіи послѣдняго г. Волжскій доходитъ до крайнихъ предѣловъ, за которыми начинается уже область безсознательныхъ упоеній и поэтическихъ созерцаній. И тогда, съ другой стороны, г. Волжскій видитъ умаленіе этого начала тамъ, гдѣ, съ его точки зрѣнія, есть благопріятная почва для его развитія, душа его наполняется протестомъ, протестомъ оскорбленной и страждущей личности. Въ этомъ протестѣ г. Волжскій возвышается до истиннаго паѳоса: онъ трепещетъ за гибнущую личность, онъ жалѣетъ ее, онъ всячески готовъ помочь ей въ борьбѣ съ растворяющей ее средой. Такъ, г. Розановъ, къ великой скорби г. Волжскаго, „не чувствуетъ этой мучительной обостренности запросовъ гибнущей индивидуальности, этого индивидуальнаго трагизма, личное въ его концепціи притупляется въ болѣзненно-чувствительномъ остріѣ своемъ, оно обезличивается, растворяется въ глубинахъ жизни, сливаясь съ ея цѣлымъ. всеобщимъ, безпредѣльно-огромнымъ, безконечно-живымъ, бездоннымъ,

личное растворяется въ индивидуальныхъ заостреніяхъ своихъ, расплывается и тонетъ въ волнахъ естественнаго, вѣчно живого, животноплотскаго". Личное начало такъ дорого г. Волжскому, что онъ ставитъ его какъ бы положительнымъ и необходимымъ условіемъ истиннаго пониманія христіанства. Съ искреннимъ сочувствіемъ отмѣчаетъ онъ у Достоевскаго, что тотъ „любилъ Христа той живой, страстной, навѣки преданной любовью, какою можно любить только единственное, неповторяющееся, безподобное существо, любилъ въ индивидуальныхъ чертахъ Его, въ интимнѣйшихъ изгибахъ".

Вполнѣ послѣдовательно и естественно вытекаетъ изъ общаго склада міросозерцанія г. Волжскаго,—и это составляетъ несомнѣнно положительную сторону этого міросозерцанія,—его пониманіе и сочувствіе тому своеобразному индивидуализму, который выработался при всѣхъ частичныхъ различіяхъ въ воплощеніяхъ именно русскаго творчества, у Чехова, Глѣба Успенскаго, Короленка. Приписывая самому Чехову слова его героя, г. Волжскій сливается въ созерцательномъ упоеніи съ тѣми перспективами, которыя будто бы представлялись Чехову въ его „свѣтлыхъ грезахъ о человѣкѣ". „Принято говорить,—цитируетъ г. Волжскій,—что человѣку нужны три аршина земли. Но вѣдь три аршина земли нужны трупу, а не человѣку... Человѣку нужны не три аршина земли, а весь земной шаръ, вся природа, гдѣ на просторѣ онъ могъ бы проявить всѣ свойства и особенности своего духа". Такъ же привѣтливо встрѣчаетъ г. Волжскій и „теодицею" (любимое выраженіе г. Волжскаго) Гл. Успенскаго. „Полный и цѣльный человѣкъ, выпрямленный во весь свой истинно-человѣческій ростъ, человѣческое существо, какъ самодовлѣющее нравственное начало, исполненное величайшей гармоніи и совершеннѣйшей красоты,—вотъ тотъ идеалъ, который рисуется изстрадавшейся, измучившейся душѣ Г. И. Успенскаго въ его мечтаніяхъ о томъ, „какъ жить свято", объ иной, лучшей жизни, праведной, справедливой и радостной. Человѣкъ, выпрямленный во всю свою естественную ширь, въ натуральную величину гармоніи, красоты и силы своего человѣческаго совершенства, повсюду грезится Успенскому въ его писаніяхъ и скитаніяхъ, въ его терзаніяхъ и болѣніяхъ; здѣсь лежитъ вдохновляющее Успенскаго идеальное начало его міросозерцанія. Художника вдохновляетъ въ его творчествѣ „огромная красота *человѣческаго* существа", ощущеніе счастья быть *человѣкомъ*".

Въ произведеніяхъ Короленка г. Волжскому представляется та же апологія человѣческой личности. „Человѣческая личность — говоритъ онъ—стала завѣтной святыней В. Г. Короленка, обладающей въ его глазахъ высшей нравственной цѣнностью; его поэзія сдѣлалась поэзіей борьбы за права этой личности, неотъемлемыя морально, но по-

стоянно нарушаемыя жизнью фактически. Вездѣ въ произведеніяхъ Короленка забота о душѣ, вопросы совѣсти, исканіе Бога, безпокойство о вѣрѣ носятъ явные слѣды вдохновляющаго ихъ моральнаго начала—человѣческой личности... Ему дорогъ самъ человѣкъ".

Этихъ цитатъ, надѣемся, достаточно, чтобы видѣть, какъ сильна привязанность г. Волжскаго къ культу свободно-развитой человѣческой личности, личности вообще, въ ея постоянномъ значеніи, а не только въ отдаленной перспективѣ, въ золотистой дали Ницщеанскаго сверхчеловѣчества. Какъ же осуществляется этотъ культъ личности у г-на Волжскаго въ его реальныхъ приложеніяхъ?

IV.

Г. Волжскій назвалъ свою книгу „Книгой литературныхъ исканій". Онъ ищетъ, изслѣдуя, разлагая замыслы художника, въ его, можетъ быть, имъ самимъ не всегда сознанныхъ идеяхъ и символахъ, разбивая роскошныя зданія на мельчайшіе куски, чтобы сложить затѣмъ новую комбинацію мозаики мысли, долженствующей получить подъ рукой г. Волжскаго и новый, именно имъ раскрытый, смыслъ. Но если читатель узнаетъ въ этомъ новомъ рисункѣ самого г. Волжскаго, то разберется ли онъ въ томъ матеріалѣ, который г. Волжскій положилъ въ основу своихъ построеній? Узнаетъ ли читатель по разрозненнымъ частямъ „единственный", „неповторяющійся", „индивидуальный" характеръ тѣхъ творцовъ великолѣпныхъ зданій, на основѣ которыхъ г. Волжскій сдѣлалъ попытку создать свою „теодицею"? Если совершить обратный процессъ мысли и попытаться возсоздать по отображеніямъ у г. Волжскаго подлинные образы, индивидуальныя черты духовныхъ обликовъ тѣхъ мыслителей и писателей, которые представлены въ книгѣ г. Волжскаго, то можно ли съ увѣренностью утверждать, что г. Волжскій сохранилъ въ полной неприкосновенности ихъ индивидуальность, въ обычномъ для нея, неосязательномъ воздѣйствіи на душу и не нарушилъ нигдѣ духовной обособленности каждаго изъ нихъ произведеннымъ вторженіемъ несвойственныхъ ей элементовъ авторскаго субъективизма? Такого рода вопросы не дѣлаются спроста: въ нихъ есть какъ бы заранѣе предположенный отрицательный отвѣтъ. И дѣйствительно, основное впечатлѣніе въ этомъ отношеніи не въ пользу автора книги „Изъ міра литературныхъ исканій". Лишь съ готовымъ апріорнымъ матеріаломъ можно разобрать въ ней подлинныя черты такихъ „несравнимыхъ", „неповторяемыхъ", „единственныхъ", „безподобныхъ" индивидуальностей, какъ Ницше, Успенскій, Достоевскій, Метерлинкъ. Не они говорятъ у г. Волжскаго, а

г. Волжскій говоритъ ихъ словами, заставляя ихъ служить, теряя плоть и кровь, сухимъ схематическимъ построеніямъ. Роскошные, полные жизни и огня портреты превращаются у него въ безжизненныя, византійскія иконы, старательно выписанныя рукой благочестиваго иконописца. Поборникъ личнаго начала, г. Волжскій не задумывается сводить на одну плоскость въ культѣ его Успенскаго и Ницше, Горькаго и Метерлинка, нигдѣ не вводя читателя въ духъ тѣхъ сложныхъ и громадной индивидуальной важности концепцій, изъ которыхъ выливались у нихъ тѣ или иныя частныя положенія. Что̀ можетъ быть общаго, кромѣ чисто случайныхъ и внѣшнихъ совпаденій, между Леонидомъ Андреевымъ, Герценомъ, Гл. Успенскимъ, Львомъ Толстымъ, Чеховымъ и Достоевскимъ? А между тѣмъ, всего на двухъ какихъ-нибудь страничкахъ (202—204 стр.) г. Волжскій нашелъ возможнымъ породнить ихъ въ близкомъ разумѣніи такихъ страшно сложныхъ и трудно опредѣлимыхъ понятій, какъ „страхъ жизни и страхъ смерти", не установивъ точно терминологіи основныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ этихъ понятій. Г. Волжскій дѣлаетъ цѣлый рядъ логическихъ предпосылокъ, только благодаря которымъ онъ получаетъ возможность связать воедино несвязуемое, примирить непримиримое по одному случайно-взятому поводу, да и то по поводу, который дорогъ, какъ въ данномъ случаѣ, не самъ по себѣ, въ его отвлеченномъ значеніи („страхъ жизни", „страхъ смерти"), а въ той индивидуальной окраскѣ, какую придаетъ ему духовная особность каждаго изъ этихъ писателей.

Такимъ образомъ, культъ личнаго начала, который занимаетъ чуть не срединное положеніе въ философской концепціи г. Волжскаго, и который онъ такъ отстаиваетъ въ своихъ теоретическихъ разсужденіяхъ, разлетается въ прахъ на практикѣ, какъ только г. Волжскому самому приходится имѣть дѣло съ живыми духовными особями, носящими въ себѣ—каждая—ей одной присущее, ее одну отличающее, никогда не повторяющееся. Стирая, сглаживая эти порою мельчайшія, но единственно-выразительныя для каждой особи черты, г. Волжскій тѣмъ самымъ разрушаетъ храмъ, созидавшійся имъ для радостнаго служенія свѣтлому богу человѣческой личности, и обезличиваетъ самый ликъ этого бога, превращая его въ „великое, безликое ничто". И такъ какъ практическое примѣненіе началъ міросозерцанія, направленныхъ къ торжеству конкретной жизненности, важнѣе и цѣннѣе одних воздушныхъ замковъ, неразрѣшимыхъ возможностей и метафизическихъ проблемъ, то нельзя не придти къ заключенію, что и ученіе г. Волжскаго о культѣ личности сводитъ послѣдній лишь къ одному внѣшнему постиженію и лишаетъ его истинной, конкретно жизненной сущности. Подобно тому, какъ это было у г. Волжскаго съ христіанствомъ,

—и проповѣдь культа личности является у г. Волжскаго однимъ изъ пріемовъ философски - изобразительнаго метода, апріорной схемой, въ которую г. Волжскій еще не вложилъ своего завѣтнаго „я“, своей плоти и крови, своей лично выстраданной вѣры и своей скорби за боль и поруганіе идеала. Прозелитовъ своего ученія г. Волжскій не введетъ не только въ храмъ любовнаго и радостнаго общенія съ безконечнымъ міромъ, увѣнчаннымъ обожествленной мечтой о вселенскомъ счастьѣ, какъ и не вернетъ отпавшихъ въ лоно византійско-христіанскаго благочестія и аскетически-молитвенныхъ созерцаній. Глубокое разочарованіе ожидало бы тѣхъ, кто рѣшился бы взять г. Волжскаго не только руководителемъ, но и простымъ спутникомъ въ трудномъ и напряженно-чуткомъ исканіи истинныхъ путей къ самооправданію въ области вѣры и нравственнаго осмысленія своей и чужой жизни...

Если намъ удалось убѣдить читателя, что и христіанство, и культъ личности служатъ для г. Волжскаго не объектами страстнаго, всю душу исчерпывающаго стремленія, а лишь простыми средствами своеобразной философской изобразительности, то нѣтъ, кажется, надобности доказывать, какую бездну долженъ былъ бы ощутить г. Волжскій въ своей душѣ, еслибы это было не такъ. Какая душа способна была бы примирить органически-любовныя отношенія къ человѣческой личности, какъ она осуществляется во всей своей цѣлокупности въ реальной жизни, съ сухимъ догматическимъ призывомъ къ Богу и христіанству, призывомъ, въ которомъ нѣтъ ни страстности убѣжденія, ни безконечнаго саморастворенія въ христіанскомъ идеалѣ, ни молитвъ, ни слезъ, ни нѣжной поэзіи безсознательнаго порыванія къ небесному. Все это у г. Волжскаго наносное, надуманное, начитанное, и, право, можетъ быть, было бы ближе къ истинѣ назвать книгу г-на Волжскаго „У порога литературныхъ исканій“, чѣмъ распространить ея притязаніе на тотъ огромный, сложный и глубокій міръ, съ которымъ у г. Волжскаго еще нѣтъ кровныхъ связей.

Если „пріемы“ г. Волжскаго несостоятельны съ точки зрѣнія „исканій“ въ сферѣ высшихъ духовныхъ запросовъ человѣка, то столь же несостоятельны они и въ области исканій литературныхъ. Литературныхъ—не въ смыслѣ области приложенія пріемовъ г. Волжскаго, но въ смыслѣ цѣнности заключеннаго въ нихъ критическаго метода. Уничтоженіемъ индивидуалистическихъ чертъ писателей г. Волжскій устраняетъ вопросъ о типичности, точности и мѣткости въ характеристикахъ каждаго изъ нихъ. Они сыграли такимъ образомъ лишь служебную роль матеріала для построенія субъективной философской системы...

V.

Итакъ, мы отмѣтили два основныхъ конфликта—между теоріей и практикой въ ученіи г. Волжскаго о личности и между устремленіемъ и приложимостью его религіознаго міропониманія. Въ первомъ случаѣ г. Волжскій съ одной стороны превыше всего ставитъ конкретную человѣческую личность, а съ другой—выражаетъ полное къ ней неуваженіе, полное непризнаніе ея законнѣйшаго, съ его же точки зрѣнія, права на возможно широкое реальное самоопредѣленіе. Во второмъ случаѣ г. Волжскій беретъ на себя задачу проводника въ общественное сознаніе идей о Богѣ и христіанствѣ, причемъ всюду подчеркиваетъ необходимость руководствоваться этими идеями, а между тѣмъ самъ нигдѣ, на протяженіи всей своей книги, не пробуетъ даже явить на себѣ примѣръ того служенія Богу и Христу, какое онъ лично находитъ единственно правильнымъ и необходимымъ для людей. Недостаточно сказать, что грѣхъ декадентскаго движенія „можетъ быть осознанъ и понятъ только на религіозной почвѣ", нужно самому имѣть эту почву. Недостаточно указать на сіяющій вдалекѣ храмъ, нужно убѣдить людей, что именно тамъ и живетъ истинный Богъ, который согрѣетъ сердца людскія лучами любви и прощенія и озаритъ ихъ сознаніе высшимъ смысломъ истинно жизненнаго и истинно религіознаго самоощущенія. А для этого и душа самого проповѣдника должна пламенѣть всесожигающимъ огнемъ самоотверженія и вѣры. Г. Волжскій дѣлаетъ тонкое замѣчаніе о г. Розановѣ. „У него чувствующій умъ и умное чувство. Онъ художникъ въ своемъ мудрованіи, мудрецъ—въ своемъ чувствованіи". О г. Волжскомъ приходится, къ сожалѣнію, сказать наоборотъ: онъ слишкомъ мудрецъ въ своемъ мудрованіи и въ его чувствѣ больше сентиментальнаго паѳоса, чѣмъ искренности и простоты.

Но довольно о г. Волжскомъ. Мы видѣли, насколько его философія неубѣдительна и полна противорѣчій, но по отношенію къ переживаемому нами моменту характеръ, налагаемый ею на критическіе пріемы автора, придаетъ его произведеніямъ особый смыслъ. Если еще въ статьѣ о Вл. Соловьевѣ можно замѣтить кое-гдѣ признаки пріемовъ старой публицистической школы, которой пытался слѣдовать г. Волжскій, то уже въ своихъ дальнѣйшихъ работахъ онъ совершенно разстался съ нею и отъ экскурсовъ въ область общественную перешелъ къ „исканіямъ", къ попыткамъ изслѣдованія жизненныхъ глубинъ въ цѣляхъ постиженія въ нихъ высшихъ божественныхъ отраженій. Для критическаго анализа, такимъ образомъ, раскрывалась но-

вая перспектива, которая могла бы, несомнѣнно, принести благіе результаты и занять почетное мѣсто на ряду съ другими пріемами въ рѣшеніи, путемъ литературной критики, вопросовъ величайшей міровой важности. Но для г. Волжскаго эти вопросы явились не объектами изслѣдованія, а средствомъ, апріорными формами, въ которыя ему не удалось влить новаго, прошедшаго сквозь призму его духа философскаго содержанія, и онѣ перешли на служебную роль своеобразныхъ методологическихъ пріемовъ. Работа потрачена большая, а результатовъ пока не видно, и въ этомъ отношеніи г. Волжскій не одинокъ. Онъ отражаетъ на себѣ тотъ переходный моментъ въ развитіи русской критики, когда она, порывая съ условностями прошлаго, въ общемъ процессѣ освобожденія русскаго слова, еще ощупью, полуинстинктивно изучаетъ пути предстоящаго литературнаго развитія. И, какъ грань между прошлымъ и будущимъ, какъ переходная ступень, книга г. Волжскаго, при всѣхъ ея недочетахъ, нужна, какъ показатель одной изъ тропинокъ, куда полунамеками, спотыкаясь и падая въ предразсвѣтной мглѣ, пробивается пытливая философская мысль...

Евг. Ляцкій.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 мая 1906.

Результаты выборовъ въ Государственную Думу.—Чтò ими опредѣлилось?—Кто побѣдилъ на выборахъ и кто побѣжденъ?—Крестьяне и партійныя программы.—Къ вопросу о прямомъ и степенномъ голосованіи. — „Разгонятъ“ ли Думу? — „Тибетская медицина“ и заключеніе по ней медицинскаго совѣта.—Postscriptum.

Намъ приходится начать, если не съ признанія своей ошибки, то съ признанія чрезмѣрнымъ того скептицизма, съ которымъ мы отнеслись, мѣсяцъ назадъ, въ оцѣнкѣ степени возможности опредѣлить политическую физіономію Государственной Думы до ея открытія, на основаніи результатовъ выборовъ. Мы писали: „и послѣ завершенія второй выборной стадіи нельзя будетъ съ вѣроятностью гадать не только о судьбѣ министерства 17 октября, но рѣшительно ни о чемъ“. Дѣйствительность показала, что не съ вѣроятностью даже, а съ увѣренностью можно говорить и до начала занятій Думы о многомъ.

Выборы безповоротно опредѣлили отношенія подавляющаго большинства членовъ Думы, какъ къ министерству, которое правило Россіей полгода, такъ и къ тому—еще болѣе откровенно-реакціонному, которое приняло власть за четыре дня до открытія Думы. Выборами окончательно опредѣлился тонъ настроенія первыхъ представителей народа—по выраженію рескрипта 18 февраля 1905 г., „достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ людей“. Этотъ тонъ служитъ несомнѣннымъ залогомъ того, что царству безотвѣтственной и самовластной бюрократіи фактически пришелъ конецъ, и что Дума приложитъ всѣ усилія, дабы конецъ царства бюрократіи получилъ и юридическое выраженіе. Тонъ настроенія не обнаруживаетъ столь же рельефно характера созидательной дѣятельности Думы, но кое-что и въ этомъ отношеніи опредѣлилось. Дума едвали пойдетъ по пути, рекомендуемому крайними лѣвыми элементами. Едвали она останется въ предѣлахъ созданія условій для разрѣшенія всѣхъ наболѣвшихъ жизненныхъ вопросовъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ—когда на смѣну нынѣшнему ея составу получатъ возможность придти люди, инымъ, болѣе совершеннымъ порядкомъ и при иныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ избранные, и когда дѣятельность представительства не будетъ имѣть юридическихъ преградъ, поставленныхъ законами 20 февраля. Едвали Дума перваго созыва не попытается сама ихъ преодолѣть, не только замѣною одной бумаги другою, а на живомъ

дѣлѣ обновленія родины. Едвали она не сдѣлаетъ активныхъ шаговъ къ скорѣйшему удовлетворенію жгучихъ потребностей минуты...

Русское общество въ полтора года революціи поразительно выросло въ политическомъ смыслѣ. Не менѣе поражаетъ, какъ окрѣпъ духъ протеста противъ насилія, гнета и безправія, и въ какія законченныя формулы онъ вылился. Духъ рѣшительнаго протеста охватилъ всѣ слои населенія. Особенно характерно это показали выборы въ городахъ, выдѣленныхъ въ отдѣльныя избирательныя единицы. Въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Одессѣ, даже въ выборщики не прошло не только ни одного реакціонера, но и ни одного октябриста. И съ какимъ блескомъ проходили кандидаты конституціонно-демократической партіи! За нихъ вотировали тысячи, гдѣ за противниковъ ихъ—сотни. Чиновничій Петербургъ слился съ дворянско-купеческой Москвой и съ разноплеменной Одессой. Аристократическая литейная часть въ Петербургѣ съ торгово-промышленной—спасской, съ мелко-домовладѣльческой—коломенской и съ чиновничьей — Петербургской-Стороной. За „кадетовъ“ подавали голоса: крадучись отъ начальства—чиновники; крадучись отъ хозяевъ—приказчики и, какъ говорятъ, придворные конюха и лакеи... Даже среди нихъ „крамола“ свила гнѣздо. Если такъ, то какія нужны еще доказательства, что именуемое „крамолой“, въ дѣйствительности, не „крамола“, а отраженіе мысли и воля народа?..

При окончательныхъ выборахъ въ городахъ, шансы кандидатовъ были прямо пропорціональны степени завѣренной репрессіями политической „неблагонадежности“. Сопоставьте двѣ послѣдовательныя телеграммы изъ Харькова, напечатанныя въ „Двадцатомъ Вѣкѣ“ (№№ 17 и 20). Отъ 11-го апрѣля: „Высланный въ Пинегу профессоръ Н. А. Гредескулъ судебной палатой приговоренъ сегодня по литературному дѣлу къ 15-рублевому штрафу. Кандидатура его въ Государственную Думу обезпечена. Г. Дурново сдѣлалъ все для торжественнаго успѣха уважаемаго всѣмъ Харьковомъ ученаго“. Отъ 14-го апрѣля: „Выборы члена Думы не состоялись. Явилось 12 выборщиковъ. Отложены до 21 апрѣля. Причина — ожиданіе выборщиками отвѣта на кассаціонную жалобу въ сенатъ по поводу исключенія изъ списковъ профессора Гредескула“... Выборщики прибѣгли къ послѣднему средству, чтобы провести въ Думу проф. Гредескула—не явились и „сорвали“ производство выборовъ въ назначенный день.

Первый департаментъ сената, вопреки заключенію оберъ-прокурора и, прибавимъ, точному разуму закона (см. „Страна“, № 52), жалобы харьковскихъ выборщиковъ не уважилъ. 21-го апрѣля выборы состоялись—и вотъ что оповѣстила агентская телеграмма: „Членомъ Государственной Думы отъ Харькова избранъ профессоръ Гредескулъ, получившій изъ 74 голосовъ 73. Затѣмъ баллотировался присяжный

повѣренный Булгаковъ, получившій 71 голосъ. Баллотировка Гредескула состоялась по требованію выборщиковъ, несмотря на заявленіе городского головы, что баллотировка эта незаконна въ виду исключенія Гредескула изъ числа выборщиковъ"... Могъ ли проф. Гредескулъ разсчитывать на такую исключительную популярность въ Харьковѣ — въ городѣ, въ которомъ мѣстные интересы никогда не концентрировались вокругъ университета и профессорской коллегіи, — еслибы онъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ не подвергался аресту и двукратному сужденію, завершившемуся ссылкой въ административномъ порядкѣ?! Скажутъ: его популярность раздула и сдѣлала печать. Отчасти—пожалуй, да. Но главная доля заслуги принадлежитъ безспорно чинившемуся въ отношеніи его насилію и произволу.

Бо̀льшее, что̀ можно относить въ результатахъ выборовъ на счетъ вліянія печати, въ частности газетъ, и вообще политической агитаціи,—это разницу между силою, съ которою оппозиціонное отношеніе населенія къ нынѣшнему правительству отразилось въ городскихъ избирательныхъ собраніяхъ и въ губернскихъ. Разница есть, но она не велика. По исходу выборной кампаніи для не-крестьянъ и крестьянъ, такъ сказать паспортныхъ, т.-е. числящихся только землепашцами, губерніи центральной Россіи, въ которыхъ не было борьбы на національной почвѣ, можно раздѣлить на три группы: въ одной избраны сплошь конституціоналисты-демократы, въ другой—тоже сплошь представители правыхъ партій, въ третьей—смѣшанный составъ. Послѣдняя группа численно больше первой и второй. И это показываетъ, что баллотировались не столько партійные списки, сколько конкретные мѣстные люди. Но если внимательно прочесть ихъ имена и начавшія уже появляться въ газетахъ краткія біографіи, то окажется, что у значительнаго большинства такое прошлое, которое на языкѣ жандармовъ и департамента полиціи именуется „запятнаннымъ".

На выборахъ побѣдилъ духъ протеста и побѣжденъ режимъ, объявленный 17 октября уничтоженнымъ и, пожалуй, никогда не дававшій себя такъ рѣзко чувствовать, какъ именно послѣ манифеста о дарованіи незыблемыхъ основъ гражданской свободы, о введеніи конституціонной формы правленія и объ отвѣтственности министерства. Эксцессы революціи, особенно московское вооруженное возстаніе, вызвали въ декабрѣ и въ январѣ поворотъ въ общественномъ настроеніи. И еслибы избраніе членовъ Думы производилось не въ мартѣ, а тогда же, то можно съ полнымъ основаніемъ думать, что исходъ былъ бы другой. Четыре мѣсяца безудержныхъ эксцессовъ правительственной власти затмили впечатлѣніе насильственныхъ революціонныхъ актовъ и вернули настроеніе, слагавшееся въ теченіе перваго періода раз-

витія освободительнаго движенія. Что это такъ—характерныхъ доказательствъ весьма много.

Во всѣхъ указаніяхъ, которыя избиратели дѣлали избранникамъ, въ первую голову повсемѣстно ставились: амнистія и отмѣна смертной казни. Арестами, судебными и административными карами и разстрѣлами—по суду и безъ суда—всего болѣе злоупотребляло въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ правительство. Еслибы главнымъ рычагомъ на выборахъ служили отвлеченно-теоретическія положенія, то и указанія, конечно, ихъ бы преимущественно касались. Разъ такія положенія заняли второе мѣсто, а впередъ выдвинулись столь конкретныя требованія—освободить лишенныхъ свободы и вырвать изъ рукъ власти самое страшное орудіе—закономѣрное убійство,—то очевидно, что главный рычагъ составлялъ именно духъ протеста, покрывавшій различіе теоретическихъ убѣжденій.

При такихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, побѣда внѣ большихъ городовъ конституціоналистовъ-демократовъ, какъ политической партіи, представляется далеко не въ томъ видѣ, какъ ее рисуютъ партійные органы. И пораженіе октябристовъ также не означаетъ, въ сущности, того, что населеніемъ отвергнута ихъ программа. Бѣда союза 17 октября была въ томъ, что въ него влились всѣ вообще консервативно-реакціонные элементы. Монархисты типа „Московскихъ Вѣдомостей", „союза истинно-русскихъ людей" и „Русскаго Собранія" были въ большинствѣ губерній слишкомъ малочисленны для образованія самостоятельныхъ группъ. Другого выхода для нихъ не было, и они слились съ октябристами. Но слившись—отняли отъ октябристовъ ихъ политическую физіономію и на ея мѣсто поставили свои имена, хорошо знакомыя по дѣятельности въ земствѣ, въ дворянскихъ собраніяхъ и въ мѣстномъ городскомъ самоуправленіи. Эти элементы искренно могли усвоить только два полемическихъ тезиса программы союза 17 октября: отрицаніе автономіи Польши и учредительнаго собранія. И почти исключительно ими они аргументировали доводы противъ избранія „кадетовъ". Не нужно быть тонкимъ психологомъ, чтобы предсказать, на чьей сторонѣ окажется побѣда, когда людей, ежедневно и на каждомъ шагу видящихъ произволъ и ощущающихъ всѣ слѣдствія подневольнаго существованія, одни призываютъ къ свободѣ, праву и равенству, а другіе предваряютъ отъ возможности слишкомъ, быть можетъ, рѣшительнаго разрыва съ прошлымъ... Съ декабря правительствомъ разстрѣляно и повѣшено болѣе пятисотъ человѣкъ и арестовано и сослано двадцать что-ли тысячъ—это факты. А расчлененіе Россіи изъ-за предоставленія полякамъ самостоятельности въ области удовлетворенія національно-мѣстныхъ потребностей и интересовъ и провозглашеніе учредительнымъ собраніемъ респу-

блики — это только условныя и весьма проблематическія возможности...

Насколько ослабили положеніе октябристовъ слившіеся съ ними реакціонеры, настолько же усилилъ положеніе конституціоналистовъ-демократовъ бойкотъ выборовъ, объявленный соціалистическими партіями. Бойкотъ, по своей явной нецѣлесообразности и по полному несоотвѣтствію настроенію минуты—скорѣй и безъ крови свергнуть ненавистный режимъ—не былъ популяренъ. И какъ для реакціонныхъ элементовъ не было другого выхода, кромѣ слiянія съ октябристами, такъ элементы оппозиціонные не имѣли иного флага, подъ которымъ могли объединиться, кромѣ флага партіи народной свободы.

Выше мы исключили изъ распредѣленія членовъ Думы по политическимъ партіямъ крестьянъ-землепашцевъ, т.-е. „коренныхъ“ крестьянъ, какъ они сами себя называютъ. Насъ вынуждаютъ такъ поступать и личныя впечатлѣнія, и то, что̀ приходится слышать и читать.

Всѣ выбранные крестьяне, конечно, читали не одну, а навѣрное по нѣскольку главныхъ партійныхъ программъ, и содержаніе программъ несомнѣнно руководило ими при баллотировкѣ „господъ“. Собственные же ихъ положительные идеалы во многомъ стоятъ отъ программъ особнякомъ и до момента выборовъ не имѣли формулировки. Къ этой формулировкѣ крестьянскіе представители Думы приступили только теперь и—что̀ весьма характерно—ведутъ дѣло совершенно самостоятельно. Съѣхавшіеся въ Петербургъ крестьяне собираются и толкуютъ между собой, ничуть не обнаруживая желанія имѣть какихъ бы то ни было руководителей, хотя бы изъ числа будущихъ товарищей по Думѣ.

Мы полагаемъ, что одною изъ причинъ, по которымъ крестьяне могутъ и, съ своей точки зрѣнія, должны считать всѣ партійныя программы „господскими“, является отсутствіе въ нихъ отвѣтовъ на религіозные запросы. Тезисъ объ абсолютной свободѣ вѣроисповѣданія имѣетъ не положительный, а отрицательный характеръ. Имъ устраняются всякія стѣсненія совѣсти, исповѣданія вѣры и пропаганды религіозныхъ убѣжденій. Средства же и способы удовлетворенія религіозной потребности оставляются имъ вопросомъ открытымъ. Онъ, напротивъ, отвергаетъ всякую регламентацію ихъ. Тезисъ объ отдѣленіи церкви отъ государства имѣетъ тотъ же характеръ. Въ связи съ предыдущимъ, онъ раскрываетъ для вѣрующаго полную возможность свободно удовлетворять религіозныя потребности, но въ то же время, въ сущности, лишаетъ его этой возможности. Ибо, разрушая государственную организацію средствъ отправленія христіанскаго культа, онъ

на мѣсто разрушенной никакой иной не создаетъ. Наконецъ, уже прямо обрекаетъ на то, что должна оставаться вовсе безъ удовлетворенія одна изъ основныхъ религіозныхъ потребностей — обученіе дѣтей Закону Божію — тезисъ объ отдѣленіи церкви отъ школы. Легко сказать крестьянину, что обученіе дѣтей молитвамъ, сообщеніе имъ понятій о таинствахъ и христіанскихъ догматахъ и т. д. онъ можетъ, если желаетъ, вести у себя дома, въ семьѣ, или черезъ посредство какого хочетъ учителя!..

Запросы и нужды крестьянства въ области религіозныхъ потребностей чрезвычайно интенсивны и идутъ еще дальше, захватывая отношенія къ духовенству, ненормальность которыхъ мало ощутима для религіозно-индифферентной интеллигенціи и столь сильно даетъ себя чувствовать крестьянамъ въ деревнѣ. 19-го апрѣля партіей демократическихъ реформъ было устроено въ Петербургѣ публичное собраніе для обсужденія ближайшихъ задачъ Государственной Думы. Въ преніяхъ между прочими принялъ участіе членъ Думы Д. И. Назаренко—крестьянинъ харьковской губерніи, типичный малороссъ, по всѣмъ признакамъ коренной хлѣборобъ. Говорившими ранѣе его были подробно развиты правовая и экономическая стороны крестьянскаго вопроса. А потому Д. И. Назаренко началъ съ оговорки, что онъ поведетъ собраніе еще только въ одинъ уголокъ нужды крестьянъ. И этимъ уголкомъ оказались именно отношенія къ духовенству.

Въ чрезвычайно образной рѣчи, ораторъ — этотъ терминъ вполнѣ приложимъ къ Д. И. Назаренко—очертилъ то общее недоумѣніе, смѣшанное съ возмущеніемъ, которое невольно возникаетъ у крестьянъ, какъ только они начинаютъ вникать въ отношенія, сложившіяся между ними и служителями алтаря. Родился младенецъ, надо совершить таинство, окрестить—плати. Заболѣлъ человѣкъ, надо пособоровать—опять плати. Умеръ — плати. Молебенъ захочешь отслужить — плати. Жениться собрался—тутъ ужъ плати тридцать рублей, „а не то хоть къ вѣдьмѣ вѣнчаться ступай". Давала земля урожай, были деньги — и платили. „А теперь не въ моготу!" „Пошли мы—разсказывалъ Д. И. Назаренко—къ священнику и спрашиваемъ: такъ и такъ, молъ,—какъ же это таинства христіанскія и торговля — все только за деньги?" А священникъ отвѣчаетъ: „А духовенство чѣмъ будетъ жить?—Жалованья мы не получаемъ, доходовъ другихъ не имѣемъ"... „Да, дѣйствительно, чѣмъ же имъ жить", смекнули крестьяне. „И вотъ, когда послѣ избранія я, — такъ закончилъ Д. И. Назаренко, — спрашивалъ крестьянъ, чего мнѣ должно добиваться въ Думѣ, они сказали:—Иди, братъ, ты на своей спинѣ узналъ все горе и всю нужду крестьянскую. Земли намъ, конечно, надо, прежде всего, — потому безъ земли жить стало совсѣмъ невозможно;— еще, чтобы права были; еще, чтобы

и мы могли дѣтей всему обучать; а еще — чтобы духовенству отъ казны жалованье положили". „Нельзя такъ оставлять, что священники по дворамъ ходятъ, у нищихъ милостыню выпрашиваютъ и таинства продаютъ"...

Рѣчь Д. И. Назаренко напомнила намъ, какъ на предвыборныхъ собраніяхъ въ уѣздѣ, гдѣ мы лично принимали участіе въ выборахъ, а затѣмъ въ губернскомъ городѣ, одинъ крестьянинъ-выборщикъ, пожилой старикъ, настойчиво пытался вызвать интересъ къ тѣмъ же самымъ вопросамъ и противорѣчіямъ. Лишенный дара слова и умѣнья ясно формулировать мысли, онъ путался и успѣха не имѣлъ. И „господа", и „мужики" его не слушали. Послѣдніе даже останавливали и какъ будто конфузились за него. Мы не довѣрялись тогда впечатлѣнію, но намъ казалось, что крестьянами, не слушавшими и останавливавшими старика, руководила мысль: „они", т.-е. господа, этого не поймутъ...

Когда обнаружились еще первые результаты выборовъ, въ газетахъ промелькнулъ слухъ, что будто въ правительственныхъ сферахъ стали циркулировать толки о преимуществахъ всеобщаго и прямого голосованія передъ системой законовъ 6-го августа и 11-го декабря 1905 г. Былъ ли этотъ слухъ плодомъ фантазіи газетныхъ репортеровъ — не знаемъ. Но что у бюрократіи, потерявшей послѣднюю надежду на сохраненіе своего существованія, могло и должно было явиться желаніе дискредитировать составъ членовъ Думы—это болѣе, чѣмъ возможно и вѣроятно. Утопающій хватается за соломину, хотя бы ее приходилось принимать изъ рукъ врага. Такъ и правительственныя сферы готовы были, думаемъ, особенно въ первую минуту растерянности, соединиться съ бойкотировавшими выборы соціалистами и опрокинуть результаты избранія, во имя строгаго соблюденія четырехчленной формулы, ранѣе казавшейся имъ такой опасной. Умирать никому не охота! И такъ страстно желаніе умирающаго продлить жизнь, хоть не надолго... А смерть отжившаго режима уже витаетъ въ воздухѣ. Еще немного—и онъ безповоротно отойдетъ въ прошлое...

Мы никогда не были безусловными сторонниками прямыхъ выборовъ. Годъ назадъ, когда еще работала Булыгинская коммиссія, не была окончена война и мечталось, что новый государственный строй получитъ осуществленіе въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, мы, въ виду ускоренія разрѣшенія кризиса и слабой тогда подготовленности всѣхъ классовъ населенія къ политическимъ выборамъ, на первый разъ категорично высказывались за степенное избраніе, какъ внѣ городовъ, такъ и въ городахъ. Дальнѣйшій ходъ освободительнаго движенія за-

ставилъ насъ въ отношеніи городовъ признать возможнымъ и даже болѣе цѣлесообразнымъ примѣнить прямое голосованіе. Въ отношеніи же внѣ-городскихъ избирательныхъ единицъ, только-что прошедшіе выборы, по нашему мнѣнію, обнаружили такія достоинства степеннòго избранія, съ которыми, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ считаться.

Во-первыхъ, получилась тѣснѣйшая органическая связь между членами Думы и населеніемъ такихъ крупныхъ территоріальныхъ единицъ, какъ губернія. При прямыхъ выборахъ, членъ Думы былъ бы представителемъ уѣзда—ста или двухсотъ тысячъ населенія. Теперь—онъ одинъ изъ представителей милліона. двухъ и даже трехъ. Его, черезъ посредство степеней, послали всѣ эти милліоны; они его знаютъ, за его дѣятельностью будутъ слѣдить, и онъ принялъ на себя отвѣтственность не передъ тысячами, а передъ милліонами. Вмѣстѣ съ тѣмъ образовалось простое и вѣрное средство общенія. Образовалась пирамида: избиратели самой глухой деревни знаютъ уполномоченныхъ, уполномоченные—выборщиковъ, выборщики—избранныхъ. И всѣ другъ друга знаютъ, какъ конкретныхъ, вполнѣ опредѣленныхъ лицъ. Дать отчетъ члену Думы деревенскимъ избирателямъ, еслибы онъ былъ выбранъ прямымъ голосованіемъ, безконечно трудно. Газетъ деревня не читаетъ; собрать уѣздный митингъ—невозможно. Для избирателей потребовать отъ него отчетъ нелегче. При существованіи же промежуточныхъ степеней трудности устраняются. Выборщики члену Думы поименно извѣстны. И онъ можетъ ихъ собрать, и они могутъ, собравшись, его пригласить. Также точно выборщикъ всегда можетъ устроить собраніе тѣхъ, кто его уполномочилъ. Уполномоченный—оповѣстить все населеніе своего околотка. Будетъ ли практиковаться общеніе народныхъ избранниковъ съ избирателями—впередъ сказать гадательно. Но что оно желательно—врядъ ли кто станетъ возражать. Крестьяне-выборщики той губерніи, гдѣ мы участвовали въ выборахъ, и до избранія, и послѣ, настойчиво просили, чтобы представители организовали періодическіе съѣзды, выражая полную готовность пріѣзжать въ губернскій городъ по первому зову.

Во-вторыхъ, степеннòе избраніе расширило кругъ кандидатовъ въ члены Думы. Приведемъ примѣръ. Въ той же губерніи двѣнадцать уѣздовъ; избрано восемь лицъ; по уѣздамъ эти восемь членовъ Думы распредѣляются такъ: отъ трехъ уѣздовъ выбрано по два и отъ двухъ по одному. Объективно разсуждая, въ подобномъ распредѣленіи нельзя не видѣть того, что болѣе подходящихъ кандидатовъ, чѣмъ избранные, въ семи уѣздахъ не оказалось. И этимъ устранена случайность проживанія въ уѣздѣ не одного, а двухъ популярныхъ политическихъ дѣятелей. Подобную случайность могла бы и при прямыхъ выборахъ устранить система, называемая scrutin de liste, по которой нѣтъ

ограниченія права быть избраннымъ правомъ участія въ выборахъ по данному избирательному округу. Но насколько населеніе—подчеркиваю: не городское, а уѣздное—воспользовалось бы при первыхъ выборахъ этой поправкой къ прямому голосованію—большой вопросъ. И среди кандидатовъ своего уѣзда въ начальныхъ стадіяхъ выборовъ голоса страшно разбивались, и тутъ давало себя чувствовать отсутствіе общеизвѣстныхъ именъ—мыслимо ли думать, чтобы голоса могли сосредоточиться на чужомъ человѣкѣ.

Далѣе, наконецъ, степенные выборы отняли отъ представителей узко-мѣстную окраску. Опытъ Запада учитъ, что чѣмъ дробнѣе избирательныя единицы, тѣмъ болѣе торжествуютъ въ палатахъ мѣстные интересы. Наоборотъ: чѣмъ единицы крупнѣе, тѣмъ выше поднимается значеніе интересовъ общихъ. Помнимъ, на городскихъ выборахъ въ Петербургѣ, осенью 1903 г., избиратели не столько требовали отъ кандидатовъ въ гласные обѣщаній о постановкѣ городского хозяйства на новыя начала, сколько обѣщанія добиться постройки пѣшеходнаго моста черезъ Екатерининскій каналъ или устройства сквера вокругъ церкви Михаила Архангела и т. п. На нынѣшнихъ выборахъ мы слышали, какъ одинъ выборщикъ - крестьянинъ, выражая удовольствіе по поводу успѣшнаго избранія его земляка, говорилъ: „Ну, теперь у насъ земская школа будетъ преобразована въ двухклассную министерскую—„онъ“ добьется“. Едвали справедливо было бы упрекать наивнаго выборщика въ отсутствіи способности подняться надъ эгоистичными интересами родного села. Но едвали онъ самъ былъ бы полезнымъ и желательнымъ членомъ Думы.

Мы далеки отъ мысли преувеличивать значеніе приведенныхъ положительныхъ сторонъ системы степенного избранія и, на основаніи ихъ, возводить систему въ принципъ. Мы отмѣчаемъ ихъ только какъ фактъ, несомнѣнно оказавшій вліяніе на результатъ. А потому предлагаемъ считаться съ ними при практической оцѣнкѣ послѣдовательнаго проведенія теоріи всеобщаго, равнаго и прямого голосованія. Первый опытъ, по нашему мнѣнію, рельефно показалъ, что эта теорія необходимо предполагаетъ широкое развитіе политически-партійныхъ организацій и средствъ политической пропаганды. До тѣхъ поръ, слѣдовательно, пока ни организація, ни средства пропаганды не проникли въ глубь крестьянской деревни изъ десятка дворовъ, принятіе теоріи во всемъ ея объемѣ заставляетъ быть крайне осторожнымъ. Лица, участвовавшія въ выборахъ по петербургской губерніи, передавали намъ, что они вынесли обратное впечатлѣніе и что послѣ выборовъ ихъ скептическое отношеніе къ прямому голосованію не усилилось, а ослабѣло. Это различіе впечатлѣній тѣмъ болѣе вынуждаетъ возражать противъ прямого голосованія, какъ общаго шаблона, равно

примѣнимаго, при настоящихъ обстоятельствахъ, повсемѣстно. Петербургская и московская губерніи находятся въ исключительныхъ условіяхъ. Достаточно вспомнить, что и въ Лугѣ, и въ Нарвѣ, и въ Гдовѣ, и въ Царскомъ-Селѣ, агитацію непосредственно велъ центральный комитетъ конституціонно-демократической партіи. Устраивались собранія, при участіи выдающихся ораторовъ, широко распространялись воззванія и другая партійная литература и т. д. Возможно ли что-либо подобное въ пермской, тамбовской, орловской и во всѣхъ другихъ губерніяхъ? Когда это станетъ возможно, только тогда можно будетъ со спокойной совѣстью замѣнить степенное избраніе прямымъ.

Еще оговорка. Мы отнюдь не рекомендуемъ отлагать принятіе для внѣ-городского населенія системы прямого голосованія на многіе годы. Если ростъ сознательной политической жизни пойдетъ и дальше тѣмъ же темпомъ, какимъ онъ идетъ сейчасъ, то возможность такой реформы избирательнаго закона наступитъ, по всей вѣроятности, раньше истеченія срока полномочій нынѣшнихъ членовъ Думы. Но до ея наступленія отказываться отъ системы степеней было бы рискованно.

Какъ безконечно часто оправдывается старая истина: крайности сходятся! Съ обоихъ нашихъ политическихъ полюсовъ упорно раздается и повторяется зловѣщее предсказаніе: „Думу разгонятъ"... Именно „разгонятъ", а не распустятъ. На вопросъ: почему?—отвѣчаютъ: „станетъ грубить Государю или войску—и разгонятъ".

Сколько въ этомъ предсказаніи и въ этомъ объясненіи слышится злорадства и стремленія унизить Думу! Чего съ ней церемониться— „разогнать" штыками и больше ничего!.. Одни желали бы видѣть разгонъ Думы изъ-за того, что она собрана не по четырехчленной формулѣ и безъ ясно выраженнаго признанія за нею правъ учредительнаго собранія. Другіе—дабы если не вовсе устранить обновленіе государства, то хоть отдалить конецъ столь любезнаго ихъ сердцу режима. Одни хотѣли бы, чтобы дѣйствительность доказала невозможность мирнаго разрѣшенія кризиса и тѣмъ вызвала насильственную революцію. Другіе—чтобы о штыки разбились „безпочвенныя" мечтанія о свободѣ, правѣ, равенствѣ и народномъ благѣ. Во всякомъ случаѣ, и тѣмъ, и другимъ диктуетъ зловѣщее предсказаніе не спокойная оцѣнка реальныхъ фактовъ и обстоятельствъ, а желаніе...

Сопоставьте теперь это предсказаніе съ тѣмъ, всѣми одинаково завѣряемымъ, подъемомъ духа и молитвеннымъ настроеніемъ, съ которымъ крестьянская Россія шла на выборы, съ тѣми ожиданіями и надеждами, которыя она возлагаетъ на Думу. Сопоставьте это карканье съ такой картинкой съ натуры, какую мы заимствуемъ изъ

„Правды Божіей“ (№ 94). Зарисована она въ Черниговѣ. „Сильное впечатлѣніе произведено такимъ заявленіемъ. Всталъ Н. Миклашевскій и въ глубокомъ волненіи призвалъ избранныхъ поклясться—*пожертвовать въ борьбѣ за свободу* всѣмъ, даже *жизнью, если будетъ надо*... Дальше рѣчь оборвалась и говорившій ораторъ разрыдался. Въ отвѣтъ ему одинъ изъ выборщиковъ сказалъ, что защищать свободу должны не только избранные въ Думу, а и оставшіеся дома, и призвалъ *всѣхъ присутствующихъ* „поклясться въ готовности *умереть за свободу*... Вставъ съ своихъ мѣстъ и поднявъ руки вверхъ, все собраніе прокричало:

„— *Клянемся!*“

Или—вотъ выдержка изъ рѣчи Д. И. Назаренко, часть которой мы уже приводили („Страна“ № 52). ...„Пріѣхалъ я въ Петербургъ... Съ разныхъ сторонъ я слышу теперь: ты, молъ, не очень... того...

„— Что „того“?—спрашиваю.

„— А то,—говорятъ,—разгонятъ вашего брата... Господа! Не вѣрьте этому... Скажите имъ, что этого не будетъ... Не знаютъ они, что̀ такое Дума для крестьянскаго народа... Какъ Мессію ждали евреи, такъ и народъ ждетъ Думу и всякихъ благъ отъ нея... Дума—наша сила, наша воля, наша честь. И ее разогнать? Этого нельзя сдѣлать!

„— Но если случится такое, я знаю душу крестьянина и скажу вамъ; исторія не знаетъ еще такого взрыва народнаго гнѣва, какой будетъ у насъ, если посягнутъ на представителей народа...

„— Я знаю, много есть людей, которые скажутъ Царю:—Распни ее!—и укажутъ на Думу... Но гдѣ Пилатъ? Кто возьметъ на себя его роль? Если же кто и согласится на это, то придется ему обмыть свои руки не въ простой водѣ, а въ крови народа... Нѣтъ, этого не будетъ, не можетъ быть“...

Только безумный, при подобномъ отношеніи къ Думѣ всего народа, могъ бы употребить противъ нея силу...

Но... безусловно, все-таки, нельзя отвергать возможности, что за первымъ конфликтомъ между Думой и правительствомъ послѣдуетъ попытка ее распустить, и когда попытка не удастся—въ этомъ мы глубоко убѣждены: Дума добрововольно не откажется отъ данныхъ ей избраніемъ полномочій,—то въ Таврическомъ дворцѣ раздадутся выстрѣлы и роскошныя залы обагрятся кровью... Что̀ потомъ наступитъ—вопросъ другой... Кто, обращаясь къ народному представительству, говоритъ: „не смѣй *грубить* войску“—отъ того можно ожидать всего...

Еще въ мартовской хроникѣ мы отмѣчали тенденцію въ правительственныхъ сферахъ поставить дѣятельность Думы въ зависимость отъ настроенія и желаній войска. Мы указывали всю чудовищность предоставленія войску роли самостоятельной, самоопредѣляющейся

власти въ государствѣ. Если, на ряду съ монархомъ и народомъ въ лицѣ его представителей, въ положеніе источника власти хоть на одинъ моментъ поставить войско, то владычествовать, само собою разумѣется, будетъ только оно. Когда и какъ право можетъ устоять противъ независимой отъ него силы?

Даже мысли о возможности конфликта между Думой и войскомъ не можетъ и не должно возникать. Конфликтъ у народнаго представительства можетъ имѣть мѣсто или внутри его самого—между палатами,—или съ монархомъ. Все остальное въ государствѣ,—не исключая министерства и войска,—суть органы, подчиненные верховной власти государства, раздѣляемой монархомъ съ народными представителями. Стараться провести въ жизнь противное значитъ разрушать весь смыслъ государственной организаціи...

А признаки подобнаго стремленія существуютъ. Взять хотя бы то исключительное положеніе, которое создано для войска въ отношеніи печати послѣдними дополненіями къ временнымъ правиламъ 24-го ноября. Вѣдь, въ сущности, по буквѣ закона, кромѣ панегириковъ войску и отдѣльнымъ военнослужащимъ, ничего другого, безъ риска попасть въ тюрьму, нельзя ни писать, ни печатать. Почему нѣтъ такихъ же ограниченій относительно другихъ органовъ государства?.. Это, пожалуй, еще частность. А вотъ что уже прямо противопоставляетъ Государственную Думу и войско. Проектъ основныхъ законовъ (см. „Внутреннее Обозрѣніе“) исключаетъ изъ вѣдѣнія Думы всю область военнаго законодательства, войскового хозяйства, организаціи войска, комплектованія и т. д. Конкуррирующими съ Думою учрежденіями предполагается поставить архаическіе военный и адмиралтействъ-совѣты и даже — этому не всякій и повѣритъ — главные военный и военно-морской суды.

Военная диктатура, проявлявшаяся въ разстрѣлахъ, совершавшихся лейтенантами и поручиками, измѣнила нѣсколько форму, но не измѣнила содержанія. Куда дальше идти, когда севастопольскій комендантъ отказалъ привести въ исполненіе распоряженіе перваго министра о предоставленіи члену Государственной Думы г. Сипягину права пріѣхать въ Севастополь?!

Мало будутъ различаться послѣдствія, какъ если Думу „разгонятъ“ правительственныя войска, такъ и если ее „разгонятъ“ боевыя дружины революціи. Выборы показали громадную высоту подъема въ населеніи духа протеста. Но противъ чего главнымъ образомъ? — Противъ насилія, безправія и крови. Откуда бы насиліе ни пришло—оно не встрѣтитъ въ массахъ сочувствія. Напротивъ: оно встрѣтитъ рѣшительный отпоръ. Съ другой стороны, выборы показали, что реальныя потребности народа такъ насущны, что для него все равно:

произведено ли избраніе по правильной или неправильной системѣ, достаточно ли опредѣленно и полно написано въ законѣ о правахъ и предѣлахъ власти представителей. Для народа важно, чтобы Дума немедленно приступила къ рѣшенію практическихъ задачъ минуты, чтобы она работала, не покладая рукъ, и чтобы она свято помнила клятву умереть за свободу...

Указъ 17-го апрѣля 1905 года по дѣламъ вѣры нашелъ себѣ откликъ въ отдаленной части имперіи, но не прямо по дѣламъ вѣры, а по вопросамъ медицины,—и вотъ какъ это могло случиться. Въ иркутской губерніи и въ Забайкальской области, какъ извѣстно, проживаютъ калмыки и буряты; число послѣднихъ приближается къ 300.000 обоего пола; за небольшимъ изъятіемъ въ 30—35 тысячъ христіанскаго исповѣданія, все остальное населеніе исповѣдуетъ буддизмъ, принесенный къ намъ изъ Тибета. По ученію буддистовъ, врачеваніе тѣла составляетъ обязанность ламъ, буддійскихъ монаховъ, пользующихся среди населенія особымъ уваженіемъ, какъ представители самого Будды на землѣ: они охраняютъ нравственныя начала жизни и наблюдаютъ за правильностью жизни физической, причемъ въ ихъ рукахъ находится и „тибетская" медицина. Вотъ почему буряты и калмыки обратились съ медицинскимъ вопросомъ, какъ съ вопросомъ для нихъ вмѣстѣ и религіознымъ, въ Особое Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ гр. Игнатьева, для согласованія дѣйствующихъ узаконеній съ вышеупомянутымъ указомъ 17-го апрѣля по дѣламъ вѣроисповѣданія. Наши буддисты, въ виду стѣсненій ихъ ламъ мѣстными чинами, обратились съ ходатайствомъ, между прочимъ, о разрѣшеніи узаконить тибетскую медицину, считающую за собою, на мѣстѣ рожденія, около двѣнадцати вѣковъ, для буддійскаго населенія Россіи, и, кромѣ того, разрѣшить открытіе спеціальныхъ школъ для образованія врачей по тибетской системѣ, съ установленіемъ контроля надъ самозванными врачами. Но до разсмотрѣнія этого ходатайства бурятъ въ особомъ совѣщаніи гр. Игнатьева, департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій передалъ его, съ своимъ заключеніемъ, на предварительное обсужденіе того спеціальнаго вѣдомства, которое, прежде всѣхъ, должно высказаться по главному предмету ходатайства нашихъ буддистовъ, а именно, на обсужденіе медицинскаго совѣта. Медицинскій совѣтъ поручилъ разсмотрѣть все это дѣло одному изъ своихъ сочленовъ, д-ру Л. Б. Бертенсону, который и внесъ въ совѣтъ весьма подробный и интересный отзывъ по поводу заключенія департамента духовныхъ дѣлъ по вышеупомянутому ходатайству бурятъ, и прежде всего коснулся двухъ существенныхъ вопросовъ: 1) въ какой мѣрѣ буряты и калмыки пользуются врачебною помощью со стороны пра-

вительства; и 2) что представляетъ собою такъ-называемая „тибетская“ медицина? Желающимъ познакомиться во всѣхъ подробностяхъ съ изслѣдованіемъ этихъ вопросовъ, рекомендуемъ обратиться къ спеціальному изданію „Русскій Врачъ“ (1906 г., № 14, 8 апр.), гдѣ отзывъ д-ра Л. Б. Бертенсона помѣщенъ цѣликомъ, а мы ограничимся извлеченіемъ оттуда преимущественно того, что можетъ особенно интересовать каждаго читателя. Присутствіе правительственной медицинской помощи въ иркутской губерніи и въ Забайкальской области можно, во многихъ случаяхъ, справедливо приравнять къ полному ея отсутствію: разстояніе мѣстожительства врача отъ границъ его округа равняется иногда нѣсколькимъ стамъ верстъ!! Что же касается самой тибетской медицины, то о ней можно прежде всего сказать, что она имѣетъ весьма древнюю литературу, и первое медицинское руководство, извѣстное подъ именемъ „Жудъ-Ши“, было составлено въ Тибетѣ 700 лѣтъ по Р. Х., а лѣтъ двѣсти тому назадъ тибетскіе ламы принесли эту книгу съ собою къ бурятамъ и перевели ее на мѣстный языкъ. Весьма недавно „Жудъ-Ши“ былъ переведенъ на русскій языкъ извѣстнымъ Петербургу бурятскимъ врачомъ П. Бадмаевымъ, но остался неизданнымъ, за недостаткомъ средствъ у казны, несмотря на весьма лестную аттестацію этого перевода со стороны медицинскаго департамента.

Не сравнивая, конечно, тибетскую медицину съ современной научной медициной—первая остается почти въ томъ же видѣ, какой она представляла двѣнадцать вѣковъ тому назадъ,—д-ръ Л. Б. Бертенсонъ ставитъ, тѣмъ не менѣе, на высокое мѣсто тибетскую медицину за этику какъ по отношенію къ паціентамъ, такъ и по отношенію къ врачамъ. „Разумная жизнь—говорится въ „Жудъ-Ши“—обязательна для всѣхъ, особенно же для больныхъ. А разумная жизнь—по „Жудъ-Ши“—состоитъ въ умѣньи содержать въ чистотѣ умъ и тѣло и оберегать себя отъ всякихъ излишествъ, потому что они препятствуютъ благосостоянію ума и тѣла“... „Физическій трудъ и тѣлесное упражненіе только тогда цѣлесообразны, когда они совершаются на открытомъ воздухѣ“, и т. д.

Самою интересною и даже, по выраженію д-ра Л. Б. Бертенсона, особенно „поучительною“ въ книгѣ „Жудъ-Ши“ является та ея глава, состоящая изъ шести частей, гдѣ говорится о медицинской этикѣ, какъ она понимается тибетскою медициной. Буддійскій медикъ обязанъ быть способнымъ къ врачебной дѣятельности, и при этомъ приводятся традиціи старыхъ врачей и опредѣляется кругъ ихъ познаній и обязанностей.

Вотъ небольшой отрывокъ изъ катехизиса для буддійскихъ врачей, лечащихъ по тибетской системѣ.

„Врачи,—возвѣщается въ „Жудъ-Ши",—понимающіе свои обязанности, должны: сохранять медицинскіе инструменты въ такой чистотѣ, какъ свою мысль и печать; должны лечить страждущихъ, исцѣлять бѣсноватыхъ, успокаивать мнительныхъ. Счастье врача должно заключаться въ исполненіи долга. Врачи должны быть пріятными для больныхъ и не отталкивать ихъ своими проступками, рѣчами и мыслями. Должны помнить, что лекарство—драгоцѣнность, нектаръ, которымъ можно излечивать всякаго больного. Малѣйшія частицы лекарства должны быть предметомъ поклоненія врачей. Обладая этими драгоцѣнностями, слѣдуетъ беречь ихъ и аккуратно составлять изъ нихъ лекарства; помѣщеніе же ихъ слѣдуетъ держать въ такой чистотѣ, какъ чашу нектара.

„Врачамъ необходима нѣжная и умѣлая рука, терапевтамъ—при осмотрахъ, а хирургамъ—при операціяхъ. Пріятной рѣчью врачи должны успокаивать больныхъ; обладая умомъ, они должны быть откровенными и понятными. Врачи, обладающіе такими качествами, всегда будутъ пользоваться расположеніемъ и довѣріемъ больныхъ.

„Врачи должны быть старательными въ своихъ дѣлахъ. Они должны непрестанно заботиться о своемъ образованіи и о тѣхъ результатахъ, которые составляютъ цѣль ученія.

„Наконецъ, врачи, понимающіе свои обязанности, знающіе въ совершенствѣ основы медицины и хирургіи, обладающіе обширными терапевтическими познаніями, постоянно пополняющіе свои научныя свѣдѣнія, не подверженные страстямъ, искренно сочувствующіе страждущимъ, заботящіеся о другихъ, какъ о самихъ себѣ, не теряющіеся при исполненіи своихъ обязанностей, могутъ считаться лицами, вполнѣ достойными своего званія.

„Особыя обязанности врачей: въ научныхъ своихъ занятіяхъ врачи должны держаться средняго критическаго взгляда, избѣгая безусловно двухъ крайнихъ и ложныхъ воззрѣній. Критическое среднее воззрѣніе есть наилучшее. Врачи должны относиться къ человѣчеству съ любовію и состраданіемъ, приносить всѣмъ радости, считать всѣхъ равными, отказаться отъ ненависти, злости, мщенія, небрежности, лжи, вообще отъ всѣхъ дурныхъ поступковъ. Напротивъ того, они должны быть старательными, терпѣливыми и благотворительными.

„За свою дѣятельность на землѣ врачи разумно пользуются жизнью и довольствомъ, благодаря своимъ познаніямъ въ медицинѣ. Напоминать о вознагражденіи за труды позволительно лишь тогда, когда есть дѣйствительная надобность въ средствахъ. Слѣдуетъ только помнить, что если пройдетъ много времени послѣ поправленія разстроеннаго здоровья, то больные обыкновенно забываютъ пользу, принесенную врачами".

Очевидно, въ отношеніи медицинской этики тибетская медицина не уступитъ никакой другой; но, конечно, въ отношеніи научномъ она, существуя двѣнадцать вѣковъ, на столько же вѣковъ и отстаетъ отъ современнаго положенія современной медицины, какъ науки, а потому, въ своемъ заключеніи, д-ръ Л. Б. Бертенсонъ высказалъ мнѣніе, что ни узаконять, ни регламентировать тибетскую медицину правительству

не слѣдуетъ, а контроль и самое открытіе медицинскихъ школъ, по тибетской системѣ, должны быть предоставлены обществу самихъ бурятъ; на правительствѣ же должна лежать одна обязанность просвѣщенія бурятъ, что дало бы современемъ возможность мирной побѣды со стороны научной медицины надъ буддійскою. Медицинскій совѣтъ принялъ такое заключеніе цѣликомъ, присовокупивъ предложеніе о выборѣ способнѣйшихъ молодыхъ людей изъ бурятъ съ цѣлью опредѣленія ихъ, на счетъ казны, въ медицинскій факультетъ или въ медицинскую академію. Во всякомъ случаѣ, такое заключеніе медицинскаго совѣта,—если оно будетъ осуществлено,—избавитъ бурятъ отъ мелкихъ стѣсненій и произвола мѣстныхъ властей, что собственно и вызвало ходатайство съ ихъ стороны..

P. S.—Наша хроника была сдана въ печать, когда мы прочли о новой крови! Въ Москвѣ было сдѣлано покушеніе на жизнь генералъ-губернатора, адмирала Дубасова. Адмиралъ тяжело раненъ, его адъютантъ убитъ. Въ Екатеринославѣ въ тотъ же день убитъ временный генералъ-губернаторъ, генералъ Жолтановскій. Опять жертвы многолѣтней, съ обѣихъ сторонъ равно ожесточенной борьбы! Когда она кончится!? Кто первый и когда откажется отъ убійства по приговору—суда или революціоннаго трибунала?..

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.

Воззваніе Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая.

Къ пережитымъ нашею родиною бѣдствіямъ присоединилось новое: *неурожай*, отъ котораго пострадало слишкомъ 138 уѣздовъ въ 23 губерніяхъ съ населеніемъ около 25 милліоновъ, на пространствѣ въ 600 тысячъ квадратныхъ верстъ. Отъ лѣтней жары высохли хлѣба и травы въ центральной черноземной полосѣ, отъ чрезмѣрныхъ дождей вымокли поля во многихъ мѣстностяхъ сѣвера. Недоборъ въ 12 наиболѣе пострадавшихъ губерніяхъ превышаетъ полъ-милліарда пудовъ хлѣба. Населеніе этого района не можетъ покрыть свою нужду даже при содѣйствіи земства и правительства.

Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ населеніе дошло уже до такой грани, гдѣ кончается голодная жизнь и начинается голодная смерть. *Нѣтъ пищи, нѣтъ корма для скота, нѣтъ соломы на топливо.* Ожидаются цынга, голодный тифъ, холера, надвигается грозный призракъ чумы.

Вспомнимъ 1892 годъ, въ теченіе котораго отъ болѣзней, спутниковъ голода 1891 года, только въ губерніяхъ Европейской Россіи смертность противъ трехлѣтней средней увеличилась на 600.000 человѣкъ. *Нужна неотложная общественная помощь.* Только при сочувствіи общества народной нуждѣ могутъ быть собраны средства, необходимыя для изголодавшагося населенія.

Уже возникло съ этою цѣлью нѣсколько общественныхъ организацій. Но бѣдствіе такъ велико, что необходимо создавать новые и новые кружки, собирать новыя силы и средства.

Русское Общество охраненія народнаго здравія сочло своимъ долгомъ помочь голодающимъ и объединило для этой цѣли многія С.-Петербургскія Общества.

Въ твердой надеждѣ на общее сочувствіе *Соединенная Организація С.-Петербургскихъ Обществъ* обращается ко всѣмъ, въ комъ живо, въ комъ теплится чувство любви къ страждущему ближнему, *съ просьбою оказать посильную помощь*—и малая лепта отъ многихъ доброжелателей можетъ спасти голодающихъ.

Всѣ накладные расходы будутъ выполнены на средства Русскаго Общества охраненія народнаго здравія, а потому *каждая пожертвованная копѣйка найдетъ себѣ производительное употребленіе исключительно на нужды голодающихъ отъ неурожая.* Спѣшите помогать, ибо опасность—въ промедленіи.

Списки пожертвованій и отчеты будутъ публиковаться въ газетахъ и журналѣ Общества охраненія народнаго здравія; дѣятельность орга-

низаціи будетъ доступна самой широкой гласности и общественному контролю.

Для завѣдыванія всѣми дѣлами Соединенная Организація избрала *Исполнительный Комитетъ*: предсѣдатель прив.-доц. В. О. Губертъ, секретари: гражд. инж. С. В. Покровскій и д-ръ мед. Г. И. Дембо, казначей д-ръ Б. И. Хабловскій; члены—д-ръ мед. А. А. Владиміровъ, женщ.-врачъ З. Я. Ельцина, гражд. инж. В. В. Старостинъ и Вас. Ив. Покровскій.

Пожертвованія въ фондъ Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая принимаются:

а) въ Обществѣ охраненія народнаго здравія (Мойка, 85, у Синяго моста);

б) во всѣхъ соединенныхъ съ нимъ Обществахъ, а именно: 1) въ „Обществѣ архитекторовъ" (Мойка, 83); 2) въ „Обществѣ архитекторовъ-художниковъ" (Императорская Академія Художествъ); 3) въ „Обществѣ борьбы съ заразными болѣзнями" (Театральная ул., 3); 4) въ „Россійскомъ Ветеринарномъ Обществѣ" (Театральная ул., 1—3); 5) въ „С.-Петер. Врачебномъ Обществѣ взаимной помощи" (9 Рожд., № 18); 6) въ „Географическомъ Обществѣ" (Чернышевская площ., 2); 7) въ „Обществѣ гражданскихъ инженеровъ" (Серпуховская ул., 10); 8) въ „Обществѣ инженеръ-электротехниковъ" (Песочная ул., 5); 9) въ „Медицинскомъ Обществѣ" (Инженерная ул., 9); 10) въ „Обществѣ морскихъ врачей" (зданіе Адмиралтейства); 11) въ „Обществѣ нѣмецкихъ врачей" (Моховая, 38); 12) въ „Политехническомъ Обществѣ" (Мойка, 83); 13) въ „Обществѣ русскихъ врачей" (Б. Сампсоніевскій пр., 2); 14) въ „Собраніи экономистовъ" (Адмиралтейская наб., 4); 15) въ „Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговли" (Мойка, 83); 16) въ „Обществѣ С.-Петербургскихъ врачей" (Б. Конюшенная, 10); 17) въ „Обществѣ технологовъ" (Англійскій пр., 45),

---

II.—Отъ Общества вспомоществованія студентамъ Имп. Университета св. Владиміра.

Общество вспомоществованія студентамъ Университета св. Владиміра, вступая въ 24-й годъ своей дѣятельности, крайне озабочено недостаточностью денежныхъ средствъ и связанной съ этимъ печальной необходимостью сократить до минимума размѣры выдаваемыхъ студентамъ пособій.

Сокращеніе средствъ Общества послѣдовало главнымъ образомъ вслѣдствіе непонятнаго отношенія къ нему бывшихъ воспитанниковъ кіевскаго университета св. Владиміра, воспользовавшихся въ свое время матеріальной поддержкой Общества.

Къ сожалѣнію, очень многіе изъ этихъ лицъ, будучи уже вполнѣ матеріально обезпеченными, совершенно позабыли о своемъ долгѣ и тѣмъ заставляютъ Общество, въ настоящее, экономически тяжелое время, отказывать въ поддержкѣ ихъ младшимъ товарищамъ—питомцамъ родного имъ университета.

Состоящая при Обществѣ долговая коммиссія вполнѣ увѣрена, что

должники Общества, прочтя настоящее письмо, откликнутся на этотъ товарищескій призывъ, если не немедленнымъ возвратомъ своихъ долговъ полностью, то въ крайнемъ случаѣ сообщеніемъ своихъ адресовъ и заявленіями о своемъ желаніи разсчитаться съ Обществомъ путемъ разсрочки платежа; но если бы эта надежда не осуществилась, то долговая коммиссія считаетъ своей обязанностью предупредить, что тогда она вынуждена будетъ прибѣгнуть къ крайнему средству моральнаго воздѣйствія, именно—*оглашенію въ печати соотвѣтствующихъ именъ съ полнымъ, по возможности, указаніемъ адресовъ и общественнаго положенія.*

Серьезность испытываемаго Обществомъ, вслѣдствіе неисправности его должниковъ, матеріальнаго затрудненія лучше всего доказывается слѣдующими цифрами:

По книгамъ Общества числится невозвращенныхъ долговъ на сумму около ста-семидесяти тысячъ (170.000) рублей, при чемъ около пятидесяти-семи тысячъ (57.000) рублей числится за лицами, адреса которыхъ остаются для Общества неизвѣстными, несмотря на всѣ его поиски.

Лицъ, интересующихся спискомъ неразысканныхъ пока должниковъ, просятъ письменно обращаться въ канцелярію Общества, для полученія соотвѣтственной книжки.

Деньги и письма на имя Общества вспомоществованія студентамъ университета св. Владиміра слѣдуетъ адресовать: *Кіевъ, Гимназическая, д. № 3.*

ПОПРАВКА.

Въ апрѣльской книжкѣ журнала, на стр. 786, строка 6-ая сверху, напечатано: „Каронъ“, „Смерть Карона“. Слѣдуетъ читать: „Катонъ“, „Смерть Катона“.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Костомаровъ, Н. И. Собраніе сочиненій. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга восьмая: т.т. XIX, XX и XXI. Изд. Литфонда. Спб. 1906. Стр. 1081. Ц. 3 р. 50 к.— За 8 томовъ 25 руб. безъ пер.

Въ октябрѣ 1903 года появился первый томъ доступнаго и вмѣстѣ компактнаго изданія историческихъ монографій и изслѣдованій Н. И. Костомарова, составлявшихъ въ изданіи самого автора, при его жизни, двадцать-одинъ томъ и напечатанныхъ нынѣ вновь въ восьми книгахъ. Такое изданіе классическихъ трудовъ Н. И., какъ понятно, сдѣлало ихъ гораздо болѣе общедоступными по цѣнѣ: вмѣсто прежнихъ 40—50 рублей (цѣна двадцать-одного тома), настоящее изданіе можетъ быть пріобрѣтено за 25 рублей. Въ апрѣлѣ минувшаго года исполнился 21 годъ со дня смерти Н. И., но это нисколько не умалило значенія его трудовъ въ области русской исторіи, гдѣ онъ работалъ такъ много и съ такимъ талантомъ не только историка, но и художника. Вышедшій нынѣ восьмой и послѣдній томъ заключаетъ въ себѣ послѣдніе три тома прежнихъ изданій и содержитъ много интереснаго для насъ въ настоящую, переживаемую нами, тяжкую историческую минуту. Читатель найдетъ въ этомъ томѣ, между прочимъ, обширный культурный очеркъ: на чѣмъ Н. И. былъ великій мастеръ— домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII вѣкахъ, наканунѣ реформы Петра Великаго, и, сверхъ того, цѣлый трактатъ о нашихъ старинныхъ „земскихъ соборахъ“.

Политическая энциклопедія. Популярно-научное и справочное изданіе, въ 12 выпускахъ, или въ трехъ большихъ томахъ, п. р. Л. З. Слонимскаго. По подпискѣ: 9 руб. въ бум., и 12 руб. въ перепл. Съ прилож. географ. карты. Т. I: вып. 1-й (Аарау—Антисемитизмъ). Спб. 1906. Стр. 160 и 23 приложенія. Ц. 1 р.

Настоящая энциклопедія, какъ то, впрочемъ, выражается и въ самомъ ея заглавіи, отличается отъ всѣхъ прочихъ, уже существующихъ энциклопедій тѣмъ, что она при выборѣ предметовъ ограничивается по преимуществу такими предметами, которые въ переживаемое нами время всего чаще бываютъ на тѣхъ, или о нихъ идетъ рѣчь. А между тѣмъ наше общество вообще внезапно-происшедшимъ не могло быть подготовлено къ пониманію и всестороннему ихъ пониманію. Однимъ словомъ, издатель имѣетъ, повидимому, въ виду дать въ руки современному читателю политической печати нѣчто вродѣ „Vademecum“, или такъ, въ которомъ, при алфавитномъ порядкѣ расположенія предметовъ, онъ можетъ найти все, что ему необходимо въ данную минуту.

Арсеньевъ, К. К. Салтыковъ-Щедринъ. Литературно-общественная характеристика. Съ 3-мя портретами С.-Щ., его факсимиле, и т. д. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Часть статей, составляющихъ содержаніе настоящаго сборника, вошли въ одинъ изъ томовъ „Критическихъ этюдовъ по русской литературѣ“, того же автора, изданныхъ еще въ 1888 году; нынѣ они дополнены новыми біографическими данными и тѣми статьями, которыя появились въ послѣднее время. Весьма справедливо замѣчаетъ авторъ, говоря, что ему „казалось своевременнымъ еще разъ почтить память великаго писателя, такъ много способствовавшаго распространенію настроеній, изъ которыхъ возникло русское освободительное движеніе“. При жизни Салтыкову не разъ, впрочемъ, приходилось поплатиться за это. „Та Россія, — заключаетъ авторъ,—которую такъ пламенно любилъ и такъ горячо ненавидѣлъ Салтыковъ, еще не скоро отойдетъ въ прошедшее. Исключительно историческимъ—интересъ, внушаемый его сочиненіями, сдѣлается только для нашихъ отдаленныхъ потомковъ“. Но и тогда не забудутъ они творцовъ, созданныхъ имъ: „ташкентцевъ“, „помпадуровъ“, „пошехонцевъ“ и мн. друг.

Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи, по донесеніямъ пословъ имп. Александра и Наполеона, 1808—1812. Изд. Великаго Князя Николая Михаиловича. Т. IV. Спб. 1908.

Мы не такъ давно отмѣтили появленіе первыхъ трехъ томовъ этого интереснаго изданія, наполненнаго документами изъ эпохи, предшествующей окончательному разрыву имп. Александра съ Наполеономъ. Въ новомъ выпускѣ продолжаются печатаніе писемъ и донесеній французскаго посла при нашемъ дворѣ, Коленкура, къ Наполеону и къ его министру иностр. дѣлъ, Шампаньи, числомъ свыше 150. Дѣло, на этотъ разъ, идетъ, очевидно, къ разрыву, чему особенно содѣйствовало какъ то, что Наполеонъ получилъ отказъ, со стороны имп. Александра, въ рукѣ его сестры Анны Павловны, такъ и польскій вопросъ. Въ концѣ тома помѣщены текстъ французскаго проекта относительно великаго герцогства Варшавскаго и нашъ контръ-проектъ, съ замѣчаніями какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Буркгардтъ, Яковъ. Культура Италіи въ эпоху „Возрожденія“. Перев. С. Брилліанта. Т. I и II. Спб. 1906. Ц. 5 р.

Этотъ трудъ появился впервые еще въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ и тогда же обратилъ на себя вниманіе повсюду, а его авторъ пріобрѣлъ сразу громкое имя и авторитетъ въ ученомъ мірѣ. Затѣмъ послѣдовало цѣлыхъ восемь изданій, переработку которыхъ авторъ отклонилъ отъ себя и поручилъ ее одному изъ своихъ друзей—Л. Гейгеру, знатоку исторіи Италіи въ эпоху „Возрожденія“. Книга теперь давно уже переведена на главнѣйшіе европейскіе языки, и весьма кстати она нынѣ появляется и въ русскомъ переводѣ. Основная мысль, проведенная во всему классическому труду Буркгардта, заключается въ томъ, что гуманизмъ XV и XVI вѣковъ состоялъ не въ одномъ только, какъ полагали обыкновенно, возрожденіи древней литературы грековъ и римлянъ, но еще болѣе въ преобразованіи самой культуры европейскаго общества—во всемъ ея объемѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1906 г.
(Сорокъ-первый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	[illegible]
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	[illegible]
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	[illegible]
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	[illegible]

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и въ іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магазинѣ „Образованіе", Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ" Н. П. Карбасникова.

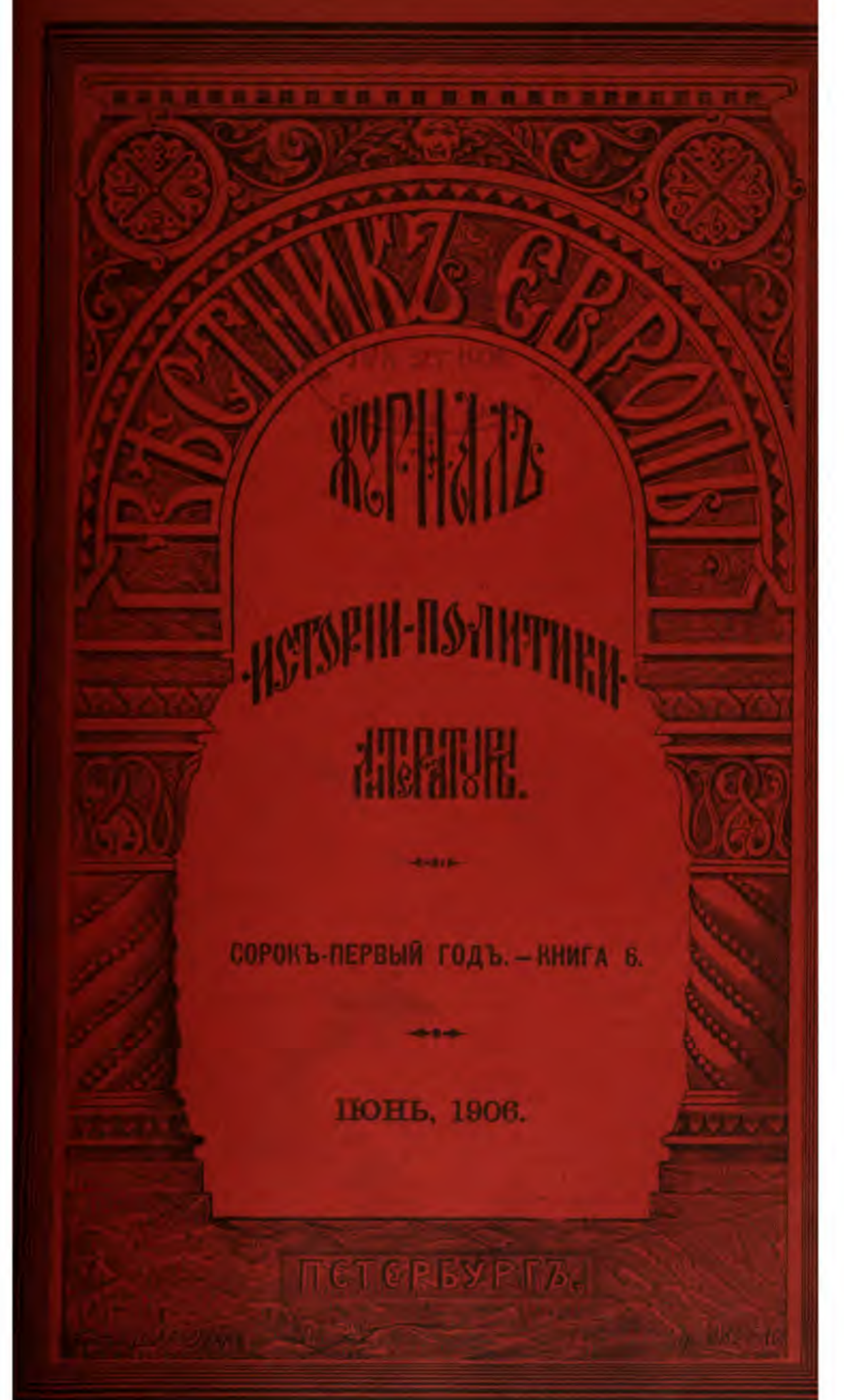
Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., а иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) Билеты на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.



Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 6-я. — ІЮНЬ, 1906.

П. І. ШАФАРИКЪ

ОЧЕРКЪ

ИЗЪ ЖИЗНИ РУССКОЙ НАУКИ, ПОЛВѢКА ТОМУ НАЗАДЪ.

Окончаніе.

XII [1]).

„Славянская Этнографія", съ картой, была послѣднимъ крупнымъ и цѣльнымъ трудомъ, вышедшимъ изъ-подъ пера Шафарика, по выполненію задуманной имъ программы. Все же другое, что̀ должно было войти сюда, или осталось въ видѣ матеріала, или появлялось, время отъ времени, въ видѣ отдѣльныхъ мемуаровъ, всегда интересныхъ, проливающихъ ясный свѣтъ на тотъ или другой вопросъ, но все это были отдѣльныя звенья будущей стройной мастерской цѣпи и—увы!—не додѣланной. Изданія матеріаловъ, памятниковъ—въ разсчетъ не идутъ. Пожалуй, послѣдній, предъ самой смертью выпущенный, но долго высиживавшійся трудъ—о происхожденіи глаголицы,—можетъ быть разсматриваемъ, какъ еще другой крупный отвѣтъ отчасти на одну изъ задачъ второй ча Древностей".

ıчины неисполненности работы мы видѣли: это была пора со .ія матеріаловъ, да и они такъ тяжко доставались Шафа ' Ему подходилъ уже пятидесятый годъ, и неустанная

— выше: май, стр. 105.

работа давала себя чувствовать. Въ семьѣ своей онъ не скрываетъ, что онъ уже плохой работникъ, что задуманнаго уже ему не исполнить. Въ перепискѣ съ русскими друзьями звучитъ та же нота — резигнація. Его любимое выраженіе теперь въ письмахъ: „наступаетъ время—vela contrahere", т. е. „паруса собирать". Не скрываетъ онъ своего состоянія и отъ немногихъ своихъ чешскихъ корреспондентовъ.

„Я, — пишетъ Шафарикъ, лѣтомъ 1844 года, Шемберѣ,— своимъ нынѣшнимъ состояніемъ недоволенъ, и мнѣ очень больно, что въ литературѣ уже такъ усиленно, какъ раньше, я работать не могу. Но этого измѣнить нельзя"! То же признаніе уже малой своей пригодности онъ исповѣдывалъ и въ тѣсномъ кругу своихъ. Старшій сынъ его, покойный профессоръ въ Прагѣ, В. Шафарикъ, передавалъ однажды намъ, что отецъ, при приближеніи пятидесятаго года, какъ-то замѣтилъ своей женѣ, что до этого времени онъ предполагалъ главнымъ образомъ собирать матеріалы, а затѣмъ уже приступить къ настоящей работѣ; но что теперь, когда этотъ срокъ на лицо, онъ видитъ, что все, что онъ сдѣлалъ *дѣльнаго*, сдѣлано раньше: „отнынѣ я уже не надѣюсь сдѣлать что-нибудь порядочное; чувствую самъ, что силы слабѣютъ".

1848-й годъ вызвалъ Шафарика, какъ было упомянуто выше, на минуту на политическую арену. Хотя русскій корреспондентъ Ганки, извѣстный Анатолій Демидовъ, въ сентябрѣ 1848 года, изъ своего Санъ-Донато, и удостовѣрялъ его, что „человѣческая проницательность становится въ тупикъ" предъ вопросомъ—гдѣ остановится современное волненіе; что одному Богу извѣстно, что̀ выйдетъ изъ хаоса бурныхъ страстей; — но оно остановилось скоро, и 1849-й годъ открылъ въ Австріи тяжелое десятилѣтіе, истинно „свинцовое". Спаситель трона понесъ и казнь [1]).

Шафарикъ тѣмъ старательнѣе замкнулся въ себя, въ свою

---

[1]) Не того ожидала отъ того же „хаоса" для славянъ одна изъ русскихъ дамъ, изъ дипломатической сферы, знакомая съ Австріей лично. „Я,—пишетъ Ганкѣ баронесса Медемъ, рожд. Балугьянская, изъ Дрездена, 21-го мая 1848 г.,—весьма желаю знать, каково ваше теперешнее положеніе? Я съ участіемъ читала въ газетахъ подпись вашу въ протестаціи. Тамъ нашла я нѣсколько знакомыхъ именъ—Палацкій и др. Я такое имѣла сильное убѣжденіе, что наши славяне возстанутъ съ успѣхомъ, что немедленно послѣ парижскихъ происшествій я ежедневно это ожидала и здѣсь предсказывала. Мнѣ многіе смѣялись и сомнѣвались; но, бывши въ столкновеніи съ славянами въ Прагѣ и Пештѣ, я поняла ихъ духъ. Имена Шафарика и Ганки должны были вспыхнуть... Славянамъ, кажется, предстоитъ слава *спасти* древній *престолъ* римскаго императора. Не могу не радоваться отъ души, что родное беретъ верхъ, и вѣрьте: русскіе и славяне теперь сблизятся. Всѣ народы имѣли *свою очередь* и владычествовали надъ вселенной; пришла и наша очередь".

раковину. Вопросъ объ историческомъ славянскомъ письмѣ, особенно глагольская азбука, вопросъ, имѣвшій самое посредственное отношеніе къ второй части „Славянскихъ Древностей“, заняль теперь его. Недавніе вопросы языка оставлены. Шутя, въ современномъ (1846 г.) къ Погодину письмѣ, онъ нѣкоторыя свои работы по языку называетъ допотопными (въ виду привлеченія санскрита); но онѣ встрѣчены были сочувственно самимъ основателемъ сравнительнаго языкознанія, Боппомъ въ Берлинѣ. Даже во время прогулокъ за Прагой онъ любилъ, по словамъ Томка въ „Мемуарахъ“, говорить о новомъ направленіи языкознанія. Отложены были въ сторону и любимыя картографическія работы — именно, надъ спеціальной картой южныхъ славянъ, — начатыя за двадцать лѣтъ назадъ.

Виновникомъ этого переворота въ кабинетныхъ работахъ Шафарика, какъ и виновникомъ переворота въ самой славянской наукѣ по вопросу объ азбукахъ у славянъ, былъ извѣстный Григоровичъ, тотъ „арменистъ“ изъ Казани, который, изъѣздивъ европейскую Турцію, въ концѣ 1847 года явился въ Прагу съ безцѣннымъ багажемъ — съ глагольскими рукописями, кирилловскими, отъ самаго стараго времени. Прочтенный имъ рефератъ въ Прагѣ объ открытіяхъ въ Турціи, особенно на Аѳонѣ и въ Македоніи, словесныя сообщенія, демонстрація привезенныхъ хартій старины, все это чарующе дѣйствовало на Шафарика; возникали новые вопросы, зароились новыя мысли. Самое появленіе Григоровича въ Прагѣ было предварено самыми возбудительными сообщеніями.

„Теперь, — пишетъ Ганкѣ о. Раевскій изъ Вѣны, 6 февраля 1846 г., — гоститъ у насъ г. Григоровичъ, прибывшій изъ Константинополя, Св. Горы и турецко-европейскихъ владѣній. Много, очень много онъ собралъ интереснаго и подѣлится своею находкою съ вами, только еще не скоро. Отсюда онъ отправляется на югъ, потомъ опять въ Угры (Венгрію) и послѣ уже въ Чехи. Напередъ вамъ его рекомендую“. За Григоровичемъ находки какъ бы шли слѣдомъ. „Много сдѣлалъ и много здѣсь открылъ, — пишетъ Раевскій 2-го апрѣля, — особенно документовъ на греческомъ языкѣ XIII и XIV столѣтія, касающихся исторіи болгаръ, валаховъ и русскихъ. Эти сокровища были въ здѣшней библіотекѣ, но никто не зналъ ихъ или не хотѣлъ знать. Трудолюбивый человѣкъ и съ большимъ запасомъ знаній“. Авторъ выражаетъ искреннее сожалѣніе, что такому выдающемуся ученому путешественнику нельзя надолго оставаться среди славянъ юга и странствовать „съ меньшими затрудненіями“. Безъ сомнѣнія,

сообщенія нашего посольскаго священника Ганкѣ не остались тайной для Шафарика.

Одинъ Шафарикъ могъ вполнѣ оцѣнить и оцѣнилъ достоинства литературныхъ открытій и соображеній Григоровича, и Казань, послѣ того какъ счастливый обладатель драгоцѣннѣйшихъ глагольскихъ листовъ и разнаго стариннаго „хлама“ водворился тамъ въ своемъ университетѣ, стала для Шафарика своего рода магнитомъ: туда его всего потянуло. Вѣдь тамъ и цѣлый евангельскій глагольскій кодексъ, и такая крупная часть кодекса кирилловскаго, но съ подмѣсью глаголицы, какъ Апостолъ изъ Охриды, помимо мелочей, отдѣльныхъ листковъ. Весь погруженный въ глагольскій вопросъ, чтобы доказать пока равноцѣнность обѣихъ старыхъ славянскихъ азбукъ, Шафарикъ изъ „Записокъ Григоровича“ (т.-е. изъ знаменитаго „Отчета о путешествіи“), предварительно выпуска своихъ статей въ журналѣ музея и отдѣльнаго изданія памятниковъ глагольской письменности, составилъ краткій указатель „глагольскихъ памятниковъ, видѣнныхъ Григоровичемъ въ 1844—45 годахъ“. Но они недоступны, какъ въ Турціи: тѣмъ горячѣе было желаніе Шафарика имѣть хоть какой-нибудь доступъ къ казанскимъ кладамъ Григоровича, напр., въ печати.

Уже въ 1848—49 году Шафарикъ обращается къ Григоровичу съ просьбой о fac-simile, конечно, изъ его глагольскаго кодекса, и о его трудахъ. Письмо, къ сожалѣнію, не сохранилось; но содержаніе его ясно изъ многорѣчиваго, дипломатическаго отвѣта Григоровича, отъ 8-го іюля 1852 года, т.-е., болѣе, чѣмъ черезъ три года. „По желанію,—отвѣчалъ Григоровичъ,—изготовилъ fac-simile съ возможною точностью. Его имѣлъ честь препроводить въ Академію наукъ и просилъ о доставленіи вамъ. Думаю, этимъ путемъ вѣрнѣе достигнетъ васъ. Письмо ваше 1849 года достигло меня уже въ 1850 году, благодаря неисправности того, кому Михаилъ Петровичъ (Погодинъ) поручилъ передать мнѣ. Тогда, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, былъ въ переѣздахъ и долго не могъ устроиться. Вотъ почему не имѣлъ честь отвѣчать“. Что же касается своихъ личныхъ трудовъ, то онъ сообщалъ, что „ничтожные свои труды напечаталъ частью и буду продолжать печатать; они будутъ касаться *также* церковно-славянскаго языка“—и только.

Богатый хозяинъ въ Казани какъ будто не понималъ бѣднаго библіотекаря въ Прагѣ, о какихъ трудахъ былъ запросъ къ нему. Стоитъ взглянуть на письма Шафарика къ Погодину послѣ 1848 года, въ теченіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ, чтобы

видѣть, что одно неустанно занимало Шафарика—не издалъ ли уже чего Григоровичъ изъ своихъ сокровищъ? И отчетъ о турецкомъ путешествіи онъ съ трудомъ раздобылъ лишь въ 1852 году. Нетерпѣливое ожиданіе осталось ни при чемъ.

Очевидно, невелика была корысть для Шафарика отъ знаменитыхъ „находокъ" Григоровича: не щедръ былъ послѣдній въ Прагѣ, еще скупѣе въ Казани. Въ своихъ работахъ по поглощавшему его вниманіе глагольскому вопросу, Шафарикъ былъ предоставленъ самому себѣ да новымъ друзьямъ съ юга, изъ Хорватіи, откуда стали приходить любопытныя вѣсти о новыхъ на мѣстѣ (Далмація) глагольскихъ находкахъ, какъ надпись св. Люціи. Кукулевичъ, Берчичъ были проще и общительны. Клады въ Казани остались при своемъ стражѣ нетронутыми.

Въ такомъ состояніи находился Шафарикъ, когда изъ Петербурга, изъ Академіи наукъ, отъ непріятнаго для Ганки „грубаго нѣмца", послышался симпатическій, привѣтливый призывъ, нѣсколько напомнившій ему объ эпизодѣ, имѣвшемъ мѣсто въ его жизни почти четверть вѣка назадъ и долго ему памятномъ: —„Поработайте для Россіи".

XIII.

Въ маѣ 1846 г., умеръ петербургскій славистъ Прейсъ, по Шафарику, предреченный преемникъ Востокова въ Россіи. По словамъ сына Войтѣха, отецъ всегда любилъ вспоминать о Прейсѣ, какъ о выдающемся человѣкѣ: отъ него наука можетъ ожидать многаго. Покойный профессоръ хорошо помнилъ русскаго гостя у своего отца, какъ онъ былъ уже съ просѣдью, худъ и угрюмо-молчаливъ. Одному Ганкѣ онъ былъ не по вкусу, и его другъ Срезневскій уже въ одномъ изъ первыхъ харьковскихъ писемъ даже упрекаетъ Ганку, что онъ напрасно думаетъ худо о Прейсѣ: „сколько его знаю, это благородный человѣкъ". Петербургскій ректоръ Плетневъ, въ краткомъ некрологѣ Прейса, отмѣтилъ, что и русскіе, и иностранцы, занимающіеся славянскою филологіей, признавали его у насъ „первымъ знатокомъ общаго ихъ дѣла", что его библіотека—„рѣдкое въ своемъ родѣ сокровище". (Сочиненія, II, 209).

Прейсъ и внѣшними пріемами своихъ работъ воспроизводилъ Шафарика.

„Библіотеку Прейса покупаетъ петербургскій университетъ, а бумаги его на рукахъ у проф. Куторги,—пишетъ Срезневскій

Ганкѣ, въ мартѣ 1847 года.—Я разсматривалъ ихъ и чуть не плакалъ о томъ, что мы такъ рано лишились этого незамѣнимаго ученаго. Пріуготовительныхъ работъ сдѣлано у него множество, веденныхъ съ отличнымъ знаніемъ дѣла, съ аккуратностью, съ добросовѣстностью; но, кажется, ничто не окончено; куда ни заглянешь, все одни матеріалы... Что̀ меня болѣе всего изумляетъ—его здѣсь не всѣ цѣнили, какъ бы надобно было ожидать. Вотъ что̀ значитъ не заботиться о томъ, чтобы товаръ лицомъ продать. Кто не имѣлъ случая сблизиться съ Прейсомъ и понять его, тотъ его не узналъ и не оцѣнилъ; а между тѣмъ, не только не было, и нѣтъ, но едва ли скоро и будетъ у насъ такой профессоръ славянскихъ литературъ, каковъ былъ Прейсъ. Въ немъ все было, что̀ нужно для этого: и ученость, и метода, и любовь къ дѣлу, и характеръ. Развѣ Григоровичъ заставитъ забыть о потерѣ Прейса".

Срезневскій и Прейсъ совершили вмѣстѣ свое славянское странствованіе. Но кто же замѣнилъ „незамѣнимаго"?

„Пишу письмо вамъ,—обращается Срезневскій къ пражскому другу,—по особенному случаю, которое, противъ моей воли, все должно касаться одного меня?" Сообщивъ о смерти Прейса, онъ продолжаетъ: „Послѣ борьбы съ самимъ собою и разсужденій съ родными, я рѣшился занять его мѣсто, а желая искать его, я прежде всего въ началѣ исканій обратился къ вамъ, въ надеждѣ, что ваше содѣйствіе будетъ въ этомъ случаѣ такъ же дѣйствительно, какъ было тогда, когда я просилъ отсрочки въ путешествіи"! Черными штрихами рисуетъ Срезневскій картину положенія слависта въ Харьковѣ: пособій никакихъ, не только рукописныхъ или старопечатныхъ, но даже и новыхъ печатныхъ, кромѣ личной библіотеки: „до меня славянствомъ никто не занимался", а въ Петербургѣ — сокровища: „историческій лексиконъ старорусскаго языка, для котораго я собираю матеріалы, не можетъ не оставаться только безсвязнымъ сборникомъ, грамматика старорусская также". Конечно, помѣхою онъ никому не можетъ быть,—развѣ что явится кто-либо съ запада. Срезневскій имѣлъ въ виду исторію съ докторомъ Подлипнымъ, для Кіева, подысканнымъ у Ганки.

„Итакъ, рѣшившись искать, пишу прежде всего къ вамъ: примите участіе, добрый другъ, и напишите министру (вы уже, конечно, радовались, что Государь наградилъ его саномъ графа). Напишите, какъ вамъ скажетъ ваше сердце, ваша память обо мнѣ... Напишите подробнѣе министру обо всемъ, не забывши, что я могу искать мѣсто въ Петербургѣ не для столичныхъ раз-

влеченій, которыми и пользоваться не въ состояніи, да и охоты не имѣю. Много обяжете меня вашимъ ходатайствомъ и, пожалуйста, поспѣшите. Если можете и еще черезъ кого-нибудь дѣйствовать на министра, то потрудитесь употребить въ дѣло и это: лишняя рекомендація не мѣшаетъ. Въ полной надеждѣ на ваше содѣйствіе, не могу не ждать чего-нибудь добраго. Прощайте".

Это было 9-го августа 1846 года. Прибавимъ, что въ вопросѣ объ упоминаемой здѣсь отсрочкѣ первое письмо друга Ганки къ Уварову, тогда еще не графу, написано собственноручно Срезневскимъ и исполнено хвалы себѣ и лести, что жаркая любовь къ ученымъ занятіямъ—свидѣтельство, „съ какимъ искусствомъ изволите избирать людей на службу отечеству". Въ поданномъ прошеніи петербургскому попечителю, Мусину-Пушкину, главный мотивъ—„сокровища петербургскихъ библіотекъ". Какъ видно изъ бумагъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, попечитель представлялъ гр. Уварову, что всѣ собранныя имъ отъ разныхъ лицъ свѣдѣнія говорятъ въ пользу Срезневскаго, почему 2-го сентября онъ отвѣчалъ ему, что весьма желательно видѣть его въ Петербургѣ. Въ виду этихъ смотринъ разрѣшено было Срезневскому прибыть въ столицу, по дѣламъ службы, пока безъ перевода.

На масляной 1847 года, Срезневскій читалъ вступительную лекцію въ петербургскомъ университетѣ, а затѣмъ продолжалъ среди общаго возрастающаго успѣха.

Въ первомъ петербургскомъ письмѣ къ своему ходатаю, въ своемъ отчетѣ, Срезневскій сообщаетъ Ганкѣ, что въ числѣ слушателей на студенческихъ скамьяхъ онъ имѣетъ и графа Уварова, и Мусина-Пушкина, и сановниковъ ме́ньшаго ранга; что по окончаніи одной изъ лекцій гр. Уваровъ похвалилъ „изыскательное" направленіе его преподаванія, дѣлающее изъ изученія славянства науку, „достойную изученія". „Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній,— продолжаетъ Срезневскій отчетъ,— для меня столько же лестныхъ, сколько и незабвенныхъ, графъ прибавилъ: „я очень доволенъ". Вы понимаете, какъ высоко я цѣню это слово, какою незаслуженною наградой его считаю. Счастьемъ имѣть у себя на лекціи графа я обязанъ внимательности Мусина-Пушкина; но, гордясь этимъ для себя лично, еще болѣе радуюсь вниманію нашего правительства къ наукѣ о славянствѣ, наукѣ, не имѣющей для насъ такого интереса современности, какъ у васъ".

Но русскій Шафарикъ, покойный Прейсъ, никогда науку не смѣшивалъ съ политикой; уважая Ганку, воззрѣній его не дер-

жался, почему стихами Коллара и славянскихъ поэтовъ-романтиковъ своихъ лекцій не уснащалъ.

XIV.

Въ 1842 году, Россійская Академія, столь памятная Шафарику, отошла въ вѣчность, вслѣдъ за своимъ президентомъ, Шишковымъ. Ее смѣнило Второе отдѣленіе Императорской Академіи наукъ, или такъ-называемое Русское. Кое-кто изъ стариковъ вошелъ въ новую, научную сферу. Но перемѣнился ярлыкъ, а мертвенное направленіе осталось прежнее. Стоитъ просмотрѣть тощую книжечку „Отчета" за первыя десять лѣтъ, чтобы удостовѣриться въ этомъ, а между тѣмъ классическое изданіе Востокова Остромира принадлежитъ личному почину. Всезнающій Давыдовъ, полу-поэтическій Плетневъ давали тонъ. Русское отдѣленіе дремало, при слабыхъ признакахъ жизни, и на сторонѣ могли бы сказать, что оно не противорѣчитъ своему наименованію для того времени.

Правда, извѣщая Ганку о выходѣ въ свѣтъ труда Второго отдѣленія Академіи — Словаря церковнославянскаго и русскаго языка — въ письмѣ отъ 1-го февраля 1848 года, Срезневскій ставитъ его довольно высоко: „онъ вышелъ, какъ самое замѣчательное явленіе русской литературы въ эту зиму, въ большихъ четырехъ томахъ, и очень кстати дополняетъ собою небольшое число хорошихъ словарей славянскихъ". Но никто его не поставитъ на ряду съ польскимъ словаремъ Линде или чешскимъ Юнгмана. Пріемы его были старые, а главное — этотъ словарь былъ ни того, ни другого языка. Но Срезневскій могъ быть стѣсненъ и своимъ нѣкоторымъ участіемъ въ Словарѣ, и перспективой недалекаго будущаго. „Еще позволю себѣ, — пишетъ онъ въ томъ же письмѣ Ганкѣ, — вспомнить о моемъ словарѣ болгарскомъ... Авось либо и издамъ его, и тогда, надѣюсь, сама собою распадется мечта нѣкоторыхъ ученыхъ, что болгарское нарѣчіе есть то же, что старославянское. Ясно будетъ, что два эти нарѣчія сами по себѣ... Доказывать противное можно, не близко зная дѣло, а изъ-за чего, право, не понимаю. Мы съ Надеждинымъ покамѣстъ двое держимся понятія объ отдѣльности болгарскаго нарѣчія; но и Академія уже склоняется понемногу къ тому же понятію. Мнѣ давали просмотрѣть предисловіе къ академическому Словарю и приняли мои замѣчанія объ этомъ вопросѣ. Очень жалѣю, что Надеждинъ не былъ въ это время

въ Петербургѣ, и что безъ него мнѣ не хотѣлось выражаться слишкомъ рѣшительно". Его антагонистъ, Билярскій, былъ слишкомъ аподиктиченъ своимъ лаконическимъ: „а надобно", въ своихъ „Судьбахъ церковнаго языка" (1847 г.). Впрочемъ, этнографія предисловія—крайне путанная.

Въ апрѣлѣ 1849 г., Срезневскій сталъ адъюнктомъ Академіи, въ ноябрѣ 1851 г.—экстраординарнымъ, и мертвенное отдѣленіе измѣнило себѣ: началась кипучая, по выраженію его біографа, академика Бычкова, дѣятельность новаго академика.

Второе отдѣленіе Академіи начинаетъ дышать—такъ оповѣщалъ Погодина глава его, бывшій профессоръ математики въ Москвѣ, И. И. Давыдовъ, въ декабрѣ 1852 года. Конечно, Давыдовъ имѣлъ въ виду изданіе, при отдѣленіи, „Извѣстій", журнала, начавшаго выходить въ этомъ году подъ редакціей энергическаго Срезневскаго.

Какъ органъ интересовъ русско-славянской науки, „Извѣстія" имѣли въ виду участіе и всѣхъ лучшихъ силъ, среди славянъ Запада. „Со всѣми славянскими учеными вошли мы въ сношенія", —писалъ тотъ же Давыдовъ Погодину;—по крайней мѣрѣ, Русь будетъ знать о существованіи Второго отдѣленія". Между этихъ ученыхъ Шафарикъ опущенъ быть не могъ: вѣдь еще вчера, въ глаза Срезневскому и въ пику ему, Билярскій объявилъ его гигантомъ науки, въ своихъ „Судьбахъ",—и, конечно, съ правомъ.

Дѣйствительно, обращеніе къ Шафарику со стороны Академіи было. Но въ своемъ отвѣтѣ Шафарикъ ограничивался общею признательностью, такъ что Срезневскій могъ пойти ужъ очень далеко. „Съ особеннымъ любопытствомъ,—писалъ Шафарику по поводу его отвѣта Срезневскій,—читали мы въ Академіи письмо ваше и, къ сожалѣнію, вычитали въ немъ что-то вродѣ отказа участвовать въ трудахъ нашихъ. Это было грустно; но мы не перестаемъ надѣяться", т.-е. на сотрудничество, а переводить будутъ студенты—правильно и изящно.

Надежды и оправдались. Но это самое обстоятельство, на первое уже знакомство, послужило источникомъ нежданной и незаслуженной непріятности для Шафарика.

Мы видѣли, что въ данную эпоху Шафарикъ весь былъ поглощенъ старославянской письменностью и, въ частности, приготовлялъ къ выпуску свои глагольскіе тексты. Результаты своихъ наблюденій онъ и послалъ въ Академію для „Извѣстій", на чешскомъ языкѣ, печатая одновременно у себя. Срезневскій благодаритъ за присылку статьи о глаголицѣ, „за доброе обѣщаніе высылать и другія статьи". Статью онъ помѣстилъ, но съ пропусками,

обрѣзанную, а предъ авторомъ ея извинялся, что онъ вынужденъ былъ на это обстоятельствами: „Небольшія сокращенія,—писалъ редакторъ 27-го февраля 1853 г.—въ вашей статьѣ о глаголицѣ были слѣдствіемъ типографской необходимости“. Энергіи было много, а указаніе — едвали съ основаніемъ. Какъ ни привыкъ Шафарикъ къ уколамъ жизни, но онъ не могъ быть признателенъ Академіи за цензуру его мыслей, высиженныхъ его долгимъ и упорнымъ трудомъ. Не одинъ увлекающійся Бодянскій, но и такого критическаго ума человѣкъ, какъ Билярскій, какъ преданный ученикъ сатанински-гордаго Копитара, Миклошичъ въ Вѣнѣ, признавали въ Шафарикѣ авторитетъ учителя.

Въ результатѣ, Шафарикъ не участвовалъ болѣе въ трудахъ Академіи, „другихъ статей“ не посылалъ, отчасти для упражненія слушателей Срезневскаго въ университетѣ и педагогическомъ институтѣ.

Итакъ, отъ русской стороны особенно лестнаго вниманія къ Шафарику не было; но оно вышло отъ иной, отъ „нѣмецкой“, отъ того „грубаго нѣмца“, на котораго такъ плакался въ свое время предъ Уваровымъ Ганка,—отъ Назарета.

XV.

„Извѣстія“ Второго отдѣленія Академіи шли своимъ чередомъ, пріобрѣтая все болѣе значенія, особенно часть библіографіи и критики, отдѣлъ спеціальнаго вниманія редактора, когда среди группы членовъ *иного* отдѣленія, историческаго, возникла мысль — попытать прямо привлечь углубившагося въ себя Шафарика на ученую службу Россіи, но путемъ умнымъ, осторожнымъ, со словами: „учителю, учи насъ“! Тутъ было не призваніе въ Россію, какъ это было четверть вѣка назадъ, а приглашеніе послужить Россіи.

Старый другъ Шафарика, Погодинъ, не годился на эту славянскую миссію. Всегда политикъ, Погодинъ въ эпоху надвигавшейся грозы, съ разгромомъ Севастополя въ финалѣ, весь окунулся въ политику и, увлекая въ свою вѣру Шафарика, просто раздражалъ его,—какъ это было замѣчено раньше—своими приставаніями, навязываемыми чувствами. „Я, — не безъ рѣзкости отвѣчалъ Шафарикъ, въ началѣ крымской войны,—для глупостей такого рода, какъ война, политика и все, что съ этимъ соединяется, разъ навсегда мертвъ, умеръ; одна только растущая людская нищета близка моему сердцу. Я далъ вѣчный обѣтъ

вѣрности своей кроткой богинѣ—музѣ грамматики. Вы сравнительно со мной юны". Разгуляй и Прага для Погодина — одно.

Но у „юнаго" Погодина былъ въ Академіи наукъ еще болѣе юный другъ, въ скромной роли адъюнкта, его талантливый ставленникъ. Онъ и рѣшился на смѣлый шагъ приглашенія. Мы говоримъ объ А. А. Куникѣ, этомъ многосторонне образованномъ, благородномъ и рѣдкой души человѣкѣ, еще не такъ давно (18-го января 1899 г.) смежившемъ свои очи.

Нѣмецъ изъ прусской Силезіи, но съ славянской фамиліей (вѣроятно, изъ чешскихъ братьевъ), Куникъ (род. 1814 г.) уже въ лигницкой гимназіи выучился по-польски и занимался мѣстной и польской исторіей. По окончаніи курса въ берлинскомъ университетѣ, онъ былъ въ 1839 году въ Москвѣ домашнимъ учителемъ, затѣмъ сотрудникомъ „Москвитянина", гдѣ помѣстилъ разборъ энциклопедіи Неволина и перевелъ ее по-нѣмецки. Такъ онъ быстро окунулся въ интересы русской науки.

Добрыя отношенія къ славянскимъ ученымъ Запада открылись у Куника довольно рано. Въ августѣ 1842 года, извѣстный сербо-лужицкій публицистъ и „панславъ", Іорданъ, вѣрный теоріи Коллара объ обязательномъ для каждаго образованнаго славянина знаніи четырехъ славянскихъ нарѣчій, на ужасномъ чешскомъ языкѣ пишетъ Ганкѣ изъ Лейпцига: „Д-ръ Куникъ (Kunike), который теперь здѣсь и хорошо знаетъ проф. Погодина, спрашиваетъ—былъ ли у васъ въ Прагѣ послѣдній? Отвѣчайте мнѣ съ первымъ письмомъ. Куникъ долго былъ въ Россіи и *любитъ славянъ*". Что же касается лично Шафарика, то уваженіе къ нему въ кругу такихъ академиковъ, какъ Шёгренъ, стало давней традиціей, еще отъ 30-хъ годовъ, какъ это ярко выступаетъ изъ писемъ—правда, немногихъ—послѣдняго къ автору „Славянскихъ Древностей", по провѣркѣ разныхъ вопросовъ русской древности. Куникъ былъ этого же круга. Въ этомъ же направленіи должны были дѣйствовать и близкія отношенія у Куника къ Погодину.

XVI.

Первымъ поводомъ къ непосредственнымъ отношеніямъ между Шафарикомъ и Куникомъ была твердо засѣвшая у Шафарика мысль—оживить интересъ къ старо-славянской письменности въ большой публикѣ при помощи отливки новой, художественной формы церковно-славянскихъ буквъ, образцы которыхъ онъ и изготовлялъ у себя въ Прагѣ. По пропагандѣ новаго шрифта,

уже зимой 1846 года, Куникъ предоставлялъ себя въ распоряженіе Шафарика. Въ іюнѣ 1847 г., Шафарикъ, посылая Кеппену образцы „изящной“ кирилловской азбуки, писалъ ему, что такую же пробу онъ отправилъ и Кунику, который объ этомъ предметѣ писалъ еще зимою: „прошу, чтобы вы прилагаемое письмо сначала прочли, а потомъ, запечатавъ, любезно сообщили г. Кунику; изъ письма къ г. Кунику узнаете вы больше объ этомъ новомъ шрифтѣ, почему и умалчиваю объ этомъ здѣсь“. Въ письмѣ отъ 6-го сентября 1847 г. къ Погодину, Шафарикъ признавался, что пока образцы новаго шрифта онъ послалъ только ему, Бодянскому и Кунику.

Отъ чисто дѣловыхъ отношеній они перешли къ интересамъ науки. Мы слышали не разъ сѣтованія Шафарика на трудность сношеній съ Россіей по полученію книги, той или другой научной справки, и Куникъ охотно принималъ на себя обязанности корреспондента, при чемъ въ подмогу себѣ приглашалъ Билярскаго.

Такъ, Кеппенъ, отвѣчая Шафарику на запросы его въ письмѣ 24-го октября 1847 года, писалъ изъ Петербурга 7-го мая 1848 г.: „г. Куникъ принялъ на себя исполненіе вашихъ желаній въ письмѣ отъ 24-го октября; согласно его желанію, живущій у него г. Билярскій эксцерпировалъ „Какъ се зову градове“, и я надѣсь, что точно. Такъ какъ ваше письмо я получилъ отъ Куника обратно только 17 (29) апрѣля, поэтому я въ точности не зналъ, о чемъ я долженъ былъ спросить Востокова; но теперь я вижу, что вы желали имѣть нѣсколько обстоятельныя свѣдѣнія о мѣсячной Минеѣ XI-го вѣка; поэтому я не премину спросить друга Востокова и, по полученіи отвѣта, васъ извѣстить“.

Къ этому письму Кеппена была приложена собственноручная записочка самого Куника, на грубой желтой бумагѣ, писанная ужасающимъ швабахомъ (Кеппенъ пользовался латинскимъ письмомъ, какъ и Шафарикъ), съ помѣткой Кеппена, что получена 17 (29) апрѣля 1848 года. „Я,—писалъ Куникъ,—посылаю вамъ письмо Шафарика и требуемый имъ эксцерптъ, который точно сдѣланъ г. Билярскимъ. Но такъ какъ Востоковъ рукописи „Легенды“ не имѣетъ у себя дома, то будетъ лучше всего — послать г. Шафарику, помимо краткаго мнѣнія Востокова, и болѣе обстоятельное описаніе; его я и отправлю на будущей недѣлѣ, такъ какъ я и безъ того собираюсь писать Шафарику“.

Наконецъ, обязательный Куникъ съ тою же охотой былъ посредникомъ между русскими друзьями и Шафарикомъ по доставкѣ книгъ. Извѣщая, что этнографическая карта Россіи будетъ го-

това не ранѣе конца года, Кеппенъ предварительно чрезъ Куника посылаетъ Шафарику свой этнографическій мемуаръ о Финляндіи. „Такъ какъ вы, — пишетъ Кеппенъ 16-го апрѣля 1847 г. изъ Петербурга, — интересуетесь этнографическими изслѣдованіями, то полагаю, что долженъ послать вамъ и мою обстоятельную работу о Финляндіи въ этнографическомъ отношеніи. Извлеченіе изъ нея вы получите чрезъ моего товарища Куника. Самую работу я отправлю къ книгопродавцу Фоссу въ Лейпцигѣ, съ просьбой при случаѣ послать ее вамъ". Наоборотъ, такимъ же любезнымъ посредникомъ былъ Куникъ и между Шафарикомъ и его друзьями въ Россіи, какъ это видно изъ письма къ Погодину въ октябрѣ 1853 года.

XVII.

Въ извѣстной группѣ академиковъ Третьяго отдѣленія, съ Куникомъ во главѣ, былъ поднятъ, какъ очередной вопросъ русской науки, — о древнемъ бытѣ славянъ, — т.-е. вопросъ, разрѣшить который обѣщалъ Шафарикъ во второмъ томѣ своихъ „Славянскихъ Древностей", въ частности же о славянскомъ юридическомъ бытѣ. Можетъ быть, поводомъ для нихъ къ поднятію этого вопроса было изданіе Шафарикомъ „Памятниковъ древней письменности южныхъ славянъ". По крайней мѣрѣ, Срезневскій, въ концѣ февраля 1853 года, признается ему, что его глагольскій сборникъ пробудилъ живѣйшее участіе среди нашихъ ученыхъ, занимающихся славянскими древностями, что ждутъ его съ нетерпѣніемъ, какъ и новаго изданія „Памятниковъ": „ихъ не успѣлъ достать почти никто, а между тѣмъ ихъ важность понята не только филологами, но и *юристами;* для послѣднихъ, впрочемъ, можно сказать, необходимы *объясненія.* Какъ бы хорошо было, еслибы къ новому изданію вы приложили хоть *объяснительный словарь*".

Но въ самомъ обращеніи указанъ иной поводъ — слухъ, что добромысленный Мацѣёвскій собирался приступить ко второму изданію своихъ хаотическихъ „Славянскихъ праводавствъ". Впрочемъ, не забудемъ, что къ началу 50-хъ годовъ относится появленіе въ нашей литературѣ изданія Калачовымъ цѣлаго „Архива историческихъ и юридическихъ свѣдѣній", — для изученія „внутренняго быта Россіи", и труды въ немъ Ундольскаго, — свѣдѣнія для словаря *юридическихъ* и техническихъ терминовъ изъ древнихъ русскихъ памятниковъ и др.; что вообще оживились старые юридическіе интересы Иванишева.

Мы видѣли, что Шафарикъ трудными условіями работы вынужденъ былъ, до времени, ограничиться продолженіемъ собиранія матеріаловъ для второй части. Вниманіе его сосредоточено было на этнографіи, на языкѣ, на первой славянской письменности, — задачи, которыя на второмъ мѣстѣ входили въ общій планъ второй части, а собственно славянскій бытъ отодвигался все далѣе и далѣе въ сторону. Но, тѣмъ не менѣе, и въ эту эпоху изъ-подъ пера Шафарика вышелъ цѣлый рядъ мемуаровъ по миѳологіи и—особенно важныхъ—по исторіи права (о выдачѣ, о наслѣдственномъ правѣ). Эти мемуары справедливо можно разсматривать, какъ фрагменты изъ соотвѣтствующихъ главъ будущей второй части. Но, помимо этого, уже въ 1838 году Шафарикъ для извѣстнаго польскаго историка-юриста, Кухарскаго, сдѣлалъ латинскій переводъ сербскаго Законника царя Душана для его свода славянскаго права, съ обширными толкованіями (Monumenta juris Slovenici, стр. 92—226), а затѣмъ, послѣ революціи 1848 года, само австрійское правительство поручило ему главный надзоръ за выработкой славянской *юридической* терминологіи, для разныхъ своихъ славянскихъ народностей.

Правда, въ письмахъ къ друзьямъ въ Россіи 40-хъ годовъ и позже красною нитью проходитъ постоянное утвержденіе, что славянская филологія только и есть что въ Россіи, что на мѣстѣ, т.-е. въ Австріи, нѣтъ ни людей, ни толку. „Вы видите,—пишетъ въ 1852 году Шафарикъ Погодину, по поводу нѣкоторыхъ „*троглодитскихъ*“ трудовъ кое-кого изъ знакомыхъ послѣдняго,—*фантазія* у славянскихъ литераторовъ не вымираетъ“. Славянскія нарѣчія для него, сравнительно съ церковнославянскимъ и русскимъ, это — лужи по отношенію къ океану; для науки достаточны эти два языка (письмо къ Погодину 1850 г.). Но тутъ, конечно, преувеличеніе, комплиментъ, а главное, — тотъ, кто такъ высоко ставилъ насъ въ наукѣ, въ сознаніи нашихъ лучшихъ людей того времени, былъ именно единый полновластный хозяинъ дѣла, единый судья во всѣхъ научныхъ славянскихъ разбирательствахъ. Сошлемся хоть на Буслаева, единственное письмо котораго сохранилось въ бумагахъ Шафарика,—человѣка не отъ стана славянофиловъ—и нѣкоторыхъ другихъ. О взглядѣ Билярскаго мы говорили выше.

Буслаевъ посылаетъ рукопись труда своего студента, Микуцкаго, по сравнительному изученію языковъ. „По настоятельному желанію автора имѣю честь,—пишетъ Буслаевъ изъ Москвы, въ февралѣ 1850 года,—представить вамъ, *какъ главѣ славянскихъ*

ученыхъ, его посильный трудъ, въ надеждѣ, что вы порадуетесь тому увлеченію, съ какимъ наша университетская молодежь предается лингвистическимъ изысканіямъ. Сочиненія ваши, братьевъ Гриммовъ, Боппа, читаются и изучаются добросовѣстно и сознательно. Почитаю нелишнимъ васъ увѣрить, что въ предлагаемомъ вашему снисходительному вниманію сочиненіи ни мною, ни кѣмъ другимъ изъ профессоровъ не поправлено ни одного слова. Ваше вниманіе воодушевитъ къ большей дѣятельности молодаго лингвиста и внушитъ его товарищамъ благородное соревнованіе". Но изъ автора ничего путнаго не вышло: говоря языкомъ Шафарика, вышелъ новый „троглодитъ". Иная судьба ожидала его товарища, знаменитаго Гильфердинга.

Юный ученый, выпустивъ свой первый трудъ — о сродствѣ славянскаго языка съ санскритомъ, спѣшитъ отправить его на судъ Шафарику, чтобы повторить Буслаева. „Естественно желаніе, — пишетъ Гильфердингъ изъ Петербурга въ іюнѣ 1853 г., — имѣть въ ученыхъ работахъ опору и общеніе, и оно, надѣюсь, оправдаетъ меня въ томъ, что, едва начавъ заниматься славянскою наукою, я прямо обращаюсь къ вамъ, ея главѣ и учителю. Одно только могу сказать о своемъ трудѣ: я имѣлъ искреннее стремленіе принести хоть какую-нибудь пользу этой наукѣ, которой вы открыли такое широкое поприще и въ исторіи, и въ филологіи, но въ которой еще мало дѣлателей для разработки того, что̀ вы такъ славно начали".

Наконецъ, преклонился и самъ редакторъ „Извѣстій" Втораго отдѣленія, этотъ старый критикъ „Славянской Этнографіи".

Мы видѣли, какъ страстно желалъ Шафрикъ видѣть памятники Григоровича и другіе изданными. Естественно, онъ ожидалъ осуществленія своихъ грезъ отъ Академіи, съ того момента, какъ появленіе „Извѣстій Втораго отдѣленія" указало на прибой новыхъ, живыхъ силъ. Въ этомъ смыслѣ — сосредоточиться — онъ подалъ совѣтъ, тѣмъ болѣе, что появившійся въ Прагѣ ученикъ Срезневскаго, болгаринъ Петковичъ, обнаружилъ несостоятельность. Въ своемъ отвѣтѣ Срезневскій благодаритъ за совѣтъ (въ письмѣ 4 іюля 1852 г.), но замѣчаетъ, что есть много причинъ, почему „у насъ такъ мало печатается древнихъ славянскихъ памятниковъ: и горько это, и неизмѣнимо". Оправдываясь изъ-за Петковича, онъ указываетъ, что молодежь много работаетъ для него по древнимъ памятникамъ (конечно, имѣются въ виду Чернышевскій, Пыпинъ, братья Лавровскіе); что каждый день можно найти его студентовъ въ Публичной Библіотекѣ, Румянцовскомъ музеѣ за древними рукописями, и наконецъ

заключаетъ признаніемъ: „Нельзя не благодарить васъ за радушное замѣчаніе и совѣтъ; извлеченіе изъ письма вашего о необходимости изученія памятниковъ я сдѣлалъ извѣстнымъ нашимъ молодымъ филологамъ, которые привыкли уважать васъ, какъ *славу* нашей науки". Извѣстно, что П. Ал. Лавровскій былъ большой почитатель Ганки.

О Бодянскомъ не говоримъ. Шафарикъ для него — „посѣдѣвшій на поприщѣ славянской филологіи, занимающій на немъ первое мѣсто знатока, судіи и дѣятеля" (письмо 15 мая 1855 г.).

Обращеніе Куника къ Шафарику имѣло мѣсто въ 1854 году. Можно предварительно замѣтить, что представитель интересовъ русской исторической науки въ Академіи, благодаря своему образованію, умѣлъ ставить на очередь вопросы. Ему принадлежала задача на академическую премію о византійской хронологіи, и Шафарикъ не ошибся въ своемъ предположеніи о виновникѣ ея, въ одномъ изъ писемъ къ Погодину 1850 года.

20 ноября 1854 года, Куникъ направилъ къ Шафарику милое приглашеніе—освѣжить старину и научить, заполнивъ одинъ изъ самыхъ чувствительныхъ пробѣловъ славянской бытовой старины, въ нескрываемомъ убѣжденіи, что эта задача подъ силу одному ему, Шафарику.

„Ободряемый нашимъ общимъ другомъ (т.-е. Погодинымъ), который всегда готовъ ревностно служить общему благу, я,—пишетъ Куникъ,—пріемлю смѣлость вступить съ вами снова въ письменное общеніе, и въ настоящемъ письмѣ коснуться предмета, обработка котораго заполнитъ одинъ изъ чувствительныхъ пробѣловъ въ области славянскихъ древностей (der slavischen Alterthumskunde).

„Когда, нѣсколько времени тому назадъ, я узналъ, что Мацѣёвскій собирается выпустить въ свѣтъ новое изданіе своей „Исторіи славянскаго права", тотчасъ же у меня явилась мысль, что ему придется бороться съ одною значительною трудностью, именно съ филологическимъ объясненіемъ такъ-называемыхъ юридическихъ терминовъ. Безъ всякаго желанія унизить заслуги польскихъ и русскихъ юристовъ, я тѣмъ не менѣе питаю твердое убѣжденіе, что ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи проложить прочный путь въ области славянскихъ юридическихъ древностей, но что для этой задачи *лишь вы одни* поднялись среди нынѣшнихъ славистовъ!

„Я очень хорошо понимаю, почему вы чувствуете себя болѣе

склоннымъ къ грамматическимъ изслѣдованіямъ. Но вы разрѣшите мнѣ одно замѣчаніе: область общей славянской грамматики и литературной исторіи разрабатывается, хотя и не вездѣ съ значительнымъ успѣхомъ, и другими, тогда какъ дѣло съ юридическими и миѳологическими древностями, помимо отдѣльныхъ, приготовительныхъ работъ, все еще стоитъ очень худо (sehr im Argen liegen). И такъ будетъ еще долго, если *вы* не приложите къ дѣлу своей руки".

Задача формулирована ясно, какъ и причина самаго обращенія. Но корреспондентъ, хорошо зная матеріальное положеніе лица, къ которому направлено обращеніе, не отъ себя, а прикрываясь авторитетомъ общаго друга, весьма деликатно позволяетъ себѣ далѣе указать, что трудъ, вызываемый Академіей, отъ Академіи будетъ и награжденъ, что для этого и мѣры приняты. Конечно, въ устахъ Куника это не приманка.

„Согласно желанію нашего друга, я,—продолжалъ Куникъ,— вмѣстѣ съ этимъ извѣщаю васъ, что по послѣднему Положенію о Демидовскихъ наградахъ могутъ быть увѣнчаны произведенія по славянской филологіи, древностямъ и т. д. на польскомъ или *чешскомъ* языкахъ, даже еслибы авторы ихъ жили внѣ Россіи. Эта прибавка вставлена Академіей единственно и исключительно въ интересѣ славянскихъ изученій. Я вполнѣ увѣренъ, что сочиненіе о славянскихъ юридическихъ древностяхъ было бы принято въ Демидовской коммиссіи съ общимъ одобреніемъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что и помимо преміи могла бы быть предложена сумма, достаточная для покрытія расходовъ по печати, въ томъ случаѣ, еслибы сочиненіе было представлено въ рукописи. Конкурсъ на 1855—56 г. начинается съ 1-го ноября 1855 года".

Такимъ образомъ, отъ Академіи сдѣлано все: въ интересѣ науки — объявлена конкурсная тема; въ интересѣ лица — измѣнены старыя правила, намѣренно расширена область конкурренціи.

Для достиженія желанной цѣли, Куникъ напередъ устраняетъ возможное первое возраженіе своего адресата, что для Академіи важенъ не объемъ труда, а указаніе пріемовъ, закладка фундамента науки. „Можетъ быть, вы возразите намъ, что собранные вами матеріалы еще слишкомъ недостаточны для обработки въ систематической полнотѣ. На это имѣемъ мы (я пишу и отъ имени нашего друга) замѣтить, что отъ перваго ученаго труда по славянскимъ юридическимъ древностямъ и не требуется безусловной полноты терминовъ, подлежащихъ объясненію, равно какъ и развитія всѣхъ тонкостей юридическихъ понятій: прежде всего дѣло

идетъ о томъ, чтобы исторія славянскаго права получила прочное филологическое основаніе и почву, а уже потомъ вести самое зданіе и отдѣлку. Можетъ быть, славянскія юридическія древности могли бы быть обработаны такимъ способомъ, который освободилъ бы васъ отъ труда—приводить въ систематическую форму.

„Въ случаѣ, еслибы вы,—заключалъ Куникъ,—почтили меня отвѣтомъ, тогда бы я позволилъ себѣ познакомить васъ, въ интересѣ славянскихъ изученій, ближе съ *нашимъ положеніемъ*. На сегодня я замѣчу только то, что рессурсы нашей Академіи, въ силу реформъ 1849 года, находятся теперь въ столь цвѣтущемъ состояніи, какъ едвали когда прежде. Чего бы нельзя было сдѣлать въ интересѣ чистой науки, еслибы были здѣсь *болѣе дѣятельныя силы* и предпріимчивый президентъ"! Извѣстно, что гр. Уваровъ вскорѣ умеръ.

Это историческое письмо русскаго академика пролежало пять дней, и 15-го общій другъ, т.-е. Погодинъ, сдѣлалъ съ своей стороны приписку въ нѣсколько строкъ, по-русски, въ цѣляхъ того же убѣжденія, и своимъ, послѣ Герцена, историческимъ слогомъ. „Присоединяю мои искреннія желанія, просьбы и убѣжденія, почтенный другъ! Дайте намъ хоть одни указанія, взгляды, намеки, безъ дальнѣйшей обработки. Пишу къ вамъ изъ Петербурга, куда я пріѣхалъ съ остальными бумагами и вещами, принадлежавшими къ моему древлехранилищу. Осыпанъ отовсюду ласками. О своей медали не безпокойтесь. Постараюсь вскорѣ доставить вамъ нужное. Да благословитъ Богъ васъ и вашихъ. Время наше не благопріятствуетъ музамъ, но мы будемъ дѣлать свое. Patientia victrix! Книги церковныя пришлю вамъ изъ Москвы немедленно. Въ Москву ѣду завтра. Демидовская премія полная—5 тыс. р. асс., половинная—$2^1/_2$. „Памятники южныхъ славянъ" вы, вѣрно, можете продолжать на иждивеніи Академіи".

О чемъ только не было говорено здѣсь! Да и любопытенъ самый порядокъ мыслей — въ помощь строгому логическому теченію мыслей въ письмѣ главнаго корреспондента.

Въ заключеніе своего письма, Куникъ дѣлаетъ частный запросъ Шафарику по наукѣ. „Я,—пишетъ онъ,—позволяю себѣ приложить у сего корректурный листокъ, въ которомъ я высказался о происхожденіи русскаго мартовскаго счисленія. *Вы* должны объ этомъ высказаться. Я знаю объ этомъ (о языческомъ происхожденіи русской майской игры) лишь изъ носящагося въ воздухѣ намека г. Бѣляева. Что собственно вы понимаете подъ „киріопаска" (25 марта, какъ пасха?), я изъ объясненій Пого-

дня понять не могу“. А между тѣмъ въ письмѣ къ Погодину отъ 28 сентября (№ 119) Шафарикъ ясно указалъ, что это—день, когда Пасха совпадаетъ съ Благовѣщеніемъ.

Не говоря о тонѣ письма Куника, полномъ самаго высокаго уваженія, обращеніе къ Шафарику—сослужить послѣднюю службу Россіи, русской наукѣ,—обставлено было такъ, что, казалось, полученіе благопріятнаго отвѣта имѣло много за себя. Помимо аппеляціи къ Шафарику, какъ къ единственному авторитету и учителю, въ обращеніи образованнаго академика данъ цѣлый рядъ самыхъ льготныхъ условій для рѣшенія академической задачи, только бы предложеніе было принято. Но вся сила доводовъ, вся деликатность тона и условій были напрасны: отвѣтъ былъ отрицательный.

„Ваше драгоцѣнное письмо отъ 15 ноября,—писалъ Шафарикъ Кунику 2 (14) января 1855 года,—получено мною уже давно (9 декабря). Меня очень обрадовало—читать снова, послѣ долгаго промежутка, строки вашей руки, того, заслуги котораго я такъ высоко цѣню на обрабатываемой нами съ такою любовью литературной нивѣ. Не менѣе пріятно было мнѣ извѣстіе о готовности императорской Академіи поддерживать и награждать чисто научныя работы по славянскимъ древностямъ и филологіи. Я бы охотно отвѣчалъ сейчасъ же, еслибы я могъ написать вамъ что-либо радостное и удовлетворительное въ отвѣтъ на ваше приглашеніе и вызовъ. Этого сдѣлать я и теперь не въ состояніи; но, тѣмъ не менѣе, не желаю и не смѣю оставлять васъ дольше безъ отвѣта.

„О благожелательномъ вниманіи Академіи, которой я обязанъ такой признательностью, я никогда не сомнѣвался. И вамъ я весьма обязанъ за ваше столь снисходительное и лестное мнѣніе о моихъ работахъ. Тѣмъ больнѣе для меня, что я, къ сожалѣнію, не въ состояніи обѣщать вамъ что-либо опредѣленное относительно затронутаго предмета. Я позволю себѣ коснуться лишь вкратцѣ одного пункта, чтобы вамъ было ясно, что мнѣ теперь невозможно и думать о новыхъ сложныхъ литературныхъ предпріятіяхъ.

„Черезъ нѣсколько недѣль я переступаю шестидесятый годъ жизни. Venit enim properata malis inopina senectus! Это, конечно, возрастъ, который и человѣку болѣе крѣпкому, чѣмъ я, напоминаетъ: Vitae summa brevis spem vetat inchoare longam, и опять: Contrahe vela.

„Далѣе, я состою въ утомительной и похищающей время должности, которая требуетъ для себя мое лучшее время дня—

ежедневно пять часовъ. Измѣнить это—безусловно невозможно; ибо начинать теперь снова и искать болѣе удобную гавань, послѣ того какъ я не могъ найти ея въ теченіе сорока лѣтъ, было бы прямо глупостью. Сверхъ того, теперь я почти постоянно страдаю весьма тяжелымъ и безпокойнымъ хроническимъ недугомъ ревматическаго характера. Наконецъ, ко всему этому присоединяются еще самыя гнетущія семейныя заботы.

„Таковы фактическія условія, которыя разомъ теперь или совсѣмъ нельзя измѣнить, или же только съ большимъ трудомъ. О другихъ отягчающихъ обстоятельствахъ для специфически славянскихъ занятій и работъ, *теперь* и *здѣсь*, я предпочитаю умолчать, такъ какъ каждый порядочный человѣкъ (eine feste männliche Seele) долженъ ихъ прозрѣть".

Въ послѣднихъ словахъ—осторожный намекъ на современное положеніе Австріи, въ эпоху Баховскаго абсолютизма. Въ современномъ письмѣ къ Погодину и Шафарикъ прямо признается: „только отъ Австріи ничего не ждите". Это положеніе и обезсмертилъ Гавличекъ въ небольшой пѣсенкѣ о сторонникахъ министра Шварценберга: „Худо, матушка, худо—шварценберговцы здѣсь; одинъ держитъ плеть, а другой читаетъ Отче нашъ",—т.-е. чиновникъ и іезуитъ.

„Что же касается,—продолжаетъ Шафарикъ,—собственно самаго предмета, на обработку котораго вы и другіе друзья въ Академіи вызываете меня, то, признаюсь, я совсѣмъ не такъ оснащенъ для этого, какъ вы предполагаете. Правда, въ 1836—1838 годахъ я кое-что для этого извлекъ и собралъ; но эту свою работу, какъ и нѣкоторыя другія, я, въ омутѣ жизни (im Drange des Lebens) и занятій, окончить не могъ". Въ черновой это мѣсто выражено сильнѣе—„при многихъ невзгодахъ и напастяхъ всякаго рода, которымъ была подвергаема моя дѣятельность". „Съ того же времени появились многіе, очень многіе источники и сочиненія, которые всѣ должны заново быть прочтены и использованы; но это сдѣлать я теперь уже не въ состояніи. Итакъ, solvite senescentem, ne peccet ad extremum ridendus. Близкіе примѣры устрашаютъ".

Итакъ, онъ проситъ освободить старика отъ искушенія и отъ грѣха, т.-е. предъ нами безусловное отклоненіе вызова.

„Несмотря на это,—продолжаетъ онъ,—пожалуйста, вы не думайте, что я погрязъ совсѣмъ въ бездѣятельности. Насколько могу, я продолжаю работать. Но если я еще долженъ быть сколько-нибудь полезенъ своимъ перомъ, то это можетъ относиться только къ тѣмъ работамъ, которыя я еще въ состояніи одолѣть

Славянскую же археологію и т. д. я долженъ уже предоставить болѣе юнымъ, болѣе крѣпкимъ силамъ: онѣ, я вполнѣ увѣренъ, появятся скоро. Я же, если только Господь сохранитъ мнѣ еще жизнь и свѣжесть духа, буду трудиться, насколько это возможно въ моемъ положеніи. Во всякомъ случаѣ, мои матеріалы и собранія оставляются въ пользованіе этимъ, болѣе юнымъ, силамъ.

„Сердечно благодарю,—заключаетъ Шафарикъ,—васъ за то благоволеніе, которое оказываете вы въ вашемъ письмѣ; сохраните же его неослабнымъ и впредь. Прошу передать мой сердечнѣйшій привѣтъ всѣмъ нашимъ друзьямъ—академикамъ и соратникамъ. Отъ нашего уважаемаго друга Погодина въ Москвѣ не получилъ ни строки съ 15 ноября. Пожалуйста, извѣстите его объ этомъ, или, буде возможно, сообщите ему это письмо для прочтенія, ибо я самъ не знаю, буду ли я въ состояніи, и когда, писать ему".

Итакъ, всѣ разсчеты и планы академическихъ друзей рушились: отказъ Шафарика былъ безповоротный.

Съ благородной откровенностью Шафарикъ открывалъ себя настежь предъ Куникомъ, свое положеніе, душу: наступало-молъ для него то время, когда ужъ поздно искать новыхъ, лучшихъ условій для остающагося конца жизни. Друзья-академики въ Россіи опоздали съ своими благородными заботами о судьбѣ историческаго учителя. Но, какъ увидимъ сейчасъ, и послѣ отказа тамъ не отказались отъ надеждъ, и во главѣ, конечно, стоялъ инціаторъ всего этого дѣла по вызову Шафарика,. Куникъ: — уменьшимъ размѣры задачи — такъ полагали въ Академіи — и, авось, послѣдуетъ согласіе.

XVIII.

Какъ видно изъ соображенія датъ, Куникъ, вслѣдъ за полученіемъ отказа отъ Шафарика, повторилъ приглашеніе. Къ сожалѣнію, это письмо петербургскаго друга отсутствуетъ въ нашихъ матеріалахъ. Но, помимо другого, о немъ говоритъ Шафарикъ въ письмѣ къ Погодину 8 мая 1855 года, а именно, что онъ не могъ еще собраться, но вскорѣ будетъ отвѣчать Кунику. Дѣйствительно, Шафарикъ отвѣчалъ, но очень кратко, чтобы обстоятельный отвѣтъ дать лишь къ концу года — 23 декабря 1855 г. (нов. ст.). Какъ увидимъ сейчасъ изъ письма 23 декабря, Куникъ въ своемъ отвѣтѣ на отказъ, помимо главной темы, поставилъ новые вопросы по славянской палеографіи, несомнѣнно

вызванные какъ извѣстной диссертаціей Бодянскаго на эту тему, такъ и палеографическими снимками, изданными московскимъ университетомъ въ свой юбилей; но эти запросы какъ-разъ совпали съ открытіемъ въ стѣнахъ самой Праги, въ библіотекѣ мѣстной капитулы, листковъ старой глаголицы. Замѣтимъ, что въ тотъ же день, 23 декабря, Шафарикъ писалъ и Погодину, и начало обоихъ писемъ посвящено этому важному и въ личной жизни его открытію неожиданной православной старины (по содержанію). Онъ объявлялъ Погодину, что вопросъ о славянскихъ азбукахъ долженъ подлежать новому пересмотру, но съ осторожностью и критикой.

Но обратимся къ самому письму 23-го декабря.

„Когда я недавно писалъ вамъ, я находился въ такомъ состояніи, что долженъ былъ быть очень краткомъ, и обѣщалъ вамъ написать позже. Правда, и сейчасъ я не могу войти глубже въ затронутыя вашимъ милымъ письмомъ темы; но я не желаю долѣе откладывать дѣло, въ виду того, что какъ-разъ представляется мнѣ случай сообщить вамъ предварительное извѣстіе о высшей степени важной находкѣ для палеографіи и исторіи славянскихъ письменъ". Рѣчь идетъ о глаголическихъ листкахъ, упомянутыхъ выше. Въ будущемъ Шафарикъ обѣщаетъ поговорить объ этомъ обстоятельнѣе, а пока переходитъ къ главной темѣ письма Куника—къ упрощенной темѣ о славянскихъ юридическихъ древностяхъ.

„Что касается объясненія (Erklärung) древнихъ юридическихъ памятниковъ, то и объ этомъ отсюда я не могу сообщить вамъ ничего отраднаго. Въ общемъ, я однажды уже писалъ вамъ, что всякія надежды получить что-либо годное и основательное объ этомъ отъ нашего, болѣе юнаго, поколѣнія, должны быть оставлены. Повидимому, вы не вполнѣ освѣдомлены о нашемъ положеніи. Славистика должна здѣсь пасть и скоро упадетъ до нуля. Что же касается памятниковъ права, которыми славяне не бѣдны (я полагаю, они и составляютъ то важнѣйшее, чѣмъ только славяне владѣютъ), то мы должны быть рады, если въ состояніи кое-что изъ этого правильно напечатать, чтобы сберечь для будущаго. Интерпретаторъ долженъ быть за-разъ и филологъ, и юристъ, и къ тому же съ талантомъ: гдѣ же мы найдемъ такого среди славянъ? Наши славянскіе юристы — адвокаты и ябедники. И самъ пресловутый Мацѣёвскій въ Варшавѣ такой же; во всемъ остальномъ онъ — отчаянный невѣжда. Онъ желаетъ теперь доказывать, что старонѣмецкое, кельтское и т. д. право — по происхожденію славянское, тогда какъ мы *основательно* еще

не понимаемъ нашихъ, болѣе позднихъ, правовыхъ книгъ, какъ Книги пана изъ Розенберга, Виндольскій Законъ, Законникъ Душана, и т. д., и т. д. А ученые нѣмецкіе юристы, которыхъ у насъ теперь такая масса, — они разъ навсегда не желаютъ учиться славянскому языку, не желаютъ и слышать ни о чемъ славянскомъ, страшатся болѣе, чѣмъ собаки и змѣи (perhorrescunt cane angueque magis)". Авторъ указываетъ, что проф. Миклошичъ будетъ читать теперь лекціи въ Вѣнѣ о Законникѣ Душана; но это будетъ, и можетъ быть, одна лишь грамматическая интерпретація, слѣдовательно внѣ счета.

„Итакъ,—заключаетъ свой пессимистическій обзоръ наличныхъ славянскихъ силъ для права Шафарикъ,—мы ждемъ свѣта и помощи для подобныхъ вещей отъ васъ и отъ вашихъ краевъ. Здѣсь же мы бѣдны, очень бѣдны во всемъ; вы же богаты и имѣете всѣ средства. Если отъ васъ, вашихъ товарищей и помощниковъ, короче говоря, отъ вашихъ странъ не прольется свѣтъ на эти темныя области древности, то онъ нигдѣ не появится и никогда (nie und nimmer)".

Какъ бы въ приискѣ къ этому дѣловому письму, Шафарикъ возвращается къ любимой своей затѣѣ—къ отливкѣ художественнаго письма, именно, глагольскаго.

„Здѣсь, — сообщаетъ Шафарикъ, — теперь у Гаазе изготовляется новый глагольскій шрифтъ для хорватовъ и, именно, подъ моимъ наблюденіемъ и руководствомъ. Если Академія не запаслась круглымъ болгарскимъ шрифтомъ, не вполнѣ удовлетворительнымъ, то лучше пообождать, пока я вышлю образцы новаго. Дѣло это я ни въ какомъ случаѣ не оставлю. Хорваты желаютъ напечатать нѣкоторыя изъ своихъ старыхъ глагольскихъ документовъ и правовыхъ памятниковъ, которые все болѣе и болѣе отыскиваются. Такъ недавно открыта новая глагольская грамота отъ 1013 года. И мнѣ сообщены изъ Хорватія отрывки, которые идутъ необыкновенно далеко въ старину. Но какая польза отъ всего этого!" Говоря послѣднее, Шафарикъ, конечно, имѣлъ въ виду сдѣланную раньше общую оцѣнку ничтожныхъ умственныхъ силъ у славянъ. Но относительно хорватовъ онъ нѣсколько ошибся: его дѣятельный корреспондентъ изъ Хорватіи, извѣстный патріотъ и писатель, И. Кукулевичъ, оказался очень ревностнымъ глашатаемъ стараго національнаго письма: имъ позже былъ изданъ громадный томъ грамотъ глагольскимъ шрифтомъ (кто пользовался имъ?), а католическій священникъ Ив. Берчичъ изъ Задра въ тѣхъ же цѣляхъ издавалъ хрестоматіи, начальныя руководства для школъ.

Письмомъ 23-го декабря 1855 года замыкается небольшая, но содержательная серія писемъ Шафарика къ своему петербургскому другу и почитателю. Когда же Куникъ сдѣлалъ-было позже попытку обновить сношенія, они, какъ увидимъ ниже, остались уже безъ отвѣта.

XIX.

Шафарикъ, видимо, старѣлъ, и жалобы его не были празднымъ звукомъ. Болѣзни, служба, семейныя заботы удручали его. Правда, въ 1856 году мы видимъ его даже въ Геттингенѣ, за пріемомъ книгъ для пражской библіотеки; но въ слѣдующемъ—физически онъ уже совсѣмъ изнемогающій человѣкъ, хотя при всемъ своемъ старомъ свѣтломъ умѣ. Всегда лишь человѣкъ науки, врагъ политики, Шафарикъ, не безъ участія надоѣдливой назойливости и грубыхъ пріемовъ своего московскаго друга Погодина, какъ бы отворотился отъ Россіи, на полуоборотъ. Отъ лѣта 1857 года сохранились любопытныя замѣтки побывавшаго тогда въ Прагѣ разсудительнаго славянофила А. И. Кошелева; въ нихъ фигура Шафарика предъ нами во весь ростъ: съ одной стороны, видимо дряхлѣющій старецъ; съ другой — та же глубина ума и сила критическаго сужденія.

Кошелевъ подъ 6-е іюля заноситъ въ свой дневникъ, что посѣтилъ свѣжаго, бодраго, отмѣнно радушнаго Ганку, а затѣмъ Шафарика. Послѣдняго онъ нашелъ въ болѣзненномъ и крайне разстроенномъ состояніи. „Виденъ еще отмѣнно умный, исполненный потухающей жизни человѣкъ, но уже развалины того, что̀ нѣкогда было. Ему запрещено писать, читать и даже говорить о предметахъ, могущихъ его волновать. Доктора полагаютъ, что у него водянка въ головѣ“.

Черезъ два дня послѣдовалъ второй визитъ, болѣе продолжительный и крайне интересный: „развалины“ человѣка обнаружили, по словамъ посѣтителя, силу и умъ. „Мы,—пишетъ Кошелевъ,—говорили довольно. Онъ самъ шелъ на серьезные разговоры, и я не имѣлъ духа съ нихъ своротить. Онъ говорилъ, что теперь народное направленіе серьезнѣе и общѣе, чѣмъ прежде, хотя въ немъ бодрости, силы и генія несравненно менѣе. —Велика бѣда наша, — говорилъ онъ, — что у насъ нѣтъ денежныхъ средствъ; изъ-за границы принимать пособіе—дѣло невозможное. Эти деньги намъ сдѣлаютъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Какъ бы секретно это дано ни было, правительство узнаетъ и

вмѣстить. Вы, русскіе, особенно Погодинъ, имѣете всегда въ общеніяхъ съ нами какіе-то политическіе виды: этимъ вы вредите и себѣ, и намъ, и дѣлу. Не заботьтесь о насъ, заботьтесь о себѣ; *встаньте сами на ноги*, и мы постараемся быть чехами и дѣлать общее *славянское* дѣло. Русскихъ чеховъ теперь остается только одинъ—Ганка; онъ—остатокъ прежняго движенія; теперь чехи хотятъ быть *чешскими чехами*. Мы не враждебны, напротивъ, благорасположены къ русскимъ; но входить въ русскіе интересы мы не только не можемъ, но даже и не желаемъ. Движеніе народное продолжается; но оно идетъ глубже" [1]).

Серьезный разговоръ, широкій охватъ вопроса, не безъ раздраженія при воспоминаніи о Погодинѣ, кроившемъ на свой аршинъ весь міръ; но бесѣда такого рода могла имѣть мѣсто лишь съ разсудительнымъ Кошелевымъ.

Одновременно съ Кошелевымъ посѣтилъ Прагу и старый корреспондентъ Шафарика, Мурзакевичъ изъ Одессы. Въ апрѣлѣ 1858 года онъ пишетъ своему товарищу Бодянскому: „прошлымъ лѣтомъ я побывалъ въ Дрезденѣ, Прагѣ, гдѣ видѣлъ полубольного Шафарика и бодраго Ганку". Кошелевъ и Мурзакевичъ взаимно подтверждаютъ и дополняютъ другъ друга. Замѣтимъ, что немало глубокаго душевнаго волненія долженъ былъ вынести старикъ, когда уже въ началѣ злополучнаго 1857 года стали выясняться патріотическіе подлоги Ганки, а онъ такъ защищалъ ихъ подлинность,—говорятъ, вынужденно. О нихъ и „фабрикантѣ" ихъ Шафарикъ ясно говоритъ въ письмѣ къ Погодину, но довѣренно, отъ 22 февраля. „Фабриканта" по имени онъ не называлъ; но каждый понималъ, что это былъ Ганка, что его подразумѣвалъ Шафарикъ. Черезъ годъ разразилась буря, доведенная „бодрымъ" Ганкою до обыкновеннаго уголовнаго суда— за „оклеветаніе". Ганка вышелъ побѣдителемъ, а „анонимный" противникъ всю послѣдующую жизнь провелъ подъ патріотическимъ гнетомъ. Мы имѣемъ въ виду В. Небескаго, поэта, даровитаго критика и высокообразованнаго человѣка.

XX.

Прошло два съ половиною года, какъ Куникъ получилъ, 23-го декабря 1855 (ст. ст.), послѣднее письмо Шафарика.

Переписка съ русскими друзьями постепенно прекращалась.

---

[1]) Колюпановъ, А. И. Кошелевъ, т. II, приложенія, стр. 151—152.

Послѣднее письмо отъ Бодянскаго носитъ дату 25-го іюня 1857 года. Оно было послано чрезъ проф. Булича съ знаменитой „Исторіей сербскаго языка“ его ученика, А. Майкова, съ выраженіемъ надежды, что этотъ трудъ „сдѣлаетъ честь и ученику, и наставнику“, въ главахъ „перваго судіи“, и съ московскими новостями: объ оскорбленіи Шевырева гр. Бобринскимъ, почему обновляются „Чтенія“, куда войдетъ масса славянскихъ памятниковъ, о „нашествіи сѣверныхъ варваровъ“ на западъ, между прочимъ о намѣреніи Кошелева посѣтить Прагу и о своемъ—но не удавшемся. Но отвѣта отъ Шафарика не было.

Коротенькія письма къ Погодину еще продолжались почти до конца 1857 года. Трудно читать ихъ безъ глубокаго душевнаго волненія, особенно строки, посвященныя бѣдной семьѣ и отказу отъ умственной дѣятельности. Но послѣ 18-го октября идетъ перерывъ на 14 мѣсяцевъ, и письмо отъ 12-го декабря 1858 г. было послѣднимъ, и на тѣ же темы: семья и отказъ. Оно—отвѣтъ на пустыя сообщенія, будто онъ собирается издать 16 томовъ своихъ сочиненій, написать картину русской исторіи вродѣ Маколеева вступленія, для чего уѣхать въ деревню или въ чужіе края, и пр. А Шафарикъ даже счастливъ былъ, что у порога Праги провелъ нѣсколько недѣль „среди быковъ, коровъ и овецъ“, т.-е. на дачномъ воздухѣ, какъ онъ писалъ осенью 1857 года.

Молчаніе было отвѣтомъ и на обращеніе русскаго друга еще изъ-Новаго Сада. Когда Кеппенъ, послѣ промежутка въ шесть лѣтъ, 12-го января 1858 года, снова напомнилъ о себѣ, съ воспоминаніемъ старины и надеждой „лично его обнять“, —отвѣта не послѣдовало.

Отношенія съ Срезневскимъ, всегда сухія, дѣловыя, прекращены еще въ 1855 году. Но петербургскій славистъ еще въ 1842 году предъ своимъ учителемъ Ганкою признавался изъ Вѣны: „собираюсь писать къ Шафарику, да не знаю, о чемъ“.

Юный Гильфердингъ былъ мало интересенъ для старика разбросанностью своего вниманія. Шафарикъ строго осудилъ пріемы его первыхъ трудовъ, сближая ихъ съ методомъ Коллара въ извѣстномъ трудѣ о старой Италіи — „чудовищномъ произведеніи плевелъ и гноя“. Онъ писалъ Мацѣёвскому, что гдѣ исторія слова не можетъ идти отъ ступени къ ступени, отъ вѣтви къ вѣтви, тамъ все теряется во мракѣ и тьмѣ — тутъ и доказывать ничего нельзя. Письменныя сношенія съ нимъ прекращаются еще въ 1856 году. Гильфердингъ не прочь былъ отъ мысли изъ „Павла Павловича“, какъ называлъ Шафарика Срез-

невскій, сдѣлать литературнаго докладчика. Впрочемъ, если старикъ иногда бывалъ болѣе чѣмъ неравнодушенъ къ Гильфердингу, какъ это увидимъ ниже, то по особымъ поводамъ: это былъ конкуррентъ.

Что же касается случайныхъ русскихъ обращеній, то, естественно, для больного старика они были тяготою. В. Безобразовъ (будущій академикъ) изъ Дрездена проситъ (17-го авг. 1857 г.)— назначить ему время, когда онъ можетъ его навѣстить. Извѣстный Гатцукъ, авторъ фантастической малорусской книжки („Ужинок") и правописанія, въ малорусскомъ письмѣ изъ Кіева, 14-го іюня 1858 года, развиваетъ взглядъ, что малороссы идутъ скорѣе къ славянамъ Запада. Старикъ почему-то нашелъ нужнымъ отмѣтить, и даже по латыни: „не знаю ни автора, ни его книжонки".

Но постепенное одряхлѣніе больного старика не мѣшало ему оставаться вѣрнымъ старинѣ—грамматической музѣ: интересамъ славянской науки душа его была по старому открыта, а глагольскій вопросъ по старому стоялъ на первомъ мѣстѣ: знакомство съ новыми его источниками, исканіе новыхъ рукописей и пр., затѣмъ, въ связи съ этимъ, начальный текстъ Апостола и др.

Его племянникъ, лекарь Янко Шафарикъ, давно уже поселившійся въ Бѣлградѣ, разыскалъ знаменитую сербскую рукопись такъ называемаго Никольскаго евангелія (перепись съ глагольскаго текста) и въ началѣ 1857 года сообщаетъ дядѣ описаніе и образцы. Но въ письмѣ при этомъ (4-го февраля) онъ какъ бы спѣшитъ успокоить старика относительно появившагося конкуррента въ лицѣ Гильфердинга: „Гильфердингъ оставилъ насъ, уѣхавъ въ Вѣну; у насъ онъ усердно собиралъ и видѣлъ всѣ старыя рукописи, какія только имѣются у насъ — кромѣ Никольскаго евангелія". Вмѣстѣ съ этимъ, отъ имени владѣтеля послѣдней рукописи, нѣкоего Вукомановича, онъ проситъ дядю, чтобы при упоминаніи о ней въ печати, его не называть, а обозначить просто: пергаментное евангеліе Никольскаго монастыря находится въ Бѣлградѣ, въ частныхъ рукахъ. „Впрочемъ я,—прибавляетъ Янко,—внимательно слѣжу за этою рукописью и не допущу легко, чтобы она исчезла".

Было упомянуто выше, что отъ начала 50-хъ годовъ завязалась живая переписка и пересылка между Шафарикомъ и Кукулевичемъ, между Прагою и Загребомъ: изъ Загреба пошли на сѣверъ глагольскіе отрывки, снимки, старопечатныя книги, рукописи. Въ эпоху, нами разсматриваемую, Шафарикъ отъ своего хорватскаго корреспондента имѣлъ ту же товарищескую помощь и нравственную поддержку. „Я,—писалъ ему Кукулевичъ

23-го октября 1857 года, — весьма сожалѣю, что немилостивая болѣзнь мѣшаетъ вамъ въ вашей духовной, столь полезной и необходимой для насъ, работѣ; но уповаю на Господа Бога, что вы, съ помощью Всевышняго, который подарилъ васъ славянству для высшей славы и радости, воротите скоро опять свои старыя, прежнія силы, чтобы въ вашихъ неоцѣнимыхъ сочиненіяхъ и работахъ надѣлить насъ тѣмъ, что̀ ожидаемъ и можемъ ожидать единственно отъ васъ". Полный любезности, Кукулевичъ разрѣшаетъ ему глагольскія рукописи удержать у себя, пока нужно, а печатныя книги, „что вамъ я послалъ, помѣстите, какъ небольшой подарокъ отъ меня, въ вашу библіотеку, о чемъ я вамъ уже писалъ раньше".

Знаменитая книга Шафарика, вышедшая въ началѣ 1858 года, о родинѣ и происхожденіи глагольскаго письма — оно и есть дѣло рукъ св. Кирилла Солунскаго,—обязана не одной страницею любезной внимательности Кукулевича. Что касается основного положенія книги изнемогавшаго, но съ свѣтлымъ, яркимъ умомъ старика,—оно почіетъ на незыблемомъ постаментѣ.

Такъ поучительна была и самая послѣдняя бесѣда Шафарика съ людьми, съ міромъ!

XXI.

Среди страданій и терзаній, но въ то же время среди трудовъ и посильной работы мысли, шли дни угасающаго старика. Старыя русскія отношенія уходили все далѣе и далѣе за горизонтъ, затѣмъ были прерваны и забыты. Съ каждымъ новымъ днемъ положеніе Шафарика, физическое и душевное, становилось серьезнѣе. Вдругъ, весною 1858 года, со стороны знакомаго намъ петербургскаго почитателя Шафарика, академика Куника, явилась попытка обновить, освѣжить русскія отношенія. Очевидно, Куникъ невполнѣ отчетливо представлялъ себѣ, что Шафарикъ 1858-го года уже не только не тотъ, что̀ три года назадъ, но даже и при свиданіи съ Кошелевымъ, лѣтомъ 1857 г., онъ физически былъ уже совсѣмъ разваливающаяся храмина, и всякіе счеты даже по наукѣ готовы уйти за его духовный горизонтъ, тѣмъ болѣе случайные.

Куникъ писалъ въ два пріема, съ двухнедѣльнымъ промежуткомъ.

„Я очень радъ,—начинаетъ свое письмо 25-го апрѣля 1858 года Куникъ,—что мнѣ еще разъ представляется снова случай писать къ вамъ,—а именно, появленіе въ свѣтъ сочиненія моего

друга Билярскаго († 1866, въ Одессѣ), отъ котораго я длинный рядъ лѣтъ требовалъ—посвятить себя лингвистическимъ занятіямъ. Болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, я вручилъ ему московскую рукопись болгарскаго перевода хроники Манасіи, съ требованіемъ обработать ее въ интересѣ славянской филологіи. Я опускаю ту борьбу, которую я долженъ былъ выдержать тогда, когда Востоковъ, въ 1847 году, присуждалъ Билярскому премію. Къ сожалѣнію, пренія, которыя возникли тогда по этому поводу въ стѣнахъ Академія, привели моего друга въ настроеніе, слѣды котораго довольно ясно видны въ его разсужденіи о реймскомъ евангеліи. Конечно, теперь Билярскій думаетъ иначе; онъ сдѣлался спокойнѣе, и меня радуетъ, что въ прошломъ году мнѣ удалось, наконецъ, подвинуть его на новое изданіе перваго № Судебъ".

За первый присѣстъ письмо Куника здѣсь оканчивалось. 8-го мая онъ его продолжаетъ, извѣщая, что цѣлая посылка съ экземплярами „Судебъ" Билярскаго идетъ въ Прагу: одинъ, съ обѣими частями, лично для Шафарика; другіе же, изъ первой части, онъ долженъ передать въ пражскій музей и въ ученое общество въ Загребѣ или въ Бѣлградѣ.

„Теперь,—продолжаетъ Куникъ,—есть нѣкоторая просьба, конечно, не въ интересѣ лица, а добраго дѣла", поддержать друга Билярскаго, нравственно, въ его рѣшеніи возвратиться къ наукѣ.

„Вы согласитесь со мною, что пришлось бы очень сожалѣть, еслибы такая сила (eine solche Kraft), какъ Билярскій, вынужденъ былъ снова свернуть съ пути, на который онъ снова вышелъ. Счастливымъ образомъ здоровье его существенно поправилось, а разумная женитьба, на которую онъ только-что рѣшился, скорѣе его способность къ работѣ въ будущемъ усилитъ, чѣмъ ослабитъ. Еще вчера онъ объявилъ мнѣ, что отнынѣ онъ снова рѣшилъ заниматься, и въ ближайшемъ будущемъ онъ желаетъ продолжать печатаніе своего перевода „Введенія" Вильг. Гумбольдта. Слово же *ободренія* съ вашей стороны очень укрѣпило бы его въ его намѣреніи". Куникъ проситъ письма для Билярскаго отъ корифея науки, для талантливаго самоучки-семинариста, для дѣйствительно „добраго дѣла". Онъ сообщаетъ адресъ „наставника-наблюдателя" въ корпусахъ. „Но если вамъ угодно будетъ, то это письмо, предназначенное ему, заключите въ письмо ко мнѣ, на случай, если вы почтете меня нѣсколькими строками".

И внѣ стѣнъ Академіи было извѣстно о крайне напряжен-

ныхъ отношеніяхъ между двумя членами Второго отдѣленія—Срезневскимъ и Билярскимъ. Въ первомъ изданіи своихъ „Судебъ“ Билярскій довольно откровенно язвилъ Срезневскаго, который трудъ своего антагониста и пропускалъ къ печати, въ качествѣ цензора. Такъ давно установились эти недобрыя отношенія. Но Куникъ какъ будто и не подозрѣвалъ, что и между Шафарикомъ и Срезневскимъ отношеній близкихъ никогда не было, теперь же цѣлый рядъ лѣтъ они совсѣмъ прекратились,—почему онъ и почелъ необходимымъ предупредить Шафарика, что нравственная поддержка Билярскаго въ данную минуту не вызоветъ со стороны Срезневскаго какого-либо осложненія. „Относительно Срезневскаго,—писалъ онъ,—будьте безъ заботъ. Случай пожелалъ, чтобы экземпляръ новаго изданія „Судебъ“, части первой, Срезневскій получилъ изъ рукъ самого Билярскаго, который ему объяснилъ, что онъ болѣе не полемизируетъ, какъ въ 1848 году, противъ лица, но только оспариваетъ направленія и идеи, съ которыми онъ не можетъ согласиться. Главное поле, на которомъ Билярскій имѣетъ пожать новые лавры, остается, естественно, по преимуществу церковно-славянскій языкъ“.

Теперь Куникъ переходитъ къ старому, дѣловому вопросу о древностяхъ права, даетъ предъ Шафарикомъ отчетъ, что̀ сдѣлано Академіей по этому вопросу, согласно прежнимъ, руководящимъ указаніямъ его.

„Обработка славянскихъ юридическихъ древностей, къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ не сдѣлала ни шагу впередъ. Согласно вашему послѣднему письму (т.-е. отъ 23-го дек. 1855), я говорилъ съ Срезневскимъ, и въ сентябрѣ мы воспользуемся Уваровскимъ конкурсомъ, чтобы посредствомъ премій помочь выясненію этого предмета. Я предположилъ обработку исторіи различныхъ классовъ сельскаго населенія въ древней Руси, а Срезневскій—древне-русскую юридическую терминологію. Я не могъ ему уяснить, что требовать этого за одинъ разъ—слишкомъ много“.

Нѣсколько строкъ онъ посвящаетъ себѣ и своимъ занятіямъ. „Теперь же, наконецъ, я почти одолѣлъ изнурительную болѣзнь, которая долго, долго удерживала меня отъ работъ. Къ сожалѣнію, я постоянно отвлеченъ побочными занятіями отъ текущихъ работъ, а теперь немало занимаетъ меня наша русская библіотека, завѣдываніе которой я принялъ со смерти Коркунова. Въ археографической коммиссіи я печатаю теперь нѣчто въ родѣ продолженія русскихъ грамотъ изъ Риги. Наконецъ, и мое желаніе—перейти къ изданію писцовыхъ книгъ—нашло откликъ.

Савваитовъ приметъ заботы по печати. Равнымъ образомъ обработанъ хронологическій указатель всѣхъ напечатанныхъ на русскомъ языкѣ грамотъ: ихъ около 15.000. Далѣе, я приготовляю къ печати познанскій кодексъ литовскаго лѣтописца, вмѣстѣ съ другимъ, который я раздобылъ здѣсь".

Въ заключеніе письма—два слова объ „общемъ" другѣ и совмѣстныхъ планахъ на лѣто.

„Нашъ другъ Михаилъ Петровичъ на этихъ дняхъ прибылъ изъ Москвы, но затѣмъ куда-то уѣхалъ. Черезъ два дня мы собираемся вмѣстѣ поплыть въ Новгородъ и тамъ заняться древней топографіей. Въ прошломъ году я былъ уже въ Новгородѣ и Старой Ладогѣ, чтобы точнѣе опредѣлить положеніе обоихъ островныхъ бурговъ Рюрика".

Какъ и естественно было ожидать, не послѣдовало отъ Шафарика ни ободряющаго посланія къ академическому „младожену", для будущихъ его лавровъ на полѣ славянскихъ изученій, ни отвѣтнаго письма къ самому Кунику. Недавно еще онъ ожидалъ свѣта отъ Россіи: а теперь самые успѣхи русской науки, а еще менѣе того—бурги Рюрика, занимать его не могли. Отношенія были доведены до нуля, прекращены: недуги старости уже были по сю сторону порога. Можетъ быть, разсудительнаго Куника ввело въ заблужденіе появленіе именно въ началѣ 1858 года книжки о родинѣ глаголитизма: судья, значитъ, не угасъ. Кто печаталъ? Вѣроятно, дѣти.

Если неосвѣдомленъ былъ Куникъ, то тѣмъ простительнѣе было сдѣлать ту же ошибку, и тогда же, А. Тройницкому, старому, еще съ тридцатыхъ годовъ, пріятелю Ганки: онъ былъ только чиновникъ. „Имѣя въ виду,—писалъ онъ 20-го ноября 1858 года Шафарику,—что вы, слѣдя съ постояннымъ вниманіемъ за успѣхами науки въ Россіи, вѣроятно не безъ интереса взглянете на прилагаемую книгу, дающую на первый разъ хотя и неполныя, но зато оффиціальныя и, по мѣрѣ возможности, провѣренныя свѣдѣнія о русской землѣ и русскомъ народѣ; покорнѣйше прошу принять ее отъ имени статистическаго комитета". Въ тридцатыхъ годахъ эта книга была бы находкой, когда онъ, этотъ, по Шегрену, великій знатокъ славянскихъ народовъ, занимался еще „дикими" славянами и остерегалъ Погодина предъ „божественными" варягами [1]),—но не у могилы.

Уже пустымъ звукомъ пронесся откликъ изъ Москвы, когда подъ диктовку стараго кіевскаго корреспондента, въ 1859 году,

---

[1]) Барсуковъ, Погодинъ, IV, 419.

московскіе писатели соборнѣ вспомнили историческаго дѣятеля Праги.

„Заслуги ваши и ваша слава,—писалъ 18-го февраля предсѣдатель возродившагося „Общества любителей русской словесности“, А. Хомяковъ, — принадлежатъ не одной Чехіи, вашей родинѣ: онѣ принадлежатъ всѣмъ славянскимъ народамъ, всему славянскому міру. Недавно возобновленное „Общество любителей русской словесности“, приступая въ первый разъ къ выбору почетныхъ членовъ, по предложенію секретаря своего, М. А. Максимовича, положило украсить ихъ списокъ именемъ Павла Павловича Шафарика. Этимъ счастливымъ и благознаменательнымъ избраніемъ начался нашъ выборъ“. Хомяковъ проситъ пожелать успѣха Обществу. Въ тотъ же списокъ вошелъ и Ганка.

Эти предпослѣдніе звуки изъ Россіи прошли къ Шафарику чрезъ посредство Ганки, вѣроятно, въ видахъ экономіи. На конвертѣ, запечатанномъ печатью Ганки, съ его девизомъ, надѣлавшимъ немало шуму въ нашемъ вѣнскомъ посольствѣ („честь, слава, польза“) въ свое время, съ русскимъ адресомъ, но писаннымъ чехомъ („государью“), стоитъ привѣтственная русская приписка отъ Ганки, какъ будто опасавшагося, что больной старикъ и не прочтетъ московскаго посланія: „Поздравляю васъ съ избраніемъ въ члены любителей русскаго слова. Вашъ преданнѣйшій Ганка“.

Читалъ ли это старецъ—сказать трудно. Но наверху адреса, на конвертѣ, онъ собственноручно отмѣтилъ: „передано 1859 года, 10-го мая“. Итакъ, предъ нами—сіяющій Ганка и безмолвный Шафарикъ!

XXII.

Сведенныя къ нулю, русскія отношенія, старыя и новыя, по направленію къ востоку, главному фасу, не угасли, а продолжали, правда, только теплиться въ направленіи западномъ, благодаря случайно и нежданно образовавшемуся въ самомъ Парижѣ русскому гнѣзду для славянскихъ студій. Но парижское гнѣздо имѣло особенный характеръ; оно шло за далекими цѣлями и, вертясь около одного русскаго, обнаруживало живой научный интересъ, всегда столь цѣнный въ глазахъ старика. Этотъ русскій былъ русскій спеціальнаго общественнаго положенія—членъ ордена іезуитовъ.

Мы говоримъ объ отцѣ Іоаннѣ Мартыновѣ, изъ Казани.

Сохранившіяся отъ него письма къ Шафарику по времени замыкаютъ цѣпь русскихъ отношеній послѣдняго. Мартыновъ—ученикъ Шафарика, ученикъ заката дней. Большія письма Мартынова (отвѣты на нѣкоторые изъ нихъ, по-нѣмецки, Шафарика, не сохранились) на любимыя темы заставляютъ насъ забыться, забыть жалкое состояніе того, къ кому они обращены, переносятъ насъ въ иныя времена, производя эффектъ миража.

Начало этого знакомства относится къ лѣту 1856 года. Мартыновъ тогда приготовлялъ къ изданію описаніе славянскихъ рукописей Парижской импер. библіотеки. Шафарикъ работалъ тогда надъ пражскими глаголическими отрывками, съ православной службой; вотъ почему онъ воспользовался новымъ русскимъ знакомствомъ и пріятельски заказалъ ему сдѣлать снимки съ глагольскаго служебника, что̀ въ Парижѣ. „Но литографъ мой,—пишетъ Мартыновъ въ запоздаломъ письмѣ 5-го декабря 1856 г. изъ Парижа, rue des Postes, 5, — сдѣлалъ все такъ неискусно, что мнѣ стыдно посылать". Онъ обѣщаетъ фотографію; но ему, „какъ иностранцу", рукопись на домъ не дадутъ, почему для Шафарика онъ сдѣлалъ четыре снимка собственноручно, которые и проситъ принять, изъ старыхъ, глаголическихъ и кирилловскихъ, богослужебныхъ книгъ. „О вашемъ глаголическомъ отрывкѣ я помѣстилъ кое-что въ нашемъ 1-мъ номерѣ издаваемыхъ нами „Трудовъ" (Études) и съ нетерпѣніемъ жду вашего комментарія; на дняхъ начну работать надъ вашими глаголическими памятниками, для статьи о глаголической письменности вообще".

Мы видимъ такимъ образомъ, что ученое славянское гнѣздо въ Парижѣ, съ о. Мартыновымъ во главѣ, открыло разнообразную живую дѣятельность: изданія, изученія, подготовка матеріаловъ. Но мы знаемъ, какъ давно вопросъ о красивомъ, изящномъ славянскомъ шрифтѣ занималъ Шафарика, и онъ рѣшилъ привлечь къ этому дѣлу силы Парижа, благодаря новымъ западнорусскимъ отношеніямъ.

„Ваше письмо отъ 14-го декабря получилъ я,—отвѣчаетъ Мартыновъ 26-го декабря (1856 г.),—только третьяго дня. Спѣшу отвѣтомъ, чтобы не показаться вамъ нерадивымъ въ перепискѣ.

„Прежде всего благодарю васъ чистосердечно за письмо и прошу продолжить ваше снисхожденіе къ моему незнанію чешскаго языка, которое, признаюсь, до сихъ поръ дѣлаетъ для меня нѣмецкій необходимымъ. Ваши письма особенно хочу я понимать до послѣдней буквы. Нашедши въ васъ одобрителя

посланныхъ мною снимковъ, я считаю трудъ мой достаточно вознагражденнымъ",—и затѣмъ Мартыновъ переходитъ къ дѣловому вопросу.

„Вашъ образчикъ глаголитскаго шрифта мнѣ очень нравится; мнѣ кажется, на немъ можно остановиться. Что же касается до кириллицы, я бы съ величайшимъ удовольствіемъ исполнилъ ваше желаніе, которое, какъ вы знаете, есть и мое, еслибы только обстоятельства мнѣ позволили сдѣлать то немедленно. Это моя любимая мечта, и, я надѣюсь, мы ее осуществимъ". Мартыновъ указываетъ на сдѣланные шаги въ Парижѣ, но проситъ не забывать одного француза въ Петербургѣ, „кириллица котораго чрезвычайно красива, хотя и не ученая".

Повидимому, Шафарикъ въ своемъ письмѣ торопилъ своего новаго, богоданнаго русскаго ученика съ славянскими изданіями парижскаго кружка. „Мое описаніе,— отвѣчаетъ Мартыновъ,— подвигается впередъ; но мнѣ хотѣлось бы издать его по-русски, съ пространными извлеченіями, чего по-французски сдѣлать нельзя, потому что оно никого интересовать не будетъ... Будьте увѣрены, что еслибы только у насъ были средства и готовый шрифтъ, мы бы давно издали, что̀ достойно печати въ здѣшней библіотекѣ".— Онъ указываетъ, что во Франціи найдутся всевозможные шрифты, „исключая самыхъ близкихъ къ Франціи, каковы славянскіе". Въ заключеніе, повторяя, что съ нетерпѣніемъ ждетъ сочиненія о глаголическихъ пражскихъ отрывкахъ, Мартыновъ заканчиваетъ письмо 26-го декабря сердечными словами: „по случаю умирающаго года, прошу васъ беречь ваше здоровье и принять, за неимѣніемъ иного, мои молитвы, которыя не премину принести о васъ Нашему Божественному Господу и Спасу".

Прибавимъ къ характеристикѣ интересовъ мысли Шафарика въ данную минуту, что изъ письма Мартынова 26-го декабря можно предполагать, что старикъ носился съ мыслью, что парижскому кружку русскихъ іезуитовъ можно бы заняться вопросомъ объ изданіи своднаго текста славянской Библіи, частями. „Что же касается до библіи, издаваемой по частямъ, это—трудъ, по моему мнѣнію,—пояснялъ о. Іоаннъ,—самый важный и едвали самый трудный; онъ не требуетъ глубокихъ изысканій и долженъ быть результатомъ всего открытаго доселѣ въ области славянскаго языкознанія. Это должна быть *сводная* Библія, нѣчто въ родѣ Несторовой лѣтописи Россійской Академіи. Новѣйшій трудъ Горскаго и Невоструева долженъ быть очень важенъ въ этомъ отношеніи".

Мартыновъ весь въ хлопотахъ по вырѣзкѣ и отливкѣ

„новаго шрифта". Онъ посылаетъ образцы, съ просьбой о заключеніи. „Такъ какъ здѣшняя имп. типографія, — отчитывается онъ въ письмѣ 16-го іюля 1857 года, — хочетъ обзавестись хорошимъ славянскимъ шрифтомъ, а безъ вашего совѣта того не сдѣлаетъ, то можно будетъ дойти до чего-нибудь совершеннаго, если только вы по прежнему недовольны вашею Газевскою кириллицею и потрудитесь сообщить г. Молю (спеціалистъ въ Парижѣ) образчики вашей руки или редакціи. Случай прекрасный". Всѣ эти дѣловыя сообщенія отчеркнуты на полѣ письма чернымъ карандашомъ, несомнѣнно, отъ руки Шафарика, что̀ показываетъ, съ какимъ вниманіемъ онъ слѣдилъ за движеніемъ вопроса въ Парижѣ.

„За неимѣніемъ славянскаго шрифта, я,—продолжаетъ Мартыновъ,—какъ коса на камнѣ; напечатать избранные тексты изъ здѣшнихъ рукописей имп. библіотеки русскими буквами съ примѣсью юсовъ и т. д., на манеръ академическихъ записокъ, до сихъ поръ недостаетъ мнѣ духу". Но „Сборникъ" готовъ, какъ и „Описаніе рукописей", которое и напечатано, но не выпущено. Эта придержка „даетъ мнѣ возможность подготовить и „Сборникъ", безъ котораго славяне въ „Описаніи" не нашли бы ничего новаго, а французы могутъ обойтись какъ нельзя лучше".

И по глаголическому вопросу Шафарикъ нашелъ въ русскомъ іезуитѣ самаго ревностнаго ученика. „Глагольская письменность,— признается онъ въ томъ же письмѣ, — занимаетъ меня болѣе и болѣе. Съ нею сопряжены самые важные вопросы, касающіеся первобытной духовной жизни славянскихъ народовъ, каковъ, напр., вопросъ объ обрядѣ, богослуженіи и т. д. Послѣдній тѣмъ болѣе требуетъ критическаго поясненія, что въ настоящее время онъ обращаетъ на себя вниманіе многихъ мыслителей и ревнителей христіанской вѣры, какъ католической, такъ и не-католической". Вмѣстѣ съ этимъ, онъ считаетъ своею задачею на мѣстѣ—знакомство ученыхъ съ славянскимъ „древлезнаніемъ" и „посильную защиту правъ его, въ сонмѣ другихъ наукъ", отъ учителя же ждетъ отвѣта.

Въ концѣ 1856 г. Мартыновъ выпустилъ, наконецъ, свое „Описаніе" рукописей. Посылая экземпляръ Шафарику, онъ извиняется, что долженъ былъ приноравливаться къ умственному уровню французовъ,—оттого въ книгѣ нѣтъ ничего новаго. „Вы,—писалъ при этомъ авторъ 10-го декабря изъ Парижа, — мнѣ окажете истинную услугу, если сообщите откровенно ваши замѣчанія, не опасаясь авторскаго самолюбія; а вашъ отзывъ, каковъ бы онъ ни былъ, всегда будетъ мнѣ полезенъ".

Между тѣмъ, въ Парижѣ преемникъ Робера по славянской каѳедрѣ, А. Ходзько, издалъ житія югославянских святыхъ („Légendes slaves"), съ французскимъ переводомъ, т.-е. перепечаталъ давно извѣстный не-критическій славянскій текстъ. Это изданіе, которое Мартыновъ справедливо называетъ „страннымъ", даетъ поводъ ему вступить въ бесѣду съ Шафарикомъ о рѣшительной необходимости критическаго изданія подлинной рукописи Дометіана. „Еслибы къ этому, — пишетъ Мартыновъ 5-го мая 1858 года, — придать уже изданныя вами два житія св. Саввы, ученая публика приняла бы подобный трудъ съ большою благосклонностью и благодарностью; только для этого необходимо бы пользоваться западными матеріалами, которые очень важны". Онъ готовъ принять на себя это изданіе, но безъ подлинника оно было бы „безразсудствомъ", почему эту задачу онъ уступаетъ самому старику: „подлинникъ Дометіановъ, скрѣпленный, такъ сказать, вашею подписью, получилъ бы бóльшій вѣсъ въ глазахъ всего славянскаго книголюбиваго міра и вполнѣ замѣнилъ бы самыя рукописи". Мартыновъ ждетъ отвѣта: „во всякомъ случаѣ, будьте такъ добры и напишите ваше мнѣніе о бѣлградскомъ изданіи, равно какъ и о моемъ предложеніи критическаго изданія". Въ заключеніе онъ проситъ о копіи Дометіана, для изданія, пока, французскаго перевода, безъ славянскаго текста.

Едвали эта масса просьбъ, запросовъ отъ послѣдняго ученика къ пражскому учителю, вызвала со стороны послѣдняго какой-либо отвѣтъ. На поляхъ письма нѣтъ обычныхъ карандашныхъ отмѣтокъ. Причина молчанія понятна: оба слѣдующихъ года — 1858 и 1859 — время самое тяжелое для угасавшаго Шафарика: прогрессирующій недугъ, тѣлесный и духовный, и итальянская война, съ активнымъ участіемъ въ ней обоихъ младшихъ сыновей, не говоря уже объ удаленіи отъ службы старшаго сына, какъ протестанта. Повидимому, Мартыновъ не былъ освѣдомленъ обо всемъ этомъ, и потому онъ напрасно извиняется въ началѣ слѣдующаго письма, уже черезъ два почти года, 24-го марта 1860 года, въ своемъ молчаніи: его молчаніе совпало съ другимъ молчаніемъ!

„Послѣ такого долгаго молчанія, — начинаетъ Мартыновъ письмо 24-го марта, — вамъ, конечно, покажется страннымъ появленіе моего письма, не въ мѣру запоздалаго. Но когда я беру въ соображеніе, что время ваше такъ драгоцѣнно, и что тратить его на мелочи было бы для вашего трудолюбія немалою жертвою, мнѣ какъ-то становится легче на совѣсти". Затѣмъ, онъ переходитъ къ отчету о новостяхъ, но съ оговоркою, что

довольно трудно найти что-нибудь важное „по части любимыхъ вашихъ занятій, что̀ было бы для васъ новостью". Ясно, корреспондентъ не подозрѣвалъ, что Шафарику не до новостей даже въ наукѣ.

Мартыновъ успокаиваетъ Шафарика, что слухъ о находкѣ якобы въ Ирландіи глаголической рукописи, якобы изъ XII вѣка, есть вздоръ. По тщательно сдѣланнымъ справкамъ и разслѣдованію, онъ долженъ былъ придти къ такому выводу: „утѣшьтесь, это—пуфъ!" „Мнѣ разсказали подробности о господинѣ, пустившемъ въ ходъ слухъ о славянской рукописи; но повторять ихъ было бы нарушеніемъ дружескихъ признаній". Другая новость, по Мартынову, гораздо ближе касается учителя.

„Юбилей св. Кирилла и Меѳодія—на дворѣ. Каждый почитатель памяти ихъ готовитъ свою лепту. *Ваша* дань принесена уже давнымъ-давно. Съ моей стороны я готовлю для болландистовъ критическое и сводное житіе этихъ апостоловъ. Такъ какъ въ этомъ изданіи допускаются только тексты греческій и латинскій, то приходится ограничиться латинскимъ... Въ этомъ разсужденіи, кромѣ церковнаго и литургическаго вопроса, обширно будетъ сказано и о литературномъ, филологическомъ; другими словами, рѣчь будетъ о васъ. Именемъ апостоловъ и славянской науки прошу васъ сообщить мнѣ ваши мысли о пунктахъ, на которые, по вашему мнѣнію, надлежало бы обратить особое вниманіе". Кромѣ этого юбилейнаго труда, для тѣхъ же болландистовъ Мартыновъ приготовлялъ житія всѣхъ славянскихъ святыхъ, т.-е. вносилъ новую струю въ вѣковое изданіе. „Вообще болландисты обращаютъ теперь особенное вниманіе на всѣ славянскіе вопросы и занимаются ими очень серьезно. Ваше одобреніе, особенно путемъ гласности, такого направленія было бы для нихъ очень лестнымъ и въ то же время благовременнымъ", и прибавляетъ, что уже цѣлый рядъ славянскихъ святыхъ (Иларіонъ Меглинскій, Іоаннъ Рыльскій, Параскева Терновская) помѣщенъ въ послѣднихъ томахъ.

На конвертѣ рукою Шафарика отмѣчено: „отъ Мартынова; доставлено 28 марта 1860". Конечно, отвѣта не было, тѣмъ менѣе—„мыслей о пунктахъ". Черезъ два мѣсяца, 11-го (23) мая, въ припадкѣ душевнаго разстройства, Шафарикъ бросился съ моста въ родную рѣку, но былъ спасенъ. Счеты земные уже были не на очереди. Но Мартыновъ все считался съ прежнимъ Шафарикомъ. За нѣсколько дней до роковаго прыжка, 19-го мая 1860 года, Мартыновъ—съ новымъ обращеніемъ, и послѣднимъ.

„Я, — начинаетъ Мартыновъ письмо 19-го мая,—обѣщался

послать вамъ нумеръ французскаго журнала, въ которомъ помѣщена была выдумка о глагольской рукописи, найденной будто бы въ Ирландіи. Я предпочелъ сообщить вамъ подлинный текстъ письма, полученнаго мною отъ особы, благоволившей заняться этимъ дѣломъ и коротко знакомой съ обладателемъ рукописи. Вотъ что писалъ ей объ этомъ изъ Лондона генералъ Муръ" (слѣдуетъ письмо по-французски, которое раньше Мартыновъ не сообщалъ, чтобы не нарушить „дружескихъ признаній"). Оказывается, что это—латинская рукопись начала XIV вѣка, вѣроятно писанная готской фрактурой. Корреспондентъ повторяетъ старый приговоръ, что одинъ пуфъ—ирландская глаголица, что та же участь ожидаетъ и глаголицу изъ Опорто, что хорватскій молодой историкъ Гачкій, тогда только-что блестяще дебютировавшій въ области послѣднихъ изученій Шафарика, еще ничего обо всемъ не знаетъ: „я сообщу ему, при случаѣ, сущность настоящаго увѣдомленія, которое сообщаю вамъ въ подлинникѣ".

„Впрочемъ,—заключаетъ минорно Мартыновъ свое послѣднее письмо (не говоримъ—бесѣду, такъ какъ нельзя увѣрительно сказать, читалъ ли письмо адресатъ),—въ настоящее время событія принимаютъ такое крутое направленіе, что, мнѣ кажется, и находка какой-нибудь истинной рѣдкости въ области науки и литературы обратила бы на себя только развлеченное вниманіе ученыхъ. Рѣдко переходила Европа въ новѣйшія времена такую трудную дорогу. Что касается до меня, отдаленные раскаты грома нисколько не тревожатъ моихъ покойныхъ занятій.

„Желая и вамъ совершеннаго здоровья и благоденствія, на пользу грядущаго поколѣнія и науки, и поручая васъ Отцу Небесному, имѣю честь засвидѣтельствовать еще разъ мое глубочайшее и истинное почтеніе".

Этотъ молитвенный финалъ цѣлой переписки русскаго члена „Общества Іисусова" съ угасавшимъ историческимъ старцемъ, какъ нельзя болѣе отвѣчалъ физическому и душевному состоянію послѣдняго, особенно послѣ 23-мая 1860 года. Какъ замѣчено выше, трудно даже сказать, читалъ ли Шафарикъ послѣднее письмо Мартынова: скорѣе—нѣтъ! Поводовъ къ обычнымъ отмѣткамъ было много, а ихъ—нѣтъ...

Мы у конца послѣднихъ русскихъ отношеній Шафарика, въ ихъ обоихъ историческихъ направленіяхъ—на востокъ и, случайно, на западъ. Въ началѣ горячія, какъ нѣкогда, въ оны времена, они постепенно утрачивали свою интенсивность, пока

не замерли совсѣмъ. Нѣсколько долѣе они тянулись на западъ...

Давно худая тѣлесная храмина, Шафарикъ постепенно умиралъ для науки, но до самаго поздняго момента сохраняя всегда въ своихъ отношеніяхъ руководящій, наставительный характеръ.

Судьбѣ угодно было, чтобы послѣднее „прости" его отношеніямъ къ Россіи принадлежало той Академіи, которая такъ упорно и неизмѣнно цѣнила Шафарика, отъ Шегрена и до Куника.

Шафарикъ доживалъ спокойно, но почти слѣпой, свои послѣдніе дни, когда въ началѣ 1861 года получилъ отъ Срезневскаго любезное увѣдомленіе (дата — 15-го января), что президентъ гр. Блудовъ согласился на покупку Академіей всѣхъ матеріаловъ Шафарика, собранныхъ, частью приготовленныхъ къ изданію или совсѣмъ готовыхъ. „Онъ велѣлъ мнѣ писать къ вамъ объ этомъ, прося васъ сообщить, что̀ именно и на какихъ условіяхъ, съ какими желаніями можете вы уступить Академіи". По словамъ Срезневскаго, Блудовъ замѣтилъ, что современемъ все можетъ быть издано такъ, „какъ желаетъ Шафарикъ, и все будетъ сохранено съ должнымъ уваженіемъ къ этому *великому труженику*". „Мы, академики, — прибавляетъ писавшій, — можемъ только отъ сердца повторить слово нашего президента, и тѣмъ болѣе я, вашъ ученикъ, вашъ почитатель съ того давняго времени, когда почти юношей (!) сблизился съ вами въ Прагѣ".

Конечно, самая покупка была запоздалымъ актомъ, да и читалъ ли онъ это письмо? Выработка условій была для него также не по времени.

2-го (14) января 1861 года умеръ Ганка; черезъ полгода, 26-го (14) іюня, тихо почилъ и „великій труженикъ", П. I. Шафарикъ, въ Прагѣ, отходя отъ столь прегрѣшившей противъ него земли...

Александръ Кочубинскій.

Одесса.

ВНѢ ЦЕХА

РОМАНЪ.

IX *).

Рощинъ, дѣйствительно, чувствовалъ себя утомленнымъ и думалъ, что онъ сейчасъ же уснетъ. Но это было его обычное утомленіе, соединенное съ нервнымъ возбужденіемъ, а не та здоровая физическая усталость, которая вызываетъ крѣпкій, спокойный сонъ. Онъ быстро раздѣлся и легъ. Сѣнникъ зашуршалъ и Рощина обдало запахомъ сѣна. „Вотъ-то засну хорошо",— подумалъ онъ. Но прошло съ четверть часа, а онъ продолжалъ лежать, не впадая въ сладкое забытье. Мозгъ продолжалъ работать, и обрывки впечатлѣній, воспоминаній изъ только-что прожитаго дня волновали его. Припоминались разговоры, промелькнуло лицо Риты, еврейки. Рощинъ хотѣлъ принудить себя уснуть, закрылъ глаза и старался не думать. „Вотъ сейчасъ засну". Онъ ждалъ того момента, когда человѣкъ незамѣтно теряетъ сознаніе и переходитъ въ нирвану. Но этотъ мигъ не наступалъ. И какъ бы нарочно мысль прояснялась, и въ мозгу воскресало все то, что̀ онъ воспринялъ за день. Уже изъ спальни Малаховыхъ слышался легкій храпъ. Пропѣлъ гдѣ-то пѣтухъ, кто-то проскакалъ верхомъ по шоссе, на колокольнѣ пробили часы... Рощинъ хотѣлъ сосчитать, но сбился. Сонъ не шелъ. Это становилось тяжело и порождало раздраженіе. Рощинъ открылъ глаза, и его взглядъ упалъ на образъ Спасителя, благословляющаго дѣтей. Онъ сталъ вглядываться въ ликъ Христа; пламя лампадки слегка

---

*) См. выше: май, стр. 52.

колебалось отъ струи свѣжаго воздуха, проникавшаго изъ сада черезъ неплотно притворенную дверь. Рощину вспомнилось дѣтство, и онъ невольно унесся мыслями въ тѣ далекіе годы, когда жилъ въ губернскомъ городѣ, съ матерью и старухой теткой, которую любилъ не меньше матери... Сколько лѣтъ прошло, а точно это было вчера, да такъ многое памятно, живо... И вотъ въ воображеніи Рощина стали вставать годы за годами, со всѣми незабытыми деталями. Онъ то закрывалъ глаза, то открывалъ ихъ, прислушивался къ чему-то: воображеніе продолжало работать и онъ въ воспоминаніяхъ переживалъ все то, что давно уже было пережито: одно оплакано, другое осмѣяно, многое совсѣмъ схоронено и стало далекимъ и чуждымъ, а многое какъ бы только еще заснуло, но не оторвано отъ сердца, какъ близкое, дорогое, хотя и невозвратное, но которое хотѣлось бы вернуть...

Вдругъ Рощину вспомнилась фраза пріятеля: „Мы не умѣемъ беречь таланты, мы ихъ или провучиваемъ, или заѣзживаемъ". „Какая правда!"—мысленно произнесъ Рощинъ и началъ думать о себѣ, о своей литературной карьерѣ. Ему вспомнился холодный зимній вечеръ, въ который онъ пріѣхалъ въ Петербургъ изъ глухой провинціи, совсѣмъ еще юноша, съ нѣсколькими рублями въ карманѣ, но съ пылкими мечтами о славѣ, великомъ служеніи родинѣ въ званіи писателя. Онъ какъ бы пріѣхалъ не по своей волѣ, а посланный друзьями, которые признали его талантъ и настаивали, чтобы онъ ѣхалъ въ столицу. Вотъ пламенный сутуловатый Аладьевъ, сдѣлавшійся сельскимъ учителемъ во имя идеи, раньше всѣхъ признавшій въ немъ писателя. Онъ сказалъ съ убѣжденіемъ: „Авениръ, ты не долженъ зарывать талантъ, ты обязанъ имъ служить народу. Поѣзжай въ Петербургъ, тамъ добьешься вліянія и славы". И онъ поѣхалъ, ободренный также однимъ редакторомъ, который хотя и не заплатилъ ничего за его юношескую повѣсть, но письменно отозвался о ней съ большой похвалой. И вотъ онъ въ столицѣ. Здѣсь у него не было ни друзей, ни знакомыхъ въ литературѣ, но онъ вѣрилъ въ свой талантъ, зналъ, что на родинѣ друзья за нимъ слѣдятъ и ждутъ отъ него новаго слова. Онъ зналъ также, что и его „старушки" съ тревогой смотрятъ въ его будущее. Молодость была за него, да и судьба какъ бы покровительствовала. Правда, онъ скоро началъ нуждаться, долженъ былъ жить въ каморкѣ, по нѣскольку дней питаться однимъ чернымъ хлѣбомъ, но все же его печатали, хотя и платили очень мало, а иногда и ничего не платили.

Онъ все болѣе и болѣе втягивался въ писательскую лямку.

Ему нужно было бы учиться, потому что гимназія почти ничего не дала, нужно было читать, изучать жизнь, а онъ уже писалъ, изображалъ людей, не тѣхъ, какіе есть, а какіе должны быть. Онъ уже училъ. Цѣли были самыя благородныя: онъ изображалъ новыхъ людей, призванныхъ обновить жизнь, повести страну по новой дорогѣ. О, какъ пламенно онъ писалъ! Съ какимъ жаромъ говорилъ обо всемъ устами своихъ героевъ, которые занимались развитіемъ дѣвушекъ, чтобы приготовить изъ нихъ не пустыхъ свѣтскихъ куколъ, а мыслящихъ женщинъ, настоящихъ матерей, женъ, гражданокъ... Онъ читалъ свои разсказы и статьи знакомымъ студентамъ, курсисткамъ и даже влюбленной въ него швейкѣ Машѣ, которая потомъ и переѣхала къ нему въ комнату. Онъ чувствовалъ себя парящимъ орломъ... Дѣтскія заблужденія! Но зачѣмъ ихъ поддерживали не эти курсистки и Маша,— имъ было простительно,— но редакторъ либеральнаго журнала, который говорилъ ему: „Очень горячо, молодой человѣкъ! Видно, что вы пишете сокомъ нервовъ и кровью вашего сердца!“—и печаталъ его писанія, платя по двадцати-пяти рублей съ листа. Конечно, можетъ быть, они и этого не стоили, но вѣдь онъ дѣйствительно писалъ ихъ сокомъ нервовъ, тратилъ на нихъ свои силы, проводя безсонныя ночи, напрягая мозгъ. Отчего ему не сказали правды? Вѣдь сколько времени и силъ потрачено даромъ. Впрочемъ, не совсѣмъ даромъ. Онъ набивалъ руку и выучился писать, написавши немало восторженнаго дѣтскаго вздора. Потомъ онъ самъ смѣялся надъ собою, называя себя „родителемъ незаконныхъ новыхъ людей“. А тогда!.. Но чѣмъ бы онъ жилъ, если бы его не печатали? Служить онъ не могъ, ему было противно всякое подчиненіе, онъ хотѣлъ быть свободнымъ. Опять заблужденіе. Да развѣ онъ могъ бы быть свободнымъ, завися вполнѣ отъ издателей? Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе было нужно средствъ. Маша скоро почувствовала себя матерью, а тамъ она заболѣла.

У Рощина защемило сердце при воспоминаніи объ одномъ ужасномъ днѣ. Какъ онъ могъ сдѣлать это — онъ, передовой, либеральный писатель, такъ страстно нападавшій на консерваторовъ? Бѣдная, бѣдная Маша. Она такъ искренно любила его, такъ беззавѣтно ему вѣрила, она чуть не молилась на него... Отъ одного воспоминанія у Рощина кровь прилила къ лицу, ему стало жарко. А глаза его опять упали на ликъ Христа. Съ какой любовью глядѣлъ Онъ на дѣтей, которыхъ ласкалъ, которые толпой окружили Его! На Рощина снова пахнуло забытымъ дѣтствомъ. Мать, тетка, маленькая церковь... онъ горячо

молится Христу, о Которомъ ему любила разсказывать мать. Онъ точно видитъ Христа живымъ передъ собой. Ему хотѣлось бы быть среди дѣтей, которыхъ Христосъ благословляетъ, ему грустно, что онъ не можетъ быть среди нихъ, и онъ готовъ плакать...

Гнетущая тоска сжала сердце Рощина. Ему стало до боли жалко всего прошлаго, далекаго и свѣтлаго дѣтства, и умершихъ, дорогихъ людей, и душевной чистоты — всего, что было безвозвратно потеряно въ омутѣ столичной жизни. И мысли опять унеслись къ этой жизни. Онъ заложилъ за голову руки, закрылъ глаза, и одна картина за другой начали проноситься передъ нимъ. Замелькали лица, сцены. И молодые писатели, полные восторженныхъ идеальныхъ мечтаній, и выбившіяся изъ силъ литературныя и журнальныя клячи, едва тащившія ноги; счастливые молодые любимцы публики и забытые ею кумиры, допѣвавшіе свои старыя скучныя пѣсни; молодыя дѣвушки, пріѣхавшія издалека, съ цѣлью учиться и жить разумной жизнью; и разочарованныя женщины, разгадавшія своихъ учителей; чистыя молодыя дѣвушки съ яснымъ взглядомъ довѣрчивыхъ глазъ, въ которыхъ свѣтилось столько любви и готовности всѣмъ пожертвовать во имя идеи, ради любимаго человѣка, — и наглыя женщины съ безстыдными взглядами, — нарумяненныя, подкрашенныя, продажныя; и отцвѣтшія красавицы, измѣнявшія мужьямъ въ объятьяхъ молодыхъ любовниковъ... Что за пестрый калейдоскопъ! И онъ не наблюдатель только этой жизни, — онъ въ ней дѣйствующій актеръ. И развѣ только онъ одинъ? Онъ шелъ въ ногу съ другими уже извѣстными писателями, которые такъ же жили, какъ и онъ, такъ же красиво лгали въ своихъ произведеніяхъ. Ему памятны эти разгульныя загородныя попойки, въ которыхъ губилось здоровье, топилось все лучшее, все благородное, потому что съ каждымъ днемъ всѣ они опускались ниже, дѣлались бо̀льшими лгунами, фразерами, рабами своихъ низменныхъ страстей... А онъ самъ? Развѣ онъ не падалъ низко? Чего же молчала совѣсть? Она и не молчала, но ее заглушала жизнь. А какъ было тяжело порой! Въ одну изъ такихъ минутъ онъ сблизился съ Малаховымъ. Вмѣстѣ съ компаніей онъ кутилъ за городомъ: всѣ были пьяны до того, что верхами другъ на другѣ катались съ горъ. Онъ, Рощинъ, съ какой-то неизвѣстной барыней поѣхалъ въ городъ, чтобы ночевать у „новой знакомой“, мужъ которой былъ въ отпуску. Въ то время онъ жилъ по-семейному съ акушеркой, но это не могло остановить его, потому что онъ держался принципа: „писатель долженъ все испытать“. Но вдругъ съ барыней сдѣлалось дурно.

Онъ довезъ ее до квартиры и пѣшкомъ отправился домой. На Невскомъ онъ встрѣтился съ Малаховымъ, который былъ также навеселѣ. Раньше они встрѣчались въ редакціяхъ, на вечерахъ, но не сближались. Малаховъ хотя жилъ широко и покучивалъ, но, сравнительно съ другими, могъ назваться скромнымъ и корректнымъ. Онъ уже пользовался извѣстностью, хотя его упрекали за то, что онъ не держался лагеря, измѣнялъ своимъ и поддерживалъ чужое направленіе. Это считалось большимъ грѣхомъ, и многіе изъ циничныхъ развратниковъ называли за это Малахова безнравственнымъ. Обрадовавшись встрѣчѣ, Рощинъ пригласилъ Малахова въ ресторанъ, гдѣ можно было пьянствовать до утра. Малаховъ отказался и утащилъ товарища къ себѣ. И вотъ, когда они пріѣхали на квартиру Малахова, онъ сказалъ: „Это отлично, что вы поѣхали ко мнѣ! Ночуйте у меня. Развѣ можно въ такомъ видѣ оттуда ѣхать прямо къ женѣ!“ Рощинъ помнитъ, что онъ засмѣялся надъ этой фразой, и даже спросилъ: „къ которой?“—но потомъ ему стало стыдно своего вопроса, онъ крѣпко пожалъ руку товарищу, и они легли спать.

Съ этого времени Рощинъ сталъ чаще встрѣчаться съ Малаховымъ, и вліяніе послѣдняго нѣсколько благотворно сказалось на немъ. Онъ продолжалъ кутить — да это дѣлалъ и Малаховъ—но уже все рѣже и рѣже участвовалъ въ такихъ оргіяхъ, которыя Малаховъ называлъ омерзительными. Онъ принялся за большой романъ, который читалъ частями новому другу. Романъ вышелъ удачнымъ, его отмѣтила критика. Рощинъ получилъ сравнительно хорошія деньги и приглашеніе отъ издателя новаго журнала завѣдывать беллетристическимъ отдѣломъ. Матеріальное благосостояніе его сразу измѣнилось къ лучшему. Онъ принялся за новый романъ. Вскорѣ послѣ этого Малаховъ женился и просилъ Рощина быть шаферомъ. Молодая—это была Наталья Павловна—ему очень понравилась. У него даже пробудилась зависть къ пріятелю. Женившись, Малаховъ повелъ еще болѣе широкую жизнь: у него установились шумные четверги, кругъ его знакомыхъ расширился и сдѣлался разнообразенъ, тогда какъ ранѣе почти всѣ знакомые принадлежали исключительно къ литературному міру. Для недавнихъ интимныхъ бесѣдъ съ Рощинымъ у Малахова не оставалось свободнаго времени. Рощинъ какъ бы обидѣлся на это, но продолжалъ бывать у пріятеля и даже вздумалъ ухаживать за Натальей Павловной. Кто-то ему сказалъ полу-шутя, полу-серьезно: „Да отбей ты у Малахова жену, вѣдь ты ходокъ по этой части!“ Неизвѣстно, чѣмъ бы это кончилось,

но вотъ у него умерла сестра, и онъ поѣхалъ на родину. Тамъ онъ встрѣтился съ Ольгой Николаевной и влюбился въ нее. Ей только-что минуло двадцать лѣтъ, она была прелестная блондинка съ такимъ чистымъ, неземнымъ выраженіемъ глазъ, что онъ прямо сказалъ ей: „Вы—мадонна, васъ грѣшно любить! на васъ надо молиться!" Но онъ все-таки объяснился въ любви этой мадоннѣ, которая была въ восторгѣ отъ его послѣдняго романа, надѣлавшаго нѣкоторый шумъ въ литературѣ. Она отвѣчала согласіемъ, состоялась свадьба, и они молодыми уѣхали въ Петербургъ. Наталья Павловна и Ольга Николаевна дружески сошлись. Но знакомство продолжалось недолго, потому что Рощинъ уѣхалъ скоро на югъ, и вотъ теперь встрѣтился снова съ пріятелемъ, послѣ десятилѣтней разлуки. Много воды утекло за это время. Скольких уже нѣтъ въ живыхъ, многіе состарились, иные еще живы, но—уже позабытые всѣми—влачатъ свои дни, грустно вспоминая недавнее свѣтлое время. Нѣкоторые, впрочемъ, удержались. Вотъ хотя бы Дмитревскій. Изъ красиваго Донъ-Жуана онъ превратился въ дряхлаго старика, но желаетъ все-таки считаться кавалеромъ. Находятся охотницы и на эту подержанную рухлядь. Вѣдь онъ остается кумирчикомъ для несмысленышей обоего пола... Поглядѣть—та же жизнь кругомъ... Ювеналій правъ: вѣдь, собственно, это не жизнь, а чортъ знаетъ, чтò такое! Да, онъ благую часть избралъ, вò-время спохватился и не погибъ, какъ другіе. Въ то время, какъ другіе переписываютъ себя самихъ, онъ все глубже и глубже проникаетъ въ жизнь, его взгляды становятся шире, письмо ярче. Счастливецъ! У него такая натура, что онъ могъ остепениться. А чѣмъ виноватъ онъ, Рощинъ, если онъ не такой? Да, онъ сознаетъ, что это все скверно, но чтò же дѣлать? Наталья Павловна сказала: „Ольга Николаевна—чудная женщина". Кто это отрицаетъ? Во всякомъ случаѣ, не онъ. Конечно, она постарѣла, не тотъ уже цвѣтъ лица, не то выраженіе глазъ, но она та же душою и ей теперь можно молиться, она стòитъ этого. Но онъ на это не способенъ. Онъ готовъ въ восторгѣ пасть къ ногамъ богини, лобзать край ея одежды, но молиться долго, постоянно,—нѣтъ, это не въ его натурѣ. Однообразіе для него хуже всего. Онъ можетъ любить горячо, безумно, умереть по слову женщины, но оставаться всегда ей вѣрнымъ, жить такъ прозаично, мѣщански, онъ не можетъ. Да что же: онъ даже согласенъ, что сказано невѣрно — „мѣщански". Пусть это нравственно, но онъ—безнравственъ. Да, въ его натурѣ—жить только раздраженіемъ нервовъ, какъ выразилась одна дама. Но развѣ онъ виноватъ въ этомъ? Онъ лю-

битъ Ольгу и... онъ все-таки бросилъ ее. Чѣмъ взяли его другія? Красотой? Нѣтъ! Безумной страстью? Нѣтъ! Просто, у него уже такая натура, что онъ не можетъ остановиться. Но что же это такое? Развѣ такъ, однако, можно? Неужели нельзя сломить себя? Развѣ онъ боролся съ собой? Говоря откровенно, еще никогда. Ему припомнились слова одного поэта: „Новыя губы пріятнѣе цѣловать". Фу, какая пошлость! Нѣтъ, вотъ:

„Клянусь тебѣ, уста мои
Къ устамъ другой не прикоснутся,
Ничьимъ лобзаньемъ не сотрутся
Лобзанья чистыя твои".

Боже мой! Вѣдь это его стихи! Онъ писалъ ихъ Ольгѣ Николаевнѣ въ первые дни ихъ брачной жизни, и онъ не лгалъ, онъ самъ тогда вѣрилъ въ то, что онъ переродился и что этимъ онъ обязанъ ей, Олѣ. А какъ славно тогда работалось! Онъ написалъ въ то время свой лучшій романъ. Ни раньше, ни послѣ онъ не писалъ ничего ему равнаго. Героиня романа — Нина Сумцова—это отображеніе Оли. Недаромъ критика называла ее мадонной, это такъ и есть. И ему припомнилась эта чудная, свѣтлая страница любви, быть можетъ, первой настоящей любви въ жизни. И откуда у него взялось столько свѣжаго чувства,— у него, еще молодого, но уже пожившаго, потрепаннаго, оскверненнаго ласками нечистой любви? Вотъ она, сила-то святой женской души! И передъ нимъ возстала во весь ростъ Ольга, высокая, стройная блондинка, съ длинной роскошной косой, съ довѣрчивыми, безгрѣшными глазами, съ улыбкой, которая говорила яснѣе словъ. О, какъ она любила его! Какъ она доказывала это нѣсколько разъ, прощая ему то, чего никогда бы не простила другая. Онъ помнитъ это тяжелое объясненіе: ни рѣзкаго слова, ни упрека, только безмолвныя слезы и сколько страданія въ этомъ бѣломъ, мраморномъ лицѣ, съ тонкими синенькими жилками! Онъ тогда поклялся ей, что никогда больше не доставитъ ей и минуты терзаній, поклялся и... черезъ мѣсяцъ уже оставилъ ее.

Его ударило въ краску. Что-то словно обожгло его. „Да вѣдь это же мерзость, подлость!"—прошепталъ онъ и даже приподнялся на постели. „Вѣдь это уже перешло всѣ границы! Развѣ можно такъ? Она любитъ, страдаетъ... А дѣти? Костя, Груня... милыя мои!" Ему сдѣлалось тяжело, душно; онъ сбросилъ одѣяло, словно тяжесть, которая давила его, и началъ вдыхать свѣжій воздухъ, легкой струей проникавшій въ балконную дверь. Тоска росла, сердце продолжало ныть. О снѣ нечего было

и думать. Онъ всталъ съ кровати и, накинувъ на себя пальто, вышелъ на балконъ. Доставъ изъ кармана портсигаръ, Рощинъ закурилъ, сѣлъ на стулъ, облокотился на перила. Ночь уже не была та бѣлая майская ночь, когда одна заря встрѣчается съ другой, но все же она была свѣтлая, и еслибы не туманъ, который плылъ съ рѣки, весь поселокъ былъ бы виденъ, какъ днемъ. Но и теперь очертанія домовъ виднѣлись сквозь туманъ, какъ черезъ легкій тюль, а правѣе, куда туманъ почти не достигалъ, дома ясно вырисовывались. Ночь была теплая, и только сырость дѣлала ее нѣсколько свѣжей. Но Рощину была пріятна эта свѣжесть. Кругомъ царила тишина. Только гдѣ-то раздавались звуки колотушки ночного сторожа, да лаялъ низкимъ басомъ цѣпной пёсъ.

Тишина умиротворительно дѣйствовала на Рощина, мысли котораго витали теперь въ Москвѣ, гдѣ жила его жена съ дѣтьми. Благодаря ли всѣмъ дневнымъ разговорамъ, недавнимъ думамъ, или благодаря ночной обстановкѣ, эти мысли приняли иное направленіе. Жгучее чувство одиночества и раскаянія охватило Рощина, въ памяти котораго невольно проносились и дорогіе образы, и картины минувшей жизни. Ему становилось жутко. Въ самомъ дѣлѣ: на что убита жизнь? что̀ его ждетъ въ будущемъ? Одинокая старость безъ ласки, безъ тепла, безъ радости... Откуда ждать всего этого? Эти связи, эти романы,—они несутъ сильныя ощущенія, пока не остылъ зной въ крови,—но развѣ это тепло и счастье? А когда погаснетъ жаръ, оставятъ силы? Конечно, тогда всѣ бросятъ его, какъ бросили Колдымова, этого блестящаго, изящнаго фельетониста, разбитаго параличомъ. Ни дамы, увлекавшіяся имъ, ни товарищи—никто не вспомнилъ о немъ, и онъ умеръ на соломенномъ тюфякѣ, въ больницѣ для чернорабочихъ. Какой талантъ, какой успѣхъ имѣлъ онъ! Такого успѣха у Рощина не было и никогда не будетъ. Вѣдь если говорить правду, онъ начинаетъ исписываться. Недаромъ же издатель уличнаго листка предлагалъ ему написать для его газеты романъ. Развѣ это не оскорбленіе? „Спасайся, пока не поздно!" А что̀ если въ самомъ дѣлѣ взяться за умъ, сломить себя? Да чего лучше: поселиться здѣсь съ Малаховыми, чтобы они поддержали, выписать Олю съ дѣтьми и зажить новой, свѣтлой, трудовой жизнью въ тиши. Скучно? Вѣдь въ сущности это вздоръ! Не навсегда же запереть себя сюда, а на время. Отдохнуть, поправиться здоровьемъ, написать что-нибудь хорошее, сильное, чтобы снова обратила вниманіе критика, которая перестала имъ заниматься. Какъ бы обрадовалась Ольга и дѣтишки! Ему вспо-

мнилась фраза дочери: „Папа, отчего ты не живешь съ нами?“ Эта фраза, припомнившаяся ему теперь, какъ ножемъ рѣзнула по сердцу. „Милая крошка! Отчего? Да оттого, что твой папа негодяй, подлый человѣкъ! Да, да!“ И ему стало жаль дѣтей. Вотъ она, его милая дѣвочка, бѣленькая, какъ снѣгурочка, съ русыми кудрявыми волосами, съ глазами какъ у матери. Эти розовыя губки... а въ глазахъ что-то грустное порой. Неужели... Боже мой! А Костя? Онъ въ послѣдній разъ такъ хмуро посмотрѣлъ на отца, точно понимаетъ и осуждаетъ его. Да кѣмъ же они выростутъ? Какъ они встрѣтятся съ нимъ? Неужели какъ враги, какъ его обвинители? Это ужасно!

Ему стало невыносимо тяжело. Ему хотѣлось плакать. Но слезъ не было. Онъ разучился плакать. И вдругъ онъ воскликнулъ: „Нѣтъ, это невозможно! Я поселюсь здѣсь, и сдѣлаю такъ“... Онъ самъ испугался звуковъ своего голоса, рѣзко раздавшихся въ ночной тишинѣ. И онъ продолжалъ мысленно: „Надо скорѣй, скорѣй, а то“... Онъ не вѣрилъ въ свою рѣшимость, боялся себя. „Да, завтра же! Я напишу Ольгѣ“... Дрожь пробѣжала по его тѣлу. „Однако холодно!“ Онъ закутался плотнѣе, бросилъ докуренную папиросу, которую машинально продолжалъ держать въ рукѣ, поднялся и вернулся въ комнату. Его охватило пріятнымъ тепломъ. Лампадка слабо мерцала. Онъ взглянулъ опять на икону, потомъ на столикъ, стоявшій подъ нею, и увидѣлъ какую-то книгу въ кожаномъ переплетѣ. Что это? Евангеліе? Онъ подошелъ къ столику, взялъ книгу: да, это было Евангеліе. Его вдругъ потянуло открыть книгу, какъ бы узнать, что̀ будетъ. Это не было гаданье, а какъ бы невольное желаніе узнать внушеніе, отвѣтъ свыше. Было ли это проблескомъ дѣтской вѣры, ослабленной, но не вытравленной всей бурной жизнью, или остатками привычки, сохранившейся отъ дѣтства—сказать мудрено. У него промелькнуло только въ умѣ: „такъ часто въ трудныя минуты дѣлалъ Достоевскій“. Онъ раскрылъ книгу и прочелъ тѣ строки, на которыя упалъ его взоръ. Онѣ были слѣдующія: „Итакъ смотри: свѣтъ, который есть въ тебѣ, не есть ли тьма?“ Слова эти поразили Рощина. „Свѣтъ, который есть въ тебѣ, не есть ли тьма“...—повторилъ онъ.—Да гдѣ же свѣтъ, хоть какой-нибудь? Онъ давно потухъ. Свѣтъ жилъ въ душѣ, когда онъ пріѣхалъ изъ провинціи съ высокими мечтами, съ одной цѣлью служить своимъ дарованіемъ родинѣ. Но гдѣ эта цѣль? Она имъ забыта давно, какъ и многими изъ его товарищей, которые въ погонѣ за жизнью обратили свой талантъ въ призового коня, по выраженію Ювеналія. Вся цѣль—жить хо-

рошо, всласть, удовлетворяя всѣмъ желаніямъ. А для этого надо писать и писать, угождая вкусамъ, все равно—уличной ли толпы, или прихода, настроенію командующаго класса. И онъ писалъ одно, а дѣлалъ другое, не думая о томъ, что̀ писалъ. Онъ говорилъ высокія слова, въ то время, какъ былъ весь поглощенъ самыми земными, низкими помыслами. Онъ боролся за права и честь женщины, а на дѣлѣ топталъ и эти права, и эту честь, разбивалъ чужое счастье безъ всякой думы. Да и что женщины? Не только это... А вся жизнь его и другихъ служителей слова? Много ли въ ней свѣта, хотя всѣ о немъ только и говорятъ? Ему вдругъ припомнилась сцена въ квартирѣ одного извѣстнаго беллетриста, у котораго жила племянница, дѣвочка лѣтъ девяти. Тотъ чѣмъ-то грубо обидѣлъ ее. Она серьезно посмотрѣла ему въ лицо и тихо промолвила: „пишешь о Христѣ, а самъ чортъ чортомъ". Какъ это мѣтко сказано! Да развѣ не всѣ они говорятъ о Христѣ, а служатъ чорту! Вотъ онъ самъ: проѣзжая черезъ Москву, онъ подарилъ дочери книжку съ хорошими идеями. Ему показалось, что Ольга Николаевна грустно улыбнулась. Она была права. Причемъ тутъ книжка, если онъ всей своей жизнью научаетъ дѣтей другому? Да, надо все покончить. И Ювеналій, и Наталья Павловна помогутъ... И какъ хорошо отдохнуть, освѣжиться. Зачѣмъ откладывать въ далекій ящикъ? Надо присмотрѣть здѣсь квартирку.

Думая это, онъ машинально перевернулъ нѣсколько страницъ книги и опять прочелъ, что̀ стояло наверху страницы: „Берегитесь, однако, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазномъ для немощныхъ"...

Онъ сначала не понялъ смысла прочитаннаго, но, прочитавъ вторично, произнесъ: „Это поразительно!.. Да не мы ли соблазняемъ болѣе слабыхъ? Не эта ли наша свобода, т.-е. безпринципность, является соблазномъ для другихъ? Въ городѣ мнѣ не устоять, Ювеналій правъ, я опять заверчусь. Надо себя запереть здѣсь. Пріѣдетъ Ольга, ребята... будутъ Малаховы около... все это меня поддержитъ и какъ человѣка, и какъ писателя"...

Онъ зѣвнулъ. „Который-то часъ?"—подумалъ онъ и посмотрѣлъ на часы, лежавшіе на письменномъ столѣ. „Батюшки! Третій часъ! Надо лечь!" Онъ сбросилъ пальто и осторожно легъ на кровать. Онъ продолжалъ думать, лежа: „Завтра же, завтра... Надо все рѣшить"... И думая объ этомъ, онъ незамѣтно для себя забылся и уснулъ.

Его разбудили крикъ и визгъ, ворвавшіеся въ комнату. Онъ въ испугѣ открылъ глаза и приподнялся на локтѣ. Крики не-

слись изъ сада. Слышалось нѣсколько голосовъ,—и высокіе и низкіе, и мужскіе и женскіе... Доносился чей-то плачъ... Рощинъ вскочилъ, завернулся въ одѣяло и заглянулъ въ садъ съ порога балкона. Въ саду стояла кучка евреевъ и посреди Малаховъ. Онъ, видимо, успокаивалъ высокаго, худощаваго еврея, который кричалъ, не то умоляя, не то угрожая, а стоявшая съ нимъ рядомъ женщина громко плакала. До Рощина донеслись сквозь рыданія ея слова: „О, за что такъ покаралъ насъ Богъ! Лучше, еслибы она умерла“...

X.

Происходившее въ саду настолько заинтересовало Рощина, что онъ поспѣшно одѣлся и отправился въ садъ. Въ тотъ мигъ, когда онъ подходилъ къ толпѣ, худощавый еврей вдругъ воскликнулъ, подымая руку:

— И вы клянетесь именемъ вашего Христа, господинъ Малаховъ, что вы тутъ непричемъ?

— Клянусь, если вы желаете этого,—отвѣтилъ Ювеналій Никандровичъ.—Хотя мнѣ вообще не хотѣлось бы прибѣгать къ клятвѣ. Неужели вы перестали мнѣ вѣрить, Абрамовичъ?

— О!—воскликнулъ еврей, и въ его голосѣ прозвучала скорбь, граничащая съ отчаяніемъ.—О, когда такое дѣло, вы не можете обижаться! Я знаю, что вы честный человѣкъ, но кто же, кто могъ совратить нашу бѣдную дочь?

— Ха!—произнесъ съ улыбкой толстый, краснощекій мѣдникъ:—Это извѣстно такъ. Господинъ Малаховъ не совращалъ прямо твоей Рахили, Исаакъ, но она не могла не заразиться чужимъ духомъ, когда ты дозволялъ ей пѣть въ христіанской церкви. Я тебѣ говорилъ...

— А я, а я?—завопила еврейка, стоявшая рядомъ съ Абрамовичемъ.—Развѣ я не говорила ему того же самаго? Я говорила: Исаакъ, что̀ ты дѣлаешь, ты губишь своего родного дитю. Развѣ онъ меня слушалъ? Онъ говорилъ: „Отстань, господинъ Малаховъ не такой человѣкъ, онъ не погубитъ нашу Рахиль. А если у нея есть голосъ—пусть поетъ“.

— Ну, да,—подхватилъ опять мѣдникъ:—извѣстно, господинъ Малаховъ не погубилъ Рахили. Ха! Какъ это можно говорить? Она сама погубила себя.

— Ой, ой, что̀ же мнѣ теперь дѣлать, что̀ дѣлать!—закричала еврейка въ отчаяніи:—Мнѣ не для чего больше жить! Я пойду и утоплюсь въ рѣкѣ!

— Ревекка, ты говоришь вздоръ, — остановилъ ее Моисей Либерманъ, старый еврей съ лицомъ библейскаго пророка.—Ты въ безуміи оскорбляешь Бога.

— Ну, а что мнѣ дѣлать, когда попъ не отдаетъ намъ дочери, и самъ становой на его сторонѣ?

Рощинъ подошелъ къ Малахову и обратился къ нему съ вопросомъ:

— Что такое случилось?

Малаховъ только сейчасъ замѣтилъ пріятеля. Онъ отвѣтилъ ему коротко: — Рахиль убѣжала отъ родителей, хочетъ креститься,—и опять обратился къ Абрамовичу:

— Успокойтесь, Бога ради! Ни крикомъ, ни плачемъ вы ничего не подѣлаете. Поступать же такъ, какъ хотѣлъ бы Хаймовичъ, не совѣтую, за это вамъ придется отвѣчать.

— А зачѣмъ они такъ сдѣлали, зачѣмъ они спрятали ее у себя? — крикнулъ вызывающе Хаймовичъ, злобно сверкая черными глазами.

— Она сама обратилась къ ихъ покровительству. Вѣдь вы были у станового?

— Ну, какъ же нѣтъ! Два раза...

— И онъ сказалъ вамъ, что она сама обратилась къ владыкѣ и губернатору за защитой, и теперь ее велятъ отправить въ городъ?

— О, да, это такъ! Но кто ее научилъ?

— Этого я не знаю. Мнѣ она ничего не говорила, даю вамъ слово,—громко произнесъ Малаховъ.—Она ходила къ намъ, вы это знаете, брала читать мои книги — это тоже не тайна для васъ. Она не изъ болтливыхъ.

— О, да, это такъ, — повторилъ отецъ, — она не любитъ говорить много!

Онъ опустился на скамью и, вздохнувъ, промолвилъ, обращаясь къ Малахову:

— И все-таки это насиліе.

— Неправда,—возразилъ Малаховъ:—вы такой умный человѣкъ и говорите это. Я понимаю ваше горе, но помните, какъ вы упрекали насъ, русскихъ, за то, что мы будто бы насильно заставляемъ креститься евреевъ?

— А развѣ это не такъ? Когда нельзя дышать человѣку и ему грозитъ разореніе или голодная смерть—человѣкъ крестится поневолѣ. Что это, какъ не насиліе?

— Пусть такъ,—согласился Малаховъ.—А что вы сами теперь хотите дѣлать? Развѣ вы не хотите насильно заставить

Рахиль остаться въ іудейской религіи, когда она желаетъ креститься? Вѣдь не изъ выгоды же она крестится?

— Ее совратили!—воскликнула мать.

— То-есть, вы хотите сказать, Ревекка, что ее убѣдили?—поправилъ Малаховъ.—Убѣжденіе—не насиліе. А вы хотите насильно ее вернуть.

Эти слова озадачили Абрамовича. Онъ посмотрѣлъ на Малахова, потомъ на другихъ евреевъ и произнесъ:

— По вашему это выходитъ такъ. Оно, можетъ быть, такъ и есть, но кому не дорого свое дитё? Развѣ вы бы остались спокойны, еслибы ваша супруга приняла нашу вѣру? Не было бы это для васъ горемъ? Что̀ вы мнѣ скажете?

— Скажу: да, было бы.

— Ха! Ну, а что̀ тутъ? Развѣ мы не такіе же люди?

— Но я не сталъ бы употреблять насиліе. Я сталъ бы убѣждать—и только.

— А развѣ мы знали, развѣ она намъ говорила, что хочетъ креститься?—воскликнула Ревекка.—А какъ теперь мы ее будемъ убѣждать, если насъ не пускаютъ къ ней? Господинъ Малаховъ!—добавила она молящимъ тономъ:—вы—добрый человѣкъ, вы поймете родительское горе, хотя у васъ и нѣтъ дѣтей. О, вы такъ хорошо пишете, что не можете не понять! Помогите намъ, упросите о. Михаила и становаго,—пусть дозволятъ мнѣ повидать Рахиль. Ради Бога! Ради...

Она, очевидно, хотѣла добавить: „ради Христа“, но ея уста не произнесли этого имени. Малаховъ все равно догадался.

— Я могу исполнить вашу просьбу,—сказалъ онъ,—хотя не увѣренъ въ успѣхѣ: вы испортили дѣло тѣмъ, что шумѣли у дома священника, стучали въ ворота и грозили ворваться.

— Чего не дѣлаетъ горе, господинъ Малаховъ! Когда отнимаютъ родное дитё, и овца можетъ обратиться въ волка.

— Я поговорю,—повторилъ Малаховъ,—но съ однимъ условіемъ: разойдитесь всѣ. Вы останьтесь, Ревекка, съ мужемъ у насъ, а я отправлюсь къ становому и о. Михаилу. Но дайте мнѣ слово, что вы не предпримете ничего, пока я не вернусь.

Евреи заговорили на своемъ языкѣ, быстро, громко. Всѣхъ сильнѣе кричалъ Хаймовичъ, размахивая руками и сверкая глазами, полными злобы. Властный голосъ Либермана заставилъ всѣхъ смолкнуть. Отъ лица всѣхъ, Либерманъ объявилъ Малахову, что „это будетъ такъ, какъ онъ хочетъ“. Послѣ этого всѣ евреи пошли изъ сада, а Малаховъ, которому съ балкона бросили шляпу, отправился къ становому.

Наталья Павловна, спустившаяся въ садъ, предложила Абрамовичамъ напиться кофе. Они отказались.

— Благодарю, — произнесъ Исаакъ, дотрогиваясь до картуза:—кушайте на здоровье, а мнѣ не хочется ничего.

— Зачѣмъ кофе!—сказала жена:—мы довольно уже напились своими слезами. Чтò еще надо пить!

— Не падайте такъ духомъ,—успокоительно замѣтила Наталья Павловна.—Можетъ быть, вамъ еще удастся повидать дочь.

— И чтò изъ того?—возразила еврейка.—Я думаю, ничего не будетъ, если велѣно ее привезти въ городъ. Все кончено! Я только хочу посмотрѣть на нее и услышать отъ нея самой, какъ она будетъ говорить. Пусть она скажетъ, какъ она могла такъ огорчить родителей и покрыть позоромъ всю семью.

Ревекка немного хитрила: она еще не потеряла надежды на возвращеніе дочери, потому и хотѣла видѣть ее и говорить съ ней.

— Отчего же это позоръ?—сказала Малахова.—Огорченіе—да, но я не вижу позора.

— Отчего? А вы думаете, это большая слава—мѣнять вѣру отцовскую и проклинать родителей?

— Какъ проклинать? Ее этого никто не заставитъ. У васъ невѣрное понятіе о христіанской религіи, Ревекка.

— Ну, чтò говорить! — сказала еврейка, махнувъ рукой.—Извѣстно, развѣ жидовъ вы считаете равными себѣ?

— Лично я, конечно, считаю, и вы могли убѣдиться въ этомъ. Но, во всякомъ случаѣ, причемъ проклятіе?

— Ну, не все ли равно, если насъ гонятъ, какъ паршивыхъ собакъ... чтò тогда?

Исаакъ сидѣлъ все время молча, склонивъ голову на руки. При послѣднихъ словахъ жены онъ медленно выпрямился, посмотрѣлъ на Малахову и на Рощина, стоявшаго съ ней рядомъ, и тихо промолвилъ:

— Ревекка говоритъ, какъ женщина. У женщинъ всегда чувства сильнѣе разудка.

— Исаакъ!

— Погоди,—остановилъ ее мужъ и продолжалъ:—Но она говоритъ правду. Я знаю все, чтò писано въ вашихъ книгахъ... Будете вы говорить, что всѣ вы живете такъ, какъ училъ вашъ Учитель?

— Я этого не скажу.

— Ни-у, а чтò еще надо? Въ вашихъ книгахъ сказано, что

язычники гнали христіанъ, а теперь вы не гоните насъ? Вы скажете: Абрамовичъ, кто гонитъ васъ, вамъ живется хорошо... Это такъ... Меня никто не бьетъ, не распинаетъ, но развѣ только въ этомъ гоненіе?

Не дожидаясь отвѣта, Абрамовичъ опустилъ голову на руки и задумался. Малаховой было глубоко жаль его и Ревекку, но въ то же время она подумала: „А для Рахили это лучше. Здѣсь она погибла бы. Эта жизнь не по ней. Но только почему она такъ сдѣлала? Ни словомъ не обмолвилась. Какая удивительная дѣвушка!"

— Можетъ быть, ваша дочь задумала выйти замужъ за христіанина,—промолвилъ Рощинъ, прерывая молчаніе.

— А что же другое,—конечно, такъ,—отвѣтила Ревекка.— Зачѣмъ бы она могла иначе такъ сдѣлать?

— Но если хорошій женихъ...

— У нея уже есть женихъ, и ей не надо другого.

— Кто же?

— Зачѣмъ вамъ это знать? Вы не знаете Рахиль, и что вамъ можетъ быть интереснаго знать ея жениха? — нѣсколько рѣзко промолвила еврейка.

Рощинъ смутился.

— А помните, Абрамовичъ,—произнесла Наталья Павловна, — вы говорили при мнѣ мужу: „всѣ религіи одинаковы, потому что Богъ одинъ, а только разные толкователи Его ученія".

Абрамовичъ былъ такъ погруженъ въ свои думы, что не слыхалъ словъ Малаховой. Жена дотронулась до его плеча и сказала:

— Исаакъ, слышишь, тебѣ говоритъ мадамъ Малахова?

Абрамовичъ поднялъ голову, и когда Наталья Павловна повторила свою фразу, онъ медленно произнесъ, пожимая плечами:

— Ну, что изъ того? Я не требую, чтобы вы слѣдовали нашему толкованію. Я не хулю вашихъ книгъ, въ нихъ такъ много хорошаго. Но зачѣмъ же намъ молиться по вашимъ книгамъ, когда у насъ есть свои? Я только это говорю.

Ревекка вдругъ опять заплакала и, сжимая руки, произнесла:

— Рахиль, Рахиль! Какъ ты могла не пожалѣть насъ?!

— Пойдемте пить кофе,—произнесла Малахова, обращаясь къ Рощину, и добавила по-французски:—Все это очень тяжело.

Они уже допивали кофе, когда вернулся Малаховъ. Приставъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы мать видѣлась съ дочерью, только одна мать, и непремѣнно въ присутствіи священника. О. Михаилъ также соглашался на это, но сама Рахиль отказа-

лась отъ свиданія. Она умоляла—какъ можно скорѣе отправить ее въ городъ, въ монастырь, гдѣ ее уже ждали.

Абрамовичъ молча выслушалъ отвѣтъ, но Ревекка завопила, ломая руки.

Они ушли.

— Ювеналій, неужели Рахиль поступаетъ въ монастырь?—спросилъ Рощинъ.

— Нѣтъ, ее тамъ только на время пріютятъ и приготовятъ къ крещенію.

— Ты ее видѣлъ? что же она говоритъ?—спросила жена.

— Я ничего отъ нея не могъ добиться. Я передалъ все то, что узналъ. Да, вотъ еще: ее хотѣли выдать замужъ за Хаимовича, а она его ненавидитъ.

— Когда же ее увозятъ?—спросилъ Рощинъ.

— Сегодня, на поѣздѣ, который идетъ въ десятомъ часу вечера.

— Это такъ не обойдется,—проговорила Малахова и добавила:—Садись, пей кофе. А тутъ еще новость для тебя.

— Что такое?—спросилъ Малаховъ, съ удивленіемъ посмотрѣвъ на жену.

— Авениръ Львовичъ остается здѣсь на житье.

— Авениръ?

И неподдѣльное изумленіе изобразилось на лицѣ Малахова.

— Вотъ видишь, какъ ты убѣдилъ меня!—воскликнулъ Рощинъ.

— Очень радъ, но только...

— Неужели ты хочешь меня отговаривать?

— Съ какой стати! Но какъ же, одинъ?

— Одинъ я не выживу. Нѣтъ, я выписываю Ольгу и дѣтей.

— Хорошо, кстати, здѣсь есть у Сахарова свободный верхъ.

— Вотъ и отлично! Мы сегодня же посмотримъ и можемъ нанять.

— Конечно, можемъ посмотрѣть... Но ты погоди писать женѣ. Это все надо обсудить.

Вернулась Рита и очень обрадовалась, когда узнала, что Рощинъ остается въ Рамцахъ. Ея радость была отравлена сообщеніемъ Натальи Павловны, что къ Рощину пріѣзжаетъ жена съ дѣтьми. Рита не знала, что Рощинъ женатъ. Она опечалилась, но скоро же примирилась съ неизбѣжнымъ фактомъ и, уже улыбаясь, отправилась вмѣстѣ съ пріятелями смотрѣть у Сахарова мезонинъ. Квартира была недурная, и она Рощину понравилась.

— Это дешевле пареной рѣпы!—воскликнулъ онъ, когда ему

сказали, что верхъ ходитъ по пяти рублей въ мѣсяцъ. Онъ сейчасъ же хотѣлъ дать задатокъ.

— Ты погоди,—остановилъ его Малаховъ.—Мы все обсудимъ, а Никита Макаровичъ повѣритъ намъ и безъ задатка.

Очевидно, Малаховъ не довѣрялъ рѣшенію пріятеля.

Побѣгъ Рахили привелъ въ восторгъ Риту.

— Ахъ, какъ это чудно!—воскликнула она.—Я не думала, что она на это способна. Выйти замужъ за Хаймовича—фи!

Она сдѣлала презрительную гримасу. Ей захотѣлось повидать Рахиль, и она рѣшила сбѣгать къ священнику. Но ее убѣдили не смущать Рахиль. Рита покорилась.

— Но будетъ скандалъ, непремѣнно будетъ!—хлопая въ ладоши, воскликнула она.—Я пойду на поѣздъ! Авениръ Львовичъ, вы вѣдь тоже пойдете?

— Я готовъ. А ты пойдешь, Ювеналій?

— Непремѣнно,—отвѣтилъ Малаховъ.

Послѣ вечерняго чая всѣ трое отправились на станцію. Малаховъ былъ нѣсколько взволнованъ. Но Рита шла точно на спектакль и такъ смѣялась, что даже Рощинъ замѣтилъ ей:

— Однако, вы слишкомъ легко относитесь ко всему этому, Гретхенъ.

— Что жъ такое? — съ удивленіемъ возразила дѣвушка. — Чтò же въ томъ печальнаго, что Рахиль крестится? Это восхитительно! Вѣдь мы дружили, и она ни слова! Ну, будь я на ея мѣстѣ...

При послѣднихъ словахъ Рощинъ засмѣялся. Не могъ удержаться отъ улыбки и Малаховъ.

На вокзалѣ уже собралась масса публики. Посельчане пришли съ тою же цѣлью, какъ и Рита: посмотрѣть, чтò будетъ. Они ходили парами и весело болтали, смѣялись. Евреи столпились въ углу и, о чемъ-то перешептываясь между собой, окидывали гуляющую публику недружелюбными взглядами.

Малаховъ подошелъ къ группѣ евреевъ и обратился къ Либерману, сидѣвшему рядомъ съ Абрамовичемъ:

— Моисей Моисеевичъ! Надѣюсь, вы сумѣете убѣдить вашихъ соплеменниковъ, что ваше сопротивленіе безплодно и можетъ только повредить имъ? Неужели вы дадите возможность это грустное для васъ событіе превратить въ веселое зрѣлище для праздношатающихся?

Либерманъ вдумчиво поглядѣлъ на Малахова и отвѣтилъ:

— И я, и мы всѣ разсуждаемъ такъ же, какъ и вы, но сердце иногда не повинуется разсудку, господинъ Малаховъ.

Когда вамъ больно, вы кричите противъ воли. Если будутъ увозить родное дитё у матери...

— Но зачѣмъ вы всѣ собрались? Пусть бы пришли только родители...

— А вы здѣсь зачѣмъ съ вашимъ пріятелемъ и съ хозяйской племянницей?—визгливо крикнулъ Хаймовичъ. — Тоже посмотрѣть пришли?

Либерманъ строго взглянулъ на молодого еврея. Тотъ замолкъ и отвернулся. Либерманъ продолжалъ:

— Я имъ говорилъ, но развѣ я начальникъ имъ и мои слова законъ? Что тутъ можно подѣлать, когда всѣ возбуждены! Я пришелъ потому, что Исаакъ мой другъ, и я долженъ поддержать его.

— Поѣздъ подходитъ!—крикнулъ кто-то.

Дѣйствительно, сейчасъ же раздался звонокъ. Евреи встрепенулись и плотной толпой выступили на середину платформы.

— Но гдѣ же она, гдѣ Рахиль?—промолвила Ревекка, обращаясь къ мужу.

Она дрожала и на ея глазахъ блестѣли слезы.

Въ этотъ самый мигъ мимо вокзала пронеслась тройка. Въ телѣгѣ сидѣла Рахиль, а рядомъ съ ней по одну сторону становой, а по другую—урядникъ.

— Вотъ она, вотъ она!—закричало нѣсколько голосовъ.— Но куда же она ѣдетъ?

Телѣга завернула по дорогѣ поселка и быстро скрылась изъ глазъ. Евреи пришли въ изступленіе.

— Рахиль, Рахиль!—закричала со стономъ Ревекка и упала на руки мужа. Ея рыданія покрыли голоса кричавшихъ.

— Ее везутъ въ Ямки, и она тамъ сядетъ на поѣздъ,— догадался кто-то.

Это было вѣрно. Боясь нападенія со стороны евреевъ, становой распорядился, чтобы Рахиль уѣхала въ Новшинскъ изъ Ямокъ.

Подошелъ поѣздъ.

Евреи кинулись къ кассѣ за билетами. Касса оказалась закрытой. Поднялись крикъ и шумъ.

— Сейчасъ придетъ кассиръ, успѣете взять, — промолвилъ сторожъ.

Но кассиръ не приходилъ, а между тѣмъ раздался третій звонокъ.

— Что же это такое? Вы не смѣете не выдавать билетовъ! —неистово закричалъ Хаймовичъ, подбѣгая къ начальнику станціи съ сжатыми кулаками. Жандармъ взялъ его за плечо. Хаймовичъ вырвался и кинулся на платформу, куда выбѣжало уже

нѣсколько евреевъ, старавшихся вскочить на поѣздъ безъ билетовъ. Но поѣздъ уже тронулся. Сторожа и жандармы загородили дорогу евреямъ. Хаймовичъ съ такой силой толкнулъ сторожа, что тотъ чуть не упалъ подъ поѣздъ. Еврей успѣлъ ухватиться за ручку вагона и повисъ на воздухѣ, не вскочивши на площадку. Раздался отчаянный крикъ сестры Хаймовича. Смѣльчакъ оборвался и упалъ на рельсы, но онъ отдѣлался только легкими ушибами. На платформѣ поднялся стонъ. Ревекка билась въ рыданіяхъ. Около нея суетились мужъ и Либерманъ. Малаховъ послалъ за желѣзнодорожнымъ врачомъ, который жилъ напротивъ вокзала. Все это удручающимъ образомъ подѣйствовало на собравшуюся публику. Веселые разговоры смолкли, и когда одинъ изъ молодыхъ телеграфистовъ произнесъ вслухъ какую-то шутку насчетъ Ревекки, его рѣзко оборвали. Рита также притихла. Нервное лицо Рощина конвульсивно передергивалось. Прибылъ врачъ. Ревекку привели въ чувство и отвезли домой. Малаховъ былъ сильно потрясенъ. Всѣ трое возвращались домой въ угнетенномъ настроеніи и дорогой не обмолвились ни словомъ между собою.

XI.

Малаховъ и Рощинъ сидѣли на балконѣ въ ожиданіи обѣда. Ювеналій Никандровичъ читалъ вслухъ газету, а Рощинъ слушалъ, откинувшись на спинку кресла. Впрочемъ, онъ слушалъ невнимательно, занятый думами о дѣтяхъ и Ольгѣ Николаевнѣ, которой сегодня утромъ послалъ письмо.

Катя только-что подала супъ, и Наталья Павловна начала его разливать, какъ къ садику подкатила коляска. Изъ нея вышелъ Нееловъ. Онъ раскланялся съ сидѣвшими на балконѣ и произнесъ съ улыбкой, отворяя калитку:

— Кажется, какъ разъ къ обѣду? Накормите?

— Милости просимъ, мы никогда странникамъ не отказываемъ,—шутливо отвѣтила Наталья Павловна.

Черезъ минуту Нееловъ уже входилъ на балконъ. Онъ поцѣловалъ руку у Малаховой и обмѣнялся крѣпкимъ рукопожатіемъ съ мужчинами.

— Все отлично, радуйтесь! — сказалъ онъ, обращаясь къ хозяину и подсаживаясь къ столу.

— Значитъ, скоро можно будетъ приступить къ дѣлу?— промолвилъ Малаховъ.

— Да, а тамъ и за богадѣльню для престарѣлыхъ... Мнѣ

и то Захарьевна докучаетъ: „умру, говоритъ, не дождусь вашей богадѣльни“... А это кто къ вамъ?—добавилъ Нееловъ другимъ тономъ.

Въ садъ вошелъ старикъ въ синей чуйкѣ, весь бѣлый, какъ лунь, съ бородой чуть не до колѣнъ; за нимъ слѣдовали еще двое: одинъ брюнетъ, лѣтъ сорока, другой—рыжій, совсѣмъ еще молодой парень. Они остановились въ нерѣшительности посреди сада.

— Вамъ кого?—спросилъ Малаховъ.

— А тутъ намъ надо бы сочинителя повидать, который въ газетахъ пишетъ,—отвѣтилъ старикъ.

— Малаховъ по фамиліи будетъ,—добавилъ брюнетъ.

— Это я. Что вамъ надо?

— А вотъ и ладно,—обрадовавшись, произнесъ старикъ.— А мы, значитъ, къ тебѣ, по рыбному дѣлу. Защити насъ, родной! Ты обѣдай, мы подождемъ, если дозволеніе твое будетъ, а потомъ все и обскажемъ.

— Хорошо, я скоро... Чего добраго, опять корреспонденцію придется писать. Не люблю я этого, а нельзя—надо,—сказалъ онъ, обращаясь къ Рощину.

Онъ отхлебнулъ нѣсколько ложекъ супа и продолжалъ:

— Вообще, я избѣгаю всѣхъ этихъ обличеній, но когда приходится являться, такъ сказать, депутатомъ отъ народа, по выраженію супруги Дмитрія Алексѣевича, я не считаю себя въ правѣ отказывать имъ. Такое полномочіе даже лестно и обязательно. Если печатное слово можетъ быть полезнымъ, имъ нужно служить вездѣ, гдѣ надо.

— Развѣ корреспонденціи достигаютъ цѣли?—съ недовѣріемъ спросилъ Рощинъ.

— Да еще какъ! Тутъ, было, подрядчикъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ совсѣмъ прижалъ. Моя корреспонденція подняла шумъ, вызвала коммиссію, и рабочіе получили свое.

— Припоминаю, читалъ!—промолвилъ Рощинъ.—Ну, что же, честь тебѣ и слава! Вонъ Португаловъ тоже явился такимъ депутатомъ, но ему пришлось попасть на скамью подсудимыхъ.

— Мнѣ не приходилось: однако, подрядчикъ съ тѣхъ поръ меня терпѣть не можетъ, подговаривалъ даже меня отколотить, но пьянчужка, купленный имъ, пришелъ вдругъ ко мнѣ и во всемъ покаялся. Прежде чѣмъ писать, я былъ у подрядчика и просилъ покончить добромъ съ рабочими. И слышать не захотѣлъ! Я упомянулъ о газетѣ. „Мнѣ, говоритъ, наплевать; сдѣ-

лайте одолженіе, пишите!“ А потомъ и жалѣлъ самъ. Съ этого дѣла мой престижъ поднялся среди крестьянъ. Но что это за рыбное дѣло?

Малаховъ доѣлъ котлету и, не дожидаясь чая, отправился въ садъ.

— Хорошо сдѣлалъ Ювеналій Никандровичъ, что поселился здѣсь,—сказалъ Нееловъ, вытирая губы салфеткой:—и жить ему здѣсь здоровѣе, и писать удобнѣе, и хорошее дѣло дѣлаетъ. Я такъ радъ этому; въ деревнѣ мало людей, всѣ бѣгутъ въ города и оттуда подаютъ совѣты.

— Писатели худые дѣятели,—замѣтилъ Рощинъ:—они даютъ совѣты, чтобы...

— Другіе ихъ исполняли?—подхватилъ Нееловъ.—А гдѣ эти другіе? Оттого и худо и въ деревнѣ, что изъ нея бѣгутъ тѣ, которые могли бы быть полезными, а остаются дѣльцы, преслѣдующіе лишь свои личныя цѣли. И отчего писатели плохіе дѣятели? Вашъ пріятель первый опровергаетъ эту мысль. Конечно, надо знать деревню. Ну, такъ поживи, познакомься... А если бы вы только знали, сколько здѣсь дѣла! Я согласенъ, что писательство само по себѣ уже дѣло, служба, но если можно и еще чѣмъ-нибудь служить, такъ отчего же и нѣтъ.

— Я также думаю здѣсь поселиться,—сказалъ Рощинъ.

— Развѣ? Вотъ отлично-то! Значитъ, нашего полка прибываетъ? Вы не шутите?

— Серьезно, я даже присмотрѣлъ квартиру.

— У! мы теперь начнемъ работать.

— Вы такъ сильно на меня надѣетесь?

— Разумѣется! Всякій мыслящій человѣкъ для деревни кладъ. Но только, прибавлю я, знающій деревню...

— Мои взгляды нѣсколько иные, чѣмъ у Ювеналія.

— При чемъ тутъ взгляды? Если вы будете знать деревенскія нужды и честно отнесетесь къ дѣлу, вы постараетесь удовлетворить запросы деревни. Что такое другіе взгляды? Вѣдь иногда они, простите меня, происходятъ отъ незнакомства съ жизнью. Издалека все представляется въ другомъ свѣтѣ...

Изъ сада послышался голосъ Малахова:

— Хорошо, я все это сдѣлаю и нумеръ пришлю вамъ.

Мужики сняли шапки и поклонились. Малаховъ простился съ ними, пожавъ имъ руки.

— Опять депутатомъ приходится быть,—сказалъ онъ, входя на балконъ.—Буду бороться съ богачомъ, царькомъ околотка.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ.

Богатый рыбопромышленникъ и пароходчикъ загородилъ въ порогахъ рѣку желѣзными рѣшетками и такимъ образомъ ловилъ рыбу, лишая всякаго улова другихъ рыбаковъ. Рыбаки жаловались ближайшему начальству, но ничего не добились, потому что „золотой крючокъ сильнѣе желѣзнаго“, какъ иронически говорили мужики. Поставленные въ безвыходное положеніе, они узнали отъ кого-то, что въ Рамцахъ живетъ такой сочинитель, который заступился за желѣзнодорожныхъ рабочихъ и помогъ имъ получить деньги съ подрядчика. Имъ посовѣтовали обратиться къ нему. Выборные отъ рыбаковъ пришли къ Малахову, прося его „все такъ описать, чтобы и министры узнали, а ужъ тогда и богачу спуска не будетъ“. Малаховъ обѣщалъ написать обо всемъ въ одну вліятельную газету.

Нееловъ сталъ торопить отъѣздомъ. Малаховъ и Рощинъ рѣшили проводить его.

— Когда же вы къ намъ?—сказалъ Нееловъ Натальѣ Павловнѣ, прощаясь:—жена ждетъ васъ играть въ четыре руки. Эхъ, жаль, что я прозѣвалъ и не попросилъ васъ что-нибудь сыграть!

— Ну, вотъ,—съ улыбкой произнесла Малахова:—Капитолина Игнатьевна такая музыкантша, что вамъ нечего слушать меня.

— Будетъ вамъ скромничать, — возразилъ Нееловъ. — Вы играете съ большой душой.

— Это и я могу подтвердить, — проговорилъ Рощинъ. — Вчера и сегодня передъ обѣдомъ Наталья Павловна усладила мое сердце,—особенно моимъ любимымъ Шопеномъ.

— Это дамскій любимецъ,—замѣтилъ Нееловъ.—Впрочемъ, что̀ хорошо, то хорошо. Но я предпочитаю Бетховена и отдыхаю на его величественныхъ хоралахъ. Такъ мы васъ ждемъ, — добавилъ онъ уже на порогѣ.

— Я, вѣроятно, скоро буду. Поклонъ Капитолинѣ Игнатьевнѣ...

Едва только коляска отъѣхала отъ дома, какъ навстрѣчу попался о. Михаилъ, на одноколкѣ возвращавшійся съ требы. Онъ снялъ широкополую шляпу, раскланялся и крикнулъ Малахову: „А я къ вамъ собирался сегодня, Ювеналій Никандровичъ! Вы надолго?“

— Скоро не отпущу! — отвѣтилъ за него Нееловъ, разсмѣявшись.

Когда они отъѣхали нѣсколько шаговъ, онъ добавилъ, обращаясь къ Рощину:

— Это большіе друзья, вашъ пріятель и о. Михаилъ. Удивляюсь я только, какъ онъ могъ осѣдлать попа?

— Ну, ужъ скажете тоже!—промолвилъ Малаховъ.

— А что же? Грѣшный человѣкъ, признаюсь, не лежитъ мое сердце къ о. Михаилу. Жаденъ онъ, лѣнивъ, однимъ словомъ—*попъ*! Этимъ все сказано: *не пастырь*, а *попъ*. А какъ бы нужны были пастыри деревнѣ! Ой, какъ нужны!

— Я думаю, они нужны вездѣ,—сказалъ Рощинъ.

— Конечно, но особенно здѣсь. Правду сказать, о. Михаилъ лучше сталъ, а все благодаря вамъ, Ювеналій Никандровичъ. Дипломатъ вы!

— Ничуть не дипломатъ, — возразилъ Малаховъ. — Просто я считаюсь съ фактами. Я ничего не требую, не говорю: „вы должны",—это невольно раздражаетъ,—я, такъ сказать, авансомъ хвалю и признаю способности на хорошее,—ну, онъ и дѣлаетъ. Знаете, въ каждомъ человѣкѣ есть хорошія струны, надо только ихъ затронуть. Нашъ о. Михаилъ уже вовсе не такъ скверенъ. Онъ грубоватъ, малодѣятеленъ, но надо только умѣть затронуть замолкшія струны, а не натягивать ихъ сразу туго. Онъ поддается на многое.

— Я злобнаго чувства къ духовенству не питаю,—произнесъ Нееловъ, — и долженъ сказать, что встрѣчалъ очень хорошихъ пастырей... но о. Михаилъ... Мичуринъ выражается рѣзко, но по существу онъ правъ....

— Ну, вашъ Мичуринъ большой болтунъ, — замѣтилъ Малаховъ съ видимымъ неудовольствіемъ. — Конечно, о. Михаила я не назову идеальнымъ, но что̀ такое самъ Мичуринъ? Онъ продѣлываетъ разныя гадости на соблазнъ крестьянамъ: Мичурины—ядъ для деревни.

— Въ этомъ-то вы правы,—согласился Нееловъ.

Сытые кони бѣжали бойко. Коляска на мягкихъ рессорахъ почти совсѣмъ не трясла, несмотря на сравнительно плохую дорогу. Съ одной стороны ея тянулся лѣсъ, а съ другой поля, за которыми на возвышенностяхъ раскинулись деревеньки и небольшія помѣщичьи усадьбы. День былъ нежаркій, солнце не пекло, а только пріятно грѣло своими лучами. Въ воздухѣ пахло лѣсомъ и полями, дышалось легко, и человѣкомъ овладѣвало спокойствіе.

— Какая благодать!—сказалъ Нееловъ, прерывая недолгое молчаніе. — Попадешь въ городъ и невольно тянетъ тебя опять сюда, въ эту тишь. Здѣсь себя чувствуешь лучше.

— Это вѣрно, — подтвердилъ Рощинъ. — Ужъ на что я нервный, а здѣсь и я себя чувствую болѣе уравновѣшеннымъ. Мой дѣдушка всегда говорилъ: „Въ деревнѣ Богъ ближе".

— Если хотите, это вѣрно,—въ раздумьи промолвилъ Неѣловъ.—Да это и понятно: ближе къ природѣ, меньше этой сутолоки, отрывающей человѣка отъ самоуглубленія. Горожане всегда болѣе раздраженные и нервные.

— Да, сказалъ Малаховъ.—Тамъ человѣкъ не работаетъ, а мечется. Тамъ жизнь течетъ не какъ рѣка, а какъ горный потокъ.

— А я все-таки заступлюсь за городъ! — промолвилъ Рощинъ. — Тамъ больше высшихъ интересовъ, тамъ всѣ крупныя дѣла, тамъ задаютъ тонъ, а здѣсь только....

— Ну, ужъ извините, — перебилъ Неѣловъ: — тонъ дается именно деревней, потому что Россія—это деревня. А если Питеръ позволяетъ себѣ давать тонъ, такъ это съ его стороны большая дерзость, за которую приходится расплачиваться деревнѣ. Почти всегда, когда Питеръ даетъ тонъ, не спрашиваясь деревни, выходитъ чепуха и самая скверная.

Коляска только-что въѣхала въ деревню и поровнялась съ казенной лавкой.

— Вотъ вамъ первое, — сказалъ Неѣловъ, указывая рукой на казенную лавку.—Вы думаете, лучше стало?

— А развѣ хуже?—спросилъ Рощинъ.

— Скорѣе—да. Вы не смотрите на эти общества трезвости и поучительныя книжки. Это — чепуха: одной рукой продавать водку, а другой—усовѣщивать пьяницъ.

— Но вообще развѣ пьянства не меньше?

— Вы спросите у вашего пріятеля, что̀ за картины приходится наблюдать. Даже прежде этого не было. Не угодно ли: идетъ обѣдня, казенка закрыта, но около нея уже стоитъ шеренга жаждущихъ, точно у кассы театра, когда берутъ билеты на Мазини. Всѣ ждутъ открытія лавки и забрались раньше, чтобы не пропустить. Ждутъ, не могутъ дождаться, когда же кончится обѣдня... Тутъ же торчитъ и деревенскій полисменъ. И вотъ лавка открывается: бросаются въ нее, покупаютъ водку, выходятъ и пьютъ на улицѣ. Происходятъ сцены, достойныя кисти Рѣпина. Такъ какъ закуски-то нѣтъ, то водка дѣйствуетъ сильнѣе. Многіе напьются и тутъ же валяются. Въ Рамцахъ была одна лавка, такъ мало, видите ли, открываютъ другую. Это что̀ же: борьба съ пьянствомъ, или что̀ иное?

— Ювеналій говоритъ, что открывается чайная и при ней читальня...

— Да, но, вы думаете, чайной легко будетъ бороться съ винной лавкой?

— А вѣдь прежде, навѣрное, было еще больше кабаковъ?

— Да, но вѣдь пили не больше. И въ двухъ водки хватитъ на всѣхъ. Но прежде пили и тутъ же закусывали, и не было такихъ развращающихъ уличныхъ сценъ, какъ теперь. Нѣтъ, ужъ если бороться съ пьянствомъ,—а это надо, потому что отъ водки деревня гибнетъ,—такъ надо бороться настоящимъ образомъ.

Нееловъ закурилъ сигару и заговорилъ снова:

— Вотъ, Ювеналій Никандровичъ живетъ здѣсь уже девять лѣтъ, онъ все узналъ. Мы всякія учрежденія заводимъ, стараемся, что̀ можемъ, сдѣлать для деревни. Слава Богу—кое-что и дѣлаемъ, но намъ положительно мѣшаетъ водка. Деревня не становится трезвѣе, а пьянство все увеличивается и увеличивается, и пока водка будетъ доступна, какъ теперь, — деревнѣ не подняться.

— Вѣдь все дѣло въ желаніи пить, — сказалъ Рощинъ. — Когда не будетъ этого желанія у мужика,—никакіе кабаки не будутъ опасны.

— Это уловка! —воскликнулъ Нееловъ.—Сильный не пойдетъ. А много ли ихъ? Большинство слабо, и его нельзя искушать и говорить: а ты выдержи! Нѣтъ, уберите соблазнъ! Недаромъ мы и Бога просимъ: „не введи насъ во искушеніе". Пора бы съ этимъ прошеніемъ обратиться и деревнѣ къ тѣмъ, кто задаетъ ей тонъ.

— А знаете, — смѣясь, сказалъ Рощинъ,—вы оба все-таки ужасные консерваторы.

— Страшное слово!—промолвилъ Нееловъ.—Консерваторы! Ну, такъ вотъ вамъ мнѣніе обо мнѣ и вашемъ пріятелѣ здѣшняго охранителя, предводителя дворянства. Онъ какъ-то встрѣтился съ Ювеналіемъ Никандровичемъ у меня, да потомъ мнѣ и говоритъ: „Повидимому, вы съ нимъ консервативнаго направленія, но вѣдь собственно вы такіе консерваторы, которые опаснѣе либераловъ. Вы просто консервативные радикалы"... Вотъ вамъ!

— Что же, — замѣтилъ Малаховъ: — такого взгляда всегда держался и чиновникъ, считавшій опасными Аксакова и его единомышленниковъ.

Коляска поднялась въ гору, и глазамъ ѣхавшихъ открылась усадьба, по срединѣ которой возвышался большой домъ съ башнями, съ балконами, выкрашенный въ бѣлую краску.

— Какой прекрасный домъ, точно дворецъ! — воскликнулъ Рощинъ.

— Благодарю! Это мой дворецъ, — отвѣтилъ Нееловъ. —

Ага! вонъ и жена стоитъ на балконѣ. Она и не ожидаетъ, кого я везу.

Онъ снялъ шляпу и замахалъ ею. Женщина, стоявшая на балконѣ, замѣтила это и махнула платкомъ.

Кони точно обрадовались концу дороги и рванулись впередъ. Старый кучеръ, несмотря на это, еще подхлестнулъ ихъ. Онъ любилъ лихо подкатить къ крыльцу,—это была его слабость.

XII.

Когда-то Нееловка была извѣстна всей губерніи. Но тѣ времена давно отошли въ область преданія. Уже отецъ Дмитрія Алексѣевича, Алексѣй Ивановичъ, не задавалъ пировъ, на которые прежде съѣзжались помѣщики всего уѣзда и многіе сановники изъ Петербурга. Проѣвъ милліонъ, Иванъ Дмитріевичъ умеръ отъ апоплексіи; онъ оставилъ сыну сравнительно очень скромныя средства, и не скончайся во-время богатая тетка, дѣла новаго владѣльца Нееловки могли бы сильно пошатнуться. Наслѣдство спасло Алексѣя Ивановича, который пробылъ даже трехлѣтіе предводителемъ дворянства, а потомъ засѣлъ въ Нееловкѣ и занялся хозяйствомъ, отказавшись даже отъ мѣста предсѣдателя управы при открытіи земскихъ учрежденій въ губерніи. Хорошій и трудолюбивый хозяинъ, любитель деревни, Алексѣй Ивановичъ постарался воспитать сына въ своихъ взглядахъ. Любовь къ деревнѣ, развитую отцомъ въ Дмитріи Алексѣевичѣ, раздѣляла и его жена, Капитолина Игнатьевна, которая называла себя прямо ненавистницей города. Впрочемъ, Дмитрій Алексѣевичъ еще при жизни Алексѣя Ивановича служилъ недолго въ Петербургѣ, но въ годъ смерти отца бросилъ службу и уже навсегда поселился въ имѣніи, посвятивъ себя исключительно сельскому хозяйству, службѣ деревнѣ, являясь при этомъ дѣятельнымъ гласнымъ. Нееловы жили скромно, однако не чуждались знакомствъ, посѣщали изрѣдка Петербургъ, были два раза заграницей, въ Крыму и на Кавказѣ. Дѣтей у нихъ не было, и они жили вдвоемъ, „какъ Адамъ и Ева“, по шутливому выраженію остряка-сосѣда, который прибавлялъ при этомъ: — „Вотъ только искусителя-змѣя нѣту; впрочемъ, Капитолина Игнатьевна такая жена, какую и сто змѣевъ не введутъ во искушеніе“.

Дѣйствительно, она держала себя очень строго, съ большимъ достоинствомъ, и одна осанка ея уже внушала къ ней уваженіе.

Балагуръ-помѣщикъ, называвшій Нееловыхъ Адамомъ и Евой, признавался искренно: „я Капитолинѣ Игнатьевнѣ и комплиментъ боюсь сказать,—такая она внушительная“. Капитолина Игнатьевна прекрасно знала сельское хозяйство и могла бы его вести безъ помощи мужа; ее нельзя было обмануть, разжалобить поддѣльными слезами. Она понимала людское горе и умѣла не только сочувствовать, а и помогать въ нуждѣ, но, обладавшая сильной волей, она была чужда всякой сантиментальности. „Если дѣло—такъ дѣло“,—говорила она, и въ этомъ отношеніи была болѣе выдержана, чѣмъ мужъ. Тотъ иногда увлекался и любилъ помечтать. Капитолина Игнатьевна работала и помогала, заботилась о домѣ и хлопотала о меньшомъ братѣ, не уносясь за облака. Она снисходительно относилась къ нѣкоторымъ фантазіямъ мужа, который все-таки на дѣлѣ оставался вполнѣ почвеннымъ работникомъ, и останавливала его, когда онъ въ своихъ разговорахъ „отрывался отъ земли“.

— Погоди, Дмитрій, ты опять унесся за облака. Вѣдь надо вотъ что̀...

И она излагала свои мысли, планы—всегда ясные, опредѣленные. Это была женщина глубоко убѣжденная, потому что всѣ ея убѣжденія покоились на знаніи жизни и людей. Умная отъ природы, она ко всему приглядывалась и скоро научилась тому, чему учитъ жизнь. Она говорила медленно, спокойно и вѣско. „Отъ всего житейскаго“ она отдыхала за роялемъ.

Усадьба Нееловыхъ была обнесена оградой. На большой дворъ, содержимый чисто, вели чугунныя ворота. Налѣво стоялъ флигель, за нимъ домъ, въ которомъ жили рабочіе, и уже далѣе шли разныя хозяйственныя постройки. Направо господскій домъ, передъ которымъ на площадкѣ, усыпанной мелкимъ гравіемъ, стоялъ фонтанъ, дорого стоившій Ивану Дмитріевичу, но теперь уже не бившій. Крыльцо дома, расположенное полукругомъ, было съ крытымъ подъѣздомъ, надъ которымъ на высокихъ столбахъ находился балконъ.

Кучеръ лихо подкатилъ къ крыльцу и остановился какъ-разъ передъ дверьми, которыя сейчасъ же растворились, и пріѣхавшихъ встрѣтила молоденькая горничная, одѣтая въ коричневое платье и бѣлый передникъ. Худенькая, стройная, съ интеллигентнымъ выраженіемъ миловиднаго личика, она походила болѣе на выпускную гимназистку, чѣмъ на горничную. Рощинъ сразу замѣтилъ ея глазки-незабудки, не утерпѣлъ и шепнулъ:

— Какой цвѣтокъ!

Изъ просторныхъ, полусвѣтлыхъ, благодаря закрытому подъ-

ѣзду, сѣней широкая лѣстница вела въ верхній этажъ дома, а дверь, обитая клеенкой—въ нижнія комнаты.

— Пожалуйте наверхъ, господа,—сказалъ Нееловъ.— А то не хотите ли освѣжиться отъ пыли? Тогда пойдемте внизъ, ко мнѣ въ умывальную.

Гости охотно приняли это предложеніе.

— Однако, у васъ все на большую ногу, — замѣтилъ Рощинъ, видимо довольный всѣмъ видѣннымъ.

— Строено не мной, — отвѣтилъ Нееловъ, — приходится только поддерживать. Мы съ женой съ удовольствіемъ бы жили въ уютномъ домикѣ. Но не перестраивать же, да и не хочется нарушать старины. Ко всему привычка съ дѣтства; каждый уголокъ, каждая вещичка близка, дорога; всего жалко...

— Такая любовь—великая сила,—замѣтилъ Малаховъ;—она васъ и держитъ здѣсь.

— Да, конечно, этой любовью прежде все и держалось. Я только и счастливъ въ этомъ гнѣздѣ, ну а потомъ...

Они вошли въ большую комнату, въ которой стояло три умывальника, полуванночка и шкапъ съ душемъ. Тутъ же находилась висячая гимнастика, на полу лежали гири...

— Э, да вы и гимнастикой занимаетесь,—сказалъ Рощинъ.

— Нѣтъ, это отецъ любилъ. Я не охотникъ. Я предпочитаю работу въ полѣ, въ саду... верховую ѣзду... Но,—добавилъ онъ,— я все это оставляю, какъ память прошлаго. Когда-то и меня отецъ заставлялъ все это продѣлывать...

Они освѣжились съ дороги и почувствовали себя обновленными.

— Чтò это вы начали говорить о своемъ гнѣздѣ, Дмитрій Алексѣевичъ? „Ну. а потомъ“... сказали вы и не окончили,— напомнилъ Малаховъ, причесываясь передъ зеркальнымъ шкапомъ.

— Чтò я хотѣлъ сказать? Не помню...

Нееловъ задумался на мгновеніе и воскликнулъ:

— Ахъ, да, я сказалъ, что все старое близко, дорого, и потому храню его. Вотъ хотя бы этотъ умывальникъ: видите, какой онъ инвалидъ, его давно бы слѣдовало сдать въ архивъ, но это мой старый другъ. Онъ былъ моимъ умывальникомъ еще въ дѣтствѣ. Такъ и все. А послѣ насъ — мы вѣдь бездѣтны, какъ Захаръ и Елизавета—имѣніе перейдетъ къ дальнимъ родственникамъ; тѣмъ это все будетъ чужое, да они, пожалуй, и продадутъ. Жаль, жаль! Впрочемъ, жена предполагаетъ устроить здѣсь школу на особый манеръ, а наслѣдникамъ выдать деньги. Она сроднилась со всѣмъ, словно и сама здѣсь родилась. Да, право, какъ подумаешь, грустно становится.

— Вы рѣдкій экземпляръ среди современныхъ помѣщиковъ,—сказалъ Рощинъ.—Тѣ такъ не привязаны къ своимъ родовымъ гнѣздамъ.

— И бѣгутъ въ городъ на службу? О, да, это такъ! Оттого и обезлюдѣла деревня, — съ грустью произнесъ Нееловъ. — Всѣ дѣлаютъ карьеру и никому деревня не близка.

Они вышли въ сѣни и стали подниматься по лѣстницѣ.

— Вотъ, пріѣхалъ тутъ было изъ Петербурга въ свое имѣніе Холодковъ, — произнесъ Нееловъ, развивая свою мысль: — съ университетскимъ образованіемъ. Я обрадовался. И что жъ? Побылъ земскимъ начальникомъ, потомъ его сдѣлали вице-губернаторомъ, и теперь онъ кандидатъ на губернатора. Только деревня его и видѣла.

Въ просторной, свѣтлой гостиной, обставленной въ старинномъ барскомъ вкусѣ, встрѣтила гостей хозяйка дома. Это была высокая, статная женщина, красивая и величественная, державшаяся такъ, какъ умѣютъ держаться только хорошо воспитанныя женщины извѣстнаго круга. Ея величавость не переходила въ чопорность, простота была чужда вульгарности, въ любезности не замѣчалось заискивающей услужливости растерявшейся хозяйки. Неелова поздоровалась съ Малаховымъ, какъ съ хорошимъ знакомымъ, дружески освѣдомилась о здоровьи Натальи Павловны, нѣсколькими словами выразила Рощину свое удовольствіе по поводу его пріѣзда, дала ему понять, что она знакома съ нимъ, какъ съ писателемъ, но удержалась отъ тѣхъ банальныхъ похвалъ, которыя смущаютъ каждаго и кажутся всегда неискренними. Умѣренность тона чрезвычайно была пріятна Рощину.

Всѣ прошли на балконъ, гдѣ на столѣ, покрытомъ безукоризненно бѣлой скатертью и сервированномъ просто, но со вкусомъ, шумѣлъ мельхіоровый самоваръ. Разговоръ завязался сразу непринужденно, и Рощинъ скоро почувствовалъ себя точно у хорошихъ знакомыхъ. Капитолина Игнатьевна очень понравилась Рощину. Ея круглое бѣлое лицо, залитое румянцемъ, дышало здоровьемъ. Въ большихъ карихъ глазахъ свѣтились умъ и энергія. Губы сохранили удивительную свѣжесть, такъ что Рощинъ невольно подумалъ: „Да неужели ей сорокъ лѣтъ, какъ говоритъ Ювеналій?“ Каштановые густые волосы Капитолина Игнатьевна зачесывала назадъ, слегка поднимая на гребенкахъ и свертывая косу кольцомъ на затылкѣ. Одѣта она была въ легкое чесучовое платье съ такой же англійской рубашечкой вмѣсто лифа, перетянутой чернымъ поясомъ, съ большими металлическими пряжками.

Разговоръ, переходя съ одного предмета на другой, коснулся и больного вопроса — бѣдности деревни людьми. Вставивъ небольшое замѣчаніе въ споръ мужа съ Рощинымъ, Капитолина Игнатьевна обратилась къ послѣднему:

— Нашъ сосѣдъ, Мардарій Вавиловичъ Кусковъ, обижается на меня за то, что я ему сказала какъ-то: „вы одинъ изъ неоправдавшихъ надежды“. Я не желала ему сказать ничего непріятнаго, но когда вопросъ поставленъ на серьезную почву, я люблю говорить только правду.

— Я не совсѣмъ понимаю васъ,—замѣтилъ Рощинъ.—Что̀ это значитъ—„неоправдавшихъ надежды“?

— Кусковъ—бывшій здѣшній земскій начальникъ,—между прочимъ, вставилъ отъ себя Неѣловъ.

— И, какъ большинство,—промолвила Капитолина Игнатьевна,—помнящій больше о своихъ правахъ, чѣмъ о своихъ обязанностяхъ. Имъ деревня не близка, не дорога... Они ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которые бѣгутъ изъ деревни для карьеры... Вѣдь они и остаются здѣсь тоже ради карьеры.

— Я только-что сообщалъ Авениру Львовичу о Холодковѣ,—опять вставилъ Неѣловъ.

— Ну, вотъ,—промолвила жена.—Это одинъ изъ многихъ. И живутъ здѣсь только изъ личныхъ цѣлей и нисколько не думаютъ о деревенскихъ нуждахъ. Или ничего не дѣлаютъ, или дѣлаютъ только для вида.

— Развѣ вы полагаете, что въ роли земскаго начальника можно многое сдѣлать?—произнесъ Рощинъ.

— Видите, я на все смотрю съ практической точки зрѣнія, и въ этомъ отношеніи мы съ мужемъ солидарны, такъ что я могу сказать: для насъ съ нимъ важны не клички, а дѣло.

Неѣлова поправила на чайникѣ салфеточку и продолжала тѣмъ же ровнымъ тономъ:

— Пока деревня еще темна и даже малограмотна, она должна имѣть руководителей.

— Ахъ, вы за опекунство помѣщиковъ!—воскликнулъ Рощинъ нѣсколько иронично.

— Называйте, какъ хотите,—спокойно возразила Неѣлова.—Пусть это будетъ опека въ лицѣ помѣщиковъ или вообще просвѣщенныхъ людей, сидящихъ на землѣ и служащихъ деревнѣ—все равно.

— Это непремѣнно такъ,—подтвердилъ Дмитрій Алексѣевичъ.

— Только вотъ что̀,—продолжала Капитолина Игнатьевна:—чтобы честно выполнить эту задачу, нужно любить деревню и

мужика, но любить не книжно, не отвлеченно, не давать ему вмѣсто хлѣба камень, не дразнить его абрикосами, когда кругомъ и яблоки не зрѣютъ. Вы меня понимаете?

— Конечно!

— Такъ вотъ. А развѣ съ этой цѣлью остаются въ деревнѣ помѣщики, не убѣжавшіе въ городъ? Развѣ для такой службы они являются сюда изъ города? Все для себя и только.

Она замѣтила выраженіе довольства на лицѣ Рощина и добавила:

— Вы не сочтите меня за ту идейную народницу, которая требуетъ подвиговъ и жертвъ. Ничуть! Я противъ жертвъ. Хозяйничая, я ничего не упущу, но это нисколько не противорѣчитъ тому, что я говорю. Да и нашъ народъ очень практичный,— онъ мечтателей также не любитъ.

— Но едвали можно соединить такъ удобно полезное съ пріятнымъ,—уже не скрывая насмѣшки, промолвилъ Рощинъ.

— Очень легко. Вы не деревенскій житель? Я угадала.

— Да, я родился въ городѣ и прожилъ почти всю жизнь въ немъ.

— Это и видно. А я васъ могу увѣрить, что это очень легко.

— Но развѣ вы совсѣмъ противъ подвиговъ и жертвъ?— спросилъ Малаховъ.

— Ну, разумѣется, бываютъ моменты въ жизни, когда и жертвы, и подвиги нужны, даже обязательны, но я имѣю въ виду обыкновенныя времена, когда нужны не борцы, а работники, когда нужна не жертва, а трудъ.

— Прибавьте: и любовь.

— Понятно, безъ нея ничего и никогда нельзя сдѣлать, она одинаково нужна и въ борьбѣ, и въ работѣ.

Рощинъ поднялся со стула. Его нервность сказалась.

— Но развѣ теперь не боевое время?—воскликнулъ онъ.—Да развѣ теперь не нужны борцы? Чего вы достигнете безъ борьбы?

Капитолина Игнатьевна улыбнулась и хотѣла отвѣтить, но ее перебилъ мужъ:

— Прости, Лина,—сказалъ онъ:—дай мнѣ возразить Авениру Львовичу. Голубчикъ,—произнесъ онъ, подходя къ Рощину, прислонившемуся къ колоннѣ: — въ томъ-то и ошибка, что всѣ мечтаютъ о борьбѣ, а не о трудѣ. Оттого-то и жизнь подвигается къ лучшему такъ тихо. На борьбу человѣкъ способенъ недолго, и преимущественно только въ юности. Вотъ у насъ въ молодые годы горячатся, и на это ухлопаютъ всю энергію, весь

запасъ силъ, а когда надо дѣлать дѣло—ничего и нѣтъ. Остается одно разочарованіе, усталость, озлобленность... Посмотрите: на школьной скамьѣ люди готовы на всякую жертву, на гибель, а потомъ въ жизни вы просто узнать человѣка не можете: куда это все дѣвалось? Точно и не было ничего у него. Оглянитесь кругомъ: ну, поглядите на учителей, врачей, инженеровъ... да всѣ они не только далеки отъ идеала, о которомъ мечтали, а просто стыдно сказать... Возьмешь въ руки газету—и масса безобразныхъ фактовъ, а виновники—это тѣ, которые когда-то готовы были чуть не умереть за идею.

— Отчего же это?

— Отчего? да оттого, что мы не готовимся въ работники, насъ увлекаетъ только одна борьба. Для такой борьбы, какую ведутъ обыкновенно въ молодости, вѣдь достаточно только одной бурной крови. Это вовсе не идейность, а просто силъ избытокъ. Можетъ быть, васъ это покоробитъ, но вѣдь я скажу прямо: эта борьба отдаетъ немножко скандаломъ. Ну-съ, а для работы нужно знаніе, подготовка, выдержка, терпѣніе...

— Да вѣдь эта работа та же борьба?

— Пожалуй—та же. Но это такая борьба, которая требуетъ напряженія изо дня въ день, умѣнья считаться съ условіями жизни, пользоваться ими, не губить дѣло изъ-за мелочей, уважать чужую святыню. Та борьба, о которой всѣ мечтаютъ—на виду, шумная, а эта—сѣренькая, впотьмахъ и несетъ удовлетвореніе только тому, кто проникнутъ любовью къ народу.

— Но тогда въ этой борьбѣ уже подвигъ и жертва,—сказалъ Рощинъ.

— Почему?—спросилъ его Малаховъ.—Я понимаю Капитолину Игнатьевну, что можно работать и безъ жертвъ.

— Позволь, да вѣдь ты приносишь свое „я“ въ жертву общему благу!

— Конечно, если ты хищникъ, то это другой вопросъ, а иначе...

— Да что такое жертва?—вмѣшалась опять хозяйка.—Вотъ одна знакомая дама мнѣ говорила: „ахъ, дорогая, какъ вы можете приносить такую жертву,—живете въ деревнѣ?“ Да позвольте! по вашему это жертва, а по моему—совсѣмъ не жертва; я люблю деревню, и для меня было бы, напротивъ, жертвой жить въ городѣ. Такъ и все.

— Ну, конечно,—подтвердилъ мужъ.—Вотъ отецъ-Михаилъ жалуется на то, что каждое воскресенье ему приходится вести послѣ вечерни бесѣду съ прихожанами. Это для него бремя, по-

тому что ему гораздо интереснѣе играть въ преферансъ, чѣмъ бесѣдовать. Но Златоустъ смотрѣлъ иначе. Тотъ въ такихъ бесѣдахъ видѣлъ всю жизнь. Въ томъ-то и дѣло, что надо воспитывать въ человѣкѣ работника для своей страны, такъ, чтобы его влекло къ службѣ народу.

— Ну, да, воспитывать гражданина,—сказалъ Рощинъ.

— Да, гражданина, только не того гражданина, который лишь кричитъ о правахъ, забывая обязанности, и совсѣмъ не годится для упорнаго, будничнаго труда. Гражданинъ—слуга родины, по моему, и родной по духу народу.

Послѣ чая Нееловъ предложилъ гостямъ прогуляться по усадьбѣ и по деревнѣ, прилегавшей къ ней.

Капитолина Игнатьевна, къ которой пришли бабы по дѣламъ, осталась дома.

XIII.

Дмитрій Алексѣевичъ показалъ прежде всего фруктовый садъ, которымъ могъ по справедливости гордиться, такъ какъ самъ былъ „за ученаго садовника"; затѣмъ—хозяйственныя постройки, домикъ, въ которомъ находилась небольшая библіотека и гдѣ по праздникамъ самъ онъ или Капитолина Игнатьевна, а иногда о. дьяконъ читали что-нибудь крестьянамъ.

Вечеръ стоялъ хорошій. Косыми лучами солнце золотило всѣ предметы съ особенной яркостью. Поля словно горѣли въ ласкахъ солнца, сверкая цвѣтами; дорога отъ пыли вдали какъ бы курилась; избы деревни Нееловки, начинавшейся близъ усадьбы, расположенныя въ два ряда по сторонамъ широкой улицы, казались красивыми при вечернемъ освѣщеніи. Прогулка по деревнѣ и по дорогѣ къ лѣсу, освѣщенному послѣдними лучами солнца, привела всѣхъ, особенно Рощина, въ какое-то свѣтлое настроеніе, которое и бодрило, и умиротворяло въ одно и то же время.

— Положительно, я начинаю признавать цѣлебныя свойства деревни, — сказалъ Рощинъ Капитолинѣ Игнатьевнѣ, которую застали на балконѣ.

— Вотъ и прекрасно, — промолвила она. — Въ такомъ настроеніи полезнѣе и закусить. А я угощу васъ такой простоквашей, какой вы навѣрное не ѣли въ городѣ.

— Предвкушаю заранѣе!—воскликнулъ Рощинъ.

И сѣвъ на стулъ, онъ продолжалъ шутливо:

— Если еще въ Рамцахъ я рѣшилъ бросить городъ и пожить въ деревнѣ, то теперь я окончательно подписалъ сіе рѣ-

шеніе. Да, я остаюсь... Ну, Ювеналій, будемъ вмѣстѣ служить деревнѣ не только перомъ, но и... дѣломъ.

— Я могу только поздравить васъ, если вы это говорите не ради шутки,—сказала Неелова.

— Вполнѣ серьезно.

— Вы не раскаетесь и... если только пересилите себя сначала, вы не уѣдете изъ деревни... Да и зачѣмъ? Право, довольно городу поглощать людей вашей профессіи... Сколько умерло молодыхъ... въ нуждѣ... сгорѣло въ борьбѣ... Здѣсь они сохранились бы...

— А что касается работы для деревни, то это, знаете, такая важная цѣль, что ради нея одной стоитъ жить... Мнѣ кажется, что это ужасно скучно—все писать, писать, куда-то посылать другихъ, а самому не дѣйствовать,—прибавилъ Нееловъ.

— Но вы сегодня же сказали, Дмитрій Алексѣевичъ, что писательство—служба уже само по себѣ,—замѣтилъ Рощинъ.

— Ну, да, конечно. И апостолъ сказалъ: „служите другъ другу каждый тѣмъ даромъ, какой получили, какъ добрые домостроители многоразличной благодати Божіей"... Но вѣдь и словомъ и дѣломъ—одному будете служить.

— Да не въ этомъ только дѣло, Дмитрій,—произнесла жена,—а въ смыслѣ прямой пользы для писателя... Знаете, не въ обиду будь сказано,—продолжала она, обращаясь къ Рощину:—читаешь иногда газету или журналъ и видишь: человѣкъ совсѣмъ не знаетъ жизни... Такъ и хочется сказать: да приди, посмотри!.. Прежде, когда въ литературѣ работало много людей деревни, такой легковѣсности не было. Но если нельзя помѣщикамъ или вообще людямъ земли писать безъ таланта, то людямъ таланта можно изучать все на мѣстѣ... Чего самъ не разберешь—эти же деревенскіе люди научатъ, а ты только проводи въ печать.

— А кто же имъ самимъ мѣшаетъ писать?—возразилъ Рощинъ.

— Ну, батюшка,—сказалъ Нееловъ:—я... да и не одинъ, а и другіе, пробовали писать... а иногда и возражать противъ наивностей и лжи... такъ наши писанія бросались... Конечно, можетъ быть, въ литературномъ отношеніи они были и плохи, но мысли вѣрныя... А когда ихъ же излагалъ въ письмахъ и очеркахъ милѣйшій Ювеналій Никандровичъ—журналы давали охотно мѣсто. А это развѣ не полезно? Вообще, еслибы въ деревнѣ жило больше писателей, то и деревня выиграла бы, и писатели также во всѣхъ отношеніяхъ.

— Мнѣ кажется, что общество не особенно высоко смо-

тритъ на современную литературу и писателей... Всѣ эти оваціи... это дѣло юнцовъ... учащейся молодежи, но только не тѣхъ людей, которые сидятъ на землѣ и дѣлаютъ исторію,—сказалъ Рощинъ.

— Ваше признаніе дѣлаетъ вамъ честь,—смѣясь, промолвила Неелова.—Именно честь вашему мужеству... Но здѣсь не вините общество. Когда-то оно очень высоко смотрѣло на литературу и писателей, которыхъ и уважало.

— Да, то были гиганты... и давали большія полотна, а не этюды!—съ горечью произнесъ Рощинъ, котораго, очевидно, тяготила эта мысль.

— О, конечно!—подхватила хозяйка.—У меня большое требованіе къ писателю: по моему, онъ долженъ быть чистъ. Слово и дѣло—одно и то же. Можетъ быть, и нѣтъ дѣла, но вы чувствуете, что за словомъ можетъ послѣдовать дѣло.

— Короче—„Пророкъ" Пушкинскій!—замѣтилъ Рощинъ.—Но въ такомъ случаѣ вы къ писателю предъявляете болѣе строгія требованія, чѣмъ къ пастырю.

— Да, его служба не ниже пастырской... Даже оба съ благодатью Господней. Одинъ черезъ рукоположеніе епископа, а другой прямо отъ Бога...

— Если взять пастырей... гдѣ они? Отцы-Михаилы?—сказалъ Рощинъ.

— Вы назвали отца-Михаила, а я назову о.о. Ѳеодора, Алексѣя, или о. Дмитрія, духовника моей матери.

— Но масса, масса, особенно прежде!

— Прежде? Да прежніе-то, несомнѣнно, лучше были... Грубѣе—да, но это деревенская грубость; она мужика не обижала. Простые, русскіе по духу, вѣрующіе въ простотѣ—они понимали народъ, и онъ—ихъ... Они родные были между собой... А вотъ хуже, какъ пошли модные сельскіе попы, которые такъ держатся, словно имъ стыдно быть батюшками. Они жить хотятъ—по-свѣтскому. Они гонятся за обстановкой, за нарядами... Боже сохрани попадью назвать „матушкой",—обида! Мужикъ—фи! Отъ него пахнетъ... пренебреженіе къ сермяжной паствѣ!.. Нѣтъ, вотъ эти попы-баричи, попы-чиновники, чужіе деревнѣ и мужику, который и имъ чужой, вотъ эти авгуры мнѣ противны!

— Лина, ты сегодня неузнаваема!—сказалъ Нееловъ.—Ты волнуешься,—что съ тобой?

— Это, вѣроятно, Ювеналій Никандровичъ заразилъ меня,—съ улыбкой сказала Капитолина Игнатьевна.—Нѣтъ, мой другъ, я не волнуюсь,—добавила она,—я спокойна, какъ всегда... Но я сказала только правду.

— А если примѣнить ее къ писателямъ,—спросилъ Рощинъ:— прежніе—жрецы, а нынѣшніе—авгуры?

— Если хотите—да, вѣрно: среди нынѣшнихъ—много авгуровъ. Можетъ быть, я ошибаюсь, я—публика, но мнѣ чувствуется, что это такъ... Я понимаю, Ювеналій Никандровичъ, ваше стремленіе жить не литературнымъ трудомъ... не зависѣть отъ платы...

— Но брать за трудъ,—добавилъ Рощинъ.

— Да, брать... но не жить этимъ, какъ ремесленникъ... Знаете ли: тутъ есть, въ двадцати верстахъ отецъ-Алексѣй. Онъ самъ пашетъ, огородничаетъ, переплетаетъ книги... Мнѣ, говоритъ, тяжело продавать благодать св. Духа... Не могу я брать за причастіе, за исповѣдь... Какъ бы торговать Христовымъ словомъ, таинствами...

— Позвольте, но сказано: „трудящійся, да ястъ“,—возразилъ Рощинъ.

— И еще опредѣленнѣе,—подтвердилъ Нееловъ:—„Какой воинъ служитъ когда-либо на своемъ содержаніи? Кто, пася стадо, не ѣстъ молока отъ него?“

— Вотъ видите, Капитолина Игнатьевна!

Всѣ засмѣялись.

Послѣ ужина Рощинъ, поблагодаривъ хозяйку за тѣлесное насыщеніе, попросилъ ее насытить духъ его.

— Это онъ насчетъ Шопена, должно быть,—смѣясь, сказалъ Дмитрій Алексѣевичъ.

— Именно. Не откажите.

Онъ низко поклонился Нееловой.

Капитолина Игнатьевна согласилась, и черезъ нѣсколько минутъ въ залѣ раздались мягкіе и чарующіе звуки Шопеновскаго „Impromptu“.

Поздно, совсѣмъ „не по-деревенски“, какъ выразился Нееловъ, легли спать хозяева и гости. На Рощина музыка подѣйствовала, какъ и всегда, двоякимъ образомъ: она успокоила его раздражительность, „наполнила праздникомъ сердце“ — по его собственнымъ словамъ, пробудила въ немъ поэта и въ то же время лишила его того покоя, при которомъ хорошо спится.

Рощинъ уже раздѣлся и легъ, но вдругъ приподнялся на кровати и окликнулъ Малахова, спавшаго въ той же комнатѣ на кушеткѣ:

— Ювеналій, ты не спишь?

— Нѣтъ еще.

— И не хочешь спать?

— Напротивъ, очень хочу.

— А я не могу совсѣмъ... Меня куда-то тянетъ... мнѣ летѣть хочется... Словно крылья за плечами выросли...

— Это твоя нервность... Выпей холодной воды... графинъ на окнѣ...

— Фу, ты обмѣщанился совсѣмъ, Ювеналій! Пойми, во мнѣ проснулось все, все... Вѣдь я и первую ночь у тебя не спалъ... Чортъ знаетъ... тамъ, въ лабораторіи мысли—никогда не поднимались такіе разговоры... а вотъ вдругъ въ деревнѣ...

— А ты говорилъ еще, здѣсь болото!—возразилъ Малаховъ, зѣвая.

— Но вѣдь Нееловы не такъ же часто... Неужели такихъ много?

— Такихъ не такихъ, а вообще въ деревнѣ и въ провинціи далеко не всѣ спятъ, какъ вы думаете... Ты не суди по газетамъ... Надо умѣть вникать и не вылавливать одно смѣшное да скандальное...

— Нѣтъ, вообрази, Ювеналій, вѣдь какъ вы меня всего перетряхнули... „Поэтъ—пророкъ"... А теперь поэтъ—шутъ, лавочникъ... О, это правда! Я анализирую... У меня мозгъ колышится, а вопросы, а вопросы...

— Ну, выпей воды и ложись! Поговоримъ завтра. Ей Богу, я хочу спать! Я никогда такъ поздно не ложусь... Смотри, совсѣмъ уже свѣтло.

— Фу, буржуй!—смѣясь, промолвилъ Рощинъ.

Онъ помолчалъ и сказалъ:

— Нѣтъ, я не могу спать... Я пойду на террасу... Я чувствую, что у меня напишутся стихи... Я рѣдко ихъ пишу, но сегодня...

Онъ сталъ одѣваться.

— На чемъ же ты будешь писать? — спросилъ Малаховъ, повертываясь на кушеткѣ:— на стѣнахъ террасы?

— У меня всегда съ собой книжка... Спокойной ночи, прозаикъ!

XIV.

Рощинъ, просидѣвшій на террасѣ очень долго (онъ успѣлъ написать не только стихотвореніе, но и набросать эскизъ прозой), проснулся около восьми часовъ. Малахова уже не было въ комнатѣ. Откуда-то доносилось бряканье посуды и слышались голоса... Утро было дивное. Изъ сада несло ароматомъ цвѣтовъ, и воздухъ—теплый, но не жаркій, пропитанный запахомъ зелени

и цвѣтовъ, не сухой и не сырой, а влажный, „ласкалъ легкія“,— какъ выразился про себя Рощинъ. Онъ поспѣшно умылся и только-что сталъ одѣваться, какъ въ комнату вошелъ Малаховъ.

— А, всталъ, наконецъ, поэтъ!—произнесъ Малаховъ, улыбаясь.—Ну, что̀, создалъ великое лирическое произведеніе?

— Да, да, я очень доволенъ... Но скажи, пожалуйста, тамъ уже встали?

— Давно! Мы съ Дмитріемъ Алексѣевичемъ уже были въ полѣ... Иди скорѣе, поданъ завтракъ и самоваръ... Всѣ на террасѣ.

— Кто всѣ?

— Тамъ уже гость, и какой интересный! Это, если хочешь, представитель народной интеллигенціи.

— Какъ народной интеллигенціи? Что̀ это значитъ?

— Ну, крестьянской. Ты думаешь, у народа нѣтъ своей интеллигенціи? Вѣдь что̀ такое интеллигенція: мысль страны?— такъ ты самъ опредѣляешь.

— Ну, да.

— Такъ вѣдь не забудь, что мужицкій міръ совсѣмъ особый, и онъ живетъ и думаетъ не по-нашему... У него своя мысль... И вотъ представители его мысли — это и есть крестьянская интеллигенція.

— Ты какое-то новое дѣленіе выдумалъ!—замѣтилъ Рощинъ, поправляя передъ зеркаломъ галстукъ.

— Ничуть... Ну, идемъ же, идемъ... будетъ тебѣ... хорошъ. Не собираешься ли ухаживать за Капитолиной Игнатьевной?

— Но кто же именно этотъ гость? мужикъ что-ли?—спросилъ Рощинъ, оставляя безъ вниманія ироническое замѣчаніе пріятеля.

— По положенію—да. Но у него свое большое дѣло: производство масла и сыровъ, а кромѣ того—онъ лѣсопромышленникъ. Одинъ изъ сыновей кончаетъ въ Технологическомъ, а другой учится въ Лѣсномъ, и еще двое съ нимъ. Читаетъ много, слѣдитъ за литературой... у него недурная библіотека...

— Такъ это кулакъ, стало быть, а не мужикъ?

— Почему же кулакъ?—возразилъ Малаховъ:—если свое дѣло—сейчасъ и кулакъ? Странные вы, право: у васъ только тотъ и мужикъ, который въ дырявомъ армякѣ и въ лаптяхъ. Да вы къ чему стремитесь? Къ народному благосостоянію?

— Конечно!

— Стало быть, дыры и лапти не идеалъ? А между тѣмъ чуть кто поднялся—сейчасъ кулакъ.

— Но вѣдь на что поднялся? При помощи кого и какъ? На чужихъ спинахъ?

— Эхъ, Авениръ, да вѣдь и мы всѣ, строго говоря, на чужихъ спинахъ, все интеллигентное общество повинно въ томъ, что до сихъ поръ столько лаптей... Твой пиджакъ отъ какого-нибудь Штаркмана, или сторублевый фракъ народолюбца Дмитревскаго—прямо на счетъ лаптей и сермягъ... А развѣ васъ кто зоветъ кулаками?

— Мы на свои это, что заработали... на насъ никто не работаетъ...

— Да Савелій Пафнутьевичъ, котораго ты сейчасъ увидишь, трудится больше нашего... и не меньше всякаго рабочаго... Дай Богъ побольше такихъ кулаковъ, какъ ты говоришь... Идемъ же, Авениръ!

На балконѣ, на своемъ обычномъ мѣстѣ, сидѣла хозяйка, одѣтая въ платье изъ легкой матеріи, сшитое въ видѣ халата; вблизи нея—Дмитрій Алексѣевичъ въ парусиновой блузѣ, а на другомъ концѣ—высокій старикъ, одѣтый въ пиджакъ, изъ-подъ котораго виднѣлся воротъ ситцевой русской рубашки. Брюки были заправлены въ сапоги бураками.

— Савелій Пафнутьевичъ Кіотниковъ,—сказала Неелова, знакомя Рощина со старикомъ, который приподнялся и крѣпко пожалъ руку Рощина своей широкой сильной рукой, шероховатой, „точно неоструганное бревно", какъ подумалъ про себя Рощинъ.

— Можно предложить вамъ яичницы?—спросила Неелова.

Рощинъ не отказался.

— А вамъ позволите еще, Савелій Панфутьевичъ?—обратилась Капитолина Игнатьевна къ Кіотникову.

— Нѣтъ, благодарю-съ... довольно! Я вѣдь и дома еще закусилъ.

— Тогда чаю?

— Это можно.

Рощинъ, разрѣзывая ножичкомъ яичницу, пристально вглядывался въ „представителя крестьянской интеллигенціи". Кіотниковъ былъ старикъ лѣтъ 65-ти, съ серьезнымъ и умнымъ лицомъ, темную кожу котораго избороздили мелкія морщинки, причемъ еще со щекъ не сошелъ былой румянецъ, но онъ уже поблекъ и лишь слегка оттѣнялъ щеки. Сѣрые глубоко-запавшіе глаза смотрѣли вдумчиво изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей. Серебристая борода волнообразно падала чуть не до пояса. Бѣлые густые волосы пышной шапкой покрывали его голову. Прямой носъ придавалъ лицу строгій характеръ.

— А вы меня совсѣмъ забыли, Савелій Пафнутьевичъ,— сказалъ Малаховъ, подсаживаясь къ Кіотникову.

— Дѣловъ много, родной мой, некогда разъѣзжать-то! — отвѣтилъ Кіотниковъ груднымъ голосомъ, упирая сильно на *о*.— Знаешь самъ: я не только капитанъ, а и матросъ на своемъ кораблѣ... Туда — сюда, а годы немаленькіе... хоть здоровьемъ Господь не обидѣлъ, а все же не то, что̀ допрежъ... скорѣй устаешь...

— Вы достаточно поработали, могли бы и отдохнуть теперь,—сказала Неелова.

— Эхъ, барынька моя золотая!—возразилъ старикъ.—Нельзя этого допустить... Сами вы хозяйка, понимать можете... Справедливо слово дѣдовское: „не вѣрь брату родному, а вѣрь своему глазу кривому“... Такъ и есть оно... Я и теперь бы не тронулся, да по дѣламъ надо въ Питеръ, насчетъ, значитъ, поставокъ... Заминка вышла тутъ съ одной фирмой...

Разговоръ направился на масляное производство, которое интересовало Дмитрія Алексѣевича.

— А вы хорошо спали?—спросила хозяйка Рощина, когда онъ подошелъ къ ней, чтобы взять стаканъ чаю.

— Я легъ поздно... вдохновеніе налетѣло.

— Вотъ какъ! Очень пріятно, что наши мѣста...

— Не мѣста, а разговоры, Капитолина Игнатьевна.

— И это пріятно. А въ чемъ же мысль вашего стихотворенія?

— Народное, народное, Капитолина Игнатьевна! Мое покаяніе, если хотите.

— Это интересно...

Дмитрій Алексѣевичъ перебилъ разговоръ.

— Вотъ вамъ, Авениръ Львовичъ, — произнесъ онъ, обращаясь къ Рощину: — вотъ вамъ — сынъ деревни... Меня это радуетъ!..

— Что̀ такое?—спросилъ Рощинъ, ставя стаканъ на столъ и садясь на прежнее мѣсто.

— У Савелія Пафнутьевича,—продолжалъ Нееловъ,—производство сыра и масла... Сынъ его кончаетъ въ Технологическомъ... Я спросилъ его, будетъ ли онъ служить? Такъ Савелій Пафнутьевичъ говоритъ, что не будетъ, а займется своимъ дѣломъ. Это отлично! А то что̀: какъ образованный человѣкъ, такъ и бросаетъ свое дѣло, сейчасъ въ вицъ-мундиръ.

— Это ваше желаніе, или и сынъ вашъ согласенъ съ вами?— спросилъ Рощинъ у Кіотникова.

— Извѣстно, и его, — отвѣтилъ Кіотниковъ, который держался степенно и говорилъ медленно.

„Совсѣмъ бояринъ старый",—подумалъ Рощинъ.

— Нéшто силкомъ чего добьешься, — продолжалъ Кіотниковъ, съ легкой усмѣшкой:—человѣкъ только то и дѣлаетъ, что̀ ему любо... тогда и трудъ нипочемъ, — иначе все скучно и непріятно...

— Значитъ, вы убѣдили сына?

— Ничего я его не убѣждалъ... а самъ онъ убѣдился... съ дѣтства я его такъ велъ... Онъ потому и дальше пошелъ, что захотѣлъ дѣло самъ вести... Вотъ другой, Михайло—не любитъ нашего дѣла — тотъ все по лѣсной части... Что же, его воля... всякое дѣло—дѣло... Только бездѣльничанье худо.

Кіотниковъ почесалъ всей пятерней щеку и произнесъ, обращаясь къ Малахову:

— А я съ Патрикѣевымъ о васъ говорилъ... Онъ, знаете, нападалъ на васъ и Дмитрія Алексѣевича, а я за васъ стоялъ.

— Это насчетъ пріюта?—спросилъ Нееловъ.

— Да, да... не любо ему. „Чаво, говоритъ, для этихъ сопливыхъ дѣвчоновъ и мальчишекъ такіе институты заводить... одна порча..."

— Да какіе же это институты?—съ удивленіемъ произнесъ Малаховъ.

— Я ему уже говорилъ, что у васъ будетъ все не такъ, что не барышенъ станете воспитывать, а къ дѣлу пріучать... да съ нимъ не сговоришь.

— Упрямъ онъ,—сказалъ Нееловъ.

— Нѣтъ, это не то, — возразилъ Кіотниковъ: — очень ужъ онъ мужика не любитъ... Злобится на него...

— За что же? — спросилъ Рощинъ, который внимательно прислушивался къ словамъ старика.

— За что? А за то, что мужикъ изъ рукъ его выскользнулъ... Былъ мужикъ въ кулакѣ у него,—и выскользнулъ...

Эти слова понравились Рощину и какъ бы сразу расположили его въ пользу Кіотникова.

— Значитъ, Патрикѣевъ крѣпостникъ, — сказалъ Авениръ Львовичъ:—и не любитъ мужика?

Кіотниковъ помолчалъ съ секунду и произнесъ:

— А кто его любитъ-то?

— Ну, какъ же! да вотъ Дмитрій Алексѣевичъ, напримѣръ... да и мой другъ Ювеналій...

Кіотниковъ усмѣхнулся.

— Дмитрій Алексѣевичъ въ счетъ не идетъ... я говорю вообще... А касательно Ювеналія Никандровича...

Кіотниковъ полуобернулся въ сторону Малахова и, глядя на него съ доброй, дружеской улыбкой, продолжалъ:

— Касательно Ювеналія Никандровича—такъ надо сказать: тщится полюбить... Можетъ, и полюбитъ, какъ душу мужицкую всю раскуситъ... Да опять и онъ не чета многимъ... онъ зря не ломаетъ ничего... А злобиться ему что же... У него ничего не отнимали...

— Вы подозрительны очень,—сказалъ Рощинъ:—вамъ кажется, что безкорыстно нельзя любить мужика...

— Эхъ, господинъ,—качая головой, отвѣтилъ Кіотниковъ,—все вы о любви, да о любви... Да какъ любить того, кого не знаешь?

— Я, можетъ быть, но другіе...

— И другіе также. Кто же эти другіе? Вотъ Дмитрій Алексѣевичъ знаетъ... а почему? потому что хочетъ знать... А сколько есть господъ—живутъ среди мужика, а знаютъ его меньше, чѣмъ китайца. О томъ въ книжкахъ написано, а о мужикѣ если въ книжкахъ и есть что̀, такъ еще правда ли? Съ моимъ Константиномъ — это старшій сынъ мой — пріѣзжалъ гостить студентъ одинъ... Малый хорошій... тоже народолюбецъ... „Я—говоритъ—знаю мужика“.—„А гдѣ же—говорю—вы его узнали?“—„Я въ деревнѣ жилъ два лѣта на урокахъ и бесѣдовалъ съ мужиками“... Вотъ видите, какое знаніе! Ему простительно, потому что юноша, чего требовать? А вѣдь часто умные и ученые люди въ книжкахъ то же самое пишутъ. А что̀ они узнали? Сколько воздуха въ избѣ мужика? Это измѣрили. Что̀ онъ ѣстъ, много ли у него скотины — это узнали. Ну, а душу-то мужицкую дознали ли? Душа-то его такъ и осталась потемками.

— Кто же виноватъ?—возразилъ Рощинъ.—Интеллигенція стремится узнать народную душу. Самъ мужикъ виноватъ, если онъ прячется въ себя и не довѣряетъ...

— А почему бы ему и довѣрять?—спросилъ Кіотниковъ.—Кто его въ этой вѣрѣ-то укрѣплялъ, господинъ мой? Помѣщики что-ли? Такъ вѣдь, не въ обиду будь сказано Дмитрію Алексѣевичу и барынѣ хорошей,—вѣры такой помѣщики въ себя не дали. Вы говорите: интеллигенція (Кіотниковъ выговорилъ слово правильно, но очень медленно, подчеркивая, какъ бы съ трудомъ), то есть, по просту сказать, люди образованные,—а кто же они такіе? Начальство различное? Такъ нѣшто оно въ деревнѣ душу изучаетъ мужицкую? Ему этого совсѣмъ не надобно. Его забота насчетъ податей, либо по части суда...

— А духовенство? Оно-то имѣетъ уже дѣло съ душами.

— Опять тоже: такъ и не такъ. Мужикъ передъ попомъ исповѣдуетъ грѣшную душу, да вѣдь грѣхи—у всѣхъ грѣхи. Ну, у крестьянина развѣ что ругань особливая—мужицкая, а то чѣмъ грѣхи отъ другихъ отличаются? Ну, укралъ, обманулъ,—такъ вѣдь это и у всѣхъ такъ же... Разсказалъ все попу—и конецъ. Нонѣ времена-то другія, господинъ мой, не какъ въ первые вѣка. Я читалъ... Церкви-то мало видать, а храмъ остался. Стало быть, о душахъ опять заботы мало.

Послѣднія слова Кіотникова прямо поразили Рощина.

— Вы высказали глубокую мысль!—восхищенно воскликнулъ онъ.—Да, *Церкви* мало, а храмъ остался.

Рощинъ посмотрѣлъ на хозяйку и промолвилъ:

— Вы согласны?

— Да, фактъ справедливъ, но это тѣмъ болѣе обязываетъ всѣхъ насъ работать среди народа. Церковь составляютъ и духовенство, и міряне вмѣстѣ.

— Но если народъ не вѣритъ намъ? За что — это другое дѣло. Но вотъ Савелій Пафнутьевичъ самъ сейчасъ сказалъ это. Вы знаете, образованные люди шли толпами въ народъ, но онъ имъ не вѣрилъ. Вѣдь такъ?—закончилъ Рощинъ, обращаясь уже опять къ старику.

— Совершенно вѣрно,—отозвался Кіотниковъ,—да мужикъ ихъ и не понималъ. Ни они его, ни онъ ихъ, точно на разныхъ языкахъ говорили. Жалость просто! Я встрѣчалъ ихъ... не одного... Ребята и полно!.. Милые вы мои, говорю я одному такому, да вы географіи-то учились? Ну, ладно... объ индѣйцѣ-то читали? Такъ вы хоть мужика-то чуточку узнайте. Не учите его ничему, а его-то сперва узнайте. Въ друзья къ нему ладитесь. Доброе дѣло. Только встарину еще это сложено было: „будь другъ, да не вдругъ". Прочнѣе такъ-то. Одинъ мнѣ и говоритъ: „Нечего намъ учиться, мы должны его учить. Онъ, напримѣръ, думаетъ, что земля на трехъ китахъ стоитъ. Надо его разувѣрить или нѣтъ? Горячій такой! Видать, что сердце хорошее и пламенное. Проку-то мало". Я и сказалъ ему: милые вы мои, о землѣ-то да о солнцѣ въ школѣ мужику безъ васъ учителя все разскажутъ, не заботьтесь. Да вѣдь вы не о солнцѣ пришли учить, а о томъ, какъ лучше жизнь устроить. Съ этимъ онъ согласился. Ну, говорю ему, если такъ, такъ надо сперва узнать, гдѣ для мужика жизнь, что ему требуется, въ чемъ его счастье? Вамъ-то одно нравится, а намъ, можетъ, другое. А пословица вѣрно говоритъ: „не корми меня тѣмъ, чего я не ѣмъ". Вы для

себя и старайтесь, а насъ-то въ покоѣ оставьте... мы по-вашему жить не хотимъ. Пущай вы умные, да вѣдь и у насъ голова на плечахъ, а не кочанъ капусты. Извѣстно, за чужой головой легче жить, да тошно... По чужой-то дудкѣ мы и до васъ наплясались... Довольно!

— Позвольте, тогда чтò же: наша служба въ деревнѣ не нужна? — произнесъ Рощинъ, растерянно посмотрѣвъ на Малахова и на Нееловыхъ.—А вы еще объ руководителяхъ народомъ говорили вчера, Капитолина Игнатьевна,—добавилъ онъ.

— Я остаюсь при своемъ,—отвѣтила Неелова,—да Савелій Пафнутьевичъ, я думаю, не противъ такого руководительства, которое не ломаетъ народныхъ воззрѣній, не говоритъ мужику:— „вотъ, нà тебѣ, чтò, по-моему, нужно"... а, напротивъ, узнавъ, чтò ему надо, говоритъ: „нà то, чтò тебѣ нужно". Тàкъ вѣдь, Савелій Пафнутьевичъ?

— Конечно, такъ, — произнесъ Кіотниковъ съ разстановкой,—и это будетъ, такъ молвить, добрая послуга, отъ нея мужикъ не откажется.

— А я вотъ хочу въ деревнѣ поселиться и послужить ей. Хорошо дѣлаю?—задалъ вопросъ Рощинъ.

— Добро, если только не заберетесь въ командиры. Вотъ Ювеналій Никандровичъ живетъ и помощь оказываетъ. Спасибо ему! Онъ мужику служитъ, и тотъ ему отплачиваетъ.

— Чѣмъ же?

— А тоже учитъ, чему бы ему въ городѣ не научиться. Узнаетъ доподлинно и другимъ поразскажетъ, глядишь — и мужика будутъ знать не меньше, чѣмъ китайца какого. Мужикъ въ долгу не останется, господинъ хорошій. Поживешь въ деревнѣ—ума наберешься, какого и книги не дадутъ. Ну, а если съ тѣмъ явишься, чтобы на свой манеръ учить—ничего и не выйдетъ. Оно, положимъ, смутить можно, примѣры бывали, ну, да ужъ избави Богъ за этимъ дѣломъ въ деревню идти.

— Значитъ, все-таки можно написать на мужицкой душѣ чтò хочешь?—задорно спросилъ Рощинъ.

— Мужикъ мужику рознь, господинъ. Клима да Парфена смутишь, а всѣхъ—нѣтъ.

— Ну, да,—подхватилъ Малаховъ.—Кое-кого изъ мужиковъ можно смутить, а душу народную съ пути не свернешь.

— Истинно такъ, дорогой мой!

Рощинъ посмотрѣлъ на Кіотникова и промолвилъ:

— А это у васъ рѣшенное дѣло, что ваши сыновья не пойдутъ на службу, а займутся своимъ дѣломъ?

— Должно быть, рѣшенное. Да и зачѣмъ идти въ работники, когда можно быть хозяиномъ? Какой интересъ? Я, вотъ, работаю не меньше всякаго работника, и мнѣ это не тяжело — свое дѣло, а чужое всегда чужимъ и останется. Я, вотъ, чтобы работниковъ заинтересовать, такъ завелъ: отъ чистой прибыли имъ кое-что удѣляю, и они работаютъ охотнѣе. А все жъ каждый, поди, о своемъ дѣлѣ думаетъ. Смекаю, что Максимъ уйдетъ скоро, самъ хозяйничать задумалъ. Дай Богъ! Работникъ хорошій, я ему и подмогу обѣщалъ... человѣкъ стоющій... На меня моего хватитъ, отчего же и не поддержать другого?

— Не налить ли вамъ еще чаю, Савелій Пафнутьевичъ?— предложила Неелова.

— Да, плесните, барынька, плесните! Попью, да и въ путь пора. Еще въ Рамцахъ есть дѣло. Вотъ что худо стало: народъ ослабъ, слово не держитъ... дѣлать дѣло трудно съ такимъ народомъ... Вотъ, хотя бы водка, господинъ, — обратился Кіютниковъ къ Рощину:—водка всему пагуба. Эхъ, не ладно тутъ у насъ! Слыхалъ я, что есть такія страны, гдѣ водку какъ лекарство отпущаютъ—это вотъ дѣло! А у насъ и не хотятъ, да велятъ лавку открывать... пей, молъ, мужичокъ! Тутъ чего ужъ!

— А вы читали Некрасова?—спросилъ Рощинъ.

— Очень даже люблю его, господинъ...

— Ну, а помните у него это: „не водись-ка на свѣтѣ вина, тошенъ былъ бы мнѣ свѣтъ... и, пожалуй, силенъ сатана! натворилъ бы я бѣдъ“... помните?

— Какъ же, господинъ... Я Некрасова очень уважаю, и хотя память слабнетъ, многое наизусть помню... Еще въ молодости учено... Можно сказать, изъ всѣхъ сочинителей особенно люблю Некрасова.

— Но вотъ же онъ...

— Это что же, господинъ мой: это вродѣ шутки... Не такія пѣсенки у него, другія-то... Такъ что брать... Это все равно, что начетчики старовѣрскіе: выхватятъ одну строчку изъ писанія и суютъ въ носъ: „видите, мы правы“... Да строчка одна что? Надо все брать и соображать, какъ выходитъ, какое положеніе...

— А моего ничего вы не читали?—спросилъ Рощинъ.

— Книжки вашей не читалъ, не было у меня... въ журналахъ какъ будто встрѣчалъ вашу фамилію, припоминаю... Получалъ я „Пчелу“... не было ли тамъ чего вашего, господинъ?

— Было... повѣсть моя была и стихи...

— Ну, вотъ, вотъ... „О заброшенныхъ дѣтяхъ“... это ваша?

— Моя.

— Теперь припоминаю... По-божески написано... Душевно... Заступились за „малыхъ сихъ“... Это хорошо... Я вѣдь хоть и читаю, а человѣкъ необразованный, самоучка, и обо всемъ по-своему сужу... можетъ, и не ладно, да все думаю: пусть и такъ, а зато по-своему, на чтò же и голова дана. Такъ вотъ, господинъ хорошій, я такъ разсуждаю: ужъ если печатать, такъ такое, чтобы хорошему учило, о правдѣ и Богѣ напоминало... Люди и то копошатся въ грязи, пò-уши ушли въ грязь... чего ихъ еще толкать глубже; надо вытаскивать... и такъ, того гляди, захлебнутся... А возьмешь другую книжку: весело, да и похоже на то, что кругомъ видишь, а читать не хочется, потому что еще тошнѣе становится: думалъ отдохнуть отъ житейской-то слякоти, а тутъ, тебѣ то же самое... Да на чтò мнѣ? Я и самъ вижу, какъ свиньи въ грязи валяются... Хочется узнать, какъ безъ грязи-то жить можно. Да вѣдь и живутъ...

— Будете, господинъ, въ деревнѣ жить, да хозяйствомъ заниматься—все полюбите... Оттого и деревня хороша для человѣка, что любовь ко всякой твари и всякому растенію развиваетъ въ сердцѣ... Въ городѣ не то... Тамъ и глазъ, и сердце къ иному прилѣпляется: не къ тому, чтò Богомъ на пользу дано, а чтò человѣкомъ на пагубу выдумано... Ты это чтò же, Ювеналій Никандровичъ, уголокъ-то себѣ долго не покупаéшь, а? — вдругъ закончилъ Кіотниковъ, обращаясь къ Малахову.

— Денегъ мало, Савелій Пафнутьевичъ.

— Передъ деньгами... А сколько есть-то? Коли есть фундаментъ, такъ заѣзжай, поговоримъ въ сурьезъ... можетъ быть, на первый-то этажъ у меня найдется... Ну, вѣстимо, слуплю процентъ здоровенный!

Старикъ впервые громко засмѣялся. Смѣхъ его былъ также на ò, какъ у всѣхъ людей великодушныхъ и смѣлыхъ.

— И мнѣ дадите? тогда бы я сталъ строиться, — сказалъ Рощинъ.—Или не посовѣтуете мнѣ?

— Отчего не строиться, стройтесь, господинъ хорошій,—отвѣтилъ Кіотниковъ.—Только помните,—наставительно добавилъ Савелій Пафнутьевичъ: — „никто не можетъ положить другого основанія, кромѣ положеннаго, который есть Іисусъ Христосъ“. Знаете, чьи это слова, господинъ хорошій?

— Признаюсь, нѣтъ.

— Вотъ и видать, что писаніе-то священное мало читаете... а оно, кажется, свѣтскаго-то стòитъ... Это апостолъ Павелъ сказалъ... великій апостолъ былъ, да-съ...

— Это чтò же: иносказательно понимать?

— Ужъ тамъ какъ хотите, господинъ хорошій,—отвѣтилъ Кіотниковъ съ добродушной улыбкой.

Онъ поднялся со стула и добавилъ:

— Ювеналій Никандровичъ—особь статья... Онъ нà мѣстѣ... Знаете, господинъ мой: „не учи словами, а учи дѣлами"... Вашъ другъ и мнѣ другъ... а потому и люблю его, что онъ нитку-то не раскручиваетъ, а сидитъ, да крутитъ... Глядючи на него, и другому стыдно баловствомъ заниматься... Смекаете, господинъ хорошій?

И, не дожидаясь отвѣта, Кіотниковъ обратился къ хозяину:

— Идемъ-ка, Дмитрій Алексѣевичъ.

Въ этотъ мигъ на балконъ вошла горничная.

Она подошла къ Капитолинѣ Игнатьевнѣ и что-то шепнула ей.

— Кто это тебѣ сказалъ?—спросила Неелова.

— Сейчасъ Дементій пріѣхалъ изъ Рамцевъ,—уже громко отвѣтила дѣвушка.

— Чтò такое?—тревожно спросилъ Малаховъ.

— Вы не пугайтесь... Въ Рамцахъ ночью случился пожаръ... но это отъ васъ далеко...

Малаховъ всталъ съ мѣста.

— Все равно... Надо сейчасъ ѣхать!.. Кто такой Дементій? гдѣ онъ? Можно его видѣть?

— Онъ на дворѣ,—отвѣтила горничная.—Позвать его?

Малаховъ самъ отправился въ людскую.

Оказалось, что пожаръ былъ не изъ обыкновенныхъ—сгорѣло болѣе двадцати домовъ.

— Какъ есть весь порядокъ въ Глиняномъ переулкѣ выгорѣлъ,—разсказывалъ Дементій:—страшенный пожаръ... Думали, что и аптека сгоритъ... Головешки-то до вокзала долетали... Затушили теперь, а все еще тлѣетъ. Господи, сколько бѣдноты-то теперь безъ всего осталось!

— Отчего загорѣлось? не знаешь?

— Кто жъ его знаетъ! Болтаютъ, будто евреи со злости запалили, значитъ, въ отместку за Рахиль, зачѣмъ ее окрестили.

— Чтò за вздоръ, это не можетъ быть! — сказалъ Малаховъ.

Возвращаясь въ домъ, онъ столкнулся на дворѣ съ Нееловымъ и Кіотниковымъ.

— Я сейчасъ ѣду, — объявилъ Малаховъ. — Можетъ быть, лошади заняты у васъ, такъ я возьму въ деревнѣ.

— Вотъ еще выдумали! Конечно, моихъ возьмите... Да я съ

вами тоже поѣду. Надо узнать, можетъ быть, помощь понадобится...

Малаховъ былъ очень встревоженъ за жену. Черезъ часъ со двора усадьбы выѣхали два экипажа: впереди—легкая бричка, въ которой сидѣлъ Кіотниковъ, а за ней—коляска, въ которой помѣщался Нееловъ съ гостями.

Александръ Кругловъ.

ИЗЪ

ДНЕВНИКА

НА ВОЙНѢ 1877—78 ГОДОВЪ.

1878-ой годъ

1-ое января — 17-ое апрѣля.

IV *).

14 февраля — 15 марта.

14 февраля.—Сегодня въ 12 ч. дня получена шифрованная телеграмма Государя, отъ 10 ч. 20 м. (утра или вечера, неизвѣстно) 13-го февраля:

„Прошу тебя не терять изъ вида указаній моихъ въ телеграммѣ третьяго февраля относительно мѣръ охраненія Босфора [1]). Соглашеніе по этому предмету съ турецкимъ правительствомъ тѣмъ желательнѣе, что, вѣроятно, ты затруднился бы вооружить укрѣпленія Босфора нашею артиллеріею соотвѣтствующихъ калибровъ. Притомъ, для надежнаго охраненія Босфора, желательно занять оба его берега".

Такимъ образомъ, неисполнимое требованіе отъ 3-го февраля о занятіи укрѣпленій Босфора съ согласія султана — дополнено теперь еще менѣе исполнимымъ пожеланіемъ занять оба берега

*) См. выше: май, стр. 5.

[1]) Въ телеграммѣ этой, полученной 4 февр., повелѣно было: „Въ случаѣ попытки англійскихъ судовъ въ сторону Босфора, постараться занять, съ согласія султана, нѣкоторыя изъ укрѣпленій европейскаго берега".

и не пропускать англійскую эскадру, для чего и воспользоваться турецкою береговою артиллеріею съ согласія султана. Намекъ на это достаточно ясенъ: *у насъ вѣдь нѣтъ другой артиллеріи, кромѣ полевой, да и той на лицо очень мало!*

Задача немыслимая. Великій Князь очень взволновался этою телеграммою. Цѣлый день онъ видимо обдумывалъ, что отвѣчать, но ни съ кѣмъ на этотъ счетъ не совѣтовался (только высказывался) и наконецъ вечеромъ самъ составилъ и приказалъ зашифровать слѣдующую телеграмму:

„Получилъ твою шифрованную телеграмму отъ 13-го числа. Все буду имѣть въ виду, но задача при теперешнихъ обстоятельствахъ весьма трудная, благодаря близкому сроку конференціи, который, съ тѣхъ поръ что сталъ извѣстенъ туркамъ, оказываетъ вредное вліяніе на наши переговоры съ ними тѣмъ, что они, видимо, нарочно начали затягивать дѣло“.

Вечеромъ получена еще слѣдующая телеграмма отъ великаго князя Константина Николаевича, отъ 12 час. сегодня:

„Государь приказываетъ тебѣ передать, что онъ желалъ бы, чтобы гвардейскій экипажъ былъ тобою употребленъ при оборонѣ Босфора или сухимъ путемъ, или черезъ Одессу моремъ, если оно свободно отъ непріятеля“.

Эта телеграмма интересна лишь какъ подтвержденіе, до чего крѣпко засѣла мысль о возможности заградить англійскому флоту доступъ въ Босфоръ, несмотря *на полное отсутствіе у насъ какъ флота, такъ и артиллеріи большого калибра*, единственно способной бороться съ англійскою судовою артиллеріею. Просто непостижимо, откуда могла явиться и созрѣть подобная мысль. Великій Князь предполагаетъ, что она внушена Государю, конечно черезъ военнаго министра, Обручевымъ, такъ какъ только въ его головѣ могъ родиться столь фантастическій планъ. Въ подтвержденіе своего предположенія, Великій Князь вспоминалъ о запискѣ Обручева, поданной имъ въ 1876 г., осенью, когда Государь былъ въ Ливадіи: въ запискѣ этой доказывалось, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ можно пройти отъ Дуная до Константинополя.

Эту собственноручную записку Обручева, вмѣстѣ съ другою его же запискою, составленною 23-го марта 1877 г., Великій Князь мнѣ передалъ впослѣдствіи.

Съ перваго же дня прибытія въ Санъ-Стефано я засѣлъ за пересоставленіе и дополненіе отчета Государю, начатаго еще

въ Адріанополѣ. Вчера вечеромъ читалъ его Великому Князю, ночью переписывалъ, а сегодня Великій Князь его подписалъ и отправилъ (на пароходѣ въ Одессу) со своимъ ординарцемъ, лейбъ-гвардіи семеновскаго полка поручикомъ Скарятинымъ. Вмѣстѣ съ нимъ былъ посланъ сынъ графа П. А. Шувалова, молодой графъ П. П. Шуваловъ, только въ прошломъ году произведенный въ офицеры въ 24-ую артиллерійскую бригаду и состоявшій во все время войны ординарцемъ при отцѣ.

Привожу теперь извлеченіе изъ отчета отъ имени Великаго Князя:

„Съ 1-го февраля, когда я отправилъ послѣдній отчетъ мой Вашему Величеству, положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось. Политическія затрудненія, возвѣщенныя мнѣ Вашимъ Величествомъ, побудили меня принять немедленныя мѣры къ усиленію готовности возобновить военныя дѣйствія...

„4-го февраля, по окончательномъ разъясненіи видовъ Вашего Величества, я сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія какъ для подготовки мирнаго вступленія въ Константинополь, въ случаѣ согласія на то султана, такъ и для занятія его силою, въ случаѣ отказа впустить насъ туда добровольно. При этомъ я объявилъ турецкимъ уполномоченнымъ, что, въ виду переполненія Константинополя войсками и бѣжавшимъ мусульманскимъ населеніемъ, я не желаю стѣснять правительство султана и беру на себя сдѣлать ему снисхожденіе: въ самый Константинополь не вступлю, а ограничусь занятіемъ его предмѣстья Санъ-Стефано.

„Отвѣтъ на мое предложеніе относительно Санъ-Стефано обѣщанъ былъ 8-го февраля вечеромъ, причемъ турецкіе уполномоченные дали понять, что почти увѣрены въ томъ, что султанъ пригласитъ насъ съ полною готовностью самъ.

„Но однако отвѣта къ условленному сроку не было: турки, очевидно, медлили умышленно. Въ виду этого, я 9-го февраля призвалъ къ себѣ Савфета-пашу и рѣшительно объявилъ ему, что если къ 6 часамъ утра 11-го февраля я не получу приглашенія или согласія султана вступить въ Санъ-Стефано, то вступлю туда самъ и займу при этомъ всѣ тѣ пункты, какіе найду нужнымъ. Стрѣлять первый не буду, но еслибы турки вздумали воспротивиться моему вступленію, то не задумаюсь настоять на своемъ насильно. Выѣзжаю изъ Адріанополя во всякомъ случаѣ въ 6 ч. утра 11 февраля, а затѣмъ, когда доѣду до Чаталджи, то слѣдую далѣе въ Санъ-Стефано, смотря по обстоятельствамъ, какъ другъ или какъ врагъ, но иду туда непремѣнно. Его, Савфета, и всю его свиту беру съ собою. Что же касается до

войскъ, то сосредоточиваю ихъ къ демаркаціонной линіи немедленно, съ тѣмъ, чтобы въ 6 час. утра 11-го февраля они ее во всякомъ случаѣ перешли.

„Савфетъ-паша принялъ мое заявленіе къ свѣдѣнію, повторилъ, что не сомнѣвается въ благопріятномъ отвѣтѣ султана, и завѣрилъ меня, что къ назначенному сроку отвѣтъ непремѣнно будетъ. Дѣйствительно, въ ночь съ 10-го на 11-е февраля онъ получилъ и 11-го утромъ, уже въ вагонѣ, сообщилъ мнѣ, что султанъ согласенъ на вступленіе мое въ Санъ-Стефано, но съ тѣмъ, чтобы я взялъ съ собою не 10.000, а 1.500 чел. войскъ и размѣстилъ ихъ въ трехъ пунктахъ: въ Санъ-Стефано, въ Кучукъ-Чекмедже и Буюкъ-Чекмедже. На это я возразилъ, что мнѣ, какъ побѣдителю, не приходится принимать такія условія, и разъ что турки позволяютъ себѣ указывать мнѣ — объявляю, что въ отвѣтъ на это я проведу за демаркаціонную линію уже не 10.000 человѣкъ, а столько, сколько найду нужнымъ; при этомъ требую, чтобы всѣ тѣ пункты, которые будутъ мною избраны для расположенія нашихъ войскъ, были очищаемы турецкими войсками немедленно по приближеніи нашихъ. А въ доказательство того, что я все-таки вступаю въ константинопольскія предмѣстья безъ всякихъ враждебныхъ намѣреній — прикажу объявить по войскамъ, чтобы никто не смѣлъ переступать, подъ страхомъ смертной казни, ту черту, которую я назначу. Турецкимъ же войскамъ предоставляю вполнѣ свободно отходить и увозить, не торопясь, все свое имущество; а турецкимъ подданнымъ—полную свободу передвиженій какъ въ предѣлахъ занимаемаго мною раіона, такъ и изъ него въ Константинополь и обратно.

„Савфетъ-паша съ покорностью принялъ мое заявленіе.

„Прибывъ около 6-ти час. вечера 11-го февраля въ Чаталджу, я нашелъ тамъ всю среднюю колонну Скобелева 2-го въ полной готовности, произвелъ ей смотръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, узналъ, что два головные поѣзда, отправленные 10-го февраля впередъ, съ собственнымъ Вашего Величества конвоемъ и сводно-гвардейскою конвойною Вашего Величества ротою, были задержаны турками на демаркаціонной линіи. Чтобы устранить всякія дальнѣйшія недоразумѣнія, я послалъ впередъ, на дежурномъ локомотивѣ, турецкаго полковника Таиръ-бея (находившагося уже нѣсколько дней при генералѣ Скобелевѣ 2-мъ, къ которому онъ былъ присланъ Мухтаромъ-пашой), въ сопровожденіи двухъ нашихъ офицеровъ, объявить туркамъ, что я не привыкъ къ неисполненію моихъ приказаній, настаиваю на немедленномъ исполненіи,

ѣду вслѣдъ за ними и требую безпрепятственнаго пропуска. Колоннѣ Скобелева я приказалъ оставаться на мѣстѣ впредь до особаго приказанія.

„Все уладилось благополучно, и около 4-хъ часовъ утра 12-го февраля я прибылъ въ Санъ-Стефано, гдѣ былъ встрѣченъ съ величайшею предупредительностью и вниманіемъ турецкимъ военнымъ министромъ Реуфомъ-пашой и бывшимъ главнокомандующимъ Мехмедомъ-Али-пашой, а также греческимъ духовенствомъ, которое вышло съ хоругвями и свѣчами. При этомъ я въѣхалъ въ мѣстечко верхомъ, предшествуемый духовенствомъ съ иконами, хоругвями и зажженными свѣчами; турецкіе же паши, не имѣя лошадей, поневолѣ шли за мной пѣшкомъ. Конвой мой, отправленный, какъ сказано выше, впередъ, былъ задержанъ на одной изъ промежуточныхъ станцій, чтобы пропустить мой поѣздъ, такъ что я прибылъ въ Санъ-Стефано только въ сопровожденіи моей свиты, при собственномъ Вашего Величества конвоѣ и одной ротѣ конвойнаго баталіона.

„Между тѣмъ, головныя войска гвардейскаго корпуса, назначенныя мною для перехода демаркаціонной линіи, заняли 11-го февраля Кучукъ-Чекмедже, а 12-го вступили въ Санъ-Стефано.

„Генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ, выступивъ, какъ было назначено, въ 6 час. утра, прошелъ безпрепятственно Каликратъ и Беюкъ-Чекмедже и встрѣтилъ ординарца генералъ-адъютанта Гурко, возившаго письмо сего послѣдняго къ Мухтару-пашѣ. Офицеръ этотъ доложилъ графу, что Мухтаръ принялъ его довольно сухо и выразилъ удивленіе, что русскіе подвигаются такъ быстро, что даже не даютъ ему времени спокойно отойти. Въ виду этого извѣстія, ген.-адъют. графъ Шуваловъ, чтобы предупредить всякія непріятныя недоразумѣнія, послалъ къ Мухтару-пашѣ свиты Вашего Величества генералъ-маіора Скалона и генеральнаго штаба подполковника Скугаревскаго, съ приказаніемъ заявить ему, что онъ, графъ Шуваловъ, имѣетъ предписаніе занять сегодня же Кучукъ-Чекмедже, Галатарію, Фурію и С.-Стефано, и долженъ исполнить это во что бы то ни стало и не взирая ни на что, о чемъ и считаетъ долгомъ предупредить Мухтара-пашу. Но въ виду тѣхъ затрудненій, съ которыми сопряженъ вывозъ артиллеріи и прочихъ военныхъ тяжестей, графъ Шуваловъ взялъ на себя предложить туркамъ: оставить все это на мѣстѣ, подъ охраною турецкихъ часовыхъ, и вывезти потомъ помаленьку, ручаясь за полную сохранность турецкаго имущества.

„Г.-м. Скалонъ, при проѣздѣ черезъ Кучукъ-Чекмеджейскій

мость, былъ встрѣченъ какимъ-то арабомъ, который спросилъ его, въ чемъ дѣло, попросилъ слѣдовать за собой и провелъ, но однако не къ Мухтару, а къ дивизіонному генералу Осману-пашѣ. Паша этотъ принялъ Скалона чрезвычайно любезно, но, видимо, старался оттянуть время, задерживая его любезными приглашеніями отдохнуть, выпить кофе и т. д. Впрочемъ, когда Скалонъ рѣшительно объявилъ, что долженъ видѣть Мухтара немедленно, Османъ-паша приказалъ проводить его къ нему. Оказалось, однако, что Мухтаръ уѣхалъ въ Константинополь, такъ что Скалонъ вынужденъ былъ вернуться и вступить въ переговоры съ Османомъ, какъ старшимъ. Османъ, выслушавъ предъявленное ему требованіе, попросилъ Скалона дать его письменно. Только-что онъ кончилъ писать, какъ пришло извѣстіе о прибытіи самого военнаго министра Реуфа-паши, чему Османъ, видимо, очень обрадовался. Скалонъ тотчасъ же поѣхалъ навстрѣчу турецкому сановнику, представился и передалъ все, что было приказано. Реуфъ-паша принялъ его чрезвычайно привѣтливо, и не только ничего не возражалъ, но даже выразилъ пріятное удивленіе, когда услышалъ, что все турецкое военное имущество можетъ быть спокойно вывезено. Онъ просилъ только, не можетъ ли графъ Шуваловъ повременить до утра, выѣхавъ съ вечера лишь лично съ конвоемъ. Скалонъ отвѣтилъ, что ему объ этомъ ничего не приказано, и что паша можетъ лично переговорить объ этомъ съ графомъ Шуваловымъ, причемъ, вѣроятно, убѣдится, что русскіе вступаютъ не врагами, а друзьями. Реуфъ-паша любезно отвѣчалъ, что въ этомъ увѣренъ, и что желалъ бы упроченія этой дружбы навсегда. Послѣ этого Скалонъ поѣхалъ обратно къ графу Шувалову. Послѣдній, выслушавъ его, приказалъ войскамъ продолжать слѣдованіе, а самъ со своимъ штабомъ и конвоемъ поскакалъ впередъ для личнаго свиданія съ Реуфомъ-пашой. Доѣхавъ до С.-Стефано, онъ встрѣтилъ Мехмеда-Али-пашу, который былъ чрезвычайно привѣтливъ и, между прочимъ, сказалъ ему: „Мы уже въ продолженіе двухъ дней приготовляемся встрѣтить русскихъ, и я буду счастливъ видѣть Е. И. В-во“. Въ это время подъѣхалъ и Реуфъ, который отнесся къ графу Шувалову съ величайшею предупредительностью и любезностью, пригласилъ его обѣдать, велѣлъ приготовить для него поѣздъ для обратнаго переѣзда въ Кучукъ-Чекмедже и въ разговорѣ замѣтилъ, что онъ приготовилъ бы все необходимое для нашихъ войскъ (фуражъ, сѣно, дрова и проч.), еслибъ ему дали два дня времени. Предупредилъ, что во всемъ этомъ будетъ на первое время большой недостатокъ, но что онъ немедленно сдѣ-

лаетъ все возможное, чтобы войска поскорѣе имѣли все необходимое. Затѣмъ онъ условился съ графомъ Шуваловымъ, во избѣжаніе безпорядка и недоразумѣній, учредить смѣшанную коммиссію для расквартированія и для удовлетворенія всѣхъ нуждъ войскъ, а графъ Шуваловъ рѣшилъ: въ виду наступившей темноты, не вводить войскъ въ С.-Стефано до разсвѣта. Вообще, весь разговоръ турецкихъ властей съ графомъ Шуваловымъ имѣлъ самый дружелюбный характеръ. Бригадный генералъ Османъ-паша (былъ у насъ въ учебномъ баталіонѣ) былъ назначенъ Реуфомъ-пашой въ распоряженіе графа Шувалова. Считаю долгомъ доложить Вашему Величеству, что паша этотъ, видимо, вынесъ самыя лучшія воспоминанія о времени своего пребыванія у насъ, ибо относится и къ нашимъ войскамъ, и ко всѣмъ нашимъ требованіямъ—не только съ величайшимъ вниманіемъ и предупредительностью, но и съ искреннимъ дружелюбіемъ.

„Затѣмъ, графъ Шуваловъ простился съ пашами. Реуфъ и Мехмедъ-Али остались на станціи встрѣчать меня, а графъ Шуваловъ поѣхалъ на приготовленномъ для него поѣздѣ въ Кучукъ-Чекмедже и приказалъ: 1-й бригадѣ 1-й гвард. пѣх. дивизіи съ артиллеріею расположиться тамъ на ночлегъ, а гвардейской стрѣлковой бригадѣ, л.-гв. саперному баталіону, л.-гв. уланскому полку и л.-гв. донской батареѣ—выдвинуться къ Галатаріи.

„12-го февраля весь гвардейскій отрядъ вступилъ въ Санъ-Стефано, представился мнѣ на смотръ и затѣмъ размѣщенъ по квартирамъ...

„Съ каждымъ днемъ сюда набирается все бо́льшая масса любопытныхъ изъ Константинополя: тамъ убѣждены, что мы скоро туда вступимъ. Какъ курьезъ, сообщаю, что греческій костюмированный балъ отложенъ до вступленія нашихъ войскъ въ Константинополь“.

15 февраля.—Сегодня въ 9½ час. утра получена телеграмма Государя отъ 9 ч. 50 м. вчерашняго утра:

„Игнатьеву приказалъ объявить туркамъ, что мы никакой конференціи не примемъ, пока не будутъ подписаны мирныя предложенія“.

Вчера прибылъ командированный по Высочайшему повелѣнію въ распоряженіе Великаго Князя вице-адмиралъ, генералъ-адъютантъ Поповъ. Его роль—быть консультантомъ Великаго Князя по морской части. Но самаго главнаго, флота,—у насъ нѣтъ!

. . . .

16 февраля.—Сегодня поздно вечеромъ получена телеграмма Государя отъ 4 ч. пополудни нынѣшняго же дня:

„Запоздалыя телеграммы твои отъ 8, 9 и 10-го дошли до меня только сегодня. Изъ Лондона весьма неудовлетворительно: весьма желательно ускорить заключеніемъ мира".

На эту телеграмму Великій Князь немедленно отвѣчалъ (телеграмма эта помѣчена 17 февраля, ибо отправлена уже послѣ полуночи):

„Тороплю, сколько могу, наши переговоры. Здѣсь про Лондонъ ничего не слыхать. Правда ли, что отъ другихъ тоже неудовлетворительно?"

17 февраля.—Вчера турки опять заупрямились и прервали переговоры. Графъ Игнатьевъ, съ цѣлью ихъ устрашить, придумалъ и присовѣтовалъ Великому Князю произвести сегодня демонстрацію наступленія на Константинополь. Великій Князь охотно согласился, и вотъ какъ демонстрація эта состоялась:

Около 10 ч. утра построились впереди Санъ-Стефано, правымъ флангомъ къ Мраморному морю и фронтомъ къ Константинополю: л.-гв. преображенскій и семеновскій полки, гвардейская стрѣлковая бригада, л.-гв. саперный батальонъ, сводный конвойный батальонъ, собственный Его Величества конвой, л.-гв. казачій Его Величества полкъ и вся наличная артиллерія. Великій Князь объѣхалъ войска и затѣмъ приказалъ музыкѣ играть, а пѣсенникамъ—пѣть. Нижнимъ чинамъ было дано „вольно" и разрѣшено бѣжать врассыпную впередъ, „смотрѣть Константинополь", хотя онъ и съ мѣста былъ виденъ, какъ на ладони. Въ скорости пріѣхалъ отъ графа Игнатьева князь Церетелевъ и что-то доложилъ Великому Князю. Войскамъ приказано было стать смирно въ ружье, а затѣмъ, по командѣ Великаго Князя, вся линія двинулась, съ музыкой, впередъ. Когда прошли шаговъ двѣсти—триста, было скомандовано: „стой"! Великій Князь выѣхалъ передъ середину, поблагодарилъ и распустилъ войска.

Къ моему величайшему удивленію, эта невиннѣйшая демонстрація произвела желаемое впечатлѣніе: турецкіе уполномоченные одумались и возобновили переговоры. Графъ Игнатьевъ съ увѣренностью разсчитываетъ заставить турокъ подписать мирный договоръ непремѣнно 19-го февраля, въ день восшествія Государя на престолъ.

Отъ Государя получена необыкновенно запоздалая телеграмма, поданная въ Петербургѣ въ $8^{1}/_{2}$ ч. вечера 10-го (!) февраля:

„Два дня не имѣю отъ тебя никакихъ извѣстій: сегодня

только получилъ шифрованныя телеграммы твои отъ 8-го и 9-го февраля. Дошли ли до тебя мои шифрованныя телеграммы отъ 6-го февраля и отвѣтъ мой султану отъ 7-го числа? Еще разъ прошу тебя положительно отвѣчать на мои вопросы и заявлять о полученіи всѣхъ моихъ телеграммъ. Обращаю особое вниманіе твое на сегодняшнюю телеграмму шифрованную отъ князя Горчакова. Никакого посланца отъ султана не намѣренъ принимать до заключенія мирныхъ переговоровъ".

Что̀ отвѣчалъ Великій Князь—не знаю. Государева телеграмма отъ 6 февраля повелѣвала ускорить занятіе Санъ-Стефано и приготовиться вступить туда даже силою, въ случаѣ отказа султана насъ впустить. Эта телеграмма была получена 9-го февраля, въ одинъ день съ телеграммою князя Горчакова отъ 7-го, въ которой сообщалась просьба султана повременить вступленіемъ въ Санъ-Стефано и отказъ Государя на эту оттяжку. Великій Князь немедленно, 9-го же февраля, послалъ Государю три отвѣтныхъ телеграммы, но, конечно, онѣ 10-го дойти не успѣли.

18 февраля.—Положеніе крайне натянутое. Турки опять грозятъ прервать переговоры. Обезпокоенный Великій Князь послалъ въ 11 ч. утра слѣдующую шифрованную телеграмму Государю:

„Переговоры затягиваются, вслѣдствіе наущеній Лейарда, который пишетъ притомъ своему правительству разные вымыслы на нашъ счетъ, въ чемъ его поддерживаютъ Зичи и Фурнье [1]). Главныя затрудненія для турокъ—новая граница Кавказа, въ особенности Саганлугъ и Баязетъ и денежное вознагражденіе".

Весь день прошелъ въ смутной тревогѣ. По озабоченнымъ лицамъ Великаго Князя и Непокойчицкаго видно было, что мирные переговоры висятъ на волоскѣ, который ежеминутно можетъ оборваться. Вечеромъ Великій Князь лично бесѣдовалъ съ турецкими уполномоченными. Какъ и о чемъ—не знаю, но 19-го февраля, утромъ, Великій Князь телеграфировалъ Государю:

„Вечеромъ крупно поговорилъ съ уполномоченными, дѣло пошло хорошо на ладъ".

19 февраля.—Вчера вечеромъ была получена телеграмма Государя отъ 2 ч. 20 м. вчерашняго же дня, слѣдующаго содержанія:

„Сейчасъ съ панихиды [2]) въ крѣпости: чувствовалъ, что ты

---

[1]) Послы австро-венгерскій и французскій.

[2]) 18-го февраля—день кончины императора Николая I.

мысленно съ нами. Шифрованная телеграмма твоя отъ 8-го февраля дошла до меня только вчера. Столь непростительная неисправность требуетъ строгаго изслѣдованія. Флигель-адъютанту Чингису дѣлаю строгій выговоръ за безпорядокъ. Телеграмму твою отъ 16-го получилъ только вчера, а отъ 17-го—сегодня. Горчакову приказалъ сообщить тебѣ все, что есть вѣрнаго. Завтра ожидаю курьера изъ Лондона и Вѣны".

Бѣдный Чингисханъ получилъ Высочайшій выговоръ вмѣсто дѣйствительнаго начальника полевого телеграфа Шталя только потому, что Государю извѣстно его участіе въ пріемѣ и передачѣ депешъ. Чингисханъ—просто телеграфный спортсменъ и состоитъ при Шталѣ совершенно добровольнымъ помощникомъ, но къ дѣлу устройства и управленія полевымъ телеграфомъ совершенно непричастенъ и за его неисправность неотвѣтственъ. Тѣмъ не менѣе, ему пришлось подпасть подъ царскій гнѣвъ. На словахъ Великій Князь оправдалъ бы его, но въ телеграммѣ—не рѣшился доложить Государю, что онъ объявилъ выговоръ не по надлежащему адресу. Отвѣтная телеграмма Великаго Князя отъ 10 ч. сегодняшняго утра была слѣдующая:

„Искренно благодарю за вчерашнюю депешу. Поздравляю съ сегодняшнимъ великимъ праздникомъ. Да хранитъ тебя Богъ для славы матушки-Россіи. Сегодня дѣлаю парадъ гвардіи и молебенъ. Да благословитъ Господь обрадовать тебя сегодня чѣмъ-нибудь хорошимъ. О медленности передачи телеграммъ дѣлаю изслѣдованіе".

Сегодняшній день былъ напряженно-утомительный. Утромъ была торжественная обѣдня и затѣмъ молебенъ въ греческомъ соборѣ. Съ 1 часу до 5½ томились ожиданіемъ объявленія мира. Все было покончено уже ко вчерашнему вечеру, и на сегодня осталась только одна переписка мирнаго договора, но она-то и затянулась, тѣмъ болѣе, что подъ конецъ сдѣлали кляксъ, и пришлось вновь переписывать цѣлый листъ. Мы, т.-е. свита Великаго Князя, ожидали сперва у него въ пріемной, а затѣмъ верхомъ. Парадъ былъ назначенъ въ 2 ч., потому что наканунѣ разсчитывали переписать и подписать мирный договоръ не позже какъ къ 12 ч., а на самомъ дѣлѣ войскамъ пришлось дожидаться до 5½. Великій Князь разъ пятнадцать посылалъ взадъ и впередъ состоявшаго при турецкихъ уполномоченныхъ адъютанта своего, полковника Орлова, съ приказаніемъ поторопиться. Наконецъ, въ 5¼ час. дня, Орловъ прискакалъ послѣдній разъ и доложилъ, что все готово. Тогда сѣлъ верхомъ и Великій Князь, мы выѣхали изъ Санъ-Стефано и остановились въ полѣ, въ нѣ-

которомъ разстояніи отъ войскъ, въ ожиданіи пріѣзда гр. Игнатьева. Тутъ же ожидала въ коляскѣ его супруга (вчера пріѣхавшая) и необозримая масса публики, наѣхавшей изъ Константинополя. Войска были выстроены фронтомъ къ Константинополю. День былъ сѣренькій, вѣтреный, но теплый.

Ровно въ $5^1/_2$ подъѣхалъ въ коляскѣ графъ Игнатьевъ и, снявъ фуражку, сказалъ: „Поздравляю В. И. В. Миръ подписанъ". Великій Князь обнялъ и поцѣловалъ его, затѣмъ крѣпко обнялся съ Непокойчицкимъ и поскакалъ къ войскамъ. Объѣхавъ войска и задушевно поздоровавшись, выѣхалъ передъ середину (гдѣ уже стоялъ походный аналой, священникъ и пѣвчіе) и вызвалъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ. Выждавъ, когда всѣ собрались, громкимъ голосомъ сказалъ:

„Поздравляю васъ, господа, и васъ, молодцы-ребята, съ славнымъ миромъ! Именемъ Государя благодарю васъ всѣхъ за доблестную службу, которую вы сослужили нашей матушкѣ-Россіи. Вы доказали, что если царь нашъ прикажетъ, то вы и невозможное сдѣлаете! Спасибо вамъ, орлы! ура!"

Отвѣтомъ было безконечное „ура" съ бросаньемъ шапокъ вверхъ и торжественные звуки „Боже, Царя храни!". Великій Князь поблагодарилъ еще разъ начальниковъ и всѣхъ офицеровъ.

Затѣмъ начался благодарственный молебенъ, подобнаго которому не было со дня взятія Парижа въ 1814 году. Царьградъ—весь какъ на ладони, озаренный послѣдними блѣдными лучами заходящаго солнца, окутаннаго таинственною дымкою облаковъ.

По окончаніи молебна—парадъ, единственный въ своемъ родѣ. Насколько скучны и надоѣдливы мирные парады, черезчуръ частые, настолько же былъ величественъ этотъ, въ полномъ смыслѣ слова, торжественный парадъ. Надо было видѣть, съ какимъ воодушевленіемъ, съ какимъ гордымъ сознаніемъ своей несокрушимости, проходили мимо своего вождя эти войска, прославившіяся цѣлымъ рядомъ геройскихъ подвиговъ, и съ какимъ почтительнымъ благоговѣніемъ смотрѣла на нихъ многотысячная толпа, собравшаяся изъ Царьграда и окрестностей. Кстати: весь л.-гв. уланскій полкъ былъ вооруженъ длинными бамбуковыми пиками, отбитыми у турокъ и подаренными Великимъ Княземъ своему любимому шефскому полку.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда парадъ кончился и мы вернулись въ Санъ-Стефано.

Обѣдъ былъ съ шампанскимъ и множествомъ тостовъ. Тотчасъ послѣ обѣда я пошелъ къ Великому Князю составлять по-

дробную депешу Государю. Короткую онъ составилъ самъ тотчасъ же по прибытіи гр. Игнатьева (по-русски, латинскими буквами) и отослалъ на телеграфъ съ поля, еще до молебна и парада, ровно въ 5½ ч. вечера. Вотъ эта депеша:

„Петербургъ, Государю Императору.

„Счастіе имѣю поздравить Ваше Величество съ подписаніемъ мира. Господь сподобилъ Васъ окончить предпринятое вами великое святое дѣло; въ день освобожденія крестьянъ Вы освободили христіанъ изъ-подъ ига мусульманскаго“.

Телеграмма эта дошла замѣчательно быстро: уже въ 9 ч. 40 м. вечера былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ Государя (отъ 8 ч. 40 м.):

„Благодарю Бога за заключеніе мира. Спасибо отъ души тебѣ и всѣмъ нашимъ молодцамъ за достигнутый славный результатъ. Лишь бы европейская конференція не испортила то, чего мы достигли нашею кровью“.

Депеши Великаго Князя, посланныя Государю послѣ 9 ч. веч., были слѣдующія:

1) „Сегодня въ 2 часа дня былъ назначенъ парадъ слѣдующимъ войскамъ: твоему конвою и почетному гвардейскому твоему конвою; 1-й бригадѣ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи; первымъ тремъ полкамъ 2-й гвард. пѣх. дивизіи; гвардейской стрѣлковой бригадѣ; л.-гв. саперному баталіону; моему конвойному баталіону; 4-й стрѣлковой бригадѣ; л.-гв. уланскому и казачьему полкамъ; л.-гв. 1-й артилл. бригадѣ и первымъ четыремъ батареямъ л.-гв. 2-й артилл. бригады и л.-гв. донской батареѣ. Но такъ какъ переговоры подходили къ концу, то я отложилъ парадъ до подписанія мирнаго договора. Въ 5½ ч. вечера графъ Игнатьевъ объявилъ мнѣ, что миръ подписанъ. Тотчасъ подъѣхалъ я къ войскамъ и поздравилъ ихъ съ славнымъ миромъ. Затѣмъ поблагодарилъ ихъ твоимъ именемъ за славную, доблестную службу и, собравъ офицеровъ, сказалъ имъ краткую рѣчь, поблагодаривъ ихъ особо. Царь приказалъ, и вы сдѣлали то, что̀ считалось невозможнымъ: спасибо вамъ отъ имени Государя. Таковъ былъ смыслъ моей рѣчи. Восторженное, нескончаемое ура было отвѣтомъ. Послѣ этого былъ отслуженъ торжественный благодарственный молебенъ. Въ виду Царьграда и Святой Софіи, это торжество производило неизъяснимое впечатлѣніе. Затѣмъ, уже въ сумеркахъ, войска прошли церемоніальнымъ маршемъ и прошли такъ великолѣпно, какъ никогда не проходили на Царицыномъ Лугу. День закончился обѣдомъ, за которымъ мы провозгласили восторженное ура за здоровье

обожаемаго Государя и за славу и благоденствіе дорогого нашего отечества".

2) Отвѣтная, въ $10^1/_2$ вечера:

„Искренно благодарю за твою милѣйшую депешу. Минута, когда объявилъ войскамъ на парадѣ о мирѣ, была невыразимо-величественная, особенно когда молились на колѣняхъ и пѣли „Тебе Бога хвалимъ", подъ стѣнами Царьграда и въ виду Св. Софіи. Думалъ о тебѣ въ эту чудную минуту. Счастіе всѣхъ — невыразимое".

3) „Прошу тебя сообщить мнѣ, могутъ ли войска, кромѣ оккупаціонныхъ частей, быть отправлены въ Россію послѣ ратификаціи мира, или должны ожидать окончанія конференціи. Это свѣдѣніе мнѣ нужно для соображенія средствъ перевозки войскъ моремъ въ то или другое время".

Послѣднюю депешу считаю очень-преждевременною. Какъ-то неудобно въ самый день заключенія мира, при совершенно-невыяснившихся намѣреніяхъ Англіи, заводить рѣчь о возвращеніи войскъ, тѣмъ болѣе, что мы не имѣемъ никакихъ морскихъ перевозочныхъ средствъ.

Вообще, меня не очень радуетъ заключеніе мира, ибо не вѣрится въ его прочность: все боюсь, что это лишь конецъ 1-й части, за которою послѣдуетъ еще невѣдомая 2-я, а можетъ быть и 3-я часть. Многіе стыдятъ меня за пессимизмъ, совершенно несогласующійся съ моимъ неизмѣнно-бодрымъ настроеніемъ во время всей войны; но я никакъ не могу отдѣлаться отъ смутно-мрачныхъ предчувствій. Всѣ убѣждены, что недѣли черезъ двѣ мы уже уѣдемъ домой, но мнѣ не вѣрится.

При мнѣ сегодня Нелидовъ, въ присутствіи гр. Игнатьева, читалъ Великому Князю полный текстъ мирнаго договора, но читалъ такъ быстро, что, при всемъ моемъ навыкѣ проворно записывать, я могъ лишь занести въ свою записную полевую книжку слѣдующее:

1) Черногорія признается независимымъ государствомъ и получаетъ часть Герцеговины съ Никшичемъ и Гацко, часть Албаніи съ Антивари и Спужемъ. Новая граница будетъ проведена особою коммиссіею; могущіе возникнуть споры будутъ разрѣшаться русскимъ и австрійскимъ делегатами.

2) Сербія признается независимою и получаетъ часть Старой Сербіи, въ томъ числѣ Нишъ, Акпаланку и Куршумле. Пиротъ отходитъ къ Болгаріи.

3) Румынія признается независимою.

4) Болгарія дѣлается вассальнымъ княжествомъ, которое пла-

тить Портѣ дань. Размѣры дани будутъ опредѣлены конференціею, въ зависимости отъ того дохода, который Порта получала съ этой части своей территоріи.

5) Князь болгарскій будетъ избранъ и избираемъ впредь представителями болгарскаго народа, которые соберутся въ Тырновѣ или Филиппополѣ. Тамъ же будетъ собираться и палата представителей. Князь будетъ утверждаемъ султаномъ, съ согласія великихъ державъ. Онъ не можетъ быть избираемъ изъ семействъ главнѣйшихъ царствующихъ династій. Южная и восточная граница Болгаріи идетъ отъ Мидіи (на Черномъ морѣ) черезъ Люле-Бургасъ, огибаетъ Адріанополь, идетъ по р. Марицѣ до устья, затѣмъ по берегу моря и огибаетъ Салоники, которыя остаются за Турціей. Западную границу Болгаріи я не успѣлъ записать.

6) Въ первые два года со дня ратификаціи мирнаго договора, Болгарія управляется русскимъ коммиссаромъ, а для обезпеченія порядка и введенія новаго устройства остается русская оккупаціонная армія, въ составѣ 6-ти дивизій пѣхоты и 2-хъ дивизій кавалеріи. Армія эта пользуется всѣми болгарскими черноморскими портами для сообщенія съ Россіей.

7) Турецкія войска выводятся изъ Болгаріи навсегда, а турецкій флотъ не имѣетъ права входа въ болгарскіе порты. Турція сохраняетъ право пользованія болгарскими дорогами, обыкновенными и желѣзными, для передвиженія своихъ войскъ и для провоза почты въ чрезполосныя части своей территоріи.

8) Всѣ дунайскія крѣпости, а также Шумла и Варна, срываются и не могутъ быть возобновляемы.

9) Боснія, Герцеговина, Эпиръ, Өессалія и островъ Критъ получаютъ административную автономію, для устройства которой будетъ образована спеціальная международная коммиссія.

10) Арменія также получаетъ административную автономію.

11) Всѣмъ турецкимъ подданнымъ, провинившимся передъ Портою во время настоящей войны, даруется полное прощеніе.

12) Турція обязывается уплатить Россіи 1.410 милліоновъ рублей за военныя издержки. Но, въ виду несостоятельности Порты, Россія соглашается принять въ уплату: а) Добруджу, которую предоставляетъ себѣ переуступить Румыніи, въ обмѣнъ на отошедшую къ ней, по Парижскому миру 1856 г., часть Бессарабіи; б) Ардаганъ, Карсъ, Батумъ и Баязетъ съ округами, до Саганлугскаго хребта. Эти территоріальныя уступки оцѣниваются въ 1.100 милліоновъ. Остальные 310 милліоновъ рублей

уплачиваются по особому соглашенію (подразумѣвается — изъ болгарской дани).

13) Плаваніе по Дунаю—безусловно свободное. Очистка Сулинскаго рукава—на счетъ Турціи.

14) Босфоръ и Дарданеллы открываются для свободнаго плаванія торговыхъ судовъ. Укрѣпленія обоихъ проливовъ упраздняются.

15) Русскіе монахи и паломники въ Святой землѣ уравниваются въ правахъ съ прочими, а наши монастыри на Аѳонѣ уравниваются въ правахъ съ греческими.

16) Обмѣнъ плѣнныхъ долженъ быть произведенъ въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ со дня ратификаціи договора.

17) Обмѣнъ ратификацій долженъ состояться въ теченіе 15-ти дней, т.-е. къ 7-му марта. Обѣ стороны признаютъ себя формально-связанными настоящимъ договоромъ.

Договоръ, а также полномочія гр. Игнатьева и Нелидова заключены въ красный бархатный переплетъ съ тисненымъ государственнымъ гербомъ и съ пришнурованною громадною государственною печатью, съ дессертную тарелку величиной. Шнуръ толстый серебряный, перевитый чернымъ и желтымъ шолкомъ и оканчивающійся двумя такими же тяжелыми кистями, пропущенными сквозь печать.

Сегодняшній день былъ омраченъ смертью князя Черкасскаго, начальника гражданскаго управленія Болгаріи и извѣстнаго дѣятеля по освобожденію крестьянъ. Онъ скончался внезапно отъ кровоизліянія въ мозгъ въ день 26-й годовщины освобожденія. Еще вчера былъ совершенно здоровъ и имѣлъ продолжительную дѣловую бесѣду съ Великимъ Княземъ. О смерти его Великій Князь сообщилъ Государю собственноручною телеграммою.

20 февраля. — Великій Князь послалъ сегодня Государю слѣдующія телеграммы:

1) Отъ 12 ч. дня: „Бибиковъ [1]) сейчасъ пріѣхалъ. Искренно благодарю за письмо. Счастливъ, что ты доволенъ моими распоряженіями. Отвѣчаю на то, что̀ приказалъ сказать мнѣ черезъ Бибикова: всѣ телеграммы твои получалъ черезъ нѣсколько дней послѣ моихъ распоряженій, которыя, по счастью, совпадали съ твоими желаніями, что̀ придавало мнѣ еще больше рѣшимости; на всѣ твои депеши отвѣчалъ, какъ только ихъ получалъ. Осо-

[1]) Адъютантъ Великаго Князя, ѣздившій къ Государю курьеромъ.

бенно опаздывали шифрованныя и сообщаемыя по кабелю депеши твои султану и его тебѣ. Надо полагать, что задерживались преднамѣренно. Твой отвѣтъ вчера пришелъ въ 9½ час. вечера".

2) „Сегодня у князя Рейсса [1]) родился сынъ. Софія Веймарская здѣсь, въ Константинополѣ. Мое здоровье все попрежнему: стоять и ходить долго не могу, верхомъ ѣзжу только шагомъ, а то боль дѣлается подъ ложкой. Кромѣ этого—я здоровъ. Надѣюсь, что теперь, съ заключеніемъ мира и съ прекращеніемъ большихъ заботъ, стану поправляться. Сердечно тебя обнимаю".

Въ 8 ч. вечера получена отвѣтная телеграмма Государя на вчерашнюю великокняжескую (подана въ Петербургѣ сегодня въ 4 ч. 40 м. дня):

„Хорошо сдѣлалъ, что передалъ вчера мое спасибо славнымъ нашимъ войскамъ. Вполнѣ понимаю, что вы ощущали во время молебна. Сегодня и у насъ былъ выходъ въ большую церковь, передъ которымъ получилъ твое письмо съ Скарятинымъ [2]). На вопросы твои отвѣчу, когда получу подробности о заключенномъ мирѣ. Весьма сожалѣю о бѣдномъ Черкасскомъ. О впечатлѣніи въ Лондонѣ и Вѣнѣ еще ничего не знаю".

21 февраля. — Въ 5 ч. 50 м. вечера получена телеграмма Государя, поданная сегодня же въ 12 ч. 5 м. дня:

„Всѣ донесенія твои, привезенныя Скарятинымъ, прочелъ съ величайшимъ интересомъ и удовольствіемъ. Всѣ распоряженія твои вполнѣ одобряю и повторяю тебѣ мое сердечное спасибо. Сожалѣю только, что ты все жалуешься на здоровье. Жду съ нетерпѣніемъ пріѣзда Игнатьева".

Великій Князь отвѣчалъ въ 11 ч. 10 м. вечера:

„Депешу твою отъ 21-го полудня получилъ, равно и шифрованную телеграмму князя Горчакова [3]). Счастливъ, что ты доволенъ всѣми моими распоряженіями. Здоровье мое мнѣ крайне надоѣло. Здоровье въ войскахъ пока еще удовлетворительно, хотя уже тифъ начинаетъ показываться. Свѣчинъ [4]) въ Адріанополѣ опасно заболѣлъ сыпнымъ тифомъ".

Около полуночи Великій Князь послалъ еще слѣдующую телеграмму:

---

[1]) Германскій посолъ въ Константинополѣ.

[2]) Ординарецъ Великаго Князя, штабсъ-капитанъ л.-гв. семеновскаго полка.

[3]) Этой телеграммы я не видалъ и содержаніе ея мнѣ неизвѣстно.

[4]) Адріанопольскій генералъ-губернаторъ, командиръ 9-го армейскаго корпуса.

„Въ виду крайней необходимости замѣнить князя Черкасскаго, не дозволишь ли мнѣ вызвать князя Дондукова" [1])?

Сегодня цѣлое утро меня душило безсильное негодованіе: довелось молча слушать переговоры Непокойчицкаго и Левицкаго съ представителемъ „Русскаго общества пароходства и торговли", капитаномъ 1-го ранга Зеленымъ, пріѣхавшимъ сюда изъ Одессы, условиться насчетъ обратной перевозки нашихъ войскъ въ Россію на пароходахъ этого общества. Можно подумать, что это не русское, а иностранное общество, пользующееся случаемъ подороже продать намъ свои услуги. А между тѣмъ—это общество создано и поддерживается въ теченіе двадцати лѣтъ на казенныя, т.-е. кровныя народныя деньги: за эти двадцать лѣтъ ему уплачены милліоны субсидіями и помильною платою; оно разжирѣло на казенный счетъ и акціи его стоятъ чуть не вдесятеро противъ номинальной цѣны, а воротилы общества стали изъ бѣдняковъ милліонерами. Всѣ эти жертвы были принесены именно для того, чтобы въ случаѣ войны обратить этотъ коммерческій флотъ въ военный, котораго мы не имѣемъ права содержать въ Черномъ морѣ по Парижскому договору. И что же? теперь, когда въ первый разъ приходится сослужить службу родинѣ, отблагодарить правительство за многолѣтнія щедроты — представитель общества требуетъ плату по полному тарифу за перевозку какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, отказывается принять на себя устройство пристаней для погрузки артиллеріи, обозовъ и лошадей, несмотря на предлагаемую за это особую плату, и категорически уклоняется отъ включенія въ условія перевозки какой бы то ни было отвѣтственности за медленность и неисправность погрузки.

Слушаешь—и ушамъ своимъ не вѣришь! И вѣдь эти господа, снимающіе за счетъ казны сливки съ предоставленной имъ пароходной монополіи, состоятъ вмѣстѣ съ тѣмъ на государственной службѣ и пользуются всѣми ея преимуществами! Директора — свиты Его Величества контръ-адмиралъ Чихачевъ, контръ-адмиралъ Попандопуло и другіе, фамилій не знаю. Уполномоченный общества, Зеленый, пріѣхавшій сюда торговаться — тоже капитанъ 1-го ранга!

Гдѣ, въ какой странѣ возможно что-либо подобное?

Не могъ выдержать: высказалъ какъ Непокойчицкому, такъ и Великому Князю (сегодня вечеромъ) свое удивленіе и негодованіе по этому поводу. Но Непокойчицкій только загадочно, хотя и сочувственно, покачалъ головой и ничего не отвѣтилъ,

---

[1]) Командиръ 13-го армейскаго корпуса, генералъ-адъютантъ.

а Великій Князь развелъ руками и сказалъ: „Чтò дѣлать! такія имъ даны права, что они могутъ ставить намъ свои условія“.

И дѣйствительно: по самоувѣренному тону капитана 1-го ранга Зеленаго, по апломбу, съ которымъ онъ ставитъ свои условія и отвергаетъ наши требованія, чувствуется, что за нимъ стоитъ сила, которую не намъ сломить.

Возмутительно!

22 февраля. День прошелъ томительно скучно, но не безъинтересно. Левицкій продолжалъ вести переговоры съ капитаномъ 1-го ранга Зеленымъ, но я ушелъ изъ дому, чтобы не слушать. Если самъ Великій Князь признаетъ за „Русскимъ обществомъ пароходства и торговли“ права независимой договаривающейся стороны, то помочь дѣлу нельзя, а портить себѣ кровь — не стоитъ.

Утромъ получено извѣстіе, что адріанопольскій генералъ-губернаторъ Свѣчинъ скончался. Великій Князь телеграфировалъ Государю:

„Тифъ не на шутку начинаетъ работать. Сегодня скончался командиръ 9-го корпуса генералъ Свѣчинъ отъ сыпного тифа. Крайне необходимо подумать о вывозѣ лишняго числа войскъ“.

На эту телеграмму полученъ въ $7^1/_4$ ч. вечера слѣдующій отвѣтъ Государя отъ 1 ч. 5 м. пополудни:

„Крайне сожалѣю о развивающемся тифѣ и о смерти бѣднаго Свѣчина. Князя Дондукова можешь вызвать теперь же [1]. О возвращеніи войскъ не могу еще ничего рѣшить, пока обстоятельства не разъяснятся“.

Сегодня пріѣзжалъ къ Великому Князю съ визитомъ германскій посолъ въ Константинополѣ, князь Рейссъ. Онъ говорилъ Великому Князю, что, по его убѣжденію, Англія только угрожаетъ, но войны намъ не объявитъ. Это заявленіе вызвано распространившимся здѣсь сегодня слухомъ, будто бы англійскій посолъ Лейардъ потребовалъ, чтобы Порта въ 24-хъ-часовой срокъ сообщила ему мирный договоръ, еще даже не ратификованный султаномъ. Этотъ вздорный слухъ никого бы не встревожилъ, еслибъ его не повторялъ, допуская его правдоподобіе, самъ графъ Игнатьевъ. Нелидовъ, мнѣніе котораго я сегодня спрашивалъ, считаетъ этотъ слухъ нелѣпою сплетнею. Несо-

---

[1]) Это отвѣтъ на вчерашнюю просьбу Великаго Князя. Мѣсто князя Черкасскаго надѣялся занять его помощникъ, генералъ-лейтенантъ Анучинъ, но Великому Князю онъ антипатиченъ,—чему вполнѣ сочувствую.

мнѣнно лишь, что англичане бѣснуются на заключеніе нами сепаратнаго мира съ Турціей. Макъ-Гаханъ сдѣлалъ большую ошибку, опубликовавъ въ „Daily News“ отзывъ Сервера-паши объ англичанахъ. Національное самолюбіе было этимъ оскорблено, въ общественномъ мнѣніи совершился поворотъ въ пользу политики Дизраэли, и толпа разбила стекла въ домахъ не только редакціи „Daily News“, но и самого Гладстона.

Отсутствіе серьезнаго намѣренія англичанъ воевать подтверждаетъ, однако, и принцъ Александръ Баттенбергъ, вчера вернувшійся съ англійской эскадры адмирала Горнби, при которомъ состоитъ флагъ-офицеромъ братъ Баттенберга, принцъ Людвигъ. На эскадрѣ находится и мужъ великой княгини Маріи Александровны, герцогъ Эдинбургскій, который, по словамъ Александра Баттенберга, открыто ропщетъ на то непріятное положеніе, въ которое его поставила мать, королева Викторія. Она сдѣлала это будто бы нарочно, изъ нелюбви къ сыну. Не только герцогъ Эдинбургскій, но и англійскіе офицеры и самъ адмиралъ Горнби настроены будто бы весьма миролюбиво и сами рѣзко осуждаютъ своего посла Лейарда за его настойчивое стремленіе довести до открытаго разрыва между Англіей и Россіей.

Насколько можно положиться на слова принца Александра— не берусь судить, ибо слишкомъ мало его знаю. Да его едвали кто-нибудь и знаетъ хорошо, кромѣ его тетки, Императрицы Маріи Александровны, которая его очень любитъ. У насъ онъ для всѣхъ человѣкъ чужой.

Нельзя, однако, не обратить вниманія, что даже по его успокоительнымъ словамъ несомнѣнно стремленіе англійскаго посла Лейарда довести дѣло до разрыва. Слѣдовательно, вопросъ сводится къ тому, хватитъ ли у Лейарда на это вліянія.

Сегодня пришелъ изъ Россіи пароходъ „Русскаго общества пароходства и торговли“, „Владиміръ“, подъ военнымъ флагомъ. Онъ долженъ принять на бортъ графа Игнатьева, какъ только мирный договоръ будетъ ратификованъ султаномъ. Задержка ратификаціи происходитъ оттого, что договоръ переводится на турецкій языкъ и переписывается золотыми буквами, и лишь послѣ этого будетъ подписанъ султаномъ. Тогда графъ Игнатьевъ повезетъ турецкій текстъ договора въ Петербургъ и представитъ Государю, который въ свою очередь подпишетъ русскій текстъ и пошлетъ его султану. Это и будетъ обмѣнъ ратификацій, который долженъ быть учиненъ, согласно договору, въ 15-ти дневный срокъ, считая съ 19-го февраля.

23 февраля. — Вчера Великій Князь получилъ письмо отъ низложеннаго султана Мухамедъ-Мурада, съ просьбою разрѣшить ему пріѣхать и отдаться подъ покровительство Россіи, такъ какъ онъ, Мурадъ, опасается за свою жизнь. Разумѣется, просьба эта останется безъ отвѣта: намъ нѣтъ никакого разсчета вызывать смуту въ Константинополѣ. Это значило бы играть въ руку англичанамъ, создавая для нихъ лишній поводъ къ вмѣшательству.

На сегодня былъ предположенъ торжественный визитъ Великаго Князя къ султану, но не состоялся. Повидимому, султанъ просилъ повременить визитомъ, ссылаясь на свое нездоровье; но говорятъ, что онъ уклоняется отъ пріема Великаго Князя потому, что боится Лейарда и, сверхъ того, опасается вообще выѣзжать изъ своего дворца. Визитъ же Великаго Князя потребуетъ контръ-визита, — а этимъ султанъ очень затрудняется. Какъ бы то ни было, но визитъ отложенъ на неопредѣленное время. Великому Князю это очень не нравится: ему хотѣлось устроить свиданіе съ султаномъ поскорѣе.

Вчерашняя депеша Государя о невозможности немедленнаго рѣшенія вопроса о возвращеніи войскъ въ Россію, пока не выяснится обстановка, очень разстроила Великаго Князя, хотя на его преждевременный запросъ и не могло быть иного отвѣта. О сдѣланномъ же Великимъ Княземъ запросѣ всей главной квартирѣ было извѣстно, и легкомысленное большинство съ замираніемъ сердецъ ожидало благопріятнаго отвѣта. Поэтому, когда сегодня распространился слухъ о содержаніи Государевой телеграммы, всѣ повѣсили носы и скисли. Догадливые люди сейчасъ же стали соображать, что армія останется въ Турціи впредь до утвержденія нашего сепаратнаго мира европейскою конференціею. Къ Великому Князю приступили съ вопросами, гдѣ и когда конференція соберется. Великій Князь отвѣчалъ, что достовѣрно извѣстно только одно: конференція соберется въ Берлинѣ и участіе Австріи обезпечено. Объ Англіи и Франціи ничего не извѣстно, такъ что теперь нельзя даже сказать, состоится ли конференція вообще. Если Англія упрется, то все можетъ разстроиться.

Отъ себя прибавлю, что Англія можетъ нагадить намъ такъ, какъ никто. Говорю это, впрочемъ, не отъ себя, а опираясь на опытъ исторіи. Англійская система воевать извѣстна. Пошлетъ во всѣ моря флотъ, который парализуетъ торговлю, уничтожаетъ торговыя суда и разоряетъ берега, преимущественно беззащитные. Изнуряя и разоряя противника, Англія, вмѣстѣ съ тѣмъ, интригуетъ до тѣхъ поръ, пока не образуетъ коалицію или не пріобрѣтетъ хоть одного сильнаго на сухомъ пути союзника: тогда

дастъ деньги взаймы или въ видѣ субсидіи и начинаетъ воевать чужими солдатами, а отъ себя выставляетъ лишь небольшой вспомогательный корпусъ, только для обозначенія своего участія въ войнѣ.

Тянуть войну, выжидать благопріятнаго оборота обстоятельствъ Англіи даже выгодно. Сама она неуязвима, многочисленный флотъ ея вооруженъ постоянно и, плавая въ моряхъ всѣхъ пяти частей свѣта, вполнѣ можетъ окупить себя военными призами и грабежомъ открытыхъ коммерческихъ портовъ.

Воевала же она съ Наполеономъ I-мъ цѣлыхъ девятнадцать лѣтъ, устраивая противъ него одну коалицію за другою. Союзникамъ ея крѣпко доставалось, а самой Англіи—ничего. Въ концѣ концовъ она доканала-таки Наполеона чужими руками и выиграла отъ его паденія больше всѣхъ.

Нашихъ теперешнихъ успѣховъ Англія переварить не можетъ и, конечно, все сдѣлаетъ, чтобы намъ навредить. Порукою этому служитъ та страстная ненависть, съ которою такъ энергично и настойчиво дѣйствуетъ противъ насъ Лейардъ какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Лондонѣ. Самое назначеніе Лейарда посломъ обусловливалось его непримиримымъ руссофобствомъ.

Намъ нельзя чрезмѣрно обольщаться нашими оглушительными успѣхами, а надо помнить, что конечный исходъ кампаніи не разъ уже висѣлъ, да и теперь даже виситъ на волоскѣ. Безъ сочувственной поддержки Германіи и безъ предварительнаго секретнаго обѣщанія крупной подачки Австріи (Боснія и Герцеговина) мы и воевать бы не могли. Наша поддержка дала Германіи возможность довести войну 1870—71 гг. до взятія Парижа, а теперь, благодаря германской поддержкѣ, мы побѣдоносно дошли до Константинополя. Семь лѣтъ тому назадъ, мы сдерживали Австрію, которая тогда была весьма непрочь отомстить Германіи за 1866 годъ; теперь подобную же услугу оказала Германія намъ. Еслибъ она не стояла за австрійской спиною, то императору Францу-Іосифу, пожалуй, и не удалось бы сдержать ярую ненависть къ намъ мадьяръ и антипатію австрійскихъ нѣмцевъ: симпатіи тѣхъ и другихъ всецѣло на сторонѣ англичанъ и турокъ.

Намъ вызывать европейскую войну не приходится: она сразу обнаружитъ нашу внутреннюю несостоятельность. Пріобрѣтенная нами военная слава разсѣется, какъ дымъ. Храбрости, самоотверженія, умѣнья переносить неслыханныя лишенія и преодолѣвать невѣроятныя препятствія у насъ отнять никто не мо-

жетъ. Но для веденія европейской войны нужны еще система, порядокъ и умѣнье,—а этого у насъ нѣтъ.

Нельзя также забывать, что всякая война съ Турціей—кто бы ее ни велъ—составляетъ общеевропейскій вопросъ. Ибо въ рукахъ Турціи „пупъ земли", Константинополь, малѣйшее прикосновеніе къ которому неминуемо вызываетъ общее вмѣшательство. Поэтому мы не можемъ обижаться, если насъ не допускаютъ до отдѣльнаго мира съ Турціей, ибо она не есть полноправная держава. Да, къ тому же, мы заранѣе связали себя обѣщаніемъ заключить миръ съ Турціей не иначе, какъ по соглашенію съ другими державами.

Конечно, во внѣшней политикѣ издавна принято не церемониться съ стѣснительными обѣщаніями, если нарушеніе ихъ можетъ принести серьезныя выгоды. Но это можно дѣлать лишь тому, за кѣмъ сила, всегда стоящая на практикѣ выше права. По моему глубокому убѣжденію, за нами этой силы нѣтъ. А такъ какъ нѣтъ расчета выносить свое внутреннее безсиліе всему свѣту на показъ, то благоразумнѣе замаскировать его личиною вѣрности своимъ обязательствамъ.

Игнатьевская политика держится противоположнаго взгляда: побольше запросить, чтобы было съ чего сбавлять. Я не считаю этотъ пріемъ государственнымъ. Мнѣ возражаютъ, что я ничего не понимаю въ политикѣ. Вполнѣ соглашаюсь, но все-таки остаюсь при убѣжденіи: все на свѣтѣ держится прежде всего на довѣріи, а посему главною задачею всѣхъ государственныхъ людей, какъ во внѣшнихъ, такъ и во внутреннихъ дѣлахъ, должно быть стремленіе заслужить всеобщее довѣріе и утвердить его за собой. На надувательной системѣ далеко не уѣдешь. Не даромъ есть пословица: „ложью свѣтъ пройдешь, да только не воротишься".

Сегодня, подъ огорчительнымъ впечатлѣніемъ телеграммы Государя о невозможности опредѣлить время возвращенія арміи въ Россію, Великій Князь самъ составилъ и послалъ военному министру слѣдующую шифрованную телеграмму [1]):

„Вслѣдствіе депеши Государя о томъ, что нельзя *рѣшить время возвращенія войскъ до разъясненія дѣла*, считаю обязанностью сообщить вамъ, что въ войскахъ, находящихся за Балканами, *обозъ пострадалъ до того, что его можно считать несуществующимъ*, и если имѣется въ виду *двинуть войска куда-либо въ бой*, то необходимо предупредить насъ, *дабы успѣть*

---

[1]) Зашифрованныя слова—курсивомъ.

устроить вьюки. Только войска *восточнаго отряда* [1]) имѣютъ *кое-какой обозъ, одни они и 14-й корпусъ* [2]) *въ состояніи двинуться немедленно.* Дивизіонные лазареты *въ матеріальномъ отношеніи находятся въ полномъ разстройствѣ.* По всему вышесказанному прошу дать мнѣ знать, *что̀ намѣрены съ нами дѣлать,* дабы мочь *все приготовить къ предназначенной цѣли*".

24 февраля. — Ночью была получена телеграмма отъ великаго Князя Михаила Николаевича изъ Тифлиса, отъ 2 ч. 25 м. пополудни 23-го.

„Необходимо, чтобы командующій турецкимъ батумскимъ корпусомъ Дервишъ-паша неотлагательно былъ извѣщенъ своимъ правительствомъ объ очищеніи Батума и территоріи около этого города, отходящихъ къ намъ. Онъ не получилъ должныхъ указаній и полномочій. Онъ затрудняется даже въ опредѣленіи требуемой нами демаркаціонной линіи, далеко не доходящей до предѣловъ, опредѣленныхъ нашими мирными условіями".

Великій Князь отвѣчалъ брату сегодня утромъ:

„Требовать отъ турокъ очищенія отходящихъ къ намъ мѣстъ до ратификаціи нельзя, но можешь торопить пашу, чтобъ все приготовилъ ко времени полученія текста договора и чтобъ было все очищено въ срокъ, который по взаимному соглашенію будетъ тобою назначенъ".

Около 6 ч. вечера пришла слѣдующая телеграмма военнаго министра, поданная въ Петербургѣ въ 2 ч. 5 м. дня:

„Государь Императоръ, одобривъ предложенный Вашимъ Высочествомъ выборъ дивизій для оставленія въ Болгаріи [3]), а равно назначеніе корпусными командирами генераловъ барона Деллингсгаузена [4]) и Манзея [5]), и командующимъ всѣми оккупаціонными войсками князя Дондукова-Корсакова, изволитъ полагать: не лучше ли изъ означенныхъ войскъ образовать два корпуса, въ каждомъ по три дивизіи пѣхоты и по одной кавалерійской. Благоволите сообщить ваши соображенія какъ по этому вопросу, такъ и о самомъ распредѣленіи дивизій по корпусамъ, размѣщеніи ихъ и назначеніи корпусныхъ командировъ".

Въ 8 ч. вечера Великій Князь отвѣтилъ:

„Составить два корпуса нахожу неудобнымъ. Располагаю

[1]) Наслѣдника Цесаревича, какъ стоявшій все время на мѣстѣ.
[2]) На нижнемъ Дунаѣ, въ Добруджѣ.
[3]) Когда это предложено—не знаю.
[4]) Начальникъ 26-ой пѣх. дивизіи.
[5]) Начальникъ 7-ой кавалер. дивизіи.

оккупаціонныя войска такъ: тринадцатый корпусъ: штабъ—Рущукъ, одна дивизія—Тырновъ, другая—Шумла. Девятый корпусъ: штабъ—Филиппополь, одна дивизія—Сливно, другая—Софія. Четвертый корпусъ: штабъ—Ускюбъ, одна дивизія—Битолія, другая—Сересъ. Кавалерійскія дивизіи каждаго корпуса по границамъ Болгаріи по усмотрѣнію корпусныхъ командировъ".

Вечеромъ же получена телеграмма Государя отъ 4 ч. 10 м. пополудни:

„Ожидаю съ нетерпѣніемъ ратификаціи трактата и надѣюсь, что Игнатьеву можно будетъ выѣхать въ воскресенье [1]). Очень радъ, что Людвигъ [2]) былъ у тебя съ братомъ. Я совершенно здоровъ. Нѣсколько дней, что у насъ совершенная оттепель".

Великій Князь немедленно отвѣчалъ:

„Очень счастливъ, что ты здоровъ. Игнатьевъ надѣется, что въ воскресенье выѣдетъ совмѣстно съ Реуфомъ-пашой. Тороплю турокъ съ ратификаціей. Погода здѣсь поправилась".

Отправляя эту телеграмму, Великій Князь приказалъ мнѣ составить отчетъ Государю и представить ему къ подписи, съ такимъ разсчетомъ, чтобы завтра вечеромъ сдать его курьеру, отправляемому 26-го февраля вмѣстѣ съ гр. Игнатьевымъ на пароходѣ „Владиміръ".

25 февраля.—Составленіе отчета Государю на сей разъ не потребовало напряженнаго труда. Ночью я его составилъ, сегодня утромъ прочелъ Великому Князю; въ теченіе дня, не торопясь, переписалъ, а въ 7 ч. вечера Великій Князь его подписалъ и сдалъ курьеру. Вотъ этотъ отчетъ:

„На другой день по вступленіи моемъ въ Санъ-Стефано, была установлена, по обоюдному словесному соглашенію моему съ Реуфомъ-пашой, новая демаркаціонная линія. Она идетъ отъ Чернаго моря на Агачлы, и оттуда черезъ Перенджикіой, Чифликъ-Хаджи-Петро-Мандра и по оврагу Беданица-дере къ кирпичному заводу на берегу Мраморнаго моря.

„О расположеніи войскъ позади этой линіи я уже доносилъ Вашему Императорскому Величеству. Турецкія же войска расположились между этою линіей и Константинополемъ. Штабъ Мухтара-паши остался также внѣ города, въ казармахъ „Даудъ-паша".

„На 19-ое февраля, чтобы ознаменовать высокоторжественный

[1]) Т.-е. 26-го февраля.

[2]) Принцъ Баттенбергскій, офицеръ англійскаго флота.

день вступленія на престолъ Вашего Величества, я назначилъ въ 2 ч. пополудни парадъ всѣмъ войскамъ, расположеннымъ въ Санъ-Стефано и окрестностяхъ. Къ этому времени выстроились въ пять линій, фронтомъ къ Константинополю: въ 1-й линіи—собственный Вашего Величества конвой, сводная гвардейская рота почетнаго Вашего Величества конвоя и 1-я бригада 1-й гвард. пѣх. дивизіи; во 2-й линіи—первые три полка 2-й гвард. пѣх. дивизіи [1]); въ 3-й линіи—гвардейская стрѣлковая бригада, л.-гв. саперный баталіонъ, мой конвойный баталіонъ и 4-я стрѣлковая бригада; въ 4-й линіи—л.-гв. 1-я артилл. бригада и первыя четыре батареи л.-гв. 2-й артилл. бригады; въ 5-й линіи—сводный гвардейскій полуэскадронъ почетнаго Вашего Величества конвоя, л.-гв. уланскій полкъ, л.-гв. казачій Вашего Величества полкъ и л.-гв. донская казачья Наслѣдника Цесаревича батарея.

„Турки обѣщали мнѣ наканунѣ, что миръ будетъ подписанъ къ 12-ти, самое позднее—къ 1 ч. пополудни. Поэтому я и назначилъ парадъ въ 2 часа, съ тѣмъ, чтобы объявить войскамъ о заключеніи мира. Но переписка и исполненіе другихъ формальностей такъ затянули дѣло, что пришлось прождать до 4½ ч. пополудни. Около 4¼ я сѣлъ верхомъ и, выѣхавъ изъ мѣстечка, остановился въ нѣкоторомъ удаленіи отъ войскъ. Наконецъ пріѣхалъ генералъ-адъютантъ графъ Игнатьевъ, съ объявленіемъ, что миръ окончательно подписанъ.

„Провозгласивъ, вмѣстѣ съ моею свитою, громогласное ура Вашему Величеству, подхваченное многочисленною собравшеюся публикою и народомъ, я направился къ войскамъ. Объѣхавъ линіи, вызвалъ передъ середину, къ походному аналою, всѣхъ офицеровъ и, когда они собрались, — громко поздравилъ войска съ славнымъ миромъ. Единодушное, восторженное ура вырвалось у всего собраннаго войска и прокатилось до стѣнъ Царьграда. Шапки высоко полетѣли вверхъ. Радостные клики долго не умолкали; едва удалось унять общій восторгъ.

„Когда все утихло, я горячо поблагодарилъ отъ имени Вашего Величества какъ войска, такъ и въ особенности офицеровъ.

„Затѣмъ отслужено было торжественное благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Трудно передать то величественное и благоговѣйное впечатлѣніе, которое производило богослуженіе передъ строемъ побѣдоносныхъ войскъ, подъ самыми стѣнами Царьграда, въ виду высящагося надъ нимъ купола Святой

---

[1]) Л.-гв. финляндскій полкъ не былъ на парадѣ по отдаленности расположенія.

Софіи. По окончаніи молебствія, въ сумеркахъ, войска прошли церемоніальнымъ маршемъ. Парадъ кончился уже въ темнотѣ, слабо озаряемой свѣтомъ санъ-стефанскаго маяка и отдаленнымъ мерцаніемъ константинопольскихъ огней.

„Я убѣжденъ, что всякій, присутствовавшій на этомъ единственномъ въ своемъ родѣ торжествѣ, сохранитъ о немъ воспоминаніе на всю жизнь и передастъ его своимъ дѣтямъ.

„По заключеніи мира, я призналъ необходимымъ дать нѣсколько болѣе просторное размѣщеніе войскамъ, для прекращенія уже начавшейся между ними болѣзненности, которая можетъ принять эпидемическій характеръ. Въ разныхъ мѣстахъ расположенія войскъ уже началъ появляться тифъ, преимущественно сыпной. Пока еще, слава Богу, до повальныхъ заболѣваній не дошло; но не скрою отъ Вашего Величества, что въ настоящее время года—и къ тому же въ отравленной трупными міазмами атмосферѣ—здоровье войскъ составляетъ предметъ самыхъ серьезныхъ моихъ опасеній.

„Хотя въ мирномъ договорѣ численность остающейся въ Болгаріи кавалеріи и опредѣлена въ двѣ дивизіи, но я полагаю, что оставленіе трехъ дивизій не возбудитъ со стороны турокъ серьезнаго протеста. Въ случаѣ какого-либо съ ихъ стороны заявленія по этому поводу, я намѣренъ сказать, что мы оставляемъ здѣсь двѣ дивизіи шестиполкового состава, такъ какъ составъ дивизій въ мирномъ договорѣ не предусмотрѣнъ".

Сегодня въ 8 ч. утра получена шифрованная депеша военнаго министра, отъ 8 ч. 40 м. вчерашняго вечера, слѣдующаго содержанія:

„Отвѣтъ на депешу 23-го февраля. Государь Императоръ изволитъ предполагать: немедленно по ратификаціи договора съ Портою и полученіи окончательнаго согласія державъ на конгрессъ въ Берлинѣ,—перевезти моремъ въ Одессу и Николаевъ: всѣ части гвардіи, обѣ гренадерскія дивизіи и нѣкоторыя другія части дѣйствующей арміи. Войска эти, если ко времени ихъ возвращенія въ Россію не будетъ еще полной увѣренности въ сохраненіи мира, расположатся въ кіевскомъ и одесскомъ округахъ, дабы въ случаѣ войны поступить въ составъ западныхъ армій. Ввѣренная же Вашему Высочеству армія, оставаясь на Забалканскомъ полуостровѣ, должна быть въ готовности захватить Босфоръ, дабы не впустить англійскій флотъ въ Черное море. Подробнѣе будетъ сообщено письменно, первымъ фельдъегеремъ № 1049".

Теперь многое ясно. Во-первыхъ, что мы, заручившись согласіемъ императора Вильгельма на конгрессъ въ Берлинѣ, все еще не увѣрены въ окончательномъ согласіи на это другихъ державъ и, главнымъ образомъ—Англіи. Во-вторыхъ,—наши отношенія къ Австріи очевидно замутились, ибо предусматривается возможность формированія „западныхъ армій", для которыхъ только Австрія съ Румыніей и могутъ быть цѣлями дѣйствій. Наконецъ, въ-третьихъ, на остающіяся подъ начальствомъ Великаго Князя войска возлагается совершенно неисполнимая задача: не имѣя флота, захватить Босфоръ и не впускать англійскій флотъ въ Черное море. Какъ это сдѣлать? какія мѣры могутъ быть предположены въ Петербургѣ для достиженія подобной цѣли? Рѣшительно не могу себѣ представить.

Великій Князь, разсердившись на эту телеграмму, сегодня же утромъ телеграфировалъ уже Государю шифромъ:

„Военный министръ шифрованною депешею отъ вчерашняго числа сообщаетъ твои указанія о выводѣ части войскъ отсюда послѣ ратификаціи мирнаго договора и расположеніи ихъ, временно, въ одесскомъ и кіевскомъ округахъ, если обстоятельства того потребуютъ. Считаю долгомъ заявить, что для предстоящей мнѣ тогда цѣли остающихся войскъ за Балканами будетъ слишкомъ мало, такъ какъ 4-ый и 9-ый корпуса, послѣ ратификаціи мирнаго договора, я долженъ тотчасъ расположить, согласно вчерашней моей телеграммы военному министру. А потому, еслибы дѣйствительно угрожала намъ опасность новой войны, прошу оставить здѣсь гренадеръ, а западныя арміи усилить 11-мъ и 12-мъ корпусами и 2-ою пѣхотною дивизіей. 14-й корпусъ необходимо удержать въ Болгаріи до полнаго очищенія турками Шумлы и Варны".

Телеграмма эта совсѣмъ не въ точку бьетъ. Не понимаю, почему Великій Князь, вполнѣ сознающій невозможность возбранить англійскому флоту пройти черезъ Босфоръ въ Черное море,— не говоритъ этого Государю прямо и опредѣленно, а вмѣсто этого заводитъ рѣчь о недостаточности войскъ, предназначенныхъ для достиженія этой цѣли. Разъ нѣтъ флота у насъ—не все ли равно, сколько сухопутныхъ войскъ? Насколько мы неуязвимы для англичанъ на сушѣ, настолько же и они для насъ на водѣ. Сегодня вернулся изъ Константинополя М. Д. Скобелевъ и говоритъ, что тамъ настроеніе скверное. Санъ-Стефанскій миръ никто не считаетъ серьезнымъ и всѣ ждутъ объявленія намъ войны Англіей, которая спѣшно къ ней готовится. Мобилизуются два англійскихъ корпуса и часть остъ-индскихъ войскъ. Въ Вульвичѣ и Портсмутѣ работаютъ день и ночь.

Цѣлый день буря съ дождемъ и даже съ грозою.

26 февраля.—Сегодня пароходъ „Владиміръ“ ушелъ въ Россію съ графомъ Игнатьевымъ и Реуфъ-пашой. Повезли къ Государю санъ-стефанскій мирный договоръ. Дай Богъ, въ добрый часъ! Послѣ вчерашней бури—море какъ зеркало, а солнце ярко сіяетъ на высокомъ безоблачномъ небѣ.

Военный министръ сообщилъ сегодня телеграммою, что всѣ предположенія Великаго Князя о расположеніи въ Болгаріи оккупаціонныхъ войскъ—Государемъ одобрены; о приведеніи же этихъ предположеній въ исполненіе будетъ въ свое время особое Высочайшее повелѣніе.

По случаю дня рожденія Наслѣдника, Великій Князь послалъ ему сегодня двѣ телеграммы: одну лично отъ себя, а другую слѣдующаго содержанія:

„Всѣ части дѣйствующей арміи поздравляютъ Ваше Высочество съ днемъ вашего рожденія, съ гордостью вспоминая то время, которое вы провели въ ея средѣ, доблестно, въ теченіе семи мѣсяцевъ, отстаивая всѣ старанія непріятеля пробиться черезъ командуемыя вами войска“.

Что̀ отвѣчалъ Наслѣдникъ—не знаю, но Государь откликнулся слѣдующею телеграммою отъ 3½ ч. дня, полученною въ 6½ час. вечера:

„Сердечно благодарю за Сашу. Далъ ему сегодня саблю съ бриллiантами за все время командованія рущукскимъ отрядомъ. Выходъ былъ въ большую церковь. На шифрованную телеграмму (см. 25-го февраля)—отвѣчу завтра“.

27 февраля. — Прибыла въ распоряженіе Великаго Князя императорская яхта „Ливадія“ и на ней главный командиръ генералъ-адъютантъ Аркасъ изъ Одессы. Говоритъ, что, судя по спокойному настроенію торговаго міра, войны не будетъ. Англійскіе консулы и купцы утверждаютъ, что Англія вовсе не расположена воевать и что на конгрессѣ все уладится. Дай Богъ!

Государь телеграфировалъ сегодня (получ. 5 ч. 11 м. дня): „На всѣ вопросы твои получишь подробныя указанія съ фельдъегеремъ, отправляющимся завтра“.

28 февраля.—Еще телеграмма Государя отъ 11¼ сегодняшняго утра:

„Гвардію можно будетъ отправить, приблизительно, около нашего 15-го марта. Дальнѣйшія указанія получишь съ генераломъ

Анненковымъ, котораго отправляю къ тебѣ по прибытіи Игнатьева".

1 марта.—Великій Князь мучится головною болью. Однако, сегодня самъ составилъ и велѣлъ зашифровать слѣдующую депешу Государю (отправленную въ $2^1/_2$ ч. дня):

„Для свѣдѣнія и твоихъ соображеній сообщаю, что гвардейскій корпусъ, начавъ отправку отсюда пятнадцатаго числа, будетъ перевезенъ окончательно въ Одессу и Николаевъ къ десятому апрѣля; гренадерскій же корпусъ, начавъ перевозку десятаго апрѣля, окончитъ къ двадцать-пятому,—все это въ томъ случаѣ, если буря не помѣшаетъ".

Не вѣрю всѣмъ этимъ соображеніямъ, ибо никакъ не могу согласовать ихъ съ недавними еще свѣдѣніями о вызывающемъ образѣ дѣйствій англичанъ. Проекты обратной перевозки войскъ разстроятъ они, а не бури. Мысль объ англичанахъ вообще мнѣ покою не даетъ: каждый день жду отъ нихъ какой-нибудь крупной непріятности. Еслибъ мы въ свое время заняли Галлиполи, англійская эскадра не рѣшилась бы пройти Дарданеллы, и тогда былъ бы совсѣмъ другой разговоръ. Упущенное на войнѣ время—непоправимо.

2 марта.—Въ 5 ч. 40 м. дня получена телеграмма Государя отъ 4 ч. 10 м. дня:

„Игнатьевъ только-что прибылъ. Благодарю искренно за письмо отъ 25-го февраля. Объ оставленіи румынами Виддина и Бѣлградчика не сожалѣю, а напротивъ, доволенъ, что мы ихъ займемъ нашими войсками".

Великій Князь немедленно отвѣчалъ:

„Радуюсь пріѣзду Игнатьева. Князья Дондуковъ и Имеретинскій пріѣхали сегодня. Здѣсь все пока тихо и спокойно".

3 марта.—Пріѣзжалъ къ Великому Князю турецкій великій визирь Ахмедъ-Вефикъ-паша, о чемъ Великій Князь сегодня вечеромъ телеграфировалъ Государю:

„Сегодня былъ у меня первый министръ Ахмедъ-Вефикъ-паша; переговорили о выходѣ нашихъ войскъ. Все благополучно. Погода грязная, дождь, но тепло".

А я все не могу отдѣлаться отъ смутнаго чувства, что дѣла наши обстоятъ неладно, и что мы не скоро отсюда выберемся. Многіе сердятся на меня за пессимизмъ; даже Великій Князь выразилъ удивленіе, куда дѣвались моя прежняя бодрость духа и спокойная увѣренность.

4 марта.—Великій Князь нашелъ нужнымъ вчера запросить Государя, когда и куда отправить его сводно-гвардейскій почетный конвой (рота и полуэскадронъ). Сегодня утромъ полученъ отвѣтъ Государя отъ 8 ч. вчерашняго вечера:

„Сегодня принималъ Реуфа-пашу и вслѣдъ затѣмъ утвердилъ мирный договоръ. Корсакову-Дондукову можешь объявить теперь же его назначеніе. Мою конвойную роту и полуэскадронъ отправь сюда при первой возможности“.

5 марта. — Загадочное затишье разразилось-таки сегодня крупною непріятностью, свалившеюся намъ какъ снѣгъ на голову, хотя ее можно и должно было предвидѣть. Оказывается, что мы, не спросясь хозяевъ, намѣтили пунктомъ посадки войскъ Буюкдере на Босфорѣ, руководствуясь единственно тѣмъ соображеніемъ, что тамъ посадка удобнѣе, чѣмъ на Мраморномъ морѣ, и къ тому же—не на глазахъ у англичанъ. Сдѣлали всѣ подготовительныя распоряженія, объявили даже по войскамъ и тогда лишь сообщили туркамъ. Сегодня пріѣхалъ къ Великому Князю самъ Савфетъ-паша, крайне встревоженный, и сталъ умолять отказаться отъ посадки въ Буюкдере, такъ какъ Лейардъ объявилъ ему, что въ такомъ случаѣ англійскій флотъ вступитъ въ Босфоръ. Великій Князь донесъ объ этомъ казусѣ Государю двумя шифрованными депешами слѣдующаго содержанія:

1) „Турки дѣлаютъ намъ затрудненія въ посадкѣ войскъ въ Буюкдере, въ виду англичанъ, которые будто бы могутъ принять движеніе нашихъ войскъ къ Босфору за желаніе наше овладѣть пунктомъ на Босфорѣ. Порты же на Мраморномъ и Черномъ моряхъ неудобны для посадки войскъ, ибо рейды открытые и при малѣйшемъ вѣтрѣ нѣтъ возможности пароходамъ стоять на рейдѣ [1]). Между тѣмъ, посадка войскъ въ Буюкдере есть единственное средство приблизиться къ Босфору для завладѣнія, въ случаѣ разрыва съ Англіей, пунктомъ на проливѣ, тѣмъ болѣе, что возможность захватить проливъ силою становится съ каждымъ днемъ затруднительнѣе, такъ какъ турецкія войска изъ крѣпостей Болгаріи свозятся преимущественно въ Царьградъ, гдѣ ихъ уже до ста тысячъ. Сажать войска въ Мраморномъ морѣ, въ виду

---

[1]) Не знаю, кто увѣрилъ въ этомъ Великаго Князя, но считаю это крайнимъ преувеличеніемъ. Конечно, посадка на Босфорѣ удобнѣе, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что она почти невозможна на Мраморномъ морѣ. Кромѣ того, Буюкдере внѣ нашего расположенія, слѣдовательно безъ предварительнаго соглашенія съ турками мы тамъ совсѣмъ не вправѣ распоряжаться.

возможности разрыва съ Англіей, даже опасно, потому что суда наши могутъ быть ими тамъ захвачены".

2) (Подана около 12 ч. дня). „Савфетъ былъ сейчасъ у меня для того, чтобъ условиться о мѣстѣ посадки войскъ. Послѣ объясненія съ нимъ, дѣло, кажется, уладится по моему желанію. Несмотря на это, не найдешь ли нужнымъ приказать объясниться съ Лофтусомъ [1]), такъ какъ сію минуту получилъ увѣдомленіе, что англичане угрожаютъ Портѣ: въ случаѣ посадки нашихъ войскъ въ Босфорѣ, занять Босфоръ своею эскадрою".

Вслѣдъ за этимъ Великій Князь послалъ еще телеграмму Государю:

„Не полагаешь ли полезнымъ, чтобы князь Дондуковъ прибылъ въ Петербургъ до вступленія въ должность, для полученія послѣднихъ указаній лично отъ тебя?"

Отвѣтъ на всѣ эти телеграммы былъ полученъ около 11 ч. вечера:

„Если имѣешь на кого возложить временно завѣдываніе гражданскими дѣлами, можешь разрѣшить Дондукову прибыть сюда. На твои двѣ шифрованныя телеграммы отъ 5-го марта отвѣчаю шифромъ".

И почти одновременно получена еще слѣдующая шифрованная телеграмма:

„Въ западную Болгарію полагалъ бы послать на первое время лишь небольшіе отряды, преимущественно кавалерійскіе, для поддержанія спокойствія и порядка. Отдѣлять же туда значительную часть войскъ было бы опасно, ибо теперь главною нашею заботою должно быть сосредоточеніе большихъ силъ въ ближайшемъ къ Константинополю и Галлиполи раіонѣ на случай войны съ Англіей. Ожидаю твоихъ соображеній по содержанію письма военнаго министра отъ 27-го февраля".

Великій Князь отвѣчалъ немедленно:

„Телеграмму твою отъ сегодня 6 часовъ получилъ. Фельдъегерь отъ 27-го февраля еще не пріѣзжалъ. Все будетъ исполнено по твоему желанію".

Телеграмму Государя надо понимать такъ: 4-й корпусъ не слѣдуетъ уводить въ Ускюбъ, Монастырь и Сересъ (см. телеграмму Великаго Князя отъ 24-го февраля и отчетъ Государю отъ 25-го февраля, отправленный на пароходѣ „Владиміръ"), а напротивъ: приблизить къ главнымъ силамъ. Но не могу понять, какимъ образомъ сосредоточеніе нашихъ войскъ къ Константи-

---

[1]) Великобританскій посолъ въ Петербургѣ.

нополю и Галлиполи можетъ помѣшать англичанамъ хозяйничать на морѣ. Не понимаю также, почему Великій Князь не говоритъ этого Государю прямо. Не понимаю наконецъ, какъ распутается вопросъ о посадкѣ нашихъ войскъ въ Буюкдере, возникшій единственно по нашему же легкомыслію. Еслибъ мы заранѣе сговорились объ этомъ съ турками—намъ все-таки легче было бы поставить на своемъ, не взирая на протестъ англичанъ. Но теперь—не вижу, какъ намъ это удастся, тѣмъ болѣе, что англичане вполнѣ вѣрно поняли этотъ проектъ, какъ предлогъ завладѣть опорнымъ пунктомъ на берегу Босфора, и отвести имъ глаза на этотъ счетъ, конечно, не удастся. Намъ, изъ амбиціи, надо теперь настаивать на своемъ, а между тѣмъ это почти навѣрное приведетъ къ формальному разрыву съ Англіей, ибо она по этому вопросу ни за что не уступитъ: себѣ дороже стоитъ!

И выходитъ, что мы стоимъ наканунѣ европейской войны. А между тѣмъ, мы и не готовы, и устали. Безошибочно могу сказать, что никто не хочетъ новой войны. Даже такой желѣзный человѣкъ, какъ Гурко, стремится домой. Онъ уже просился въ отпускъ на словахъ; но такъ какъ Великій Князь наотрѣзъ отказалъ, то онъ подалъ рапортъ съ приложеніемъ медицинскаго свидѣтельства. Посмотримъ, что̀ изъ этого выйдетъ.

Погода холодная и дождливая.

6 марта.—День тихій и пасмурный, но къ вечеру—шквалъ, гроза и затѣмъ сильный вѣтеръ.

Настроеніе невыносимо-напряженное. Мрачная неизвѣстность душитъ, какъ кошмаръ. Нелидовъ говорилъ мнѣ, что, по полученнымъ имъ изъ Константинополя отъ германскаго посольства свѣдѣніямъ, Англія принимаетъ все болѣе и болѣе угрожающее положеніе, такъ что избѣжать войны съ нею будетъ очень трудно. Великій Князь отправляетъ его сегодня въ Константинополь, попытаться уладить съ турками вопросы о посадкѣ нашихъ войскъ въ Буюкдере.

Съ утра (въ $8^1/_2$ ч.) Великій Князь телеграфировалъ Государю:

„Фельдъегерь еще не пріѣхалъ, депешу шифрованную еще не получалъ. Жду ее съ нетерпѣніемъ при теперешнихъ обстоятельствахъ. Со вчера мнѣ опять нездоровится: боль подъ ложкой назойливая, дѣйствуетъ на нервы, въ особенности когда есть заботы и хлопоты, которыхъ теперь снова немало. Пишу объ этомъ потому, что неоднократно желалъ знать о моемъ здоровьи. Работаю, сколько силъ хватаетъ“.

Въ 1 ч. 10 м. дня получена шифрованная депеша Государя отъ $9^1/_2$ ч. сегодняшняго утра:

„Въ виду явно-враждебнаго расположенія Англіи, которая ищетъ предлоговъ къ разрыву, необходимо пріостановить отправленіе гвардіи и гренадеръ и принять рѣшительныя мѣры къ воспрепятствованію прорыву англичанъ черезъ Босфоръ. Прошу тебя, не теряя времени, обдумать во всей подробности и сообщить мнѣ твой планъ дѣйствій. Можно ли надѣяться на содѣйствіе турокъ, или исполнить—помимо ихъ?“

Время давно уже потеряно и никакими мѣрами мы не можемъ помѣшать англичанамъ вступить въ Босфоръ и въ Черное море, когда имъ это вздумается. Въ Петербургѣ воображаютъ, что можно, не имѣя флота, преградить англичанамъ доступъ въ Босфоръ подводными минами. Къ сожалѣнію, и въ нашихъ руководящихъ сферахъ признаютъ это возможнымъ, хотя и очень труднымъ. А по-моему, это чистѣйшая химера. Даже на Дунаѣ (а не на морѣ!) и противъ такого безпомощно-бездѣятельнаго противника, какъ турки—намъ только одинъ разъ удалась минная аттака, и то лишь потому, что это былъ первый разъ. Всѣ остальныя попытки минныхъ аттакъ были неудачны, а постановка минныхъ загражденій на Дунаѣ оказалась совершенно недѣйствительною. Уповать на однѣ мины, какъ на средство парализовать активныя дѣйствія англійскаго флота—совершенно безнадежное дѣло. У англичанъ вѣдь тоже есть и мины, и средства борьбы съ ними, но кромѣ того есть и сильный боевой флотъ, котораго у насъ нѣтъ вовсе.

Что же касается до надежды на помощь намъ турокъ, то можно лишь изумляться, кто могъ внушить Государю столь несообразную мысль!

Великій Князь отвѣчалъ на эту телеграмму въ 2 ч. 30 м. пополудни шифромъ и попрежнему уклончиво. Сколько могу судить, у него просто не хватаетъ духу рѣшительно высказаться: опасается возбудить гнѣвъ Государя. Вотъ эта депеша:

„Телеграмму шифрованную и фельдъегеря съ письмомъ военнаго министра [1]) получилъ. Такъ какъ въ письмѣ говорится о сформированіи на лѣвомъ берегу Дуная арміи для дѣйствій противъ Австріи, а въ телеграммахъ вчерашней и сегодняшней говорится только о дѣйствіяхъ противъ Англіи, то означаетъ ли это, что со стороны Австріи намъ теперь нечего опасаться. Про турокъ ничего положительнаго сказать не могу; скорѣй,—они не

[1]) Этого письма Великій Князь мнѣ не показывалъ.

будутъ намъ содѣйствовать. Обо всемъ подумаю, узнаю и немедленно сообщу".

Въ 5 час. дня была получена еще одна телеграмма Государя отъ 3 час. 50 мин. сегодняшняго дня:

„Крайне сожалѣю, что ты опять чувствуешь себя хуже. Да подкрѣпитъ тебя Богъ въ теперешнюю критическую минуту, гдѣ твоя дѣятельность для меня столь необходима. Обращаю твое особенное вниманіе на мою шифрованную телеграмму отъ вчерашняго вечера. Реуфъ-паша отправляется обратно завтра".

Въ 7 час. 15 мин. вечера Великій Князь отвѣчалъ:

„Искренно благодарю тебя за депешу. Будь увѣренъ, что буду работать, сколько силъ хватитъ. Да поможетъ намъ Богъ. Нелидова послалъ въ Константинополь: когда вернется, соображу и сообщу".

Вскорѣ по отправленіи этой депеши, вернулся Нелидовъ съ весьма неутѣшительными, но отнюдь не неожиданными извѣстіями. Тотчасъ же была составлена, зашифрована и въ 9½ час. вечера отправлена Государю слѣдующая телеграмма:

„Нелидовъ вернулся изъ Константинополя. Турки, послѣ долгихъ совѣщаній, наотрѣзъ отказываютъ въ посадкѣ войскъ въ Буюкдере, говоря, что они къ этому принуждены. Поэтому занятіе Босфора мирнымъ путемъ будетъ мнѣ почти невозможно. Намъ на содѣйствіе турокъ въ случаѣ разрыва съ Англіей разсчитывать положительно нельзя. А приблизиться къ Босфору безъ согласія турокъ—повлечетъ неминуемо къ разрыву съ Англіей,—что̀ при болѣе успокоительныхъ извѣстіяхъ изъ Европы, полученныхъ здѣсь въ посольствахъ, мнѣ кажется нежелательно. Въ случаѣ войны съ Англіею я дѣлаю всѣ распоряженія, дабы во что бы то ни стало занять Босфоръ. Да поможетъ намъ Богъ, чтобы до этого не дошло".

Остаюсь при убѣжденіи, что нѣтъ и не можетъ быть такихъ мѣръ, которыми мы могли бы помѣшать англійскому флоту вступить въ Босфоръ. Простое занятіе Буюкдере или иного пункта на Босфорѣ не можетъ стѣснить свободное плаваніе англичанъ, тѣмъ болѣе, что у насъ нѣтъ вовсе артиллеріи большого калибра, могущей состязаться съ британскою судовою артиллеріею. Слѣдовало бы прямо и рѣзко разбить иллюзію захвата Босфора [1]).

---

[1]) Впослѣдствіи, уже по окончаніи войны, я узналъ, что мысль о захватѣ Босфора зародилась въ горячей головѣ Н. Н. Обручева, любителя смѣлыхъ, фантастическихъ плановъ. У него была особая способность увлекательно и настойчиво проповѣдывать свои завѣтныя идеи и вселять ихъ, путемъ пламеннаго внушенія, въ головы лицъ, власть имѣющихъ. Онъ такъ глубоко вѣрилъ въ свои идеи, что увлекалъ

7 марта.—Весь день буря, холодъ и дождь. Вчера Великій Князь приказалъ: 11-ую пѣхотную дивизію отправить на присоединеніе къ своему 11-му корпусу (32 пѣх. и 11 кав. дивизіи) въ Румынію; весь 12-й корпусъ стянуть ближе къ Рущуку; 26-ую пѣх. дивизію притянуть къ Адріанополю; „Русскому обществу пароходства и торговли" объявить, что по политическимъ обстоятельствамъ перевозка войскъ въ Россію откладывается на неопредѣленное время, — и поэтому только-что заключенный съ обществомъ договоръ считается недѣйствительнымъ.

Въ теченіе сегодняшняго дня состоялся слѣдующій обмѣнъ телеграммъ между военнымъ министромъ и Великимъ Княземъ.

Отъ военнаго министра получены три телеграммы:

1) *Шифромъ.* „Изъ телеграммы Государя Императора сего числа (6-го) Вашему Высочеству уже извѣстно, что отправленіе гвардіи и гренадеръ должно быть пріостановлено, почему распоряженія о перевозкѣ всей арміи были бы теперь преждевременны. Необходимо прежде рѣшить общій планъ на случай войны; теперь же воспользоваться морскимъ путемъ для перевозки только того, въ чемъ не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ надобности для продолженія дѣйствій балканской арміи".

2) *Шифромъ*: „Прошу сообщить мнѣ для доклада Государю Императору соображенія относительно срытія дунайскихъ крѣпостей: признается ли болѣе для насъ выгоднымъ исполнить неотлагательно или удержать за собою которыя-либо изъ нихъ въ предвидѣніи войны. Какія приняты мѣры къ очищенію турками Шумлы и Варны?"

3) *Шифромъ*: „Нынѣ въ составѣ дѣйствующей арміи двадцать-пять донскихъ полковъ и четырнадцать батарей. Сколько изъ нихъ Ваше Высочество полагаете возможнымъ выдѣлить изъ арміи? Желательно двинуть ихъ къ нашей границѣ неотлагательно, равно какъ и одну изъ кавалерійскихъ дивизій".

Великій Князь отвѣчалъ слѣдующими шифрованными телеграммами:

1) „Крѣпости дунайскія полагалъ бы необходимымъ срыть и начать немедленно. Насчетъ Шумлы и Варны сказано туркамъ, чтобы живѣе очищали, и приказано Ванновскому подгонять ихъ на мѣстѣ".

2) „Могу послать отсюда 1-ую кавалерійскую дивизію, 1-ую донскую дивизію съ ихъ артиллеріею, 21-й, 26-й и 37-й донскіе

этою вѣрою и другихъ, даже такого спокойнаго и трезваго мыслителя, какъ Д. А. Милютинъ.

полки и двѣ донскія батареи. Нужно ли и когда двинуть въ Россію, согласно вашего письма, 1-ую саперную бригаду. Куда надо направить всѣ вышепоименованныя части?"

Вечеромъ въ $9^1/_2$ час. послана телеграмма Государю:

„По полученнымъ здѣсь извѣстіямъ, настроеніе въ Европѣ какъ будто успокоительнѣе. Соображеніе (объ оборонѣ Босфора) составляю, постараюсь прислать какъ можно скорѣе. Погода ужасная, холодъ и буря второй день, даже шелъ снѣгъ. Здоровье мое все то же, но работаю дѣятельно".

Вслѣдъ за отправленіемъ этой телеграммы получена шифрованная телеграмма князя Горчакова отъ вчерашняго 6-го марта:

„Завтра выѣзжаютъ курьеры, которые повезутъ нашъ предварительный мирный договоръ съ Портою посламъ при всѣхъ великихъ державахъ, съ приказаніемъ его сообщить. Условлено, что на берлинскомъ конгрессѣ каждый сохраняетъ свободу оцѣнки и дѣйствій; мы требуемъ того же и въ той же степени для себя и не допускаемъ обязательства склоняться передъ большинствомъ, такъ какъ это было бы противно обычаю, всегда соблюдаемому на конгрессахъ. Хотя Андраши [1]) и увѣряетъ въ своемъ миролюбивомъ настроеніи, однако тройственное соглашеніе, затѣянное въ Вѣнѣ, не сдѣлало никакихъ успѣховъ. Бисмаркъ предлагаетъ предварительную конференцію въ Берлинѣ изъ шести членовъ, частью вторыхъ уполномоченныхъ, частью мѣстныхъ пословъ, для разработки вопросовъ, имѣющихъ быть представленными конгрессу, созывъ котораго отсрочить впредь до окончанія работъ предварительной конференціи. Хотя мнѣ лично эта комбинація не представляется практическою, Государь Императоръ соизволилъ на нее согласиться, назначивъ для участія въ ней нашего второго уполномоченнаго Игнатьева. Но Англія отвергаетъ эту конференцію, какъ безполезную, настаивая при этомъ, чтобы въ случаѣ, если конгрессъ состоится,—можно было обсуждать всѣ статьи нашего предварительнаго договора. Однако, Германія надѣется устранить всѣ препятствія. Получилъ сію минуту телеграмму Убри [2]), который увѣдомляетъ, что предварительная конференція составится только изъ мѣстныхъ пословъ, для опредѣленія подробностей формальнаго свойства, не затрогивая никакихъ вопросовъ. Мы согласились".

8 марта.—Ночью получена слѣдующая шифрованная телеграмма Государя, поданная вчера въ 8 час. 10 мин. вечера.

[1]) Австро-венгерскій первый министръ.

[2]) Нашъ посолъ въ Берлинѣ.

7 марта.—Весь день буря, холодъ и дождь. Вчера
Князь приказалъ: 11-ую пѣхотную дивизію отправить на
диненіе къ своему 11-му корпусу (32 пѣх. и 11 кав.
въ Румынію; весь 12-й корпусъ стянуть ближе къ Рущук
пѣх. дивизію притянуть къ Адріанополю; „Русскому
пароходства и торговли" объявить, что по политически
тельствамъ перевозка войскъ въ Россію откладывае
опредѣленное время, — и поэтому только-что закл
обществомъ договоръ считается недѣйствительнымъ.

Въ теченіе сегодняшняго дня состоялся слѣду
телеграммъ между военнымъ министромъ и Велик

Отъ военнаго министра получены три телегра

1) *Шифромъ.* „Изъ телеграммы Государя I
числа (6-го) Вашему Высочеству уже извѣстно,
гвардіи и гренадеръ должно быть пріостановлен
ряженія о перевозкѣ всей арміи были бы т
менны. Необходимо прежде рѣшить общій план
теперь же воспользоваться морскимъ путемъ д
того, въ чемъ не можетъ быть ни въ каком
для продолженія дѣйствій балканской арміи"

2) *Шифромъ*: „Прошу сообщить мнѣ
Императору соображенія относительно сры
стей: признается ли болѣе для насъ выг
отлагательно или удержать за собою ко
предвидѣніи войны. Какія приняты мѣр
Шумлы и Варны?"

3) *Шифромъ*: „Нынѣ въ составѣ
дцать-пять донскихъ полковъ и четы
изъ нихъ Ваше Высочество полагает
арміи? Желательно двинуть ихъ к
тельно, равно какъ и одну изъ ка

Великій Князь отвѣчалъ слѣд
граммами:

1) „Крѣпости дунайскія пола
начать немедленно. Насчетъ Шу
чтобы живѣе очищали, и прика
на мѣстѣ".

2) „Могу послать отсюда 1
донскую дивизію съ ихъ арти

этою вѣрою и другихъ, даже таког
Милютинъ.

полки и [illegible] нулъ, и онъ сталъ мнѣ
Россіи, [illegible] ойчиво просилъ отпуска,
надо [illegible] олученіи телеграммы Го-
Вечеромъ [illegible] Англіи, послалъ сказать
„По [illegible] ъ. Оказалось, что Гурко
какъ будто [illegible] чуть не за 5 минутъ до
составили, [illegible] Князя дуется. Этимъ въ
ужасная, [illegible] Князь. „Я дольше всѣхъ
мое все то же, [illegible] мнѣ:—я самъ тоскую, я
Велѣлъ [illegible] другіе пристаютъ, чтобы
ванная телеграмма [illegible] стилъ!“ Великій Князь былъ
„Завтра [illegible] счелъ неделикатнымъ изла-
варительный [illegible] теперешнее положеніе дѣлъ,
ликихъ державъ [illegible] бы видъ напоминанія мыслей,
на берлинскомъ [illegible] ленныхъ безъ вниманія. Те-
дѣйствій; [illegible]
допускаемъ [illegible] разрыва, прежде чѣмъ дойдетъ
какъ это было бы [illegible] всѣ мѣры, чтобъ вывести насъ
конгрессахъ. [illegible] поступокъ, который оправдаетъ
бивомъ настроеніи [illegible] ахъ англійскаго общественнаго
въ Вѣнѣ, не [illegible] аетъ своего намѣренія довести
предварительную [illegible] что Турція, если и будетъ нѣко-
частью вторыхъ [illegible] онецъ, все-таки возобновитъ войну
разработки вопросовъ [illegible] я союзу съ Англіей, вернуть мно-
грессу, созывъ [illegible] насъ же наоборотъ, до сихъ поръ
предварительной [illegible] ь теперь поколебалось совершенно
не представляется [illegible] Турція охотно будетъ за-одно съ
на нее согласиться, [illegible] будто бы выгоднѣе съ нами дру-
рого уполномоченн [illegible] о оспаривалъ это самообольщеніе:
ференцію, какъ [illegible] ъ только *купить*, заключивъ съ нею
случаѣ, если [illegible] оглашеніе о добровольномъ отказѣ отъ
статьи нашего [illegible] тефанскаго договора и преподнеся за-
дѣется устранить [illegible] опѣ на берлинскомъ конгрессѣ. Такъ,
грамму Убри [2], [illegible] ть слишкомъ широко раздвинутыя гра-
ференція составит [illegible] ь совсѣмъ контрибуцію, уплата которой
ленія подробностей [illegible] ьна. Тогда еще, можетъ быть, Турція и
кихъ вопросовъ. [illegible] нами, но и то едвали. А между тѣмъ,
[illegible] о бы [illegible] ерьезнѣйшія уступки—и

8 марта.—Н [illegible]
грамма Государ [illegible] на бе [illegible] мѣя за собою вплоть до
[illegible] ную п [illegible] емъ подвозомъ изъ Кон-
[illegible] Азіи [illegible] на двѣсти верстъ позади

[1]) Австро-венгер [illegible]
[2]) Нашъ посолъ [illegible]

„Обѣ твои шифрованныя вчерашнія телеграммы получены. Касательно отношеній Австріи тебѣ извѣстно изъ телеграммы канцлера настоящее положеніе дѣлъ. Стратегическія соображенія наши остаются прежнія. Въ моихъ телеграммахъ не упоминалось объ Австріи потому, что въ нихъ заключались лишь указанія на ближайшій предметъ нашихъ заботъ и распоряженій, именно на Босфоръ. Судя по твоей послѣдней телеграммѣ [1]), надѣюсь вполнѣ, что всѣ мѣры будутъ приготовлены къ быстрому захвату пролива, когда окажется нужнымъ. Прошу сообщить, къ какому именно сроку считаешь возможнымъ это исполнить. Образъ дѣйствій турокъ въ этомъ дѣлѣ не согласуется съ завѣреніями, полученными здѣсь отъ Реуфа, какъ увидишь изъ посылаемой сегодня записки Игнатьева".

Очевидно, убѣжденіе въ возможности захватить Босфоръ, не имѣя флота, засѣло очень крѣпко. Вотъ результатъ цѣлаго ряда уклончивыхъ отвѣтовъ Великаго Князя. Надо было сразу и категорически объявить это предпріятіе неисполнимымъ, не смущаясь боязнью прогнѣвить Государя. Сомнѣнія нѣтъ, что послѣ перваго порыва неудовольствія онъ самъ понялъ бы всю фантастичность этого плана. Теперь Великому Князю ничего не остается, какъ продолжать ту же систему недомолвокъ, вѣроятно, въ надеждѣ, что дѣло какъ-нибудь „образуется" и обойдется безъ необходимости осуществлять неосуществимое. Онъ отвѣтилъ Государю въ 11 ч. утра:

„Телеграмму Горчакова получилъ вчера вечеромъ, а твою— сегодня ночью. На твою телеграмму отвѣчу, собравъ свѣдѣнія о положеніи дорогъ, которыя вслѣдствіе постоянныхъ дождей стали непроходимы. О дѣйствіяхъ турокъ могу сказать, что хотя они въ своихъ увѣреніяхъ къ намъ дружелюбны, но находятся подъ сильнымъ гнетомъ Англіи и особенно Лейарда, а потому на нихъ надѣяться нельзя. Стараюсь всѣми силами ускорить мое свиданіе съ султаномъ;—надѣюсь, что тогда, Богъ дастъ, дѣла пойдутъ лучше".

Сегодня утромъ, когда я пришелъ къ Великому Князю, онъ встрѣтилъ меня словами: „Lieber Freund, jezt denken Sie nicht an Abreise" („Любезный другъ, теперь и не думайте объ отъѣздѣ"). Я отвѣтилъ, что давно потерялъ на это всякую надежду, а при теперешнихъ обстоятельствахъ объ этомъ и думать не смѣю. Его

---

[1]) Государь, очевидно, принялъ очень серьезно слова Великаго Князя: „въ случаѣ войны съ Англіей я дѣлаю всѣ распоряженія, дабы во что бы то ни стало занять Босфоръ". Между тѣмъ—ничего изъ этихъ распоряженій выйти не можетъ.

этотъ естественный отвѣтъ, очевидно, тронулъ, и онъ сталъ мнѣ жаловаться на Гурко, который такъ настойчиво просилъ отпуска, что онъ уже было-согласился, но, по полученіи телеграммы Государя о явно-враждебномъ настроеніи Англіи, послалъ сказать Гурко, что онъ его отпустить не можетъ. Оказалось, что Гурко уже былъ на пароходѣ, и его вернули чуть не за 5 минутъ до отплытія, и теперь онъ на Великаго Князя дуется. Этимъ въ свою очередь очень обижается Великій Князь. „Я дольше всѣхъ въ разлукѣ съ семьею,—сказалъ онъ мнѣ:—я самъ тоскую, я совсѣмъ боленъ и все-таки терплю, а другіе пристаютъ, чтобы я ихъ въ такое тяжелое время отпустилъ!“ Великій Князь былъ такъ взволнованъ и озабоченъ, что я счелъ неделикатнымъ излагать ему цѣликомъ свой взглядъ на теперешнее положеніе дѣлъ, тѣмъ болѣе, что это отчасти имѣло бы видъ напоминанія мыслей, высказанныхъ уже раньше и оставленныхъ безъ вниманія. Теперь этимъ дѣла не поправишь.

Каждый день можно ожидать разрыва, прежде чѣмъ дойдетъ до конгресса. Англія принимаетъ всѣ мѣры, чтобъ вывести насъ изъ терпѣнія и вызвать на такой поступокъ, который оправдаетъ объявленіе намъ войны въ глазахъ англійскаго общественнаго мнѣнія. Лейардъ даже не скрываетъ своего намѣренія довести до войны. Онъ разсчитываетъ, что Турція, если и будетъ нѣкоторое время колебаться, то, наконецъ, все-таки возобновитъ войну съ нами, въ надеждѣ, благодаря союзу съ Англіей, вернуть многое изъ того, что̀ утрачено. У насъ же наоборотъ, до сихъ поръ было въ большомъ ходу и лишь теперь поколебалось совершенно неосновательное мнѣніе, что Турція охотно будетъ за-одно съ нами противъ Англіи, ибо ей будто бы выгоднѣе съ нами дружить. Я всегда рѣшительно оспаривалъ это самообольщеніе: союзъ съ Турціей мы можемъ только *купить*, заключивъ съ нею дополнительное секретное соглашеніе о добровольномъ отказѣ отъ нѣкоторыхъ условій санъ-стефанскаго договора и преподнеся затѣмъ этотъ сюрпризъ Европѣ на берлинскомъ конгрессѣ. Такъ, напр., мы могли бы съузить слишкомъ широко раздвинутыя границы Болгаріи и подарить совсѣмъ контрибуцію, уплата которой все равно весьма гадательна. Тогда еще, можетъ быть, Турція и рѣшится на союзъ съ нами, но и то едвали. А между тѣмъ, ради этого союза, стоило бы сдѣлать серьезнѣйшія уступки—и вотъ почему.

Мы стоимъ теперь на берегу моря, имѣя за собою вплоть до Адріанополя совершенную пустыню. Живемъ подвозомъ изъ Константинополя, Малой Азіи и Одессы, ибо на двѣсти верстъ позади

насъ нѣтъ ни куска хлѣба, ни клочка сѣна и даже мясо на исходѣ, ибо скотъ, который еще есть, начинаетъ падать отъ чумы или другой какой-то повальной болѣзни. Подвозъ съ тыла невозможенъ. Средства желѣзной дороги такъ слабы, что не въ силахъ поддерживать даже правильное срочное сообщеніе, а грунтовыя дороги—вязкая глина, растворяющаяся отъ каждаго дождя такъ, что даже верховая ѣзда затруднительна. Былъ случай, что лошадь, вытаскивая ногу изъ глины, оставила въ ней все копыто. Даже горныя дороги черезъ Балканы удобопроходимѣе глинистыхъ дорогъ между р. Тунджею и Мраморнымъ моремъ. Поэтому невозможно и мечтать о подвозѣ осадныхъ орудій съ тылу,—а безъ нихъ нечего и думать о борьбѣ съ англійскою судовою артиллеріей: противъ нея наши полевыя орудія—только плевательницы.

Каково же наше положеніе въ случаѣ войны съ Англіей и враждебнаго, даже просто колеблющагося положенія Турціи? Морской подвозъ прекратится немедленно, слѣдовательно нечего будетъ ѣсть. Стѣснить свободу дѣйствій англійскаго флота нечѣмъ: разсчитывать на минныя загражденія, какъ я уже доказывалъ выше—пустая мечта.

А если Турція, подъ давленіемъ Англіи, тоже объявитъ намъ войну, чтò тогда? Допустивъ даже, что мы турокъ опять разобьемъ, но чтò выигрываемъ? Константинополь? Но это будетъ непосильное для насъ бремя. Не имѣя ни флота, ни подвоза съ тыла, пріобрѣтемъ городъ съ милліоннымъ населеніемъ, которое начнетъ умирать тысячами отъ голоду и заразительныхъ болѣзней, а вмѣстѣ съ нимъ, конечно, и мы. Къ тому же мы въ городѣ не въ состояніи удержаться: англійская эскадра, сама ничѣмъ не рискуя, выкуритъ насъ оттуда бомбардировкою. А въ глазахъ всей Европы будемъ виноваты мы: пойдетъ общій вопль, что мы совершили „le crime de Constantinople". На вооруженное содѣйствіе Германіи разсчитывать нечего: она дальше доброжелательнаго нейтралитета не пойдетъ. Въ дальнемъ тылу нашемъ—недоброжелательная, крайне-ненадежная Австрія и озлобленная противъ насъ Румынія.

Выходъ изъ этого отчаяннаго положенія только одинъ: намъ надо купить союзъ Турціи. Только въ союзѣ съ нею мы можемъ не допустить англичанъ въ Босфоръ и оградить отъ нихъ свободное плаваніе по Черному морю, т.-е. обезпечить себѣ подвозъ продовольствія и боевыхъ запасовъ. Если мы дѣломъ, а не словами убѣдимъ турокъ, что даемъ имъ больше, чѣмъ они могутъ ожидать отъ англичанъ, то они предоставятъ намъ и свой

флотъ, и свои береговыя батареи въ Дарданеллахъ и Босфорѣ. И тогда мы можемъ смѣло вступить въ борьбу съ англичанами, съ серьезными шансами на успѣхъ.

Если же, какъ я опасаюсь, время для такого соглашенія съ Турціей противъ Англіи уже безвозвратно упущено, то есть и другой исходъ. Надо добровольно выйти изъ теперешняго невозможнаго положенія, очистивъ нынѣ занимаемыя нами позиціи и отступивъ къ Адріанополю. Занимая всю новую Болгарію и усиливъ войска въ Румыніи и Бессарабіи, мы станемъ въ совершенно-неуязвимое положеніе по отношенію и къ Англіи, и къ Турціи, парализуемъ непріязненность Румыніи и Австріи и въ короткое время можемъ устроить совершенно обезпеченное сухопутное сообщеніе съ отечествомъ черезъ Добруджу и Нижній Дунай.

Не угодно ли тогда выкурить насъ съ Балканскаго полуострова. Задача для турокъ непосильная, а для англичанъ невозможная.

Но, конечно, изъ ложнаго стыда, мы никогда не сдѣлаемъ ни того, ни другого: т.-е., не станемъ ни покупать союзъ Турціи, ни отступать. Въ Петербургѣ носятся съ призрачнымъ планомъ захвата Босфора. Хотятъ вынудить у султана категорическій отвѣтъ, на чьей онъ сторонѣ: на нашей или на англійской, а въ случаѣ неблагопріятнаго или уклончиваго отвѣта—занять Константинополь и Босфоръ хотя бы даже силою. Подобный образъ дѣйствій—самый желанный для Англіи, которая тотчасъ же выставитъ насъ зачинщиками европейской войны.

А между тѣмъ войны никто у насъ не хочетъ ни въ Петербургѣ, ни здѣсь. Поэтому время уходитъ на безполезные переговоры, а когда эта безполезность станетъ очевидною—несносная канитель сразу оборвется какимъ-нибудь рѣзкимъ поступкомъ, вродѣ нашего насильственнаго водворенія въ Санъ-Стефано. На первыхъ порахъ оно какъ будто и привело къ успѣху, но въ конечномъ результатѣ—только большой вредъ. Успѣхъ отъ вступленія въ Санъ-Стефано былъ чисто декоративный. Чего мы этимъ достигли? Только ускорили подписаніе мира, тоже декоративнаго, ибо онъ ничего не стоитъ, пока не будетъ признанъ европейскимъ конгрессомъ. А между тѣмъ занятіе Санъ-Стефано вызвало во всей Европѣ совершенно основательное подозрѣніе, что мы стремимся къ овладѣнію Константинополемъ. Въ Англіи должна была примолкнуть сильная и вліятельная партія сторонниковъ мира. Когда въ парламентѣ была прочитана депеша Лейарда о нашемъ движеніи на Константинополь,—глава оппозиціи, маркизъ Гартингтонъ, всталъ и объявилъ, что беретъ назадъ свой

протестъ противъ чрезвычайнаго кредита правительству. Это произвело столь сильное впечатлѣніе, что и теперь сторонники войны продолжають его использовать: въ настоящее время англійское общественное мнѣніе вполнѣ подготовлено къ войнѣ, и если она будетъ объявлена—никто не дерзнетъ протестовать. Это будетъ война популярная.

Чѣмъ она кончится—Богу одному извѣстно. Но вѣрю твердо: черезъ какія бы тяжкія испытанія намъ ни пришлось пройти, Божія гроза пойдетъ намъ впрокъ. Россія должна выйти и выйдетъ изъ европейской войны обновленною и освѣженною. Но только въ такомъ случаѣ, если мы будемъ думать и дѣйствовать обдуманно и послѣдовательно, а не подъ впечатлѣніями данной минуты. Вѣчныя колебанія и рефлективно-судорожныя мимолетныя рѣшенія приведутъ насъ только къ смутѣ и въ настоящемъ, и въ будущемъ. А въ хронической смутѣ невозможна правильная, здоровая жизнь.

Заходилъ вечеромъ опять къ Великому Князю. Попрежнему —томительная неизвѣстность. Въ теченіе дня онъ обмѣнялся съ Государемъ слѣдующими телеграммами.

Государь телеграфировалъ отъ 1 ч. 40 м. сегодня:

„Жду съ нетерпѣніемъ отвѣта на мою вчерашнюю шифрованную телеграмму (т.-е. полученную въ ночь съ 7-го на 8-ое марта, см. выше). Мы никакихъ успокоительныхъ свѣдѣній не получали (это отвѣтъ на телеграмму Великаго Князя отъ $9^1/_2$ час. веч. 7-го марта), а напротивъ того. Надѣюсь, что дурная погода не усилила болѣзненность. Здѣсь довольно тепло. Письмо къ тебѣ отправилъ вчера въ Стефано съ фельдъегеремъ“.

Великій Князь отвѣчалъ въ 5 ч. 15 м. дня:

„Отвѣтъ послалъ сегодня на твою вчерашнюю телеграмму въ 11 часовъ утра. Утромъ былъ совершенно здоровъ, а послѣ обѣда сдѣлалось круженіе головы и общая слабость. Утомился потому, что работы много. Записка моя отправляется завтра“.

Что̀ это за записка—не знаю.

Военный министръ сообщилъ, что Высочайше разрѣшено немедленно приступить къ срытію дунайскихъ крѣпостей, въ томъ числѣ и Никополя, но желательно подольше удержать Виддинъ, на случай войны съ Австріей.

9 марта.—Томительный день. Свѣдѣній—никакихъ и ни откуда. Обѣдалъ и вечеръ провелъ у М. Д. Скобелева.

10 марта.—Холодно, вѣтрено, пасмурно; по временамъ налетаетъ мелкій дождь. Ѣздилъ съ Великимъ Княземъ на императорскую яхту „Ливадія". Осмотрѣли ее: яхта роскошная, никогда не видалъ столь изящнаго и комфортабельно-устроеннаго судна. Великій Князь пожелалъ совершить морскую прогулку на паровомъ катерѣ; я уклонился, ибо не нахожу удовольствія кататься въ такую скверную погоду. Вернулся съ генераломъ Раухомъ на берегъ на шлюпкѣ.

По возвращеніи съ прогулки, Великій Князь получилъ депешу отъ Государя (отъ 3 ч. 50 м. сегодня):

„Слава Богу, что тебѣ лучше и что здоровье въ войскахъ удовлетворительно. Празднуемъ сегодня, по обыкновенію, большимъ обѣдомъ рожденіе императора Вильгельма. Новаго особеннаго ничего нѣтъ".

Въ 7 ч. веч. Великій Князь отвѣчалъ:

„Благодарю за депешу. Сегодня, чтобъ отдохнуть отъ занятій, ѣздилъ на паровомъ катерѣ до Босфора. Морской воздухъ мнѣ очень пользителенъ. Здѣсь мы праздновали тоже рожденіе императора. Всѣ суда расцвѣтились флагами, вездѣ музыка играетъ, пѣсенники поютъ. Поздравлялъ императора отъ своего имени и всей арміи. Какъ твое здоровье и Императрицы?"

Телеграмма императору Вильгельму была послана еще съ утра:

„Прошу В. В. принять почтительныя поздравленія мое и ввѣренной мнѣ арміи, имѣющей честь считать въ своихъ рядахъ три полка, августѣйшимъ шефомъ коихъ Вы состоите. Да услышитъ Господь Богъ всѣ мои благопожеланія Вашему Величеству".

12 марта. — Неизвѣстность полная. Даже берлинскій конгрессъ сталъ вопросомъ, ибо Англія настаиваетъ на пересмотрѣ всего санъ-стефанскаго договора по статьямъ, а мы, конечно, этого не хотимъ. Нелидовъ полагаетъ, что, по соглашенію съ Бисмаркомъ и Андраши, удастся изобрѣсти такую формулу, которая обойдетъ англійскія требованія и поставитъ лондонскій кабинетъ въ невозможность уклониться отъ участія въ конгрессѣ. Со стороны Австріи пока нѣтъ опасеній, а одни сомнѣнія. На Турцію разсчитывать нечего; она, конечно, будетъ на сторонѣ Англіи. Очевидно, по настоянію Лейарда, турки уже заняли своими войсками Буюкдере и начали возводить тамъ укрѣпленія. Теперь очень важно поскорѣе выяснить, какое положеніе займетъ Османъ-паша, котораго Государь приказалъ освободить изъ плѣна. Сегодня вечеромъ или завтра утромъ ожидаютъ его прибытія въ Константинополь. Его мнѣніе будетъ имѣть рѣшающее значеніе.

Нелидовъ все-таки надѣется на возможность скоро созвать берлинскій конгрессъ. Тотъ острый кризисъ, который переживаемъ теперь, надо терпѣливо переждать; а когда конгрессъ состоится,—самимъ предложить нѣкоторыя уступки, чтобы отнять у англичанъ возможность ихъ вымогать. Напримѣръ, отказаться отъ контрибуціи, которую все равно не получимъ, а воевать изъ-за этого—все равно что затрачивать тысячу рублей изъ-за полученія двадцати-рублеваго долга. Сверхъ того, мы смѣло можемъ отказаться отъ прирѣзаннаго къ Болгаріи берегового участка Эгейскаго моря съ гаванью Кавалà. Жители этого участка не болгары, а греки, а гавань на Эгейскомъ морѣ вовсе не нужна ни намъ, ни болгарамъ. А между тѣмъ изъ-за этой Кавалы бѣснуется почти вся европейская печать, подозрѣвая насъ въ желаніи имѣть, подъ видомъ болгарской, свою станцію на Эгейскомъ морѣ. А куда намъ она, когда у насъ и черноморскаго флота нѣтъ.

Принцъ Александръ Баттенбергскій заходилъ проститься: сегодня уѣзжаетъ совсѣмъ. Во вторникъ, 14-го, уѣзжаетъ на нѣкоторое время въ Петербургъ великій князь Николай Николаевичъ Младшій, въ сопровожденіи генерала Галла.

Прибылъ изъ Петербурга генералъ Анненковъ, привезъ Великому Князю какое-то письмо отъ Государя, по поводу котораго Великій Князь телеграфировалъ сегодня, въ 9 час. 45 м. вечера:

„Искренно благодарю за письмо отъ 6-го числа: Анненковъ прибылъ сейчасъ. Всѣ твои указанія, высказанныя въ письмѣ, буду стараться всѣми силами исполнить. Завтра съ Анненковымъ обо всемъ подробно переговорю. Дай Богъ, чтобы турки, послѣ пріѣзда Реуфа (изъ Петербурга), выяснили свое положеніе“.

Князь Горчаковъ сообщилъ сегодня, что графъ Игнатьевъ сегодня утромъ поѣхалъ чрезвычайнымъ посломъ въ Вѣну, чтобы установить и упрочить соглашеніе къ предстоящему конгрессу. Сомнѣваюсь, однако, чтобъ это удалось, ибо въ Австріи ему довѣряютъ столь же мало, какъ и въ Турціи [1]).

---

[1]) Недѣли двѣ спустя, мнѣ это вполнѣ откровенно высказалъ, конечно съ-глазу-на-глазъ, австрійскій военный агентъ, флигель-адъютантъ баронъ Лёнейзенъ. „Какъ жаль,—говорилъ онъ,—что вашъ Государь послалъ къ нашему, для такихъ интимныхъ переговоровъ, профессіональнаго дипломата, а не одного изъ отличившихся на войнѣ генераловъ, какъ, напр., Гурко, Тотлебена, князя Имеретинскаго или Радецкаго. Каждый изъ нихъ былъ бы встрѣченъ императоромъ съ сердечнымъ довѣріемъ, и соглашеніе было бы достигнуто легко и скоро.

13 марта. — Въ 3 часа Великій Князь объявилъ мнѣ, что завтра наконецъ ѣдетъ къ султану, и въ составѣ своей свиты беретъ и меня. Самъ Великій Князь съ наличными членами императорской фамиліи, высшимъ генералитетомъ и своими личными адъютантами пойдетъ въ Константинополь на императорской яхтѣ „Ливадія"; остальная свита — на военномъ пароходѣ „Константинъ". Для временнаго пребыванія Великаго Князя будетъ отведенъ Бейлербейскій дворецъ, гдѣ онъ приметъ отвѣтный визитъ султана.

Изъ-за мѣста отдачи этого визита были долгія пререканія, главнымъ образомъ и затянувшія визитъ, который Великій Князь давно порывался сдѣлать. Султанъ, опасающійся выѣзжать далеко изъ своей резиденціи Ильдизъ-кіоскъ (Звѣздный кіоскъ), предлагалъ Великому Князю одинъ изъ ближайшихъ дворцовъ на Босфорѣ, Долма-Бахче или Черагань, а Великій Князь настаивалъ, чтобы Султанъ отдалъ ему визитъ или въ Санъ-Стефано, или на яхту „Ливадія". Наконецъ, помирились на Бейлербейскомъ дворцѣ, находящемся на азіатскомъ берегу Босфора.

14 марта, вторникъ. — Въ 9 ч. утра всѣ назначенные сопровождать Великаго Князя, въ мундирахъ при орденахъ, сѣли на паровые катера и переѣхали съ берега на „Ливадію" и „Константинъ". Въ 10 ч. отплыли при довольно свѣжемъ вѣтрѣ. На обоихъ пароходахъ играли хоры музыки. Замѣчу мимоходомъ, что при распредѣленіи лицъ свиты по пароходамъ была совершена нѣкоторая безтактность: представителей иностранныхъ армій при нашей главной квартирѣ пригласили не на „Ливадію", а на „Константинъ". Вслѣдствіе этого, прибыли только двое: американскій — лейтенантъ Гринъ и японскій — полковникъ Ямазама. Французскій — полковникъ Гальяръ, германскій — маіоръ Лигницъ, австрійскіе — подполковникъ баронъ Лёнейзенъ и капитанъ Болла — обидѣлись и не пріѣхали вовсе.

Въ 11¼ ч. утра оба парохода съ музыкою вступили въ Босфоръ. Всѣ стоявшія тамъ военныя суда подняли наши военные флаги, выставили караулы, послали матросовъ по вантамъ и привѣтствовали насъ криками „ура". „Ливадія" стала на якорь противъ дворца Долма-Бахче, на европейскомъ берегу, а нашъ „Константинъ" перешелъ къ азіатскому и сталъ противъ дворца Бейлербей, въ которомъ (незадолго до франко-германской войны) останавливалась императрица Евгенія во время своего путешествія на Востокъ.

Къ „Ливадіи" тотчасъ подошли парадные турецкіе каюки

(шлюпки) и свезли Великаго Князя съ находившимися при немъ особами на берегъ. Тогда „Ливадія“ перешла на азіатскій берегъ и, когда мы всѣ [1]) сошли съ „Константина“, спустила на берегъ на шлюпкахъ почетный караулъ отъ гвардейскаго экипажа изъ пятидесяти красавцевъ-матросовъ при четырехъ офицерахъ, со знаменемъ и хоромъ музыки.

Султанъ ожидалъ Великаго Князя на нижней площадкѣ лѣстницы дворца Долма-Бахче, окруженный всѣми министрами и высшими сановниками, въ числѣ которыхъ былъ и нашъ старый знакомый Гази [2])-Османъ-паша. Великій Князь, князь Евгеній Максимиліановичъ и принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій были въ турецкихъ лентахъ Османіе (у великаго князя Николая Николаевича Младшаго турецкой ленты нѣтъ). Изъ нашихъ генераловъ только у Скобелева-отца оказалась турецкая лента.

Турецкій почетный караулъ отдалъ Великому Князю честь, музыка сыграла „Боже, Царя храни“.

Султанъ, привѣтливо поздоровавшись съ Великимъ Княземъ, пригласилъ его въ гостиную и посадилъ рядомъ. Со стороны султана сѣли: великій князь Николай Николаевичъ Младшій, князь Евгеній Максимиліановичъ, принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій и генералъ-адъютантъ Непокойчицкій; со стороны Великаго Князя—дѣйст. стат. сов. Нелидовъ, первый министръ Ахмедъ-Вефикъ-паша, министръ иностранныхъ дѣлъ Савфетъ-паша и 1-й драгоманъ стат. сов. Ону. Прочія сопровождавшія Великаго Князя особы остались въ сосѣдней залѣ. Это были генералъ-адъютанты Гурко, графъ Шуваловъ, князь Масальскій, Поповъ (вице-адмиралъ) и Гершельманъ; генералъ-лейтенанты Скобелевъ 1-й, Скобелевъ 2-й и Галлъ; свиты его величества генералъ-маіоръ Левицкій, генералъ-маіоры Раухъ и Яфимовичъ и всѣ личные адъютанты Великаго Князя.

Послѣ обмѣна любезностей, Великій Князь представилъ султану свою свиту, а онъ—свою. Оффиціальное начало разговора происходило черезъ посредство Ахмеда-Вефикъ-паши. Но затѣмъ султанъ отошелъ и сѣлъ съ Великимъ Княземъ на отдѣльный диванъ въ глубинѣ гостиной, и тогда всѣ наши и турецкіе сановники тотчасъ же отошли и сгруппировались въ отдаленіи.

---

[1]) То-есть, всѣ вообще генералы и флигель-адъютанты, всѣ начальники отдѣловъ полевого управленія, всѣ состоящіе при Великомъ Князѣ для порученій и всѣ офицеры генеральнаго штаба главной квартиры.

[2]) Гази - значитъ „непобѣдимый“. Титулъ этотъ былъ ему пожалованъ султаномъ послѣ третьей Плевны, если не ошибаюсь.

Султанъ движеніемъ руки подозвалъ нашего перваго драгомана Ону (давно ему извѣстнаго) и началъ при его посредствѣ бесѣдовать съ Великимъ Княземъ наединѣ. Подробности этой бесѣды, конечно, остались неизвѣстными всѣмъ, кромѣ Ону и Нелидова, которые въ тотъ же день составили, для представленія Государю, подробнѣйшій отчетъ. Бесѣда наединѣ продолжалась почти цѣлый часъ. Затѣмъ встали; султанъ проводилъ Великаго Князя до нижней площадки лѣстницы и любезно простился съ нимъ. Въ 12½ ч. дня Великій Князь со свитою сѣлъ на ожидавшій его паровой катеръ и переѣхалъ на азіатскій берегъ въ Бейлербей [1]).

Пока все это происходило, мы, т.-е. главная масса свиты, имѣли время подробно осмотрѣть прелестный Бейлербейскій дворецъ, бѣлый мраморный, двухъ-этажный, въ выдержанномъ мавританскомъ стилѣ.

Дворецъ окруженъ небольшимъ, маловажнымъ садомъ и каменной стѣной. Внутреннее убранство прелестное, въ восточномъ стилѣ, но явно-европейской работы. Полы устланы нѣжными, плотными соломенными матами безукоризненной чистоты, покрытыми узкими ковровыми половиками. Комнаты — исключительно парадныя, безъ всякихъ жилыхъ удобствъ. Потолки лѣпные, арабесками; перила лѣстницы—рѣзныя. Замѣчательны окна—цѣльныя зеркальныя и необыкновенно прозрачныя. Большую часть нижняго этажа занимаетъ центральная великолѣпная зала съ большимъ мраморнымъ бассейномъ посерединѣ, въ которомъ, какъ говорятъ, султанъ Абдулъ-Азисъ, заставлялъ при себѣ купаться своихъ одалисокъ. Въ верхнемъ этажѣ такая же зала, но безъ бассейна. Потолки поддерживаются витыми колоннами изъ лаписъ-лазури. Изъ каждой залы, наверху и внизу, по восьми открытыхъ дверей въ небольшія роскошныя гостиныя. Изъ всѣхъ оконъ —обворожительные виды на Босфоръ съ Золотымъ Рогомъ и на Константинополь.

На дворѣ, отъ пристани до дворца, стояли одинъ противъ другого два почетныхъ караула: нашъ, отъ гвардейскаго экипажа, со знаменемъ и хоромъ музыки, и турецкій, отъ дворцовой гвардіи, одѣтой вродѣ нашихъ пажей. Въ рядахъ этой гвардіи были молодые люди не старше 30-ти лѣтъ (а можетъ быть и моложе) и мальчики отъ 18 до 15-ти лѣтъ. Сзади караула, неизвѣстно зачѣмъ, стоялъ породистый негръ, огромнѣйшаго роста,

[1]) Все вышеизложенное извлечено изъ отчета Великаго Князя Государю, составленнаго мною со словъ Непокойчицкаго; все, что слѣдуетъ далѣе и чему я уже былъ очевидцемъ, извлечено изъ того же отчета, съ дополненіемъ личными моими впечатлѣніями.

эбеновой черноты, съ необыкновенно-крупными, ярко-малиновыми губами. Кромѣ хора музыки, при турецкомъ почетномъ караулѣ было еще десять человѣкъ съ длинными трубами, на которыхъ, вѣроятно, играть нельзя, потому что эти декоративные музыканты только держали трубы противъ ртовъ, даже не прикасаясь къ нимъ губами.

У самой пристани стоялъ еще третій почетный караулъ, тоже турецкій, изъ рослыхъ смуглыхъ молодцовъ въ несовсѣмъ свѣжихъ курткахъ обыкновеннаго турецкаго образца.

Когда подошелъ паровой катеръ съ Великимъ Княземъ и его отборною свитою, всѣ три караула отдали честь и заиграли русскій гимнъ. Великій Князь привѣтливо поздоровался съ турками и прошелъ во дворецъ, гдѣ немедленно начали обносить угощеніе: фрукты, шербетъ, варенье разныхъ сортовъ, чай и папиросы. Примѣрно черезъ полчаса показался паровой катеръ подъ султанскимъ штандартомъ. Великій Князь тотчасъ приказалъ всей многочисленной свитѣ стать шпалерами по обѣ стороны дворцовой лѣстницы, а самъ, въ сопровожденіи великаго князя Николая Николаевича Младшаго, Евгенія Максимиліановича, Александра Петровича Ольденбургскаго и старшихъ генераловъ, встрѣтилъ султана на пристани. Въ моментъ вступленія его на берегъ — всѣ три караула отдали честь и заиграли турецкій гимнъ, очень звучный и музыкальный. Великій Князь съ султаномъ, имѣя позади себя свиту изъ нашихъ и высшихъ турецкихъ сановниковъ, направился мимо почетныхъ карауловъ ко дворцу и поднялся по лѣстницѣ въ верхній этажъ. Мы всѣ, стоявшіе шпалерами, держали руки подъ козырекъ. Султанъ, маленькій, тщедушный, некрасивый и горбоносый, шелъ робко, медленно, сгорбившись; на немъ былъ наглухо-застегнутый черный сюртукъ съ двумя звѣздами и красная феска съ черною кисточкой. Онъ имѣлъ необыкновенно жалкій видъ рядомъ съ такимъ величественнымъ, рослымъ красавцемъ, какъ нашъ Великій Князь. Турецкіе сановники были въ парадныхъ мундирахъ съ золотымъ шитьемъ, несравненно менѣе роскошныхъ, чѣмъ наши. Особенно простотою одежды бросались въ глаза турецкіе генералы сравнительно съ нашими. Въ свитѣ султана я немедленно узналъ старыхъ знакомыхъ: Намыка, Савфета, Реуфа, Мехмеда-Али и Гази-Османа пашей. На послѣднемъ красовалась пожалованная ему по возвращеніи изъ плѣна высшая турецкая звѣзда; я замѣтилъ также, что шашка была та самая, которую ему возвратилъ нашъ Государь послѣ благодарственнаго молебна подъ Плевною. Реуфъ-паша имѣлъ на себѣ ленту и звѣзду Бѣлаго Орла.

только что пожалованнаго ему Государемъ въ Петербургѣ. Изъ турокъ особенно выдѣлялись еще: первый министръ, красивый старикъ Ахмедъ-Вефикъ-паша, красавецъ и щеголь Фуадъ-паша, начальникъ султанскаго конвоя (старшій сынъ знаменитаго Шамиля, служившій прежде въ нашемъ конвоѣ и ушедшій въ Турцію [1])), и наконецъ какой-то паша въ мундирѣ съ красными лацканами. Ни раньше, ни послѣ я ни одного турка въ такомъ мундирѣ не видалъ.

Когда султанъ съ Великимъ Княземъ поднялись наверхъ, мы всѣ двинулись вслѣдъ. Оба они прошли въ одну изъ боковыхъ гостиныхъ, пригласивъ съ собою только Савфета-пашу и Ону; мы всѣ остались въ большой центральной залѣ. Тотчасъ же мы всѣ окружили и привѣтствовали Гази-Османа-пашу, который прежде всего спросилъ черезъ переводчика, гдѣ М. Д. Скобелевъ, и когда тотъ подошелъ, онъ, видимо, обрадовался и оживленно началъ бесѣдовать съ нимъ. Съ прочими турками разговоры шли вяло и клеились плохо. Шамиль демонстративно сторонился отъ насъ.

Послѣ бесѣды, продолжавшейся около двадцати минутъ въ присутствіи Савфета, султанъ всталъ и простился съ Великимъ Княземъ, который—а вслѣдъ за нимъ и мы всѣ—проводилъ его до пристани. Вся свита его была на катерѣ, который уже приготовился къ отвалу, какъ вдругъ султанъ вышелъ изъ своей раззолоченной рубки и позвалъ Ону. Послѣдній, выслушавъ султана, доложилъ Великому Князю: „Его величество вспомнилъ, что Ваше Высочество говорили ему о своемъ намѣреніи посѣтить германскаго посла князя Рейсса и его тещу, герцогиню Софію Саксенъ-Веймарскую [2]). Его величество предлагаетъ Вашему Высочеству: не угодно ли вмѣстѣ переѣхать на тотъ берегъ, а оттуда, въ султанской каретѣ, въ домъ германскаго посольства“.

Великій Князь тотчасъ же съ удовольствіемъ согласился, взошелъ на катеръ и поблагодарилъ султана за вниманіе. Тогда султанъ поручилъ Ону пригласить также и великаго князя Николая Николаевича Младшаго, Евгенія Максиміліановича и Александра Петровича Ольденбургскаго. Само собою разумѣется,

---

[1]) Младшій сынъ Шамиля, Мухамедъ-Шефи Шамиль, остался служить въ нашемъ конвоѣ, вышелъ въ отставку генералъ-маіоромъ и поселился съ семьей въ Казани; тамъ онъ женился вторично на дочери одного богатаго татарина и живетъ тамъ до сихъ поръ. Я его знаю лично.

[2]) Дочь королевы Нидерландской Анны Павловны и, слѣдовательно, двоюродная сестра Государя и его братьевъ.

пригласилъ и Ону, такъ какъ безъ него не могло бы быть никакого разговора [1]).

По прибытіи ко дворцу Долма-Бахче, султанъ неожиданно пригласилъ Великаго Князя зайти къ нему вторично, чтобы поговорить еще разъ, черезъ Ону, наединѣ; а сопровождавшимъ членамъ императорской фамиліи любезно предложилъ развлечься осмотромъ дворца. Послѣ четверти-часового разговора султанъ очень сердечно простился съ Великимъ Княземъ, предоставивъ въ его распоряженіе свою карету и пригласивъ его къ себѣ къ обѣду на 15-е марта, къ 6-ти часамъ.

Сдѣлавъ предположенные визиты князю Рейссу и герцогинѣ Саксенъ-Веймарской, Великій Князь поѣхалъ въ нашъ посольскій домъ, куда уже успѣли прибыть изъ Бейлербея всѣ знакомые съ придворными обычаями, а также наиболѣе догадливые и проворные чины свиты. Не принадлежа ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, я туда не попалъ, и очень потомъ сожалѣлъ, что не видѣлъ эффектную сцену: когда Великій Князь подъѣхалъ къ посольскому дому, моментально открылись двуглавые орлы на воротахъ, бывшіе во все время войны, по обычаю, подъ чехлами. Принявъ хлѣбъ-соль отъ Нелидова, Великій Князь отслушалъ въ посольской часовнѣ благодарственный молебенъ, затѣмъ отправился въ Топхане́, тамъ сѣлъ, въ $4^1/_2$ ч. пополудни, на ожидавшій его паровой катеръ и вернулся на „Ливадію", уже стоявшую противъ Топхане́ на бочкѣ. Тамъ къ нему немедленно явились командиры всѣхъ иностранныхъ военныхъ судовъ, стоявшихъ на константинопольскомъ рейдѣ: всѣ эти суда въ теченіе цѣлаго дня были полурасцвѣчены флагами.

По отъѣздѣ Великаго Князя съ султаномъ изъ Бейлербея, мы всѣ, нѣсколькими рейсами на шлюпкахъ, перешли на пароходъ „Константинъ". Знатоки придворныхъ обычаевъ и ихъ внимательные подражатели поспѣшили тотчасъ же, на паровыхъ катерахъ и шлюпкахъ, на европейскій берегъ, чтобы отыскать Великаго Князя и присоединиться къ нему, а большинство, въ томъ числѣ и я, сѣли на пароходной палубѣ (подъ тентомъ) обѣдать. Тѣмъ временемъ, такъ-называемый „свѣжій вѣтеръ" началъ разводить зыбь: опытный командиръ парохода предупредилъ насъ, что желающимъ попасть къ ночи въ Санъ-Стефано надо теперь же съѣзжать на берегъ въ Константинополь, чтобы возвратиться по желѣзной дорогѣ, ибо съ парохода никого нельзя

[1]) Все нижеизложенное, относящееся до Великаго Князя, онъ мнѣ передалъ лично, для включенія въ его всеподданнѣйшій отчетъ, изъ коего я это и выписалъ.

будетъ спустить на берегъ въ Санъ-Стефано: шлюпки не въ состояніи будутъ тамъ причалить.

Пароходъ уже былъ окруженъ цѣлою стаею турецкихъ каюковъ. Пообѣдавъ, я съ тремя другими лицами нанялъ одинъ изъ нихъ. Каюкъ полетѣлъ стрѣлою къ берегу и высадилъ насъ на грязную и мрачную набережную Галаты, противъ правленія французскаго пароходнаго общества „Messageries maritimes". Темными, грязными и узкими, какъ корридоры, переулками мы выбрались на такую же грязную улицу, застроенную столь же грязными каменными домами безобразной архитектуры, и, повернувъ по этой улицѣ наугадъ, случайно вышли на главную улицу Галаты. Эта улица была хотя столь же непривлекательна, но значительно шире и по ней ходила конка. Разумѣется, и за нами, и впереди, и по бокамъ все время шла густая толпа любопытныхъ. Многіе назойливо просили милостыню. Мы только-что разсуждали между собой, у кого бы спросить, гдѣ станція желѣзной дороги, какъ вдругъ навстрѣчу попались мои товарищи Скугаревскій и Энгельгардтъ, оба въ статскомъ платьѣ. Они объяснили моимъ спутникамъ, какъ пройти на желѣзную дорогу, а меня уговорили остаться съ ними въ Константинополѣ, гдѣ они уже со вчерашняго дня поселились въ „Hôtel de Bysance". Чтобы попасть туда, надо было перейти изъ Галаты въ Перу. Галата—гдѣ преобладаютъ греки, армяне и левантинцы—на самомъ берегу Босфора и Золотого Рога, а Пера расположена надъ нею на горѣ, амфитеатромъ. Подъемъ туда по улицамъ—очень кружный и утомительный. Товарищи повели меня къ туннелю, служащему кратчайшимъ сообщеніемъ между главными улицами Галаты и Перы: мы сѣли въ вагончикъ желѣзной дороги, и черезъ пять минутъ были наверху. Главная улица Перы оказалась гораздо лучше и несравненно чище главной улицы Галаты: дома и магазины имѣли вполнѣ европейскій видъ. Дойдя до „Hôtel de Bysance", я занялъ комнату во второмъ этажѣ за 20 франковъ въ сутки на полномъ пансіонѣ, и затѣмъ мы опять отправились на прогулку. Пошли сперва пѣшкомъ по всей главной улицѣ Перы, которая очень круто спускается къ Золотому Рогу, подъ конецъ даже ступеньками, такъ что тутъ можно только идти пѣшкомъ или проѣхать верхомъ. Дойдя до Золотого Рога, перешли по мерзѣйшему деревянному мосту въ мусульманскую часть города, Стамбулъ. Рядомъ съ этимъ мостомъ строился очень красивый желѣзный мостъ, но онъ не былъ доведенъ до конца. Мой мундиръ (товарищи были въ статскомъ) сразу привлекъ толпу любопытныхъ, которая все время неотступно слѣ-

довала за нами, а на мосту сплотилась еще тѣснѣе. Перейдя мостъ, Скугаревскій предложилъ мнѣ и Энгельгардту подождать, пока онъ поищетъ извозчика, такъ какъ дальше дороги не зналъ. Тутъ насъ сразу обступила и начала разглядывать огромная толпа. Это вѣдь былъ первый случай появленія въ Константинополѣ русскаго офицера въ военной формѣ. Настроеніе толпы было, впрочемъ, вполнѣ дружелюбное. Тѣмъ не менѣе, очень скоро появился и раздвинулъ толпу полицейскій, отогнавъ отъ насъ тѣхъ, которые назойливо просили милостыню. Исполнивъ свой долгъ, онъ заговорилъ съ нами ломанымъ русскимъ языкомъ, выражая свое удовольствіе, что тяжелая война кончилась и мы пріѣхали просто въ гости. Эти добродушныя изліянія были прерваны возвращеніемъ Скугаревскаго въ нанятомъ имъ маленькомъ четвероместномъ ландо, по часамъ, три франка въ часъ. Экипажъ и лошади были весьма неважные. Извозчикъ оказался болгариномъ, такъ что мы могли объясняться съ нимъ довольно свободно. По его словамъ, почти всѣ константинопольскіе извозчики—изъ болгаръ.

Поѣхали кататься по улицамъ Стамбула. Многія довольно широки, по нѣкоторымъ проложены конно-желѣзныя дороги. Мѣстная особенность: передъ каждымъ вагономъ конки бѣжитъ скороходъ и—вмѣсто звонка—крикомъ предостерегаетъ экипажи и прохожихъ. На самыхъ бойкихъ улицахъ новые каменные дома, иногда довольно красивые, чередуются съ жалкими лачугами, а то и просто съ развалинами или грудами мусору, Богъ вѣсть откуда сваленнаго. Про маленькія боковыя улицы и говорить нечего. Грязь вездѣ—ужасающая; читалъ я про нее немало, но дѣйствительность превзошла описанія. По всѣмъ улицамъ уныло бродятъ или кучами лежатъ пріобрѣвшія всемірную извѣстность собаки, единственные санитары Царьграда. Всѣ онѣ на одно лицо: полу-волкъ, полу-лисица, грязно-желтой масти, со свалявшеюся или противно-облѣзлою шерстью. Но замѣчательно смирны, даже трусливы: несомнѣнное слѣдствіе полуголодной жизни.

Улицы часто прерываются старыми кладбищами одного и того же типа: чудные, высочайшіе, многовѣковые кипарисы, полуразрушенные памятники (каменные столбы съ чалмами или плиты стоймя), полуразвалившіяся каменныя ограды. На этихъ кладбищахъ давно уже никого не хоронятъ, но ихъ чтятъ и не упраздняютъ.

Экипажъ не избавилъ насъ отъ любопытства уличныхъ зѣвакъ и отъ назойливости нищихъ. Цѣлыя толпы бѣжали по об-

стороны; нѣкоторые оборванцы просовывали къ намъ руки. Женщины также обнаруживали сильнѣйшее любопытство. Только несомнѣнно старыя и безобразныя плотно закрывали себѣ лица „яшмаками"; тѣ же, которыя считаютъ себя привлекательными, носятъ яшмаки прозрачные, какъ вуали. Но красивыхъ мы вовсе не видали. Даже молодыя лица одутловаты, съ желтизной, глаза отекшіе или заплывшіе. Выраженіе лица—тупое и безжизненное. На нихъ печать затворнической жизни и рабской доли.

Доѣхали наконецъ до Ая-Софіи. Знаменитый храмъ весь обезображенъ какими-то уродливыми контрфорсами и позднѣйшими аляповатыми пристройками. Внутри же мы застали ужасную картину. И внизу, и на хорахъ бивакировали въ повалку тысячи людей обоего пола и всякаго возраста, въ истрепанныхъ рубищахъ: это все мусульманскія семейства, бѣжавшія отъ нашихъ войскъ въ Стамбулъ. Добрая половина всего этого несчастнаго люда состояла изъ тяжко-больныхъ, или неподвижно-лежавшихъ, или метавшихся въ горячечномъ бреду. Очень возможно, что въ сплошныхъ кучахъ валявшихся на полу несчастныхъ людей были и покойники. Пробираясь по этому ужасному биваку, мы скоро обратили на себя всеобщее вниманіе, и когда дошли до середины храма и остановились, чтобъ осмотрѣться—насъ окружила почти сплошная толпа, уставившаяся на насъ мрачно и сосредоточенно. Замѣчательно, что ни одна рука не протянулась къ намъ за милостыней, какъ это было на улицахъ. Видя устремленные на насъ мрачные взгляды, мы рѣшили, что пожалуй лучше намъ уйти. Въ эту самую минуту, прежде чѣмъ мы тронулись съ мѣста—толпа вдругъ начала раздаваться въ стороны: показался медленно-идущій турокъ-полицейскій, величавымъ мановеніемъ палочки раздвигавшій передъ собою толпу. Дойдя до насъ, онъ приложилъ руку къ фескѣ и знаками пригласилъ слѣдовать за собою, что̀ мы съ удовольствіемъ исполнили. Толпа молча давала намъ дорогу, и мы, осторожно лавируя между лежащими на полу больными (преимущественно женщинами и дѣтьми), выбрались на воздухъ.

Извозчикъ объяснилъ намъ, что какъ только мы вошли въ храмъ, къ нему подошелъ полицейскій и, узнавъ, что изъ трехъ русскихъ одинъ въ военной формѣ, немедленно пошелъ вслѣдъ за нами на выручку. По его словамъ, среди бивакирующей въ храмѣ толпы свирѣпствуютъ всевозможныя заразныя болѣзни, и ежедневно оттуда выносятъ по нѣскольку покойниковъ: входить въ храмъ безъ крайней необходимости не слѣдуетъ.

Нашъ избавитель-полицейскій не ограничился тѣмъ, что вы-

велъ насъ изъ Ая-Софіи, а пошелъ за нами вслѣдъ, очевидно для огражденія насъ отъ какого-нибудь новаго легкомысленнаго поступка. Обойдя подъ его наблюденіемъ храмъ, мы обратили особенное вниманіе на площадь съ другой стороны, окруженную зданіями несомнѣнной древности. Размѣры площади невелики: она не больше піаццы-Санъ-Марко въ Венеціи. Отсюда прошли пѣшкомъ (полицейскій и извозчикъ—слѣдомъ за нами) къ большой величественной мечети Ахмеда, окруженной шестью минаретами (обыкновенно ихъ два или четыре). Внутри ея нашли такое же скопленіе несчастныхъ бѣглецовъ, какъ въ Ая-Софіи, и прошли по ней, предшествуемые нашимъ добровольнымъ тѣлохранителемъ. Выйдя изъ мечети, осмотрѣли площадь „Атмейданъ", бывшій византійскій ипподромъ, на которомъ сохранились обелискъ и двѣ колонны временъ Ѳеодосія Великаго. Этимъ закончили сегодняшнюю прогулку и, поблагодаривъ полицейскаго, поѣхали въ свой отель.

15 марта. — Утромъ, какъ только я всталъ, появился въ моемъ номерѣ корреспондентъ „Новаго Времени" А. Д. Ивановъ (случайно узнавшій о моемъ прибытіи) и предложилъ ѣхать вмѣстѣ осматривать базаръ. Я съ удовольствіемъ согласился, и мы отправились туда въ экипажѣ, захвативъ съ собой коммиссіонера отъ гостинницы. Это оказалось мудрою предосторожностью: безъ опытнаго спутника намъ никогда не удалось бы ни оріентироваться въ лабиринтѣ константинопольскаго базара, ни отдѣлаться отъ осаждавшихъ насъ любопытныхъ и нищихъ.

Базаръ — громадное, высокое, сводчатое зданіе, скупо освѣщенное какъ сверху, такъ и съ боковъ, окнами, пробитыми въ сводѣ и въ наружныхъ стѣнахъ. Вмѣсто пола — отвратительная мостовая. Внутреннее пространство пересѣкается множествомъ проходовъ, выходящихъ на разные городскіе улицы и переулки. Лавки или совсѣмъ открытыя, или же въ видѣ небольшихъ комнатъ безъ дверей, вмѣсто которыхъ служатъ ковры или просто куски грубой матеріи, преимущественно яркихъ цвѣтовъ: краснаго, малиноваго, желтаго. Празднаго народу и нищихъ — нетолченая труба. Товаръ въ массѣ — дрянной. Единственно стоющія вниманія вещи — ковры, восточныя матеріи и оружіе. Цѣны — ужасныя: безъ опытнаго проводника намъ ничего не удалось бы купить, ибо не пришло бы въ голову, насколько нужно сбавлять запрашиваемыя цѣны. Только благодаря коммиссіонеру и удалось сдѣлать нѣсколько удачныхъ покупокъ.

Только-что я вернулся съ базара въ гостинницу, какъ узналъ,

что за мной приходило уже нѣсколько нарочныхъ: Великій Князь требуетъ на яхту „Ливадія". Разумѣется, я поспѣшилъ разсчитаться съ гостинницею и отправился на пристань Топхане́, а оттуда на турецкомъ каюкѣ на „Ливадію". Ни Великаго Князя, ни Непокойчицкаго еще не было: оба были на берегу. Командиръ „Ливадіи" самъ провелъ меня въ назначенную мнѣ каюту, куда уже былъ поставленъ, по личному приказанію Великаго Князя, письменный столъ.

Въ $5^1/_2$ ч. дня Великій Князь простился съ сыномъ, великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ, который отправился, для поправленія разстроеннаго здоровья, въ Россію, на пароходѣ „Константинъ", въ сопровожденіи генерала Галла съ сыномъ и отцовскаго адъютанта, поручика Муханова.

Вслѣдъ за ихъ отплытіемъ, самъ Великій Князь поѣхалъ въ Ильдизъ-Кіоскъ обѣдать къ султану, который пригласилъ еще только троихъ: князя Евгенія Максимиліановича, принца Александра Петровича Ольденбургскаго и старика Д. И. Скобелева. Приглашеніе послѣдняго состоялось, кажется, по недоразумѣнію: султанъ думалъ, что онъ-то и есть прославленный герой. На „Ливадіи" остались и обѣдали вмѣстѣ лица ближайшей свиты Великаго Князя, съ Непокойчицкимъ во главѣ. Въ $11^1/_2$ ч. вечера Великій Князь вернулся отъ султана, очень довольный, и подѣлился съ нами своими впечатлѣніями. Къ султанскому обѣду были приглашены паши: Ахмедъ-Вефикъ, Намыкъ, Савфетъ и Реуфъ, два турецкихъ гофмаршала и нашъ первый драгоманъ Ону. Султанъ былъ чрезвычайно любезенъ. Послѣ обѣда пригласилъ Великаго Князя побесѣдовать наединѣ и болѣе двухъ часовъ разговаривалъ съ нимъ черезъ драгомана Ону. Въ заключеніе обѣщалъ безусловный нейтралитетъ на случай войны съ Англіей и объявилъ Великому Князю, что проситъ его принять на память и въ знакъ дружбы четырехъ арабскихъ жеребцовъ, которые уже отосланы въ Санъ-Стефано.

Допуская полную искренность со стороны султана, я все-таки думаю, что ему просто невозможно будетъ сдержать свое обѣщаніе быть нейтральнымъ: если Англія начнетъ войну съ нами, то она вынудитъ султана идти также противъ насъ. Ему другого выбора не будетъ: господствуя на моряхъ, Англія можетъ отнять у него, что̀ ей вздумается.

16 марта, на яхтѣ „Ливадія". — Переписавъ утромъ составленный вчера отчетъ Государю о свиданіи съ султаномъ, я представилъ его Великому Князю къ подписи. Отправка его

задержалась, однако, до 6-ти ч. вечера, ибо у Нелидова не былъ готовъ подробный дипломатическій отчетъ князю Горчакову для доклада Государю. Содержаніе этого документа, конечно, осталось для меня неизвѣстнымъ. Нелидовъ работалъ на берегу, въ зданіи посольства, и прислалъ отчетъ съ однимъ изъ своихъ чиновниковъ. Немедленно по его прибытіи, фельдъегерь переѣхалъ на ожидавшій его почтовый пароходъ нашего черноморскаго общества и отправился въ Одессу.

Сегодня утромъ Великій Князь передалъ мнѣ входящія и исходящія телеграммы отъ 14 и 15 марта.

Телеграммы, отправлённыя имъ Государю *еще 14 марта*:

1-я, отъ 5 ч. дня: „Сейчасъ вернулся съ визита отъ султана: пріемъ былъ отличный, могу даже сказать—радушный. Онъ отдалъ тотчасъ мнѣ визитъ въ Бейлербей, который данъ въ мое распоряженіе. Встрѣтилъ его съ почетнымъ карауломъ роты гвардейскаго экипажа. Потомъ онъ взялъ меня на свой пароходикъ и привезъ обратно во дворецъ Долма-Бахче. Былъ сначала застѣнчивъ, а потомъ все болѣе и болѣе любезенъ. Подробности разскажетъ Николаша [1]), который уѣзжаетъ завтра, и донесу письменно. Былъ у Рейсса и видѣлъ Софію Веймарскую. Остаюсь здѣсь до завтра вечера [2]), потому что обѣдаю завтра у султана".

„Свиданіе съ султаномъ состоялось въ наилучшихъ условіяхъ. Пріемъ дружелюбный и сочувственный. Въ бесѣдѣ наединѣ султанъ далъ мнѣ формальное увѣреніе въ прямодушіи своей политики по отношенію къ намъ и выразилъ желаніе закрѣпить тѣсное сближеніе съ нами, при условіи, чтобы мы открыли къ тому возможность путемъ облегченія условій мира. Онъ подчеркнулъ чрезвычайную трудность своего положенія: слабость, до которой онъ доведенъ, лишаетъ его возможности дѣйствовать. Султанъ очень сожалѣетъ объ инцидентѣ Буюкдере, но необходимость вынудила его отказать. Еще разъ выразилъ надежду на смягченіе мирныхъ условій, ради укрѣпленія дружескихъ связей и сохраненія добраго согласія. Общее впечатлѣніе свиданія: поставленный между Англіей и нами, султанъ желалъ бы избѣжать столкновенія, а если оно все-таки произойдетъ—сохранить по отношенію къ намъ дружественный нейтралитетъ".

Я лично понимаю султанскія слова нѣсколько иначе. Даже

---

1) Великій князь Николай Николаевичъ Младшій.

2) Пришлось остаться сутками дольше, въ ожиданіи дипломатическаго отчета Нелидова.

тайно-доброжелательный нейтралитетъ Турціи, на случай войны съ Англіей, мы должны купить у султана цѣною смягченія мирныхъ условій и для того вступить съ нимъ вновь въ секретные переговоры. А такъ какъ мы этого намека не понимаемъ или не хотимъ понимать, то нечего и разсчитывать на содѣйствіе Турціи. Не получивъ ничего отъ насъ, султанъ естественно бросится (тайно или явно, смотря по обстановкѣ) въ объятія Англіи. Понять не могу, какъ можно обольщать себя надеждою на безкорыстное содѣйствіе турокъ противъ англичанъ.

Телеграммы отъ 15 марта:

1) Государя, отъ 4 ч. дня 14-го марта, получена въ ночь на 15-ое марта:

„Дондуковъ прибылъ. Жду съ нетерпѣніемъ послѣдствій возвращенія Реуфа и твоего свиданія съ султаномъ. Осмотрѣнные мною сегодня запасные баталіоны первой гвардейской дивизіи и саперъ нашелъ въ отличномъ состояніи. Надѣюсь, что тебѣ лучше".

2) Отвѣтъ Великаго Князя, посланный 15-го марта утромъ:

„Благодарю за депешу. Изъ моихъ двухъ депешъ, русской и французской, ты могъ видѣть первыя впечатлѣнія. Сегодня завтракаю у Рейсса, а обѣдаю у султана: увижу, какъ пойдетъ дѣло дальше. Николашу посылаю сегодня: все хвораетъ. Не успѣю съ нимъ написать, но онъ разскажетъ многое на словахъ. Дня черезъ два или три пошлю курьера съ подробностями, ранѣе не успѣть. Надѣюсь видѣть Реуфа на этихъ дняхъ. Сегодня здоровье мое удовлетворительно".

3) Шифрованная телеграмма Государя, отъ 15-го марта, получена въ 9 ч. вечера 15-го марта:

„Вчерашнія двѣ телеграммы твои и сегодняшнюю получилъ. Разговоръ твой съ султаномъ ничего хорошаго не обѣщаетъ. Кромѣ того, что̀ было передано Игнатьевымъ Реуфу, мы никакихъ уступокъ дѣлать не можемъ. Соображенія твои въ запискѣ отъ 9-го марта, полученной сегодня, одобряю. Дальнѣйшія указанія дамъ по полученіи свѣдѣній отъ Игнатьева изъ Вѣны".

Ясно, что Государь не придаетъ цѣны любезностямъ султана и никакихъ практическихъ послѣдствій отъ свиданія 14-го марта не ждетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ — не желаетъ дѣлать никакихъ уступокъ для привлеченія султана на нашу сторону. Слѣдовательно — изъ переговоровъ ничего не выйдетъ, и султанъ останется тайнымъ сторонникомъ Англіи.

4) Телеграмма Государя, отъ сего 16-го марта, получена уже въ Санъ-Стефано, послѣ 7 ч. вечера:

„Желалъ бы весьма, чтобы свиданіе твое съ султаномъ не осталось безъ послѣдствій. Горчаковъ сообщаетъ тебѣ мое приказаніе, которое прошу исполнить немедля. На будущей недѣлѣ ожидаю пріѣзда Миши [1]) съ женою и двумя старшими дѣтьми. Сожалѣю, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ о твоемъ возвращеніи и думать нельзя“.

5) Великій Князь отвѣчалъ сегодня, 16-го марта, вечеромъ:

„Получилъ твою телеграмму съ извѣстіемъ о пріѣздѣ скоромъ Миши въ Петербургъ. Какъ ни тяжела 16-ти-мѣсячная отлучка изъ дому, но всегда готовъ исполнить твои приказанія, насколько силъ хватитъ. Горчакова телеграмму еще не получалъ“.

Мы ушли на яхтѣ „Ливадія“ въ началѣ седьмого часа вечера, тотчасъ по отъѣздѣ фельдъегеря въ Одессу. При этомъ нельзя не отмѣтить, какъ очень дурной признакъ, наглое нарушеніе англичанами морского этикета. Когда „Ливадія“ тронулась, то всѣ стоявшія на рейдѣ суда, *кромѣ англійскихъ*, послали матросовъ по вантамъ и отдали честь великокняжескому брейдъ-вымпелу. За эту явно-умышленную дерзость слѣдовало бы потребовать удовлетворенія, какъ за оскорбленіе русскаго военнаго и притомъ еще великокняжескаго флага. Великій Князь оставилъ это безъ вниманія.

М. А. Газенкампфъ.

---

[1]) Великій князь Михаилъ Николаевичъ.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛЬСКІЙ РОМАНЪ

ОЧЕРКЪ

Знакомить поляковъ съ русской литературой, а русскихъ—съ польской, уже восемьдесятъ тому лѣтъ, хотѣлъ не кто иной, какъ Адамъ Мицкевичъ. Высланный изъ Литвы и живя въ Москвѣ, онъ подалъ въ 1827 г. прошеніе въ цензурный комитетъ о разрѣшеніи ему издавать тамъ польскій журналъ „Ириду", именно съ цѣлью взаимнаго литературнаго ознакомленія обоихъ народовъ. Еще въ началѣ 1826 г., Мицкевичъ совсѣмъ не зналъ русскаго языка, но въ теченіе года, по свидѣтельству Ксен. Полевого, научился говорить по-русски.

Во время пребыванія въ Петербургѣ и Москвѣ (1824—1829 гг.), Мицкевичъ, какъ извѣстно, близко сошелся съ Полевымъ, Кирѣевскимъ, Хомяковымъ, кн. Вяземскимъ, Козловымъ, Баратынскимъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ, который въ 1827 г. перевелъ вступленіе къ „Конраду Валленроду". Время было еще близкое къ первой половинѣ царствованія Александра I, жили еще тѣ же люди, и Мицкевичъ, съ его идеализмомъ, гуманитарнымъ настроеніемъ и идеею свободы, приходился имъ по душѣ. Но главнымъ начальникомъ цензуры былъ министръ просвѣщенія Шишковъ, а товарищемъ его, на рѣшеніе котораго дѣло было передано, состоялъ Блудовъ, одинъ изъ представителей наступавшей духоубійственной казенщины. Блудовъ нашелъ, что если Мицкевичу и Фр. Малевскому, который предполагался помощникомъ редактора, правительствомъ было воспрещено самое

пребываніе въ польскихъ губерніяхъ, то едвали они могутъ быть признаны „благонадежными“ къ изданію польскаго журнала. Такъ и было устранено любопытное явленіе—Мицкевича въ роли посредника между литературами русской и польской.

Объ этомъ обстоятельствѣ припоминаетъ профессоръ славянскихъ языковъ въ берлинскомъ университетѣ Александръ Брюкнеръ [1]). Г-нъ Брюкнеръ извѣстенъ самостоятельными изслѣдованіями по славянской и литовской филологіи и по польской литературѣ,—изданными частью на нѣмецкомъ, частью на польскомъ языкахъ. Для нѣмцевъ имъ была издана въ 1901 г. учебная книга „Geschichte der polnischen Literatur“, которую онъ переработалъ и расширилъ въ очеркъ польской литературы, изданный въ 1903 г. уже на польскомъ языкѣ („Dzieje literatury polskiej“). По глубокому изученію источниковъ, самостоятельности и трезвости взгляда, это одинъ изъ лучшихъ трудовъ въ данной области. Около восьми мѣсяцевъ (1889—90 гг.) проф. Брюкнеръ провелъ въ Петербургѣ для просмотра и изученія находящихся въ здѣшнихъ библіотекахъ польскихъ рукописей преимущественно XVII-го вѣка.

Въ упомянутой брошюрѣ приведенъ списокъ 26-ти русскихъ переводовъ съ польскихъ источниковъ XVII-го вѣка съ сравнительными объясненіями происхожденія ихъ и значенія. Триста лѣтъ назадъ переводились на русскій (и малорусскій) языкъ оригинальныя польскія или вошедшія въ польскую литературу изъ западно-европейскихъ произведенія повѣствовательныя, религіозныя, нравственно-назидательныя, научныя, астрологическія, календари, сонники и проч.

„Отчего же впослѣдствіи обѣ литературы такъ совершенно разобщились?“—спрашиваетъ авторъ и объясняетъ этотъ фактъ политическими событіями и цензурными условіями. Возстанія 1830 и 1863 годовъ и ихъ послѣдствія не дали возникнуть нравственной связи между народами, входившими въ составъ одного государства. Часть русской печати и нѣкоторые дюжинные русскіе беллетристы, какъ Маркевичъ, Крестовскій и Саліасъ, приняли участіе въ возбужденіи ненависти къ полякамъ, какъ къ мятежному элементу. Но это не могло быть задачей такихъ писателей, какъ Тургеневъ, Толстой, Достоевскій, Салтыковъ. Сверхъ того, они никогда не живали среди поляковъ, да и цензурныя условія были таковы, что выступать съ какой-либо защитою поляковъ

---

[1]) Alex. Brückner. „O literaturze rosyjskiej a naszym do niej stosunku dziś i lat temu trzysta“. Lwów i Warszawa. 1906.

представлялось невозможнымъ. Вотъ почему когда Тургеневъ, желая противопоставить „цѣльнаго человѣка“ излюбленнымъ имъ типамъ колебаній и безсилія, вывелъ въ „Наканунѣ“ героя національной независимости, то герой этотъ оказался болгариномъ, а не полякомъ, хотя болгаръ Тургеневъ зналъ не лучше, чѣмъ поляковъ.

Отчужденіе же поляковъ отъ русской литературы г. Брюкнеръ объясняетъ не только ненавистью, какую возбуждали преслѣдованія, но и принудительнымъ, нерѣдко прямо враждебнымъ характеромъ преподаванія русскаго языка и литературы въ училищахъ царства польскаго. Это преподаваніе не только не привлекало учениковъ, но навсегда отталкивало ихъ отъ русской книги. Такъ авторъ объясняетъ фактъ полнаго отчужденія поляковъ отъ русской литературы,—однако, факта этого онъ не оправдываетъ. Онъ указываетъ, что виднѣйшіе русскіе писатели не только никогда не были солидарны съ правительственною системой, но и не поддавались никакимъ компромиссамъ съ нею: „русская литература всегда оставалась чистой и великой“. Онъ указываетъ на обличительную роль русскихъ сатириковъ, какъ Салтыковъ, и на рѣшительную симпатію къ полякамъ Герцена, который былъ свободенъ отъ цензурныхъ стѣсненій.

Признавая, что поляки и въ настоящее время еще не интересуются русской литературой даже въ наиболѣе крупныхъ ея явленіяхъ, авторъ сожалѣетъ объ этомъ. „Въ то время, когда литература эта,—говоритъ онъ,—прошла побѣдоносно по всему Западу, когда повсюду признана ея сила, когда, напр., Ницше говоритъ, что ни отъ кого на свѣтѣ онъ ничему не научился, какъ отъ Достоевскаго, мы сидимъ себѣ спокойно въ полномъ незнакомствѣ съ одной изъ величайшихъ литературъ сосѣднихъ народовъ“.

Незнаніе и даже „игнорированіе“ русской литературы въ польскомъ обществѣ, по свидѣтельству г. Брюкнера, „остались въ полной силѣ“, и этому, по его мнѣнію, не противорѣчитъ фактъ, что за послѣдніе годы стали появляться, одинъ за другимъ, переводы на польскій языкъ произведеній Горькаго и г. Андреева. „Горькій и Андреевъ еще не составляютъ русской литературы“,—говоритъ критикъ, хотя тутъ же признаетъ, что и поляковъ интересуетъ въ Горькомъ „протестъ, идущій проломомъ, писатель истинно революціонный, вѣстникъ бури“.

Отмѣтимъ, что и въ русскомъ переводѣ изъ новѣйшихъ польскихъ беллетристовъ всего скорѣе и полнѣе появлялись въ ближайшіе годы представители „самаго послѣдняго слова“—Пржи-

бышевскій и Тетмаеръ. Объясняется это тѣмъ именно, что наиболѣе вниманія привлекаетъ всегда то творчество, въ которомъ ищутъ борьбы за проложеніе новыхъ путей не только для литературы, но и для общественныхъ реформъ и даже для всего человѣческаго самопознанія.

Вопросъ о томъ, насколько Пржибышевскій и Тетмаеръ могутъ удовлетворить это исканіе новыхъ путей, мы оставимъ пока въ сторонѣ. Оба эти писателя—болѣе поэты, чѣмъ романисты. Впрочемъ, прозаическое ихъ творчество мы разсмотримъ позже, въ слѣдующихъ главахъ нашего очерка.

I.

Прежде всего оглянемся на „старыхъ", которые еще не вышли изъ боевыхъ рядовъ. Первыя мѣста въ дѣйствующей и нынѣ старой дружинѣ занимаютъ Сенкевичъ, г-жа Оржешко и Прусъ. Изъ нихъ первые два наиболѣе знакомы русскимъ читателямъ. Генрику Сенкевичу теперь 60 лѣтъ (род. 1846 г.), Элизѣ Оржешко—64 (род. 1842 г.), Александру Гловацкому (Прусу)—59 лѣтъ (род. 1847 г.). Всѣ трое исходятъ изъ эпохи такъ-называемаго позитивизма и реализма.

Такимъ дѣленіямъ по философскому міровоззрѣнію, по предпочитаемымъ сюжетамъ и по литературнымъ пріемамъ, критики придаютъ, пожалуй, нѣсколько преувеличенное значеніе. Не можетъ быть спора, что крупныя перемѣны въ настроеніи европейскихъ народовъ, а вмѣстѣ и въ ихъ литературныхъ формахъ, обусловливаются великими событіями, научными открытіями и экономической эволюціей. Все это отражается въ литературѣ, и стало быть, не только литературныя школы, но и ихъ основатели, даже величайшіе геніи словеснаго творчества, должны быть относимы къ опредѣленнымъ и историческимъ эпохамъ, какъ выразители ихъ духа, независимо отъ того всечеловѣческаго значенія, какое за ними можетъ оставаться навсегда.

Но однѣ только великія эпохи и имѣютъ то право, чтобы къ нимъ приписывались и прикрѣпощались творческія души, воспитывавшія человѣчество. Въ новой исторіи таковы эпохи возрожденія, реформаціи, монархическаго сосредоточенія, первой соціальной революціи, національнаго движенія, научныхъ завоеваній и капитализма, наконецъ—стремленія личности къ освобожденію отъ чрезмѣрнаго ига тѣхъ собирательныхъ механизмовъ, которые представляются государствомъ и капиталистическимъ производствомъ.

Этихъ крупныхъ, монументальныхъ дѣленій, казалось бы, совершенно достаточно для классификаціи литературныхъ движеній и смѣнявшихся формъ творчества въ области слова, то-есть—пластической, вполнѣ договоренной мысли. Но когда ближайшій къ намъ фазисъ движенія—реакцію противъ позитивизма—дробятъ еще на общественный идеализмъ, личный импрессіонизмъ, пессимизмъ, декадентство и нео-романтизмъ, то отъ этого классификаціоннаго избытка уже нѣсколько отдаетъ педантствомъ.

Надѣлали столько полокъ въ критической библіотекѣ, что ни на одной не укладывается цѣлый авторъ, за исключеніемъ развѣ шаблонистовъ, которые прямо производятъ свой товаръ подъ данную вывѣску, по заказу хитроумной критики, расщепляющей волосокъ на четыре продольныя эфемериды.

Приступая къ польскимъ романистамъ, не знаешь, куда и дѣвать такого, напр., какъ Реймонтъ. Онъ и натуралистъ, и импрессіонистъ, и пессимистъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ разнымъ общественнымъ средамъ и къ душевному содержанію своихъ типовъ. Итакъ, вотъ, ни въ одну изъ нынѣшнихъ мелкихъ клѣтокъ съ критическими этикетами не влѣзаетъ цѣликомъ писатель, если онъ талантливъ, силенъ и многостороненъ, какъ Реймонтъ.

А геніи? Тѣмъ не по мѣркѣ и самыя крупныя, самыя законновыдѣленныя эпохи. Велика эпоха Возрожденія. Но и она не можетъ вмѣстить такихъ гигантовъ, какъ Данте и Шекспиръ. Первый стоитъ у входа въ эту грандіозную эпоху, второго „мы видимъ на всѣхъ выходахъ Возрожденія, какъ нѣкій громадный и повелительный дубъ, къ которому сходятся всѣ пути изъ лѣса“, какъ говоритъ Тэнъ [1]).

Данте предвѣщаетъ эпоху, но не входитъ въ нее. Пути Возрожденія ведутъ къ Шекспиру, но онъ стоитъ особнякомъ. Оба прозрѣваютъ не одинъ періодъ. Сама основная мысль Данте—объ одномъ всехристіанскомъ цезарѣ и объ отмѣнѣ свѣтской власти папъ—нисколько не внушаетъ Возрожденія и имъ не усвоивается. А надломленность воли, раздвоенность души Гамлета, его болѣзненная нервность и пессимизмъ—развѣ это не есть провидѣніе далекаго будущаго, когда люди вообразятъ, что ими только-что открытъ разладъ между стремленіями жизни и ея роковыми условіями, когда они станутъ носиться съ „нашимъ нервнымъ вѣкомъ“, какъ съ писаною торбой?

Возьмемъ болѣе близкіе примѣры изъ періода, въ которомъ го-

---

[1]) „Histoire de la lit. angl.“, II.

сподствовалъ—а въ половинѣ теченія господствовалъ даже деспотически—позитивизмъ. Этой философіи періода соотвѣтствовали: экономическій фактъ быстраго развитія промышленности и капитализаціи производствъ, благодаря машинамъ; господство буржуазіи на Западѣ, какъ фактъ политическій; утилитарное направленіе и реалистическая форма, какъ правила и пріемы, обязательные для литературы.

Но можно ли вмѣстить въ эту рамку Гоголя? Нѣтъ, нельзя. Во-первыхъ, онъ уже высказался вполнѣ раньше, чѣмъ Бѣлинскій сталъ позитивистомъ и началъ провозглашать законъ утилитарности, окончательно установленный Добролюбовымъ и Писаревымъ. Во-вторыхъ, первыя произведенія Гоголя совсѣмъ не относятся къ такъ-называемой натуральной школѣ. А въ-третьихъ, Гоголь хотя и былъ родоначальникомъ русскаго реализма, но съ позитивизмомъ, какъ философскимъ міровоззрѣніемъ, не имѣлъ ничего общаго. Отсюда то недоразумѣніе критики, усвоившей себѣ новый символъ вѣры, во всѣхъ его членахъ, что Гоголь, послѣ „Переписки съ друзьями", явился въ ея глазахъ какъ бы ренегатомъ, между тѣмъ какъ онъ никогда и не думалъ исповѣдывать позитивное credo.

Въ Польшѣ, какъ и въ Россіи, позитивизмъ возникъ въ свое время не только какъ естественная эволюція философскаго мышленія, заимствованная съ Запада, но и изъ національныхъ условій политическихъ. Какой идеализмъ или романтизмъ могъ уцѣлѣть въ тридцатилѣтнее царствованіе солдатчины, православія, самодержавія, взятки и забиванія человѣческаго достоинства всею грубой дѣйствительностью, начиная со школы, продолжая службой и всѣми общественными отношеніями? Помѣщикъ неистовствовалъ надъ крестьянами, сколько хотѣлъ, а дворянъ сѣкли въ Третьемъ отдѣленіи; подчиненныхъ на службѣ отдѣлывали послѣдними словами; въ толпѣ чиновникъ съ орденомъ на шеѣ билъ по лицу купца, не уступившаго ему мѣста. Въ то именно жестокое, убійственное для духа время, въ русскомъ обществѣ сталъ зарождаться протестъ противъ всякихъ выспреннихъ словъ, звучавшихъ фальшью среди подавляющей дѣйствительности.

Поляки страдали отъ той же системы, страдали еще болѣе, такъ какъ къ общему гнету присоединялись въ Польшѣ еще политическія преслѣдованія. Но, съ другой стороны, то именно, что̀ служило поводомъ къ этому мѣстному обостренію жестокихъ условій жизни, а именно національная идея, мечта о независимости, культъ памяти мучениковъ, любовь къ своему, возведенная преслѣдованіемъ въ настоящій фанатизмъ,—поддерживали

крѣпили духъ, питали идеализмъ, побуждали жить душой не въ дѣйствительности, а въ стремленіи, если не въ надеждѣ.

И вотъ почему идеи позитивизма, утилитаризма и реализма принялись въ польскомъ обществѣ позднѣе, чѣмъ въ русскомъ. Въ польской литературѣ поворотъ этотъ запоздалъ, сравнительно, лѣтъ на десять. Да и важно тутъ не число лѣтъ, а то, что наступило событіе, которое сразу потрясло все прежнее настроеніе, мечты и надежды поляковъ. Это былъ полный неуспѣхъ возстанія 1863—64 годовъ. Обанкрутился мессіанизмъ Мицкевича и Словацкаго; оказались призрачными надежды, окрылившіяся недавнимъ освобожденіемъ Италіи съ помощью французскаго узурпатора; охладѣла даже религіозность. Отмѣна реформы Велёпольскаго, разореніе края ссылками и конфискаціями—вотъ что̀ оказалось при ликвидаціи патріотическаго идеализма.

Между тѣмъ, правительство надѣлило землею народъ и на первое время привлекло его на свою сторону, а одновременно пошла перестройка частно-владѣльческаго хозяйства, для которой потребовались наличныя деньги. Сверхъ того, отмѣна таможеннаго кордона между царствомъ и имперіею дала германской промышленности возможность основывать вблизи границы фабрики, которыхъ производству открылся доступъ на всѣ русскіе рынки. А быстрое возникновеніе фабрично-заводской промышленности въ Лодзи, Згержѣ, Сосновицахъ, въ самой Варшавѣ—усилило возрастаніе новаго буржуазнаго элемента, который уже ранѣе сталъ возникать въ Познани, послѣ присоединенія къ Пруссіи, и въ царствѣ польскомъ со времени герцогства варшавскаго, введенія Наполеонова кодекса, провозглашенія личной свободы крестьянъ, равноправія евреевъ и всѣхъ вообще гражданъ.

Дѣйствіе всѣхъ этихъ перемѣнъ сказалось въ значительной степени только въ 1880 году. Но на чувствительной пластинкѣ настроенія молодежи оно замѣтно отразилось гораздо ранѣе. Молодое поколѣніе восприняло новое умственное направленіе еще въ Главной школѣ, которая была закрыта вскорѣ послѣ возстанія. Тамъ оно услышало о Контѣ и Литтрѐ, тамъ ознакомилось съ популяризаторами матеріализма. Тамъ пошли первые разговоры о томъ,—что̀ же теперь дѣлать и что̀ съ нами будетъ?

Тамъ было положено основаніе научной трезвости взглядовъ и признана несостоятельность Мицкевичевой заповѣди—„соразмѣряй свои силы съ цѣлями, а не цѣли съ силами“. Дальнѣйшіе выводы являлись сами собою. Идея мессіанизма глупа, какъ всякое мечтательство; романтизмъ—сказки, отводящія отъ дѣйствительности; сила—только въ знаніи; для улучшенія условій

жизни необходима „органическая работа“, а не разбиваніе головы объ стѣну въ видѣ нелѣпаго самопожертвованія или безплоднаго и никому ненужнаго отчаянія.

Практическій примѣръ отрѣшенія отъ прежнихъ вѣрованій въ революцію и возможность національной независимости былъ поданъ, начиная съ 1866 г., польскими дѣятелями въ Австріи, галиційскими „станьчиками“, которые вступили въ лойяльныя отношенія къ ненавистному до того времени австрійскому правительству. Однако, эти представители утилитарной политики въ Галиціи, Шуйскій, Тарновскій, Бобржинскій, рѣшившіеся высказать полное осужденіе возстанію 1863 года, отличались отъ подроставшихъ еще варшавскихъ позитивистовъ тѣмъ, что сами нисколько позитивистами не были. Отсюда постоянная борьба между тѣми и другими на почвѣ философской, несмотря на сродство въ видахъ утилитаризма и „органической работы“.

За эру выступленія варшавскаго позитивизма на литературную сцену можно принять 1870-й годъ [1]), между тѣмъ какъ въ Россіи „Современникъ“ и „Русское Слово“ были уже запрещены въ 1866 году. Выраженіе „нигилисты“, впервые употребленное Тургеневымъ, относится къ 1862 году. Теперь кажется страннымъ, что такія названія, прямо противоположныя по смыслу, какъ „нигилисты“ и „позитивисты“, служили въ Петербургѣ и Варшавѣ для обозначенія прогрессивной молодежи, задававшейся общими цѣлями политической и общественной реформы, эмансипаціи женщины и просвѣщенія народной массы.

Но русскій нигилизмъ западалъ въ души молодыхъ людей гораздо глубже, чѣмъ польскій позитивизмъ. Соціалистическіе кружки стали образовываться въ Польшѣ уже только въ 80-хъ годахъ, а собственно тотъ воинствующій позитивизмъ, который выступалъ въ 1870 году въ варшавскомъ еженедѣльномъ „Przegląd Tygodniowy“, сохранилъ характеръ преимущественно литературный. Почти всѣ выдающіеся писатели той поры прошли чрезъ названное изданіе. Просматривая теперь фельетоны этого обозрѣнія, называвшіеся „Echa“, поражаешься сходствомъ ихъ полемическихъ и популизаторскихъ пріемовъ съ пріемами Добролюбовскаго „Свистка“.

---

[1]) Jeske-Choiński, „Pozytywizm warszawski“. 1885.

II.

Однако и тѣхъ польскихъ писателей, которые воспитывались въ школѣ позитивизма и реализма, нельзя уложить въ рамки одного этого направленія, особенно наиболѣе талантливыхъ. Изъ числа послѣднихъ замкнулись въ немъ развѣ только главный porte-voix этой школы, блестящій публицистъ и критикъ Свентоховскій, рано умершій сатирикъ Лямъ и Дыгасинскій, натуралистъ по своей спеціальности. Но нельзя сказать этого ни о Сенкевичѣ, ни о Прусѣ, ни о г-жѣ Оржешко, хотя всѣ они дѣлали первые свои шаги подъ знаменемъ позитивизма.

Въ этомъ случаѣ, кромѣ свойственной сильнымъ талантамъ субъективности, которая, нѣтъ-нѣтъ, да и увлечетъ ихъ непремѣнно за указку теоріи или программы, выказалась сравнительная слабость позитивизма и строго реалистическаго письма надъ умами и національнымъ темпераментомъ польскихъ писателей. Богатство и пластичность воображенія, прирожденные лиризмъ и склонность къ риторству, однимъ словомъ, тѣ чисто-южныя свойства, которыми поляки надѣлены такъ щедро, не позволяютъ довольствоваться ролью фотографовъ или хотя бы жанристовъ. Такъ, Сенкевичъ и въ первомъ своемъ, реалистическомъ періодѣ, въ „Наброскахъ углемъ“ [1]), въ письмахъ изъ Америки—вовсе не реалистъ только.

А „Трилогія“ его, начиная съ „Огнемъ и мечомъ“ [2]), появившимся въ 1884 г., это уже прямая реакція противъ позитивизма и реализма, новый призывъ къ патріотизму въ традиціонномъ смыслѣ, ссылка на блескъ польской исторіи, на національную славу, на поэзію боевой и сословной жизни свободнаго дворянства—противъ загнанности и приниженности бюрократически третируемаго „Привислинскаго края“, противъ упадка духа и мѣщанскихъ идеаловъ, противъ той мѣдной монеты, которая вытѣсняла изъ обращенія благородный металлъ великихъ патріотическихъ романтиковъ.

Да, съ точки зрѣнія позитивизма и органической работы, трилогія имѣла положительно реакціонный характеръ. Однако она имѣла болѣе, чѣмъ одно литературное значеніе. Она наэлектризовала польское общество, которому, по вѣрному замѣчанію

---

[1]) „Szkice węglem“.

[2]) „Ogniem i mieczem“.

г. Фельдмана [1]), „было холодно, хотя ясно, и нѣсколько вчужѣ— въ порѣ позитивизма". Но творческая сила и даръ психологической интуиціи у Сенкевича такъ велики, что онъ вовсе и не думалъ сдѣлать изъ своего историческаго эпоса нѣчто вродѣ обязательнаго для современниковъ учебнаго плаца, на которомъ ему принадлежала бы роль коменданта,—и вскорѣ самъ снялъ съ себя, на время, историческіе доспѣхи.

Въ „Семьѣ Поланецкихъ" онъ далъ вполнѣ реально и безпристрастно нарисованный типъ современнаго человѣка образованнаго и неглупаго, могущаго понять всякую тенденцію, но по природѣ своей „средняго", повседневнаго, типъ настоящаго филистера. Если типъ вышелъ несимпатичный, то не по винѣ автора, который не выдалъ своей личной мысли ни одной лишней чертой въ ту или другую сторону. Ее можно угадать развѣ въ другихъ типахъ романа, совершенно несходныхъ съ его „героемъ". Затѣмъ, въ романѣ „Безъ догмата" Сенкевичъ явился яркимъ представителемъ новѣйшаго литературнаго направленія. Глубочайшій и неотвязчивый анализъ своего „я", гамлетовское строеніе этого „я", скептицизмъ во всѣ стороны, слабость въ дѣйствіи, безконечная впечатлительность и пессимизмъ,—словомъ, всѣ черты декадентства,—проявляются здѣсь въ тонкомъ и художественномъ анализѣ. Вслѣдствіе того, читатель невольно сочувствуетъ Плошовскому. А вѣдь надо быть предвзятымъ поклонникомъ извѣстной произвольной манеры, чтобы сочувствовать пессимистамъ Пржибышевскаго, у которыхъ все сводится къ отношеніямъ сексуальнымъ, или прыткимъ, но утомительнымъ пессимистамъ-фразеологамъ г. Берента [2]), которые просто упражняются въ психологической гимнастикѣ и стилистикѣ.

Наконецъ, „Quo vadis" завершило исключительную, по разнохарактерности, живости и выпуклости типовъ и сценъ, галерею Сенкевичевскаго творчества. Надо прочесть „Quo vadis" въ переводѣ итальянскомъ, чтобы оцѣнить всю вѣрность его классическаго духа и мѣстнаго колорита. Въ обоихъ послѣднихъ произведеніяхъ [3]) Сенкевичъ снова ушелъ въ польскую воинскую эпопею, и странно было бы упрекать его за то, что онъ слѣдуетъ личному влеченію. Изъ того, что большой художникъ умѣетъ сознавать психику самыхъ разнообразныхъ типовъ, еще не слѣдуетъ, что у него только проходная душа, какъ у актера.

---

1) W. Feldman, „Współczesna liter. polska", 1905.

2) „Próchno".

3) „Krzyżacy" и „Na Polu chwały".

Остановимся еще на двухъ крупныхъ писателяхъ, не только вышедшихъ изъ школы позитивизма, какъ Сенкевичъ, но продолжающихъ исповѣдывать и даже проповѣдывать ея начала до настоящаго времени. Это—Прусъ и г-жа Оржешко. Какъ публицистъ, Прусъ и доселѣ остается имъ вѣрнымъ. Но какъ крупный художникъ, онъ не разъ далеко расходился съ этими началами, даже прямо имъ противорѣчилъ.

И притомъ надо замѣтить, что Прусъ дѣлалъ это не намѣренно, какъ Сенкевичъ, но какъ бы по неодолимому порыву природы, которая противъ его воли разбивала приготовленныя доктринерскія рамки. Такъ, въ „Куклѣ" [1]), произведеніи замѣчательно талантливомъ, которое можно признать однимъ изъ перловъ польской беллетристики, выводится представитель органической работы, Вокульскій, вначалѣ какъ двойникъ Поланецкаго, владѣлецъ галантерейнаго магазина въ Варшавѣ, разбогатѣвшій на подрядахъ въ Болгаріи, во время войны. Подобно Поланецкому, и у него есть торговыя дѣла съ богатыми русскими купцами. Въ коммерческомъ дѣлѣ онъ ловокъ, въ магазинѣ онъ—строгій хозяинъ.

Но, вотъ, онъ влюбляется. Это случалось и съ Поланецкимъ, но не помѣшало ему остаться „уравновѣшеннымъ" человѣкомъ. А Вокульскій тотчасъ теряетъ всякое равновѣсіе, совершенно какъ прежніе романтики, а если угодно и какъ нео-романтики. Въ дальнѣйшемъ своемъ настроеніи и дѣйствіяхъ это тотъ же Густавъ изъ „Дѣдовъ" Мицкевича, или, если предпочитаете, Сирано де-Бержеракъ Ростана. Когда аристократическая барышня, настоящій идеалъ его души, оказывается просто куклой, неспособной ни любить, ни понять его, Вокульскій взрываетъ себя на воздухъ, вмѣстѣ съ приготовленнымъ имъ памятникомъ.

Правда, есть въ этомъ романѣ и превосходно, реалистически сдѣланные жанры—картинка нѣмецкой семьи, которая во второмъ поколѣніи полонизируется, типы двухъ братьевъ, безпрестанно разрывающихъ всякія между собой отношенія, а между тѣмъ продолжающихъ любить и поддерживать другъ друга, типы служащихъ у Вокульскаго продавцовъ, наброски людей „изъ общества", желающихъ участвовать въ органической работѣ, но ничего не понимающихъ въ дѣлахъ.

Однако всѣ эти второстепенные типы и сценки блѣднѣютъ передъ простой, скромной, но ярко-романтической и глубоко-поэтической фигурой главнаго приказчика и вмѣстѣ друга Вокульскаго—Ржецкаго, бывшаго офицера венгерской пѣхоты (въ

---

[1]) „Lalka", 1890.

1848 г.) и отъявленнаго поклонника наполеонизма, все въ томъ смыслѣ, какъ его разумѣли польскіе легіонисты прошлаго столѣтія. Дневникъ Ржецкаго и его догадки о таинственной будто бы роли хозяина, это—цвѣтъ самаго чистаго, спеціально польскаго романтизма.

Въ „Эмансипанткахъ“ [1]) Прусъ, какъ будто, поставилъ себѣ одинъ изъ главныхъ вопросовъ беллетристическаго позитивизма—о равноправности женщинъ и о путяхъ къ ея осуществленію. Но при исполненіи вопросъ этотъ совершенно ускользнулъ изъ-подъ пера автора. Правда, первый томъ, заключенный самъ въ себѣ, содержитъ интересную и реалистично написанную драму содержательницы перворазряднаго женскаго пансіона въ Варшавѣ, которая долго борется съ недостаткомъ денегъ, начинаетъ пить и гибнетъ. Но этотъ сильно веденный трагическій эпизодъ ровно ничего не доказываетъ, да авторъ, очевидно, и не думалъ доказывать имъ что-либо, а просто увлекся самымъ трагизмомъ положенія г-жи Латтеръ.

Далѣе, въ этомъ романѣ онъ далъ нѣсколько карикатуръ, въ родѣ Кукшиной Тургенева, только въ болѣе современной формѣ, конечно не съ цѣлью осмѣять стремленіе, которому онъ, проникнутый духомъ гуманности во всѣхъ ея проявленіяхъ, можетъ только сочувствовать. Просто художнику подвернулись характерные типы, и художникъ взялъ верхъ надъ публицистомъ. Затѣмъ, Прусъ вывелъ тутъ же нѣсколько симпатичныхъ женскихъ типовъ, которые однако не даютъ матеріала для вопроса объ эмансипаціи, и, наконецъ, главное мѣсто въ послѣдней части отвелъ краснорѣчивому трактату о безсмертіи души, которымъ нѣкій натуралистъ старается утѣшить пріятеля, близкаго къ смерти. Такимъ образомъ, Прусу-публицисту прямо противорѣчитъ Прусъ-художникъ.

Необходимо упомянуть и объ историческомъ романѣ Пруса—„Фараонъ“ [2]), который въ творчествѣ этого писателя является какъ бы въ pendant къ римско-христіанскому роману Сенкевича „Quo Vadis“. Въ „Фараонѣ“ выведенъ Рамзесъ XIII, 22-й династіи египетскихъ царей, фараонъ-реформаторъ, предпринявшій устранить злоупотребленія и несправедливости, которымъ подвергались рабочія сословія [3]). Но уже на самомъ приступѣ къ этому пути фараонъ встрѣчается съ непреодолимымъ препятствіемъ въ

---

1) „Emancypantki“, 1894.
2) „Faraon“, 1897.
3) Томъ III, стр. 217.

кастовомъ строѣ народа и въ умственномъ, а также и нравственномъ всемогуществѣ жрецовъ. Появляются чудеса; дезорганизація проникаетъ въ самое войско Рамзеса, котораго закалываетъ подосланный жрецами грекъ, а на престолъ вступаетъ первосвященникъ Хрехоръ, вступившій въ бракъ съ матерью убитаго фараона.

Романъ этотъ читается съ большимъ интересомъ; дѣйствіе развивается строго-логическимъ путемъ; природа, нравы и учрежденія окрашены своеобразнымъ, таинственнымъ колоритомъ. Словомъ, авторъ удачно совладалъ съ крупной и трудной задачей. Обстановку жизни, краски, самыя формы обращенія между людьми онъ принужденъ былъ брать изъ третьихъ рукъ. Сенкевичу въ созданіи типа Петронія, въ изображеніи двора Нерона былъ открытъ первоисточникъ — литературные подлинники этого времени. Если Прусу приходилось самому довольствоваться только копіями и, несмотря на то, все-таки удалось поставить передъ глазами читателя картину, которая, по цѣльности характера и живости красокъ, кажется ему оригиналомъ, то это свидѣтельствуетъ о необыкновенной силѣ того микроскопа или волшебнаго фонаря, какимъ является творческая способность высокоталантливаго писателя.

Но гдѣ же при этомъ Прусъ-позитивистъ, гдѣ даже прежній его обликъ художника-бытописателя крестьянской самооборонительной силы, гдѣ авторъ замѣчательнаго разсказа о бѣдномъ Слимакѣ [1]), который отстоялъ землю, несмотря на всѣ взвалившіяся на него бѣды — обвалъ, неурожай, неимѣніе денегъ, смерть жены, нашествіе окружившихъ и выживавшихъ его колонистовъ-нѣмцевъ? Просто, слишкомъ силенъ, а потому и норовистъ талантъ Пруса. Талантъ этотъ согласенъ запречься въ доктрину, но какъ только почуетъ широкое поле, этотъ кровный конь понесетъ впередъ неудержимо, не по волѣ автора, а по потребности природы, порветъ и поломаетъ упряжку—и въ результатѣ, вмѣсто утилитарной пахоты, получится великолѣпный скаковой рекордъ.

Вѣрнѣе осталась службѣ позитивизму и органической работѣ, г-жа Оржешко. Большой умъ и художественный талантъ въ ней замѣчательно уравновѣшены. У нея нѣтъ ни одного произведенія, которое бы не имѣло дидактической подкладки. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ публицистическая мысль выражена такъ вѣрно и съ такой логической убѣдительностью, что художественная сторона

[1]) „Placówka“, 1886.

прямо ей подчиняется, не теряя однако при этомъ своей самостоятельной силы и прелести. Таковы, чтобы указать въ видѣ примѣровъ, „Czternasta część“, „Silny Samson“ и „Meir Ezofowicz“, „Sylwek Cmentarnik“, „Niziny“, „Cham“, „Widma“, „Dwa bieguny“.

Но въ самомъ крупномъ изъ болѣе новыхъ ея романовъ, въ „Надъ Нѣманомъ“ [1]) чувство, идеализмъ, романтическая традиція, красота, словомъ, все невѣсомое на рынкѣ утилитарности—положительно беретъ верхъ. Реализмъ не отсутствуетъ и здѣсь. Онъ проявляется въ картинахъ быта оригинальной этнографической группы. Это—колоніи мелкой шляхты, такъ-называемыхъ однодворцевъ въ Литвѣ, издавна ведущихъ вполнѣ крестьянскій образъ жизни, но отличающихся отъ крестьянъ спѣсью дворянскаго происхожденія, хотя и не доказаннаго документами, но болѣе несомнѣннаго, чѣмъ у иныхъ признанныхъ графовъ. Эта спѣсь можетъ быть забавна, но она поддерживаетъ въ этихъ потомкахъ издавна свободнаго класса нѣкоторую культурную, а вмѣстѣ и историческую традицію. Въ ихъ средѣ гораздо рѣже встрѣчаются пьянство и грубые проступки, соблюдается нѣкоторая деликатность въ обращеніи, въ особенности съ женщинами. Изъ этого-то класса преимущественно и выходили рядовые повстанцы. Живя особняками отъ крестьянъ, эти колоніи, иногда затерянныя въ литовской и бѣлорусской глуши, не образованныя, а только грамотныя, сохранили нѣкоторые завѣты и пѣсни отъ отдаленной старины. Такъ, иныя принѣманскія пѣсни, приводимыя въ романѣ, держатся еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ царства польскаго.

Г-жа Оржешко дала яркую картину жизни нравовъ и настроеній въ этой средѣ, которая, быть можетъ, скоро исчезнетъ въ литовскомъ и будущемъ бѣлорусскомъ движеніи. При всей свойственной автору реальности въ контурахъ лицъ и оцѣнкѣ отношеній, въ этой вѣрной бытовой картинѣ такъ много исторической поэзіи, что данное произведеніе г-жи Оржешко можно назвать ея „Паномъ Тадеушемъ“.

III.

Мы видѣли, что наиболѣе выдающіеся польскіе писатели, вышедшіе изъ школы позитивизма и реализма, впослѣдствіи сами

[1]) „Nad Niemnem“, 1891.

приняли дѣятельное участіе въ реакціи противъ этого направленія, увлекались въ свою очередь и патріотической фантазіею, и идеализмомъ, какъ давніе ихъ предшественники-романтики, а отчасти являлись какъ бы романтиками просто потому, что сильный талантъ не можетъ закрѣпоститься въ указной доктринѣ.

Но зато среди новыхъ романистовъ, приписываемыхъ классификаторами къ болѣе моднымъ этикетамъ импрессіонизма, индивидуализма и декадентства, нѣкоторые, — именно наиболѣе крупные,—съ равнымъ правомъ могли бы быть причисляемы къ позитивистамъ, такъ какъ и они стремятся къ проложенію новыхъ общественныхъ путей, хотя прямо о томъ не заявляютъ и даже положительно чураются всякаго дидактическаго тона.

Таковы Реймонтъ и Жеромскій, самые видные представители новѣйшаго польскаго повѣствовательства. Измѣнилась форма, языкъ сталъ образнѣе, пріемы причудливѣе, психологическій анализъ тоньше или, лучше сказать, мелочнѣе, въ обязательной связи съ физіологической подкладкой. Колоритъ дѣлается ярче, особенно въ описаніяхъ природы, къ которымъ авторы обязательно прибѣгаютъ, чтобы вызвать настроеніе соотвѣтственное предстоящей сценѣ, какъ въ Вагнеровской оперѣ входъ каждаго лица обозначается спеціально заготовленнымъ лейтмотивомъ. При этомъ большинство литературныхъ композиторовъ пишутъ всю партитуру не иначе, какъ съ пятью діэзами или бемолями, чтобы было чувствительнѣе, и съ безпрестанными перемѣнами тона, чтобы даже полуглухой не могъ не замѣтить эффекта.

Словомъ—ужасно стараются, и въ этомъ ихъ слабая и иногда даже нѣсколько утомительная сторона. Кажется, какъ будто они напрягаютъ всѣ силы, изъ кожи лѣзутъ, чтобы ужъ глубже, шире, тоньше и вмѣстѣ возвышеннѣе, живописнѣе, пластичнѣе и музыкальнѣе ихъ никто больше не могъ написать ничего, такъ чтобы на нихъ совсѣмъ окончилась „изящная“ литература, les belles lettres.

Но всѣ эти преувеличенія, конечно, не составляютъ сущности дѣла, которое все-таки состоитъ въ интенсивности самого таланта. А новыхъ, несомнѣнныхъ талантовъ появилось въ польской беллетристикѣ, всего за какой-нибудь десятокъ послѣднихъ лѣтъ, немалое число. Всѣ они стремятся къ обновленію жизни или къ болѣе глубокому проникновенію въ природу человѣка, что̀ составляетъ естественное и законное призваніе каждаго новаго поколѣнія. Но у большинства ихъ стремленія эти вызваны скорѣе иностранными вліяніями, чѣмъ инстинктомъ природнымъ, національнымъ. Французскіе натуралисты, импрессіонисты и де-

каденты, Ницше, Гауптманъ и Зудерманъ, скандинавскіе писатели — вотъ учители, у которыхъ они заимствуютъ и духъ, и пріемы.

Реймонтъ и Жеромскій оба считаются импрессіонистами, но первый, сверхъ того,—натуралистъ новаго пошиба, а второй—пессимистъ. Можно, однакоже, совершенно игнорировать эти перегородки и опредѣлить роль того и другого писателя просто по впечатлѣнію, какое остается отъ чтенія ихъ произведеній.

Реймонтъ избираетъ какую-нибудь общественную среду, наводитъ на нее сильный прожекторъ, дающій возможность охватить общій характеръ жизни въ этомъ муравейникѣ и бросающій наиболѣе яркій свѣтъ на цѣлый рядъ единичныхъ типовъ, которые чѣмъ-либо особенно выдаются въ этой толпѣ, но все-таки служатъ только для ея распознанія и разумѣнія, а вовсе не для вивисекціи надъ человѣческой природой.

Письмо Реймонта вполнѣ объективно, исключая въ описаніяхъ природы, въ которыхъ именно и проявляется его импрессіонизмъ. Но объективность у него, какъ и у прежнихъ позитивистовъ или реалистовъ, никакъ не исключаетъ тенденціи. Только онъ уже не такъ наивенъ, какъ прежніе реалисты, которые обыкновенно выходили съ флагомъ своихъ убѣжденій и съ готовой прописью путей ко спасенію общества. Своего онъ не выставляетъ ничего, а даетъ дѣйствующимъ лицамъ свободно ломаться и грызться въ ихъ муравейникѣ, предоставляя читателю любоваться зрѣлищемъ. Но впечатлѣніе получается такое, что вездѣ худо.

Въ каждой средѣ между людьми кипитъ вѣчная борьба, идетъ неумолимая эксплоатація. Среда не оказываетъ никакого сдерживающаго вліянія на первобытныя, животныя страсти людей, но еще возбуждаетъ въ нихъ страсти, чуждыя лѣснымъ звѣрямъ— стремленіе къ господству, тщеславіе, зависть, наклонность втоптать въ грязь ближняго даже безъ всякой реальной пользы для себя.

И люди живутъ, плодятся, барахтаются въ той или другой, болѣе или менѣе пошлой средѣ и умираютъ въ ней, по большей части даже и не подозрѣвая, что она могла бы быть иною. Только немногихъ осѣняетъ сознаніе, что не стоитъ жить въ болотѣ, хотя бы и родномъ, жить на подобіе лягушекъ,—немногіе пробуютъ вырваться изъ болота, стремятся за призракомъ чего-то высшаго, чистаго и хотя бы только необычайнаго, способнаго удовлетворить душу и дать счастье.

Но и тѣ, вырвавшись изъ одной среды, попадаютъ въ другую, гдѣ встрѣчаются съ иными формами, но съ тѣмъ же неумоли-

мымъ закономъ борьбы, съ новыми условіями той же фальши и той же эксплоатаціи, ломаютъ свои крылья о преграды, стоящія передъ идеалами, упадаютъ въ горькомъ сознаніи, что и самые тѣ идеалы были только плодами ихъ воображенія, что истиннаго счастья вовсе нѣтъ, а въ лучшемъ случаѣ можно найти только суррогатъ его — спокойствіе, то-есть отреченіе отъ обманчивой мечты.

Въ „Комедіанткѣ“ [1]) Реймонтъ вводитъ сперва въ общество маленькихъ людей, служащихъ на желѣзнодорожной станціи Буковецъ. Скука тамъ держится безысходная. Поѣзда приходятъ, постоятъ и отходятъ, и къ каждому изъ нихъ приводится въ движеніе все то же самое представленіе, какъ на часахъ съ кукушкой. Вся жизнь прикована къ этой, постоянно повторяющейся церемоніи. Люди тамъ живутъ неразвитые, нетребовательные, но и ихъ поѣдаетъ тоска.

Въ такую-то среду попала Янка, дочь начальника станціи Орловскаго, дѣвушка развитая и посвященная уже въ потребности и условія жизни интеллигентной. Общаго съ отцомъ она имѣла только страстный темпераментъ и порывистый, неудержимый нравъ. Она искренно любила отца, но не знала, что и онъ любилъ только ее одну на свѣтѣ. Несмотря на это, онъ не допустилъ ее до сближенія съ собой. Онъ не любилъ „нѣжностей“ и „фанаберій“. Назначеніемъ дѣвушки было выйти замужъ, и отецъ желалъ, чтобы судьба ея была „обезпечена“ въ скоромъ времени, при его жизни, тѣмъ болѣе, что онъ сознавалъ въ себѣ что-то неладное.

Но Янка думала совсѣмъ иначе. Ее давила жизнь въ Буковцѣ, душилъ идіотизмъ станціоннаго общества, ее манили далекіе горизонты чего-то неизвѣстнаго, но осмысленнаго, свѣтлаго, а быть можетъ и необыкновеннаго, какая-нибудь исключительная судьба.

Отсюда—столкновенія между отцомъ и дочерью, принимавшія все болѣе острый характеръ. При одномъ изъ нихъ, Янка обвинила отца въ томъ, что онъ своимъ деспотизмомъ и придирчивостью вогналъ въ гробъ ея мать, а теперь и ей самой не даетъ жить. Самымъ рѣшительнымъ образомъ она отказалась отъ предложеннаго брака, предварительно объявивъ объ этомъ и самому своему претенденту. Тогда Орловскій, доведенный до безпамятства, гонитъ дочь изъ дому и объявляетъ ей, что между ними все кончено, и онъ не хочетъ о ней знать.

---

[1]) „Komedyantka“, 1896.

И вотъ Янка является въ театръ, видитъ представленіе и затѣмъ, безъ всякой протекціи, обращается къ антрепренеру, прося о пріемѣ въ труппу. Оказывается, что роли она читаетъ недурно и хорошо играетъ на фортепіано, что сразу импонируетъ всѣмъ въ труппѣ. Антрепренерша пожелала воспользоваться ея даровыми услугами для обученія дочери,—„а тамъ уже вмѣстѣ сочтемся". Красота Янки много помогаетъ ея пріему. Ее зачисляютъ въ хористки, „пока". Жалованье грошевое, да и того не платятъ, развѣ по рублю, самое большее — по три, при повторенномъ требованіи.

Женщины сразу относятся къ Янкѣ враждебно и за красоту, и за замѣчаемый, но, конечно, непризнаваемый нѣкоторый талантъ, и за то, что она — какая то совсѣмъ иная, очевидно — панна „изъ общества". Мужчины же тотчасъ начинаютъ за ней ухаживать. Изъ своего станціоннаго затишья, гдѣ люди наводили тоску, но зато освѣженіемъ и поддержкой для внутренней жизни служила природа — богатый и живописный лѣсъ, съ которымъ дѣвушка сдружилась, убѣгая туда отъ пошлости и однообразія, Янка попала въ сферу прямо противоположнаго характера. Это была сфера совершенно искусственная, не столько въ томъ смыслѣ, что она „служила искусству", сколько въ томъ, что вся жизнь здѣсь была дѣланная, заимствуемая на прокатъ. Всѣ постоянно играли роли, даже передъ самими собой, являлись какъ бы заведенными грамофонами, говорившими и думавшими не свое, а чужое.

Въ первое время Янка видѣла въ нихъ какъ бы жрецовъ искусства, преклонялась передъ несомнѣннымъ талантомъ, восторгалась драматическими эффектами. Даже та сѣть интригъ, какую она видѣла вокругъ себя, сперва извинялась ею—артистическимъ соревнованіемъ, а безпрестанныя, иногда грубыя ссоры— нервностью этихъ людей, постоянно жившихъ въ приподнятомъ настроеніи, какъ бы въ творческомъ экстазѣ, съ почти ежедневнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ. Но вскорѣ ей стала надоѣдать сплошная ложь, противная ея природѣ, и, познакомясь ближе со своими товарищами, она должна была убѣдиться, что единственное натуральное, собственное въ нихъ—то, что не было на показъ и не заимствовалось изъ игранныхъ ролей—была мелочность и пошлость, едва ли не худшая той, какую она видѣла въ Буковцѣ.

Актрисамъ еще нужнѣе талантовъ были туалеты; а чтобы имѣть туалеты, надо было ловить покровителей и содержателей. Нужда теребила и актрисъ, и актеровъ, а борьба изъ-за ролей

ставила ихъ въ условія вѣчной вражды между собой и съ дирекціей. Мужчины, по крайней мѣрѣ, постоянно утѣшали себя мечтой о навербованіи своей собственной труппы или объ ангажементѣ въ другомъ театрѣ, гдѣ ихъ лучше оцѣнятъ. Женщины были пассивнѣе въ этомъ отношеніи, но зато гораздо активнѣе мужчинъ въ интригахъ. Составлялись заговоры, чтобы провалить кого-нибудь, по большей части изъ мести, а иногда и просто изъ злорадства, изъ злобнаго школьничества.

Только постепенно Янка познала нравственное ничтожество большей части своихъ товарищей и ту нравственную грязь, въ какой жили иные изъ нихъ. Само собой разумѣется, что кромѣ той эксплоатаціи, какой она подвергалась со стороны дирекціи, ей угрожала еще эксплоатація и какъ женщинѣ. И эта эксплоатація удалась человѣку совершенно ничтожному, который воспользовался случайнымъ возбужденіемъ и неопытностью своей жертвы, и вскорѣ отвернулся отъ Янки, затѣвая выгодную женитьбу. Взятыя изъ дома деньги приходили къ концу, а ей еще только была обѣщана первая выдающаяся роль. Пришла нужда, сталъ грозить прямой голодъ. Приходилось выпрашивать изъ заслуженнаго жалованья, хоть по мелочамъ. Наконецъ, денегъ уже совсѣмъ не осталось, послѣднія пошли на костюмъ для обѣщанной роли, а за день до представленія роль, разученная Янкой съ любовью, роль, въ которой заключалась вся ея надежда, была отнята у нея и передана женѣ антрепренера. Это былъ ударъ, закрывавшій для дѣвушки всякую будущность. Конечно, Янка могла просить у отца прощенія и денегъ, чтобы вернуться домой. Но этого сдѣлать она не хотѣла и—отравилась.

Однако въ слѣдующемъ романѣ „Броженіе“ [1]) мы встрѣчаемъ ее вновь. Писатель Глоговскій, единственный близкій къ театру человѣкъ, который относился къ ней съ уваженіемъ, укрывая нѣкоторое чувство къ ней, телеграфировалъ Орловскому, который засталъ ее въ безпамятствѣ и привезъ въ Буковецъ, не говоря съ ней ни слова.

Здѣсь — все попрежнему. Только самъ Орловскій замѣтно подался. Подъ вліяніемъ гнѣва и горя, въ немъ начался странный процессъ раздвоенія личности. Состоя начальникомъ станціи, онъ исполняетъ также обязанности письмоводителя, но для этой работы всегда садится за другой столъ. Въ теченіе дѣйствія во второмъ романѣ процессъ этотъ постепенно развивается. Получивъ замѣчаніе за какой-то рапортъ, онъ громко распекаетъ

[1]) „Fermenty“. 1897.

себя, какъ начальникъ — подчиненнаго. Потомъ онъ начинаетъ вступать въ споры со своимъ двойникомъ и даже даетъ ему особое имя. Съ дочерью онъ сперва не говоритъ. Но отношенія между ними облегчаетъ старый врачъ, другъ семьи. Онъ сообщаетъ Янкѣ о ненормальности отца и запрещаетъ ей признаваться ему во всемъ, такъ какъ это навѣрное бы его убило. А въ оправданіе Янки онъ напоминаетъ отцу, что тотъ самъ выгналъ ее изъ дому, и что ей ничего не оставалось дѣлать, какъ зарабатывать себѣ хлѣбъ.

Какъ въ „Комедіанткѣ“ авторомъ выведено много оригинальныхъ типовъ изъ міра театральнаго, очерченныхъ съ полнымъ знаніемъ быта и съ замѣчательной живостью, такъ и въ „Броженіи“ представлены любопытныя фигуры желѣзнодорожной и вообще провинціальной захолустной сферы. Надо замѣтить, что Реймонтъ самъ служилъ при желѣзной дорогѣ, а также былъ актеромъ.

Послѣ новаго продолжительнаго пребыванія на станціи, Янка стала опять чувствовать порывы къ иной жизни, а тутъ еще Глоговскій посѣтилъ ихъ и привезъ ей приглашеніе вернуться въ прежнюю труппу, но уже на первыя роли. Янка совсѣмъ было-собралась ѣхать. Она рѣшилась выдержать новое, рѣшительное столкновеніе съ отцомъ и хотя бы порвать съ нимъ отношенія навсегда. Но одного она не ожидала, а именно того, что̀ отецъ сдѣлалъ. Увидавъ ея чемоданы, приготовленные къ поѣзду, онъ спросилъ, возвращается ли она въ театръ, и, услыхавъ, что да, онъ на словахъ одобрилъ это рѣшеніе, призналъ, что ей тамъ будетъ лучше, и хотѣлъ отдать ей всѣ свои цѣнныя бумаги, говоря, что все это — ея, а ему ничего не нужно, такъ какъ онъ получаетъ жалованье.

Зная болѣзнь отца и видя, что онъ себя превозмогъ, видя это доказательство любви его къ ней, Янка отказалась отъ блестящей перспективы, рѣшилась остаться и даже исполнить желаніе отца, выйти замужъ. Крылья ея уже сломаны, нѣтъ прежней неудержимости, и вскорѣ она начинаетъ мечтать — о простомъ успокоеніи. Отречься отъ борьбы, успокоиться окончательно въ той усыпительной, не лишенной пріятности апатіи, какую она ощущала въ постели послѣ возвращенія домой.

Однако природа ея не сдалась вдругъ. Уже живя съ мужемъ и взявъ съ собой отца, впавшаго въ полное помѣшательство, Янка едва не увлеклась интереснымъ, облеченнымъ нѣкоторой загадочностью, типомъ. Но прежнихъ крыльевъ уже не было. Страхъ удержалъ ее, и она должна была покориться судьбѣ.

IV.

Въ обоихъ этихъ романахъ, имѣющихъ общую героиню, но изображающихъ разныя среды со множествомъ характерныхъ типовъ, Реймонтъ является не только тонкимъ наблюдателемъ, реалистомъ въ лучшемъ значеніи слова, но и сильнымъ художникомъ, создающимъ вполнѣ законченныя лица, съ которыми читатель вполнѣ сживается, такъ что могъ бы ясно представить себѣ, какъ поступило бы каждое изъ нихъ въ томъ или другомъ случаѣ, и даже въ какомъ родѣ высказалось бы по данному поводу. Впечатлительность къ явленіямъ природы и замѣчательный живописный даръ проявляются здѣсь въ набросках лѣсныхъ видовъ въ разныя поры дня и года.

Но во всей своей силѣ талантъ Реймонта сказывается въ цѣлой эпопеѣ, посвященной описанію жизни общества въ большомъ фабричномъ городѣ. „Обѣтованная земля“ [1]), это—Лодзь, съ ея лѣсомъ фабричныхъ трубъ, съ ея притязательно-роскошными домами промышленныхъ тузовъ, ея кипучей дѣятельностью, которая стягиваетъ народъ даже изъ отдаленныхъ мѣстностей и порабощаетъ, обращаетъ въ машины, не только рабочихъ и техниковъ, но отчасти и самихъ фабрикантовъ. Тамъ кипитъ вѣчная борьба, тамъ каждый человѣкъ—конкуррентъ другому и спихиваетъ его съ пути безъ зазрѣнія совѣсти. Тамъ свои нравы, свои понятія о границѣ дозволеннаго, которая, впрочемъ, довольно близка къ чертѣ уголовщины. Не переступать этой черты не слѣдуетъ, но зато ужъ все остальное—предразсудки.

— Morgen!—крикнулъ Максъ, проснувшись.

— Что жъ не встаешь?—шестой часъ.

Но отвѣтъ заглушили свистки, которые раздались какъ бы надъ самымъ домомъ и рычали съ четверть минуты такъ пронзительно, что въ окнахъ звенѣли стекла.—Дома будешь сидѣть?

— А куда мнѣ спѣшить?... Въ свою паршивую нору? Да и съ фатеромъ я вчера погрызся.

— Максъ, ты плохо кончишь съ этой грызьбой со всѣми,— недовольнымъ тономъ сказалъ Морицъ, разгребая въ каминѣ уголь.

— Отстань. Разбудилъ—чортъ знаетъ, зачѣмъ, а теперь еще брешетъ.

---

[1]) „Ziemia obiecana“, 1898.

— Да потому что ты вредишь намъ въ дѣлѣ, вѣчно на кого-нибудь огрызаясь. Вотъ, хотя бы вчера. Развѣ ты у Блументалей не сказалъ громко, что большинство нашихъ фабрикантовъ— просто воры и обманщики?

— Конечно,—сказалъ и всегда скажу.

— Ты, Максъ Баумъ, такъ не будешь говорить, тебѣ нельзя... Понимаешь? Во-первыхъ, какое тебѣ дѣло—воры они или порядочные люди? Мы всѣ здѣсь сидимъ въ Лодзи, чтобы нажить побольше. Никто тутъ навѣки не останется. А каждый дѣлаетъ деньги, какъ умѣетъ и можетъ. Ты просто—красный, ты—радикалъ пунцовой краски № 4.

Боровецкій слушалъ, опираясь локтями на столъ, а лицомъ въ ладони.

— Я—честный человѣкъ,—сказалъ вошедшій Максъ, наливая себѣ чаю.

— Безъ глупостей. Рѣчь идетъ о деньгахъ. Твои обвиненія могутъ повредить нашему кредиту. Мы основываемъ фабрику и втроемъ не имѣемъ пока ничего; значитъ, у насъ весь разсчетъ на кредитъ, на довѣріе тѣхъ, которые намъ его откроютъ. Намъ теперь необходимо быть не только порядочными людьми, но и людьми любезными, пріятными въ обращеніи. Вотъ, если тебѣ этакой толстосумъ Борманъ скажетъ: „подлая эта Лодзь", —подтверди, что подлая въ квадратѣ; ему надо подтверждать, потому что онъ—слишкомъ крупная рыба. А ты какъ отозвался о немъ самомъ Кноллю? Что онъ—глупый хамъ. Душа моя, какой же глупый, когда онъ изъ своей башки извлекъ милліоны и имѣетъ ихъ! И мы хотимъ, чтобы они у насъ были. Можемъ и мы заговорить иначе, когда у насъ будутъ деньги. А теперь—ни слова, мы въ этихъ людяхъ нуждаемся. Ну, пусть Карлъ скажетъ, правъ ли я,—обратился Морицъ Вельтъ къ Боровецкому.

— Морицъ безусловно правъ,—съ удареніемъ произнесъ Боровецкій, взглядывая своими холодными, сѣрыми глазами на раздраженнаго Макса.— Весь вашъ споръ—одни слова,—равнодушно добавилъ онъ и поспѣшилъ на работу, такъ какъ сегодня онъ пускалъ въ ходъ новое набивное отдѣленіе.

Замыселъ товарищей основать свою фабрику—служитъ наиболѣе прочной путеводной нитью въ разсказѣ, гдѣ смѣшиваются много разныхъ предпріятій, стремленій и романовъ, развивающихся параллельно. Можно, пожалуй, признать нитью личный романъ Боровецкаго, ученаго техника, стоящаго во главѣ всего красильнаго и набивного дѣла одного изъ самыхъ крупныхъ фабрикантовъ, большого милліонера Букгольца. Но этотъ личный

романъ оканчивается раньше, чѣмъ полное осуществленіе дѣлового предпріятія, какъ то и естественно въ такой средѣ.

Боровецкій—полякъ и человѣкъ съ высшимъ образованіемъ. Однако среда засосала его, и онъ такой же „Lodsermensch“, какъ его товарищъ, маклеръ и коммиссіонеръ Морицъ Вельтъ. Онъ поддался средѣ не только пассивно, но и съ полнымъ сознаніемъ, стараясь отдѣлаться отъ всякихъ идеаловъ и сжать въ себѣ всякое чувство до возможно-минимальнаго объема, чтобы оно не мѣшало въ дѣлахъ. Все это—пустяки. Слишкомъ много поляки претерпѣли оттого, что вѣчно мечтали о несуществующемъ и неосуществимомъ. Онъ искренно любитъ дѣвушку небогатую и намѣренъ жениться на ней, когда дѣла его устроятся. Но когда его забота объ устройствѣ дѣлъ обращается въ мысль о постановкѣ собственной ситцевой фабрики, то привязанность къ Янкѣ начинаетъ слабѣть и отходить на второй планъ. Это ему, однако, не мѣшаетъ воспользоваться ея деньгами для пріобрѣтенія земли и строеній фабрики, которая погорѣла отъ поджога, сдѣланнаго прежнимъ владѣльцемъ съ цѣлью спастись страховою суммой отъ банкротства.

Но первыя средства на оборудованіе предпріятія компаніономъ даетъ неожиданное обстоятельство. Боровецкій сошелся съ Люси Цукеръ, красавицей, женой фабриканта, которая, можно сказать, прямо навязалась ему. Въ отсутствіе мужа изъ Лодзи, онъ остается у нея до поздняго часа и въ столовой находитъ упавшій со стола листъ бумаги. Это—телеграмма изъ Петербурга, написанная шрифтомъ, который употребляется на фабрикѣ Бухгольца, и, очевидно, сообщенная Цукеру или выкраденная для него изъ конторы. Въ ней сообщается, что пошлина съ американскаго хлопка, доставляемаго чрезъ Гамбургъ и Тріестъ, повышена до 25 коп. золотомъ съ пуда, а тарифная ставка на дорогахъ отъ западной границы поднята до 20 коп. съ пудоверсты; вводится это черезъ мѣсяцъ, а объявлено будетъ черезъ недѣлю.

Тогда на всѣ сбереженія трехъ товарищей и суммы, какія имъ удается нà-скоро занять, то-есть на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, Морицъ Вельтъ отправляется въ Гамбургъ для заключенія контрактовъ на краткосрочную поставку наибольшаго количества хлопка, сколько возможно въ разсрочку, съ уплатой всей наличной суммы въ задатокъ. Конечно, львиную часть общей наживы Вельтъ присвоиваетъ себѣ, но все-таки разница въ цѣнѣ хлопка при продажѣ его даетъ средства для начатія дѣла.

Когда фабрика уже поставлена, Боровецкій ссорится съ Вель-

томъ, скупавшимъ его векселя съ разсчетомъ выжить его изъ дѣла. Но онъ не имѣетъ средствъ, чтобы отдѣлаться отъ этого компаніона, а тутъ еще на фабрикѣ происходитъ пожаръ, впрочемъ случайный. Но Боровецкаго спасаетъ богатый фабрикантъ Миллеръ, который давно переманивалъ къ себѣ отъ Бухгольца этого изобрѣтательнаго и талантливаго спеціалиста красильнаго дѣла. Сынъ Миллеру не удался, не хочетъ ничего знать о работѣ,—ему надо купить имѣніе, какъ неспособному, а Миллеру уже желательно отдохнуть, сдать свое дѣло близкому и надежному человѣку. Онъ и женитъ Боровецкаго на своей дочери. Замѣчательно, что и еврейки, и нѣмки у Реймонта рѣшительно предпочитаютъ поляковъ. Такъ, Меля Грюншпанъ, единственная умная и привлекательная по своимъ душевнымъ качествамъ дѣвушка изъ фабрикантской среды, только съ трудомъ и горемъ отказывается отъ врача Высоцкаго, единственнаго идеалиста въ той же средѣ, и выходитъ за юркаго Морица Вельта, котораго знаетъ съ дѣтства.

Передъ читателемъ проходитъ богатая и самая разнообразная галерея портретовъ, жанровыхъ картинъ и intérieur'овъ фабрикъ съ видами ихъ дѣйствія. Весь этотъ обильный и разнохарактерный матеріалъ схваченъ твердою рукой, которая всему даетъ выпуклость и ясное, реальное освѣщеніе. Оригинальныхъ типовъ множество. Можно сказать, ни одно изъ выводимыхъ лицъ не осталось безъ самой тщательной отдѣлки. Вся галерея дышетъ жизнью и грубой правдой. Въ такомъ полномъ овладѣніи цѣлой массой матеріала и въ детальной, часто поражающей яркостью обработкѣ его, всего въ двухъ томахъ, проявляется огромная сила, которая и составляетъ главную особенность таланта этого автора.

„Обѣтованная земля", несомнѣнно, производитъ впечатлѣніе нѣкоихъ Содома и Гоморры. Слышны проклятія рабочихъ, бросившихъ свои деревни за болѣе сытный, но тяжкій кусокъ хлѣба, зарабатываемый въ настоящей кабалѣ, подъ властью произвола и подъ гнетомъ презрѣнія хозяевъ, техниковъ и мастеровъ по большей части иноплеменныхъ. Самъ Боровецкій, достигнувъ своей цѣли, пріобрѣтя богатство, чувствуетъ себя разореннымъ, какъ бы прожившимъ свою душу и неспособнымъ находить удовлетвореніе въ деньгахъ, власти и роскоши. Ему хотѣлось бы бросить все это, и онъ сознаетъ потребность сдѣлать что-нибудь полезное для своего народа. Но и независимо отъ личной неудовлетворенности Боровецкаго, все разсказываемое въ этомъ романѣ составляетъ протестъ само по себѣ.

Надо, однако, замѣтить, что собственно бытъ фабричныхъ рабочихъ не составляетъ здѣсь главнаго и затрогивается только эпизодически, въ видѣ отдѣльныхъ примѣровъ крайняго униженія и несправедливости. Но Реймонтъ имѣлъ, конечно, полное право изслѣдовать преимущественно среду самихъ представителей промышленнаго капитализма и ихъ ближайшихъ помощниковъ. Выборъ среды совершенно зависитъ отъ автора, лишь бы она была изслѣдована глубоко и результаты изслѣдованія представлены были наглядно и сильно. А эта задача исполнена Реймонтомъ блестящимъ образомъ.

Въ неоконченномъ еще, большомъ романѣ: „Крестьяне“ [1]), тотъ же авторъ вводитъ насъ въ совсѣмъ иную среду, такую, которая ему лично сочувственна. Это сказывается, прежде всего, въ томъ, что въ разсказѣ своемъ онъ самъ усвоиваетъ себѣ языкъ ея, которымъ владѣетъ свободно. Но при этомъ встрѣчаются все-таки диссонансы, такъ какъ въ излюбленныхъ имъ и иногда слишкомъ обширныхъ описательныхъ картинахъ ему все-таки приходится вставлять слова, совершенно чуждыя народному лексикону. Впрочемъ, лексиконъ этотъ богатый, и, напр., описаніе полунощнаго богослуженія на Рождествѣ (pasterka) много выиграло отъ народнаго языка въ непосредственности впечатлѣнія.

Вообще о живописныхъ пріемахъ, какъ Реймонта, такъ и Жеромскаго, надо сказать, что въ ихъ описаніяхъ бываютъ страницы, полныя поэзіи, дѣйствительно увлекательныя. Правда, иногда авторы ужъ слишкомъ произвольно одухотворяютъ явленія природы, игру свѣта, красокъ и тѣней, смыслъ птичьяго полета, чиликанья или крика. Чувствуешь порою, что этого, такъ называемаго, импрессіонизма слишкомъ много, что для лейтмотива послѣдующей сцены отведено чуть ли не болѣе мѣста, чѣмъ для нея самой. Но вдругъ попадается опять страница, отъ которой нельзя оторваться,—такъ она красива. Понятно, что въ переводѣ теряется, по меньшей мѣрѣ, половина этой красоты, такъ какъ переводчикъ уже не бываетъ такимъ же мастеромъ слова. Лучше всѣхъ удаются обоимъ авторамъ именно тѣ описательныя страницы, въ которыхъ не замѣтно намѣренія дать „стихотвореніе въ прозѣ“,—жанръ, что̀ бы тамъ ни говорили, дѣланный, потому что при немъ прозаикъ невольно впадаетъ въ нѣкоторую ритмичность, въ нѣчто недалекое отъ присказки нараспѣвъ.

Такъ какъ романъ „Крестьяне“ еще не конченъ, то мысль

---

[1]) „Chłopi“, 1894. Вышли только два тома.

его еще не уяснилась вполнѣ. Это опять настоящій эпосъ—крестьянскаго быта въ Польшѣ, въ самой коренной, мазовецкой ея части, той, впрочемъ, которая находится подъ властью русскихъ учрежденій. Мы видимъ и фактическое безправіе крестьянъ, и недовѣріе ихъ къ „обширникамъ", то-есть крупнымъ землевладѣльцамъ, и аграрныя стремленія.

„— Ужъ я говорю правду... даже въ газетѣ написано, стоитъ какъ волъ. Не такъ-то живутъ на свѣтѣ люди, какъ у насъ, нѣтъ! У насъ что̀? Помѣщикъ тебѣ панъ, ксендзъ тебѣ панъ и чиновникъ тебѣ панъ... А ты только роби, морись голодомъ да каждому низко кланяйся, чтобы еще по башкѣ тебѣ не попало...

— А земли-то много ли, скоро и по одному загону на человѣка не хватитъ.

— А у дѣдича [1]), у него одного, больше чѣмъ цѣлыя двѣ деревни вмѣстѣ...

— Вчера при судѣ [2]) сказывали, будетъ новый надѣлъ грунтовъ, отъ дѣдичей отпишутъ.

— Ага, какъ же! Вы что-ли дѣдичамъ-то жаловали, а теперь отбирать будете? Вотъ уже чужое разбираютъ...

— Да еще пишутъ, тамъ крестьяне и управляются-то сами во всемъ, и всѣ учатся въ школахъ, и живутъ панами въ своихъ дворахъ.

— А гдѣ же это?

— Въ теплыхъ краяхъ.

— Что жъ ты, кузнецъ, самъ туда не поѣхалъ? — спросила злая баба Ягустинка [3]).—Въ сажѣ весь и вретъ какъ старый песъ, а вы слушаете.

— Говорю вамъ, Ягустинка, по добротѣ — идите вы себѣ, откуда пришли.

— А не пойду! Корчма для всѣхъ, за свои три гроша и я тутъ не хуже тебя... Скажите! Учитель какой, самъ-то жидамъ прислуживается, съ чиновниками нюхается, а передъ дѣдичемъ за полверсты шапку ломаетъ. Ужъ я про тебя, брехунъ ты, коечто̀ знаю...

Но она не кончила, потому что кузнецъ схватилъ ее подъ ребра, толкнулъ дверь ногой и выбросилъ бабу вонъ, такъ что она растянулась... Вставъ, она не начала ругаться, но сказала весело:

---

[1]) Буквально, „наслѣдникъ", но такъ называютъ помѣщика.

[2]) Т.-е. среди присутствовавшихъ въ гминномъ судѣ.

[3]) Августина.

— Здоровъ, подлецъ, какъ конь; вотъ бы мнѣ пригодился въ мужья.—И среди хохота она вышла, бормоча бранныя слова про себя".

Но къ концу перваго же тома разсказъ начинаетъ сводиться, главнымъ образомъ, къ любовной драмѣ. Молодецъ Антекъ, женатый сынъ богатаго вдовца Борыны водится съ красавицей Ягной [1]), за которой, впрочемъ, ухаживаетъ не онъ первый. Ягну мать хочетъ выдать поскорѣе замужъ, такъ какъ ее ужъ взяли на языки, и придумываетъ выдать ее за самого старика Борыну. А у того, какъ разъ, обостряются отношенія со взрослыми дѣтьми, которыя находятъ, что старику пора на покой и слѣдуетъ сдать хозяйство имъ или выдѣлить ихъ. Но Борына, доселѣ державшій всѣхъ въ крѣпкихъ рукахъ, знаетъ, что̀ такое милостивый хлѣбъ, для родителей отдавшихъ землю дѣтямъ, какъ сдѣлала Ягустинка, которую теперь дѣти корятъ, что она еще не издохла, а то и на глаза не пускаютъ.

Изъ своихъ тринадцати морговъ [2]) Борына при жизни не дастъ дѣтямъ ни одного. Но раздоры по этому случаю дѣлаютъ то, что въ хозяйствѣ нѣтъ уже необходимаго послушанія. Антку нельзя слова сказать, онъ на все огрызается; зять-кузнецъ все напоминаетъ о выдачѣ приданаго, а пока выпрашиваетъ себѣ то теленка, то что̀ иное. Даже Витекъ, привезенный изъ Варшавы найденышъ-мальчишка, и тотъ, когда хозяинъ сильно выпоролъ его ременнымъ поясомъ, не идетъ потомъ на первый его зовъ, а убѣгаетъ съ отзывомъ:—„Какъ бы не такъ! Поцѣлуйте меня куда слѣдуетъ".

Какъ разъ въ это время подвертывается осторожное, но прозрачное внушеніе матери Ягны, что за такого хозяина пошла бы каждая дѣвка. А Борына крѣпокъ еще, силенъ, вотъ какіе мѣшки на спину подымаетъ. Однако, между Антномъ и Ягной—не простые амуры, но настоящая страсть. И вотъ каково Антку, что на его возлюбленной женится его же отецъ... У нихъ и дѣти могутъ быть, и земли придется менѣе, и о выдѣлѣ теперь уже нечего думать, да и Ягну онъ теряетъ. Она ему измѣняетъ, продается отцу.

Между сыномъ и отцомъ разгорается вражда, дѣло доходитъ до драки, потомъ до поджога. Наконецъ, Ягна не можетъ устоять противъ страсти, которая ее совершенно обезсиливаетъ при встрѣчѣ съ Антномъ. Ягна отдается ему, а отецъ накрываетъ

---

[1]) Агнеса.

[2]) Моргъ—около $^1/_2$ десятины.

ихъ при одномъ свиданіи въ сараѣ, запираетъ его и поджигаетъ, а самъ ждетъ съ вилами въ рукахъ. Но они спасаются сквозь разобранныя доски.

Съ необыкновенной силой и съ неумолимой реальностью написаны какъ эти сцены, такъ и картины разныхъ крестьянскихъ собраній, посидѣлокъ и, наконецъ, бунта для обороны проданнаго помѣщикомъ лѣса. Въ дракѣ, настоящей битвѣ крестьянъ съ дворовой прислугой и сосѣдними крестьянами, пришедшими въ помощь помѣщику, Борына, раненый, былъ бы убитъ, какъ убитъ силачъ Матеушъ. Но Борынѣ спасаетъ жизнь другой силачъ. Это—Антекъ. На этомъ разсказъ останавливается. Романъ „Крестьяне" на русскій языкъ пока не переводится,—конечно, по трудности передать тотъ крестьянскій языкъ, которымъ онъ написанъ.

Хотя еще и нельзя окончательно опредѣлить, что̀ хотѣлъ въ немъ сказать авторъ, однако и теперь можно констатировать, что къ деревнѣ онъ отнесся съ нѣкоторой любовью. Это не скопъ спекулянтовъ, какъ въ Лодзи. Какъ тамъ авторъ мало касался рабочихъ, такъ здѣсь оставилъ совершенно въ сторонѣ землевладѣльцевъ. Однако, связанный съ народомъ кровною симпатіей, Реймонтъ не только не идеализируетъ его, но показываетъ во всей грубости и даже звѣрствѣ. Наиболѣе чистые въ этой средѣ люди, какъ работникъ Куба [1]), нелюбимая жена Антка, найденышъ Витекъ: это—загнанныя существа, живущія въ безвыходной эксплоатаціи. Крестьянинъ жаденъ на землю, какъ на богатство и власть. Это безпардонный собственникъ, совершенный буржуа по духу, если только онъ — хозяинъ. Намекъ на возможныхъ реформаторовъ этой среды встрѣчается развѣ въ страникѣ Рохѣ, который обучаетъ дѣтей, а крестьянъ наставляетъ все больше отъ божественнаго. Но онъ совсѣмъ ушелъ въ это божественное, да еще дополняетъ его фантазіею, къ которой даже Борына и Ягустинка относятся скептически. Настоящихъ реформаторовъ пока не видно. А вотъ агитаторы— тѣ есть, и вліяніе ихъ отражается на деревнѣ, и въ словахъ, и въ дѣйствіяхъ.

V.

Полную противоположность Реймонту составляетъ другой изъ наиболѣе видныхъ представителей новѣйшаго польскаго романа—

[1]) Яковъ.

Жеромскій, хотя и онъ ищетъ пути выхода изъ среды, порабощающей человѣка и посягающей на его душу, на все, что̀ человѣка возвышаетъ надъ другими общежительными тварями. Но уголъ зрѣнія и настроеніе обоихъ авторовъ совершенно различны. Реймонтъ объективенъ, какъ настоящій реалистъ, только отбросившій готовыя прописи позитивной школы. Какъ отрицательно онъ ни относится къ той или другой описываемой средѣ, все-таки его болѣе интересуетъ самая эта среда, чѣмъ тѣ единичные люди, которые отъ нея терпятъ. Актерскій и захолустный міры—болѣе, чѣмъ Янка, громадная промышленная берлога—гораздо болѣе, чѣмъ Боровецкій, а особенно чѣмъ идеалистъ Высоцкій. Его главные герои и не гибнутъ окончательно именно потому, что онъ вовсе не хочетъ разжалобить надъ ними читателя.

Жеромскій, наоборотъ, въ высшей степени субъективенъ и впечатлителенъ. Это поэтъ скорби надъ человѣкомъ, поставленнымъ въ условія, которыя не соотвѣтствуютъ врожденнымъ и воспитаннымъ въ немъ стремленіямъ. Несчастье человѣка—не въ томъ только, что онъ долженъ дѣйствовать въ такой-то средѣ, но прежде всего въ томъ, что онъ родился на землѣ, подъ закономъ борьбы за существованіе, между тѣмъ какъ все, что̀ въ немъ есть именно человѣческаго, все высшее, скажемъ—душа, отрицаетъ эту борьбу, отвергаетъ зло и возмущается смертью.

Еслибы нашлась такая среда, оказались такія условія, въ которыхъ человѣкъ могъ бы найти личное счастье, то и это было бы обманомъ, потому что личнаго счастья не можетъ и не должно быть, когда вокругъ себя онъ видитъ страданія, когда даже труда своего на пользу общую онъ не можетъ исполнять съ какой-либо надеждой на успѣхъ. А между тѣмъ исполнять этотъ трудъ онъ все-таки обязанъ,—таково его внутреннее призваніе, такъ ему велитъ душа, таково его сознаніе человѣческаго достоинства.

Поэтому, Жеромскаго интересуетъ не столько изображаемая среда, сколько именно личная трагедія человѣка, одушевленнаго этимъ сознаніемъ и безсильнаго, и, тѣмъ не менѣе, призваннаго передѣлывать людской міръ. Отсюда, понятно, всѣ лучшіе люди у Жеромскаго или гибнутъ, или остаются глубоко несчастными.

Какъ назвать такое направленіе писателя? Это—пессимизмъ. Конечно, но почему же въ немъ столько любви? Идеализмъ? Хорошо, но во имя какихъ же идеаловъ? Во имя блага человѣчества... Вотъ позитивистская цѣль. Но вѣдь позитивизмъ исключаетъ идеалъ—чувствительность и самопожертвованіе, а все, и самый альтруизмъ, основываетъ на разумно понимаемой общей

пользѣ. А Жеромскій въ самую эту пользу не вѣритъ. Онъ сознаетъ только чувство и долгъ, призваніе, какъ внутренній законъ, безъ надежды на успѣхъ, какъ и безъ надежды на вознагражденіе въ будущей жизни:

Его врачъ—Юдимъ въ „Безпріютныхъ людяхъ" [1]) и журналистъ Радускій въ „Лучѣ" [2]) постоянно, даже въ мелочахъ, повинуются высокому призванію человѣка, но не потому, что они какіе-нибудь педанты, или что авторъ дѣлаетъ изъ нихъ манекеновъ направленія, а просто по той причинѣ, что въ нихъ много жалости ко всякой обидѣ и страданію и неудержимаго возмущенія противъ насилія и лжи. Радускій, получивъ неожиданно около 20-ти тысячъ въ наслѣдство по дядѣ, удаляется съ широкаго свѣта въ подупавшій губернскій городишка Лжавецъ, чтобы послужить тамъ, на родинѣ, своимъ образованіемъ, знакомствомъ съ разными заимствованными съ Запада начинаніями на пользу нуждающагося люда.

Все, что̀ онъ видѣлъ на желѣзныхъ дорогахъ и въ родномъ городѣ, представляетъ, во всѣхъ частностяхъ, отъ пустяковъ до случаевъ, рѣшающихъ судьбу людей, сплошное торжество грубой силы, успѣхъ пошлости и преобладаніе въ людяхъ стороны животной.

— Иначе и быть не можетъ,—поучаетъ бывшій школьный товарищъ, преуспѣвающій адвокатъ Кошчицкій,—потому что самая природа человѣка—злая и подлая. Стало быть, уменъ тотъ, кто не только рѣшается жить по-волчьи съ волками, но еще умѣетъ раздобыть себѣ на нихъ же и шубу, и кормъ. А глупъ тотъ, кто въ жизни продолжаетъ мечтать, какъ прежде въ школѣ, и обращается въ человѣка бумажнаго, которому въ реальной жизни нѣтъ мѣста. „Ну, пусть—геній! Тотъ, если дѣйствуетъ въ какой-нибудь необыкновенной, высшей области, то еще имѣетъ право хвалиться вашими бумажными добродѣтелями, не изъ-за нихъ, конечно, а за то, что онъ все-таки создаетъ разное, такое, чѣмъ живутъ сотни и тысячи людей".

Оказывается, что одинъ общій ихъ товарищъ уже пробовалъ счастья въ Лжавцѣ, также какъ адвокатъ, поидеальничалъ, а потому пропалъ, даже и померъ. Радускій чувствуетъ только отвращеніе къ этой житейской морали, да и ко всему, что̀ процвѣтаетъ въ Лжавцѣ. Возобновивъ пріостановившуюся газету, Радускій сталъ помѣщать въ ней статьи по соціальнымъ вопро-

---

[1]) „Ludzie bezdomni", 1900.

[2]) „Promień", 1904.

самъ, корреспонденціи о кустарныхъ промыслахъ, о положеніи сельскихъ рабочихъ и т. п., и хотя заинтересовалъ нѣкоторую группу губернскаго общества, но все-таки долженъ былъ приплачивать на расходы около тысячи рублей въ мѣсяцъ изъ своего капитала.

Редакторъ другой, давно существовавшей газеты старался вредить ему намеками на анти-религіозность его направленія, а потомъ сталъ входить въ сдѣлки съ типографіями, которыхъ было всего три, чтобы прекратить изданіе конкуррента. Близкаго себѣ по убѣжденіямъ человѣка Радускій нашелъ въ докторѣ Поземскомъ, который лечилъ преимущественно бѣдный людъ и отъ одного изъ даровыхъ паціентовъ, поденьщика, снимавшаго кожи съ падали, заразился сапомъ, отъ котораго и умираетъ. Радускій, ухаживая за больнымъ, влюбился въ его жену, но молчалъ про свою любовь. Когда же оказалось, что Поземская заразилась отъ мужа его болѣзнью, то развязка получается въ самоубійствѣ этой женщины. А Радускій беретъ на воспитаніе ея малолѣтнюю дочь и еще одну дѣвочку-сироту того поденьщика, отъ котораго заразился докторъ. И газету свою продолжаетъ издавать, несмотря на предложеніе конкуррента купить ее и на всякія встрѣчаемыя затрудненія.

Большое сходство съ героемъ „Луча" представляетъ врачъ Юдимъ, съ которымъ мы знакомимся въ „Безпріютныхъ людяхъ". Юдимъ вышелъ изъ ремесленной семьи, жившей въ Варшавѣ въ грязномъ домѣ, на грязной улицѣ, какъ продолжаютъ жить его братъ съ женой. Юдима, мальчикомъ, взяла къ себѣ тетка, которая была когда-то жившей въ роскоши куртизанкой. Подъ старость, она держала квартиру, служившую для свиданій и для карточной игры. Посѣтивъ однажды родныхъ, она взяла къ себѣ понравившагося ей мальчика, но присоединила его къ своей прислугѣ. На Юдима сыпались колотушки со всѣхъ сторонъ. Однако тетка помѣстила къ себѣ студента, который приготовилъ мальчика въ гимназію. Но одѣвала она племянника плохо. Онъ натерпѣлся холода и приготовлять уроки ему было трудно, такъ какъ онъ былъ постоянно на посылкахъ, да и съ книжкой долженъ былъ примащиваться въ кухнѣ или въ какомъ-нибудь углу. Будучи въ пятомъ классѣ, онъ сбѣжалъ отъ тетки, нанимался въ работу, подготовлялъ уроками товарищей, жилъ въ нищетѣ. Такъ онъ провелъ гимназическіе и университетскіе годы и наконецъ добрался до диплома.

Читатель однако впервые знакомится съ нимъ въ совсѣмъ иной обстановкѣ, а именно въ той залѣ Лувра, гдѣ стоитъ ста-

туя Венеры Милосской. Юдимъ уже годъ въ Парижѣ, учится въ клиникахъ и случайно забрелъ въ галерею, спасаясь отъ страшной жары, какая бываетъ въ Парижѣ и особенно пылаетъ вдоль каменной стѣны Лувра, выходящей на Сену. Онъ сидѣлъ задумчиво передъ чуднымъ произведеніемъ Скопаса, и вдругъ услышалъ польскій разговоръ.

Это были четыре дамы: двѣ почти еще дѣвочки, старушка и шедшая рядомъ съ ней дѣвушка лѣтъ двадцати съ чѣмъ-нибудь, замѣчательно красивая брюнетка съ голубыми глазами, которая потомъ подошла къ статуѣ ближе, положила руки на плюшевомъ шнурѣ, отдѣляющемъ статую, и вглядывалась въ нее съ жадностью, какъ будто хотѣла поглотить этотъ образъ и унести его съ собой. Старушка уже бывала въ Луврѣ въ прежніе годы и хотѣла показать внучкамъ и ихъ учительницѣ Амура и Психею Кановы, но не знала, гдѣ ихъ найти. Докторъ подошелъ, поклонился со свойственной ему неловкостью и предложилъ провести ихъ, причемъ назвалъ свое имя и профессію.

Когда старая дама спросила, не изъ тѣхъ ли онъ Юдимовъ, которыхъ она знала въ Волыни, разумѣется, помѣщиковъ, то докторъ отвѣчалъ, что онъ — изъ Варшавы и притомъ изъ самыхъ простыхъ Юдимовъ.

— То-есть, почему же?

— Мой отецъ былъ сапожникъ и вдобавокъ плохой сапожникъ, на Теплой улицѣ.— Этимъ онъ хотѣлъ сразу освободиться отъ тѣхъ утонченностей въ обращеніи, въ знаніи которыхъ онъ не былъ увѣренъ. Наступило молчаніе. Но когда они уже прошли черезъ дворъ въ другое зданіе, старая г-жа Невадзкая, обратилась къ нему въ тонѣ, подражавшемъ любезности:

— Вы такъ рѣзко упомянули о занятіи вашего отца, что пристыдили меня. Не подумайте, пожалуйста, что, спрашивая о родственныхъ связяхъ, я хотѣла сдѣлать вамъ непріятность. Просто—привычка старой бабы, которая знавала много людей.

— А что̀ дѣлалъ вашъ отецъ,— спросила младшая изъ барышенъ:—дамскую обувь или мужскіе сапоги?

— Больше башмаки, но и тѣ только въ трезвыхъ интервалахъ, а чаще всего онъ дѣлалъ скандалы.

— Такъ какимъ же чудомъ вы стали врачомъ, да еще гдѣ— въ Парижѣ?—Учительница покраснѣла отъ стыда на такой вопросъ своей ученицы, но г-жа Невадзкая сгладила все это, замѣтивъ Юдиму, что, сколько она ни видѣла людей, ей еще не случалось слышать, чтобы кто-нибудь такъ оригинально рекомендовался, и говорила это въ смыслѣ одобренія правдивости своего

собесѣдника. Тогда Юдимъ спросилъ брюнетку, какое на нее сдѣлала впечатлѣніе Венера Милосская.

— Какъ она хороша и какъ естественна! Еслибы я жила въ Парижѣ, то приходила бы къ ней... ну, не милліонъ разъ, а каждую недѣлю, чтобы насмотрѣться. Греки вообще создали себѣ такой чудесный міръ боговъ... Гёте...

При этомъ имени Юдиму сдѣлалось опять неловко, потому что изъ Гёте онъ только что-то и притомъ когда-то читалъ.

Но о Гёте ничего больше не было сказано, такъ какъ они уже подошли къ группѣ Кановы. Юдиму было жалко, что его роль провожатаго кончилась и слѣдовало уходить.

А между тѣмъ, для него это былъ новый моментъ въ жизни и какъ бы дополнительный патентъ на равноправность, потому что ему еще не случалось бывать въ обществѣ такихъ женщинъ. Будучи гимназистомъ и студентомъ, онъ иногда завидовалъ тѣмъ лакеямъ, которые имѣли право смотрѣть на нихъ вблизи, обращаться къ нимъ. Онъ же видывалъ ихъ только мелькомъ на улицѣ, въ экипажахъ, и онѣ казались ему скорѣе цвѣтами, выросшими въ недоступномъ саду, чѣмъ обыкновенными существами.

Однако обстоятельства сложились такъ, что Юдиму пришлось еще быть провожатымъ этихъ дамъ въ Версалѣ и въ Сенъ-Клу. Они ближе познакомились, и онъ узналъ имена барышенъ, Натальи и Ванды Оршенскихъ, ихъ учительницы Іоанны Подборской и бабушки Невадзкой. Онѣ сразу сдѣлались близкими его духу изяществомъ своей природы, мысли, языка и движеній, даже туалета. Тѣ женщины, среди которыхъ онъ выросъ, были совсѣмъ иныя, слишкомъ похожія на мужчинъ своей грубостью и инстинктами.

На другой день послѣ поѣздки, новыя знакомыя Юдима отправились въ Трувилль.

Возвратясь въ Варшаву, Юдимъ разыскалъ своего брата и невѣстку, которые оба работали на фабрикахъ, племянниковъ, другую свою тетку, жившую въ бѣдности, окунулся опять въ давній міръ нужды и недовольства, наслушался попрековъ за то, что онъ въ господа произошелъ, насмотрѣлся прежняго горя. Да и самъ скоро попалъ въ нужду. Онъ нанялъ и меблировалъ „докторскую“ квартиру, прибилъ къ дверямъ дощечку. Но паціенты не являлись, такъ какъ онъ былъ неизвѣстенъ. Юдимъ попробовалъ сблизиться съ нѣкоторыми собратами, но былъ такъ бестактенъ, что, приглашенный принять участіе въ кружкѣ врачей, гдѣ читались рефераты, выступилъ тамъ съ изслѣдованіемъ о санитарномъ состояніи городовъ и гигіенѣ рабочихъ массъ. Въ

этомъ изслѣдованіи онъ приходилъ къ выводу, что ничего существеннаго для гигіены рабочихъ массъ не дѣлается потому, что самое положеніе врачей принуждаетъ ихъ быть только врачами для богатыхъ классовъ.

Вѣжливо, но очень саркастически отнеслось собраніе къ этому притязанію на нравоучительность и реформаторство; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, ученые спеціалисты усмотрѣли даже прямое безвкусіе—какой-то лиризмъ въ научномъ рефератѣ. Послѣдствіемъ было то, что никто изъ врачей не помогъ фантазёру и непрошенному реформатору обзавестись хоть какой-нибудь практикой. Издержавъ остальныя сбереженія, Юдимъ долженъ былъ принять мѣсто помощника врача въ курортѣ Цисахъ. А курортъ этотъ былъ основанъ умершимъ мужемъ той старушки Невадзкой, съ которой докторъ познакомился въ Парижѣ. Лечебное заведеніе находилось въ большомъ паркѣ Невадзкихъ, который служилъ и паркомъ для пріѣзжихъ.

Парижское знакомство возобновилось, и Юдимъ полюбилъ ту брюнетку, Іоасю Подборскую, учительницу, которая сопровождала Невадзкую, съ ея внучками, въ Парижѣ. Ее мы узнаемъ близко по ея дневнику, помѣщенному въ романѣ. Дневникъ этотъ занимаетъ, относительно, слишкомъ много мѣста, но онъ веденъ такъ непосредственно, просто, откровенно и умно, что читатель выноситъ изъ него совершенно живое представленіе о развитой и въ высшей степени симпатичной дѣвушкѣ, и по одному этому дневнику долженъ признать Жеромскаго писателемъ, одареннымъ большой интуиціей. Этотъ дневникъ могъ быть написанъ только самой Іоасей или большимъ художникомъ, умѣющимъ соблюдать правду въ каждомъ помышленіи создаваемаго типа и въ каждомъ выраженіи даннаго лица.

Объясненіе между Юдимомъ и Іоасей происходитъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ Юдимъ долженъ разстаться со своей должностью. Пока реформаторская его дѣятельность ограничивалась лечебницей, устроенной для бѣднаго люда, старшій врачъ и администраторъ курорта только пожимали плечами. Но когда Юдимъ потребовалъ засыпки пруда и канала, распространявшихъ міазмы, они въ этомъ рѣшительно отказали. Оба они были старики, и доказательства Юдима не убѣждали ихъ именно по той причинѣ, что онъ былъ молодъ, а хотѣлъ быть умнѣе ихъ. По увѣренію Юдима, не слѣдовало печатать въ объявленіяхъ о курортѣ, что тамъ могутъ найти пользу больные, страдающіе лихорадкой или болѣзнями дыхательныхъ органовъ, когда прудъ и каналъ поддерживали сырость во всей окрестности, а

въ бассейнѣ, куда спускалась лишняя вода, происходило гніеніе, заражавшее воздухъ. Сама Невадзкая не входила въ дѣла курорта, полагаясь совершенно на администрацію.

Послѣ крупнаго столкновенія со старшимъ врачомъ и съ управляющимъ, Юдимъ выѣхалъ по желѣзной дорогѣ, самъ не зная, гдѣ остановится. Но на поѣздѣ онъ встрѣтился съ инженеромъ Коржецкимъ, съ которымъ, два года передъ тѣмъ, объѣзжалъ Швейцарію. По рекомендаціи Коржецкаго, Юдимъ получилъ мѣсто врача при рудникахъ въ Сосновицахъ. Тамъ, и въ условіяхъ самаго труда людей, и въ массѣ ихъ, на которую приходилось слишкомъ мало врачебныхъ силъ и средствъ, и въ бѣдности рудокоповъ, наконецъ въ огромныхъ ямахъ, наполненныхъ грязной, стоячей водой, было много такого, съ чѣмъ еще труднѣе было бороться, чѣмъ въ Цисахъ. Оставалось развѣ оказывать людямъ помощь по мѣрѣ возможности. Однако Юдимъ не терялъ надежды исправить санитарное состояніе, сдѣлать леченіе доступнѣе, отвести воду и засыпать ямы. Онъ разсчитывалъ на помощь Коржецкаго, который понималъ и любилъ его, прямо въ немъ нуждался, какъ въ человѣкѣ, который зналъ его психическое состояніе, и врачѣ, которому онъ довѣрялъ. Это былъ человѣкъ съ сильно потрясенной нервной системой. Его постояннымъ кошмаромъ было опасеніе смерти. То-есть, не страхъ передъ нею, когда она придетъ, нисколько! Но—вѣчное опасеніе, что она идетъ и, вотъ-вотъ, его схватитъ.

Коржецкій былъ хорошъ съ главнымъ инженеромъ, управлявшимъ рудниками, и на его-то содѣйствіе Юдимъ могъ разсчитывать. Но произошелъ случайный кризисъ, который уменьшилъ вѣроятность успѣха, а именно—Коржецкій застрѣлился. А въ это время Юдимъ долженъ былъ увидѣться съ своей невѣстой. Онъ былъ сильно разстроенъ смертью Коржецкаго. А Іоася явилась, полная вѣры въ недалекое уже счастье. При свиданіи, ее, однако, удивило, что Юдимъ тотчасъ согласился показать ей рудники, вмѣсто того, чтобы отложить это и воспользоваться всѣмъ временемъ ея посѣщенія, чтобы наговориться объ ожидавшей ихъ жизни.

Осмотрѣвъ рудники, она уже было-начала объ этомъ. Говорила, какъ она будетъ рада служить ему фельдшерицей, какъ они устроятся скромно, какъ будутъ вмѣстѣ работать и какъ будетъ хорошо.

„— А что жъ мы сдѣлаемъ съ тѣми гнилыми хижинами, которыя я тебѣ показывалъ, и съ людьми, которые въ нихъ жи-

вуть?—спросилъ Юдимъ, смотря на нее мутными, какъ бы невидящими ее глазами.

— Съ ними? Не понимаю.

— Я долженъ развалить эти норы... Скажу тебѣ все, хотя для меня это тяжелѣе смерти... Я такъ тебя люблю, и никогда не думалъ, что съ человѣкомъ можетъ сдѣлаться нѣчто подобное... Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, какъ я увидалъ все это, во мнѣ что-то горитъ.

— Боже, какое у тебя лицо!

— Видишь, дитя мое... Я вѣдь самъ—изъ этой черни, изъ этой послѣдней голытьбы. Ты не имѣешь и понятія—что̀ такое эта чернь. Не можешь даже далекимъ предчувствіемъ обнять того, что̀ у нея на сердцѣ. Ты—изъ иной касты. А тотъ, кто самъ вышелъ оттуда, кто все это пережилъ, тотъ ее знаетъ... Здѣсь люди помираютъ на тридцатомъ году жизни, потому что они уже состарѣлись. А дѣти ихъ, это—идіоты.

— Но какое же отношеніе это имѣетъ къ намъ?

— Да на комъ же будетъ отвѣтственность за все это? На мнѣ. Я отвѣчаю передъ своимъ духомъ, который кричитъ во мнѣ: ты не долженъ допускать этого! На мнѣ лежитъ этотъ долгъ проклятый. Мнѣ дано было что̀ нужно, я обязанъ отплатить... Не могу имѣть ни отца, ни матери, ни жены, ничего любимаго, пока эти кошмары не исчезнутъ съ лица земли. Я долженъ отречься отъ счастья, долженъ быть одинъ.

„Послѣ этого они шли долго, долго въ молчаніи. Наконецъ, присѣли подъ деревомъ, все молча. Юдимъ прислонился головой къ ея плечу. При этомъ онъ услышалъ ея одинокій плачъ предъ лицомъ Божіимъ. Онъ не поднялъ головы. Прошло еще время, и тихимъ голосомъ, сквозь слезы, она произнесла:—„Помоги тебѣ Богъ“.—Тогда онъ взглянулъ на нее; она была блѣдна какъ гипсъ. Вскорѣ Юдимъ потерялъ ее изъ вида“.

VI.

Вполнѣ ли это правдоподобно и даже возможно ли? Не будемъ ставить такого вопроса Жеромскому, потому что онъ вовсе и не ожидаетъ, что отказываться отъ счастья эгоистическаго когда-нибудь будутъ не только всѣ люди, но хотя бы многіе. Онъ не имѣетъ такой надежды, и полагаетъ скорѣе, что всякое зло, страданіе, несправедливость останутся навсегда, какъ навсегда останется смерть. А когда есть смерть, то можетъ ли быть въ самомъ дѣлѣ счастливымъ и здоровый человѣкъ?!

Жеромскій только *хочетъ*, чтобы человѣкъ поступалъ такъ, какъ поступили Радускій, Поземскій, Юдимъ. Только въ такомъ человѣкѣ, у котораго вѣчная, преобладающая мысль—страданія ближнихъ, обязанность помогать имъ, долгъ—бороться со зломъ, хотя бы безъ надежды,—только въ томъ, кто не можетъ удовольствоваться благополучіемъ для себя одного,—только въ такомъ-то пессимистѣ или, если угодно, сумасбродѣ, онъ и видитъ истиннаго человѣка.

Такова натура автора, и можно быть трезвѣе его, покорнѣе, но нельзя его не любить. Вотъ въ чемъ особая сила и очарованіе этого писателя. Своимъ героямъ онъ присвоиваетъ свою личную, безнадежную, но вполнѣ опредѣленную думу—заповѣдь. И потому, тѣ изъ нихъ, которые пребываютъ ей вѣрны до конца, другъ на друга похожи. Это, въ сущности, одинъ типъ, такъ какъ они вышли изъ одной мысли или, вѣрнѣе, изъ одной потребности души.

Но Жеромскій не проповѣдуетъ, именно потому, что не вѣритъ въ возможность благополучія для всѣхъ, а стало быть, и личнаго благополучія для „настоящаго" человѣка. Встрѣчается у Жеромскаго и такая разновидность типа, какъ человѣкъ, шедшій тѣмъ же путемъ избранныхъ, но смирившійся передъ препятствіями, уставшій и опошлѣвшій. Таковъ докторъ Обарецкій въ разсказѣ „Силачка" [1]). Опять—докторъ; такова ужъ среда наблюденій. Въ эпоху, когда „шли въ народъ", онъ также поселился въ дрянномъ мѣстечкѣ и началъ исполнять миссію. Но жить было такъ неудобно, что врачъ скоро утомился, и уже предвидитъ возможность соглашенія съ аптекаремъ, который не хотѣлъ отпускать лекарствъ бѣднякамъ даромъ. Прежде докторъ завелъ-было себѣ домашнюю аптеку и лечилъ ихъ на свой счетъ. Но не вытерпѣлъ, сталъ проводить вечера за винтомъ, и сознаетъ, что вскорѣ долженъ состояться компромиссъ въ видѣ длинныхъ рецептовъ отъ него и дорогихъ счетовъ отъ аптекаря.

Но, вотъ, за нимъ пріѣзжаютъ сани изъ близкой деревни—заболѣла учительница. Когда-то, еще студентомъ, онъ изъ далекихъ пунктовъ Варшавы каждый день бѣгалъ, въ извѣстный часъ, въ Саксонскій садъ, чтобы только взглянуть на совсѣмъ молоденькую дѣвушку, которая всегда въ ту пору проходила съ тетрадками. Потомъ познакомился съ этимъ недосягаемымъ идеаломъ въ домѣ нѣкоего позитивиста, женатаго на дарвинисткѣ, которой дѣвушка оказалась пріятельницей. И она, эта Стася,

[1]) „Opowiadania", 1896.

также пошла въ народъ учительницей. Теперь въ деревнѣ, глухой зимой, онъ застаетъ ее въ холодной избѣ, гдѣ нестерпимо дуетъ отъ оконъ, застаетъ ее—въ тифѣ, безъ памяти. Она жила тутъ уже третій годъ—такая сила! Книжки были разбросаны въ разныхъ мѣстахъ.

„Ахъ, глупая ты, глупая... сумасшедшая!—думалъ онъ.— Развѣ такъ жить можно? Да и не стоитъ. Жизнь не можетъ быть однимъ подвигомъ. Не позволятъ идіоты, а еслибы ты и устояла противъ нихъ, то тебя-то саму прежде всѣхъ и убьетъ смерть, за то что ты такая хорошая, такая дорогая"...

Не было ни антипирина, ни хинина. Онъ хотѣлъ послать въ городъ, обѣщая все, что спросятъ, лишь бы скорѣе; но во второй разъ, да еще въ метель, никто не хотѣлъ ѣхать. Обарецкій, разыскавъ солтыса [1]), добился наконецъ, что ему были даны лошади, но, возвратясь изъ города съ лекарствами и припасами, онъ засталъ трупъ, который бабы уже обмывали.

Когда ее одѣли и уложили, Обарецкій наклонился надъ умершей. „Въ немъ заговорили глубокое поклоненіе, разумѣніе, усердное вникновеніе въ нее, великое передъ нею смиреніе. Еслибы онъ тамъ остался хоть часъ, то дошелъ бы до той вершины, на которой властвуетъ безуміе. Его охватывалъ страхъ за самого себя, и онъ чувствовалъ, что надо скорѣй бѣжать. Почтивъ покойную въ мысли самыми красивыми словами, данью пустыхъ сердецъ величію, докторъ выскочилъ въ сѣни. Нѣкоторое время онъ оставался подъ тяжкимъ впечатлѣніемъ, читалъ въ свободные часы „Божественную Комедію" Данте, даже не игралъ въ винтъ. Но постепенно успокоился. А теперь онъ уже накопилъ денегъ и растолстѣлъ".

Повторимъ, что излюбленные имъ типы самоотверженниковъ Жеромскій рисуетъ по влеченію, но не въ назиданіе. Назиданіе представлялось бы несогласнымъ съ его пессимизмомъ. Въ отличіе отъ позитивистовъ, онъ хотя и считаетъ высшимъ призваніемъ борьбу со зломъ и помощь страждущимъ, но не вѣритъ въ такую эволюцію, которая могла бы осуществить общее благополучіе. Онъ—писатель скорѣе лирическій, чѣмъ тенденціозный. Тѣмъ не менѣе, описывая господство зла и несправедливости со всѣмъ увлеченіемъ своей впечатлительной души, онъ, помимо воли, все-таки является фактически борцомъ противъ существующихъ условій.

Но еслибы Жеромскій былъ намѣренно тенденціознымъ пи-

[1]) Старосту.

сателемъ, то едвали бы принялся за крупный свой романъ, за историческую эпопею „Прахъ“ [1]), такъ какъ въ настоящее время нѣтъ уже цѣли напоминать, что культъ Наполеона и участіе польскихъ легіоновъ въ его завоевательныхъ войнахъ не принесли полякамъ никакой реальной пользы. Но какое широкое поле для поэта человѣческихъ страданій и художника, располагающаго богатствомъ красокъ!

Здѣсь нѣтъ собственно романа. Это скорѣе поэма. Начинается она въ моментъ еще совсѣмъ близкій къ послѣднему раздѣлу Польши. Въ имѣніяхъ, деревняхъ существуютъ еще прежніе порядки. Но уже вводятся новые, австрійскіе. Производится перепись населенія, объявляется объ учрежденіи крейсамтовъ, о правилахъ, которыми ограничивается барщина крестьянъ и воспрещается помѣщичій самосудъ. Наступаютъ болѣе оформленные порядки, но эти порядки налагаются чужеземнымъ игомъ, и произволъ чиновниковъ надъ всѣмъ населеніемъ добавляется къ произволу помѣщиковъ надъ крестьянами.

Бо́льшая часть дворянства живетъ еще въ преданіяхъ и обычаяхъ временъ саксонской династіи, знаетъ только хозяйство, охоту и своеволіе. Но молодежь уже увлекается духомъ конституціи 3-го мая, барской конфедераціи, той свѣтлой борьбы, въ которой Польша пала уже въ моментъ начавшагося возрожденія.

Живой образъ этого перелома въ деревенской глуши служитъ введеніемъ къ боевымъ подвигамъ польскихъ легіоновъ. Дѣйствующихъ лицъ и своеобразныхъ типовъ тутъ такое множество, что непосредственные герои разсказа, молодые Рафалъ Ольбромскій и Кристофъ Цедро вовсе не играютъ главныхъ ролей. Они скорѣе—только свидѣтели подвиговъ легіоновъ въ Италіи, Испаніи и надъ Вислой, при занятіи, въ 1804 г., части нынѣшняго царства польскаго, принадлежавшей въ то время Австріи. Изъ историческихъ лицъ мы встрѣчаемъ генераловъ Князевича, Домбровскаго, Понятовскаго, Заіончка, полковника Хлопицкаго (диктатора въ 1830 году) и другихъ. И—самого Наполеона.

Одна изъ сильно дѣйствующихъ сценъ, это— когда уланъ Кристофъ Цедро, тяжко раненый въ битвѣ при Туделѣ, слышитъ клики: „Vive l'empereur!“, старается приподняться и, облитый кровью, устремляетъ взглядъ на проходящаго со свитой Наполеона.

„На слово: „Sire!“ —тотъ пріостановился и обратилъ къ нему свое каменное лицо.

---

[1]) „Popioły“, 1904.

— Ваше желаніе?—спросилъ онъ глухимъ и холоднымъ тономъ.

— Если умру... Я пришелъ сюда изъ отцовскаго дома... Вѣрилъ, что спасаю мою землю... А вотъ, самъ, на чужой... Скажите, что—не даромъ, ваше величество... что сбудется...

Кровь полилась у него горломъ.

Наполеонъ еще нѣсколько секундъ стоялъ неподвижно, какъ бы прикованный мыслью. Слегка приподнявъ руку къ шляпѣ, онъ произнесъ: „Soit!"—и отошелъ спокойнымъ, мѣрнымъ шагомъ".

Конечно, Наполеонъ не думалъ въ 1804 г. объ основаніи герцогства варшавскаго, которое состоялось въ 1806 г., послѣ разгрома Пруссіи. Но вѣдь авторъ и поставилъ отвѣтъ такъ, что допустимо и иное его значеніе. Какъ бы то ни было, этотъ символъ,—будто бы мысль о возстановленіи Польши пришла Наполеону впервые въ видѣ утѣшенія, брошеннаго имъ умиравшему,—несомнѣнно поэтиченъ.

Впрочемъ, все это послѣднее произведеніе Жеромскаго такъ исполнено поэзіи, такъ богато великолѣпными картинами природы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ проникнуто духомъ поэта современнаго, уже не вѣрующаго ни въ военную славу, ни въ великихъ людей, но чутко, всѣми силами души отзывающагося на страданія, что эта историческая поэма въ прозѣ высоко подняла значеніе Жеромскаго въ литературѣ.

Содержаніе трехъ томовъ нельзя разсказать вкратцѣ, тѣмъ болѣе, что судьба самихъ свидѣтелей великой драмы стоитъ здѣсь на второмъ планѣ. Все дѣло—въ эпизодахъ, въ бытовыхъ пейзажныхъ и батальныхъ картинахъ, какъ взятіе Сарагоссы. Прибавимъ, что хотя въ описаніи нѣкоторыхъ операцій называются воинскія части—корпусъ, дивизія, бригады и полки, но общаго хода дѣйствій не видно, не только по отношенію къ цѣлой кампаніи, но хотя бы и къ одной битвѣ. Это именно—батальныя картины. Каждая представляетъ моментъ. Сенкевичъ рисуетъ бои шире, хотя не живописуетъ ихъ въ такой подробности и съ такой дѣйствующей на нервы реальностью. Но одна изъ особенностей импрессіонизма заключается именно въ томъ, что имъ передается субъективное впечатлѣніе, которое можетъ быть воспринимаемо, а стало быть, и передаваемо только въ раіонѣ непосредственнаго наблюденія.

VII.

Родственнымъ по духу Жеромскому является поэтъ Даниловскій въ замѣчательной прозаической повѣсти „Изъ минувшихъ

дней" [1]). Та же любовь къ преслѣдуемымъ, гибнущимъ, тотъ же пессимизмъ, въ смыслѣ если не безнадежности, то слишкомъ слабой надежды на близкій успѣхъ борьбы съ торжествующимъ зломъ и, вмѣстѣ, признаніе того же высшаго, рокового закона, гласящаго: борись и гибни, ложись въ черноземъ, на которомъ можетъ выросте возрожденіе человѣчества. Иными словами— возьми крестъ свой и иди, если не къ личному спасенію, то къ спасенію ближнихъ.

Нѣкоторое психологическое противорѣчіе, заключающееся въ этой мысли, мелькаетъ, впрочемъ, у автора въ образѣ нѣкоего старика-врача, который дрался въ 1848 г. за свободу въ Берлинѣ, потомъ въ Венгріи, наконецъ, въ 1860 г., въ Италіи, но убѣдился, что въ подвигахъ самопожертвованія люди нуждаются только въ извѣстные моменты, а потомъ не только охладѣваютъ къ героямъ, но даже гонятъ ихъ, если только имъ не удалось,— какъ, напримѣръ, Криспи,—на самомъ самопожертвованіи сдѣлать себѣ карьеру. Онъ относится скептически къ настроенію молодого человѣка, который уже имѣетъ семью, а самъ глядитъ куда-то въ лѣсъ.

На замѣчаніе въ такомъ смыслѣ, что лбомъ стѣны не прошибешь, Викторъ возражаетъ:

„— О настоящемъ я не говорю... Но оно не предопредѣляетъ будущности.

— Тѣ обѣщаютъ награду въ небѣ, а эти ссылаются на будущность".

Но Викторъ—сынъ патріота, погибшаго въ восстаніи. Онъ— прямой наслѣдникъ тѣхъ идеалистовъ и романтиковъ, которые видѣли только цѣль, а не считались съ силами. Онъ вдругъ уѣзжаетъ, съ согласія молодой жены, которая сочувствуетъ его идеалу. Четыре года тому, когда вышла эта повѣсть, нельзя было сказать прямо, что онъ отправился въ Варшаву, принялъ участіе въ соціалистической партіи дѣйствія и скоро попалъ въ цитадель. Туда ѣздитъ навѣщать его Марина и однажды привозитъ съ собой ребенка, сына. Затѣмъ Виктора высылаютъ въ такой далекій край, куда надо ѣхать по желѣзной дорогѣ цѣлую недѣлю. Узнавъ, что онъ заболѣлъ, Марина, несмотря на отговоры родныхъ и врача, отправляется туда, и мужъ умираетъ въ ея присутствіи. Возвратясь въ мужнину семью, Марина впадаетъ въ меланхолію, ходитъ по ночамъ къ любимому мѣсту въ лѣсу, надъ рѣкой, гдѣ она часто сиживала съ покойнымъ, и—вызы-

[1]) „Z minionych dni", 1902.

ваетъ его. Она наконецъ доходитъ до такой галлюцинаціи, что его видитъ. Тогда въ этихъ ночныхъ видѣніяхъ сосредоточивается вся ея жизнь.

Старый гарибальдіецъ-врачъ понимаетъ, что ея болѣзнь въ тоскѣ, и посѣщаетъ ее, но не лечитъ. Однажды, вечеромъ, онъ осторожно отворяетъ дверь, полагая, что она уснула, но вдругъ видитъ у нея въ рукѣ кавказскій кинжалъ, когда-то привезенный ея мужемъ. Первая мысль старика — броситься къ ней, а затѣмъ онъ подумалъ:

„— Пусть бы только сумѣла, и сразу! И сразу!—Онъ отошелъ отъ двери“.

Она „сумѣла“. Сынъ ея, маленькій Игнась, болѣе, чѣмъ другія дѣти, живетъ въ волшебномъ мірѣ фантазіи. Оставшись сиротой, онъ въ умершихъ родителяхъ видитъ чудесныя, святыя существа, о которыхъ думаетъ постоянно. Доброту ихъ и ласки онъ переноситъ на всѣхъ людей и на животныхъ. Каждое страданіе глубоко отзывается въ его душѣ, а постоянныя жалобы дяди и тетки на недостатокъ средствъ онъ приписываетъ все той же несправедливости. Наконецъ, незадолго передъ Ивановымъ днемъ, въ немъ зарождается мысль—подстеречь ночью въ лѣсу, какъ зацвѣтетъ папоротникъ. По народному повѣрью, папоротникъ расцвѣтаетъ въ святоянскую ночь, а тотъ, кто сорветъ его цвѣтокъ, получитъ счастье и исполненіе желаній. Игнась знаетъ мѣсто въ лѣсу, гдѣ больше всего папоротника. Сорвавъ этотъ цвѣтокъ, онъ уничтожитъ всякую печаль, дастъ счастье всѣмъ, кого знаетъ. Мальчикъ убѣгаетъ ночью и прокрадывается къ папоротнику по трясинѣ. Вдругъ что-то блеснуло,—мальчикъ бросился, чтобы схватить искру этого блеска, и увязъ въ болотѣ, которое его засосало.

Превосходно сдѣланы типы женщинъ—Марины и невѣстки ея, хозяйственной и энергичной Изабеллы. Хорошъ и старикъ, насквозь проникнутый горечью, не вѣрящій въ побѣду борцовъ, но любящій въ нихъ свое прошлое. Мастерски переданы дѣти, ихъ понятія, игры и языкъ.

Изъ разсказовъ Даниловскаго отмѣтимъ „Nego“ [1]) и „Поѣздъ“. Въ первомъ является опять мальчикъ, сынъ бѣдной вдовы, которая сама подготовляетъ его къ гимназическимъ урокамъ. Добрый, веселый мальчикъ, но бѣда въ томъ, что онъ второй годъ въ одномъ классѣ и если не получитъ удовлетворительной отмѣтки изъ латинскаго языка на переэкзаменовкѣ, то будетъ исключенъ.

---

[1]) „Nego“, „Pociąg“, 1900.

Опасность большая, такъ какъ латинскій учитель не взлюбилъ его за шалости, да Ясь и слабъ въ латыни, которой сталъ учиться только въ этомъ классѣ.

Изъ грамматики онъ отвѣчаетъ на переэкзаменовкѣ недурно. Но въ заданномъ текстѣ для устнаго перевода его останавливаетъ самое первое слово „nego", котораго онъ доселѣ не встрѣчалъ. Когда онъ отзывается незнаніемъ, учитель спрашиваетъ:— „Ну, по крайней мѣрѣ, какая часть рѣчи?—Ясю, второпяхъ и въ страхѣ, приходитъ въ голову, что nego значитъ „не я", и онъ отвѣчаетъ—„мѣстоименіе".—„Въ такомъ случаѣ склоняй".— „Nego, nei, nihi, ne, ne".

Результатъ—единица и исключеніе. Въ глазахъ бѣдной вдовы вся будущность ея сына пропала. Но находится добрый учитель, который ее успокаиваетъ, и она утѣшаетъ сына.

О поэзіи мы здѣсь не говоримъ, но мимоходомъ упомянемъ о красивой, хотя нѣсколько туманной поэмѣ Даниловскаго „Na Wyspie", потому что она по мысли подходитъ къ „Минувшимъ днямъ". Здѣсь поэтъ Даймонъ плыветъ съ дружиной борцовъ на освобожденіе нѣкоего „материка", покореннаго грубой силой эгоизма и чувственности. По внѣшней формѣ, эта поэма нѣсколько напоминаетъ „Princesse Lointaine" Ростана. Но мысль у Даниловскаго—психологическо-общественная, все та же мысль, общая ему съ Жеромскимъ — о борьбѣ и самопожертвованіи, какъ о призваніи высшихъ натуръ.

Рядомъ съ Даниловскимъ мы поставимъ другого поэта—Немоевскаго. Въ его поэзіи яснѣе и сильнѣе звучатъ патріотическія ноты. Онъ свободенъ отъ туманности аллегорій, чрезмѣрнаго обилія и произвольности эпитетовъ, наконецъ отъ расплывчатости описаній, то-есть, отъ недостатковъ, какіе замѣчаются даже у самыхъ крупныхъ пѣвцовъ „настроеній". Но мы займемся только его интереснымъ, очень талантливымъ произведеніемъ въ прозѣ: „Письма безумнаго" [1]). Въ немъ изображается среда „современныхъ", самыхъ „передовыхъ" художниковъ въ Варшавѣ, жрецовъ „искусства для искусства", импрессіонистовъ и декадентовъ par excellence, у которыхъ Матейко и Гротгеръ уже считаются старымъ хламомъ, а живопись и рисунки ихъ— неимѣющими ничего общаго съ художественностью.

Такое самомнѣніе выражается, конечно, не въ одномъ отрицаніи славныхъ и еще очень недавнихъ предшественниковъ, но и въ непомѣрномъ превознесеніи самихъ себя, какъ оракуловъ

---

[1]) „Listy człowieka szalonego", 1899.

новаго завѣта, Колумбовъ новаго міра—„истиннаго" искусства. Многія изъ отмѣчаемыхъ здѣсь авторомъ чертъ, разумѣется, примѣнимы не только къ художникамъ рисунка и колорита, но и къ инымъ „артистамъ слова", выдающимъ себя или выдаваемымъ сторонниками за пророковъ „совершенно новаго" откровенія, сопровождаемаго и безпримѣрными еще, по красотѣ и глубинѣ, обрядами культа.

„Письма безумнаго", это—въ формѣ писемъ—дневникъ, заключающій повѣсть о бытѣ веселой группы художниковъ, съ ихъ товарищескими сходками и разсужденіями объ искусствѣ, ихъ позировкой, ихъ кутежами, отношеніемъ къ публикѣ, выставкамъ, меценатамъ и—къ женщинѣ. Написано это бойко, съ истиннымъ юморомъ, то-есть, съ такимъ, который является только приправой къ глубокой мысли.

Собственно повѣствовательная сторона заключается здѣсь въ контрастѣ между самодовольствомъ жрецовъ, служащихъ идеаломъ чистаго искусства, и совершенно животной эксплоатаціей ими модельки, которая у нихъ переходитъ изъ рукъ въ руки, спаивается ими и самимъ тѣмъ, кому она уже надоѣла, швыряется въ руки другому, съ полнымъ пренебреженіемъ къ человѣческому достоинству и просто потому, что ей некуда уйти, что она уже неспособна жить на тѣ двадцать копѣекъ въ день, которыя зарабатываетъ швея.

Въ кружкѣ оказывается простой и добрый человѣкъ, Рымковскій, поэтъ, который своихъ стиховъ не печатаетъ, и, отчасти по влеченію, отчасти изъ жалости, хочетъ жениться на этой моделькѣ, такъ какъ онъ не знаетъ всей глубины ея паденія. Но, вотъ, онъ запаздываетъ на большой ужинъ съ художниками и застаетъ уже полную оргію. Эта дѣвушка, Бронка, уже пьяна, какъ они всѣ, волоса у нея растрепаны, грудь обнажена, ее тянутъ къ себѣ то тотъ, то другой, а она поднимаетъ рюмку:

— Все вздоръ и пустяки! Разъ человѣку жить! Чтò тамъ старики брешутъ!—Вдругъ кто-то показался въ дверяхъ. Глаза ея закатились, подъ ними выступили синія пятна, потомъ она опустила вѣки, и голова ея склонилась на грудь. То былъ Рымковскій. Черезъ нѣсколько дней Бронка утопилась.

Въ этой сатирѣ на нѣкоторый кружокъ „сверхчеловѣковъ" искусства есть сходство съ этюдомъ Реймонта изъ міра комедіантовъ. Только Реймонтъ, по своему обычаю, предоставляетъ имъ самимъ обличать себя, не прибавляя самъ никакого сужденія. А Немоевскій прямо рѣжетъ то, чтò ему представляется правдой.

У одного „сверхчеловѣка“ онъ видитъ нѣсколько набросковъ оригинальнаго, самаго модернистскаго направленія. Синеватый полумракъ — на фонѣ зеленомъ, который переходитъ въ фіолетовое небо, а на срединѣ зеленой полосы выростаетъ изъ земли — красная рука. Надпись: „Вечерній вздохъ“. Другая начатая картина: синеватый полумракъ — фонъ фіолетовый, отъ него идетъ небо зеленое, а въ срединѣ фіолетоваго пространства скорчилась черная кошка, которая смотритъ на зрителя красными глазами. Надпись — „Душа“.

Тотъ же „сверхчеловѣкъ“ оказывается вмѣстѣ и поэтомъ и читаетъ автору дневника сумбурную фантазію, какъ нѣкоему князю видится восходъ солнца — бѣлаго, „какъ ея тѣло“, какъ это солнце оказывается идущей изъ моря въ небо фигурой съ золотисто-снѣжными ступнями. Оказывается, вдобавокъ, что это именно — „она, душа, первоначало, абсолютъ, женщина“...

И „сверхчеловѣкъ“ — самый модный изъ художниковъ (онъ же и поэтъ) — такъ обидѣлся на скептическое отношеніе къ его стихотворенію въ прозѣ — автора дневника, что вызвалъ его на дуэль и даже слегка подстрѣлилъ его. Дневникъ заканчивается тѣмъ, что автору, стоящему на берегу Вислы, въ которой утонула Бронка, въ мѣрномъ плескѣ воды слышатся слова, когда-то произнесенныя простымъ и добрымъ Рымковскимъ: — „пусть человѣчество будетъ счастливѣе“...

Такова, конечно, цѣль всякой серьезной работы. Но развѣ это — новое слово? Нѣтъ, оно слышалось и въ мессіанизмѣ Мицкевича, и въ постепенныхъ воплощеніяхъ короля-духа Словацкаго, и въ утилитаризмѣ позитивной школы. Въ идеѣ безусловнаго долга и самопожертвованія у Жеромскаго слово это повторяется только въ новой формѣ.

Стремленіе къ пересозданію формъ является безусловнымъ закономъ общественно-психологическимъ, настолько же, какъ и закономъ геологическимъ. Изъ-подъ морского дна вздымаются горы, въ то время, какъ на другомъ полушаріи воды потопляютъ материкъ и льды разбиваютъ вершины скалъ, которыя потомъ постепеннымъ дѣйствіемъ дождей, солнца и вѣтровъ раздробляются въ осколки, перетираются водою на песокъ и уносятся рѣками въ далекое море, гдѣ образуютъ отмели и острова.

Съ такой же стихійной силой дѣйствуетъ и законъ общественно-психологической эволюціи. Но эволюція эта не должна оставаться безцѣльной, какъ слѣпыя геологическія метаморфозы, потому что она происходитъ въ средѣ сознательной, хотя самый законъ вѣчнаго стремленія къ перемѣнѣ все-таки дѣйствуетъ

стихійно. И напрасно жаловаться, что иная перемѣна безполезна, пожалуй даже уродлива или вредна. Она законна уже потому только, что она — перемѣна, новая форма, естественно смѣняющая старую. И мысль дѣйствительно новая нуждается въ переработанной формѣ, для того, чтобы быть легче замѣченной и охотнѣе усвоенной новымъ поколѣніемъ.

Правда, писателямъ или художникамъ легче обновить формы, чѣмъ уловить и воплотить въ искусствѣ ту мысль, которую подсказываетъ невполнѣ еще обрисовавшійся и невполнѣ сознаваемый фазисъ общественной эволюціи. Обновленіе формъ происходитъ само собой, какъ результатъ конкурренціонной выработки техники каждаго искусства.

Замѣтьте, какъ выработалась въ наше время техника музыки, инструментовка и гармонизація, виртуозность исполнителей. Очень вѣроятно, что ни Паганини, ни Листъ, такъ не удивили бы насъ, какъ они удивляли своихъ современниковъ.

Въ литературѣ замѣчается явленіе аналогичное. Теперь, даже посредственный шаблонный беллетристъ пишетъ легче, свободнѣе, образнѣе, чѣмъ иной его предшественникъ, имѣвшій болѣе его значенія въ свое время, да и въ самомъ дѣлѣ превосходящій его силой ума. Оставаясь въ рамкахъ современной литературы польской, скажу, что особенно техника стиха достигла такой выработки, которая современникамъ представляется уже какъ бы совершенствомъ. Этой усовершенствованной техникой иные поэты, да и романисты, даже злоупотребляютъ, постоянно гоняясь за эффектами, стараясь изо всѣхъ силъ удивить и поразить читателя, такъ чтобы у него зарябило въ глазахъ. Объ этихъ крайностяхъ, о такой виртуозности чрезмѣрной, иногда прямо докучливой, уже было упомянуто въ началѣ статьи.

Итакъ, формы, несомнѣнно и вполнѣ законно, обновились. Этого вправѣ требовать каждое наростающее поколѣніе. Но ничто не ручается, чтобы непремѣнно каждому поколѣнію соотвѣтствовало такое вдохновенное новое слово, такая творческая мысль, которая дѣйствительно способна произвести переворотъ въ литературѣ и стать для нея эрой. Для этого нужно, чтобы талантъ очень крупный угадалъ смыслъ происходящей въ данное время эволюціи въ жизни человѣчества или хотя бы главную потребность духа своего народа въ настоящій моментъ. Вдохновенный этимъ новымъ словомъ, онъ своей творческой силой воплотитъ его и имъ откроетъ уже дѣйствительно новый періодъ въ литературѣ.

Л. Полонскій.

НЕ ГЕРОЙ

ПОВѢСТЬ.

— No hero, by E. W. Hornung. London, 1906.

I.

Приходило ли въ голову кому-нибудь изъ писателей разработать тему о нераспечатанномъ конвертѣ? Я что-то не могу припомнить ничего подобнаго, хотя въ этой безстрастной оболочкѣ „безграничныхъ возможностей" кроется, по-моему, матеріалъ для философскихъ размышленій. По лицу пріятеля, догнавшаго васъ на улицѣ, вы всегда можете судить: съ хорошими или дурными онъ вѣстями, но по почерку его на письмѣ, полученномъ за завтракомъ, вы никакъ не можете догадаться, о чемъ онъ сообщаетъ вамъ? Случилось ли у него прибавленіе къ семейству или семейная утрата, приглашаетъ ли онъ васъ отобѣдать съ нимъ въ клубѣ, или проситъ одолжить ему десять фунтовъ—почеркъ его остается такимъ же, какъ и всегда; только въ томъ случаѣ, если вы чѣмъ-нибудь его обидѣли, онъ съ несвойственнымъ ему стараніемъ тщательно выводитъ ваше имя на конвертѣ.

Эти обыденныя размышленія явились у меня при видѣ письма Катерины Эверсъ, съ котораго собственно и начинается моя негероическая исторія. Послѣ долгаго перерыва это было первое письмо отъ моей когда-то постоянной корреспондентки. О чемъ могла она писать мнѣ теперь? Полгода тому назадъ, у нея былъ предлогъ для возобновленія сношеній, и еще болѣе удобный—за нѣсколько недѣль передъ этимъ, когда меня привезли изъ Африки и я уже начиналъ ходить на костыляхъ.

Почеркъ Катерины ничуть не измѣнился: то же милое педантство, избѣгающее всякихъ сокращеній, тотъ же лѣсъ восклицательныхъ знаковъ, густо насаженныхъ, какъ тополи по ту сторону канала. Они слѣдовали непосредственно за первымъ ея обращеніемъ: „Дорогой Дунканъ!!"—которымъ она сразу заслужила мое полное прощеніе, но слѣдующая же строчка нѣсколько испортила впечатлѣніе:—„Вы обѣщали все сдѣлать для меня".

Не стану этого отрицать, такъ какъ вообще плохо помню, чтò я говорилъ при обстоятельствахъ, на которыя она, очевидно, намекаетъ. Но было ли хорошо съ ея стороны игнорировать мое существованіе до тѣхъ поръ, покуда я не понадобился ей. Правда, она упоминала о нашемъ отдаленномъ родствѣ и прибавляла, что я болѣе, чѣмъ кто-либо другой, могу быть ей полезенъ.

„Вы, быть можетъ, удивляетесь, что я ни разу не написала вамъ, ничѣмъ не выразила своего участія, даже не поздравила васъ! Но вотъ именно ваша военная слава и помѣшала мнѣ написать вамъ; я могла только радоваться тому, что вы получили орденскій крестъ".

Когда человѣкъ влюбляется въ женщину, которая старше его на нѣсколько лѣтъ, ему нелегко бываетъ побѣдить свою слабость, и прошлое воскресло во мнѣ вмѣстѣ съ очарованіемъ, повѣявшимъ на меня даже отъ этого коротенькаго письма.

Я телеграфировалъ Катеринѣ, что буду у нея въ три часа, и провелъ цѣлое утро, глядя изъ окна на старыя, уже начинавшія преждевременно желтѣть деревья. Я жилъ въ Кенсингтонѣ для того, чтобы находиться подъ непосредственнымъ наблюденіемъ хирурга, все еще надѣявшагося, что ему удастся извлечь послѣднюю пулю. Былъ конецъ августа, и я порадовался, что не успѣлъ уѣхать изъ Лондона.

Несмотря на мою телеграмму, м-ссъ Эверсъ не было дома, но мнѣ передали, что она проситъ меня обождать въ ея кабинетѣ. Здѣсь тоже все осталось до такой степени попрежнему, что мои африканскія похожденія вдругъ показались мнѣ какимъ-то сномъ. Въ этой комнатѣ, полной знакомыхъ бездѣлушекъ и жгучихъ воспоминаній,—тѣ же поэты стояли на полкахъ; со стѣнъ глядѣли на меня та же копія „Надежда" Уатса и его невыносимо-грустной картины „Паоло и Франческа"; тѣ же фотографіи, и между ними—моя собственная. Вотъ и персидскій коверъ, на которомъ я, какъ идіотъ, стоялъ на колѣняхъ. Но вдругъ я замѣтилъ занимавшую почетное мѣсто на каминѣ новую фотографію, изображавшую высокаго юношу въ фланелевомъ костюмѣ, съ милымъ открытымъ лицомъ, принадлежавшимъ Робину Эверсу.

Я всюду узналъ бы его честное, симпатичное лицо, но неужели же этотъ великанъ—маленькій Бобъ? Когда я въ послѣдній разъ видѣлъ его, онъ только-что поступилъ въ Итонъ, а теперь, какъ я зналъ изъ спортсменскихъ листковъ, онъ уже перешелъ въ кембриджскій университетъ. Портретъ его напомнилъ мнѣ о томъ, какъ летитъ время.

По матери его это не было замѣтно. Когда она вошла въ комнату, просто, но безукоризненно одѣтая, какъ всегда, въ шляпѣ съ широкими полями, никто не далъ бы ей болѣе тридцати лѣтъ; только холодноватая, сдержанная улыбка ея была улыбкою немолодой женщины, и, по правдѣ говоря, я ожидалъ болѣе теплаго пожатія ея твердой маленькой руки. Но оно было привѣтливо, какъ и весь ея пріемъ;—только почему-то люди всегда ждали отъ Катерины Эверсъ большаго, чѣмъ она могла дать.

— Вы все еще хромаете и должны ходить съ костылями? Бѣдняжка! Садитесь скорѣе.

Я повиновался, отвѣтивъ, что за послѣднія недѣли я чувствую себя гораздо лучше.

— Вы пережили ужасное время!—сказала она, садясь рядомъ со мною и не сводя съ меня своихъ умныхъ спокойныхъ глазъ.

— Я перенесъ зараженіе крови и былъ при смерти, но, къ счастью, не умеръ.

— Все это было очень тяжело и мучительно, но самый этотъ день—вотъ что̀ было всего ужаснѣе,—пояснила Катерина, вздрогнувъ, какъ человѣкъ, пережившій нѣчто подобное.

— Да, это былъ чертовскій день!—сказалъ я, забывшись, но Катерина пропустила эпитетъ мимо ушей. Телеграмму о взятіи редута она получила отъ Боба. Тотъ съ ума сходилъ въ Кембриджѣ; еслибы она не удержала его, онъ все бы бросилъ и помчался бы въ дѣйствующую армію...

Лицо Катерины приняло особенное выраженіе, которымъ я не могъ не восхищаться, такъ какъ сильная страсть невольно вызываетъ восхищеніе. Страстью всей ея жизни, ея единственною любовью былъ ея единственный сынъ, такъ какъ, выйдя рано замужъ по сильной любви, она вскорѣ овдовѣла и съ тѣхъ поръ жила исключительно для него.

— Какое тяжелое впечатлѣніе произвела на меня громадная красная афиша съ извѣщеніемъ о взятіи редута непріятелемъ!—продолжала Катерина, къ счастью не подозрѣвавшая о роившихся въ моей головѣ мысляхъ.

— Сожалѣю, что намъ не удалось продержаться долѣе.

— Долѣе?—воскликнула Катерина.—Вы держались слишкомъ долго! Я давно бы сбѣжала!—и она снова смолкла, словно подавленная ужасомъ, несомнѣнно лестнымъ для меня, но выраженнымъ такъ просто и естественно, что я не ощущалъ чувства неловкости.

— Многіе изъ насъ не могли бѣжать, такъ какъ у нихъ не было ногъ, м-ссъ Эверсъ.

— Какъ вы сказали?..

— Катерина... Простите.

— Благодарю васъ. Если вы желаете, я стану называть васъ капитанъ Клифэнъ, но въ такомъ случаѣ я уже не буду въ состояніи просить васъ объ одолженіи, котораго можно ожидать только отъ стараго друга.

Ея чарующій голосъ былъ такъ же послушенъ ей, какъ и въ былыя времена, и въ умныхъ твердыхъ глазахъ зажигался по временамъ мгновенный огонекъ.

— Между вами и мною, Катерина, не можетъ быть рѣчи объ одолженіи.

— Прежде всего мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ,—сказала она очень мягко:—Дунканъ, дѣло касается Боба.

Уголки ея рта дрогнули, въ глазахъ мелькнуло выраженіе не чуждой юмора озабоченности, когда она, въ видѣ предисловія, протянула мнѣ карточку Боба, спрашивая, не прелесть ли онъ?—съ чѣмъ я согласился отъ чистаго сердца, и сейчасъ же былъ вознагражденъ милымъ взглядомъ, болѣе нѣжнымъ, чѣмъ незабвенные взгляды прежнихъ лѣтъ. Я сразу вернулъ все утраченное и даже болѣе того, и тотчасъ же сдѣлалъ открытіе, что я радуюсь этому и чувствую себя странно, жутко, тревожно счастливымъ, какимъ я ни разу не чувствовалъ себя за предѣлами этой комнаты.

Я слушалъ въ какомъ-то полуснѣ разсказы Катерины о ея мальчикѣ, о его успѣхахъ по части всякаго спорта въ Итонѣ; несмотря на свои годы, онъ остался тѣмъ же милымъ, простымъ, неизбалованнымъ мальчикомъ, какимъ я раньше зналъ его. И все же рѣчь идетъ о немъ.

— Попалъ въ бѣду?

— Смотря по тому, что̀ вы подъ этимъ подразумѣваете.

Катерина сдѣлалась серьезна: она поставила фотографію на каминъ, и теперь въ ея глазахъ появился жесткій, почти животный блескъ, какой наблюдается во взорѣ львицы, когда дѣтенышамъ ея грозитъ опасность. Деньги не играютъ въ этомъ дѣлѣ никакой роли,—мальчикъ ея достаточно богатъ. Но ему

нѣтъ двадцати лѣтъ, и онъ позволяетъ женщинѣ дурачить себя. Нужно положить этому конецъ.

Выразивъ сочувствіе, я ждалъ дальнѣйшихъ разъясненій.

— Бѣдный Бобъ—не геній; онъ слишкомъ милъ для того, чтобы сдѣлаться чѣмъ-либо подобнымъ,—продолжала Катерина своимъ обычнымъ тономъ,—но у него сердце и голова всегда были на мѣстѣ, и я не желаю, чтобы онъ потерялъ ихъ въ какомъ-то швейцарскомъ отелѣ. Я отпустила его съ его лучшимъ другомъ—Джорджемъ Кеннерли, лучшимъ ученикомъ, полагая, что общество его можетъ быть полезно Бобу; они уѣхали въ началѣ мѣсяца, и оказывается, что они уже разъѣхались.

— Поссорились?

— Въ томъ-то и дѣло, что у Боба—ангельскій характеръ; онъ никогда ни съ кѣмъ не ссорился, и Джорджъ обожаетъ его,—онъ вернулся совсѣмъ несчастнымъ. Подумайте, до чего это неприлично! Бобъ, затѣвающій ссору со своимъ лучшимъ другомъ! Вчера я подвергла мистера Джорджа допросу; онъ слишкомъ честенъ и простъ для дипломатическихъ уловокъ, и вотъ я все узнала! Въ отелѣ живетъ отвратительное существо—какая-то вдова! Сначала Бобъ называлъ ее въ письмахъ ко мнѣ „вдовушкой“, затѣмъ—„м-ссъ Лэссельсъ“, а теперь онъ уже пишетъ о „нѣкоторыхъ знакомыхъ“, которыхъ онъ сопровождаетъ всюду и вездѣ. „Нѣкоторые знакомые“! Скажите пожалуйста!

Глаза Катерины мелодраматически искрились, на губахъ появилась уничтожающая улыбка.

— Нечего прибавлять, что она на двадцать лѣтъ старше моего сына и совсѣмъ не хороша. Джорджъ не отрицалъ этого. Они поссорились изъ-за нея. Бѣдный мой мальчикъ прямо околдованъ.

— Онъ излечится отъ этого!—пробормоталъ я неувѣренно, памятуя личный мой опытъ.

— Но вѣдь это продолжается, Дунканъ,— поймите, это продолжается!

— Въ его годы онъ не можетъ зайти слишкомъ далеко.

Катерина не топнула ножкой потому, что изящной дамѣ этого не полагается, но я, очевидно, сразу упалъ въ ея мнѣніи. Онъ и безъ того зашелъ слишкомъ далеко! Скандалъ продолжается на глазахъ у всего отеля. Этому необходимо положить конецъ, и положить конецъ немедленно.

— Дунканъ, я не могу туда поѣхать именно потому, что я — его мать. Но это могъ бы сдѣлать другъ, еслибы только (тутъ она вздохнула)... у меня былъ другъ, который бы взялъ это на себя...

Катерина сидѣла, опустивъ глаза, въ позѣ просительницы, и нѣжный румянецъ на ея лицѣ, легкое смущеніе—все было въ ней неотразимо. Былое съ особенною остротою оживало въ ея памяти (такъ думалось мнѣ); она какъ будто сожалѣла (такъ мнѣ казалось) о причиненномъ мнѣ злѣ, которое возможно загладить; надъ ея склоненной головою склонялась „Надежда“ Уатса—не болѣе привлекательная и выразительная, чѣмъ она сама.

Рука моя дрожала, когда я потянулся къ моимъ вѣрнымъ костылямъ, но я твердымъ голосомъ спросилъ названіе швейцарскаго отеля.

— Риффель, надъ Церматтомъ.

— Я отправляюсь завтра,—сказалъ я,—хорошо?

Тутъ Катерина подняла голову. Что̀ сдѣлалось съ ея лицомъ? Преображеніе—слишкомъ слабое слово. Это былъ цѣлый снопъ лучей, исходившихъ отъ человѣческаго лица.

— Вы поѣдете?—воскликнула она.—Вы согласны поѣхать, Дунканъ?

— Хоть въ Австралію. Лишь бы не было поздно.

— Что̀ поздно?

— Остановить свадьбу, если оглашеніе въ церкви уже было.

— Что̀ за вздоръ вы говорите, Дунканъ! Свадьба въ девятнадцать лѣтъ? Помните, вы всегда имѣли на него вліяніе.

— Да, когда онъ былъ малышомъ.

— И вы стали старше, и притомъ были ранены на войнѣ, что̀ придаетъ вамъ особенный престижъ.

— Отель можетъ быть полонъ ранеными офицерами,—теперь это не рѣдкость. Во всякомъ случаѣ—я поѣду.

— Этого достаточно!—воскликнула она пылко.—Остальное я предоставляю на ваше усмотрѣніе; я вѣрю въ вашъ здравый смыслъ и доброе сердце. И я никогда этого не забуду, никогда, Дунканъ. Вы—единственный человѣкъ, котораго онъ не заподозритъ. Онъ вѣритъ вамъ такъ же безусловно, какъ я.

Ея сіяющіе взоры словно растворялись въ моихъ, и выражавшіяся въ нихъ признательность и довѣріе невольно возбуждали надежды на бо̀льшее. Я уже спрашивалъ себя: не будетъ ли низкимъ воспользоваться обстоятельствами и просить ее дозволить мнѣ попытать счастье еще разъ въ томъ случаѣ, если мнѣ удастся оправдать ея довѣріе?

Къ счастью, поданный во̀-время чай помѣшалъ мнѣ сдѣлать ложный шагъ.

II.

До Церматта — не близко, а въ серединѣ августа поѣздà бываютъ переполнены, и духота въ вагонѣ ужасающая. Я предпочелъ просидѣть въ углу купэ и прибылъ утромъ въ Швейцарію съ небритымъ подбородкомъ и грязнымъ воротничкомъ. Безсонная ночь не была скрашена для меня даже мечтаніями, обычными для рыцаря, исполняющаго волю дамы его сердца. Наоборотъ, чѣмъ больше я думалъ о предстоящемъ мнѣ предпріятіи, тѣмъ нелѣпѣе казалась мнѣ моя роль. Юный гигантъ, котораго я не видѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ ребенкомъ, увлекся безобиднымъ, по всей вѣроятности, флиртомъ, а я, на основаніи дошедшихъ со стороны слуховъ, проѣхалъ половину Европы для того, чтобы испортить ему его удовольствіе. И однако, я чуть ли не самъ напросился въ добровольцы. Мое мысленное „отступничество“ удивляло меня; но душное купэ не походило на святилище Катерины, полное возбуждающихъ чаръ, и она не стояла передо мною во плоти, съ ея полу-шутливыми, полу-патетическими интонаціями и взглядами. Я уже не мечталъ о наградѣ; я не заглядывалъ далѣе настоящаго момента, казавшагося мнѣ непріятнымъ и комическимъ.

Дорогою я познакомился съ саперомъ, котораго встрѣчалъ въ Индіи. Оказалось, что одинъ изъ его пріятелей живетъ въ альпійскомъ Риффелѣ, и онъ сейчасъ же телеграфировалъ ему, прося занять комнату для меня,—услуга, которую я вполнѣ оцѣнилъ лишь на второй день къ вечеру, когда пріѣхалъ на мѣсто въ состояніи крайняго утомленія: я увидѣлъ, что половина моихъ спутниковъ принуждена была, за неимѣніемъ помѣщенія, вернуться въ Церматтъ.

Окна отеля сіяли въ лучахъ заходящаго солнца. По обѣимъ сторонамъ возвышались на фонѣ бирюзоваго неба ослѣпительно-бѣлыя вершины горъ, почтительно разступавшіяся, однако, передъ несравненнымъ Маттергорномъ, гордымъ главою горной цѣпи. Величественное зрѣлище и дивный воздухъ внушили мнѣ чувство признательности за то, что я здѣсь, и я пожалѣлъ, что не пріѣхалъ сюда ради болѣе достойной цѣли.

Я не пробылъ въ отелѣ и десяти минутъ, какъ появился мой невѣдомый благодѣтель — штатскій, по имени Квинби, высокій, худой человѣкъ съ рыжеватыми усами и нѣсколько непріятною манерою шутить, сопровождаемою характернымъ смѣш-

комъ въ носъ. Онъ прежде всего обратилъ вниманіе на мои костыли.

— Радуюсь, что у васъ имѣются на лицо „внѣшніе признаки“. Я столько наговорилъ о вашихъ ранахъ, что вы обязаны вашею комнатою исключительно имъ. У насъ тутъ—избранная компанія: вонъ тотъ весельчакъ въ панамѣ—прокуроръ; высокій господинъ, стоящій къ намъ спиною—Бельгрэвъ Шиль, знаменитый актеръ, являющійся каждый день въ новой роли. Но намъ именно недоставало настоящаго офицера, только-что вернувшагося изъ дѣйствующей арміи, да еще раненаго! Вы пополняете пробѣлъ.

Такія шуточки въ устахъ мало знакомаго человѣка покоробили бы меня, но я видѣлъ, что имѣю дѣло съ особеннымъ типомъ болтуна, и притомъ онъ былъ нуженъ мнѣ.

Мы стояли на лѣстницѣ, отдѣлявшей стеклянную веранду отъ террасы, и любовались оживленною, залитою солнечнымъ свѣтомъ площадкою передъ отелемъ,—но среди дѣйствующихъ лицъ этой маленькой сцены я не видѣлъ женщины съ наружностью, бросающеюся въ глаза, за которою ходилъ бы по пятамъ высокій юноша.

„Надо внести свою фамилію въ книгу для посѣтителей“,—вдругъ мелькнула у меня мысль.

Но прежде чѣмъ вписать свое имя, я перелисталъ послѣднія ея страницы.

— Нашли кого-нибудь знакомаго?—спросилъ Квинби, обязательно послѣдовавшій за мною.

— Клянусь честью, да! Робинъ Эверсъ! Вотъ кого я менѣе всего думалъ встрѣтить здѣсь.

— А вы знаете его?—насторожился Квинби:—мать его—аристократка по происхожденію.

— Я зналъ ее и его также, когда онъ былъ еще мальчикомъ. Каковъ онъ?

— Милый юноша,—засмѣялся Квинби,—только, пожалуй, черезчуръ скороспѣлый. Флиртируетъ во всю съ молодою вдовою, пріѣхавшей изъ Индіи; говорю—молодою, хотя она вдвое старше его.

Я закурилъ папиросу съ нѣкоторымъ чувствомъ облегченія: значитъ—все же я не понапрасну пріѣхалъ.

— О ней нехорошо говорятъ,—продолжалъ Квинби;—не стану повторять толковъ,—вы сами ихъ услышите,—но вамъ бы слѣдовало, на правахъ стараго знакомства, направить юношу на путь истинный. Не ищите ихъ,—прервалъ онъ себя, замѣтивъ, что

я гляжу по сторонамъ: — они исчезаютъ съ утра до ночи; вы встрѣтите ихъ позднѣе гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ. А вотъ и почта! Пойду за письмами.

Дѣйствительно, ни за обѣдомъ, ни вечеромъ, когда изъ гостиной послышались звуки вальса, а изъ билліардной — стукъ шаровъ, скандализировавшая общество пара не появлялась.

Боба Эверса не было ни среди танцующихъ, ни среди играющихъ; я кончилъ тѣмъ, что отправился на террасу, гдѣ въ это время почти никого не было, и тамъ-то я встрѣтилъ ту чету, ради разъединенія которой я сдѣлалъ столько миль.

Луна не взошла, но такихъ яркихъ звѣздъ я еще не видѣлъ въ Европѣ. Горы скромно темнѣли въ отдаленіи; лишь одна вершина Маттергорна поднималась къ звѣздамъ, и въ холодномъ, блѣдномъ сіяніи звѣздъ друзья мои стояли весьма близко другъ къ другу. Мнѣ показалось, что я вижу вспыхивавшіе по временамъ огоньки двухъ папиросъ. Я узналъ высокую фигуру Боба въ легкомъ пальто, а такъ какъ женщина кажется сравнительно выше мужчины, эта женщина показалась мнѣ почти одного роста съ нимъ.

— Бобъ Эверсъ? Вы, можетъ быть, не помните меня? Мое имя Клифэнъ, Дунканъ Клифэнъ.

Я чувствовалъ себя настоящимъ негодяемъ, но, тѣмъ не менѣе, я проговорилъ все это, какъ по писаному, словно въ доказательство того, что я всю жизнь мою былъ негодяемъ.

— Дунканъ Клифэнъ? Конечно, я помню васъ... Еще бы мнѣ не помнить! Сколько вамъ пришлось перенести за это время!

Голосъ Боба, несмотря на его изумленіе, былъ спокойный; держался онъ прекрасно, хотя въ темнотѣ я не могъ разсмотрѣть выраженіе его лица; правая рука его сжимала мою, а въ лѣвой онъ держалъ папиросу. Теперь только я замѣтилъ, что другой огонекъ исчезъ.

— Я прочелъ ваше имя въ книгѣ посѣтителей, — сказалъ я, — и былъ увѣренъ, что это должны быть вы.

— Какъ это чудесно! — воскликнулъ длинный Бобъ своимъ мягкимъ голосомъ. — Кстати, позвольте васъ представить м-ссъ Лэссельсъ. Капитанъ Клифэнъ, нашъ старинный другъ, только-что вернувшійся изъ дѣйствующей арміи.

Мы обмѣнялись привѣтствіями. Для такой „опасной“ женщины нарядъ ея отличался черезчуръ большою простотою: на ней былъ ватерпруфъ съ капюшономъ, надѣтымъ на голову, по случаю свѣжей погоды. И швейцарскія звѣзды—не болѣе какъ

звѣзды,—поэтому я не могъ видѣть ея лица, но голосъ у нея былъ глубокій, грудной, какой бываетъ у пѣвицъ контральто.

— Вы были въ бою?—спросила она, и будь на моемъ мѣстѣ человѣкъ непредубѣжденный, онъ уловилъ бы въ ея тонѣ состраданіе и восхищеніе, даже своего рода безсильную женскую зависть.

— Да еще какъ сражался!—вставилъ Бобъ.

— Вы, безъ сомнѣнія, были тяжело ранены?—сказала м-ссъ Лэссельсъ, отводя глаза отъ моихъ костылей и напряженно всматриваясь въ меня.

— Я былъ раненъ въ обѣ ноги, но не могу особенно жаловаться, такъ какъ не лишился ихъ.

Но тутъ Бобъ принялся разсказывать м-ссъ Лэссельсъ исторію взятія редута и моего „геройства“.

— Я до смерти завидовалъ вамъ, Дунканъ, и гордился тѣмъ, что знаю васъ. Страшно радъ, что вы пріѣхали именно сюда на поправку. Не правда ли, какое странное совпаденіе? Но онъ не могъ выбрать лучшаго мѣста,—не такъ ли, м-ссъ Лэссельсъ?

— Разумѣется! Я желала бы одного: выселить публику изъ отеля и отдать всѣ комнаты нашимъ бѣднымъ раненымъ.

Не знаю, почему я такъ удивился. Я уже нарисовалъ себѣ образъ м-ссъ Лэссельсъ, и весь ея обликъ, каждое ея слово совершенно не соотвѣтствовали ему, что̀ начинало раздражать меня. Не безъ затаеннаго ехидства я вынулъ свой портсигаръ и, прежде чѣмъ закурить, предложилъ папиросу м-ссъ Лэссельсъ. Она поблагодарила и отказалась. Развѣ она не куритъ? Иногда. А, значитъ, я не ошибся: мнѣ показалось, что я видѣлъ огоньки двухъ папиросъ.

Юный Робинъ продолжалъ курить, причемъ я могъ замѣтить твердыя очертанія его губъ. Очевидно, направленіе разговора ему не понравилось.

— Забавно, — проговорилъ онъ, но по тону его чувствовалось, что онъ совсѣмъ не находитъ этого забавнымъ, — почему нѣкоторые люди имѣютъ предубѣжденіе противъ курящихъ женщинъ? Если намъ папироса доставляетъ удовольствіе, почему же лишать его и ихъ? Развѣ женщина не можетъ выпить рюмку вина? А помните, м-ссъ Лэссельсъ, давно ли всѣ были шокированы ѣздою женщинъ на велосипедѣ?

— Но вѣдь я не сказалъ, что раздѣляю старые предразсудки,—разсмѣялся я, невольно восхищаясь его юношескою горячностью.—Закурите, м-ссъ Лэссельсъ, для того, чтобы покончить съ этимъ вопросомъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, предразсудки заразительны.

— Ну, такъ я закурю! — воскликнулъ Бобъ своимъ прежнимъ дружелюбнымъ тономъ.—Кстати, не принести ли вамъ стулъ? Вамъ не слѣдуетъ долго стоять.

Я чиркнулъ спичкой, но она погасла, и пришлось зажечь другую, что позволило мнѣ увидѣть мелькомъ лицо м-ссъ Лэссельсъ. Быть можетъ, оно не было такимъ интеллигентнымъ, какъ лицо Катерины, но въ очертаніяхъ низкаго лба, смѣлыхъ глазъ и полныхъ губъ замѣчались умъ и характеръ. Когда огонь спички освѣтилъ его во второй разъ, я замѣтилъ, какъ оно измѣнилось, и ясно прочелъ въ ея взорѣ мольбу... Я понялъ, къ чему относилась эта мольба, и это такъ меня поразило, что въ первую минуту я не могъ выговорить ни слова. Зато первый же мой вопросъ—о томъ, какъ здѣсь проводятъ время здоровые люди?—не отличался особеннымъ тактомъ.

Бобъ отвѣтилъ, что меньшинство лазаетъ по горамъ.

— Вы сейчасъ же отличите ихъ по облупившимся краснымъ носамъ; остальные же болтаются цѣлый день вокругъ отеля, читаютъ романы или наблюдаютъ въ телескопъ за экскурсантами, поднимающимися на Маттергорнъ. Не такъ ли, м-ссъ Лэссельсъ?

— М-ръ Эверсъ умалчиваетъ о томъ, что онъ самъ—отличный ходокъ, и я тоже хожу съ нимъ въ горы. Конечно, мы—лишь начинающіе альпинисты, но мы начали вмѣстѣ наше обученіе, и эти экскурсіи чрезвычайно интересны. Сегодня мы были на Шварцзее—это съ чѣмъ-то три тысячи футовъ. Завтра мы идемъ на Монте-Роза, и если такая погода продлится,—неизвѣстно, куда мы еще взберемся?

Такимъ образомъ м-ссъ Лэссельсъ не только съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ открыла мнѣ свои карты, но и дала понять бѣдному Бобу, что скрытность его — неумѣстна. Очевидно, имъ нечего было скрывать, хотя въ поведеніи ихъ замѣчалась извѣстнаго рода бравада, дававшая пищу для пересудовъ. Когда я замѣтилъ, что очень желалъ бы сопровождать ихъ, еслибы могъ ходить попрежнему, Бобъ Эверсъ такъ сочувственно откликнулся на мое пожеланіе, что я не могъ сомнѣваться въ его искренности. И однако, по уходѣ м-ссъ Лэссельсъ, мнѣ не сразу удалось вызвать его на откровенность. Конечно, я замѣтилъ, что она кажется „довольно красива". Довольно красива? Пусть-ка я посмотрю на нее при солнечномъ свѣтѣ: немного найдется женщинъ, красота которыхъ выдержитъ подобное испытаніе.

— Она произвела на васъ впечатлѣніе, Бобъ!—проговорилъ

я съ такой нарочитой безобидностью, что онъ вспыхнулъ и выдалъ себя, проговоривъ раздраженно:

— Не будьте такимъ осломъ, Дунканъ!

Я воздержался отъ возраженій, хотя былъ на десять лѣтъ старше его, и мы молча прошли два шага, но затѣмъ Бобъ остановился и сказалъ:

— Простите, пожалуйста, я самъ оселъ!

Онъ взялъ меня подъ-руку и сталъ разсказывать. Дѣло въ томъ, что у него уже вышелъ по этому же поводу разрывъ съ его лучшимъ другомъ, товарищемъ по Итону. Тотъ предложилъ ему, ни болѣе, ни менѣе, какъ выборъ между нимъ и м-ссъ Лэссельсъ! Неужели нельзя дружить съ женщиной безъ всякихъ любовныхъ умысловъ? Съ такими идіотами, буквально, потеряешь терпѣніе. Но, конечно, это не оправданіе для его дерзости по отношенію ко мнѣ.

Я увѣрилъ его, что его раздраженіе кажется мнѣ вполнѣ естественнымъ, и я считаю всякія извиненія между нами—лишними.

Бобъ снова остановился и поглядѣлъ на меня съ такою юношескою довѣрчивостью, что у меня явилось желаніе сознаться ему во всемъ,—но, конечно, я этого не сдѣлалъ.

— Я дорожу вашимъ мнѣніемъ, а потому и спрашиваю васъ. Неужели и *вы* находите что-нибудь дурное въ томъ, что я сопровождаю м-ссъ Лэссельсъ и симпатизирую ей, и она, съ своей стороны, симпатизируетъ мнѣ?

Его милая прямота совершенно обезоружила меня, и я отвѣтилъ, что считаю его неспособнымъ ни на что дурное. Онъ такъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, что едва ее не вывихнулъ.

Еще никогда я не ложился спать съ такимъ плохимъ мнѣніемъ о себѣ. Не лучше ли прямо написать Катеринѣ, что юноша съ такимъ чистымъ, неиспорченнымъ сердцемъ можетъ самъ о себѣ позаботиться? Это былъ первый порывъ, но я вскорѣ одумался. Я вспомнилъ о томъ, что̀ я увидѣлъ на террасѣ при свѣтѣ мгновенно вспыхнувшей спички. Не ему не довѣрялъ я, но женщинѣ, лицо которой я видѣлъ на одну секунду.

Я встрѣчался съ нею въ Индіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

III.

Однажды въ Симлѣ мнѣ пришлось вальсировать съ м-ссъ Гейманъ изъ Лагора, высокою, но легкою, какъ перышко, красавицею. Мы танцовали уже второй вальсъ, когда изъ карточной

комнаты появился разгоряченный виномъ и проигрышемъ ея мужъ, который демонстративно увезъ ее домой. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, прочтя въ газетахъ объ ихъ разводѣ, я не почувствовалъ къ нему сожалѣнія, а что касается его жены—ее я узналъ сегодня съ перваго же взгляда. Эта блестящая смѣлая женщина, разведенная жена, оказывалась тою самою вдовою, за которою ухаживаетъ Бобъ. Рѣдко я кѣмъ-нибудь такъ восхищался, какъ ею. Когда мужъ уводилъ ее съ бала, она повиновалась ему съ видомъ побѣжденной королевы—холодно и презрительно. Но она, конечно, не пара Бобу. Теперь она носитъ—по праву или нѣтъ—другое имя. Во всякомъ случаѣ она—не подходящій другъ для юноши, только-что покинувшаго школьную скамью: предчувствіе Катерины оказывалось пророческимъ.

Тревожныя мысли долго не давали мнѣ заснуть, а рано поутру меня разбудилъ Бобъ; онъ былъ въ костюмѣ альпиниста, лицо его лоснилось отъ кольдкрема, употребляющагося при экскурсіяхъ, на шнуркѣ у него висѣли синіе очки. Онъ извинился, что разбудилъ меня, но солнце уже высоко, и онъ получилъ отъ м-ссъ Лэссельсъ записку, по поводу которой хочетъ со мною посовѣтоваться. Вѣроятно, и до нея дошли какіе-нибудь глупые толки, —она проситъ его идти безъ нея на Монте-Роза. Не попробовать ли ему переубѣдить ее? Не все ли имъ равно, что этотъ „сбродъ" станетъ говорить о нихъ?

— Вамъ все равно, а ей быть можетъ—и нѣтъ.

Брови его озабоченно наморщились, что вышло очень забавно при намазанномъ лицѣ, и онъ по-дѣтски вопросительно поглядѣлъ на меня.

— Милый мой, повѣрьте мнѣ, такъ лучше.

— Что жъ? Я не буду настаивать, хотя это глупо,—мы пріятели и ничего болѣе.

Бобъ казался разочарованнымъ, но безропотно покорился волѣ своей дамы и, поговоривъ еще нѣсколько времени на эту тему, ушелъ, поблагодаривъ меня за совѣтъ. Когда онъ вышелъ, мнѣ пришло на умъ, что желаніе м-ссъ Лэссельсъ отдѣлаться на сегодня отъ своего кавалера было вызвано, быть можетъ, не столько опасеніемъ пересудовъ, сколько иными соображеніями.

Я долго лежалъ съ открытымъ окномъ, вдыхая изумительной чистоты живительный воздухъ. Въ ослѣпительныхъ лучахъ солнца Маттергорнъ казался гигантскимъ кристалломъ; когда я вышелъ на террасу, вокругъ наведеннаго на него телескопа столпилась цѣлая группа любопытныхъ; остальная публика возлежала въ тѣни зонтовъ,—почти у всѣхъ были томики Таухница.

— Пятнадцать лѣтъ сряду я ожидаю катастрофы,—говорилъ веселый прокуроръ,—но онѣ всегда случаются на другой день послѣ моего отъѣзда.

Вертѣвшійся тутъ же Квинби поспѣшилъ насъ познакомить, изложивъ, конечно, исторію моего „геройства“,—чтò заставило меня поморщиться; но патріотическое чувство прокурора, котораго звали сэръ-Джономъ, было польщено, и мы заговорили о войнѣ, покуда насъ не подозвали къ телескопу.

Мой непривычный глазъ едва могъ различить какія-то черныя нити и точки на ослѣпительно бѣломъ снѣгу.

— Они спускаются,—пояснилъ Квинби,—все черно отъ людей, это одно изъ опасныхъ мѣстъ... Кстати, вашъ другъ Эверсъ сказалъ, что онъ непремѣнно поднимется на Маттергорнъ до отъѣзда. А я видѣлъ, какъ вы говорили съ ними вчера! Не знаю, чтò вы ему сказали, но сегодня онъ въ первый разъ отправился одинъ.

— А вы, очевидно, интересуетесь имъ, м-ръ Квинби?

— Очень. Онъ гораздо интереснѣе нашей знаменитости, Бельгрэва Шиля. Тотъ недоволенъ, что въ его комнатѣ солнце бываетъ не весь день: онъ не привыкъ быть въ тѣни...

— А вы сами никогда не ходите въ горы? Вотъ бы вы предложили свои услуги м-ссъ Лэссельсъ: прекрасный случай изучить ее.

Вмѣсто того, чтобы почувствовать мой сарказмъ, онъ безъ церемоніи дернулъ меня за рукавъ, проговоривъ:

— Она сама... Легка на поминѣ...

М-съ Лэссельсъ показалась на ступеняхъ; высокая, статная, со смѣло поднятою головою, она, въ буквальномъ смыслѣ слова, сіяла красотою, хотя на ней было просто полотняное платье. Ея глаза, зубы, цвѣтъ лица, даже выраженіе его—все въ ней было ослѣпительно. Чувствовалось, впрочемъ, что она не лишена извѣстной мягкости,—сегодня, напримѣръ, въ ней не замѣчалось вчерашней настороженности, готовой къ отпору. Она стояла, взявшись за спинку камышеваго кресла и очевидно отыскивая глазами тѣнистое мѣстечко, и вся ея поза говорила о привычкѣ къ независимости. Я поспѣшно заковылялъ къ ней.

— Благодарю васъ, капитанъ Клифэнъ. Пожалуйста, не надо, я могу сама... Вотъ сюда.

М-ссъ Лэссельсъ усѣлась съ книгою въ уголкѣ террасы; казалось, она искала уединенія, но я медлилъ уходить.

— Вы такъ и не пошли сегодня, м-ссъ Лэссельсъ?

— Нѣтъ. Боюсь, что м-ръ Эверсъ мнѣ этого не проститъ.

Въ голосѣ ея заслышались глубокія ноты, какъ вчера во время разговора о куреньи. Она смотрѣла на меня своими красивыми открытыми глазами; я хотѣлъ заговорить о Бобѣ, но не находилъ словъ и чувствовалъ себя въ глупомъ положеніи.

— Вамъ не слѣдуетъ много стоять. Нѣтъ, не принимайте этого за намекъ... Развѣ вы не утомляетесь?

— Наоборотъ, мнѣ предписано ходить,—не до изнеможенія, конечно.

— Тутъ есть красивыя мѣста по близости, если только вамъ не трудно.

— Ничуть. Куда вы поведете меня, м-ссъ Лэссельсъ?

Это было смѣло, но я имѣлъ дѣло со смѣлою женщиной.

— Развѣ я сказала, что намѣрена васъ вести?..

— Нѣтъ, но я на это надѣюсь.

Опять, какъ вчера, наши глаза встрѣтились.

— Хорошо, я согласна, такъ какъ мнѣ нужно съ вами поговорить.

Мы поднялись выше, чѣмъ дозволяло благоразуміе, но всѣ скамейки были слишкомъ на виду, а взгляды и перешептыванія, долетавшія до моего слуха, уже успѣли меня раздражить. Мы поднялись по уступамъ Риффельберга и пошли вдоль тропинки надъ глетчерами. Налѣво возвышались покрытыя ослѣпительно-бѣлымъ снѣгомъ вершины; мы сѣли въ виду изумрудно-зеленой лужайки, спиною къ скалѣ, и среди полнаго молчанія природы я ожидалъ, что̀ скажетъ моя спутница. Мнѣ не долго пришлось ждать.

— Вы были все же очень добры ко мнѣ, капитанъ Клифэнъ.

— Я не понимаю васъ, м-ссъ Лэссельсъ.

— Нѣтъ, вы понимаете. Вы узнали меня и не захотѣли поставить въ неловкое положеніе, что̀ сдѣлали бы многіе на вашемъ мѣстѣ. Положимъ, я не совершила преступленія, но вы встрѣчали меня подъ другимъ именемъ.

Я молча слушалъ; если она желаетъ касаться непріятнаго вопроса — ея дѣло. На лицѣ ея не было признаковъ смущенія или страданія, но она смотрѣла на меня съ признательностью, которой я не заслуживалъ.

— Вы помните моего мужа? Вы слышали?..

— Я прочелъ объ этомъ въ газетахъ, и не стану говорить, что я былъ удивленъ или... или—что-нибудь въ этомъ родѣ...

Я совсѣмъ запутался, желая выразить ей мое сочувствіе, и почувствовалъ себя очень неловко во время наступившей паузы, такъ какъ мое замѣчаніе не отличалось тактичностью. Тѣмъ не

менѣе, она, очевидно, желала продолжать этотъ разговоръ. Повѣрю ли я ей, если она разскажетъ мнѣ кое-что изъ своего прошлаго?

— Менѣе всего я усомнился бы въ вашей правдивости.

— Благодарю васъ. Вы едвали не единственный человѣкъ, знавшій меня въ то время, и я хотѣла бы, чтобы вы знали обо мнѣ всю правду. Но этотъ милый мальчикъ, оказавшійся вашимъ другомъ, ничего не подозрѣваетъ, и мнѣ было бы больно, хотя я вообще мало чувствительна къ страданію, еслибы вы обличили меня передъ нимъ.

Я указалъ на полосу яркой зелени, отдѣлявшую насъ отъ ледяной пропасти.

— Вы могли бы съ такимъ же успѣхомъ благодарить меня за то, что я не столкнулъ васъ сюда.

Она слегка улыбнулась и продолжала:

— Такъ какъ вы этого не сдѣлали, то я могу вамъ сказать, что обличеніе вовсе не было бы такъ страшно. Конечно, разводъ всегда останется разводомъ. Но я дѣйствительно вышла послѣ этого замужъ и дѣйствительно овдовѣла.

Я взглянулъ на нее, уступая чувству искренней жалости. Какъ мало въ сущности она жила и какъ далеко прошла по пути страданія! Она угадала мою мысль и покачала головою, спокойно выдержавъ мой взглядъ.

— И этотъ бракъ не былъ счастливъ,— проговорила она, словно рѣчь шла о комъ-нибудь другомъ: — можете думать обо мнѣ что̀ хотите, но я не желаю незаслуженныхъ мною симпатій. Кстати, вы встрѣчали когда-нибудь майора Лэссельса? Нѣтъ? Нашъ бракъ былъ несчастіемъ для насъ обоихъ, какъ это, впрочемъ, всегда бываетъ съ подобными браками. Даже въ томъ случаѣ, если люди души не чаютъ другъ въ другѣ, мужчины указываютъ на нихъ пальцемъ, а женщины поворачиваются къ нимъ спиною, и съ этимъ приходится считаться. Конечно, и темпераментъ играетъ тутъ роль; я, напримѣръ, не могу молчать и сдерживаться, хотя знаю, что моими словами и поступками я еще болѣе раздражаю общество. А все же тяжело въ мои годы, когда, въ сущности, жизнь еще впереди, сознавать себя какою-то заклейменною женщиной!

Она говорила медленно, не сводя глазъ съ далекихъ снѣговъ, но я воздержался отъ выраженія отвергнутыхъ ею симпатій, и только возразилъ на ея послѣднія слова,— но м-ссъ Лэссельсъ настаивала. Нѣтъ, это такъ. Не я—такъ другой кто-нибудь, не въ этомъ отелѣ — такъ въ другомъ, но все равно ея прошлое всплыло бы, ее непремѣнно бы узнали. Я удивляюсь, что она

постоянно живетъ въ отеляхъ,—но гдѣ же ей жить? Ея родные не хотятъ ее знать; родные ея покойнаго мужа, всегда считавшіе его черною овцой, окончательно отказались отъ него послѣ его женитьбы на ней... Впрочемъ, она не имѣетъ права на нихъ жаловаться: они даютъ ей средства къ жизни.

Трудно было не заинтересоваться судьбою красивой женщины, такъ рано разбившей свою жизнь, такою одинокой, гордой и независимой въ своемъ одиночествѣ, притомъ обладавшей, очевидно, хорошимъ сердцемъ и неизбалованной. Не будь Боба и его матери, мой интересъ имѣлъ бы другой характеръ, но теперь, обязанный дѣйствовать противъ нея, я все же не могъ не восхищаться ею. Я стиснулъ зубы и заговорилъ о Бобѣ, отца котораго я мало зналъ, но съ матерью его былъ прежде очень друженъ.

— А въ какомъ она родѣ?—вдругъ спросила м-ссъ Лэссельсъ, оторвавшись отъ созерцанія безсмертной красоты и возвращаясь къ земному.

IV.

Еслибы въ теплый мягкій лѣтній вечеръ васъ попросили описать чудный зимній день, — пожалуй вы не сразу бы нашли подходящія для этого краски. Различіе между Катериною Эверсъ и м-ссъ Лэссельсъ было неменьшимъ, чѣмъ между лѣтомъ и зимою. Первую я не могъ себѣ представить иначе, какъ окруженную ея любимыми книгами, картинами, произведеніями искусства; она пробуждала во мнѣ лучшую духовную сторону моей природы; она дѣйствовала на мое молодое честолюбіе, плѣняла умомъ и остроуміемъ. М-ссъ Лэссельсъ поражала, наоборотъ, своею непосредственностью, и я вспоминалъ о томъ, какъ она танцовала, вся отдаваясь увлеченію вальсомъ. Въ искусствѣ она, вѣроятно, такъ же, какъ и въ жизни, плохо умѣла различать настоящее отъ ненастоящаго. Будь здѣсь Катерина, она сходила бы съ ума отъ красотъ природы, очаровательно вышучивала бы Квинби и прокурора. М-ссъ Лэссельсъ жила сама по себѣ; я смотрѣлъ на ея свѣжее лицо и выразительные глаза съ таившимся въ ихъ глубинѣ познаніемъ добра и зла, презрѣніемъ къ презрѣнію людей и прямотою, искупающею ея ошибки.

— Вы не отвѣтили на мой вопросъ, капитанъ Клифэнъ. О чемъ вы задумались?

— О томъ, сколько было написано по поводу этихъ снѣговъ, и мнѣ вспомнилась одна строфа Броунинга.

— Пожалуйста, не цитируйте Броунинга... Онъ слишкомъ глубокъ для меня. Я спрашивала васъ о м-ссъ Эверсъ.

— Она очень умная женщина.

— Достаточно умна для того, чтобы понимать Броунинга?

— Вполнѣ.

Я не могъ отвѣтить иначе: я чувствовалъ себя слишкомъ обязаннымъ Катеринѣ за все, что̀ она сдѣлала для меня въ смыслѣ моего развитія. Не она ли сняла съ моихъ глазъ повязку и научила меня цѣнить красоту? Все равно, съ м-ссъ Лэссельсъ мнѣ скоро придется поссориться.

— М-ръ Эверсъ не похожъ въ этомъ отношеніи на мать, и это даже нравится мнѣ. Пусть молодое остается молодымъ. Они очень привязаны другъ къ другу?

Мнѣ почудилась въ ея голосѣ ревнивая нотка,—и я отвѣтилъ, что, конечно, они очень любятъ другъ друга, хотя я давно не видѣлъ ихъ вмѣстѣ. Бобъ былъ милымъ мальчикомъ и изъ него вышелъ славный юноша.

— Да, онъ славный,—проговорила она задумчиво;—я прямо не знаю болѣе симпатичнаго человѣка,—съ нимъ такъ хорошо и просто себя чувствуешь.

— Онъ—типъ итонскаго юноши, въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

— Пожалуй вы правы,—отвѣтила она, снисходительно улыбаясь,—но какъ вы его опредѣлите? Онъ какъ будто очень увѣренъ въ себѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, до крайности простъ, не заносчивъ и очень деликатенъ: онъ никогда не задастъ безтактнаго вопроса.

Неужели мы всѣ заблуждались? Станетъ ли говорить такимъ образомъ авантюристка о томъ, кого она заманиваетъ въ свои сѣти? Или она попросту влюбилась въ него, какъ онъ—въ нее? Но ея опредѣленіе его характера было слишкомъ мѣтко и откровенно. Во всякомъ случаѣ, надо положить конецъ толкамъ.

Я заговорилъ, выбирая слова.

— Какъ вамъ сказать, м-ссъ Лэссельсъ? Эта независимость и увѣренность въ себѣ не столько относятся къ характеру, еще не успѣвшему окончательно сложиться, сколько выработались подъ вліяніемъ школы. Несмотря на свою кажущуюся самостоятельность, Бобъ еще не мужчина, а мальчикъ,—онъ не знаетъ ни свѣта, ни себя самого...

М-ссъ Лэссельсъ посмотрѣла на меня въ упоръ.

— Вы хотите сказать, что онъ не сумѣетъ уберечь себя отъ опасности?

— Я этого не сказалъ.

— Что же вы хотѣли сказать?

Она прямо смотрѣла мнѣ въ глаза и улыбалась румянымъ ртомъ. Просто обидно дѣлать себѣ врага изъ такой красивой женщины. Да и нужно ли это? Покуда я колебался, она встала и прошлась до края зеленой лужайки.

Въ то же время послышался звукъ, похожій на царапанье желѣза по камню. Кто-то карабкался въ подбитыхъ гвоздями сапогахъ по скалѣ.

— Теперь вы уже не успѣете отвѣтить, — шепнула м-ссъ Лэссельсъ:—вотъ и самъ м-ръ Эверсъ возвращается съ Монте-Роза. Мы сдѣлали ему сюрпризъ.

Это былъ дѣйствительно сюрпризъ. Я видѣлъ, какъ просіяли ихъ лица; въ ихъ обоюдномъ удовольствіи не могло быть сомнѣній. Когда онъ замѣтилъ меня, улыбка его не исчезла,—она только сдѣлалась иною; измѣнился и его тонъ.

— Великій Боже!—воскликнулъ Бобъ:—какъ это *вы* попали сюда? По желѣзной дорогѣ, надѣюсь?

— Нѣтъ, съ помощью костылей.

— Это я виновата, я показала ему дорогу,—сказала м-ссъ Лэссельсъ,—но капитанъ Клифэнъ съ своей стороны заупрямился и не хотѣлъ вернуться назадъ. А теперь разскажите о себѣ, м-ръ Эверсъ,—неужели намъ съ вами предстояло возвращаться этимъ путемъ, карабкаясь по утесамъ?

— Не намъ,—сказалъ Бобъ, иронически посмѣиваясь,— но мнѣ одному почему же было и не пройти здѣсь? Въ обходъ — слишкомъ далеко.

— А гдѣ же нашъ проводникъ?

— Стану я брать проводника для себя одного!

— Но вы могли провалиться въ расщелину.

— Я и то едва не провалился. А теперь вы позволите мнѣ проститься съ вами для того, чтобы переодѣться? Я—въ невозможномъ видѣ...

Онъ не безъ церемонности раскланялся съ м-ссъ Лэссельсъ и фамильярно кивнулъ мнѣ. Странно, что она не попыталась удержать его!

— Что вы хотѣли сказать относительно м-ра Эверса въ ту минуту, какъ онъ самъ появился передъ нами такъ неожиданно?— спросила м-ссъ Лэссельсъ по дорогѣ къ отелю.

— Я забылъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ скоро? Кажется, вы хотѣли сказать, что онъ не сумѣетъ уберечься отъ опасности?

— Должно быть не это, такъ какъ я вижу противное.

Въ сущности я уже нашелъ средство оградить Боба, не говоря ни слова ни ему, ни ей, и во всякомъ случаѣ не возстановляя противъ себя ихъ обоихъ.

V.

Конечно, я не намѣревался вступить въ соперничество съ Бобомъ, какъ это могъ бы вообразить Квинби,—я просто желалъ раздѣлить съ нимъ опасность, которой онъ подвергался въ ея обществѣ. На основаніи этого я отправилъ Катеринѣ Эверсъ успокоительную депешу, но не могу сказать, чтобы мысли мои были заняты исключительно Катериной въ то время, какъ я одѣвался къ обѣду и испортилъ три бѣлыхъ галстука.

Моя миссія показалась мнѣ заманчивой: ухаживать за красивою женщиной и видѣть ее такою, какова она есть на самомъ дѣлѣ, а не такою, какою вы желаете ее видѣть, когда разсудокъ вашъ затемненъ страстью. Тутъ нечего опасаться разочарованія; вамъ не приходится выбирать между систематическимъ самообманомъ и унизительнымъ сознаніемъ въ собственной ошибкѣ. Вы не возводите красавицу на недосягаемый пьедесталъ, и потому она не рискуетъ упасть съ него. Въ данномъ случаѣ женщина являлась передо мною со всѣми своими достоинствами и недостатками; ея прямота, мужество, независимость и стремленіе исправить разбитую жизнь — говорили въ ея пользу. Я питалъ къ м-ссъ Лэссельсъ извѣстную симпатію, чуждую всякаго увлеченія. Она не была высокообразованной женщиною и больше знала жизнь по первоисточнику, нежели изъ книгъ; она даже не любила много говорить, но она умѣла слушать, и я старался занимать ее, съ сознаніемъ, что я исполняю свой долгъ, и лишь по временамъ я испытывалъ угрызенія совѣсти, видя, какъ Бобъ изумленно слушаетъ насъ или молча отходитъ.

На третій день къ вечеру дождь, начавшійся съ утра, пересталъ, и на очистившемся небѣ ярко засіяли звѣзды. Мы сидѣли съ м-ссъ Лэссельсъ на стеклянной верандѣ, когда подошедшій Бобъ напомнилъ ей о томъ, что они условились завтракать на слѣдующій день близъ глетчера Финделенъ. Онъ улыбнулся мнѣ и его обращеніе было такъ же непринужденно, какъ и всегда, хотя за цѣлый день онъ ни разу не заговорилъ со мною. М-ссъ Лэссельсъ отвѣтила, что она не забыла. Тогда Бобъ обернулся ко мнѣ.

— Пойдите и вы съ нами!

— Это пожалуй слишкомъ далеко,—сказалъ я, рѣшившись сыграть на этотъ разъ вторую скрипку.

— Не для того, кто поднимался до Зеленой площадки.

— Тамъ нога очень скользитъ,—замѣтила м-ссъ Лэссельсъ, взглянувъ на мои костыли.

— Пусть онъ велитъ подбить гвоздями сапоги, и тогда можетъ подняться хоть на Маттергорнъ.

Это могло сойти за шутку, но въ тонѣ Боба мнѣ почуялся вызовъ, и мои великодушныя намѣренія разлетѣлись по вѣтру.

— Благодарю васъ, я воспользуюсь вашимъ совѣтомъ и сейчасъ же распоряжусь относительно сапогъ. — Съ этими словами я уступилъ свое мѣсто Бобу и ушелъ: пусть онъ не говоритъ, что я отбиваю у него м-ссъ Лэссельсъ. Его слова разозлили меня, и я еще болѣе разозлился, когда Квинби, болтавшійся по близости, имѣлъ безстыдство мнѣ шепнуть:

— Даете бѣдному юношѣ возможность отыграться?

— Я васъ не понимаю!

— Нечего притворяться! Сами знаете, что вы дѣйствовали въ этомъ случаѣ по военному: быстрота и натискъ...

Я окончательно взбѣсился. Не только Бобъ, но и всѣ здѣшніе сплетники истолковали по-своему мое вниманіе къ м-ссъ Лэссельсъ. Вмѣсто того, чтобы положить конецъ скандалу, я только еще болѣе раздулъ его.

Забывъ проведенные мною въ обществѣ м-ссъ Лэссельсъ пріятные часы, я сталъ жалѣть о томъ, что я ввязался въ эту исторію, но отказаться отъ прогулки къ глетчеру — ни за что! Бобъ самъ виноватъ.

Тѣмъ не менѣе, поднимаясь по живописной извилистой тропинкѣ къ Финделену, мы являли собою весьма согласное тріо. Бѣдный Бобъ держался сегодня не только джентльменомъ, но и настоящимъ мужчиною; съ нимъ прямо было пріятно имѣть дѣло; онъ уступалъ мнѣ мѣсто рядомъ съ м-ссъ Лэссельсъ, сочувственно слушалъ мои отвѣты на ея разспросы о военныхъ событіяхъ, смѣялся тамъ, гдѣ полагалось,—словомъ, я встрѣтилъ въ немъ вполнѣ лойяльнаго противника,—какъ ни странно подобное слово по отношенію къ сыну Катерины Эверсъ. Но я гналъ прочь эти непріятныя размышленія, а день былъ такъ хорошъ, что невольно этому способствовалъ. Въ горномъ лѣсу разливалось благоуханіе отъ земли, омытой вчерашнимъ дождемъ; снѣговыя вершины ослѣпительно выдѣлялись на бирюзовомъ небѣ, и Церматтъ казался игрушечнымъ городкомъ. Подъемъ разгорячилъ насъ, но первое

дуновеніе глетчера повѣяло на насъ освѣжающей струей. Ноги очень скользили, идти было трудно, но при помощи моихъ костылей и подбитыхъ гвоздями сапогъ я подвигался молодцомъ. Бобъ все время держался впереди, изрѣдка помогая м-ссъ Лессельсъ въ опасныхъ мѣстахъ; мы позавтракали на скалѣ взятою съ собою провизіей, и вернулись обратно тѣмъ же порядкомъ; но передъ обѣдомъ, когда я еще брился, Бобъ вошелъ ко мнѣ, безукоризненно, какъ всегда, одѣтый. Его свѣжее загорѣлое лицо было серьезно, какъ у судьи, и губы плотно сжаты. Я угадалъ, что предстоитъ „объясненіе". Онъ спросилъ: помню ли я нашъ первый разговоръ? Онъ назвалъ идіотами людей, которые думаютъ, что нельзя быть съ женщиною въ просто пріятельскихъ отношеніяхъ. Теперь онъ думаетъ, что они были правы.

Рука моя съ бритвою застыла въ воздухѣ.

— Вы это не серьезно, Бобъ?—воскликнулъ я, обернувшись къ нему.

— Серьезно,—процѣдилъ онъ сквозь зубы.—А вы?

Мнѣ не случалось видѣть болѣе неожиданной аттаки,—у меня даже духъ захватило. Голубые глаза Боба пылали огнемъ.

— Я намѣренъ жениться на ней, если она пойдетъ за меня!—выпалилъ онъ.

Я не могъ засмѣяться. Несмотря на свои двадцать лѣтъ, онъ казался настоящимъ мужчиною, и ему нельзя было отказать въ характерѣ.

— Но вы такъ еще молоды, милый Бобъ...

— Это ужъ мое дѣло. У меня намѣренія серьезныя. А каковы ваши?

Я перевелъ духъ.

— Милый другъ, вамъ было угодно почтить меня вашею откровенностью, но это еще не обязываетъ меня быть откровеннымъ съ вами.

— Хорошо,—воскликнулъ онъ:—я буду дѣйствовать относительно васъ на чистоту, какъ бы вы ни дѣйствовали относительно меня. Я самъ заблуждался, я не понималъ своихъ чувствъ, но вы заставили меня глубже заглянуть въ себя. Какимъ способомъ вы этого достигли — спросите себя самого. Во всякомъ случаѣ, я признателенъ вамъ—и дѣлу конецъ.

Онъ повернулся и вышелъ, а я остался съ сознаніемъ, что я ускорилъ ту развязку, для предупрежденія которой я такъ спѣшилъ сюда изъ Англіи.

VI.

Я совершенно упустилъ изъ виду важнѣйшій элементъ во всѣхъ любовныхъ дѣлахъ — ревность. Мое появленіе и ничто иное—раздуло юношеское увлеченіе Боба въ настоящую страсть. Выдать Катерину и тайну моего присутствія—значило бы лишь ускорить неизбѣжный шагъ. Выдать м-ссъ Лэссельсъ и ея тайну— не помогло бы дѣлу. Переговорить съ м-ссъ Лэссельсъ, открыть ей тайну Катерины и мою — на это я не имѣлъ права. Ради Катерины я предпринялъ эту смѣшную миссію и не могъ бѣжать рядомъ со звѣремъ послѣ того, какъ охотился на него съ собаками. Лучше быть вѣрнымъ рыцаремъ одной женщины, нежели не быть вѣрнымъ ни одной. Я видѣлъ одно средство для спасенія бѣднаго Боба: продолжать игру, въ которой онъ меня заподозрилъ.

Но чѣмъ болѣе я думалъ о немъ, тѣмъ болѣе я убѣждался, что будь я на мѣстѣ м-ссъ Лэссельсъ, я безъ дальнихъ разговоровъ вышелъ бы замужъ за этого милаго юнаго идіота. Послѣ обѣда я увидѣлъ его съ нею на террасѣ, и у меня не хватило духу нарушить ихъ tête-à-tête. Зато, уже улегшись въ кровать, я долго лежалъ безъ сна, прислушиваясь къ шагамъ въ корридорѣ и ежеминутно ожидая увидѣть Боба, принесшаго мнѣ извѣстіе о помолвкѣ.

Слѣдующій день былъ воскресенье. За утренней службой, совершавшейся въ мѣстной церкви очень торжественно, я увидѣлъ м-ссъ Лэссельсъ—одну. Она показалась мнѣ взволнованной и озабоченной. Неужели онъ уже объяснился вчера, и она дала ему слово?

— Вы не ожидали встрѣтить меня въ церкви, м-ссъ Лэссельсъ?—спросилъ я, подождавъ ее у входа.

— А вы меня—тѣмъ болѣе? Не могу сказать, чтобы я была очень набожна, но иногда у меня является желаніе помолиться.

Она чуть замѣтно вздохнула; въ ней, какъ и въ Бобѣ, мнѣ почудилась какая-то неуловимая перемѣна. Я только-что предложилъ ей прогуляться въ Церматтъ, какъ вблизи показалась фигура Боба въ фланелевомъ костюмѣ, зорко наблюдавшаго за нами издали. Снявъ шляпу передъ м-ссъ Лэссельсъ и кивнувъ мнѣ, онъ подошелъ къ ней и предложилъ идти завтракать въ Церматтъ.

Она весело улыбнулась и развела руками.

— Какъ же мнѣ быть? Сейчасъ капитанъ Клифэнъ предложилъ мнѣ то же самое.

Бобъ гнѣвно сверкнулъ на меня глазами.

— Почему бы намъ не идти втроемъ?—воскликнулъ я, прежде чѣмъ онъ успѣлъ открыть ротъ.

Бобъ покачалъ головою. Онъ только желалъ показать м-ссъ Лэссельсъ ущелье, но я могу замѣнить его, такъ какъ въ сущности ему очень нужно подождать здѣсь проводника, за которымъ онъ уже давно охотится. Это—лучшій изъ проводниковъ на Маттергорнъ; онъ ушелъ въ горы съ партіей туристовъ и его ждутъ обратно съ минуты на минуту.

Итакъ, мы отправились вдвоемъ, причемъ я рѣшилъ воспользоваться случаемъ для того, чтобы поговорить съ м-ссъ Лэссельсъ. Тропинка была очень узка, такъ что приходилось идти гуськомъ, и шумъ водопада заглушалъ наши голоса; изъ ущелья, образовавшагося вслѣдствіе горнаго обвала, мы вышли въ чудную, цвѣтущую долину; впечатлѣніе отъ окружающей природы было такъ сильно, что мы обмѣнивались лишь короткими замѣчаніями. Разговорились мы уже позднѣе, послѣ посѣщенія маленькаго музея, въ которомъ хранятся реликвіи погибшихъ во время катастрофы на Маттергорнѣ альпинистовъ. Мы долго разсматривали фотографіи двоихъ юношей, и я замѣтилъ, что оба они были въ годахъ Боба Эверса. М-ссъ Лэссельсъ измѣнилась въ лицѣ и проговорила:

— Пожалуйста, не пускайте его, капитанъ Клифэнъ!

— По какому праву?—спросилъ я, нѣсколько пораженный ея волненіемъ.

— Вы—въ родствѣ, и потомъ—развѣ вы не очень дружны съ его матерью?

Мнѣ пришлось выдержать испытующій взглядъ красивыхъ глазъ.

— Былъ прежде.

— Въ такомъ случаѣ, ради его матери, вы должны уберечь его отъ опасности.

Я въ свою очередь отвѣтилъ ей такимъ же взглядомъ, и заговорилъ очень неловко и нетактично, безъ сомнѣнія, но не могъ же я упустить подобнаго случая.

— Конечно, м-ссъ Лэссельсъ,—я сдѣлалъ и сдѣлаю все отъ меня зависящее для того, чтобы не допустить его до гибели. Для матери своей онъ дороже зѣницы ока; она не перенесетъ, если ей придется—такъ или иначе—потерять его...

Я выждалъ съ секунду, но м-ссъ Лэссельсъ только смотрѣла

на меня, плотно сжавъ губы и широко раскрывъ глаза. Я продолжалъ:

— Что касается Маттергорна, — я не думаю, чтобы опасность была такъ велика. Существуютъ цѣпи и всевозможныя приспособленія. Будь у меня здоровыя ноги, — я пошелъ бы съ нимъ.

— Чтобы раздѣлить опасность?

— И удовольствіе.

— Ахъ, да! И удовольствіе! Я забыла объ этомъ.

Не знаю, поняла ли она меня и были ли ея слова отвѣтомъ на мои, но съ меня довольно было символическихъ намековъ. Я уже сожалѣлъ, что затронулъ эту тему, такъ какъ прогулка наша оказалась испорченной, и мы въ молчаніи дошли до станціи желѣзной дороги. Но событія слѣдовали ускореннымъ темпомъ: Бобъ Эверсъ ожидалъ насъ у отеля и сейчасъ же послѣдовалъ за мною въ мою комнату.

Онъ былъ блѣденъ отъ сдерживаемаго гнѣва, но когда дверь затворилась, лицо его вспыхнуло яркимъ румянцемъ, хотя онъ заговорилъ, повидимому, спокойно.

— Дунканъ, одолжите мнѣ на выборъ одинъ изъ вашихъ костылей—самый тяжелый.

— На кой чортъ онъ вамъ понадобился?—спросилъ я, подумавъ прежде всего о своей собственной спинѣ.

— Чтобы отколотить по заслугамъ этого негодяя Квинби! Я хочу вздуть его теперь же, покуда на террасѣ много народу! Вы знаете, какіе слухи онъ позволилъ себѣ распространять?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я, и сердце у меня упало:—что онъ сказалъ?

Бобъ сконфузился и даже опустилъ глаза.

— Мнѣ стыдно и противно повторять это передъ вами: гнусная сплетня, касающаяся м-ссъ Лэссельсъ. Кажется, онъ самъ узналъ ее изъ письма, полученнаго имъ съ этою почтой, и, конечно, поспѣшилъ разнести по всему отелю... Почему я не взялъ съ собою палки?..

— Постойте,—сказалъ я, схвативъ его за руку:—какого же рода эта сплетня?

— Разводъ!—прошепталъ онъ.—Подумайте, Клифэнъ, этотъ человѣкъ говоритъ, что она развелась въ Индіи со своимъ мужемъ, и что вина—на ея сторонѣ.

— И вы хотите отколотить Квинби? Но, милый мой, вѣдь это только подольетъ масла въ огонь.

— По крайней мѣрѣ, лжецъ будетъ наказанъ.

— А вы такъ увѣрены, что это—ложь?

— Увѣренъ ли?—глаза его широко раскрылись.—Вы не знаете, какъ мы были дружны! Она такъ много разсказывала мнѣ о себѣ, хотя я и не разспрашивалъ ее...

Тогда я сказалъ ему, что это правда, сказалъ и причину, по которой я не говорилъ, что встрѣчался съ нею ранѣе: мнѣ пришлось бы упомянуть о томъ, что я зналъ ее не какъ м-ссъ Лэссельсъ. Это признаніе облегчило мою душу, и Бобъ, сначала омрачившійся, отвѣтилъ, что онъ точно такъ же поступилъ бы на моемъ мѣстѣ; онъ даже поблагодарилъ меня за мою сдержанность и сразу отнесся ко мнѣ теплѣе и сердечнѣе.

— Я радъ, что вы сказали мнѣ, Дунканъ, такъ какъ этимъ многое объясняется. Я начиналъ смотрѣть на васъ, простите, какъ на пришельца, но вы знали ее ранѣе, и это мѣняетъ дѣло. Я все же надѣюсь оставить васъ за флагомъ, но если вы оставите меня—это не будетъ мнѣ такъ обидно...

Я пришелъ въ ужасъ. Неужели и такое открытіе—не повліяло на него?

— Оно повліяло на мое отношеніе къ Квинби. Не стану его бить, хотя онъ и заслужилъ трепку.

— Но неужели въ ваши годы вы серьезно можете думать о женитьбѣ на женщинѣ, два раза бывшей замужемъ и разведенной съ первымъ своимъ мужемъ?

— Ея прошлое меня не касается,—проговорилъ онъ упрямо,—развѣ вы сами посмотрѣли бы на это?

Я могъ только отвѣтить, что я старше его и не единственный сынъ у матери.

— Моя мать—сама по себѣ, а я—самъ по себѣ. Я очень благодаренъ вамъ, Дунканъ, и надѣюсь, что вы не сердитесь на меня, но я знаю, что̀ дѣлаю.

VII.

Я постарался оправдать доброе мнѣніе о себѣ моего молодого друга; весь вечеръ я избѣгалъ его, а послѣ обѣда отправился въ поиски за Квинби въ билліардную. Онъ возлежалъ на диванѣ и съ величіемъ паши слѣдилъ за игрою, похваливая прокурора, весьма посредственнаго игрока, и умышленно игнорируя мастерскіе удары его противника.

Онъ любезно очистилъ мнѣ мѣсто рядомъ съ собою, но я безъ всякаго угрызенія совѣсти спросилъ его, что̀ это за слухи

относительно м-ссъ Лэссельсъ? Квинби, скользнувъ по мнѣ косымъ взглядомъ, отвѣтилъ, что если я говорю о разводѣ, то этотъ слухъ—совершенно справедливъ.

— Но кто же распространилъ его?

— Гм! Въ такомъ мѣстечкѣ все узнается само собою... Ловкій ударъ, сэръ Джонъ!

— Оставьте въ покоѣ ловкіе удары, Квинби, и отвѣчайте мнѣ. Я не задержу васъ. Я друженъ съ м-ссъ Лэссельсъ, и хочу знать: кто распространилъ эти толки? Если вы не скажете, я спрошу кого-нибудь другого.

Пурпуръ заката, струившійся въ окна билліардной, ярче запылалъ на лицѣ Квинби.

— Въ сущности я узналъ это первый—изъ письма Гамильтона, того сапера, который сообщилъ мнѣ о вашемъ пріѣздѣ и просилъ занять для васъ комнату.

— Значитъ, вы писали ему о ней и наводили справки?

— Это уже мое дѣло,—проговорилъ онъ въ носъ.

— Вполнѣ,—согласился я;—но считаете ли вы рыцарскимъ дѣломъ—наводить справки о прошломъ женщины, которую вы почти не знаете, и затѣмъ распространять ихъ по всему отелю? Спросимъ сэръ-Джона, что̀ онъ объ этомъ думаетъ?

Подозвавъ сэръ-Джона, я изложилъ ему обстоятельства дѣла, не говоря о томъ, что въ немъ играетъ роль Квинби, и попросилъ его высказать по этому поводу свое мнѣніе. Прокуроръ покосился въ сторону взбѣшеннаго Квинби.

— Какъ вамъ сказать? Боюсь, что всѣ мы падки до скандала, и я самъ—въ томъ числѣ. Но если рѣчь идетъ о женщинѣ, да еще одинокой, и вся эта исторія—дѣла минувшихъ дней, то, по-моему, иниціаторъ заслуживаетъ, чтобы ему влетѣло.

Тутъ Квинби не выдержалъ и заговорилъ съ жаромъ, отчасти примирившимъ меня съ нимъ. Почему я прямо не назвалъ его? То, что̀ онъ говорилъ—справедливо. Такъ-называемая м-ссъ Лэссельсъ была женою нѣмецкаго еврея въ Лагорѣ; онъ развелся съ нею потому, что она сбѣжала отъ него съ майоромъ Лэссельсомъ, котораго она такъ же бросила, и продолжаетъ носить его имя, не имѣя на это никакого права.

— Я не назову васъ лжецомъ, Квинби, потому что, очевидно, вы сами были введены въ заблужденіе. Во-первыхъ, эта дама—м-ссъ Лэссельсъ, такъ какъ майоръ женился на ней, а во-вторыхъ—онъ умеръ.

— Почему вы знаете?—спросилъ съ неподдѣльнымъ изумленіемъ Квинби.

— Вы забываете, что я самъ жилъ въ Индіи и лучше освѣдомленъ, чѣмъ вашъ корреспондентъ. Я познакомился тамъ съ м-ссъ Лэссельсъ и хорошо знаю ея исторію. Неужели вамъ не приходило въ голову, Квинби, сколько женщина должна выстрадать, прежде чѣмъ рѣшиться на подобный шагъ,—а вы подбавляете лишнюю каплю горечи въ ея чашу!

Квинби засмѣялся своимъ вызывающимъ смѣшкомъ и поднялся съ дивана.

— Вотъ вамъ благодарность за то, что вы хлопочете о комнатѣ для незнакомаго человѣка!

— Напротивъ, я благодаренъ вамъ, и доказалъ это тѣмъ, что спасъ васъ отъ колотушекъ. Человѣкъ во много разъ сильнѣе меня намѣревался избить васъ моимъ костылемъ.

— И по дѣломъ!—заключилъ сэръ-Джонъ, когда виновникъ удалился, оставивъ мою послѣднюю вылазку безъ отвѣта.—Вы говорите о молодомъ Эверсѣ, капитанъ Клифэнъ?

— Да, сэръ Джонъ. Мнѣ пришлось сказать ему правду для того, чтобы удержать его отъ „репрессалій".

Юристъ изумленно приподнялъ брови.

— Какъ? Вы сказали ему только теперь? Конечно, вы дѣйствовали очень послѣдовательно и по-рыцарски относительно дамы, но я не увѣренъ: было ли это честно по отношенію къ юношѣ? Заступиться за женщину—одно, но позволить такому славному малому жениться на ней—другое дѣло.

Таково было мнѣніе искушеннаго опытомъ „гражданина вселенной". Въ томъ, что такъ думаетъ Катерина, не было ничего удивительнаго: она пристрастна по праву; я и самъ такъ думалъ ранѣе, но теперь, изъ чувства противорѣчія, я готовъ былъ стать на сторону обвиняемой. Неужели м-ссъ Лэссельсъ, съ ея добрымъ, неиспорченнымъ сердцемъ, не можетъ быть хорошею женою? Не для Боба, конечно,—онъ еще мальчикъ,—это было бы съ его стороны безуміемъ и самоубійствомъ.

Я надѣлъ пальто, шляпу, и вышелъ на воздухъ. Круглая луна ослѣпительно сіяла на маленькомъ, оставленномъ горами клочкѣ неба. Изъ раскрытыхъ настежъ оконъ салона лился широкою мягкою волною голосъ знаменитой, недавно пріѣхавшей сюда пѣвицы, и казалось, что въ лунномъ сіяніи сами снѣговые великаны столпились вокругъ и прислушиваются къ чарующимъ звукамъ, дерзнувшимъ нарушить ихъ величавое молчаніе.

„Прикажетъ та, кого люблю—
Сажусь я на коня!
Награды я не уступлю,
Будь врагъ сильнѣй меня.

„Твои цвѣта ношу въ бою,
На сердцѣ—твой портретъ,
Кто не призналъ красу твою—
Тому пощады нѣтъ“.

Противъ обыкновенія, слова старинной пѣсни не потонули въ мелодіи,—они звучали явственно страстнымъ, бодрымъ, почти вдохновеннымъ призывомъ. Немудрено, что всѣ въ отелѣ внимали имъ, затаивъ дыханіе. Я стоялъ какъ завороженный, когда по ступенямъ террасы быстро сбѣжалъ Бобъ Эверсъ въ такомъ видѣ, что я не сразу узналъ его.

— Ни слова никому!—шепнулъ онъ взволнованно:—я сейчасъ отправляюсь.

— Куда?—спросилъ я, только-что разглядѣвъ его горный костюмъ и лоснившееся отъ „смазки“ при лунномъ свѣтѣ лицо.

— На Маттергорнъ.

— Ночью?

— Немного поздно. Потому-то я и прошу васъ молчать. Я досталъ пару замѣчательныхъ проводниковъ, ожидающихъ меня у домика сапожника. И пожалуйста не говорите мнѣ о мамѣ...

Я именно думалъ о ней. Катерина внушила мнѣ любовь къ поэзіи; къ ней я когда-то обращалъ мысленно строки этого стихотворенія.

— Обыкновенно въ горы отправляются на зарѣ.

— Все равно, теперь свѣтло. Въ два часа мы отдохнемъ, закусимъ, и со свѣжими силами начнемъ подъемъ. Посмотрите въ телескопъ. Я вернусь до вечера, и тогда...

— Что̀ тогда?—спросилъ я, видя, что Бобъ колеблется.

— Тогда я узнаю свою судьбу. Я сдѣлалъ предложеніе м-ссъ Лэссельсъ; она не отказала мнѣ, но я сказалъ, что буду ждать до вечера. Я полагаю, что мнѣ слѣдовало сообщить вамъ объ этомъ, Клифэнъ. Если вы пожелаете попытать этимъ временемъ счастья, это будетъ даже лучше для насъ обоихъ. Разумѣется, я стану беречься; на Маттергорнѣ я все равно намѣревался побывать до отъѣзда, но я говорю вамъ, почему я рѣшилъ идти туда именно сегодня.

Не говорило ли въ немъ юношеское желаніе—подѣйствовать на воображеніе любимой женщины, тронуть ее, заставить ее волноваться и тревожиться за него? Если это и было, то безсознательно. Я крѣпко пожалъ ему руку, и видѣлъ, какъ онъ исчезъ за темными соснами. Изъ-за домика сапожника показались ему навстрѣчу двѣ рослыхъ, широкоплечихъ фигуры, и я долго еще слышалъ твердые, удалявшіеся отъ меня шаги троихъ мужчинъ.

Когда они затихли, я подошелъ къ сапожнику, стоявшему у дверей своего дома, и мы обмѣнялись нѣсколькими словами на ломаномъ французскомъ языкѣ.

— Вы знаете этихъ проводниковъ?

— Прекрасно знаю, monsieur.

— Они хорошіе проводники?

— Лучше не бываетъ, monsieur.

VIII.

— Это вы?

Я просидѣлъ цѣлый часъ на террасѣ, на которой впервые встрѣтилъ Боба съ м-ссъ Лэссельсъ, припоминая и группируя въ памяти нѣкоторыя мелочи, имѣвшія важное значеніе. Я разобралъ и свой собственный образъ дѣйствій, подвергнувъ его безпристрастной критикѣ.

Музыка давно уже смолкла, огни погасли, были освѣщены только окна спальныхъ комнатъ, но я все сидѣлъ, и опомнился лишь при вопросѣ м-ссъ Лэссельсъ.

— Это зависитъ отъ того, за кого вы меня приняли, — отвѣтилъ я, смѣясь и вставая съ мѣста.

— Какъ это глупо съ моей стороны! Я думала, что это м-ръ Эверсъ!

Значитъ, онъ не сказалъ ей, что идетъ въ горы! Бобъ оказывался болѣе чуткимъ, нежели можно было предположить, хотя меня это не удивило.

— Жалѣю, что принужденъ разочаровать васъ, но боюсь, что вы уже не увидите его сегодня.

— Что̀ вы хотите сказать? — спросила она подозрительно.

— Удивляюсь, что онъ умолчалъ объ этомъ. Онъ отправился на Маттергорнъ.

— Не можетъ быть!

— Однако онъ ушелъ, болѣе часа тому назадъ, взявъ съ собою двоихъ проводниковъ.

— Онъ сразу это рѣшилъ?

— Да—болѣе или менѣе.

Я ожидалъ слѣдующихъ вопросовъ, но она замолчала. Выплывшая изъ-за облака луна озарила ея фигуру; я увидѣлъ, что она была въ ватерпруфѣ, но безъ капюшона, и лицо ея выражало тревогу и неудовольствіе, но никакихъ признаковъ болѣе глубокаго чувства.

— Глупый мальчикъ! Какъ вы думаете, онъ не очень рискуетъ, капитанъ Клифэнъ?

— По-моему, онъ рискуетъ менѣе, чѣмъ при другихъ обстоятельствахъ. При немъ два лучшихъ проводника, и по всей вѣроятности онъ вернется завтра живъ и здоровъ и страшно доволенъ собою. А тѣмъ временемъ я хотѣлъ бы поговорить съ вами о Бобѣ, м-ссъ Лэссельсъ. Я давно уже собираюсь.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросила она холодно:—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Половина оконъ была отворена; мы сошли съ террасы и направились въ аллею, бывшую шагахъ во ста отъ отеля. Дорогою я сказалъ ей, что Бобъ довѣрился мнѣ, но его признаніе такъ меня удивило, что мнѣ до сихъ поръ какъ-то не вѣрится. Онъ сдѣлалъ ей предложеніе?

— Такой мальчуганъ!—проговорилъ я пренебрежительно съ тѣмъ, чтобы вызвать м-ссъ Лэссельсъ на отвѣтъ, такъ какъ она упорно молчала.

— Неужели это правда, м-ссъ Лэссельсъ?—продолжалъ я, не смущаясь дальнѣйшимъ ея молчаніемъ.

— Это правда.

— И вы не дали ему рѣшительнаго отвѣта?

— Не понимаю, какое вамъ до этого дѣло?—рѣзко проговорила м-ссъ Лэссельсъ.—А если онъ все разсказалъ вамъ, не понимаю, почему вы меня спрашиваете? Ну, да! Я не отказала ему въ окончательной формѣ.

— Но вы откажете ему?

Мы подошли къ скамьѣ, но не сѣли. М-ссъ Лэссельсъ глядѣла на меня съ гнѣвомъ и недовѣріемъ; я же, выпаливъ свою фразу, смягчился.

— А почему бы мнѣ отказывать ему?—сказала она съ достоинствомъ и довольно спокойно.

— Но вѣдь онъ—такой мальчикъ,—повторилъ я свои слова, не рѣшаясь приводить другихъ доводовъ,—ему еще нѣтъ двадцати лѣтъ...

— А мнѣ лѣтъ тридцать-пять, по вашему мнѣнію? Я вышла замужъ восемнадцати лѣтъ, а теперь мнѣ двадцать шесть. Можете этому вѣрить или не вѣрить.

— Въ другихъ отношеніяхъ вы—много старше его.

— Я знаю, о чемъ вы говорите. Ошибки прошлаго прощаются только мужчинамъ. Женщина не можетъ начать жизнь сызнова,—этого никогда не было и не будетъ.

— Я не сказалъ ничего подобнаго, м-ссъ Лэссельсъ!—воскликнулъ я съ жаромъ.

— Нѣтъ, вы не сказали, но подумали. Я была несчастна, я сдѣлала ошибку, слѣдовательно я никогда уже не могу быть счастлива, никогда не буду права. Я не могу выйти замужъ за порядочнаго человѣка, даже въ томъ случаѣ, если полюблю его и онъ полюбитъ меня.

— Я никогда не говорилъ ничего подобнаго!—повторилъ я, и на этотъ разъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ, такъ какъ м-ссъ Лэссельсъ спросила голосомъ, еще дрожащимъ отъ негодованія, но въ которомъ слышались слезы:—Что̀ же такое вы хотѣли сказать?

— Я думаю,—проговорилъ я искренно,—что тотъ, кто женится на васъ—счастливый человѣкъ!

Я увидѣлъ при лунномъ свѣтѣ, какъ блеснули ея глаза и мимолетный румянецъ покрылъ ея щеки. Она отвѣтила насмѣшливо, какъ мнѣ показалось:

— Благодарю васъ, капитанъ Клифэнъ!

— Но онъ долженъ быть мужчиною, а не мальчикомъ и еще менѣе—единственнымъ сыномъ женщины, съ которою вы никогда не поладите.

— Вы увѣрены въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ? А вы съ нею ладите?—Послѣднюю фразу она произнесла съ особою интонаціей.

Этого я не могъ отрицать.

— Вы даже восхищаетесь ею? Значитъ, вы должны считать меня очень непріятною женщиною, если полагаете, что я не уживусь съ нею?

— Это не то, м-ссъ Лэссельсъ. Вы должны меня понять. Вы хотите выйти за мужъ за ея сына...—М-ссъ Лэссельсъ улыбнулась.

— Допустимъ, что вы хотите. Этого для лэди Катерины совершенно достаточно. Будь вы олицетвореніемъ всѣхъ совершенствъ, она скорѣе согласилась бы умереть, нежели позволить ему жениться въ его годы. Не говорю, что она неправа, и не говорю, что она права. Но таковъ фактъ. Вы имѣли бы дѣло съ настоящею львицей, защищающей своего дѣтеныша.

Мнѣ вдругъ представилась Катерина такою, какою она предстала мнѣ при послѣднемъ свиданіи,—но это видѣніе вмигъ исчезло, и я увидѣлъ м-ссъ Лэссельсъ, смѣявшуюся при лунномъ свѣтѣ, какъ своевольный ребенокъ.

— Нѣтъ, право я должна выйти за него и посмотрѣть, что̀ изъ этого выйдетъ!

— Если вы это сдѣлаете,—отвѣтилъ я серьезно,—вы разлучите мать съ сыномъ и загубите вашу собственную жизнь.

Задорная улыбка исчезла съ ея лица; она какъ-то вопросительно заглянула мнѣ въ глаза.

— Вы отлично знаете м-ссъ Эверсъ?

Я осторожно отвѣтилъ, что часто видался съ нею раньше.

— Значитъ, вы совсѣмъ не встрѣчались за послѣдніе годы?

Мнѣ не понравился ея тонъ, но она говорила такъ прямо, что трудно было не отвѣчать ей тѣмъ же.

Однако я попробовалъ уклониться, сказавъ, что потерялъ изъ виду Боба и его мать со времени моего отъѣзда въ Индію.

— То-есть, до вашего возвращенія сюда?—настаивала она.

— Конечно, я разсчитываю повидаться съ нею,—заключилъ я, надѣясь, что допросъ оконченъ.

— Мнѣ кажется, что вы повидались съ нею передъ тѣмъ, какъ поѣхать въ Церматтъ?

Всѣ пути къ дальнѣйшей лжи были мнѣ отрѣзаны.

— Ну, да,—отвѣтилъ я развязно:—я, дѣйствительно, былъ у нея.

Лицо м-ссъ Лэссельсъ было въ тѣни; меня, наоборотъ, луна озаряла въ эту минуту съ головы до ногъ, и я чувствовалъ, что проницательные глаза наблюдаютъ за мною.

— Какъ странно, что Бобъ не сообщилъ мнѣ о вашемъ свиданіи съ его матерью!

— Я не сказалъ объ этомъ Бобу.

— Это было странно съ вашей стороны, капитанъ Клифэнъ.

— Нисколько. Бобъ только-что повздорилъ, какъ вамъ извѣстно, со своимъ другомъ Кеннерли и они разъѣхались. Онъ могъ подумать, что тотъ насплетничалъ на него, и что я пріѣхалъ ради наблюденія за нимъ.

Снова наступило молчаніе; я приготовился къ худшему.

— Тутъ, можетъ быть, есть доля правды,—проговорила м-ссъ Лэссельсъ.

— Можетъ быть,—согласился я.

Наступила пауза — самая длинная изъ всѣхъ; луна зашла за тучи, и я уже не могъ слѣдить за выраженіемъ лица моей собесѣдницы, хотя чувствовалъ, что я много теряю.

— Я запуталась-было, но теперь я начинаю понимать,—продолжала м-ссъ Лэссельсъ:—Вы навѣстили его мать, до васъ дошли слухи, и вы предложили или согласились поѣхать — присмотрѣть за бѣднымъ мальчикомъ. Вѣдь я болѣе или менѣе права, капитанъ Клифэнъ?

Тонъ ея былъ медово-ледяной.

— Болѣе или менѣе,—согласился я иронически.

— Конечно, я не знаю и не желаю знать, какого рода слухи распространилъ этотъ жалкій юноша. Но я могу угадать. Не даромъ я странствую изъ отеля въ отель. И вотъ,—продолжала она со страннымъ взглядомъ, котораго я никакъ не могъ опредѣлить,—вы узнали кто я, и ваши худшія опасенія оправдались. Удивляюсь, какъ вы не сообщили обо всемъ Бобу, хотя для человѣка съ истинно рыцарскимъ характеромъ это открытіе, конечно, не имѣло бы значенія.

Я молча поклонился.

— Но, впрочемъ, не было надобности обращаться къ Бобу. Вы могли поговорить со мною. Почему вы этого не сдѣлали?

— Потому что не желалъ съ вами ссориться: ваше общество было для меня слишкомъ пріятно,—отвѣтилъ я отъ души.

— Это очень мило съ вашей стороны, — сказала м-ссъ Лэссельсъ почти прежнимъ своимъ добродушнымъ тономъ, всегда привлекавшимъ меня,—если только вы искренни, разумѣется.

— Теперь я вполнѣ искрененъ.

— Такъ что̀ же, по-вашему, мнѣ слѣдуетъ сдѣлать?—спросила она мягко, что̀ польстило моему самолюбію; очевидно, она собирается послѣдовать моему совѣту.

— Отказать ему.

— И затѣмъ?...—Слова эти она произнесла почти шопотомъ.

— И затѣмъ...—Я колебался. Мнѣ было тяжело высказать до конца мою мысль. Мы были добрыми друзьями, я цѣнилъ ея общество, и тѣмъ не менѣе между нами происходило теперь объясненіе далеко не дружескаго характера. Острота его смягчалась, дружескія отношенія могли снова наладиться, и тѣмъ непріятнѣе и тяжелѣе было мнѣ дать ей единственный совѣтъ, подсказываемый мнѣ долгомъ и обстоятельствами. Если она приметъ его—я лишусь ея общества, и мнѣ предстоитъ выдержать гнѣвъ Боба. Чтобы облегчить себѣ задачу, я рискнулъ взять руку м-ссъ Лэссельсъ, и былъ радъ, что она дозволила мнѣ эту дружескую фамильярность.

— Будь я на вашемъ мѣстѣ—я отбросилъ бы всякія „затѣмъ“. Я отказалъ бы ему при такихъ обстоятельствахъ, которыя сдѣлали бы немыслимымъ дальнѣйшее настаиваніе съ его стороны. Теперь—самый удобный для этого случай.

— Въ самомъ дѣлѣ?—голосъ ея дрогнулъ, и я ощутилъ легкій трепетъ теплой руки, которую я держалъ въ своей.

— Самый удобный случай, если только вы не черезчуръ привязаны къ этому мѣсту и къ намъ всѣмъ... (Рука ея безсильно лежала въ моей.) М-ссъ Лэссельсъ, на вашемъ мѣстѣ, я

уѣхалъ бы завтра утромъ (рука ея выскользнула изъ моей), покуда онъ еще на Маттергорнѣ... И я скрылъ бы отъ него свой адресъ—такъ чтобы онъ не могъ найти моихъ слѣдовъ.

Взрывъ смѣха прервалъ меня. Въ первую минуту я даже не повѣрилъ, что это смѣется моя спутница, и оглядѣлся кругомъ, но никого по близости не было. Это былъ удивительно веселый смѣхъ,—только онъ звучалъ рѣзко и жестко.

— Благодарю васъ, капитанъ Клифэнъ! Чудесно! Я видѣла, къ чему вы клонили, и только удивлялась, какъ я могу сдерживаться? Ваше заключеніе въ особенности—верхъ безстыдства. Конечно, теперь—самый удобный случай. Его нѣтъ, а *вы* поспѣшили воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ. Это позабавитъ его, хотя и раскроетъ ему на многое глаза. Предупреждаю васъ, что я все разскажу ему; я повторю каждое слово, которое вы имѣли дерзость сказать мнѣ....

Она подобрала платье и отвернулась отъ меня, готовясь уйти. Напускная веселость исчезла. Истинное негодованіе звучало въ ея глубокомъ мелодичномъ голосѣ, чувствовалось во всей ея стройной, гордо выпрямившейся фигурѣ. Я не помню, скрылась ли въ эту минуту луна за облаками, но я чувствовалъ, какъ пылали глаза оскорбленной женщины—сухимъ блескомъ, не смягчаемымъ слезами. Хотя она презирала меня, я не могъ не восхищаться ею тàкъ, какъ я восхищался до сихъ поръ лишь одною женщиною, и менѣе всего я думалъ, что подобное восхищеніе вызоветъ во мнѣ м-ссъ Лэссельсъ.

Мы стояли, мѣряя другъ друга взглядомъ; затѣмъ, приподнявъ шляпу, я поздравилъ ее и Боба.

— Я не сказалъ вамъ, почему онъ вздумалъ пойти на Маттергорнъ. Онъ слишкомъ волновался, ожидая рѣшенія своей судьбы. Еслибы теперь можно было извѣстить его!

М-ссъ Лэссельсъ взглянула по направленію къ горѣ, вершина которой была окутана туманомъ.

— Зачѣмъ вы отпустили его!—воскликнула она съ упрекомъ, и тонъ ея былъ такъ искрененъ, такъ далекъ отъ мелкихъ и злобныхъ чувствъ, которыя я имѣлъ несчастіе возбудить въ ней, что я ощутилъ глубокое сожалѣніе. Въ этомъ восклицаніи, быть можетъ, безсознательно сказалась настоящая женщина,—оно исходило прямо отъ сердца.

Она пошла къ дому, и я молча послѣдовалъ за нею, сознавая себя незаслуженно разбитымъ на голову.

IX.

Утро настало холодное, вѣтреное, туманъ окуталъ всю долину Церматта, и Маттергорнъ совершенно исчезъ изъ виду. Когда я спустился внизъ, мнѣ удалось разглядѣть вершину; все остальное было окутано густою бѣлой пеленой. На стеклянной верандѣ отеля уже сидѣлъ у телескопа какой-то человѣкъ, не отрывавшій глазъ отъ трубки.

— Вы видите кого-нибудь?—спросилъ я.

Онъ покачалъ головою и поднялся съ мѣста.

— Никого не вижу, и очень этому радъ. Утро—самое отвратительное, какое только можно себѣ представить. Вчера была чудная погода, и пожалуй какіе-нибудь туристы отправились туда, а затѣмъ у нихъ не хватило благоразумія вернуться. Посмотрите сами.

— Благодарю васъ. Если ужъ вы ничего не видите, то я— тѣмъ болѣе. Вѣдь вы альпинистъ?—Я заключилъ это по его носу, съ котораго мѣстами облупилась кожа. Онъ скромно улыбнулся.

— О, да, я поднимался на Маттергорнъ съ разныхъ сторонъ — съ проводниками и безъ нихъ. Теперь это не рѣдкость, при современныхъ приспособленіяхъ, веревкахъ, цѣпяхъ и тому подобномъ. Не хватаетъ только желѣзной лѣстницы... А все же я не желалъ бы тамъ быть сегодня.

— Даже съ проводниками?—спросилъ я, обезпокоенный.

— Это судя по проводнику. Они тоже не любятъ вѣтра и тумана. Имъ хорошо извѣстно, чѣмъ это угрожаетъ.

Теперь я понялъ, что опасность существуетъ, и могъ только надѣяться, что Бобъ Эверсъ или его проводники будутъ имѣть настолько нравственнаго мужества, чтобы вернуться съ полъдороги, хотя въ своемъ романическомъ увлеченіи онъ скорѣе былъ склоненъ идти навстрѣчу опасности. Я зналъ его лучше, нежели онъ самъ.

Мои опасенія скоро подтвердились. Вернувшись на веранду послѣ завтрака въ швейцарскомъ трактирчикѣ, гдѣ угощали домашнимъ печеньемъ и медомъ, я засталъ вокругъ телескопа цѣлую толпу любопытныхъ и среди нихъ моего новаго пріятеля альпиниста.

— Мы ошиблись, — пробормоталъ онъ: — какіе-то безумцы отправились туда.

— Сколько ихъ?—спросилъ я съ живостью.

— Не знаю, теперь не доберешься до телескопа, покуда облака опять не сгустятся.

Я взглянулъ на Маттергорнъ. Риза тучъ разорвалась, и я увидѣлъ темную массу горы, увѣнчанную снѣговою шапкой.

— Ихъ трое, — объявилъ чей-то голосъ: — одинъ высокій, длинноногій—и двое проводниковъ.

— Они ясно выдѣляются на снѣгу, — продолжалъ Квинби, занявшій наблюдательный постъ: — кажется, они спускаются?..— Нѣтъ, они поднимаются вверхъ...

— Значитъ, они покуда въ безопасности, — сказалъ альпинистъ: — самое трудное—спускъ...

— Веревка такъ и развѣвается по вѣтру между ними... Какой тамъ, должно быть, вѣтеръ!.. Она выгнулась дугою, уклонъ очень великъ...

— Подъемъ ничего не значитъ, — пробормоталъ альпинистъ.

Я прошелъ въ залу, смутно надѣясь встрѣтить м-ссъ Лэссельсъ, заглянулъ въ гостиную, но и тамъ ея не было. Дорогою я бросилъ взглядъ на невзятыя адресатами письма—на мое имя ничего не было, но я замѣтилъ адресованный Робину Эверсу, эсквайру, конвертъ безъ марки, надписанный твердымъ, прямымъ, нѣсколько крупнымъ почеркомъ. Я никогда не видѣлъ почерка м-ссъ Лэссельсъ, но почему-то былъ убѣжденъ, что письмо—отъ нея. Я обратился къ портье.

— Вы не видѣли м-ссъ Лэссельсъ сегодня утромъ?

— Она уѣхала, сэръ.

— Знаю. Но съ какимъ поѣздомъ?

— Съ первымъ утреннимъ, идущимъ на Церматтъ, сэръ.

— Мнѣ очень жаль. Я надѣялся повидать м-ссъ Лэссельсъ до отъѣзда. Теперь придется ей написать. Она оставила адресъ?

— О, да, сэръ.

— Хорошо. Я справлюсь позже. А нѣтъ ли мнѣ писемъ?

— Нѣтъ, сэръ.

Я посмотрѣлъ черезъ плечо портье, и письмо на имя Боба возбудило во мнѣ тройное чувство зависти, любопытства и тревоги. Мнѣ хотѣлось бы получить отъ м-ссъ Лэссельсъ пару строкъ, какъ бы ни были онѣ обидны: молчаливое презрѣніе всего тяжелѣе. Я желалъ также узнать—чтò она написала Бобу, и вмѣстѣ съ тѣмъ я опасался этого „прощальнаго слова“.

Теперь я могъ торжествовать побѣду; какъ ни тяжела и непріятна была моя задача, я выполнилъ ее съ успѣхомъ и устранилъ „опасную женщину“,—но подъ этимъ внѣшнимъ торжествомъ таилось болѣе глубокое чувство неудовлетворенности и

недовольства собою. Конечно, въ глубинѣ души м-ссъ Лэссельсъ сознавала всю невозможность этого брака такъ же ясно, какъ и всѣ мы, но все же это я окончательно открылъ ей глаза и заслужилъ благоволеніе Катерины Эверсъ.

Странно, что послѣднее соображеніе мало доставляло мнѣ удовлетворенія, и я даже неохотно останавливался на этой мысли. Я нарочно сталъ думать объ опасности, которой подвергался Бобъ. Что̀ если съ нимъ случится несчастіе? Какая иронія судьбы! Какой ударъ для оставшихся въ живыхъ! Мать пожалуй предпочла бы видѣть его скорѣе мертвымъ, нежели женатымъ на „подобной женщинѣ“,—но эта женщина не простила бы ни себѣ, ни мнѣ.

Когда я вернулся на террасу, вершина Маттергорна уже снова исчезла за бѣлою завѣсою тумана; публика раздѣлилась на группы и оживленно обсуждала событія. Какимъ-то образомъ всѣ узнали, что на Маттергорнъ отправился именно Бобъ, всегда производившій сенсацію въ отелѣ; а когда къ тому же стало извѣстно объ отъѣздѣ м-ссъ Лэссельсъ, всѣ рѣшили, что ея измѣна отправила бѣднаго юношу на вѣрную смерть. Никто не ожидалъ увидѣть его живымъ, и нельзя было найти лучшаго развлеченія въ ненастный день, чѣмъ обсужденіе подробностей воображаемой трагедіи. Укоризненные взоры по моему адресу служили доказательствомъ, что и мнѣ приписывалась въ ней роль.

Вечеръ прошелъ для меня въ сплошной тоскѣ и тревогѣ. Ни одного солнечнаго луча извнѣ, ни одной искры тепла внутри. Маттергорнъ казался грознымъ, стерегущимъ свою жертву чудовищемъ. И въ то время, какъ я терзался опасеніями у себя въ комнатѣ, Бобъ Эверсъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся въ отель и прямо прошелъ къ себѣ, взявъ поданное ему привратникомъ письмо.

Эти подробности я узналъ отъ моего пріятеля альпиниста, которому онъ весьма сухо отвѣтилъ на его вопросъ о Маттергорнѣ.

Тщетно ждалъ я однако, что Бобъ зайдетъ ко мнѣ,—онъ, точно Маттергорнъ, оставался невидимъ, и полученное мною отъ Катерины письмо еще болѣе усилило мое безпокойство. Не вздумалось ли ей написать на тотъ же сюжетъ Бобу? Это не было такимъ письмомъ, какое было бы пріятно получить отъ женщины, поставленной на недосягаемый пьедесталъ. Одно я могу сказать о немъ: много лѣтъ тому назадъ, я желалъ найти въ Катеринѣ хотя какую-нибудь общечеловѣческую слабость. Теперь она судила м-ссъ Лэссельсъ съ черезчуръ общечеловѣческой точки зрѣнія.

Потерявъ терпѣніе, я спряталъ самолюбіе и тактическія соображенія въ карманъ и самъ отправился къ Бобу. Въ комнатѣ его виднѣлся свѣтъ. Въ отвѣтъ на мой стукъ онъ рѣзко крикнулъ:—Войдите!—Я нашелъ его въ рубашкѣ и жилетѣ,—онъ укладывался и при моемъ входѣ изумленно вытаращилъ на меня глаза. Что̀ такое могла написать ему м-ссъ Лэссельсъ?

— Уѣзжаете?—спросилъ я, затворяя за собою дверь. Видя это, Бобъ приподнялъ брови и, бросивъ на лету:—Да!—снова наклонился надъ своимъ чемоданомъ, поставленнымъ на постель.

Черезъ нѣсколько секундъ онъ смилостивился и поднялъ на меня глаза.

— Могу я чѣмъ-нибудь быть вамъ полезнымъ, Клифэнъ?

— Это зависитъ отъ того, куда вы уѣзжаете.

Бобъ улыбнулся и, не поднимая головы, проговорилъ:

— Я думалъ, что это что-нибудь спѣшное.

— Да, спѣшное. Есть нѣчто такое, что̀ вы можете сейчасъ же сдѣлать для меня. Постарайтесь повѣрить, что я не поступилъ относительно васъ такъ предательски, какъ это можетъ вамъ каза̀ться.

— Ну, что̀ объ этомъ говорить!—сказалъ онъ тономъ, явно противорѣчившимъ его словамъ:—все хорошо, что̀ хорошо кончается... Я не могу упрекать васъ, какъ вы не могли бы упрекать меня. Надѣюсь, наоборотъ, что вы позволите мнѣ васъ поздравить?

Тутъ я въ свою очередь уставился на него.

— Меня не съ чѣмъ поздравлять.

— Развѣ вы не помолвлены съ нею?

— Конечно нѣтъ! Великій Боже, что̀ могло внушить вамъ подобную мысль?

— Все!—воскликнулъ Бобъ, очевидно очень пораженный.— Видите ли, я получилъ отъ м-ссъ Лэссельсъ письмо.

— Да?—спросилъ я съ дѣланною небрежностью и сильнымъ желаніемъ узнать его содержаніе.

— Всего нѣсколько строкъ... Я получилъ ихъ сразу по возвращеніи и почти пожелалъ скатиться съ горы. Не сто̀итъ теперь объ этомъ говорить, но я думалъ, что вы все знаете... Обычный отказъ, изложенный въ очень милой формѣ... Она не пишетъ, куда и зачѣмъ ѣдетъ, и совѣтуетъ обратиться за свѣдѣніями къ вамъ.

— Но вы не удостоили этого сдѣлать?

Бобъ засмѣялся—почти дружелюбно.

— Я послалъ васъ къ чорту,—сказалъ онъ:—разумѣется, я рѣшилъ, что счастливецъ—вы. Я и до сихъ поръ такъ думаю.

— Вы ошибаетесь.

— Неужели вы хотите сказать, что она отказала и вамъ?

— Я не дѣлалъ ей предложенія.

Бобъ совершенно по-дѣтски раскрылъ глаза во всю ихъ ширину.

— Но я полагалъ, что у васъ серьезныя намѣренія?

— Я только сказалъ, что смотрю серьезно на это дѣло.

— Это то же самое,—возразилъ онъ рѣзко;—можетъ быть, вы—другого мнѣнія, но мнѣ безразлично, какого вы мнѣнія. Я только сожалѣю, что вы такъ выразились...

Тонъ его убѣдилъ меня въ томъ, что онъ сокрушается не о себѣ лично, и я мгновенно ощутилъ укоры моей виновной совѣсти.

— Почему вы сожалѣете?

— Не вслѣдствіе личныхъ причинъ. Я въ сущности — въ восторгѣ.

— Въ такомъ случаѣ, вы хотите сказать, или вы... сказали ей, что у меня серьезныя намѣренія?

Бобъ Эверсъ улыбнулся мнѣ въ лицо, и это было его единственной местью, смягченной однако невыразимо милымъ прямодушіемъ и дѣтскою довѣрчивостью, не покинувшими его даже въ этотъ часъ униженія.

— Не совсѣмъ въ этихъ выраженіяхъ, но боюсь, что я дѣйствительно далъ ей это понять. Я думалъ, что это такъ. Мнѣ очень жаль, Дунканъ. Но въ сущности вамъ подѣломъ!

Ничего не отвѣчая, я поглядѣлъ на чемоданъ. Бобъ вдругъ пересталъ укладываться, но я молча пошелъ къ двери.

— Мнѣ очень жаль,—повторилъ онъ и, догнавъ меня, протянулъ мнѣ руку.

— И мнѣ тоже,—сказалъ я, пожимая ее.

Но въ эту минуту я думалъ не о себѣ.

X.

Была половина ноября, и я снова стоялъ въ знакомой гостиной. Драпировки у оконъ были спущены, въ каминѣ горѣлъ огонь, и за исключеніемъ электричества, котораго раньше не было, все оставалось здѣсь такимъ же, какъ въ августѣ. Впрочемъ — нѣтъ. На каминѣ я замѣтилъ новый портретъ Боба, который я принялся изучать съ какимъ-то болѣзненнымъ любопытствомъ. Показалось ли мнѣ это вслѣдствіе близкаго знакомства съ его интимными дѣлами, но я нашелъ, что юноша измѣнился, сталъ

серьезнѣе, сосредоточеннѣе; онъ возмужалъ, выраженіе лица его было осмысленнѣе, но отчасти утратило дѣтскую наивность и довѣрчивость.

— Смотрите карточку Боба? Очень хорошъ, не правда ли? Какъ видите, отлично все обошлось.

Катерина Эверсъ такъ же горячо и признательно пожимала мнѣ руку, какъ въ часъ прощанія, но я подмѣтилъ въ ней нѣкоторую нервность, которая страннымъ образомъ придала мнѣ самоувѣренности: еще впервые я дерзнулъ взглянуть на Катерину критическимъ взоромъ.

— Только-что сегодня отъ него было письмо... Онъ играетъ въ футболлъ и уже получилъ малый призъ. Въ Итонѣ онъ былъ первымъ, но не надѣялся на успѣхъ въ Кембриджѣ. А теперь онъ пишетъ, что у него есть шансы... Письмо его такъ радостно, Дунканъ. И я такъ признательна—вамъ...

На Катерину пріятно было смотрѣть. Говоря о Бобѣ, она была оживлена, пересыпая рѣчь свою восклицательными знаками, какъ и свои письма. Жизнь и свѣтъ искрились въ ея большихъ умныхъ глазахъ, въ каждой чертѣ тонкаго интеллигентнаго лица, въ каждомъ звукѣ суховатаго голоса. Привлекательная женщина, молодая женщина съ сердцемъ, полнымъ любви, симпатіи и нѣжности—къ Бобу. Но когда она благодарила меня, я подмѣтилъ въ ней новую для Катерины Эверсъ черту—какое-то странное замѣшательство.

— Не станемъ говорить объ этомъ,—сказалъ я;—я ничуть не горжусь моимъ дѣломъ.

Она окинула меня характернымъ проницательнымъ взглядомъ и усадила у огня.

— Нечего спрашивать васъ о здоровьи. Вы никогда не имѣли болѣе цвѣтущаго вида. Хорошо, что вы не поторопились съ возвращеніемъ. Но вы все еще съ костылями, Дунканъ? Видали ли вы вашего хирурга? Что онъ сказалъ?

— Боюсь, что мнѣ придется проститься съ военной службой.

Катерина не только огорчилась, но вознегодовала. Увѣренъ ли я, что мой врачъ не ошибается? Надо посовѣтоваться съ вторымъ, третьимъ, четвертымъ. Существо наиболѣе достойное сожалѣнія—это человѣкъ безъ профессіи, безъ опредѣленныхъ занятій. Сожалѣніе Катерины было такъ велико, что походило на ужасъ.

— Къ счастію, у меня есть кое-какія средства,—сказалъ я:—попробую заняться чѣмъ-нибудь другимъ,—пожалуйста не тревожьтесь обо мнѣ; я хотѣлъ поговорить съ вами о другомъ.

Катерина оторвалась отъ созерцанія огня, по которому она, казалось, гадала о моей злополучной судьбѣ, и подозрительно взглянула на меня. Вѣдь она уже сказала мнѣ о Бобѣ?

— Рѣчь идетъ не о Бобѣ и не о томъ, что̀, по вашему мнѣнію, я сдѣлалъ для него. Я хотѣлъ говорить съ вами о той дамѣ.

Лицо Катерины выразило облегченіе и вмѣстѣ съ тѣмъ— новую тревогу.

— Неужели вы хотите сказать, что эта особа... Но я только-что сегодня получила отъ Боба письмо. Оно—такое радостное...

Я не могъ не улыбнуться.

— Они не видятся, не безпокойтесь. Но она совсѣмъ не заслуживаетъ подобнаго презрѣнія. Я желалъ бы, чтобы вы оказали справедливость „этой особѣ", какъ вы ее называете.

Можетъ быть, я былъ дѣйствительно смѣшонъ, такъ какъ Катерина, юмористически оглядѣвъ меня, разсмѣялась граціознымъ, нѣсколько искусственнымъ смѣхомъ.

— Простите мнѣ, милый Дунканъ, но вы такъ серьезны и высказываете такую широкую терпимость. Это не въ моемъ духѣ. Широкая терпимость и свободные принципы—нераздѣльны. Но, серьезно, что̀ вы можете сказать въ ея пользу, Дунканъ? Возможная ли она особа въ какомъ-нибудь смыслѣ слова?

— Вполнѣ возможная.

— Но я слышала о ней такія вещи...

— Отъ Боба или отъ меня?

— Нѣтъ, Дунканъ, не отъ васъ обоихъ. Но, кажется, у Боба есть зубъ противъ васъ? Онъ считаетъ васъ счастливымъ соперникомъ. Вы это великолѣпно придумали... Только зачѣмъ вы позволили моему мальчику лазать на Маттергорнъ?

— Я не могъ удержать его. Притомъ это былъ такой удобный случай избавиться отъ м-ссъ Лэссельсъ.

— Конечно. Вѣдь у меня никого нѣтъ, кромѣ Боба. Знаете, Дунканъ,—быть можетъ, вы мнѣ не повѣрите и мои слова покажутся вамъ ужасными,—но, право, я предпочла бы, чтобы онъ не вернулся совсѣмъ, чѣмъ вернуться въ его годы женатымъ на индійской вдовѣ, съ которою развелся ея первый мужъ! Право, я предпочла бы первое, Дунканъ.

— Вѣрю вамъ. Я такъ и говорилъ себѣ.

— Подумать только: мой Бобъ оказался бы мужемъ № 3-й!— воскликнула Катерина жалобно-насмѣшливо, съ тою миной, противъ которой я никогда не могъ устоять.

На этотъ разъ я, однако, устоялъ и спокойно замѣтилъ, что хорошо знаю м-ссъ Лэссельсъ, такъ какъ встрѣчался съ нею въ Индіи еще при жизни ея перваго мужа.

— Вы знали ее? Почему же вы мнѣ объ этомъ не написали?—воскликнула она съ нѣкоторою рѣзкостью.

— Зачѣмъ? Я исполнилъ ваше желаніе. Этого достаточно.

— Конечно,—сказала она, сразу смягчаясь.—Дунканъ, я не хочу быть суровой къ этой бѣдняжкѣ, но поймите, что женитьба въ его годы даже на самой очаровательной дѣвушкѣ—была бы... безуміемъ, гибелью! Дунканъ, я скажу еще одну вещь, которая, быть можетъ, ужаснетъ васъ?..

— Говорите.

Она вся какъ-то насторожилась, словно заранѣе наблюдая за впечатлѣніемъ отъ своихъ еще не произнесенныхъ словъ.

— Вообще... относительно брака—у меня большія сомнѣнія... Хотя я сама была очень счастлива, я ни за что не вышла бы вторично, и я не увѣрена, слѣдуетъ ли жениться и Бобу?

Катерина говорила очень мягко, глядя въ огонь, и когда она смолкла, въ комнатѣ наступило молчаніе. Затѣмъ она искоса скользнула по мнѣ взглядомъ, и вдругъ ея глаза снова весело засмѣялись.

— Мой Бобъ—№ 3-й!—воскликнула она.

— Не безпокойтесь, онъ никогда не будетъ имъ.

— Боже сохрани!

— Онъ сохранилъ. Этого никогда не случится.

— Развѣ она умерла?—спросила Катерина безъ неприличной торопливости.

— Насколько мнѣ извѣстно,—нѣтъ,—не удержался я отъ насмѣшки.

— Почему же вы думаете, что онъ никогда не можетъ жениться на ней?

— По крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, покуда я живъ.

— Какъ вы добры ко мнѣ!—воскликнула она съ признательностью.

— Ничуть не добръ, или лучше сказать—добръ къ самому себѣ. Я пріѣхалъ къ вамъ именно съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ это, Катерина. Я самъ женился на ней.

Съ англійскаго О. Ч.

П. КОРНЕЛЬ

1606—1906 г.

Триста лѣтъ тому назадъ, 6-го іюня 1606 года, въ городѣ Руанѣ родился авторъ „Сида“ и „Горація“ и одинъ изъ создателей французскаго классическаго театра,—Пьеръ Корнель. Онъ родился въ буржуазной семьѣ, хотя и не богатой, но все же зажиточной, давно уже имѣвшей отношеніе къ магистратурѣ и чиновничьему міру, занимавшей извѣстное положеніе въ мѣстномъ обществѣ и впослѣдствіи возведенной, въ лицѣ отца драматурга, въ дворянское достоинство. Очень интересно было бы знать, какъ воздѣйствовала на мальчика и юношу-Корнеля окружающая его обстановка, и чтò именно повліяло всего болѣе на развитіе у него литературныхъ вкусовъ и желанія работать на пользу родного слова. Но біографическія данныя, особенно по отношенію къ болѣе раннему періоду жизни Корнеля, весьма скудны и безцвѣтны; его дѣтство остается для насъ почти абсолютно неизвѣстнымъ: сухія фактическія свѣдѣнія, къ тому же очень скудныя, еще не могутъ служить матеріаломъ для выясненія его психологіи и міросозерцанія, не покажутъ намъ, чтò творилось въ его духовномъ мірѣ на зарѣ его жизни, когда онъ намѣчалъ себѣ извѣстныя цѣли и задачи.

Въ изслѣдованіяхъ и этюдахъ, посвященныхъ Корнелю, затрогивался иногда вопросъ о томъ, какъ долженъ былъ вліять на будущаго драматурга общій характеръ той провинціи, которая была его родиною,—вмѣстѣ съ отличительными особенностями ея населенія. По мнѣнію Лотгейсена [1]), Нормандія, когда-

[1]) Ferdinand Lotheissen, „Geschichte der französischen Literatur im XVII Jahrhunderte“; томъ II, стр. 127.

то связанная съ отважными, рискованными морскими экспедиціями норманновъ, всегда жившая въ тѣсномъ общеніи съ моремъ, представлявшая собою страну съ очень разнообразною природою, гдѣ возвышенности чередуются съ равнинами, должна была положить нѣсколько суровый, мужественный, энергичный отпечатокъ на творчество одного изъ величайшихъ ея сыновъ. Съ другой стороны, въ той же Нормандіи издавна процвѣтала литература, поэзія, своеобразнымъ созданіемъ которой явились, между прочимъ, такъ называемые „vaux-de-Vire“,—сатирическія, любовныя или застольныя пѣсни, прославившія въ XV вѣкѣ имя Оливье Басслэна и положившія начало позднѣйшему *водевилю*, въ новомъ значеніи этого слова. Такимъ образомъ, извѣстныя литературныя традиціи держались въ томъ уголкѣ Франціи, гдѣ явился на свѣтъ будущій знаменитый писатель; замѣтимъ кстати, что за шестьдесятъ лѣтъ до Корнеля, въ другомъ нормандскомъ городѣ, Канѣ (Caen), родился законодатель французскаго поэтическаго слога, Франсуа Малербъ.

Совершенно особаго рода вліяніе нормандской дѣйствительности и воздѣйствіе расы на психологію Корнеля предполагаетъ авторъ новѣйшаго біографическаго очерка, ему посвященнаго, Гюставъ Лансонъ. Онъ думаетъ, что чисто мѣстною чертою, объясняемою духомъ окружающаго общества и произвольно перенесенною въ античную обстановку, является склонность героевъ Корнеля тщательно истолковывать и защищать свои поступки въ пространныхъ рѣчахъ, построенныхъ по всѣмъ правиламъ судебнаго краснорѣчія, вдаваясь во всѣ детали, даже мелочи, и обнаруживая свойственную руанской буржуазіи, особенно той ея части, которая имѣла отношеніе къ судейскому міру, склонность къ сутяжничеству,—„le goût de chicane et de plaiderie“ [1]). Сверхъ того, по мнѣнію Лансона, вліяніемъ среды и обстановки объясняется отчасти и тотъ практическій, дѣятельный, совершенно свободный отъ поэтической мечтательности и сентиментальной меланхоліи характеръ, какой носятъ даже лучшія, первоклассныя его пьесы, въ которыхъ мы, дѣйствительно, тщетно стали бы искать слѣдовъ настоящей фантазіи или склонности къ пламеннымъ грезамъ. Мнѣніе Лансона,—по крайней мѣрѣ, вторая его часть,—несомнѣнно, также заключаетъ въ себѣ долю правды, въ особенности если обращать главное вниманіе на роль наслѣдственности, которая не могла не сказаться и въ данномъ случаѣ.

1) Gustave Lanson, „Corneille“ (въ коллекціи „Les grands écrivains Français“); Парижъ, 1898, стр. 6.

I.

Пьеръ Корнель получилъ образованіе въ училищѣ, содержимомъ іезуитами; для характеристики постепеннаго развитія его таланта и выработки его вкусовъ и симпатій очень важно было бы, конечно, располагать болѣе или менѣе обстоятельными свѣдѣніями о томъ, какъ прошли его ученическіе годы, чѣмъ онъ всего болѣе интересовался въ эту пору, что̀ было главнымъ предметомъ его занятій. Къ сожалѣнію, объ его пребываніи въ іезуитскомъ коллэжѣ мы знаемъ отнюдь не больше достовѣрнаго, чѣмъ о занятіяхъ Шекспира въ стратфордской „Грамматической школѣ"... [1]) Можно только дѣлать извѣстныя предположенія, болѣе или менѣе правдоподобныя; такъ, очень возможно, что интересъ къ римской исторіи и литературѣ впервые сказался у Корнеля въ школьные годы, такъ какъ іезуиты,—къ которымъ, замѣтимъ мимоходомъ, авторъ „Сида" до конца своихъ дней относился съ глубокимъ уваженіемъ и признательностью,—отводили обыкновенно латинскому языку и словесности видное мѣсто въ программѣ своихъ учебныхъ заведеній. Окончивъ курсъ іезуитской школы, Корнель сталъ готовиться къ юридической карьерѣ; таково было желаніе семьи, считавшей эту дорогу наиболѣе подходящею для юнаго Пьера. Такъ какъ въ ту пору особенно тщательной и продолжительной подготовки для занятія адвокатурою не требовалось, Корнель началъ свою дѣятельность, какъ адвоката, въ руанскомъ судѣ, когда ему было всего восемнадцать лѣтъ... Но его судебныя рѣчи едва ли имѣли успѣхъ; онѣ должны были произвести, скорѣе, отрицательное впечатлѣніе, такъ какъ говорилъ онъ недостаточно свободно, и его дикція оставляла многаго желать. Такъ или иначе, онъ вскорѣ рѣшилъ воздержаться отъ произнесенія рѣчей и вообще отъ притязаній на славу выдающагося адвоката, и обратить свое вниманіе на бюрократическую карьеру,—правда, тѣсно связанную съ тою областью, которая привлекла его вначалѣ: онъ получилъ званіе и мѣсто „premier avocat du roi en l'amirauté de France au siège de la table de marbre du Palais" и „avocat du roi au siège des eaux et forêts", причемъ къ сферѣ его дѣятельности относились дѣла, связанныя съ ка-

[1]) Любопытно, что уцѣлѣла вплоть до новѣйшаго времени книга, которую Пьеръ Корнель получилъ въ этомъ коллэжѣ—въ видѣ награды (1618—19 г.).—См. Guizot, „Corneille et son temps" (1852), стр. 143.

зенными лѣсами, водяными путями сообщенія и т. д. Сынъ пошелъ, такимъ образомъ, по стопамъ отца, также занимавшаго долгіе годы извѣстное положеніе въ провинціальномъ административномъ мірѣ. Пьеръ Корнель очень добросовѣстно и тщательно относился къ своимъ обязанностямъ, въ теченіе двадцатиодного года, не считая возможнымъ отдаться одной литературѣ, нарочно живя въ родномъ городѣ и только наѣзжая въ Парижъ, чтобы не лишиться мѣста. Сколько бы онъ ни удалялся въ своихъ произведеніяхъ въ глубь вѣковъ, какіе бы героическіе образы ни занимали его воображеніе,—практическая, дѣловая сторона жизни всегда играла очень важную роль въ его планахъ, заботахъ и интересахъ...

Корнелю было всего двадцать-три года, когда онъ поставилъ на сцену свою комедію „Mélite"; съ этого момента начинается исторія его литературной дѣятельности (раньше этого онъ писалъ стихи, которые, однако, въ ту пору не были напечатаны). Въ дальнѣйшемъ, его біографія сводится почти исключительно къ исторіи постановки тѣхъ или другихъ его пьесъ и неоднороднаго отношенія къ нимъ публики; то, что̀ мы знаемъ объ его личной жизни, объ его бракѣ, судьбѣ его родныхъ, не представляетъ выдающагося интереса. „У Корнеля нѣтъ біографіи",— какъ выразился одинъ историкъ французской литературы. До извѣстной степени мы видимъ то же самое и по отношенію къ Расину, жизнь котораго не только не походитъ на занимательный романъ, какъ судьба писателей вродѣ Вольтера, Бомарше, Байрона или Гейне, но вообще—необыкновенно бѣдна внѣшними фактами и ничего не говоритъ воображенію! Замѣтимъ, однако, что если біографія Корнеля и Расина, въ сущности, представляетъ собою, прежде всего—исторію ихъ творчества, это не мѣшаетъ ей быть интересной для тѣхъ, кто хочетъ изучить постепенный ростъ ихъ дарованія и воздѣйствіе вкусовъ окружающаго общества на ихъ литературную карьеру, съ ея блестящими тріумфами и томительными, удручающими духъ, неудачами...

Преданіе гласитъ, что „Мелита" носила, въ значительной степени, автобіографическій характеръ, что въ основѣ ея лежалъ подлинный эпизодъ, случившійся въ ту пору съ Корнелемъ, что подъ именемъ Тирсиса, котораго другъ его Эрастъ неосторожно знакомитъ съ любимою имъ дѣвушкою—Мелитою, причемъ послѣдняя неожиданно обращаетъ все свое вниманіе именно на Тирсиса, забывая своего прежняго поклонника,—Корнель вывелъ самого себя. Мы не будемъ особенно останавливаться на этомъ

вопросѣ, имѣющемъ лишь второстепенное значеніе [1]), но нельзя не указать на то, что въ первомъ произведеніи, какое Корнель написалъ для сцены, съ одной стороны, несомнѣнно уже чувствуются нѣкоторые проблески литературнаго таланта, съ другой—обнаруживается, что онъ не сразу попалъ на свою настоящую дорогу и вначалѣ шелъ ощупью, еще не сознавая, въ какой области онъ всего лучше и полнѣе можетъ проявить свое дарованіе. Какъ бы то ни было, первый шагъ былъ сдѣланъ; довольно живая и бойкая, мѣстами, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень запутанная по сюжету комедія обратила вниманіе публики на молодого руанскаго юриста; вначалѣ она, правда, не имѣла успѣха именно на его родинѣ, какъ это часто бываетъ, но послѣ того, какъ парижская публика сочувственно отнеслась къ „Мелитѣ", кореннымъ образомъ измѣнилось и мнѣніе о ней руанскаго общества... Подобный фактъ не можетъ удивить насъ: въ ту пору приговоръ столичныхъ зрителей, болѣе чѣмъ когда-либо, имѣлъ рѣшающее значеніе для провинціальной публики, стремившейся не отстать отъ моды и очень рѣдко отваживавшейся „свое сужденіе имѣть"; совершенно такъ же парижская буржуазная публика, въ свою очередь, жадно ловила приговоры и оцѣнки придворныхъ круговъ, мало довѣряя своему собственному впечатлѣнію: недаромъ же впослѣдствіи публика, присутствовавшая на первыхъ представленіяхъ комедіи Расина „Les plaideurs" и смѣявшаяся отъ души, вначалѣ, по свидѣтельству современниковъ, съ тревогою думала о томъ, что, быть можетъ, она „смѣялась не по правиламъ",—и успокоилась только тогда, когда дворъ призналъ пьесу остроумною и интересною...

Ободренный успѣхомъ, въ концѣ концовъ выпавшимъ ему на долю, Корнель съ этого времени сталъ энергично работать для театра. Постепенно онъ пріобрѣталъ извѣстный навыкъ, улучшалъ слогъ своихъ произведеній, отрѣшался отъ неудачныхъ пріемовъ и крайностей, свойственныхъ неопытному дебютанту. Тѣмъ не менѣе, его раннія вещи все еще очень мало приближаютъ насъ къ его настоящей манерѣ, къ тому „величавому генію", по выраженію Пушкина, который придаетъ такую своеобразную окраску его творчеству и совершенно не поддается подражанію. Передъ нами довольно интересныя, живыя пьесы, иногда имѣющія нѣкоторую связь съ современною автору дѣйствительностью, не лишенныя бытовыхъ чертъ („La galerie du

[1]) Ср. Guizot, o. c., и Taschereau, „Histoire de la vie et des ouvrages de Corneille" (1829).

Palais", „La place Royale"); иныя изъ нихъ имѣли безусловный успѣхъ, и, напр., комедія „La veuve" принесла ему 26 хвалебныхъ стихотвореній, частью подписанныхъ именами выдающихся писателей того времени,—что было далеко не зауряднымъ явленіемъ. Сравнивая комедіи Корнеля съ подобными же произведеніями, появлявшимися во Франціи до него, мы не можемъ не отмѣтить безусловнаго превосходства его пьесъ во всѣхъ отношеніяхъ. До Корнеля въ комедіяхъ,—сбивавшихся на фарсъ,—играли большую роль неприличныя шутки и остроты, мало вѣроятныя или совершенно неправдоподобныя детали, переодѣванія, неожиданныя встрѣчи, фантастическіе эпизоды, иногда—явныя несообразности. Корнель, разумѣется, не могъ сразу отрѣшиться отъ подобныхъ пріемовъ, но у него очень рано сказывается стремленіе внести въ комедію реальный элементъ, сблизить ее съ жизнью, воздерживаться отъ шутовства и пошлости. Онъ попытался также обходиться, по возможности, безъ тѣхъ шаблонныхъ типовъ, которые прежде считались неотъемлемою принадлежностью комедіи и фарса и всегда получали, приблизительно, одинъ и тотъ же обликъ. Впослѣдствіи, въ своей лучшей комедіи „Le menteur" (1643—44), за которою послѣдовало весьма неудачное „Продолженіе" этой пьесы, онъ обнаружилъ даже весьма яркое комическое дарованіе, и многія сцены въ этой комедіи вызываютъ и теперь смѣхъ, а комическій діалогъ болѣе, чѣмъ когда-либо, отличается, мѣстами, живостью и остроуміемъ. При всемъ томъ, о сравненіи комедій Корнеля съ произведеніями Мольера не можетъ быть рѣчи,—по живости, неподдѣльной веселости и неистощимой фантазіи, по части придумыванія комическихъ ситуацій Мольеръ стоитъ гораздо выше Корнеля, чьи комедіи иногда неожиданно сбиваются на драму, благодаря примѣси отнюдь не жизнерадостнаго элемента [1]). Наряду съ комедіями, Корнель въ началѣ своей дѣятельности пробовалъ свои силы и въ другихъ жанрахъ; такъ, его пьеса „Clitandre", написанная якобы съ соблюденіемъ „правилъ и единствъ", подходитъ, въ сущности, къ типу мелодрамы, производящей тяжелое впечатлѣніе, изобилующей разными ужасами и очень запутанной по сюжету. Наконецъ, въ своей трагедіи „Médée", относящейся уже къ 1635 году и написанной, съ одной стороны, подъ вліяніемъ успѣха, выпавшаго на долю „Софонисбы" Мэре, съ другой—подъ сильнымъ воздѣйствіемъ трагедіи Сенеки „Медея",

---

[1]) Это признавалось еще въ XVII вѣкѣ,—ср. отзывъ Сегрэ о комедіяхъ Корнеля и Мольера.

онъ впервые обнаружилъ извѣстное трагическое дарованіе, сказывающееся даже во внѣшней формѣ (знаменитый лаконическій отвѣтъ Медеи: „Moi!“), хотя эту пьесу и нельзя сравнивать съ его лучшими произведеніями.

II.

Корнель, быть можетъ, остался бы надолго извѣстнымъ только ограниченному кругу читателей и зрителей, еслибы не состоялось его сближеніе съ придворными кругами, болѣе тѣсное знакомство съ парижскимъ литературнымъ и артистическимъ міромъ. Положеніе вещей было таково, что болѣе выдающійся писатель не могъ остаться внѣ всякаго общенія съ придворными „цѣнителями и судьями“ и, если онъ былъ драматургомъ,—пріобрѣсти настоящую славу, не добившись того, чтобы его пьесы разыграны были при дворѣ. Изъ біографіи Расина, Мольера и другихъ писателей мы достаточно знаемъ, какую роль играло въ ихъ жизни это сближеніе съ дворомъ, въ иныхъ отношеніяхъ — благотворное и желательное, такъ какъ оно улучшало ихъ матеріальное положеніе и поднимало ихъ престижъ въ глазахъ общества, все еще недостаточно уважавшаго дѣятелей словесности, но въ то же время способное вліять на нихъ и въ другую сторону, произвольно стѣсняя свободу творчества, заставляя считаться съ извѣстными условностями, чрезмѣрно прислушиваться къ приговорамъ и оцѣнкамъ не всегда достаточно компетентныхъ и знающихъ дѣло, но зато вліятельныхъ и высокопоставленныхъ людей...

Изъ Корнеля, въ силу особенностей его характера и неумѣнія его вести свою линію, прибѣгая къ дипломатическимъ хитростямъ, правда, никогда не могло выработаться настоящаго царедворца, — хотя, съ другой стороны, онъ не былъ способенъ и къ смѣлой, рѣшительной борьбѣ или отстаиванію своей индивидуальности, чего бы это ни стоило. Какъ бы то ни было, первые признаки его сближенія съ дворомъ, несомнѣнно, играютъ извѣстную роль въ его біографіи; произошло это совершенно случайно,—король Людовикъ XIII пріѣхалъ въ Нормандію на-воды, и руанскій архіепископъ предложилъ Корнелю, наряду съ нѣкоторыми другими писателями, отозваться на это событіе особымъ привѣтственнымъ стихотвореніемъ. Корнель, правда, отклонилъ отъ себя это предложеніе, высказывая ту мысль, что есть другіе поэты, которые съ бо́льшимъ успѣхомъ выполнятъ подобную задачу, тогда какъ его настоящею сферою является театръ;

но то латинское посланіе, въ которомъ онъ извинялся, что не можетъ исполнить просьбу архіепископа, уже заключало въ себѣ косвенное восхваленіе короля и, несомнѣнно, должно было обратить на него вниманіе кого слѣдуетъ... Черезъ нѣсколько времени послѣ этого Корнель, раньше занимавшій, сравнительно, скромное второстепенное мѣсто въ литературномъ мірѣ, становится одним изъ тѣхъ пяти писателей, которымъ могущественный Ришелье поручалъ писать подъ его наблюденіемъ тѣ или другія пьесы на заданный имъ сюжетъ, извѣстнымъ образомъ распредѣляя между собою работу. Съ современной точки зрѣнія, такое подневольное положеніе драматурговъ, принужденныхъ писать на заказъ, угадывать мысли и желанія своего покровителя, считаться съ его прихотями и капризами, опасаясь ежеминутно немилости, можетъ показаться далеко не завиднымъ,—въ то время это все же представлялось большимъ отличіемъ, котораго удостоивались только немногіе... Корнель вскорѣ оказался, однако, совершенно непригоднымъ для подобной роли; въ одномъ случаѣ онъ рискнулъ отступить отъ той программы, которую намѣтилъ для него Ришелье, что, конечно, не могло не вызвать неудовольствія и раздраженія со стороны послѣдняго, и привело къ тому, что Корнель перестал числиться однимъ изъ привилегированныхъ пяти писателей и вернулся къ себѣ въ Руанъ. Его сношенія съ парижскимъ обществомъ, конечно, не прекратились вслѣдствіе этого, и вскорѣ онъ долженъ былъ даже болѣе, чѣмъ когда-либо, заставить о себѣ говорить въ столицѣ.

На тускломъ фонѣ жизнеописанія Корнеля, отнюдь не изобилующаго крупными событіями, рельефно выдѣляется исторія постановки на сценѣ и оживленнаго комментированія въ обществѣ и критикѣ его знаменитой пьесы „Le Cid“ (1636 г.). Судьба этой пьесы такъ часто освѣщалась съ разныхъ сторонъ изслѣдователями французской литературы XVII вѣка, что въ нѣкоторыхъ французскихъ этюдахъ и спеціальныхъ работахъ о Корнелѣ, появившихся въ новѣйшее время, весь этотъ эпизодъ намѣренно излагается довольно сжато, какъ достаточно извѣстный и безъ того. Въ исторіи литературной полемики и столкновенія противоположныхъ теченій или школъ—борьба, разгорѣвшаяся вокругъ одной изъ лучшихъ пьесъ Корнеля, можетъ составить высокоинтересную главу [1]). Передъ нами любопытный примѣръ рѣзкаго, непримиримаго разлада между приговоромъ публики и оцѣнками

[1]) Подробное изложеніе всего этого эпизода—см. у Лотгейсена, въ главѣ „Der Streit über den *Cid*“. Ср. также интересную брошюру Ѳ. Д. Батюшкова „Корнелевъ Сидъ“ (историко-литературный анализъ пьесы); Спб., 1895 г.

тѣхъ лицъ, которыя считались въ ту пору авторитетами и законодателями литературнаго вкуса. Въ то время, какъ „весь Парижъ смотрѣлъ на Химену глазами Родриго", и публика, возмущаясь нападками противниковъ Корнеля, упорно продолжала восторгаться „Сидомъ",—могущественный Ришелье дѣлалъ все, что было въ его силахъ, чтобы развѣнчать и унизить пьесу. Академія поневолѣ должна была отыскивать въ ней недостатки и слабыя стороны, а многіе представители литературнаго міра не скрывали своего несочувственнаго отношенія къ тому произведенію, въ которомъ впервые ярко и опредѣленно отразилось дарованіе драматурга. Послѣдній фактъ не можетъ особенно удивить насъ; крупный, небывалый успѣхъ, выпавшій на долю „Сида", естественно не могъ быть особенно пріятенъ тѣмъ лицамъ, которыя были его соперниками или занимали раньше его выступленія на литературномъ поприщѣ выдающееся, никѣмъ не оспаривавшееся положеніе.

Самъ Корнель, до извѣстной степени, подлилъ масла въ огонь, выпустивъ свое посланіе „Excuse à Ariste", гдѣ онъ не безъ нѣкоторой самонадѣянности говоритъ о своихъ блестящихъ успѣхахъ, которыми онъ обязанъ исключительно самому себѣ, такъ какъ не прибѣгаетъ ни къ чьей протекціи, не составляетъ себѣ вліятельной партіи, хорошо зная самъ цѣну своимъ произведеніямъ... Насчетъ того времени, къ которому относится „Excuse", существовало извѣстное разногласіе между біографами Корнеля или изслѣдователями его творчества; но даже если предположить, вмѣстѣ съ Лотгейсеномъ, Гунгеромъ и др., что это посланіе написано было раньше появленія „Сида" [1]), то все же оно должно было создать въ нѣкоторыхъ кругахъ атмосферу раздраженія и недоброжелательства, подготовлявшую тѣ нападки, которыя обрушились на „Сида"... Какъ бы то ни было, чѣмъ-то безусловно враждебнымъ вѣетъ и отъ памфлета Мэре, „Настоящій авторъ *Сида*", и отъ надѣлавшихъ столько шума „Observations sur le *Cid*" Скюдери, на которыя счелъ нужнымъ отвѣтить самъ Корнель. Съ современной точки зрѣнія можно, конечно, отмѣтить извѣстные недочеты въ пьесѣ Корнеля (напр., тѣ, которые вызваны были необходимостью считаться съ единствомъ времени),—но любопытно, что его противники и критики въ XVII вѣкѣ часто обращали свое вниманіе на совершенно другія детали, стараясь его изобразить то беззастѣнчивымъ подражателемъ, ли-

1) Такого же взгляда придерживается Гизо, а также русскій изслѣдователь—Ѳ. Д. Батюшковъ.

щеннымъ всякой самобытности, то неумѣлымъ стилистомъ, способнымъ писать некрасивые и неизящные стихи... Тотъ фактъ, что число памфлетовъ, написанныхъ по поводу „Сида“ и отражавшихъ два противоположныхъ взгляда на это произведеніе (въ защитникахъ его также не было недостатка), въ короткое время дошло до сорока,—самъ по себѣ остается очень любопытнымъ, какъ бы мы ни смотрѣли на эти полемическія упражненія. Еще недавно вопросамъ литературы и театра отнюдь не придавалось особеннаго значенія,—имъ отводилось второстепенное мѣсто, и они могли живо интересовать только болѣе или менѣе ограниченный кругъ цѣнителей словесности,—и вотъ теперь чисто литературный споръ получаетъ небывалые размѣры и заставляетъ о себѣ говорить чуть не все парижское общество, какъ бы предвѣщая тѣ толки, споры, ожесточенныя схватки, которыми должно было современемъ неоднократно ознаменовываться столкновеніе между враждующими литературными направленіями, вродѣ классицизма и романтизма,—напр., борьбу изъ-за „Эрнани“ и пр.

Въ полемической литературѣ, вызванной появленіемъ пьесы Корнеля, особое мѣсто занимаетъ тотъ разборъ ея, который былъ выпущенъ Французскою Академіей,—тогда еще очень молодымъ учрежденіемъ, не успѣвшимъ ни въ чемъ проявить свою дѣятельность,—подъ заглавіемъ „Sentiments de l'Académie Française sur la tragi-comédie du *Cid*“. Это произведеніе является печальнымъ памятникомъ незавиднаго, подневольнаго положенія французской литературы въ дни кардинала Ришелье, который желалъ господствовать въ области словесности совершенно такъ же, какъ и въ политической... Разборъ „Сида“ былъ написанъ членами академіи не по ихъ собственному желанію, а подъ давленіемъ кардинала, который не хотѣлъ мириться съ крупнымъ успѣхомъ пьесы и надѣялся, что созданное имъ высшее литературно-научное учрежденіе развѣнчаетъ ее и докажетъ публикѣ, что она заблуждалась. Отрицательное отношеніе Ришелье къ Корнелю истолковывалось на всѣ лады въ критико-біографическихъ работахъ, посвященныхъ драматургу; высказывалось, напр., мнѣніе, что Ришелье усмотрѣлъ въ пьесѣ косвенное возвеличеніе гордой и мятежной знати, съ которою онъ считалъ нужнымъ бороться во Франціи, или что его непріятно поразило обращеніе драматурга за сюжетомъ къ испанскому міру, противорѣчившее общему направленію французской политики, въ ту пору открыто враждебной всему испанскому. Другіе видѣли источникъ нерасположенія кардинала къ знаменитому писателю въ личныхъ счетахъ съ нимъ, начавшихся еще въ то время, когда онъ былъ однимъ

изъ пяти приглашенныхъ Ришелье драматурговъ,—даже въ извѣстной зависти, которую могъ питать къ автору „Сида“ кардиналъ, считавшій себя тоже литераторомъ и въ глубинѣ души сознававшій, что у него нѣтъ истиннаго дарованія и неоспоримаго права на успѣхъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ объясненій не отличаются особенною убѣдительностью и должны быть признаны довольно парадоксальными; скорѣе всего можно утверждать, что, наряду съ личными столкновеніями, которыя способны были заранѣе возстановить Ришелье противъ литературной дѣятельности руанскаго адвоката, въ данномъ случаѣ сыгралъ извѣстную роль и тотъ фактъ, что общій духъ пьесы, неукротимый, захватывающій, страстный, нѣсколько безпорядочный, еще не подавленный полновластнымъ господствомъ „правилъ и единствъ“, конечно, не могъ нравиться кардиналу, стремившемуся во всѣхъ областяхъ жизни проводить однородные принципы порядка, единства, сильной власти и безусловной субординаціи... Такъ или иначе, молодая академія *принуждена* была высказаться по поводу траги-комедіи Корнеля, причемъ ея члены, конечно, прекрасно понимали, что отъ нихъ, прежде всего, ожидаютъ рѣзкой критики и отыскиванія въ пьесѣ, во чтò бы то ни стало, недочетовъ и недостатковъ,—въ духѣ нападокъ Скюдери и его единомышленниковъ! Насколько трудно было академикамъ исполнить возложенное на нихъ порученіе и рѣшительно выступить противъ единодушнаго голоса всей публики, видно изъ того, что прошло полгода, прежде чѣмъ разборъ пьесы былъ готовъ, да и то его пришлось дважды передѣлывать по указанію Ришелье, которому очень нелегко было угодить... Мы не будемъ особенно долго останавливаться на этомъ критическомъ разборѣ, который во многихъ случаяхъ производитъ впечатлѣніе чего-то вымученнаго, недостаточно откровеннаго и смѣлаго,—хотя двѣ-три мысли въ немъ были, до извѣстной степени, справедливы, и самъ Корнель впослѣдствіи, чрезъ много лѣтъ, нашелъ возможнымъ согласиться съ ними. Въ общемъ, академики, писавшіе этотъ разборъ, видно, старались угодить тому лицу, отъ котораго они зависѣли, и которое ожидало отъ нихъ опредѣленнаго отзыва, не становясь, въ то же время, въ слишкомъ рѣзкую оппозицію къ голосу зрителей, „смотрѣвшихъ на Химену глазами Родриго“... Результатомъ этого явились извѣстная двойственность и противорѣчивость; соглашаясь по нѣкоторымъ пунктамъ со Скюдери, находя образъ дѣйствій Химены, въ иныхъ отношеніяхъ, безнравственнымъ, стараясь отыскать въ слогѣ пьесы всевозможныя погрѣшности и признавая сюжетъ ея

неудачно выбраннымъ, академики, съ другой стороны, отмѣчали и безусловныя достоинства „Сида", мастерство, обнаруженное авторомъ при изображенiи страстей, сильный, захватывающiй характеръ отдѣльныхъ сценъ. Подобный анализъ, выдержанный въ очень осторожномъ и дипломатическомъ духѣ, едвали могъ вполнѣ удовлетворить Ришелье, который ожидалъ болѣе опредѣленнаго и рѣзкаго приговора въ желательномъ для него смыслѣ... Вся эта исторiя вообще слишкомъ затянулась, и кардиналъ далъ понять, что пора ее окончить, тѣмъ болѣе, что Корнель ничего не отвѣтилъ на „Sentiments de l'Académie"...

III.

На судьбу „Сида" нападки противниковъ драматурга и уклончивый приговоръ академiи не оказали сколько-нибудь существеннаго влiянiя; слава траги-комедiи продолжала рости; она надолго осталась репертуарной пьесою, продолжала находить почитателей въ XVIII-мъ и XIX-вѣкѣ (достаточно вспомнить имена Вольтера и Наполеона I) и привлекаетъ даже въ наши дни вниманiе выдающихся актеровъ, вродѣ Мунэ-Сюлли, мастерски исполняющаго роль Родриго. На самого Корнеля эпизодъ съ „Сидомъ" произвелъ, повидимому, болѣе сильное впечатлѣнiе, чѣмъ можно было думать, судя по внѣшности; неудачи, выпадавшiя на его долю, онъ вообще переносилъ далеко не равнодушно, и послѣ нихъ надолго оставался въ его сердцѣ мучительный слѣдъ.... Прошло, приблизительно, три года, прежде чѣмъ онъ выступилъ съ новою пьесою „Horace" (1640), которая должна была упрочить его славу; въ теченiе двухъ лѣтъ онъ пробылъ у себя въ Руанѣ, вдали отъ сутолоки парижской жизни, какъ будто желая, чтобы о немъ забыли, или стремясь отдохнуть послѣ всѣхъ тревогъ и непрiятностей, связанныхъ съ „Сидомъ". Раздраженiе и печаль постепенно улеглись въ его душѣ, незаслуженная обида съ теченiемъ времени перестала удручать его въ такой степени, въ какой это было раньше, — но нападки критиковъ не остались все же безъ влiянiя на дальнѣйшее развитiе таланта Корнеля и общiй характеръ его творчества... Пьесы, непосредственно слѣдовавшiя за „Сидомъ", во многихъ отношенiяхъ стояли выше траги-комедiи, представляли собою безспорный шагъ впередъ, — но въ нихъ уже не чувствовалось того бурнаго, страстнаго, мѣстами — почти романтическаго духа, который придалъ столь своеобразную окраску первой безусловно выдающейся пьесѣ Кор-

неля; не было уже и тѣхъ попытокъ бороться съ единствами,—напр. съ единствомъ мѣста, — которыя навлекли на драматурга столько нападокъ и заставили его поневолѣ перейти затѣмъ на торную дорогу, отрѣшаясь отъ послѣднихъ остатковъ неограниченной свободы, царившей въ старомъ французскомъ театрѣ и подчасъ доходившей даже до крайностей и уродства. Чтобы покончить съ этимъ эпизодомъ, нельзя не указать на то, что враждебное отношеніе Ришелье къ „непокорному“ драматургу съ теченіемъ времени, какъ это ни странно, смѣнилось не только болѣе терпимымъ, но даже благожелательнымъ [1]): преданіе, правда, недостаточно провѣренное, утверждаетъ, что именно благодаря содѣйствію кардинала Корнель получилъ возможность жениться (въ 1640 году) на Маріи де-Ламперьеръ...

Независимо отъ того, что эпизодъ съ „Сидомъ“ является едва ли не самымъ яркимъ и выдающимся фактомъ біографіи Корнеля, лишенной захватывающихъ моментовъ, онъ составляетъ весьма важную дату въ исторіи постепеннаго развитія дарованія автора. Разсматривая теперь, на значительномъ отдаленіи, надѣлавшую когда-то столько шума пьесу, мы, конечно, можемъ отнестись къ ней вполнѣ безпристрастно, отрѣшаясь отъ нетерпимости или неумѣренныхъ восторговъ современниковъ Корнеля. Воздерживаясь отъ всякаго сравненія траги-комедіи французскаго драматурга съ лучшими созданіями Шекспира, мы все же должны будемъ признать, что передъ нами — сильное, полное драматизма, въ общемъ—очень красивое по формѣ произведеніе. Исторія Родриго, прозваннаго Сидомъ, возвеличеннаго въ старыхъ испанскихъ поэмахъ, романсахъ, стихотворныхъ хроникахъ, ставшаго потомъ героемъ пьесы испанскаго драматурга Гильена де-Кастро, „Las mocedades del Cid“, утратила, въ обработкѣ Корнеля, значительную долю мѣстнаго, національнаго колорита, нѣсколько пострадала отъ того, что ее насильственно втиснули въ узкія для подобнаго сюжета рамки классическихъ единствъ (достаточно вспомнить, что продолжительная борьба Родриго съ маврами свелась къ одному сраженію, за которымъ почти немедленно слѣдуетъ дуэль между героемъ траги-комедіи и Донъ-Санчо), — но зато въ иныхъ отношеніяхъ впервые получила истинно художественную, поэтическую обработку. Уже внѣшняя форма пьесы отличается красотою и выразительностью; слогъ

[1]) Любопытно, съ другой стороны, что трагедія „Horace“ была уже посвящена Корнелемъ своему недавнему врагу, Ришелье (см. „dédicace“ къ этой трагедіи, гдѣ попадается много восхваленій, почти сбивающихся, по обычаю того времени, на лесть).

опредѣленно свидѣтельствуетъ о томъ, какіе успѣхи сдѣлалъ къ этому времени авторъ „Мелиты" и „Клитандра"; діалогъ отличается живостью и драматизмомъ: достаточно вспомнить хотя бы знаменитое объясненіе между Родриго и Хименою („Rodrigue, qui l'eût cru"... „Chimène, qui l'eût dit"... и пр.); „стансы" Родриго („Percé jusques au fond du coeur"...), выдѣляющіеся изъ пьесы, благодаря измѣненію размѣра и чередованія риѳмъ, принадлежатъ къ наиболѣе красивымъ образцамъ творчества Корнеля. Неоднократно производившееся біографами и критиками Корнеля сравненіе его пьесы съ „Las mocedades del Cid" [1]) достаточно краснорѣчиво говоритъ о томъ, что французскій драматургъ не только не былъ простымъ подражателемъ, чуть не плагіаторомъ, какъ старались доказать его враги и завистники, но оставилъ далеко позади испанскій оригиналъ, развивъ тотъ же сюжетъ вполнѣ самостоятельно, одухотворивъ его извѣстною идеей, которой не было у Де-Кастро. Съ подобнымъ явленіемъ мы сталкиваемся, правда, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда Корнель, многимъ обязанный испанской словесности, но никогда не копировавшей рабски иностранные образцы, дѣлалъ тѣ или другія заимствованія изъ творчества Лопе де Вега, Кальдерона и др.; вспомнимъ, что отголоски испанской литературы сказываются и въ „Illusion comique", и въ комедіи „Le menteur" (вліяніе пьесы Аларкона „La sospechosa verdad"), — равно какъ и въ „продолженіи" къ ней, на которое повліяла испанская комедія „Amar sin saber a quien", и въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Héraclius" и „Don-Sanche d'Aragon"), — даже въ знаменитой трагедіи „Horace", гдѣ отысканы были слѣды вліянія „El honrado hermano" Лопе де Вега [2]). Но подобно тому, какъ Шекспиръ, взявъ тотъ или другой сюжетъ изъ народныхъ преданій, новеллъ, пастушескихъ романовъ, хроникъ, старыхъ комедій, создавалъ нерѣдко высоко-художественныя произведенія, въ которыхъ все лучшее принадлежало ему самому, Корнель, — если оставить въ сторонѣ болѣе раннюю и какъ бы написанную неопытною рукою подающаго надежды дебютанта „Медею", гдѣ онъ, мѣстами, довольно близко держался трагедіи Сенеки — умѣлъ

---

[1]) См., напр., Ѳ. Д. Батюшкова, „Корнелевъ *Сидъ*", стр. 9—21, 29—40; Ernest Martinenche, „La *Comedia* espagnole en France", гл. III. — Pierre Corneille et la Comedia: Du *Cid* à *Héraclius*".

[2]) Новѣйшіе труды, посвященные вопросу о вліяніи испанской драмы на французскихъ драматурговъ, въ томъ числѣ на Корнеля: указанный выше трудъ Martinenche'a (Парижъ (1900); G. Huszar, „Pierre Corneille et le théâtre espagnol" (1903); Segall, „Corneille and the spanish drama" (Нью-Іоркъ, 1902).

быть самобытнымъ даже въ тѣхъ пьесахъ, сюжетъ которыхъ былъ уже раньше разработанъ въ литературѣ. Первый примѣръ такого соединенія заимствованій съ творчествомъ мы и видимъ въ „Сидѣ“.

Нѣкоторыя особенности „Сида“, какъ мы уже говорили выше, не перешли въ другія пьесы Корнеля, который въ этомъ случаѣ сдѣлалъ извѣстную уступку своимъ строгимъ и придирчивымъ критикамъ и судьямъ, и въ дальнѣйшихъ своихъ произведеніяхъ счелъ нужнымъ нѣсколько отступить отъ того жанра и тѣхъ пріемовъ, которые привлекли-было его симпатіи; тѣмъ не менѣе, именно „Сидомъ“ начинается наиболѣе зрѣлый и интересный періодъ литературной дѣятельности Корнеля, который съ этой поры становится первоклассным драматургомъ и завоевываетъ сочувствіе и уваженіе современной ему французской публики, отдающей ему пальму первенства, рѣшительно ставящей его выше всѣхъ другихъ литераторовъ, работавшихъ для театра, и, повидимому, не способной измѣнить ему ради какого-нибудь другого драматурга... Въ началѣ 40-хъ годовъ XVII столѣтія его ожидалъ рядъ тріумфовъ; исполненіе на сценѣ такихъ выдающихся его трагедій, какъ „Horace“ (1640), „Cinna ou la Clémence d'Auguste“ (1640 г.), „Polyeucte“ (1642—43), упрочило его славу и создало ему обширный кругъ почитателей. Если христіанская окраска „Поліевкта“ не понравилась посѣтителямъ салона маркизы де-Рамбулье, гдѣ авторъ самъ читалъ свою пьесу, то это не оказало никакого вліянія на публику, восторгавшуюся „христіанскою трагедіей“, которая словно предвѣщала драмы само-новѣйшаго времени, съ сюжетами, взятыми изъ Священнаго Писанія или житій святыхъ, произведенія Эдмонда д'Арокура, Ростана, Ришпэна („La martyre“) и др. За этими тремя пьесами, которыя, наравнѣ съ „Сидомъ“, невольно вспоминаются первыми, какъ только въ наши дни заходитъ рѣчь о Корнелѣ и его творчествѣ, послѣдовало нѣсколько другихъ, болѣе или менѣе забытыхъ теперь, но заслуживающихъ вниманія и поддержавшихъ въ свое время на прежней высотѣ славу драматурга: къ числу ихъ относятся, напр., мрачная и довольно запутанная по сюжету трагедія „Rodogune, princesse des Parthes“ (1645), въ свое время сурово разобранная Лессингомъ, какъ образецъ ложно-классической драмы, и эффектная пьеса „Nicomède“ (1651), въ которой есть нѣсколько очень сильныхъ и благодарныхъ сценъ. Передъ нами — самый блестящій и плодотворный періодъ жизни и дѣятельности Корнеля, на которомъ собственно и основывается его право на выдающееся мѣсто въ

исторіи французской драмы и на вниманіе даже болѣе отдаленнаго потомства. Постепенно образовалась обширная группа восторженныхъ поклонниковъ драматурга, которые остались ему вѣрными даже въ ту пору, когда звѣзда его, видимо, стала уже меркнуть, и новыя литературныя свѣтила должны были привлечь на свою сторону интересъ и симпатію публики. Къ числу этихъ поклонниковъ принадлежала, напр., г-жа Севинье, которую самыя яркія, художественныя, захватывающія пьесы Расина не могли заставить забыть о томъ писателѣ, чьи произведенія восхищали ее въ дни юности. Въ годъ появленія „Баязета" Расина (1672) она писала своей дочери, что, наряду съ крупными недостатками, въ этой трагедіи есть, конечно, отдѣльныя удачныя и красивыя частности,—„но ничего безусловно прекраснаго, поднимающаго духъ, похожаго на тирады Корнеля, которыя вызываютъ трепетъ". „Дочь моя, воздержимся отъ того, чтобы сравнивать съ нимъ Расина; будемъ сознавать всегда разницу между ними!.. Да здравствуетъ нашъ старый другъ Корнель! Простимъ ему нѣкоторые дурные стихи ради тѣхъ божественныхъ, возвышенныхъ красотъ его сочиненій, которыя приводятъ насъ въ восторгъ; въ нихъ чувствуется неподражаемое мастерство!" О томъ, какимъ ореоломъ долгое время окружено было у публики имя Корнеля, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, дошедшій до насъ разсказъ объ оваціи, которой удостоился однажды драматургъ, появившись, послѣ довольно продолжительнаго промежутка, въ зрительномъ залѣ, переполненномъ публикою. „Когда Корнель пришелъ въ театръ, гдѣ онъ не показывался въ теченіе двухъ лѣтъ, актеры невольно остановились; великій Конде, принцъ Конти и вообще всѣ тѣ, кто былъ на сценѣ, поднялись со своихъ мѣстъ; сидѣвшіе въ ложахъ послѣдовали ихъ примѣру; въ партерѣ раздались рукоплесканія и привѣтственные возгласы, повторявшіеся каждый антрактъ!" Подобное чествованіе популярнаго и заслуженнаго драматурга, несомнѣнно, представляетъ большой интересъ и опредѣленно указываетъ на то, какъ возросло съ годами во Франціи значеніе театра и его дѣятелей, еще недавно занимавшихъ далеко не завидное мѣсто въ общественной жизни и отнюдь не считавшихся достойными благодарности и поклоненія цѣлаго народа [1]). Къ сожалѣнію, автору „Сида" пришлось съ теченіемъ времени пережить—наряду съ такими отрадными, свѣтлыми, хотя и приводившими его въ смущеніе, въ виду его

[1]) Здѣсь умѣстно будетъ отмѣтить, что въ 1647 году Корнель былъ избранъ за свои заслуги членомъ Французской Академіи, которая когда-то подвергла придирчивой критикѣ одно изъ лучшихъ его созданій...

рѣдкой скромности и застѣнчивости, минутами — также немало печальныхъ и томительныхъ эпизодовъ, съ болью въ сердцѣ убѣдившись одновременно и въ упадкѣ своего собственнаго таланта, и въ измѣнчивости вкусовъ театральной публики...

IV.

Произведенія Корнеля, относящіяся къ лучшему, наиболѣе яркому періоду его дѣятельности, заключаютъ въ себѣ весьма цѣнный матеріалъ для выясненія отличительныхъ особенностей его таланта и общаго характера его творчества. Здѣсь невольно приходитъ опять на память извѣстное опредѣленіе Пушкина, назвавшаго геній Корнеля *„величавымъ"*. Перечитывая въ наши дни, когда европейская драма давно уже ушла далеко впередъ, нѣсколько разъ измѣнивъ на протяженіи вѣковъ свой общій характеръ, наиболѣе типичныя вещи Корнеля, мы все же невольно поддаемся обаянію того величія, которое, дѣйствительно, свойственно рѣчамъ и поступкамъ многихъ его героевъ и отражается въ его словѣ, въ иныхъ отношеніяхъ оставшемся неподражаемымъ... Для насъ, конечно, ближе и понятнѣе творчество Расина, мастера психологическаго анализа, предшественника тѣхъ драматурговъ новѣйшаго времени, которые ставятъ себѣ задачею всестороннее изображеніе внутренняго міра своихъ героевъ и героинь, съ самыми неуловимыми оттѣнками ихъ настроенія, съ быстрою смѣною ощущеній, рѣзкими переходами отъ надежды къ меланхоліи, борьбою противорѣчивыхъ порывовъ и стремленій. Но бываютъ моменты, когда мы испытываемъ потребность въ чемъ-нибудь болѣе сильномъ, энергичномъ, незыблемомъ, поднимающемъ духъ, торжествующемъ надъ слабостью и малодушіемъ; въ этихъ случаяхъ „величавый геній" Корнеля скорѣе подойдетъ къ нашимъ запросамъ, показавъ намъ людей съ сильною волею и желѣзною энергіей, которыхъ, повидимому, никто на свѣтѣ не можетъ сломить или подчинить своей власти. Справедливо замѣчено было, что его героевъ можно раздѣлить на три главныхъ категоріи: на благородныхъ, преступныхъ и слабыхъ, причемъ первыя двѣ категоріи являются, въ сущности, только двумя разновидностями болѣе общей группы—*сильныхъ людей*, которые различаются между собою тѣмъ, что у однихъ эта сила направлена къ благимъ, разумнымъ и плодотворнымъ цѣлямъ, у другихъ она порождаетъ только зло, ведетъ къ преступленію, пріучаетъ заглушать въ себѣ человѣчность и властно расчищать себѣ дорогу, не особенно стѣсняясь въ выборѣ средствъ...

Очень часто въ душѣ героевъ Корнеля происходитъ рѣшительная борьба между долгомъ и чувствомъ, голосомъ разума—и голосомъ сердца,—борьба являющаяся главною основою драматизма въ его пьесахъ; въ подобныхъ случаяхъ его творчество пріобрѣтаетъ извѣстную моральную окраску, возвеличивая тѣхъ, кто одерживаетъ верхъ надъ слабостью, искушеніемъ, голосомъ страстей; такъ, обратившійся въ христіанство Поліевктъ ставитъ спасеніе своей души выше всѣхъ мірскихъ наслажденій и почестей, не дорожитъ своею жизнью, не поддается даже мольбамъ и увѣщаніямъ любимой жены, какъ ему ни тяжело навсегда разстаться съ нею. Самъ Корнель, видимо, раздѣлялъ взглядъ нѣкоторыхъ лицъ его трагедій, считающихъ, что истинный герой долженъ стать неизмѣримо выше всѣхъ страстей, волнующихъ и увлекающихъ обыкновеннаго, дюжиннаго человѣка, что нѣтъ такого чувства, котораго онъ не могъ бы побѣдить... Одинъ изъ русскихъ подражателей автора „Сида", Княжнинъ, очень удачно формулировалъ впослѣдствіи этотъ взглядъ въ извѣстномъ стихѣ, попадающемся въ его „Росславѣ": „Тиранка слабыхъ душъ, любовь—раба героя"... Отецъ Родриго, донъ-Діего, восклицаетъ въ одномъ случаѣ, бесѣдуя съ сыномъ и убѣждая его „не уступать слабости сердечной": „Вѣдь честь одна у насъ, а женщинъ много; любовь отрада намъ, а честь—нашъ долгъ [1])!" Раньше этого, въ посвященіи своей комедіи „La place Royale", Корнель проводилъ слѣдующую мысль: „Любовь благороднаго человѣка должна всегда быть добровольною; не слѣдуетъ любить до такой степени, чтобы *не любить* сдѣлалось уже невозможнымъ; если человѣкъ доходитъ до такого состоянія, это уже начинается тираннія, иго которой нужно съ себя сбросить; любимая женщина будетъ гораздо болѣе цѣнить нашу любовь, если послѣдняя является результатомъ нашего выбора и ея достоинствъ, чѣмъ если она вытекаетъ изъ слѣпой привязанности и вызывается инстинктивнымъ влеченіемъ, съ которымъ мы не можемъ бороться". Въ одной изъ болѣе позднихъ пьесъ Корнеля категорически высказывается та мысль, что истинно выдающійся человѣкъ всегда владѣетъ собою и старается даже не показывать людямъ той внутренней борьбы, которая иногда волнуетъ его душу: „Les plus grands déplaisirs sont les moins éclatants, et l'on sait qu'un grand coeur se possède en tous temps!.."

Въ иныхъ случаяхъ сила воли того или другого героя настолько велика, что тѣ страсти, съ которыми онъ борется и ко-

[1]) Переводъ В. Лихачова; Спб. 1891 г.

торыя онъ побѣждаетъ, могутъ показаться намъ слишкомъ ничтожными, отнюдь не опасными для него; иногда это — какія-то „полу-страсти“, demi-passions, по мѣткому выраженію Лансона, очень далекія отъ того, что̀ переживаютъ герои и героини Расина, доходящія иногда до какого-то изступленія, подъ вліяніемъ горячей, безумной любви. Невольно возникаетъ вопросъ: всегда ли можетъ даже идти рѣчь о настоящей *борьбѣ*, разъ одной изъ борющихся сторонъ побѣда обезпечена заранѣе?.. Но въ такомъ случаѣ нѣкоторыя пьесы Корнеля, при всемъ ихъ величавомъ колоритѣ, могутъ оказаться лишенными истиннаго драматизма, потому что люди, слишкомъ легко торжествующіе надъ всѣми своими колебаніями, сомнѣніями и слабостями, едвали являются вполнѣ подходящими героями для трагедіи... Справедливость требуетъ, однако, признать, что въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь объ извѣстной крайности, съ которою мы встрѣчаемся далеко не во всѣхъ произведеніяхъ французскаго драматурга, — изъ числа наиболѣе удачныхъ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что иные его герои производятъ впечатлѣніе слишкомъ ужъ цѣльныхъ, неизмѣнныхъ, прямолинейныхъ, точно отлитыхъ, разъ навсегда, въ опредѣленную форму; невольно закрадывается сомнѣніе, могли ли подобные люди когда-либо существовать въ дѣйствительности, — даже въ самую героическую пору! Въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно изобразить ту или другую перемѣну взглядовъ и намѣреній героя, Корнель обыкновенно придаетъ этой перемѣнѣ довольно рѣзкій и внезапный характеръ; возсоздавать, какъ это дѣлалъ впослѣдствіи Расинъ, постепенный переходъ героя или героини отъ одного настроенія къ другому, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, отмѣчать малѣйшіе оттѣнки ихъ душевнаго міра, — все это отнюдь не соотвѣтствовало общему характеру дарованія Корнеля. Но когда нужно было выводить суровыхъ, энергичныхъ, мужественныхъ, закаленныхъ въ борьбѣ людей, — онъ не зналъ соперниковъ. Нужно замѣтить, что въ основѣ его трагедій далеко не всегда лежитъ моральная идея, что энергія его героевъ очень часто направлена совсѣмъ не на борьбу съ порокомъ, во имя нравственнаго долга. Для Корнеля важнѣе всего остального — сила *воли*, независимо отъ того, въ какую сторону она будетъ направлена; властолюбивый, жестокій, все сокрушающій на своемъ пути человѣкъ тоже можетъ стать его героемъ, разъ онъ не признаетъ надъ собою ничьей власти, убѣжденъ въ томъ, что можетъ достигнуть всего, чего ни пожелаетъ, презираетъ малодушныхъ и смѣется надъ трусами...

Не разъ задавали себѣ вопросъ: откуда могъ взять Корнель эти сильныя, могучія фигуры, гдѣ находились оригиналы его героевъ, гдѣ онъ подсмотрѣлъ эту желѣзную волю, эту способность бороться съ самимъ собою?.. По мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ, въ окружающемъ обществѣ, по крайней мѣрѣ—въ старшемъ поколѣніи, не было тогда недостатка въ суровыхъ, гордыхъ, мужественныхъ образахъ, которые драматургъ только перенесъ въ древне-римскую обстановку. Но невольно является вопросъ: изъ той ли среды были взяты драматургомъ тѣ герои, нравственный обликъ которыхъ обрисованъ имъ въ болѣе отрадномъ свѣтѣ, такъ какъ онъ заставляетъ ихъ обнаруживать стойкость, несокрушимую убѣжденность, любовь къ родинѣ, великодушіе?.. На этотъ счетъ одинъ изъ историковъ французской литературы XVII вѣка, Адріэнъ Дюпюи, высказывается очень опредѣленно, проводя тотъ взглядъ, что Корнель надѣлялъ иногда своихъ героевъ многими положительными свойствами, какими онъ самъ былъ одаренъ отъ природы, и нерѣдко выводилъ поэтому въ своихъ пьесахъ такихъ людей, какихъ трудно было встрѣтить въ окружающемъ обществѣ. „Иногда ставили въ заслугу обществу,—говоритъ Дюпюи,—то, что было свойственно только самому поэту“. Средній уровень характеровъ былъ тогда очень невысокъ, героизмъ представлялъ собою нѣчто болѣе, чѣмъ рѣдкое. Но вотъ явился Корнель; онъ постарался сообщить своимъ ничтожнымъ современникамъ извѣстную долю того огня, которымъ онъ самъ пылалъ, того великодушія и благородства, неугасимый очагъ котораго таился въ его душѣ. При соприкосновеніи съ нимъ, сердца воспламенились и попытались биться въ унисонъ съ его сердцемъ; если сварливые люди или интриганы могли, въ глазахъ нѣкоторыхъ историковъ, сойти за людей съ независимымъ и гордымъ духомъ, они обязаны этимъ Корнелю: онъ одинъ создалъ эту иллюзію! Говорятъ, что всякій поэтъ обыкновенно описываетъ своихъ современниковъ, и что Корнель поневолѣ долженъ былъ вдохновляться нравами и характерами, которые были у него передъ глазами. Это справедливо по отношенію къ другимъ, но не вполнѣ вѣрно по отношенію къ нему: онъ гораздо охотнѣе описывалъ людей такими, какими они должны были быть, чѣмъ такими, каковы они въ дѣйствительности [1]... Если это мнѣніе и нельзя принять безъ нѣкоторыхъ оговорокъ,—мы можемъ все же признать вмѣстѣ съ Дюпюи, что

[1]) Adrien Dupuy, „Histoire de la littérature française au XVII-e siècle“. (Парижъ, 1892); стр. 160—161.

психологія иныхъ героевъ Корнеля, несомнѣнно, была очерчена съ особенною любовью, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ задавался цѣлью нарисовать свой идеалъ, надѣляя ихъ тѣми свойствами, которыя были ему всего болѣе симпатичны.

Если французская классическая трагедія вообще всего чаще и охотнѣе дѣлала своими героями царей, полководцевъ, вельможъ и т. п., то никому изъ французскихъ драматурговъ не удавалась въ такой степени обрисовка психологіи и міросозерцанія правителей, обладающихъ сильною, могущественною властью, какъ она удавалась почти всюду Корнелю. Зная общій характеръ его творчества, мы, конечно, отнюдь не удивимся этому; подобный фактъ вполнѣ гармонировалъ съ отличительнымъ колоритомъ величавыхъ трагедій Корнеля, въ которыхъ „даже темныя дѣла своимъ величьемъ поражали"... Вопросы политики, внутренней и внѣшней, болѣе многаго другого интересовали драматурга, и онъ умѣлъ искусно вводить ихъ въ свои пьесы; недаромъ, когда впослѣдствіи Расинъ пожелалъ доказать, что онъ можетъ писать и въ какомъ-нибудь другомъ жанрѣ, кромѣ чисто психологическаго, способенъ создать трагедію, гдѣ были бы затронуты политическіе вопросы, онъ въ своемъ „Митридатѣ" явился, въ значительной степени, подражателемъ Корнеля, хотя въ другихъ отношеніяхъ освободился къ этому времени отъ его вліянія и писалъ совершенно по новому. Авторъ „Никомеда" очень охотно влагаетъ въ уста своимъ героямъ пространныя разсужденія о политическихъ дѣлахъ, международныхъ отношеніяхъ, интересахъ государства и т. п.; прежде бывали даже попытки изобразить его глубокомысленнымъ политикомъ, способнымъ удивлять спеціалистовъ этого дѣла своими познаніями въ столь чуждой для него, повидимому, области; въ новѣйшее время этотъ взглядъ, въ значительной степени, поколебленъ критикою [1]). Любопытно, что цари являются у Корнеля, прежде всего, правителями, общечеловѣческія свойства которыхъ какъ бы отодвигаются на второй планъ,—въ противоположность Расину, у котораго, напр., въ пьесѣ „Bérénice" императоръ Титъ выведенъ не только государемъ, но и страдающимъ, выносящимъ нравственныя терзанія человѣкомъ. У Корнеля цари, какъ остроумно замѣтилъ въ свое время Гизо, прежде всего, *правятъ*,—вѣчно правятъ, какъ бы не желая ни на минуту стать простыми людьми!.. Но если помириться съ нѣсколько одностороннимъ

[1]) Ср. Lanson, o. c., глава V: „L'histoire et la politique dans les tragédies de Corneille".

освѣщеніемъ ихъ психологіи, мы должны будемъ признать, что во многихъ случаяхъ драматургу, дѣйствительно, удалось создать сильные, величественные образы, которые даже теперь производятъ впечатлѣніе.

V.

Женскіе типы въ трагедіяхъ Корнеля совершенно подъ стать его героямъ. Если Расина Пушкинъ назвалъ—въ извѣстномъ отрывкѣ изъ „Домика въ Коломнѣ“ — „пѣвцомъ *влюбленныхъ женщинъ* и царей“, то Корнеля можно было бы смѣло назвать пѣвцомъ сильныхъ, властныхъ женщинъ, которыхъ онъ лучше всего умѣлъ изобразить. Все мягкое, нѣжное, чисто *женственное*, что̀ можно найти въ женской натурѣ, только Расинъ изобразилъ вполнѣ художественно и правдиво, оставивъ далеко позади слишкомъ ужъ чувствительныя, приторныя и манерныя произведенія Кино, который тоже хотѣлъ противопоставить что-нибудь менѣе суровое и величавое творчеству Корнеля и въ частности—его манерѣ обрисовывать женскую психологію. Героини Корнеля очень часто въ такой же мѣрѣ живутъ разсудкомъ, обнаруживаютъ сильную волю и способность бороться съ голосомъ чувства, какъ и его герои. Нѣкоторымъ изъ нихъ, повидимому, даже не приходится выносить никакой борьбы, потому что онѣ уже достаточно закалены въ этомъ отношеніи, и ихъ мысли заняты совершенно другимъ. Многія героини выказываютъ живой интересъ къ политическимъ вопросамъ, прекрасно знакомы съ положеніемъ своей страны, могутъ при случаѣ вести цѣлый диспутъ съ врагами родины или представителями другой, противоположной партіи, обнаруживаютъ гордость, чувство собственнаго достоинства, увѣренность въ себѣ. Нечего и говорить, что этимъ далеко не исчерпана женская натура!.. Нельзя не согласиться съ Дюпюи, когда онъ утверждаетъ, что женское сердце такъ и осталось закрытымъ для Корнеля, который не былъ въ состояніи возсоздать то, что̀ таится въ глубинѣ этого сердца, и только одинъ разъ вполнѣ успѣшно справился съ задачей—обрисовать лишенную властолюбія, чрезмѣрной прямолинейности и желѣзной воли женскую натуру,—создавъ прекрасный, вполнѣ жизненный и привлекательный образъ Полины, супруги Поліевкта. Это не мѣшаетъ многимъ женскимъ образамъ Корнеля производить потрясающее впечатлѣніе и быть вполнѣ подходящими и благодарными для выдающихся артистокъ съ сильнымъ трагическимъ дарованіемъ. Когда Расинъ, съ такимъ поразительнымъ искусствомъ

возсоздавшій женскую психологію, захотѣлъ въ „Британникѣ“ вывести жестокую, властную и неразборчивую насчетъ средствъ Агриппину, въ которой нѣтъ ничего типично-женскаго, онъ опять долженъ былъ позаимствовать нѣкоторыя детали и внѣшніе пріемы у Корнеля, который въ этой области не зналъ соперниковъ.

Въ сущности, героини Корнеля, по силѣ характера и неукротимой гордости духа, подходятъ къ тому типу „сверхъ-женщины“ (Ueberweib), который въ новѣйшее время неоднократно изображался въ западно-европейской словесности, подъ вліяніемъ распространенія теорій Ницше. Да и самые герои французскаго драматурга очень часто отличаются такой силой воли и энергіей, какую мы едвали можемъ встрѣтить у обыкновенныхъ людей, не принадлежащихъ къ „породѣ господъ“... Въ исторіи постепеннаго развитія литературнаго типа „сверхъ-человѣка“ героямъ и героинямъ Корнеля, несомнѣнно, принадлежитъ видное мѣсто; между тѣмъ, этотъ фактъ обыкновенно оставляется безъ вниманія, и, напр., въ любопытной книгѣ Лео Берга о „сверхъ-человѣкѣ въ новой литературѣ“ [1]), которая переведена теперь и по-русски, указано, между прочимъ, нѣсколько яркихъ примѣровъ изображенія сильныхъ, властныхъ натуръ въ трагедіяхъ Шекспира, но не взято ни одного примѣра изъ пьесъ Корнеля. Старое предубѣжденіе противъ „ложно-классической“ драмы продолжаетъ сказываться, время отъ времени, и въ наши дни.

Придавая большое значеніе политическимъ вопросамъ, стремясь дѣлать своими героями только властныхъ, суровыхъ и закаленныхъ людей, Корнель, въ поискахъ сюжетовъ для своихъ пьесъ, естественно, обратилъ вниманіе на римскую исторію, которая заключала въ себѣ особенно подходящій для него матеріалъ. Нечего и говорить, что сюжеты всѣхъ его трагедій взяты изъ исторіи, или, по крайней мѣрѣ, въ основѣ ихъ лежитъ историческій фактъ; Корнель объяснялъ это, прежде всего, тѣмъ, что одни только историческіе сюжеты можно признать вполнѣ реальными, правдивыми, соотвѣтствующими дѣйствительности, такъ какъ на этотъ счетъ есть документальныя данныя,—тогда какъ сюжеты, взятые изъ жизни частныхъ лицъ и относящіеся къ новѣйшему времени, оставляютъ слишкомъ много простора воображенію и творчеству писателя... Исходя изъ подобнаго взгляда, съ которымъ мы теперь уже не можемъ согласиться, драматургъ въ критическихъ разборахъ (examens) своихъ пьесъ, которые помѣщаются въ любомъ изданіи его сочиненій передъ началомъ почти каждой изъ

---

[1]) Leo, „Der Uebermensch in der modernen Litteratur“ (1897).

нихъ, тщательно отмѣчаетъ произведенія, послужившія для него источниками и какъ бы гарантирующія достовѣрность тѣхъ фактовъ, которые онъ хочетъ возсоздать... Въ частности, римская исторія, на всемъ ея протяженіи, отъ древнѣйшей поры до періода упадка и вырожденія, казалась ему особенно удобною и подходящею для воспроизведенія въ драматической формѣ. Именно тамъ нашелъ онъ оригиналы тѣхъ суровыхъ, непреклонныхъ борцовъ, государственныхъ людей или патріотовъ, яркимъ представителемъ которыхъ является старикъ Горацій, съ его знаменитымъ „Qu'il mourût!"... Несомнѣнно, что при этомъ дѣло не обошлось безъ извѣстной подрисовки и пріукрашенія, что типъ носителя идеаловъ римской доблести, пламеннаго патріотизма и вѣрности гражданскому долгу создался не безъ нѣкотораго литературнаго вліянія (вспомнимъ хотя бы „Discours" Бальзака), придавшаго ему нѣсколько условный, разъ навсегда установленный характеръ, не вполнѣ соотвѣтствующій тому, что̀ было въ дѣйствительности... Но все же никто до Корнеля не извлекъ изъ римской исторіи такихъ величественныхъ образовъ, не сумѣлъ съ такимъ искусствомъ превращать какой-нибудь сжатый, сухо изложенный отрывокъ изъ сочиненія того или другого историка въ захватывающія и потрясающія сцены! Самые разнообразные періоды — время царей, республиканская эпоха, междоусобныя войны, возникновеніе и упроченіе монархіи, борьба между христіанствомъ и язычествомъ, постепенное развитіе византійской имперіи—дали ему матеріалъ для его трагедій. Наряду съ этимъ, Греція фигурируетъ у него всего въ трехъ пьесахъ!.. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи Корнель и Расинъ рѣзко расходятся между собою: у автора „Враждующихъ братьевъ", „Александра Великаго", „Андромахи", „Ифигеніи", „Федры" были на этотъ счетъ совершенно другіе взгляды. — Греція гораздо больше говорила его душѣ! Съ другой стороны, отъ Корнеля мы могли бы a priori ожидать сочувственнаго отношенія именно къ Риму, съ его отличительными особенностями. Нужно замѣтить, что многимъ современникамъ драматурга его римляне казались настоящими, вполнѣ реально и точно обрисованными римлянами; если Лабрюйеръ высказывался въ томъ смыслѣ, что представители римскаго общества вышли у Корнеля даже болѣе живыми, чѣмъ въ самой исторіи, то Сегрэ рѣшительно заявлялъ, что у Корнеля *римлянинъ всегда говоритъ какъ римлянинъ*, грекъ— какъ подобаетъ греку, и т. п., въ противоположность Расину, которому не удалось, при всемъ желаніи, возсоздать подлинную турецкую дѣйствительность въ „Баязетѣ". Мы не присоединимся

теперь къ такимъ похваламъ, не скажемъ и вмѣстѣ съ Фонтенелемъ, что выше „Цинны“ и „Поліевкта“ ничего не можетъ быть („Cinna et Polyeucte, au-dessus desquels il n'y a rien“...), — но мы все же воздадимъ должное тому сильному и своеобразному дарованію, которое и теперь бросается въ глаза каждому безпристрастному читателю, когда онъ знакомится съ лучшими произведеніями Корнеля, и, несомнѣнно, оцѣнивалось бы у насъ гораздо болѣе рѣшительно и единодушно, еслибы не застарѣлое предубѣжденіе противъ французской классической трагедіи, будто бы совершенно лишенной истиннаго драматизма и всецѣло подавленной гнетомъ единствъ и правилъ...

VI.

Когда отъ тѣхъ успѣховъ и тріумфовъ, которыми ознаменована была лучшая пора литературной дѣятельности Корнеля, мы переходимъ къ позднѣйшему періоду его жизни, впечатлѣніе получается, по истинѣ, томительное... Привыкнувъ къ похваламъ и единодушному признанію его заслугъ, драматургъ испыталъ мучительныя, безотрадныя ощущенія, когда поставленная на сценѣ „Hôtel de Bourgogne“, въ теченіе сезона 1651—52 года, трагедія его „Pertharite, roi des Lombards“, прошла безъ успѣха и совершенно не понравилась зрителямъ, которымъ, быть можетъ, впервые пришла въ голову мысль, что талантъ Корнеля уже нѣсколько блѣднѣетъ и утрачиваетъ прежнюю свѣжесть... Эта неудача такъ сильно подѣйствовала на автора „Pertharite“, что онъ рѣшилъ отказаться отъ дальнѣйшей работы для театра и надолго уѣхалъ къ себѣ въ Руанъ, гдѣ сталъ вести жизнь обыкновеннаго буржуа, наполняя свои досуги только переложеніемъ „Подражанія Іисусу Христу“ и нѣкоторыхъ другихъ духовныхъ произведеній, повидимому, совершенно позабывъ о театрѣ [1]). Въ данномъ случаѣ можно, до извѣстной степени, провести параллель между судьбою Корнеля и аналогичнымъ эпизодомъ изъ жизни Расина, который также удалился отъ мірской суеты подъ вліяніемъ подстроеннаго его врагами и завистниками провала „Федры“ и сталъ искать утѣшенія въ религіи. Но Расинъ уже не вернулся на свое прежнее поприще и прожилъ двадцать-

---

[1]) Лотгейсенъ держится того мнѣнія, что Корнель и раньше думалъ бросить карьеру драматурга, и что неудача „Пертарита“ только утвердила его въ этомъ намѣреніи.—„Geschichte“, etc.; стр. 292.

два года, не чувствуя болѣе никакого влеченія къ театру, считая теперь свою прежнюю дѣятельность грѣховною и безнравственною; въ душѣ Корнеля, повидимому, никогда не умирало желаніе вернуться въ Парижъ и снова попытать тамъ счастья, несмотря на то, что онъ былъ уже немолодъ... Правда, онъ провелъ лѣтъ шесть въ своемъ родномъ городѣ, — но достаточно было труппѣ Мольера разыграть въ томъ же Руанѣ, во время артистической поѣздки по различнымъ провинціальнымъ городамъ, нѣкоторыя изъ его пьесъ, какъ прежнія влеченія съ удвоенной силою ожили въ его душѣ, онъ встрепенулся, почувствовалъ особенно опредѣленно всю горечь своей участи,—и его потянуло опять въ тотъ городъ, гдѣ когда-то онъ испыталъ столько отрадныхъ, счастливыхъ минутъ. Когда ему было сдѣлано предложеніе — написать новую трагедію, причемъ указана была даже тема (исторія Эдипа), онъ безъ особыхъ колебаній отвѣтилъ согласіемъ, рѣшился даже измѣнить свой образъ жизни, покинуть Руанъ и переѣхать на постоянное жительство въ Парижъ.

Въ 1659 году начался, такимъ образомъ, второй періодъ литературной дѣятельности Корнеля, продолжавшійся вплоть до конца 1674 года. Къ сожалѣнію, далеко не на радость для себя вернулся знаменитый драматургъ въ тотъ самый Парижъ, который когда-то привѣтствовалъ его „Цинну“, „Поліевкта“, „Родогуну“... Тѣ пьесы, которыя появились въ теченіе этого періода,— „Oedipe“ (1659), „La toison d'or“ (1660), „Sertorius“ (1662), „Sophonisbe“ (1663), „Othon“ 1664 и нѣкоторыя другія, въ особенности же—„Agésilas“ (1666) и „Attila“ (1667), не только ничего не прибавили къ его славѣ, но явно свидѣтельствовали объ упадкѣ его дарованія [1]). Извѣстная эпиграмма Буало, когда-то привѣтствовавшаго шумный успѣхъ „Сида“, нисколько не ослабленный нападками Скюдери и академиковъ,—„Après l'*Agésilas*—hélas! après l'*Attila*—holà“,—прекрасно передаетъ недоумѣніе и тревогу наиболѣе расположенныхъ къ престарѣлому драматургу зрителей при видѣ цѣлаго ряда неудачныхъ пьесъ, рисковавшихъ окончательно поколебать его репутацію и заставить забыть объ его лучшихъ созданіяхъ. Независимо отъ того, что послѣднія пьесы Корнеля въ художественномъ отношеніи, дѣйствительно, стояли гораздо ниже,—за время отсутствія драма-

[1]) Отдѣльныя удачныя частности можно, правда, найти и въ этихъ пьесахъ; таковъ, напр., знаменитый отвѣтъ Эвридики въ „Suréna“: „Non, je ne pleure point, madame,—mais je meurs!“ Ср. нашу статью: „Корнель и армяне“ („Кавказскій Вѣстникъ“, 1902 г., VII).

турга произошла рѣзкая перемѣна вкусовъ и симпатій театральной публики, которая стала увлекаться совершенно новымъ жанромъ, менѣе величавымъ, но болѣе простымъ, трогательнымъ, говорящимъ сердцу, вызывающимъ сострадание. Герои Корнеля, которыхъ намъ никогда не придетъ въ голову пожалѣть, стали казаться ужъ слишкомъ далекими отъ жизни, суровыми, воинственными, непохожими на простыхъ, обыкновенныхъ людей. Вспомнимъ, что это была та пора, когда появлялись лучшія пьесы Расина, что одновременно съ такими слабыми пьесами Корнеля, какъ „Агезилай“, „Аттила“ или „Пульхерія“, впервые ставились на сценѣ „Андромаха“ и „Баязетъ“. О какомъ соперничествѣ и состязаніи могла идти рѣчь при такихъ условіяхъ?.. Если нѣкоторые неизмѣнно-вѣрные Корнелю почитатели продолжали считать его лучшимъ французскимъ драматургомъ, значительная часть общества рѣшительно отвернулась отъ него и восторженно привѣтствовала каждое новое произведеніе Расина. Когда авторъ „Сида“ понялъ истинное положеніе вещей, онъ почувствовалъ себя глубоко несчастнымъ... Въ довершеніе всего, по мысли герцогини Генріэтты Орлеанской, и Расину, и Корнелю поручено было написать совершенно самостоятельно пьесу на одинъ и тотъ же сюжетъ (исторія императора Тита и царицы іудейской Береники); это состязаніе двухъ драматурговъ, кончившееся полнымъ торжествомъ автора „Андромахи“ (пьеса „Tite et Bérénice“ рѣшительно не удалась Корнелю), прибавило только новыя страданія къ тому, что̀ раньше выносилъ старый, заслуженный писатель... Наконецъ, послѣ трагедіи „Suréna“, завершившей собою рядъ неудачныхъ пьесъ утратившаго вдохновеніе и лишившагося симпатій публики драматурга, послѣдній счелъ нужнымъ окончательно проститься съ театромъ.

Послѣдніе годы его жизни были очень печальны. Забытый очень многими, удрученный старостью, а также нѣкоторыми семейными несчастьями и утратами, которыя ему пришлось перенести, Корнель зачастую терпѣлъ, сверхъ того, если не прямо нужду, то, во всякомъ случаѣ, серьезныя матеріальныя затрудненія; ему назначена была королемъ пенсія, но выплачивалась она далеко не всегда аккуратно, и автору „Сида“ иногда приходилось *напоминать* о ней [1])... Такъ тянулось это безрадостное существованіе вплоть до осени 1684 года, когда Корнеля не стало (въ ночь на 30-ое сентября). Есть что-то необыкновенно

[1]) О матеріальномъ положеніи Корнеля въ концѣ жизни — см. у Лансона, гл. I („La vie et l'homme“), стр. 21—25.

печальное въ этомъ медленномъ угасаніи прежняго любимца публики, который однажды обратился даже съ трогательнымъ посланіемъ къ Людовику XIV, умоляя его вспомнить объ его прежнихъ заслугахъ, выражая ему благодарность за то, что онъ „воскресилъ“ нѣкоторыя прежнія его пьесы, съ грустью говоря объ упадкѣ своего дарованія, о своей старости. Недаромъ его сравнивали въ этомъ случаѣ съ Велизаріемъ, принужденнымъ просить милостыни послѣ прежней славы и могущества...

VII.

Относительно характера Корнеля, его образа жизни, наружности, манеры говорить и держать себя, и того впечатлѣнія, какое онъ производилъ на окружающихъ, сохранились любопытныя показанія современниковъ. Почти всѣ эти показанія обрисовываютъ его нравственный обликъ въ симпатичномъ свѣтѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣленно говорятъ о томъ, что въ обыденной жизни его очень трудно было принять за человѣка съ крупнымъ дарованіемъ, богатымъ воображеніемъ, художественною натурою. Между его устною рѣчью и слогомъ его лучшихъ пьесъ не было ничего общаго; въ его сужденіяхъ, привычкахъ, внѣшнихъ пріемахъ иногда чувствовалось что-то характерно-буржуазное и тяжеловѣсное; мнѣнія по литературнымъ вопросамъ, какія онъ высказывалъ въ разговорѣ съ друзьями и знакомыми, не заключали въ себѣ ничего особенно оригинальнаго или глубокаго... Это нисколько не умаляетъ, конечно, значенія его литературной дѣятельности и таланта, и только является лишнимъ примѣромъ того, какъ у такихъ объективныхъ писателей, какъ Корнель, иногда можетъ совершенно не быть настоящей гармоніи между литераторомъ и человѣкомъ, личностью и поэзіей, будничною жизнью и заповѣднымъ міромъ творчества. Впрочемъ, въ частности—фантазія, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, свободная, пылкая, ничѣмъ не стѣсняемая, вообще никогда не являлась faculté maîtresse Корнеля, творчество котораго всегда носило, въ значительной степени, разсудочный характеръ и, оставаясь возвышеннымъ и величавымъ, все же не порывало связи съ реальною жизнью, не переходило безповоротно въ область чистаго вымысла...

Одинъ изъ современниковъ Корнеля разсказываетъ, что съ перваго взгляда никакъ нельзя было повѣрить, чтобы онъ могъ влагать такія замѣчательныя рѣчи въ уста своимъ героямъ и

такъ искусно оттѣнять ихъ чувства и мысли. „Когда я впервые увидѣлъ его, я его принялъ за руанскаго купца. Его внѣшность ничего не говорила душѣ, а разговоръ его былъ настолько тяжеловѣсенъ, что начиналъ тяготить его собесѣдника, какъ только немного затягивался. Одна высокопоставленная дама, пожелавшая его увидѣть и побесѣдовать съ нимъ, говорила потомъ, что его рѣчи нужно слушать только съ подмостковъ „Hôtel de Bourgogne"... Мы узнаемъ, что Корнель очень мало заботился о своей внѣшности, манерахъ, костюмѣ; когда его ближайшіе друзья обращали на это его вниманіе, желая, чтобы онъ и въ этомъ отношеніи всегда находился на должной высотѣ, и боролся съ своею небрежностью или апатіей, онъ съ улыбкою отвѣчалъ имъ: „Это все-таки не мѣшаетъ мнѣ оставаться Пьеромъ Корнелемъ". Еще любопытнѣе другое показаніе того же современника: „Корнель *никогда не говорилъ вполнѣ правильно по-французски;* быть можетъ, онъ и не заботился въ данномъ случаѣ объ особенной точности"... Вспомнимъ кстати, что Лабрюйеръ также называлъ Корнеля скучнымъ собесѣдникомъ, ищущимъ словъ и употребляющимъ иногда одно вмѣсто другого, не умѣющимъ декламировать свои произведенія, даже разбирать свой почеркъ... Впрочемъ, онъ прибавлялъ (въ той же главѣ его „Caractères"): „Дайте ему только возвыситься при помощи творчества,—и тогда онъ не будетъ стоять ниже Августа, Помпея, Никомеда, Ираклія! Онъ самъ сдѣлается тогда царемъ,—даже великимъ царемъ,—политикомъ, философомъ, онъ заставитъ своихъ героевъ говорить и дѣйствовать, будетъ выводить римлянъ, которые покажутся болѣе великими и даже болѣе *римлянáми* — въ его стихахъ, чѣмъ въ исторіи!"...

Въ краткой біографіи Корнеля, помѣщаемой иногда въ началѣ собранія его сочиненій и вышедшей изъ-подъ пера автора „Discours sur la pluralité des mondes", Фонтенелля, наряду съ весьма сочувственною оцѣнкою литературной дѣятельности и характера знаменитаго драматурга, приходившагося ему дядей, приводятся, однако, ближе къ концу, нѣкоторыя данныя, совпадающія съ тѣмъ, чтò мы знаемъ изъ показаній нѣкоторыхъ современниковъ. Фонтенелль также говоритъ, что у Корнеля была очень простая, обыкновенная, хотя и пріятная внѣшность, что онъ мало думалъ о своемъ туалетѣ, какъ бы пренебрегая заботою о немъ, что произношеніе у него было невполнѣ чистое, и чтеніе имъ своихъ стиховъ отличалось иногда силою, но отнюдь не красотою. Довольно интересно также то, чтò біографъ сообщаетъ намъ о вкусахъ и интересахъ Корнеля. „Онъ зналъ

изящную литературу, исторію, политику, но онъ ихъ разсматривалъ только съ той стороны, которая имѣла отношеніе къ театру... Для всѣхъ другихъ знаній у него не было ни досуга, ни любознательности, ни даже особаго уваженія. Онъ мало говорилъ, даже по такимъ вопросамъ, съ которыми былъ прекрасно знакомъ, и никогда не придавалъ красивой формы своимъ рѣчамъ. Чтобы найти *великаго Корнеля*, нужно прочесть его сочиненія".

Въ очеркѣ Фонтенелля очень опредѣленно указывается, однако, и на положительныя стороны знаменитаго драматурга, въ признаніи которыхъ сходятся почти всѣ лица, касавшіяся его жизни и характера. Онъ названъ здѣсь, между прочимъ, прекраснымъ мужемъ и родственникомъ, нѣжнымъ другомъ, человѣкомъ съ независимою душою, склоннымъ скорѣе къ меланхоліи, чѣмъ къ жизнерадостности, неспособнымъ на уловки и хитрость, свободнымъ отъ мелкаго тщеславія. Мы знаемъ, что онъ всегда отличался вполнѣ искреннею и глубокою религіозностью, хотя и пропущенною черезъ призму міросозерцанія іезуитовъ; въ этомъ отношеніи онъ всегда оставался вѣрнымъ себѣ, и ему не пришлось проходить черезъ послѣдовательные періоды религіознаго рвенія и индифферентизма, какъ это случилось съ Расиномъ, питомцемъ порть-рояльской общины, временно отдалившимся отъ янсенистовъ и увлекшимся мечтаніями о славѣ, чтобы затѣмъ снова явиться къ нимъ съ повинною головою и жаждою утѣшенія и духовнаго руководства, потерпѣвъ рядъ неудачъ въ области театра... Родственныя чувства, весьма характерныя для Пьера Корнеля и сильно развитыя у него, проявились, между прочимъ, въ его нѣжномъ, участливомъ отношеніи къ брату его Thomas, который былъ моложе его на двадцать лѣтъ и съ которымъ они жили душа въ душу, почти никогда не разлучаясь, не допуская даже мысли о ссорѣ или разрывѣ [1]). Утвержденіе Лабрюйера, будто Корнель судилъ о достоинствѣ той или другой своей пьесы по той денежной суммѣ, которую она ему принесла, можетъ быть принято только съ большими оговорками. Мы, во всякомъ случаѣ, не имѣемъ нравственнаго права обвинять въ корыстолюбіи и утилитарномъ взглядѣ на литературу человѣка, который, по справедливому замѣчанію другого его современника, ученаго іезуита Турнемина, „получалъ съ своихъ пьесъ только то, что̀ согласны были давать актеры, никогда не считаясь съ ними,

---

[1]) Изъ-подъ пера Корнеля младшаго, — посредственнаго, лишеннаго настоящей самобытности писателя, вышли, между прочимъ, трагедіи: „Timocrate", „Laodice", „Stilicon", „Le comte d'Essex" и др.; его литературная дѣятельность началась въ 1656 году.

въ теченіе цѣлаго года не собрался поблагодарить Кольбера за возстановленіе его пенсіи, и, живя почти безъ всякихъ расходовъ, умеръ, не оставивъ средствъ"...

Отношеніе Корнеля къ своему собственному творчеству, къ мнѣнію публики, къ дарованію другихъ писателей—не всегда можетъ удовлетворить насъ. Достаточно вспомнить холодный пріемъ, оказанный имъ Расину, неодобрительные отзывы о пьесахъ послѣдняго, вызванные ревностью или завистью, болѣзненную чувствительность по отношенію къ оцѣнкамъ окружающаго общества [1]). Все это до извѣстной степени объясняется, хотя и не оправдывается, особенностями его натуры, отсутствіемъ настоящей вѣры въ себя, склонностью къ мучительному самоанализу, колебаніямъ и сомнѣніямъ, наконецъ—чувствомъ уязвленнаго самолюбія, подъ вліяніемъ неудачъ, неожиданно обрушившихся на него послѣ столькихъ тріумфовъ. Одно время онъ былъ очень избалованъ похвалами и восторженными отзывами; несомнѣнно, онъ очень любилъ славу и далеко не былъ равнодушенъ къ ней,—но ему не было свойственно мелкое тщеславіе, смѣшное самомнѣніе дюжинныхъ, заурядныхъ людей, всегда довольныхъ собою! Насколько ему удавалось, при желаніи, относиться критически къ своимъ собственнымъ произведеніямъ, показываютъ иные *разборы* (examens), приложенные имъ къ отдѣльнымъ пьесамъ; мы видимъ здѣсь, мѣстами, искреннее желаніе разобраться въ достоинствахъ и недостаткахъ той или другой трагедіи или комедіи, опредѣлить причину извѣстныхъ нападокъ или неодобрительныхъ замѣчаній по ея адресу, исходившихъ отъ зрителей или критиковъ. Извѣстно также, что онъ необыкновенно тщательно относился къ слогу своихъ произведеній, неоднократно передѣлывая и улучшая отдѣльныя мѣста, прежде чѣмъ представить ихъ на судъ публики; трудно повѣрить тому, какъ блѣдны и, сравнительно, мало совершенны по формѣ были вначалѣ иные отрывки, вполнѣ основательно причисляемые теперь къ наиболѣе яркимъ и законченнымъ образцамъ творчества Корнеля. Эта неудовлетворенность своими произведеніями, это постоянное желаніе автора „Сида" улучшить то, что̀ было имъ написано, заставляетъ насъ относиться съ извѣстною осторожностью къ обвиненію драматурга въ славолюбіи или самомнѣніи. Въ общемъ, при всѣхъ тѣхъ недостаткахъ и слабостяхъ, которые были нами

---

[1]) О взаимныхъ отношеніяхъ Корнеля и Расина—см., между прочимъ, въ нашей статьѣ „Жанъ Расинъ" (въ книгѣ „Литературные Очерки", — М., 1900; раньше — въ „Вѣстникѣ Европы" за 1899 годъ).

отмѣчены у Корнеля, со словъ иныхъ его современниковъ,—его нравственный обликъ вырисовывается все же скорѣе въ симпатичномъ свѣтѣ, — и мы можемъ смѣло утверждать, что онъ не могъ бы совершить нѣкоторыхъ поступковъ, съ которыми мы, къ сожалѣнію, встрѣчаемся въ біографіи болѣе живого и даровитаго *по натурѣ* Расина,—въ пору постепеннаго расцвѣта его литературнаго таланта: вспомнимъ хотя бы ѣдкія насмѣшки автора „Андромахи“ по адресу членовъ воспитавшей его и съ любовью относившейся къ нему портъ-рояльской общины, или исторію его разрыва съ Мольеромъ, связанную съ постановкою его трагедіи „Alexandre le Grand“.

Для полноты нашей характеристики нелишнимъ будетъ привести въ заключеніе сжатую оцѣнку его отличительныхъ свойствъ, принадлежащую его новѣйшему біографу и представляющую собою какъ бы искусное резюме того, что̀ выясняется изъ показаній современниковъ. „Честный и трудолюбивый буржуа, набожный, прекрасный семьянинъ, человѣкъ строгихъ и степенныхъ нравовъ, болѣе склонный къ семейнымъ привязанностямъ, чѣмъ къ свободнымъ страстямъ, одаренный миролюбивымъ сердцемъ и солиднымъ умомъ, въ значительной степени любившій деньги, очень скромный въ общественной жизни, всегда помнившій свое мѣсто, быть можетъ, даже слишкомъ сгибавшійся передъ всякаго рода величіемъ имени, могущества и богатства, не соблюдавшій мѣры въ комплиментахъ и лести—больше изъ неловкости, чѣмъ изъ низкопоклонства, въ глубинѣ души—*гордый*, но лишенный той свѣтской непринужденности, которая помогаетъ человѣку сохранять свое достоинство даже при самыхъ щекотливыхъ шагахъ; настолько же горделивый, какъ поэтъ, насколько онъ отличался смиреніемъ, какъ буржуа,—чувствовавшій себя главою литературнаго міра и гордившійся этимъ, подозрительный, легко отдававшійся сомнѣніямъ и выносившій нравственныя страданія: вотъ какимъ намъ представляется Корнель, когда мы изучаемъ его жизнь!.. Въ немъ, какъ человѣкѣ, не было ничего такого, что̀ указывало бы на его геній; ничто въ его жизни не предвѣщало его творчества“ [1])...

Но что̀ бы намъ ни говорили о Корнелѣ, какъ частномъ лицѣ, мирномъ руанскомъ буржуа, съ виду ничѣмъ не отличающемся отъ заурядныхъ, дюжинныхъ людей,—все это нисколько не можетъ вредить его славѣ, какъ одного изъ величайшихъ драматурговъ. Создатель новой французской драмы, порвавшій съ наив-

---

[1]) Lanson, o. c., стр. 28—29.

ностью и несообразностями стараго репертуара и заставившій самые обширные круги интересоваться театромъ и дѣятельностью тѣхъ, кто для него работалъ; мастеръ слога, способный и теперь увлекать и потрясать зрителей красотою и силою своихъ блестящихъ монологовъ,—Корнель, по выраженію Пушкина, вмѣстѣ съ Кальдерономъ, Шекспиромъ и Расиномъ, „стоитъ на высотѣ недосягаемой", и его славу не могутъ, конечно, поколебать никакія указанія на то, что онъ былъ великъ только въ своемъ творчествѣ, а не въ жизни...

Юрій Веселовскій.

Москва.

КИППСЪ

ИСТОРІЯ ПРОСТОЙ ДУШИ.

H. G. Wells. Kipps. The Story of a Simple Soul. London. 1906 (Macmillan et C°).

КНИГА ВТОРАЯ.

I *).

Въ слѣдующій четвергъ Киппсъ сидѣлъ въ читальнѣ въ состояніи, близкомъ къ полному отчаянію. Тутъ онъ обыкновенно проводилъ время до урока рѣзьбы по дереву. Но сегодня часъ, приносившій ему прежде столько блаженства, пробилъ, а урока не было и не будетъ до октября. Да и то еще неизвѣстно, сможетъ ли тогда Киппсъ посѣщать *ея* классъ. Шальфордъ сталъ за послѣдніе дни сильно придираться къ Киппсу за его разсѣянность, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ онъ пристегнулъ билетики въ своей витринѣ верхомъ внизъ. Постоянные штрафы Шальфордовской „системы" были невыносимы... Киппсъ вздохнулъ, отложилъ юмористическій журналъ, въ которомъ тщетно искалъ развлеченія, и сталъ ходить по комнатѣ; онъ разсматривалъ висѣвшія на стѣнахъ гравюры съ изображеніемъ стараго Фолькстона, но это не успокоило его истерзанныхъ чувствъ. Потомъ онъ сталъ перелистывать каталогъ библіотеки—очень интересное занятіе, но не надолго. Киппсъ вышелъ на улицу, но сразу почувствовалъ раздраженіе, заслышавъ звуки шарманки. Онъ пошелъ къ морскому берегу, чтобы погулять тамъ въ одиночествѣ, и сталъ размышлять по дорогѣ о томъ, какъ бы хо-

---

*) См. выше: май, стр. 259.

рошо броситься съ мола въ волны, чтобы положить конецъ всѣмъ страданіямъ. Онъ шелъ медленнымъ, похороннымъ шагомъ, точно слѣдуя за своимъ собственнымъ гробомъ,—какъ вдругъ на перекресткѣ двухъ улицъ ему повстрѣчалась Фортуна. Слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить, что ее трудно было бы узнать въ томъ видѣ, который она приняла при встрѣчѣ съ Киппсомъ: онъ только услышалъ громкій окрикъ зычнаго голоса, потомъ почувствовалъ толчокъ въ спину; шапка сползла ему на глаза, что-то ударило въ ногу—и онъ очутился на землѣ, въ грязи, которую Фортуна, при содѣйствіи Фолькстонскаго городского управленія и для выполненія какихъ-то таинственныхъ цѣлей, уготовила въ избыткѣ для него. Онъ пролежалъ нѣсколько секундъ, соображая, не разбито ли теперь у него внутри еще что-нибудь, кромѣ сердца, и потомъ приподнялся при чьей-то помощи. Тогда онъ увидѣлъ передъ собой человѣка, который держалъ одной рукой велосипедъ и тревожно глядѣлъ ему въ лицо.

— Вы не очень расшиблись?—спросилъ взволнованный голосъ. Видя, что Киппсъ можетъ подняться, незнакомецъ сталъ объяснять, какъ произошло столкновеніе. — Вся бѣда въ томъ, что руль у меня слишкомъ низкій,—началъ онъ страдальческимъ тономъ, точно самъ тоже пострадалъ не меньше Киппса. — Я сталъ съѣзжать, а эти Фолькстонскіе спуски—точно заколдованные, —такъ и летишь съ нихъ сломя голову. Я тормозилъ, какъ только могъ, но ничего не помогло. Правду сказать, я очень плохо управляю тормазомъ.

Онъ уже повернулся и, повидимому, хотѣлъ опять сѣсть на свою машину, но его остановилъ видъ Киппса, который наклонился и разсматривалъ поврежденія въ своемъ костюмѣ.

— Цѣлый кусокъ панталонъ вырванъ,—сказалъ Киппсъ,— и, кажется, нога въ крови. Вамъ бы, дѣйствительно, слѣдовало осторожнѣе съѣзжать съ горы.

Незнакомецъ тоже нагнулся.

— Да вѣдь вы, правда, въ крови, — сказалъ онъ.—Знаете что̀,—пойдемъ ко мнѣ, тамъ мы починимъ ваше платье. Я, конечно, виноватъ, но... Послушайте, — быстро проговорилъ онъ, понизивъ голосъ: —вотъ полицейскій; не говорите ему, что я наѣхалъ на васъ, а то мнѣ бѣда будетъ.

Незнакомецъ не напрасно понадѣялся на великодушіе Киппса; тотъ сейчасъ же сталъ на сторону виновника своего несчастья, противъ представителя закона, и при приближеніи полицейскаго сдѣлалъ видъ, что ничего не случилось. Когда полицейскій прошелъ мимо, велосипедистъ сталъ экспансивно выражать свою при-

знательность. Онъ повелъ Киппса къ себѣ, и въ то время какъ Киппсъ, слегка прихрамывая, слѣдовалъ за нимъ, онъ опять сталъ объяснять, почему собственно все произошло, какъ, налетая на Киппса, онъ все-таки дѣлалъ усилія, чтобы не очень расшибить его; онъ выражалъ надежду, что Киппсъ не очень ужъ пострадалъ.

— А все-таки, — сказалъ онъ, — вы благородно поступили, промолчавъ передъ полицейскимъ. Это я называю—поступать совсѣмъ, совсѣмъ благородно. Вѣдь съ меня могли бы содрать шиллинговъ сорокъ штрафа—что жъ бы я тогда сдѣлалъ? Пришлось бы развѣ только сказать имъ, что время — деньги. И я бы даже не могъ быть на васъ въ претензіи—многіе бы на вашемъ мѣстѣ разсердились. Но вѣдь вы поступили какъ истинный джентльменъ. Увѣряю васъ, немногіе бы такъ повели себя, какъ вы.

Киппсъ почти ужъ не чувствовалъ боли,—до того ему льстили похвалы незнакомца. Онъ шелъ, прихрамывая, рядомъ съ нимъ, и только мычалъ что-то, выражая этимъ протесты противъ преувеличенныхъ похвалъ. Проходя мимо фонарей, онъ оглядывалъ своего спутника, стараясь составить себѣ о немъ представленіе. Это былъ человѣкъ довольно плотнаго сложенія; онъ быстро шагалъ въ короткихъ велосипедныхъ панталонахъ, открывавшихъ необыкновенно толстыя икры. Велосипедная фуражка сдвинулась на сторону, и изъ-подъ нея выглядывали пряди рыжихъ волосъ. Носъ у него былъ весьма солидныхъ размѣровъ; толстыя щеки и крупный подбородокъ были гладко выбриты, также какъ и верхняя губа. У него были очень непринужденные жесты, и онъ такъ увѣренно ходилъ по улицамъ, точно все по дорогѣ было его собственностью. Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ они вошли въ темную улицу и остановились передъ очень невзрачнымъ, ветхимъ домикомъ, втиснутымъ между двумя болѣе высокими домами; тѣ его какъ бы поддерживали,—точно два полицейскихъ, которые ведутъ подъ руки пьянаго. Велосипедистъ прислонилъ машину къ окну, вынулъ ключъ, продулъ его предварительно и сталъ съ невообразимыми усиліями открывать дверь. Послѣ очень сложныхъ манипуляцій, сопровождавшихся трескомъ лопающихся пружинъ, дверь открылась. Незнакомецъ попросилъ Киппса обождать, оставилъ его и нырнулъ въ глубокій мракъ, говоря, что идетъ за лампой. Сначала онъ зажегъ спичку, и при вспыхнувшемъ розоватомъ свѣтѣ Киппсъ могъ различить только корридоръ и дверь въ слѣдующую комнату, куда направился незнакомецъ. Все это настолько заинтересовало Киппса, что онъ совсѣмъ забылъ о боли въ ногѣ и разорванномъ платьѣ.

Прошло нѣсколько минутъ—и Киппса вдругъ ослѣпилъ свѣтъ керосиновой лампы подъ розовымъ абажуромъ. Рыжій человѣкъ повелъ Киппса въ слѣдующую комнату и самъ вышелъ, оставивъ его одного. Киппсъ вскользь увидѣлъ очень жалкую обстановку: столъ, покрытый рваной красной скатертью съ пятнами отъ стакановъ, тусклое зеркало надъ каминомъ, сломанный газовый рожокъ, догорающій огонь въ каминѣ, нѣсколько запыленныхъ открытыхъ писемъ и счетовъ, всунутыхъ за зеркало, запыленныя фотографическія карточки на каминѣ, столъ, покрытый бумагами и пепломъ отъ папиросъ, и сифонъ содовой воды. Велосипедистъ вернулся, и Киппсъ въ первый разъ ясно разглядѣлъ его оживленное бритое лицо и блестящіе каріе глаза. Онъ былъ, вѣроятно, лѣтъ на десять старше Киппса, но бритое лицо придавало ему моложавость.

— Вы очень благородно поступили, не выдавъ меня полиціи,—опять повторилъ онъ.

— Да какъ же бы я могъ иначе поступить?—скромно возразилъ Киппсъ.

Велосипедистъ тоже внимательно посмотрѣлъ на гостя и сталъ усиленно проявлять гостепріимство, предложилъ погрѣться у огня, прежде чѣмъ чистить платье отъ грязи, и, главное, усиленно совѣтовалъ Киппсу выпить, спрашивая, что̀ онъ предпочитаетъ, коньякъ или виски, и называя разныя марки того и другого. Киппсъ не зналъ собственно, что̀ выбрать, но, чтобы не выдать своей неопытности, сказалъ, что предпочитаетъ виски.

— Чудесно, дружище!—сказалъ хозяинъ.—И послушайтесь меня, пейте не разбавляя. Виски Маѳусаила четыре звѣздочки—вотъ моя марка! Старина Гарри Читерло и добрая бутылка виски Маѳусаилъ—вотъ друзья, которымъ не скучно вмѣстѣ. Ну-съ, я пошелъ...

Онъ громко разсмѣялся, оглянулся съ нѣкоторымъ колебаніемъ и вышелъ, оставивъ Киппса одного на время.

II.

Киппсъ сталъ разглядывать комнату болѣе внимательно, и прежде всего обратилъ вниманіе на фотографіи. Больше всего было карточекъ дамъ въ трико, но на одной Киппсъ увидѣлъ самого велосипедиста въ какомъ-то историческомъ костюмѣ. Киппсъ сообразилъ, что его хозяинъ—актеръ, и что дамы тоже, вѣроятно, все актрисы. Тутъ же лежавшая разорванная афиша подтвер-

ждала это предположеніе. На видномъ мѣстѣ лежала записка, написанная очень крупнымъ почеркомъ: „Дорогой м-ръ Читерло,—прочелъ Киппсъ,—пришлите мнѣ драму, о которой вы говорили,—непремѣнно прочту ее". На стѣнѣ, у окна, висѣлъ рисунокъ, изображавшій велосипедиста въ профиль, и подъ нимъ было очень четко подписано: „Читерло". Киппсу рисунокъ показался замѣчательно вѣрнымъ. Бумаги на столѣ были исписаны порывистымъ и неряшливымъ почеркомъ; буквы ложились косо на страницы.

Киппсъ успѣлъ все это осмотрѣть, и уже нѣсколько времени спустя открылась—опять съ трескомъ и шипѣніемъ перекрученныхъ пружинъ—входная дверь, и въ комнату вошелъ Читерло, слегка запыхавшійся и держа въ рукахъ бутылку съ звѣздочками на этикеткѣ.

— Все-таки пришлось сходить купить—въ домѣ не оказалось больше ни одной бутылки. Садитесь поудобнѣе—только не сюда,—тутъ рукописи моей драмы. Вотъ на то кресло—съ разломанной спинкой.

Читерло усадилъ гостя, быстро раскупорилъ бутылку, выполоскалъ содовой водой два стоявшіе на столѣ стакана, продѣлавъ все это привычными движеніями, и налилъ драгоцѣнной влаги въ оба стакана. Киппсъ, стараясь главнымъ образомъ не выдавать свою неопытность, сразу отпилъ такъ много, что ему обожгло всѣ внутренности и онъ лишился на нѣсколько секундъ способности соображать что-либо. Очнувшись, онъ поглядѣлъ на м-ра Читерло и увидѣлъ, что тотъ спокойно сидитъ у потухшаго камина, куритъ трубку и наливаетъ себѣ вторую порцію виски.

— Въ концѣ концовъ,—сказалъ м-ръ Читерло съ пріятной улыбкой,—все обошлось благополучно, и даже привело къ пріятному знакомству. Вотъ мы тутъ сидимъ и болтаемъ какъ старые друзья, а полчаса тому назадъ не знали о существованіи другъ друга; встрѣтивъ васъ на улицѣ, я бы прошелъ мимо, не зная, какъ благородно вы способны поступить при случаѣ. Да, удивительно!.. Хотите папиросу?

Киппсъ отвѣтилъ что-то неопредѣленное и, въ замѣшательствѣ, выпилъ вторично виски, послѣ чего ему показалось, что его врагъ, старикъ Маѳусаилъ, всадилъ ему горящій факелъ въ горло и, вталкивая его все глубже, зажегъ ему всѣ внутренности. Онъ только различалъ въ какомъ-то туманѣ Читерло, который крутилъ для него папиросу и, къ величайшей радости Киппса, предложилъ ему подлить содовой воды въ виски.

-годарилъ его и сказалъ, что онъ судитъ тоньше, чѣмъ всѣ извѣстные лондонскіе критики. Киппсъ продолжалъ, однако, глядѣть очень сердито на Читерло, пока не случилось нѣчто весьма странное. Читерло нѣсколько разъ назвалъ въ своемъ изложеніи кого-то Киппсомъ, и Киппсъ почувствовалъ что-то неладное въ этомъ.

— О какомъ Киппсѣ вы говорите?—спросилъ онъ наконецъ.

— Да все о томъ же. Я вѣдь уже говорилъ вамъ про него.

Киппсъ долго старался припомнить и сообразить, но не могъ, и повторилъ очень рѣшительно свой вопросъ:

— Какой такой Киппсъ?

— Да этотъ молодой человѣкъ въ моей драмѣ, — тотъ, что цѣлуетъ любимую имъ дѣвушку.

— Я никогда не цѣловалъ,—началъ Киппсъ,—по крайней мѣрѣ, насколько...—Но онъ не могъ въ точности припомнить, поцѣловалъ ли онъ Анни, или нѣтъ; онъ только зналъ, что хотѣлъ ее поцѣловать. Потомъ онъ повернулся къ Читерло и сказалъ:

— Вѣдь я Киппсъ.

— Что?—спросилъ Читерло.

— Киппсъ, это я,—повторилъ онъ, тыча пальцемъ себѣ въ грудь для большей ясности. Затѣмъ онъ продолжалъ очень серьезнымъ тономъ:—Послушайте, Чит'ло,—сказалъ онъ,—называть мое имя въ вашей пьесѣ совершенно не слѣдуетъ. Это не хорошо съ вашей стороны. Я могу потерять мѣсто.

У нихъ вышелъ, насколько потомъ вспоминалъ Киппсъ, маленькій споръ. Читерло объяснялъ ему, какъ онъ напалъ на это имя, говорилъ, что прочелъ его въ газетѣ, которая, навѣрное, тутъ гдѣ-нибудь еще лежитъ на столѣ. Онъ сталъ ее искать, а Киппсъ тѣмъ временемъ произнесъ цѣлую рѣчь, направленную главнымъ образомъ къ стоявшему на каминѣ портрету дѣвушки въ трико. Онъ сказалъ, что сначала она ему не понравилась изъ-за своего костюма, но что теперь онъ видитъ, какое у нея умное и пріятное лицо, и что она навѣрное тоже сказала бы,—какъ всѣ разсудительные люди,—что нельзя пользоваться именами знакомыхъ для сцены. Ему и такъ достанется за прокученную ночь, а тутъ еще имя его попадется въ драмѣ. И такъ вѣдь будетъ скандалъ—навѣрное будетъ... Почему онъ не ушелъ ровно въ десять часовъ? Онъ пытался сказать ей, что теперь совсѣмъ ужъ недостоинъ любви м-ссъ Уольшингэмъ, но въ эту минуту Читерло отказался наконецъ отъ тщетныхъ поисковъ и вдругъ сталъ ругать его за то, что онъ пьянъ—и мелетъ ерунду.

своимъ талантомъ и юморомъ, равнаго Шекспиру, Ибсену и Метерлинку (эти три имени, однако, онъ скромно ставилъ выше себя), одѣтаго не въ потертый велосипедный костюмъ, а въ изящное платье, подобающее свѣтскому льву. Комната, въ которой они сидѣли, уже не была жалкой конурой, а сдѣлалась гостиной съ дорогой мебелью, съ старинными картинами на мѣстѣ карточекъ и афишъ на стѣнѣ; и лампа освѣщала все это великолѣпіе мягкимъ дивнымъ свѣтомъ. Даже дырки и пятна на скатерти казались только интереснымъ контрастомъ, чѣмъ-то вполнѣ естественнымъ въ обстановкѣ геніальнаго артиста. Киппсъ тоже сталъ совсѣмъ инымъ: онъ преобразился въ многообѣщающаго юношу съ благородными порывами, въ героя, выказавшаго необычайное величіе души — и допущеннаго за это въ святую святыхъ великаго артиста, чьей дружбы и симпатіи тщетно добивались самыя прекрасныя свѣтскія дамы... Вдругъ вся эта идиллія прервалась громкимъ боемъ часовъ: Бумъ... бумъ...

— Боже!—спохватился Киппсъ:—вѣдь не одиннадцать бьетъ, надѣюсь?

— Конечно, одиннадцать. Было около десяти, когда я пошелъ за виски. Но вѣдь еще рано.

— Я долженъ бѣжать домой. Вѣдь у насъ двери запираютъ въ половинѣ одиннадцатаго... И какъ это я раньше не вспомнилъ!

— Ну, если нужно, такъ идите. Я васъ провожу... Ахъ, да,— какъ это мы забыли?—нужно вѣдь зашить вамъ панталоны. Нельзя такъ выйти на улицу. Ну, я зашью, а вы пока выпейте еще виски.

— Лучше бы сейчасъ идти,—слабо запротестовалъ Киппсъ, но Читерло показалъ ему, какъ стать на колѣно на стулѣ, чтобы можно было зашить ему прорѣху, а еще одинъ стаканчикъ „старика Маѳусаила" снова оживилъ упавшее возбужденіе Киппса. Читерло сталъ-было чинить панталоны Киппса, но вдругъ расхохотался, бросилъ шитье и сказалъ, что этимъ положеніемъ отлично можно воспользоваться для фарса. Онъ сейчасъ же сталъ представлять эту сцену, потомъ сталъ говорить о другомъ своемъ фарсѣ, для котораго онъ уже написалъ вступительную сцену; въ ней онъ представилъ человѣка, у котораго попалъ за воротникъ живой жукъ, причемъ онъ старается быть какъ ни въ чемъ не бывало въ комнатѣ, гдѣ собралось многочисленное общество. Такого положенія еще никто не бралъ, хотя оно вполнѣ возможно на сценѣ.

— Я вамъ прочту,—сказалъ Читерло; — это отниметъ ми-

-годарилъ его и сказалъ, что онъ судитъ тоньше, чѣмъ всѣ извѣстные лондонскіе критики. Киппсъ продолжалъ, однако, глядѣть очень сердито на Читерло, пока не случилось нѣчто весьма странное. Читерло нѣсколько разъ назвалъ въ своемъ изложеніи кого-то Киппсомъ, и Киппсъ почувствовалъ что-то неладное въ этомъ.

— О какомъ Киппсѣ вы говорите?—спросилъ онъ наконецъ.

— Да все о томъ же. Я вѣдь уже говорилъ вамъ про него.

Киппсъ долго старался припомнить и сообразить, но не могъ, и повторилъ очень рѣшительно свой вопросъ:

— Какой такой Киппсъ?

— Да этотъ молодой человѣкъ въ моей драмѣ, — тотъ, что цѣлуетъ любимую имъ дѣвушку.

— Я никогда не цѣловалъ,—началъ Киппсъ,—по крайней мѣрѣ, насколько...—Но онъ не могъ въ точности припомнить, поцѣловалъ ли онъ Анни, или нѣтъ; онъ только зналъ, что хотѣлъ ее поцѣловать. Потомъ онъ повернулся къ Читерло и сказалъ:

— Вѣдь я Киппсъ.

— Что?—спросилъ Читерло.

— Киппсъ, это я,—повторилъ онъ, тыча пальцемъ себѣ въ грудь для большей ясности. Затѣмъ онъ продолжалъ очень серьезнымъ тономъ:—Послушайте, Чит'ло,—сказалъ онъ,—называть мое имя въ вашей пьесѣ совершенно не слѣдуетъ. Это не хорошо съ вашей стороны. Я могу потерять мѣсто.

У нихъ вышелъ, насколько потомъ вспоминалъ Киппсъ, маленькій споръ. Читерло объяснялъ ему, какъ онъ напалъ на это имя, говорилъ, что прочелъ его въ газетѣ, которая, навѣрное, тутъ гдѣ-нибудь еще лежитъ на столѣ. Онъ сталъ ее искать, а Киппсъ тѣмъ временемъ произнесъ цѣлую рѣчь, направленную главнымъ образомъ къ стоявшему на каминѣ портрету дѣвушки въ трико. Онъ сказалъ, что сначала она ему не понравилась изъ-за своего костюма, но что теперь онъ видитъ, какое у нея умное и пріятное лицо, и что она навѣрное тоже сказала бы,— какъ всѣ разсудительные люди,—что нельзя пользоваться именами знакомыхъ для сцены. Ему и такъ достанется за прокученную ночь, а тутъ еще имя его попадется въ драмѣ. И такъ вѣдь будетъ скандалъ—навѣрное будетъ... Почему онъ не ушелъ ровно въ десять часовъ? Онъ пытался сказать ей, что теперь совсѣмъ ужъ недостоинъ любви м-ссъ Уольшингэмъ, но въ эту минуту Читерло отказался наконецъ отъ тщетныхъ поисковъ и вдругъ сталъ ругать его за то, что онъ пьянъ—и мелетъ ерунду.

V.

Киппсъ проснулся на хваленомъ диванѣ, изъ котораго вынуты были предварительно всѣ пружины, и хотя, конечно, онъ не былъ пьянъ наканунѣ, но въ головѣ и во рту у него было очень неладно. Онъ спалъ въ платьѣ и у него ныло все тѣло,—но онъ ясно чувствовалъ, что дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что въ головѣ его засѣла какая-то неудобная, физически-неудобная мысль; она тяжело ворочалась въ мозгу, причиняя невыносимую боль. Мысль эта заключалась въ томъ, что онъ потерялъ, навѣрное, мѣсто и что онъ разоренъ: — Шальфордъ, навѣрное, узнаетъ о томъ, что онъ не ночевалъ дома, и въ связи съ исторіей изъ-за витрины...

Читерло убѣдилъ его подняться и сѣсть. Самъ онъ тоже сознавался, что ему нужно было бы опохмелиться, но на Киппса старался подѣйствовать педагогическими средствами, приводя примѣры людей, у которыхъ тоже бывали такія состоянія, но проходили безслѣдно. Затѣмъ онъ далъ ему поджаренную булку съ масломъ и пикантнымъ анчоусовымъ пюре: онъ по опыту зналъ, что это помогаетъ лучше всего. Съѣвъ тартинку, Киппсъ смогъ кое-какъ привести себя въ порядокъ, поправить смятый воротникъ, почистить платье и подготовиться къ минутѣ, когда онъ предстанетъ передъ лицомъ м-ра Шальфорда и долженъ будетъ держать отвѣтъ за свое неслыханное поведеніе—за первую проведенную внѣ дома ночь.

По совѣту Читерло, онъ пошелъ пройтись передъ тѣмъ, какъ возвращаться домой. Онъ прошелся по берегу, выпилъ чашку кофе въ кофейнѣ близъ гавани. Это его очень освѣжило и подбодрило, и онъ пошелъ навстрѣчу ожидающей его бурѣ съ большимъ мужествомъ. Въ концѣ концовъ, онъ велъ себя какъ настоящій взрослый мужчина, и головная боль съ похмелья—не униженіе. Ужасна была только мысль о предстоящемъ объясненіи съ Шальфордомъ. Подходя къ магазину, онъ встрѣтилъ двухъ учениковъ, которые пошли пробѣжаться передъ работой. При видѣ ихъ Киппсъ подтянулся, сдвинулъ шапку назадъ, обнажая очень блѣдный лобъ, заложилъ руки въ карманы и принялъ видъ настоящаго кутилы, глядя съ усталой, разочарованной улыбкой на невинныя лица мальчиковъ. Онъ даже въ эту минуту былъ радъ, что платье у него разорвано и забрызгано грязью: дѣти, навѣрное, подумаютъ, что онъ провелъ ночь въ какихъ-то страш-

найдя такого благодарнаго слушателя и увлекаясь своими собственными признаніями въ романтической обстановкѣ лунной ночи на морскомъ берегу.

Наконецъ онъ прервалъ нить своихъ воспоминаній, заявивъ безъ всякаго перехода, что теперь онъ уже остепенился—пора вѣдь! — и очень счастливо женатъ. Онъ разсказалъ, что жена, изъ очень хорошей семьи, мать ея — кузина жены извѣстнаго портретиста Джонса, такъ что всѣ они принадлежатъ къ свѣтскому кругу. Но это все не играло никакой роли для Читерло, какъ онъ увѣрялъ Киппса. Гораздо болѣе онъ цѣнитъ въ своей женѣ ея поразительное контральто—еще совершенно, однако, не обработанное. Теперь она уѣхала „къ своимъ". Киппсъ понялъ по намекамъ Читерло, что родня его жены его не признаетъ и считаетъ, что сочиненіе драмъ—пустое, невыгодное занятіе. Конечно, всѣ они глубоко заблуждаются: Читерло и его другъ Киппсъ отлично знаютъ, что это можетъ принести несмѣтныя богатства,—нужно только умѣть выждать. Послѣ того въ Читерло заговорило опять чувство гостепріимства. Онъ уговорилъ Киппса пойти опять къ нему. Безсмысленно бродить по берегу всю ночь, когда дома еще есть невыпитая бутылка самой лучшей марки.

— Вы потомъ поспите на диванѣ,—сказалъ онъ Киппсу.— Не бойтесь сломанныхъ пружинъ; я всѣ пружины до одной вынулъ нѣсколько недѣль тому назадъ. Не знаю, зачѣмъ ихъ вообще вкладываютъ въ мебель. Я много путешествовалъ, и знаю, что какъ ни ляжешь на диванъ гдѣ-нибудь въ гостинницѣ, всегда пружины сломаны, и отъ нихъ однѣ только непріятности.

IV.

Черезъ нѣсколько времени они опять очутились въ обществѣ „старика Маѳусаила", который, при помощи Читерло, вскорѣ снова оживилъ упавшій духъ Киппса. Читерло налилъ и себѣ стаканчикъ, затѣмъ закурилъ трубку и погрузился въ раздумье. Киппсъ прервалъ молчаніе, замѣтивъ, что жизнь актера состоитъ, вѣроятно, изъ частой смѣны удачъ и неудачъ.

— Да, — медленно произнесъ Читерло, — но обыкновенно актеръ самъ виноватъ, если ему не везетъ, потому что это обыкновенно значитъ, что онъ не умѣетъ ладить съ нужными людьми, съ женой директора или тамъ еще съ кѣмъ-нибудь.

Отъ разговора объ актерской жизни онъ перешелъ къ разговору о театрѣ вообще и, затѣмъ, о писаніи драмъ. Онъ опять

упомянулъ совершенно невѣдомое Киппсу имя Ибсена и объяснилъ ему, кто это такой и каковы достоинства и недостатки его драмъ. Оказалось, что случайно Читерло особенно силенъ именно въ томъ, что слабо у Ибсена,—вѣроятно потому, что Читерло, такъ много бродившій по свѣту, видалъ многое, о чемъ Ибсенъ понятія не имѣетъ. Конечно, Ибсенъ въ этомъ не виноватъ, — и Читерло не можетъ тоже поставить себѣ въ заслугу свою опытность, но такъ дѣло обстоитъ, и это нужно принять какъ фактъ. Для иллюстраціи своихъ словъ Читерло выразилъ желаніе познакомить Киппса съ своей новой трагедіей, которая не уступитъ никакой драмѣ Ибсена по силѣ замысла. Многіе критики, вѣроятно, будутъ другого мнѣнія,—но они ничего не понимаютъ.

Такимъ образомъ Читерло перешелъ наконецъ къ своей пьесѣ. Онъ сказалъ, что лучше разскажетъ Киппсу ея содержаніе—это удобнѣе, такъ какъ многія сцены имѣются у него только еще въ набросkахъ. Онъ сталъ передавать фабулу—очень сложную, какъ показалось Киппсу. Героемъ драмы былъ знатный лордъ, отлично знающій жизнь и женщинъ. Читерло разсказывалъ очень живо, и даже сталъ представлять одну сцену, которую трудно было разсказать, такъ какъ положеніе въ ней было очень смѣлое. Киппсъ былъ въ восторгѣ. — Чертовски хорошо!—кричалъ онъ, совершенно освоившись съ своей новой ролью драматическаго критика, стуча кулакомъ по столу и чуть не опрокинувъ свою третью порцію (второй серіи) „старика Маѳусаила".

— Чертовски хорошо, Чит'ло!

— Нравится вамъ?—сказалъ Читерло, весь сіяя.—Я зналъ, что вы поймете. А обыкновеннымъ критикамъ ни за что этого не понять. Но вѣдь это еще только начало.

Онъ вновь наполнилъ стаканъ Киппса и продолжалъ изложеніе. Киппсъ вдругъ почувствовалъ, что все вокругъ какъ-то странно дрожитъ и звенитъ, но все-таки поставилъ — съ нѣкоторой осторожностью—свой стаканъ обратно на столъ. Онъ увидѣлъ теперь, что бутылка пуста, и былъ доволенъ—по крайней мѣрѣ, онъ не напьется до пьяна. Онъ зналъ, что теперь онъ не пьянъ, но что какъ разъ пора перестать пить. Иные люди не знаютъ, когда остановиться,—и, кажется, какъ разъ Читерло—изъ такихъ. Ему вдругъ Читерло пересталъ нравиться. Онъ ему даже положительно становился непріятенъ, потому что все говорилъ, не переставая. Киппсъ разозлился, и хотѣлъ даже сказать Читерло, что у него настоящій талантъ къ пустозвонству; но онъ только выговорилъ слово „талантъ", и Читерло опять побла-

-годарилъ его и сказалъ, что онъ судитъ тоньше, чѣмъ всѣ извѣстные лондонскіе критики. Киппсъ продолжалъ, однако, глядѣть очень сердито на Читерло, пока не случилось нѣчто весьма странное. Читерло нѣсколько разъ назвалъ въ своемъ изложеніи кого-то Киппсомъ, и Киппсъ почувствовалъ что-то неладное въ этомъ.

— О какомъ Киппсѣ вы говорите?—спросилъ онъ наконецъ.

— Да все о томъ же. Я вѣдь уже говорилъ вамъ про него.

Киппсъ долго старался припомнить и сообразить, но не могъ, и повторилъ очень рѣшительно свой вопросъ:

— Какой такой Киппсъ?

— Да этотъ молодой человѣкъ въ моей драмѣ, — тотъ, что цѣлуетъ любимую имъ дѣвушку.

— Я никогда не цѣловалъ,—началъ Киппсъ,—по крайней мѣрѣ, насколько...—Но онъ не могъ въ точности припомнить, поцѣловалъ ли онъ Анни, или нѣтъ; онъ только зналъ, что хотѣлъ ее поцѣловать. Потомъ онъ повернулся къ Читерло и сказалъ:

— Вѣдь я Киппсъ.

— Что?—спросилъ Читерло.

— Киппсъ, это я,—повторилъ онъ, тыча пальцемъ себѣ въ грудь для большей ясности. Затѣмъ онъ продолжалъ очень серьезнымъ тономъ:—Послушайте, Чит'ло,—сказалъ онъ,—называть мое имя въ вашей пьесѣ совершенно не слѣдуетъ. Это не хорошо съ вашей стороны. Я могу потерять мѣсто.

У нихъ вышелъ, насколько потомъ вспоминалъ Киппсъ, маленькій споръ. Читерло объяснялъ ему, какъ онъ напалъ на это имя, говорилъ, что прочелъ его въ газетѣ, которая, навѣрное, тутъ гдѣ-нибудь еще лежитъ на столѣ. Онъ сталъ ее искать, а Киппсъ тѣмъ временемъ произнесъ цѣлую рѣчь, направленную главнымъ образомъ къ стоявшему на каминѣ портрету дѣвушки въ трико. Онъ сказалъ, что сначала она ему не понравилась изъ-за своего костюма, но что теперь онъ видитъ, какое у нея умное и пріятное лицо, и что она навѣрное тоже сказала бы,— какъ всѣ разсудительные люди,—что нельзя пользоваться именами знакомыхъ для сцены. Ему и такъ достанется за прокученную ночь, а тутъ еще имя его попадется въ драмѣ. И такъ вѣдь будетъ скандалъ—навѣрное будетъ... Почему онъ не ушелъ ровно въ десять часовъ? Онъ пытался сказать ей, что теперь совсѣмъ ужъ недостоинъ любви м-ссъ Уольшингэмъ, но въ эту минуту Читерло отказался наконецъ отъ тщетныхъ поисковъ и вдругъ сталъ ругать его за то, что онъ пьянъ—и мелетъ ерунду.

V.

Киппсъ проснулся на хваленомъ диванѣ, изъ котораго вынуты были предварительно всѣ пружины, и хотя, конечно, онъ не былъ пьянъ наканунѣ, но въ головѣ и во рту у него было очень неладно. Онъ спалъ въ платьѣ и у него ныло все тѣло,—но онъ ясно чувствовалъ, что дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что въ головѣ его засѣла какая-то неудобная, физически-неудобная мысль; она тяжело ворочалась въ мозгу, причиняя невыносимую боль. Мысль эта заключалась въ томъ, что онъ потерялъ, навѣрное, мѣсто и что онъ разоренъ:—Шальфордъ, навѣрное, узнаетъ о томъ, что онъ не ночевалъ дома, и въ связи съ исторіей изъ-за витрины...

Читерло убѣдилъ его подняться и сѣсть. Самъ онъ тоже сознавался, что ему нужно было бы опохмелиться, но на Киппса старался подѣйствовать педагогическими средствами, приводя примѣры людей, у которыхъ тоже бывали такія состоянія, но проходили безслѣдно. Затѣмъ онъ далъ ему поджаренную булку съ масломъ и пикантнымъ анчоусовымъ пюре: онъ по опыту зналъ, что это помогаетъ лучше всего. Съѣвъ тартинку, Киппсъ смогъ кое-какъ привести себя въ порядокъ, поправить смятый воротникъ, почистить платье и подготовиться къ минутѣ, когда онъ предстанетъ передъ лицомъ м-ра Шальфорда и долженъ будетъ держать отвѣтъ за свое неслыханное поведеніе—за первую проведенную внѣ дома ночь.

По совѣту Читерло, онъ пошелъ пройтись передъ тѣмъ, какъ возвращаться домой. Онъ прошелся по берегу, выпилъ чашку кофе въ кофейнѣ близъ гавани. Это его очень освѣжило и подбодрило, и онъ пошелъ навстрѣчу ожидающей его бурѣ съ большимъ мужествомъ. Въ концѣ концовъ, онъ велъ себя какъ настоящій взрослый мужчина, и головная боль съ похмелья—не униженіе. Ужасна была только мысль о предстоящемъ объясненіи съ Шальфордомъ. Подходя къ магазину, онъ встрѣтилъ двухъ учениковъ, которые пошли пробѣжаться передъ работой. При видѣ ихъ Киппсъ подтянулся, сдвинулъ шапку назадъ, обнажая очень блѣдный лобъ, заложилъ руки въ карманы и принялъ видъ настоящаго кутилы, глядя съ усталой, разочарованной улыбкой на невинныя лица мальчиковъ. Онъ даже въ эту минуту былъ радъ, что платье у него разорвано и забрызгано грязью: дѣти, навѣрное, подумаютъ, что онъ провелъ ночь въ какихъ-то страш-

ныхъ мѣстахъ. Онъ прошелъ мимо нихъ, не заговоривъ,—навѣрное, они потомъ долго глядѣли ему вслѣдъ. Однако пріятное чувство удовлетвореннаго тщеславія быстро разсѣялось у Киппса: онъ вспомнилъ о м-рѣ Шальфордѣ.

Чортъ побери,—разговоръ выйдетъ непріятный! Киппсъ сталъ-было придумывать благовидныя объясненія. Онъ могъ разсказать вѣдь, что его сшибъ съ ногъ какой-то велосипедистъ, что тотъ далъ ему, чтобы оправиться, стаканчикъ виски (нужно будетъ сказать это съ очень изумленнымъ видомъ, какъ бы сообщая о совершенно непредвидѣнномъ, небываломъ дѣйствіи виски), и что у него закружилась послѣ этого голова..., чѣмъ уже объясняется все остальное. Въ сущности, такимъ объясненіемъ хозяинъ могъ бы отлично удовлетвориться.

Киппсъ вошелъ въ домъ около восьми, и ключница, которая къ нему вообще благоволила, повидимому не была возмущена его нарушеніемъ строгихъ правилъ дома. Она дала ему чашку чая и поджаренную булку.

— Хозяинъ, вѣрно...—началъ Киппсъ.

— Онъ знаетъ,—отвѣтила ключница, не давъ ему договорить.

Киппсъ спустился въ магазинъ нѣсколько раньше обыкновеннаго, и Бухъ тотчасъ же позвалъ его къ хозяину. Черезъ десять минутъ онъ вышелъ изъ кабинета Шальфорда. Младшій клеркъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ ему въ лицо, стараясь прочесть на немъ результатъ разговора. Буггинсъ прямо спросилъ, и Киппсъ отвѣтилъ однимъ единственнымъ словомъ:

— Прогналъ!—сказалъ Киппсъ.

VI.

Киппсъ стоялъ, прислонившись спиной къ прилавку и засунувъ руки въ карманъ, и разговаривалъ съ двумя младшими приказчиками.

— Я доволенъ, что меня выгнали,—ораторствовалъ онъ.— Надоѣлъ мнѣ хозяинъ съ его „системой". Я и такъ не могъ дождаться, когда кончится мой срокъ по контракту.

Когда пришелъ Пирсъ, онъ разсказалъ и Пирсу о томъ, что произошло.

— За что же собственно?—спросилъ Пирсъ.—Все за невѣрно пристегнутые билетики въ витринѣ?

— Да нѣтъ же,—сказалъ Киппсъ, и, щеголяя своей необычайной испорченностью, сообщилъ, что онъ провелъ ночь внѣ дома.

Пирсъ, хотя тоже былъ человѣкъ бывалый, все же вытаращилъ глаза отъ изумленія.

— Гдѣ же это вы пропадали?—спросилъ онъ.

Киппсъ сказалъ небрежнымъ тономъ, что „кутилъ съ знакомымъ актеромъ".

— Вѣдь не пасторъ же я, чортъ возьми!—прибавилъ онъ.

— Ну конечно,—сказалъ Пирсъ, стараясь попасть ему въ тонъ.

Киппсъ продолжалъ рисоваться и послѣ ухода Пирса, передъ другими товарищами, и жаловался на то, какъ ему было скверно утромъ послѣ кутежа, пока онъ не съѣлъ кусочекъ жареной булки съ масломъ и анчоусовымъ патомъ:—Это самое лучшее средство съ похмелья,—совѣтую вамъ, Роджерсъ, никогда ничего другого не употреблять. Повѣрьте моему опыту!..—Когда къ нему стали приставать съ вопросами, онъ сказалъ, что „кутилъ" съ знакомымъ актеромъ; а когда слушатели просили сказать, въ чемъ состоялъ кутежъ, то Киппсъ отвѣтилъ:—Вы какъ это себѣ представляете?—Но въ дальнѣйшія подробности не вдавался, говоря, что маленькимъ мальчикамъ не полагается всего знать. Затѣмъ онъ таинственно разсмѣялся и занялся дѣломъ.

На короткое время рисовка передъ младшими товарищами отвлекла Киппса отъ мыслей объ отказѣ отъ мѣста. Но когда онъ остался наединѣ съ собой, это утѣшеніе уже не помогало. Онъ чувствовалъ все еще тошноту и непріятное ощущеніе во всемъ тѣлѣ, и въ глубинѣ души былъ очень недоволенъ собой. Работать было тяжело въ такомъ состояніи, но стоять и думать было тоже невесело. Грустно было, между прочимъ, и то, что погибли очень еще хорошіе панталоны.

Это была вторая по достоинству изъ его трехъ паръ панталонъ и стоила ему тринадцать съ половиной шиллинговъ. Они такъ порвались, что совершенно не годятся, а тѣ, въ которыхъ онъ дѣлалъ грязную работу по утрамъ, нельзя носить при покупателяхъ, такъ что придется надѣвать каждый день праздничную пару. Все это было очень непріятно. Его финансовое положеніе было весьма печальное. У него было пять фунтовъ въ сберегательной кассѣ и четыре шиллинга съ половиной на рукахъ. А придется вѣдь купить кое-что,—прежде всего новый чемоданъ. Его жестяной сундучокъ слишкомъ малъ, и произвелъ бы невыгодное впечатлѣніе на новомъ мѣстѣ. И сколько предстоитъ расходовъ: ѣзда въ поискахъ за новымъ мѣстомъ, публикаціи, почтовые расходы. Придется также писать письма. Какой непосильный трудъ! Онъ вѣдь совсѣмъ не умѣлъ писать писемъ, и

былъ слабъ по части орѳографіи. Если въ теченіе мѣсяца ничего не выгоритъ, придется вернуться домой, къ дядѣ и тетѣ. Какъ они ко всему этому отнесутся? Пока онъ рѣшилъ не писать. Обдумывая безъ конца свое положеніе, Киппсъ все не могъ сообразить, какъ все это въ сущности произошло. Онъ, очевидно, сталъ жертвой судьбы, или, вѣрнѣе, жертвой Читерло. Киппсъ старался припомнить въ послѣдовательномъ порядкѣ весь ходъ событій, но не могъ.

Буггинсъ былъ въ этотъ вечеръ очень щедръ на совѣты и утѣшенія: онъ увѣрялъ Киппса, что въ концѣ концовъ всегда находишь мѣсто, хотя вначалѣ и кажется, что ничего не выйдетъ. Таковъ былъ его личный опытъ. Онъ ему совѣтовалъ поѣхать въ Лондонъ и тамъ искать мѣста. Главное, нужно быть аккуратно и по возможности хорошо одѣтымъ, являясь искать занятій. Если придется даже поголодать, то не бѣда. Главное, чтобы воротники и манжеты были безукоризненной чистоты — тогда можно надѣяться на успѣхъ. Вѣдь такъ много всюду лавокъ и магазиновъ, гдѣ требуются приказчики...

Какъ разъ на слѣдующее утро послѣ того, какъ Шальфордъ отказалъ Киппсу, въ магазинъ пришла миссъ Уольшингэмъ. Она явилась въ сопровожденіи смуглой, худощавой дамы, ея матери, съ которой Киппсу суждено было въ будущемъ хорошо познакомиться. Онъ увидѣлъ ихъ въ отдѣленіи лентъ, когда зашелъ въ сосѣдній перчаточный отдѣлъ передать какіе-то свертки. Обѣ дамы нагнулись надъ коробкой съ черными лентами. Киппсъ растерялся въ первую минуту, не зная, что̀ отъ него требовали правила этикета въ такихъ обстоятельствахъ. Онъ положилъ свой свертокъ на прилавокъ и стоялъ, глядя на двухъ покупательницъ; но когда миссъ Уольшингэмъ, сидѣвшая спиной къ нему, сдѣлала движеніе, чтобы обернуться, онъ испугался и сбѣжалъ... Вернувшись къ себѣ въ мануфактурное отдѣленіе, онъ, однако, почувствовалъ непобѣдимое желаніе снова поглядѣть на Елену. Онъ вернулся подъ какимъ-то предлогомъ въ отдѣленіе лентъ. Обѣ покупательницы уже поднялись, видимо кончивъ покупки и ожидая сдачу отъ приказчицы. М-ссъ Уольшингэмъ разсѣянно разсматривала какіе-то остатки, а Елена глядѣла вокругъ себя, какъ бы ища кого-то глазами. При видѣ Киппса она улыбнулась съ видимымъ удовольствіемъ. Онъ по привычкѣ опустилъ руки на прилавокъ и на минуту смущенно глядѣлъ на Елену. Какъ она поступитъ? Пройдетъ мимо него, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ? Но напротивъ того,—она прошла прямо къ его прилавку.

— Какъ вы поживаете, м-ръ Киппсъ?—спросила она очень отчетливо и протянула ему руку.

— Благодарю васъ. А вы?

Она сказала, что покупала ленты. Онъ замѣтилъ, что м-ссъ Уольшингэмъ смотритъ на нихъ съ большимъ удивленіемъ, и потому уже не рѣшился заговорить о прошломъ, о блаженныхъ урокахъ, а только сказалъ, что она, вѣроятна, рада каникуламъ.

Она сказала, что пользуется досугомъ, чтобы почитать и поработать, и что имъ, можетъ быть, даже удастся сдѣлать маленькое путешествіе, побывать въ Брюгге. Наступила короткая пауза. У Киппса сердце рвалось изъ груди—до того ему хотѣлось сказать миссъ Уольшингэмъ о перемѣнѣ въ его судьбѣ, о томъ, что онъ оставляетъ магазинъ Шальфорда и едва ли уже увидитъ ее еще разъ въ жизни. Но онъ не находилъ словъ; а время летѣло. М-ссъ Уольшингэмъ уже получила сдачу, и миссъ Уольшингэмъ опять протянула руку Киппсу на прощаніе. Ему оставалось только быть вѣжливымъ до конца и проводить ее и мать до дверей. Сказать что-либо въ присутствіи матери не было ни малѣйшей возможности,—и Елена такъ и ушла, не подозрѣвая о бурѣ въ душѣ своего ученика, принявъ, какъ богиня, ѳиміамъ его поклоненія. М-ссъ Уольшингэмъ очень сухо отвѣтила на его поклонъ, и, слѣдя за ними долго взглядомъ, когда онѣ уже вышли на улицу, Киппсъ видѣлъ, что мать спрашиваетъ о чемъ-то дочь. Движенія, которыми сопровождался отвѣтъ Елены, выражали довольство жизнью, всѣмъ свѣтомъ и, главное, собой. „Да ну же, мамочка, не могу же я не узнавать моихъ учениковъ при встрѣчѣ!“— говорила она въ дѣйствительности... Затѣмъ онѣ исчезли за угломъ. Она ушла и... можетъ быть, онъ уже никогда ее не увидитъ въ жизни! Никогда—а она даже этого не подозрѣваетъ...

Онъ пошелъ обратно въ магазинъ, но ему было невыносимо стоять у своего прилавка въ обществѣ младшихъ приказчиковъ. Весь міръ ему опостылѣлъ. Онъ не могъ вынести вида людей, и чтобы хоть на время избавиться отъ нихъ, пошелъ внизъ въ кладовую для мануфактурныхъ товаровъ. Тамъ онъ забрался въ самый темный уголъ, опрокинувъ нарочно коробку съ этикетками, чтобы имѣть предлогъ сидѣть на полу, и далъ наконецъ волю своему горю. Тамъ, въ своемъ темномъ углу, онъ сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока крикъ: „Киппсъ, въ магазинъ!“—не заставилъ его снова вернуться къ людямъ.

VII.

Въ тотъ же самый день, въ ранній послѣобѣденный часъ, когда въ магазинѣ было мало публики, къ Киппсу снова явился злосчастный Читерло, чтобы сообщить ему о нѣкоемъ поразительномъ совпаденіи обстоятельствъ. Онъ не пришелъ открыто въ магазинъ, а пробовалъ вызвать знаками своего пріятеля. Киппсъ первый узналъ его, увидавъ у одного изъ оконъ темную фигуру, которая старалась заглянуть во внутрь магазина промежъ вывѣшенныхъ въ этомъ окнѣ чулокъ и носковъ. Отъ этого окна Читерло перешелъ къ двери, потомъ къ окну съ выставкой дѣтскаго бѣлья, и его порывистыя движенія выражали сильное возбужденіе.

При дневномъ свѣтѣ Читерло казался гораздо менѣе внушительнымъ, чѣмъ вечеромъ при лампѣ и въ ореолѣ своихъ собственныхъ разсказовъ о себѣ. Во всемъ его существѣ чувствовалась какая-то пришибленность, и костюмъ его былъ тоже очень ужъ потертый, — только глаза сверкали юношескимъ блескомъ, когда онъ высматривалъ Киппса изъ-за разныхъ принадлежностей дѣтскаго гардероба. Киппсъ, однако, вовсе не жаждалъ теперь свиданія съ Читерло. Онъ бы даже спрятался подальше, замѣтивъ его, но боялся, что его собутыльникъ войдетъ въ магазинъ къ нему. Онъ поэтому воспользовался случаемъ, когда Читерло подошелъ къ окну съ мануфактурнымъ товаромъ, находящемуся въ непосредственномъ вѣдѣніи Киппса, и вышелъ къ нему, какъ бы для того, чтобы привести въ порядокъ витрину.

— Чит'ло! — подозвалъ онъ его тихимъ голосомъ, чтобы сказать ему, что теперь имъ никакъ нельзя видѣться, и сообщить, что ему отказано отъ мѣста. Но первымъ заговорилъ не онъ, а Читерло.

— А! васъ-то мнѣ и надо! — громко сказалъ онъ и крѣпко пожалъ руку Киппса.

— Скажите, — продолжалъ онъ, — сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать-одинъ, — отвѣтилъ Киппсъ. — Но зачѣмъ вамъ это знать?

— Ну, вотъ, а еще говорятъ, что нѣтъ поразительныхъ совпаденій въ жизни! А ваше имя какъ? Впрочемъ нѣтъ, подождите, я самъ скажу: васъ зовутъ Артуръ.

— Да...

— Значитъ, это вы! — сказалъ Читерло. — Болѣе поразительнаго совпаденія никогда не бывало. Подождите секунду, и я

вамъ скажу, какъ зовутъ вашу мать. Онъ разсмѣялся и полѣзъ въ боковой карманъ. Оттуда онъ сталъ вытаскивать самые разнообразные предметы: карандаши, записную книжечку, смятую сигару, каучуковый насосъ для велосипеда, дамскій кошелекъ и наконецъ, среди множества разныхъ другихъ мелочей, вытащилъ клочокъ газетнаго листа.—„Эвѳимія"!—прочелъ онъ и заглянулъ Киппсу въ глаза.—Ну что̀, вѣрно?—спросилъ онъ и шумно разсмѣялся.—А, нѐдурная вѣдь выходитъ штука, весьма недурная, не говоря уже объ удивительномъ совпаденіи. Только не говорите, ради Бога, что ее не звали Эвѳиміей, а то все дѣло испорчено.

— Кого звали Эвѳиміей?—спросилъ Киппсъ.

— Да вашу мать.

— Дайте прочесть, что̀ тамъ сказано.

Читерло далъ ему клочокъ газеты, громко и радостно смѣясь на всю улицу, и Киппсъ сталъ читать: „Вадди или Киппсъ... Если Артуръ Вадди или Артуръ Киппсъ, сынъ Маргариты Эвѳиміи Киппсъ, который..."

Читерло провелъ пальцемъ по газетному клочку и сталъ объяснять:—Я вотъ просматривалъ этотъ столбецъ, и какъ разъ всѣ имена подошли для моей пьесы. Я никогда не выдумываю именъ — я все беру изъ дѣйствительной жизни, какъ Зола. Но кто это Вадди?

— Никогда не слыхалъ такого имени.

Киппсъ сталъ снова читать, но бросилъ.—Ничего не понимаю, сказалъ онъ.—Что̀ все это значитъ?

— Это значитъ,—сказалъ Читерло совершенно толково на этотъ разъ, — что вы, кажется, скоро разбогатѣете. Про Вадди забудьте, это неважно: Васъ вызываютъ, чтобы сообщить нѣчто пріятное—что̀ же это можетъ быть иное? Совпаденіе удивительное. Я случайно взялъ газету, чтобы поискать именъ для пьесы. А какъ только я вторично прочелъ ее — я сразу понялъ, что это относится именно къ вамъ. Люди не вѣрятъ въ совпаденія, но я вѣрю. Вотъ увидите — васъ ждетъ большая удача. А про Вадди забудьте, это ни къ чему. Дѣло идетъ о васъ, никакого сомнѣнія быть не можетъ. Но читайте дальше, если не вѣрите мнѣ.

Онъ поднесъ газету прямо къ носу Киппса, и тотъ сталъ читать: —...„который родился въ Истъ-Гринстедѣ"... Да, тетя говорила...

— Ну конечно. Я вѣдь зналъ!—сказалъ опять Читерло.

— „Перваго сентября 1878 года"...

— Ну вотъ видите, все совершенно совпадаетъ. Вамъ остается написать Ватсону и Бину и получить...

— Что̀ получить?

— Что̀ бы тамъ ни было.

Киппсъ сталъ пощипывать свои едва пробивавшіеся усики.— А вы бы на моемъ мѣстѣ написали?

— Ну, еще бы!

— Но, по вашему, что̀ же это такое?

— Въ томъ-то вся прелесть, — сказалъ Читерло, дѣлая па̀ какого-то еще неизобрѣтеннаго танца, —въ этомъ-то весь интересъ! Это можетъ быть все, что̀ только можно себѣ вообразить. Можетъ быть милліонъ. Вотъ видите, какую удачу я вамъ принесъ!..

Киппсъ началъ дрожать. — Такъ что, на моемъ мѣстѣ, вы бы...—началъ онъ.—Ну а какъ же насчетъ Вадди?

Но онъ не дождался отвѣта Читерло, увидавъ, что̀ хозяинъ вошелъ въ магазинъ, и быстро юркнулъ въ дверь. Но Шальфордъ уже замѣтилъ отсутствіе Киппса, такъ какъ пришелъ именно въ его отдѣленіе помѣтить уменьшенными цѣнами остатки бумажныхъ тканей.

— Что̀ это, Киппсъ,—сказалъ онъ,—зачѣмъ вы вышли изъ магазина?

— Я пошелъ осмотрѣть витрину,—отвѣтилъ Киппсъ.

Киппсъ тотчасъ же принялся за работу, и ему уже некогда было думать ни о Читерло, ни о скомканномъ клочкѣ газеты въ карманѣ. Читерло нѣсколько времени поджидалъ его у окна, не понимая, почему онъ вдругъ исчезъ; потомъ онъ заглянулъ въ дверь, увидѣлъ лоснящуюся лысину хозяина и, понявъ, что теперь нельзя отвлечь Киппса отъ дѣла, ушелъ.

Киппсъ продолжалъ выполнять распоряженія хозяина—довольно, впрочемъ, разсѣянно и не переставая думать объ объявленіи, которое сунулъ въ карманъ. Оно было все-таки какое-то непонятное. „Артуръ Вадди или Артуръ Киппсъ". Означало ли это два лица, или одно? Онъ бы спросилъ Пирса или Буггинса. Но...

У него всегда было такое впечатлѣніе, что жизнь его матери облечена какой-то тайной. Тетка говорила ему съ дѣтства, чтобы онъ не отвѣчалъ ни на какіе вопросы относительно его матери, чтобы онъ всегда говорилъ, что не знаетъ. Киппсъ совершенно не зналъ поэтому, какъ ему быть теперь. Онъ говорилъ всѣмъ, что отецъ его былъ аристократомъ и разорился, занявшись сельскимъ хозяйствомъ.—Я круглый сирота,—объяснялъ онъ съ видомъ человѣка, видѣвшаго много горя на своемъ вѣку. Онъ говорилъ, что прожилъ дѣтство у дяди и тети, но не говорилъ, что у нихъ игрушечная лавка. А сказать, что дядя его былъ въ свое время метръ д'отелемъ, слугой—это онъ счелъ бы величайшей безтактностью. И почти всѣ его сослуживцы столь же

тщательно скрывали свое происхожденіе,—до того всѣ боялись обнаружить свое прикосновеніе къ низшимъ классамъ. Если же онъ теперь обратится къ старшимъ товарищамъ за разъясненіями по поводу „Вадди или Киппса", то это будетъ опроверженіемъ всего, что̀ онъ говорилъ раньше. Въ сущности онъ не зналъ ничего точнаго относительно своего происхожденія, но чувствовалъ что-то неладное, роняющее его въ глазахъ другихъ... Не лучше ли въ виду этого порвать объявленіе и избавить себя отъ непріятностей?... Но пришлось бы тогда объяснять Читерло...

— Киппсъ, въ магазинъ!—раздался голосъ Каршота, который былъ въ этотъ день дежурнымъ надсмотрщикомъ. Киппсъ сунулъ въ карманъ смятый клочокъ газеты и поспѣшилъ на зовъ.

— Мнѣ нужно,—сказала вошедшая въ магазинъ покупательница, окидывая черезъ очки неопредѣленнымъ взглядомъ все вокругъ,—что-нибудь для обивки маленькаго кресельца. Какой-нибудь остатокъ, что-нибудь болѣе или менѣе подходящее.

Прошло полчаса, какъ газетное объявленіе лежало скомканнымъ и забытымъ въ карманѣ Киппса, а маленькое кресельцо такъ и не получило обивки; у Киппса же остался на рукахъ цѣлый ворохъ разбросанныхъ по прилавку матерій, которыя онъ долженъ былъ прибрать. Онъ такъ разозлился на маленькое кресельцо, что совсѣмъ забылъ на время о смятомъ объявленіи, которое сунулъ въ карманъ.

VIII.

Киппсъ сидѣлъ на своемъ жестяномъ сундучкѣ подъ газовымъ рожкомъ и читалъ о томъ, что̀ значитъ имя „Эвѳимія" въ справочномъ словарѣ Буггинса, гдѣ можно было найти свѣдѣнія о чемъ угодно. Онъ надѣялся, что Буггинсъ, по обыкновенію, спроситъ его, о чемъ онъ читаетъ, но Буггинсъ собиралъ бѣлье для прачки и не обращалъ на него вниманія. Наконецъ Киппсъ не могъ удержаться, чтобы не подѣлиться предположеніями о своемъ знатномъ происхожденіи, и первый вступилъ въ разговоръ.

— Послушайте, Буггинсъ,—сказалъ онъ:—правда, что Эвѳимія не можетъ быть именемъ женщины изъ простого званія? Простые люди не назовутъ такъ своей дочери.

— Да никакіе порядочные люди не назвали бы такъ дѣвочку—все равно, простые ли, или не простые. Такое имя можетъ прямо погубить дѣвушку, вскруживъ ей голову своей необычайностью. Я бы, будь у меня дочка, назвалъ ее Дженни. И будь

у меня двѣнадцать дочерей, я бы всѣхъ ихъ до одной назвалъ Дженни,—лучшаго имени быть не можетъ! А то вдругъ Эвѳимія... Чортъ знаетъ, что̀ такое! Послушайте, Киппсъ,—кажется, у васъ подъ кроватью мой воротникъ.

Киппсъ вытащилъ воротникъ изъ-подъ кровати и передалъ Буггинсу. — По моему, Эвѳимія вовсе не скверное имя,—сказалъ онъ. Его обуяло волненіе.—А я все-таки напишу,—рѣшилъ онъ, и пока Буггинсъ записывалъ бѣлье, онъ досталъ баночку съ чернилами, перо и вышелъ изъ спальни. Онъ вернулся черезъ часъ, блѣдный и запыхавшись.

— Куда это вы ходили?—спросилъ Буггинсъ, отрываясь отъ чтенія газеты, которую онъ выписывалъ пополамъ съ Каршотомъ.

— Отправилъ нѣсколько писемъ,—сказалъ Киппсъ, вѣшая шляпу на гвоздь.

— Все просьбы о мѣстѣ?

— Да, все больше объ этомъ. О чемъ же другомъ мнѣ писать?—прибавилъ онъ съ нервнымъ смѣхомъ.

Буггинсъ продолжалъ читать. Киппсъ долго сидѣлъ на своей постели, но потомъ не вытерпѣлъ и окликнулъ товарища.

— Послушайте, Буггинсъ,—спросилъ онъ:—что̀ это значитъ, когда въ газетахъ публикуютъ, что разыскиваютъ такого-то, чтобы сообщить ему что-то хорошее для него?

— Это значитъ, что ищутъ кого-нибудь, кто пропалъ,—отвѣтилъ Буггинсъ и снова взялся за прерванное вопросомъ Киппса чтеніе.

— То-есть, что̀ же это значитъ?—продолжалъ спрашивать Киппсъ.—Наслѣдство или что-нибудь въ этомъ родѣ?

Буггинсъ покачалъ головой.—Большей частью это значитъ, что хотятъ взыскать долгъ.

— Но вѣдь тогда не печатали бы, что сообщатъ пріятное.

— Это чтобы изловить, говорится. А то еще часто публикуютъ жены, чтобы поймать сбѣжавшихъ мужей такимъ путемъ.

— Но все же иногда это означаетъ и наслѣдство, не правда ли? Можетъ быть такъ, чтобы кто-нибудь кому-нибудь оставилъ, скажемъ, сто фунтовъ?

— Никогда этого не бываетъ,—сказалъ Буггинсъ, и опять погрузился въ чтеніе газеты. Его заинтересовала передовая статья о положеніи въ Индіи, и онъ сталъ доказывать Киппсу, что нельзя давать политическихъ правъ туземцамъ, потому что кромѣ англичанъ никто не обладаетъ разсудительностью въ по-

литикѣ и въ общественныхъ дѣлахъ. Его краснорѣчіе, однако, круто оборвалось—потухъ газъ, а Буггинсъ не успѣлъ еще прочесть столбецъ о свѣтскихъ клубахъ, и былъ въ бѣшенствѣ; онъ уже ни о чемъ другомъ не могъ говорить, какъ о скупости ихъ хозяина. Ему пришлось раздѣться въ темнотѣ, и онъ при этомъ больно стукнулся о комодъ, и послѣ нѣсколькихъ ругательствъ замолкъ въ безмолвномъ гнѣвѣ. Киппсъ никакъ не могъ заснуть. Онъ все не могъ рѣшить, слѣдовало ли послать письмо, или нѣтъ. А что, если дѣйствительно ему оставлено сто фунтовъ? Вѣдь это бы обезпечило его на годъ, даже на два года. Да и пятьдесятъ фунтовъ были бы спасеніемъ въ его обстоятельствахъ.—

— Послушайте, Буггинсъ,—началъ онъ снова, рискуя навлечь гнѣвъ товарища,—послушайте!..

— Ну, что тамъ? — довольно нелюбезно спросилъ Буггинсъ.

— Что, еслибы вы прочли въ газетѣ объявленіе, гдѣ бы васъ приглашали явиться, чтобы сообщить вамъ нѣчто пріятное?

— Скрылъ бы, гдѣ я, — коротко отвѣтилъ Буггинсъ.

— Однако...

— Скрылъ бы безъ всякихъ разговоровъ; а теперь спокойной ночи!—Киппсъ долго еще лежалъ совершенно тихо, потомъ глубоко вздохнулъ, повернулся къ стѣнѣ и сталъ глядѣть въ темноту.—Какъ онъ былъ глупъ, что послалъ письмо! Господи, зачѣмъ онъ послалъ письмо!

IX.

Прошло ровно пять съ половиной дней послѣ разговора Киппса съ Буггинсомъ, послѣ отправки письма. На набережную въ Фолькстонѣ свернулъ съ одной изъ боковыхъ улицъ молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ и сверкающими, широко раскрытыми глазами. Онъ былъ одѣтъ по праздничному и, несмотря на хорошую погоду, держалъ въ рукѣ зонтикъ, какъ въ воскресенье, идя въ церковь. Послѣ минутнаго колебанія, онъ повернулъ направо, сталъ внимательно разглядывать каждый домъ, мимо котораго проходилъ, и вдругъ остановился. На воротахъ передъ нимъ написано было большими черными буквами: „Югеденъ“, и на фасадѣ дома тоже выведено было золотомъ: „Югеденъ“. Домъ былъ каменный, великолѣпный, съ балкономъ, выкрашеннымъ въ дивный зеленый цвѣтъ съ позолотой. Молодой человѣкъ долго глядѣлъ и прошепталъ съ трепетомъ:—Боже, какое великолѣпіе!—На всѣхъ окнахъ нижняго этажа были шолковыя красныя занавѣси. Въ окнѣ гостиной стояло дивное тропическое растеніе въ художе-

ственной вазѣ. На дверяхъ прибитъ былъ сверкающій бронзовый молотокъ и сбоку были два звонка съ надписью: „для прислуги".

Молодой человѣкъ отошелъ отъ дома, посмотрѣлъ на него издали, потомъ обошелъ съ другой стороны, опять вернулся, сѣлъ на скамейку противъ „Югедéна" и сталъ смотрѣть на домъ. При этомъ онъ тихо насвистывалъ и наклонялъ голову то въ одну сторону, то въ другую. Около Киппса сѣлъ проходившій мимо старый господинъ съ багровымъ лицомъ и выпуклыми глазами. Онъ снялъ широкую соломенную шляпу и сталъ отирать потъ съ лица. Киппсъ поглядѣлъ на него и подумалъ о томъ, сколько у него можетъ быть годового дохода и гдѣ онъ купилъ свою шляпу. Потомъ онъ снова вспомнилъ все, связанное съ „Югеденомъ", и, не будучи въ состояніи молчать, заговорилъ съ незнакомымъ господиномъ.

— Послушайте,—неожиданно спросилъ онъ его:—вы бы не повѣрили, еслибы я сказалъ вамъ, что вотъ этотъ домъ принадлежитъ мнѣ?

Старикъ, изумленный обращеніемъ Киппса, повернулъ голову, чтобы взглянуть на „Югеденъ", потомъ внимательно посмотрѣлъ на очень скромный туалетъ Киппса и только махнулъ рукой на него, вмѣсто всякаго отвѣта.

— Однако этотъ домъ мой,—повторилъ Киппсъ менѣе увѣреннымъ тономъ.

— Не говорите глупостей!—сказалъ старый господинъ, надѣлъ шляпу и тщательно протеръ платкомъ углы глазъ.—И такъ жарко,—продолжалъ онъ возмущеннымъ тономъ,—а вы тутъ съ вашими глупостями!—Киппсъ снова поглядѣлъ сначала на старика, потомъ на домъ, потомъ опять на старика, который презрительно отвернулся отъ него и глядѣлъ на море.

— Вы не вѣрите?—спросилъ Киппсъ.—Я сегодня утромъ получилъ его въ наслѣдство,—и не только одинъ этотъ домъ. Увѣряю васъ,—повторялъ онъ, стараясь убѣдить старика. Но тотъ уже съ трудомъ сдерживался, чтобы не вспылить.

— Послушайте,—сказалъ онъ, дѣлая усиліе надъ собой, чтобы говорить спокойно,—оставьте ваши шутки, а то я передамъ васъ полиціи!

— Какія такія шутки?

— Я не вчера на свѣтъ родился,—сказалъ старикъ, отдуваясь.—Взгляните-ка раньше на себя, прежде чѣмъ вздоръ молоть!

Разговоръ ихъ на этомъ оборвался. Киппсъ всталъ и медленно подошелъ къ крыльцу великолѣпнаго дома.—„Югеденъ"! —шепталъ онъ въ упоеніи. Онъ оглянулся черезъ плечо, какъ бы

подзывая старика, чтобы онъ убѣдился наконецъ, и затѣмъ отошелъ. Онъ еще долго обхаживалъ домъ со всѣхъ сторонъ, чувствуя себя не въ силахъ уйти. Наконецъ онъ насильственно рванулъ невидимую нить, которая привязывала его къ „Югедену“, и повернулъ въ одну изъ боковыхъ улицъ. Очутившись въ концѣ пустынной маленькой улицы, онъ торопливо разстегнулъ сюртукъ и вынулъ изъ бокового кармана конвертъ, въ которомъ лежали три банковыхъ билета, посмотрѣлъ на билеты и положилъ ихъ опять въ конвертъ. Потомъ онъ вынулъ изъ кармана панталонъ пять новыхъ золотыхъ монетъ и сталъ ихъ разсматривать. Вотъ какое довѣріе внушило гг. Ватсону и Бяну поразительное сходство Киппса съ его матерью! Эти деньги они дали ему сейчасъ же.

Онъ положилъ деньги опять въ карманъ и пошелъ веселымъ, бодрымъ шагомъ. Онъ теперь богатый человѣкъ, очень богатый... Киппсъ прошелъ всю улицу до конца, повернулъ за уголъ, прошелъ еще одну улицу, потомъ повернулъ обратно, рѣшивъ пойти въ магазинъ и разсказать всѣмъ.

Вдругъ онъ замѣтилъ издали кого-то, переходящаго черезъ улицу, странно связаннаго со всѣмъ, что̀ онъ переживалъ въ эту минуту. Это былъ Читерло, тотъ, который первый ему все сказалъ. Актеръ шелъ по улицѣ очень рѣшительнымъ шагомъ, поднявъ голову вверхъ, и въ рукахъ у него были двѣ книги изъ библіотеки, газета, новая шляпа, завернутая въ бумагу, и сѣтка, въ которой лежали томаты и лукъ... Онъ скрылся за уголъ какъ разъ въ ту минуту, когда Киппсъ рѣшилъ поскорѣе нагнать его и разсказать ему о томъ, какая перемѣна произошла въ міровомъ порядкѣ. Киппсъ окликнулъ его, сталъ махать зонтикомъ, потомъ ускорилъ шаги, но напрасно,—Читерло исчезъ, точно сквозь землю провалился. Но самый видъ Читерло произвелъ хорошее впечатлѣніе на Киппса. Читерло былъ чѣмъ-то реальнымъ, какимъ-то разъясняющимъ звеномъ между прошлымъ и настоящимъ, а Киппсъ такъ нуждался въ подтвержденіи всего происшедшаго. Теперь все ясно—совсѣмъ ясно.

Ему захотѣлось какъ можно скорѣе разсказать всѣмъ,—онъ чувствовалъ, что тогда фантасмагорія превратится въ дѣйствительность. Онъ взялъ зонтикъ подъ мышку и пошелъ быстрыми шагами. Онъ вошелъ въ магазинъ черезъ дверь въ свое отдѣленіе мануфактурныхъ товаровъ и засталъ Пирса въ бесѣдѣ съ младшимъ ученикомъ. Пирсъ разъяснялъ, въ чемъ заключаются отличительныя черты истиннаго свѣтскаго изящества. Киппсъ подошелъ къ нимъ и остановился противъ прилавка.

— Какъ вы думаете, чтò со мной произошло? Угадайте!

— Вы воспользовались тѣмъ, что хозяинъ въ Лондонѣ, и улизнули изъ дома.

— Совсѣмъ не то, а гораздо болѣе важное.

— Такъ чтò же?

— Я получилъ наслѣдство.

— Да чтò вы!

— Да. Тысячу двѣсти фунтовъ годового дохода.

Онъ направился къ маленькой двери, которая вела изъ его отдѣленія въ домъ, а Пирсъ все еще стоялъ съ широко раскрытымъ ртомъ.

— Да,—сказалъ Киппсъ.—Я получилъ наслѣдство и уѣзжаю.—И онъ прошелъ наверхъ въ свою комнату.

X.

Случилось какъ разъ, что м-ръ Шальфордъ уѣхалъ въ этотъ день въ Лондонъ закупать товаръ и, вѣроятно, также повидать кандидатовъ на мѣсто Киппса. Не было такимъ образомъ никакихъ препятствій распространенію вѣсти о наслѣдствѣ Киппса съ одного конца магазина въ другой. Вся мужская половина служащихъ начинала всякій разговоръ въ этотъ день словами: „Слыхали про Киппса?“ Новая барышня у кассы узнала отъ Пирса и побѣжала разсказать въ модномъ отдѣленіи, что Киппсъ получилъ наслѣдство въ тысячу фунтовъ въ годъ или двѣнадцать тысячъ въ годъ. Цифры въ точности не были извѣстны, но самый фактъ былъ внѣ сомнѣнія. Передавали также, что Киппсъ пошелъ къ себѣ въ комнату, складывать вещи, и сказалъ, что не прослужитъ здѣсь ни одного дня больше, хотя бы ему за это дали тысячу фунтовъ. И говорили еще, что онъ ходитъ по комнатѣ и все время подсмѣивается надъ Шальфордомъ.

Наконецъ Киппсъ сошелъ внизъ и появился въ конторѣ; всѣ его окружили. Одинъ только бѣдный Буггинсъ все еще не зналъ, въ чемъ дѣло: онъ занятъ былъ въ магазинѣ, отпуская товаръ, и никакъ не могъ понять, чтò собственно происходитъ. Уже раздался звонокъ къ обѣду, но всѣ служащіе заняты были необычайной новостью, которую сообщали другъ другу; Киппсъ получилъ наслѣдство въ тридцать, въ сорокъ, въ пятьдесятъ тысячъ фунтовъ.

— Чтò такое?—крикнулъ старшій упаковщикъ и помчался въ контору такъ стремительно, точно ему сказали, что Киппсъ сломалъ себѣ шею.

— Одинъ изъ нашихъ служащихъ получилъ шестьдесятъ тысячъ фунтовъ наслѣдства,—сказалъ младшій приказчикъ, вернувшись къ покупательницѣ послѣ долгаго отсутствія.

— Совершенно неожиданно?—спросила покупательница.

— Совершенно,—отвѣтилъ приказчикъ.

— Если кто заслужилъ этого, то именно м-ръ Киппсъ,—сказала миссъ Мергль и, шурша шлейфомъ, направилась въ контору.

Тамъ Киппсъ стоялъ среди толпы поздравлявшихъ его товарищей. Лицо у него горѣло, и онъ все еще держалъ въ рукахъ шляпу и зонтикъ. Всѣ чистосердечно радовались его счастью, и послѣ ряда восклицаній и разспросовъ отправились всѣ гурьбой въ столовую обѣдать. Киппсъ сталъ уже по дорогѣ туда передавать свои впечатлѣнія.—Никогда ничего подобнаго не ожидалъ, —говорилъ онъ.—Когда старикъ Бинъ мнѣ сказалъ, я едва на ногахъ удержался... Онъ сказалъ: „Вамъ оставлено наслѣдство". Я и тогда подумалъ, что окажется фунтовъ сто, никакъ не больше.

За обѣдомъ общее возбужденіе еще поднялось. Экономка поздравляла Киппса, нарѣзывая мясо, и на радостяхъ даже давала всѣмъ бо̀льшія порціи, чѣмъ обыкновенно. Служанка, разносившая блюда, чуть не облила кого-то соусомъ, заглядѣвшись на героя такихъ удивительныхъ событій. А миссъ Мергль еще разъ повторила при всѣхъ, что считаетъ Киппса вполнѣ достойнымъ своего счастья.

— Вы теперь сдѣлаетесь большимъ бариномъ,—сказалъ Каршотъ.

— Навѣрное поѣдете въ Лондонъ,—говорилъ Пирсъ.—Сдѣлаетесь свѣтскимъ человѣкомъ. Будете ходить щеголемъ подъ Бурлингтонскими аркадами, съ букетикомъ фіалокъ въ петличкѣ. Конечно, наймете тамъ шикарныя комнаты въ Вестъ-Эндѣ,—такъ бы я поступилъ на вашемъ мѣстѣ. Сдѣлаетесь членомъ первокласснаго клуба.

— А вѣдь, кажется, въ эти клубы трудно попасть,—освѣдомился Киппсъ, съ аппетитомъ жуя картофель.

— Съ деньгами всюду можно попасть,—сказалъ Пирсъ, и барышня изъ отдѣленія кружевъ, которая знала свѣтъ по безстрашнымъ обличеніямъ Маріи Корелли, и потому презирала его, тоже прибавила:—Деньгами въ наше время можно всюду пробить себѣ путь.

Всѣ стали давать совѣты Киппсу. Каршотъ, какъ истый англичанинъ, совѣтовалъ ему поѣхать охотиться на медвѣдей; Пирсъ говорилъ, что нужно съѣздить во Францію; а старуха Бидди Мерфи, завѣдывавшая одной изъ большихъ мастерскихъ,

убѣждала его поѣхать въ Ирландію, потому что только тамъ красивая природа и хорошо охотиться, не говоря о томъ, что тамъ самыя красивыя женщины... Среди оживленныхъ толковъ Пирсъ сказалъ, что Киппсъ долженъ угостить ихъ всѣхъ шампанскимъ. Киппсъ съ радостью согласился,—и еслибы Шальфордъ случайно вернулся домой съ болѣе раннимъ поѣздомъ, чѣмъ предполагалъ, то можно себѣ представить, какъ бы онъ былъ пораженъ, увидавъ на обѣденномъ столѣ своихъ служащихъ бутылки съ золотыми горлышками. Шампанское принесли, раскупорили и стали наливать. Каршотъ потребовалъ, чтобы подали бокалы, потому что это не такое вино, которое пьютъ въ рюмкахъ, какъ портвейнъ или шерри.—Шампанское поднимаетъ духъ,—объяснялъ онъ,—и отъ него не пьянѣютъ. Онъ не крѣпче, чѣмъ лимонадъ. Настоящіе господа пьютъ его иногда каждый день.

— Да неужели?—недовѣрчиво переспросила экономка.—Вино по три шиллинга шесть пенсовъ—каждый день?

— Имъ это ни почемъ,—отвѣтилъ Каршотъ.

Всѣ окружили Киппса и такъ искренно поздравляли его и пили за его здоровье, что онъ едва могъ удержаться отъ слезъ. Какіе всѣ они, дѣйствительно, добрые люди, и какъ бы хотѣлось, чтобы и каждому изъ нихъ повезло, какъ и ему!

Послѣдствія обѣда съ шампанскимъ и общей радости по поводу наслѣдства Киппса давали себя чувствовать потомъ цѣлый день. Когда потомъ Каршотъ сталъ показывать кретоны одной покупательницѣ и хотѣлъ отодвинуть отвергнутыя штуки товара, чтобы отмѣрить купленный, онъ сдвинулъ ихъ такъ сильно, что онѣ скатились съ грохотомъ на полъ и отчасти на ноги стоявшему тутъ же младшему приказчику. А Буггинсъ, который долженъ былъ ходить по магазину въ то время, когда Каршотъ отпускалъ товаръ, дѣлалъ это съ необыкновенной важностью, размахивая моднымъ зонтикомъ, который онъ держалъ на одномъ пальцѣ.—Правда, очень они красивы, наши новомодные зонтики?—говорилъ онъ проходящимъ дамамъ, и послѣ короткой паузы прибавлялъ:—Удивительная случилась исторія! Одинъ изъ нашихъ служащихъ получилъ наслѣдство въ тысячу двѣсти фунтовъ въ годъ. Пріятные зонтики, не правда ли? Чтò еще прикажете, сударыня?—И онъ открывалъ дверь съ чрезвычайной любезностью, не переставая размахивать по воздуху зонтикомъ.

А второй ученикъ, продавая дешевый коленкоръ, неожиданно отвѣтилъ на вопросъ, крѣпкій ли онъ:

— Какой тамъ крѣпкій, сударыня!.. Не крѣпче простого лимонада.

Главный упаковщикъ возымѣлъ добродѣтельное рѣшеніе побить рекордъ скорости и необычайно быстро уложилъ и отправилъ всѣ покупки. Но зато м-ръ Свафенгэмъ, отправлявшійся на обѣдъ въ этотъ вечеръ въ семь часовъ, получилъ въ половинѣ седьмого, вмѣсто крайне необходимой ему фрачной сорочки, корсетъ, спеціально приспособленный для борьбы съ тучностью. А пакетъ нижняго платья, купленнаго старшей миссъ Вальдершомт, какимъ-то образомъ размѣщенъ былъ въ видѣ безплатныхъ приложеній къ цѣлому ряду покупокъ менѣе интимнаго свойства. А въ картонкѣ съ модными шляпами, которыя посылались лэди Пампортъ, какъ-то очутилась фуражка младшаго разсыльнаго.

Всѣ эти мелочи, незначительныя сами по себѣ, краснорѣчиво доказывали, однако, съ какой безкорыстной радостью принята была во всемъ магазинѣ Шальфорда вѣсть о неожиданномъ счастьи Киппса.

XI.

Старинный почтенный дилижансъ, свершавшій нѣсколько разъ въ недѣлю переѣзды между Фолькстономъ и Нью-Ромнэ, привезъ изъ Фолькстона среди своихъ пассажировъ одного несомнѣнно счастливаго человѣка. Это былъ Киппсъ. Онъ сидѣлъ на самомъ высокомъ сидѣньи, прямо надъ кучеромъ, и голова у него кружилась, отчасти отъ выпитаго шампанскаго, но главнымъ образомъ отъ чудеснаго переворота въ его жизни. Онъ ничего не говорилъ, но только смѣялся отъ времени до времени тихимъ, счастливымъ смѣхомъ. На колѣняхъ у него лежало банджо— предметъ давнишнихъ его мечтаній. Теперь онъ могъ себѣ позволить эту роскошь, и купилъ сейчасъ же свой любимый музыкальный инструментъ.

Рядомъ съ Киппсомъ сидѣла молоденькая служанка, которая все время ѣла мятныя лепешки, и маленькій мальчикъ, очень заинтригованный, повидимому, непрерывнымъ смѣхомъ Киппса. Рядомъ съ кучеромъ сидѣли еще два молодыхъ человѣка въ штиблетахъ. Вотъ въ этой компаніи ѣхалъ Киппсъ, и никто не подозрѣвалъ, что у него тысяча двѣсти фунтовъ годового дохода. Еслибы не такой предметъ роскоши, какъ банджо, онъ бы ничѣмъ не отличался по виду отъ самаго зауряднаго молодого человѣка.

Когда дилижансъ въѣхалъ въ Нью-Ромнэ и остановился передъ лавкой старика Киппса, кучеръ помогъ Киппсу снять

сверху банджо и чемоданъ. Киппсъ заплатилъ за проѣздъ, далъ сверхъ того на чай кучеру и пошелъ съ чемоданомъ въ домъ дяди. Старикъ Киппсъ вышелъ ему навстрѣчу уже на порогѣ. Онъ услышалъ, что дилижансъ остановился передъ его домомъ, и вышелъ посмотрѣть, кто пріѣхалъ.

— Здравствуйте, дядя!—сказалъ Киппсъ.

— Это что значитъ? —изумленно спросилъ старикъ.—Развѣ у васъ сегодня раньше закрыли магазинъ?

— Я къ вамъ пріѣхалъ съ удивительными новостями,—отвѣтилъ Киппсъ, ставя чемоданъ на полъ.

— Ужъ не отказали ли тебѣ отъ мѣста? А это что̀ такое? Господи помилуй, да вѣдь это банджо! Вотъ на что̀ ты тратишь деньги? Прими отсюда чемоданъ—онъ загораживаетъ дорогу въ лавку. Молли, иди-ка сюда!.. Да почему ты съ чемоданомъ? Неужели тебѣ, дѣйствительно, отказали отъ мѣста?

— Кое что произошло со мной, дѣйствительно,—отвѣтилъ Киппсъ, слегка смущенный нелюбезнымъ пріемомъ.—Но ничего худого. Я вамъ разскажу.

Въ эту минуту вошла тетя и тоже стала спрашивать, почему онъ пріѣхалъ. Киппсу не хотѣлось сразу сказать имъ, въ чемъ дѣло. Онъ примостилъ свои вещи въ углу комнаты, потомъ, повернувшись къ дядѣ и тетѣ, сказалъ имъ только:

— Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ повезло!

Старики стали высказывать свои догадки и, не дожидаясь отвѣта племянника, сокрушались о немъ. Тетка предположила, что онъ играетъ на скачкахъ, а дядя—что онъ бросилъ мѣсто, чтобы зарабатывать деньги пѣніемъ подъ аккомпаниментъ банджо; онъ уже рѣшилъ, что Артуръ, по легкомыслію, совершенно напоминаетъ свою бѣдную покойную мать. Во всякомъ случаѣ, оба уже не сомнѣвались, что мѣсто свое онъ оставилъ и, навѣрное, самымъ безразсуднымъ образомъ. Киппсъ подразнилъ ихъ нѣсколько минутъ, говоря, что онъ, дѣйствительно, рѣшилъ заняться игрой на банджо и пѣніемъ, что онъ вымажетъ себѣ лицо черной краской, чтобы походить на негра, и будетъ зарабатывать этимъ очень много денегъ.

— Двадцать-шесть тысячъ фунтовъ я могу заработать хоть сейчасъ, — сказалъ онъ. Насладившись ужасомъ, съ которымъ старики слушали его болтовню, онъ наконецъ перестаъ шутить и сказалъ спокойнымъ и серьезнымъ тономъ: — Я не пьянъ и съ ума не сошелъ, но то, что̀ говорю про деньги, правда. Я получилъ наслѣдство въ двадцать-шесть тысячъ фунтовъ.

Наступило молчаніе.

— И ты отказался отъ мѣста? — неожиданно для Киппса спросилъ его дядя.

— Ну, разумѣется.

— И купилъ банджо, и надѣлъ лучшую пару, и пріѣхалъ сюда. Такимъ дуракомъ, однако, я не считалъ тебя!

— Да вѣдь я вамъ говорю, что это дѣйствительно такъ. Двадцать-шесть тысячъ фунтовъ и домъ на берегу моря. Я бы могъ сразу поселиться тамъ. Но я не хотѣлъ. Я не зналъ, чтò собственно дѣлать, и мнѣ хотѣлось поѣхать къ вамъ и разсказать обо всемъ.

— Откуда ты знаешь, какой домъ?

— Мнѣ сказали.

— Да неужели же ты не понимаешь, Арти, что надъ тобой подшутили, чтобы посмотрѣть, какого ты дурака разыграешь?— сказалъ старикъ Киппсъ, качая головой съ сокрушеннымъ видомъ.—Ну, можно ли такъ попасться въ просакъ?

Тетка вполнѣ раздѣляла мнѣніе мужа, и когда Киппсъ оглянулся въ комнатѣ, когда онъ посмотрѣлъ на старую, жалкую обстановку, на свой старый, дешевенькій чемоданъ, онъ подумалъ, что, дѣйствительно, нельзя было представить себѣ здѣсь, что онъ вдругъ сталъ богатымъ человѣкомъ. Да и правда ли это, или только сонъ?.. Однако, если показать сто фунтовъ...

— Нѣтъ, дядя, — сказалъ онъ. — Все дѣйствительно такъ, какъ я вамъ говорю. Вы не вѣрите? Я получилъ письмо.

— Поддѣльное,—сказалъ старикъ Киппсъ.

— Но я отвѣтилъ на него и былъ послѣ того въ конторѣ. Тамъ со мной говорилъ очень почтенный старый джентльменъ. Онъ мнѣ все разъяснилъ. Ему можно вполнѣ вѣрить. Его зовутъ Ватсонъ и Бинъ,—т. е., это собственно былъ Бинъ. Онъ сказалъ, что мнѣ оставлено наслѣдство,—Киппсъ полѣзъ въ боковой карманъ и сталъ доставать что-то оттуда,—моимъ дѣдушкой.

Старики остолбенѣли. Дядя почему-то инстинктивно подошелъ къ камину и взялъ въ руки стоявшій тамъ дагерротипъ его умершей сестры.

— Имя моего дѣдушки было Вадди,—сказалъ Киппсъ; онъ все еще держалъ руку въ боковомъ карманѣ, не находя того, чтò искалъ.—Его сынъ былъ мой отецъ.

— Вадди?—произнесъ старикъ Киппсъ, и м-ссъ Киппсъ повторила вслѣдъ за нимъ:—Вадди?

— Она никогда не называла его имени,—сказалъ старикъ. Наступило короткое молчаніе. Киппсъ вынулъ наконецъ изъ кармана письмо, затѣмъ скомканное газетное объявленіе и три бан-

ковыхъ билета, и не могъ рѣшить, что изъ всего этого показать старикамъ для большей убѣдительности.

— Такъ, вѣроятно, тотъ молодой человѣкъ, который приходилъ и все спрашивалъ... — сказалъ старикъ Киппсъ и посмотрѣлъ на жену глубоко изумленнымъ взглядомъ.

— Это, навѣрное, онъ и былъ! — сказала м-ссъ Киппсъ и вскрикнула:—Джэмсъ, а вѣдь можетъ быть все это дѣйствительно правда!

— Сколько, ты говоришь, онъ тебѣ завѣщалъ? — спросилъ старикъ, и Киппсъ отвѣтилъ спокойно, съ оправдательными документами въ рукахъ, сидя за болѣе чѣмъ скромнымъ ужиномъ:

— Двадцать-шесть тысячъ фунтовъ. Приблизительно столько, по словамъ Бина. Онъ сдѣлалъ завѣщаніе незадолго до смерти,— съ мѣсяцъ тому назадъ, не больше,—такъ мнѣ сказалъ м-ръ Бинъ. Онъ до того все не хотѣлъ простить сына. Сынъ его умеръ въ Австраліи много лѣтъ тому назадъ, но тогда старикъ не простилъ его. Сынъ его и былъ мой отецъ. А когда старикъ заболѣлъ и умиралъ, то пожалѣлъ, что остался одинъ, оттолкнувъ семью сына. Онъ тогда и сказалъ м-ру Бину, что это онъ имъ помѣшалъ пожениться. Вотъ какъ все это случилось...

XII.

Уже поздно вечеромъ, Киппсъ поднялся, со свѣчкой въ рукахъ, наверхъ, въ маленькую комнатку, которая была его пріютомъ и убѣжищемъ въ дѣтствѣ и въ юности. У него голова шла кругомъ. Въ теченіе всего вечера ему давали всевозможные совѣты, предостерегали его, поздравляли, поили грогомъ и пили за его здоровье, кормили вкуснымъ ужиномъ. Дядя настаивалъ на томъ, чтобы онъ избралъ парламентскую карьеру; тетя все высказывала опасеніе, какъ бы онъ не женился на дѣвушкѣ низшаго круга.

— Твой долгъ—жениться на барышнѣ изъ очень хорошей семьи,—настаивала она.

Дядя, главнымъ образомъ, совѣтовалъ ему никому не довѣрять,—даже почтенному Бину, котораго Киппсъ, повидимому, ставилъ очень высоко. Адвокаты и стряпчіе—народъ хитрый.

Киппсъ сталъ медленно раздѣваться, и мысли его заняты были однимъ: двадцать-шесть тысячъ фунтовъ состоянія! Но тревога тетки относительно его женитьбы направила его мысли на то, что онъ временно забылъ подъ вліяніемъ чрезвычайныхъ со-

бытій. Мысли его вернулись теперь къ классу рѣзьбы по дереву. Двадцать-шесть тысячъ фунтовъ—это кое-что да значитъ! Онъ раздѣлся, легъ въ постель, прикрылся periной и положилъ голову на подушку, которой онъ ввѣрилъ первой свою любовь къ Анни Порникъ. Но теперь онъ не думалъ объ Анни Порникъ. Онъ занятъ былъ одновременно всѣми на свѣтѣ—кромѣ Анни Порникъ. Всѣ счастливыя событія дня осаждали его напряженный, уставшій мозгъ: онъ видѣлъ передъ собой и Бина, сообщившаго ему ошеломляющую вѣсть, и толстаго старика на берегу, который никакъ не хотѣлъ вѣрить, что онъ—собственникъ „Югедена", и миссъ Мергль, увѣренную въ томъ, что его счастье вполнѣ заслуженное, и Читерло, провалившагося какъ сквозь землю, и дядю съ тетей. Тетя боялась, какъ бы онъ не женился на дѣвушкѣ, недостойной его... она вѣдь не знала!

Онъ сталъ рисовать себѣ въ умѣ картину того, какъ онъ поразитъ весь классъ скромнымъ, но отчетливо произнесеннымъ заявленіемъ: „я получилъ наслѣдство въ двадцать-шесть тысячъ фунтовъ". Потомъ онъ спокойно, но твердо скажетъ, что всегда любилъ миссъ Уольшингэмъ, и что онъ поэтому принесъ съ собой всѣ свои двадцать-шесть тысячъ фунтовъ, чтобы передать ихъ ей, не требуя ничего взамѣнъ... Онъ передастъ ей все въ конвертѣ и уйдетъ. Конечно, онъ оставитъ себѣ банджо и купитъ еще подарокъ для тети и дяди, еще кое-что... напримѣръ, моторъ и механическое піанино. И также еще велосипедъ и новый велосипедный костюмъ...

Его планы стали запутываться, и онъ не то что заснулъ, а забылся въ хаосѣ несвязныхъ сновъ, въ которыхъ онъ то съѣзжалъ въ громоздкомъ дилижансѣ съ горы съ невѣроятной быстротой, стараясь не сшибить кого-то съ ногъ; то одѣвалъ безконечное количество платьевъ одно на другое, и все не такъ, какъ слѣдуетъ, такъ что вокругъ него всѣ смѣялись надъ нимъ; то ходилъ по морскому берегу въ костюмѣ шотландскаго горца, и Шальфордъ гнался за нимъ съ полицейскими, все повторяя: „онъ мой приказчикъ и сбѣжалъ отъ меня!.." Онъ пробовалъ спасаться бѣгствомъ, но у него свело ноги. Онъ въ ужасѣ крикнулъ—и проснулся. Поправивъ сползшую съ постели перину, онъ опять заснулъ, но очень тревожно. Ему казалось, что пора вставать, пойти вытирать пыль въ магазинѣ, а, открывъ глаза, онъ увидѣлъ, что темно, и сообразилъ, что онъ не въ домѣ Шальфорда. Ему уже начало казаться, что онъ сходитъ съ ума, и, наконецъ, онъ что-то опять понялъ: „Двадцать-шесть тысячъ фунтовъ!"—прошепталъ онъ, охваченный какимъ-то паническимъ

ужасомъ: ему на минуту показалось, что это какая-то страшная тяжесть, которая навалилась на него. Окончательно проснувшись, наконецъ, онъ успокоился, поправилъ постель и спокойно улегся обратно. Все прояснилось въ его сознаніи. Онъ зналъ, что ему уже не нужно вставать ровно въ семь часовъ, что онъ можетъ лежать въ постели до какого-угодно часа, дѣлать, что захочетъ, заказать къ завтраку, что только пожелаетъ... а главное, онъ сможетъ изумить миссъ Уольшингэмъ своимъ великодушіемъ.

Онъ проснулся на зарѣ отъ пѣнія жаворонка. „Тысяча-двѣсти фунтовъ въ годъ!.. Недурно!.. Недурно!..“

Киппсъ сталъ протирать глаза пальцами, потомъ соскочилъ съ кровати и сталъ быстро одѣваться. Ему хотѣлось какъ можно скорѣе начать новую жизнь.

XIII.

Въ нашъ разсказъ вступаетъ теперь новое лицо—до нѣкоторой степени добрый геній Киппса,—изящный, прекрасно воспитанный и любезный м-ръ Честеръ Кутъ. Читатель долженъ представить себѣ его въ тотъ моментъ, когда онъ направляется въ сумерки въ общественную библіотеку въ Фолькстонѣ; походка его—идеалъ корректности. Онъ держится очень прямо; у него большая голова, очевидно полная значительныхъ мыслей, и въ рукѣ онъ держитъ большой конвертъ, имѣющій внушительный оффиціальный видъ. Въ другой рукѣ у него палка съ золотымъ набалдашникомъ. На немъ сѣрый сюртукъ, тщательно застегнутый на всѣ пуговицы, и онъ отъ времени до времени покашливаетъ. У него крупный носъ, сѣрые глаза и нѣсколько тяжелый ротъ; нижняя челюсть слегка выдается. Соломенная шляпа надвинута на лобъ; онъ вглядывается въ глаза каждому встрѣчному и отводитъ взглядъ, какъ только ему отвѣчаютъ на его взглядъ такимъ же.

Таковъ м-ръ Честеръ Кутъ, агентъ по покупкѣ домовъ, истинный джентльменъ и очень полезный членъ общества. Начиная отъ любительскаго спектакля и до научныхъ классовъ — ничто не могло состояться въ его округѣ безъ него. Онъ участвовалъ также и въ церковномъ хорѣ, обладая нѣсколько нетвердымъ и дребезжащимъ, но не лишеннымъ пріятности басомъ.

Теперь онъ направлялся въ библіотеку и, встрѣтивъ по дорогѣ священника, поднялъ вверхъ, въ знакъ привѣтствія, большой кон-

вертъ, который держалъ въ рукѣ, затѣмъ улыбнулся и вошелъ въ библіотеку; тамъ онъ и встрѣтилъ Киппса.

Прошло уже больше недѣли съ тѣхъ поръ, какъ Киппсъ сталъ богатымъ человѣкомъ, и эта перемѣна обстоятельствъ сказывалась и въ его внѣшнемъ видѣ. На немъ былъ новый костюмъ изъ сѣрой фланели, панама на головѣ, красный галстукъ и въ рукахъ палка съ черепаховымъ набалдашникомъ. Онъ чувствовалъ вполнѣ сознательно, что сталъ другимъ человѣкомъ за эту недѣлю, чувствовалъ себя равнымъ любому герцогу, но въ глубинѣ души не зазнавался. Онъ перелистывалъ каталогъ, когда увидѣлъ передъ собой м-ра Кута, который улыбнулся ему самымъ любезнымъ образомъ.

— Вы тутъ что̀ дѣлаете? — спросилъ м-ръ Честеръ Кутъ.

— Такъ, заглянулъ отъ нечего дѣлать!—отвѣтилъ Киппсъ, уже чувствуя, какъ повысилось его общественное положеніе по фамильярному тону м-ра Кута.

— Я вернулся въ Фолькстонъ нѣсколько дней тому назадъ!—продолжалъ онъ.—Я живу здѣсь въ моемъ домѣ.

— Вотъ какъ! — сказалъ м-ръ Кутъ.—Я еще не имѣлъ случая поздравить васъ съ вашимъ необычайнымъ счастьемъ. Позвольте сдѣлать это теперь.

Киппсъ пожалъ протянутую ему руку.

— Да, такого сюрприза я, дѣйствительно, не ожидалъ,—сказалъ онъ.—Когда м-ръ Бинъ сообщилъ мнѣ о наслѣдствѣ, я чуть съ ногъ не свалился. Все вѣдь измѣнилось для меня въ жизни. Я собственно говоря, и теперь еще не могу хорошо сообразить...

— Да, перемѣна поразительная! — согласился м-ръ Кутъ.— Что̀ же, вы остаетесь въ Фолькстонѣ?

— Пока, во всякомъ случаѣ, остаюсь. У меня вѣдь здѣсь домъ моего дѣдушки. Я оставилъ ту же экономку, которая ведетъ хозяйство. Подумайте, какъ это странно: жить въ томъ же городѣ, когда все до такой степени измѣнилось! Непостижимо, да и только!

Разговоръ на минуту прекратился.

— Вы собираетесь читать теперь что-нибудь?—спросилъ Кутъ.

— Нѣтъ, я еще ничего не выписалъ. Я только просматриваю каталогъ. Удивительно хорошо тутъ все устроено. Знаешь, гдѣ о чемъ прочесть. Прелесть что̀ такое!

— Да, удобно,—сказалъ Кутъ и опять кашлянулъ, глядя Киппсу въ глаза. На минуту они оба замолчали, но было ясно, что имъ не хотѣлось разставаться. Особенно Киппсу, которому было пріятно и лестно говорить съ такимъ человѣкомъ, какъ м-ръ Кутъ.

— Вы не очень заняты теперь?—спросилъ Киппсъ.

— Мнѣ нужно только передать бумагу относительно классовъ,—отвѣтилъ Кутъ.

— Такъ не зайдете ли ко мнѣ покурить и поболтать?—предложилъ Киппсъ.

Онъ очень несмѣло сказалъ это, боясь, не нарушаетъ ли онъ самыхъ элементарныхъ правилъ этикета, можно ли просить людей къ себѣ въ такой часъ.

— Я былъ бы очень, очень радъ,—прибавилъ онъ.

М-ръ Кутъ согласился; онъ пошелъ только передать свой пакетъ библіотекарю, и черезъ нѣсколько минутъ вернулся къ Киппсу, говоря, что онъ теперь вполнѣ къ его услугамъ. Они направились вмѣстѣ къ выходу. У каждой двери у нихъ происходили легкія пререканія, такъ какъ каждый хотѣлъ пропустить другого первымъ. Наконецъ они очутились на улицѣ.

— Съ непривычки все это для меня очень странно,—сказалъ Киппсъ.—Имѣть собственный домъ, ничего не дѣлать... Я не знаю даже, куда время дѣвать... Вы курите?—спросилъ онъ и вынулъ великолѣпный кожаный портъ-сигаръ съ золотыми украшеніями. Кутъ отказался курить, но попросилъ Киппса не стѣсняться и курить самому. Нѣсколько времени они шли молча. Первымъ заговорилъ Кутъ.

— Сколько у васъ собственно дохода? спросилъ онъ.

— Тысяча двѣсти фунтовъ въ годъ,—отвѣтилъ Киппсъ.—И даже нѣсколько больше.

— Вы думаете поселиться навсегда въ Фолькстонѣ?

— Не знаю, право. Можетъ быть. А можетъ быть и нѣтъ. Я вѣдь могу сдать свой домъ въ наемъ. Я еще ничего не рѣшилъ.

— Красивый закатъ!—сказалъ Кутъ, и они заговорили о красотѣ солнечныхъ закатовъ. Кутъ спросилъ, умѣетъ ли Киппсъ рисовать и писать красками. Киппсъ отвѣтилъ, что съ дѣтства этимъ не занимался, и теперь наврядъ ли уже можетъ. Кутъ сообщилъ ему, что его сестра хорошо пишетъ красками, и Киппсъ выслушалъ это съ большимъ вниманіемъ. Оказалось, что и Кутъ самъ хотѣлъ бы заняться искусствомъ, но къ сожалѣнію у него нѣтъ времени. Они въ это время подходили къ концу набережной, и передъ ними разстилалась живописная картина гавани въ вечернемъ освѣщеніи. — Вотъ бы написать это все!. сказалъ Кутъ. Киппсъ откинулъ голову съ видомъ знатока, наклонилъ ее въ одну сторону, посмотрѣлъ на гавань, прищуривъ одинъ глазъ, и сказалъ, что это не легкая штука. Потомъ

Киппсъ закурилъ новую папиросу, бросивъ первую недокуренной. Онъ былъ доволенъ собой, находя, что въ достаточной степени поддерживалъ разговоръ.

Глядя на море, Кутъ сказалъ, что хорошо выѣзжать въ море въ такую тихую погоду, и спросилъ, много ли Киппсъ уже путешествовалъ. Киппсъ сказалъ, что „не много“, но что онъ собирается поѣхать въ Булонь. Тогда Кутъ сталъ говорить о прелестяхъ путешествій, и назвалъ цѣлый рядъ мѣстъ, о которыхъ Киппсъ никогда и не слыхалъ. Онъ старался поддерживать разговоръ, не выдавая своего невѣжества, но внутренно чувствовалъ, что все равно долго притворяться онъ не сможетъ...

Они подошли къ дому Киппса, и онъ видимо заволновался. Входъ къ нему былъ, дѣйствительно, очень внушительный. Киппсъ постучалъ не одинъ разъ и все-таки не два, а какъ-то полтора— не какъ хозяинъ, а какъ оробѣвшій посѣтитель. Имъ открыла дверь горничная, чрезвычайно корректная, и видно было, что Киппсъ нѣсколько боялся ея. Онъ спросилъ: „Въ кабинетѣ затопленъ каминъ, Мэри?“ — зная, что вопросъ совершенно излишній, и провелъ гостя наверхъ. Дѣвушка послѣдовала за ними, чтобы зажечь лампу, и пока она была въ комнатѣ, Киппсъ не могъ говорить; онъ только усиленно ходилъ по комнатѣ, отъ двери къ окну и обратно, чтобы показать, что чувствуетъ себя какъ дома. М-ръ Кутъ подошелъ къ камину, потомъ обернулся, поглядѣлъ на Киппса и погладилъ себѣ затылокъ рукой: это былъ одинъ изъ его любимыхъ жестовъ.

— Ну, вотъ мы и у себя,—сказалъ Киппсъ, положивъ руки въ карманы. Комната, въ которой они находились, была большая, съ тяжелыми, загрязнившимися лѣпными украшеніями на стѣнахъ и потолкѣ. Въ ней стояли два большихъ книжныхъ шкапа, съ стеклянными дверями, и на одномъ стояло подъ стекляннымъ колпакомъ чучело собаки. Надъ каминомъ висѣло зеркало; на окнахъ и дверяхъ были яркія красныя занавѣси и драпри. На каминѣ стояли также тяжелые черные каминные часы, затѣмъ вазы и большія пепельницы изъ лавы. У окна стоялъ большой письменный столъ.

— Это былъ кабинетъ моего дѣдушки,—сказалъ Киппсъ.— Онъ тутъ сидѣлъ и писалъ.

— Книги?

— Нѣтъ. Письма въ „Times“ и все такое. У него тутъ всѣ вырѣзки наклеены въ спеціальный для этого альбомъ. Вотъ тутъ въ шкапу... Чтò же вы не сядете? — Кутъ сѣлъ, слегка отдуваясь, и Киппсъ сталъ передъ нимъ на большой медвѣжьей

шкурѣ, разостланной передъ каминомъ. Онъ разставилъ ноги и, видимо, хотѣлъ принять непринужденный видъ. Но среди этой внушительной обстановки, стоя у камина съ огромнымъ зеркаломъ, на пышномъ коврѣ, онъ казался особенно ничтожнымъ и жалкимъ существомъ, и его собственная тѣнь на противоположной стѣнѣ какъ бы смѣялась надъ нимъ...

XIV.

Вначалѣ Киппсъ давалъ только реплики, а весь разговоръ велъ м-ръ Кутъ. Они исчерпали вопросъ о необыкновенной перемѣнѣ въ судьбѣ Киппса, и Кутъ перешелъ на болѣе общія темы, заговоривъ о мѣстныхъ и общественныхъ дѣлахъ.—Вамъ слѣдуетъ теперь вникать во все это,—сказалъ онъ. Изъ разговора скоро выяснилось, что у Кута очень большія общественныя связи. Онъ говорилъ о томъ, какое въ ихъ сосѣдствѣ смѣшанное общество, и какъ трудно убѣдить людей дѣйствовать заодно, когда всѣ замыкаются въ своихъ обособленныхъ кружкахъ. Онъ упоминалъ, между прочимъ, имена людей высшихъ военныхъ круговъ, и даже назвалъ одну титулованную особу, нѣкую лэди Понэтъ. Онъ сдѣлалъ это, конечно, безъ всякаго снобизма, не нарочно, а такъ, только потому, что приходилось къ слову. Онъ говорилъ, что устраивалъ вмѣстѣ съ нею какой-то благотворительный спектакль; она требовала чего-то совершенно нелѣпаго, а онъ ее урезонилъ,—конечно, очень мягко, но твердо. —Необходимо дѣйствовать съ ними именно такъ,—сказалъ Кутъ. Потомъ выяснилось, что онъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ мѣстнымъ духовенствомъ. И по мѣрѣ того, какъ Кутъ говорилъ, онъ все выросталъ въ глазахъ Киппса; онъ казался ему не только вообще замѣчательнымъ человѣкомъ, у котораго сестра пишетъ картину для академической выставки и т. д., не только образцовымъ джентльменомъ, но представителемъ настоящаго „свѣта", гдѣ держатъ лакеевъ, являются къ обѣду во фракахъ, пьютъ вино—иногда по три съ полтиной за бутылку, гдѣ жизнь проходитъ среди лабиринта непостижимыхъ тонкостей этикета.

Кутъ развалился въ креслѣ, курилъ папироску и, видимо, наслаждался сознаніемъ своей свѣтскости. Киппсъ слушалъ его съ волненіемъ, чувствуя себя все болѣе и болѣе несоотвѣтствующимъ своему новому положенію. Бесѣда съ Кутомъ была полна для него захватывающаго интереса. Вскорѣ она утратила первоначальный общій характеръ и становилась все болѣе серьезной

и интимной. Кутъ сталъ говорить о людяхъ, которымъ повезло и которымъ не повезло, о тѣхъ, которые заняли положеніе въ свѣтѣ, и о тѣхъ, которымъ никакъ не удается попасть въ свѣтское общество. Наконецъ онъ перешелъ къ положенію самого Киппса.

— Для васъ начинается теперь пріятная жизнь, — сказалъ онъ, улыбаясь.

— Не знаю ужъ...—отвѣтилъ Киппсъ.

— Конечно, не нужно дѣлать глупостей и попадаться въ просакъ.

— Въ томъ-то и дѣло!

Кутъ закурилъ новую папиросу.—Сознаюсь, что меня интересуетъ, какъ сложится теперь ваша жизнь,—сказалъ онъ.—Когда молодой человѣкъ вдругъ оказывается обладателемъ большого состоянія, ему представляется множество соблазновъ.

— Я долженъ быть страшно остороженъ!—сказалъ Киппсъ.—Мнѣ уже говорилъ это Бинъ.

Кутъ сталъ говорить о разныхъ опасностяхъ, о скачкахъ, о дурномъ обществѣ.—Знаю, знаю,—поддакивалъ Киппсъ.

— Нехорошо также, когда начинаются сомнѣнія,—продолжалъ Кутъ.—Я зналъ одного молодого человѣка, адвоката, красиваго, талантливаго, но при этомъ невозможнаго скептика...

— Господи! — воскликнулъ Киппсъ. — Неужели онъ былъ атеистъ?

— Вотъ именно,—сказалъ Кутъ.—Такой славный молодой человѣкъ, но заразился всей этой модной ерундой, — настоящій циникъ. Сверхъ-человѣчество и все такое... Ницше!.. Очень мнѣ его жаль. Я бы много далъ, чтобы спасти его.

— Да, я тоже зналъ такого,—сказалъ Киппсъ, стряхивая пепелъ съ папиросы.—Одинъ изъ нашихъ служащихъ. Надо всѣмъ смѣялся... Онъ бросилъ мѣсто и пошелъ въ солдаты.

— Жалко также, — продолжалъ Кутъ, — что именно самые лучшіе сбиваются съ пути.

— Соблазны жизни!—замѣтилъ Киппсъ.

— Въ томъ-то и дѣло, — подтвердилъ Кутъ. — Современная жизнь такая сложная, и такъ много зависитъ отъ вліянія окружающей среды даже на самыхъ честныхъ по природѣ юношей...

— Да, вотъ и я...—началъ Киппсъ, на котораго нашло желаніе каяться. — Познакомился я съ однимъ актеромъ. Умный малый, что̀ и говорить. Мы много говорили о томъ, о семъ... ну, а при этомъ и пили—„Старый Маѳусаилъ“, три звѣздочки.

Знаете, я напивался.— Потомъ онъ прибавилъ, чувствуя жажду каяться безъ конца:—Я много разъ напивался...

— Ай-ай-ай!—сказалъ Кутъ.

— Разъ двѣнадцать за послѣднее время,—продолжалъ Киппсъ, у котораго разыгралось воображеніе.—Ну, а одно влечетъ за собой и другое: карты, женщины...

— Знаю,—сказалъ Кутъ,—знаю!

Киппсъ сталъ глядѣть въ огонь и, слегка покраснѣвъ, пробормоталъ что-то о томъ, что не слѣдуетъ выдавать тайны. Потомъ онъ прибавилъ твердымъ голосомъ:

— Но теперь я рѣшилъ исправиться.

— Это необходимо,—поддержалъ его Кутъ.

— Да, необходимо, — сказалъ Киппсъ, медленно качая головой. Онъ бросилъ недокуренную папиросу въ огонь, внутренно довольный тѣмъ, что сумѣлъ поддержать разговоръ въ надлежащемъ тонѣ. Но такъ какъ онъ не былъ лгуномъ по натурѣ, то почувствовалъ тотчасъ же желаніе возстановить хоть отчасти истину.

— Конечно, я не могу сказать, что я дѣйствительно пилъ до безчувствія... Такъ, иногда, до головной боли... и то раза три, четыре, не больше,—сказалъ онъ.—Но вотъ это, дѣйствительно, случалось.

— Я никогда не пилъ спиртныхъ напитковъ,—откровенно сознался Кутъ,—и, вѣроятно, никогда не испытаю, чтò значитъ быть пьянымъ. Конечно, иногда, за обѣдомъ, рюмку вина выпить не мѣшаетъ. Но бѣда въ томъ, что потомъ не знаешь, когда остановиться. Поэтому лучше совсѣмъ не пить. Я только курю— вотъ моя слабость.

Киппсъ посмотрѣлъ на Кута и подумалъ о томъ, какой онъ славный, какой воспитанный человѣкъ, и какъ бы хорошо было поручить себя его покровительству.

— Да,—сказалъ онъ,—самое главное, это—хорошее общество. Особенно это важно для меня,—откровенно сознался онъ.— Я чувствую себя невѣжественнымъ, не знаю никогда, чтò слѣдуетъ дѣлать, какъ поступать. Я бы, напримѣръ, хотѣлъ бывать въ такомъ обществѣ, какъ миссъ Уольшингэмъ и ея подруги, но я даже боюсь заговорить съ ними, не зная, какъ вести себя.— Я воспитывался въ школѣ,—продолжалъ онъ,—въ частной, а не въ простой, городской, но все-таки только теперь чувствую, до чего я не подготовленъ для общества. Теперь, когда у меня оказались деньги, я не знаю, чтò дѣлать... Я откровенно вамъ говорю,—прибавилъ онъ, понижая голосъ.—Я чувствую, что я— не джентльменъ.

Кутъ съ серьезнымъ видомъ утвердительно покачалъ головой.

— А между тѣмъ на васъ теперь лежатъ обязанности джентльмена.

— Въ томъ-то и дѣло,—сказалъ Киппсъ.—Вотъ, напримѣръ, визиты. Если хочешь возобновить знакомство съ кѣмъ-нибудь, кого зналъ,—какъ это сдѣлать?—Онъ нервно засмѣялся.—Я—какъ рыба, которую вытащили изъ воды...—сказалъ онъ, глядя на Кута выжидающимъ взглядомъ.

Но Кутъ сдѣлалъ знакъ, чтобы онъ продолжалъ.

— Вотъ, напримѣръ, мой актеръ,—продолжалъ Киппсъ.—Онъ славный, но онъ совсѣмъ не джентльменъ. А кромѣ него я знаю только прежнихъ товарищей по магазину. Они милые. Мы съ ними ужинали недавно, я пѣлъ и игралъ на банджо. Это все пріятно, но ни къ чему не можетъ привести. Есть у меня тетя и дядя. Они очень славные старики, но слишкомъ вмѣшиваются въ мои дѣла, хотятъ, чтобы я дѣлалъ все по ихнему, какъ маленькій. Это вѣдь все не то. Я знаю—мнѣ нужно общество образованныхъ людей... Вотъ, будь у меня такой другъ, какъ вы...

Съ этой минуты они очень быстро и легко стали столковываться.

— Еслибы я могъ быть вамъ полезенъ,—сказалъ Кутъ.

— Но вѣдь вы заняты и все такое.

— Я не такъ ужъ занятъ, какъ вы думаете. И вы меня очень интересуете... Молодой человѣкъ съ деньгами, неопытный, очень симпатичный... я съ радостью готовъ служить вамъ моимъ опытомъ.

— Такъ вы согласились бы быть моимъ другомъ?

— Съ радостью, дорогой Киппсъ... если вы позволяете такъ называть васъ. Я сдѣлаю для васъ все, что только могу.

Такъ заключенъ былъ союзъ между ними. Они сдѣлались друзьями на томъ основаніи, что Киппсу нуженъ былъ руководитель въ житейскихъ дѣлахъ, а Кутъ увлекся страстью къ педагогической тиранніи, къ наставничеству, которая составляетъ слабость многихъ самолюбивыхъ, домогающихся власти людей.

Съ англ. З. В.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ
ВЪ
КАЛИФОРНІИ.

Въ 5 часовъ и 15 минутъ утра 5-го (18-го) апрѣля вся территорія Сѣверо-Американскаго Союза подверглась землетрясенію; оно было особенно сильно на тихоокеанскомъ побережьи въ окрестностяхъ залива Санъ-Франциско, приблизительно миль на сто во всѣхъ отъ него направленіяхъ. Теперь уже извѣстно, что оно же, и почти въ тотъ же моментъ, потрясло и Гавайскіе и Филиппинскіе острова, и Австралію, и Италію, и даже Москву, слѣдовательно, чувствовалось одновременно почти на всемъ земномъ шарѣ. Городъ Санъ-Франциско, повидимому, былъ центромъ этого землетрясенія, и теперь окончательно разрушенъ. Землетрясеніе началось тремя толчками, непосредственно слѣдовавшими одинъ за другимъ и продолжавшимися, всѣ вмѣстѣ, только около 45 секундъ; затѣмъ были болѣе слабые толчки въ 8 и 10 часовъ утра и въ 2 и 8 часовъ пополудни въ тотъ же день и въ полдень на слѣдующій; послѣдній былъ довольно силенъ въ южной Калифорніи, въ нашемъ городѣ Лосъ-Анжелесѣ. Толчки эти продолжались по всему тихоокеанскому побережью и послѣ. Все разрушеніе было произведено первыми тремя толчками,—остальные были незначительны, хотя и нагнали ужасъ на все наше побережье.

Городъ Санъ-Франциско расположенъ на сѣверо-восточной оконечности длиннаго и узкаго полуострова, отдѣляющаго южную часть залива Санъ-Франциско отъ Тихаго океана. Сѣверо-западная оконечность этого полуострова, свыше полуторы тысячи акровъ,

занята военной резервацiей, принадлежащей федеральному правительству и называемой Presidio; на ней расположено нѣсколько фортовъ, защищающихъ входъ въ заливъ, проливъ Golden Gate—Золотыя Ворота, — казармы, военные госпитали, лѣтній лагерь для войскъ и помѣщенія управленія калифорнскаго военнаго округа. Все это или разрушено, или болѣе или менѣе повреждено землетрясеніемъ. Пристани, доки и верфи расположены отчасти на сѣверномъ, но преимущественно на восточномъ берегу полуострова; какъ они, такъ и дѣловыя и мануфактурныя и старыя резиденческія части города очень скучены, такъ что на пространствѣ, приблизительно, 12 квадратныхъ англійскихъ миль [1]) жило около 9/10 всего населенія города; только новыя, болѣе бѣдныя резиденческія части, разросшіяся за послѣдніе года на песчаныхъ дюнахъ, на западъ отъ стараго города и въ направленіи Тихаго океана, разбросаны болѣе или менѣе. Когда, въ 1848 году, Санъ-Франциско былъ основанъ какъ всякій американскій городъ, восточный берегъ полуострова былъ очень пологъ и заливъ очень мелокъ на большое разстояніе, такъ что суда приходилось перегружать на мелко сидящія баржи; все это мелкое пространство было съ теченіемъ времени засыпано, такъ что искусственный берегъ отодвинулся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на цѣлую милю на востокъ, гдѣ вода достигала 30—35 футовъ глубины, и вся эта искусственная насыпь, нѣсколько квадратныхъ миль, была застроена дѣловой частью города — до пятидесяти кварталовъ многоэтажныхъ каменныхъ громадъ на насыпномъ грунтѣ. Presidio и сѣверная часть города, выходящія на проливъ Golden Gate, состоятъ изъ крутыхъ и довольно высокихъ холмовъ, съ гранитомъ, какъ подпочвой; затѣмъ слѣдуетъ вышеописанное насыпанное пространство, пологое и ровное, а къ нему примыкаетъ песчаная равнина, идущая на западъ до берега Тихаго океана; почти вся западная ея часть, болѣе чѣмъ на половину разстоянія между заливомъ и океаномъ, занята огромнымъ и великолѣпнымъ городскимъ паркомъ, Golden Gate Park. На югъ отъ этого насыпного пространства и равнины, простирающихся отъ трехъ до пяти миль въ ширину съ сѣвера на югъ и около десяти въ длину съ востока на западъ, начинаются непосредственно предгорья крутого и высокаго горнаго хребта, называемаго Coast Range (Береговой хребетъ), идущаго вдоль самаго берега океана на югъ на нѣсколько сотъ миль, съ вершинами до десяти тысячъ футовъ надъ поверхностью моря.

---

[1]) Англійская миля—почти какъ-разъ полторы русскихъ версты.

Заливъ Санъ-Франциско считается одною изъ лучшихъ и обширнѣйшихъ гаваней всего міра; въ него впадаютъ съ сѣвера рѣка Сакраменто, а съ юга—Санъ-Іоакинъ, единственныя судоходныя на значительныя разстоянія рѣки Калифорніи, обслуживающія всю ея великую центральную долину. Благодаря этимъ преимуществамъ, городъ Санъ-Франциско съ самаго дня своего основанія сдѣлался главнымъ мануфактурнымъ и торговымъ центромъ не только своего штата, но и всего тихоокеанскаго побережья; съ открытіемъ же, въ 1868 году, первой американской трансконтинентальной желѣзной дороги—сталъ главнымъ этапомъ всей американской торговли съ Дальнимъ Востокомъ и Австралазіей. Онъ росъ чрезвычайно быстро, и съ теченіемъ времени обратился въ одинъ изъ богатѣйшихъ и наиболѣе цвѣтущихъ и дѣятельныхъ всемірныхъ портовъ. По послѣдней федеральной переписи 1900 года въ немъ показано 342.000 жителей,—но съ тѣхъ поръ онъ выросъ очень существенно, такъ какъ сначала присоединеніе Гавайскихъ и Филиппинскихъ острововъ и испано-американская война, а затѣмъ русско-японская значительно расширили его торговыя дѣла, вызвали строительную горячку и привлекли въ послѣднее время въ его предѣлы, minimum, сто тысячъ народу, такъ что къ 1-му января 1906 г. въ немъ считалось не меньше 450.000 постоянныхъ жителей, да по крайней мѣрѣ 50.000 случайнаго населенія и туристовъ,—такъ какъ апрѣль мѣсяцъ считается у насъ вершиной туристскаго сезона, когда все переполнено,—и въ моментъ землетрясенія въ его предѣлахъ находилось не менѣе полумилліона народа.

Сначала золотая горячка, а затѣмъ желѣзно-дорожно-строительныя, торговыя и мануфактурныя преимущества дали городу Санъ-Франциско очень многочисленный и нигдѣ болѣе, вѣроятно, на земномъ шарѣ не встрѣчающійся исключительный классъ скороспѣлыхъ богачей,—людей, въ нѣсколько лѣтъ, а иногда и въ одинъ день превратившихся изъ простыхъ чернорабочихъ въ мульти-милліонеровъ. Имена Лика, Станфорда, Хопкинса, Хюнтингтона, Крокеровъ, Фэра, Флуда, Макэя, Шарона, Сютро, Тилэна, Миллса—хорошо извѣстны не только по всему Союзу, но и въ Европѣ. Сотни другихъ пользуются широкой мѣстной извѣстностью. Благодаря, вѣроятно, исключительности своего внезапнаго возвышенія на жизненномъ поприщѣ, почти всѣ эти люди отличались большей или меньшей оригинальностью, и объ ихъ странностяхъ сложилась въ нашемъ народномъ представленіи цѣлая серія легендъ. Но общей ихъ чертой была великая любовь къ Калифорніи вообще и къ Санъ-Франциско въ особен-

ности; они гордились имъ, щедро жертвовали цѣлые милліоны на его общественныя нужды, выстроили для его украшенія многія чудныя зданія, а самимъ себѣ роскошнѣйшіе дворцы, биткомъ набитые рѣдкими и цѣнными произведеніями искусствъ. Въ Союзѣ съ полдюжины городовъ больше Санъ-Франциско, но не было ни одного, въ которомъ была бы скоплена такая масса цѣнныхъ частныхъ библіотекъ, картинныхъ и скульптурныхъ галерей, и единственныхъ въ Америкѣ антикварныхъ и другихъ коллекцій. Это были не совсѣмъ обыкновенные меценаты, отличавшіеся не тароватостью, а безпредѣльной щедростью, и умѣвшіе предоставлять выборъ людямъ, знающимъ толкъ въ этой, совершенно самимъ имъ незнакомой, области. Кромѣ этихъ своихъ вліяній, они своей чуткой отзывчивостью на всякую общественную и даже частную нужду сумѣли оградить свою общину отъ порабощенія исключительно себялюбивымъ интересамъ, отъ жесткой эгоистичности янки Востока. Санъ-Франциско всегда шелъ во главѣ разныхъ соціальныхъ экспериментовъ, новыя умственныя теченія всегда находили въ немъ пристанище и привѣтъ, и его народныя массы никогда не были такъ подвластны капиталу и правящимъ классамъ, какъ въ другихъ частяхъ Союза. Вѣроятно, благодаря этому, Санъ-Франциско не отставалъ отъ другихъ всемірныхъ центровъ и въ умственномъ отношеніи; — онъ далъ міру такихъ писателей, какъ Бретъ Гартъ, такихъ поэтовъ, какъ Маркгамъ, такимъ мыслителей, какъ Генри Джорджъ, такихъ ученыхъ, какъ Леконтъ и Лоебъ, и цѣлые десятки менѣе громкихъ именъ и въ литературѣ, и въ наукѣ. Онъ могъ справедливо гордиться своими университетами въ Берклэѣ и Станфордѣ, по извѣстности своихъ профессоровъ, числу студентовъ, великолѣпію зданій, богатству библіотекъ, учебныхъ пособій и коллекцій, соперничествовавшихъ съ старѣйшими и лучшими университетами страны. Уже долгое время Санъ-Франциско былъ признаннымъ средоточіемъ умственной, артистической и музыкальной жизни всего дальняго запада Америки. Въ немъ активно и плодотворно работали многія ученыя общества; въ немъ постоянно проживали многочисленныя писательскія, художническія и музыкальныя колоніи, многіе члены которыхъ обладали серьезными талантами и были извѣстны по всему Союзу. „Клубъ богемы“ былъ единственнымъ въ своемъ родѣ учрежденіемъ во всей Америкѣ. Театры процвѣтали и отличались необычной у насъ требовательностью къ артистамъ. Вообще, Санъ-Франциско былъ и Аѳинами, и Парижемъ всего американскаго Запада; это былъ городъ очень гостепріимный и веселый, въ весьма значительной степени

оригинальный, не признававшій многихъ общепринятыхъ тенетъ чопорнаго Востока и жившій своей собственной, своеобразной жизнью, выработанной необычными условіями всей его исторія. Серьезные умственные интересы, искусство, даже богема имѣли въ ней опредѣленныя, прочныя мѣста, открыто спорили за преобладаніе съ коммерческимъ и денежнымъ духомъ. Есть всяческое основаніе предполагать, что всѣ эти рѣдкіе и цѣнные въ Америкѣ элементы не переживутъ разрушенія города—ихъ средства къ жизни обыкновенно ненадежны, и нужда размечетъ ихъ по всей странѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что на настоящихъ развалинахъ очень быстро выростетъ новый Санъ-Франциско,—вѣроятно, даже болѣе великолѣпный и солидный, — но едва ли сможетъ сохраниться его своеобразность, которая такъ отличала его до сихъ поръ и дѣлала его такимъ симпатичнымъ. Тотъ Санъ-Франциско, который такъ хорошо зналъ и любилъ американскій Западъ, возродиться не можетъ: думаю, что всепоглощающій коммерсіализмъ воспользуется случаемъ обезличить его и перекроить на свой ладъ.

За послѣднія пять лѣтъ вся жизнь Санъ-Франциско шла особенно ускореннымъ темпомъ;—онъ, очевидно, все болѣе и болѣе пріобрѣталъ не только національное, но и космополитическое значеніе, дѣлался главнымъ и самымъ вліятельнымъ портомъ всего сѣвернаго Тихаго океана. Вся американская и значительная часть европейской торговли съ Дальнимъ Востокомъ и другими тихоокеанскими портами сосредоточивалась въ его рукахъ; многія европейскія и азіатскія торговыя фирмы нашлись вынужденными открыть въ немъ свои конторы [1]). Онъ же былъ главнымъ пунктомъ отправленія туда же и въ Австралазію всяческихъ спеціальныхъ экспедицій—коммерческихъ, миссіонерскихъ, ученыхъ. Его многія срочныя пароходныя линіи въ Японію, Китай, Центральную и Южную Америку, Австралію и Австралазію не могли справляться съ работой. Китайскій бойкотъ американскихъ товаровъ за послѣдній годъ побудилъ здѣшніе экспортные торговые дома къ энергичному расширенію сношеній съ Сибирью, съ Мексико, съ Центральной Америкой, съ Австраліей и даже Индо-Китаемъ. Санъ-Франциско неустанно совершенствовалъ свои дѣловыя и коммерческія связи и приспособленія, и цѣлые десятки роскошнѣйшихъ и огромнѣйшихъ многоэтажныхъ зданій новѣйшей стале-скелетной конструкціи были возведены и воздвигались на его главныхъ улицахъ. Лихорадочная дѣятель-

---

[1]) Еще недавно было здѣсь открыто отдѣленіе русско-китайскаго банка.

ность царила въ городѣ и сразу чувствовалась всякимъ новопріѣзжимъ. Всѣ, казалось, забыли, что еще только въ 1868 году всѣ каменныя зданія въ городѣ были разрушены землетрясеніемъ до основанія. 18-ое апрѣля остро и наглядно возстановило въ памяти и этотъ годъ, и его послѣдствія, и тотъ фактъ, что Санъ-Франциско вообще подверженъ землетрясеніямъ въ весьма сильной степени. Дѣло въ томъ, что мѣстные жители привыкли къ нимъ и освоились съ ними. За тѣ пятнадцать лѣтъ, что я живу въ городѣ Лосъ-Анжелесѣ, не было года, чтобы насъ не встряхнули нѣсколько землетрясеній. Каждый годъ та или другая мѣстность страдаетъ отъ нихъ болѣе или менѣе, но центрами обыкновенно приходились малонаселенныя мѣста; однако, года три тому назадъ, былъ разрушенъ до основанія городокъ Сесие, въ прошломъ году—Геметъ. Эти землетрясенія всегда сопровождаются знойной, удушливой погодой, такъ и извѣстной у насъ подъ именемъ „землетрясительной погоды". На эти толчки мы до сихъ поръ не обращали ни малѣйшаго вниманія—газеты посмѣются надъ страхомъ публики на слѣдующій день, и тѣмъ дѣло и кончалось. Но на этотъ разъ центромъ толчка пришелся городъ Санъ-Франциско, и его слѣдуетъ признать огромнѣйшимъ физическимъ національнымъ бѣдствіемъ, которое когда-либо доселѣ пришлось испытать всему Сѣверо-Американскому Союзу.

Землетрясеніе 18-го апрѣля съ вызваннымъ имъ пожаромъ разрушили городъ Санъ-Франциско до основанія. Въ немъ не осталось ни одного неповрежденнаго болѣе или менѣе зданія— а до 30.000, кромѣ разрушенія, сгорѣли. Уцѣлѣли отъ пожара только небольшія резиденческія части на западныхъ и южныхъ окраинахъ, разбросанные бѣдные кварталы, отчасти застроенные преимущественно маленькими одноэтажными коттэджами на одну семью, выстроенными на скорую руку и самымъ дешевымъ образомъ. Въ этихъ уцѣлѣвшихъ отъ пожара частяхъ многіе дома съѣхали съ фундаментовъ на улицу, разрушены дымовыя трубы, разбиты и разъединены водо- и газопроводныя, обвалилась штукатурка, и т. д., такъ что въ большинствѣ изъ нихъ жить нельзя. Во многихъ случаяхъ верхній этажъ раздавилъ нижній и стоитъ посреди улицы надъ его развалинами. Большинство починить невозможно—нужно перестроить заново. Это относится къ деревяннымъ домамъ, такъ-называемымъ frame houses,—кирпичные же или развалились совершенно, или въ нихъ провалились крыши и потолки, или вывалились одна или двѣ стѣны. Землетрясеніе особенно разрушило старую дѣловую часть города, построенную на насыпномъ грунтѣ; грунтъ этотъ, несмотря на давность засыпки,

очевидно, не далъ зданіямъ достаточно солиднаго основанія, и цѣлые кварталы сплошныхъ пяти, шести и даже восьмиэтажныхъ каменныхъ домовъ старой конструкціи, занятыхъ магазинами, оптовыми складами, конторами, отелями и мелкими квартирами, мгновенно развалились и завалили улицы своими развалинами съ обѣихъ сторонъ. Почти всѣ дѣловыя улицы, даже самая широкая изъ нихъ, главная въ городѣ, Market Street, сразу сдѣлались непроѣздными, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и непроходимыми. Кромѣ того, на многихъ изъ нихъ землетрясеніе образовало широкія и глубокія трещины, гдѣ вдоль, гдѣ поперекъ, причемъ одна сторона этихъ трещинъ осѣдала, другая поднималась на 3, на 5, даже на 10 футовъ. Одна улица, Valencia Street, оказалась цѣликомъ выпученной въ сторону на цѣлыхъ сорокъ футовъ отъ прежней линіи, и съ проваломъ посрединѣ въ 15 футовъ въ ширину. Рельсы трамваевъ были выбиты съ мѣста, перегнуты и поломаны. Зданія новѣйшей конструкціи, съ стальными скелетами, выдержали толчки гораздо лучше, несмотря на свою многоэтажность—отъ 10 до 20 этажей. Очевидцы разсказываютъ, что они качались и скрипѣли, какъ корабль во время сильнаго шторма,—но ни одно изъ нихъ не развалилось и не упало, а лучшія были повреждены землетрясеніемъ наружно только очень мало. Пожаръ начался почти мгновенно въ сотнѣ мѣстъ заразъ—отъ паровиковъ, которые теперь необходимы во всякомъ большомъ домѣ для парового отопленія и движенія элеваторовъ, отъ разорвавшихся газовыхъ трубъ, отъ кухонныхъ печей, уже топившихся во многихъ мѣстахъ для приготовленія завтрака. Теперь умѣстно будетъ замѣтить, что всякое землетрясеніе, а въ особенности сильное, замѣчательно дѣйствуетъ на громадное большинство въ томъ отношеніи, что лишаетъ человѣка на нѣкоторое, болѣе или менѣе продолжительное время, способности разсуждать и дѣйствовать сознательно; у женщинъ же, кромѣ того, вызываетъ слезы и истеричность. Люди выбѣгаютъ на улицу въ самыхъ невозможныхъ костюмахъ, мечутся изъ стороны въ сторону, забываютъ, гдѣ они,—словомъ, шалѣютъ и дѣйствуютъ какъ безумные. Понятно поэтому, что прошло нѣкоторое время, пока полиція и пожарные пришли въ себя и сообразили, въ чемъ дѣло. Кромѣ того, начальникъ пожарныхъ города былъ смертельно раненъ стѣной, обрушившейся на кровать, на которой онъ спалъ; нѣкоторые другіе пожарные были убиты или ранены; многія машины разрушены и лошади при нихъ убиты или искалѣчены. Произошла значительная заминка, къ которой присоединилась

непроѣздность многихъ улицъ. Затѣмъ, когда пожарные добрались, наконецъ, до пожаровъ, которые распространились между тѣмъ съ ужасающей быстротой во всѣхъ направленіяхъ,—оказалось, что водопроводныя трубы всюду перебиты землетрясеніемъ, и что воды въ нихъ нѣтъ. Потомъ уже было открыто, что главный водопроводъ былъ уничтоженъ—въ нѣсколькихъ мѣстахъ еще за предѣлами города, такъ что, за исключеніемъ Presidio и нѣкоторыхъ небольшихъ отдаленныхъ частей, имѣвшихъ частное самостоятельное водоснабженіе, весь городъ остался сразу безъ капли воды. Безъ воды весь пожарный аппаратъ оказался безполезнымъ. Хотя раннее утро 18-го апрѣля было въ Санъ-Франциско тихое и удушливо-знойное, скоро поднялся вѣтеръ, къ полудню перешедшій въ настоящую бурю. И городскія власти, и пожарные скоро убѣдились, что единственная надежда на спасеніе отъ пожаровъ хотя бы нѣкоторыхъ частей города состояла во взрывѣ домовъ на пути огня и очищеніи извѣстнаго пространства, черезъ которое онъ не могъ бы перескочить. Но для этого нужна была крупная дисциплинированная сила. Между тѣмъ было замѣчено, что преступные элементы—а они въ такомъ большомъ космополитическомъ портѣ, какъ Санъ-Франциско, всегда очень многочисленны и смѣлы—начали грабить развалины. Уже въ 10 часовъ утра 18-го апрѣля было объявлено военное положеніе, и всѣ расположенныя въ Presidio и окрестностяхъ регулярныя войска, около 3.000 штыковъ, заняли городъ, установили караулы и патрули и вмѣстѣ съ пожарными занялись взрывомъ домовъ на пути пожаровъ. Командовалъ войсками начальникъ калифорнскаго военнаго округа, генералъ Фунстонъ, такъ прославившійся своей храбростью, энергіей и предпріимчивостью въ филиппинской войнѣ. Былъ изведенъ весь находившійся въ городѣ запасъ динамита, затѣмъ пироксилина, военнаго пороха, наконецъ даже артиллерійскихъ снарядовъ и патроновъ. Цѣлыхъ трое сутокъ продолжалась эта безустанная, безнадежная борьба съ пожарами, не принесшая, повидимому, никакой пользы, пока они не истребили всей скученной части города, на пространствѣ свыше десяти квадратныхъ миль, и не дошли до разбросанныхъ окраинъ. Очевидцы единогласно описываютъ работу пожарныхъ и войскъ по истинѣ героическою. Многіе были раздавлены валившимися со всѣхъ сторонъ расшатанными стѣнами зданій; другіе погибли, вытаскивая придавленныхъ развалинами страдальцевъ; третьи—отъ преждевременныхъ взрывовъ. Регулярныхъ войскъ скоро оказалось недостаточно—былъ вызванъ баталіонъ студентовъ университета въ Беркелэй,

затѣмъ постепенно — вся милиція штата. Грабителей, захваченныхъ на мѣстѣ преступленія, было приказано тутъ же разстрѣливать,—въ первый же день произошло до двадцати такихъ экзекуцій. Толпа „линчевала",—т.-е. вздернула на мѣстѣ на фонарный столбъ,—двоихъ: одного—схваченнаго въ тотъ моментъ, какъ онъ отрѣзалъ палецъ женскаго трупа, чтобы снять брилліантовое кольцо; другого—отрѣзавшаго руку, чтобы снять золотой браслетъ.

Число погибшихъ отъ землетрясенія и пожара останется навсегда гадательнымъ. Генералъ Фунстонъ и коронеръ, чинъ, завѣдующій неестественными смертными случаями, опредѣляютъ его „не меньше тысячи". Другіе хорошо освѣдомленные люди вычисляютъ его отъ тысячи до десяти тысячъ душъ. Въ первое же утро, до 400 труповъ и до 200 тяжело раненыхъ было доставлено изъ разныхъ мѣстъ въ Mechanic's pavilion, зданіе, расположенное на верхней Market Street и считавшееся самымъ большимъ помѣщеніемъ въ городѣ для собраній, конвенцій и т. д. Къ вечеру оно сгорѣло, и пожаръ добрался до него такъ неожиданно быстро, что не успѣли вывезти не только труповъ, но, по нѣкоторымъ показаніямъ, и многихъ раненыхъ. На слѣдующій день были зарегистрованы оффиціально похороны еще болѣе 500 труповъ. Сколько народу было раздавлено и сгорѣло въ развалинахъ дѣловой части города—никогда не будетъ извѣстно. Цѣлые десятки огромныхъ дешевыхъ отелей, ночлежныхъ домовъ и домовъ съ мелкими квартирами—tenement houses—были разрушены до основанія первымъ же толчкомъ, и установлено, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ погибли и сотни постояльцевъ, и вся прислуга. Хотя пожаръ и уничтожилъ эти развалины, повидимому, до тла,—идущій отъ нихъ повсюду сильный трупный запахъ доказываетъ, какихъ открытій можно ожидать, когда приступятъ къ уборкѣ этихъ развалинъ. Тогда какъ число погибшихъ изъ мѣстныхъ жителей и можно будетъ впослѣдствіи установить съ нѣкоторой точностью,—дѣйствительная участь десятковъ тысячъ пріѣзжихъ, которые ночевали въ эту ночь именно въ наиболѣе другихъ разрушенной и почти немедленно сгорѣвшей дѣловой части города, останется навсегда неизвѣстною. Дома объ нихъ будутъ только знать, что они пропали безъ вѣсти,—установить ихъ смерть отъ землетрясенія документально будетъ невозможно,—и такимъ образомъ число погибшихъ въ катастрофѣ 18-го апрѣля въ городѣ Санъ-Франциско не можетъ быть и никогда не будетъ опредѣлено съ какою-либо достовѣрностью. Газеты полны патетическими случаями, въ которыхъ семьи разыскиваютъ пропавшихъ своихъ членовъ.

Также гадательными останутся навсегда и дѣйствительные матеріальные убытки. Ихъ пытаются опредѣлить и теперь—кто въ 200, кто въ 300 милліоновъ долларовъ, кто въ полбилліона, а кто и въ цѣлый билліонъ. Уничтожены и придется перестраивать заново — включая и рельсы — почти всѣ трамваи города, всѣ водо- и газопроводныя и сточныя трубы, всѣ проволоки, электрическія, телеграфныя и телефонныя,—а итогъ капитализаціи однѣхъ этихъ компаній далеко превышаетъ сто милліоновъ долларовъ. Городу придется перемостить заново большинство улицъ—такъ безобразно исковеркана ихъ поверхность. Разрушены землетрясеніемъ и затѣмъ сгорѣли 85 церквей разныхъ вѣроисповѣданій, всѣ банки—до 40—и всѣ 16 театровъ. Изъ наиболѣе цѣнныхъ зданій пострадали и сгорѣли: присутственныя мѣста графства и города, стоившія свыше 7 милліоновъ; знаменитый Palace Hotel, стоившій 6 милл.; отели St. Francis, 4 1/2 милл., и Fairmount, 4 милл.; католическій каѳедральный соборъ, 2 м.; дома Флуда, 4 милл.; купеческой биржи, 4 милл., и ювелирный магазинъ Шрива, 2 милл., съ товаромъ на 2 милл. Одни эти 8 зданій стоили 35 милл., не считая ихъ обстановки, которая тоже стоила многихъ милліоновъ. Въ аристократической резиденческой части города, называемой Nob Hill, разрушены и сгорѣли: музей изящныхъ искусствъ Хопкинса, заключавшій въ себѣ многіе неоцѣнимые перлы живописи и ваянія, дворцы Станфорда, Хюнтингтона, обоихъ Крокеровъ, Фэра, Спрэкельса. Одна внутренняя обстановка этихъ дворцовъ стоила многихъ милліоновъ—каждая вещь въ нихъ была рѣдкостью въ томъ или другомъ родѣ. Огромную цѣнность, не считая зданій, имѣли оптовые склады разныхъ товаровъ. Санъ-Франциско былъ главнымъ складочнымъ оптовымъ пунктомъ не только для всего дальняго Запада Америки, но и для многихъ портовъ обоихъ береговъ Тихаго океана. По своимъ денежнымъ оборотамъ онъ былъ шестымъ городомъ Союза, что̀ означало много-билліонные ежегодные коммерческіе обороты, и внутренніе, и внѣшніе,—и запасы товаровъ въ немъ были соотвѣтственные. Слѣдующая ему страховая отъ огня премія вычисляется въ суммѣ отъ 200 до 300 милліоновъ долларовъ; но, во-первыхъ, многія сравнительно мелкія страховыя компаніи будутъ присуждены этимъ пожаромъ къ полному банкротству и выплатятъ только центы на долларъ, а во-вторыхъ, благодаря стоявшей здѣсь очень высокой страховой преміи, очень многіе предпочитали страховать свое имущество сами, и потому страховыя деньги покроютъ только незначительную, сравнительно, часть дѣйствительныхъ убытковъ.

Изъ всѣхъ крупныхъ зданій Санъ-Франциско уцѣлѣлъ, и отъ землетрясенія, и отъ пожара, только новый федеральный монетный дворъ, необыкновенно массивная и низкая постройка, занимающая цѣлый отдѣльный кварталъ и потому совершенно-изолированная довольно широкими улицами со всѣхъ четырехъ сторонъ. Улицы эти и примыкающіе къ зданію троттуары совершенно исковерканы и подняты на цѣлыхъ три фута. Въ моментъ землетрясенія въ немъ хранилось разной монеты слишкомъ на 200 милліоновъ долларовъ. Какъ я уже упомянулъ выше, лучшія многоэтажныя зданія новѣйшей конструкціи съ стальными скелетами внутри, около полудюжины изъ нѣсколькихъ десятковъ, пострадали отъ землетрясенія, повидимому, только очень мало, но всѣ безъ исключенія, даже считавшіяся абсолютно огнеупорными, обгорѣли сверху до низу. Подтвердилось то, что̀ уже было доказано страшнымъ пожаромъ дѣловой части города Балтимора, года два тому назадъ,—что огнеупорность недостижима, если зданіе окружено со всѣхъ сторонъ сгораемыми многоэтажными постройками. Жара при такихъ пожарахъ развивается такая, что трескается гранитъ и мраморъ, разсыпается въ пыль цементъ, расплавляются металлы, коверкая все, съ чѣмъ они соприкасаются, плавится стекло и облупливается облицовка. Архитекторы и подрядчики, осматривавшіе пострадавшія отъ толчка и пожара лучшія зданія Санъ-Франциско, утверждаютъ, что нѣкоторыя изъ нихъ можно починить, не разбирая ихъ до основанія,—мнѣ лично кажется, что такое зданіе должно будетъ навсегда остаться болѣе или менѣе опаснымъ, такъ какъ вся его внутренняя связь несомнѣнно разрушена.

Уже въ первый же день стало очевидно, что полмилліона народа осталось безъ крова, одежды, пищи и воды. Вся дѣловая часть города, заключавшая въ себѣ всѣ склады и магазины съѣстныхъ припасовъ и одежды, сгорѣла до тла въ первый же день, и доступа къ ней совсѣмъ не было. Остались только товары немногихъ небольшихъ лавочекъ на окраинахъ, которые были расхватаны до конца еще до полудня. Въ Америкѣ не принято держать въ частныхъ домахъ какіе бы то ни было запасы, такъ какъ все нужное заказывается ежедневно по телефону и доставляется торговцами на домъ безплатно, а катастрофа произошла раннимъ утромъ, прежде чѣмъ съѣстные припасы на день могли быть заказаны. Изъ сгорѣвшихъ резиденческихъ частей не было спасено положительно ничего, такъ какъ многія улицы были въ въ непроѣздномъ состояніи, да и пожаръ свирѣпствовалъ въ десяткахъ мѣстъ сразу, жара развилась невыносимая и многія

мѣстности были физически недоступны уже черезъ два, три часа послѣ землетрясенія, прежде чѣмъ люди успѣли придти въ себя. Извѣстно немало случаевъ, когда люди погибли, возвратившись въ горѣвшія части за чѣмъ-нибудь. Какъ сильно были потрясены умы, ясно изъ одного того, что въ первый же день, несмотря на всеобщій хаосъ, было задержано на улицахъ города 27 лицъ, сошедшихъ окончательно и внезапно съ ума отъ ужасовъ пережитаго. Прежде чѣмъ удалось хоть сколько-нибудь возстановить порядокъ, цѣлыя толпы мужчинъ, женщинъ и дѣтей, часто полунагихъ, въ одномъ спальномъ бѣльѣ, или топтались на одномъ мѣстѣ, или безцѣльно стремились то въ ту, то въ другую сторону. Было нѣсколько случаевъ самоубійствъ на улицѣ, на глазахъ толпы. Въ этой паникѣ большинство семей разбилось и растеряло своихъ членовъ, и къ общей агоніи всего положенія присоединялись агонія страха за участь близкихъ и сумятица безплодныхъ поисковъ.

Выбраться изъ города было совершенно невозможно: весь берегъ, къ которому пристаютъ перекрещивающіе заливъ Санъ-Франциско во всѣхъ направленіяхъ паровые перевозы Ферри, былъ въ огнѣ, и только очень немногіе смѣльчаки, посредствомъ многомильныхъ обходовъ загроможденныхъ развалинами улицъ, успѣли въ первый день добраться до берега и такъ или иначе переѣхать заливъ, такъ какъ обычное правильное сообщеніе было совершенно прервано. Единственная желѣзная дорога, идущая изъ города по полуострову на югъ, была совершенно уничтожена отчасти землетрясеніемъ, отчасти пожаромъ, и всякое движеніе на ней остановлено;—оно еще не возстановлено и до настоящей минуты. Когда все это выяснилось,—толпы народа, гонимыя быстро подвигавшимися и на югъ, и на западъ пожарами, инстинктивно обратились къ казавшимся безопасными отъ огня городскимъ паркамъ, главнымъ образомъ къ обширному парку Золотыхъ Воротъ,—и къ ночи въ немъ скопилось свыше трехъ сотъ тысячъ бездомнаго народа, холоднаго, голоднаго и жаждущаго. Ни съѣстныхъ припасовъ, ни воды, ни теплой одежды, ни покрышки не было. Всякій бѣжалъ въ чемъ успѣлъ, многіе въ одной ночной рубашкѣ. Милліонеры и бѣдняки перемѣшались—и тѣ, и другіе были въ совершенно одинаковомъ положеніи, и въ этотъ день, и въ теченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ, деньги въ Санъ-Франциско утратили всякое значеніе. Всѣ оставшіеся въ цѣлости въ предѣлахъ города съѣстные припасы были захвачены властями и распредѣлены поровну между толпой въ паркѣ, но ихъ далеко не хватило и на первый день. Только къ

полудню слѣдующаго дня было сочтено возможнымъ возстановить отчасти пароходное сообщеніе по заливу и удалось болѣе или менѣе очистить для пѣшеходовъ дорогу къ перевозу,—и на третій день толпа потянулась къ нему. Десятки тысячъ перевозились ежедневно—считаютъ, что по сегодняшній день вывезено уже около 225 тысячъ, но около 250 тысячъ отказываются покинуть родной городъ и рѣшили, стоя лагеремъ, дождаться крова въ немъ. Особенно ужасенъ былъ второй день, пока не успѣли провести въ паркъ воду для питья и пока не прибыли съѣстные припасы съ другого берега залива. Такъ какъ всѣ городскіе госпитали сгорѣли, — всѣхъ больныхъ, многія тысячи, пришлось перевезти въ тотъ же паркъ,—было немало смертныхъ случаевъ, родовъ и т. д., прямо въ толпѣ, подъ открытымъ небомъ. Власти, однако, ни разу не потерялись;—съ изумительной быстротой и энергіей, несмотря на наружный хаосъ и общую деморализацію, была проведена вода, устроены санитарныя приспособленія, распредѣлены палатки, водворенъ порядокъ въ раздачѣ съѣстныхъ припасовъ, организована медицинская помощь и т. д. Въ настоящій моментъ, черезъ недѣлю послѣ землетрясенія, въ паркѣ уже возведены цѣлые кварталы временныхъ построекъ, разбиты правильныя улицы палатокъ, устроены госпитали, родильные пріюты, вообще царствуетъ образцовый порядокъ, и лагерный городъ живетъ правильно организованной жизнью, безъ особыхъ лишеній.

Ужасу положенія этой несчастной толпы съ разбитыми на вѣкъ нервами немало способствовали въ первое время неизвѣстно откуда появившіеся слухи о томъ, что разрушено все тихоокеанское побережье, что городъ Лосъ-Анжелесъ на югѣ поглощенъ нахлынувшимъ на него океаномъ, а городъ Портлэндъ и Сіэттль на сѣверѣ разрушены до основанія, такъ что скорой помощи ждать неоткуда.

Землетрясеніе разрушило оба телеграфныя зданія въ городѣ, порвало всѣ кабели и всѣ проволоки. Какимъ-то чудомъ одна изъ нихъ уцѣлѣла на короткое время, и по ней-то весь Союзъ узналъ о постигшей городъ катастрофѣ. Во всѣхъ городахъ газеты немедленно выпустили экстры, и затѣмъ, въ теченіе первыхъ двухъ-трехъ дней, выпускали бюллетени каждый часъ до поздней ночи. Ушло нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ выяснился болѣе или менѣе весь гигантскій размѣръ несчастія, прежде чѣмъ было оффиціально установлено телеграммами губернатора Калифорніи Парди, что полмилліона народа осталось, буквально, безъ крова, пищи и одежды—и въ такомъ изолированномъ углу Союза, отъ котораго ближайшіе сколько-нибудь значительные склады от-

стоять на 500 и тысячу миль. Но уже къ полудню перваго же дня, буквально, весь Союзъ организовался для помощи разрушенному городу Санъ-Франциско. Мѣстная дѣятельность и работа вездѣ остановилась—школы были распущены, и весь народъ взялся за работу сбора пожертвованій. Губернаторы двадцати штатовъ и мэйоры многихъ сотенъ городовъ телеграфировали Парди, спрашивая, что именно нужнѣе всего, и уже къ шести часамъ вечера перваго же дня до 15-ти спеціальныхъ поѣздовъ летѣли по курьерскимъ росписаніямъ съ разныхъ концовъ Союза, нагруженные съѣстными припасами, одеждой, одѣялами, палатками, медицинскими принадлежностями. Нашъ городъ, Лосъ-Анжелесъ, въ первый же день нагрузилъ и отправилъ два спеціальныхъ парохода и 5 спеціальныхъ поѣздовъ, уже на другой день утромъ прибывшихъ къ берегамъ залива Санъ-Франциско. Въ первый же день было зарегистровано пожертвованій на пять милліоновъ долларовъ наличными, да, вѣроятно, припасовъ на такую же сумму. На третій день итогъ пожертвованныхъ наличныхъ денегъ дошелъ до 16 милліоновъ, и совершенно невозможно предвидѣть, на чемъ онъ остановится. Всѣ желѣзныя дороги везутъ всѣ пожертвованія безплатно и увозятъ народъ изъ Санъ-Франциско по желанію назначенія тоже даромъ. Число вагоновъ съ пожертвованными припасами всякаго рода давно перевалило за тысячу. Несмотря на дальность разстоянія, на разстройство телеграфа и желѣзныхъ дорогъ въ окрестностяхъ залива, всѣ препятствія были преодолѣны, и уже на слѣдующій по землетрясеніи день продовольствіе и снабженіе Санъ-Франциско были вполнѣ обезпечены. Я не знаю болѣе блестящаго примѣра—какъ удивительныхъ способностей американскаго народа къ организаціи, къ достиженію цѣли, несмотря, повидимому, на непреодолимыя препятствія,—такъ и замѣчательной эффективности и практичности всѣхъ американскихъ жизненныхъ методовъ и приспособленій. Было засвидѣтельствовано неопровержимымъ образомъ, что уже на второй день къ вечеру въ Санъ-Франциско не было ни одной голодной души, и весь сложный, организованный только за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, механизмъ комитетовъ помощи какъ по всему Союзу, такъ и на берегахъ залива Санъ-Франциско, работалъ безъ малѣйшей заминки, вполнѣ отвѣчая всѣмъ возникшимъ такъ внезапно гигантскимъ потребностямъ и чутко и немедленно отзываясь на нихъ до послѣдней мелочи. Необходимо имѣть въ виду, что въ новѣйшей исторіи это первый случай полнаго и мгновеннаго разрушенія современнаго большого города съ полумилліоннымъ населеніемъ, притомъ города, изоли-

рованнаго громадными разстояніями отъ всѣхъ другихъ центровъ, что не было никакихъ прецедентовъ, и что вышеупомянутый механизмъ былъ, слѣдовательно, во всѣхъ отношеніяхъ чисто импровизаціей минуты.

Трагическая судьба такого гиганта, какъ Санъ-Франциско, на время совершенно заслонила собой гибель многихъ окружающихъ его городовъ, гибель столь же полную и въ нѣкоторыхъ случаяхъ сопровождавшуюся ужаснѣйшей потерей жизни. Совершенно разрушенъ и частію сгорѣлъ городъ Санъ-Хозе, съ тридцатью тысячами жителей, расположенный въ 50 миляхъ на югъ отъ Санъ-Франциско, въ центрѣ богатѣйшей земледѣльческой мѣстности. Въ немъ убито землетрясеніемъ до ста душъ, и матеріальные убытки простираются до двадцати милліоновъ долларовъ. Разрушенъ штатный домъ умалишенныхъ въ мѣстечкѣ Агнюсъ, причемъ былъ раздавленъ до смерти весь медицинскій персоналъ и свыше ста больныхъ и ранено болѣе или менѣе тяжело около 150, а изъ оставшихся нетронутыми большинство разбѣжалось по окрестностямъ. Разрушены болѣе или менѣе всѣ зданія знаменитаго университета Станфорда, причемъ убито и ранено нѣсколько студентовъ, а убытки вычисляются въ семь милліоновъ долларовъ. Больше всѣхъ другихъ, относительно, пострадалъ городъ Санта-Роза, съ десятью тысячами жителей, расположенный въ ста миляхъ на сѣверъ отъ Санъ-Франциско. Въ немъ первый толчокъ землетрясенія былъ особенно силенъ и, буквально, не оставилъ камня на камнѣ. Раздавлено до смерти свыше ста душъ, а убытки вычисляются въ десять милліоновъ долларовъ. Въ горахъ Санта-Круцъ съѣхала въ долину цѣлая гора, заваливъ на пятьсотъ футовъ въ глубину большую лѣсопильню со всѣмъ ея населеніемъ. Въ городѣ Вотсонвиллѣ совершенно разрушенъ огромный, только-что отстроенный свекловично-сахарный заводъ, стоившій три милліона. Буквально, сметенъ съ лица земли лѣсопильный городокъ Фортъ-Брагъ, съ пятитысячнымъ населеніемъ. Разрушены города Салинасъ, Браулей, Гильрой и многіе другіе. Повреждены болѣе или менѣе всѣ желѣзныя дороги; разрушены мосты, водокачалки; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опустились въ болота цѣлыя мили пути. Число смертныхъ случаевъ отъ землетрясенія внѣ города Санъ-Франциско превышаетъ 500, а матеріальные убытки достигнутъ ста милліоновъ долларовъ.

Я пишу настоящія строки какъ разъ черезъ недѣлю послѣ землетрясенія 18-го апрѣля, когда уже болѣе или менѣе выяснились главнѣйшіе его результаты и подъ впечатлѣніемъ новаго

сильнаго толчка, только-что опять встряхнувшаго развалины Санъ-Франциско, повредившаго оставшіяся постройки и вызвавшаго новые смертные случаи.

Прямые и косвенные убытки отъ катастрофы такъ громадны, что очень остро отозвались на всей дѣловой жизни Союза. Банки во всемъ районѣ землетрясенія все еще не открыты, такъ какъ опасаются денежной паники. Всѣ бумаги на нью-іоркской биржѣ серьезно упали. Десятки тысячъ состоятельныхъ людей и сотни милліонеровъ обратились въ нищихъ. Уничтожены всѣ приспособленія для громадной торговли, и транзитной съ Европой и всѣмъ міромъ, и самостоятельной внутренней, импортной и экспортной. Должны пройти цѣлые года, прежде чѣмъ всѣ сложныя отправленія такого важнаго центра и порта могутъ быть возстановлены. Американскія энергія и предпріимчивость, конечно, справились бы со всѣмъ этимъ быстро и удовлетворительно, еслибъ ихъ не парализовалъ страхъ за будущее. Вліяніе ужаса землетрясенія на человѣческій умъ—совершенно исключительное. Описать это вліяніе я не берусь—нужно лично бесѣдовать съ испытавшими его людьми, дабы быть въ состояніи вполнѣ оцѣнить его силу и значеніе. Я думаю, что городу Санъ-Франциско придется перемѣнить громадное большинство своего дѣлового персонала — у переживших землетрясеніе людей нервы окажутся слишкомъ разбитыми для предстоящей имъ гигантской работы. Надъ ихъ энергіей будетъ вѣчно висѣть Дамокловъ мечъ возможнаго повторенія пережитыхъ ужасовъ и страданій. Этотъ страхъ чувствуется теперь осязательно во всемъ, виситъ страшнымъ гнётомъ надъ душой; скоро ли и насколько его удастся преодолѣть—покажетъ только будущее.

П. А. Тверской.

13/26-го апрѣля 1906 г.
г. Лосъ Анжелесъ, Калифорнія.

ОТКРЫТІЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
И НАЧАЛО ЕЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

I.

Тронная рѣчь Государя Императора.

27-го сего апрѣля послѣдовалъ Высочайшій выходъ въ Зимнемъ Дворцѣ по случаю открытія новыхъ законодательныхъ учрежденій.

Послѣ торжественнаго молебствія, совершеннаго въ Георгіевскомъ Тронномъ залѣ въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ и Особъ Императорской Фамиліи, Государственнаго Совѣта, Государственной Думы, Правительствующаго Сената и высшихъ чиновъ Имперіи, Его Императорское Величество изволилъ обратиться къ Государственной Думѣ съ слѣдующимъ привѣтственнымъ словомъ („Правит. Вѣстн.", № 94):

„Всевышнимъ Промысломъ врученное Мнѣ попеченіе о благѣ Отечества побудило Меня призвать къ содѣйствію въ законодательной работѣ выборныхъ отъ народа.

„Съ пламенной вѣрой въ свѣтлое будущее Россіи Я привѣтствую въ лицѣ вашемъ тѣхъ лучшихъ людей, которыхъ Я повелѣлъ возлюбленнымъ Моимъ подданнымъ выбрать отъ себя.

„Трудная и сложная работа предстоитъ вамъ. Вѣрю, что любовь къ Родинѣ, горячее желаніе послужить ей воодушевятъ и сплотятъ васъ.

„Я же буду охранять непоколебимыми установленія, Мною дарованныя, съ твердой увѣренностью, что вы отдадите всѣ свои силы на самоотверженное служеніе Отечеству для выясненія нуждъ столь

близкаго Моему сердцу крестьянства, просвѣщенія народа и развитія его благосостоянія, памятуя, что для духовнаго величія и благоденствія Государства необходима не одна свобода, необходимъ порядокъ на основѣ права.

„Да исполнятся горячія Мои желанія видѣть народъ Мой счастливымъ и передать Сыну Моему въ наслѣдіе Государство крѣпкое, благоустроенное и просвѣщенное.

„Господь да благословитъ труды, предстоящіе Мнѣ въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою, и да знаменуется день сей отнынѣ днемъ обновленія нравственнаго облика Земли Русской, днемъ возрожденія ея лучшихъ силъ.

„Приступите съ благоговѣніемъ къ работѣ, на которую Я васъ призвалъ, и оправдайте достойно довѣріе Царя и народа.

„Богъ въ помощь Мнѣ и вамъ".

II.

Отвѣтъ Государственной Думы на тронную рѣчь, 5-го мая.

„Ваше Императорское Величество.

„Вашему Величеству благоугодно было въ рѣчи, обращенной къ представителямъ народа, заявить о рѣшимости Вашей охранять непоколебимыми установленія, коими народъ призванъ осуществлять законодательную власть въ единеніи со своимъ Монархомъ. Государственная Дума видитъ въ этомъ торжественномъ обѣщаніи Монарха, данномъ народу, прочный залогъ укрѣпленія и дальнѣйшаго развитія порядка законодательства, соотвѣтствующаго строго конституціоннымъ началамъ. Государственная Дума съ своей стороны приложитъ усилія къ усовершенствованію началъ народнаго представительства и внесетъ на утвержденіе Вашего Величества законъ о народномъ представительствѣ, основанный, согласно единодушно проявляющейся волѣ народа, на началахъ всеобщаго избирательнаго права.

„Призывъ Вашего Императорскаго Величества къ сплоченію въ работѣ на пользу родины находитъ живой откликъ въ сердцахъ всѣхъ членовъ Государственной Думы. Государственная Дума, имѣя въ своемъ составѣ представителей всѣхъ классовъ и всѣхъ народностей, населяющихъ Россію, объединена общимъ горячимъ стремленіемъ обновить Россію и создать въ ней государственный порядокъ, основанный на мирномъ сожитіи всѣхъ классовъ и народностей и на прочныхъ устояхъ гражданской свободы.

„Но Государственная Дума пріемлетъ долгъ указать, что условія, въ которыхъ живетъ страна, дѣлаютъ невозможной истинно плодотворную работу, направленную къ возрожденію лучшихъ силъ страны.

„Страна сознала, что главною язвою всей нашей государственной жизни является самовластіе чиновниковъ, отдѣляющихъ Царя отъ народа. И, охваченная единодушнымъ порывомъ, страна громко заявила, что обновленіе жизни возможно лишь на основѣ свободы, самодѣятельности и участія самого народа въ осуществленіи власти законодательной и въ контролѣ надъ властью исполнительною. Вашему Императорскому Величеству благоугодно было въ манифестѣ 17 октября 1905 г. возвѣстить съ высоты Престола твердую рѣшимость положить эти именно начала въ основу дальнѣйшаго устроенія судебъ земли русской. И весь народъ единодушнымъ кликомъ восторга встрѣтилъ эту вѣсть.

„Однако уже первые дни свободы омрачились тяжелыми испытаніями, въ которыя ввергли страну тѣ, кто, все еще преграждая народу путь къ Царю и попирая всѣ основы Высочайшаго манифеста 17 октября, покрыли страну позоромъ безсудныхъ казней, погромовъ, разстрѣловъ и заточеній.

„И слѣдъ отъ этихъ дѣйствій администраціи за послѣдніе мѣсяцы такъ глубоко осѣлъ въ душѣ народа, что никакое умиротвореніе страны невозможно дотолѣ, доколѣ не станетъ ясно народу, что отнынѣ не дано властямъ творить насилія, прикрываясь Именемъ Вашего Императорскаго Величества, доколѣ всѣ министры не будутъ отвѣтственны передъ народнымъ представительствомъ и сообразно съ этимъ не будетъ обновлена администрація на всѣхъ ступеняхъ государственной службы.

„Государь, только перенесеніе отвѣтственности передъ народомъ на министерство можетъ укоренить въ умахъ мысль о полной безотвѣтственности Монарха; только министерство, пользующееся довѣріемъ большинства Думы, можетъ укрѣпить довѣріе къ правительству, и лишь при такомъ довѣріи возможна спокойная и правильная работа Государственной Думы. Но прежде всего необходимо освободить Россію отъ дѣйствія тѣхъ чрезвычайныхъ законовъ,—усиленной и чрезвычайной охраны и военнаго положенія,—подъ прикрытіемъ которыхъ особенно развилось и продолжаетъ проявляться самовластіе безотвѣтственныхъ чиновниковъ.

„Рядомъ съ укорененіемъ начала отвѣтственности администраціи передъ избранниками народа, для плодотворной дѣятельности Государственной Думы необходимо опредѣленное проведеніе основного начала истиннаго народнаго представительства, состоящаго въ томъ, что только единеніе Монарха съ народомъ является источникомъ за-

конодательной власти. Поэтому всѣ средостѣнія между Верховною Властью и народомъ должны быть устранены. Не можетъ также быть той области законодательства, которая была бы навсегда закрыта свободному пересмотру народнаго представительства въ единеніи съ Монархомъ. Государственная Дума считаетъ долгомъ совѣсти заявить Вашему Императорскому Величеству отъ имени народа, что весь народъ только тогда съ истинною силою и воодушевленіемъ, съ истинною вѣрою въ близкое преуспѣяніе родины будетъ выполнять творческое дѣло обновленія жизни, когда между нимъ и Престоломъ не будетъ стоять Государственный Совѣтъ, составленный изъ назначенныхъ сановниковъ и выборныхъ отъ высшихъ классовъ населенія, когда установленіе и взиманіе налоговъ и податей будетъ подчинено волѣ народнаго представительства и когда никакими особыми узаконеніями не будетъ положенъ предѣлъ законодательной компетенціи народнаго представительства. Государственная Дума считаетъ также несовмѣстнымъ съ жизненными интересами народа, чтобы какой-нибудь законопроектъ, налагающій денежныя тягости на населеніе, разъ онъ принятъ Думой, подлежалъ измѣненію со стороны учрежденія, не представляющаго собою массъ плательщиковъ налоговъ.

„Въ области предстоящей законодательной дѣятельности Государственная Дума, исполняя долгъ, опредѣленно возложенный на нее народомъ, почитаетъ неотложно необходимымъ обезпечить страну точнымъ закономъ о неприкосновенности личности, свободѣ совѣсти, свободѣ слова и печати, свободѣ союзовъ, собраній и стачекъ, —убѣжденная въ томъ, что безъ точнаго установленія и строгаго проведенія этихъ началъ, заложенныхъ уже въ манифестѣ 17 октября, никакая реформа общественныхъ отношеній неосуществима. Дума считаетъ также необходимымъ обезпечить за гражданами право обращаться съ петиціями къ народному представительству.

„Государственная Дума исходитъ, далѣе, изъ непреклоннаго убѣжденія, что ни свобода, ни порядокъ, основанный на правѣ, не могутъ быть прочно укрѣплены безъ установленія общаго начала равенства всѣхъ безъ исключенія гражданъ передъ закономъ. И потому Государственная Дума выработаетъ законъ о полномъ уравненіи въ правахъ всѣхъ гражданъ, съ отмѣною всѣхъ ограниченій и привилегій, обусловленныхъ сословіемъ, національностью, религіею или поломъ. Стремясь къ освобожденію страны отъ связывающихъ ее путъ административной опеки и предоставляя ограниченіе свободы гражданъ единственно лишь независимой судебной власти, Государственная Дума считаетъ, однако, недопустимымъ примѣненіе даже и по судебному приговору наказанія смертью. Смертная казнь никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть назначаема. Государственная Дума

считаетъ себя въ правѣ заявить, что она явится выразительницею единодушнаго стремленія всего населенія въ тотъ день, когда постановитъ законъ объ отмѣнѣ смертной казни навсегда. Въ предвидѣніи этого закона страна ждетъ пріостановленія нынѣ же Вашею, Государь, властью исполненія всѣхъ смертныхъ приговоровъ.

„Выясненіе нуждъ сельскаго населенія и принятіе соотвѣтствующихъ законодательныхъ мѣръ составитъ ближайшую задачу Государственной Думы. Наиболѣе многочисленная часть населенія страны—трудовое крестьянство—съ нетерпѣніемъ ждетъ удовлетворенія своей острой земельной нужды, и первая русская Государственная Дума не исполнила бы своего долга, еслибы она не выработала закона для удовлетворенія этой насущной потребности путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ.

„Государственная Дума считаетъ также необходимымъ выработать законы, утверждающіе равноправіе крестьянъ и снимающіе съ нихъ гнетъ произвола и опеки. Государственная Дума признаетъ столь же неотложнымъ удовлетвореніе нуждъ рабочаго класса путемъ законодательныхъ мѣръ, направленныхъ къ охранѣ наемнаго труда. Первымъ шагомъ на этомъ пути должно явиться обезпеченіе наемнымъ рабочимъ во всѣхъ отрасляхъ труда свободы организаціи и самодѣятельности для поднятія своего матеріальнаго и духовнаго благосостоянія.

„Государственная Дума сочтетъ также долгомъ употребить всѣ усилія для поднятія народнаго просвѣщенія и прежде всего озаботится выработкой закона о всеобщемъ безплатномъ обученіи.

„Рядомъ съ этими мѣрами Дума обратитъ особое вниманіе на справедливое распредѣленіе налоговой тяготы, неправильно лежащей нынѣ на болѣе бѣдныхъ классахъ населенія, и на цѣлесообразное употребленіе государственныхъ средствъ.

„Не менѣе существеннымъ законодательнымъ трудомъ явится коренное преобразованіе мѣстнаго управленія и самоуправленія, съ привлеченіемъ къ равному участію въ послѣднемъ всего населенія на началахъ всеобщаго избирательнаго права. Памятуя о тяжкомъ бремени, которое народъ несетъ въ арміи и флотѣ Вашего Величества, Государственная Дума озаботится укрѣпленіемъ въ арміи и флотѣ началъ справедливости и права.

„Государственная Дума считаетъ, наконецъ, необходимымъ указать въ числѣ неотложныхъ задачъ своихъ и разрѣшеніе вопроса объ удовлетвореніи давно назрѣвшихъ требованій отдѣльныхъ національностей. Россія представляетъ государство, населенное многоразличными

племенами и народностями. Духовное объединеніе всѣхъ этихъ племенъ и народностей возможно только при удовлетвореніи потребности каждаго изъ нихъ сохранять и развивать своеобразіе въ отдѣльныхъ сторонахъ быта. Государственная Дума озаботится широкимъ удовлетвореніемъ этихъ справедливыхъ нуждъ.

„Ваше Императорское Величество! Въ преддверіи всякой нашей работы стоитъ одинъ вопросъ, волнующій душу всего народа, волнующій насъ, избранниковъ народа, лишающій насъ возможности спокойно приступить къ первымъ шагамъ нашей законодательной дѣятельности. Первое слово, прозвучавшее въ стѣнахъ Государственной Думы, встрѣченное кликами сочувствія всей Думы, было слово—амнистія. Страна жаждетъ амнистіи, распространенной на всѣ, предусмотрѣнныя уголовнымъ закономъ дѣянія, вытекавшія изъ побужденій религіозныхъ или политическихъ, а также на всѣ аграрныя правонарушенія.

„Есть требованія народной совѣсти, въ которыхъ нельзя отказывать, съ исполненіемъ которыхъ нельзя медлить. Государь! Дума ждетъ отъ Васъ полной политической амнистіи, какъ перваго залога взаимнаго пониманія и взаимнаго согласія между Царемъ и народомъ“.

III.

Заявленіе Предсѣдателя Совѣта Министровъ.

13-го мая, Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ сдѣлано было Государственной Думѣ отъ лица Совѣта Министровъ нижеслѣдующее заявленіе:

„Совѣтъ Министровъ, разсмотрѣвъ переданный ему Его Императорскимъ Величествомъ адресъ Государственной Думы на привѣтственное слово, съ коимъ Государю Императору благоугодно было обратиться къ Государственному Совѣту и къ Государственной Думѣ, принялъ во вниманіе, что высказанныя въ этомъ адресѣ пожеланія и предположенія касаются одни—предметовъ законодательства, а другія—порядка государственнаго управленія.

„Полагая въ основу своей дѣятельности соблюденіе строгой законности и обсудивъ, въ связи съ этимъ началомъ, высказанныя Государственной Думой соображенія, Правительство выражаетъ прежде всего готовность оказать полное содѣйствіе разработкѣ тѣхъ вопросовъ, возбужденныхъ Государственной Думой, которые не выходятъ изъ предѣловъ предоставленнаго ей законодательнаго почина.

„Такое содѣйствіе, вполнѣ отвѣчающее обязанности Правительства разъяснить Государственной Думѣ свои взгляды по существу

этихъ вопросовъ и отстаивать свои предположенія по каждому изъ нихъ, оно окажетъ и въ вопросѣ объ измѣненіи избирательнаго права, хотя съ своей стороны и не считаетъ этого вопроса подлежащимъ немедленному обсужденію, такъ какъ Государственная Дума только еще приступаетъ къ своей законодательной дѣятельности, а потому и не успѣла выясниться потребность въ измѣненіи способа ея составленія.

„Съ особливымъ вниманіемъ относится Совѣтъ Министровъ къ возбужденнымъ Государственною Думою вопросамъ о незамедлительномъ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ сельскаго населенія и изданіи закона, утверждающаго равноправіе крестьянъ съ лицами прочихъ сословій, объ удовлетвореніи нуждъ рабочаго класса, о выработкѣ закона о всеобщемъ начальномъ образованіи, объ изысканіи возможныхъ способовъ къ вящшему привлеченію къ тягостямъ налоговъ болѣе состоятельныхъ слоевъ населенія и о преобразованіи мѣстнаго управленія и самоуправленія, съ принятіемъ въ соображеніе особенностей окраинъ.

„Не меньшее значеніе придаетъ Совѣтъ Министровъ и отмѣченному Государственною Думою вопросу объ изданіи новаго закона, обезпечивающаго неприкосновенность личности, свободу совѣсти, слова и печати, собраній и союзовъ, вмѣсто дѣйствующихъ нынѣ временныхъ правилъ, замѣна коихъ правилами постоянными, выработанными во вновь установленномъ законодательномъ порядкѣ, предусмотрѣна была при самомъ ихъ изданіи. При этомъ Совѣтъ Министровъ почитаетъ, однако, необходимымъ оговорить, что при выполненіи этой законодательной работы необходимо вооружить административную власть дѣйствительными способами къ тому, чтобы и при дѣйствіи законовъ, разсчитанныхъ на мирное теченіе государственной жизни, Правительство могло предотвращать злоупотребленія дарованными свободами и противодѣйствовать посягательствамъ, угрожающимъ обществу и государству.

„Относительно разрѣшенія земельнаго крестьянскаго вопроса путемъ указаннаго Государственною Думою обращенія на этотъ предметъ земель удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ, къ которымъ принадлежатъ и земли крестьянъ собственниковъ, пріобрѣвшихъ ихъ покупкою, Совѣтъ Министровъ считаетъ своею обязанностью заявить, что разрѣшеніе этого вопроса на предположенныхъ Государственною Думою основаніяхъ безусловно недопустимо. Государственная власть не можетъ признавать права собственности на земли за одними и въ то же время отнимать это право у другихъ. Не можетъ Государственная власть и отрицать вообще права частной собственности на землю, не отрицая одновременно права собственности на

всякое иное имущество. Начало неотъемлемости и неприкосновенности собственности является, во всемъ мірѣ и на всѣхъ ступеняхъ развитія гражданской жизни, краеугольнымъ камнемъ народнаго благосостоянія и общественнаго развитія, кореннымъ устоемъ государственнаго бытія, безъ коего немыслимо и самое существованіе государства. Не вызывается предположенная мѣра и существомъ дѣла. При обширныхъ и далеко не исчерпанныхъ средствахъ, находящихся въ распоряженіи государства, и при широкомъ примѣненіи всѣхъ законныхъ къ тому способовъ, земельный вопросъ несомнѣнно можетъ быть успѣшно разрѣшенъ безъ разложенія самаго основанія нашей государственности и подтачиванія жизненныхъ силъ нашего Отечества.

„Остальныя, включенныя въ адресъ Государственной Думы, предположенія законодательнаго свойства сводятся къ установленію отвѣтственности передъ народнымъ представительствомъ министровъ, пользующихся довѣріемъ большинства Думы, упраздненію Государственнаго Совѣта и устраненію установленныхъ особыми узаконеніями предѣловъ законодательной дѣятельности Государственной Думы. На этихъ предположеніяхъ Совѣтъ Министровъ не считаетъ себя въ правѣ останавливаться; они касаются кореннаго измѣненія основныхъ государственныхъ законовъ, не подлежащихъ по силѣ оныхъ пересмотру по почину Государственной Думы.

„Наконецъ, что касается заботъ Государственной Думы объ укрѣпленіи въ арміи и флотѣ началъ справедливости и права, то въ этомъ отношеніи Правительство заявляетъ, что въ войскахъ Его Императорскаго Величества начала эти съ давнихъ поръ установлены на незыблемыхъ основаніяхъ. Нынѣ же заботы Державнаго Вождя вооруженныхъ силъ Имперіи направлены, какъ это явствуетъ изъ послѣднихъ по сему предмету мѣропріятій, къ улучшенію матеріальнаго быта всѣхъ чиновъ арміи и флота. Изыскать средства, необходимыя для болѣе широкаго осуществленія этихъ мѣропріятій, составитъ одну изъ главныхъ задачъ Государственной власти и вновь установленныхъ законодательныхъ учрежденій.

„Обращаясь ко второй группѣ выраженныхъ Государственною Думою пожеланій—объ устраненіи дѣйствія исключительныхъ законовъ и произвола отдѣльныхъ должностныхъ лицъ, Совѣтъ Министровъ находитъ, что они относятся всецѣло къ области государственнаго управленія. Въ этой области полномочія Государственной Думы заключаются въ правѣ запроса Министрамъ и Главноуправляющимъ отдѣльными частями по поводу незакономѣрныхъ дѣйствій, послѣдовавшихъ со стороны ихъ самихъ или подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій. Независимо отъ сего водвореніе въ нашемъ Отечествѣ строгой законности на началахъ порядка и права составляетъ особую

заботу Правительства, которое и не преминетъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣйствія отдѣльныхъ правительственныхъ органовъ были постоянно проникнуты тѣмъ же стремленіемъ.

„Отмѣченная Государственной Думой неудовлетворительность исключительныхъ законовъ, направленныхъ къ обезпеченію порядка и спокойствія въ случаяхъ чрезвычайныхъ, сознается и самимъ Правительствомъ. Разработка взамѣнъ ихъ новыхъ, болѣе совершенныхъ, производится въ подлежащихъ вѣдомствахъ. Если, не взирая на неудовлетворительность этихъ законовъ, дѣйствіе ихъ за послѣднее время было, тѣмъ не менѣе, распространяемо на многія мѣстности, то причина къ тому коренится исключительно въ непрекращающихся и понынѣ повседневныхъ убійствахъ, грабежахъ и возмутительныхъ насиліяхъ. Основную обязанность Государственной власти составляетъ охраненіе жизни и имущества мирныхъ обывателей. Совѣтъ Министровъ, въ сознаніи всей тяжести лежащей на немъ въ семъ отношеніи отвѣтственности передъ страной, заявляетъ, что, доколѣ указанныя проявленія охватившей страну смуты не прекратятся и въ распоряженіе Правительственной власти не будутъ предоставлены вновь изданными законами дѣйствительныя средства борьбы съ беззаконіемъ и нарушеніемъ основныхъ началъ общественной и личной безопасности,—Правительство вынуждено и впредь ограждать ее всѣми существующими нынѣ законными способами.

„Общая политическая амнистія, ходатайство о коей заявлено Государственной Думой, заключаетъ, съ одной стороны, помилованіе приговоренныхъ по суду, а съ другой—освобожденіе отъ мѣръ административнаго взысканія лицъ, подвергнутыхъ имъ въ порядкѣ положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, и военнаго положенія. Помилованіе приговоренныхъ по суду, какого бы свойства ни были совершенныя ими преступныя дѣянія, составляетъ прерогативу Верховной Власти, отъ которой единственно и всецѣло зависитъ признать Царскую милость къ впавшимъ въ преступленія соотвѣтствующей благу общему. Совѣтъ Министровъ, съ своей стороны, находитъ, что этому благу не отвѣчало бы, въ настоящее смутное время, помилованіе преступниковъ, участвовавшихъ въ убійствахъ, грабежахъ и насиліяхъ.

„Что же касается лицъ, лишенныхъ свободы въ порядкѣ административномъ, то Совѣтомъ Министровъ приняты мѣры къ самому тщательному пересмотру состоявшихся въ этомъ порядкѣ постановленій для освобожденія всѣхъ тѣхъ лицъ, предоставленіе коимъ свободы не угрожаетъ общественной безопасности, ежедневно нарушаемой преступными на нее посягательствами.

„Независимо отъ приведенныхъ выше соображеній по содержанію

адреса Государственной Думы, Совѣтъ Министровъ находитъ нужнымъ нынѣ же намѣтить, въ общихъ чертахъ, свои ближайшія предположенія въ области законодательства.

„Сила Русскаго Государства зиждется прежде всего на силѣ земледѣльческаго населенія. Благосостояніе нашего Отечества не достижимо, пока не обезпечены необходимыя условія успѣха и процвѣтанія земледѣльческаго труда, который составляетъ основу всей нашей экономической жизни. Почитая поэтому крестьянскій вопросъ—въ виду его всеобъемлющаго государственнаго значенія—наиболѣе важнымъ изъ подлежащихъ нынѣ разрѣшенію, Совѣтъ Министровъ признаетъ, что въ соотвѣтствіи съ этою важностью требуется и особливая заботливость и осторожность въ изысканіи путей и способовъ для его разрѣшенія. Осторожность въ этомъ дѣлѣ необходима и во избѣжаніе рѣзкихъ потрясеній исторически своеобразно сложившагося крестьянскаго быта. Однако, по мнѣнію Совѣта, послѣдовавшее преобразованіе нашего государственнаго строя, съ предоставленіемъ выборнымъ отъ крестьянскаго населенія участія въ законодательной дѣятельности, предопредѣляетъ главныя основанія предстоящей крестьянской реформы. При этихъ условіяхъ сословная обособленность крестьянъ должна уступить мѣсто объединенію ихъ съ другими сословіями въ отношеніи гражданскаго правопорядка, управленія и суда. Должны также отпасть всѣ тѣ ограниченія права собственности на надѣльныя земли, которыя были установлены для обезпеченія исправнаго погашенія выкупного долга.

„Уравненіе крестьянъ въ ихъ гражданскихъ и политическихъ правахъ съ прочими сословіями отнюдь не должно лишить Государственную власть права и обязанности выказывать особую заботливость къ нуждамъ земледѣльческаго крестьянства. Мѣропріятія въ этой области должны быть направлены какъ къ улучшенію условій крестьянскаго землепользованія въ его существующихъ границахъ, такъ и къ увеличенію площади землевладѣнія малоземельной части населенія за счетъ свободныхъ казенныхъ земель и пріобрѣтеніемъ частновладѣльческихъ земель при содѣйствіи Крестьянскаго поземельнаго банка.

„Предстоящее въ семъ отношеніи для государства поле дѣятельности обширно и плодотворно. Подъемъ сельско-хозяйственнаго промысла, находящагося нынѣ на весьма низкой ступени развитія, увеличитъ размѣры производства страны и тѣмъ возвыситъ уровень общаго благосостоянія. Громадныя пространства пригодной для обработки земли нынѣ пустуютъ въ азіатскихъ владѣніяхъ Имперіи. Развитіе переселенческаго дѣла составитъ въ виду этого одну изъ первѣйшихъ заботъ Совѣта Министровъ.

„Сознавая неотложность поднятія умственнаго и нравственнаго

уровня массъ населенія развитіемъ его просвѣщенія, Правительство изготовляетъ, соотвѣтствующія выраженнымъ по сему предмету Государственною Думою пожеланіямъ, предположенія о всеобщемъ начальномъ образованіи съ широкимъ привлеченіемъ къ дѣлу народнаго обученія общественныхъ силъ. Озабочиваясь кромѣ того правильной постановкой средняго и высшаго образованія, Совѣтъ Министровъ внесетъ въ ближайшемъ будущемъ на разсмотрѣніе Государственной Думы проектъ преобразованія средней школы, открывающаго просторъ для общественнаго и частнаго въ этой области почина, а равно проектъ реформы высшихъ учебныхъ заведеній, построенной на началахъ самоуправленія.

„Проникнутый убѣжденіемъ, что провозглашенное Государемъ Императоромъ обновленіе нравственнаго облика Земли Русской немыслимо безъ водворенія въ странѣ истинныхъ началъ законности и порядка, Совѣтъ Министровъ выдвигаетъ въ первую же очередь вопросъ о мѣстномъ судѣ и устройствѣ его на такихъ основаніяхъ, при коихъ достигалось бы приближеніе суда къ населенію, упрощеніе судебной организаціи, а также ускореніе и удешевленіе судебнаго производства.

„Одновременно съ выработаннымъ проектомъ мѣстнаго судоустройства, Совѣтъ Министровъ внесетъ въ Государственную Думу проекты измѣненія дѣйствующихъ правилъ относительно гражданской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ. Проекты эти исходятъ изъ той мысли, что сознаніе святости и ненарушимости закона можетъ укорениться въ населеніи только наряду съ увѣренностью въ невозможности безнаказаннаго нарушенія закона не только со стороны обывателей, но и представителей власти.

„Стремясь, засимъ, къ достиженію возможно полной уравнительности въ дѣлѣ распредѣленія налогового бремени, совѣтъ министровъ предполагаетъ внести на уваженіе законодательной власти проектъ о подоходномъ налогѣ, объ измѣненіи положенія о пошлинахъ съ наслѣдствъ и о крѣпостныхъ пошлинахъ и о пересмотрѣ нѣкоторыхъ видовъ косвенныхъ налоговъ.

„Наконецъ, въ ряду изготовленныхъ законопроектовъ, совѣтъ министровъ считаетъ нужнымъ упомянуть еще о проектѣ преобразованія паспортнаго устава, предполагающаго отмѣну нынѣшнихъ паспортовъ и видовъ на жительство.

„Въ заключеніе совѣтъ министровъ считаетъ долгомъ заявить, что, сознавая первостепенное значеніе мѣръ, направленныхъ къ обновленію нашего законодательства на началахъ Высочайшаго манифеста 17-го октября 1905 года, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ проникнуто убѣжденіемъ, что могущество государства, его внѣшняя крѣпость и внутренняя сила неизмѣнно покоятся на закономѣрной, но твердой и

дѣятельной исполнительной власти. Подобную власть Правительство намѣрено неуклонно проявлять, въ сознаніи лежащей на немъ отвѣтственности за сохраненіе общественнаго порядка передъ Монархомъ и русскимъ народомъ. Совѣтъ Министровъ питаетъ увѣренность, что Государственная Дума, въ убѣжденіи, что мирное преуспѣяніе Россійскаго государства зависитъ отъ разумнаго сочетанія свободы и порядка, своей спокойной созидательной работой поможетъ ему внести столь необходимое для страны успокоеніе во всѣ слои населенія".

IV.

Отвѣтъ Государственной Думы.

Въ томъ же засѣданіи 13-го мая, Государственная Дума отвѣтила на вышеприведенное заявленіе отъ лица Совѣта Министровъ слѣдующею резолюціею:

„Усматривая въ выслушанномъ заявленіи Предсѣдателя Совѣта министровъ рѣшительное указаніе на то, что правительство совершенно не желаетъ удовлетворить народныя требованія и ожиданія земли, правъ и свободы, которыя были изложены Государственною Думою въ ея отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь, и безъ удовлетворенія которыхъ невозможны спокойствіе страны и плодотворная работа народнаго представительства;

„находя, что своимъ отказомъ въ удовлетвореніи народныхъ требованій правительство обнаруживаетъ явное пренебреженіе къ истиннымъ интересамъ народа и явное нежеланіе избавить отъ новыхъ потрясеній страну, измученную нищетою, безправіемъ и продолжающимся господствомъ безнаказаннаго произвола властей, выражая передъ лицомъ страны полное недовѣріе къ безотвѣтственному передъ народнымъ представительствомъ министерству и—

„признавая необходимѣйшимъ условіемъ умиротворенія государства и плодотворной работы народнаго представительства немедленный выходъ въ отставку настоящаго министерства и замѣну его министерствомъ, пользующимся довѣріемъ Государственной Думы,—

„Государственная Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ".

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1906.

Первые шаги новыхъ учрежденій.—Пренія объ адресѣ въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ.—Безсиліе консерваторовъ и реакціонеровъ.—Министерство И. Л. Горемыкина и его декларація. — Рѣчь министра юстиціи. — Результаты примѣненія исключительныхъ законовъ. — Безцѣльность политическихъ убійствъ. — Ожидаемое упраздненіе земскихъ начальниковъ. — Запоздалые оправдательные приговоры.

Когда эти строки появятся въ печати, пренія объ адресѣ въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ, какъ и самые адресы, будутъ, вѣроятно, полу-забыты: событія идутъ быстро, каждый день приноситъ съ собой что-нибудь сенсаціонное и важное, общественная мысль обращена гораздо больше къ будущему, чѣмъ къ прошедшему. На самомъ дѣлѣ, однако, первые шаги на новомъ для Россіи пути парламентской жизни сохраняютъ и сохранятъ надолго большое значеніе. Съ небывалою яркостью отразились въ нихъ общественныя настроенія, господствующія и стремящіяся къ господству, едва зарождающіяся и сходящія со сцены.

Куда дѣвались—таковъ первый вопросъ, возбуждаемый памятными апрѣльскими и майскими днями—куда дѣвались сторонники стараго режима, еще недавно казавшіеся многочисленными и сильными? Все, повидимому, предвѣщало имъ если не успѣхъ, то во всякомъ случаѣ вліятельную, видную роль на выборахъ и послѣ выборовъ. На ихъ долю выпадала поддержка властей, начиная съ высшихъ и до самыхъ низшихъ; имъ должны были сослужить службу, косвенно или прямо, всѣ стѣсненія, всѣ правоограниченія, всѣ преслѣдованія, которымъ подвергались ихъ противники; имъ благопріятствовали сложные, запутанные избирательные порядки, выдвигавшіе на первый планъ консервативную, какъ предполагалось, крестьянскую массу; за ними, на-

конецъ, обезпечена была прочная точка опоры въ видѣ Государственнаго Совѣта, преобразованнаго съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ его среду вошло какъ можно меньше прогрессивныхъ элементовъ. И что̀ же? Въ Государственной Думѣ — „истинно-русскихъ людей", членовъ „русской монархической партіи" и однородныхъ съ нею союзовъ и организацій, не оказалось почти вовсе; участіе ихъ въ преніяхъ объ адресѣ выразилось только въ защитѣ смертной казни—ссылкою на употребленіе животной пищи, въ попыткѣ реабилитировать узкій національзмъ—грубо-ироническимъ намекомъ на несовмѣстимость болѣе широкихъ взглядовъ съ самымъ бытіемъ Россіи. Крайнюю правую въ Думѣ, за отсутствіемъ или ничтожествомъ настоящихъ реакціонеровъ, образовали представители союза 17-го октября, очень малочисленные и далеко не во всемъ расходившіеся съ большинствомъ. Не оправдали ожиданій крестьяне, въ средѣ которыхъ тяга влѣво оказалась гораздо сильнѣе, чѣмъ тяга вправо. Въ концѣ концовъ адресъ, рѣшительно разрывающій съ прошлымъ, былъ принятъ всѣми находившимися на лицо членами Думы; его противники заявили, устами гр. Гейдена, что не считаютъ возможнымъ поддерживать его цѣликомъ, но, будучи во многомъ съ нимъ согласны, не желаютъ нарушать единогласіе Думы, и потому удаляются изъ залы засѣданій.

Не менѣе характерно, въ своемъ родѣ, то, что̀ произошло тогда же въ Государственномъ Совѣтѣ. Единственнымъ—по выраженію реакціонной печати—„трезвымъ русскимъ голосомъ среди петербургскаго хаоса" явился проектъ отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь, составленный „при главномъ участіи" члена Государственнаго Совѣта Д. Ѳ. Самарина [1]). Этотъ проектъ отвергнутъ значительнымъ большинствомъ Совѣта, остановившимся на другой редакціи адреса, во многихъ отношеніяхъ прямо противоположной. Въ проектѣ Д. Ѳ. Самарина вовсе не упоминалось ни о Государственной Думѣ, ни о новомъ политическомъ строѣ, созданномъ манифестомъ 17-го октября, но зато говорилось о „священномъ долгѣ *всемѣрно* охранять неколебимость верховной самодержавной власти"; въ адресѣ, принятомъ Государственнымъ Совѣтомъ, выражена благодарность за „осуществленіе народнаго представительства, которое ввело Россію въ кругъ правовыхъ государствъ", и заявлено намѣреніе „прямодушно стремиться къ взаимодѣйствію съ Государственною Думой". Въ проектѣ Д. Ѳ. Самарина восхваляется *порядокъ*, безъ котораго невозможна *гражданская* свобода „въ подлинномъ ея смыслѣ"; въ адресѣ на одинъ уровень съ водвореніемъ порядка и внутренняго мира ставится охрана права и свободы. Проектъ видѣлъ въ

[1]) „Московскія Вѣдомости" совершенно неправильно называютъ Д. Ѳ. Самарина избранникомъ города Москвы: онъ избранъ въ Государственный Совѣтъ уполномоченными отъ дворянскихъ собраній.

крестьянствѣ, „сильномъ духомъ и прочно обезпеченномъ въ своемъ хозяйственномъ быту“, „твердую опору нашего государственнаго строя и общественнаго быта“ — т.-е. стоялъ за сословную обособленность крестьянства, давно осужденную опытомъ; адресъ не отдѣляетъ крестьянъ отъ другихъ классовъ народа. Проектъ, подчеркивая „единство и нераздѣльность русской земли“, умалчивалъ о нерусскихъ элементахъ населенія; адресъ признаетъ необходимость „справедливаго уваженія къ ихъ особенностямъ“. Проектъ, взывая къ „твердой власти, *дѣйствующей безъ колебаній*“, осуждалъ тѣмъ самымъ всякую мысль объ амнистіи; адресъ „повергаетъ на великодушное воззрѣніе монарха участь тѣхъ, кои въ неудержимомъ стремленіи къ скорѣйшему достиженію желанной свободы нарушили грани, закономъ поставленныя“. Правда, ходатайство объ амнистіи обставлено въ адресѣ оговорками, существенно уменьшающими его значеніе и силу; но знаменательнымъ, при настоящемъ составѣ Государственнаго Совѣта, представляется и тотъ скромный, болѣе чѣмъ скромный шагъ впередъ, на который рѣшилось большинство. „Истинно-русскихъ людей“ оказалось мало даже между сановниками, возвысившимися благодаря старому режиму, даже между избранниками сословія, всего болѣе заинтересованнаго въ сохраненіи старыхъ порядковъ. „Крайняя лѣвая“ Государственнаго Совѣта—въ сущности не идущая дальше черты, передъ которой обыкновенно останавливается парламентскій лѣвый центръ,—насчитываетъ всего двѣнадцать членовъ; но только немногимъ сильнѣе крайняя правая Совѣта. Не ясно ли, что реакція во что бы то ни стало не находитъ точекъ опоры даже тамъ, гдѣ ихъ можно было ожидать съ наибольшею вѣроятностью?

А всеподданнѣйшія телеграммы разныхъ „истинно-русскихъ“ организацій, въ такомъ изобиліи появляющіяся съ нѣкоторыхъ поръ на страницахъ „Правительственнаго Вѣстника“ и „Русскаго Государства“? Не свидѣтельствуютъ ли онѣ о широкомъ распространеніи и значительной интенсивности тѣхъ взглядовъ, которые почти вовсе не нашли приверженцевъ въ Государственной Думѣ и потерпѣли крушеніе даже въ Государственномъ Совѣтѣ? Мы думаемъ, что выводъ изъ нихъ долженъ быть сдѣланъ совершенно другой. Къ такимъ способамъ дѣйствія прибѣгаютъ только партіи, сознающія и чувствующія себя побѣжденными. Что значатъ десятки, сотни, даже тысячи подписей, собранныхъ неизвѣстно кѣмъ и неизвѣстно какъ, въ сравненіи съ милліонами голосовъ, полученныхъ оппозиціонными членами Государственной Думы? Кто можетъ отнестись серьезно къ „знакомымъ незнакомцамъ“, отрицающимъ право Думы говорить отъ имени народа—и признающимъ это право за своимъ муравейникомъ? Кто сомнѣвается въ томъ, что при небольшомъ стараніи—и при отсутствіи внѣшнихъ препятствій—легко

было бы вызвать безконечный рядъ заявленій прямо противоположнаго содержанія?.. Намъ приходитъ на память аналогичный эпизодъ изъ прусской исторіи. Въ 1862 г., въ самомъ началѣ конфликта между королемъ и палатой депутатовъ, новые выборы, несмотря на всѣ усилія консервативнаго кабинета (Гогенлоэ—ф. д. Гейдта), дали огромное большинство оппозиціи, рѣшительно осудившей, въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь, политику правительства. На защиту послѣдней стали выступать разныя депутаціи, встрѣчавшія благосклонный пріемъ при дворѣ Вильгельма I-го. Бесѣдуя съ одною изъ нихъ, король выразилъ надежду, что многіе изъ числа депутатовъ скоро усвоятъ себѣ иной образъ мыслей и оцѣнятъ по достоинству намѣренія и дѣйствія власти. Прошло, однако, болѣе четырехъ лѣтъ, прежде чѣмъ совершилось примиреніе—и совершилось оно только тогда, когда Бисмаркъ, побѣдоносно окончивъ борьбу съ Австріей и германскимъ союзомъ, присоединилъ къ ореолу внѣшнихъ успѣховъ сознаніе въ нелегальности своей внутренней политики. Исходной точкой новыхъ отношеній между парламентомъ и короной послужило забвеніе прошлаго (Indemnität), вотированное палатой депутатовъ.

Итакъ, полнѣйшее политическое и нравственное безсиліе реакціонныхъ элементовъ русскаго общества—вотъ первый фактъ, обнаруживаемый преніями объ адресѣ и ихъ отголосками. Другое заключеніе, къ которому они приводятъ, касается обоихъ министерствъ — какъ прежняго, вышедшаго въ отставку наканунѣ открытія Думы, такъ и новаго, смѣнившаго его у власти. До чего довелъ Россію кабинетъ Витте-Акимова-Дурново—этого могутъ не видѣть теперь только слѣпые. Предполагалось, что репрессіи, безпримѣрныя, безграничныя, ничѣмъ не сдерживаемыя, водворятъ въ странѣ спокойствіе, внушаемое страхомъ: на самомъ дѣлѣ онѣ еще больше взволновали населеніе. Предполагалось, что избиратели, запуганные чернымъ или краснымъ призракомъ, устранятся отъ выборовъ или проведутъ кандидатовъ, угодныхъ власти; на самомъ дѣлѣ воспользовалось своимъ правомъ, по крайней мѣрѣ въ городахъ, очень значительное число избирателей, и воспользовалось имъ для того, чтобы подчеркнуть какъ можно ярче осужденіе правительства. Предполагалось, что торопливо, въ явное нарушеніе октябрьскихъ обѣщаній изданные законы окружатъ Думу крѣпкою стѣной, о которую разобьются всѣ ея усилія; на самомъ дѣлѣ эта стѣна колеблется уже теперь и едва ли устоитъ противъ волны народнаго голоса. Кабинетъ, не оправдавшій ни одной надежды, ни передъ чѣмъ не отступавшій и все-таки ничего не достигшій, не могъ, очевидно, стать лицомъ къ лицу съ народнымъ представительствомъ.

Перемѣнилось, однако, не направленіе: перемѣнились только люди. И. Л. Горемыкинъ, поставленный во главѣ новаго кабинета, достаточно доказалъ, въ бытность свою министромъ внутреннихъ дѣлъ (1895—99), свою принадлежность къ той категоріи администраторовъ, которые ничему не научились и ничего не забыли [1]). Еще болѣе характерно, быть можетъ, назначеніе г. Стишинскаго, сотрудника В. К. Плеве въ крестьянскомъ дѣлѣ, главноуправляющимъ земледѣлія и землеустройства. Кн. Ширинскій-Шихматовъ, замѣнившій кн. А. Д. Оболенскаго, былъ товарищемъ синодальнаго оберъ-прокурора при К. П. Побѣдоносцевѣ; еще раньше онъ былъ губернаторомъ въ Твери, столь же воинствующимъ по отношенію къ земству, какъ и его предшественники. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ проводилъ въ саратовской губерніи правительственную систему П. Н. Дурново. И. Г. Щегловитовъ состоялъ товарищемъ министра юстиціи при г. Акимовѣ. Когда, годъ тому назадъ, А. С. Ермоловъ оказался черезчуръ либеральнымъ, на его мѣсто былъ призванъ П. Х. Шванебахъ, теперь назначенный государственнымъ контролеромъ. Постъ министра финансовъ ввѣренъ В. Н. Коковцову, занимавшему его до октябрьскаго манифеста. Неудивительно, что министерство, составленное по старому бюрократическому рецепту, оказалось чуждо условіямъ и требованіямъ парламентской жизни. Произошло нѣчто невиданное и неслыханное: ни одинъ изъ министровъ не принялъ участія въ преніяхъ объ адресѣ, ни одинъ изъ нихъ не счелъ нужнымъ безотлагательно объяснить, какъ смотритъ правительство на вопросы, затрогиваемые Думой. Не было сдѣлано попытки найти хоть какой-нибудь путь къ соглашенію, хоть какую-нибудь почву для совмѣстной дѣятельности. Игнорируя Думу, не допуская на страницы „Правительственнаго Вѣстника“ отчеты о ея преніяхъ, министерство въ то же время давало широкую оффиціальную огласку вышеупомянутымъ телеграммамъ „истинно-русскихъ людей“, какъ будто бы ими можно не подорвать, а поддержать авторитетъ правительственной власти.

Дальнѣйшимъ шагомъ на пути, съ самаго начала избранномъ министерствомъ, является заявленіе, прочитанное И. Л. Горемыкинымъ, отъ имени совѣта министровъ, въ засѣданіи Думы 13-го мая. По всѣмъ существенно важнымъ вопросамъ министерство идетъ прямо въ разрѣзъ съ рѣшеніями, почти единогласно принятыми Думою. Во всемъ томъ, что касается отношеній народнаго представительства къ правительственной власти, оно прикрывается основными законами, игнорируя коренной ихъ недостатокъ—противорѣчіе между способомъ ихъ изданія и манифестомъ 17-го октября. Политической амнистіи оно

[1]) Характеристику его управленія см. въ № 12 „Вѣстника Европы“ за 1899 г.

противопоставляетъ ссылку на никѣмъ не оспариваемую прерогативу монарха. Прекращеніе дѣйствія исключительныхъ законовъ, неудовлетворительность которыхъ признается самимъ министерствомъ, оно отодвигаетъ въ неопредѣленную даль будущаго. Всего поразительнѣе отвѣтъ министерства на ту часть адреса, которая относится къ земельному вопросу. Разрѣшеніе его на предположенныхъ Государственною Думою основаніяхъ провозглашается *безусловно недопустимымъ*. „Государственная власть"—такова аргументація министерства—„не можетъ признавать права собственности на земли за одними и въ то же время отнимать это право у другихъ. Не можетъ государственная власть и отрицать вообще права частной собственности на землю, не отрицая одновременно права собственности на всякое иное имущество. Начало неотъемлемости и неприкосновенности собственности является во всемъ мірѣ и на всѣхъ ступеняхъ развитія гражданской жизни краеугольнымъ камнемъ народнаго благосостоянія и общественнаго развитія, коренным устоемъ государственнаго бытія, безъ коего немыслимо и самое существованіе государства". И это говоритъ не реакціонная печать, давно утратившая чувство мѣры и переставшая стѣсняться въ выборѣ доводовъ: это говоритъ русскій государственный дѣятель, свидѣтель великаго акта 19-го февраля, участвовавшій въ его осуществленіи! Что же, Россія, въ моментъ освобожденія крестьянъ съ землею, стояла ниже самой низшей ступени „развитія гражданской жизни"? Для нея стало немыслимымъ, съ тѣхъ поръ, „государственное бытіе"? Не было ли, наоборотъ, надѣленіе крестьянъ землею необходимымъ условіемъ для того, чтобы Россія могла начать жить истинно-государственною жизнью?.. Именно въ Россіи не должно, казалось бы, быть мѣста для абсолютнаго преклоненія передъ поземельною собственностью, звучащаго въ словахъ предсѣдателя совѣта министровъ; именно въ Россіи должно быть ясно для всѣхъ, что принудительное (не безвозмездное) отчужденіе земель, *въ какихъ бы размѣрахъ оно ни производилось*, не имѣетъ ничего общаго съ *отнятіемъ* собственности, по вѣжливому выраженію г. Горемыкина, или съ *грабежомъ*, по безцеремонной терминологіи его газетныхъ союзниковъ.

Справедливость принудительнаго отчужденія—все равно, захватываетъ ли оно только одну десятину земли подъ станцію желѣзной дороги, или распространяется на милліоны десятинъ, въ цѣляхъ увеличенія площади крестьянскаго землепользованія,—зависитъ исключительно отъ его государственной или общественной *необходимости*. На эту почву, послѣ неудачной экскурсіи въ область юридической метафизики, переходитъ и г. Горемыкинъ. „Предположенная Думою мѣра не вызывается", по его словамъ, „существомъ дѣла: при обшир-

ныхъ и далеко не исчерпанныхъ средствахъ, находящихся въ распоряженіи государства, и при широкомъ примѣненіи всѣхъ законныхъ къ тому способовъ, земельный вопросъ несомнѣнно можетъ быть успѣшно разрѣшенъ безъ разложенія самаго основанія нашей государственности и подтачиванья жизненныхъ силъ нашего отечества". Въ другомъ мѣстѣ заявленія указаны и способы, которые имѣетъ въ виду г. Горемыкинъ: это—надѣленіе малоземельныхъ за счетъ свободныхъ казенныхъ земель, пріобрѣтеніе частновладѣльческихъ земель при содѣйствіи крестьянскаго поземельнаго банка, подъемъ сельскохозяйственнаго промысла и переселеніе на пустующія въ азіатскихъ владѣніяхъ имперіи *громадныя пространства* пригодной для обработки земли. Нужно ли доказывать всю недостаточность этихъ способовъ? Казенныхъ земель, годныхъ для хлѣбопашества, немного, особенно въ наиболѣе населенныхъ мѣстностяхъ Россіи. Пріобрѣтать съ помощью крестьянскаго банка можно только земли, предназначенныя къ продажѣ ихъ владѣльцами—т.-е. весьма часто вовсе не тѣ, въ которыхъ всего больше нуждаются крестьяне,—и притомъ по цѣнѣ, сплошь и рядомъ искусственно поднятой. По свидѣтельству всѣхъ знатоковъ переселенческаго вопроса, количество земель, куда можетъ быть направлено переселеніе, вовсе не громадно. Подъемъ сельско-хозяйственной культуры совершается медленно, а положеніе крестьянской массы требуетъ безотлагательнаго улучшенія. Долгій періодъ невниманія къ ея нуждамъ довелъ ихъ до крайняго обостренія—и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко измѣнилъ народныя чувства и народные взгляды. Обезсиленное недостаточнымъ количествомъ и возрастающею неурожайностью плохо удобряемой земли, истощенное голодными годами, подавленное непомѣрнымъ ростомъ арендныхъ цѣнъ, искусственно удерживаемое въ умственномъ мракѣ или полумракѣ, безправное, угнетаемое многочисленнымъ и разнообразнымъ начальствомъ, крестьянство извѣрилось въ помощь сверху и стало больше разсчитывать на собственныя свои силы. На почвѣ старыхъ представленій о землѣ, передававшихся изъ рода въ родъ еще въ крѣпостную эпоху, быстро выросло понятіе о правѣ на землю, вытекающемъ изъ труда надъ землею. Искоренить это понятіе нельзя; можно только ввести его въ мирное русло, создать для него легальныя границы и формы. Въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь Дума выразила намѣреніе приступить къ этой работѣ; въ основныхъ положеніяхъ, обсуждаемыхъ теперь особою аграрною коммиссіею, намѣчены ея цѣли и ея рамки. Отказаться отъ нея народные представители не могутъ: слишкомъ очевидны ея настоятельность и важность, слишкомъ велики возлагаемыя на нее народомъ надежды.

Послѣ короткихъ, но содержательныхъ преній, Государственная

Дума отвѣтила на заявленіе министерства мотивированнымъ переходомъ къ очереднымъ дѣламъ, сдержаннымъ по тону, но какъ нельзя болѣе рѣшительнымъ по содержанію. Знаменательно, что формула перехода была предложена крестьяниномъ Жилкинымъ; еще болѣе знаменательно, что она принята большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ *одиннадцати* [1]). Какъ и при заключеніи преній объ адресѣ, консервативная группа членовъ Думы оказалась численно ничтожной. Противъ адреса возражали, отъ ея имени, всего два оратора; въ защиту министерскаго заявленія изъ ея среды не говорилъ *никто*, и попытку возразить на нападенія сдѣлалъ только министръ юстиціи. А между тѣмъ, въ Думѣ немало землевладѣльцевъ, для которыхъ прямо невыгодно принудительное отчужденіе земельной собственности. Они стоятъ за него, потому что ставятъ идею—выше личнаго интереса, справедливость—выше личныхъ разсчетовъ. Въ справедливости своего требованія убѣждены, конечно, и члены трудовой группы — но въ нихъ говоритъ, сверхъ того, сознаніе нужды, которую они видѣли вблизи или сами испытали, сознаніе отвѣтственности передъ избирателями, ввѣрившими имъ свою судьбу. Велика нравственная сила союза, состоящаго изъ такихъ элементовъ. За крестьянами-членами Думы стоитъ вся многомилліонная народная масса; за попавшими въ Думу земскими и городскими дѣятелями, адвокатами, писателями, профессорами стоитъ вся русская интеллигенція. И въ той, и въ другой средѣ можетъ, конечно, возникнуть разногласіе, когда зайдетъ рѣчь о *предѣлахъ* и *условіяхъ* принудительнаго отчужденія; но въ принятіи основныхъ началъ аграрной реформы единодушно, повидимому, огромное большинство Думы, какъ и огромное большинство русскаго народа.

На что же разсчитываетъ, на кого предполагаетъ опереться министерство, принципіально отрицая эти основныя начала? Неужели оно не замѣчаетъ своего безнадежнаго нравственнаго одиночества? Неужели оно думаетъ, что достаточной для него поддержкой служитъ и будетъ служить матеріальная сила, представляемая полиціей и войскомъ? Неужели ему неизвѣстна глубокая истина, съ такою яркостью выраженная въ французскомъ афоризмѣ: „on peut s'appuyer sur les bayonettes, mais on ne peut pas s'y asseoir“? Неужели опытъ послѣдняго времени не убѣдилъ его въ томъ, что казнями, экзекуціями, карательными отрядами, конфискаціей періодическихъ изданій, заточеніемъ и высылкой, по суду и безъ суда, „фолликюлеровъ“ и другихъ „нарушителей порядка“ нельзя возстановить внутренній миръ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе необходимый? Еще нѣсколько мѣ-

---

[1]) Нѣсколько дней спустя, десять депутатовъ изъ числа одиннадцати заявили, что они подали голосъ не противъ существа резолюціи, а только противъ ея редакціи.

сяцевъ такого горячечнаго возбужденія, какое, съ лѣта 1904-го года, переживаетъ Россія—и разореніе, разстройство страны надолго станетъ непоправимымъ... „Совѣтъ министровъ"—такъ заканчивается заявленіе, прочитанное И. Л. Горемыкинымъ — „питаетъ увѣренность, что Государственная Дума своей спокойной созидательной работой поможетъ ему внести успокоеніе во всѣ слои населенія". Но развѣ возможна созидательная работа, когда составленный для нея планъ въ главныхъ его чертахъ заранѣе объявляется неосуществимымъ? Развѣ возможно успокоеніе населенія, пока въ прежней силѣ остается произволъ, пока полны тюрьмы и мѣста ссылки и въ замѣнъ освобождаемыхъ во всякую данную минуту могутъ быть задержаны другіе, въ томъ же никого и ничего не обезпечивающемъ порядкѣ?.. Нормальный выходъ изъ невыносимаго положенія только одинъ: образованіе министерства, пользующагося довѣріемъ Государственной Думы. Совсѣмъ инымъ былъ бы ходъ событій, еслибы такое министерство было составлено до открытія Думы: но и теперь еще возможно наверстать потерянное время. Первое условіе довѣрія—отсутствіе тѣсной связи съ недавнимъ прошлымъ, съ отжившимъ режимомъ. Кто занималъ, при этомъ режимѣ, важныя государственныя должности, тотъ едва ли способенъ отрѣшиться отъ бюрократическихъ традицій, понять и исполнить новыя требованія жизни. Неудача обоихъ кабинетовъ, образованныхъ послѣ 17-го октября, объясняется, въ значительной степени, именно ихъ составомъ, заимствованнымъ всецѣло изъ высшихъ административныхъ сферъ... Второе условіе довѣрія, прямо вытекающее изъ перваго—независимость отъ закулисныхъ вѣяній и твердая рѣшимость идти рука объ руку съ Государственной Думой.

Мы сказали выше, что въ защиту министерской деклараціи говорилъ только одинъ ораторъ—министръ юстиціи И. Г. Щегловитовъ. Главный источникъ затрудненій, въ которыя поставлено правительство, онъ видитъ въ необходимости руководиться старыми, крайне неудовлетворительными законами, пока не выработаны новые, болѣе совершенные. На самомъ дѣлѣ не всѣ законы, пускаемые въ ходъ правительствомъ, могутъ быть названы старыми: нѣкоторые изъ нихъ—весьма недавняго происхожденія. Таковы, напримѣръ, временныя правила о печати, временныя правила о собраніяхъ и союзахъ. Они состоялись, правда, при предшественникахъ нынѣшняго министерства; но кто мѣшалъ ему отказаться отъ неудобнаго наслѣдства или по крайней мѣрѣ принять его sous bénéfice d'inventaire? Если кабинету несимпатично положеніе объ усиленной и чрезвычайной охранѣ—положеніе, которымъ очень широко пользовался И. Л. Горемыкинъ, когда былъ ми-

нистромъ внутреннихъ дѣлъ,—то почему же кабинетъ почти вездѣ оставляетъ его въ силѣ, хотя имѣетъ полную возможность отказаться отъ его примѣненія? Если законъ—какъ выразился И. Г. Щегловитовъ—есть „первая и главная основа дѣятельности правительства“, то почему же кабинетъ, въ составъ котораго входитъ министръ юстиціи, согласился на обнародованіе новой редакціи основныхъ законовъ, идущей въ разрѣзъ съ манифестами 17-го октября и 20-го февраля, и на включеніе въ нее статьи, предоставляющей единоличному усмотрѣнію Государя, даже во время сессіи Государственной Думы, объявленіе мѣстностей на военномъ или исключительномъ положеніи?... Министръ юстиціи сравнилъ положеніе министерства съ положеніемъ домохозяина, который живетъ въ весьма плохой постройкѣ, но не можетъ промѣнять ее на лучшую, потому что послѣдняя еще не окончена. Ближе къ истинѣ было бы сравненіе министерства съ домохозяиномъ, который, хорошо видя недостатки своего дома, еще больше ихъ обостряетъ, запрещая, напримѣръ, открывать окна въ душныхъ и темныхъ комнатахъ, заставляя жильцовъ тѣсниться въ наименѣе удобныхъ частяхъ постройки... Напомнивъ, что „изъ столкновенія мнѣній родится истина“, министръ юстиціи выразилъ увѣренность, что разница во взглядахъ министерства и Государственной Думы является залогомъ совершенства будущихъ законовъ. Онъ упустилъ изъ виду, что министерская декларація содержитъ въ себѣ нѣчто бо̀льшее, чѣмъ изложеніе *мнѣній*: она представляетъ собою рядъ *рѣшеній*, на которыхъ остановилось министерство—рѣшеній, во многомъ прямо противоположныхъ *намѣреніямъ* Думы. Соглашеніе, при такихъ условіяхъ, совершенно немыслимо.

Нѣсколько иначе, чѣмъ въ рѣчи министра юстиціи, продолжающееся примѣненіе исключительныхъ законовъ мотивируется предсѣдателемъ совѣта министровъ. Въ виду „непрекращающихся и понынѣ повседневныхъ убійствъ, грабежей и возмутительныхъ насилій“, онъ считаетъ необходимымъ, впредь до установленія новыхъ средствъ борьбы съ беззаконіемъ, „ограждать общественную и личную безопасность всѣми существующими нынѣ законными способами“. „Совѣтомъ министровъ“—говоритъ онъ дальше—„приняты мѣры къ самому тщательному пересмотру состоявшихся въ административномъ порядкѣ постановленій, для освобожденія всѣхъ тѣхъ лицъ, предоставленіе коимъ свободы не угрожаетъ общественной безопасности, ежедневно нарушаемой преступными на нее посягательствами“. Итакъ, министерство продолжаетъ думать, что для оправданія такихъ мѣръ, какъ лишеніе свободы и высылка въ отдаленныя мѣстности имперіи, достаточно неопредѣленныхъ догадокъ и предположеній; оно продолжаетъ вѣрить въ дѣйствительность чрезвычайныхъ репрессій, въ возмож-

ность бороться съ насиліемъ—насиліемъ. Первое заблужденіе понятно: оно поддерживается вѣковой традиціей, восходящей ко временамъ преображенскаго приказа и вошедшей въ плоть и кровь нашей бюрократіи. Труднѣе объяснить себѣ устойчивость вѣры, на каждомъ шагу опровергаемой фактами. Стоитъ только раскрыть любой газетный листъ, чтобы убѣдиться, что никакія охраны не предупреждаютъ политическихъ убійствъ и другихъ аналогичныхъ преступленій. Нигдѣ репрессіи не достигали такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какъ въ остзейскомъ краѣ: нигдѣ, кажется, не было такъ велико число казней (по суду и безъ суда), тѣлесныхъ наказаній, сожженныхъ домовъ. И что же? Въ одной телеграммѣ, напечатанной 15-го мая въ „Новомъ Времени", мы нашли слѣдующія свѣдѣнія: въ виндавскомъ уѣздѣ (курляндской губерніи) революціонный терроръ въ полномъ разгарѣ; въ фридрихштадтскомъ уѣздѣ (той же губерніи) все населеніе терроризовано; въ венденскомъ уѣздѣ (лифляндской губерніи) должностныя лица получаютъ смертные приговоры; въ самой Ригѣ не прекращаются революціонныя расправы; въ *тридцати пяти* сельскихъ почтовыхъ отдѣленіяхъ края пріостановленъ пріемъ денежной корреспонденціи. Не ясно ли, что потоки крови пролиты здѣсь напрасно—или еще хуже, чѣмъ напрасно? Не ясно ли, что усмиреніе, даже самое жестокое, не приводитъ къ цѣли? Возобновить, въ прежнемъ видѣ и прежнихъ размѣрахъ, дѣятельность карательныхъ отрядовъ министерство И. Л. Горемыкина едва ли рѣшится: она была явнымъ нарушеніемъ даже исключительныхъ законовъ—а въ министерской декларации идетъ рѣчь о водвореніи въ странѣ „истинныхъ началъ законности и порядка"... Въ томъ же № газеты сообщено о покушеніяхъ на жизнь генерала Неплюева — въ Севастополѣ, генералъ-губернатора Тимофеева — въ Тифлисѣ. Не проходитъ дня, который не приносилъ бы съ собою извѣстій о новыхъ посягательствахъ, совершаемыхъ, бо̀льшею частью, именно тамъ, гдѣ функціонируютъ военные суды и примѣняется смертная казнь. Безцѣльность отступленій отъ закона доказана съ полною очевидностью: не остается ничего другого, какъ положить имъ конецъ безповоротно, навсегда.

Есть, однако, и другая сторона вопроса, слишкомъ часто обходимая молчаніемъ. Безцѣльной жестокая расправа оказывается не только тогда, когда она идетъ со стороны должностныхъ лицъ, но и тогда, когда она направлена противъ нихъ. Число убитыхъ и раненыхъ генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ, полицейскихъ приставовъ, жандармскихъ офицеровъ, низшихъ чиновъ полиціи постоянно растетъ—а общій характеръ полицейской и судебно-полицейской дѣятельности измѣняется очень мало. Подъ вліяніемъ кровопролитія, отвѣчающаго на кровопролитіе, съ ужасающею быстротою падаетъ уваженіе къ чело-

вѣческой жизни. Этому способствуетъ и форма, въ которую облекаются, сплошь и рядомъ, политическія убійства. Чтобы уничтожить одного, признаваемаго достойнымъ смерти, рискуютъ убить или изувѣчить многихъ, ни въ чемъ неповинныхъ. Какое потрясающее впечатлѣніе производитъ, напримѣръ, телеграмма изъ Севастополя, изображающая послѣдствія покушенія на жизнь генерала Неплюева! Генералъ и другія начальствующія лица остались невредимыми, но изъ публики, пришедшей посмотрѣть на церковный парадъ, убито *шесть* (по другимъ свѣдѣніямъ—восемь), тяжело ранено 14, легко—40 человѣкъ! Какой неизгладимый слѣдъ должны оставить въ народной памяти эти клочья человѣческихъ тѣлъ, покрывавшіе площадь, церковную ограду, сосѣдніе дома! Какъ низко упала цѣнность жизни, если для бросанія бомбъ выбирается именно то мѣсто и тотъ моментъ, гдѣ и когда должна была собраться и дѣйствительно собралась толпа!.. Не пора ли сойти съ дороги, ведущей къ такимъ ужаснымъ результатамъ? Не измѣнились ли самыя условія, благопріятствовавшія развитію, у насъ въ Россіи, политическихъ убійствъ? Было время, когда они казались единственнымъ возможнымъ видомъ протеста, единственнымъ средствомъ поколебать невыносимо тягостный порядокъ вещей. Это время прошло: несмотря на всѣ уцѣлѣвшія стѣсненія, печать пользуется сравнительною свободой, собранія пріобрѣтаютъ право гражданства—и, главное, существуетъ Государственная Дума, открыто выступающая въ защиту народа. Если прежде политическія убійства не достигали своей цѣли, то теперь они прямо идутъ въ разрѣзъ съ нею: они не облегчаютъ, а затрудняютъ борьбу, разъ что ее можно вести мирными средствами.

Давно ли институтъ земскихъ начальниковъ разсматривался, въ оффиціальныхъ сферахъ, какъ неприкосновенная святыня, какъ краеугольный камень государственнаго и общественнаго порядка? Давно ли всякая мысль объ отмѣнѣ или хотя бы ограниченіи этой „сильной и близкой къ народу власти“ признавалась неосуществимой, но тѣмъ не менѣе зловредной мечтой, подлежащей запрещенію и подавленію? Цѣлыхъ двадцать лѣтъ, если не больше, „Вѣстникъ Европы“ велъ борьбу сначала противъ проектовъ, направленныхъ къ созданію „властной руки“, потомъ противъ законовъ, вводившихъ ее въ жизнь. Долго, очень долго эта борьба казалась безнадежной. Безслѣдно исчезло предположеніе объ урѣзкѣ судебныхъ функцій земскаго начальника, мелькнувшее, въ половинѣ 90-хъ годовъ, при приступѣ къ пересмотру судебныхъ уставовъ. Безслѣдно, повидимому, должны были прозвучать голоса сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, возстававшихъ, въ 1902-мъ году, противъ юридической приниженности крестьянъ и ви-

дѣвшихъ въ ней одну изъ причинъ упадка народнаго благосостоянія. Увѣковѣчить, обострить эту приниженность должны были работы редакціонной коммиссіи, учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Казалось, что ни къ чему не приведетъ даже указъ 12-го декабря 1904-го года, провозгласившій необходимость возвести крестьянъ на степень „полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей". Исполненіе этой его части было возложено на особое совѣщаніе, состоявшее подъ предсѣдательствомъ С. Ю. Витте—а три мѣсяца спустя совѣщаніе было закрыто, при обстоятельствахъ, указывавшихъ на возвращеніе къ политикѣ гг. Стишинскаго и Плеве. Чтобы сдвинуть съ мѣста тяжеловѣсную преграду, загромождавшую путь къ вторичному освобожденію крестьянъ, понадобилась коренная перемѣна въ государственномъ устройствѣ. Въ конституціонной Россіи не оказывается мѣста для учрежденія, насквозь проникнутаго косностью и произволомъ — и это понимаетъ даже министерство, очень мало считающееся съ требованіями новаго политическаго строя. Въ „предположеніяхъ по крестьянскому дѣлу", составленныхъ совѣтомъ министровъ, особое сословное крестьянское управленіе и особыя установленія, завѣдывающія крестьянскими дѣлами (земскіе начальники, уѣздные съѣзды, губернскія присутствія) признаются подлежащими упраздненію; повсемѣстно возстановлены—или введены—должны быть выборные мировые судьи, съ передачей имъ всѣхъ дѣлъ, подсудныхъ, въ настоящее время, волостному суду.

Теперь, когда рушится зданіе, съ такими побѣдными кликами возведенное въ 1889 г., зданіе, еще недавно прославлявшееся какъ послѣднее слово политической мудрости, своевременно спроситъ себя, что оно дало государству и народу? Земскіе начальники должны были служить оплотомъ тишины и порядка—а на самомъ дѣлѣ не предупредили аграрныхъ волненій, именно въ послѣдніе годы разросшихся до небывалыхъ прежде размѣровъ. Они должны были укрѣпить въ народѣ покорность судьбѣ и привычку къ пассивному повиновенію—а на самомъ дѣлѣ подорвали въ немъ довѣріе къ власти. Они должны были возстановить вліяніе и авторитетъ помѣстнаго дворянства—а на самомъ дѣлѣ углубили пропасть, отдѣляющую его отъ народной массы. Подъ ихъ отеческой опекой должно было расцвѣсть народное благосостояніе — а на самомъ дѣлѣ оно никогда не падало такъ низко. Несправедливо было бы, безъ сомнѣнія, приписывать однимъ земскимъ начальникамъ недостаточное развитіе въ народѣ чувства законности и уваженія къ чужому праву; но они сдѣлали все отъ нихъ зависѣвшее, чтобы поддержать невысокій уровень этого чувства или еще болѣе его понизить. Чего стоили, въ этомъ отношеніи, одни взысканія, налагавшіяся земскими начальниками въ силу ихъ дискреціонной власти!

Какимъ краснорѣчивымъ комментаріемъ къ значенію „усмотрѣнія“ служила самая неравномѣрность этихъ взысканій, одними примѣнявшихся на каждомъ шагу, другими не практиковавшихся почти вовсе! Какую печальную роль сыграло право земскихъ начальниковъ допускать или не допускать исполненіе тѣлесныхъ наказаній! Какое деморализующее вліяніе оказали стѣсненія судебной защиты, недоброжелательное отношеніе къ жалобамъ и жалобщикамъ, товарищеская снисходительность къ неправильнымъ рѣшеніямъ! Какой развращающей школой служило разбирательство въ волостномъ судѣ, слишкомъ часто обращавшееся въ пародію на правосудіе! И прежде, конечно, волостной судъ былъ, въ большинствѣ случаевъ, судомъ только по имени—но тогда его почти не касалась правительственная власть, и на нее не падала отвѣтственность за дѣйствія и рѣшенія волостныхъ судей.

Въ томъ, что почин упраздненія земскихъ начальниковъ идетъ отъ г. Горемыкина, четыре года сряду широко пользовавшагося ихъ услугами, и отъ г. Стишинскаго, еще недавно ввѣрявшаго имъ всецѣло судьбу сельскаго населенія—чувствуется своеобразная иронія судьбы. Не знаменательно ли, что именно имъ приходится подписать смертный приговоръ учрежденію, олицетворявшему собою цѣлый политическій строй, цѣлое политическое міросозерцаніе? Законодательство 12-го іюля 1889-го года, предназначенное теперь къ отмѣнѣ, занимаетъ, среди „контръ-реформъ“ императора Александра III-го, приблизительно такое же мѣсто, какое принадлежало освобожденію крестьянъ среди великихъ реформъ Александра II-го. Признать несостоятельность института земскихъ начальниковъ и всего непосредственно съ нимъ связаннаго, значитъ произнести обвинительный приговоръ надъ цѣлымъ періодомъ нашей исторіи, еще недавно прославлявшимся на всѣ лады и находившимъ, въ оффиціальныхъ сферахъ, только подражателей и продолжателей. Туманъ, сгустившійся надъ прошлымъ, мѣшалъ видѣть настоящее и предвидѣть будущее. Его разсѣяла буря, пронесшаяся надъ русской землей.

15-го мая с.-петербургская судебная палата постановила оправдательные приговоры по дѣламъ В. Г. Короленко, какъ редактора „Русскаго Богатства“, и П. Н. Милюкова и І. В. Гессена, какъ редакторовъ „Свободнаго Народа“. Поводъ къ обвиненію въ обоихъ случаяхъ былъ одинъ и тотъ же: напечатаніе такъ называемаго манифеста совѣта рабочихъ депутатовъ. Въ обоихъ случаяхъ оно сопровождалось пріостановкой періодическихъ изданій, редакторы которыхъ были привлечены къ отвѣтственности. Для І. В. Гессена и П. Н. Милюкова

обвиненіе по 129-ой ст. уголовнаго уложенія повлекло за собою, сверхъ того, исключеніе изъ числа выборщиковъ (въ составъ которыхъ первый входилъ по городу Петербургу, второй—по петербургскому уѣзду) и, слѣдовательно, невозможность быть членами Государственной Думы, куда они, при отсутствіи искусственно созданнаго препятствія, были бы избраны несомнѣнно. Что законы, при дѣйствіи которыхъ возможны такія явныя несообразности, требуютъ пересмотра — это совершенно очевидно. Въ самомъ дѣлѣ, не вопіющая ли несправедливость — пріостановка изданія, продолжающаяся цѣлые мѣсяцы и затѣмъ отмѣняемая, вслѣдствіе отсутствія въ инкриминированной статьѣ признаковъ преступленія? Къ чему такая крайняя мѣра, разъ что возможно судебное преслѣдованіе каждаго отдѣльнаго нумера изданія, подходящаго подъ дѣйствіе уголовнаго закона? Какъ и чѣмъ вознаградить разстройство, внесенное пріостановкой въ дѣла изданія, въ положеніе всѣхъ многочисленныхъ лицъ, къ нему прикосновенныхъ?... Недешево стоитъ замѣна одного изданія другимъ, да не всегда она и легко осуществима: мы видимъ, напримѣръ, что между пріостановкой (за статью, авторъ которой, также оправданъ судебной палатой) „Народной Свободы", выходившей вмѣсто „Свободнаго Народа", и появленіемъ фактически замѣнившей ихъ „Рѣчи" прошло слишкомъ два мѣсяца, въ теченіе которыхъ конституціонно-демократическая партія вовсе не имѣла ежедневнаго органа. Не ясно ли, что необходимо отмѣнить какъ можно скорѣе чрезвычайное право, предоставленное суду временными правилами 24-го ноября 1905-го года?...

Не менѣе несправедливъ и законъ, изъ-за котораго не могли попасть въ Думу І. В. Гессенъ и П. Н. Милюковъ (а также В. М. Гессенъ, привлеченный къ отвѣтственности съ меньшимъ еще основаніемъ, чѣмъ они, и еще раньше оправданный судебной палатой). По 7-ой статьѣ Учрежденія Государственной Думы не могутъ участвовать въ выборахъ лица, состоящія подъ слѣдствіемъ или судомъ по обвиненію въ преступныхъ дѣяніяхъ, влекущихъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія. Ст. 129-ая уголовнаго уложенія, подъ которую подводится теперь прокурорскимъ надзоромъ большинство обвиняемыхъ въ преступленіяхъ печати, грозитъ ссылкою на поселеніе или заключеніемъ въ исправительномъ домѣ, т.-е. наказаніями, влекущими за собою, по ст. 30 уложенія, потерю права быть избирателемъ и избираемымъ. Правда, отъ ссылки на поселеніе судъ, въ дѣлахъ литературныхъ, переходитъ, большею частью, къ заключенію въ крѣпости, съ ограниченіемъ правъ не сопряженному; но до окончанія дѣла нельзя знать, какая изъ предусмотрѣнныхъ закономъ карательныхъ мѣръ будетъ примѣнена къ обвиняемому, и потому привлеченіе его къ слѣдствію подвергаетъ его послѣдствіямъ, соединеннымъ съ наи-

болѣе тяжкимъ изъ грозящихъ ему наказаній. Чтобы устранить всѣ вытекающія отсюда несообразности, необходимо исключить изъ числа каръ, назначаемыхъ за преступленія печати (какъ и вообще за политическія преступленія, разъ что они не соединены съ другими, общеуголовными правонарушеніями), всѣ наказанія, соединенныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ, оставивъ здѣсь въ силѣ только такъ называемую custodia honesta (т.-е. заключеніе въ крѣпости и арестъ)—или, по крайней мѣрѣ, сохранить за обвиняемыми въ этихъ преступленіяхъ избирательное право, пока они не осуждены вошедшимъ въ окончательную законную силу судебнымъ приговоромъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1906.

I.

— Яковъ Рейтенфельсъ. Сказанія свѣтлѣйшему герцогу Тосканскому Козьмѣ Третьему о Московіи. Падуя, 1680 г. Съ латинскаго перевелъ Алексѣй Станкевичъ. М. 1906.

Переводъ сказаній Рейтенфельса, первый полный и научный переводъ, является въ высшей степени цѣннымъ пріобрѣтеніемъ нашей историко-бытовой литературы. Исполненный съ любовью и глубокимъ знаніемъ дѣла, онъ заполняетъ въ ней тѣмъ большій пробѣлъ, что сказанія Рейтенфельса были извѣстны до сихъ поръ лишь небольшому кружку спеціалистовъ, широкіе же круги читателей могли имѣть въ своемъ распоряженіи лишь тѣ извлеченія, какія были сдѣланы въ свое время извѣстнымъ археологомъ и историкомъ Литвы Тарнава-Боричевскимъ въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія" за 1839 г.; былъ еще неполный переводъ Ю. И. Венелина, но онъ остался ненапечатаннымъ. „Печатаемый ниже переводъ сказаній Рейтенфельса,—говоритъ г. Станкевичъ,—сдѣланъ нами полностью, безъ всякихъ пропусковъ, при чемъ мы старались держаться, какъ можно ближе латинскаго текста, позволяя себѣ отступленія отъ него только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не представлялось возможности передать иначе точный смыслъ подлинника".

Свѣдѣнія объ авторѣ сказаній крайне скудны, и переводчикъ ставитъ своей задачей производить дальнѣйшія разысканія въ этомъ направленіи. Главнѣйшія извѣстія сообщаетъ объ авторѣ сказаній издатель его сочиненія (1680) въ своемъ „Предувѣдомленіи къ просвѣщенному читателю". Яковъ Рейтенфельсъ былъ сыномъ польскаго вельможи и пользовался большимъ значеніемъ у короля Казимира;

позже онъ былъ въ большой милости у герцога Тосканскаго Козьмы III-го, жилъ нѣкоторое время при его дворѣ и, по желанію своего покровителя, составилъ для него сказанія о Московіи. Затѣмъ г. Станкевичъ разыскалъ два документа 1672 г., относящихся, по его мнѣнію, къ Рейтенфельсу. Изъ нихъ оказывается, что Рейтенфельсъ приходился племянникомъ главному врачу царя Алексѣя Михайловича, датчанину Іоганну Розенбургу, по ходатайству котораго ему было разрѣшено, вмѣстѣ съ другими лицами, отправиться въ Вильну для ученія, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи поступить на царскую службу. Гораздо болѣе существенно было установить фактъ, что Рейтенфельсъ былъ въ Москвѣ въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича, свѣдѣнія о которыхъ отличаются наибольшею обстоятельностью. Въ предисловіи авторъ сказаній указываетъ на ихъ необработанный, отрывочный характеръ. Это даетъ поводъ переводчику сдѣлать цѣнное замѣчаніе, что Рейтенфельсъ постоянно записывалъ все видѣнное и слышанное, что̀ и собралъ въ одно цѣлое позже, живя у тосканскаго герцога. Много неясностей существуетъ и относительно подлинной рукописи сказаній Рейтенфельса, по копіи съ которой было сдѣлано первое падуанское изданіе 1680 г. Какъ бы ни было, сказанія Рейтенфельса исполнены глубокой занимательности и общаго интереса.

Основной своей цѣлью Рейтенфельсъ поставилъ описаніе обычаевъ (mores) и нѣкоторыхъ „новѣйшихъ событій Московъ“ на основаніи источниковъ, наблюденій очевидцевъ и личнаго опыта. Сказанія распадаются на четыре книги, изъ которыхъ каждая дѣлится на многочисленныя главы. Въ первой книгѣ разсматриваются событія отъ происхожденія московитовъ и обзоръ древнѣйшихъ событій до вступленія на престолъ Алексѣя Михайловича; книга вторая посвящена описанію „двора и нынѣшняго правленія“; книга третья изображаетъ „сословіе подданныхъ и нравы“; книга четвертая знакомитъ читателя съ „природными богатствами государства и его обширностью“.

Конечно, на всемъ протяженіи своего сочиненія Рейтенфельсъ, при всемъ желаніи остаться объективнымъ и близкимъ къ истинѣ, часто высказываетъ сужденія недостовѣрныя, основанныя на неудовлетворительныхъ источникахъ или вымыслѣ, и даже въ главахъ, написанныхъ имъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ, встрѣчаются противорѣчія, свидѣтельствующія, впрочемъ, о томъ, что его отрывочныя записи, напр., объ одномъ и томъ же, дѣлались въ разное время подъ вліяніемъ свѣжихъ, непосредственныхъ впечатлѣній. Но эти недостатки легко устранимы путемъ исторической критики, и на первый планъ выступаютъ крупныя достоинства сказаній—богатство

свѣдѣній (начиная со второй книги), широта взгляда автора, его живое, бойкое и подчасъ остроумное изложеніе. Отношеніе къ изображаемому характеризуется прежде всего тѣмъ, что Рейтенфельсъ, истый сынъ своего вѣка, прилагаетъ къ нимъ, по преимуществу, принципъ моральной оцѣнки. Но онъ прилагаетъ заботу о безпристрастіи въ томъ смыслѣ, что намѣренъ изображать событія, не поддаваясь ни чувству пріязни, ни чувству вражды къ изображаемому. „Ибо мнѣ хорошо извѣстны и чувство взаимнаго отвращенія между отдѣльными лицами, и присущее всѣмъ народамъ вообще зло, зависть и презрѣніе. Я также хорошо знаю, что люди ревниво относятся къ добродѣтелямъ и порокамъ смертныхъ, постоянно расходясь другъ съ другомъ и ошибаясь, благодаря личному чувству. Благодаря этому, зачастую, одно и то же, у разныхъ народовъ, то превозносится, то осуждается, ибо даже самый негодный поступокъ мы хитро скрашиваемъ придуманнымъ выраженіемъ „благочестивый обманъ" или „государственная необходимость", и, нерѣдко, одно и то же чудовищное проявленіе варварства, которое мы въ другихъ всячески стараемся яснѣе обнаружить, въ самихъ себѣ мы таимъ, благодаря лишь различнымъ названіямъ. Отъ всего этого, въ виду его дикости и непристойности, я намѣренъ воздержаться".

Русь представляется ему обширнымъ, богатымъ, преувеличенно могущественнымъ государствомъ, населеннымъ во многихъ отношеніяхъ любопытными „азіатами", обычаи которыхъ почему-то часто напоминаютъ ему Китай и Востокъ вообще. Говоря объ учрежденіяхъ и отмѣчая упомянутый параллелизмъ, Рейтенфельсъ дѣлаетъ такое общее замѣчаніе: „причина двойная: та, что весьма многіе обычаи всѣхъ азіатскихъ народовъ схожи между собой, и та, что многіе обычаи были переняты русскими у татаръ, которые одинаково владычествовали надъ китайцами и Московіей".

Рейтенфельсъ оставилъ любопытныя изображенія коренныхъ способовъ управленія Московіей. Сочувствуя лично принципу сильной централизованной власти, онъ обнаруживаетъ, сравнительно съ другими иностранцами, писавшими о Россіи, много своеобразныхъ чертъ въ объясненіи отношеній между верховной властью и порабощеннымъ народомъ. Съ одной стороны, онъ устанавливаетъ непосредственную связь между грубой эксплуататорской и грубо-произвольной политикой правительства и обнищаніемъ народа, а съ другой стороны— у него постоянно между строками пробѣгаетъ мысль, что подобному народу, какъ московиты, и не можетъ соотвѣтствовать иное правительство, чѣмъ то, которое имѣетъ дѣло съ людьми грубыми, темными. Поэтому въ высшей степени любопытной является его характеристика самодержавно-рабовладѣльческаго строя русскаго государства,

смягчаемая чувствомъ искренней и глубокой симпатіи къ царю Алексѣю Михайловичу. Остановимъ вниманіе читателя на нѣкоторыхъ извлеченіяхъ. „Власть московскаго царя — говоритъ Рейтенфельсъ — до того не стѣснена никакими законами и до того самоуправна, что справедливо можетъ считаться равною, если не превосходящей, царской власти древнихъ ассирійцевъ и грековъ, и современныхъ турокъ, персовъ и татаръ. Поэтому-то нѣкій турецкій ораторъ сказалъ, что изъ всѣхъ христіанскихъ правителей только московскій царь одинъ обладаетъ полною и высшею властью надъ своими: этотъ варваръ, повидимому, либо по невѣжеству своему не замѣтилъ, а скорѣе всего не зналъ того, что̀ гораздо болѣе украшаетъ царей и болѣе священно у христіанскихъ царей, именно—ихъ превосходство надъ прочими. И дѣйствительно, царь имѣетъ не только полнѣйшее право издавать и отмѣнять законы, заключать и нарушать союзы и мирные договоры, назначать и удалять чиновниковъ, уменьшать и увеличивать налоги, но располагаетъ вполнѣ жизнью и смертью своихъ подданныхъ и ихъ имуществомъ, такъ что можетъ, если захочетъ, отнять у нихъ все состояніе и жизнь, не объясняя причинъ сихъ дѣйствій. Если онъ иногда совѣщается о чемъ-либо съ боярами, то онъ не проситъ о согласіи, а пользуется ихъ опытностью и покорностью. Поэтому всѣ его подданные открыто признаютъ, что всѣ они цѣликомъ и все ихъ имущество принадлежатъ Богу и царю и прячутъ, все, что̀ у нихъ есть дорогого и цѣннаго, въ сундуки или подземелья, дабы другіе, увидавъ, не позавидовали бы, правитель не заподозрилъ бы, и дабы не привлечь на себя чьей-либо жадности или иную какую опасность. И это одна, между прочимъ, изъ главныхъ причинъ тому, что Москва до сихъ поръ такъ отвратительно дика и не отличается красотою своихъ зданій. Самая же царская власть вполнѣ наслѣдственна и составляетъ достояніе царской семьи, причемъ всегда наслѣдуютъ сыновья, старшіе или младшіе, смотря по желанію родителей. Прочіе члены семьи не могутъ никоимъ образомъ, основываясь на близкомъ родствѣ, захватить себѣ власть, такъ какъ волѣ умирающаго царя представляется, слѣдуя весьма похвальному обычаю, передавать изъ рукъ въ руки царскій скипетръ. Изъ этой власти проистекаютъ и эти многочисленныя и пышныя прозванія — Великаго Государя, Царя, Самодержца, Отчича и Дѣдича. Единственная цѣль, къ которой единодушно стремится все русское государство, это—исключительно слава царя, выгода его и благосостояніе, которая и достигается крайней суровостью и поддерживается строжайшими законами. Поэтому, равнымъ образомъ, и всѣ подданные, дабы знали, что межъ ними нѣтъ никакого различія другъ отъ друга, никогда не допускаются слишкомъ близко къ царю, не пользуются

освобожденіемъ отъ повинностей или какими-либо преимуществами, наконецъ, не могутъ разбогатѣть". Рейтенфельсъ приводитъ затѣмъ слышанное имъ мнѣніе, что близость къ царямъ и обиліе средствъ у знати служатъ той стѣной, изъ-за которой ведется борьба за власть, раздача же привиллегій немногимъ является поводомъ къ соблазну и источникомъ мятежа. Смиреніе признается Рейтенфельсомъ единственно правымъ путемъ, которымъ при московскомъ государственномъ строѣ возможно идти „просто и легко".

Любопытно еще и слѣдующее разсужденіе Рейтенфельса объ основныхъ законахъ, являющееся выводомъ всего сказаннаго о самодержавной власти. „Цари, дабы лучше обосновать свою власть и вполнѣ обезопасить себя, установили слѣдующіе основные законы, сходные съ древними спартанскими, а нынѣ—татарскими. Ибо, одинаково съ ними, они не позволяютъ своимъ подданнымъ ни путешествовать, ни вступать въ бракъ съ чужеземцами, ни, наконецъ, заниматься науками и искусствами, ради умственнаго развитія и нравственнаго совершенства; въ довершеніе къ сему, запрещается еще, кому бы то ни было, спорить о вѣрѣ, или обращаться съ рѣчами къ народу въ церкви. Итакъ—священники держатъ въ Московіи народъ въ убѣжденіи, что царь ничего не дѣлаетъ помимо воли Божіей, и что повинующійся до конца жизни приказаніямъ царя непремѣнно будетъ угоденъ Богу. Съ той же цѣлью князьямъ и боярамъ московскимъ приказано постоянно пребывать во дворцѣ, а члены наиболѣе вліятельныхъ семей обыкновенно разлучаются или высылаются въ отдаленныя области подъ видомъ оказанія имъ чести. Наконецъ, справедливость князя въ особенности, частая перемѣна должностныхъ лицъ и расположенныя по всему государству военныя стражи до такой степени хорошо упрочиваютъ московскій престолъ, что всѣмъ ясно, въ какой степени и Россія опирается на платоновское благоустройство". Можно было бы полагать, что въ подобныхъ разсужденіяхъ Рейтенфельса кроется злая иронія, еслибы этому не противорѣчило общее направленіе его книги и его взгляды на существо и характеръ государственной власти. Съ этими взглядами вполнѣ согласуется и убѣжденіе въ неизбѣжности мятежныхъ проявленій и въ наказуемости послѣднихъ. Въ этомъ отношеніи интересы властителей у Рейтенфельса на первомъ планѣ. „Опытъ цѣлыхъ вѣковъ показываетъ, какъ страшны бывали часто властителямъ, вслѣдствіе частыхъ гибельныхъ мятежей, большіе города, уздою закона еще несдерживаемые, но такъ какъ они черезъ-чуръ надѣялись на себя, то, большею частью, ихъ могущество и богатство быстро подрывались. Точно также и у московитовъ: Новгородъ, Тверь, Псковъ и многіе другіе города, нѣкогда пользовавшіеся громадными

вольностями и обладавшіе большими военными силами, нынѣ находятся въ такомъ рабскомъ подчиненіи у царя, что не смѣютъ даже и помыслить о прежнемъ благополучіи". Замѣчанія объ избирательныхъ правахъ характерны для европейца. Смертную казнь Рейтенфельсъ считаетъ обычнымъ явленіемъ московской Руси: казнили за неуваженіе къ царямъ, за сомнѣнія въ вѣрѣ, за разнаго рода преступленія, но особенно сурово наказывали за возмущенія и измѣну. Авторъ подробно разсказываетъ, какъ Стеньку Разина казнили медленной смертью, съ цѣлью дать ему почувствовать, что онъ—„умираетъ по заслугамъ".

Наряду съ изображеніемъ недобросовѣстности и подкупности чиновниковъ, Рейтенфельсъ невольно-мрачными красками обрисовываетъ тяжкое положеніе крестьянства. Если бытъ русскихъ вообще, по его замѣчанію, „болѣе отзывается азіатской необузданностью, чѣмъ европейской образованностью", то состояніе крестьянъ поражаетъ автора своей дикостью, невѣжествомъ, обиліемъ грубыхъ предразсудковъ и суевѣрій и нищетой. „Деревенскіе жители въ Московіи называются крестьянами, или чернымъ или лѣснымъ людомъ, ведутъ хотя и самый простой образъ жизни, но далеко не самый счастливый, ибо являя собою наружно, въ пищѣ, одеждѣ и ежедневныхъ трудахъ, какъ бы образецъ простоты золотого вѣка, они, до настоящаго времени, при этомъ, находятся въ глубочайшемъ невѣжествѣ относительно Божественнаго Откровенія, и нравы ихъ до того грубы, что нѣтъ возможности вполнѣ достойно оплакать ихъ. Они проводятъ жизнь совершенно по-дѣтски, чтобы не сказать чего худшаго, безо всякихъ необходимыхъ свѣдѣній о Законѣ Божьемъ, не умѣя молиться, и только разъ въ году принимая св. Тайны. Когда мы ѣхали въ Московію, то мы вдосталь насмотрѣлись на возбуждающее сожалѣніе невѣжество ихъ. Ибо, когда мы спросили у нѣкоторыхъ, попавшихся намъ на пути, земледѣльцевъ, между другими нѣкоторыми вопросами касательно вѣроисповѣданія, знаютъ ли они также что-либо объ Іудѣ предателѣ, то всѣ они стали переглядываться между собою, и одинъ, болѣе остальныхъ смышленый, отвѣчалъ, что говорятъ, дескать, у насъ, что онъ измѣнилъ Іисусу Христу и предалъ его врагамъ, но что онъ не вполнѣ твердо увѣренъ, что это дѣйствительно совершенно такъ. Да не удивится никто таковому ихъ незнанію Священной Исторіи, ибо всѣ ихъ христіанскія упражненія и молитвы заключаются въ возможно частомъ осѣненіи себя крестнымъ знаменіемъ и повтореніи словъ „Господи, помилуй", т.-е. „Боже, сжалься надо мною". Будучи обречены на тяжкую работу и прикрѣпощены къ землѣ, эти люди безнаказанно оскверняютъ праздничные дни, благодаря снисхожденію законовъ, работою на себя, дабы не пропасть, такъ какъ въ теченіе

всей недѣли они обязаны въ потѣ лица трудиться на своихъ господъ. Тяжелыми податями они доведены до такой бѣдности, что ничего не имѣютъ, кромѣ кое-какой изорванной одежды и коровы съ подойникомъ. Мужчины, по большей части, работаютъ лѣтомъ въ полѣ на быкахъ, хотя, мѣстами, вслѣдствіе мягкой почвы, они пашутъ плугами въ одну лишь лошадь, но во время жатвы и сѣнокоса женщины трудятся въ поляхъ гораздо болѣе, нежели мужчины. Зимою же обыкновенно они занимаются рубкою лѣса, плетеніемъ обуви изъ липовой коры и рыбною ловлею, а иногда бываютъ вынуждены, за неимѣніемъ какихъ бы то ни было средствъ, таскаться толпами по городамъ и просить милостыни. Вслѣдствіе дороговизны хлѣба, чрезмѣрнаго постояннаго голода и холода, это, конечно, случается чуть ли не изъ года въ годъ. А иногда они прокармливаются и дома крайне скудною пищею". Замѣчаніе о женщинахъ здѣсь не согласуется съ тѣмъ, что Рейтенфельсъ говоритъ ниже (стр. 151) о „великой праздности женщинъ" и о томъ, что „домашнія и семейныя работы лежатъ исключительно на мужчинахъ"; это замѣчаніе—одно изъ тѣхъ противорѣчій, о которыхъ мы говорили выше.

Невѣжество изображается у Рейтенфельса явленіемъ, постигающимъ не одну крестьянскую массу. Невѣжественно духовенство, невѣжественны чиновники,—и все это стоитъ въ прямой связи съ отсутствіемъ настоящихъ школъ. „Они (московиты) въ школахъ учатся только читать, писать и считать, а больше ничему. Поэтическія произведенія у нихъ хотя и не отсутствуютъ совершенно, но грубы и неизящны, и понынѣ и поэты у нихъ, подобно царямъ, не дѣлаются, но рождаются. Пишутъ они почти всѣ съ изысканными оборотами рѣчи и хранятъ свои писанія не такъ, какъ мы, т.-е. въ видѣ отдѣльныхъ книгъ или сшитыхъ листовъ, ихъ склеиваютъ въ длинную полосу, свертываемую въ трубку (какъ это дѣлается и понынѣ у евреевъ). Считаютъ они посредствомъ камешковъ и кораллов, нанизанныхъ на проволоку и расположенныхъ въ два ряда, на подобіе татаръ и китайцевъ"... Отмѣтивъ, что въ его время ученые въ Москвѣ стали уже „терпимы", Рейтенфельсъ дѣлаетъ интересное замѣчаніе объ отношеніи власти къ новому типу школъ. „Недавно русскіе открыли въ столицѣ и школу для обученія латинскому языку, но опасаются, какъ бы занятія учениковъ не вышли за предѣлы изученія языка; поэтому государь разрѣшалъ безпрепятственно учиться лишь тѣмъ, которые намѣрены, въ будущемъ, служить переводчиками, но и это столь полезное учрежденіе, какъ я узналъ изъ писемъ нѣкоторыхъ лицъ, по винѣ учителей, опять упразднено".

Въ своихъ замѣчаніяхъ о духовенствѣ Рейтенфельсъ останавливается большей частью на внѣшней сторонѣ дѣятельности этого со-

словія. Ко времени пребыванія въ Московіи Рейтенфельса борьба царя съ Никономъ уже закончилась и высшее церковное управленіе представляется ему всецѣло зависящимъ отъ царской власти. Приведя списокъ іерархическихъ степеней въ церковномъ управленіи, Рейтенфельсъ разсказываетъ о „низшихъ священнослужителяхъ“: „священнослужители низшаго разряда, по большей части, такъ мало почитаются, что если они принесутъ судьѣ жалобу на кого-либо въ оскорбленіи ихъ, то при малѣйшей, съ ихъ стороны, провинности, они сами скорѣе, нежели истинный виновникъ, терпятъ наказаніе. Всѣ, съ кѣмъ они затѣваютъ ссору, безнаказанно колотятъ ихъ палками по всему тѣлу, кромѣ головы; но если кто собьетъ у нихъ съ головы митру (!), возложенную епископомъ, тотъ подвергается тяжкому наказанію. Въ одеждѣ они мало отличаются ото всѣхъ остальныхъ, кромѣ того, что носятъ волосы распущенными и не стригутъ ихъ. Въ вопросахъ, касающихся вѣры, они крайне невѣжественны и нерѣдко подвержены пьянству, предпочитая лучше казаться святыми, нежели быть таковыми въ дѣйствительности“. Объ одномъ митрополитѣ разсказывается, что онъ, „прежде чѣмъ выходить изъ дому, обкуривалъ свое красное лицо сѣрою до блѣдности“. Въ той же главѣ Рейтенфельсъ разсказываетъ о „халдеяхъ“, „крайне нахальномъ разрядѣ людей, похожихъ на дикихъ, нежели на святыхъ, которые во время рождественскихъ праздниковъ должны были представлять исторію о трехъ юношахъ, вверженныхъ въ пылающую печь, и напоминать объ обращеніи руссовъ посредствомъ огненнаго чуда“.

Рейтенфельсъ отмѣчаетъ враждебное отношеніе православныхъ къ католикамъ, но въ своихъ отзывахъ о православіи онъ высказываетъ взгляды, проникнутые терпимостью и просвѣщеніемъ. „Хотя мосхи продолжаютъ питать къ латинской церкви ненависть, унаслѣдованную ими отъ грековъ, однако въ основныхъ ученіяхъ вѣры они почти во всемъ согласны съ нею, но такъ какъ у нихъ все подчиняется личному чувству, а общественное благо и согласіе все болѣе и болѣе пренебрегаются, то и самое это сродство служитъ къ еще бо̀льшему раздраженію“.

Много интересныхъ наблюденій дѣлаетъ Рейтенфельсъ и относительно различныхъ другихъ сторонъ государственной и народной жизни. Интересны именно его непосредственныя наблюденія (обычаи, бытъ, матеріальная культура), которыя при чтеніи обыкновенно легко бываетъ отличить отъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ постороннихъ источниковъ. Заинтересовываетъ и личность самого автора сказаній, человѣка образованнаго, начитаннаго, много думавшаго обо всемъ, что̀ ему приходилось видѣть и слышать. Все это, вмѣстѣ взятое, откроетъ

книгѣ Рейтенфельса, повторяемъ, доступъ въ широкіе круги людей, любознательныхъ къ судьбамъ родной исторіи.

II.

— Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій. Его жизнь, творенія и статьи. Подъ редакціей В. В. Стасова. Изд. т-ва Вольфъ. СПб. и М. 1905.

Объемистый томъ (1046 стр.) заключаетъ въ себѣ, главнымъ образомъ, переписку Антокольскаго съ В. В. Стасовымъ, Мамонтовымъ, Крамскимъ, Тургеневымъ и др., затѣмъ біографическій очеркъ, отрывки автобіографіи и статьи Антокольскаго объ искусствѣ. Въ перепискѣ и сосредоточивается главный интересъ книги; выправленные опытной редакторской рукой неправильные, ломаные обороты русской рѣчи полны живой и мѣткой мысли, оригинальныхъ сужденій, блестокъ тонкаго наблюдательнаго ума и самороднаго, стихійно прорывающагося юмора. Оставаясь специфически самимъ собой въ своихъ письмахъ, Антокольскій въ то же время обращался къ каждому изъ своихъ корреспондентовъ, по ихъ индивидуальности, различными сторонами своего духовнаго облика: наиболѣе полнымъ образомъ отражается онъ въ письмахъ къ В. В. Стасову, которому онъ сообщаетъ объ удачахъ и неудачахъ въ области своихъ работъ, полемизируетъ во взглядахъ на искусство, дѣлится своими художественными впечатлѣніями, переживаніями своего творчества и т. д. Тургеневъ является для него якоремъ спасенія, за который онъ хватается въ минуты отчаянія при полученіи извѣстій о жестокостяхъ и насиліяхъ, творившихся надъ евреями. Въ письмахъ къ Мамонтову появляется элементъ дѣловой, коммерческій, хотя преобладающимъ мотивомъ остается попрежнему искусство. Письма къ Крамскому писаны какъ къ товарищу-художнику, которому Антокольскій пишетъ о своихъ художественныхъ наблюденіяхъ, о постановкѣ дѣла въ Академіи Художествъ, о выставкахъ и проч.

Въ письмахъ нашли себѣ выраженіе взгляды Антокольскаго на искусство и въ особенности отраженіе ихъ въ исторіи творчества самого художника. Читатель съ большимъ интересомъ прочтетъ страницы, наглядно свидѣтельствующія о томъ, какимъ вдумчивымъ и упорнымъ исканіемъ сопровождалось осуществленіе творческихъ замысловъ Антокольскаго, столь разнообразныхъ по темамъ, какъ „Петръ I“, „Іоаннъ Грозный“, „Христосъ“, „Мефистофель“, „Спиноза“, „Смерть Сократа“ и др. О сюжетахъ своихъ работъ Антокольскій пишетъ цѣлыя статьи, любопытныя не въ одномъ автобіографическомъ

смыслѣ. Исходя изъ принципа, что искусство самоцѣльно, Антокольскій опредѣляетъ искусство, какъ „выраженіе ощущеній души во всѣхъ ея фазисахъ. Задача художника: вызвать эти ощущенія въ художественной формѣ. Если художественное творчество не застываетъ на оболочкѣ глаза зрителя, а достигаетъ внутри человѣка глубокихъ ощущеній, каковы: смѣхъ, плачъ, радость, печаль и т. д., если творчество завлекаетъ зрителя въ область дѣйствительности, опоэтизированной художникомъ такъ, что онъ перестаетъ видѣть краски, композицію и весь остальной механизмъ художника, тогда творецъ торжествуетъ—онъ достигъ своей цѣли! Отъ степени интеллигенціи художника зависятъ выборъ сюжета и самый взглядъ на искусство. Чѣмъ болѣе онъ развитъ, тѣмъ шире горизонтъ его, и тѣмъ глубже и вѣрнѣе онъ чувствуетъ". Возникаетъ естественный вопросъ, каково же отношеніе художника къ современному обществу, можетъ ли онъ стоять внѣ интересовъ современности?—На это Антокольскій отвѣчаетъ: „Истинный художникъ, какъ бы онъ ни сознавалъ, что теперь нехорошо, что цѣль жизни состоитъ въ томъ, чтобы достигать всего лучшаго, никоимъ образомъ не можетъ остаться нейтральнымъ къ настоящему. Напротивъ, чѣмъ болѣе чутко онъ чувствуетъ, тѣмъ глубже онъ захватываетъ жизнь, тѣмъ вѣрнѣе на немъ отражается обликъ его времени. Художникъ не можетъ создать комическаго, когда въ жизни существуетъ драма; онъ не можетъ создать высокаго, когда въ дѣйствительности его нѣтъ; онъ всегда и во всякое время остается вѣренъ себѣ и жизни, какъ художникъ и человѣкъ. Какъ художникъ, онъ по своей спеціальности всегда стремится къ свѣту, къ лучшему. Жизнь окутать въ поэзію—таковъ процессъ искусства во всѣхъ его фазисахъ. Но, какъ въ человѣкѣ впечатлительномъ, въ немъ концентрируется, помимо его собственныхъ стараній, жизнь съ ея интересами". Въ полной гармоніи съ этими взглядами находится и взглядъ Антокольскаго на конечную цѣль искусства, на его значеніе въ качествѣ общественнаго служенія. Оно, по словамъ Антокольскаго, стремится, чтобы создать гармоническаго человѣка; оно держится красоты душевной и пытается узнать человѣка, развивать у него чувство къ гармоніи, красотѣ, для того, *чтобы жизнь стала богатой и роскошной.*

Но, наряду съ этими взглядами, любопытно сопоставить отношеніе Антокольскаго къ Пушкину въ письмахъ, написанныхъ въ періодъ работы надъ проектомъ Пушкинскаго памятника. Внутреннее противорѣчіе такъ и осталось нераскрытымъ для Антокольскаго. Оно заключалось въ томъ, что Антокольскій *не чувствовалъ* духа Пушкинской поэзіи и, оцѣнивая созданія его со стороны выраженія полноты жизни, прилагалъ къ нимъ исключительно раціоналистическую мѣрку и немилосердно опрозаичивалъ ихъ. Письма, сюда

относящіяся, были написаны въ половинѣ семидесятыхъ годовъ и, можетъ быть, хранятъ въ себѣ слѣды нѣкоторой писаревщины, вообще несвойственной его душѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно понимать его стремленіе разграничивать пушкинскіе характеры гранью „счастія и несчастія", что было въ сущности только болѣе смягченнымъ выраженіемъ господствовавшаго тогда принципа утилитаризма. „Какъ бы ни желалъ я,—пишетъ онъ г. Стасову,—видѣть среди Пушкинскихъ героевъ такихъ, которые представляли бы что-нибудь свѣтлое, великое, счастливое, но, къ сожалѣнію, ихъ нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.." Только Петръ I-й да Пименъ являются какъ бы нѣкоторымъ исключеніемъ среди Пушкинскихъ героевъ, но и они мало удовлетворяютъ Антокольскаго. Признавая Пушкина „творцомъ, чувствующимъ не только окружающую жизнь, но и самую глубину души человѣческой", онъ въ другомъ письмѣ отказываетъ Пушкину въ цѣльности и законченности творческаго воплощенія: „Нельзя сказать, чтобы онъ (Пушкинъ) не зналъ строя и цѣльности сочиненія, не зналъ, что можетъ быть лишняго и мѣшать общему, но онъ часто относится къ этому совершенно небрежно, т.-е. дѣлаетъ отступленіе и начинаетъ говорить то, что у него на душѣ, но не имѣетъ ничего общаго съ даннымъ произведеніемъ". Далѣе идетъ разсужденіе о симпатичности Пушкинскихъ героевъ и Татьянѣ. „Очень немногимъ изъ героевъ его мы можемъ симпатизировать, да и врядъ ли самъ Пушкинъ симпатизируетъ имъ. Вотъ, напримѣръ, даже сама Татьяна,—ну, что это такое? Въ чемъ выражается ея человѣческая сторона? Просто въ томъ, что она нуждалась въ томъ, чтобы влюбиться въ кого-нибудь. Въ точности словъ не помню, но необыкновенно лишь то, что она сама объясняется въ любви, а Онѣгинъ настолько великодушенъ, что отказывается отъ подобнаго удовольствія, собственно потому, что подобное удовольствіе уже надоѣло ему. И что же въ концѣ-концовъ? Она скучаетъ, отказываетъ женихамъ, и вдругъ ее увозятъ въ Москву. И вотъ, Татьяна является свѣтской дамой, женой искалѣченнаго и стараго генерала, и только благодаря этому нашъ Онѣгинъ влюбляется въ нее до чахотки. Но она—героиня, тверда, недоступна и наконецъ (Богъ знаетъ, отчего) принимаетъ Онѣгина, имѣетъ съ нимъ объясненіе и доказываетъ (по крайней мѣрѣ, я такъ понялъ), что она хоть и чиста въ супружеской своей жизни, но вовсе не героиня, и даже не человѣкъ съ чистымъ характеромъ, а просто малодушная женщина" и т. д.

Можетъ быть, такое непостиженіе Пушкина, воплотившаго въ обаятельной формѣ именно полноту и глубину русскаго духа, коренится гораздо глубже и стоитъ въ связи съ той душевной надломленностью, которая явилась результатомъ многовѣковыхъ страданій и гнета еврей-

ской расы и до извѣстной степени атрофировала чувство безграничной свободы, идущее не изъ бездны страданія и скорби, а изъ свѣтлой радости бытія. Оттого въ области положительной поэзіи истиннымъ представителямъ еврейства всегда ближе языкъ скептически настроенной мысли, чѣмъ музыка нѣжныхъ и неизъяснимыхъ ощущеній души. А какъ глубоко чувствовалъ Антокольскій свои кровныя связи съ еврействомъ—показываютъ его прекрасныя, полныя истиннаго одушевленія и глубокой скорби письма къ И. С. Тургеневу, рисующія его съ другой и чрезвычайно симпатичной стороны. Эти письма были написаны по поводу притѣсненій евреевъ въ 1881 г. Въ нихъ Антокольскій горячо становится на защиту своего родного племени и съ горечью замѣчаетъ, что „тѣ же люди, которые такъ недавно возмущались ужасами болгарскихъ бѣдствій и съ порывомъ великодушія жертвовали всѣмъ для освобожденія болгаръ, теперь остаются равнодушными зрителями всѣхъ ужасовъ, совершающихся у насъ на югѣ. Намъ отвѣтятъ, что „ненависть къ евреямъ племенная и происходитъ отъ экономическихъ условій,—ненависть, которую каждый всасывалъ съ молокомъ матери". Но вѣдь и турки говорили чуть ли не то же самое... Евреи всегда были барометромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ временнымъ громоотводомъ всякой народной грозы—ихъ гоняли, обвиняли вездѣ и во всемъ тогда только, когда народное благосостояніе стояло низко, или падало, и наоборотъ... Но какое дѣло до этого русскому Яго: онъ правъ по своему, когда драпируется въ патріотическую тогу и всѣми чистыми и нечистыми средствами агитируетъ противъ ненавистнаго ему жида. „Евреи высасываютъ кровь изъ народа",—агитируетъ онъ,—„евреи—шинкари процентщики". Но развѣ народу живется легче тамъ, гдѣ еврея нѣтъ, и развѣ тамъ пьютъ меньше? Кто проценты не беретъ?.. Если еврейскіе проценты невыгодны, то пускай открываютъ мелкій кредитъ для бѣдныхъ. Далѣе: „евреи опасные конкуренты для русской торговли"—тѣмъ же лучше для покупателей, отъ этого все становится дешевле, а не дороже. „Еврей избѣгаетъ воинской повинности, обходитъ законы, даетъ подкупъ и представляетъ опасную кооперацію, „государство въ государствѣ".—Но кого защищать? Отечество, котораго за нимъ не признаютъ? Дайте имъ гражданство, и не будетъ надобности обходить законъ; наконецъ, будто одни евреи только и даютъ взятки! Да и отчего начальство беретъ? Вѣдь оно-то и должно подавать народу примѣръ правды и справедливости. Поднимите уровень образованія, дайте чиновникамъ жить лучше, и тогда зла будетъ относительно меньше, какъ мы видимъ это въ міровыхъ (?) учрежденіяхъ. Отнимите карантинныя цѣпи отъ ихъ „осѣдлости", и тогда не будетъ тѣсноты, отчаянной конкуренціи и ненависти другъ къ другу, доводящей до столь звѣрскихъ

поступковъ... Будьте христіанами; любите правду, будьте великодушны къ своимъ и чужимъ бѣдамъ. Мы всѣ страдаемъ общимъ недугомъ. Намъ всѣмъ нужно одинаковое радикальное излѣченіе".

Живя бо́льшую часть своей жизни заграницей, онъ часто грустить о Россіи, называетъ ее милой родиной и сознается, что цѣль его жизни—Россія. Отвѣчая на письмо В. В. Стасова, въ которомъ тотъ напоминаетъ о еврейской школѣ въ искусствѣ, Антокольскій говоритъ: „мнѣ кажется, что это (осуществленіе еврейской школы) трудно и даже невозможно. Еврей скорѣе принадлежитъ къ извѣстной партіи, чѣмъ къ національности, или, говоря иначе, онъ націоналистъ, который стремится къ космополитизму. По-моему, въ этомъ и заключается высокое значеніе каждой національности. Евреи имѣютъ національнаго только прошедшее, а въ настоящее время—они и русскіе, и французы, и нѣмцы". Интересы Россіи, а въ частности русскаго искусства, у него на первомъ планѣ: онъ изучаетъ прошедшее Россіи и воспроизводитъ его въ своихъ шедеврахъ; онъ заботится о развитіи искусства въ Россіи посредствомъ выдачи премій за лучшія сочиненія объ искусствѣ, за лучшіе рисунки для школъ; его сердцу близки радости и скорби русскаго народа, и нигдѣ и никогда онъ не порываетъ своей связи съ Россіей. Проповѣдуя общечеловѣческое искусство и сочувствуя идеѣ слiянія всѣхъ народовъ въ одинъ великій свободный народъ, Антокольскій отрицательно относится къ французамъ, нѣмцамъ, итальянцамъ; изъ Россіи онъ видитъ пришествіе будущаго обновляющаго человѣка. По адресу различныхъ національностей у Антокольскаго разбросано немало мѣткихъ художественныхъ характеристикъ.

Въ своихъ письмахъ Антокольскій былъ проповѣдникомъ любовнаго начала въ жизни. Отмѣчая слова Стасова: „Можно любить лишь очень немногое,—все остальное требуетъ настоятельно нашей ненависти, нашего презрѣнія, нашей рѣшительной непріязни вообще", Антокольскій говоритъ: „Нѣтъ, сто разъ нѣтъ! Я совершенно другого убѣжденія: любить многое, и лишь немногое мы должны презирать. Мы должны стремиться любить какъ собственную, такъ и чужую жизнь. Наши стремленія, наши желанія—однимъ словомъ, всѣ мы должны стремиться достигать этого. Мы первые должны сознательно и разумно любить, и лишь съ любовью улучшать все то, что̀ въ жизни есть сквернаго. Еслибы у меня не было надежды на будущее, еслибы я зналъ, что мой трудъ, весь я—не принесемъ улучшенія въ будущее, то я самъ бы подъ собой вырылъ яму, ибо такъ жить или смотрѣть, какъ живутъ другіе—это позоръ для человѣчества!.." Мысли, что искусство и художникъ должны служить человѣчеству, разбросаны у него во многихъ мѣстахъ. Индивидуалисты и мизантропы встрѣчали

въ Антокольскомъ рѣшительнаго противника: „Скверно, когда человѣкъ пичкаетъ всѣхъ своимъ личнымъ „я“. Пора бросить это разъ навсегда, и раньше всего: пора перестать заниматься собой. Мое „я“ должно принадлежать другимъ, для нихъ я долженъ работать и думать... Придетъ ли когда-нибудь то счастливое время, когда со спокойною совѣстью, положа руку на сердце, я сумѣю сказать: „Я не эгоистъ, я работалъ и не даромъ грѣлся подъ лучами солнца!..“

Біографическій и автобіографическій очерки дополняютъ матеріалъ писемъ, по преимуществу, внѣшними данными жизни и творчества Антокольскаго. Въ книгѣ помѣщенъ рядъ снимковъ съ портретовъ Антокольскаго и его произведеній.

III.

— И. Ѳ. Анненскій. Книга отраженій. Изд. бр. Башмаковыхъ. Спб. 1906.

Заглавіе, данное авторомъ своей книгѣ, удачно опредѣляетъ ея сущность. „Критикъ стоитъ обыкновенно внѣ произведенія,—говоритъ г. Анненскій;—онъ его разбираетъ и оцѣниваетъ. Онъ не только внѣ его, но гдѣ-то надъ нимъ. Я же писалъ здѣсь только о томъ, что̀ *мной владѣло*, за чѣмъ я *слѣдовалъ*, чему *я отдавался*, что̀ я хотѣлъ сберечь въ себѣ, сдѣлавъ собою“. Въ дальнѣйшемъ авторъ подчеркиваетъ „поэтичность“ своихъ отраженій, которыя невозможно сводить къ геометрическимъ чертежамъ: „Самое *чтеніе поэта* есть уже творчество. Поэты пишутъ не для зеркалъ и не для стоячихъ водъ. Тѣмъ болѣе сложнымъ и активнымъ оказывается *фиксированіе* нашихъ впечатлѣній“. Очерки, изъ которыхъ состоитъ книга, озаглавлены: „Проблема Гоголевскаго юмора“, „Достоевскій до катастрофы“, „Умирающій Тургеневъ“, „Три соціальныхъ драмы“ („Горькая судьбина“, „Власть тьмы“, „На днѣ“), „Драма настроеній“, „Бальмонтъ-лирикъ“. „Я бралъ только то,—говоритъ г. Анненскій по поводу выбора,—что̀ чувствовалъ выше себя, и въ то же время созвучное“... „Я бралъ произведенія субъективно характерныя. Меня интересовали не столько объекты и не самыя фантоши, сколько творцы и хозяева этихъ фантошей“.

Это, дѣйствительно, книга отраженій того, что̀ передумалъ и перечувствовалъ авторъ, поддаваясь обаянію художественныхъ образовъ. Наросталъ сложный психологическій матеріалъ, получавшій цвѣты и звуки изъ источника своего очарованія, — этотъ матеріалъ и ложился въ основу аналитическихъ и синтетическихъ комбинацій. Отсюда языкъ автора, подражательный по настроеніямъ, пора-

жаетъ въ то же время своей субъективностью, переходящею въ интимность, съ которой читатель приглашается внимательно-напряженно, не столько путемъ неустанной логической повѣрки, сколько инстинктомъ эстетически-настроенныхъ ощущеній, слѣдить за рѣчью автора, не чуждой полунамековъ, полусимволовъ, положеній, вытекающихъ изъ извѣстнаго душевнаго настроенія, и потому не доказуемыхъ. Авторъ, и впрямь, не приводитъ ни къ какимъ обобщеніямъ, ничего не доказываетъ, ни въ чемъ не убѣждаетъ. Онъ подходитъ къ писателямъ съ той утонченной душевной любознательностью, которая придаетъ его книгѣ характеръ интересной попытки литературнаго исканія и, можетъ быть, служитъ новой ступенью въ пониманіи предстоящихъ критическихъ задачъ.

Г. Анненскій настолько сживается съ тѣмъ или инымъ произведеніемъ, что способность оцѣнки и въ самомъ дѣлѣ отступаетъ у него на далекій планъ передъ волной чувствованій и переживаній. Глубокое и любовное изученіе предмета своей работы приводитъ его не только къ гармоничному примиренію съ художникомъ, къ *созвучности* съ нимъ, но и къ подчиненію себя власти творца, который становится его кумиромъ. Какимъ бы характеромъ ни отличалась грядущая критика, она никогда не поставитъ это свойство въ особую заслугу своимъ представителямъ. Душа критика, какъ и душа художника, должна быть свободна для всѣхъ стихій человѣческаго чувства и воли, и въ ея протестующемъ началѣ скрыта одна изъ тайнъ ея жизненной необходимости и власти. Лично отъ себя г. Анненскій не вноситъ никакого протеста, не дѣлаетъ никакого усилія воли, чтобы толкнуть жизнь въ томъ или иномъ направленіи: онъ—вдумчивый и тонкій истолкователь того, что̀ созвучно его душѣ, и потому онъ вполнѣ основательно избѣгаетъ названія своихъ очерковъ критическими. Они написаны объ *избранномъ* и для *избранныхъ*. Это — укромные и живописные заливчики, въ которыхъ отражаются прибрежная зелень и голубыя небеса, но изъ нихъ, изъ этихъ заливчиковъ, не тянетъ, распустивъ парусъ, выплыть навстрѣчу волнамъ и бурямъ безграничнаго морского простора. Прочитавъ книгу г. Анненскаго, невольно хочется сказать: вотъ какъ слѣдуетъ знать и любить писателя, но чтобы помочь другимъ узнать и полюбить его, нужно писать и такъ, какъ пишетъ г. Анненскій, и какъ-нибудь иначе... болѣе объективно и властно.

Тонкая художественная впечатлительность автора, въ соединеніи съ чуткостью самонаблюденія, вводитъ читателя въ область своеобразнаго импрессіонизма, создаетъ параллелизмъ настроенія, созвучнаго настроенію изучаемаго произведенія. Пишетъ, напр., г. Анненскій о „Носѣ“ Гоголя, онъ разлагаетъ синтезъ Гоголевскаго творчества на эмбріоны въ настроеніяхъ и даетъ новый синтезъ, въ которомъ,

въ полусимволической формѣ, осмысливаетъ повѣсть. Согласится ли читатель или нѣтъ съ этимъ осмысленіемъ — вопросъ совершенно особый, но онъ передумаетъ повѣсть вмѣстѣ съ авторомъ, а главное *почувствуетъ* Гоголя,—а войти въ духъ писателя составляетъ основную цѣль стремленій г. Анненскаго. „Литературныя изображенія людей имѣютъ какъ бы двѣ стороны: одну—обращенную къ читателю, другую—намъ не видную, но неотдѣлимую отъ автора. Внутренняя, интимная сторона изображеній чаще всего просвѣчиваетъ сквозь внѣшнюю, какъ бы согрѣвая ее своими лучами. Но, повторяю, она недоступна нашему непосредственному созерцанію, а существуетъ лишь во внутреннемъ переживаніи поэта, и нами постигается только симпатически. Внутренняя, интимная сторона изображеній болѣе всего занимаетъ г-на Анненскаго, но она обыкновенно не приводитъ къ положительнымъ рѣшеніямъ, если не считать туманныхъ ссылокъ на „высшія категоріи бытія“ и на „лазурныя краски невозможнаго“, которыя ничего не объясняютъ. Иногда авторъ разсматриваетъ отдѣльныя литературныя изображенія съ точки зрѣнія иллюстраціи къ основнымъ идеямъ творчества писателей. Таковъ, напр., этюдъ о „Прохарчинѣ“, гдѣ есть, между прочимъ, одно очень тонкое замѣчаніе. „Мотивъ повѣсти,—говоритъ г. Анненскій,—*непосильная для наивной души* борьба съ *страхомъ жизни*. Вдумайтесь въ природу и смыслъ этого страха жизни, и вы откроете интересный контрастъ между даннымъ мотивомъ и столь возвеличенной въ наши дни Чеховщиной. Кажется, ни одинъ поэтъ не давалъ читателю лучше Достоевскаго почувствовать, что̀ такое настроеніе: вспомните только сонъ Раскольникова въ его „каютѣ“ и потомъ, когда онъ проснулся, закатъ въ стеклахъ и бьющуюся между ними муху, или еще то раннее утро, когда Свидригайловъ ощупываетъ въ карманѣ револьверъ, а на него глядѣли закрытыми ставнями желтые домишки Петербургской стороны, еще скользкіе отъ ночного тумана. Никто сильнѣе Достоевскаго не умѣлъ внести въ самую пошлую и отрезвляющую обыденность—фантазіи самой безумной, или, съ другой стороны, свести смѣлый романтическій полетъ къ безнадежно-осязательной реальности“. Этотъ этюдъ г. Анненскаго раскрываетъ и ту особенность его дарованія, которая, можетъ быть не безъ нѣкотораго зараженія Достоевскимъ, направляетъ интересъ автора на употребляемые художниками пріемы въ изображеніяхъ ощущенія жизни, на процессы его осмысленія, на то, какъ оно совершается въ реальной дѣйствительности и вызываетъ боль и страданіе своимъ несоотвѣтствіемъ идеалу. И, опредѣливъ внутренній смыслъ того или другого изображенія, авторъ тотчасъ же восходитъ къ его художнику и опредѣляетъ ихъ взаимоотношеніе или, лучше сказать, одно изъ возможныхъ взаимоотношеній. Прохарчинъ у автора

является контрастомъ къ Достоевскому 1846 г., но способъ объясненія молодого Достоевскаго съ Прохарчинымъ едвали можно признать убѣдительнымъ. Достоевскій обладалъ неистощимой фантазіей,—Прохарчинъ былъ бездаренъ; Достоевскій былъ общителенъ (1846?),—Прохарчинъ боялся любви; на Достоевскаго, какъ и на Прохарчина, „напирала жизнь, требуя отвѣта и грозя пыткой, въ случаѣ, если онъ не сумѣетъ отвѣтить"—эти и т. п. доказательства еще ничего не говорятъ о тѣхъ глубочайшихъ импульсахъ въ творчествѣ Достоевскаго, которые повели къ созданію прохарчинскаго типа. Также много натянутаго въ сближеніяхъ Тургенева съ Аратовымъ („Клара Миличъ"), но, какъ *исканія*,—сопоставленія автора, повторяемъ, очень любопытны, и на нихъ стоитъ остановить пристальное вниманіе. Слабые въ обобщеніяхъ, очерки г. Анненскаго заключаютъ въ себѣ рядъ мастерскихъ характеристикъ отдѣльныхъ положеній и тонкихъ замѣчаній, напр., о драмѣ Толстого, о Горькомъ („Горькій, кажется, никого не любитъ, онъ ничего не боится"), о поэзіи г. Бальмонта. Въ итогѣ—книга Анненскаго — интересная и живая книга, которой не слѣдуетъ затеряться среди новѣйшей, слишкомъ ужъ специфической книжной литературы.

Евг. Л.

IV.

— Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. CXXI, CXXII, Спб., 1906.

Давно не появлялось въ печати такого интереснаго тома Имп. Русскаго Историческаго Общества, какъ настоящій. Въ него вошли матеріалы изъ архива свѣтлѣйшаго князя А. И. Чернышева; мастерски подобранные и прекрасно освѣщенные кн. Н. В. Голицынымъ, они вносятъ цѣнный и новый вкладъ въ изслѣдованіе отношеній Россіи и Франціи въ началѣ XIX вѣка. Первоначально 121-й томъ долженъ былъ выйти подъ редакціей покойнаго Н. К. Шильдера: кн. Н. В. Голицынъ въ краткомъ предисловіи объясняетъ, что Чернышевскія бумаги „представляютъ собой матеріалъ крайне разнородный по содержанію, а потому и не одинаково важный по своему историческому значенію". Для изученія этихъ бумагъ онѣ подраздѣлены на 13 отдѣловъ, что̀ значительно облегчаетъ читателю пользованіе ими; такъ, I, II, III, IV, VII, VIII и IX отдѣлы исключительно отведены для дипломатической дѣятельности Чернышева съ 1809 по 1817 г.; отдѣлъ V содержитъ бумаги, касающіяся военной дѣятельности кн. Александра Ивановича; VI и X—отведены для докладныхъ записокъ имп. Александру I-му; въ XI—собраны бумаги по устройству войска Дон-

скаго; XII отдѣлъ заключаетъ въ себѣ переписку съ разными лицами, и наконецъ XIII—семейныя письма и бумаги.

Переходя къ болѣе подробному обзору настоящаго труда, слѣдуетъ обратить особое вниманіе на отдѣлъ I-й, гдѣ напечатанъ рядъ интересныхъ свѣдѣній о пребываніи Чернышева въ арміи имп. Наполеона въ знаменательную кампанію 1803 г. въ Австріи.

Особенно драгоцѣнны записки о пребываніи Чернышева при Наполеонѣ въ маѣ и іюнѣ 1809 г., поѣздки къ Наполеону и имп. Францу осенью того же года, черновыя замѣтки во время пребыванія въ Австріи и описанія сраженій при Асперну и Ваграмѣ.

Во II отдѣлѣ рядъ важнѣйшихъ документовъ, относящихся къ военно-дипломатической миссіи Чернышева въ Парижѣ въ 1810 г. Письма къ канцлеру гр. Румянцеву свидѣтельствуютъ о замѣчательной наблюдательности молодого русскаго полковника, о вѣрности и смѣлости его взглядовъ—какъ на Францію („Coup d'oeil rapide sur l'intérieur actuel de la France"), такъ и на настроеніе общества и самого Наполеона въ этотъ періодъ его жизни. Здѣсь въ первый разъ мы узнаемъ о переговорахъ Чернышева съ полковникомъ Жомини по поводу возможности перехода его въ русскую службу. До сихъ поръ была извѣстна только измѣна Жомини, происшедшая на поляхъ Саксоніи въ кампанію 1813 г., когда, будучи начальникомъ штаба маршала Нея, онъ внезапно бросилъ французскія знамена и перешелъ въ ряды русскихъ войскъ. Между тѣмъ, оказывается, что этотъ переходъ на нашу службу былъ не какимъ-либо случайнымъ поступкомъ, а результатомъ давно обдуманнаго рѣшенія, которому предшествовало полное согласіе имп. Александра еще за три года до этого, т.-е. въ іюнѣ 1810 года.

Далѣе, въ письмахъ Чернышева къ гр. Румянцеву не разъ подробно повѣствуется объ его разговорахъ съ маршаломъ Бернадотомъ. Бесѣды эти велись часто, и маршалъ настойчиво утверждалъ о своихъ симпатіяхъ къ Россіи, о своемъ недовольствѣ режимомъ Бонапарта, а также выяснялъ, отчего онъ согласенъ превратиться въ наслѣднаго принца шведскаго. Если вспомнить роль Бернадота въ 1813 и 1814 годахъ, его дружескія сношенія съ имп. Александромъ, то многое станетъ теперь понятнымъ.

Въ III отдѣлѣ помѣщены неизвѣстные доселѣ документы, относящіеся къ дипломатической миссіи Чернышева въ Стокгольмѣ въ 1810 году.

Почти сто страницъ составляютъ IV отдѣлъ, въ которомъ заключены подробныя донесенія Александра Ивановича канцлеру гр. Румянцеву, имп. Александру и военному министру Барклаю-де-Толли отъ января 1811 до февраля 1812 г., во время военно-дипломатиче-

ской миссіи Чернышева въ Парижѣ. Письма почти всѣ весьма обширны и заслуживаютъ вниманія, такъ какъ въ нихъ выразились наблюденія русскаго уполномоченнаго, наканунѣ разрыва между Франціей и Россіей. Любопытно въ нихъ то, насколько Чернышевъ входилъ во всѣ мелочи, подробно донося о колоссальныхъ приготовленіяхъ Наполеона къ походу на Россію. Параллельно съ этимъ, имъ сообщаются также результаты дѣйствій французскихъ войскъ на Пиренейскомъ полуостровѣ, гдѣ французы терпятъ частыя неудачи, невыгодно отражавшіяся на настроеніи французскаго населенія; отмѣчая это, Чернышевъ замѣчаетъ, что новая, полная лишеній и трудностей война съ Россіей врядъ ли будетъ популярна во Франціи. Вообще, надо отдать полную справедливость наблюдательности и ясному изложенію всѣхъ донесеній Чернышева за этотъ періодъ его дѣятельности.

Документы, касающіеся военной дѣятельности Чернышева за 1812, 1813 и 1814 года, помѣщены въ V отдѣлѣ, но особаго интереса не представляютъ, такъ какъ тогда Чернышевъ не занималъ отвѣтственныхъ должностей, не обнаруживалъ военныхъ талантовъ, а единственнымъ извѣстнымъ маневромъ его было взятіе города Касселя, что̀ и было любимымъ конькомъ впослѣдствіи въ бесѣдахъ Чернышева о своихъ подвигахъ въ 1814 году. Въ сборникѣ имѣется подробное донесеніе о взятіи Касселя и о различныхъ дѣйствіяхъ его отряда въ Германіи и во Франціи въ періодъ 1813 и 1814 годовъ.

Изъ докладныхъ записокъ Чернышева имп. Александру, помѣщенныхъ въ VI отдѣлѣ, обращаетъ на себя вниманіе записка о возстановленіи Польши, гдѣ выражены ясные взгляды князя по этому вопросу.

VII, VIII, IX и X отдѣлы относятся къ дипломатическимъ миссіямъ Чернышева въ Вѣнѣ въ 1816 году, въ Гагѣ въ 1817 году, въ Стокгольмѣ въ 1818 году и, наконецъ, записки, представленныя въ томъ же году государю на ахенскомъ конгрессѣ.

Весьма интересны письма изъ Вѣны, гдѣ снова проявляется замѣчательная наблюдательность Чернышева и весьма мѣткія сужденія о Меттернихѣ и его дѣятельности. То же можно сказать о донесеніяхъ изъ Гаги и Стокгольма, гдѣ помѣщены подробности о восшествіи на шведскій престолъ Бернадота подъ именемъ короля Карла XIV, уже не разъ имѣвшаго сношенія съ русскимъ уполномоченнымъ и въ Парижѣ, и въ періодъ освободительныхъ войнъ въ борьбѣ съ Наполеономъ.

Бумаги по дѣламъ Донского комитета (1821 — 1824) не имѣютъ особаго значенія, но свидѣтельствуютъ о тѣхъ разнородныхъ порученіяхъ, которыя приходилось исполнять Чернышеву. Это пригодилось

ему впослѣдствіи, когда онъ былъ военнымъ министромъ въ царствованіе Николая I-го и брался за рѣшеніе всевозможныхъ сложныхъ вопросовъ съ легкостью человѣка, привыкшаго умѣло пользоваться обстоятельствами, несмотря, впрочемъ, на полное отсутствіе серьезной подготовки къ такому отвѣтственному посту, какъ постъ военнаго министра.

Въ двухъ послѣднихъ отдѣлахъ помѣщены—переписка Чернышева съ разными лицами съ 1809 по 1825 г. и семейныя письма къ матери, сестрѣ и третьей супругѣ его, рожденной Зотовой. Вѣроятно, въ семейномъ архивѣ находится еще немало другихъ писемъ Александра Ивановича, такъ какъ онъ за свою долгую жизнь былъ въ сношеніяхъ почти со всѣми дѣятелями царствованій Александра и Николая Павловичей и интересовался всѣми вопросами, особенно политическими, волновавшими людей этой эпохи.

Изъ собранныхъ въ настоящемъ сборникѣ писемъ Чернышева, вообще не особенно интересныхъ, любопытны письма къ женѣ, писанныя изъ Таганрога, когда Чернышевъ, въ числѣ весьма немногихъ лицъ, сопутствовалъ государю въ его путешествіи по Крыму и былъ при немъ въ послѣднія минуты его жизни.

Документы напечатаны, въ подлинникѣ, на французскомъ языкѣ, что не только важно для нашихъ изслѣдователей родной исторіи, но и для иностранныхъ историковъ, которымъ, по незнанію русскаго языка, недоступно большинство сокровищъ нашихъ архивовъ.

Переходимъ ко второму изъ вышедшихъ въ послѣднее время томовъ „Сборника".

Насколько толково изданъ разсмотрѣнный нами выше томъ „Сборника", настолько небрежно выпущенъ въ свѣтъ томъ сто двадцать второй, не обозначенный именемъ своего составителя, которое остается неизвѣстнымъ. Нѣтъ предисловія, необходимаго при изданіи историческихъ матеріаловъ; не имѣется ни малѣйшаго указанія, кто былъ составителемъ довольно обширной біографіи князя А. И. Чернышева; не указано, изъ какого архива заимствованы письма высочайшихъ особъ, князя Паскевича, всеподданнѣйшія записки Чернышева. На страницѣ 288 имѣется, правда, примѣчаніе, что „этимъ годомъ Михайловскій-Данилевскій заканчиваетъ біографію князя А. И. Чернышева", но это примѣчаніе ровно ничего не объясняетъ.

Надо полагать, что помѣщенная въ этомъ томѣ біографія А. И. Чернышева была первоначально составлена Михайловскимъ-Данилевскимъ, въ видѣ апологіи всесильнаго военнаго министра, которому онъ былъ многимъ обязанъ. Вѣроятно, эта біографія нашлась въ Чернышевскомъ архивѣ въ числѣ прочихъ бумагъ. Она была одно время въ рукахъ покойнаго Н. К. Шильдера, который, за своей подписью,

печаталъ ее въ „Русской Старинѣ", но смерть помѣшала ему окончить ея печатаніе. Затѣмъ эта біографія находилась у Н. Ѳ. Дубровина, имѣвшаго намѣреніе ее обработать, но за смертью и онъ не успѣлъ привести въ исполненіе своего намѣренія. Теперь та же работа появляется на страницахъ Историческаго Сборника — безъ подписи, и приходится гадать,—представляетъ ли это первоначальный трудъ Михайловскаго-Данилевскаго, или уже отчасти переработанное жизнеописаніе Чернышева Шильдеромъ и Дубровинымъ?

Намъ думается, что въ Сборникѣ напечатана цѣликомъ апологія-біографія кн. Чернышева, такъ какъ изложеніе поразительно напоминаетъ біографическіе очерки того же Михайловскаго-Данилевскаго, сдѣланные имъ къ изданію портретовъ генераловъ отечественной войны изъ галлереи Зимняго дворца.

Во второй части разсматриваемаго тома помѣщены письма разныхъ лицъ къ А. И. Чернышеву въ періодъ тридцатыхъ годовъ, но, къ сожалѣнію, письма эти мало интересны, а отсутствіе указаній со стороны издателя еще болѣе умаляетъ ихъ значеніе.

Послѣдняя часть Сборника отведена письмамъ кн. Паскевича къ А. И. Чернышеву. Письма эти, въ количествѣ 108, писаны съ 1827 по 1852 годъ, и къ нимъ тоже не сдѣлано никакихъ примѣчаній. Между тѣмъ письма князя Паскевича представляютъ несомнѣнный интересъ, не только историческій, но и для характеристики личности самого князя Варшавскаго. Но отвѣты на нихъ князя Чернышева не напечатаны, что̀ составляетъ досадный пробѣлъ, потому что оба играли настолько выдающуюся роль въ царствованіе имп. Николая I, что будущему историку могли бы служить богатѣйшимъ матеріаломъ для изученія этой эпохи. Остается только пожелать, чтобы пробѣлъ этотъ былъ пополненъ въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ „Сборника" Имп. Историческаго Общества, послѣднему не трудно было бы добыть ихъ изъ архива князя Паскевича, который находится въ образцовомъ порядкѣ въ Гомелѣ и которымъ обильно пользовался исторіографъ фельдмаршала Паскевича — кн. Щербатовъ, издавшій цѣлую серію весьма обширныхъ томовъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ.—Н. М.

V.

— О. Н. Чюмина (Михайлова). „Новыя стихотворенія". Т. III. Спб. 1905.

Поэзія О. Н. Чюминой—ровная, спокойная поэзія. Она похожа на бѣленькій уютный домикъ, гдѣ-нибудь въ лѣсу, далеко отъ города. Въ немъ такъ хорошо отдохнуть послѣ трудной дороги; все въ немъ

такъ знакомо, близко вамъ. Никакихъ особенныхъ рѣдкостей не увидятъ тамъ, ничего новаго тамъ не раскажутъ, но тамъ живутъ радушные, привѣтливые люди, они приласкаютъ и пріютятъ читателя.

Послѣ бури вечеръ ясный
И безоблачная даль,
И порывъ смѣняетъ страстный
Примиренная печаль,—

вотъ основное настроеніе поэзіи г-жи Чюминой. Гдѣ-то тамъ далеко люди терзаются, люди блуждаютъ безъ дороги, гдѣ-то тамъ Боделеръ, Эдгаръ Поэ, Нитцше, Метерлинкъ, а здѣсь тепло, уютно подъ низкимъ потолкомъ, лампа свѣтитъ привѣтливо...

...Солнце восходитъ, заходитъ,—
Все пусто и глухо въ лѣсу,
И жизнь незамѣтно проходитъ,
Минуя царевну-красу.

Г-жа Чюмина — умѣлая и заслуженная переводчица,—и въ переводахъ своихъ она находитъ близкихъ себѣ по духу поэтовъ. Тихорадостная Елизавета Браунингъ, спокойный Теннисонъ, идиллическій Пальеронъ, незатѣйливый Ричардъ Гарнетъ—вотъ постоянные и желанные гости этого бѣленькаго, уютнаго домика. Правда, порою забѣжитъ туда Доде, забредетъ праздный Верленъ, войдутъ загорѣлые поэты мужицкой Германіи—Фонтанъ, Штормъ, Герокъ,—но, странное дѣло, въ этихъ уютныхъ стѣнахъ они становятся какъ-то тише, какъ-то спокойнѣе, и даже самъ Викторъ Гюго смиряется здѣсь и забываетъ на время, что онъ—громовержецъ.

Г-жа Чюмина прекрасно перевела его „Châtiments“:

Да, совѣсть умерла среди постыдныхъ оргій,
Настадъ великій день для вора и лжеца,
И наглость, наклонясь надъ мертвою въ восторгѣ,
Ей оскорбленія наноситъ безъ конца.

Судья и іезуитъ—намѣстники Іуды,
Тамъ, у подножія Господняго креста,
Считаютъ золота награбленнаго груды,
И снова предаютъ Распятаго Христа, и т. д.

Но это только переводъ, только прекрасная передача чужихъ словъ. На самомъ же дѣлѣ—

Сегодня небо такъ лазурно,
И такъ прозрачны облака,
И даль морская такъ безбурна—
Что таетъ на сердцѣ тоска.

Забвеньемъ дышитъ все и миромъ,
Чаруетъ море синевой:
Оно блеститъ живымъ сапфиромъ
Изъ рамокъ зелени живой.

Въ этомъ томикѣ стиховъ г-жи Чюминой *нѣтъ современныхъ напѣвовъ* (не сюжетовъ, а именно напѣвовъ, красокъ). Каждое изъ ея стихотвореній могло быть написано и вчера, и сорокъ лѣтъ назадъ. Никто не удивился бы, если бы подъ этимъ, напр., стихотвореніемъ оказалась *дата 1820 г.*:

Листва желтѣющая—рѣже,
Съ зарей—обильнѣе роса,
Утра безоблачны и свѣжи,
Прозрачно ярки небеса;
Какъ будто тѣ же и не тѣ же
Стоятъ задумчиво лѣса.

Такъ и былого обаянье
Становится съ теченьемъ дней
Еще прекраснѣй, но—грустнѣй.
Оно живетъ въ воспоминаньѣ,
Какъ ранней осени дыханье,
Какъ отблескъ меркнущихъ огней...

Таковы въ настоящей книжкѣ стихи г-жи Чюминой. Новые поэты пишутъ нынче о „безднахъ", о „хаосѣ", у г-жи Чюминой—„обаянье", „воспоминанье", „дыханье"...

И форма, и господствующее настроеніе здѣсь—идиллія. Не даромъ г-жа Чюмина начала свою поэтическую дѣятельность съ переводовъ Франсуа Коппе. Не даромъ такъ великолѣпны ея переводы изъ „Королевской идилліи" Теннисона. Не даромъ ей такъ удалась „Кукла" Пальерона. Здѣсь поэтесса—у себя дома. Всѣ оттѣнки нѣжной, примиренной, спокойно-грустной любви, гдѣ нѣтъ ни смѣха, ни слезъ, а одна только улыбка трогательнаго воспоминанія,—передаются г-жей Чюминой съ удивительнымъ мастерствомъ. Какъ хорошъ, напримѣръ, ея переводъ „Старосвѣтскихъ идиллій" Остина Добсона! Какъ прекрасно передано г-жей Чюминой это старое бабушкино письмо, написанное, когда бабушка была еще влюбленной, молодой дѣвушкой,—письмо, надъ которымъ замечтался ея внучекъ-поэтъ:

Росла шпалерника стѣна
Такъ чинно и такъ прямо,
Какъ и въ быломъ, во времена
Голандскаго Вильяма.

Замысловатый свой узоръ
Хранили тамъ куртины,

И выпускали до сихъ поръ
Струю воды дельфины.

Попрежнему среди колоннъ,
Служившихъ богу храмомъ,
(Теперь безносый) Аполлонъ
Все улыбался дамамъ...

„Но, слѣдъ новѣйшей суеты повсюду обнаруживъ, какъ будто юныя черты изъ-подъ старинныхъ кружевъ, и въ этомъ мирномъ уголкѣ сквозила жизнь иная. Валялся крокетъ на пескѣ, накидка кружевная, картинка модная“...—картинка, такая стильная, такая вычурная,—и вдругъ, на этомъ фонѣ,—столько лиризма, столько свѣжаго, нѣжнаго, душевнаго чувства:

„Милый мой, ни любви, ни тоски
Не знавала я раньше, но вѣрь,
Что однимъ лишь пожатьемъ руки
По недѣлѣ живу я теперь.
Шлю въ письмѣ—угадаешь ли, что?
Въ уголкѣ сохраняется онъ...
Хочешь знать?.. Не скажу ни за что!
Поищи и найдешь, милый Джонъ“.

Это уже не переводъ. Это—перевоплощеніе. Ибо здѣсь,—въ этомъ маленькомъ очаровательномъ уголкѣ—всѣ симпатіи г-жи Чюминой. А ея переводы изъ Метерлинка, напр., хоть и вѣрные подлиннику внѣшне, душою совершенно далеки отъ него. У Метерлинка не стихи, а пѣсни—г-жа Чюмина лишила ихъ именно напѣвности. Она придала имъ размѣръ, котораго нѣтъ въ подлинникѣ, и почему-то сократила одну изъ лучшихъ пѣсенъ („А если онъ вернется“), выбросивъ изъ нея самыя характерныя строки. Все это потому, что Метерлинкъ для музы г-жи Чюминой—мимолетный и случайный гость.

Нужно ли упоминать, что г-жа Чюмина владѣетъ прекраснымъ языкомъ, что стихъ ея гибокъ, послушенъ, музыкаленъ, что образы всюду нѣжны, граціозны, изящны... — К. Ч—ій.

VI.

— Проф. А. Ѳ. Фортунатовъ. Поземельныя отношенія въ Западной Европѣ. Москва, 1905 г., стр. 70.

Въ настоящее время, когда аграрный вопросъ такъ живо интересуетъ русское общество, когда пишется столько статей и брошюръ, посвященныхъ этому вопросу, и когда сухія статистическія данныя о

поземельныхъ отношеніяхъ Россіи сдѣлались предметомъ общаго вниманія—небольшая книжка проф. Фортунатова, посвященная поземельнымъ отношеніямъ Западной Европы, появилась весьма кстати. При обсужденіи аграрнаго вопроса въ одной странѣ, весьма полезно справляться съ тѣмъ, что̀ представляютъ въ данномъ отношеніи другія государства; и особенно полезно было бы имѣть въ виду эти послѣднія при обсужденіи видовъ на будущее нашихъ аграрныхъ и агрикультурныхъ отношеній. Сравненіе Россіи съ Западной Европой оказало бы прежде всего отрезвляющее вліяніе на наши разсужденія о вѣроятномъ будущемъ земледѣльческихъ классовъ Россіи въ томъ отношеніи, что заставило бы усомниться въ правильности предположенія, будто русскій земледѣлецъ обрѣтетъ прочную основу благосостоянія въ тѣхъ самыхъ (техническихъ) преобразованіяхъ своего производства, путемъ которыхъ была достигнута извѣстная (не Богъ знаетъ, впрочемъ, какая!) высота матеріальнаго благополучія его западнаго собрата. Эти разсужденія аналогичны недавно еще широкораспространенному у насъ мнѣнію, что для поднятія экономическаго уровня нашей страны слѣдуетъ довести нашу индустрію до того приблизительно состоянія, въ какомъ она находится въ болѣе развитыхъ государствахъ. Это соображеніе заставило, какъ извѣстно, нашихъ государственныхъ мужей ввести энергичную покровительственную политику, а поклонниковъ западно-европейскихъ промышленныхъ порядковъ—апплодировать успѣхамъ нашей подхлестываемой индустріи. Нынче объ „успѣхахъ“ фабрично-заводской промышленности скромно умалчиваютъ, но тѣмъ рѣшительнѣе мечтаютъ о грядущихъ успѣхахъ промышленности сельско-хозяйственной, указывая, что при самыхъ незначительныхъ затратахъ мы можемъ чуть не удвоить производительность нашей земли.

Можно опасаться, что въ этихъ надеждахъ насъ ожидаетъ такое же разочарованіе, какое мы недавно испытали по отношенію индустріи. Фабрично-заводская и земледѣльческая промышленность Россіи, конечно, не обречена на вѣчный застой; и ни та, ни другая не стоитъ на одномъ мѣстѣ. Но изъ этого никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что въ любой моментъ исторіи мы можемъ двинуть ту или другую такъ далеко впередъ, какъ это желательно для нашего благополучія. Мы не имѣли бы такой власти, еслибы развитіе нашей промышленности зависѣло исключительно отъ внутреннихъ отношеній. Тѣмъ менѣе можемъ мы строить широкіе замыслы при современныхъ условіяхъ производительности, когда на экономическія отношенія одной страны оказываютъ вліяніе всѣ цивилизованныя государства, когда національное производство превратилось въ международное. Быть можетъ, мы и удвоили бы въ нѣсколько лѣтъ количество производимаго у насъ

зерна! Но что мы будемъ дѣлать съ этимъ зерномъ, если нашъ конкуррентъ увеличитъ и свою производительность хотя бы на 20—25%, а страны, ввозящія зерно, подымутъ на него таможенныя пошлины? А вѣдь хлѣбная производительность растетъ не у насъ однихъ. Да и безъ повышенія таможенныхъ пошлинъ, націи, ввозящія хлѣбъ, не станутъ пріобрѣтать по желательнымъ для насъ цѣнамъ столько товара, сколько мы пожелаемъ имъ предложить.

Разсматриваемая нами книжка проф. Фортунатова заключаетъ свѣдѣнія, выясняющія одно изъ условій возрастанія земледѣльческой производительности. Условіе это заключается въ емкости внутренняго рынка для сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Въ Россіи, какъ и повсюду, господствуетъ товарное производство. Разсужденія о необходимости поднятія производительности нашего земледѣлія имѣютъ въ виду не одно только насыщеніе самихъ производителей хлѣба. Еще въ большей мѣрѣ разсчитываютъ при этомъ на возрастаніе денежныхъ доходовъ земледѣльцевъ и на послѣдующее за этимъ развитіе промышленности, упроченіе государственныхъ и мѣстныхъ финансовъ и т. д. Возрастаніе же денежныхъ доходовъ земледѣльцевъ зависитъ отъ того, сколько они могутъ продать своихъ произведеній, а это обусловливается имѣющимся рынкомъ для сбыта послѣднихъ. И вотъ, что касается внутреннихъ потребителей земледѣльческихъ продуктовъ, сводящихся болѣе и болѣе на жизненные припасы, то данныя А. Ѳ. Фортунатова рисуютъ слѣдующимъ образомъ положеніе въ этомъ отношеніи различныхъ европейскихъ государствъ.

Покупателями земледѣльческихъ продуктовъ, доставляющими сельскимъ хозяевамъ денежные доходы, является населеніе, не занимающееся сельскимъ хозяйствомъ. Отъ количества этого населенія, отъ отношенія между земледѣльческимъ и неземледѣльческимъ населеніемъ страны зависитъ поэтому размѣръ этихъ денежныхъ доходовъ. Чѣмъ значительнѣе неземледѣльческое населеніе, тѣмъ больше своего товара можетъ продать сельскій хозяинъ; чѣмъ меньшая доля жителей отвлечена отъ сельскаго хозяйства, тѣмъ менѣе запросъ рынка на продажные продукты земледѣлія, тѣмъ менѣе имѣется у сельскаго хозяина возможности увеличить денежные свои доходы, тѣмъ менѣе побудительныхъ причинъ къ возвышенію производительности его земли.

Въ Россіи, согласно переписи 1897 г., отъ земли, какъ главнаго промысла, получаютъ средства существованія 70% населенія; неземледѣльческое же населеніе составляетъ 30% всѣхъ жителей. Болѣе высокій процентъ падаетъ на земледѣльческое населеніе лишь въ маленькой Сербіи, а приближаются въ данномъ отношеніи къ Россіи маленькая Болгарія и Венгрія. Въ мелкихъ государствахъ—Румыніи, Греціи и Португаліи—земледѣльцы составляютъ 60% всего населе-

нія; въ Австріи, Испаніи и Италіи — нѣсколько болѣе половины; во Франціи и Швейцаріи—нѣсколько менѣе половины; въ Даніи, Швеціи и Германіи—нѣсколько болѣе 1/3 части, а въ Бельгіи и Голландіи—ровно 1/3 часть населенія. Изъ этой статистической справки читатель можетъ усмотрѣть, что въ богатыхъ цивилизованныхъ государствахъ процентъ земледѣльческаго населенія колеблется между 1/3—1/2 всего населенія, или, говоря иначе, денежный доходъ обезпечивается земледѣльцу спросомъ на его произведенія со стороны 1/2—2/3 жителей. Въ Россіи же покупателями земледѣльческихъ продуктовъ является всего 30% населенія. Нѣтъ ничего удивительнаго, если, при такихъ условіяхъ, нашъ земледѣлецъ стремится добыть деньги для покрытія своихъ нуждъ вывозомъ зерна заграницу. И такъ какъ его дорогому хлѣбу приходится конкуррировать на внѣшнихъ рынкахъ съ продуктомъ дешеваго заатлантическаго производства, то этотъ прибавочный источникъ денежныхъ доходовъ крестьянина стóитъ ему очень дорого: низкія цѣны американскаго зерна обезцѣниваютъ его товаръ не только заграницей, но и внутри Россіи. Но онъ не обращаетъ на это вниманія и продолжаетъ добывать зерно не только для внутренняго, но и для внѣшняго рынка,—потому что, по мѣрѣ уничтоженія натуральнаго хозяйства, потребность крестьянина въ деньгахъ растетъ, а ничтожность внутренняго спроса на цѣнные продукты земледѣлія не даетъ возможности такого преобразованія хозяйства, при которомъ добычу зерна можно было бы сократить въ пользу мясныхъ, молочныхъ и другихъ товаровъ.

Кромѣ справки о числѣ земледѣльцевъ, разсматриваемый нами трудъ А. Ѳ. Фортунатова даетъ свѣдѣнія о числѣ населенія, площади и распредѣленіи по угодьямъ территоріи каждаго государства Западной Европы, о числѣ землевладѣльцевъ и хозяйствъ и распредѣленіи тѣхъ и другихъ по размѣрамъ ихъ участковъ, о хозяйствахъ на собственной и арендованной землѣ. Содержаніе книжки, такимъ образомъ, — чисто статистическое, и назначена она, конечно, не для обыкновеннаго чтенія, а для болѣе серьезнаго, такъ сказать, употребленія. Авторъ выражаетъ даже надежду, что его очерки послужатъ „толчкомъ къ самостоятельному изслѣдованію статистики поземельныхъ отношеній". Въ виду такого характера труда очень жаль, что авторъ скупится на абсолютныя цифры и очень часто ограничивается указаніемъ процентныхъ отношеній. Отсутствіе нѣкоторыхъ абсолютныхъ чиселъ ограничиваетъ возможность самостоятельныхъ сопоставленій для читателя. Напрасно также авторъ переноситъ на свои страницы шаблонное подраздѣленіе лицъ, участвующихъ въ земледѣльческомъ производствѣ, на хозяевъ, администрацію и наемныхъ рабочихъ, не выдѣляя изъ послѣднихъ работающихъ членовъ хозяйскихъ семей. Благодаря такой

группировкѣ, число земледѣльческихъ наемныхъ рабочихъ, напр., въ Германіи показано въ $1^1/_2$ раза болѣе ихъ дѣйствительнаго количества. Нельзя еще не пожалѣть о томъ, что авторъ избѣгаетъ табличной формы и располагаетъ цифровыя данныя, на манеръ текста, въ строку. Это лишаетъ ихъ наглядности, столь важной въ статистическомъ дѣлѣ.—В. В.

Въ маѣ мѣсяцѣ въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Алексѣевъ, А. А.—Контрасигнированіе, его значеніе и объемъ въ конституціонномъ правѣ. Спб. 906.

Аракинъ, А.—„Освободительное движеніе" и массовое помѣшательство. Спб. 906. Ц. 25 к.

Барацъ, Г. М.—Критико-сравнительный разборъ Устава вел. кн. Всеволода о церковныхъ судахъ. Спб. 906.

Барсуковъ, Н.—Памяти моего брата Ив. Платон. Барсукова. Спб. 906.

Бернацкій. М. В.—Къ аграрному вопросу. Спб. 906. Ц. 30 к.

Борковскій. И.—Статистика путей сообщенія Спб. 906.

Бѣлозерскій, Н.—Мирабо. Опытъ характеристики по Вермарелю. Спб. 906. Ц. 25 к.

Величкинъ, В., Очерки исторіи инквизиціи. Кн. I. М. 906. Ц. 1 р.

Веснинъ, А. Сѣверо-американскіе трёсты. Спб. 906. Ц. 1 р.

Войтинскій. Вл.—Рынокъ и цѣны, съ предисл. М. Туганъ-Барановскаго. Спб. 906. Ц. 2 р.

Волынцевъ, В.—*Domi*.—Спб. 906.

Гербертъ, Самуель.—Либерализмъ. Опытъ изложенія и программы современнаго либерализма въ Англіи. Съ введеніемъ Г. Асквита. Съ англ., п. р. М. Мамуровскаго. М. 905.

Геруа.—Послѣ войны о нашей арміи. Спб. 906. Ц. 1 р. 25 к.

Гинцбургъ, Ник. — Систематическія конспективныя таблицы по русской исторіи (1462—1881 гг.). Спб. 906. Ц. 25 к.

Головачевскій, С.—„Мене-Текелъ-Пересъ". Стихотворенія. М. 906. Ц. 1 р. 75 к.

Гринченко, Б.—На безпросвѣтномъ пути. Объ украинской школѣ. Кіевъ, 906. Ц. 25 к.

Днѣпровъ. Пѣсни, думы и сатиры. Харьк. 906.

Добрынинъ, К. И.—Древній Востокъ и героическая Греція. Курсъ III класса гимназій. Со 100 рис. М. 906. Ц. 80 к.

Дружининъ, Н. П.—Крестьяне-граждане. Народное чтеніе. М. 906. Ц. 20 к.

——— Что такое конституція и зачѣмъ она нужна народу? М. 906. Ц. 5 к.

Елпатьевскій, К.—Учебникъ русской исторіи, съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ и указателемъ личныхъ именъ. 10-е изд. Спб. 906. Ц. 1 р. 40 к.

Ефимова, Е. А.—Рыцарство. Съ рис. М. 906, Ц. 45 к.

Зола, Эм.—Истина. Съ франц. О. Н. Поповой. Спб. 906. Ц. 1 р.

Зомбартъ, В.—Судьбы американскаго пролетаріата. Спб. 906. Ц. 50 к.

Кеннанъ, Дж.—Сибирь! Т. I. Съ нѣм., безъ всякихъ сокращеній. Спб. 906. Ц. 75 к.

Клингенъ, А.—Воздѣлываніе кормовыхъ растеній и польза отъ нихъ. Ч. II. Злаки. Ч. III—VI: Бобовыя травы. Ц. 30 к.

Котовичъ, Алексѣй.—Къ вопросу о духовной цензурѣ. Спб. 906.

Круглый, Д.—На судъ преподавателей русскаго языка. Обзоръ учебниковъ и русской грамматики. Спб. 906. Ц. 20 к.

Крюковъ, Н. А. — Мысли объ участіи народа въ государственномъ домостроительствѣ. М. 906. Ц. 8 к.

——— Земля и какъ лучше всего съ нею распорядиться. М. 906. Ц. 10 к.

Кудринъ, Н. (Н. Русановъ).— Галерея современныхъ французскихъ знаменитостей. Съ приложеніемъ 12 портретовъ. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Лавеле, Эм., де.—Парламентаризмъ и демократія. Съ франц. перев. И. Тарасовъ. М. 906. Ц. 20 к.

Лебедевъ, Пл.—Библіотека соціалъ-демократа. Н.-Новг. 906. Ц. 15 к.

Луначарскій, А.—Королевскій брадобрѣй. Пьеса въ 7 картинахъ. Спб. 906. Ц. 30 к.

Малышевъ, Кронидъ.— Гражданскіе законы Калифорніи, въ сравнительномъ изложеніи съ законами Нью-Іорка и другихъ восточныхъ штатовъ и съ общимъ правомъ Англіи и Сѣв. Америки. Т. II. Спб. 906.

Мельниковъ, Н. К. (Сибирякъ). Стихотворенія. Берлинъ, 906. Ц. 3 марки.

Мережковскій, Д.—Пророкъ русской революціи. Спб. 906. Ц. 1 р. 25 к.

Назарова, Ю.—Систематическій курсъ начальной географіи, популярно изложенный. М. 906. Ц. 50 к.

Паткановъ, С.—Опытъ географіи и статистики тунгузскихъ племенъ Сибири, на основаніи данныхъ переписи и переселенія 1897 г. и др. источн. Ч. I: Тунгусы собственно, вып. 1 и 2 (Записки Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XXXI). Спб. 906.

Покровскій, Н.—М. Е. Салтыковъ, какъ сатирикъ, художникъ и публицистъ. Изъ критической литературы о Салтыковѣ. М. 906. Ц. 1 р. 25 к.

Пругавинъ, А. С. Голодающее крестьянство. 1898—99 гг. М. 906. Ц. 85 к.

Пшибышевскій, Станиславъ. Дѣти Сатаны. Романъ. Перев. Е. Троповскій. М. 906. Ц. 1 р. 80 к.

Рейтманъ, Дм.—Значеніе математики, какъ науки и какъ общеобразовательнаго предмета. Спб. 906. Ц. 50 к.

Реклю, Эл.—Земля и Люди, вып. IX: Балканскія государства, Греція, Турція, Болгарія, Румынія, Сербія, Черногорія. Съ франц. А. В. Мезіеръ. Съ 24 рис. Спб. 906. Ц. 2 р.

Романовскій, Пантелеймонъ.—Религія и воспитаніе. Спб. 905. Ц. 25 к.

Саводникъ. В.—Очерки исторіи русской литературы XIX-го вѣка. М. 906. Ц. 1 р. 60 к.

Свифтъ, Дж. — Путешествіе Гулливера въ страну Лилипутовъ. Съ англ. Шишмарева, съ 27 рис. Спб. 906.

Семевскій, В. И.—Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 40-хъ годовъ. Ростовъ-на-Дону. 906. Ц. 15 к.

Семевскій, В. И.—Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова. Ростовъ-на-Дону. Ц. 20 к.

Сологубъ, Ѳ.—Стихи, кн. V: Родинѣ. Спб. 906. Ц. 1 р. 25 к.

Тарановскій, Ѳ.— Лейбницъ и такъ-называемая внѣшняя исторія права. Спб. 906.

Толстой, гр. А. К. — Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Тушинскій, Д. А.—Попечительства о народной трезвости въ 1903 г. Спб. 906.

Фаресовъ, А. И. Мужики и начальство. Спб. 906. Ц. 1 р.

Фатѣевъ, Ар.—„Что новаго внесло христіанство въ созиданіе идеи личности и ея правъ по сравненію съ античной этико-политической философіей?“ Харьк. 906.

Фортунатовъ. А.—Нѣсколько данныхъ о численности и составѣ населенія Россіи. М. 906. Ц. 6 к.

Шалитъ, М.—Билуйцы. Страницы изъ исторіи національнаго пробужденія евреевъ. Вильна. 906. Ц. 15 к.

Шампьонъ, Эда.—Франція наканунѣ революціи, по наказамъ 1789 года. Спб. 906. Ц. 50 к.

Швейковскій, П. А.—Права и обязанности военныхъ начальниковъ по военно-суднымъ дѣламъ. 4-ое изд. Спб. 906. Ц. 2 р.

Ягодинъ, А.—Лѣтопись 1904—5 года. Т. I. М. 906. Ц. 1 р.

Эльцбахеръ, проф. П.—Сущность анархизма. Изложеніе теорій: Годвина, Прудона, Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Тукера и Л. Толстого. Перев. п. р. М. Андреева. Т. I. Спб. 906. Ц. 75 к.

Oberlé, Ern.—Comptabilité des Sociétés par Actions. Leipz. 906.

— Библіотека освободительной борьбы: 1) В. Фигнеръ, Стихотворенія. Ц. 20 к.; 2) М. Фроленко, Милость. Ц. 10 к.; 3) Якубовичъ (Мельшинъ),— Шлиссельбургскіе мученики. Спб. 906. Ц. 15 к.

— Библіотека „Свободная Россія“: № 19. С. Фортунатовъ, Права гражданина въ Англіи и въ Сѣв.-Амер. Соедин. Штатахъ. Ц. 5 к.—№ 20. Ю. Подвинскій, Конституція Царства Польскаго и ея судьба. 1815—1830. М. 906. Ц. 15 к.

— Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. 1904—905 г. Годъ X. Кіевъ. 905 г.

— Журналы засѣданій Елисаветградскаго Уѣзднаго Земскаго Собранія 1905 года. Елисаветгр. 905.

— Законъ о повременныхъ и неповременныхъ изданіяхъ. М. 906. Ц. 35 к.

— Изданія „Вѣстника Знанія“: 1) Проф. Гретцъ, Іисусъ Христосъ и христіанство. „Жизнь Іисуса“, Эрн. Ренана; 2) Ройе и Мейеръ, Астрономія; 3) Ренаръ, Соціалистическій строй. Спб. 906.

— Изданіе И. К. Шамова: 1) Арциб. Гейки, О преподаваніи географіи. Съ англ. Л. Синицкій, ц. 1 р.; 2) Клазенъ и Бахъ, Сборникъ геометрическихъ задачъ къ элементарной геометріи Герхера, вып. 1: Планометрія, съ нѣм, ц. 30 к.; 3) Б. Герхеръ, Учебникъ элементарной планометріи, вып. I. Планиметрія. М. 906, ц. 60 к.

— Книгоиздательство „Мысль“: 1) А. Гоффманъ, „Десять заповѣдей и имущіе классы“, перев. Ѳ. Капелюша, ц. 20 к.; 2) Э. Ренанъ, Жизнь Іисуса, съ франц., ц. 40 к.; 3) К. Каутскій, Этика и историческій матеріализмъ, съ нѣм., ц. 25 к. 4) Эл. Реклю, Анархія, съ франц., ц. 5 к.; 5) Ф. Энгельсъ, Очерки соціальной жизни Россіи, съ нѣм. В. Ивановой, ц. 10 к.; 6) П. Кропоткинъ, Анархія, ея философія и идеалъ, съ франц., ц. 15 к.; 7) Адлеръ, Г., Анархизмъ, съ нѣм., ц. 20 к.; 8) I. Дитцгенъ, Религія соціалдемократіи, съ нѣм., ц. 12 к. Спб. 906.

— Сборникъ. Спб. Округа путей сообщенія. Вып. VIII. Спб. 906.

— Отчетъ по лѣсному управленію за 1904 годъ. Спб. 906.

— По поводу Максима Горькаго и Марка-Твэна. Спб. 906. Ц. 8 к.

— Противъ смертной казни. Сборникъ статей п. р. М. Гернета, О. Гольдовскаго и И. Сахарова. М. 906. Ц. 1 р. 25 к.

— Сборникъ договоровъ и дипломатическихъ документовъ по дѣламъ Дальняго Востока. 1895—1905 гг. Спб. 906.

— Статистика несчастныхъ случаевъ съ рабочими въ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, за 1903 г. Спб. 906.

— Темы жизни: 1) М. Боголѣповой, Война и финансы. Спб. 906. Ц. 6 к.; 2) П. Масловъ, Русская революція и народное хозяйство. Спб. 906. Ц. 5 к.

— Третій делегатскій съѣздъ академическаго союза. 14—17 янв. 1906 г. Спб. 906.

— Труды руководителей и слушателей педагогическихъ курсовъ военно-учебныхъ заведеній. Посвящается директору и основателю ихъ А. Н. Макарову, въ день его 50-лѣтняго юбилея. Спб. 906.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1906 г.

Иностранная печать о первомъ русскомъ парламентѣ.—Разсужденія нѣкоторыхъ лондонскихъ газетъ.—Странныя обмолвки въ „Temps".—Отзывы нѣмецкой прессы.—Защита русскихъ подданныхъ въ прусской палатѣ депутатовъ.—Французскіе парламентскіе выборы.—Балканскія дѣла: турецкія и прочія звѣрства.

Для всей Европы, а не только для Россіи, крупнѣйшимъ событіемъ истекшаго мѣсяца было открытіе засѣданій перваго собранія русскихъ народныхъ представителей, какъ оффиціальнаго и самостоятельнаго законодательнаго учрежденія. „Весь міръ, — говоритъ лондонскій „Times",—будетъ съ глубочайшимъ интересомъ слѣдить за начальными фазисами конституціоннаго опыта, болѣе обширнаго и важнаго, чѣмъ всѣ другіе опыты подобнаго рода, предпринимавшіеся въ континентальной Европѣ со времени событій 1789 года во Франціи". Иностранная печать дѣйствительно съ большимъ вниманіемъ и сочувствіемъ слѣдитъ за первыми шагами нашего народнаго представительства; газеты полны сообщеніями и отчетами о вновь появившемся русскомъ парламентѣ, который какъ-то сразу пріобрѣлъ популярность за границей и повсюду оживилъ интересъ къ Россіи и къ русскимъ дѣламъ.

Къ сожалѣнію, эти всеобщія симпатіи къ Государственной Думѣ соединяются большею частью съ полнымъ незнаніемъ и непониманіемъ реальнаго внутренняго положенія Россіи; нашъ политическій кризисъ оцѣнивается по общепринятымъ западно-европейскимъ шаблонамъ, и намъ преподаются благожелательные совѣты, основанные на очевидныхъ недоразумѣніяхъ относительно характера и способовъ дѣйствія существующаго у насъ правительства. Даже такой солидный органъ, какъ „Times", строитъ свои разсужденія и выводы на ложныхъ фактическихъ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ ему случайными корреспондентами изъ Петербурга; такъ, онъ напечаталъ телеграмму о томъ, что „основные законы, хотя и неправильно изданные за нѣсколько дней до собранія Думы, заключаютъ въ себѣ, быть можетъ, самыя широкія конституціонныя формулы, какія только совмѣстимы съ интересами разумнаго управленія страною", и что, несмотря на употребленіе термина „самодержавіе" и на неудачныя статьи о государственномъ совѣтѣ, „нѣтъ ни одного пункта конституціонно-демократической программы, который былъ бы изъятъ изъ круга компетенціи и иниціативы Думы". Принявъ на вѣру эти утвержденія, „Times" въ передовой

статьѣ считаетъ уже несомнѣннымъ, что „новые органическіе законы, повидимому, предоставляютъ странѣ конституціонныя вольности въ такой мѣрѣ, о какой немногіе русскіе реформаторы могли мечтать въ теченіе послѣдняго года". Тѣмъ не менѣе,—продолжаетъ газета,—русскій народъ недоволенъ, и не трудно понять причину его недовольства. „Какъ ни просторны рамки новыхъ органическихъ законовъ, самый способъ ихъ обнародованія разсматривается скорѣе какъ угроза, чѣмъ какъ обезпеченіе для конституціи. Русскіе жалуются не на то, что органическіе законы даютъ слишкомъ мало, а на то, что ихъ могли опубликовать произвольно, съ явнымъ нарушеніемъ знаменитаго манифеста 17 октября, въ силу котораго составленіе новыхъ законовъ предоставлялось Государственной Думѣ. Этотъ фактъ кажется особенно серьезнымъ въ виду обстоятельствъ, сопровождавшихъ выходъ графа Витте въ отставку. Его удаленіе приписывалось именно тому, что онъ настаивалъ на немедленномъ изданіи подобныхъ законовъ, а Царь находилъ такой способъ дѣйствія неправильнымъ"... „Times" не сомнѣвается въ искреннемъ желаніи Императора ввести конституціонное правленіе, противъ чего возстаютъ, съ одной стороны, вліятельные придворные кружки, а съ другой—„мрачныя революціонныя силы"; но газета не берется предсказывать, какъ поступитъ большинство нашей Думы при этихъ трудныхъ условіяхъ преобразовательной дѣятельности. „Добрыя чувства всего міра,—заключаетъ „Times",—будутъ сопутствовать работамъ Думы, и не менѣе другихъ странъ раздѣляетъ эти чувства Англія, такъ какъ столь важное для нея соглашеніе съ Россіею зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ успѣшнаго выполненія задачъ, лежащихъ на Думѣ; и русскіе депутаты могутъ только въ томъ случаѣ успѣшно исполнить эти задачи, если они будутъ постоянно помнить обширность и величіе ихъ и то огромное политическое воспитаніе, которому долженъ подвергнуться народъ, прежде чѣмъ Россійская имперія реально превратится въ конституціонное государство". Въ дальнѣйшей статьѣ, отъ 16 мая (нов. ст.), „Times" говоритъ уже въ совершенно другомъ тонѣ объ отношеніяхъ между Думой и правительствомъ, опираясь на фактическое содержаніе рѣчей нѣкоторыхъ думскихъ ораторовъ; изъ этихъ рѣчей лондонская газета отчасти узнала, подъ какимъ режимомъ живутъ русскіе обыватели и въ чемъ заключается сущность усиленной охраны и военнаго положенія. Называя нашу страну „несчастною", „Times" высказываетъ надежду, что верховная власть не упуститъ представляющагося ей случая возстановить нормальныя отношенія къ своимъ подданнымъ и вернуть къ себѣ народное довѣріе, отбросивъ колебанія и реакціонные замыслы, внушаемые неразумными совѣтниками. Обсуждая проектъ отвѣта Думы на тронную рѣчь, „Times" находитъ этотъ „знаменательный доку-

ментъ" чрезмѣрно содержательнымъ и многообъемлющимъ, предполагающимъ перемѣны, которыя въ другихъ государствахъ служили бы матеріаломъ для программъ послѣдовательнаго ряда многихъ министерствъ; но, взятыя въ отдѣльности, „требованія отвѣтнаго адреса,—по мнѣнію „Times",—сами по себѣ справедливы и большею частью умѣренны, если не считать вопроса объ экспропріаціи земель, который остается открытымъ для практическаго компромисса". Эти требованія,—разсуждаетъ далѣе „Times",—представляются удивительными только вслѣдствіе прежняго отрицанія въ Россіи самыхъ элементарныхъ народныхъ правъ, а также потому, что мы безсознательно прилагаемъ къ русскому движенію тѣ понятія о постепенности политическихъ перемѣнъ, которыя выработаны нашимъ собственнымъ опытомъ при совершенно другихъ обстоятельствахъ. Со времени великой, мирно совершившейся и только впослѣдствіи замѣченной иностранцами революціи въ Японіи, не было въ мірѣ политическаго движенія столь глубоко интереснаго и поразительнаго, какъ этотъ русскій подъемъ. Никто не думалъ, что почва была въ такой степени подготовлена, и сами русскіе были твердо убѣждены, что масса крестьянства остается внѣ вліянія революціонной или реформаторской агитаціи; однако, среди этихъ народныхъ массъ, которымъ приписывались лишь чувства преданности и слѣпого повиновенія, происходятъ факты, съ замѣчательною точностью напоминающіе революціи другихъ странъ и притомъ слѣдующіе одинъ за другимъ съ такою драматическою быстротою, какой не бывало въ другихъ революціяхъ".

„Times" держится вообще консервативныхъ взглядовъ и не можетъ сочувствовать какимъ бы то ни было революціоннымъ событіямъ, но старается соблюдать безпристрастіе и справедливость при обсужденіи чужихъ дѣлъ; либеральная и прогрессивная часть англійской печати проявляетъ болѣе опредѣленный и живой интересъ къ русскому освободительному движенію, тогда какъ немногіе консервативные органы, вродѣ еженедѣльнаго „Saturday Review", откровенно стоятъ на сторонѣ русскаго правительства, которое предполагается, конечно, вполнѣ добросовѣстнымъ, авторитетнымъ, но отечески-строгимъ, а иногда даже суровымъ. „Saturday Review" выражаетъ свое искреннее недоумѣніе по поводу заявленнаго Думою требованія полной политической амнистіи: неужели — спрашиваетъ газета — можно серьезно предлагать выпустить изъ тюремъ всѣхъ убійцъ, грабителей и поджигателей только на томъ основаніи, что ихъ преступленія имѣли политическіе мотивы? „Если гдѣ-нибудь должностныя лица позволили себѣ грубыя насилія или даже серьезныя беззаконія, то они должны быть наказаны, точно такъ же, какъ нарушители законовъ изъ среды оппозиціи; но мы не видимъ здѣсь оправданія для освобожденія отъ

отвѣтственности того или другого разряда преступниковъ". Англійскій публицистъ не можетъ понять, что при извѣстной правительственной системѣ должностныя лица вовсе не привлекаются къ суду за свои беззаконія и нерѣдко получаютъ за нихъ награды и повышенія по службѣ, чѣмъ именно и вызываются многія политическія преступленія: еслибы органы правительства могли подвергаться законной отвѣтственности за свои преступныя дѣйствія, какъ это свободно практикуется въ Англіи, то не было бы случаевъ жестокой расправы со стороны самовольныхъ мстителей, и исчезла бы почва для политическихъ убійствъ и покушеній. „Saturday Review" просто полагаетъ, что въ Россіи существуютъ какіе-то неизвѣстно откуда взявшіеся революціонные элементы, питающіе неодолимую страсть къ злодѣйскимъ нападеніямъ на представителей власти,—элементы, въ теченіе многихъ лѣтъ преслѣдуемые и искореняемые правительствомъ, но тѣмъ не менѣе упорно не поддающіеся суровымъ истребительнымъ мѣропріятіямъ; самъ же русскій народъ доволенъ своимъ правительствомъ и вѣритъ въ его мудрость и могущество; „только когда крестьянство перестанетъ служить оплотомъ противъ революціи и утратитъ вѣру въ неограниченную верховную власть,—наступитъ конецъ Россійской имперіи: проницательный русскій наблюдатель могъ бы въ этомъ найти объясненіе энтузіазма извѣстной категоріи лицъ въ Англіи по поводу дѣятельности Думы". Высказываясь съ такою самоувѣренностью о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, консервативный англійскій журналъ въ то же время въ другомъ мѣстѣ сознается, что въ этотъ важный періодъ русской политики лондонская пресса обставлена крайне плохо по части свѣдѣній и сообщеній изъ Россіи и остается совершенно некомпетентною въ дѣлѣ ознакомленія англичанъ съ происходящими у насъ событіями; но, будучи некомпетентнымъ и не имѣя въ Россіи никакого корреспондента, „Saturday Review" все-таки заступается за графа Витте и рѣзко осуждаетъ горячихъ русскихъ истолкователей русской конституціи: британскимъ консерваторамъ вообще неинтересны чужія конституціонныя заботы.

Французская журналистика принимаетъ близко къ сердцу вопросы о русскихъ финансахъ и русскомъ кредитѣ, но относится довольно равнодушно къ положенію русскаго общества и народа, какъ и къ успѣхамъ и неудачамъ русскихъ прогрессивныхъ партій; для французовъ важно, чтобы Россія была могущественна и чтобы финансовое состояніе ея было обезпечено отъ потрясеній, а будетъ ли это достигнуто суровымъ абсолютизмомъ или конституціонною свободою—для нихъ въ сущности безразлично. По крайней мѣрѣ до послѣдняго вре-

мени французскіе умѣренные республиканцы, сохраняя вѣрность русскому союзу, чувствовали себя солидарными скорѣе съ русскимъ правительствомъ, чѣмъ съ русскою оппозиціею; только радикалы и соціалисты считали своимъ долгомъ выражать иногда свое сочувствіе дѣятелямъ и жертвамъ конституціонной борьбы въ Россіи. Острый политическій кризисъ, предшествовавшій созыву Государственной Думы, не былъ правильно понятъ или, быть можетъ, прошелъ отчасти незамѣченнымъ во Франціи, какъ это ясно обнаружилось въ извѣстныхъ переговорахъ о займѣ; но само собою разумѣется, что открытіе перваго русскаго парламента усилило интересъ французовъ къ нашимъ внутреннимъ дѣламъ, хотя и не увеличило ихъ свѣдѣній и не расширило ихъ пониманія въ этой далекой для нихъ области. Газета „Temps", имѣющая доступъ къ самымъ лучшимъ оффиціальнымъ и частнымъ источникамъ, стала чаще прежняго помѣщать критическіе отзывы о дѣйствіяхъ русскаго правительства и о предположеніяхъ и рѣшеніяхъ нашихъ парламентскихъ партій. „Temps" не одобрилъ изданія новыхъ основныхъ законовъ, противорѣчащихъ манифесту 17-го октября, и призналъ „не особенно ловкимъ" поведеніе министерства Горемыкина, считавшагося будто бы либеральнымъ. „Когда самодержавное правительство своими ошибками сдѣлало неизбѣжнымъ установленіе парламентскаго контроля, оно не имѣетъ предъ собою другого средства, какъ только добросовѣстно подчиниться опыту. Очевидно, правительство, не имѣвшее достаточно силы, чтобы помѣшать созыву выборнаго народнаго собранія, будетъ также безсильно обуздать его. Безъ сомнѣнія, предстоятъ опасности, крупныя опасности на томъ пути, который теперь открывается; но наибольшая опасность возникла бы, еслибы нарушено было данное слово и подорвано было довѣріе народа. Этимъ сознаніемъ долженъ былъ бы проникнуться мнимый либерализмъ г. Горемыкина". Такъ поучаетъ насъ авторитетный органъ французской республики въ нумерѣ отъ 11-го мая. Выходитъ, что народное представительство и парламентскій контроль—эти признанныя во всемъ культурномъ мірѣ необходимыя условія законнаго и цѣлесообразнаго государственнаго управленія—составляютъ лишь результатъ ошибокъ и слабости самодержавной власти, не сумѣвшей избѣгнуть печальнаго опыта, и вмѣстѣ съ тѣмъ угрожаютъ странѣ какими-то новыми крупными опасностями, которыхъ не было при старомъ режимѣ. Чѣмъ отличается это разсужденіе отъ обычной аргументаціи нашихъ реакціонеровъ, для которыхъ даже г. Горемыкинъ кажется „либераломъ"? Тѣ конституціонныя реформы и нововведенія, которыя даже оффиціально признаны у насъ единственными дѣйствительными средствами для избавленія Россіи отъ гнетущихъ ее золъ и хроническихъ бѣдствій, изображаются французскою республиканскою

газетою въ видѣ какихъ-то ненужныхъ экспериментовъ, навязанныхъ правительству извнѣ и не заключающихъ въ себѣ никакой внутренней необходимости. Конечно, „Temps“ хорошо понимаетъ истинное значеніе конституціонныхъ гарантій и парламентскаго контроля для всѣхъ культурныхъ государствъ; но газета не привыкла примѣнять къ Россіи общую культурно-политическую мѣрку и невольно выразила такой взглядъ на наше отечество, который обыкновенно прилагается лишь къ государствамъ, подобнымъ Китаю или Турціи. Вскорѣ, однако, „Temps“ отнесся болѣе серьезно къ начатому у насъ „опыту“ и обратилъ всю силу своей критики противъ перваго акта нашего парламента—отвѣта на тронную рѣчь. Не зная ни нашихъ политическихъ обстоятельствъ, ни настроенія русскаго народа, газета настоятельно совѣтуетъ Государственной Думѣ „отказаться отъ всеобъемлющей программы реформъ, изложенной въ отвѣтномъ адресѣ, и ограничиться только важнѣйшими политическими требованіями даннаго момента—расширеніемъ компетенціи народнаго представительства до предѣловъ нормальныхъ полномочій современныхъ парламентовъ, съ устраненіемъ ограничительныхъ основныхъ законовъ“; въ противномъ случаѣ, „къ анархіи бюрократической прибавится только анархія парламентская“. Впрочемъ, „Temps“ еще рѣзче отзывается потомъ объ адресѣ государственнаго совѣта: „невозможно представить себѣ что-нибудь болѣе безцвѣтное, неопредѣленное и ничтожное, чѣмъ этотъ документъ“, дающій оппозиціи только лишній доводъ въ пользу упраздненія импровизированной верхней палаты. Рѣшительный контрастъ между обоими адресами, однако, „крайне усложняетъ задачу правительства“; но въ вопросѣ объ амнистіи правительство и государственный совѣтъ справедливо „воспротивились неразумнымъ требованіямъ, направленнымъ къ выпуску на волю тысячъ поджигателей, воровъ и убійцъ, подъ предлогомъ политическихъ преступленій“. Особенно пугаетъ газету возбужденіе аграрнаго вопроса: „легальная экспропріація можетъ легко и быстро перейти въ грубую конфискацію“, а „первыя засѣданія Думы показываютъ ее намъ въ состояніи полной демагогіи“. Легковѣсныя замѣчанія „Temps“ показались почему-то настолько важными представителямъ нашей конституціонно-демократической партіи, что они сочли нужнымъ обратиться въ редакцію, черезъ посредство ея петербургскаго корреспондента, съ особою оффиціальною декларацією, которая и была напечатана въ газетѣ отъ 21-го мая. Передавая текстъ этого заявленія, корреспондентъ прибавляетъ отъ себя, что вожди партіи „чрезвычайно заботятся о томъ, что̀ думаютъ о нихъ заграницею“, и что ихъ „декларація, составленная по совмѣстному между ними соглашенію, должна служить оправданіемъ ихъ образа дѣйствій“. По всей вѣроятности, комитетъ „партіи народной свободы“ не думалъ

сообщать корреспонденту ни своего взгляда на важность иностранныхъ отзывовъ о дѣятельности партіи, ни своего намѣренія оправдаться предъ иностранною публикою; но сама редакція газеты поняла „декларацію" именно въ этомъ оправдательномъ смыслѣ, какъ видно изъ передовой статьи того же нумера отъ 21-го мая. Наши конституціоналисты-демократы объясняютъ французской газетѣ, что въ Россіи ихъ упрекаютъ въ неумѣренности только реакціонеры, что, напротивъ, имъ еще ставятъ въ вину излишнюю сдержанность и съ этой точки зрѣнія возстаютъ противъ нихъ соціалисты; что же касается аграрной реформы, то это мѣра вовсе не революціонная, а напротивъ, успокоительная, имѣющая цѣлью положить конецъ непрерывнымъ крестьянскимъ волненіямъ. Съ своей стороны, редакція „Temps" старается увѣрить возражателей, что она питаетъ безусловныя симпатіи и къ „кадетамъ", и къ Государственной Думѣ, и что французы только безпокоятся насчетъ дальнѣйшей судьбы русскаго парламентаризма, которому можетъ грозить неудача, если не будутъ приняты во вниманіе результаты чужого опыта. Болѣе затруднительно было положеніе „Temps", когда на него обрушился въ газетѣ „Humanité" Жоресъ съ прямымъ обвиненіемъ въ угодничествѣ передъ русскою высокопоставленною бюрократіею и въ систематическомъ противодѣйствіи русскому освободительному движенію; газета вынуждена была оправдываться и дѣлала это съ несвойственною ей горячностью, ссылаясь на свои многочисленныя статьи будто бы въ пользу интересовъ русской передовой оппозиціи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ „Temps" печатались иногда либеральныя разсужденія о русскихъ дѣлахъ, но въ общемъ газета, подобно французской дипломатіи, всегда дорожила только дружбою оффиціальной Россіи и придавала очень мало значенія требованіямъ и жалобамъ русскихъ прогрессистовъ. Умѣренные французскіе республиканцы, органомъ которыхъ служитъ „Temps", представляютъ собою консервативнѣйшую въ мірѣ буржуазію, для которой разныя соціальныя реформы суть только громкія и пустыя слова, а вопросы вродѣ аграрнаго кажутся иногда страшными призраками, напоминающими о возможныхъ будущихъ катастрофахъ; эти буржуазные дѣятели и публицисты органически неспособны заинтересоваться нуждами трудящихся народныхъ массъ даже своего собственнаго отечества, не говоря уже о чужихъ странахъ. Руководствуясь своимъ традиціоннымъ опытомъ и своими установившимися взглядами, они могли усмотрѣть только „непостижимую нелѣпость" въ подробномъ перечисленіи наболѣвшихъ народныхъ потребностей и желаній въ видѣ отвѣта на тронную рѣчь, и безполезно было вступать съ ними по этому поводу въ оффиціальную полемику. Подлинныя чувства и идеи „Temps" какъ нельзя яснѣе высказались въ приведенныхъ выше

„обмолвкахъ“, проникнутыхъ сочувствіемъ и жалостью къ старому самодержавному режиму, который такъ долго былъ надежною опорою Франціи въ международныхъ отношеніяхъ и еще недавно оказалъ ей безспорную услугу въ марокскомъ вопросѣ.

Съ несравненно большимъ пониманіемъ слѣдятъ за Государственною Думою нѣмецкія газеты, не исключая и самыхъ консервативныхъ. Оффиціозная, далеко не расположенная къ Россіи „Кельнская газета“, въ своихъ весьма обстоятельныхъ и добросовѣстныхъ отчетахъ о засѣданіяхъ нашей „Reichsduma“, даетъ читателямъ картину чего-то совершенно новаго, глубоко-поучительнаго, достойнаго всякаго уваженія и симпатіи;—рядомъ съ кипучею молодою энергіею, не останавливающеюся ни предъ какими преградами и вытекающею какъ будто изъ „бурнаго порыва къ свободѣ и къ лучшему будущему“, проявляется, по словамъ газеты, „спокойная, сознательная выдержка, которая сдѣлала бы честь любому старому, испытанному парламенту“. Относительно проекта отвѣтнаго адреса,—замѣчаетъ „Кельнская газета“,— „нельзя сказать, что гора родила мышь: независимо отъ своего содержанія этотъ документъ представляетъ необычайный интересъ по своей формѣ и по всему проникающему его духу“. Вмѣсто того, чтобы критиковать заявленія и требованія Думы, съ точки зрѣнія какихъ-нибудь заграничныхъ образцовъ, какъ это дѣлаетъ парижскій „Temps,“— „Кельнская газета“ находитъ тутъ матеріалъ для характеристики всего нашего запутаннаго и крайне запущеннаго политическаго кризиса, причемъ совершенно правильно опредѣляетъ многолѣтнюю разлагающую роль самовластнаго правительства и указываетъ на непримиримый антогонизмъ между существующимъ реакціоннымъ министерствомъ и Государственной Думою. По мнѣнію газеты, при обсужденіи щекотливаго вопроса о послѣдствіяхъ отказа принять парламентскую депутацію съ отвѣтнымъ адресомъ въ Петергофѣ, корректное поведеніе всего собранія заслуживало всякой похвалы. Другой, болѣе прогрессивный нѣмецкій органъ, „Berliner Tageblatt“, полагаетъ, что въ этомъ случаѣ наша „Reichsduma“ поступила „съ чисто славянскимъ добродушіемъ“. Министерская декларація получила въ нѣмецкой прессѣ большею частью вполнѣ справедливую оцѣнку, и результатомъ первой встрѣчи правительства съ парламентомъ признается „пораженіе кабинета Горемыкина“; такъ озаглавлены статьи и отчеты многихъ нѣмецкихъ газетъ о знаменитомъ засѣданіи 13 (26) мая. Нѣмецкія газеты знаютъ, что въ Россіи нѣтъ еще политической отвѣтственности министровъ предъ народнымъ представительствомъ и что формально этотъ принципъ не признается также въ Пруссіи; но онѣ думаютъ, что въ

данномъ случаѣ дѣло шло о торжественномъ признаніи полной неспособности и некомпетентности министерства въ цѣломъ его составѣ и что подобный случай никакъ не могъ бы произойти въ Пруссіи, гдѣ въ министры назначаются все-таки люди дѣльные, знающіе и нерѣдко прямо талантливые, а вовсе не случайные фавориты или придворные интриганы. Нѣмцы вообще не могутъ себѣ представить, чтобы заурядные прусскіе министры вздумали бороться противъ цѣлой страны и ея законнаго представительства, не имѣя за собою никакихъ другихъ государственныхъ идей и интересовъ, кромѣ лишь заботы о сохраненіи власти и господства въ пользу опредѣленной группы лицъ. Правда, Бисмаркъ правилъ нѣсколько лѣтъ противъ воли парламента, но онъ создалъ этой цѣною новую германскую имперію и получилъ прощеніе за свои внутренніе политическіе грѣхи только послѣ блестящей побѣды надъ Австріею; немыслимо, конечно, ссылаться на этотъ прецедентъ для оправданія какихъ-нибудь ничтожныхъ министерскихъ карьеристовъ, стремящихся во что бы то ни стало остаться на своихъ мѣстахъ вопреки формально выраженному имъ парламентскому недовѣрію. Прусскіе примѣры вообще совершенно не годятся для русской парламентской практики: во-первыхъ, прусская правительственная бюрократія издавна славится традиціями неподкупной честности, твердымъ сознаніемъ общественнаго и служебнаго долга, высокимъ уровнемъ образованія, неизмѣннымъ чувствомъ законности и отвѣтственности,—т.-е. качествами, прямо противоположными тѣмъ, которыми всегда отличалась и понынѣ отличается русская бюрократія; оттого пруссакамъ совершенно чужды понятія о бюрократическомъ строѣ, какъ о чемъ-то ненавистномъ и враждебномъ народу; у нихъ нѣтъ поэтому ни поводовъ, ни мотивовъ къ непримиримой борьбѣ между администраціею и населеніемъ,—ибо въ Пруссіи нѣтъ ни административнаго самовластія, ни страдающаго отъ него общества. Во-вторыхъ, сама верховная власть въ Пруссіи настолько проникнута сознаніемъ своей солидарности съ націею и въ такой мѣрѣ привыкла считать себя лишь высшимъ органомъ и слугою прусскаго государства, что тамъ почти нѣтъ почвы для антагонизма между властью и народомъ, и самая мысль о такомъ антагонизмѣ представлялась бы совершенно невозможною, несовмѣстимою съ жизненными задачами и сущностью государства. Императоръ Вильгельмъ II, правда, имѣетъ свои особые взгляды, идеалы и стремленія по разнымъ вопросамъ политическимъ и военно-морскимъ, но при всѣхъ выдающихся особенностяхъ своего характера и при своемъ необыкновенно высокомъ монархическомъ чувствѣ онъ никогда еще не считалъ себя вправѣ насильственно навязывать свою волю народу и предпринимать что-нибудь серьезное вопреки желаніямъ и рѣшеніямъ законнаго представитель-

ства страны. Въ сущности можно сказать, что не только его министры, но и самъ онъ ни на минуту не забываетъ своей отвѣтственности передъ государствомъ и народомъ, и потому за все время его правленія Пруссія не подвергалась никакимъ политическимъ кризисамъ, опаснымъ для ея внутренняго мира и спокойствія.

Въ прусской палатѣ депутатовъ происходили 12 мая (нов. ст.) любопытныя пренія, въ которыхъ рѣчь шла главнымъ образомъ о Россіи и русскихъ подданныхъ. Обѣ фракціи свободомыслящихъ внесли въ палату слѣдующій запросъ: „Извѣстны ли королевскому правительству размѣры и основанія производимыхъ полицейскимъ президентомъ Берлина высылокъ русскихъ подданныхъ? Одобряетъ ли королевское правительство принятыя мѣры, и что думаетъ оно сдѣлать, чтобы противодѣйствовать произвольному, соединенному съ несправедливостями и чрезмѣрными строгостями примѣненію права высылокъ?“ Такой же запросъ былъ недавно предъявленъ соціалъ-демократами въ имперскомъ сеймѣ, но въ отвѣтъ на обвинительную рѣчь Бебеля представитель правительства, графъ Посадовскій, заявилъ отъ имени канцлера Бюлова, что дѣйствія прусскихъ властей въ предѣлахъ прусской территоріи не подлежатъ контролю имперскаго сейма. Ораторъ свободомыслящихъ, депутатъ Трегеръ, подробно мотивировалъ интерпелляцію указаніемъ на многочисленные факты явно ошибочныхъ или возмутительно-грубыхъ распоряженій относительно лицъ, прибывшихъ за послѣднее время изъ Россіи въ предѣлы Пруссіи и въ частности въ Берлинъ. Ораторъ не отрицалъ, что право высылокъ иностранцевъ несомнѣнно принадлежитъ и должно принадлежать правительству, но это право не можетъ быть примѣняемо безъ достаточныхъ основаній, съ нарушеніемъ элементарныхъ предписаній человѣколюбія и здраваго смысла. Между тѣмъ въ короткое время было выслано нѣсколько сотъ человѣкъ, изъ которыхъ многіе имѣли крупные денежные вклады въ берлинскихъ банкахъ или вели значительныя торговыя дѣла и, слѣдовательно, никакъ не могли быть причислены къ категоріи неимущихъ и обременительныхъ иностранцевъ, подлежащихъ по закону высылкѣ по усмотрѣнію администраціи; другіе внезапно удалялись изъ столицы, несмотря на то, что они жили тамъ въ теченіе продолжительнаго времени, имѣли постоянныя занятія или содержали свои мастерскія. Депутатъ Трегеръ настаивалъ на томъ, что въ силу существующаго торговаго договора съ Россіею русскіе подданные должны пользоваться охраною законовъ въ Пруссіи наравнѣ съ туземнымъ населеніемъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, фонъ Бетманъ-Голльвегъ, призналъ справедливость отдѣльныхъ указаній интерпелланта, назвалъ нѣкоторыя

распоряженія своихъ подчиненныхъ неправильными и неумѣлыми, и обѣщалъ по возможности предупредить повтореніе подобныхъ ошибокъ въ будущемъ; но вообще онъ энергически защищалъ принятыя мѣры для охраны отечественной территоріи отъ внезапнаго наплыва массы иностранцевъ, покинувшихъ сосѣднее государство вслѣдствіе возникшихъ волненій, тѣмъ болѣе, что многіе изъ этихъ пріѣзжихъ вѣроятно сами играли нѣкоторую роль въ этихъ волненіяхъ; всякая страна имѣетъ право и обязанность ограждать себя отъ такого рода пришлыхъ неспокойныхъ элементовъ, и потому производившіяся массовыя высылки не противорѣчатъ ни законамъ, ни существующимъ международнымъ обычаямъ. Большинство палаты согласилось съ доводами министра и приняло къ свѣдѣнію его обѣщаніе слѣдить за болѣе осторожнымъ и разумнымъ примѣненіемъ права высылокъ; а что касается нарушенныхъ международныхъ правъ Россіи, то о нихъ говорилъ нѣмецкій депутатъ, не уполномоченный на это русскимъ правительствомъ, и эта сторона вопроса могла быть оставлена безъ вниманія прусскимъ министромъ, какъ и палатою. Между тѣмъ невольно является вопросъ: что же дѣлали оффиціальные представители Россіи въ Берлинѣ во время упомянутыхъ повальныхъ высылокъ русскихъ подданныхъ? Неужели изъ множества случаевъ явной несправедливости относительно подданныхъ Россіи ни одинъ фактъ не былъ доведенъ до свѣдѣнія ея оффиціальныхъ представителей при прусскомъ дворѣ? Такъ какъ объ этихъ высылкахъ говорили всѣ газеты, и сами потерпѣвшіе не могли скрывать свои бѣдствія и жалобы отъ чиновъ русскаго посольства или консульства въ Берлинѣ, то чѣмъ объяснить полное молчаніе и бездѣйствіе этихъ должностныхъ лицъ, когда на нихъ лежала прямая обязанность заступничества за несправедливо нарушенные интересы русскихъ подданныхъ? Не странно ли, что въ защиту русскихъ подданныхъ за границею выступаютъ посторонніе мѣстные дѣятели, побуждаемые къ этому чувствами справедливости и человѣколюбія, а уполномоченные для такой защиты и охраны дипломаты постыдно молчатъ? Для чего же въ такомъ случаѣ существуетъ столь дорого обходящееся казнѣ международное представительство? Интересно было бы получить какой-нибудь отвѣтъ на эти вполнѣ естественные и законные вопросы.

Парламентскіе выборы, происходившіе во Франціи 6-го и 20-го мая (нов. ст.), значительно усилили республиканское большинство и совершенно подорвали значеніе главныхъ оппозиціонныхъ группъ клерикально-національнаго оттѣнка. Предстояло избрать 591 депутата; въ день 6-го мая было выбрано всего 431, въ томъ числѣ передовыхъ

республиканцевъ и соціалистовъ—267, а умѣренныхъ либераловъ, реакціонеровъ и націоналистовъ—164; осталось 156 перебаллотировокъ, которыя были произведены 20-го мая и довершили побѣду радикально-соціалистическаго „блока". За исключеніемъ колоній, въ 585 округахъ выбрано всего 411 передовыхъ республиканцевъ, вмѣсто прежнихъ 353, и 174 оппозиціонныхъ депутатовъ, вмѣсто бывшихъ 232; въ частности, лѣвыхъ республиканцевъ числится теперь 90 (вмѣсто прежнихъ 83), радикаловъ—115 (вмѣсто 96), радикаловъ-соціалистовъ—132 (вмѣсто 119), соціалистовъ—74 (вмѣсто 55); реакціонеровъ остается 78 (вмѣсто 84), націоналистовъ—30 (вмѣсто 53), прогрессистовъ—66 (вмѣсто 95). Такимъ образомъ клерикальная оппозиція потеряла всего 58 мѣстъ, которыя достались республиканцамъ; наиболѣе пострадали націоналисты, которые изъ крупной парламентской фракціи превратились въ ничтожную группу въ 30 человѣкъ; больше другихъ выиграли радикалы и соціалисты.

Въ новой палатѣ клерикалы и реакціонеры разныхъ оттѣнковъ теряютъ уже возможность оказывать рѣшающее вліяніе на судьбу республиканскихъ министерствъ при содѣйствіи партіи центра или прогрессистовъ (называемыхъ также „мелинистами", по имени основателя этой группы, покойнаго Мелина); вмѣстѣ съ тѣмъ не могутъ уже играть прежнюю роль небольшіе, колеблющіеся кружки депутатовъ, вродѣ того, во главѣ котораго стоялъ честолюбивый Поль Думеръ. Всѣ министры—разумѣется, кромѣ сенаторовъ, не подлежавшихъ избранію, — выбраны вновь, и такъ какъ они принадлежатъ большею частью къ числу радикаловъ и соціалистовъ, то общій результатъ выборовъ можетъ считаться вполнѣ благопріятнымъ для кабинета Сарріена-Клемансо. Пораженіе партій, враждебныхъ республикѣ, выразилось особенно рѣзко въ неудачѣ ихъ главныхъ вождей: знаменитые патріоты-націоналисты, Поль Деруледъ, полковникъ Маршанъ, генералъ Цурлинденъ, Марсель Габеръ, майоръ Дріанъ, зять генерала Буланже, были безжалостно забаллотированы, точно такъ же, какъ и Гюйо де-Вильневъ, прославившійся своими обличеніями генерала Андрѐ и министерства Комба; зато въ палату попалъ извѣстный защитникъ Дрейфуса, адвокатъ Фердинандъ Лабори. Руководители всѣхъ существующихъ соціалистическихъ партій и школъ присутствуютъ теперь въ парламентѣ; кромѣ Жореса и Вальяна, мы видимъ здѣсь главу марксистовъ или „гедистовъ", Жюля Геда, вождя „аллеманистовъ", Аллемана, и предводителя „бруссистовъ", Брусса. Ничто не мѣшаетъ республиканскому большинству приступить наконецъ къ положительной законодательной работѣ для осуществленія тѣхъ широкихъ соціальныхъ программъ, которыя возвѣщались народу властвующими нынѣ партіями во Франціи. Острый періодъ борьбы съ клерикально-

монархической оппозиціей уже прошелъ; совершившееся отдѣленіе церкви отъ государства позволяетъ правительству сосредоточить свое вниманіе на крупныхъ реформахъ, требуемыхъ настоятельными нуждами и интересами большинства трудящагося населенія.

Было время, когда наши „патріоты" съ необычайною наивностью или съ скрытымъ лицемѣріемъ возмущались насиліями и беззаконіями, совершаемыми въ Турціи, не замѣчая или стараясь не замѣчать того, что̀ творится въ собственномъ отечествѣ. Турецкіе порядки не измѣнились до сихъ поръ,—по крайней мѣрѣ въ своихъ основахъ и сущности,—такъ какъ единственною уздою для нихъ остается поверхностный и слабый международный контроль, относящійся лишь къ нѣкоторымъ частямъ турецкой территоріи и къ опредѣленнымъ сферамъ дѣятельности султана. Иностранныя газеты и теперь иногда съ негодованіемъ сообщаютъ о возмутительныхъ дѣйствіяхъ турецкихъ властей; но эти сообщенія кажутся отчасти заимствованными изъ внутренней хроники русской печати, и потому неспособны уже вызывать христіанскія чувства россійскихъ „патріотовъ", привыкшихъ у себя дома равнодушно проходить мимо самыхъ вопіющихъ фактовъ административнаго произвола и даже оправдывать ихъ соображеніями государственной пользы.

Въ журналѣ „La Macédoine", выходящемъ въ Парижѣ, мы находимъ, напримѣръ, статью подъ интереснымъ заглавіемъ: „Человѣческій грузъ". „Въ день святого Георгія, 6-го мая,—говорится въ этой статьѣ,—въ Салоникской гавани былъ нагруженъ людьми небольшой пароходъ подъ турецкимъ флагомъ; это—политическіе плѣнники, отправляемые на каторгу или въ ссылку въ Малую Азію. Приготовленный къ отплытію пароходъ давно уже пользуется печальной славою; онъ служилъ для вывоза въ Азію и Африку многихъ тысячъ армянъ, македонцевъ и младотурокъ. Несчастные помѣщались на палубѣ, въ цѣпяхъ, какъ невольничье стадо древнихъ негроторговцевъ, и немногіе изъ нихъ пережили ссылку. На этотъ разъ почти всѣ принадлежатъ къ болгарской народности; они въ послѣднее время присуждены къ наказаніямъ въ размѣрѣ отъ десятилѣтняго заключенія до безсрочной ссылки. Одни содержались въ знаменитой „кровавой башнѣ", другіе вышли изъ тюремъ Ускюба и Монастыря; это большею частью учители, зажиточные обыватели, торговцы. Одинъ изъ нихъ—выдающійся врачъ, пріобрѣвшій большую популярность и уваженіе среди болгаръ; его личныя качества, прямодушіе и преданность народнымъ интересамъ побудили мрачное турецкое правительство пожелать его исчезновенія, ибо при Абдулъ-Гамидѣ только грубые хищники имѣютъ свое

законное мѣсто на землѣ. Съ нимъ отправляются окружной директоръ болгарскихъ школъ изъ Велеса, извѣстный купецъ изъ Ихтиба, три священника и другіе „нотабли“ изъ разныхъ мѣстъ. Столько силъ гибнетъ, и цвѣтъ населенія безпощадно уничтожается для того, чтобы несчастная Македонія оставалась добычей варваровъ! Изъ всей массы этихъ людей, молодыхъ и сильныхъ, которыхъ за послѣднія пять-шесть лѣтъ Македонія принесла въ жертву императорскимъ хищникамъ, едва половина остается еще въ живыхъ. Одни медленно, мало-по-малу, задыхаются въ тѣсныхъ тюремныхъ кельяхъ; другіе, дождавшись свободы въ силу навязанныхъ правительству амнистій, поочередно умираютъ отъ болѣзней, пріобрѣтенныхъ въ періодъ заключенія. Всякій рано или поздно падаетъ подъ мстительными ударами великаго убійцы, который никогда не соглашался на помилованіе иначе какъ подъ условіемъ постепенной смерти. И вотъ новая серія 150 жертвъ уносится моремъ на глазахъ консуловъ великихъ державъ, наслаждающихся кейфомъ на своихъ террасахъ въ Салоникахъ!“

Быть можетъ, это трогательное описаніе подѣйствуетъ на иностранную публику и возбудитъ въ ней чувство отвращенія къ турецкому правительству, прибѣгающему къ такимъ мѣрамъ борьбы съ „внутренними врагами“, которыя давно осуждены нравственнымъ сознаніемъ культурныхъ націй; но для насъ эта ссылка „политическихъ плѣнниковъ“, приговоренныхъ къ наказанію какимъ-то турецкимъ судомъ, не представляетъ ничего особеннаго, ибо наши газеты ежедневно печатаютъ свѣдѣнія о массовыхъ ссылкахъ русскихъ обывателей, въ томъ числѣ видныхъ земскихъ дѣятелей, публицистовъ, учителей и даже университетскихъ профессоровъ, въ отдаленныя сѣверныя или сибирскія губерніи, безъ всякаго суда, по произвольному усмотрѣнію административныхъ властей. По оффиціальнымъ даннымъ, напечатаннымъ недавно въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, число административно высланныхъ русскихъ гражданъ за одно полугодіе съ конца октября 1905 до конца апрѣля 1906 года составляетъ 6.825 человѣкъ, а содержалось къ 1-му мая подъ стражей въ томъ же произвольномъ административномъ порядкѣ 2.627 человѣкъ. Едвали мусульманская власть въ Турціи успѣла сослать или упрятать въ тюрьму такое количество христіанъ изъ Македоніи въ теченіе цѣлыхъ семи или восьми лѣтъ. Туркамъ далеко еще до нашихъ отечественныхъ усмирителей, и съ нашей стороны было бы какъ-то странно и неловко нападать на жестокость турецкой администраціи или говорить о недостаткахъ турецкаго режима. Напротивъ, вопреки рѣзкимъ обвинительнымъ отзывамъ иностранцевъ, мы должны были бы еще удивляться мягкости и осторожности дѣйствій турецкихъ начальниковъ, гражданскихъ и военныхъ, въ краѣ, находящемся въ состояніи

хроническаго возстанія. Въ Македоніи распоряжаются военные отряды и дѣйствують исключительные суды; но то, чтò приводится газетами въ видѣ ужасныхъ образчиковъ турецкой юстиціи, производитъ даже успокоительное впечатлѣніе сравнительно съ болѣе близкими намъ общеизвѣстными фактами. Недавно чрезвычайный судъ въ Салоникахъ разбиралъ дѣло двадцати шести болгаръ, арестованныхъ въ одномъ мѣстечкѣ послѣ обыска, произведеннаго отрядомъ турецкихъ солдатъ подъ руководствомъ мудира; въ домѣ одного болгарина нашли ружье и саблю; въ саду другого обывателя открыли какой-то подозрительный погребъ; остальные подозрѣвались въ принадлежности къ мѣстному революціонному комитету. Чрезвычайный судъ призналъ виновными пятерыхъ болгаръ и приговорилъ ихъ къ трехгодичному тюремному заключенію; прочіе подсудимые, въ числѣ двадцати одного человѣка, были выпущены на свободу, просидѣвъ четыре мѣсяца въ тюрьмѣ. Ни одинъ изъ нихъ не былъ разстрѣлянъ солдатами, никто не подвергся предварительной тѣлесной расправѣ, и оправданные никуда не сосланы административнымъ порядкомъ; — въ общемъ это былъ обыкновенный судебный процессъ, не заключающій въ себѣ никакого явнаго беззаконія. Другое дѣло разбиралось въ Монастырѣ; судился болгаринъ, у котораго въ домѣ турецкіе солдаты нашли будто-бы бомбу; но такъ какъ при обыскѣ не было ни мѣстнаго старшины, ни понятыхъ, то офицеръ, для соблюденія установленной закономъ формальности, предложилъ подписать протоколъ болгарскому священнику и двумъ другимъ обывателямъ, которые однако на судѣ заявили, что не знали вовсе объ отысканіи бомбы въ домѣ подсудимаго; тѣмъ не менѣе, послѣдній былъ присужденъ къ тюремному заключенію на пятнадцать лѣтъ. Опять-таки тутъ замѣчается стремленіе офицеровъ къ соблюденію по крайней мѣрѣ внѣшней законности. Бываютъ случаи, когда прямо выясняется добросовѣстность турецкихъ властей; такъ, въ одномъ мѣстечкѣ греки помѣстили корзину съ тремя бомбами въ болгарской школѣ и затѣмъ донесли о бомбахъ полиціи, вслѣдствіе чего было арестовано восемнадцать болгаръ; между тѣмъ судебное разслѣдованіе установило тотъ фактъ, что бомбы были принесены самими доносителями, и задержанные болгары были освобождены; недовольный этимъ мудиръ старался найти другихъ виновныхъ болгаръ и совѣтовалъ одному мѣстному обывателю, бывшему прежде участникомъ возстанія, удалиться въ лѣсъ, такъ какъ онъ, мудиръ, думаетъ обвинить его въ доставленіи найденныхъ бомбъ; но обыватель не послушался, а принесъ жалобу на мудира высшему начальству въ Салоникахъ, послѣ чего могъ свободно вернуться въ свое мѣстечко. Конечно, происходятъ также простыя избіенія жителей турецкими солдатами и башибузуками, но эти избіенія не прикрываются

подобіемъ военнаго суда и имѣютъ характеръ случайныхъ столкновеній или сознательныхъ посягательствъ, вызванныхъ расовою и религіозною ненавистью; чаще всего эти кровавые подвиги совершаются нерегулярными турецкими войсками и албанскими фанатиками. События подобнаго рода, дававшія матеріалъ для краснорѣчивыхъ разсужденій о турецкихъ звѣрствахъ, не могутъ уже вызывать чувства ужаса и негодованія, послѣ того, что безпрепятственно дѣлалось въ теченіе послѣдняго года въ разныхъ мѣстахъ Россійской имперіи. По газетнымъ подсчетамъ, въ одномъ Прибалтійскомъ краѣ, только за два мѣсяца съ 1-го декабря 1905 года по 1-е февраля 1906 года, „карательнымъ“ отрядомъ генерала Орлова разстрѣляно безъ суда 620 человѣкъ, въ томъ числѣ 11 народныхъ учителей, 2 студента, 4 писаря, 1 аптекарь, 1 книготорговецъ и 29 владѣльцевъ крестьянскихъ усадебъ; повѣшено 18 человѣкъ, убито при столкновеніяхъ съ войсками 321, подвергнуто тѣлеснымъ наказаніямъ 250, въ томъ числѣ двѣ женщины; сожжено 97 крестьянскихъ домовъ, 4 школы, 2 волостныхъ правленія и 3 общественныхъ зданія; въ маленькихъ городахъ сожжено 22 дома. Намъ не подобаетъ уже толковать о турецкихъ звѣрствахъ и башибузукахъ, что бы ни творили мусульманскіе властители съ своими христіанскими подданными на Балканскомъ полуостровѣ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Marcelle Tinayre. La Rebelle. Roman. Стр. 372. Paris, 1906. (Calm. Levy éditeur).

Имя Марсель Тинэръ, наряду съ именемъ графини де Ноайль,— одно изъ самыхъ извѣстныхъ въ новѣйшей французской беллетристикѣ. Если сравнить этихъ двухъ женщинъ, то перевѣсъ въ смыслѣ чисто литературныхъ качествъ склонится скорѣе на сторону Марсель Тинэръ. Графиня де Ноайль—южанка, румынка по происхожденію, и ея романы страдаютъ чрезмѣрной экзальтаціей. Лиризмъ страстей топитъ въ нихъ всякую психологическую разработку характеровъ. Марсель Тинэръ болѣе уравновѣшена въ своемъ творчествѣ. Ея романы интересны главнымъ образомъ детальной разработкой психологическихъ чертъ, умѣньемъ автора изобразить послѣдовательное развитіе характеровъ. Она большей частью объясняетъ психологію своихъ героевъ и героинь, т. е. носителей своихъ идей, издалека, указываетъ на вліяніе среды, воспитанія. Но это не замедляетъ повѣствованія, какъ это иногда бываетъ у чрезмѣрно добросовѣстныхъ, но недостаточно самобытныхъ реалистовъ. Напротивъ того, изображеніе среды въ романахъ Марсель Тинэръ очень привлекательно. Она умѣетъ передавать атмосферу жизни, интимную сторону переживаній, изображать характерныя и оригинальныя подробности, рисовать любопытные типы, и въ ея картинахъ дѣйствительности много поэзіи.

Она большей частью изображаетъ тихую, застывшую провинціальную жизнь, отсталую въ смыслѣ духовной культуры, но обаятельную своей независимостью отъ мѣняющихся нормъ и требованій лихорадочной столичной суеты. На фонѣ „живой старины“ романистка изображаетъ— наряду съ типичными фигурами—людей съ обособленной индивидуальностью, съ переживаніями, въ которыхъ воспринятое отъ окружающей среды своеобразно сочетается съ неожиданнымъ, стихійно властнымъ въ душѣ. Эти люди съ сильной индивидуальностью становятся носителями идей автора.

„Идеи“ Марсель Тинэръ не представляютъ, впрочемъ, ни большой новизны, ни самобытно широкаго пониманія жизни, ея задачъ и требованій. Нельзя даже говорить объ идеяхъ во множественномъ числѣ. Во всѣхъ ея романахъ, во всякомъ случаѣ въ лучшихъ изъ нихъ, проводится одна основная мысль—мысль о побѣдной силѣ любви. Мар-

сель Тинэръ изображаетъ любовь въ столкновеніяхъ съ разными противодѣйствующими вліяніями: со строгостью условной морали, съ церковными вліяніями, затѣмъ съ болѣе современной враждебной силой, съ принципами общественной свободы въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ—и всегда, какъ бы сильна ни была власть противодѣйствующаго начала, побѣда оказывается на сторонѣ любви, если она глубока и правдива. Современная французская романистка такимъ образомъ возвращается къ основной темѣ классической Корнеллевской трагедіи: къ борьбѣ долга и чувства. Долгъ носитъ, конечно, у нея иныя маски, чѣмъ у классика XVII-го вѣка: тамъ онъ назывался долгомъ чести, долгомъ мести, сыновнимъ долгомъ, гражданской доблестью и т. д. У Марсель Тинэръ маски долга иныя; нѣкоторые герои—рабы семейнаго долга и общественныхъ предразсудковъ; иные—рабы добровольно исповѣдуемыхъ этическихъ принциповъ,—и этому современному рабству передъ отвлеченной идеей долга романистка опять-таки противопоставляетъ стихійную силу любви—и любовь побѣждаетъ, когда она оказывается истинной и свободной. Эти столкновенія, интересно, современно и остро воспринятыя романисткой изъ наблюденій современной дѣйствительности, составляютъ содержаніе ея наиболѣе интересныхъ книгъ. Въ „Vie amoureuse de François Barbazanges“ представлено назрѣваніе чувствъ въ молодой душѣ, идущей навстрѣчу жизни съ полной непосредственностью ожиданій и настроеній. Въ этой книгѣ, очень поэтичной въ описаніяхъ молодого чувства, преобладаетъ гармоничное общее настроеніе. Столкновеніе же „чувства и долга“ въ рамкѣ современныхъ условій жизни изображено художественно и сильно въ одномъ изъ лучшихъ романовъ Марсель Тинэръ, „La Maison du Péché“. Въ немъ представлена мучительная борьба страсти съ узкими предразсудками католической провинціальной среды. Этотъ романъ, появившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и создалъ автору крупное литературное имя. Въ „Maison du Péché“ художественно очерчены всѣ вліянія, создавшія строгость религіозныхъ и этическихъ принциповъ молодого героя. Августинъ—потомокъ старой католической семьи, которая гордится своими католическими традиціями. Члены ея въ XVII-мъ вѣкѣ боролись съ янсенистами и были всегда воинствующими защитниками католическихъ интересовъ. Августинъ воспитывается у матери, которая противъ воли отказалась въ ранней юности отъ своей мечты сдѣлаться монахиней; она вышла замужъ по настоянію семьи. Мужъ ея умеръ въ первый же годъ послѣ брака, и вся ея дальнѣйшая жизнь—подвигъ аскетическаго благочестія, осложненный заботами о сынѣ. Всѣ ея помыслы направлены на то, чтобы воспитать его истиннымъ христіаниномъ и продолжателемъ семейныхъ традицій, причемъ ничего, кромѣ строгихъ принци-

повъ, она не можетъ дать ребенку. Нѣжности, материнской теплоты чувствъ она къ мальчику не испытываетъ. И онъ выростаетъ въ этой странной атмосферѣ, видя свою мать лишь вскользь, не зная нѣжности, окружающей другихъ дѣтей въ его возрастѣ,—и все же безгранично обожаетъ свою мать, которая кажется ему святой, стоящей выше всѣхъ на свѣтѣ. Воспитаніемъ Августина руководитъ строгій, умный патеръ, оставившій свою миссіонерскую дѣятельность въ Средней Азіи для того, чтобы заняться воспитаніемъ потомка старинной семьи, потрудившейся на славу католической церкви. Мальчикъ выростаетъ въ этой атмосферѣ въ полной гармоніи со своими воспитателями. Ни тѣни возмущенія противъ внушаемой ему ограничительной морали въ немъ нѣтъ. Единственный человѣкъ съ здоровыми жизненными инстинктами въ окружающей его средѣ—это старая служанка, которая возмущается систематическимъ убиваніемъ живыхъ чувствъ въ подростающемъ юношѣ. Но самъ Августинъ не сознаетъ условности внушаемыхъ ему принциповъ. Послѣ отъѣзда учителя онъ живетъ простой строгой и однообразной жизнью подлѣ своей матери, видится съ ограниченнымъ кругомъ родныхъ и друзей, занимается управленіемъ своего помѣстья и чувствуетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ. Онъ преклоняется передъ святостью матери, читаетъ католическія книги и не сознаетъ, что глаза его закрыты на красоту и разнообразіе жизни. Борьба между этой искусственно привитой святостью и неожиданно нахлынувшей страстью и составляетъ основную тему романа. Въ помѣстьи Августина поселяется молодая вдова, художница; онъ сначала незамѣтнымъ для себя образомъ привязывается къ ней и жизнь его превращается въ рядъ бурь, въ постоянную борьбу съ матерью, осудившую безповоротно и его любовь къ невѣрующей парижанкѣ, и его свободный союзъ съ нею. Происходятъ трагическія столкновенія между старыми вліяніями, которыя временно отрываютъ Августина отъ его подруги и возвращаютъ его роднымъ—и всепобѣдной страстью, раскрывающей ему ширь, радость и свободу жизни. Вся драма сводится такимъ образомъ къ борьбѣ чувства и долга, и Марсель Тинэръ сознательно берется за старую Корнеллевскую тему съ тѣмъ, чтобы рѣшить ее въ современномъ духѣ. Она даже нарочно избираетъ героя въ духѣ Корнеллевскихъ фанатиковъ долга—чтобы показать на его примѣрѣ силу и правоту жизни, побѣду ея органическихъ силъ надъ узостью искусственно созданныхъ теорій.

Въ своемъ новомъ романѣ „La Rebelle" Марсель Тинэръ изображаетъ торжествующую силу любви въ борьбѣ съ болѣе современнымъ началомъ, чѣмъ предразсудки католической семьи. Ея героиня и ея герой борются не съ внѣшними вліяніями, а сами съ собой: она—съ своими принципами женской свободы, не допускающими рабства чувствъ,

онъ—съ переживаніями „собственническихъ" отношеній къ женщинѣ. Путь страданій, который они оба проходятъ, прежде чѣмъ одерживаютъ внутреннюю побѣду надъ собой и обрѣтаютъ гармоничное счастье любви, составляетъ содержаніе романа, задуманнаго не банально. Въ разработкѣ темы чувствуется, правда, чисто французское узкое отношеніе къ вопросу о женской свободѣ: она разсматривается не въ большихъ линіяхъ, не какъ одно изъ проявленій общечеловѣческой свободы и равноправности, а какъ право женщинъ, живущихъ самостоятельно, внѣ нормальной семьи, на свободу отъ условныхъ стѣсненій, обязательныхъ для средней француженки. Марсель Тинэръ тоже думаетъ, что свобода нужна только исключительно одареннымъ женщинамъ. Это тотъ же взглядъ, какъ у Прево, защитника „vierges fortes", и всѣхъ французскихъ поборниковъ феминизма. Марсель Тинэръ смотритъ на женскій вопросъ немного шире—но очень немного.

Но въ романѣ интересны не толки о феминизмѣ,—ихъ довольно много и въ нихъ еще много условнаго пониманія женской свободы и самостоятельности,—а психологическій замыселъ, борьба между принципами и стихійнымъ чувствомъ. Героиня романа съ большимъ трудомъ создаетъ себѣ въ своемъ кругу положеніе свободной, но уважаемой всѣми женщины; она красива, и потому отстоять уваженіе къ себѣ при свободномъ и самостоятельномъ образѣ жизни ей особенно трудно. Тотъ, кого она любитъ,—теоретическій поборникъ женскихъ правъ; но когда задѣта его личная психологія, то всѣ теоріи о женской эмансипаціи исчезаютъ изъ его сознанія, и онъ испытываетъ самыя буржуазныя чувства. Силой, которая помогаетъ имъ обоимъ побороть всѣ противорѣчивыя чувства и побужденія, является любовь, вносящая гармонію и примиреніе въ ихъ жизнь.

Жозанна Валентинъ обманываетъ мужа, но не считаетъ себя виновной. Ея мужъ—больной капризный человѣкъ, которому она нужна какъ терпѣливая сидѣлка, и она исполняетъ свой добровольный долгъ. Жозаннѣ приходится много работать; мужъ ея боленъ, не можетъ продолжать своихъ занятій,—онъ химикъ, и заботы о заработкѣ въ значительной степени лежатъ на ней. Она сначала даетъ уроки музыки, потомъ случайно дѣлается сотрудницей журнала, посвященнаго женскимъ модамъ и женскимъ интересамъ, и получаетъ скромное жалованье, составляя хронику моды. Въ домѣ одной знакомой, которая ей покровительствуетъ и доставляетъ ей уроки, Жозанна встрѣчаетъ Мориса Натье. Онъ интереснѣе другихъ, и она охотно говоритъ съ нимъ. Онъ узнаетъ отъ хозяйки дома, кто она такая, почему она приходитъ безъ мужа; онъ узнаетъ про ея грустную участь—и начинаетъ ухаживать за нею еще болѣе настойчиво. Она ему уступаетъ, искренно привязавшись къ нему. Исторія ихъ отношеній—банально

грустная: со стороны Жозанны—искренняя привязанность, со стороны Мориса—легкая интрига съ женщиной, которую онъ не уважаетъ уже за то, что она отдалась ему. Жозанна начинаетъ понимать психологію Мориса послѣ того, какъ объявляетъ ему о томъ, что станетъ матерью. Морисъ, вмѣсто того, чтобы настоять на разводѣ съ мужемъ, совѣтуетъ Жозаннѣ убѣдить мужа, что ребенокъ—его. Жозанна возмущена, на время перестаетъ видѣться съ Морисомъ. Но потомъ, когда маленькій Клодъ появляется на свѣтъ—какъ сынъ химика Валентина,—она снова мирится съ Морисомъ, чувствуя всю унизительность своихъ отношеній къ нему, страдая отъ лжи, которую она создаетъ вокругъ себя, и еще болѣе страдая отъ равнодушія Мориса. Въ одну изъ минутъ наибольшаго отчаянія, тщетно поджидая Мориса на условленномъ мѣстѣ свиданія, она разглядываетъ новую книгу о женскомъ вопросѣ, „La Travailleuse", Ноэля Делиля. Она перелистываетъ главу „О новой женской нравственности" и поражена новизной и широтой взглядовъ автора, который требуетъ для женщины права „свободно располагать своими чувствами" и т. д. Мысли Ноэля Делиля въ сущности довольно азбучныя, но для Жозанны онѣ—откровенія или, вѣрнѣе, неожиданная поддержка. Авторъ книги говоритъ, что теперешняя самостоятельная женщина-„работница" кажется опасной буржуазному обществу, какъ врагъ установленнаго порядка вещей... „Но теперь уже поздно возвращаться къ старому!—восклицаетъ Ноэль Делиль.—Если всѣ работницы и не принадлежатъ къ числу окончательно освободившихся отъ рабства, то во всякомъ случаѣ всѣ онѣ подняли мятежъ. Онѣ возстали противъ закона, установленнаго для нихъ мужчинами, предразсудковъ, поддерживаемыхъ мужчинами, противъ устарѣлаго идеала, который они навязываютъ своимъ подругамъ... Женщины порвали пряжу, которую пряли ихъ бабушки, оставили прялку, иголку и зеркало—и вмѣстѣ съ этимъ также пассивныя добродѣтели и суетность. Онѣ уже не полагаютъ, что достаточно быть цѣломудренной женщиной, чтобы быть честной, и не считаютъ себя падшими изъ-за того, что онѣ любили нѣсколько разъ".

Жозаннѣ кажется, что все это относится лично къ ней; она тоже одна изъ „возмутившихся", хотя еще не изъ свободныхъ. Ей даже легче переносить предательства Мориса послѣ того, какъ она прочла главу книги, такъ смѣло отстаивающей все, за что она, Жозанна, много выстрадала въ жизни.

Романъ съ Морисомъ Натье кончается, оставивъ въ душѣ Жозанны горькія воспоминанія о пережитыхъ страданіяхъ и униженіяхъ. Наступаетъ день, когда онъ ей объявляетъ о своемъ намѣреніи порвать съ нею, о своей предстоящей женитьбѣ. Мысль о ребенкѣ не останавливаетъ его въ его рѣшеніи. Ребенокъ носитъ имя другого—у него

нѣтъ никакихъ фактическихъ обязательствъ, а нравственныхъ онъ не признаетъ. Жозанна остается душевно-одинокой и машинально продолжаетъ жить, исполняя свои дѣловыя обязанности секретаря редакціи и ухаживая за больнымъ мужемъ. За это время случается, однако, нѣчто пріятное: редакторъ журнала, услышавъ ея отзывъ о книгѣ Ноэля Делиля, предложилъ ей написать рецензію о книгѣ, и чтобы поощрить молодую сотрудницу, прибавилъ ей жалованья. Жозанна написала замѣтку очень горячо и умно, и съ этихъ поръ ей стали поручать не только хронику модъ, но и болѣе отвѣтственную литературную работу въ журналѣ.

Судьба Жозанны вскорѣ послѣ разрыва съ Морисомъ мѣняется. Мужъ ея умираетъ; она съ ребенкомъ уѣзжаетъ въ провинцію, къ родственницѣ мужа, очень доброй старой дѣвѣ, которая готова посвятить всю жизнь заботамъ о маленькомъ Клодѣ и его матери. Жозаннѣ спокойно въ провинціальной глуши, и она отдается этому пассивному чувству отдохновенія, хотя и чувствуетъ, что оно пагубно для души. Свои отношенія къ журналу она оборвала, уѣхавъ внезапно изъ Парижа, и боится, что въ редакціи ее навѣрное замѣнили кѣмъ-нибудь другимъ. Но всѣ ея колебанія кончаются, когда она получаетъ необыкновѣнно любезное письмо отъ редактора журнала, который проситъ ее вернуться и предлагаетъ ей стать дѣятельнымъ членомъ редакціи. Эта чрезвычайная любезность объясняется письмомъ Ноэля Делиля къ редактору съ запросами о талантливомъ рецензентѣ его книги. Жозанна ѣдетъ въ Парижъ, поселяется тамъ съ своимъ сыномъ, работаетъ въ редакціи, довольна своимъ самостоятельнымъ положеніемъ. Черезъ нѣсколько времени она встрѣчается съ Ноэлемъ, и между ними завязываются сначала чисто дружескія отношенія, которыя потомъ переходятъ въ любовь. Тутъ и начинаются осложненія принципіальнаго характера. Жозанна такъ исстрадалась отъ исторіи съ Морисомъ, отъ всего, что̀ вноситъ рабскаго въ жизнь любовь, что долго сопротивляется своему чувству. Но и тогда, когда она отдаетъ безповоротно свое сердце Ноэлю, у нея начинаются другого рода колебанія. Онъ не знаетъ ея прошлаго, исторіи ея любви къ Морису, и она не знаетъ, какъ этотъ апостолъ женской свободы отнесется къ тому, что̀ было. Она долго поэтому уклоняется отъ любви Ноэля, говоритъ ему о препятствіяхъ и наконецъ разсказываетъ ему о Морисѣ. Наступаетъ долгая пора взаимныхъ терзаній: Ноэлю страшна ложь, которую Жозанна ввела въ свою жизнь; онъ чувствуетъ, что теряетъ довѣріе къ ней, мучается непобѣдимой ревностью и больше всего страдаетъ отъ присутствія Клода, отъ материнской любви Жозанны. Когда ему кажется, что онъ побѣдилъ наконецъ свое стихійное чувство ревности, онъ возвращается къ Жозаннѣ. Ихъ любовь становится

вѣчной смѣной періодовъ радости и вспыхивающихъ страданій. Наконецъ ихъ окончательно сближаетъ страданіе. Маленькій Клодъ опасно заболѣваетъ. Они вмѣстѣ ухаживаютъ за нимъ; Ноэль переживаетъ муки и отчаяніе Жозанны, какъ собственное горе. Когда ребенокъ выздоравливаетъ, любовь Жозанны и Ноэля очистилась отъ всякихъ постороннихъ элементовъ. Всякая ревность къ отцу ребенка у него безслѣдно исчезаетъ, также какъ у нея всѣ колебанія отстаивающей свою свободу женщины. Все это исчезаетъ передъ вѣрой въ свободно избраннаго друга,—и они покоряются торжествующему закону любви.

II.

Alfred Sutro. Mollentrave on Women. Comedy. London, 1906.

Въ современной англійской драмѣ есть двѣ рѣзко разграниченныя категоріи: театръ, который подчиняется вкусу публики,—и театръ, который подчиняетъ себѣ вкусы публики. Главное различіе между ними—въ томъ, что къ первой категоріи относится репертуаръ всѣхъ большихъ лондонскихъ театровъ—а ихъ не меньше двадцати въ самомъ центрѣ Лондона—и главнѣйшихъ провинціальныхъ; вторая же „царитъ" на двухъ-трехъ сценахъ, существующихъ лишь благодаря крупнымъ вкладамъ частныхъ лицъ. Есть въ Лондонѣ „Stage Society", которая ставитъ пьесы иностранныхъ авторовъ, Ибсена, Горькаго, Бріё, Зудермана—все въ перемежку, руководствуясь только однимъ принципомъ: ставить то, что̀ другія сцены отвергли бы за „безнравственность", понимая это слово какъ всякій протестъ противъ условной морали. Но на представленія „Stage Society" билеты не продаются, а раздаются членамъ за ихъ членскій взносъ. Болѣе широкими экспериментами, т.-е. постановкой „смѣлыхъ" пьесъ для платной публики, занимается въ настоящее время Court Theatre, очень небольшой, разсчитанный исключительно на интеллигентную публику. Тамъ идутъ передѣлки Эврипида, тамъ идутъ комедіи Бернарда Шоу, такъ зло и мѣтко вышучивающія англійскую респектабельность. Для полноты англійскаго самосознанія нужна и твердая респектабельность массъ—и признаніе правъ націи на самобичеваніе, на злую сатиру: свобода и уваженіе человѣческой личности требуетъ и того, и другого. Поэтому-то, наряду съ Рёскиномъ, съ проповѣдью трезвости, съ любовью къ романамъ и пьесамъ съ „благополучной развязкой", пользуется большой популярностью и Бернардъ Шоу. Куда бы ни являлся этотъ остроумный соціалистъ-вегетаріанецъ для произнесенія рѣчей, на митингъ ли противъ вивисекціи, или на выставку „эксплуатаціи

труда“ (Sweated industries exhibition)—вслѣдъ за нимъ является самая фешенебельная публика—слушать, какъ ее вышучиваетъ талантливый сатирикъ. И Court Theatre, ставя его анти-общественныя комедіи, дѣйствуетъ, какъ это ни странно, совершенно въ духѣ англійской респектабельности; она вѣдь настолько увѣрена въ своей правотѣ, въ прочности своихъ устоевъ, что благодушно допускаетъ шутки нетерпѣливой молодежи, которая должна же погорячиться и поругаться на свободѣ: англичане вообще любятъ ругань; въ умѣренномъ количествѣ она кажется имъ очень гигіеничной и вполнѣ соотвѣтствующей идеалу джентльменства. Вотъ нѣкоторыя причины успѣха и Бернарда Шоу съ его пьесами, и нѣкоторыхъ другихъ постановокъ Court Theatre и другихъ „смѣлыхъ“ театровъ.

Но подобные эксперименты совершенно пропадаютъ въ массѣ пьесъ, которыя ставятся на всѣхъ остальныхъ сценахъ и пользуются дѣйствительнымъ успѣхомъ, т.-е. выдерживаютъ много сотъ представленій. Про драму или комедію только тогда говорятъ, что она имѣла успѣхъ, когда она въ теченіе двухъ сезоновъ шла безъ перерыва каждый вечеръ при полныхъ сборахъ. Только это и можетъ дѣйствительно возмѣстить огромные расходы англійскихъ постановокъ. Если на пьесу хорошо продаются только мѣста въ партерѣ, т.-е. если она привлекаетъ только интеллигентную публику, то она не будетъ долго держаться на сценѣ. Такой публики въ Лондонѣ, а тѣмъ болѣе въ провинціи, немного, и она вся успѣетъ перебывать въ театрѣ за мѣсяцъ или полтора, послѣ чего пьесу придется снять съ репертуара—задолго до того, какъ директоръ театра окупилъ свои расходы по постановкѣ. „Моя комедія,—говорилъ намъ одинъ извѣстный современный драматургъ,—шла семьдесятъ разъ; я считалъ это успѣхомъ, но директоръ театра называлъ это проваломъ. Толпѣ, т.-е. публикѣ галлерей и партера (pitt and gallery), она была не по вкусу,—а только эта публика рѣшаетъ судьбу пьесы, опредѣляетъ ея долголѣтіе“. Вотъ почему идутъ безъ конца на большихъ сценахъ такія пьесы, какъ „Одинокіе милліонеры“, „Левъ и мышка“ (исторія милліонера, попадающаго въ сѣти умной гувернантки), или „Батская красавица“ и безконечный рядъ комедій и фарсовъ „съ музыкой“, трогательно невинныхъ, но и абсолютно безсодержательныхъ; это теперь любимый жанръ въ Англіи.

Существуютъ, однако, въ современномъ англійскомъ репертуарѣ пьесы, занимающія середину между названными двумя категоріями. Это драмы и комедіи, задѣвающія современныя психологическія темы, не разсчитанныя на успѣхъ у публики; авторы подчиняются въ нихъ требованіямъ условной морали и вообще стараются не выходить за кругозоръ средней англійской публики въ разрѣшеніи жизненныхъ вопросовъ. Къ числу такихъ драматурговъ, занимающихъ видное по-

ложеніе и по литературности пьесъ, и по ихъ успѣху у публики, принадлежитъ прежде всего Пинеро. Онъ прославился своей эффектной драмой „Вторая м-ссъ Тэнкерей", вошедшей въ репертуаръ всѣхъ знаменитыхъ актрисъ: и Дузе, и Сарры Бернаръ, а у насъ Савиной и другихъ. Послѣ того онъ писалъ и продолжаетъ писать очень сценичныя пьесы — съ болѣе или менѣе интересными психологическими замыслами,—но съ чрезмѣрными уступками условной морали въ разрѣшеніи выдвинутыхъ вопросовъ.

Къ тому же разряду драматурговъ, какъ Пинеро, относится молодой писатель Альфредъ Сутро. Онъ принадлежитъ по своимъ литературнымъ вкусамъ къ молодому поколѣнію. Его главная заслуга въ этомъ смыслѣ — прекрасные переводы Метерлинка, котораго онъ всячески пропагандируетъ на англійской сценѣ. Духовная близость къ Метерлинку сказывается до нѣкоторой степени и въ томъ, что Метерлинкъ въ свою очередь написалъ интересное предисловіе къ одной изъ наиболѣе интересныхъ пьесъ Сутро, „The Cave of Illusion", — слишкомъ смѣлой по англійскимъ понятіямъ и потому еще не попавшей до сихъ поръ на сцену. Наряду со своимъ служеніемъ чисто литературнымъ и художественнымъ цѣлямъ, Сутро—авторъ множества пьесъ, преимущественно комедій, которыя пользуются большимъ успѣхомъ и въ Англіи, и въ Америкѣ. Это пьесы съ „благополучными развязками", не оскорбляющія ни въ какомъ отношеніи англійской щепетильности, но все же выдѣляющіяся изъ обычнаго репертуара своей несомнѣнной литературностью. Въ нихъ есть психологическое содержаніе, есть любопытство къ законамъ жизни. Во всѣхъ своихъ пьесахъ Сутро старается такъ или иначе, серьезно или юмористически, воплотить связь событій и переживаній съ силами жизни, съ мудростью міра, которая осуществляется — въ большомъ, какъ и въ маломъ — иногда наперекоръ человѣческимъ стараніямъ, иногда же совпадая съ стремленіями людей и создавая тѣмъ самымъ иллюзію воздѣйствія воли на судьбу.

Наиболѣе серьезно и наиболѣе художественно это отношеніе къ жизни и ея задачамъ проведено Сутро въ его драмѣ „Пещера иллюзій". Подъ этимъ аллегорическимъ названіемъ (оно звучитъ въ оригиналѣ не такъ безвкусно романтично, какъ по-русски) авторъ подразумѣваетъ жизнь: человѣкъ будто бы созидаетъ для себя законы жизни, а на самомъ дѣлѣ подчиняется правдѣ, которая выше его; она управляетъ имъ и создаетъ результаты его будто бы самовольныхъ поступковъ,—вотъ основная мысль его драмы. „Пещера иллюзій" интересна своей искренностью, т.-е. тѣмъ, что авторъ не придумываетъ рѣшающихъ формулъ, не даетъ категорическихъ отвѣтовъ. Онъ чувствуетъ, что каждое рѣшеніе жизненнаго вопроса, каждый выходъ изъ слож-

наго положенія, — вѣрны, но что столь же вѣрно будетъ и противоположное рѣшеніе; нѣтъ и не можетъ быть категорическихъ рѣшеній тамъ, гдѣ законы человѣческихъ желаній сталкиваются съ законами жизненно необходимаго, а въ этихъ столкновеніяхъ—все содержаніе жизни.

Приближаясь до нѣкоторой степени къ этому пониманію, Сутро ограничивается только тѣмъ, что ставитъ вопросы, возсоздаетъ драмы духа, но не даетъ отвѣтовъ и психологическихъ формулъ. Это только и цѣнно въ его пьесахъ — въ особенности въ „Пещерѣ иллюзій". Герой этой драмы, Давидъ Голисдэль, — писатель. Онъ талантливъ и не хочетъ зарыть свой талантъ въ землю; ему недостаточно того, что книги его имѣютъ успѣхъ и продажа ихъ обогащаетъ и его издателя, и его самого. Ему дѣйствительно хочется сказать нѣчто, научить другихъ тому, что̀ онъ самъ постигъ въ жизни. Онъ не сразу понялъ свою миссію, но, понявъ ее, задумалъ книгу, въ которую вкладываетъ всю душу. При этомъ онъ вдругъ, неожиданно для себя, оказывается въ антагонизмѣ со всѣмъ, что̀ до того составляло содержаніе его жизни. Борьба между проснувшимися неумолимыми требованіями духа и нравственными обязательствами относительно жизни составляетъ содержаніе драмы. Чувство долга привязываетъ Давида къ женѣ, хорошей женщинѣ, имѣющей всѣ нравственныя права на его привязанность; но свободная душа влечетъ его къ другой женщинѣ, той, которая стала его вдохновительницей, потому что она какъ магнитъ вытягиваетъ изъ человѣка все, что̀ въ немъ есть творческаго. Сначала Давидъ не чувствуетъ, что судьба завязала узелъ, который необходимо такъ или иначе распутать. Прежде, когда онъ писалъ книги, создавшія ему крупное имя, онъ читалъ каждую строчку до печати своей женѣ, руководствовался ея мнѣніемъ, видѣлъ въ ней дѣйствительную подругу жизни. Теперь же́, когда въ немъ совершился душевный переворотъ, когда литературное творчество стало для него выполненіемъ миссіи, а не путемъ къ славѣ, все измѣнилось. Онъ проводитъ дни у своего новаго друга — замужней женщины, открыто отвлекаетъ ее отъ всѣхъ ея знакомыхъ, занимая все ея время чтеніемъ всего, что̀ онъ пишетъ; но онъ совершенно не предполагаетъ, что своимъ духовнымъ общеніемъ съ Габріэлей нарушаетъ права своей жены или возбуждаетъ толки въ обществѣ. Габріэль съ своей стороны посвящаетъ себя всецѣло этой дружбѣ, не скрывая ее ни отъ кого, и вполнѣ солидарна съ Давидомъ въ его стремленіи не угождать вкусамъ публики, а творить свое, быть искреннимъ искателемъ истины. Она прямо говоритъ издателю Давида, что именно новая книга его—наиболѣе цѣнная, хотя и не можетъ разсчитывать на успѣхъ у публики, подобно прежнимъ.

Духовная близость Давида и Габріэли становится однако невозможной въ обычныхъ условіяхъ общественной жизни: Давиду приходится выбирать между долгомъ передъ жизнью, передъ женой—и долгомъ передъ собой, т.-е. тѣмъ, что̀ онъ считаетъ своей миссіей. Мужъ Габріэли уже давно совершенно равнодушенъ къ женѣ и предоставляетъ ей свободу, — но только настолько, чтобы отъ этого не страдала безупречность ея репутаціи какъ замужней женщины. Какъ только онъ узнаетъ, что въ обществѣ начинаютъ злословить относительно ея и Давида, онъ сейчасъ же отказываетъ послѣднему отъ дому. Давидъ возмущенъ, но увѣренъ, что положитъ конецъ всякой клеветѣ тѣмъ, что его собственная жена станетъ на сторону Габріэли. Габріэль, по просьбѣ Давида, приходитъ въ гости къ Кларѣ, женѣ Давида. Сцена между двумя женщинами, взрывъ необузданной ревности у Клары, наперекоръ ея твердому рѣшенію признать Габріэль членомъ ихъ семьи, — самая сильная въ драмѣ. Она написана очень жизненно и правдиво, съ тонкимъ анализомъ безсилія воли передъ стихіей чувства. Клара отказывается наотрѣзъ отплатить визитъ Габріэли, и вслѣдствіе этого для Давида и Габріэли прекращается возможность видаться. Но это только ускоряетъ развязку. Всякая духовная жизнь, всякая творческая работа становится тоже немыслимой для Давида внѣ общенія съ Габріэлью. Онъ перестаетъ писать, скрывая это, однако, отъ своей жены. Онъ жалѣетъ Клару, заболѣвшую отъ горя, не отходитъ отъ нея и старается забыть про свою дружбу съ Габріэлью. Клара счастлива. Ей кажется, что гроза миновала, что мужъ окончательно вернулся къ ней,—она увѣрена, что онъ работаетъ, не подозрѣвая, что у него не написано ни одной строчки съ тѣхъ поръ, какъ онъ перестадъ видаться съ Габріэлью. Наконецъ Давидъ, измученный своимъ духовнымъ одиночествомъ, не выдерживаетъ и уходитъ изъ дому. Онъ бродитъ около дома Габріэли, стоитъ на террасѣ, заглядывая въ комнату и не рѣшаясь войти. Габріэль, тоскующая въ разлукѣ съ Давидомъ, собирается какъ разъ принять приглашеніе одной изъ своихъ пріятельницъ и поѣхать погостить къ ней; но, замѣтивъ Давида на террасѣ, она отдѣлывается отъ пріятельницы и выходитъ къ своему другу на террасу. Въ эту минуту какъ разъ изъ внутреннихъ комнатъ выходитъ мужъ Габріэли. Увидавъ жену на террасѣ, рядомъ съ человѣкомъ, которому онъ отказалъ отъ дому, онъ закрываетъ передъ ними дверь въ домъ. Такимъ образомъ онъ рѣшаетъ за нихъ то, для чего у нихъ самихъ не хватало смѣлости. Эту сцену, это драматическое и вполнѣ жизненное воплощеніе силы, двигающей судьбами людей, Метерлинкъ особенно хвалитъ въ своемъ предисловіи къ пьесѣ. Она, дѣйствительно, производитъ сильное впечатлѣніе. Конецъ, послѣднее дѣйствіе, написано какъ

бы въ вопросительномъ тонѣ. Давидъ и Габріэль, отверженные, покинутые всѣми, живутъ во Франціи. Его книга закончена; она нравится издателю, т.-е., съ его точки зрѣнія, никуда не годится, и этотъ внѣшній успѣхъ не удовлетворяетъ его. Любовь къ Габріэли попрежнему сильна, но въ душѣ Давида заговорило и другое чувство: жалость къ Кларѣ; проснулись сожалѣнія и вопросъ о нравственномъ долгѣ. Давидъ—не изъ тѣхъ людей, которые свободно „переступаютъ предѣлы", и поэтому въ его лицѣ вопросъ не рѣшенъ; онъ самъ кажется скорѣе неудачникомъ, не имѣющимъ права подчинять себѣ обстоятельства. Но въ драмѣ Сутро интересно то, что поставленъ самый вопросъ—для современнаго англійскаго театра очень смѣлый,— и что показана въ дѣйствіи стихійная сила духа, управляющая поступками и ведущая къ цѣлямъ, которыя часто кажутся противорѣчащими непосредственнымъ интересамъ жизни.

Другія пьесы Сутро, написанныя въ иномъ тонѣ, въ духѣ легкихъ забавныхъ комедій, проводятъ, въ сущности, ту же основную идею, только приспособленную къ условіямъ сцены, къ требованіямъ большой публики. Комедія „Mollentrave on Women", вышедшая недавно въ печати, имѣла большой успѣхъ на сценѣ и является характернымъ образцомъ манеры Сутро. Въ центрѣ пьесы изображенъ „знатокъ женщинъ", Моллентрэвъ, который написалъ книгу о женщинахъ, о способахъ добиваться любви женщинъ, объ устройствѣ браковъ по любви и т. д. Все это—результатъ его многолѣтнихъ наблюденій, и онъ проводитъ свои принципы на практикѣ, увѣренный, что все совершается именно такъ, какъ онъ предусмотрѣлъ въ теоріи. Комическій узелъ пьесы заключается въ томъ, что Моллентрэвъ интригуетъ, выдумываетъ какія-то хитросплетенія и воображаетъ, что вліяетъ на событія, что комбинаціи его необыкновенно удачны. А въ дѣйствительности осуществляются логическіе законы жизни, не имѣющіе никакого отношенія къ комбинаціямъ „знатока женщинъ", и его конечное торжество обусловлено только тѣмъ, что по обычной человѣческой близорукости онъ приписываетъ себѣ все, что совершилось, въ сущности, вопреки его стараніямъ повліять на ходъ событій. „Матеріалъ", надъ которымъ экспериментируетъ „знатокъ женщинъ", состоитъ изъ четырехъ лицъ—двухъ мужчинъ и двухъ женщинъ. Это, во-первыхъ, дочь Моллентрэва, молодая вдова, лэди Клодъ, и сэръ Джозефъ, талантливый и немолодой членъ высшей магистратуры, политическій дѣятель съ высокимъ общественнымъ положеніемъ; затѣмъ—молодая дѣвушка, живущая въ домѣ сэра Джозефа, порученная его опекѣ его умершимъ другомъ, ея отцомъ, и молодой, только-что окончившій курсъ врачъ, племянникъ сэра Джозефа, Эверардъ. Естественно, что сэръ Джозефъ и лэди Клодъ составили одну пару, а юная Маргарита и Эверардъ—

вторую. Но въ простое дѣло жизни вмѣшивается многоопытный знатокъ женщинъ, и потому желаемый и естественный результатъ достигается лишь послѣ цѣлаго ряда трагикомическихъ осложненій, вызванныхъ именно стараніями Молентрава устроить то, что и устраивается въ концѣ концовъ помимо его. Маргарита, увлеченная краснорѣчіемъ сэра Джозефа—она слышала его на судѣ,—восторгаясь его талантомъ, ослѣпленная его положеніемъ въ обществѣ, воображаетъ, что влюблена въ него. Она пристаетъ къ нему со всяческими знаками своего расположенія, приноситъ въ его комнату цвѣты (по его мнѣнію, это значитъ приводить въ безпорядокъ его кабинетъ) и не замѣчаетъ, какъ его тяготитъ ея общество. Сэру Джозефу, какъ старому холостяку, очень неудобно присутствіе барышни въ домѣ и связанная съ этимъ отвѣтственность; ему хотѣлось бы какъ можно скорѣе выдать ее замужъ. Есть для нея подходящій женихъ—Эверардъ, но сэръ Джозефъ, по неопытности, совершенно не знаетъ, какъ способствовать браку очень подходящихъ другъ къ другу дѣвушки и юноши. Моллентрэвъ, которому сэръ Джозефъ говоритъ о своемъ тяжеломъ положеніи опекуна, берется все устроить—на то онъ „знатокъ женщинъ“, чтобы все пошло какъ по писаному. Въ помощницы призывается также дочь Моллентрэва, лэди Клодъ; въ нее сэръ Джозефъ былъ влюбленъ еще до ея перваго брака, и продолжаетъ попрежнему любить ее. Нужно прежде всего поговорить съ молодыми людьми. Съ Эверардомъ разговоръ очень несложенъ. Онъ при первомъ намекѣ признается въ своей пламенной любви къ Маргаритѣ, но изъ робости не рѣшается сдѣлать ей самъ предложеніе. Сэръ Джозефъ тоже слишкомъ неопытенъ въ этихъ дѣлахъ, но ихъ выручаетъ Моллентрэвъ. Онъ—„знатокъ женщинъ“, онъ поговоритъ съ Маргаритой и подготовитъ почву для Эверарда. Всѣ очень довольны; Моллентрэвъ говоритъ съ Маргаритой въ присутствіи безмолвнаго сэра Джозефа, который только взглядами подтверждаетъ всѣ слова „знатока женщинъ“. Но результатъ получается самый непредвидѣнный. Маргарита съ радостью даетъ согласіе, увѣренная, что руки ея добивается сэръ Джозефъ. Когда Эверардъ приходитъ къ Маргаритѣ, она уже ему твердо отказываетъ, заявляя, что она—невѣста сэра Джозефа. Такая путаница не смущаетъ Моллентрэва. Онъ увѣренъ въ самомъ лучшемъ исходѣ,—нужно только, чтобы сэръ Джозефъ, съ согласія лэди Клодъ, разыгралъ роль жениха и надоѣлъ Маргаритѣ, притворяясь немощнымъ старикомъ. Это положеніе создаетъ рядъ очень забавныхъ сценъ, осложненныхъ тѣмъ, что лэди Клодъ—тоже по системѣ Моллентрэва—кокетничаетъ слегка съ Эверардомъ и настолько влюбляетъ его въ себя, что Маргарита начинаетъ невольно ревновать. Въ концѣ концовъ все разъясняется: Маргарита и Эверардъ понимаютъ, что лю-

бятъ другъ друга и рѣшаются наконецъ объявить объ этомъ старшимъ, рискуя, какъ они думаютъ, страшно ихъ этимъ огорчить. Огорченія, однако, никакого нѣтъ, такъ какъ сэръ Джозефъ и лэди Клодъ съ своей стороны ищутъ только возможности освободиться отъ обязательствъ относительно молодежи и даже готовы сбѣжать отъ нихъ. Все кончается благополучно, и Моллентрэвъ увѣренъ, что счастье двухъ любящихъ паръ—дѣло его рукъ, его знанія женщинъ. Въ общемъ получается забавный водевиль, но съ серьезной мыслью о власти высшихъ стихійныхъ силъ въ жизни.

Въ настоящее время на одной изъ лондонскихъ сценъ идетъ другая пьеса Сутро, „Обольстительный м-ръ Вандервельде“,—тоже легкая комедія. Но и въ ней авторъ показываетъ въ легкой формѣ власть жизни, разбивающей интриги. Въ комедіи вышучивается свѣтскій баловень, козни котораго оказываются безсильными, когда они направлены противъ женщины съ прямой натурой и яснымъ умомъ; ее онъ не можетъ заманить въ свои сѣти, какъ обычныхъ свѣтскихъ куколъ. Героиня комедіи—молодая вдова, у которой очень много ухаживателей. „Обольстительный м-ръ Вандервельде“, котораго она вышучиваетъ, поклялся жениться на ней и не стѣсняется средствами, чтобы добиться ея руки. Онъ придумываетъ цѣлую интригу, чтобы скомпрометировать ее: уѣзжаетъ съ ней на автомобилѣ, подстраиваетъ несчастный случай, такъ что они должны провести вмѣстѣ внѣ дома матери вдовы цѣлыя сутки. Она скомпрометирована, тѣмъ болѣе, что изъ упрямства отказывается давать какія-либо объясненія, вернувшись домой; всѣ рѣшаютъ, что она должна выйти замужъ за Вандервельде, хотя онъ и нежелательный женихъ. Но она отказывается—и выходитъ за благороднаго полковника, котораго давно любила. Онъ одинъ къ тому же не считаетъ ее скомпрометированной и не требуетъ объясненій. Свѣтская интрига мелкаго донъ-Жуана, основанная на англійскихъ предразсудкахъ, развѣялась по вѣтру подъ вліяніемъ искреннихъ чувствъ двухъ просто смотрящихъ на жизнь людей. Комедія изобилуетъ комическими положеніями, забавными сценами (напр., въ деревенской гостинницѣ, куда попадаетъ вдова со своимъ ухаживателемъ послѣ несчастія съ автомобилемъ) и т. д. Въ этой пьесѣ, какъ и въ другихъ, Сутро обнаружилъ пониманіе сцены, остроуміе діалога и другія чисто литературныя качества. Онъ сообразуется со вкусами публики, имѣетъ въ виду „любимые“ предразсудки англійскаго общества, но замыслы его литературны, что̀ выгодно выдѣляетъ его изъ общей массы англійскихъ драматурговъ, подвизающихся на лондонскихъ сценахъ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюня 1906.

Открытіе Государственной Думы.—Впечатлѣнія первыхъ дней.—Пренія по аграрному вопросу.—Нежелательные пріемы партійной борьбы.—Первые запросы.—Допустима ли для Думы забастовка?—Тонъ деклараціи министерства.—Иллюстрація къ „диктатурѣ пролетаріата".—И. С. Соколовъ †.

Навѣрное, никогда невиданную картину представляли собою залы Зимняго дворца 27-го апрѣля. Не туалеты дамъ, не залитые золотомъ мундиры и не украшенные боевыми наградами высшіе и низшіе чины войска приковывали всеобщее вниманіе. И даже не національные костюмы, не крестьяне—великороссы и малороссы, литовцы, поляки, татары. Всевозможные живописные кафтаны въ стѣнахъ Зимняго дворца бывали не разъ... Въ нихъ не бывали только черные фраки, сюртуки и пиджаки, надѣтые на плечи людей, которые до этого дня, подъ придворнымъ угломъ зрѣнія, если не всѣ поголовно считались формально преступными, то всѣ — „неблагонадежными". И эти люди — что-то среднее между „вѣрноподданными" и открытыми „внутренними врагами" — пришли не одинъ, не два, а пришли въ числѣ сотенъ. Пришли и составили одну массу съ крестьянами въ національныхъ одеждахъ, съ двумя-тремя православными священниками, съ католическими ксендзами и съ представителями родового и служилаго дворянства. Пришли, какъ выбранные народомъ „лучшіе люди", для того, чтобы раздѣлить съ Царемъ бремя власти и бремя отвѣтственности... Присутствующими придворными не могло не чувствоваться, что съ приходомъ во дворецъ этой чуждой дворцу массы прошлое—однимъ столь любезное, другимъ, быть можетъ, тяжелое, но всѣмъ равно привычное—должно неизбѣжно оборваться. На лицахъ, мимо которыхъ дефилировали члены Думы изъ николаевскаго зала въ георгіевскій тронный, не столько видѣлось изумленіе и любопытство, сколько отражалась мучительная работа мысли надъ роковымъ вопросомъ: что̀ тутъ будетъ?

Къ часу дня, по Морской, Невскому, черезъ площадь и по набережной Невы тянулись вереницы извозчичьихъ дрожекъ и пѣшеходовъ, обгоняемые каретами и колясками. Не обгоняемые вглядывались въ лица обгоняющихъ, а наоборотъ. Изъ рѣдкаго окна кареты не выглядывало внимательныхъ глазъ. И публика, стоявшая на панеляхъ, не замѣчая каретъ и колясокъ, слѣдила за дрожками и пѣшеходами, называя имена, до сихъ поръ бывшія извѣстными по литературѣ, по митингамъ, пожалуй по преслѣдованіямъ со стороны администраціи,

но уже никакъ не по участію въ рѣшеніи судебъ государства и въ высшемъ управленіи... За іорданскимъ подъѣздомъ придворные и полицейскіе чины предупредительно-вѣжливо повѣряли входные билеты и направляли на величественную лѣстницу. Въ залѣ входившіе поступали въ распоряженіе церемоніймейстеровъ съ жезлами. По стѣнамъ николаевскаго зала стояли почетные караулы отъ военно-учебныхъ заведеній. Любители остротъ говорили, что это сдѣлано умышленно: изъ вниманія къ „кадетамъ".

Среди оппозиціоннаго большинства членовъ Думы, до болѣзненности недовѣрчиво настроеннаго въ отношеніи бюрократіи и двора, передавались опасенія, что во время церемоніи распредѣленіемъ мѣстъ для присутствующихъ будетъ подчеркнута второстепенная роль народныхъ представителей. Говорили, что на первыхъ мѣстахъ вблизи трона будутъ стоять члены государственнаго совѣта, министры, генералитетъ, а что членамъ Думы придется затеряться въ глубинѣ залы. Опасенія не оправдались. Распорядители торжества, напротивъ, сумѣли ясно показать, что Государь призвалъ выборныхъ представителей народа, чтобы имъ непосредственно сказать слово привѣтствія. Для членовъ Думы была отведена цѣлая половина зала, тогда какъ на другой половинѣ, имѣя передъ собой духовенство и пѣвчихъ, стояли и члены государственнаго совѣта, и сенаторы, и свита, и военные генералы... Въ ожиданіи начала церемоніи, столичные депутаты удовлетворяли любопытство провинціальныхъ, показывая и называя по фамиліямъ сановниковъ. Особенно интересовались провинціалы видѣть своими глазами дѣятелей послѣдняго времени — графа Витте, П. Н. Дурново и генерала Трепова. Одинъ священникъ все просилъ ему показать К. П. Побѣдоносцева и выражалъ недоумѣніе, что среди духовенства нѣтъ о. Іоанна Кронштадтскаго. Съ противоположной стороны зала еще съ бо̀льшимъ интересомъ, навѣрное, вглядывались въ лица членовъ Думы. Никто только не могъ въ той же мѣрѣ удовлетворять любопытство. Эта сторона имѣла передъ собой людей будущаго, прозрѣвать которое смертнымъ не дано. А передъ пришедшими впервые во дворецъ стояли законченные образы людей настоящаго, наканунѣ его обращенія въ прошлое...

Пронесли регаліи, вошли Государь и Императрицы. Началось молебствіе. Многіе ли молились? Слишкомъ неотступно у всѣхъ работала мысль надъ разгадкой раскрывающагося новаго и неизвѣстнаго, чтобы возможно было отрѣшаться отъ реальной жизни и подниматься надъ нею въ высь неземного... Больше всѣхъ, конечно, испытывалъ всю важность минуты Тотъ, кто до этого дня былъ единымъ повелителемъ народа и единымъ отвѣтчикомъ за судьбы народа передъ Богомъ — Тотъ, за кѣмъ стояли долгіе вѣка неограниченной власти съ

неразрывной преемственностью помазанія на царство... Онъ снималъ съ себя часть бремени отвѣтственности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и уступалъ часть данной Богомъ власти. Онъ дѣлалъ это для блага народа. Наступитъ ли оно?... Онъ стоялъ спокойно... Взоръ не могъ оторваться отъ лица, стоявшаго рядомъ. За внѣшнимъ спокойствіемъ виднѣлись на этомъ лицѣ муки тревоги любящей души, нечеловѣческія страданія, ужасъ. Съ такимъ выраженіемъ глазъ стоятъ предъ неизбѣжно-роковой страшной и громадной опасностью не для себя, а для дорогого, близкаго, любимаго... Этого выраженія нельзя забыть... Кто видѣлъ его, у того оно врѣзалось въ память на всю жизнь... Хотѣлось закричать слово успокоенія. Хотѣлось сказать: „мы не враги, не изверги; не для злого дѣла мы пришли; насъ привело горячее желаніе добра, покоя и счастія народа, насъ привело сознаніе, что иначе нельзя, и искренняя вѣра, что станетъ лучше"...

Тронная рѣчь произвела сильное впечатлѣніе. Но извѣрившійся умъ не спѣшилъ ему отдаться. Извѣрившійся умъ боялся сразу рѣшить, такъ ли онъ воспринялъ сказанныя слова, нѣтъ ли въ нихъ скрытаго, недоговореннаго смысла. Раздалось „ура"... Регаліи двинулись обратно. За ними — Государь, великіе князья и княгини, свита и придворные... Церемонія окончилась. Народные представители направились къ выходу... Говорятъ, что на набережной противъ дворца стояла толпа искусственная—агенты охраны и дворники по особымъ билетамъ. Если — да, то и ихъ, значитъ, захватило величіе минуты. Толпа привѣтствовала членовъ Думы и провожала восторженными кликами до пароходной пристани... Одинъ за другимъ стали отходить по Невѣ къ Таврическому дворцу пароходы. Со всѣхъ мостовъ встрѣчали ихъ привѣтствія уже настоящей толпы. Изъ оконъ домовъ махали платками... Угрюмые разгрузчики барокъ оставляли работу и снимали шапки. Когда пароходы проходили мимо Выборгской тюрьмы, во всѣхъ безчисленныхъ окнахъ появлялись бѣлые платки... Въ общемъ гулѣ привѣтственныхъ возгласовъ явственно выдѣлялось слово: „амнистія"... Отъ пристани у городского водопровода первымъ избранникамъ народа приходилось пробираться сквозь густые ряды мужчинъ, женщинъ, офицеровъ, студентовъ, рабочихъ и грубо и изящно одѣтыхъ людей всякаго званія и возраста, еле сдерживаемые полиціей. Здѣсь депутатамъ пожимали руки и ихъ обнимали. Здѣсь былъ неподдѣльный бурный восторгъ и здѣсь уже могучими раскатами воздухъ оглашался крикомъ: „амнистія"... Массамъ всегда нуженъ внѣшній символъ. Массы хотѣли, чтобы 27-ое апрѣля было концомъ прошлаго, и лучшимъ символизированіемъ конца, конечно, ничто иное не могло служить, какъ широкая, полная, всепрощающая ликвидація счетовъ стараго строя съ тѣми, кто во имя готовящагося наступить новаго

уклада жизни въ пылу борьбы перешелъ грани формальнаго закона...

Въ большой залѣ Таврическаго дворца опять служили молебствіе. Здѣсь крестьяне-депутаты были „дома", у себя. Они густой стѣной окружали духовенство и искренно, горячо молились. Отвыкшіе молиться ходили, стояли, сидѣли. Чувствовалось утомленіе... Сейчасъ должно открыться первое засѣданіе. Сейчасъ долженъ наступить моментъ, за которымъ возврата нѣтъ и быть не можетъ. Что̀ наступитъ: начало ли конца или конецъ начала? Начало ли конца кроваваго зарева революціи положитъ день 27-го апрѣля? Или имъ кончится начало попытки мирнаго рѣшенія историческаго кризиса, высоко поднявшаго на поверхность и обнажившаго вѣками копившіяся несправедливость, горе и нужду?... Что̀ ждетъ изстрадавшуюся страну? Что̀ ждетъ только въ надеждѣ на Думу затихшую народную бурю? Справятся ли посланные народомъ представители съ невѣроятно тяжелой задачей? Хватитъ ли у нихъ силъ, умѣнья, спокойствія и выдержки? Удастся ли имъ сломить внѣшнія препятствія? Или имъ суждено погибнуть отъ руки палача? Ужели ничто не предотвратитъ пугачевщины?!.. Отъ этихъ мыслей безконечно трудно было отрѣшиться...

Четырнадцать лѣтъ тому назадъ, въ годовомъ собраніи петербургскаго юридическаго общества, А. Ѳ. Кони дѣлился воспоминаніями и впечатлѣніями о первыхъ дняхъ судебной реформы. Въ печати не разъ появлялись также статьи и разсказы другихъ авторовъ, посвященные этимъ памятнымъ днямъ. Слушать и читать воспоминанія, какъ велись первыя публичныя засѣданія судовъ, особенно съ участіемъ впервые занявшихъ свои скамьи присяжныхъ засѣдателей, какъ длинно и съ постоянными отступленіями въ область общихъ вопросовъ и теоретическихъ разсужденій говорили прокуроры и защитники, какъ неувѣренны были предсѣдатели—чрезвычайно любопытно. Получается впечатлѣніе чего-то неумѣлаго, порой безпомощнаго и суетливаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ священнодѣйственнаго. За сорокъ лѣтъ сложились судебные обычаи, выработались традиціи и привычки и появилась рутина, со всѣми ея положительными и отрицательными сторонами. Въ первые же дни былъ только законъ, буква котораго не можетъ различать наиболѣе важнаго отъ второстепеннаго, и который никогда не въ силахъ раскрыть тайну воздѣйствія на чужую мысль.

Такъ, навѣрное, черезъ десятки лѣтъ будутъ вызывать въ новомъ поколѣніи удивленіе, граничащее съ усмѣшкой, отчеты о первыхъ шагахъ Государственной Думы. Дай только Богъ, чтобы они не вызывали сожалѣнія о скоро утраченномъ благоговѣйномъ отношеніи къ

дѣлу... Пока такое отношеніе несомнѣнно есть. Оно выражается въ посѣщеніи засѣданій всѣмъ наличнымъ составомъ Думы, во вниманіи, съ которымъ выслушиваются каждая рѣчь и каждое заявленіе, въ обдумываніи списка лицъ, предлагаемыхъ къ избранію въ коммиссіи, и т. д. Но на-ряду съ нимъ и отсутствіе обычаевъ и привычекъ даетъ себя чувствовать. Какъ отдѣльные ораторы, такъ нерѣдко и вся Дума, не могутъ забыть, что засѣданіе Государственной Думы не митингъ, и что принимаемыя Думою рѣшенія ничего не имѣютъ общаго по значенію, а потому и не могутъ быть повтореніемъ, по содержанію и по формѣ, резолюцій и постановленій всевозможныхъ митинговъ, собраній и съѣздовъ. Безконечно много времени уходитъ на общія разсужденія и на произнесеніе болѣе или менѣе талантливыхъ или болѣе или менѣе безталанныхъ зажигательныхъ рѣчей.

Справедливость, впрочемъ, требуетъ отмѣтить, что послѣднихъ гораздо меньше, чѣмъ первыхъ. Откуда что взялось! Неумѣнье наше, русскихъ, говорить считалось всегда избитой истиной. Оказывается, что намъ только негдѣ было говорить. Какъ полтора года освободительнаго движенія дали высокую степень политической зрѣлости всѣхъ классовъ населенія, не исключая крестьянства, такъ менѣе года участія на митингахъ и въ собраніяхъ выработали ораторовъ. Но слѣды дурной школы, конечно, съ переходомъ съ митинга въ Думу сразу исчезнуть не могли. Фразистая крикливость формы и бойкость мысли въ ущербъ ея продуманной обоснованности — вотъ основныя черты весьма многихъ рѣчей. Къ сожалѣнію, „митинговые“ ораторскіе пріемы принесли съ собою въ Думу и нѣкоторые изъ тѣхъ, кто задолго до начала движенія пользовались извѣстностью краснорѣчивыхъ ораторовъ—въ судѣ, въ земскихъ собраніяхъ и на профессорской каѳедрѣ. Что касается предложеній, дѣлаемыхъ съ трибуны, то они зачастую сводятся къ требованію постановить или вынести резолюцію, безъ указанія, къ кому, зачѣмъ и какъ направить резолюцію или постановленіе. И предсѣдателю не разъ приходилось разъяснять, что парламенты ничего въ пространство не постановляютъ.

Отсутствіе установившихся парламентскихъ нравовъ рѣзко проявлялось въ первые дни въ дѣйствіяхъ партій, особенно въ пріемахъ партіи конституціоналистовъ-демократовъ, единственно крупной и сплоченной въ Думѣ. Эти пріемы, быть можетъ не всегда сознательно для примѣнявшихъ ихъ, явно обнаруживали, въ глазахъ сторонняго наблюдателя, стремленіе къ диктаторскому господству. Въ первое дѣловое засѣданіе, 29 апрѣля, однимъ изъ членовъ партіи было внесено предложеніе о порядкѣ избранія товарищей предсѣдателя Думы, секретаря и его товарищей, причемъ „попутно“ проектировалось распредѣленіе обязанностей между товарищами предсѣдателя и секретаря. Прочи-

танное передъ четырьмя стами пятьюдесятью лицами, предложеніе естественно — какъ ни маловажно оно было — вызвало желаніе отнестись съ сознаніемъ и съ добросовѣстностью къ голосованію каждаго изъ его девяти параграфовъ. Открылись пренія, стали высказываться сомнѣнія и посыпались поправки. Очень скоро сдѣлалось очевидно, что главная цѣль предложенія—ускорить мѣшкотный порядокъ двойного избранія, записками и шарами,—не можетъ быть достигнута, ибо на споры о способѣ выигрыша времени уйдетъ больше часовъ, чѣмъ на соблюденіе требованія закона. Пришлось предложеніе снять. Но прежде, чѣмъ это сдѣлать, „кадеты" пытались бесѣдами въ кулуарахъ убѣдить возражавшихъ отказаться отъ сомнѣній и поправокъ, повѣривъ имъ на слово, что предложеніе практично и что лучшаго порядка выборовъ, чѣмъ предлагаемый, не выдумать. Какъ аргументъ, приводилось то, что „мы" предложеніе уже обсуждали и приняли.

То же повторялось затѣмъ не разъ и особенно рѣзко проявилось въ отношеніи внесеннаго сорока двумя членами партіи предложенія образовать коммиссію для разработки и представленія Думѣ законопроекта по земельному дѣлу. Авторы предложенія включили въ заявленіе предположенія о рѣшеніи аграрнаго вопроса, принятыя на апрѣльскомъ съѣздѣ конституціонно-демократической партіи, и, ссылаясь на то, что они просятъ передать заявленіе въ коммиссію лишь какъ матеріалъ, потребовали образованія коммиссіи вовсе безъ предварительнаго обмѣна мнѣній по существу вопроса. Дума не согласилась, и это вызвало, конечно, опять въ кулуарахъ, упреки по адресу наиболѣе рѣшительно возражавшихъ противъ молчаливаго образованія коммиссіи въ намѣренномъ затягиваніи такого исключительно важнаго дѣла.

Мы не склонны становиться на скользкій путь разгадыванія тайныхъ партійныхъ замысловъ и готовы вѣрить, что партія въ данномъ случаѣ отнюдь не имѣла въ виду обезпечить торжество своимъ воззрѣніямъ. Мы согласны, что многое изъ того, что̀ говорило̀сь въ продолженіе нѣсколькихъ дней въ Думѣ, было бы высказано въ коммиссіи. Но для насъ несомнѣнно, что въ теченіе неизбѣжно долгаго времени коммиссіонной работы все общество было бы подъ впечатлѣніемъ единодушнаго отношенія Думы къ главнымъ основамъ рѣшенія аграрнаго вопроса и именно въ смыслѣ кадетской партійной программы. И коммиссія приступила бы къ занятіямъ подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ. Наконецъ, самый выборъ коммиссіи, при незнакомствѣ членовъ Думы другъ съ другомъ и при незнаніи, кто какихъ взглядовъ держится по вопросу, былъ бы произведенъ въ свѣтлую лишь для партіи, а для непринадлежащихъ къ ней онъ былъ бы совершенно случайнымъ. Подписи подъ предложеніемъ создали бы естественное пред-

ставленіе о подписавшихся, какъ о лицахъ, болѣе другихъ изучавшихъ вопросъ, и не было бы ничего страннаго, еслибы при всѣхъ способахъ избранія именно изъ нихъ сложилось большинство коммиссіи. Такимъ образомъ, даже помимо воли руководителей партіи, партійныя воззрѣнія получили бы большіе шансы на торжество.

Пренія, между тѣмъ, показали, что Дума единодушно относится только къ одному: къ принципу принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ и другихъ разнаго наименованія земель въ пользу крестьянъ и вообще лицъ, обрабатывающихъ землю своимъ трудомъ. Во всемъ же остальномъ существуетъ самое крайнее различіе взглядовъ, начиная отъ требованія безвозмезднаго отчужденія всѣхъ земель и вплоть до возмездной уступки отрѣзковъ, необходимыхъ для нуждъ ближайшихъ къ отчуждаемой землѣ крестьянъ. Изъ преній выяснилось, что среди самихъ членовъ конституціонно-демократической партіи нѣтъ единства въ отношеніи формы передачи крестьянамъ земли— въ пользованіе или въ собственность.

Сообразно съ этимъ оказалось, что идея образованія государственнаго земельнаго запаса далеко не такъ популярна, какъ можно было ранѣе думать. Всѣ представители польскихъ, остзейскихъ, западныхъ и малороссійскихъ губерній категорически высказывались противъ нея, утверждая, что мѣстное сельское населеніе полученіемъ земли на арендномъ правѣ удовлетворено не будетъ. Тѣ же представители раскрыли весьма важную обратную сторону системы образованія единаго для всей имперіи земельнаго запаса. Необходимость эксплоатаціи запаса повлечетъ немедленную организацію переселенія на свободныя земли, которыя въ настоящій моментъ будутъ за предѣлами нормъ потребности мѣстнаго населенія. Въ минскую, напримѣръ, губернію вольется избытокъ землепашцевъ изъ тульской или курской. Но когда, черезъ 20—40 лѣтъ, вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, мѣстнымъ бѣлоруссамъ станетъ тѣсно, то для нихъ не окажется иного исхода, какъ бросать вѣками насиженныя мѣста и идти куда-либо на востокъ. Удовлетворивъ справедливости въ данный моментъ, система, слѣдовательно, тѣмъ самымъ нарушитъ ее въ близкомъ будущемъ. И нарушитъ весьма грубо, такъ какъ приведетъ къ нивеллировкѣ и подавленію культурно-національныхъ особенностей.

Съ другой стороны, однако, пренія же показали полную невозможность признать установленіе способовъ рѣшенія аграрнаго вопроса дѣломъ не обще-государственнымъ, а всецѣло мѣстнымъ, на чемъ такъ упорно настаиваютъ представители царства польскаго и юго-западнаго края. Ихъ страстность и готовность идти на все, только бы

не допустить опредѣленія обязательныхъ для всей страны началъ земельной реформы, даютъ полное основаніе опасаться, что, если окажется малѣйшая возможность, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ реформа будетъ сужена до послѣдней степени. Словомъ, пренія были утомительны и безполезны только для узко-партійныхъ доктринеровъ, надѣвшихъ на себя шоры программъ, принесенныхъ со съѣзда и изъ клуба и составленныхъ безъ выслушанія людей другого образа мыслей. Коммиссіи же они не позволятъ отнестись къ вопросу односторонне.

При преніяхъ по аграрному вопросу Думѣ довелось выслушать отправныя положенія, которыхъ держится правительство. Ихъ подробно развивали въ засѣданіяхъ 19 и 23 мая главноуправляющій землеустройствомъ и земледѣліемъ г. Стишинскій и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ г. Гурко. Первый началъ съ оригинальнаго полемическаго пріема. Онъ разобралъ дѣйствующія статьи гражданскихъ законовъ и положеній о крестьянахъ и изъ текста ихъ вывелъ „полную неправильность юридической постановки началъ“, предложенныхъ въ заявленіи 42 членовъ Думы. Этотъ пріемъ былъ обычнымъ средствомъ междувѣдомственной полемики передъ прежнимъ государственнымъ совѣтомъ. Его принесъ г. Стишинскій и въ Думу, очевидно полагая, что и на народныхъ представителей можно воздѣйствовать страхомъ противорѣчія между законодательнымъ предположеніемъ и тѣми законами, которые это предположеніе имѣетъ въ виду отмѣнить или измѣнить. Да какъ же тутъ не быть противорѣчію? И можно ли людей, желающихъ отмѣны дѣйствующаго закона и, слѣдовательно, признающихъ заключающіяся въ немъ нормы неправильными, убѣдить въ невѣрности предложенной ими новой юридической конструкціи ссылкою на старую? Далѣе г. Стишинскій развивалъ идею интенсификаціи хозяйства, признавая ее единственнымъ способомъ коренного разрѣшенія аграрнаго вопроса. На той же точкѣ зрѣнія отчасти стоялъ и г. Гурко. Въ основу своихъ соображеній онъ положилъ слѣдующія цифровыя данныя. Всей удобной земли въ губерніяхъ Европейской Россіи имѣется 318 милліоновъ десятинъ. Изъ нихъ 109 милліоновъ находятся въ губерніяхъ архангельской, вологодской, олонецкой, вятской и пермской, т.-е. въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ условія для занятія земледѣліемъ хуже, чѣмъ во всей остальной Россіи, и даже хуже, чѣмъ во многихъ мѣстахъ Сибири. Остается 209 милліоновъ десятинъ. Изъ нихъ 91 милліонъ надѣльной земли и 118 милліоновъ всѣхъ иныхъ земель, въ томъ числѣ 19 милліоновъ крестьянской купчей земли, 56 милліоновъ находятся подъ лѣсомъ и лишь остатокъ въ 43 милл. составляетъ ту удобную землю, которая принадлежитъ церквамъ, монастырямъ, удѣламъ, кабинету, крестьянамъ, частнымъ собственникамъ, государству.

Иначе говоря, при полномъ, абсолютномъ, отчужденіи имѣется всего на всего 43 милл. десятинъ на 44 милл. душъ населенія. Такимъ образомъ, на каждую душу приходится немногимъ менѣе 1 десятины. Если присоединить сюда крестьянскую купленную и надѣльную земли, то получится всего 4 десят. на душу. „Очевидно—вывелъ изъ послѣдней цифры ораторъ —этого недостаточно". Затѣмъ онъ продолжалъ: „Вотъ результатъ провозглашенія того принципа, что земля должна принадлежать трудящемуся населенію. Этотъ принципъ приведетъ къ тому, что крестьяне, которые обладаютъ болѣе 4 дес. земли, должны будутъ весь свой излишекъ уступить другимъ крестьянамъ. Я говорю это, поскольку имѣю въ виду чисто-землевладѣльческое населеніе, но записка гг. 42 членовъ Думы говоритъ о надѣленіи и тѣхъ крестьянъ и рабочихъ, которые покинули землю въ силу различныхъ условій, но желаютъ къ ней вернуться". Затѣмъ г. Гурко разбиралъ предложеніе съ точки зрѣнія соціализма и упрекалъ его авторовъ въ недоговоренности и половинчатости проектируемыхъ мѣропріятій. Вслѣдъ за упрекомъ былъ сдѣланъ и намекъ. „Я убѣжденъ, что если встать на личную точку зрѣнія землевладѣльцевъ, то исходъ, предлагаемый въ запискѣ 42 членовъ Думы, представляется для нихъ очень выгоднымъ. Что предлагается въ запискѣ? Купить у помѣщиковъ землю по справедливой оцѣнкѣ! Да они всѣ къ этому стремятся! Врядъ ли кто-нибудь скажетъ, что владѣніе землей представляетъ теперь больше удобствъ, чѣмъ владѣніе деньгами. Что касается усадебъ, къ которымъ у помѣщиковъ можетъ сохраниться личное чувство, личная привязанность, то вѣдь усадьбы имъ оставляютъ. Итакъ, для помѣщиковъ эта реформа не страшна. Не для нихъ она тлетворна и пагубна, а для всей Россіи, и прежде всего для сельскихъ народныхъ массъ. Не землевладѣльцевъ вы обездолите, а тѣхъ самыхъ крестьянъ, о которыхъ вы заботитесь. Землевладѣльцевъ приходится теперь убѣждать не въ томъ, чтобы они разставались съ своими имѣніями, а въ томъ, чтобы они не разставались съ ними, въ томъ, что ихъ патріотическій долгъ—сохранять свою землю и вкладывать въ нее свои средства".

Сильную рѣчь въ отвѣтъ произнесъ г. Герценштейнъ, искусно парировавшій игру со средними цифрами. „Вы насчитали,—говорилъ онъ, —43 милл. десятинъ и заявляете: подѣлимъ равномѣрно среди всѣхъ крестьянъ и на душу выйдетъ одна десятина. Вѣдь это ариѳметика. Вы говорите о политической экономіи, и еслибы вы сколько-нибудь внимательно отнеслись къ вопросу, то отбросили бы ариѳметику. Для этого нужно имѣть познанія четырехъ правилъ ариѳметики и больше ничего, а отъ государственныхъ людей мы можемъ требовать большаго". Шагъ за шагомъ разбивалъ г. Герценштейнъ доводы

представителей правительства и закончилъ словами: ...„народъ разберетъ, гдѣ землею пахнетъ и гдѣ земли не даютъ“...

Мы отмѣчали неправильность пріемовъ конституціонно-демократической партіи въ Думѣ отнюдь не въ цѣляхъ дискредитированія принциповъ, на которыхъ объединились вошедшія въ ея составъ лица. Эти принципы почти совпадаютъ съ тѣми, которые всегда проводилъ и которыхъ нынѣ держится нашъ журналъ. Они намъ дороги не меньше. Но именно поэтому мы желали бы, чтобы средства ихъ проведенія были безупречны, ибо въ безупречности средствъ парламентской борьбы—одинъ изъ вѣрнѣйшихъ залоговъ успѣха.

По нашему мнѣнію, партіи на первыхъ порахъ не удалось справиться съ выпавшей на ея долю задачей. Люди, всегда бывшіе въ рядахъ критикующей оппозиціи, вдругъ оказались въ положеніи руководящаго парламентскаго большинства. Критиковать этому большинству въ первые дни засѣданій Думы было рѣшительно нечего, потому что министерство сразу отказалось отъ иниціативы—къ открытію Думы имъ не было изготовлено и не было внесено ни одного законопроекта. Только въ засѣданіи 13-го мая, когда правительство представило свою декларацію, была благодарная почва для критики, и ею „кадеты“ умѣло воспользовались. Во всѣхъ же другихъ разсматривались предложенія, проекты и запросы, редактированные и одобренные въ клубѣ на Сергіевской. Весьма откровенна и характерна была рѣчь представителя Одессы, Е. Н. Щепкина, во время преній объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь. Хотя проектъ адреса былъ представленъ коммиссіей, имѣвшей въ своемъ составѣ далеко не однихъ „кадетовъ“ и во многомъ измѣнившей первоначальный набросокъ, но ораторъ съ этимъ не считался и, рекомендуя принять проектъ, называлъ его „нашъ“. Въ его сознаніи, очевидно, сильнѣе всего запечатлѣлись сужденія, происходившія въ клубѣ; тамъ было настоящее обсужденіе, а Дума должна дать только формальную санкцію. Одинаковая нота звучала въ рѣчи другого оратора, который передъ передачей въ коммиссію законопроекта объ обезпеченіи личной неприкосновенности—кстати сказать, болѣе чѣмъ слабаго въ отношеніи технической разработки—заявлялъ, что вопросъ простъ и что коммиссіи никакихъ трудностей не предстоитъ. Онъ не договаривалъ своей мысли до конца, но этотъ конецъ былъ ясенъ: „мы“ вопросъ всесторонне обсудили, и „вамъ“, т.-е. Думѣ, остается только приложить санкціонирующій штемпель.

Кто считаетъ, что у него по вопросу уже рѣшеніе принято, тотъ естественно долженъ смотрѣть на пренія и споры, какъ на ненужную трату времени. Отсюда естественно же вытекало стремленіе „кадетовъ“

подвергать пренія гильотинѣ, и они неоднократно пользовались правомъ вносить предложеніе, за подписью тридцати лицъ, о прекращеніи записи ораторовъ и объ ограниченіи рѣчей пятью минутами. Былъ даже такой случай: ранѣе оглашенія предложенія заявили желаніе говорить семь ораторовъ—и сейчасъ же было подано предсѣдателю заявленіе о прекращеніи записи. Такимъ образомъ, еще не была извѣстна сущность предложенія, еще не были выслушаны представившіе его, а ножъ гильотины уже готовъ былъ опуститься на право свободнаго слова. Подобныхъ пріемовъ борьбы съ „инако мыслящими“ не допускаютъ, насколько мы знаемъ, даже городскія думы, не говоря уже о земскихъ собраніяхъ.

Первый запросъ министерству Думою былъ сдѣланъ по поводу кровавыхъ событій въ Вологдѣ, Калязинѣ и Царицынѣ и обнаруженнаго печатью формальнаго участія чиновъ корпуса жандармовъ и департамента полиціи въ составленіи „черносотенныхъ“ прокламацій и въ организаціи еврейскихъ погромовъ.

Обнаруженіе состояло въ помѣщеніи на страницахъ „Рѣчи“ (№ 63) рапорта завѣдующаго особымъ отдѣломъ департамента полиціи, ст. сов. Макарова, отъ 15 февраля 1906 года, на имя министра внутреннихъ дѣлъ. Рапортъ начинается со ссылки на „доложенныя вашему высокопревосходительству 6-го числа текущаго мѣсяца свѣдѣнія о составленіи, отпечатаніи и распространеніи департаментомъ полиціи воззваній, возбуждающихъ одни классы населенія противъ другихъ“, послѣ чего въ немъ излагаются результаты разслѣдованія, „не организовано ли, дѣйствительно, ожидаемое въ гор. Александровскѣ избіеніе евреевъ должностными лицами и не дѣйствовали ли послѣднія подъ руководствомъ или съ вѣдома чиновъ департамента полиціи“.

„Разсмотрѣвъ,—писалъ г. Макаровъ,—дѣла особаго отдѣла департамента полиціи по екатеринославской губерніи, я обнаружилъ въ нихъ два донесенія департаменту помощника начальника екатеринославскаго губернскаго жандармскаго управленія по александровскому и павлоградскому уѣздамъ, ротмистра Б., отъ 27-го ноября и 5-го декабря 1905 года, за №№ 1054 и 1061, не оставляющія никакого сомнѣнія въ томъ, что избіеніе евреевъ въ г. Александровскѣ подготовляется, что преступная агитація съ этой цѣлью ведется по иниціативѣ ротмистра Б. и что чинами департамента полиціи, которые о семъ были своевременно освѣдомлены, не только не было принято мѣръ къ прекращенію означенной агитаціи, но дѣятельность ротмистра Б. даже поощрялась“. Далѣе приведены подробныя выписки изъ представленныхъ ротмистромъ Б. шести литографированныхъ и двухъ печатныхъ воззваній, дающихъ полный составъ дѣянія, именуе-

маго возбужденіемъ къ насилію однихъ классовъ населенія противъ другихъ, и заключающихъ въ себѣ прямой призывъ „подыматься", „образовывать дружины", „запасаться оружіемъ, косами, вилами" и идти „на защиту царя, родины и вѣры православной" противъ „революціонеровъ; соціалъ-демократовъ и жидовъ".

„Представляя вышеописанныя воззванія,—доносилъ, затѣмъ, ст. сов. Макаровъ, — департаменту полиціи, ротмистръ Б. въ донесеніяхъ своихъ за №№ 1054 и 1061 сообщаетъ, что воззванія эти разбрасываются „Александровскимъ союзомъ 17-го октября" въ г. Александровскѣ и въ сосѣднихъ деревняхъ „въ значительномъ количествѣ", что они „приносятъ существенную пользу въ дѣлѣ борьбы съ революціоннымъ движеніемъ", что весь составъ означеннаго патріотическаго союза ему, ротмистру Б., извѣстенъ и что онъ „употребляетъ все свое вліяніе на выпускъ подобныхъ же воззваній и въ селахъ своего района", что̀, по его мнѣнію, благотворно повліяетъ на крестьянъ и удержитъ ихъ отъ насилій надъ помѣщиками. Подобныя донесенія поступали въ департаментъ полиціи отъ ротмистра Б. и ранѣе, какъ то видно изъ помѣты на его донесеніи за № 1054, сдѣланной прикомандированнымъ къ особому отдѣлу департамента чиновникомъ особыхъ порученій П., но донесеній этихъ я въ дѣлахъ особаго отдѣла не нашелъ, несмотря на то, что чиновникомъ особыхъ порученій П., при представленіи донесенія ротмистра Б. за № 1054 завѣдывавшему политической частью департамента полиціи Рачковскому, а донесенія за № 1061 завѣдывавшему особымъ отдѣломъ департамента полиціи Тимофееву (нынѣ чиновнику для порученій при дворцовомъ комендантѣ) были сдѣланы на донесеніи помѣты: на первомъ—„прилагаемыя воззванія Александровскаго союза 17 октября безусловно заключаютъ въ себѣ натравливаніе противъ евреевъ", а на второмъ—„еще рядъ воззваній, направленныхъ противъ евреевъ", донесенія эти не вызвали по поводу означенныхъ воззваній никакихъ распоряженій ни со стороны д. с. с. Рачковскаго, ни со стороны с. с. Тимофеева, а вмѣстѣ съ тѣмъ ротмистръ Б. былъ представленъ къ награжденію".

Слухи о томъ, что „черносотенная" агитація ведется полиціей, ходили давно. Но мы—теперь въ этомъ приносимъ повинную—относились къ нимъ скептически. Мы допускали со стороны полицейскихъ агентовъ, притомъ преимущественно низшихъ, преступное невмѣшательство—не больше. О томъ же, что агитація, вплоть до подготовки погромовъ, велась подъ руководствомъ центральнаго о̀ргана, вѣдующаго всей полиціей въ имперіи, и что̀ объ этомъ было извѣстно министру внутреннихъ дѣлъ—мы не допускали мысли. Такое издѣвательство надъ закономъ казалось намъ слишкомъ чудовищнымъ, чтобы къ нему могли прибѣгать люди, имѣющіе прошлое, занимающіе выс-

шіе посты въ государственномъ управленіи и не вовсе безумные. Тѣмъ сильнѣе ошеломилъ насъ рапортъ г. Макарова... При принятіи запроса, министра внутреннихъ дѣлъ въ Думѣ не было. Его товарищъ по кабинету, государственный контролеръ, заявилъ, что г. Столыпинъ дастъ отвѣтъ въ установленный закономъ мѣсячный срокъ. Что̀ онъ скажетъ? Положеніе бывшаго министра, г. Дурново, было бы, конечно, во сто кратъ тяжеле, но и на мѣстѣ г. Столыпина, когда ему придется войти на трибуну, едвали кто пожелалъ бы быть. Гг. Рачковскій, Тимофеевъ и ихъ вдохновители продолжаютъ оставаться на своихъ мѣстахъ, а съ ними—и вся система...

Второй запросъ былъ сдѣланъ предсѣдателю совѣта министровъ по поводу утвержденія прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ приговора къ смертной казни, состоявшагося въ Ригѣ надъ восемью лицами. И. Л. Горемыкинъ, черезъ день, письменно извѣстилъ предсѣдателя Думы, что запросъ имъ переданъ, по принадлежности, военному министру. А еще черезъ сутки стало извѣстно изъ газетъ, что приговоръ приведенъ въ исполненіе. Дума отвѣтила принятіемъ предложенія поручить особой коммиссіи составить и представить въ пятидневный срокъ проектъ закона объ отмѣнѣ смертной казни.

Возможности другого достойнаго Думы отвѣта не было, такъ какъ генералъ-губернаторъ, съ формальной точки зрѣнія, ничѣмъ не нарушилъ предѣловъ своей дискреціонной власти, и въ случаѣ повторенія запроса военный министръ могъ бы коротко сослаться на подлежащія статьи военно-судебнаго устава и правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи. Но въ кулуарахъ, передъ началомъ засѣданія 18-го мая, говорили, что нѣкоторые члены Думы имѣютъ въ виду потребовать увольненія прибалтійскаго генералъ-губернатора и смѣны министерства и, впредь до удовлетворенія этихъ требованій, прекратить занятія. По счастью, никто такого неосторожнаго предложенія не сдѣлалъ. Лишь одинъ ораторъ намекнулъ, что если такъ будетъ продолжаться, то членамъ Думы ничего другого не останется, какъ разъѣхаться по домамъ. Хотя намекъ этотъ замѣтнаго сочувствія не встрѣтилъ, и вообще Дума, пока что̀, не склонна на забастовку, мы, все-таки говоримъ: „по счастью“.

При рѣзко поднятомъ настроеніи Думы и въ виду широкой пропаганды крайними лѣвыми партіями идей бойкота и забастовочнаго способа борьбы, еще неизвѣстно, какія послѣдствія могъ бы имѣть талантливо выраженный призывъ бросить вызовъ правительству и сказать рѣшительно: „или мы, или вы“. Между тѣмъ, такой вызовъ былъ бы грубой политической ошибкой. Если правительство намѣренно закрываетъ глаза и не хочетъ видѣть дѣйствительнаго положенія дѣлъ, то Дума ни на минуту не должна забывать, что кризисъ дошелъ до

послѣдней степени развитія. Видимое спокойствіе создало сначала ожиданіе созыва Думы, затѣмъ—ожиданіе результата ея дѣятельности. Эта психологія ожиданія образовала какъ бы корку, но тонкую и далеко не прочную, подъ которой все продолжается и даже усиливается кипѣніе. Малѣйшая неосторожность можетъ разрушить корку и залить кипящей лавой всю страну. Реакціонное министерство тогда, конечно, будетъ сметено въ первую голову, но вмѣстѣ съ нимъ погибнетъ и многое другое, равно дорогое реакціонерамъ и радикаламъ, консерваторамъ и либераламъ...

Съ другой стороны, какой непосредственный, ближайшій результатъ дала бы забастовка Думы? Едвали министерство сразу и добровольно пошло бы на уступки: объективная оцѣнка его отношеній къ народному представительству показываетъ обратное. Министерство, прежде всего, попыталось бы, безъ сомнѣнія, использовать ошибочный шагъ Думы и дискредитировать въ глазахъ населенія ея первый составъ, какъ не обнаружившій ни надлежащаго спокойствія, ни выдержки, ни работоспособности, ни сознанія отвѣтственности, а попутно попыталось бы дискредитировать самую идею конституціонализма. Немедленно послѣдовалъ бы рядъ указовъ въ порядкѣ верховнаго управленія. Руки министерства оказались бы развязанными и до революціоннаго взрыва опять бы началось безудержное торжество реакціи... Нельзя забывать, что какъ бы министерство ни относилось къ Думѣ, сейчасъ распустить ее оно никогда не рискнетъ. За роспускомъ по инціативѣ правительства должны немедленно послѣдовать новые выборы. А что они дадутъ—краснорѣчиво свидѣтельствуютъ происходящіе теперь выборы на окраинахъ. Въ Тифлисѣ въ выборщики прошли 71 соціалъ-демократъ и только 9 кадетовъ. Совсѣмъ другое дѣло, если Дума разойдется сама. Тогда можно съ выборами и повременить...

Декларація министерства, прочитанная И. Л. Горемыкинымъ 13-го мая, разобрана выше, во „Внутреннемъ Обозрѣніи". Здѣсь мы отмѣтимъ только ея общій характеръ и тонъ и отчасти коснемся происходившихъ по поводу ея преній.

Тонъ и характеръ первой деклараціи перваго русскаго конституціоннаго министерства поражаютъ въ чтеніи и поразили Думу своей странностью, чтобы не сказать болѣе. Чувствовалось, что какъ будто не представители исполнительной власти пришли къ избранникамъ народа, призваннымъ участвовать въ осуществленіи высшей власти законодательной, дабы объявить свою программу и испросить ея одобренія, а всемогущіе и всевѣдущіе носители всей полноты государственной власти на мигъ оставили свои министерскія канцеляріи, чтобы

дать урокъ государственной мудрости неразумной толпѣ. Совѣтъ министровъ сперва вѣжливо, но твердо подвергъ уничтожающей критикѣ заявленія и пожеланія Думы, включенныя въ адресъ, затѣмъ изложилъ въ общихъ чертахъ свои предположенія и закончилъ призывомъ Государственной Думы къ спокойной созидательной работѣ, которою она „поможетъ *ему* (т.-е. совѣту министровъ) внести столь необходимое для страны успокоеніе во всѣ слои населенія".

По отношенію къ принудительному отчужденію частновладѣльческой земли, совѣтъ министровъ счелъ своей обязанностью заявить, „что разрѣшеніе земельнаго вопроса на предположенныхъ Государственною Думою основаніяхъ *безусловно недопустимо*". Не мнѣніе свое выразилъ совѣтъ министровъ, не затрудненія выставилъ практическаго приведенія въ исполненіе мысли Государственной Думы, а категорично отрѣзалъ: это безусловно недопустимо. Гдѣ и когда въ парламентской практикѣ Запада были примѣры, чтобы министры на такомъ языкѣ говорили съ народными представителями? Какое надо имѣть слабое представленіе о конституціонномъ строѣ, чтобы имѣть смѣлость, ссылаясь „на лежащую на правительствѣ отвѣтственность за сохраненіе общественнаго порядка передъ монархомъ и *русскимъ народомъ*", призывать уполномоченныхъ этого народа быть *помощниками* правительства?!

Такъ говорить, очевидно, можетъ только властный съ подвластнымъ, разумный съ неразумнымъ, умудренный знаніями и опытомъ съ невѣждой. И министерство до конца выдержало роль учителя. Въ полномъ составѣ оно оставалось въ Думѣ очень недолго послѣ объявленія деклараціи. Послѣ перерыва предсѣдатель совѣта и большая часть министровъ на скамьи не вернулись. Вернулись только двое или трое. И они, однако, задолго до окончанія преній и принятія формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ удалились. Въ залѣ Думы остались, какъ бывало и раньше, пустующія министерскія мѣста. Да и зачѣмъ на нихъ сидѣть тѣмъ, кто считаетъ возможнымъ говорить народнымъ представителямъ: „это безусловно недопустимо", кто требуетъ отъ нихъ помощи себѣ, кто считаетъ себя призваннымъ ихъ „вразумлять" и „учить"!?..

Еслибы министры оставались, то имъ пришлось бы выслушать, правда, нѣсколько рѣчей болѣе страстныхъ, чѣмъ содержательныхъ. Но они услышали бы также изъ устъ М. М. Ковалевскаго слѣдующіе полезные для нихъ уроки. „Какого правительства министры приходятъ напомнить намъ о неприкосновенности собственности и утверждать, что этой неприкосновенности противорѣчитъ выкупъ ея государствомъ? Приходятъ министры того государства, которое въ 1861 году произвело самый грандіозный актъ выкупа земли въ интересахъ обще-

ственной пользы и общественной необходимости. Еслибы мы отвѣчали господамъ министрамъ тѣми же назиданіями, какими они удостоили насъ, то мы сказали бы: какъ вы смѣете выступать противъ воли царя-освободителя, какъ вы смѣете порицать самый великій актъ русской исторіи — освобожденіе крестьянъ съ землею!"... „Я удивляюсь,—говорилъ далѣе ораторъ,—почему господамъ министрамъ нужно было напомнить намъ о томъ, что право помилованія есть прерогатива Государя Императора; никто здѣсь этого не отрицалъ. Я полагаю, что такое напоминаніе въ высшей степени неумѣстно. Неумѣстно на томъ основаніи, что, подчеркивая то, что это есть прерогатива Государя, лица, засѣдающія на этихъ скамьяхъ, открываютъ намъ то, чего они не вправѣ открывать. Они даютъ намъ понять, что если амнистія не даруется, то такова воля Государя Императора. Министерство конституціоннаго монарха, сдѣлавшее подобнаго рода поступокъ, оскорбило монарха, и не мы должны требовать его отставки— верховная власть сама имѣетъ для этого достаточное основаніе"...

Чрезвычайно силенъ былъ въ аргументаціи В. Д. Набоковъ, съ тяжелымъ чувствомъ констатировавшій, что „мы не имѣемъ и зачатковъ конституціоннаго министерства, мы имѣемъ все тѣ же бюрократическіе лозунги и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устраняется всякая надежда наша на то, чтобы это министерство могло вывести страну изъ того положенія, въ которомъ она находится, и могло бы осуществить тѣ задачи, которыя на него возложитъ народное представительство". Онъ закончилъ рѣчь слѣдующими словами: „Мы думаемъ, что выходъ изъ положенія можетъ быть только одинъ: разъ насъ призываютъ къ борьбѣ, разъ намъ говорятъ, что правительство является не исполнителемъ требованій народнаго представительства, а ихъ критикомъ и отрицателемъ, то съ точки зрѣнія принципа народнаго представительства мы можемъ сказать одно:—исполнительная власть да покорится власти законодательной"!!..

Членъ Думы Аникинъ нарисовалъ яркую картину, какъ правительство заботится о крестьянахъ и печется о ихъ интересахъ, какъ оно во имя охраненія права собственности сжигаетъ цѣлыя деревни и разстрѣливаетъ изъ пушекъ дома. А. Р. Ледницкій и М. М. Винаверъ очертили краснорѣчивое умолчаніе деклараціи объ инородцахъ и о необходимости уничтоженія національныхъ и религіозныхъ правоограниченій... Закончилось памятное засѣданіе единодушнымъ вотированіемъ недовѣрія „безотвѣтственному передъ народнымъ представительствомъ министерству".

Съ точки зрѣнія правовѣрной соціалъ-демократіи, весь міръ дѣлится на пролетаріатъ и эксплоататоровъ. Первый составляютъ люди

физическаго труда. Въ категорію вторыхъ входятъ всѣ остальные классы населенія, каковы бы ни были ихъ экономическое положеніе и роль въ существующемъ строѣ капиталистическихъ производственныхъ отношеній.

Такая, болѣе чѣмъ простая, конструкція вполнѣ понятна, какъ протестъ или какъ боевой лозунгъ. Люди физическаго труда занимаютъ въ современномъ обществѣ дѣйствительно исключительно приниженное положеніе, и эта исключительность, объединяя чернорабочаго съ получающимъ сотни рублей въ мѣсяцъ мастеромъ, рѣзко отдѣляетъ ихъ не только отъ владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ или отъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ, но также отъ людей науки, писателей, врачей, адвокатовъ и т. д. Ихъ отдѣляетъ необезпеченность заработка, зависимость, иной уровень образованія, а въ Россіи, сверхъ того, все то сложное и многое, что создаетъ людямъ, не занимающимся физическимъ трудомъ, кличку и положеніе „господъ“. Но какъ основной принципъ строя общественной жизни, подобная конструкція вызываетъ, мало сказать, сомнѣнія—она вызываетъ полное недоумѣніе.

Это недоумѣніе невольно обращается въ громадный вопросительный знакъ всякій разъ, когда приходится сталкиваться съ практическимъ осуществленіемъ, путемъ созданія факта, тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ требованій соціалъ-демократической программы. Идейное значеніе даннаго требованія въ приложеніи къ жизни и обратная сторона его проведенія внѣ связи со всѣми явленіями и условіями, отъ которыхъ оно зависитъ и которыя зависятъ отъ него, — все это или умышленно игнорируется, или просто не принимается въ соображеніе. Требованіе соотвѣтствуетъ интересамъ борьбы рабочаго пролетаріата—и этого довольно. Никакая критика, никакой споръ—не допускаются. Какою цѣною покупается осуществленіе требованія, какія слѣдствія оно ведетъ за собой — все равно. Получается впечатлѣніе какой-то невѣроятной узкости. На мѣсто торжества капитала ставится такое же гнетущее подавляющее торжество физическаго труда... У Льва Толстого есть сказка, въ которой проводится мысль, что царства небеснаго достоинъ только тотъ, у кого ладони рукъ покрыты мозолями. Неужели возможно мозоли на рукахъ понимать не какъ символъ труда вообще, въ противоположность праздности, а въ буквальномъ смыслѣ реальнаго показателя занятія физическимъ трудомъ? Что сталось бы съ человѣчествомъ, еслибы исчезъ трудъ умственный или еслибы онъ былъ низведенъ на степень лишь допустимой забавы? Жизнь, ея условія и запросы, неизмѣримо сложнѣе, чѣмъ это кажется прямолинейнымъ отрицателямъ всего во имя поднятія положенія рабочаго класса...

Давно уже ведется агитація въ пользу воскреснаго отдыха приказчиковъ, сидѣльцевъ, ремесленниковъ и другихъ группъ рабочихъ, и едвали можно найти принципіальныхъ противниковъ разрѣшенія вопроса въ смыслѣ предоставленія права каждому трудящемуся отдыхать одинъ день въ недѣлю. Но едвали можно найти оправданіе тѣмъ, кто, добиваясь отдыха, не останавливаются ни передъ какими неоспоримыми доводами разсудка. Провести всеобщій отдыхъ въ воскресенье во всѣхъ областяхъ приложенія труда такъ же невозможно, какъ невозможно остановить на воскресенье движеніе земли, теченіе рѣкъ — словомъ, все, что живетъ. Если такъ, то почему въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ абсолютное прекращеніе работъ въ воскресные дни возможно, но вызываетъ серьезныя неудобства, не допустить отдыха частичнаго и условнаго? Почему не замѣнить для части работающихъ и по очереди воскресный отдыхъ отдыхомъ въ другой любой день недѣли? Вѣдь нельзя же серьезно разсуждать такъ, какъ разсуждала одна газета, поддерживавшая требованія наборщиковъ, чтобы никакія повременныя изданія не выходили въ свѣтъ по понедѣльникамъ. Нельзя говорить и вѣрить своимъ словамъ, что если не всѣ наборщики поголовно будутъ свободны отъ работы по воскресеньямъ, то современному движенію наступитъ конецъ и реакція восторжествуетъ, ибо движеніе лишится „передовыхъ борцовъ". Вѣдь, несомнѣнно, гораздо большую опасность для движенія представляетъ то, что каждый седьмой день въ недѣлю настроеніе населенія лишается поддержки въ извѣстномъ направленіи и знакомится съ фактами и событіями въ освѣщеніи оффиціозной прессы.

Всѣ эти мысли снова пришли намъ въ голову по поводу бойкота, объявленнаго союзомъ рабочихъ печатнаго дѣла газетѣ „Двадцатый Вѣкъ". Бойкотъ объявленъ за „противодѣйствіе рѣшенію рабочихъ печатнаго дѣла провести съ 16-го апрѣля 1906 года воскресный отдыхъ въ газетѣ". Вчитайтесь въ эту фразу. Союзъ рабочихъ печатнаго дѣла *рѣшилъ* провести воскресный отдыхъ *въ газетѣ*. А спросилъ ли о томъ союзъ другихъ людей труда, вкладывающихъ въ газету трудъ умственный, идейный?—Такъ и слышится отвѣтъ, стереотипно повторявшійся на подобный вопросъ въ октябрѣ и ноябрѣ: „это насъ не касается". Да развѣ такое рѣшеніе не насиліе? Развѣ оно не раскрываетъ того же гнета надъ свободой и правомъ, противъ котораго возстала вся Россія, только съ другого конца?.. И неисполненіе этого „рѣшенія" именуется „противодѣйствіемъ", которое выразилось въ томъ, что администрація выкинула всѣхъ своихъ рабочихъ на улицу! Что же—идейные руководители газетъ должны только молча и безпрекословно повиноваться тѣмъ, кто механически воспроизводятъ ихъ мысли!?..

Въ концѣ апрѣля, въ Петербургѣ, скончался И. С. Соколовъ, сынъ крестьянина новгородской губерніи, череповецкаго уѣзда; выступивъ въ жизнь съ небольшимъ запасомъ образованія, пріобрѣтеннаго сначала въ земской начальной школѣ, а потомъ довершеннаго въ череповецкой учительской семинаріи, И. Соколовъ, испытавъ невзгоду на первыхъ же шагахъ педагогическаго поприща, въ званіи народнаго учителя, вскорѣ сдѣлался, упорнымъ трудомъ надъ самимъ собою, весьма замѣтнымъ дѣятелемъ въ уѣздномъ земствѣ: онъ былъ избранъ на родинѣ уѣзднымъ гласнымъ отъ крестьянъ, а затѣмъ оставался губернскимъ гласнымъ въ теченіе двухъ трехлѣтій; въ послѣднюю сессію своей бытности гласнымъ, въ 1895 году, онъ сдѣлалъ предложеніе—ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, но предсѣдатель собранія не допустилъ обсужденіе такого предложенія, какъ выходящаго изъ предѣловъ компетенціи земства. И. Соколовъ былъ избранъ послѣ въ члены уѣздной управы и мѣстнаго городского училищнаго совѣта, но не былъ утвержденъ губернаторомъ: по выходѣ изъ учительской семинаріи, онъ состоялъ одно время, какъ мы замѣтили выше, народнымъ учителемъ, но, въ виду его „неблагонадежности“, былъ уволенъ, и вотъ это обстоятельство, вѣроятно, было одной изъ причинъ неутвержденія его выборовъ губернаторомъ. Неудачи и на поприщѣ общественной дѣятельности, а также и природная склонность—побудили его отдаться всецѣло литературѣ и публицистикѣ. И. Соколовъ, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, много поработалъ въ различныхъ газетахъ и журналахъ; между прочимъ, онъ помѣстилъ и у насъ, лѣтъ десять тому назадъ, обширный трудъ подъ заглавіемъ: „Дòма, очерки современной деревни“ (1896 г., іюль, августъ и сентябрь), которую онъ такъ хорошо зналъ и любилъ, будучи сыномъ деревни, почтившей его, какъ мы видѣли, избраніемъ въ ея представители,—и этотъ его этюдъ, сколько мы помнимъ, обратилъ на себя въ свое время вниманіе читающей публики, открывъ предъ нею тяжелый внутренній бытъ деревни и условія этого быта.

Болѣе подробное жизнеописаніе такихъ личностей, какою былъ покойный, скончавшійся отъ разрыва немало пострадавшаго въ жизни сердца,—могло бы быть не только интересно, но и назидательно: невольно пришло бы каждому на мысль, сколько наша страна выдѣляла бы изъ народной среды Соколовыхъ, еслибы въ Россіи, какъ, напримѣръ, въ Германіи, каждый могъ получить не одно „начальное“ образованіе, но и „окончательное“, полное народное образованіе—шестилѣтнее, вмѣсто настоящаго—трехлѣтняго; еслибы правительство сдѣлало сначала для себя обязательнымъ повсемѣстное открытіе народныхъ школъ и затѣмъ объявило бы для населенія обязательнымъ обученіе въ нихъ?!

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Отъ Комитета Литературнаго Фонда.

Переживаемыя страной за послѣднее время тяжелыя событія отразились очень сильно и на дѣятельности Литературнаго Фонда: сперва война, а потомъ глубокія потрясенія нашей внутренней жизни неблагопріятно повліяли на притокъ пожертвованій и другія случайныя поступленія въ Фондъ; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились затрудненія по устройству предпріятій Фонда—лекцій, литературныхъ вечеровъ, спектаклей и т. д., дававшихъ всегда довольно значительный доходъ.

Тѣ же обстоятельства, которыя вызвали весьма значительное уменьшеніе поступленій въ Фондъ, настойчиво требовали увеличенія выдачъ изъ него. Война заставила журналы и почти всѣ газеты сократить многіе отдѣлы литературнаго и научнаго характера и тѣмъ повлекла пониженіе и даже прекращеніе заработка очень многихъ литераторовъ; война тоже сильно уменьшила сбытъ произведеній печати. Далѣе, множество литературныхъ дѣятелей приняло участіе въ движеніи, такъ глубоко охватившемъ всю Россію, и тяжкія репрессіи, которымъ подверглись эти лица, еще болѣе расширили кругъ писателей, нуждавшихся въ помощи Фонда. Такое стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ повлекло за собою уже въ 1905 году крупное превышеніе расходовъ надъ доходами, и Литературный Фондъ имѣлъ на 1 января сего года *по расходному капиталу—изъ котораго, по Уставу, только и можетъ быть производима большая часть выдачъ Фонда*—дефицитъ въ 7.800 руб. Въ текущемъ году не только не оказалось возможнымъ покрыть этотъ дефицитъ, но напротивъ, даже самое умѣренное удовлетвореніе потребностей обращавшихся въ Фондъ за пособіемъ просителей вновь повлекло за собой превышеніе расходовъ надъ поступленіями. Еслибы Фондъ прекратилъ совершенно выдачу одновременныхъ пособій, производя, однако, полностью уплату назначенныхъ пенсій и продолжительныхъ пособій, то дефицитъ составитъ уже теперь около 2.000 руб.

Такое положеніе дѣла побудило Комитетъ Фонда принять экстренныя мѣры къ уменьшенію наростанія дефицита и съ этой цѣлью прежде всего сократить, до улучшенія финансоваго положенія Фонда, выдачи, ограничивъ ихъ только безусловно крайними случаями острой нужды; считая долгомъ поставить общество въ извѣстность относительно всего вышеизложеннаго, Комитетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обращается къ лицамъ, сочувствующимъ задачамъ Литературнаго Фонда, съ усердной просьбой приходить ему на помощь посильными пожертвованіями, устройствомъ предпріятій, могущихъ увеличивать расходный капиталъ (каковы спектакли, литературные вечера, публичныя лекціи), привлеченіемъ новыхъ членовъ общества и т. п. мѣрами. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что членами Литературнаго Фонда могутъ быть не только литераторы и

ученые, но и лица всѣхъ сословій, сочувствующія литературѣ и просвѣщенію; заявленія о желаніи вступить въ члены дѣлаются или Комитету (Фонтанка, 25), или одному изъ членовъ Фонда, который передаетъ это заявленіе Комитету; избраніе производится посредствомъ баллотировки въ одномъ изъ общихъ собраній, при чемъ лица женскаго пола принимаются безъ такой баллотировки, по одобренію Комитета. Размѣръ членскаго взноса—начиная отъ 10 р. въ годъ.

Предсѣдатель Комитета *П. Вейнбергъ.*

II. — Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.

Воззваніе Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая.

Къ пережитымъ нашею родиною бѣдствіямъ присоединилось новое: *неурожай,* отъ котораго пострадало слишкомъ 138 уѣздовъ въ 23 губерніяхъ съ населеніемъ около 25 милліоновъ, на пространствѣ въ 600 тысячъ квадратныхъ верстъ. Отъ лѣтней жары высохли хлѣба и травы въ центральной черноземной полосѣ, отъ чрезмѣрныхъ дождей вымокли поля во многихъ мѣстностяхъ сѣвера. Недоборъ въ 12 наиболѣе пострадавшихъ губерніяхъ превышаетъ полъ-милліарда пудовъ хлѣба. Населеніе этого района не можетъ покрыть свою нужду даже при содѣйствіи земства и правительства.

Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ населеніе дошло уже до такой грани, гдѣ кончается голодная жизнь и начинается голодная смерть. *Нѣтъ пищи, нѣтъ корма для скота, нѣтъ соломы на топливо.* Ожидаются цынга, голодный тифъ, холера, надвигается грозный призракъ чумы.

Вспомнимъ 1892 годъ, въ теченіе котораго отъ болѣзней, спутниковъ голода 1891 года, только въ губерніяхъ Европейской Россіи смертность противъ трехлѣтней средней увеличилась на 600.000 человѣкъ. *Нужна неотложная общественная помощь.* Только при сочувствіи общества народной нуждѣ могутъ быть собраны средства, необходимыя для изголодавшагося населенія.

Уже возникло съ этою цѣлью нѣсколько общественныхъ организацій. Но бѣдствіе такъ велико, что необходимо создавать новые и новые кружки, собирать новыя силы и средства.

Русское Общество охраненія народнаго здравія сочло своимъ долгомъ помочь голодающимъ и объединило для этой цѣли многія С.-Петербургскія Общества.

Въ твердой надеждѣ на общее сочувствіе *Соединенная Организація С.-Петербургскихъ Обществъ* обращается ко всѣмъ, въ комъ живо, въ комъ теплится чувство любви къ страждущему ближнему, *съ просьбою оказать посильную помощь*—и малая лепта отъ многихъ доброжелателей можетъ спасти голодающихъ.

Всѣ накладные расходы будутъ выполнены на средства Русскаго Общества охраненія народнаго здравія, а потому *каждая пожертво-*

ванная копѣйка найдетъ себѣ производительное употребленіе исключительно на нужды голодающихъ отъ неурожая. Спѣшите помогать, ибо опасность—въ промедленіи.

Списки пожертвованій и отчеты будутъ публиковаться въ газетахъ и журналѣ Общества охраненія народнаго здравія; дѣятельность организаціи будетъ доступна самой широкой гласности и общественному контролю.

Для завѣдыванія всѣми дѣлами Соединенная Организація избрала *Исполнительный Комитетъ*: предсѣдатель прив.-доц. В. О. Губертъ, секретари: гражд. инж. С. В. Покровскій и д-ръ мед. Г. И. Дембо, казначей д-ръ Б. И. Хабловскій; члены—д-ръ мед. А. А. Владиміровъ, женщ.-врачъ З. Я. Ельцина, гражд. инж. В. В. Старостинъ и Вас. Ив. Покровскій.

Пожертвованія въ фондъ Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая принимаются:

а) въ Обществѣ охраненія народнаго здравія (Мойка, 85, у Синяго моста);

б) во всѣхъ соединенныхъ съ нимъ Обществахъ, а именно: 1) въ „Обществѣ архитекторовъ“ (Мойка, 83); 2) въ „Обществѣ архитекторовъ-художниковъ“ (Императорская Академія Художествъ); 3) въ „Обществѣ борьбы съ заразными болѣзнями“ (Театральная ул., 3); 4) въ „Россійскомъ Ветеринарномъ Обществѣ“ (Театральная ул., 1—3); 5) въ „С.-Петер. Врачебномъ Обществѣ взаимной помощи“ (9 Рожд., № 18); 6) въ „Географическомъ Обществѣ“ (Чернышевская площ., 2); 7) въ „Обществѣ гражданскихъ инженеровъ“ (Серпуховская ул., 10); 8) въ „Обществѣ инженеръ-электротехниковъ“ (Песочная ул., 5); 9) въ „Медицинскомъ Обществѣ“ (Инженерная ул., 9); 10) въ „Обществѣ морскихъ врачей“ (зданіе Адмиралтейства); 11) въ „Обществѣ нѣмецкихъ врачей“ (Моховая, 38); 12) въ „Политехническомъ Обществѣ“ (Мойка, 83); 13) въ „Обществѣ русскихъ врачей“ (Б. Сампсоніевскій пр., 2); 14) въ „Собраніи экономистовъ“ (Адмиралтейская наб., 4); 15) въ „Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговли“ (Мойка, 83); 16) въ „Обществѣ С.-Петербургскихъ врачей“ (Б. Конюшенная, 10); 17) въ „Обществѣ технологовъ“ (Англійскій пр., 45),

---

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ТРЕТЬЯГО ТОМА

Май—Іюнь, 1906.

Книга пятая. — Май. стр.

Книга шестая. — Іюнь.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Пиениновъ, Ѳ. П. (проф. университета). Крестьянскій правопорядокъ и его желательное будущее. Харьковъ. 1906 г. Ц. 1 р. 85 к.

Какъ нельзя болѣе кстати, конечно, появляется въ свѣтъ настоящее изслѣдованіе предмета, занимающаго теперь всѣхъ и каждаго. Авторъ, въ введеніи, охарактеризовавъ положеніе нашего крестьянства до освобожденія и самое его освобожденіе, заключилъ введеніе краткимъ историческимъ очеркомъ крестьянскаго правопорядка вплоть до нашего времени, а именно до 17-го октября истекшаго года. Все дальнѣйшее изслѣдованіе посвящено всецѣло вопросу: „Что необходимо сдѣлать для улучшенія крестьянскаго быта"? Во главѣ всѣхъ предложеній автора, дѣлаемыхъ имъ съ цѣлью безошибочнаго рѣшенія поставленнаго имъ же вопроса, онъ ставитъ уравненіе правъ крестьянъ съ другими гражданами Россіи, полную отмѣну обособленности ихъ и уничтоженіе административной надъ ними опеки. Авторъ требуетъ для крестьянъ свободы передвиженія и землепользованія; относительно нашей общины, политика правительства, по мнѣнію автора, должна состоять только въ томъ, чтобы, съ одной стороны, не разрушать общину насильственно, а съ другой—также и не задерживать искусственными мѣрами ея распаденіе. Книга заканчивается подробною программою законодательныхъ реформъ крестьянскаго дѣла, которыя, какъ справедливо говоритъ авторъ въ своемъ заключеніи, останутся всѣ тщетными и безуспѣшными, если само населеніе окажется не въ состояніи понимать смысла различныхъ новшествъ въ его хозяйствѣ, а для того необходимо поставить во главѣ угла не простую, азбучную грамотность, а полное народное образованіе, требующее для себя не менѣе шести лѣтъ школы; съ другой же стороны, необходимо, чтобы въ будущемъ правительство изъ двухъ съ половиною милліардовъ бюджета не ограничивалось на народное образованіе *„всего лишь 1.974.719 рублей въ годъ"*, при расходѣ на тотъ же предметъ со стороны земства—въ 6.205.007 рублей.

Паткановъ, С.—Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири. Ч. 1: Тунгусы собственно. Вып. 1 и 2. Спб. 906.

Самый важный пробѣлъ въ изученіи населенія Сибири составлялъ вопросъ о численности отдѣльныхъ населяющихъ ее племенъ, о распространеніи между ними ихъ родного языка, религіи, сословій и т. д. Восполненіе такого пробѣла сдѣлалось возможнымъ впервые только съ появленіемъ въ свѣтъ той части результатовъ первой всеобщей переписи населенія 1897 года, которая посвящена Сибири. Авторъ настоящаго труда, принимая участіе въ разработкѣ данныхъ той всеобщей переписи, не ограничился тѣмъ, что было издано, но и воспользовался тою частью переписного матеріала, которая не вошла въ общее изданіе результатовъ переписи. Не ожидая конца предпринятыхъ имъ обширныхъ работъ, которыя должны составить шесть томовъ, онъ, въ видѣ опыта, выпустилъ нынѣ въ свѣтъ настоящую монографію по географіи и статистикѣ населенія одного тунгусскаго племени, состоящаго изъ 11 родственныхъ по языку народностей Восточной Сибири, числомъ до 76 тысячъ; изъ нихъ свыше 60 тысячъ—тунгусовъ собственно. Указавъ подробно численность такихъ тунгусовъ по мѣсту ихъ жительства въ Приморской области, на Сахалинѣ, въ Амурской области и Якутской, въ Иркутской губерніи и въ Забайкальской области, авторъ изслѣдовалъ ихъ языкъ, сословія, религіозный составъ и занятія,—и такимъ образомъ внесъ свѣтъ въ темную и трудно доступную область географіи и статистики инородческаго населенія Сибири.

Сочиненія А. П. Щапова. Томъ второй. Спб. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Вышедшій нынѣ второй томъ содержитъ въ себѣ собраніе статей, помѣщенныхъ Щаповымъ (р. 1830, ум. 1876 г.) въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, преимущественно въ журналѣ „Русское Слово", а также и въ „Дѣлѣ". Только одна статья могла явиться уже послѣ его смерти: это—его воспоминаніе о женѣ Ольгѣ Ивановнѣ; оно было написано Щаповымъ вскорѣ послѣ ея смерти (1874 г.); онъ завѣщалъ „непремѣнно напечатать его, какъ только будетъ возможно". О. И. была, дѣйствительно, замѣчательною женщиной, и воспоминанія о ней мужа, съ которымъ она раздѣляла всѣ превратности его судьбы, являются въ высшей степени интересными, такъ что о ней, по всей справедливости, можно сказать, что она принадлежала къ числу особо выдающихся личностей, опередившихъ свое время. За этими воспоминаніями слѣдуютъ кстати три статьи Щапова, посвященныя женскому вопросу въ Россіи, и нѣсколько этюдовъ, имѣющихъ предметомъ судьбу русскаго народонаселенія. Особенно интересны и въ настоящее время двѣ статьи, которыми заканчивается этотъ томъ: „Общій взглядъ на исторію интеллектуальнаго развитія въ Россіи, и „Историческія условія этого развитія".

Кайгородовъ, Д.—Пернатые хищники. Популярные очерки изъ міра русскихъ хищныхъ птицъ. Съ 12-ью красочными и многочисленными рисунк. въ текстѣ. Спб. 1906. Ц. 3 р.

Извѣстный знатокъ и неутомимый наблюдатель нашей природы и ея разнообразныхъ явленій, Д. Н. Кайгородовъ возымѣлъ счастливую мысль собрать вмѣстѣ и издать многочисленные очерки, помѣщенные имъ въ одномъ изъ дѣтскихъ журналовъ, дополнивъ ихъ нѣсколькими новыми, а главное—снабдить это собраніе заботливо исполненными заграницей красочными картинками съ весьма отчетливымъ изображеніемъ хищныхъ, встрѣчающихся въ Россіи, птицъ. Авторъ имѣлъ въ виду угодить своимъ изданіемъ, прежде всего, охотникамъ, большинство которыхъ по его предположенію, не довольно удовлетворительно разбирается среди нашихъ пернатыхъ хищниковъ, особенно по вопросу о степени вреда, приносимаго тою или другою породою хищныхъ птицъ. Но и помимо охотниковъ, эта книга весьма полезна для библіотекъ тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ преподаются естественныя науки. По цѣнѣ она не можетъ быть названа общедоступною, но и изданіе подобныхъ иллюстрированныхъ книгъ обходится не дешево.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1906 г.
(Сорокъ-первый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и въ іюлѣ, и на четверти года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магазинѣ „Образованіе", Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ" Н. П. Карбасникова.

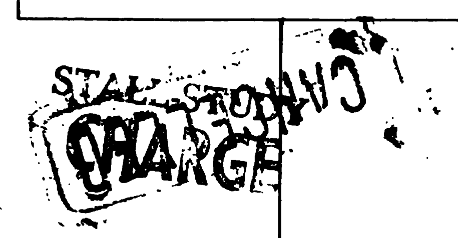
Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ *обозначеніемъ губерніи*, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ *ближайшаго* къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., а иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.


CHARGE